СПЕЦСЛУЖБЫ РОССИИ

за 1000 лет

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Любое государство только тогда может называться государством, когда оно способно обеспечить безопасность – свою и своих граждан – доступными ему методами. Книга, ставшая результатом продолжительного изучения редких архивных материалов, подробно рассказывает об истоках, формировании и развитии отечественных силовых, разведывательных и контртеррористических подразделений, о методах работы и практическом опыте спецслужб на различных этапах истории российского государства.

- Линдер Иосиф Борисович, Чуркин Сергей Александрович
  -
  - Театр абсурда, или Последний визит заокеанского дядюшки
  - Из глубины веков (вместо предисловия)
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Хронологическая таблица[1104]
    - Россия
    - Германия
  - Литература
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91

- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135

- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179

- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223

- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267

- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311

- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355

- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399

- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443

- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487

- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531

- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575

- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619

- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663

- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707

- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751

- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795

- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839

- ○ 840
- ○ 841
- ○ 842
- ○ 843
- ○ 844
- ○ 845
- ○ 846
- ○ 847
- ○ 848
- ○ 849
- ○ 850
- ○ 851
- ○ 852
- ○ 853
- ○ 854
- ○ 855
- ○ 856
- ○ 857
- ○ 858
- ○ 859
- ○ 860
- ○ 861
- ○ 862
- ○ 863
- ○ 864
- ○ 865
- ○ 866
- ○ 867
- ○ 868
- ○ 869
- ○ 870
- ○ 871
- ○ 872
- ○ 873
- ○ 874
- ○ 875
- ○ 876
- ○ 877
- ○ 878
- ○ 879
- ○ 880
- ○ 881
- ○ 882
- ○ 883

- ○ 884
- ○ 885
- ○ 886
- ○ 887
- ○ 888
- ○ 889
- ○ 890
- ○ 891
- ○ 892
- ○ 893
- ○ 894
- ○ 895
- ○ 896
- ○ 897
- ○ 898
- ○ 899
- ○ 900
- ○ 901
- ○ 902
- ○ 903
- ○ 904
- ○ 905
- ○ 906
- ○ 907
- ○ 908
- ○ 909
- ○ 910
- ○ 911
- ○ 912
- ○ 913
- ○ 914
- ○ 915
- ○ 916
- ○ 917
- ○ 918
- ○ 919
- ○ 920
- ○ 921
- ○ 922
- ○ 923
- ○ 924
- ○ 925
- ○ 926
- ○ 927

- ○ 928
- ○ 929
- ○ 930
- ○ 931
- ○ 932
- ○ 933
- ○ 934
- ○ 935
- ○ 936
- ○ 937
- ○ 938
- ○ 939
- ○ 940
- ○ 941
- ○ 942
- ○ 943
- ○ 944
- ○ 945
- ○ 946
- ○ 947
- ○ 948
- ○ 949
- ○ 950
- ○ 951
- ○ 952
- ○ 953
- ○ 954
- ○ 955
- ○ 956
- ○ 957
- ○ 958
- ○ 959
- ○ 960
- ○ 961
- ○ 962
- ○ 963
- ○ 964
- ○ 965
- ○ 966
- ○ 967
- ○ 968
- ○ 969
- ○ 970
- ○ 971

- ○ 972
- ○ 973
- ○ 974
- ○ 975
- ○ 976
- ○ 977
- ○ 978
- ○ 979
- ○ 980
- ○ 981
- ○ 982
- ○ 983
- ○ 984
- ○ 985
- ○ 986
- ○ 987
- ○ 988
- ○ 989
- ○ 990
- ○ 991
- ○ 992
- ○ 993
- ○ 994
- ○ 995
- ○ 996
- ○ 997
- ○ 998
- ○ 999
- ○ 1000
- ○ 1001
- ○ 1002
- ○ 1003
- ○ 1004
- ○ 1005
- ○ 1006
- ○ 1007
- ○ 1008
- ○ 1009
- ○ 1010
- ○ 1011
- ○ 1012
- ○ 1013
- ○ 1014
- ○ 1015

- ○ 1016
- ○ 1017
- ○ 1018
- ○ 1019
- ○ 1020
- ○ 1021
- ○ 1022
- ○ 1023
- ○ 1024
- ○ 1025
- ○ 1026
- ○ 1027
- ○ 1028
- ○ 1029
- ○ 1030
- ○ 1031
- ○ 1032
- ○ 1033
- ○ 1034
- ○ 1035
- ○ 1036
- ○ 1037
- ○ 1038
- ○ 1039
- ○ 1040
- ○ 1041
- ○ 1042
- ○ 1043
- ○ 1044
- ○ 1045
- ○ 1046
- ○ 1047
- ○ 1048
- ○ 1049
- ○ 1050
- ○ 1051
- ○ 1052
- ○ 1053
- ○ 1054
- ○ 1055
- ○ 1056
- ○ 1057
- ○ 1058
- ○ 1059

- ○ 1060
- ○ 1061
- ○ 1062
- ○ 1063
- ○ 1064
- ○ 1065
- ○ 1066
- ○ 1067
- ○ 1068
- ○ 1069
- ○ 1070
- ○ 1071
- ○ 1072
- ○ 1073
- ○ 1074
- ○ 1075
- ○ 1076
- ○ 1077
- ○ 1078
- ○ 1079
- ○ 1080
- ○ 1081
- ○ 1082
- ○ 1083
- ○ 1084
- ○ 1085
- ○ 1086
- ○ 1087
- ○ 1088
- ○ 1089
- ○ 1090
- ○ 1091
- ○ 1092
- ○ 1093
- ○ 1094
- ○ 1095
- ○ 1096
- ○ 1097
- ○ 1098
- ○ 1099
- ○ 1100
- ○ 1101
- ○ 1102
- ○ 1103

○ 1104

Линдер Иосиф Борисович, Чуркин Сергей Александрович Спецслужбы России за 1000 лет

Любое государство только тогда может называться государством, когда оно в состоянии обеспечить безопасность – свою и своих граждан – доступными ему методами. Универсальным средством обеспечения безопасности, которое использовалось во все эпохи, на всех континентах, в условиях войны и мирного времени, являются спецслужбы. Несмотря на различия, спецслужбам присущи общие черты, и в первую очередь конспиративность, использование нетрадиционных, зачастую экстраконституционных методов работы агентуры и применение специальных технических средств. Значимость и эффективность работы специальных служб варьируется в зависимости от исторических условий и задач, которые ставятся перед ними политическим руководством.

В начале XXI в. приоритетной задачей становится противодействие терроризму. Опыт, приобретенный специальными службами за прошедшие века, позволит российским борцам с терроризмом, контрразведчикам и разведчикам глубже осмыслить значение своей работы в интересах Отечества.

В книге изложена история формирования и развития специальных служб и специальных подразделений России на протяжении тысячи лет, начиная с Рюрика. В ней доказывается отрицательное влияние периодов смуты, ослабления государства и его институтов, многократных, зачастую «хирургических» реорганизаций специальных и правоохранительных органов.

Особое место в книге занимает вопрос обеспечения безопасности государства и его руководителей. Авторы прослеживают изменение ставившихся на разных этапах целей, задач и методов работы специальных служб; они показывают как достижения, так и поиск решения возникавших в процессе исторического развития проблем.

Анализ исторического материала позволяет сделать вывод: профессиональная культура закладывается годами, а шлифуется десятилетиями, чтобы стать настоящей школой; без нее немыслимо эффективное функционирование сложных силовых механизмов.

Важную смысловую нагрузку несут приводимые в книге

тексты документов, некоторые из них ранее не публиковались, а также иллюстративный ряд, позволяющий зримо представить описываемые события.

Леонид Владимирович Шебаршин,

генерал-лейтенант, заместитель председателя – начальник Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка)

Театр абсурда, или Последний визит заокеанского дядюшки

Июнь 2000 г. выдался в Берлине жарким. Но если стрелка термометра показывала больше тридцати, то политическая температура в первые летние дни превысила все мыслимые и немыслимые отметки. Город находился в блокаде, но не только в блокаде. Вновь, как и летом 1945 г., он был разделен на секторы.

Мир прощался с Биллом Клинтоном как с политиком. Его заключительное турне по странам Европы в Германии приобрело особые, порой подчеркнуто вычурные формы. В столицу, ставшую таковой после объединения, собрались руководители федерального правительства и федеральных земель, приехали главы государств и правительств тех стран, которые команда американского президента не включила в число приглашенных в рамках данной программы. На несколько дней Берлин был отдан на откуп исполнителям замыслов заокеанских вояжеров. Можно предположить, что аналитические и оперативные службы США чего-то опасались. В любом случае, общим для всех проводимых мероприятий был лозунг: «Это должно запомниться надолго!» При отсутствии каких-либо возражений принимающей стороны американцы в целом справились со своей задачей. Полиция и силы безопасности бундесвера блокировали пару десятков отелей, где разместились высокие гости, отсекли центральные магистрали, подходы к которым ощетинились рядами турникетов и заграждений из корпусов военных и полицейских машин.

Принцип тотальности был доведен до парадоксального и мало понятного европейскому сознанию абсурда. Ограничивая движение автотранспорта (и тем самым увеличивая и без того повышенную нервозность на магистралях более чем 3-миллионного города), организаторы совершенно не контролировали потоки велосипедистов и пешеходов. Измученные жарой и многочасовым бездельем полицейские и сотрудники служб безопасности то густой вереницей выстраивались вдоль турникетов, то, костеря начальство, внезапно оголяли позиции и толпой отправлялись в автобусы подкрепиться и передохнуть.

Многочисленные зеваки концентрировались у наиболее важных объектов в ожидании знаменитостей. Примерно за 10–15 минут до их очередного официального появления, официального или не очень, в толпе резко возрастало число людей в униформе и «клонированных» штатских – глаз подмечал однотипные

костюмы, стандартные ботинки на толстой кожаной подошве и непременный миниатюрный наушник в одном ухе. «Клоны» деловито вращали головами со стрижкой под полубокс, тем самым еще более привлекая внимание к дверям отеля.

Любое передвижение регламентировалось строгими жестами охраны, более направленными на внешний эффект, словно это был не выход охраняемого лица, а некое помпезное дефиле на международном празднике моды или на всемирном кинофестивале. «Надувая щеки», американцы суетились – немцы же с поистине бюргерским спокойствием ждали скорейшего окончания каждой мизансцены. Затем заокеанские парни и девчонки мчались к ближайшему «Макдоналдсу», а местные кучковались у служебного транспорта, рассуждая, сколько еще таких «выпендрежей» предстоит пережить за оставшееся до конца смены время.

В какой-то момент Главная дирекция полиции во всеуслышание объявила, что сил и средств на обеспечение безопасности в городе не осталось: все брошено на организованное заокеанскими гостями шоу. Берлинцы лишь пожали плечами: ничего иного они и не ожидали от «наших друзей», как чуть насмешливо называют полицейских в Германии. Служба охраны высших должностных лиц Министерства обороны – все в штатных ремнях, беретах и кобурах под парабеллумы – покуривала и почти по-русски сплевывала на асфальт, поглядывая на полуобнаженных дамочек, проплывавших в жарком мареве мимо.

Почти так же воинственно молодцы службы охраны МО и аналогичной службы охраны высших должностных лиц при ведомстве федерального канцлера красовались год назад, когда в июле 1999 г. Министерство обороны переезжало в здание, принадлежавшее ему до начала Второй мировой войны. Несколько пацифистских организаций в 200–300 метрах от места проведения официальной церемонии проводили демонстрацию протеста. Пацифистов тогда «зарежимили» тройным кольцом, обеспечивая «стерильность» зоны, в которой присутствовали высшие руководители страны и иностранные гости.

В самый разгар церемонии – во время торжественного вручения знамен и исполнения национального гимна – одна из групп прорвала все кольца оцепления с такой легкостью, с какой нож входит в подтаявшее масло. Полуголые женщины и мужчины, размахивая зонтиками, на которых были написаны антивоенные лозунги, кружились у изваяний в военной форме, выкрикивая свои «кричалки, вопилки, шумелки», ловко уворачиваясь от агентов-охранников и унтеров-армейцев. Эти взрослые «салочки»

продолжались довольно долго в непосредственной близости от литерной трибуны. По окончании спектакля сам бундесканцлер изящно подобрал оброненный антимилитаристский зонтик и передал его своим нерасторопным охранникам. Ужасающий уровень непрофессиональной тотальности был налицо…

Но неужели хваленые немецкие педантизм и профессионализм уже канули в Лету? Конечно же нет. Оперативное обеспечение у немецких спецслужб всегда отличалось спокойным и некичливым достоинством. В коминтерновские времена, когда после памятного Версаля[1] наша страна помогала извечному другу – врагу строить свои военные институты, обе стороны не обошли вниманием и столь деликатную тему, как оперативное искусство. А затем собственный и приобретенный опыт был прекрасно воплощен в так называемой геленовской системе. Идеи и замыслы генерала Р. Гелена[2], безусловно, нашли реализацию в структуре немецкого государства. Вот уже более 55 лет разработанная им система приносит великолепные плоды, которые немцы (в отличие от американцев или израильтян) не рекламируют: система того не требует, а имидж оперативных служб Германии не нуждается в раскручивании.

Совсем иначе обстоит дело в области обеспечения оперативных мероприятий. Густо замешанная на бюргерстве, а затем разбавленная полувековой послевоенной демилитаризацией и демократией, эта сторона боевой подготовки стала едва ли не опереточной. В отличие от многих своих соседей немцы счастливо избежали громких политических убийств или покушений. А после окончания необъявленной войны с террористами из Rote Armee Fraction[3] боевой дух вообще улетучился. Для миротворческого контингента, отправляемого в Югославию, проводились специальные психологические занятия и тренинги по разъяснению понятия смерти на войне. Может ведь и такое быть в современной армии!

Боевые подразделения способны так реализовать информацию оперативных служб, что и представить страшно. Парадокс! Страна, славившаяся военными традициями, сохраняет и укрепляет оперативную составляющую единого комплекса, но почти до нуля низводит другую его составляющую – боевую. «Коромысло» оказалось разноплечим! Но ведь безумным количеством непрофессионалов никогда не восполнить отсутствия профессионализма. Успешное выполнение функций охраны (даже на государственном уровне) по открытой системе при практически полном отсутствии персонифицированного политического терроризма привело к успокоенности. Когда

постороннее лицо может пройти между политиком федерального уровня и его прикрепленным, а остальные трое-четверо охранников даже позиционно не прикрывают своего шефа – это говорит о многом. К концу II тысячелетия от Рождества Христова в Германии такое положение стало уже нормой. Политики превратились в мишень не для снайперов или «бомбистов», а для репортеров и профи из оперативных служб. Они стреляют не свинцом, а аргументированным компроматом, да так, как не выстрелит ни один снайпер. Именно поэтому усилия охраны концентрируются теперь на более опасном направлении; по этой же причине в наши дни гораздо чаще нужны парни, умеющие выстраивать и реализовывать оперативные комбинации, чем парни, которые умеют стрелять наповал, а потом делать контрольный выстрел или «крошить супостата в мелкий биологический субстрат».

…Принцип тотальности при обеспечении крупных международных мероприятий, да еще и с участием политических фигур первого ряда пока никто не отменял. Но тотальность должна быть профессионально обоснованной и адекватной. А американские гости заказывали нечто вычурное. Сотрудники немецких спецслужб, потупив очи, словно девушки на первом свидании, объясняли, что установки получены «оттуда», и указывали куда-то на запад, где должен быть Атлантический океан. В ответ на вопросы слышалось: «Это их сценарий… Скорей бы уж он улетел в гости к вам, в Россию. Там ему такого не позволят». Досада и безысходность бессилия ощущались в каждом слове, в каждом жесте.

Понять их несложно. Давно марка не падала так низко по отношению к своему «американскому братцу»: курс перевалил за 1: 2. Цены на бензин за год подскочили более чем на 20 процентов; цены на многие товары возросли более чем на 4–6 пфеннигов, темпы инфляции оказались выше обещанных правительством. Возведенное в абсолют унижение после обвала национальной валюты и введения долгожданного евро, втягивание в совершенно ненужный немцам конфликт на Балканах, да еще с повторными (после 1941 г.) бомбежками Белграда и вводом частей бундесвера на чужую территорию… Все это и многое другое было просто чудовищным издевательством заокеанского соседа, заставлявшего «выстелить ковровую дорожку к своему приходу и накрыть стол в красном углу под образами».

Пассивное негодование немецких служб контрастировало с лихим ковбойским гарцеванием гостей. Обычно прагматично сдержанные, на этот раз они безапелляционно оттесняли немецких коллег и весело демонстрировали своего шефа

обескураженной толпе…

Возникает вопрос: стоило ли так защищать президента, который через несколько месяцев будет решать сугубо личные финансовые и прочие проблемы?! И от кого защищать? Если угроза действительно являлась серьезной, если соответствующие службы имели такую информацию (реальную, а не приготовленную «для папы» на домашней кухне), почему одинокие недостроенные здания не были обеспечены постами? Почему режим блокирования отдельных районов города имел обширные «дыры», видные даже непрофессионалу? Один из ветеранов небезызвестной Штази (Stasi)[4] саркастически заметил, что в ГДР такого сборища на убой не было даже в самые сложные выезды Э. Хонеккера. Если риск действительно велик, почему бездарно закрываются объекты, не контролируются наиболее вероятные для исполнения угроз места, к чему эти бесконечные выходы к народу и многочасовые пребывания на всеобщем обозрении?

Вопросы множатся, не находя подтверждения в области формальной логики организации охраны. Ответы на них следует искать в иной сфере. Шоу, да еще международное и прощальное, да еще «в доме» у якобы «меньших братьев» из Старого Света, живет по своим законам. Европа должна надолго запомнить уходящее восьмилетнее правление человека, с именем которого будут ассоциировать новый американский порядок. Ради этого можно выстраивать вереницы бесполезной и профессионально недееспособной охраны. К концу мероприятий те из донельзя уставших людей, кто знал цену работе, в бессильном раздражении старались хоть как-то сохранить лицо. Остальные просто считали часы до окончания смены и старались не пропустить приготовленных для них завтрака, обеда и ужина, больше заботясь о своем здоровье, чем о перекрытии рискоопасных направлений.

…Прошли эти ненормальные, заполненные суетой дни. Вояж заокеанских гостей продолжился в сторону Москвы и Киева. Их пребывание в Германии надолго (по европейским меркам) – до ближайших праздников – запомнилось немцам. А как же охрана? А охрана была организована по принципу: «Так работать нельзя, но нужно!» Такова жизнь…

Одна эпоха сменяет другую, старая формация уступает место новой – более совершенной (а возможно, просто более агрессивной). История развивается по своим собственным законам, логика далеко не всегда сопровождает этот процесс в постоянном режиме. Меняется мир, мы меняемся вместе с ним; кто-то, наоборот, старается изменить окружающее. Неизменным

остается только принцип защиты высшей власти в государстве как главный элемент защиты самого государства.

Распад Древнего мира и создавших его цивилизаций состоялся примерно через пятьсот лет после рождения Христа, «прогулка» Аттилы по Европе почти на 300 лет привела к так называемому темному периоду. Только к IX–X вв. цивилизация в Европе вновь стала активно развиваться.

Пятисотлетние шаги истории – как бы большие ступени лестницы, ведущей к безгранично-космической пропасти, по которым упорно карабкается человечество. Попробуем проследить, как на протяжении последних двух ступеней (1000 лет) государство защищало высший уровень власти и себя. Возможно, это кого-то чему-то научит. Все может быть…

Июнь 2000 г. Берлин

Из глубины веков (вместо предисловия)

Не поговорить с человеком, который заслуживает разговора, – значит потерять человека. А поговорить с человеком, который разговора не заслуживает, – значит потерять слова. Мудрый не теряет ни слов, ни людей.

Конфуций

В последнее десятилетие ушедшего II тысячелетия угроза тотального терроризма вновь, как в конце XIX – начале XX в., стала частью нашей повседневной жизни. Крупномасштабные террористические акции в городах России в полной мере показали всем гражданам нашей страны, что такое террористическая война. Но даже без учета фронтовых репортажей газетные публикации и телевизионные сюжеты, посвященные криминальной хронике, все более напоминают сводки боевых действий, в которых несут потери все стороны.

Подобные ситуации, характеризовавшиеся разгулом вооруженной преступности, в истории нашей страны возникали не однажды. После Февральской и Октябрьской революций, во время Гражданской войны и НЭПа вооруженные банды Н. Сафонова, И. Гусева, Ф. Прокофьева и др. наводили ужас на жителей Москвы и Московской области. 19 января 1919 г. Я. Кузнецов (Кошельков) совершил получившее широкую известность разбойное нападение на председателя СНК В. И. Ленина. В Петрограде зверствовали банды И. Белова, Г. Александрова и особо «популярного» налетчика Л. Пантелкина, более известного как Пантелеев. В провинции также существовали десятки вооруженных банд, самой кровавой из которых была банда В. Котова.

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период произошел еще один всплеск вооруженных бандитских нападений. В 1952 г. разоблачена замаскированная под Управление военного строительства группа Н. М. Павленко, которую можно считать прообразом современных «неформальных» групп. Она сочетала легальные и нелегальные методы работы, имела в своем составе силовое и оперативные

подразделения, широко использовала подкуп гражданских и военных должностных лиц. После смерти И. В. Сталина в результате широкомасштабной (св. 1 млн человек) амнистии криминальная обстановка в нашей стране вновь обострилась. Стабилизировать ситуацию путем ввода чрезвычайных мер удалось только к осени 1953 г.

В Российской Федерации насильственные вооруженные преступления приобрели совершенно иные масштабы. Практически ежедневно информационные агентства сообщают о взрывах, убийствах, о захвате заложников и тому подобных преступлениях, имеющих по многим признакам террористический характер. Мы полагаем, что в условиях современной российской действительности терроризм превратился в сложную и многоаспектную проблему, стал неотъемлемой частью деятельности ряда организаций в сферах политики, финансов, религии. В определенной среде террористов называют участниками «силового бизнеса».

Появлению наиболее криминальных форм способствовал развал такого огромного государства, каким был Советский Союз, повлекший за собой мощнейший передел сфер влияния и финансовых потоков, не меньшую роль сыграли и многократные реорганизации специальных и правоохранительных органов, зачастую проводившиеся бездумным «хирургическим» путем.

Процесс первичного накопления капитала во всех странах проходил кроваво и мучительно. Первое поколение создавало капитал морским пиратством, локальными и масштабными войнами, дележом участков во времена «золотых лихорадок»; оно не стеснялось засучивать рукава и обагрять руки кровью. Второе, третье и последующие поколения становились представителями истеблишмента. Такова действительность – нравится это кому-то или нет. На постсоветском пространстве эти процессы приобрели уникальный характер, будучи помноженными на национальные, региональные, религиозные, политические, социальные и психологические проблемы. Долгие пересуды на кухне вылились в эпатажные формы профессиональных и межличностных отношений.

Государство, которое тысячами бросает людей под танки, десятками тысяч «выбивает» специалистов из профессиональной среды, обязательно получит ответную реакцию, особенно если это – специалисты военной или военно-специальной областей. Можно бесконечно долго вещать о профессионализме, о необходимости создавать и поддерживать ценности единого и сильного государства. Но если при этом штамповать спецназовские «полуфабрикаты», платить заработную плату размером с пособие

по безработице, выгонять на улицу высококлассные кадры, то в новой среде – недоученной и профессионально некультурной – обязательно найдутся те, кто захочет взять все, что только можно взять с использованием «имеющихся сил и средств». Это аксиома.

Профессиональная культура закладывается годами, шлифуется десятилетиями и, только будучи воплощенной в двух-трех поколениях, становится тем, что уважительно принято называть школой. Профессиональная культура – это та якобы роскошь, без которой немыслимо нормальное функционирование сложных силовых механизмов. Иначе осколки развалленной машины могут искалечить все, что окажется на их пути…

Анализ террористических акций, совершенных организованными группами в последней трети XX в. в различных странах мира, показывает повышение профессионального уровня их подготовки и выполнения с использованием передовых методов, рожденных в секретных лабораториях спецслужб и пытливым умом самоучек.

Как организаторы, так и исполнители терактов имеют серьезную идеологическую и психологическую мотивацию на совершение противоправных действий. Растет политическое и финансовое стимулирование представителей всех звеньев, входящих в систему «международного террористического интернационала», перенявшего лучшее у своего «политического прадедушки» 1920-х – начала 1930-х гг. К идеологической преданности и наивности предшественников добавились концентрированный прагматизм и возможности современных технологий.

Система в целом развивается по определенным и редко меняемым законам. Разработки специальных служб через короткое время берут на вооружение криминальные и террористические сообщества. Обратная связь работает намного хуже. Бюрократический характер любой государственной системы, в том числе и специальной, зачастую неповоротлив в перенимании передовых методов потенциального противника или союзника. Поэтому не приходится удивляться, что многие силовые организации традиционно «машут кулаками после драки». Совместно выполнять поставленные задачи и потом делиться славой не принято. Каждый старается первым «принести в клювике» ценную информацию и доблестно отрапортовать по начальству, а там…

Однако в террористических структурах взаимодействие между отдельными звеньями, наоборот, постоянно укрепляется и расширяется как в географической, так и в политической плоскости. Постоянные и временные организации быстро

перестраиваются: как сообщающиеся сосуды, они практически мгновенно реагируют на поведение ветреницы с завораживающим именем – Конъюнктура. В этих условиях роль государственных и негосударственных структур в защите интересов личности, в том числе в обеспечении физической безопасности, во многом становится определяющей. Она базируется на монолитности и воле высшего политического руководства, которое располагает основными рычагами воздействия на процесс, защищает тех, кто неукоснительно выполняет сложные вводные, служащие для укрепления власти.

Сказанное актуально не для всех граждан, хотя многие мгновенно примеряют известие о покушении на какого-либо политического или финансового деятеля на себя. Беспокоиться стоит далеко не всем: сначала попадите в группу риска – накопите соответствующие денежные средства и пустите их в дело или заберитесь на соответствующий этаж властной пирамиды. До того момента вы вполне можете довольствоваться ролью неуловимого Джо из популярного анекдота.

На память приходит знакомая с детства веселая песенка королевской охраны из мультфильма «Бременские музыканты»: «Куда идет король? Большой секрет! / А мы всегда идем ему во след. / Величество должны мы уберечь / От всяческих ему не нужных встреч!»

По нашему мнению, эти строки отражают философию охранной службы. В них изложены основные принципы охраны: конспиративный характер работы и необходимость постоянного нахождения при «персоне». Наибольшую смысловую нагрузку несут две последние строчки, которые должны служить отправной точкой в мышлении сотрудника личной охраны. Великие мастера восточных единоборств давным-давно выразили эту мысль в предельно лаконичной фразе: «Предотвращенная схватка – выигранная схватка!» (Недаром красноармеец Сухов, несомненно, обладавший навыками оперативника и боевика, любил повторять: «Восток – дело тонкое!») К сожалению, человечество далеко не всегда учитывает богатый опыт предшествующих поколений: упрямство, косность мышления, невежество, нежелание учиться и самомнение постоянно вынуждают нас повторять уже совершенные кем-то ошибки.

* * *

Одно из уникальных направлений специальной подготовки сотрудников личной охраны связано с именем Хасана (Гасана)

ибн-ас-Саббаха, жившего во 2-й половине XI в. н. э. Будучи одним из руководителей религиозно-политического течения исмаилитов-низаритов, этот человек в 1090 г. захватил со своими сторонниками горную крепость Аламут, расположенную в Северной Персии. Он разработал и внедрил в жизнь оригинальную методику подготовки телохранителей, основанную на беспрекословном исполнении любых его приказов. Обладая отменными знаниями в области психологии, ас-Саббах отбирал из числа молодых людей тех, в ком определял природные наклонности к подчинению. Методика подготовки строилась с учетом традиций ислама. Ас-Саббах имел к тому времени звание шейха, впоследствии его прозвали Шейхом Горы, а в европейских странах – Старцем Горы.

Ас-Саббах приглашал приглянувшегося ему молодого человека для беседы, в ходе которой сообщал, что обладает чудодейственной силой и может перенести юношу в рай. После обильного угощения гостю предлагалось покурить кальян, и под воздействием паров гашиша, подмешанного в табак, он засыпал. Его пробуждение было поистине сказочным: молодой человек оказывался в обстановке, соответствовавшей представлениям о райской жизни. Через определенное время, вкусив ее прелестей, гость вновь засыпал и пробуждался в компании Шейха Горы. На вопрос хозяина, хочет ли он вновь оказаться в раю, следовал утвердительный ответ. Но для этого от юноши требовалось беспрекословное повиновение любому (!) приказу.

В Азии телохранителей Шейха Горы впоследствии стали называть хашашинами (так как при их подготовке использовалось курение гашиша), а в Европе – ассасинами. Для обеспечения режима секретности орден хашашинов (который можно считать специальным военным подразделением исмаилитов) имел пять степеней посвящения. Во главе секты стоял шейх; члены двух старших степеней назывались деи (миссионеры) и великие деи, двух низших – федави, или федаины, что значит «жертвующие собой за веру». Чем выше был ранг посвященного, тем больший доступ к секретам ордена он получал; исключения не делали даже для сыновей шейха.

У исмаилитов также имелось несколько степеней посвящения: по одним источникам, этих степеней было семь, по другим – девять. Посвященные высших степеней полагали, что философия выше религии, а последняя – лишь один из способов держать необразованных людей в повиновении. В ордене хашашинов истинные цели и задачи ордена также открывались только тем, кто переходил в число избранных[5].

Используя уникальную для своего времени методику, ас-

Саббах сформировал небольшую (ок. 1000 человек) личную армию. Все попытки близких и дальних соседей, часто весьма могущественных, низвергнуть шейха и установить контроль над крепостью оканчивались неудачей. Защитный механизм, использовавшийся ас-Саббахом, получил впоследствии наименование «превентивный удар». Как только шейх узнавал, что какой-либо из правителей собирает войско для похода или предпринимает иные попытки его личного устранения, он отдавал приказ одному или нескольким из своих людей уничтожить этого правителя. Получившие приказ федаины отправлялись в путь, и не было, по мнению современников, преграды, способной их остановить.

Излюбленным оружием членов ордена являлся кинжал с золоченой рукояткой, который служил своеобразным фирменным знаком. В тех случаях, когда использовать кинжал было невозможно, в дело пускался яд. После выполнения задания федаин не пытался скрыться и не оказывал сопротивления. Однако особо ценные члены ордена, достигшие высоких степеней посвящения, действовали иначе: они приходили и уходили невидимыми для охраны. Единственным свидетельством их посещения оставался кинжал, который в некоторых случаях служил инструментом предупреждения.

Миссии, поручавшиеся ас-Саббахом своим адептам, требовали отменной специальной подготовки, владение оружием – только одно из ее направлений. Чтобы привести в исполнение приказ владыки, федаины учились выступать в разных обличьях (в зависимости от обстановки, в которой им приходилось действовать), знали иностранные языки, а также обладали определенными навыками в разведывательной деятельности и других специальных областях знаний. Например, посланные для ликвидации графа Тулузского два федаина приняли христианство и стали крестоносцами, что позволило им через два года войти в ближайшее окружение графа и выполнить задание.

Переход в другую веру, даже формальный, и уничтожение в боях многих своих единоверцев требовали квалифицированной психологической обработки. Ас-Саббах грамотно использовал методику кнута и пряника.

«Пряником» служило обещание хозяина, что его верный слуга непременно попадет в рай. В качестве «кнута» использовалось, в частности, следующее. Группа федаинов, прошедшая начальный этап подготовки, получала возможность задать вопросы своему товарищу, осмелившемуся ослушаться повелителя и за это угодившему в ад. Игравший роль ослушника прятался в специальной яме, его голова находилась на уровне пола. У

пришедших создавалось впечатление, что голова отрублена и покоится на блюде. Выслушав рассказ о муках ада, молодые воины с трепетом удалялись. После такой процедуры их веру в могущество ас-Саббаха не могли поколебать никакие внешние причины. Человек, игравший роль отступника, был изначально обречен: любой, кто мог раскрыть методику подготовки федаинов, подлежал немедленному устранению. Его голова, насаженная на копье, служила еще одним доказательством могущества Шейха Горы.

Непослушание в ордене не прощалось никому: двоих сыновей ас-Саббаха публично казнили за неповиновение отцу. Подчиненная сверхидее система не выносила исключений, которые могли послужить предпосылкой внутреннего разложения с неизбежным распадом и тотальным крахом как идеологии, так и технологии. Понятие кровных уз отходило на дальний план во имя объединяющей доктрины.

Возможно, такая методика подготовки покажется нашим читателям более подходящей для убийц, нежели для телохранителей. Это вопрос личной оценки. Наша цель – дать ретроспективный показ многообразия подходов к обеспечению личной безопасности. Государство исмаилитов, опиравшееся в военном плане на хашашинов, просуществовало в Персии и Сирии около 200 лет. С его падением традиции хашашинов не умерли. Изобретенная ими методика подготовки в доработанном и усовершенствованном виде используется и ныне государственными специальными службами и негосударственными организациями многих стран.

Глава 1
От князей к государям

Где ляжет твоя голова, там и все мы головы свои сложим.

Клятва дружины Святослава I

По свидетельству константинопольского патриарха Фотия, утром 18 июня 860 г. от Рождества Христова (6368 г. от Сотворения мира) у стен столицы Византийской империи Константинополя (Царьграда) высадились пришедшие морем дружины руссов (россов), осадившие город. Крепостные стены были высоки и прочны и сами по себе служили городу надежной защитой. Но руссы на штурм не пошли, а начали громить предместья византийской столицы. В свою очередь защитники города не могли осуществить вылазку, чтобы разгромить врага.

Последнее было связано с тем, что наши далекие предки застигли византийцев врасплох. Накануне, весной 860 г., византийские войска численностью около 40 тыс. человек вышли из Константинополя в Малую Азию навстречу наступающим арабам. Что же касается флота, то он был направлен императором Михаилом III к острову Крит для борьбы с пиратами, многие годы досаждавшими империи. Сложной была ситуация и в самой византийской столице. Антиправительственная группировка, ожидая исхода военных событий на арабском Востоке, готовила заговор против императора. Малая дружина, оставшаяся в городе, не могла оказать серьезного сопротивления. Защитникам Константинополя оставалось только молиться.

Однако руссы изменили тактику: они сняли осаду и начали мирные переговоры. В результате Древняя Русь получила признание Византии как государство, не менее важны были и выгодные условия торговли на византийском рынке. С этого момента, как позднее писал русский летописец, «начася прозывати Руска земля».

Вернемся к началу – 25 июня, ровно через неделю после высадки, воины погрузились на ладьи и ушли домой.

Нам, потомкам тех далеких руссов, живущим уже в III тысячелетии, трудно сказать – так ли все это было на самом деле, ведь детали история не сохранила. Но бесспорно одно: успеху

руссов способствовали два фактора. Во-первых, блестяще проведенную операцию могли подготовить на основании информации об отсутствии в Константинополе армии и флота и о наличии в империи внутренней смуты. Во-вторых, бросок дружин к Царьграду удалось осуществить скрытно для Византии. И то, и другое было достижимо только при наличии у руссов хорошо поставленной системы как «разведки», так и «контрразведки» (пока именно так – в кавычках).

История Древней Руси свидетельствует, что наши далекие предки умели хорошо ориентироваться в часто неблагоприятной окружающей обстановке. Они грамотно выбирали время для своих военных и дипломатических предприятий и тщательно обеспечивали их секретность. Сотни неизвестных нам дружинников, послов, гонцов, купцов, горожан и т. п. вели кропотливую тайную работу, помогая первым русским князьям в обеспечении безопасности русских земель. На этом пути были и большие успехи, но были и крупные провалы …

По свидетельству Лаврентьевской летописи, в 862 г. северо-западные племена (ильменские словене, кривичи, весь, чудь) решили «поискать» князя, чтобы он судил их «по праву», и пригласили к себе на правление варягов. На призыв откликнулись варяжский князь Рюрик с братьями. Сам он сел княжить в Ладоге (ныне с. Старая Ладога), Синеус – на Белоозере, а Трувор – в Изборске. Первой задачей призванных князей было исполнение функций третейского судьи между племенами, второй – защита внешних границ от нападений соседей. Князья начали «города рубить и воевать всюду». По преданию, через два года Синеус и Трувор умерли, а Рюрик оставил Ладогу, поставил городок на Волхове – Новгород, Новый город – и стал там княжить.

В самом начале своего княжения в Новгороде Рюрик подавил сопротивление коренных жителей-славян во главе с местным князем Вадимом Храбрым. Не признавшие Рюрика люди бежали в Киев, где к тому времени образовалось еще одно варяго-русское владение. В. О. Ключевский дает следующую версию мятежа: «Очевидно, заморские князья с дружиною призваны были новгородцами и союзными племенами для защиты страны от каких-то внешних врагов и получали определенный корм за свои сторожевые услуги. Но наемные охранители, по-видимому, желали кормиться слишком сытно. Тогда поднялся ропот среди плательщиков корма, подавленный вооруженною рукой. Почувствовав свою силу, наемники превратились во властителей»[6]. Как писал Н. М. Карамзин, в те времена «еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни устоев общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и

люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головой»[7].

Опора древнерусских князей – дружина – являлась многофункциональным военным подразделением и княжеским «аппаратом управления» одновременно. Воеводы и старшие дружинники были не только воинами, но и ближайшими советниками, послами и наместниками князя. Младшие дружинники – гриди, или гридни, – охраняли жилище; особо отличившимся в ратном деле доверялось быть личными телохранителями князя. Наряду с личной преданностью от дружинников требовалось отменное владение всеми видами оружия, поскольку сами князья, как правило, выходили на поле брани в первых рядах, окруженные наиболее доверенными, смелыми и опытными воинами.

Уже в IX–X вв. дружина имела четкую организационную структуру: делилась на десятки и сотни. Кроме хорошей общей военной подготовки некоторые дружинники из личной охраны имели специальные навыки, поскольку привлекались к исполнению «деликатных» княжеских поручений. После смерти князя для дружинников существовало три варианта дальнейшей жизни: переход на службу к новому князю, неволя или смерть. Поскольку от князя зависело их личное благополучие, дружинники имели сильную мотивацию служить ему верой и правдой.

При приеме в дружину основным критерием являлись личные качества кандидата. (Слова «дружина» и «друг» – однокоренные, происходящие от санскритского «дру» – иду, следую.) Преимущество отдавалось «мужьям добрым», смышленым и храбрым. Оставить поле битвы после смерти князя считалось для дружинника великим позором, но и князь считал для себя позором покинуть дружину в опасности. Взаимоотношения первых киевских князей и дружинников С. М. Соловьев описывает так: «Хороший князь не жалел ничего для дружины: он знал, что с многочисленными и храбрыми сподвижниками мог всегда приобрести богатую добычу. <…> Летописец, с сожалением вспоминая о старом времени, говорит о прежних князьях: „Те князья не собирали много имения, вир и продаж неправедных не налагали на людей; но если случится правая вира, ту брали и тотчас отдавали дружине на оружие. Дружина этим кормилась, воевала чужие страны; в битвах говорили друг другу: „Братья! Потянем по своем князе и по русской земле!“ Не говорили князю: „Мало мне ста гривен“; не наряжали жен своих в золотые обручи, ходили жены их в серебре; вот они и расплодили землю Русскую. При такой жизни вместе, в братском кругу, когда князь не жалел

ничего для дружины, ясно, что он не скрывал от нее своих дум, что члены дружины были главными его советниками во всех делах»[8].

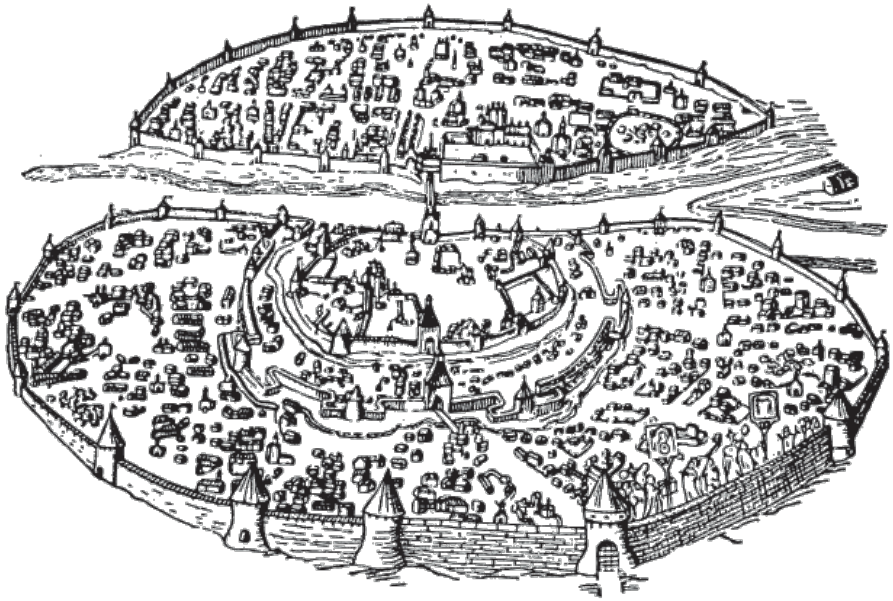
В 879 г. Рюрик скончался; его сын и наследник Игорь был еще малолетним, и власть перешла к варяжскому воеводе Олегу, который правил до самой смерти в 912 г. Большинство историков полагают, что Олег получил власть либо как старший в роде, либо как опекун Игоря. Но получить власть в те годы без поддержки дружины было невозможно. Поэтому мы можем предположить, что Олег являлся не только воеводой Рюрика, но и особо приближенным лицом, возможно (как родич) начальником его охраны. В пользу этой версии говорит тот факт, что Игорь, став взрослым, не претендовал на верховное княжение при жизни Олега.

Как известно, Олег получил прозвище Вещий (т. е. мудрый, умеющий предугадывать, предвидеть, предсказывать). Его особые способности признавали не только наши предки, но и византийцы. «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом», – говорили они. Для тех, кто не знает, скажем: создатель одного из лучших трактатов о военном искусстве Сунь-цзы, живший на рубеже VI и V вв. до н. э., указывал, что в основе победы лежат «упреждающие» знания, которые можно получить только от людей. Все 33 года успешного правления Вещего Олега служат подтверждением того, что он понимал значение тайных методов борьбы и умел ими пользоваться. Приведем несколько примеров.

В 881 г., через два года после начала правления в Новгороде, Олег с юным княжичем Игорем Рюриковичем отправился присоединять южные земли. В составе его войска были варяги, а также представители всех (!) подвластных Новгороду северозападных племен. Без проблем пройдя Смоленск (кривичи) и Любеч (северяне) и оставив там «мужей своих с дружинами», Олег двинулся к Киеву. В Киеве с 862 г. правили варяги – братья Аскольд и Дир. По легенде, они «с родами своими» ушли от Рюрика «в греки» (в источниках имеются сведения, что при дворе византийского императора уже в середине IX в. варяги служили телохранителями), но до Византии не дошли, став правителями у полян. С. М. Соловьев указывает, что «Киев в то время был притоном варягов, всякого рода искателей приключений, <…> сборным местом для варягов, собиравшихся в Черное море»[9]. В глазах Олега и его дружины братья-варяги были не правителями, а «мужами Рюрика», не имевшими права на независимое княжение. Поэтому в летописях Олег представлен как князь, восстанавливающий право рода Рюрика на владение Киевом.

Готовясь к походу три года, Олег, скорее всего, имел достаточную информацию о силах, которые могли ему противостоять, в том числе о дружине братьев, о настроениях в городе и о киевских укреплениях. Он решил выманить братьев на пристань и тем отсечь от войска и укреплений. Оставив в лагере основную часть своих воинов, Олег с «малой дружиной» подошел к киевской пристани, «притворяясь мимо идущим». В ход была пущена дезинформация о том, что в ладьях находятся купцы, плывущие из Новгорода «в греки». Согласно Никоновской летописи, она звучит так: «Гость есмь подугорский, и иду в Греки от Олега и Игоря и ныне в болезни есмь, и имам много великого и доброго бисера и всякого узорчиа, еще же имам усты ко устам глаголети речи наша к вам, да без кошениа приидите к нам»[10]. В этом обращении важны три момента: купец везет много товаров и драгоценностей, намеревается сообщить важную и конфиденциальную информацию, но не может прийти к братьям лично, поскольку болеет. Дезинформация сработала: Аскольд и Дир на пристань явились.

Возможно, что одним из факторов, позволивших братьям безбоязненно явиться к мнимым купцам, была малочисленность вооруженных людей на ладьях. Они не подозревали, что часть дружинников Олега были спрятаны в ларях, в которых в те годы перевозили ценные грузы. В нужный момент дружинники вступили в дело, и Аскольд и Дир оказались захваченными. Таким образом, проведенные Олегом разведывательные, дезинформационные и маскировочные мероприятия позволили ему переиграть правителей Киева. Можно предположить, что в засаде находились наиболее подготовленные воины.



План древнего Новгорода. С иконы XVII в.

«Спецслужбы» Вещего Олега под его руководством работали качественно. Поход на Константинополь в 907 г., как и проведенный 47 годами ранее, был хорошо подготовлен на основании упреждающей информации и тщательно законспирирован. Дружины Олега пришли под стены Царьграда в тот момент, когда византийские войска снова ушли на Восток воевать с арабами. Воспользовавшись этим, лидер провинциальной знати Андроник Дука, которого тайно поддерживал константинопольский патриарх, поднял мятеж против императора Льва IV. Правитель постоянно враждующего с Византией Первого Болгарского царства Симеон Великий разрешил пройти руссам по своей территории. Нельзя исключать, что определенную помощь дружинникам оказали и арабы, которые были кровно заинтересованы в ослаблении Византийской империи.

Результатом осады Византии стала наложенная Олегом контрибуция: отныне империя должна была выплачивать руссам ежегодную дань. В 911 г. с Византией был заключен выгодный торговый договор, согласно которому купцы освобождались от торговых пошлин.

К обеспечению личной безопасности Олег также относился весьма серьезно. Летописи донесли до нас сведения о том, что во время осады Царьграда была предпринята попытка устранения вождя русичей с помощью приправленного «отравою смертною» вина. Надо сказать, что империя находилась тогда в самом

расцвете и методы тайной войны там были на высоте. Однако «князь варваров», как называли Олега византийцы, отравленных даров не принял. Было ли это вещим провидением самого князя или же постарались «контрразведки», источники не сообщают, но факт остается фактом – попытка отравления провалилась.

После подписания мирного договора в Византии началась перестройка системы безопасности восточных рубежей империи. Наученные горьким опытом, византийцы разместили свои наблюдательные пункты в устье Днепра и взяли под контроль все выходы в Черное море. Другим ключевым пунктом стал Керченский пролив. Дозорную службу несли жители Херсонеса (вблизи совр. Севастополя) и иных греческих колоний в Причерноморье. Была усилена политическая и военная разведка, использовались и другие рычаги – болгарский царь Петр, женатый на византийской принцессе, стал союзником Константинополя.

Поэтому, когда отношения между Византией и Русью при князе Игоре (великий князь Киевский в 912–945 гг.) обострились, внезапного нападения на Царьград летом 941 г. не получилось.

В результате ожесточенных сухопутных и морских сражений вблизи города русское войско и флот были разгромлены. Повторный поход Игоря в 944 г. закончился заключением мирного договора. Этот договор вводил ряд ограничений для русских купцов. Русь обязалась не претендовать на крымские владения Византии, не ставить застав в устье Днепра, помогать Византии военными силами в случае необходимости.

Через несколько месяцев после заключения договора, в 945 г., князь Игорь был убит древлянами при попытке собрать повторную дань. Вдова Игоря, княгиня Ольга, чтобы отомстить за смерть мужа, осуществила многоступенчатую операцию. На первом этапе группу знатных древлян, прибывшую сватать Ольгу за своего князя, погребли заживо на княгинином дворе. Трудно сказать определенно, по какой причине погибшие сами полезли в ловушку. Возможно, они беспечно полагали, что Ольга, находясь в трауре, не способна на решительные действия. Не исключено, что княгиня дезинформировала древлян еще до визита, подбросив им информацию, что не возражает против нового замужества. В пользу этой версии говорят следующие факты. По предположению В. Н. Татищева, после казни сватов Ольга установила на границах с Деревской землей «крепкие заставы», чтобы «древлянам никто ведомости подать не мог». Параллельно она послала в Искоростень (главный город древлян) «надежных людей» с просьбой направить к ней еще более родовитых вельмож – по прибытии в Киев тех постигла смерть в огне. Таким образом,

смерть первых сватов явно не была спонтанной. Возможно, вдова заранее заручилась поддержкой части дружины, а скорее всего имела ее еще при жизни мужа.

Поход князя Игоря на Константинополь. Миниатюра Радзивилловской летописи

На заключительном этапе операции княгиня вновь прибегла к дезинформации, сообщив древлянам, что хочет «поплакать» над могилой мужа и сотворить тризну на месте его гибели. Появившись под Искоростенем с «малой дружиной», она усыпила своим поведением бдительность древлянских воевод, под началом которых находилось почти пятитысячное войско. Кроме того, она сообщила, что те самые родовитые вельможи (которых уже не было в живых) следуют из Киева под надежной охраной. После тризны предавшихся обильным возлияниям хозяев истребили дружинники Ольги. Карательную экспедицию завершило войско, ведомое малолетним княжичем Святославом, сыном Игоря, его воспитателем Асмудом и воеводой Свенельдом. Предпосылки победы киевлян были заложены в ходе сложной спецоперации, имевшей целью ликвидацию «руководящего состава» древлянского войска. Как указывают источники, основная ее часть была выполнена «надежными людьми», «отроками» и «малой дружиной», киевские военачальники подключились только на последнем этапе. Мы предполагаем, что «надежные люди» составляли костяк «службы безопасности» княгини Ольги и ее личной охраны; они обладали широкими полномочиями, если их привлекали к выполнению столь специфических заданий на высшем политическом уровне.

Сын Игоря и Ольги, князь Святослав серьезно занимался

вопросами разведки и свою знаменитую фразу «Иду на вы!» (как считают, унаследованную от отца) произносил только после того, как собирал полную информацию о противнике. Свой поход против Хазарского каганата в середине 60-х гг. X в. он тщательно подготовил и блестяще осуществил. Святослав продвигался к хазарской столице северными лесами, через земли вятичей, а не обычным для того времени южным путем и вначале нанес удар по Волжской Булгарии. Затем он спустился по Волге и разгромил войско кагана. Несомненно, что эта военная экспедиция должна была иметь хорошее разведывательное и контрразведывательное обеспечение.

Как мы видим, уже у первых русских князей имелись службы, ведавшие вопросами сбора и защиты информации, однако стройной системы обеспечения личной безопасности, как и специальных органов безопасности, еще не существовало. Разведка, контрразведка и охрана были личным или семейным делом, поручались наиболее сметливым доверенным лицам из ближайшего окружения. Когда наступала необходимость проведения специальных мероприятий, как правило, находили нужных людей. Когда дело было сделано, они возвращались к своим обычным занятиям: торговле, ремеслам и проч. Таким образом, полученный опыт в должном объеме не закреплялся и систематически не обобщался, хотя конечно же накапливался. Профессиональные навыки «сотрудников деликатных княжих служб» систематически не развивались, и новым поколениям «нужных людей» приходилось во многом начинать с азов.

Князь Игорь пренебрег элементарными мерами безопасности и отправился собирать повторную дань с древлян, что было одним из серьезнейших нарушений установившихся правил, к тому же он не предусмотрев возможности покушения. Его сын, князь Святослав, погиб в засаде, устроенной печенегами, при возвращении из византийского похода в 972 г. Скорее всего, в обоих случаях гибель князей обусловливалась двумя обстоятельствами. Во-первых, их личная охрана не имела достоверной информации о намерениях противника и не могла реагировать адекватно. Упор делался на удаль и готовность положить голову за «хозяина» (что в итоге и произошло). Ни выявить, ни предотвратить, ни, в конце концов, пресечь угрозу жизни обоих князей она не смогла. Во-вторых, если информация и была, и Игорь, и Святослав по каким-то причинам пренебрегли ею.

Подобная ситуация повторялась неоднократно в истории всех феодальных государств. Внезапная смерть при условии нерешенности вопросов наследования, непомерные личные

амбиции, ущемленное самолюбие, подогреваемые приближенными, не раз приводили к плачевным последствиям, ввергавшим, в частности, Русь в нескончаемую череду переделов собственности.

После смерти Святослава между его сыновьями разгорелась нешуточная междоусобная война. В дальнейшем борьба за престол стала главнейшим принципом жизни многих князей, которые вопреки крестному целованию (ведь Русь уже приняла христианство!) рвали на части наследные земли, жгли города своих братьев, дядьев, а зачастую и отцов, не дожидаясь их естественной смерти. В 1223 г. эта борьба, продолжавшаяся к тому времени уже 250 лет, привела Киевскую Русь к закономерному итогу – разгрому «объединенного» русско-половецкого войска на реке Калке. Наступило время главенства ордынской власти в пределах русских княжеств.

«Объединенное» это войско не имело единого командования, единых планов кампании, единой разведывательной службы. Князья вступали в схватки с монголами по своему усмотрению, чтобы добиться славы и добычи, а не для пользы общего дела. Руководство Орды, наоборот, было консолидировано и беспрекословно следовало принципам Чингисхана (Тэмуджина, Темучина). Каждому походу монгольского войска предшествовала длительная и тщательная разведка. Поход Батыя готовился 14 лет (!), в течение которых ордынская агентурная сеть собирала сведения о состоянии русских земель. По полученной информации был сделан вывод: русские князья разобщены, их войска и военачальники не имеют навыков ведения боевых действий под единым командованием. Учитывался не только военный, но и психологический фактор – неприязненные отношения между различными ветвями князей из династии Рюриковичей.

Но и после стратегического поражения внутриполитическая ситуация на Руси, определявшаяся междоусобицами, долгое время не менялась. В последнее время получила распространение версия А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, согласно которой под термином «Орда» следует понимать центральную власть русско-монгольского государства[11]. В этой связи походы ордынцев можно рассматривать как усмирение мятежных территорий, отказывавшихся выполнять волю «центра». По сути, теория «ига» оправдывает безудержное рвачество, алчность и нескончаемую череду семейных предательств русских князей, их неспособность даже перед лицом сильного противника объединиться для организации отпора.

По нашему мнению, более аргументированной является

другая теория – «силового налогообложения» русских земель ордынским руководством. Будучи в военном отношении более сильными, монголо-татары обкладывали русских князей данью, размер которой определялся в соответствии с величиной земельных владений князя и теми отношениями, которые Рюриковичи устанавливали с ордынским руководством. Ситуация настолько знакома нашим современникам, что объяснять ее нет необходимости. Походы ордынцев, помимо сбора дани как живым, так и неживым товаром, были в основном карательными, усмирявшими строптивых и заставлявшими наиболее жадных выполнять взятые на себя или назначенные «сверху» обязательства.

Невмешательство ордынцев в дела Православной церкви, относительно свободное перемещение населения в пределах русских княжеств и даже сам факт незатихающих междоусобиц – свидетельство того, что завоеватели достаточно лояльно, учитывая нравы того времени, относились к внутренней обстановке на Руси. В частности, законы, установленные Чингисханом, запрещали убивать грамотных людей как носителей высшего дара фиксировать мысли человека и передавать их потомкам. Мудрые князья, например Александр Невский, умели договориться с Ордой, вели свою политическую и военную линию, укрепляя русские пределы и защищая их от внешних и внутренних врагов.

Так, летом 1240 г. шведское войско под командой Биргера, появившись в устье реки Ижоры, разбило лагерь. Биргер не знал, что на границах Новгородской земли несли службу сторожевые заставы из числа местных племен. Как свидетельствует летопись, начальник одной из таких застав Пелгусий, обнаружив «чужих», сразу же доложил об увиденном князю. Получив сведения о появлении противника, Александр решил внезапно атаковать его своей дружиной, добровольцами из Новгорода и отрядом ладожан. Нападение было столь неожиданным, что шведы не успели «опоясать мечи на чресла свои» и войско было разбито. Именно за эту битву Александр получил прозвище Невский.

Победа на льду Чудского озера в 1242 г. также не была случайной. Сторожевые отряды постоянно следили за перемещением главных сил тевтонцев, что позволило Александру Невскому занять выгодную для русских дружин позицию и разбить тевтонских рыцарей.

Не стоит забывать, что ордынское войско прошло по «подбрюшью» Европы вплоть до Северной Италии, захватило часть территории современной Венгрии. Напуганные правители европейских государств считали за благо направить в Орду свои

корпуса наемников, что зачастую являлось своеобразной формой откупа, католическая церковь имела в Орде официальных представителей, решавших вопросы согласования религиозных интересов на покоренных монголо-татарами территориях. Ордынское руководство грамотно использовало законы «силового бизнеса», позволявшего пополнять «закрома» за счет покоренных народов, не лишая их при этом черт национального характера и позволяя им развиваться.

Наследники Чингисхана и его мудрых идей понимали, что без развития производства, без инвестиций невозможно увеличивать доходы. Позволяя развиваться покоренным народам, монголо-татары могли постепенно увеличивать объемы дани. Они заключали договоры с наиболее влиятельными князьями и выдавали им ярлыки на княжение, а те взамен обеспечивали сбор налогов с подвластных территорий. Для сравнения попробуем представить, что было бы с Русью, дойди до нее войска Тимура Хромого, Тамерлана, подчинявшего своей неуемной воле любой народ, попадавший в поле его зрения. Тимур полностью сегрегировал народы «до ступицы колеса», полностью лишая их индивидуальных черт. Вот такое нашествие можно с полным основанием назвать игом, ведь в результате него культура многих народов восстанавливалась десятилетиями, а порой и веками[12].

Ледовое побоище. Со старинной миниатюры

Как бы то ни было, подвластность ордынцам сыграла в конце концов консолидирующую роль; в этот период развились зачатки системности специальных служб и личной охраны, которых мы не находим у первых Рюриковичей и их наследников. Несколько столетий пребывания «между молотом и наковальней» научили наиболее дальновидных князей реализовывать свои замыслы путем не только сиюминутного посыла, но и долгой кропотливой работы по сбору конфиденциальной информации, роспуска слухов и дезинформации, вербовки сторонников (и источников) в стане внутренних и внешних врагов. Создавались службы, которые теперь уже сознательно старались упрочить, чтобы получить дополнительные преимущества перед соседями.

Во второй половине XIV в. великие князья московские начинают объединение русских земель вокруг Москвы. Начало этого объединительного процесса, вылившееся в победу на Куликовом поле в 1380 г., имело опору в действиях княжеских секретных служб и осуществлялось с использованием

информационных каналов Русской православной церкви. Первая победа русских войск над ордынцами на р. Вожа в 1378 г. (за два года до Куликовской битвы) стала возможна благодаря информации, добытой людьми московского князя как в Орде, так и в сопредельных государствах. Этот факт еще раз подтверждает, что режим данного (от слова «дань») правления, который, повторим еще раз, оставлял практически неограниченную свободу передвижения, позволил наиболее прозорливым князьям вести объединительную политику, привлекать на свою сторону тех князей, которые «дозрели» до мысли о первенстве Москвы в собирании русских земель и упрочении государства, силой и хитростью приучать к ней остальных.

Как бы то ни было, процесс консолидации постепенно продвигался, одновременно с ним происходило становление княжеских специальных служб: разведки, контрразведки, охраны.

Великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Иванович Донской (1350–1589), будучи отменным военачальником и организатором, уделял большое внимание методам тайной войны. В 1375 г. боярин Иван Вельяминов и генуэзский купец Некомат бежали из Москвы в Тверь. Они привезли великому князю Тверскому Михаилу Александровичу ярлык на Владимирское княжение и убедили его выступить против Дмитрия. Однако московский князь оказался готов к такому развитию событий. Быстро собрав рать, он осадил Тверь и заставил Михаила подписать мир. Следовательно, он своевременно получил информацию о намерениях тверичанина благодаря наличию в княжеской «службе» людей, которые не только сумели ее добыть, но и доставили по надежным каналам.

Дмитрий Донской. Старинная миниатюра

После попытки стравить двух князей изменники бежали в Орду и способствовали организации набега на русские земли в 1378 г. Когда на р. Вожа ордынцы впервые потерпели поражение, в их обозе русские обнаружили «некоего попа», служившего Вельяминову, а среди вещей, «обретоша у того попа», – «злых лютых зелей мешок» (т. е., говоря современным языком, нашли мешок с отравляющими веществами). Скорее всего, отрава предназначалась для великого князя или его ближайшего

окружения. Угроза была воспринята самим Дмитрием Ивановичем и его «секретной службой» очень серьезно. Меньше чем через год Вельяминова выследили, хитростью захватили в Серпухове, доставили в Москву и публично казнили; его наследников исключили из боярского сословия, а имущество конфисковали. Впоследствии, разыскав, казнили и Некомата, который вполне мог быть одним из разведчиков генуэзского отряда, входившего в состав ордынских сил.

В 1380 г., готовясь к битве с Мамаем, Дмитрий Иванович отправил в Орду боярина Захария Тютчева. Тот доставил князю сведения о численности ордынского войска и о возможности союза Мамая с рязанским Олегом Ивановичем и великим князем Литовским Ягайло. По сути, Тютчев, имевший в качестве прикрытия ранг посла, являлся резидентом русской агентурной сети. На путях вероятного продвижения противника действовали отряды Семена Малика, Василия Тупика и др., выполнявшие функции войсковой разведки. Данные разведки позволили великому князю Московскому совершить знаменитый маневр (внезапный удар засадного полка), занять стратегически выгодную позицию и отрезать (позиционно блокировать) возможных союзников друг от друга.

Куликовская битва. Из Жития Сергия Радонежского

На основе приведенных фактов можно предположить, что, будучи мудрым и осторожным правителем, Дмитрий Донской не разделял личную безопасность и безопасность княжества. Вполне вероятно, что он мог получить информацию об организации «специальной службы» и методах ее работы не только из русских, но и из монгольских источников. В свою очередь монголо-татары могли перенять соответствующую информацию в Китае, часть которого также была покорена Чингисханом. В любом случае можно сказать, что задачи «государевой охраны» и методы ее работы интернациональны и вневременны.

Великий князь Московский Василий II Темный, правивший с 1425 г., до поры до времени предусмотрительностью и

осторожностью своего деда, Дмитрия Донского, не отличался. Выступив летом 1445 г. в поход против ордынцев с большим войском, он на марше пренебрег стратегической и тактической разведкой и боевым охранением. В результате под Суздалем он был внезапно атакован противником и взят в плен. Из всего войска в момент нападения при князе было не более 2 тыс. человек, поскольку князья-союзники еще не подошли в месту сбора. Поражение повлекло за собой цепь трагических последствий. За освобождение Василия пришлось заплатить огромный по тем временам выкуп в 200 000 рублей (!!!). Политические противники князя, и в первую очередь его двоюродный брат Дмитрий Шемяка, решили воспользоваться ситуацией и захватить власть. Склонив на свою сторону часть бояр, зимой 1446 г. они вошли в Москву (великий князь в это время находился в Троице-Сергиевом монастыре).

Заговорщики знали, что Василий II отправился в неблизкий по тем временам путь с семьей и небольшой свитой. Без проволочек вослед ему была направлена дружина Ивана Можайского. Однако ее опередил преданный князю рязанец Бунко, который сообщил об измене бояр, притязаниях Шемяки и о грозящей лично князю опасности. Но Василий II сообщению не поверил и повелел гонца «назад поворотить». Дальнейшие действия князя можно считать верхом беспечности: лошадей на случай экстренной эвакуации не подготовили, дополнительную охрану не запросили, ворота монастыря не заперли. Василий II ограничился полумерой – выслал в сторону городка Радонеж сторожевую заставу.

Действия можайского князя, наоборот, отличались решительностью и изобретательностью. Его разведчики заблаговременно обнаружили московский дозор и доложили о нем. Иван распорядился обойтись без шума. Можайцы придумали замаскировать «группу захвата» под санный обоз: одни дружинники исполняли роль возниц, другие находились в санях, накрытые рогожей. Когда головные сани обогнули заставу, выскочившие внезапно дружинники обезоружили караульщиков[13]. Те даже не смогли спастись бегством из-за обильного (высотой девять пядей) снежного покрова.

После нейтрализации дозора отряд заговорщиков ускоренным маршем подошел к монастырю и ворвался внутрь через открытые ворота. Охрана, не ожидавшая (!) внезапного нападения, князя защитить не смогла, поскольку «все в унынии были и в оторопи великой». Василий II был пленен, ослеплен (за что впоследствии и был прозван Темным) и сослан в Углич. Затем он получил «в отчину» Вологду.

К слову сказать, борьба Новгорода и Москвы за Вологду, впервые упомянутую в 1147 г., началась в 1393 г. Тогда, согласно первой Новгородской летописи, «князь великий взя у Новгорода пригород Торжок с волостьми, и Волок Ламский и Вологду»[14]. Между 1397–1441 гг. Вологда неоднократно переходила из рук в руки.

Восстановить права на московский престол Василий II сумел только к 1453 г. в результате тяжелой и изнурительной борьбы со своими оппонентами. Поддержку великому князю оказали в первую очередь Вологда и северные монастыри – Спасо-Прилуцкий и Кирилло-Белозерский. Шемяка из Москвы бежал и, согласно летописям, был отравлен собственным поваром Иваном Котовым в июне 1453 г. в Новгороде.

Известно также о причастности к делам Василия II дьяка Степана Бородатого и подьячего Василия Беды – вероятно, людей из княжеской «службы безопасности». Как указывает историк Вологодского края П. А. Колесников, после указанных выше событий роль Вологды для московских великих князей возросла: «Как удельная, так и уездная (с 1482 г. – *Примеч. авт.*) Вологда выполняла разнородные функции: часто была сборным пунктом для войска, являлась местом политической ссылки, а также убежищем для великих князей и их семейств»[15].

Сын Василия Темного Иван III, правивший с 1462 г., с 1450 г. соправитель отца, значительно расширил сферу влияния Москвы, с 1463 по 1503 г. присоединив Ярославль, Пермь, Ростов, Новгород, Тверь, Вятку, Вязьму, Чернигов, Брянск, Путивль, Гомель. Он усилил и политические преимущества Москвы. Право сбора налогов и чеканки монет, рассмотрение важнейших уголовных дел отныне стали принадлежать исключительно великому князю Московскому. В результате политическое влияние удельных князей к концу XV в. уменьшилось. Но угроза центральной власти оставалась весьма реальной. Ключевский определил ее следующим образом: «Удельные предания были еще слишком свежи и кружили слабые удельные головы при всяком удобном случае. Удельный князь был крамольник если не по природе, то по положению: за него цеплялась всякая интрига, заплетавшаяся в сбродной придворной толпе. В Московском Кремле от него ежеминутно ожидали смуты; более всего боялись его побега в Литву»[16]. Эти опасения полностью подтвердились во времена смуты, наступившие после смерти Бориса Годунова.

К измене своих приближенных Иван III относился со всей строгостью. Угроза его личной безопасности исходила не только со стороны удельных князей, но и из-за границы. В январе 1493 г. в Москве казнили сразу несколько человек, уличенных в

государственной измене. Братья Селевины были обвинены в шпионаже, поскольку «посылали з грамотами и с вестми человека своего Волынцова к князю великому Александру Литовскому»[17]. Проступки князя Лукомского и «латинского переводчика» Матиаса Ляха шпионажем не ограничивались: «А князя Ивана Лукомского послал к великому князю служити полский Казимир, а привел его к целованию на том, что ему великого князя убити или зельем окормити, да и зелие свое с ним послал, да зелие у него выняли»[18]. Таким образом, попытка покушения на Ивана III была выявлена и предотвращена на стадии подготовки. Скорый суд и жестокая, по современным меркам, расправа (публичное сожжение) вполне объяснимы законами военного времени – шла война с Литвой. Наряду с карательными мерами применялись и меры превентивного характера. В 1487–1488 гг. из Новгорода в центральные земли были переселены нелояльные боярские и купеческие фамилии.

Возможно, что улучшение работы «спецслужб» великого князя было заслугой не только его самого, но и его второй жены (с 1472 г.), племянницы последнего византийского императора Константина XI Софьи Палеолог. Софья стала ближайшим советником своего царственного супруга. Именно с ней противники Ивана III часто связывали уменьшение своего влияния в Московской Руси.

В последней четверти XV в. у великого князя появились рынды – оруженосцы-телохранители, сопровождавшие его при выездах и набиравшиеся из юношей знатного происхождения. При строительстве нового кремля под Тайницкой башней были сооружены подземный ход и скрытый водозабор.

Иван III успешно продолжил начинания своего отца, направленные на укрепление резервной базы московских князей в Вологде.

Иван III. С французской гравюры

П. А. Колесников описывает эти события так: «Нам важно отметить два обстоятельства, которые были понятны современникам, но потом забылись. Во-первых, вероятно, уже в конце XV в. наиболее надежным местом хранения великокняжеской казны были Белоозеро и Вологда, особенно когда последняя стала уездным центром. Из нее можно было при необходимости перенести казну в другое безопасное место. В 1480 г., когда на Угре решался вековой вопрос об окончательной ликвидации монгольского ига, Иван III отправляет свою жену Софью вместе с казной на Белоозеро. В завещании Ивана III говорится о великокняжеской казне на Белоозере и в Вологде. Во-вторых, огромный район Европейского Севера, вошедший к концу XV в. в состав Российского государства, особенно Вологодский и Белозерский уезды, были значительным резервом пополнения государевой казны. Не случайно в своем завещании Иван III передает сыну, кроме коренных великокняжеских земель, ряд важных городов и земель на Севере (Вологда, Белоозеро, Двина и Вятка). Особенным вниманием великих князей, начиная с Василия II, пользовались северные монастыри: Спасо-Прилуцкий, Кирилло-Белозерский, Ферапонтовский и др.»[19].

Василий III, правивший с 1505 г., продолжил дело отца. При

нем к Москве были присоединены Псков, Волоцкий удел, Рязанское и Новгород-Северское княжества, а также в 1514 г. Смоленск.

К первой половине XVI в. в Московской Руси были заложены основы самодержавного правления. В 1510 г., после присоединения Пскова к Москве, монах Елеазарова монастыря Филофей[20] направил великому князю послание, в котором впервые была сформулирована церковно-политическая идеология «Москва – Третий Рим». Скорее всего, именно она послужила основой для изменения титула великого князя Московского, который отныне стал именоваться государем всея Руси.

Нельзя не отметить, что тяга московского правителя к северным землям не ослабевала: как и его отец, Василий III неоднократно приезжал в Вологду на богомолье и даже выражал желание принять постриг в Кирилло-Белозерском монастыре.

Великое стояние на Угре. Миниатюра из Никоновской летописи

В правление Василия III завершилось формирование территориального ядра единого Российского государства и централизованного государственного аппарата. Одерживать победы на этом пути великим князьям позволяло использование скрытых от посторонних глаз средств и методов борьбы. Специальные виды военной деятельности перешли в разряд секретных и стали династическими (т. е. передавались от отца к сыну).

Василий III. С французской гравюры

Во время регентства вдовы Василия III Елены Глинской в Москве под руководством выходца из Италии архитектора Петрока Малого строится Китай-город (1534–1538), название которого происходит от древнерусского слова «кета» («кита») – корзина, плетень. Позднее подобные укрепления появились в Смоленске, Себеже, Пронске и Вологде. По мнению А. Н. Кирпичникова, «появление укреплений из плетня объясняется их подкупающе простой и в то же время эффективной антипушечной конструкцией. Неприятельские ядра, проходя сквозь плетень, вязли в насыпной сердцевине, не разрушая преграды. Преимуществом плетневых сооружений была и скорость их постройки»[21]. Вологодская китай-крепость, как показали раскопки И. П. Кукушкина в 1994 г., имела следующие параметры: «Глубина рва от дневной поверхности XV в. достигала 2,5 метра при ширине до 23 метров. <…> По результатам дендрохронологического анализа дата рубки дерева, примененного при строительстве укреплений, определена около 1548 г. Четыре ряда плетней, проходивших внутри вала, состояли из вертикально вбитых в грунт жердей, оплетенных ветками. Расстояние между крайними рядами колебалось в пределах 5–5,2 метра – очевидно, ширина деревоземляного вала в основании была не менее 6 метров»[22]. Мы осознанно уделяем такое большое внимание Вологде, поскольку в царствование Ивана

Грозного – следующего правителя Руси – город приобретет особое значение в государевых планах.

Как показывают исторические источники, на формирование личности Ивана Грозного наложили отпечаток детские годы, когда он бессильно взирал на дела, творимые князьями и боярами из ближайшего окружения. Вместо того чтобы вразумлять и учить ребенка, те помыкали и им, и братом его Григорием. Приказаний молодого государя не исполняли, над личными просьбами насмехались, дурные наклонности не подавляли и лет с двенадцати угождали в низменных наслаждениях. При этом шло уничтожение одних боярских группировок другими, находившимися в данный момент ближе к трону. Юноша все видел, слышал и запоминал: под влиянием оскорблений и лести сформировались такие черты его характера, как презрение и ненависть к боярству. Посеявшие ветер, пожали бурю: корыстолюбие, угодничество и чванство бумерангом поразили тех, кто забыл о предназначении своем – служить Отечеству и государю. К шестнадцати годам Иван (Иоанн), подобно своему отцу, начал приближать к себе новых людей (дьяков), не имевших родовых притязаний.

По мнению С. М. Соловьева, «Иоанн IV был первым царем не потому только, что первый принял царственный титул, но потому, что первый осознал вполне все значение царской власти, первый, так сказать, составил ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически»[23].

В 1547 г. Иван IV первым из русских великих князей венчался на царство. Мы полагаем, что в его правление происходило интенсивное развитие специальных силовых общегосударственных институтов, предтечей которых являлись личные «службы» великих князей. Охрана царствующего лица в этот период приобрела общегосударственный статус. Специальные службы, ведавшие вопросами личной безопасности российских государей, зачастую играли в истории России (как и в любой монархии) важную роль. Это объясняется тем, что при персонификации власти смена царя, а впоследствии императора влекла за собой изменение государственной политики.

В самом начале царствования Ивана IV Васильевича дипломатия, разведка, политический и уголовный сыск шли рука об руку, поскольку число людей, допущенных к важнейшим царским (т. е. государственным) секретам, было крайне ограниченно. В середине XVI в. ситуация изменилась. Одним из факторов, оказавших сильное влияние на юного царя, было восстание посадских людей в июне 1547 г., когда Ивану со свитой пришлось бежать из столицы в с. Воробьево. Вооруженные

горожане подошли к селу и потребовали выдачи Глинских, по их мнению, повинных в московском пожаре. Ивану удалось уговорить восставших разойтись, но это событие стало для него серьезным испытанием. Позже он вспоминал, что в его душу вошел страх, «трепет – в кости мои» и дух его «смирился».

Иван IV Грозный. С гравюры XVI в.

В феврале 1549 г. царь созвал Земский собор (Избранная рада), на котором присутствовали представители всех сословий. Первые его реформы связаны с именами митрополита Макария, священника придворного Благовещенского собора Сильвестра и дворянина А. Ф. Адашева[24]. Кроме них в разработке и проведении реформ также участвовали Д. И. Курлятев[25], И. В. Шереметьев[26], А. И. Курбский[27]. Собор принял решение о создании нового единого государственного свода законов – Судебника 1550 г., в основу которого был положен расширенный и систематизированный Судебник Ивана III 1497 г.

Для обеспечения реформы государственного аппарата создаются приказы, имевшие судебно-полицейские функции; первым из них стал Челобитный приказ. В нем рассматривались жалобы дворян и детей боярских, которые по Судебнику 1550 г. получили право обращаться непосредственно к суду царя; также Челобитный приказ служил апелляционной инстанцией по обжалованию решений, вынесенных нижестоящими судебными

органами, контролировал деятельность других государственных учреждений и должностных лиц государства.

Главой приказа стал А. Ф. Адашев, вместе с Сильвестром в начале реформ оказывавший наибольшее влияние на царя. О его влиянии говорит тот факт, что в 1552 г. Адашев получил должность постельничего. Постельничий был ближайшим советником царя, сопровождал его при выходах из дворца, неотлучно дежурил в царских покоях. Как показывают исторические примеры, подобным доверием государей пользовался ограниченный круг людей, в первую очередь начальники личной охраны. Однако, как это часто бывает, через 10 лет Адашев и Сильвестр подверглись опале. Иван IV впоследствии писал, что они «государилися, как хотели», а с него государство «сняли»: что он был государем на словах, а не на деле. Возможно, в основе этого решения лежало стремление царя проводить самостоятельную политику. Также вероятно, что опала была следствием интриг со стороны родовитых бояр, недовольных политикой фаворитов. В 1560 г. Сильвестр был отправлен в ссылку, а Адашев арестован и при малоизвестных обстоятельствах спустя некоторое время умер.

Одним из важнейших решений Ивана IV было создание Посольского приказа, ведавшего международными отношениями, в том числе вопросами разведки в иностранных государствах.

Во главе приказа поставили подьячего И. М. Висковатого[28], который первым делом занялся созданием царского архива, куда поступили бумаги великих и удельных князей, документы внешнеполитического характера, следственные материалы. Таким образом, под его руководством был создан первый общегосударственный центр хранения, учета и анализа конфиденциальной информации, положено начало информационно-аналитической службе, основывавшей свою деятельность как на собственных архивных документах, так и на документах, тем или иным способом попадавших в Москву.

Чтобы обеспечить принятие выгодного для России решения, наряду с обычными дипломатическими средствами того времени И. М. Висковатый в 1562 г. привлек на свою сторону приближенных датского короля, которых, пользуясь современной терминологией, можно называть «агентами влияния». В 1559–1560 гг. царь использовал Посольский приказ в качестве противовеса влиянию А. Адашева.

Разделавшись с земской оппозицией, Иван IV переключился на поиск «врагов» среди приказной бюрократии. При дворе заметно набирали силу братья Щелкаловы[29], которые сыграли не последнюю роль в опале Висковатого. В 1570 г. И. М.

Висковатый официально открыл печальный список руководителей и сотрудников спецслужб, получивших в качестве награды за верную службу «высшую меру».

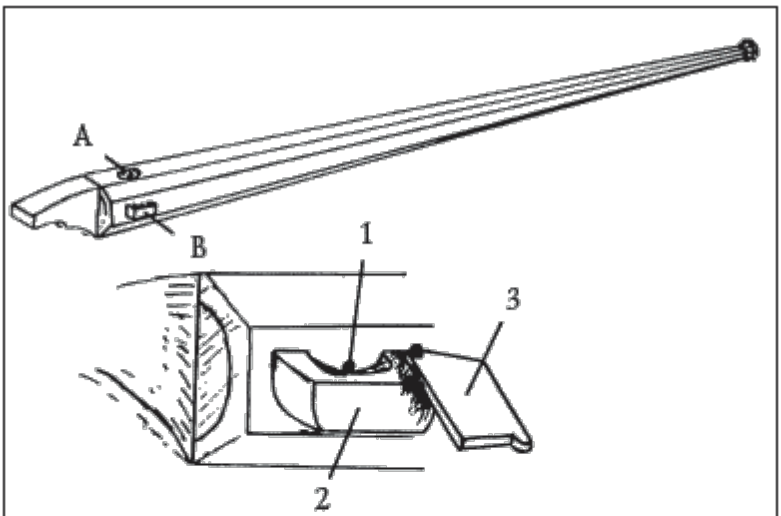
Систему охраны южных рубежей государства следует считать одной из наиболее интересных военно-политических разработок, реализованных в период правления Ивана IV.

Во второй половине XVI в. пространство между верховьями Оки и Дона таило угрозу вторжений со стороны Крымского ханства, поэтому требовалось коренным образом улучшить оборону на этом участке. Одним из организаторов пограничной службы был «государев слуга и воевода» М. И. Воротынский[30]. В 1550–1560 гг. он руководил строительством оборонительных сооружений на подступах к Калуге, Коломне, Серпухову, лично отражал нападения ордынцев под Тулой в 1559 г. В те годы была создана Большая засечная черта, в народе называвшаяся Поясом Богородицы. Задачей крепостных гарнизонов было не допустить прорыва степняков к центру Московского государства по так называемому Муравскому шляху, который начинался у Перекопа и выходил к Туле. В 1571 г. царь поручил Воротынскому и боярину Н. Р. Юрьеву (деду первого царя из династии Романовых) провести съезд служилых людей из пограничных городов и выработать план защиты южных границ[31].

Для регламентации деятельности пограничной охраны был составлен «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» от 16 февраля 1571 г., «чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили»[32]. Поскольку степняки придерживались стратегии опустошения, а не завоевания, основной задачей русских являлось перекрытие коммуникаций маневренного противника. Система пограничной охраны и обороны опиралась на базовые крепостные укрепления, между которыми возводилась полоса из валов и засек, препятствовавшая перемещению конных орд. Для наблюдения за противником за линию укреплений, в Дикое поле, направлялись посты (заставы и «сторужи») и подвижные наряды (станицы). Служба начиналась 1 апреля и продолжалась до тех пор, пока не ляжет снег, – сначала в три смены по шесть недель, затем по четыре недели, чтобы «сторужи без сторожей не были во весь год ни на один час»[33].

Станицы высылались в дозор на пятнадцать дней, за это время они проходили до 200–250 верст. Если станицу «разгоняли» враги или станичники попадали в плен, на их место немедленно высылалась следующая станица. Служебные обязанности предписывалось выполнять в конном строю, у каждого из станичников был свой «справный» конь. Все крепостные

гарнизоны, летучие отряды, заставы и население порубежья составляли единый военно-административный организм, функционировавший в соответствии с условиями пограничной жизни.



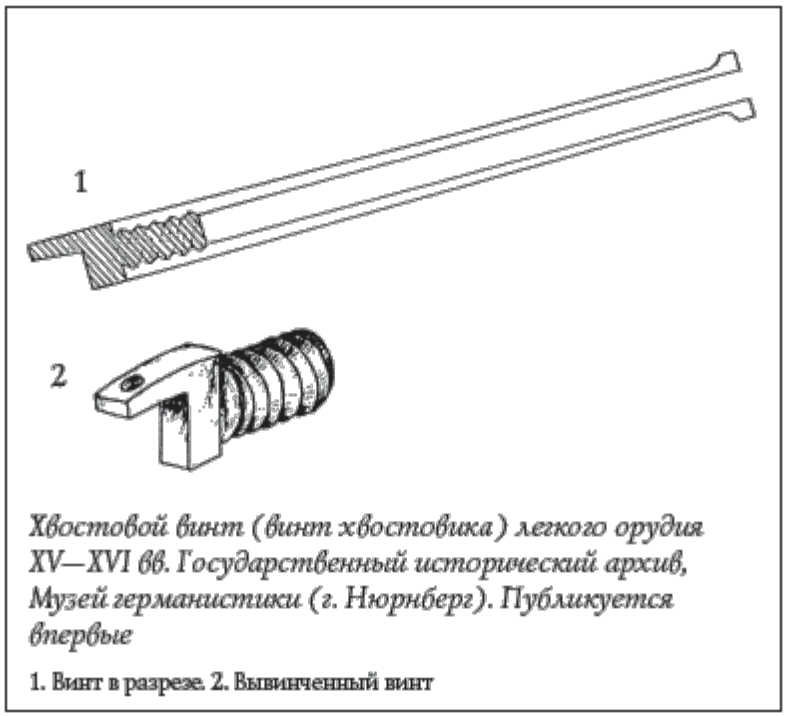
Деталь легкого орудия с двумя запальными отверстиями (конструкция позволяла стрелять при любой погоде). Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг)

А. Площадка 1-го запального отверстия.
В. Площадка 2-го запального отверстия.
1. Запальное отверстие. 2. Полка. 3. Крышка

Подобная организованность пограничной службы была бы невозможной без подробной регламентации, вобравшей многолетний практический опыт и предписывавшей крайнюю осмотрительность. Расположение застав следовало хранить в тайне, запрещалось делать станы и устраивать остановки в лесах, категорически запрещалось дважды разводить огонь в одном и том же месте. Эти меры позволяли вводить «супостата» в заблуждение относительно численности и расположения постов и приучали пограничников к бдительности. При обнаружении неприятеля дозорным вменялось оповестить об опасности ближайший город или заставу и зайти в тыл противника для определения его численности и намерений. Добытые сведения надлежало доставить по команде и продублировать соседним

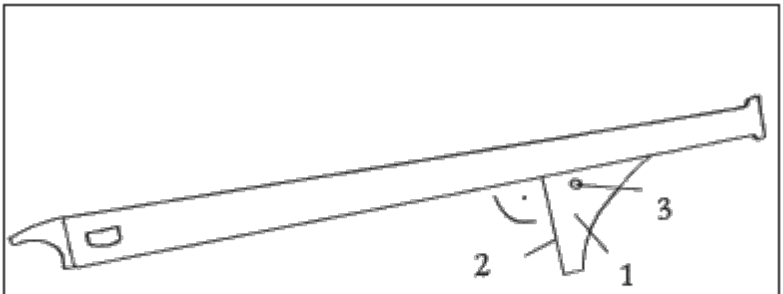
заставам. За недобросовестное отношение к служебным обязанностям охранники подвергались телесным наказаниям и денежным штрафам. «А которые сторожи, не дождавшись себе отмены, с сторожи отъедут <…> быти казненными смертью»[34]. Постепенно от рубежа к рубежу создавалась глубоко эшелонированная система охраны и обороны Московского государства, одной из задач которой являлось заблаговременное выявление угрозы и предупреждение об опасности.

Ревностная и преданная служба государю не избавила М. И. Воротынского от подозрений в измене. В 1573 г. слуга донес на него как на чародея, злоумышлявшего против Ивана IV. Князя схватили, пытали и полуживым отправили в ссылку на Белоозеро, по дороге куда он скончался. Остается неизвестным, явилась ли его смерть следствием чрезмерного усердия «пытошных дел мастеров» или верного царева слугу умертвили по чьему-то тайному приказу.



Хвостовой винт (винт хвостовика) легкого орудия XV—XVI вв. Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг). Публикуется впервые

1. Винт в разрезе. 2. Вывинченный винт



«Каблук» («пятка») легкого орудия XV—XVI вв. Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг)

1. «Каблук». 2. Сторона прилегания (соприкосновения с опорой). 3. Отверстие для поперечного болта, крепящего ствол на рукоятке

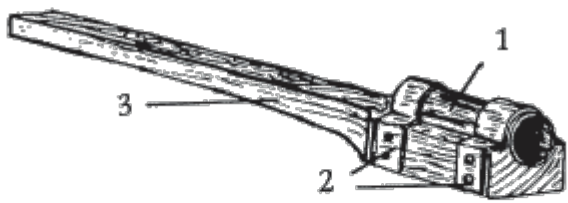
Изменения в социально-экономической сфере после 1549 г. были направлены на обеспечение землей дворян – нового служилого сословия, призванного стать опорой государства. Основу вооруженных сил составляло теперь конное ополчение землевладельцев, выходивших на службу «конно, людно и оружно». В 1550 г. Иван IV издал указ «Об испомещении в Московском и окружающих уездах избранной тысячи служилых людей». Указ стал основой для создания корпуса «выборных стрельцов из пищали», обязанных быть всегда наготове для исполнения ответственных поручений. Стрельцы представляли собой содержавшееся казной регулярное войско (6 полков), вооруженное пищалями – новейшим по тем временам огнестрельным оружием. Наряду с другими обязанностями стрельцы несли охрану государя.

Главной проблемой, с которой сталкивался царь при назначении командного состава, являлось местничество, т. е. обычай занимать командные посты в зависимости от древности рода, а не от знаний и военных заслуг. Созданный в 1555 г. Разрядный приказ ведал обороной государства, обеспечивал сбор дворянского ополчения и назначал воевод; руководил приказом дьяк И. Г. Выродков. В 1571 г. был учрежден Стрелецкий приказ (приказ Надворной пехоты), ведавший стрелецкими полками. Термин «надворной» (по одному из толкований – «придворной»)

указывал на высокий статус стрелецких полков, которые несли службу при дворе.

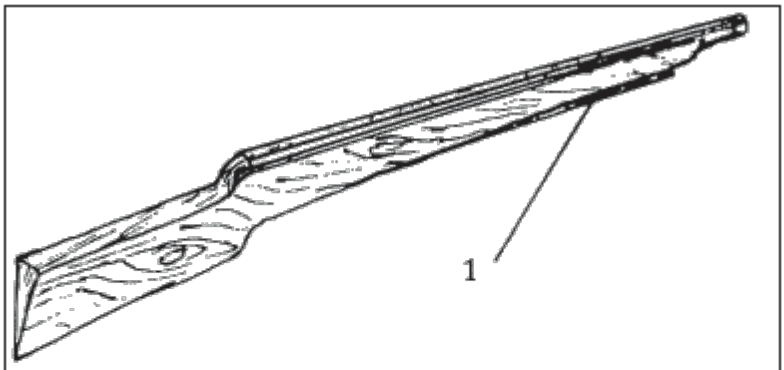
Нарезной ствол XV—XVI вв. Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг)

1. Нарезные желобки («канавки»). 2. Направление полета пули. 3. Направление вращения пули. 4. Выпущенная пуля



Рычаги (коромысла) легкого орудия XV—XVI вв. Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг)

1. Трубка для заряда выполнена из дерева. 2. Скрепление. 3. Рычаг



Ручное ружье Людвига (1540—1570-е гг.). Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг)

1. Шомпол

В 1555 г. из состава Боярской избы (избами, как и приказами, назвались органы управления) была выделена Разбойная изба, в дальнейшем преобразованная в Разбойный (Татейный) приказ, на который возлагалось проведение сыска и следствия по делам уголовного (разбойного и душегубного) и политического (изменнического) характера. Термином «сыск» в России вплоть до 1917 г. обозначались специальные мероприятия непроцессуального характера по установлению и обнаружению неизвестных или скрывающихся преступников. Во второй половине XVI в. во главе Разбойной избы в разное время находились бояре Д. И. Курлятев, И. М. Воронцов, И. А. Булгаков. Дьяками Разбойного приказа были В. Я. Щелкалов, К. С. Мясоед (Вислово), У. А. Горсткин и Г. М. Станиславов.

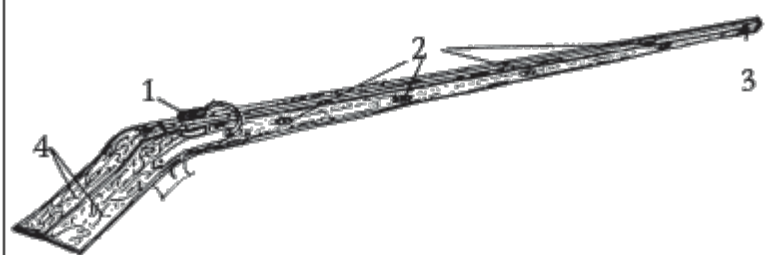
В с. Коралово (ранее – Караулово) – бывшем поместье одно время возглавлявшего «татейный» сыск дьяка Бухвостова – в XVIII в. при перестройке двора новыми хозяевами, князьями Васильчиковыми, были обнаружены подземная церковь и напоминавшие камеры для заключенных кельи времен Ивана Грозного. Можно предположить, что в них в условиях строжайшей тайны даже от ближайшего окружения царя содержались лица, обвиненные в государственной измене; вероятно, там же происходили допросы, а отпевали казненных в подземной церкви.

Разбойный приказ не был монополистом сыска. В 1564 г. был создан Земский приказ, рассматривавший разбойные и татейные дела по Москве и Московскому уезду; он же вел наблюдение за

безопасностью и порядком в столице и окрестностях. В 1571 г. появился Холопий приказ для рассмотрения судебных дел холопов и ведения розыска беглых.

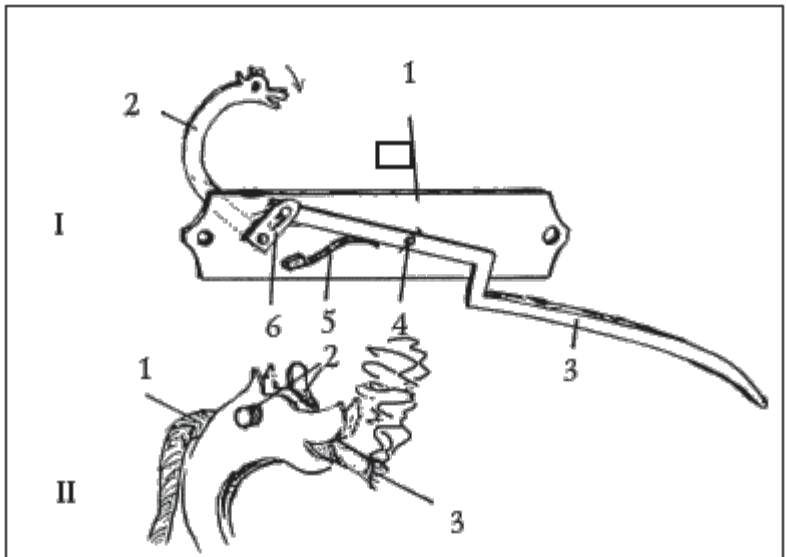
Параллельно шло структурирование системы управления в военной области: кроме уже упоминавшихся Разрядного и Стрелецкого приказов учреждены Оружейный (ок. 1547 г.), Бронный (1573 г.), Пушкарский (1577 г.) приказы.

К середине XVI в. значительное место в арсенале русского воинства занимало ручное огнестрельное оружие; стрелецкое войско составляло одну десятую часть всей армии. Главой оружейного дела стал боярин-оружничий, возглавлявший Оружейный приказ и ведавший вопросами производства стрелкового оружия. В его распоряжении находилась особая группа «самопальных государевых стрелков», в которую принимали без сословных ограничений. Выполнявший в конце XIX в. обязанности помощника директора Оружейной палаты полковник Л. П. Яковлев, опираясь на архивные документы, писал, что кандидатов в стрелки отбирали из молодых, ловких, сильных, грамотных людей разного звания, умевших стрелять из пищалей[35].



Снайперское ружье (ружье с прицелом; начало XVI в.). Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг)

1. Мушка. 2. Крепежные винты ствола. 3. Шомпол. 4. Инкрустация



Фитильный запал ружья. Головка курка запала (середина XVI в.). Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг)

I. Фитильный запал
1. Пластинка. 2. Курок. 3. Спусковой рычаг, насаженный на металлический стержень. 4. Металлический стержень. 5. Пружина, возвращающая курок в исходное положение. 6. «Орех» («башка»)
II. Головка курка
1. Фитиль. 2. Скрепляющий шуруп. 3. Место поджигания

Для поступления в стрелковую команду желающий подавал главе Оружейного приказа челобитную, в которой описывал свои положительные качества и способности, после чего опытные стрелки принимали у него экзамен по стрельбе. Испытание проводили в поле. Надо было выстрелить пять раз с расстояния в 25 саженей (53 м), мишенью служил квадрат со стороной в четверть сажени (53 см) и центральным кругом диаметром в полвершка (около 2 см). Экзаменаторы оценивали как профессиональные, так и моральные качества кандидата, поскольку стрелки входили в ближайшее окружение государя.

На вооружении государевых стрелков находилось не только гладкоствольное, но и нарезное оружие – винтовальные (или винтованные) пищали, которые в зависимости от числа нарезов назывались «шестерики» и «восьмерики». Дальность стрельбы из нарезных ружей была больше, чем из гладкоствольных, в два раза, а кучность – в четыре-пять раз, что фактически делало мастеров «огненного боя из пищали» специальным снайперским

подразделением, обеспечивавшим безопасность государя и выполняющим его особые поручения.

В «Описи Московской оружейной палаты»[36] имеется более десяти образцов нарезного длинноствольного оружия XVI в. Указанные образцы имеют калибр 3,3–4 линии (8,4–10,2 мм) и длину ствола 35–40 дюймов (600–1015 мм). Некоторые образцы оружия названы там аркебузами, одна из них принадлежала князьям В. В. и А. В. Голицыным. Число нарезов не всегда было четным: некоторые образцы имеют 7 нарезов. Отдельные, выпущенные уже в XVII в. образцы имеют 12 и даже 24 нареза.

А. Дженкинсон, представлявший в Москве интересы английской торговой «Московской компании» и неоднократно выступавший в качестве посла английского двора, в 1557 г. был свидетелем стрелкового смотра. Он писал: «В поле, за предместьями Москвы <… > для стрельбы из ручного огнестрельного оружия был устроен род ледяного вала в шесть футов (183 см. – *Здесь и далее примеч. авт.*) вышиною и четверть мили (400 м) длиною из кусков льда толщиною в два фута (31 см). В шестидесяти ярдах (55 м) перед валом были сделаны на небольших кольях подмостки, назначенные для помещения самих стрелков. <…> Когда царь занял свое место, пищальщики направились к упомянутым выше мосткам и, выстроившись на них, открыли огонь по ледяным мишеням, стрельба их продолжалась до тех пор, пока последние не были окончательно разбиты пулями»[37]. Заявление такого свидетеля, выполнявшего, естественно, не только торговые и дипломатические, но и разведывательные функции, крайне важны, поскольку такого рода письменные заявления отправлялись сначала Марии I, а затем Елизавете II одновременно с комментариями о боевой и моральной подготовке ближайшего окружения российского государя.

Таким образом, с полной уверенностью можно говорить, что уже во второй половине XVI в. в окружении первого русского царя было сформировано элитное стрелковое подразделение со снайперской подготовкой, готовое выполнять личные специальные задания правителя и постоянно совершенствовавшее свои знания и практические навыки. Представляя, какой опале или казни мог подвергнуть нерадивого слугу (читай – холопа) государь, можно с уверенностью утверждать, что уровень практической, теоретической и моральной подготовки стрелков соответствовал требованиям того времени, а возможно, и превосходил среднестатистические стандарты.

В тот же период в Европе, а затем и в России получает распространение короткоствольное огнестрельное оружие:

пистолеты (пистоли) с колесцовым, а позднее кремневым замком; оно приобретает популярность не только у военных, но и у горожан. Во многих странах и отдельных городах Европы власти и знать, обеспокоенные возможностью применения «дьявольского оружия» для осуществления политических убийств, запрещали владение пистолетами без специального разрешения; карой служило публичное отрубание руки. Однако повсеместное распространение нового оружия сдерживали не столько репрессивные меры, сколько высокая стоимость: даже в армиях крупных государств того времени пистолеты поступали на вооружение лишь в отдельные привилегированные кавалерийские подразделения.

Уже в XVI в. изготавливались многозарядные пистолеты. В указанной «Описи» числится «револьвер германский, XVI в., о трех выстрелах»[38]. Указанный образец имел трехзарядный барабан, вращающийся на специальной оси. Калибр оружия 6,5 линии (16,5 мм), длина ствола 9,5 дюйма (240 мм). Скорее всего, возможности короткоствольного (особенно многозарядного) оружия наиболее адекватно оценивались в тех государственных (и негосударственных!) структурах, которые в настоящее время определяются как специальные или секретные.

Применение огнестрельного оружия было не единственным способом устранения неугодных царю людей. У Ивана IV служил придворный аптекарь и астролог Элизиус Бомелий, по некоторым данным, родившийся в Вестфалии и обучавшийся в Кембридже. Он умел готовить яды, которые действовали по прошествии определенного времени. Это не давало возможности установить причинно-следственную связь между бокалом вина и смертью выпившего его человека. По сведениям немецких наемников Таубе и Краузе, служивших в те же годы московскому царю, Бомелий отравил по приказу Ивана IV до 100 опричников. В 1580 г. лейб-медик предпринял попытку сбежать из Москвы, но неудачно. Его поймали и жестоко казнили – по наиболее достоверной версии, Бомелий был заживо сварен в котле. Этот пример показывает, что люди, допущенные к сокровенным государевым тайнам, находились под неусыпным контролем, пренебрегать которым было крайне рискованно.

Постоянные междоусобицы в царском окружении и сопротивление представителей старинных боярских родов, препятствовавших выдвижению новых людей, убедили Ивана Грозного в необходимости сломать устоявшиеся порядки. В декабре 1564 г. царь с семьей в сопровождении заранее отобранных бояр и дворян направился в летнюю резиденцию – Александровскую слободу, откуда послал в Москву две грамоты.

В первой, адресованной боярам, духовенству и служилым людям, он обвинял их в изменах и потворстве изменам, во второй объявлял московским посадским людям, что у него «гневу на них и опалы нет». После публичного прочтения грамот на Красной площади последние потребовали, чтобы царя уговорили вернуться в Москву, в противном случае грозя истребить «лиходеев и изменников». Через несколько дней Иван Васильевич, приняв делегацию духовенства и боярства, согласился на возвращение, но выдвинул следующее условие: одних «изменников» подвергнуть опале, других – казнить и «учинити» опричнину. По этому поводу у историков есть два взаимоисключающих мнения: первое – опричнина обусловлена личными качествами царя и не имела политического смысла (В. О. Ключевский, С. Б. Веселовский, И. Я. Фроянов); второе – опричнина направлена против социально-политических сил, противостоявших усилению самодержавия (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов, Р. Г. Скрынников).

Опричнина (по В. Далю – отдельность), т. е. особая форма царского управления, отсекавшая представителей старой боярской элиты от принятия важнейших государственных решений, была установлена в 1565 г. Политическое обеспечение новой формы правления осуществлено блестяще. Введение опричнины было подготовлено мнимым удалением царя от дел государственных (отъезд в Александровскую слободу) и созданием (с помощью царских грамот и доверенных людей, распускавших слухи) общественного мнения, будто самоустранение царя есть гибель его подданных. То есть, с одной стороны, опричнина вводилась повелением Ивана Грозного, но с другой – при широкой поддержке социально значимых слоев населения, включая духовенство, бояр и армию. Подчеркнем, что в данном случае уместно говорить о проведении специальной психологической операции, направленной на формирование необходимого царю общественного мнения. Таким образом, уже в XVI в. при выполнении важнейших государственных специальных операций использовалась серьезная система подготовки и проведения активных идеологических мероприятий.

Взятые в опричнину «князья, бояре, дети боярские, дворовые и городовые» стали новой царской дружиной, которая наряду с гражданскими государственными обязанностями выполняла специальные функции. Особый корпус опричной стражи сочетал функции личной охраны государя (вместо рынд Ивана III), а также оперативно-следственного и карательного аппарата по отношению к заподозренным в государственной измене или просто в нелояльности вельможам.

Первоначально в опричное войско была взята 1000 служилых людей, в число которых входили и представители некоторых старых княжеских и боярских родов; во главе корпуса стояли А. Д. Басманов[39] и Г. Л. Скуратов-Бельский[40].

Одним из наиболее доверенных людей царя в период опричнины стал Ф. А. Басманов[41], о чем говорит присвоенное ему звание кравчего[42].

Еще одним приближенным опричником был В. Г. Грязной[43]. Среди опричников были не только подданные царя, но и иноземцы, в первую очередь выходцы из «немецких» земель, например Г. Штаден[44].

Для устрашения недовольных опричники привязывали к седлу собачью голову и метлу, показывая всем, что они грызут «государевых изменников» и выметают измену. На практике, как это часто повторялось в истории, репрессиям подвергались не только виноватые, но и невиновные. Жертвами наветов или подозрений царя стали многие люди, причем не только из боярского сословия. Не избежали репрессий и многие из опричников; так, А. Д. Басманова по приказу царя убил его собственный сын.

Уже упомянутые нами А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский считают, что под именем Ивана Грозного могли действовать сразу четыре «государя». Согласно их версии, причины репрессий второй половины XVI в. кроются в борьбе за власть между «ордынской» и «романовской» группировками. Вполне вероятно, что перепады от царской милости к опале могли быть следствием конкуренции среди групп опричников, принадлежащих к разным оперативным подразделениям, подчинявшимся непосредственно государю.

Теперь самое время вспомнить о Вологде, которая стала одним из основных опорных пунктов Ивана IV (по сути, резервной столицей «опричного удела»). Царь пребывал в ней в 1565-м, 1566-м и 1568–1571 гг. Вологодские краеведы И. П. Кукушкин и И. Ф. Никитинский, опираясь на исторические и археологические исследования, так повествуют об истории возведения Вологодского кремля: «На участке, выбранном для нового кремля, в 1565 г. начинаются грандиозные земляные и строительные работы: „Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич в бытность свою на Вологде повелел рвы копать, и сваи уготавлять, и место чистить, где быть грацким стенам каменного здания“ (ПСРЛ. Т. 37.

С. 196). Строительство осложнялось необходимостью подведения во рвы проточной воды. <…> Это было достигнуто за счет изменения русла речки Содемы в нижнем ее течении. В

настоящее время этот участок называется рекой Золотухой. В 1566 г. Иван Грозный „повелел заложить град каменной, и его, великого государя, повелением заложен град апреля 28 день на памяти святых апостолов Иассона и Сосипатра“ (ПСРЛ. Т. 37. С. 196–197). <…> Историк Р. Г. Скрынников отмечает, что в Вологду привозят 300 пушек, отлитых на московском Пушечном дворе, а в гарнизоне крепости, кроме дворян, имеется 500 стрельцов. В работах участвуют выписанные из Англии специалисты. Есть основания считать, что Иван IV не чувствовал себя в достаточной безопасности даже в возводимой крепости. Предпринимается строительство флотилии на случай экстренного отъезда царя в Англию – об этом упоминается в местном летописце. <…> Ниже кремля по р. Вологда часть города, где находились склады товаров и строились корабли, отделяется от напольной стороны рвом, известным ныне как р. Копанка. Он имел в длину 1,8 км и соединял р. Шограш и ров Золотуха. К настоящему времени часть Копанки засыпана. Судя по рельефу местности, она не могла быть водоводом, а являлась рубежом обороны нижней части города. Длина рвов с трех сторон кремля составила 2,2 км, с четвертой крепость проходила по правому берегу р. Вологда. Общая длина стен составляла более 3 км, они проходили по берегу Вологды, левому берегу Золотухи и далее – по направлению современных улиц Октябрьская и Ленинградская. Задуманная в камне крепость не была построена. Каменными были стены по берегу Золотухи, частично по улице Ленинградской, остальные – деревянными. По реконструкции Н. В. Фалина, в пояс стен входили 23 башни, из которых 7 были проездными. Есть и другие мнения по вопросу о количестве башен. Высота каменных стен была от 2 до 8 м, деревянных – 5–9 м. Поверх каменных стен были нарублены деревянные „тарасы“. Примерно в таком виде крепость просуществовала 100 лет. <…> В настоящее время от Вологодского кремля времени Ивана Грозного, в два раза превосходившего по площади современный Московский Кремль, остались только следы древних рвов»[45].

В 1569–1570 гг. Иван Грозный предпринял карательную экспедицию против Твери и Новгорода. Историки до сих пор спорят по поводу причин, побудивших царя предать тверские и новгородские земли «огню и мечу». Доминируют две точки зрения: 1) поход связан с очередным «безумством» царя, решившим потешить себя кровавыми оргиями; 2) поход предпринят для наказания непокорных царю земель.

У авторов на сей счет есть собственная версия этих событий. Как доказывают исторические документы, даже после введения опричнины царь не чувствовал себя в безопасности. В 1567 г. он

отправил к королеве Англии Елизавете I упоминавшегося выше А. Дженкинсона с секретным поручением. Дженкинсон доложил своей королеве: «Далее царь просит убедительно, чтобы между им и ея корол[евским] вел[ичест]вом было учинено клятвенное обещание, что если бы с кем-либо из них случилась какая-либо беда, то каждый из них имеет право прибыть в страну другаго для сбережения себя и своей жизни, и жить там, и иметь убежище без боязни и опасности до того времени, пока беда не минует и Бог не устроит иначе; и что один будет принят другим с почетом. И хранить это в величайшей тайне»[46]. Таким образом, в царском послании речь идет о взаимном предоставлении политического убежища.

Обращают внимание два момента: поручение дано английскому подданному; посол передает слова царя устно. Эти факты указывают на необычайно высокий уровень секретности царского послания. При этом Дженкинсон сильно рисковал. Если бы он был перехвачен недругами русского царя и рассказал им о своей миссии, его, скорее всего, объявили бы изменником, а русский царь в этом случае имел бы полное право потребовать у своей «сестры» голову хулителя, поскольку никаких письменных подтверждений своим словам Дженкинсон представить бы не смог.

И второй момент: поскольку сообщение передавалось устно, Елизавета на первый взгляд усомнилась в его правдивости. Было ли это искреннее сомнение или только политическая игра царственной дамы, неизвестно, но оно нашло отражение в наставлениях, данных королевой специальному послу Томасу Рандольфу в июне 1568 г.: «И вы скажите, что упомянутый слуга наш Антон Дженкинсон под великою тайной сказал нам о желании царя иметь с нами такую дружбу, что если бы по какому-либо бедствию одному из нас случилось искать убежище вне наших собственных стран, то в таком случае другой должен принять защиту его. По этому предмету вы скажите, что мы подумали, что упомянутый наш слуга Ант. Дженкинсон не уразумел слова царя. Ибо, хотя мы полагаем весьма достоверным, что царь мог сделать сказанному нашему слуге предложение о содержании между нами дружбы и любви, но, с одной стороны, уповая на милость Божию, всегда нам являемую, мы ни мало не сомневаемся в продолжении мира в нашем правлении, не опасаясь ни наших подданных, ни кого-либо из иностранных врагов; с другой стороны, нам не известно что-либо противное сему и о положении царя, о могуществе и мудрости которого получаем лучшия донесения от наших подданных, торгующих в его государстве. Поэтому мы полагаем, что упомянутый слуга

наш ошибочно понял значение сказанных ему царем речей. Тем не менее, однако, для яснейшего уразумения его намерений мы повелели вам повторить ему это дело, точно узнать его волю и уверить его, что, если бы в правление его произошло какое-либо несчастье (так как всё под небом, по воле Божьей, подвержено переменам), мы уверяем его, что он будет дружески принят в наших владениях и найдет в нас надежную дружбу для поддержания всех его справедливых исканий, столь же верно, как если бы он имел от нас нарочныя о сем грамоты и обязательства, подписанные нашею рукою и припечатанные нашею печатью»[47].

Из приведенного отрывка следует: несмотря на сомнения (а они изложены более чем ясно), Елизавета дала послу четкое указание о своем согласии предоставить русскому государю политическое убежище. Передавалось оно также устно, что позволяло сохранить секретность переговоров.

В 1569 г. Иван IV направил в Англию с тайной миссией дворянина Андрея Григорьевича Совина. Последний летом 1570 г. привез царю грамоту от 18 мая, подтверждавшую готовность предоставить убежище для Грозного, его семьи и приближенных во владениях английской королевы.

Этот документ чрезвычайной государственной важности приводим полностью как яркий образец тайной дипломатии: «Отправив в другой грамоте (где речь идет об отказе в заключении военно-политического союза. – *Примеч. авт.*), отданной посланнику вашего выс[очест]ва благородному Андрею Григорьевичу Совину, на большую часть поручений изустных и письменных, привезенных и объявленных нам тем посланником, мы сочли за благо, во изъявление нашего доброжелательства к благосостоянию и безопасности вашего выс[очест]ва, отправить к вашему выс[очест]ву сию нашу тайную грамоту, о которой кроме нас самих ведомо только самому тайному нашему совету. Мы столь заботимся о безопасности вашей, царь и вел[икий] князь, что предлагаем, чтобы, если бы когда-либо постигла вас, господин брат наш царь и вел[икий] князь, такая несчастная случайность, по тайному ли заговору, по внешней ли вражде, что вы будете вынуждены покинуть ваши страны и пожелаете прибыть в наше королевство и в наши владения с благородною царицею, супругою вашею, и с вашими любезными детьми, князьями, – мы примем и будем содержать ваше выс[очест]во с такими почестями и учтивостями, какия приличествуют столь высокому государю, и будем усердно стараться все устроить в угодность желанию вашего вел[ичест]ва, к свободному и спокойному провождению жизни вашего выс[очест]ва со всеми теми, которых вы с собою привезете: вам, царь и вел[икий] князь,

предоставлено будет исполнять христианский закон, как вам будет угодно; и мы не посягнем ни в каком отношении на оскорбление вашего вел[ичест]ва или кого-либо из ваших подданных, не окажем никакого вмешательства в веру и в закон вашего выс[очест]ва, неже отлучим ваше выс[очест]во от ваших домочадцев или допустим насильное отнятие от вас кого либо из ваших. Сверх того мы назначаем вам, царь и вел[икий] князь, в нашем королевстве место для содержания на вашем собственном счете на все время, пока вам будет угодно оставаться у нас.

Если же вы, царь и вел[икий] князь, признаете за благо отъехать из наших стран, мы предоставим вам со всеми вашими отъехать в ваше ли Московское царство или в иное место, куда вы признаете за лучшее проехать через наши владения и страны. Мы не будем никоим образом останавливать и задерживать вас, но со всякими пособиями и угождениями дадим вам, любезный наш брат царь и вел[икий] князь, пропуск в наши страны или иное место по вашему благоусмотрению.

Обращаем сие по силе сей грамоты и словом Христианского Государя, во свидетельство чего и в большее укрепление сей нашей грамоты мы, корол[ева] Елисавета, подписываем оную собственною нашею рукою в присутствии нижепоименованных вельмож наших и советников: <…> и привесили к оной нашу малую печать, обещаясь, что мы будем единодушно сражаться нашими общими силами противу наших общих врагов и будем исполнять всякую и отдельно каждую из статей, упоминаемых в сем писании, дотоле пока Бог дарует нам жизнь; и сие государским словом обещаем.

Дана в нашем замке Гэмптон-Корт 18-го дня месяца мая, в 12-й год нашего королевствования и в лето Господа нашего тысяча пятьсот семидесятое»[48].

Итак, летом 1570 г. Иван Грозный получил документ, гарантирующий ему и его приближенным предоставление политического убежища в Англии. Но получить согласие на пребывание в другой стране – только половина дела. Кроме этого следует определить маршрут и провести достаточно сложные организационные мероприятия по реализации задуманного.

В XVI в. из Москвы на Север можно было попасть только по р. Вологда, Сухона и Северная Двина. Дальновидный Иван IV приказал строить корабли в Вологде. Строительство велось под строжайшим секретом, в нем принимали участие английские специалисты. Служащий английской торговой компании Джером Горсей видел эти суда. В своих «Записках» он вспоминал о беседе с русским царем, состоявшейся в конце 1579 или в начале 1580 г. Царь «…спросил меня, видел ли я большие суда и барки у

Вологды. Я сказал, что видел.

– Какой изменник показал их тебе?

– Слава их такова, что люди стекались посмотреть их в праздник, и я с толпой пришел полюбоваться на их странные украшения и необыкновенные размеры…

– Хитрый малый, хвалит искусство своих же соотечественников, – сказал царь стоящему рядом любимцу. – Все правильно, ты, кажется, успел хорошо их рассмотреть. Сколько их?

– Ваше величество, я видел около двадцати.

– В скором времени ты их увидишь сорок, не хуже, чем те»[49].

Горсей ошибается. Суда на Вологде он мог видеть не ранее 1573 г., когда прибыл через Северную Двину в Москву. Вопрос царя о количестве судов вовсе не праздный и был задан не из желания похвастаться перед гостем. Английский торговый агент М. Локк писал, что в первой половине 1570-х гг. только из одного царского дворца было вывезено до 4000 (!) телег с драгоценностями. Горсей в «Записках» также свидетельствует, что Иван Грозный «построил множество судов, барж и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости – на английских кораблях»[50].

Вышесказанное подтверждает, что Вологда являлась не только резервной царской ставкой и местом хранения государевой казны, но и базовым центром основного (литерного) маршрута эвакуации царской семьи из России в Англию. В этой связи авторы полагают, что поход на Тверь, Медный, Торжок, Вышний Волочок и Новгород 1569–1570 гг. имел целью устранение угрозы флангового удара по этому маршруту в случае, если царь с небольшой группой сопровождающих его лиц и «малой охраной» двинется по намеченной дороге. Жесткие карательные меры должны были максимально оградить царственную особу и его приближенных во время возможной эвакуации от вполне реальных смут и заговоров удельной оппозиции. Нельзя забывать и о том, что Новгород по-прежнему оставался оплотом свободомыслия и самоуправления на Руси, на него внимательно смотрели соседние города, стараясь сориентироваться в сложной политической конъюнктуре того времени.

Превентивные меры по переселению «поближе к руке» наиболее ретивых оппонентов самодержавной власти, предпринятые за столетие до этого предками Грозного, и его собственные карательные экспедиции содействовали укреплению

безопасности престола, позволяли хитрому и подозрительному правителю рассчитывать на успех в случае внезапной эвакуации из Москвы, делали невозможным повторение ситуации с Василием Темным. Подготовка и проведение мероприятий, рассчитанных на обеспечение личной безопасности, а если взглянуть шире – на концентрацию власти в одних руках, красной нитью проходят через всю жизнь Ивана IV. Поэтому мы считаем высказанную версию наиболее вероятной для тех условий, в которых осуществлялось управление Российским государством во второй половине XVI в.

Таким образом, в царствование Ивана Грозного были не только заложены основы организации тайных маршрутов эвакуации представителей царствующей фамилии, но и проработаны на международном уровне варианты тайных соглашений с дружественными государями. А строительство с помощью иностранных специалистов в «великой тайне» достаточно большой флотилии, равно как и переправка части казны в надежные хранилища на случай внезапного отъезда, лишний раз подчеркивают серьезность намерений государя и его «великое тщание» о безопасности собственной персоны как олицетворения государства.

Обострившийся конфликт с внутренней оппозицией заставляет царя в 1575 г. фактически возродить опричнину. Иван Васильевич вновь отрекается от престола, на который сажает татарского хана Симеона Бекбулатовича[51], а себя объявляет «князем Московским» и разделяет страну на земщину и удел. Пост кравчего получает Борис Федорович Годунов (тот самый, который потом станет русским царем), сменивший казненного Ф. А. Басманова. Руководителями «новой» опричнины становятся Б. Я. Бельский[52] и А. Ф. Нагой[53].

Примерно в то же время в составе российского войска появляется подразделение, состоявшее из иностранцев. Горсей утверждает, что одним из инициаторов создания подразделения наемников был он: «Я отважился устроить так, чтобы царю рассказали о разнице между этими шотландцами, теперешними его пленниками, и шведами, поляками, ливонцами – его врагами. Они [шотландцы] представляли целую нацию странствующих искателей приключений, наемников на военную службу, готовых служить любому государю-христианину за содержание и жалование, [я говорил что] если его величеству будет угодно назначить им содержание, дать одежду и оружие, они могли бы доказать свою службу, показать свою доблесть в борьбе против его смертных врагов – крымских татар. <…> Вскоре лучшие воины из этих иностранцев были помилованы и отобраны, для

каждой национальности был назначен свой начальник, для шотландцев Джими Лингет, доблестный воин и благородный человек. Им дали деньги, одежду и назначили ежедневную порцию мяса и питья, дали лошадей, сено и овес, вооружили их мечами, ружьями и пистолями. <…> Двенадцать сотен этих солдат сражались с татарами успешнее, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами. Крымские татары, не знавшие до того ружей и пистолей, были напуганы до смерти стреляющей конницей, которой они до того не видели, и кричали: „Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метающими „паффами“»[54].

Как полагают авторы, тактические приемы, использовавшиеся принятыми на русскую службу иностранцами, являлись прямым следствием гуситских войн 1419–1437 гг. и опыта, приобретенного наемниками в бесчисленных войнах в Европе. Маневренная тактика гуситов опиралась на использование укрепленных боевых повозок, представлявших собой передвижные полевые крепости. В России аналогичные укрепления известны под названием «гуляй-город». Такая тактика достаточно быстро стала достоянием многих европейских государств и за столетие развилась в эффективное маневрирование конных и пеших подразделений.

Мобильные чешские отряды были вооружены многочисленным легким маневренным огнестрельным оружием и поражали противника на расстоянии. Подобная тактика лишала тяжелую рыцарскую кавалерию преимуществ, не давая возможности нанести классический таранный удар, прорвать оборону противника и затем рубить бегущих. Частые поражения имперских отрядов поставили Запад перед необходимостью «подтянуть» свое собственное вооружение к уровню вооружения гуситских войск и перенять их передовые тактические приемы. Соответственно, увеличился спрос на легкое огнестрельное оружие, одним из центров производства которого стал Нюрнберг.

Судьба иностранных наемников весьма поучительна для потомков. Горсей пишет: «Позднее они получили жалования и земли, на которых им разрешили поселиться, женились на прекрасных ливонских женщинах, обзавелись семьями и жили в милости у царя и его людей»[55]. Как мы видим из приведенных воспоминаний, политика царя по отношению к служилым иностранцам заключалась в том, чтобы постепенно сделать их полноправными российскими подданными. Не будучи связанными кровными узами со старой боярской знатью, своим благополучием они были обязаны лично царю. Эту традицию продолжил Борис Годунов; в Российской империи Романовых она

существовала на протяжении нескольких веков.

Зимой 1580 г. Иван Грозный направил Горсея с тайной миссией к королеве Елизавете. Суть обращения заключалась в просьбе о скорейшей отправке в Россию пороха, свинца и других военных материалов. Выбор обусловливался тем, что царь доверял Горсею; кроме того, посланец знал несколько европейских языков. Секретное послание было спрятано при участии Савелия Фролова, именуемого Горсеем государственным секретарем, в двойном дне деревянной фляги для водки. Сама фляга была так дешева, что не представляла интереса для потенциальных грабителей. Однако меры безопасности не ограничивались закладкой послания в тайник. На расходы посол получил 400 (!) золотых венгерских дукатов, зашитых в обувь и старое платье. До границ Московского государства Горсея сопровождал вооруженный отряд.

Скорость передвижения оказалась просто фантастической: Горсей указывает, что он и сопровождавшие его государевы слуги проехали 600 миль (960 км) за три дня! Таким образом, в день колонна преодолевала примерно 200 миль (320 км), и это с учетом состояния дорог того времени! Можно с уверенностью предположить, что лошади на замену, провиант для посла и его охраны были подготовлены и расставлены в заранее определенных местах.

По прибытии на Моонзундский архипелаг Горсея арестовали, но после общения с комендантом Аренсбурга освободили. Поводом для освобождения послужило письмо дочери коменданта, находившейся в Москве и отзывавшейся о Горсее как о своем покровителе. Особо следует отметить, что это письмо комендант получил заблаговременно. Случайность? Возможно, но на пути посла не раз оказывались люди, которые были ему чем-то обязаны, что подтверждается радушным приемом его в разных городах Европы.

Приведенные факты доказывают, что миссия Горсея планировалась заранее и очень тщательно готовилась тайными службами русского царя, хорошо ориентировавшимися в сложной «лоскутной» политике Европы того времени. Все было осуществлено на высочайшем уровне: экспедиция нигде не встретила серьезных осложнений. В заключение отметим, что весной 1580 г. Горсей привел караван из тринадцати судов со столь необходимыми для России грузами в бухту Святого Николая, где в 1584 г. по указу царя был основан г. Архангельск. И еще одна маленькая деталь: в качестве награды за службу Елизавета I зачислила Горсея в число личных телохранителей.

18 марта 1584 г. Иван Грозный скончался. По поводу его

смерти существует несколько версий. Одни предполагают, что царя задушили, другие – что его отравили, третьи говорят, что насильственная смерть вероятна, но не доказана. Мы считаем, что если царь был убит, то это не могло произойти без участия лиц из его ближайшего окружения. В пользу версии об отравлении Ивана Грозного говорят исследования М. М. Герасимова, обнаружившего в костных останках царя наличие ртути. Впрочем, нельзя забывать, что во многих лекарствах того времени ртуть присутствовала как лечебный компонент и при длительном употреблении снадобий неминуемо накапливалась в организме. Об удушении царя писал Горсей, судя по его воспоминаниям, присутствовавший в то время в Кремле.

Как бы то ни было, члены Регентского совета, назначенные по завещанию Ивана IV в качестве помощников двадцатисемилетнего Федора Ивановича, начали действовать решительно, возможно, в соответствии с заранее составленным планом. В состав совета входили два Рюриковича – князья Иван Федорович Мстиславский[56] и Иван Петрович Шуйский[57], князь Богдан Яковлевич Бельский и два боярина – Никита Романович Захарьин-Юрьев[58] и Борис Федорович Годунов. Основными распорядителями в Москве в день смерти Ивана Грозного стали Бельский и Годунов, сразу после смерти царя они были окружены родственниками и приближенными. Горсей именует Годунова князем-правителем (the prince protector), указывает на его ведущую роль в это время и отмечает: «Удивительно много успели сделать за шесть или семь часов»[59].

Начальники стрельцов получили приказ закрыть ворота, усилить охрану Кремля и зажечь фитили. Казна была опечатана, к ней приставлена дополнительная охрана из верных людей. Охрану столицы день и ночь несли 12 000 стрельцов. Горсей писал: «Они (новые правители. – *Примеч. авт.*) начали управлять и распоряжаться всеми делами, потребовали всюду описи всех богатств, золота, серебра, драгоценностей, произвели осмотр всех приказов и книг годового дохода; были сменены казначеи, советники и служители во всех судах, так же как и все воеводы…»[60].

Вышесказанное может служить косвенным подтверждением версии о насильственной смерти Ивана IV. Также возможно, что люди из ближайшего окружения имели информацию об истинном состоянии здоровья царя и заранее готовились взять власть в свои руки. Однако тактический союз приближенных Ивана Грозного был недолгим.

После воцарения на московском престоле Федора Ивановича между бывшими союзниками началась смертельная борьба за

власть и влияние, о чем будет рассказано в следующей главе.

Как мы видим, угрозу личной безопасности любого руководителя государства (монарха, президента) можно разделить на внешнюю и внутреннюю. Внешняя угроза – это намерения правителей других стран посягнуть на его жизнь и здоровье. Для реализации подобного замысла существует несколько способов, например прямая военная агрессия, посылка наемных убийц или отравленных даров. В ряду угроз следует рассматривать также намерения иностранных организаций или отдельных подданных, недовольных политикой правителя соседней страны. Особенно опасными являются действия представителей государственных специальных служб, действующих не по воле своего государя, а по политическому или экономическому заказу какой-либо группировки, оппонирующей одному или нескольким монархам.

Источником внутренней угрозы для любого руководителя являются группировки или отдельные лица, претендующие на его место. В их числе могут быть не только политические противники, но и лица из близкого окружения, в том числе родственники. Возможно также совпадение интересов внешних и внутренних оппонентов, тогда они могут объединиться против правителя. Подчеркнем, что именно опасность покушений являлась одним из побудительных мотивов репрессивной политики монархов по отношению к своему ближайшему окружению.

Выдержки из АРТХАШАСТРЫ, или НАУКИ ПОЛИТИКИ[61]

Раздел 17. Предписания для царского жилища

Вместе, предусмотренном наукой о постройке, пусть [царь] велит построить царский дворец с валами, рвом, воротами, окруженный несколькими дворами. Соответственно расположению сокровищницы пусть он велит построить спальню, или обиталище с фокусами, с тайными проходами в стенах и среди его спальню, или подземное обиталище с дверями, на которых деревянные изображения божеств или чайтья, с многими подземными ходами и выходами, или верхний ярус с потайными лестницами в стенах или с пустым для входа и выхода столбом. Пусть, на случай зашиты от беды, сделает спальню, где посредством машины опускается

пол. Или пусть царь велит все это сделать в случае бедствия. Или же иначе велит сделать из боязни перед товарищами молодости.

Внутренние покои, если их обойти, имея их справа, трижды, держа человеческий огонь, не подвергаются опасности от другого огня, и там не горит никакой другой огонь. То же имеет место, если стены обмазаны пеплом, образовавшимся при ударе молнии, смешанным с глиной и водою от града. Змеи и яды бессильны по отношению к внутренним покоям, которые защищены растениями дживанти, швета, мушкака, пушпавандака или веткою дерева ашваттха, выросшего у дерева акшива. Отпусканием на волю кошек, павлинов, ихневмонов и пятнистых антилоп уничтожаются змеи. Попугай, сорока и бхрингараджа кричат, когда есть подозрение на [присутствие] змей и яда. Цапля бесится вблизи яда, фазан млеет, опьяненная кукушка умирает, глаза чакоры обесцвечиваются. Таким образом пусть оказывается противодействие огню, яду и змеям.

За царским жилищем в отделении двора должны находиться обиталище женщин и местопребывание тех [женщин], которые отделены врачами из-за болезней, связанных с беременностью, и место для деревьев и воды. Вне этого – помещение для царевен и царевичей. Впереди – помещение для украшений, место для совещаний, помещение для приемов, помещение для наследника престола и чиновников. В промежутках между дворами должны находиться охранные войска, надзирающие за женскими покоями.

Пусть царь видится с царицей во внутренних покоях только после того, как она осмотрена старухами. Ни к одной из женщин он не должен идти в ее покои. Ведь, спрятавшись в покоях царицы, брат убил Бхадрасену, сын убил Карушу, спрятавшись в постели матери. Одна царица убила царя Каши, смазав зерно ядом под видом меда, другая убила Вайрантью кольцом с ноги, смазанным ядом, [еще другая] – владыку Саувиры драгоценным камнем пояса, [еще другая] – Джалутху зеркалом, а Видуратху царица убила, скрыв оружие в косе. Поэтому пусть царь избегает подобных положений.

Пусть царь запрещает [своим женам] общение с бритыми и носящими косу отшельниками, фокусниками и чужими служанками. И пусть их не посещают их родственницы, кроме как в случаях беременности или

болезни. Гетеры могут их посещать только после того, как очистят тело мытьем и обтиранием, и после того, как их платье и украшения будут перебраны. Мужчины восьмидесяти лет или женщины пятидесяти под видом отцов и матерей, старые евнухи и домашние служители должны проверять честность и нечестность женщин терема и должны направлять их к пользе владыки.

Пусть все живут каждый на своем участке и не посещают чужих, и пусть никто из живущих внутри дворца не общается с живущими вне его. И всякий отмеченный при вносе и выносе предмет, проверенный, должен уходить или приходить во дворец, снабженным печатью с указанием места назначения.

Раздел 18. Охрана особы [царя]

Как только царь встанет, пусть он будет окружен отрядами женщин с луками, во втором дворе – служащими тюрбаноносцами, евнухами, домашними слугами, в третьем – горбатыми, карликами, горцами, в четвертом – советниками, родственниками и привратниками-копьеносцами.

Приближенными пусть он делает тех, кто были еще у его отца и деда, имеют знатное родство и связи, образованны, преданны и опытны в деле. Пусть не делает приближенными иностранцев, или тех, кому не были даны награды или не оказано было внимание, или даже людей из своей страны, если они были приняты вновь на службу после того, как провинились. Царя и дворец должен охранять отряд, надзирающий за теремом.

В скрытом месте главный повар должен делать свое дело при частом пробовании на вкус всего. Пусть царь, также [пробуя], вкушает, принеся сперва жертву пищей огню и птицам. Если в пище яд, то пламя и дым огня темно-синие и раздается треск, а птицы умирают. Пар от пищи с ядом подобен цветом горлу павлина, быстро наступает ее охлаждение, она обесцвечивается как порченая, становится водянистой и не доваривается; соусы быстро высыхают, навар их получает разорванный налет из черной пены, и исчезает их [обычный] запах, ощущение от прикосновения, вкус. У супов цвет становится или слишком ярким, или слабым, на налете пены вверху, по краям, отделяется полоса. У топленого масла посредине полоса темно-синяя, у молока – медно-

красная, у опьяняющих напитков и воды – черная, у кислого молока – коричневая, у меда – белая. Сочные предметы становятся вялыми и переваренными, их навар становится темно-синим или темно-коричневым. Сухие [предметы] быстро распадаются и обесцвечиваются. Жесткие [предметы] становятся мягкими, а мягкие – жесткими. Вблизи их мелкие существа погибают. На коврах и одеждах [от яда] появляются темные круги и выпадают волокна у ниток и волос.

Предметы из металла и драгоценных камней покрываются [как бы] пятнами грязи и уничтожаются их гладкость, цвет, тяжесть, блеск, форма и [пропадает] обычное ощущение от прикосновения к ним. Это признаки наличия яда.

У подносящего яд лицо высыхает и становится темным, появляются остановка речи, пот, зевота, чрезмерная дрожь, спотыкание, смотрение в сторону при разговоре, погружение в работу, неспособность оставаться на месте. Поэтому пусть вблизи царя будут знатоки ядов и врачи.

Врач должен давать царю лекарство, взяв его из помещения для лекарств [аптеки], испытанием определив его чистоту и попробовав его через посредство варящего и растирающего лекарства и лично.

То, что надо сделать с питьем и водою, объяснено по отношению к лекарствам.

Брадобреи и прислужники с платьем и руками, чистыми после купанья, должны прислуживать царю, взяв из рук служителей терема нужные приборы, снабженные печатями.

Рабыни пусть исполняют обязанности банщиков, массажистов, приготавливающих ложе, прачек и изготовителей гирлянд, или же [пусть этим занимаются] находящиеся под их наблюдением искусные в этих занятиях лица. Пусть они подают платья и гирлянды, прижав их сперва к своим глазам, а мази, употребляемые при купании, порошки для натирания, благовония и предметы, употребляемые для купанья, пусть прикладывают к своей груди и рукам. Этим объяснено и обращение с предметами, поступающими от чужих.

Лицедеи должны увеселять царя, не употребляя оружия, огня и яда. Их музыкальные инструменты должны находиться внутри [дворца], так же как и украшения коней, колесниц, слонов.

Царь пусть садится в повозки и на верховых животных, [только] если за ними смотрят слуги, перешедшие к нему по наследству; на корабль пусть садится, только если его обслуживает опытный корабельщик. Пусть он не садится на корабль, который привязан к другому или находится во власти ветра. При этом на берегу пусть находится отряд воинов. В воду пусть он входит, только если в ней нет рыб и крокодилов. В рощу пусть [царь] входит, только если она очищена от диких зверей и змей. Для того чтобы упражняться в стрельбе по двигающейся цели, пусть царь отправляется в лес для антилоп, из которого охотниками со сворами собак устранена опасность нападения со стороны воров, диких зверей и врагов. Пусть [царь] принимает святых отшельников, [только] если при нем находятся опытные вооруженные люди. Посла соседнего царя пусть принимает, только окруженный собранием советников. К [своему] вооруженному войску пусть отправляется только вооруженный или на коне, слоне или колеснице.

При выезде и въезде царь пусть двигается по главной улице, с обеих сторон охраняемый людьми с палками, причем [с улицы должны быть] удалены вооруженные, отшельники и калеки. Пусть царь не выходит на улицу, где скопился народ. На религиозные процессии, собрания, празднества, увеселительные поездки пусть он отправляется, только если на них несут охрану десятники.

Подобно тому, как царь через агентов наблюдает за другими, так пусть он охраняет себя от нападения других, если он рассудителен[62].

Глава 2
Смутное время

Любите врагов своих, гнушайтесь врагов Христа и бейте врагов Отечества.

Заповедь православного воинства

Вступивший 19 марта 1584 г. на престол Федор Иванович, сын Ивана Грозного и Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, по слабости здоровья не имел реальной власти. От имени царя начал править Регентский (Опекунский) совет, внутри которого начинается ожесточенная борьба за власть. Бояре немедленно отправили незаконную жену Ивана Грозного Марию Нагую и ее малолетнего сына, царевича Дмитрия, в ссылку в Углич. Затем в схватке сошлись земский казначей П. И. Головин, занимавший, по словам Р. Г. Скрынникова, далеко не первое место в земской иерархии (его поддерживали бояре Голицыны, Романовы, Шереметевы и Шуйские), и Б. Я. Бельский (опричники Годуновы, Трубецкие, Щелкаловы). Противники Бельского распустили в Москве слух, будто тот отравил царя, хочет извести его сына Федора и посадить на престол Бориса Годунова. 2 апреля в Москве вспыхнул бунт против Бельского, которого отправили в почетную ссылку – воеводой в Нижний Новгород. После этого Годунов заключил политический союз с Романовыми, его двоюродными братьями по материнской линии, и стал именоваться «правителем» государства.

Летом 1584 г. по делу «о государевой краденной казне» П. И. Головин был сослан в Арзамас, но по дороге туда он неожиданно скончался – вероятно, был убит по приказу Годунова. Его брат М. И. Головин бежал в Литву. Затем в заговоре против Годунова поочередно обвинили И. Ф. Мстиславского и И. П. Шуйского. На их места назначили сыновей – Ф. И. Мстиславского и В. И. Шуйского; своим назначением оба обязаны лично Годунову. После смерти боярина Н. Р. Захарьина-Юрьева его родственников и наследников также сослали.

Между тем Борис Годунов все уверенней пробирался к власти. Нельзя не отметить, что его возвышение началось с женитьбы на дочери Малюты Скуратова Марии. Его родная сестра Ирина с 1574 г. была замужем за Федором Ивановичем. В 1577 г.

он стал кравчим, а с осени 1580 г. – боярином. Когда Федор взошел на царство, Годунов занимал посты конюшего (с мая 1584 г.), затем постельничего (по сути, начальника личной охраны). В 1587 г., после ожесточенной дворцовой борьбы, он стал единоличным правителем государства, получившим право самостоятельных дипломатических сношений. Отвечая за безопасность государя, он обеспечивал и свою собственную безопасность, поскольку находился в постоянном соперничестве с родовитым московским боярством – Рюриковичами и Гедиминовичами. Таким образом, начало и конец династии, основанной Рюриком, ознаменовалось приходом к власти начальников личной охраны: Олега у Рюрика и Годунова у Федора.

Федор Иванович. Портрет (парсуна) начала XVII в.

После смерти Федора Ивановича в январе 1598 г. Борис Годунов был избран на царство Земским собором (17 февраля 1598 г.). Первый *избранный* царь оказался не самым плохим государем в отечественной истории. Современник Годунова – келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий (в миру Аверкий Иванович) Палицын о его правлении отзывался положительно: «Царь же Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашеся, о бедных и нищих промышляше и милость таковым великая от него бываше; злых же людей люто изгубляше и таковых ради строений всенародных всем любезен бысть»[63]. Это мнение тем более интересно, что Палицын в 1588 г. был подвергнут опале и насильно пострижен в монахи Соловецкого монастыря.

Позитивное мнение о царе Борисе у его современников явно

преобладает. Приведем два примера. Доходы Приказа Большого дворца, полученные от продажи излишков податей, выплачивавшихся натурой, возросли с 60 000 при Иване Грозном до 230 000 рублей при Федоре Ивановиче, когда правителем (главой правительства) стал Годунов. Европейские обычаи начали распространяться в Московском государстве также при царе Борисе. При нем «дети боярские» (по различным данным, от 5 до 18 человек) впервые были отправлены в Лондон, Любек и Париж учиться наукам у иноземцев.

С. Ф. Платонов дал Годунову следующую характеристику: «По мерке того времени, Борис был очень гуманной личностью, даже в минуты самой жаркой его борьбы с боярством „лишней крови“ он никогда не проливал, лишних жестокостей не делал и сосланных врагов приказывал держать в достатке, „не обижая“»[64]. А врагов в боярской среде у новоявленного царя было более чем достаточно: Бельские, Глинские, Голицыны, Мстиславские, Романовы, Шуйские и другие претенденты на московский престол. В. О. Ключевский писал: «Чуя глухой ропот бояр, Борис принял меры, чтобы оградить себя от их козней: была сплетена сложная сеть тайного полицейского надзора, в котором главную роль играли холопы, доносившие на своих господ, и выпущенные из тюрем воры, которые, шныряя по московским улицам, подслушивали, что говорили о царе, и хватали каждого, сказавшего неосторожное слово»[65]. Для доноса требовалась веская причина – мотивация. Она появилась после того, как в 1597 г. произошло прикрепление крестьян к земле, а дворовых поголовно стали записывать в холопы. Представители низших сословий становились удобными с точки зрения вербовки: за обещание получить вольную многие становились осведомителями государя, поскольку Холопий приказ находился в его личном подчинении. Один из холопов князя Шестунова, написавший донос на своего господина, получил в награду не только вольную, но и поместье, о чем было публично объявлено в Москве.

Вооруженные силы Российского государства при Годунове имели следующую организацию. Дворянская кавалерия вместе с царскими телохранителями составляла порядка 15 000 всадников. Регулярной пехотой являлись стрельцы. В воспоминаниях находившегося в Москве в 1588–1589 гг. Дж. Флетчера сказано: «Из них (стрельцов. – *Примеч. авт.*) 5000 должны находиться в Москве или в ином месте, где бы ни находился царь, и 2000 (называемые стремянными стрельцами) при самой его особе, принадлежа дворцу или дому, где он живет. Прочие размещены в укрепленных городах…»[66]. Во времена Годунова и позже стремянными стрельцами назывались стрельцы,

составлявшие личный полк государя. Второе значение – конные стрельцы. Нами Стремянный полк рассматривается как одно из подразделений личной охраны царя.

Не очень надеясь на лояльность холопов и уж тем более московского боярства и дворянства, Годунов начал привлекать на военную, в том числе охранную, службу иностранных наемников. Флетчер говорит о 200–250 выходцах из Европы. Эти люди, не будучи связанными кровным родством с политическими противниками Бориса, приносили присягу на верность царю и находились в его личном распоряжении. Выбор Годунова на немецких и швейцарских наемников, служивших еще в личной охране Ивана Грозного, пал неслучайно. Еще в 1291 г. несколько швейцарских кантонов образовали «союз на вечные времена» против империи Габсбургов. На протяжении двухсот лет швейцарцы отстаивали свое право на независимость в войнах с Бургундией, Францией и Священной Римской империей, в 1499 г. Швейцария провозгласила независимость. В результате гражданской войны 1531 г. победу одержали сторонники католицизма, и взгляды многих швейцарцев-протестантов обратились к православной России.

Географическое положение Швейцарии, а также ее государственное устройство и чрезвычайно высокий (по сравнению с соседями) уровень свободы ее граждан способствовали появлению и развитию профессиональной военной касты. Швейцарские наемники снискали себе славу неустрашимых, неподкупных и преданных воинов-профессионалов. Доказательством заслуг швейцарских солдат стало их постоянное участие в охране Ватикана и лично Папы Римского. Согласно классической геополитической доктрине, государство следует рассматривать в качестве живого организма, стремящегося к расширению влияния. В этом случае длительное присутствие швейцарских наемников при королевских домах Европы можно сравнить с «демонстрацией флага», что служило росту авторитета государства. Параллельно возникала возможность создания определенных агентурно-оперативных линий, обеспечивавших получение информации непосредственно от высших руководителей различных стран.

Военные доктрины, предлагавшиеся швейцарскими военными, имели преимущество перед аналогичными предложениями конкурентов из других стран. Наиболее воинственно настроенные (по Л. Гумилеву, пассионарные) граждане имели возможность реализовать себя за пределами собственного государства и тем самым выключались из участия в возможных внутренних конфликтах. Сравнение различного

военного опыта позволяло военным теоретикам и практикам из Швейцарии совершенствоваться в вопросах обеспечения безопасности. Помимо швейцарских активно привлекались немецкие наемники, особенно представлявшие известный в то время г. Нюрнберг.

Уже в XV–XVI вв. в Нюрнберге существовал свой парламент – рейхстаг. Статус королевского города с большими вольностями и низкие налоги стимулировали развитие торговли и ремесел, в первую очередь «тонких и точных наук» и новейших изделий «военно-промышленного комплекса» того времени. Достижения оружейников были столь впечатляющими, что мало кто из европейских монархов не имел в своем арсенале знаменитого «нюрнбергского доспеха», который уберегал от сильного удара копьем или мечом и «держал» выстрел из большинства видов ручного огнестрельного оружия, конечно, исключая артиллерию. Хотя зафиксированы случаи, когда «нюрнбергский доспех» выдерживал попадание небольшого орудийного ядра.

Производство огнестрельного оружия в Нюрнберге, соблюдавшем «вооруженный нейтралитет», особенно возросло между 1420–1535 гг. За это время для собственных нужд и на продажу было изготовлено не менее 12 000 ружей – значительная по тем временам цифра.

С технической точки зрения изделия нюрнбергских оружейников имели много новшеств. Стволы некоторых ружей изготавливались с двумя запальными отверстиями, боковая полка имела сдвижную крышку, предохранявшую порох от попадания влаги и высыпания. Отдельные экземпляры имели нарезные стволы с винтовыми канавками. На одном из высокоточных ружей XV в. (его изображение сохранилось в архивных документах) имеется диоптрический (!) прицел, который значительно повышал точность при стрельбе. Ствол этого ружья крепился к ложу при помощи четырех винтов. У более поздних моделей были не только фитильные, но и кремневые замки различных конструкций. Похожее оружие есть и в российских музеях, что подтверждает практический интерес к особо точному огнестрельному оружию при русском дворе.

Следует особо отметить, что при выборе швейцарцев и нюрнбержцев учитывалась конфессиональная принадлежность. Все приглашенные наемники являлись протестантами или лютеранами (т. е. некатоликами). Не только Иван Грозный, но и Борис Годунов следовал заветам Ивана III и Софьи Палеолог – традиция была продолжена и при Романовых.

Приглашенные на службу иностранцы освобождались от большинства налогов. Голландский купец И. Масса указывал, что

Годунов был милостив к иностранцам. В частности, он имел намерение выписать из-за границы ученых, чтобы учредить в Москве школу с преподаванием иностранных языков. В 1600 г. в Священную Римскую империю направили И. Крамера, «чтобы в будущем иметь среди своих подданных мудрых и способных людей. <…> Но монахи и попы воспротивились этому и ни за что не хотели согласиться, говоря, что земля их велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи и т. п. Если же иные языки, кроме родного, появятся среди русских, то в стране возникнут распри и раздоры и внутренний мир не будет соблюдаться так, как сейчас»[67].

Кроме того, «он (Годунов. – *Примеч. авт.*) все же выбрал из московитских детей восемнадцать дворянских сынов, из которых шесть было послано в Любек, шесть в Англию и шесть во Францию, чтобы их там обучили. Они легко выучили иноземные языки, но до настоящего времени из них только один вернулся в Россию – тот, которого Карл, король шведский и проч., дал в толмачи господину Понтусу Делагарди. Его звали Димитрий. Остальные не пожелали возвращаться в свое отечество и отправились дальше по свету»[68]. Родовитое боярство и церковные иерархи в большинстве своем воспринимали подобные нововведения крайне негативно. Стремление Годунова облегчить положение посадских торговых людей и ремесленников также приводило к неудовольствию боярства – многие хулители Бориса звали его «рабоцарем».

Неприязнь бояр вызывала ответную реакцию со стороны государя. И. Масса писал, что царь «больше верил священникам и монахам, нежели своим самым преданным боярам, а также слишком доверял льстецам (pluymstryckers) и наушникам (oorblasers), и допустил совратить себя и сделался тираном, и повелел извести все знатнейшие роды <…> и главной к тому причиной было то, что он допустил этих негодяев, а также свою жестокую жену (Марию Григорьевну, дочь Малюты Скуратова. – *Примеч. авт.*) совратить себя, ибо сам по себе он не был таким тираном»[69]. Мы полагаем, что одной из причин смуты начала XVII в. следует считать крайне неприязненные личные отношения правящей элиты, обусловленные притязаниями на престол ряда ее представителей.

Поводом к междоусобице послужило прекращение династии Рюриковичей. До сих пор одним из наиболее загадочных событий в российской истории считается смерть царевича Дмитрия, найденного с перерезанным горлом 15 мая 1591 г. на своем дворе в Угличе. Мать царевича Мария Нагая обвинила в смерти сына дьяка Битяговского, надзиравшего за семейством, и косвенно

Бориса Годунова. Следственная комиссия в составе князя В. Шуйского, окольничего А. Клешнина, дьяка Вылузгина и митрополита Крутицкого Геласия пришла к следующим выводам: 1) царевич зарезал себя сам в припадке падучей болезни (так тогда называли эпилепсию) во время игры с ножичком; 2) вдова Ивана Грозного и ее родня побудили угличан к убийству невинных лиц без всякого на то основания. В итоге Марию сослали в монастырь на Выксу (близ Череповца) и там заставили принять постриг, ее братьев разослали по разным городам, а виновных в беспорядках угличан казнили или сослали в Пелым. А через десять лет в Речи Посполитой объявился человек, которого стали называть «воскресшим» царевичем Дмитрием.

Рассмотрим несколько версий, связанных с обстоятельствами той смерти. Для начала предположим, что ребенок погиб в результате убийства, а не несчастного случая. Кому была выгодна его смерть? Обратимся к воспоминаниям современников. Флетчер отмечал: «Младший брат царя, дитя лет шести или семи <…> содержится в отдаленном месте от Москвы под надзором матери и родственников из дома Нагих. Но, как слышно, жизнь его находится в опасности от покушения тех, которые простирают свои виды на престол в случае бездетной смерти царя»[70]. К. Буссов свидетельствует, что Дмитрий однажды сделал из снега чучела, которые называл именами знатнейших московских вельмож, и саблей срубал им головы, говоря, что так будет со всеми боярами. Оба иностранца также сообщали, что царевич характером похож на отца: он жесток и любит смотреть на мучения животных. По воспоминаниям А. Палицына, о враждебном отношении Дмитрия и его окружения к боярам – приближенным царя Федора – в Москве было хорошо известно.

Из вышеприведенного можно сделать вывод: многие московские бояре имели основания опасаться, что, став взрослым и сменив на престоле брата, Дмитрий захочет отомстить за свои унижения. Таким образом, желать смерти царевича могли в первую очередь те, кто сам мечтал сесть на московский престол, при этом Вельские, Годуновы, Мстиславские, Романовы и Шуйские были только верхушкой айсберга Мы осознанно не отделяем Годунова от его противников. Большинство летописей, обвиняющих Бориса в убийстве, составлено после 1605 г. – в царствование Василия Шуйского, одного из главных конкурентов Годунова в борьбе за трон. Романовым, занявшим престол в 1613 г., версия об убийстве царевича по приказу Годунова править не мешала. Однако самоубийство и убийство Дмитрия – не единственные версии угличской трагедии.

«Воскрешение» царевича в образе человека, названного

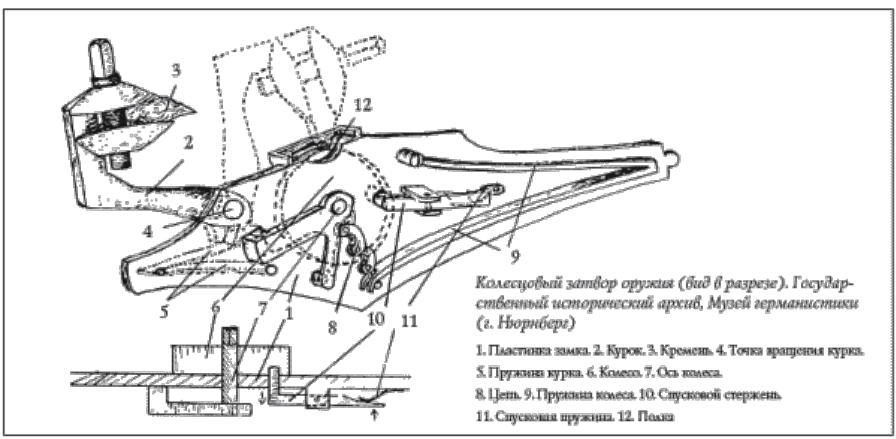
впоследствии Лжедмитрием I, связано с версией, согласно которой в Угличе погиб не Дмитрий, а другой мальчик. Кто мог организовать эту подмену и для чего? Здесь есть два варианта: 1) ребенка подменили близкие люди, желавшие сохранить жизнь возможного наследника престола; 2) подмену организовал кто-либо из приближенных царя Федора, отводивших Дмитрию роль дублера в случае смерти государя. Очевидно, что смерти царевича жаждали многие влиятельные особы, и люди из охраны Дмитрия понимали это. Они могли найти подходящего по возрасту и внешнему виду ребенка, поднять большой шум по поводу случившейся трагедии и, воспользовавшись суматохой, вывезти истинного царевича в заранее подготовленное безопасное место. В этом случае спаситель царевича имел серьезные преимущества в будущей карьере. Возможные репрессивные меры со стороны Дмитрия при соответствующей психологической обработке легко было бы направить против соперников. Примечательно, что первые слухи о том, будто царевич жив, стали распространяться в Москве в начале 1598 г., еще при жизни царя Федора Ивановича.

После избрания Бориса Годунова царем (февраль 1598 г.) слухи о чудесном спасении царевича Дмитрия стали эффективным инструментом в руках его соперников. С. Ф. Платонов отмечал: «Боярство не могло помешать ему занять престол, потому что, помимо популярности Бориса, права его на царство были в глазах народа серьезнее прав всякого другого лица благодаря родству Бориса с угасшей династией. С Борисом-царем нельзя было открыто бороться боярству потому, что он был сильнее боярства; сильнее же и выше Бориса для народа была лишь династия Калиты. Свергнуть Бориса можно было только во имя ее. С этой точки зрения вполне целесообразно было популяризировать слух об убийстве Дмитрия, совершенном Борисом, и воскресить этого Дмитрия. Перед этим боярство и не остановилось»[71]. Многие историки считают, что «воскрешение» царевича из рода Рюрика имеет московское происхождение.

Но одним раздуванием слухов дело не ограничилось, предпринимались также попытки устранить государя вооруженным путем. Сразу после смерти Федора Ивановича бывший руководитель опричнины Бельский безуспешно пытался заявить свои претензии на престол. Однако царем был избран Годунов. Бельский был обвинен в заговоре против Годунова, арестован и заключен в тюрьму. Еще одну из попыток захватить власть предпринял клан Захарьиных-Юрьевых – Романовых.

В октябре 1600 г. здоровье Годунова резко ухудшилось. На спешно созванное заседание Боярской думы царя принесли на

носилках, по Москве поползли слухи о его скорой кончине. В один из дней на подворье Романовых собрались многочисленные родственники, бояре-сторонники и холопы, которые были вооружены. Многие из московской знати считали Романовых единственными законными претендентами на престол, поскольку они приходились двоюродными братьями последнему царю из династии Рюриковичей. Наиболее популярным среди шестерых братьев считался старший – Федор Никитич, человек очень образованный для своего времени. Предки Романовых со времен Василия I имели отношение к военному делу и тайной государевой службе[72]. Годунов понимал, что угроза его власти реальна, поскольку военные и специальные навыки для организации переворота у Романовых имелись.



Колесцовый затвор оружия (вид в разрезе). Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг)

1. Пластинка замка. 2. Курок. 3. Кремень. 4. Точка вращения курка. 5. Пружина курка. 6. Колесо. 7. Ось колеса. 8. Цепь. 9. Пружина колеса. 10. Спусковой стержень. 11. Спусковая пружина. 12. Полка

Получив информацию об организованном сборе вооруженных людей практически у стен Кремля и стремясь предотвратить переворот, Годунов действовал решительно. В ночь на 26 октября 1600 г. он послал к дому Романовых несколько сот стрельцов. Дом был подожжен, а его защитники, оказавшие сопротивление, убиты, многие из оставшихся в живых подверглись аресту. Дворянин Бартенев, служивший казначеем у боярина А. Романова, донес, что его господин хранит в казне волшебные коренья, с помощью которых намерен извести Бориса и его семью. За короткое время по обвинению в чаровстве и заговоре против государя всех братьев Романовых отправили в ссылку в разные места. Федора Никитича постригли в монахи под именем Филарета[73], чтобы лишить его права занять престол. Вместе с Романовыми были сосланы многие их родственники: Карповы, Репнины, Сицкие, Черкасские, Шестуновы. Александр, Михаил и Василий Романовы погибли в ссылке в 1601–1602 гг. Младшего из братьев – Ивана Никитича (Кашу) в 1602 г. Годунов возвратил в

Москву.

Однако вернемся к слухам о спасении царевича Дмитрия, появление которых было выгодно не только боярству. В 1600–1601 гг. в Москве находилось посольство Речи Посполитой во главе с великим гетманом Литовским Львом Сапегой. Его считают автором плана подчинения Московского государства Речи Посполитой с помощью самозванца, посаженного на московский престол. По некоторым сведениям, в составе посольства был молодой человек, которого готовили на роль царевича Дмитрия. Таким образом, слухи о спасении сына Ивана Грозного могли иметь иностранное происхождение. Это тем более вероятно, что участие польско-литовских войск (как частных наемных, так и подчинявшихся правительству) в интервенции начала XVII в. было связано с именем спасшегося (спасенного) царевича Дмитрия.

Борис Годунов. С портрета XVII в.

Отметим, что в те далекие времена передаваемые из уст в уста слухи имели гораздо большее значение, чем сейчас. Число умевших читать и писать было невелико. Даже среди бояр имелось много неграмотных. Распространение информации осуществлялось почти исключительно в устной форме, а точность ее передачи зависела от личных качеств рассказчика. Чем значительнее (уважаемее) в глазах общества он был, тем больше веры было его словам. Единственным источником официальной информации для населения являлось публичное чтение государевых грамот. В этих условиях слухи становились эффективным инструментом формирования общественного мнения.

Даже в нынешнее время распространение слухов – один из элементов психологической войны. Как показывает опыт, наибольшей эффективностью они обладают в тот период, когда государство находится в условиях политического и/или экономического кризиса. Нестабильность общества создает благоприятные условия для промывания мозгов. Именно такая ситуация сложилась в Московском государстве в результате небывалого голода 1601–1603 гг. Только в Москве, по официальным данным, умерли более 120 000 человек.

В числе негативных последствий голода было появление множества вооруженных отрядов, состоявших из беглых или отпущенных на волю (чтобы не кормить их) холопов, посадских людей и представителей правящих сословий, искавших со своими «дружинами» легкой добычи. В 1603 г. банду Хлопка, сопоставимую с небольшой армией, с трудом разгромили в Подмосковье. Командовавший правительственными войсками окольничий И. Ф. Басманов погиб. Войска под руководством родственника царя С. Годунова, направленные для подавления бунта в Астрахани, были разбиты «воровскими» казаками, сам военачальник едва спасся бегством. Никому не подконтрольные вооруженные отряды становились серьезной угрозой не только для беззащитного населения, но и для власти.

Таким образом, социальная база для поддержки «законного и справедливого» царя была подготовлена рядом объективных и субъективных причин. По нашему мнению, основную ответственность за события Смутного времени несет вязкая, алчная и агрессивная «боярская дружинная среда», повторно – после событий, предшествовавших ордынскому нашествию, – столкнувшая Отечество на грань катастрофы в угоду личным и клановым амбициям.

Исторические материалы, посвященные Смутному времени, указывают на самую характерную особенность той поры – многократное предательство. Большинство московских бояр и дворян неоднократно, несмотря на крестное целование, переходили от одного государя или претендента на престол к другому, руководствуясь не убеждениями, а личной выгодой. Еще одна неотъемлемая черта той поры – широкое участие в междоусобице иностранцев (поляков, литовцев, шведов, немцев, французов, шотландцев и др.), а также казаков, продававших свой клинок не за честь и славу, а за корысть.

По нашему глубокому убеждению, одним из субъективных факторов Смуты явилась также крайне низкая эффективность государевых служб безопасности. В течение Смутного времени практически все претенденты на московский престол были убиты разными группировками заговорщиков. Небольшие отряды хорошо подготовленных наемников, входивших в состав царской охраны и до конца сохранявших верность присяге, изменить положения не могли.

Мы не ставим перед собой задачу выяснить истинное имя Лжедмитрия I и других лиц, выступавших под именем «воскресшего» сына Ивана Грозного. Более важной представляется роль, которую самозванцы сыграли в создавшихся условиях. Здесь и далее для их обозначения будут использованы имена, принятые в историографии. Нас (надеемся, что и наших читателей) более интересуют действия, связанные с борьбой за власть и обеспечением безопасности властителей. В этой связи рассмотрим, какие шаги предпринял Лжедмитрий I (а точнее, те, кто стоял за его спиной) для организации похода на Москву и какие контрмеры по устранению угрозы со стороны внешних и внутренних оппонентов были приняты (или не приняты) правительством Бориса Годунова.

Основной задачей лжецаревича было заручиться поддержкой влиятельных лиц, первыми в ряду которых в 1603 г. считались крупнейшие магнаты Речи Посполитой А. и К. Вишневецкие. По какой причине братья решили поддержать человека, заявившего свои права на московский престол, не столь важно. Возможно, они поверили в то, что царевич настоящий, и решили восстановить справедливость, еще более возможно – сочли ситуацию благоприятной для реализации собственных планов. В числе таких планов могло быть объединение Московского царства и Речи Посполитой в единое государство и создание Польско-Литовско-Московской унии[74]. Главное заключается в том, что благодаря авторитету и связям Вишневецких Лжедмитрий I получил необходимую поддержку у части польской знати.

Немалый интерес к его персоне проявила и католическая церковь. В ноябре 1603 г. представитель Папы Римского при польском дворе нунций Рангони доложил его святейшеству о появлении в Речи Посполитой «чудом спасшегося царевича Дмитрия». Нунций содействовал встрече Лжедмитрия с польским королем Сигизмундом III, который пообещал «царевичу» финансовую помощь.

В целом польская знать приняла рассказы «воскресшего» царевича весьма сдержанно, Польский сейм 1605 г. даже запретил шляхте поддерживать самозванца. Канцлер и коронный гетман Ян Замойский охарактеризовал историю Лжедмитрия так: «Это комедия Плавта или Теренция, что ли»[75]. Часть шляхты, однако, поддержала «царевича» вопреки воле сейма. В Речи Посполитой тех лет существовала поговорка: «Шляхтич в своем огороде всегда равен воеводе». Одним из самых активных сторонников Лжедмитрия стал тесть К. Вишневецкого сандомирский (самборский) воевода Ежи (Юрий) Мнишек. Этот человек, искушенный в интригах, руководствовался собственным интересом – стать тестем царя Московского.

Самозванный Дмитрий на обещания не скупился. Папе Клементию VIII он сообщил о желании принять католичество и обещал покровительствовать католической церкви в случае занятия московского престола. Мнишекам посулил 1 млн злотых и передачу во владение ряда русских городов (Новгород, Смоленск, Псков и др.). Польскому королю Сигизмунду были даны заверения о присоединении к Речи Посполитой Северской земли. Для мелкопоместной шляхты и украинских казаков привлекательно выглядели посулы вознаградить материально и предоставить вольности. Благодаря этому, а также оказанной Вишневецкими и Мнишеком финансовой поддержке под знаменами лжецаревича собралось, по разным оценкам, от 3000 до 10 000 вооруженных сторонников. С. Ф. Платонов объясняет успехи самозванца следующими обстоятельствами: «Будучи представлен к польскому двору и признан им в качестве царевича, самозванец получает поддержку, во-первых, в Римской курии, в глазах которой он служил прекрасным предлогом к открытию латинской пропаганды в Московской Руси, во-вторых, в польском правительстве, для которого самозванец казался очень удобным средством или приобрести влияние в Москве (в случае удачи самозванца), или произвести смуту и этим ослабить сильную соседку; в-третьих, в бродячем населении южных степей и в известной части польского общества, деморализованной и склонной к авантюризму»[76].

Формирование войска на территории Речи Посполитой было

не единственной задачей человека, решившего стать московским царем. Большое внимание он уделил вербовке сторонников непосредственно в России, в первую очередь в южных и юго-западных приграничных землях. Все лето 1604 г. от имени «царевича Дмитрия» рассылались «прелестные письма» (грамоты), ставшие особенно популярными среди украинских казаков. Один из организаторов психологической операции – пан М. Ратомский действовал с помощью лазутчиков, засылаемых на сопредельные территории. В числе лазутчиков называют русских монахов Леонида и Михаила. «Царские грамоты» порождали множество слухов о чудесном спасении царевича, а те в свою очередь обеспечили первоначальные успехи Лжедмитрия в походе на Москву.

Инициатива в психологической войне исходила из окружения Лжедмитрия I. Правительство Годунова выпустило ситуацию из-под контроля; люди, от которых зависело ключевое решение, по тем или иным причинам саботировали его принятие, хотя оперативная информация о подозрительном поведении противников Московского государства и о появлении Лжедмитрия I поступала своевременно.

Н. И. Костомаров отмечал: «В 1605 году, когда борьба Бориса с самозванцем была во всем разгаре, Филарет вдруг изменился и смело отгонял от себя палкою монахов, которые приходили следить за ним. Воейков доносил на него в таких словах: „Живет старец Филарет не по монастырскому чину, неведомо чему смеется, все говорит про птиц ловчих, да про собак, как он в мире живал. Старцев бранит и бить хочет и говорит им: „Увидите, каков я вперед буду“»[77]. Можно предположить, что опальный Федор Никитич располагал информацией о происходящих в государстве событиях и о возможных изменениях в своей судьбе. Скорее всего, он поддерживал связь с Иваном – единственным из братьев, жившим тогда в Москве. Никаких мер по выяснению, что имел в виду Филарет, когда говорил об изменениях в его положении, предпринято не было. Возможно, что слова опального боярина восприняли как бахвальство, но не исключен и другой вариант. К 1604 г. популярность Годунова снизилась, а влияние его противников, наоборот, возросло. Поэтому нельзя исключить, что скрытые сторонники Романовых, находившиеся в окружении царя Бориса, воспрепятствовали проведению сыска в отношении Филарета или провели его в интересах последнего.

В первой половине 1604 г. слухи о том, что настоящий царевич жив и находится в Речи Посполитой, в конце концов вынудили московское правительство провести разыскные мероприятия. В результате в январе 1605 г. была выдвинута

версия, что в роли самозванца выступил Григорий Отрепьев, сын галичского дворянина Богдана Отрепьева, расстриженный дьякон Чудова монастыря, одно время служивший у Романовых и Черкасских. В дипломатическом послании польскому двору по поводу Отрепьева говорилось, что он был непослушным сыном, много раз «бегал» от отца, заворовался, после принятия пострига впал в ересь и в «чернокнижье», за что был расстрижен. Представив самозванца изобличенным преступником, Посольский приказ потребовал от властей Речи Посполитой выдачи «вора». Примечательно, что это требование последовало через три месяца после того, как армия самозванца пересекла границы России.

Факты подтверждают, что государевы службы оказались не готовы своевременно и адекватно реагировать на изменение ситуации. Более того, запоздалые и бессистемные действия московских властей ожидаемой поддержки в народе и – что еще важнее – в дворянской (военной) среде не получили.

Отрепьева предали анафеме, но реакция простого московского люда на церковное решение была своеобразной: говорили, что прокляли какого-то Отрепьева, а царевич – настоящий. Это неудивительно: идея высшей («государевой») справедливости есть постоянная составляющая менталитета народных масс. Она не утратила актуальности и в настоящее время: официальное название высшего государственного лица в глазах многих россиян не имеет значения, незыблемый принцип единовластия заложен в национальном сознании сотнями и тысячами поколений. Российское общество реагировало на самозванца как на «доброго» царя-освободителя, способного защитить простой народ от притеснений бояр. (Но если в сознании народа закрепляется убеждение, что государь правит неправедно, то любовь к нему сменяется ненавистью.)

Поскольку многие отечественные историки относятся к версии о тождественности Лжедмитрия I и Григория Отрепьева с большой осторожностью, приведем мнение С. Ф. Платонова, одного из самых крупных знатоков Смутного времени: «Неизвестно, кто он был на самом деле, хотя о его личности делалось много разысканий и высказано много догадок. <…> Бесспорно, однако, то, что Отрепьев участвовал в этом замысле: легко может быть, что роль его ограничивалась пропагандой в пользу самозванца. (Есть известия, что Отрепьев приехал в Москву вместе с Лжедмитрием, а потом был сослан им за пьянство.) За наиболее верное можно также принять и то, что Лжедмитрий – затея московская, что это подставное лицо верило в свое царственное происхождение и свое восшествие на престол считало делом вполне справедливым и честным»[78].

В середине октября 1604 г. войско Лжедмитрия I перешло границу у Киева и двинулось в сторону Москвы. Основным и весьма действенным оружием самозванца были агитация и пропаганда. «Царевич» обещал мир и благоденствие, призывая присягать ему как законному государю. Агентура самозванца успешно распространяла слухи, что король польский и влиятельные вельможи Речи Посполитой признали его истинным великим князем Московским. Пропаганда оказалась эффективной – многие приграничные города перешли на его сторону. Население самочинно вязало воевод и передавало их Лжедмитрию, некоторые из «слуг государевых» поспешили признать «царевича» законным государем и перейти на его сторону.

Одной из причин, обеспечивших победу малочисленного войска «царевича», стало предательство служилого боярства. Вероятно, первым изменником среди высшего сословия был воевода Хрущов, направленный московским правительством к донским казакам для изобличения самозванца. Когда воеводу схватили и привезли к Лжедмитрию, Хрущов признал в его лице «Иоанна» и выразил готовность служить ему как законному государю.

К январю 1605 г. на сторону Лжедмитрия I перешли Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы, Моравск, Чернигов, Белгород, Оскол, Валуйка, Воронеж, Елец и Ливны. Захваченная в этих городах московская казна использовалась для вербовки новых сторонников. Многие города пали в результате предательства. Так, сдачу Путивля объясняют изменой князя В. М. Рубец-Мосальского. При решающем штурме Кром воевода М. Г. Салтыков (либо вследствие некомпетентности, либо изменив государю) отвел пушки в тыл, лишив правительственные войска огневой поддержки.

Победа московского войска под Добрыничами 21 января 1605 г. одержана с участием отрядов иностранных наемников. Потери Лжедмитрия были огромны – свыше 10 000 человек, остатки его войска бежали. «Главный военачальник Бориса, князь Мстиславский, получил в этой битве 15 ран, и если бы в дело не вмешались 700 немецких конников (которые тоже пришли в стан из своих поместий) и не бросились на помощь и выручку московитам, то московитам пришлось бы плохо. Эти 700 немцев отогнали Димитрия так далеко, что он был вынужден снова покинуть Северские земли и прекратить попытки взять крепость, где был Басманов»[79].

Однако своевременное преследование и захват самозванца организованы не были. Одержавшие победу воеводы почему-то

решили, что «царевич» погиб в сражении. На настойчивые требования командиров иноземных отрядов развить успех операции до полной победы, взять в плен Лжедмитрия или организовать поиски его тела на поле битвы последовал самодовольно-однозначный отказ московских воевод. Спасителям, которые воевали даже не за свое государство и честно исполняли свой военный долг, надменно указали – знайте, мол, свое место. Иноземцы и некоторые наиболее искушенные в воинском деле русские воеводы смогли лишь организовать должное охранение, препятствовавшее возможным контратакам неприятеля.

В столице праздновали победу, добытую при поддержке «германцев» и «швейцарцев», а тем временем Лжедмитрий, потерявший всякую надежду на успех, бежал в Севск, затем в Рыльск и Путивль. Согласно историческим исследованиям, он хотел уйти обратно в Речь Посполитую, но этому воспротивились местные жители, понимавшие, что ждать милости от царских войск им не приходится. За преданность Дмитрию мужчин, женщин и детей сажали на кол, вешали на деревьях за ноги, расстреливали для забавы из луков и пищалей. Подобные действия правительственных войск можно охарактеризовать словом, ставшим популярным в России на рубеже XX–XXI вв., – беспредел. Проходившие ранее через Северщину войска «царевича» ничего подобного себе не позволяли, и это еще больше утвердило народ во мнении, что Дмитрий и есть настоящий царь.

Жестокость, проявленная в отношении населения поддержавших самозванца территорий, приводила к деморализации самой армии Годунова. Желание присягнуть Лжедмитрию быстро распространялось среди личного состава.

С приходом весны боевые действия были приостановлены. Лжедмитрий I воспользовался этим. Находясь в Путивле, он вел активную и успешную агитацию, обращаясь к населению и царским воеводам с многочисленными воззваниями. В отправленном Годунову письме он предлагал последнему добровольно покинуть престол, обещая взамен свою царскую милость. Растерянность правительственных войсках, лишенных нравственной опоры, да и в московском обществе в целом, нарастала. Многие представители московской знати радовались успехам самозванца, ненависть к Годуновым становилась в боярской среде доминирующей.

13 апреля 1605 г. Борис Годунов внезапно скончался. По поводу неожиданной смерти государя ходили разные слухи: одни утверждали, что он отравлен, другие – что он сам принял яд в порыве раскаяния. Умирающего царя постригли в монахи под

именем Боголеп. На следующий день Москва принесла присягу царевичу Федору, единственному сыну покойного Годунова.

Первое, что сделал Федор Борисович, – отозвал из армии князя Мстиславского и братьев Шуйских, а им на смену послал князя М. П. Катырева-Ростовского и любимца отца – воеводу П. Ф. Басманова. Как оказалось впоследствии, это решение оказалось для него и его семьи роковым: 7 мая 1605 г. в московской армии, стоявшей под Кромами, произошел мятеж во главе с князьями В. В. и И. В. Голицыными, боярами П. Ф. Басмановым и М. Г. Салтыковым. Часть войска во главе с князьями И. М. Катыревым-Ростовским и А. А. Телятевским отказалась присягать Лжедмитрию и ушла к Москве.

Объединенное войско самозванца направилось от Путивля к Туле: этот марш был поистине триумфальным, множество людей стекались приветствовать «истинного царевича». Из-под Тулы Лжедмитрий I послал в Москву Г. Г. Пушкина и Н. М. Плещеева с призывом к москвичам свергнуть Годуновых и признать его права на престол. Гонцы прибыли в Красное Село, где их уже ждали, а 1 июня 1605 г. грамота самозванца была зачитана на Красной площади. Согласно разрядным записям, при большом скоплении народа выступил также Б. Я. Бельский, подтвердивший истинность «царского» происхождения Лжедмитрия. Его слова послужили сигналом к мятежу: московский люд, полтора месяца назад присягнувший Федору Борисовичу, захватил царя, его мать, вдовствующую царицу Марию Григорьевну, и сестру, царевну Ксению. Царская семья содержалась под арестом на старом дворе Годуновых. Затем начались грабежи у родни и сторонников царя. Могилу Бориса Годунова в Архангельском соборе вскрыли и его прах перезахоронили на том участке кладбища Варсонофьевского монастыря, где покоились бездомные и убогие.

Московский люд принес присягу Лжедмитрию, а московские вельможи поспешили в Тулу засвидетельствовать «верноподданность» новому царю. Они передали самозванцу государственную печать, ключи от кремлевской казны, царские одежды и парадные доспехи. Однако в Москве оставались царская семья и патриарх Иов[80], представлявшие серьезную угрозу не столько для Лжедмитрия, сколько для продажного московского боярства. 10 июня их участь была решена. Первым делом бояре П. Басманов, В. Голицын. В. Рубец-Мосальский, дворянин М. Молчанов и дьяк А. Шерефединов низложили и выслали из столицы патриарха, не признавшего самозванного царя. Затем они с помощью трех стрельцов совершили тягчайший для православного человека грех – цареубийство. Федор Борисович оказал сопротивление, поскольку «не по младости» дал Бог ему

мужество. Народу позднее объявили, что царь и царица приняли яд «от страстей». Всех родственников Годуновых, 74 семьи, отправили в ссылку. Московские бояре умели расправляться с политическими противниками.

20 июня 1605 г. Лжедмитрий I торжественно въехал в столицу, а 21 июня венчался на царство. Правление нового царя началось с милостей: всем боярским родам, подвергнутым опале при Годунове, были возвращены прежние звания и имущество. Романовы, Шереметевы, Голицыны, Долгорукие, Куракины и др. вернулись из ссылки. Филарет получил сан митрополита Ростовского. Сняли опалу и с родственников Годуновых – некоторые их них были назначены воеводами в Сибирь и другие отдаленные места России. Лжедмитрий не только погасил долги московского правительства, но и удвоил жалованье сановникам и войску, а также отменил часть торговых пошлин. Эти мероприятия были рассчитаны на повышение популярности самозванца в глазах общества.

Однако некоторые его действия, вроде бы призванные показать доверие к подданным, вызывают у нас недоумение. Вступив на престол, он поставил во главе московского войска бояр, которые изменили прежнему государю, и отпустил значительное число иноземных телохранителей, наградив их за верную службу. И это притом, что еще 16 июня, будучи в Коломне, он сказал немецкой депутации, что верит им больше, чем «своим русским». Данные поступки имели негативные последствия. Во-первых, охрана была ослаблена. Во-вторых, отпущенные домой иноземцы, преимущественно поляки, не выехали из Москвы, а потребовали повысить им вознаграждение. Неудивительно, что группы вооруженных иностранцев постепенно начали вызывать неудовольствие у жителей столицы. Тем временем русские вельможи уже строили заговоры против человека, в преданности которому они клялись при крестном целовании несколько дней назад. Первым начал плести интригу Василий Шуйский, изменивший до этого отцу и сыну Годуновым и призывавший москвичей признать «истинного царевича».

Василий Шуйский, будучи Рюриковичем, сам претендовал на московский престол, потому-то он и начал кампанию по дискредитации Лжедмитрия I. Характер боярина прекрасно описал С. Ф. Платонов: «Этот человек не стеснялся менять свои показания в деле Дмитрия: в 1591 г. он установил факт самоубийства Дмитрия и невиновность Бориса; после смерти Годунова перед народом обвинял его в убийстве, признал самозванца подлинным Дмитрием и этим вызвал свержение Годуновых. Но едва Лжедмитрий был признан Москвой, как

Шуйский начал против него интригу, объявляя его самозванцем»[81]. На Шуйского донесли, он был арестован и вместе с братьями Дмитрием и Иваном предстал перед Земским собором. Собор приговорил боярина к смерти, но Лжедмитрий сохранил ему жизнь. Всех братьев отправили в ссылку, и это было еще одной ошибкой самозванца. Но еще большей ошибкой стало возвращение прощенного Шуйского в Москву в конце 1605 г. Многие историки объясняют пренебрежение мерами личной безопасности со стороны Лжедмитрия I его уверенностью в своем царственном происхождении, он не слушал предупреждения бояр о безрассудности такого поведения. По свидетельству современников, самозванец любил военные игры, лично участвовал в штурме специально возведенных крепостей, причем вел себя как простой ландскнехт: терпел, если его толкали или сбивали с ног. Зимой 1605–1606 гг. в подмосковном селе Большие Вяземы построили ледяную крепость, оборону которой держали московские бояре, а Лжедмитрий со своими телохранителями должен был брать ее приступом. К. Буссов писал: «Оружием с обеих сторон должны были быть только снежки. <…>

Воспользовавшись удобным случаем, немцы примешали к снегу другие твердые вещества и насажали русским синяков под глазами»[82]. После штурма к самозванцу подошел один из бояр и предостерег его, «сказал, чтобы он эту игру прекратил, ибо многие бояре и князья очень злы на немцев <…> и чтобы он помнил, что среди них много изменников и что у каждого князя и боярина есть длинный острый нож, тогда как он и его немцы сняли с себя верхнее и нижнее оружие и нападают только со снежками, ведь легко может случиться большое несчастье»[83].

Еще одна непростительная промашка: во время въезда в Москву своей невесты Марины Мнишек Лжедмитрий I инкогнито находился в толпе с минимальной охраной во главе с П. Басмановым.

К весне 1606 г. личная охрана самозванца была несколько усилена: «В январе он (Дмитрий. – *Примеч. авт.*) назначил трех капитанов. Первый – француз, чисто говоривший по-немецки, – был благочестивым и рассудительным человеком, звали его Яков Маржерет, и у него под началом было 100 копейщиков. <…> Второго капитана, лифляндца из Курляндии, звали Матвей Кнутсон, ему были вверены 100 алебардников. <…> Третий капитан был шотландец, по имени Альберт Вандтман, но его обычно звали паном Скотницким, так как он долго жил в Польше. У него также было 100 алебардников. <…> Одна половина этой стражи должна была оберегать царя одни сутки, а другая половина – следующие сутки. Это вызвало большое недовольство,

особенно среди московских вельмож, говоривших между собою: „Смотрите, наш государь уже теперь показывает этой стражей, что он и сейчас не хочет на нас смотреть, а что еще будет, когда приедет польская панна со столькими поляками, немцами и казаками“»[84]. При выездах царя сопровождала рота поляков во главе с ротмистром М. Домарацким.

Телохранители получали значительное денежное жалованье и поместья. Охрану Кремля несли стрельцы Стремянного полка. Русскими советниками Лжедмитрия I являлись Б. Бельский и П. Басманов, польскими – братья Я. и С. Бучинские. Главным недостатком охраны самозванца следует считать слабую организацию разведки и контрразведки и, как следствие, отсутствие достоверной оперативной информации о замыслах и планах политических противников. Можно также предположить, что Лжедмитрий слишком уверовал в провидение Господне, защищающее его от невзгод и измен, и не уделял должного внимания той информации, которая доходила до него.

После возвращения Шуйского из ссылки в боярской среде возник новый заговор. Его возглавили Шуйские и Голицыны. К польскому королю Сигизмунду III было направлено тайное посольство во главе с Иваном Безобразовым[85]. Бояре обещали королю всяческую поддержку при возведении на московский престол его сына Владислава. Секретная служба Лжедмитрия I боярский заговор не выявила, как не выявила и появления на юге России очередного самозванца, прозванного Лжепетром.

Вероятно, под влиянием головокружительных успехов Лжедмитрия I казачество выдвинуло своим лидером Илейку Муромца (Горчакова), который стал звать себя сыном царя Федора Ивановича. Легенда гласила, что царица Ирина в 1592 г. родила мальчика, которого по указанию Бориса Годунова подменила на девочку. Несколько тысяч казаков сначала направились в Астрахань, а затем вверх по Волге, занимаясь по пути заурядным разбоем. Лжедмитрий пригласил Лжепетра в столицу. Тот двинулся к Москве. Вероятно, каждый из них надеялся устранить противника в столице. Нельзя также исключить, что появление Лжепетра было всего лишь частью плана свержения Лжедмитрия I, рассчитанной на то, чтобы отвлечь внимание «царя» от процессов, происходивших в придворной среде.

Стоявшие во главе заговора бояре В. Шуйский, В. Голицын и И. Куракин обязались друг другу: «А кто после него будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством»[86]. Бояре склонили на свою сторону новгородские и псковские войска

численностью 18 000 человек, которые стояли под Москвой в ожидании похода на Крым. Не исключено, что было обещано не отправлять полки в дальний поход, а отпустить по домам. Шуйский успокаивал соратников, испытывавших определенные сомнения: «Если будут все заодно, то бояться нечего: за нас будет несколько сот тысяч, за него – пять тысяч поляков, которые живут не в сборе, а в разных местах»[87]. В заговор оказались вовлечены не только бояре, но и некоторые купцы, сотники и пятидесятники московских стрелецких полков, были назначены день и час выступления. «Немецких» наемников, которые верно служили Годунову, а после него самозванцу, решили не трогать.

Лжедмитрий I. С гравюры XVII в.

«Немцы», как часто называли практически всех иностранцев, почти автономно проживали в своей слободе. Тому были веские

причины: 1) после смерти государя наемники автоматически освобождались от присяги, поскольку служили не царствующей фамилии, а определенной персоне; 2) загонять организованные высокопрофессиональные подразделения в угол было неразумно и чрезвычайно опасно.

После 10 мая 1606 г. среди московского люда велась агитация против самозванца. Его обвиняли в намерении искоренить православие и уничтожить русское дворянство. Атмосфера накалялась. К Лжедмитрию I поступали отрывочные сведения о настроениях в Москве. Немецкие алебардщики привели одного из агитаторов во дворец, но Лжедмитрий послушал бояр, уверявших, что не стоит обращать внимания на слова пьяного. Самозванный царь был настолько уверен в своей безопасности, что не придал значения донесениям охраны, трижды (!) письменно докладывавшей ему об опасности. Однако солдаты польской пехоты не разделяли беспечности Лжедмитрия I. Они доложили Мнишеку, который был их воеводой, что москвичи не продают им больше оружия и пороха. Самозванец уверил тестя, что полякам бояться нечего, но для их успокоения велел расставить по улицам стрелецкую стражу. Других дополнительных мер безопасности ни он, ни его охрана не предприняли, дежурное подразделение личных телохранителей насчитывало не более ста человек.

Марина Мнишек. С гравюры XVII в.

Хорошо вооруженные польские отряды могли организовать серьезный отпор и сорвать планы заговорщиков. Последним было известно, что все приехавшие поляки выставили на своих дворах стражу, а Мнишеки разместили у себя всю пехоту, пришедшую из Речи Посполитой. Угрозу также представляли не участвовавшие в заговоре против Лжедмитрия I стрельцы Стремянного полка и поддерживавшие самозванца москвичи. Для их нейтрализации придумали простой, но эффективный план. Суть его заключалась в том, чтобы пустить слух: «Ляхи бьют государя!» – на который простой люд откликнулся бы непременно. Был предусмотрен и вариант «тихого» устранения самозванца: дьяку Осипову надлежало тайно проникнуть в царские покои и заколоть Лжедмитрия. В случае удачного покушения в роли виновных также выставили бы поляков.

К вечеру 16 мая 1606 г. подготовка к перевороту была завершена. В Москве сосредоточились вооруженные сторонники заговорщиков, в столицу никого не впускали и не выпускали. Дома, в которых ночевали прибывшие на свадьбу Лжедмитрия I и Марины Мнишек иноземцы, отметили условными знаками. Караул наемников численностью в 100 человек, несший службу у царского дворца, получил от имени Лжедмитрия приказ разойтись по домам. На посту осталось, по разным данным, от 30 до 50 человек.

В четвертом часу утра (это время часто называют часом переворотов) 17 мая 1606 г. колокольный звон возвестил о начале «восстания». Все ворота Кремля были блокированы войсками мятежников, а Спасские ворота захвачены; через них заговорщики проникли на территорию царского двора. Василий Шуйский обратился к своим сторонникам с призывом идти на «злого еретика» во имя Божье. П. Басманов, пытавшийся защитить царя, погиб от руки возвращенного тем из ссылки М. Татищева. Стрельцы внутреннего караула, не участвовавшие в заговоре, взяли Лжедмитрия I под охрану и отогнали мятежников, но последние пригрозили истреблением стрелецких семей в слободах, а Мария Нагая во всеуслышание объявила, что царь – не ее сын. После этого самозванца выдали толпе, убившей его: открытый суд над ним мятежным боярам был невыгоден.

На улицах Москвы звучали призывы: «Смерть ляхам!» В результате мятежа было убито свыше тысячи иностранцев. Избежать смерти смогли только те, кто, как Вишневецкий со своим отрядом, храбро оборонялся или своевременно бежал из Москвы. Послов других иностранных дворов заговорщики заранее взяли под защиту, выделив для их охраны 500 стрельцов. Иностранные наемники на русской службе практически не пострадали, поскольку сумели не только организованно отойти из Кремля, но и наладить серьезную охрану и оборону мест своего проживания. Попытки толпы поживиться получили сильный отпор. Вообще говоря, иностранные полки быстро оставили в покое, надеясь сохранить для нового государя в качестве союзников. Некоторые из иностранных офицеров впоследствии вернулись на родину, офицеры охраны К. Буссов и Я. Маржерет опубликовали воспоминания.

После удачного завершения заговора тело самозванца сожгли, пеплом зарядили пушку и выстрелили в сторону Польши, как бы символизируя конец обмана. Некоторые представители духовенства предупреждали бояр о пагубности глумления над прахом, предрекая грядущие несчастья, но их не послушали. Мятежники не предусмотрели всех негативных последствий своих

вероломных действий. Боярский заговор отнюдь не способствовал единению народа, разделившегося на многочисленные группировки приверженцев того или иного «царя» или претендента на царство. Интересы общества в очередной раз были принесены в жертву личным амбициям представителей российской правящей элиты.

19 мая на Красной площади сторонники Шуйского «выкрикнули» его новым русским царем. Впоследствии они стремились представить это «избрание» общенародным делом.

Понимая незаконность захвата власти, Шуйский предпринял активные меры для создания своего положительного образа. Первым шагом в этом направлении стало некоторое ограничение его полномочий. Во-первых, царь не мог никого лишить жизни без приговора Боярской думы. Во-вторых, отменялась практика преследования всего рода (семьи) за проступок одного его члена в делах политических. В-третьих, было обещано не давать веры доносам без расследования и наказывать доносчиков за несправедливые наветы. Нет сомнений в том, что ограничения были приняты под давлением московских вельмож в обмен на поддержку в заговоре против Лжедмитрия I и что они служили боярам страховкой от возможных репрессий со стороны более удачливого сообщника. Однако Шуйский не собирался терпеть рядом с собой бывших соратников: уже в июле многих из них отправили в почетную ссылку. Князь Рубец-Моссальский был назначен воеводой в Карелию, боярин Салтыков – в Иван-город, боярин Бельский – в Казань, князь Шаховской – в Путивль.

Приняв присягу, Шуйский начал рассылать грамоты с одной целью – доказать законность замены предыдущего царя Дмитрия царем Василием. Выстраивалась следующая цепь доказательств: свергнутый царь был самозванец; Шуйский же имеет права на престол, так как избран законно. Грамоты отправлялись от имени самого Шуйского, бояр и инокини Марфы (Марии Нагой). Особый упор делался на справедливости обоснования боярского переворота. В одной из грамот говорилось, что Лжедмитрий I намеревался вывести за город наиболее известных бояр, дворян и думных людей под предлогом военных учений и там их «побить». Как мы видим, в этой грамоте боярская «революция» представлена в качестве превентивного удара, нанесенного с благородной целью спасти жизнь «уважаемых» людей от «проклятых ляхов».

Одним из доказательств самозванства Лжедмитрия I стали канонизация «истинного царевича» Дмитрия и торжественный перенос его мощей из Углича в Москву в июне 1606 г. Религиозный обряд использовали как средство политического

убеждения россиян в правоте нового царя.

Однако меры, предпринятые правительством Шуйского, особого успеха все же не возымели. Слишком одиозной была личность нового царя, неоднократно менявшего свою позицию; словам Марии Нагой также не очень доверяли. Старшинство рода Рюриковичей потеряло свое значение в глазах народа, и воцарение Шуйского могла оправдать только поддержка Земским собором. Вернемся к событиям 19 мая. Легитимному способу получения власти Шуйский предпочел «выкрикивание» на площади. Захватив московский трон насильственным путем, он придал новый импульс самозванству, бунтам и междоусобицам; масштабы гражданской войны в его царствование значительно возросли.

Уже в июле 1606 г. в Москве начались мятежи, к которым подстрекали Нагие и их родственник боярин Шереметев. Волнения охватили весь юго-запад России. Воевода Путивля Шаховской объявил жителям, что московские «изменники» убили не Дмитрия, а «немца» и что настоящий сын Ивана Грозного скрывается в Северской земле. Это послужило сигналом к бунту в тех же городах, что и при Лжедмитрии I; население ожидало нового самозванца, личность которого уже не играла никакой роли. Желание свергнуть ненавистного московского царя овладело массами и стало доминирующим политическим лозунгом, объединившим не только разные социальные слои, но и прежних непримиримых врагов. Ярким примером сотрудничества различных политических сил стало движение, в недавнем прошлом называвшееся крестьянской войной под руководством И. И. Болотникова. Доля истины в этом названии есть.

Иван Исаевич Болотников, первым возглавивший в 1606 г. вооруженную борьбу против Василия Шуйского, – действительно выдающаяся личность. С юных лет он – профессиональный воин (его считают боевым холопом князя А. А. Телятевского), одно время казаковал на Дону и Волге, стал атаманом. Попал в плен к татарам, был продан в рабство на турецкие галеры, после освобождения европейцами через Венецию и Германию попал в Польшу, что называется – в нужное место и в нужное время. В Самборе Болотников, вызвавший подозрение как русский, был задержан и доставлен к человеку, который назвался царем Дмитрием. В роли «государя» выступил М. Молчанов, один из приближенных Лжедмитрия I, непосредственный участник ликвидации семьи Бориса Годунова. На наш взгляд, участие в ликвидации и тот факт, что Молчанов сумел ускользнуть из Москвы в ночь переворота, позволяют сделать предположение о

его причастности к секретной службе Лжедмитрия I или о наличии прекрасной сети информаторов, предупредивших его о заговоре. Известно, что по пути в Речь Посполитую он распространял слухи о спасении самозванца. Вероятно, этот человек задолго до названных событий проводил в Самборе работу по поиску приемлемой кандидатуры на роль «царя Дмитрия» и параллельно вербовал сторонников будущего московского «государя». Болотников, который произвел на Молчанова выгодное впечатление, был послан в Путивль и назначен «большим воеводой» царя Дмитрия.

После победы болотниковцев под Кромами осенью 1606 г. в правительственных войсках началось массовое дезертирство. Так, набранные в Перми войска сначала устроили маленькую междоусобную войну, а затем разошлись по домам. Число противников Шуйского, наоборот, продолжало увеличиваться, восстание на юге России сделалось повсеместным. Боярский сын сотник Истома Пашков взбунтовал Тулу, Венев и Каширу; в Рязанском княжестве подняли мятеж воевода Г. Сунбулов и дворянин П. Ляпунов.

О Прокопии Ляпунове следует сказать особо. После смерти Бориса Годунова он перешел на сторону Лжедмитрия I, затем в составе отрядов И. Болотникова воевал против Шуйского, но в ноябре 1606 г. повинился перед царем. В 1607 г. стал думным дворянином. В 1608–1610 гг. руководил движением служилых людей против пособников Лжедмитрия II в Рязанском крае. В июле 1610 г. выступил организатором свержения царя Василия. После захвата Москвы польскими интервентами в 1611 г. возглавил Первое народное ополчение. Когда летом 1611 г. в ополчении возникло Земское правительство, возглавил его работу. Принятый по инициативе Ляпунова «приговор 30 июня» сводил на нет данные казакам обещания «воли и жалованья». Нетрудно догадаться, какая участь ожидала вдохновителя «приговора».

Характерно, что один из его братьев – Захар – еще в 1603 г. проходил по розыску о нелегальной торговле оружием для донских казаков, за что был бит кнутом.

В Астрахани Шуйскому изменил воевода князь Хворостинин.

Московские заговоры получили логическое продолжение, пример незаконного захвата верховной власти в стране оказался заразителен. Смутное время наиболее наглядно иллюстрирует, к каким тяжелым последствиям может привести недооценка руководителем государства роли специальных служб, призванных обеспечивать безопасность Отечества и его личную безопасность.

После того как в октябре 1606 г. Болотников, Ляпунов и

Пашков захватили Коломенское, положение Шуйского стало критическим. Правительственная армия фактически распалась, провинциальные служилые дворяне разъехались по своим городам. В строю остались дворяне «московского списка», их число в описываемый период не превышало 1000 человек. Кроме того, в столице имелось несколько тысяч боевых холопов, однако их надежность была сомнительной. Часть стрельцов московского гарнизона перешла на сторону «повстанцев».

В Москве отсутствовали достаточные запасы продовольствия, поскольку многие коммуникации перерезали казаки и другие «разбойники». Не выплачивалось жалованье ратным людям. Войско «царя Дмитрия» насчитывало 20 000–30 000 человек. В этих условиях правительство Шуйского было вынуждено принимать экстренные меры для защиты столицы. И. Масса пишет, что в Москве провели перепись всех жителей старше 16 лет, которым выдали оружие. В результате число защитников города возросло примерно на 10 000 человек. Всех москвичей, имевших оружие – не только пищали и сабли, но и топоры, рогатины, – расписали «в осаду». Во многие города разослали грамоты с призывом к служилым людям собираться для обороны Москвы. Войско, сосредоточившееся в Замоскворечье, возглавил молодой талантливый воевода князь М. В. Скопин-Шуйский[88].

Однако наибольшую помощь оборонявшимся принесла не тотальная мобилизация, а раскол в мятежных войсках. Болотников проявил неосмотрительность: в его грамотах, обращенных к московскому низшему сословию, содержались следующие призывы: «Велят боярским холопам побить своих бояр, жен их, вотчины и поместья им сулят, шпыням и безыменникам-ворам велят гостей и всех торговых людей побивать, именье их грабить, призывают их, воров, к себе, хотят им давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество»[89]. Ляпунов и Сунбулов позицию Болотникова не поддержали и решили явиться с повинною к царю Василию. В середине ноября 1606 г. часть рязанских дворян, детей боярских, стрельцов и казаков перешла на сторону Шуйского. Последний изменников принял, простил и даже наградил. Ляпунов, в частности, как мы уже указывали выше, получил чин думного дворянина. 2 декабря, во время битвы под Коломенским, на сторону царя Василия перешел со своим отрядом Истома Пашков. Как полагал С. М. Соловьев, позиция Шуйского по отношению к изменникам базировалась на следующем: «наказать первых раскаявшихся изменников значило заставить всех других биться отчаянно и таким образом продлить и усилить страшное междоусобие…»[90]. Вероятно, переход дворянско-служилой части войска мятежников

на сторону правительства мог быть обусловлен предварительной работой секретной службы Шуйского. Нельзя исключить также, что грамоты Болотникова к москвичам инспирированы московской тайной службой. Потерпев поражение, Болотников отступил в Коломну, затем в Тулу.

М. В. Скопин-Шуйский. С портрета XVII в.

Однако опасность, угрожавшая Московскому государству, не ослабла, а, наоборот, усилилась. Зимой 1607 г. в Литве объявился еще один «царь Дмитрий», вошедший в историю как Лжедмитрий II, или Тушинский вор. В мае он перешел русско-польскую границу, объявился в Стародубе и был признан населением. Шуйскому пришлось вести войну на два фронта. Только слабость личности Лжедмитрия II, формировавшего свое войско крайне медленно (лишь в сентябре он двинулся на помощь Лжепетру и Болотникову), спасла царя от стратегического поражения.

Летом 1607 г. против Шуйского действовали отряды и других самозванцев. Терские казаки, поддержавшие Лжепетра, выдвинули своего самозванца – «царевича Ивана-Августа», «сына» Ивана Грозного от «брака» с Анной Колтовской. Ему покорились

Астрахань и все Нижнее Поволжье. Вслед за ним появился «внук» Грозного, «сын царевича Ивана Ивановича царевич Лаврентий». В казачьих станицах множились «дети» царя Федора: «царевичи» Симеон, Савелий, Василий, Клементий, Ерошка, Гаврилка, Мартынка. Все они вынуждали правительство распылять силы.

Шуйский, желая положить конец сопротивлению болотниковцев, принял предложение «некоего немца» Фидлера отравить самого Болотникова в Калуге. Фидлер поклялся: «Во имя Пресвятой и Преславной Троицы я даю сию клятву в том, что хочу изгубить ядом Ивана Болотникова; если же обману моего государя, то да лишит меня Господь навсегда участия в небесном блаженстве; да отрешит меня навеки Иисус Христос, да не будет подкреплять душу мою благодать Святого Духа, да покинут меня все ангелы, да овладеет телом и душою моею дьявол. Я сдержу свое слово и этим ядом погублю Ивана Болотникова, уповая на Божию помощь и Святое Евангелие»[91]. Фидлеру выдали 100 рублей и в случае успеха обещали 100 душ крестьян и 300 рублей ежегодного жалованья. Однако тот, прибыв в Калугу, рассказал все Болотникову и отдал ему тайное зелье.

Приведенный пример показывает, что использование случайных людей без предварительной проверки и тщательной подготовки для проведения специальных мероприятий недопустимо. Противник может использовать их в своих целях, в том числе в политических. По нашему мнению, Фидлер мог быть агентом Болотникова, специально направленным для организации фальшивого покушения, чтобы предотвратить настоящее.

В этих условиях у Шуйского был один выход – сконцентрировать силы и попытаться разбить противников поодиночке, не дав им соединиться. И. Масса писал: «Царь по усердной просьбе московских бояр решил самолично выступить в поход (против Болотникова. – *Примеч. авт.*) с началом лета и повелел отписать во все города, чтобы все дети боярские или дворяне, жившие спокойно в своих поместьях и не приехавшие нести службу, были высланы, а нетчиков велено переписать и лишить поместий, отчего многие отовсюду стали приезжать на службу, так что множество ратников выступило в поход…»[92]. Как мы видим, предпринятые московским правительством решительные меры экономического воздействия по отношению к нетчикам (дезертирам) оказались достаточно эффективными.

В конце июля 1607 г. правительственные войска начали осаду Тулы. Но руководство осадой было некомпетентным, а сопротивление болотниковцев – активным и профессиональным. На этот раз Шуйского спас Иван Сумин, сын Кровков, муромский

«сын боярский», предложивший запрудить р. Упа и затопить Тулу. Вначале царедворцы посмеялись над этим предложением, потом согласились. То, что не смогли сделать бездарные воеводы, сделала вода – голод победил осажденных: они решили сдаться.

Шуйский хотел как можно скорее избавиться от Лжепетра и Болотникова, потому обещал им помилование. 10 октября Болотников приехал к царю и, встав перед ним на колени, сказал: «Я исполнил свое обещание, служил верно тому, кто называл себя Димитрием в Польше: справедливо или нет – не знаю, потому что сам я прежде никогда не видывал царя. Я не изменил своей клятве, но он выдал меня, теперь я в твоей власти: если хочешь головы моей, то вели отсечь ее этою саблею, но если оставишь мне жизнь, то буду служить тебе так же верно, как и тому, кто не поддержал меня»[93]. Несмотря на обещание, Лжепетр был повешен, Болотников ослеплен и утоплен в Каргополе, Шаховской сослан.

С. М. Соловьев так характеризовал события тех лет: «В страшное время Смуты, всеобщего колебания, человек, подобный Болотникову, не имевший средств узнать истину касательно событий, мог в самом деле думать, что исполнил свой долг, если до последней крайности верно служил тому, кому начал служить с первого раза. Но не все так думали, как Болотников; другие, не зная, кто царь законный – Шуйский или так называемый Димитрий, – считали себя вправе оставлять одного из них тотчас, как скоро военное счастье объявит себя против него; иные, считая и Шуйского и Лжедимитрия одинаково незаконными, уравнивали обоих соперников вследствие одинаковой неправоты обоих и вместе с тем уравнивали свои отношения к ним, считая себя вправе переходить от одного к другому: и тех и других было очень много»[94].

Лжедмитрий II, в отличие от своего предшественника Лжедмитрия I и Болотникова, ни организаторскими ни военными талантами не обладал. В числе его сторонников были и русские, и поляки, и казаки, донские и запорожские, и волжские татары; их объединяли ненависть к Шуйскому и стремление к наживе. Каждая из партий, соперничавших в Тушинском лагере самозванца, созданном летом 1608 г., стремилась использовать его в своих интересах.

Главную опасность для Москвы с 1608 по 1612 г. представляли польско-литовские войска, возглавлявшиеся решительными и честолюбивыми военачальниками: Лисовским, Сапегой, Рожинским, Жолкевским и др. При всех внутренних противоречиях у этой партии была общая цель – посадить на московский трон своего ставленника. В 1608–1609 гг. для

Лжедмитрия II были подготовлены специальные инструкции, в которых изложена стратегия контроля над Москвой со стороны Речи Посполитой (текст инструкций вы найдете в этой главе, а проанализируем мы их в следующей). В декабре 1612 г. Лжедмитрия II на охоте убил начальник его татарской стражи (!) князь П. Урусов – в отместку за казнь касимовского правителя Ураз-Махмета (Ур-Мамета).

Обнаруженное в конце XIX в. на месте Тушинского лагеря военное снаряжение позволяет оценить уровень развития оружейного дела в начале XVII в. Из огнестрельного оружия найдены стволы пищалей с кремневыми и фитильными замками (вес – свыше 3 кг, длина – до 750 мм, материал – мягкое железо, толщина стенок – до 10 мм, калибр – 10,5–12,5 мм). В казенной и дульной частях имеются утолщения, предохранявшие ствол от разрыва. К ложе ствол крепился с помощью ушек или сережек, находившихся в ее нижней части, стрельба велась круглыми свинцовыми пулями. Для изготовления пуль применялись щипцы-пулелейки, напоминающие современные пассатижи с округлой полостью для отливки пули. Для отливки сразу нескольких пуль различного калибра существовали щипцы с несколькими полостями. Стрельба велась с упора, в качестве которого использовались бердыши, служившие одновременно холодным оружием в ближнем бою.

Холодным оружием посадских людей являлись рогатины, также найденные на месте Тушинского лагеря. Кавалеристы в атаке использовали легкие копья с узколистным наконечником и массивной (иногда граненой) втулкой и сабли. Для ближнего боя в конном строю применялись кистени и булавы, самыми популярными были булавы со срезанными углами.

Для защиты воинов использовались шлемы-шишаки, кольчуги и панцири. Для изготовления кольчуги, вес которой достигал 8–12 кг, требовалось в среднем 16 000–22 000 колец. Поверх кольчуги могли крепиться дополнительные пластины-зерцала. Против кавалерии пехотинцы использовали кованые ежи – «чеснок», своеобразные мины тех лет, поражавшие копыта лошадей. Особенно опасен был «чеснок» с крючьями на концах, оставлявший при извлечении рваную рану, что значительно затрудняло заживление.

Одним из наиболее знаменательных событий Смутного времени является оборона Троице-Сергиева монастыря, представлявшего собой хорошо оснащенную крепость. Стены имели высоту около 6 метров и толщину около 3 метров. 12 башен давали возможность вести перекрестный огонь и простреливать пространство под самыми стенами. При

приближении войск Сапеги и Лисовского в сентябре 1608 г. жители окрестных сел сожгли свои дома и укрылись за стенами монастыря. Число защитников крепости – воинов, монахов и крестьян – не превышало 3000 человек. Руководили обороной воевода Г. Б. Долгоруков-Роща и дворянин А. И. Голохвастов. Им противостояло почти 30-тысячное войско, но ни один из штурмов не удался. Не удалось и подвести подкоп под Пятницкую башню, чтобы взорвать ее и через образовавшуюся брешь ворваться в монастырь. Установив место подкопа, отряд защитников крепости сумел пробиться к нему. Крестьяне Никон Шилов и Петр Слота взорвали заготовленный порох ценой собственной жизни. Осада крепости была снята в январе 1610 г., после подхода отрядов М. В. Скопина-Шуйского.

Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский – один из немногих представителей русской знати, не запятнавших себя предательством. В числе первых он осознал необходимость военно-политических преобразований. Небольшие, но хорошо обученные, дисциплинированные, связанные общей идеей и единым командованием польские войска часто наносили поражение значительно превосходившим их по численности русским. Военная отсталость московского войска стала особенно очевидной при совместных действиях Скопина-Шуйского со шведским отрядом Я. Делагарди. Поняв необходимость обучения своих войск при помощи шведов, князь поручил перевести иностранные военные уставы на русский язык, дабы узнать новые военные хитрости. Перевод осуществили М. Юрьев и И. Фомин.

Завершить эту работу помешала смерть М. В. Скопина-Шуйского в апреле 1610 г., в возрасте 24 лет. Князь был чрезвычайно популярен в России, многие хотели видеть его во главе Московского государства после смерти дяди – бездетного Василия Шуйского. Ляпунов даже прислал из Рязани послов с предложением возвести князя на трон, не дожидаясь смерти царя. Все это представляло опасность и для самого В. Шуйского, и для его брата Дмитрия, и особенно для их приближенных, запятнавших себя многократными предательствами. Делагарди, информированный о ненависти боярства к своему соратнику, советовал тому как можно скорее покинуть Москву и отбыть с верными войсками под Смоленск. Однако Скопин-Шуйский союзника не послушал и после пира у князя И. М. Воротынского заболел и скончался. По одной из версий, причиной смерти был яд, поднесенный ему в вине женой Дмитрия Шуйского Екатериной (дочерью М. Скуратова). Военно-теоретические начинания Скопина-Шуйского получили продолжение уже при Романовых.

Если смерть М. В. Скопина-Шуйского была насильственной и царь Василий являлся участником заговора, то это – его самая большая ошибка. 24 июня под Можайском нового воеводу Дмитрия Шуйского разбил польский гетман Жолкевский. Причиной поражения послужил отказ иноземцев принять участие в боевых действиях: воевода не выплатил наемникам обещанное и давно ожидаемое жалованье, ссылаясь на отсутствие денег, которые у него на самом деле были. Природа человеческая всегда раскрывается в самые неподходящие моменты…

Это поражение стало для царя роковым. Заговор против него возглавил князь Ф. И. Мстиславский. 17 июля 1610 г. заговорщики во главе с З. Ляпуновым пришли во дворец и потребовали от Шуйского отречения. Свояк царя князь И. М. Воротынский уговорил оставить престол и довольствоваться Нижегородским уделом. Однако через два дня зачинщики мятежа снова пришли в царские покои и заставили Шуйского (а вместе с ним и его жену, царицу Марию) принять постриг. В сентябре 1610 г. он был выдан С. Жолкевскому, который вывез его под Смоленск, а позднее в Польшу. Умер низложенный царь в заключении в Гостынском замке. Эти события дают основания предположить: несмотря на постоянную угрозу для своей жизни, Шуйский так и не смог создать эффективную службу безопасности. Это тем более удивительно, что он сам когда-то выступил организатором заговора против Лжедмитрия I, но осознать значение «государевой охраны» применительно к себе так и не удосужился.

В итоге к власти в Москве пришла группировка, представлявшая старейшие московские фамилии, в истории она известна как Семибоярщина: Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын, Ф. И. Шереметев, Б. М. Лыков, И. Н. Романов. Стремясь удержать власть в своих руках, означенные выше князья интриговали друг против друга. Система безопасности русских государей, созданная Рюриковичами, оказалась практически полностью разрушенной. Отдельные представители этой системы, оказавшись на службе у противоборствующих группировок, боролись со своими бывшими коллегами. В этих условиях имевшие единую систему управления польские войска в сентябре 1610 г. вошли в Москву, чему способствовали многие представители правящей московской элиты. Этому предшествовали следующие события. В августе 1610 г. московское правительство заключило новый договор с командующим польской армией гетманом Жолкевским. В договоре подтверждалось, что русским царем станет сын Сигизмунда III Владислав. Сигизмунд III, кстати, сам

претендовавший на русский трон, обязывался прекратить осаду Смоленска, начатую в сентябре 1609 г. (Забегая вперед, скажем, что поляки так и не выполнили своего обещания. 3 июня 1611 г. Смоленск пал.) Именно на основании этого договора польские войска в ночь с 20 на 21 сентября и заняли столицу. Реальная власть сосредоточилась в руках польского командования (гетмана Гонсевского) и его прямых пособников: М. Салтыкова, Ф. Андронова и др. Но в России были и другие люди. Нашествие «ляхов» способствовало подъему национально-освободительной борьбы. Духовным лидером сопротивления польской оккупации стал патриарх Гермоген. Будучи заточен в Чудов монастырь, через «безстрашных людей» – сына боярского Р. Моисеева и Р. Пахомова – он продолжал рассылать по городам грамоты с призывом крепко «стоять в вере». В начале 1611 г. по инициативе П. Ляпунова было создано Первое народное ополчение, которое в июле того же года распалось (после убийства Ляпунова). Однако уже в сентябре 1611 г. в Нижнем Новгороде началось формирование Второго народного ополчения под руководством земского старосты Кузьмы Минина (Кузьма Минич Анкундинов), сумевшего наладить сбор денежных средств на вооружение, и зарайского воеводы князя Дмитрия Пожарского.

Кузьма Минин. Портрет XVII в.

Дмитрий Пожарский. С иконы XVII в.

В результате действий Второго ополчения 26 октября 1612 г. была освобождена Москва. Позже город еще дважды подвергался осаде – буквально по горячим следам, бесконечной осенью 1612 г. и в 1618 г. Сигизмунд III вновь безуспешно попытался захватить Москву. Короткую передышку в драматических событиях начала XVII в. предоставило подписание Деулинского перемирия 1618 г., согласно которому Россия потеряла Смоленск, Чернигов, Дорогобуж и другие города юго-западной и западной окраины. Тяжелые условия Деулинского перемирия были ликвидированы только в результате войн с Речью Посполитой в 1632–1634 и 1654–1667 гг.

Выдержки из польских инструкций

ИНСТРУКЦИЯ 1

1) Хорошо, если бы государственные должности и сопряженные с ними преимущества раздавались не по древности рода; надобно, чтобы доблесть, а не

происхождение получало награду. Это было бы для вельмож побуждением к верной службе, а также и к унии. Однако при этом должно смотреть, чтобы не возникли раздоры между старыми и новыми сенаторами. Не худо бы это распоряжение отложить до унии, а тут раздавать высшие должности в виде вознаграждения более приверженным к ней, чтобы сам государь вследствие унии получил титул царский, а думные его сановники – титул сенаторский, то есть чтобы все это проистекало от папы; должно обещать и другие преимущества, чтобы скорее склонить к делу Божию.

2) Постоянное присутствие при особе царской духовенства и бояр влечет за собою измены, происки и опасность для государя: пусть остаются в домах своих и ждут приказа, когда явиться. А вместо них его величеству иметь советниками мужей зрелых и доблестных как для суда, так и для дел государственных; пусть он беседует преимущественно с теми из них, от которых зависит спокойствие государства и любовь народная к государю, не оставляя совершенно и прочих, но попеременно имея при себе то тех, то других. Притом беспрестанные угощения бояр и думных людей, долгое пребывание с ними влекут за собою трату времени, опасность и ненужные издержки, порождают неудовольствие и, вероятно, были причиною нынешней трагедии. Однако надобно иметь в виду и то, чтобы эти бояре вдали от глаза государева не замышляли чего-нибудь опасного. Надобно запретить всякие собрания. Государь должен кушать иногда публично, а иногда в своих покоях, по обычаю других государей.

3) Недавний пример научает, что его величеству нужны телохранители, которые бы без его ведома, прямо как до сих пор бывало, никого не пропускали во дворец или где будет государь. Нужно иметь между телохранителями иностранцев, хотя наполовину с своими, как для блеска, так и для безопасности. < … > В телохранители и комнатные служители надобно выбирать таких людей, которых счастие и жизнь зависят от безопасности государя, или, говоря ясно, истинных католиков, если совершится уния. Из москвитян брать в телохранители приверженных к унии, которые, обращаясь и разговаривая с нашими, желали бы видеть наше богослужение, слушать проповеди и прочее.

Таким образом, от самих подданных, а не от

государя возникнут разговоры об унии, государь будет скорее посредником и судьею, чем действователем и поощрителем: это нужно для отвращения ненависти, особенно теперь, вначале. Притом надобно выбрать расположенных к дому ее царского величества (Марины Мнишек. – *Примеч. авт.*). Надобно обращать внимание и на то, что верность людей, которым незачем возвращаться в отечество, бывает подозрительна. Между здешними нашими, кажется, много таких, которые по безнравственности и буйству в великой ненависти у москвитян. Надобно смотреть, чтобы поведение католиков, находящихся при их величествах, не навлекало порицания святой вере и унии.

4) И москвитян не очень должно отдалять от двора государева, ибо это ненавистно и опасно для государя и чужеземцев. Эти приближенные к царю москвитяне могут примером своим поощрять других к унии. Государь только посредством них может сноситься с подданными в делах, необходимых для государства. Наконец, они доказали свою верность тем, что при открытии недавнего заговора подвергали опасности жизнь свою за государя. Надобно остерегаться, чтобы не подать повода к новым заговорам, в противном случае должно было бы держать всегда иноземное войско, но все насильственное недолговечно. Как трудно без русских получить предостережение на случай бунта, крамолы и прочего, долженствующего быть известным государю, то изведано на опыте. Притом не должно забывать о положении государства по смерти государя: если все будет делаться силою и страхом, то надобно опасаться, что благие намерения государя относительно преобразования веры, народа и государства обратятся в ничто. Потом надобно позаботиться о ее величестве и о дворе их величеств (Марины Мнишек и ее малолетнего сына Ивана. – *Примеч. авт.*). Важнее всего было бы сближение наших с москвитянами и дружественные беседы их, особенно при дворе государевом. Пусть наши держат слуг и мальчиков из московского народа, но они должны смотреть внимательно, сколько и в чем доверять каждому. Не худо, если бы царица из вельможных семейств московских имела при дворе своем несколько лиц обоего пола. Полезно, чтобы поляки, если возможно, взяли с собою в Польшу сыновей знатных бояр: это послужило бы к перемене нравов и веры и было бы

ручательством за безопасность наших здесь. При раздаче должностей дворских весьма полезно давать полякам более приближенные, а москвитянам – почетнейшие, чтоб оградить жизнь и безопасность государя.

5) Производить тщательно тайный розыск о скрытых заговорщиках и участниках заговора: вызнавать расположение близких особ, чтобы знать, кому что поверить.

6) Для принятия просьб назначить известных верностью секретарей, которые должны отправлять дела как можно скорее. Этим, с одной стороны, приобретается расположение подданных, с другой – охраняется безопасность государя, ибо в просьбах могут заключаться предостережения.

7) Канцелярия должна употреблять скорее народный язык, чем латинский, особенно потому, что латинский язык считается у туземцев поганым. Однако государю нужно иметь при себе людей, знающих язык латинский, политику и богословие, истинных католиков, которые бы не затрудняли благого намерения, не сближали государя с еретиками, не подсовывали книг арианских и кальвинских на пагубу государству и душам, не возбуждали омерзения к наместнику Христову, не отторгали соединения с государями католическими. Такие ученые по крайней мере необходимы для сношений с государями христианскими.

8) Веновая запись[95], данная царице, должна быть за подписью думных людей. Одной копии быть здесь, а другой – в Польше, с печатями и подписями. При случае включить в договор с Польским королевством, чтобы ее царское величество была под покровительством королевства при перемене обстоятельств. Надобно, чтобы сенаторы и подданные по городам дали присягу ее царскому величеству как своей государыне, на подданство и послушание; один экземпляр присяжного листа хранить здесь, а другой – в Польше с подписью правителей и старост городовых. На всякий случай дозволить царице покупку какого-нибудь имения в Польше, по преимуществу соседнего с волостями, ей уступленными в Московском государстве.

9) Перенесение столицы, по крайней мере на время, кажется необходимым по следующим причинам: а) это будет безопаснее для государя; в) удобнее будет достать иностранное войско и получить помощь от союзного

короля и других государей христианских; c) при перемене царя для царицы удобнее получить помощь от своих, безопаснее и легче выехать с драгоценностями и свободною в отечество; однако разглашать о перенесении столицы не нужно, ибо это ни к чему не послужит, надобно жить где-нибудь, только не в Москве; d) мир московский будет смирнее: он чтит государя, вдалеке находящегося, но буйствует в присутствии государя и мало его уважает; e) обычные пирования с думными людьми могли бы удобнее исподволь прекратиться; f) удобнее было бы вести переговоры об унии; g) удобнее приискивать людей способных; h) легче учреждать коллегии и семинарии подле границы польской; i) легче московских молодых людей отправлять учиться в Вильно и другие места. < … >

11) Императорское достоинство вряд ли долго удержится в доме Австрийском и государстве Немецком вследствие распространения протестантизма в Германии. Если еретики [в] курфирсты выберут еретика или произойдет раздор по поводу избрания, то папа передаст императорское достоинство тому из государей, кто ревностнее других будет защищать Церковь. Кто знает, не наступило ли время, когда императорское достоинство, перенесенное при Карле Великом с Востока на Запад, будет перенесено с Запада на Север.

12) Если жив сын старшего брата царского, то престол по праву принадлежит ему. В таком случае обеспечением для Дмитрия может служить уния, ибо Церковь имеет власть царей неверных удалять от владычества над верными и вручать скипетр верным сынам своим.

13) Сохранение царского величества от внезапной смерти справедливо приписать молитвам Церкви; тем же молитвам надобно приписать и то, что люди, восставшие на государя с целью воспрепятствовать унии, претерпели много неудач и множество погибло их от меньшей силы[96].

ИНСТРУКЦИЯ 2

1) Еретикам – неприятелям унии запретить въезд в государство.

2) Выгнать приезжающих сюда из Константинополя монахов.

3) Руси Польской заградить путь к происка м, ибо и

теперь по ее наущению произошло кровопролитие, его царское величество едва спасся и возникла большая, чем прежде, ненависть к унии.

4) С осторожностью должно выбирать людей, с которыми об этом говорить, ибо преждевременное разглашение и теперь повредило.

5) Государь должен держать при себе очень малое число духовенства католического. Письма, относящиеся к этому делу, как можно осторожнее принимать, писать, посылать, особенно из Рима.

6) Государю говорить об этом должно редко и осторожно. Напротив, надобно заботиться о том, чтобы не от него началась речь.

7) Пусть сами русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразования, которые могут проложить путь унии. Поводом к этому могут служить объезды и исследования по последнему заговору, в котором участвовало и духовенство; преобразование нравственности и способа учения духовенства, отдаление неучей священников, которые сами не знают о вере и других не учат. Вследствие этого прихожане не знают Символа веры, десяти заповедей, молитвы Господней, отсюда между ними клятвопреступления, прелюбодеяния, пьянство, чародейство, обман, воровство, грабежи, убийства, редкий почитает за грех воровство и грабеж. Нет поучительных проповедей для народа. Священники отличаются невежеством при исповеди. Священство раздается за деньги.

Предложить вопрос об отношении патриарха Московского к Византийскому, откуда его власть? Обратить внимание на то, что молодые люди не получают образования, что большие доходы духовенства не обращаются на дела полезные. Почему не ввести наук, какие были при св. Златоусте, Василии, Николае и других святых, которые были учеными, учили и учиться велели? А для этого нужно соединение с Церковью латинскою, которая производит столько людей ученых. Почему бы по примеру прежних святых патриархов не произвести преобразования в вере и нравах, чтоб все было по-прежнему, как жили до разделения церквей и до владычества турок, ибо с того времени все в духовных делах начало портиться? Почему бы не иметь семинарии и коллегиума? При случае намекнуть на устройство

католической церкви для соревнования. Издать закон, чтобы все подведено было под постановления соборов и отцов греческих, и поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии. Возникнут споры, дойдет дело до государя, который, конечно, может назначить собор, а там с Божию помощию может быть приступлено и к унии.

8) Раздавать должности людям, приверженным к унии, внушать им, какие от нее произойдут выгоды; особенно высшее духовенство должно быть за унию, оно должно руководить народ к предположенной цели, а это в руках его царского величества.

9) Намекнуть черному духовенству о льготах, белому – о достоинствах, народу – о свободе, всем – о рабстве греков, которых можно освободить только посредством унии с государями христианскими.

10) Иметь при государе священников придворных и способных, которые бы указывали истинный путь словесно и письменно.

11) Учредить семинарии, для чего призвать людей ученых, хотя светских.

12) Отправить молодых людей для обучения в Вильно или лучше туда, где нет отщепенцев, – в Италию, в Рим.

13) Позволить москвитянам присутствовать при нашем богослужении.

14) Хорошо, если бы поляки набрали здесь молодых людей, отдали бы их в Польше учиться отцам иезуитам.

15) Хорошо, если б у царицы между священниками был один или два униата, которые бы отправляли службу по обряду русскому и беседовали с русскими.

16) Для царицы и живущих здесь поляков построить костел или монастырь католический[97].

Глава 3
Становление государевых спецслужб

И в тот приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя.

Г. К. Котошихин

Избранный на царство Земским собором 21 февраля 1613 г. Михаил Федорович Романов получил государство в самом плачевном состоянии. Его главной задачей стало освобождение Отечества от иноземных захватчиков. Ведь кроме поляков России угрожали шведы. Открытая шведская агрессия началась летом 1610 г., после падения правительства Шуйского, и продолжилась до 1617 г., когда был заключен Столбовский мир.

В начале XVII в. ударную военную силу русской армии представляли стрелецкие полки и конное дворянское ополчение. Однако их боевые возможности ограничивались слабой военной подготовкой и низким качеством командного состава. В основе материального благополучия стрельцов лежало не столько денежное жалованье, сколько доход от торговли, поэтому они были более заинтересованы в ней, нежели в изучении военного дела. При назначении воевод и командиров стрелецких и дворянских полков в первую очередь учитывались древность рода и его заслуги (система местничества). Поэтому члены Боярской думы (30–35 человек) имели практически неограниченное влияние в русском воинстве, которое, несмотря ни на что, разрасталось. По сведениям Г. К. Котошихина[98], московских стрелецких полков во времена первых Романовых было более двадцати.

Первым государственным учреждением, созданным в 1613 г. для защиты южных рубежей России, стал Казачий приказ (Приказ сбора казачьих кормов). Официально он ведал сбором хлеба на жалованье казакам и служилым людям «по прибору». Снабжение из казны позволило царю привлечь на свою сторону часть иррегулярных казачьих формирований и тем самым укрепить границу, а также повлиять на улучшение внутриполитической обстановки.

Создание приказа было во многом обусловлено Смутой, продолжавшейся на юге России, где действовал один из сторонников Лжедмитрия II атаман Иван Заруцкий. В его войске

находились и Марина Мнишек с сыном. В конце мая 1613 г. князь И. Н. Одоевский разбил войско Заруцкого под Воронежем, но преследовать остатки его отрядов не стал. Заруцкий обосновался в Астрахани и с лета 1614 г. начал планировать поход на Москву. По некоторым сведениям, атаман широко использовал имя «царя Дмитрия». Марина Мнишек в челобитных именовалась великой княгиней, а ее сын Иван, родившийся в январе 1611 г., – царевичем и великим князем. Несколько слов о судьбе этой женщины. За отказ от царского титула после гибели Лжедмитрия I в июле 1608 г. она была отпущена на родину, но вместо Речи Посполитой оказалась в Тушине, где признала Лжедмитрия II своим «чудом спасшимся» мужем. Когда Лжедмитрий II был убит, предприимчивая полячка, что называется, прибрала к рукам Ивана Заруцкого, который пытался поддержать кандидатуру ее сына на русский престол.

Заруцкий предполагал стянуть к себе все бродячие шайки Московского государства, взбунтовать волжских казаков, татар и ногайцев и двинуться с ними вверх по Волге. Этот путь к Москве использовали впоследствии и С. Разин, и Е. Пугачев. (Мятежники, захватив приволжские рыбные угодья, обратили доходы с них в свою пользу, что обеднило московскую казну.) Донским и волжским казакам были разосланы «прелестные письма», на которые откликнулись люди определенного склада, готовые идти куда угодно «за зипунами». Еще одним союзником Заруцкого стал освобожденный им из астраханской тюрьмы ногайский мурза Джан-Арслан. Юртовские татары мурзы Иштерека были приведены к союзничеству с мятежниками путем взятия заложников. Кроме того, атаман отправил посольство к персидскому шаху, пообещав ему в подданство Астрахань.

В Москве понимали опасность действий Заруцкого, который мог стать очередным самозванцем, и принимали меры к подавлению мятежа. Михаил Федорович послал атаману письмо, обещая полное прощение в случае прекращения бунта. Одновременно государь поручил подавление мятежа И. Н. Одоевскому, окольничему С. В. Головину и дьяку Юдину. Когда в Астрахани произошло выступление противников Заруцкого, Одоевский без промедления отправил туда на судах отряд стрельцов, приказав им плыть днем и ночью. Как видим, он учел свою ошибку. Окруженные стрельцами казаки выдали руководителей мятежа правительственным войскам.

Держать пленников в Астрахани было опасно, поэтому Одоевский решил перевезти их в Казань, причем по отдельности. Заруцкого сопровождал конвой из 130 стрельцов и 100 астраханцев во главе со стрельцом Баимом Голчиным. Марину с

сыном конвоировала охрана из 500 самарских стрельцов во главе с М. Словцовым. В наказе, данном сопровождению, строго указывалось вести пленных «с великим береженьем», в оковах, а при попытке освобождения – убить их. Вскоре после прибытия в Москву Ивана Заруцкого и малолетнего «царевича» (борьба за власть невозможна без проявлений жестокости!) публично казнили. Марина Мнишек умерла в тюрьме от болезни и от тоски по воле. Государь, вероятно под влиянием бояр, хорошо помнивших Смутное время, решил дать подданным урок на будущее.

Испытывая острую нужду в военных кадрах, московское правительство стало нанимать их за границей, в первую очередь в «немецких» землях. Наемные специалисты должны были принадлежать к лютеранству. Ортодоксальных католиков на службу брали только в случае крайней необходимости и на столь жестких условиях, что большинство претендентов не соглашались на них. Русский двор ревностно старался оградить своих подданных от возможного влияния папской «пятой колонны». Служилыми иностранцами – выходцами из Европы ведал созданный в 1614 г. Панский приказ. В 1624 г. он был реформирован и получил название Иноземного (Иноземского) приказа. Находясь под влиянием отца – патриарха Филарета, не доверявшего католической церкви, первый Романов особым указом запретил привлечение на военную службу католиков, что закрепило сложившуюся традицию и перевело ее в ранг закона.

В 1630 г. были сформированы два первых пехотных полка иноземного строя, в 1632 г. – кавалерийский рейтарский полк Ш. С. де Эберта. В подразделениях, устроенных на западный манер, в этот период служило около 200 иностранцев. Для комплектования новых полков личным составом использовалось привлечение «беспоместных детей боярских» на условиях денежного вознаграждения «по бедности». Во время русско-польской войны 1632–1634 гг. появились еще два солдатских полка, отдельная солдатская рота и драгунский полк А. Гордона. К 1645 г. личный состав полков нового строя (регулярной армии) насчитывал уже около 35 000 человек. Можно предположить, что формирование таких полков преследовало две цели: повышение боеспособности армии и создание противовеса Боярской думе, опиравшейся на стрельцов.

Обеспечением личной безопасности царя до 1619 г. занимались стрельцы, они же несли охрану Московского Кремля и его внутренних помещений. Охрана и обслуживание царской семьи находились в ведении приказа Большого дворца и Боярской думы. В личном подчинении царя состоял «выборный» (отборный)

стрелецкий полк, именовавшийся Стремянным (мы уже писали о нем), численностью около 1000 человек. Ни на какую службу, кроме охранной, стрельцы этого подразделения не привлекались.

При избрании Михаила Романова Земским собором ему было поставлено условие: никого без суда не казнить и все дела решать с боярами и думными людьми. После возвращения в 1619 г. из польского плена отца государя – митрополита Ростовского Филарета – влияние Боярской думы на вопросы, связанные с безопасностью царской семьи, было ослаблено. Филарет (в миру Федор Никитич Романов), торжественно возведенный в сан патриарха, вплоть до смерти в 1633 г., сосредоточил в своих руках огромную власть.

Некоторые обстоятельства позволяют сделать предположение, что после возвращения Филарета в условиях строжайшей тайны происходило возрождение специальных служб русского государства. Кроме него к их восстановлению могли быть причастны: глава Разбойного приказа в 1621–1628 гг. князь Д. М. Пожарский (он был стольником, т. е. одним из наиболее приближенных лиц в охране царя); глава приказа Большой казны боярин И. Б. Черкасский; келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын. Подтверждением этой версии служит тот факт, что приказ Тайных дел, созданный через 35 лет (уже в царствование Алексея Михайловича), работал очень эффективно, а это невозможно без многолетней серьезной подготовительной работы.

При Михаиле Федоровиче имелись государственные структуры, использовавшие негласные методы работы и имевшие судебно-полицейские функции: Челобитный, Посольский, Разбойный и Земский приказы. Первый Сыскной приказ (для надзора за воеводами и земщиной) был учрежден в 1619 г. Патриарх Филарет лично занимался делами Посольского приказа (в том числе внешней разведкой под дипломатическим прикрытием). В 1633 г. он составил «для своих государевых и посольских тайных дел» особый шифр («затейное письмо»), который должны были использовать доверенные лица государя. Из наказа русскому представителю в Швеции Д. А. Францбекову видно, что при составлении донесений царю послу полагалось использовать тайнопись: «Да что он, Дмитрий, будучи в Свее, по сему тайному наказу о тех или иных о наших тайных делах и наших тайных вестей проведает, и ему о всем писати ко государю царю и великому князе Михаилу Федоровичу всея Руси к Москве по сему государеву тайному наказу закрытым письмом»[99].

Авторы полагают, что во время нахождения в польском плену Филарет мог получить информацию о секретных инструкциях,

составленных в Речи Посполитой для Лжедмитрия II (выдержки из инструкций мы приводили во второй главе.) Также возможно, что он получил и копии. В документах излагались рекомендации, как следует поступать царю, чтобы обеспечить личную и государственную безопасность. Изучение этих документов позволяет сделать следующие выводы. Первое: основная политическая линия на тот момент заключалась в стремлении создать унию с Российским государством. Второе: возможность создания унии неразрывно связана с обеспечением безопасности государя, придерживавшегося указанной политической линии. Третье: характер рекомендаций не оставляет ни малейших сомнений, что они составлены профессионалами в политической и военно-специальной областях деятельности. Четвертое: в числе специалистов, готовивших инструкции, были не только западные, но и российские эксперты, хорошо знавшие обстановку в России и особенности национального характера. Учитывая постоянную связь кардинала Боргезе с папским нунцием в Речи Посполитой, наиболее вероятно предположение, что идеологом такой политики выступала католическая церковь.

Отметим еще одно существенное обстоятельство. Если сравнить инструкции с изменениями в области государственного управления и обеспечения безопасности царской семьи, произошедшими в России в 1620–1682 гг., можно заметить, что многие положения указанных документов были реализованы. Написанные для ослабления или даже ликвидации России как независимого государства, они были внимательно изучены и использованы для усиления центральной власти и реформирования государственного аппарата. Филарет и его царствующие наследники, несомненно, взяли на вооружение «вражеские» разработки, исходя из соображений государственной целесообразности. Особенно это касается устройства специальных учебных заведений для подготовки государственных и религиозных кадров.

Умение использовать секретные инструкции бывших недругов для построения системы безопасности собственного государства – прерогатива дальновидных политиков, основывающих свои убеждения на глубоком общем и профессиональном образовании, подкрепленном практической деятельностью. Романовы в этом отношении многим своим современникам могли дать значительную фору. Клановая вражда, многократные предательства в среде ближайшего окружения, длительные периоды опалы и краткосрочные мгновения приближения к трону, равно как и постоянные военные конфликты, способствовали приобретению навыков

формирования секретных служб, ориентированных как на стратегические, так и на тактические цели.

Как мы уже говорили, возрождение централизованных российских секретных служб происходило в условиях строжайшей тайны. Кадры для них подбирались среди наиболее сметливых, активных и доверенных стрельцов, детей боярских, городовых дворян и казаков, доказавших верность Отечеству в Смутное время. Центрами подготовки кадров, как и прежде, служили монастыри, находившиеся к тому же под личным контролем Филарета и его доверенных лиц.

Монастыри на Руси изначально имели двоякое назначение – были религиозными и духовно-культурными центрами, а также стратегическими оборонительными сооружениями. Так, Соловецкий монастырь отражал нападения ливонцев и шведов в 1571, 1582 и 1611 гг.; Троице-Сергиев монастырь выдержал осаду в 1608–1610 и 1618 гг., Псково-Печерский монастырь – в 1611 г. В летописи последнего говорится, что иноки и бельцы вышли за стены, чтобы сразиться с поляками, выбили их из туров (земляных укреплений), взяли много пленных и оружия, в том числе три пушки.

Проникнуть в монастырь постороннему человеку было практически невозможно – тем самым обеспечивалась конспирация при подготовке будущих сотрудников тайной службы. Кроме того, на Руси существовала традиция, согласно которой воины на склоне лет принимали постриг и переходили в ряды «воинства Христова», давая обет сражаться за Господа до самой смерти.

Авраамий Палицын в «Сказании об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах» писал, что монахи были в составе всех полков, молитвою укрепляли людей и что все бились «крепко» «за веру христианскую».

Среди монахов было много образованных людей, знавших не только науки и иностранные языки, но и ратное дело. Кстати говоря, сам Авраамий (в миру – Аверкий) Палицын до 1558 г. служил воеводой в г. Кола, но затем оказался в опале, был пострижен в монахи и сослан в Соловецкий монастырь (большинство историков полагает – за участие в заговоре против Бориса Годунова). Известно, что его предок, получивший прозвище Палица, служил еще Дмитрию Донскому. В 1594 г. А. Палицын был возвращен из ссылки и направлен в Свияжский Богородицкий монастырь, а в 1601 г. – на Троицкое подворье Троице-Сергиева монастыря в Москве. По нашему мнению, это первая нестыковка в официальной биографии ученого монаха.

Троице-Сергиев монастырь был не рядовым, а «придворным», особо почитаемым царской семьей. Поэтому трудно поверить, что на одну из важнейших должностей в эту обитель могли назначить человека случайного, а тем более заговорщика. Вероятно, перевод Палицына означал начало работы в секретной царской службе.

В 1608 г. Палицын стал келарем монастыря – вторым лицом после настоятеля, посредником между монастырем и царем. В тяжелые для Москвы дни (осада Лжедмитрия II) он организовал продажу и доставку дешевого хлеба горожанам. В 1608–1612 гг. Палицын активно участвовал во всех политических событиях, в том числе в переговорах с польским королем Сигизмундом III. В 1618 г. он руководил обороной монастыря от польских войск. При царе Михаиле Романове Палицын на короткое время стал настоятелем Троице-Сергиевой обители, но после 1620 г. по распоряжению Филарета отправился в другой монастырь – Соловецкий. В этом событии большинство историков усматривают очередную опалу, вызванную недостаточно последовательной позицией Палицына в отношении Речи Посполитой и участием в интригах различных группировок (Шуйского, Семибоярщины, казаков, поляков). Мы полагаем, что это вторая нестыковка в его официальной биографии. Патриарх Филарет всепрощением своих политических противников, а особенно изменников, не отличался. Поэтому можно предположить, что очередная «ссылка» Палицына – перевод на новое место службы, подальше от любопытных глаз.

Возвращаясь к системе подготовки кадров для царской секретной службы в монастырях, отметим еще один важный момент. Перевод иноков (послушников, монахов) из одного монастыря в другой мог быть мотивирован чисто церковными причинами. В то же время он обеспечивал высокий уровень конспиративности, не вызывая подозрений ни в миру, ни среди непосвященных в клерикальной среде. Посторонним было невдомек, что таким образом происходит переброска «курсанта» от одного наставника к другому, или, иными словами, осуществляется негласное комплексное многоуровневое обучение будущих слуг государевых. В процессе изучения предметов, необходимых в практической работе, священники проводили морально-психологическую подготовку обучаемых, оценивали их деловые и моральные качества. Набор дисциплин и уровень «погружения» могли дифференцироваться в зависимости от первоначальных знаний, навыков и трудолюбия учеников и конечно же от тех задач, для решения которых каждый из них предназначался.

Приведем еще несколько интересных фактов,

подтверждающих нашу версию об использовании ряда положений польских инструкций. В первой половине XVII в. бояр, стоявших во главе приказов, постепенно, но неуклонно заменяли дьяками. В начале царствования Михаила Федоровича дьяки возглавляли каждый третий приказ, к концу 1680-х гг. – четыре из каждых пяти. Одновременно отмечалось повышение уровня образованности служилого сословия. Примерно с 1621 г. в Посольском приказе в очень ограниченном количестве (практически для одного государя) изготовлялась рукописная газета «Куранты» (от *нем.* couranten – ходячие вести), состоявшая в основном из известий об иностранных событиях, переведенных на русский язык. Эта газета сопоставима с аналитическими и информационными отчетами, справками, протоколами, которые в наши дни регулярно получают лидеры государств. Но в то время она имела еще и громадное общеобразовательное значение, поскольку позволяла быть в курсе «живых» новостей. Учитывая замкнутость жизни русского общества того времени, чрезмерную упертость в вопросах изучения всего «не нашего, басурманского, еретического» и т. п., появление подобной газеты было большим политическим и культурным событием.

Значительно расширилось письменное делопроизводство: его ввели не только во всех центральных органах управления, но и в местных. Это тоже большой шаг вперед: писцы закрепляли исторические положения, постепенно формировалась архивная и документально-процессуальная база.

Активно развивалось книгопечатание: на московском Печатном дворе в первой половине XVII в. было выпущено около 200 книг разных наименований, в том числе «Азбука» В. Бурцева (1634 г.).

Научные знания той поры развивались преимущественно в прикладном русле и были связаны с описанием земель, торговым и военным делом. Так, в 1627 г. в Разрядном приказе была подготовлена «Книга Большому чертежу».

В области военного дела также происходили большие изменения. В 1620 г. боярин и воевода Онисим Михайлов составил первый в России «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». С учетом собственного военного опыта он адаптировал к русским условиям нормы ряда европейских уставов. Наряду с чисто военными вопросами «Устав» Михайлова содержал практические сведения по геометрии, механике, физике, химии. Уделялось внимание организации специального военного образования и практического обучения кадров.

В составе приказа Большого дворца появилась группа

придворных охотников, набиравшаяся из людей простого звания, – «птичьих стрелков». Однако поставка дичи для царского стола была не единственной их задачей. По сведениям Л. Яковлева, они являлись резервом «государевых самопальных стрелков». Таким образом, личная государева снайперская команда, созданная Иваном Грозным (Рюриковичем), не утратила своего значения – после смены правящей династии она лишь поменяла структуру, став более организованной. Некое подобие официальной деятельности при дворе прикрывало военно-секретный характер подобных подразделений.

Начиная с первой трети XVII в. в странах, занимавших территорию современных Бельгии и Германии, началось производство 2, 4, 6 и 8-ствольных пистолетов и ружей-карабинов. Отдельные мастера для специальных войсковых групп производили пистолеты и укороченные карабины револьверного типа, в которых с дульной части поочередно заряжалась каждая камора, барабан проворачивался и курок взводился вручную.

Изготавливалось три основных стандарта пистолетов: военный – «локтевой», с максимальной для такого типа оружия дальностью и точностью стрельбы; укороченный военный – «охотничий» и с длиной ствола «на ладонь» – «камзольный», который свободно умещался в кармане камзола и был почти незаметен при ношении за поясом. «Камзольный» вариант был особенно удобен для осуществления тайных миссий и самообороны. У некоторых особо дорогих моделей имелись два курка на ствол, что повышало надежность оружия в случае осечки, а наличие нарезного ствола при стрельбе на небольших расстояниях делало такое оружие в уверенных руках профессионалов ювелирно-снайперским. Наличие мощного скорострельного оружия давало преимущества в ближнем бою и при выполнении щекотливых поручений государя.

Известны случаи, когда противник капитулировал только потому, что не мог представить себе, что оружие может стрелять так быстро и иметь так много зарядов без помощи колдовских сил. Это позволяло смелым авантюристам проникать в стан врага и безнаказанно покидать его после выполнения диверсионных или разведывательных заданий. Многоствольные либо многозарядные пистолеты в то время воспринимались как «трансплюкаторы» или «лазерно-кибернетические бластеры», придуманные фантастами в наше. Неспроста в ряде государств средневековой Европы подобные виды оружия (понятное дело, что не бластеры) были запрещены к изготовлению и приобретению без личного дозволения правителя. Все мастера-оружейники, причастные к созданию особо точных ружей и

пистолетов, и лица, которым доверялось ношение такого оружия, были на строжайшем учете. Они получали огромные привилегии, денежные и иные средства поощрения, но в случае опалы или допущенного промаха участь их и их ближних была поистине плачевной.

Царь Алексей Михайлович, вступивший на престол в 1645 г., получил от современников прозвище Тишайший. Оно отражало не только его характер, но и стремление действовать, не привлекая к своим делам излишнего внимания. Государь продолжил военные начинания отца. В 1656–1657 гг. были сформированы два «выборных» (отборных) солдатских полка иноземного строя – 1-й и 2-й Московские. Создаваемые в качестве элитных, они укомплектовывались обученными иноземному строю ветеранами Смоленского (1654 г.) и Рижского (1656 г.) походов (речь идет о русско-польской войне 1654–1667 гг.), а также «даточными людьми» из московских слобожан и стрелецких детей. Командирами полков стали полковники А. Шепелев и Я. Колюбакин. К 1663 г. в солдатских, рейтарских, драгунских и гусарских полках служили свыше 75 000 человек. Такая «гвардия» обеспечивала царю независимость от притязаний Боярской думы, позволяла противопоставить стрелецким полкам, возглавлявшимся влиятельными боярами, централизованную военную силу – более мобильную, вышколенную, обученную по последнему слову тогдашней тактики и значительно лучше вооруженную.

Не стоит забывать, что регулярная армия подчинялась лично царю и содержалась за счет государевой казны, поэтому все устремления «гвардейцев» были тесно увязанными с защитой интересов государя. К царствованию Алексея Михайловича уже сложились некоторые военные династии, зачинатели которых служили еще Рюриковичам, а продолжатели закалились в горниле Смутного времени. Разумная («тихая») политика второго царя из династии Романовых по формированию регулярных воинских подразделений личного подчинения, укрепляя царскую власть, умаляла возможность удельных раздоров и эгоистических притязаний, столь пагубных для государства.

В этот период капитаны полков нового строя в большинстве уже не иностранцы, а русские; к 1674 г. русские офицеры командовали шестью рейтарскими полками из восьми. Это показывает, что линия патриарха Филарета на подготовку отечественных кадров путем постоянного обучения и обогащения передовыми достижениями иноземцев была реализована. Ее продолжили царственные сын и внук многоопытного старца.

В 1647–1648 гг. переведен на русский язык военный трактат

И. Я. фон Вальхузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Перевод осуществили в московском Андреевском монастыре Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие «словесники», собранные боярином Ф. М. Ртищевым[100]. Этот факт также подтверждает, что в описываемый период монастыри продолжали оставаться не только духовными, но и специальными военно-политическими центрами Российского государства.

Единообразных штатов воинских частей в то время еще не существовало: полки иноземного строя делились на роты и капральства, а стрелецкие – по-прежнему на сотни и десятки. В кавалерии создавались не только рейтарские и драгунские, но и слободские казачьи полки. Один из таких полков – Ахтырский казачий, сформированный в 1651 г., в дальнейшем был преобразован в Ахтырский гусарский. Во время Отечественной войны 1812 г. полк под командованием Д. Давыдова получил известность, активно участвуя в боевых действиях.

Алексей Михайлович прекрасно усвоил печальный опыт мудрого деда. Начавший свою «карьеру» при Федоре Ивановиче, тот познал цену высших государственных секретов: вынужденно принял постриг, спасая себя и свое потомство от неминуемой «тайной» смерти. Умение построить надежную систему безопасности высших интересов государства, воплощенных в планах государя, олицетворяющего высшую власть, – настоящее искусство.

В числе наиболее доверенных лиц «тишайшего» царя был его «дядька» (воспитатель) боярин Б. И. Морозов[101]. О влиянии Морозова говорит тот факт, что его подпись под Соборным уложением 1649 г. – первая среди подписей вельмож и четырнадцатая по общему списку (после подписей государя, патриарха и двенадцати высших иерархов Церкви). В 1645–1648 гг. он фактически являлся главой правительства. Собирание «под рукой» Б. И. Морозова важнейших приказов Большой казны, Стрелецкого, Иноземного и Аптекарского свидетельствует о его посвященности в большинство государственных секретов (за исключением, может быть, тайных дел самого государя). Когда в ходе Соляного бунта 1648 г. восставшие потребовали выдачи Морозова, царь укрыл его в своем дворце, а затем отправил на четыре месяца в фиктивную ссылку в монастырь.

С 1649 г. главой правительства, руководителем приказов Большой казны, Стрелецкого, Иноземного и Аптекарского и созданного в 1649 г. Рейтарского приказа становится тесть царя боярин И. Д. Милославский[102].

Уроки Смутного времени и восстания (бунты) 1648 г.

(Москва, Томск, Сольвычегодск, Устюг), 1650 г. (Псков и Новгород) позволили молодому самодержцу сделать вывод, что его личная безопасность неразрывно связана с безопасностью государства, им управляемого. Относясь с недоверием к боярской верхушке и продолжая традицию Ивана Грозного, Алексей Михайлович приближал к себе людей «худородных», определял их на службу в личную канцелярию, в 1654 г. реорганизованную в приказ Тайных дел (Тайный приказ). Приказ находился в непосредственном подчинении государя и выполнял интегрированные функции контрольной, следственной, дипломатической, шифровальной, оперативной и охранной царской спецслужбы.

С 1663 г. к приказу Тайных дел перешла часть функций приказа Большого дворца по управлению царским хозяйством, охране и обслуживанию царской семьи. Любое блюдо, прежде чем попасть на царский стол, подвергалось проверке и дегустации сотрудниками приказа. Аналогичной проверке подвергались лекарства, прописанные царю и изготовляемые в Аптекарском приказе, преобразованном еще при Борисе Годунове из учрежденной в 1581 г. Аптекарской палаты; первым дегустатором лекарств являлся царский лекарь. В 1657 г. Аптекарский двор перенесен из Московского Кремля. В районе современного Петровского парка у станции метро «Динамо» был заложен Аптекарский огород, где под присмотром доверенных монастырских специалистов выращивались лечебные травы и растения для «пользования особы государя и лиц доверенных». На отдельных грядках культивировали растения для получения «особых зелий для дел государевых». Таким образом, огород был своего рода лабораторией по приготовлению наисовременнейших по тем временам лекарств и ядов, использовавшихся на тайной государевой службе. Еще один огород располагался в с. Измайловское.

В области медицины помимо традиционных народных знаний применялись и переводные «лечебники». В Аптекарском приказе проходили обучение будущие лекари и фармацевты, например, в 1654 г. курс прошли 30 стрельцов, отправленных затем в полки для «лечбы» ратных людей. Так были заложены основы специальной военной медицинской службы, неотделимой от выполнения воинских обязанностей. В состав подразделения вводилось лицо, дополнительные знания и умения которого могли быть востребованы только в определенный момент, а так он нес обычную ратную службу. Факт заслуживает особого внимания, поскольку в группах специального назначения, выполняющих прямые указания высших должностных лиц

государства, дорого держать просто военного врача – необходим офицер, имеющий кроме специального образования еще и медицинское. Таким образом, можно говорить о многофункциональной подготовке сотрудников государевых служб. Этот серьезный и дальновидный посыл, к великому сожалению, забыт многими современными политиками и военными специалистами.

Не меньшее внимание уделялось защите информации: секретные распоряжения чаще всего отдавались в устной форме, прибегали и к шифрованной переписке. В личной переписке с послами и подьячими приказа Тайных дел государь использовал систему специальных знаков (подобной «азбукой» будет пользоваться и Петр I). Образцы шифрованной переписки хранятся в Российском государственном архиве древних актов.

Так, подьячему Ю. Никифорову поручалось передать руководителю русской делегации на переговорах с Польшей А. Л. Ордину-Нащокину[103] написанные тайнописью рекомендации царя.

Доступ к секретной информации строго регламентировался: направленный царем секретный документ мог прочитать только тот, кому он предназначался. Прочитав бумагу, адресат ее запечатывал особым способом и возвращал подьячему приказа Тайных дел в соответствии с царским указанием: «Прочетчи, пришли назад с тем же, запечатав сей лист»[104].О выполнении распоряжения сотрудники приказа немедленно докладывали государю, причем писать о сути распоряжения категорически запрещалось. Применялась стандартная форма письменного доклада: «Что по твоему, великого государя, указу задано мне, холопу твоему, учинить, и то, государь, учинено ж»[105].

М. Н. Покровский писал «Тайный приказ с самого начала, при первых Романовых, был наделен огромными полномочиями. Даже члены Боярской думы, т. е. Государственного совета, употребляя позднейшее выражение, в этот приказ не входили и дел там не ведали. Он был, значит, вне контроля этого Московского государственного совета. Он был подчинен непосредственно самому царю, и чиновники его на деле имели больше власти, чем члены Боярской думы»[106]. Например, с февраля 1665 г. царь приказал Разрядному приказу ежедневно направлять в приказ Тайных дел сведения о положении дел в полках.

Приказом Тайных дел в разное время руководили Ф. М. Ртищев и четыре дьяка незнатного происхождения: Томила Перфильев, Дементий Башмаков, Федор Михайлов и Данила Полянский. Все они состояли «в государевом имени» – имели право принимать самостоятельные решения и подписывать

царские указы за государя. Трое из дьяков – Башмаков, Михайлов, Полянский – носили титул тайного дьяка. При их отсутствии в Москве к работе в приказе Тайных дел привлекались особо доверенные дьяки из других приказов, например Е. Юрьев и А. Иванов.

Подьячие приказа Тайных дел нередко имели указание выдавать себя за сотрудников других приказов. Это способствовало поддержанию принципов конспиративности при выполнении государевых дел. Так, в декабре 1665 г. для встречи патриархов были посланы на Терек подьячие И. Ветошкин и Е. Полянский Им было указано: «ехати им с Москвы на Саратов, на Царицын, на Черной Яр, на Астрахань и на Терек, а едучи дорогою, проведывати всякими людьми тайно про Паисея папу, и патриарха Александрейского, и про Макария, патриарха Антиохийского, где они ныне и которыми месты к Москве едут, а дорогою едучи, сказыватца им дворцовыми подьячими, что посланы они из дворца для садового заводу, чтоб было не прилично»[107].

Каждый из дьяков и подьячих Тайного приказа ведал только теми делами, которые были лично ему поручены государем, полагалось также докладывать царю о деятельности сотоварищей из других приказов. К исполнению некоторых поручений по линии Тайного приказа привлекались стольники из числа состоящих при государе (например, Иван Дашков и Алексей Салтыков), стрелецкие командиры головы и полуголовы (например, Артамон Матвеев, о котором речь пойдет далее) и отдельные (особо доверенные) стрельцы государева Стремянного стрелецкого полка.

Таким образом, существовало четкое разделение направлений деятельности руководителей приказов. Функцию высшего контролера исполнял сам государь. Здесь четко и прагматично вырисовывается старый как мир принцип – «разделяй и властвуй». Доверяя важнейшие секреты государства особо приближенным лицам, он старался обезопасить себя от малейшей возможности измены. Подобные меры позволяли избежать заговора особо доверенных лиц или ликвидировать измену в зародыше. В крайнем случае, как при бегстве подьячего Посольского приказа Г. К. Котошихина, минимизировать ущерб, связанный с разглашением секретной информации.

Первые подьячие в Тайный приказ набирались из других приказов: Большого дворца, Стрелецкого, Разрядного и Посольского. Количество служащих постоянно увеличивалось. Вначале было 6 человек, в 1659 г. – 9, в 1669 г. – 12, в 1673 г. – 15. Отбор кандидатов скрытно производился из наиболее

проверенных, способных и грамотных людей Будучи призванными к несению новой службы, они на время удалялись от мирской жизни и проходили обучение в закрытой школе, созданной при Заиконоспасском монастыре в 1665 г. Из подьячих известны: Иван Бовыкин, Иов Ветошкин, Артемий Волков, Федор Казанец, Петр Кудрявцев, Юрий Никифоров, Порфирий Оловенников, Еремей Полянский, Иван Полянский, Алексей Симонов, Артемий Степанов, Федор Шакловитый.

Заложенная Филаретом методика обучения кадров в монастырях получила достойное развитие. Прямым подтверждением этому алы считаем и факт хранения в приказе Тайных дел картографических материалов некоторых монастырей (Воскресенского Иерусалимского, Иверского, Валдайского и Крестного Онежского), и произведение любых строительных работ в них только с разрешения царя[108].

Карьере сотрудников приказа способствовало усердие при выполнении особых заданий государя: подьячие назначались дьяками в другие приказы, а дьяки становились думными дьяками, но при этом они оставались доверенными лицами царствующей особы. Таким образом расширялась внутренняя агентурная сеть в различных социальных слоях общества. Некоторые из этих людей успешно продолжили службу при преемниках Алексея Михайловича.

Во второй половине XVII в. наиболее близким Алексею Михайловичу становится А. С. Матвеев[109], многократно выполнявший личные (в том числе и по линии Тайного приказа) царские поручения. В частности, он проявил немалую активность при подавлении «народного» восстании 1670–1671 гг. под руководством Степана Разина. После поимки Разина А. С. Матвеев писал царю: «А в том деле работишка моя, холопа твоего, была»[110].

Слово «народное» взято в кавычки не случайно. В советской историографии трактовка этого выступления была однозначной: вооруженное восстание народа против царя и бояр-угнетателей. Однако в настоящее время имеется несколько версий этого события. Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко считают Разина представителем ордынской династии, отстаивавшим свои права на престол. Они отмечают, что победа правительственных войск была одержана благодаря превосходству в вооружении. От себя добавим – и благодаря работе А. С. Матвеева и других «слуг государевых». Таким образом, речь может идти о борьбе за московский трон «старой» и «новой» группировок.

Н. М. Михайлова полагает, что разинское выступление – первое в череде «раскольнических бунтов», потрясавших Россию

на протяжении почти ста лет – с 1668 по 1774 г. Напомним читателю, что незадолго до восстания патриах Никон[111] провел реформацию Церкви. В числе прочего Разин обещал вернуть «старую веру», но при этом совершались убийства священнослужителей, надругательство над церковными святынями и ограбления храмов. После смерти Алексея Михайловича силовая «раскольническая» деятельность не прекратилась, о чем будет рассказано в следующей главе.

Отметим идеологический момент, связанный с оценкой любого вооруженного выступления. Удачное объявляется революцией; его организаторы, взявшие власть, проводят комплексные пропагандистские мероприятия, призванные поднять их реноме в глазах иностранных государств и всех слоев населения. Подавленное называется бунтом, мятежом; пропагандистские мероприятия проводят люди, власть сохранившие. В любой стране и в любое время народ, от имени которого выступают и мятежники (или революционеры – все зависит от точки зрения), и представители правящего режима, является объектом политического воздействия со стороны различных сил. Специальная пропаганда, активные мероприятия, черный пиар – эти термины хорошо знакомы читателям.

Никогда нельзя исключить, что вооруженное выступление, имеющее признаки внутреннего противоборства, инспирировано другой страной, преследующей собственные внешнеполитические цели. В этом плане главе государства (царю, президенту) следует проявлять крайнюю осторожность. Его секретные службы должны постоянно «держать руку на пульсе», чтобы выявить угрозу иностранного вмешательства на ранней стадии. Это позволяет выстроить систему противодействия внешней угрозе с минимальными экономическими затратами и «бить врага его же оружием», лучше всего – малой кровью и на чужой территории. На наш взгляд, Алексей Михайлович и его службы хорошо понимали реальность иностранной угрозы, стараясь работать профессионально.

В первые годы правления Тишайшего общее руководство царской охраной осуществлял боярин – руководитель приказа Большого дворца, с 1663 г. дьяк приказа Тайных дел. За безопасность царской семьи отвечало несколько охранных подразделений с различными функциями и подчиненностью. В сочинении Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», написанном для государственного канцлера Швеции (!), есть любопытные сведения не только о российском государственном устройстве, но и об охране царской семьи. В приведенных далее выдержках стиль и орфография оригинала

сохранены.

В. И. Савельев организацию охраны царя Алексея Михайловича в Московском Кремле описывает так: «При особе государя в качестве телохранителей постоянно находилось двести человек – выходцев из дворянских семей. Ночью подле царской спальни дежурил главный спальничий с одним или двумя приближенными царедворцами. В соседней комнате находились шесть телохранителей, а в следующей располагались еще сорок человек»[112].

Во времена первых Романовых спальники были одними из наиболее приближенных к царю людей. В сочинении Котошихина о них говорится так: «Спалники – которые спят у царя в комнате, посуточно, по переменам, человека по четыре. И многие из них женатые люди, и бывают в том чину многие годы, и с царя одеяние принимают и розувают. А бывают в тех спалниках изо всех боярских и околничих, и думных людей дети, которым царь укажет, а иные в такой чин добиваются и не могут до того притти. И быв в спалниках, бывают пожалованы болших бояр дети в бояре, а иных менших родов дети в околничие, кого чем царь пожалует, по своему разсмотрению. И называют их комнатной боярин или околничей, а в посолственных писмах пишут ближними бояры и околничими, потому что от близости пожалованы»[113].

Как мы видим, спальники («спалники» у Котошихина) – дежурившие посменно сотрудники дворцовой охраны. Во главе каждой смены находился постельничий: «И того постелничего чин таков: ведает его царскую постелю, и спит с ним в одном покою вместе, когда с царицею не опочивает. Так же у того постелничего для скорых и тайных его царских дел печать»[114]. При царе Алексее Михайловиче постельничим был Ф. М. Ртищев.

Вернемся к описанию Савельева: «Кроме того, у каждых ворот и дверей дворца стояли отборные молодцы. К постоянной дворцовой страже принадлежали также две тысячи стремянных стрельцов, которые поочередно стояли день и ночь с заряженными пищалями и зажженными фитилями – по двести пятьдесят у дворца, на самом дворе и у казначейства»[115]. Напомним, что в те времена в Москве было свыше 20 стрелецких полков, в том числе «выборный» (отборный) Стремянный полк, личный состав которого насчитывал, как мы уже говорили, 1000 человек.

Котошихин утверждал, что в охране Кремля участвовали все московские стрелецкие полки: «А на вахту ходят те приказы посуточно; и на царском дворе и около казны з головою стрелцов на стороже бывает по 500 человек, а досталные по городом, у

ворот по 20 и по 30 человек, а в ыных местех и по 5 человек; а чего в котором приказе на вахту не достанет и в дополнок берут из иных приказов. А в празничные дни которой приказ стоит на вахте, и им с царского двора идет в те дни корм и питье доволное»[116].

Вероятно, охрана (соответствует караулу нынешнего Президентского полка) осуществлялась комплексно. На наиболее ответственные посты могли заступать стрельцы из Стремянного полка, охрану менее значимых объектов – за периметром Кремля и на городских заставах – могли нести стрельцы других полков. Возможен и вариант, при котором в карауле одновременно могли находиться стрельцы Стремянного и других полков.

Внутри Кремля особое внимание уделялось охране царского двора и дворцовых помещений, которые были закрытыми (литерными) зонами. Пройти во двор с оружием могли только стрельцы-караульщики. Категорически запрещалось появляться на царском дворе верхом или в карете, а также проводить через двор лошадей или экипажи. Посетители, приходившие во дворец по вызову, ожидали приема вне литерной зоны. Это ограничение распространялось на все социальные группы, в том числе на бояр и иностранцев. Те же правила распространялись и на другие резиденции царя, включая походную ставку. Любое лицо, задержанное с оружием в пределах режимной зоны, немедленно подвергалось допросу «с пристрастием» для выяснения цели появления. Если человек нес оружие «не с умыслом злым», а «с простоты», он в лучшем случае отделывался ссылкой в Сибирь или на Терек «на вечное житье». В противном случае смертной казни подвергалась вся семья «татя», покусившегося на жизнь государя.

Стрельцы, несшие караул на царском дворе, сопровождали царскую семью и при выездах из Кремля, при этом охранники шли с двух сторон от кареты, раздвигая толпу и обеспечивая беспрепятственное продвижение по улицам «без мушкетов, с прутьем».

Кроме стрельцов государя сопровождали стряпчие, которых можно считать выездной охраной. И снова слово Котошихину: «Стряпчие. Чин их таков: как царю бывает выход в церковь, или в поход на потехи, или в полату, в думу и для обедов, и в то время несут перед ним скифетр, а в церкве держат шапку и платок, а в походех возят панцырь, саблю, саадак. И посылают их во всякие ж посылки, кроме воеводств и посолств, чтоб сами были послы. А будет тех стряпчих с восмь сот человек. А на Москве они, стряпчие и столники, живут для царских услуг по полугоду, пополам. А другая половина, кто хочет, отъезжают в деревни

свои, до сроку»[117].

Во время торжественных выездов и официальных приемов около царя находились телохранители-рынды, вооруженные секирами. Рынды – это прообраз почетного гвардейского караула, выполняющего протокольные функции; в случае необходимости статные молодцы, одетые в парадную форму, могли оказать супостату достойный отпор. Как и положено почетному караулу, они подчеркивали статус царской особы и… отвлекали внимание потенциальных злоумышленников от негласной охраны государя.

При выездах царя на богомолье или в загородные резиденции охрана усиливалась: «Да с царем же бывают в походех стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, жильцы и иных чинов люди, которым велено бывает; да Стремянной приказ, 1000 человек стрелцов на царских лошадях»[118]. Перед царским кортежем следовал постельный возок, при котором ехали постельничий и стряпчий, а с ними 300 жильцов по три в ряд. В составе конвоя находились до 3000 конных стрельцов, 5000 рейтар и 12 стрелков с «долгими пищалями». Это был отборный отряд, готовый по первому сигналу пустить в ход свое оружие.

«Долгие пищали» 12 стрелков позволяли вести снайперский огонь «пороховым зельем» на дистанции, представлявшейся большинству людей почти колдовской. Их ружья имели линейные нарезы с винтовой составляющей, позволявшие пуле приобретать дополнительную устойчивость; опытные оружейные мастера умудрялись с ювелирной точностью делать такие.

В карете государя находились четверо ближних бояр, перед ней ехал боярин, справа от нее – окольничий. В «избушке» царевича сидели его дядька и окольничий – все под охраной стрельцов. Возки царицы и царевен также охранялись стрельцами. Женщин сопровождали верховые боярыни, а в ближнем окружении венценосных дам были собственные постельницы. Скорее всего, некоторые из них выполняли охранные функции, которые нельзя было поручить мужчинам.

В военных походах охрана государя еще более усиливалась, кадровый отбор контролировался царем: «И будет на которой войне случится быти самому царю, и в то время, смотря царь всех воинских людей, обирает себе полк изо всяких чинов людей и ис полков»[119]. Из состава этих полков производился отбор 1000 «добрых людей», которым полагалось находиться при царской особе «и для оберегания знамени его царского»[120] постоянно. Это подразделение комплектовалось из стольников, стряпчих, дворян и жильцов. Таким образом, в военных походах царя сопровождали три независимых друг от друга полка – стрелецкий Стремянный и два «выборных», сформированных из

приближенных к царю служилых людей.

Среди таких приближенных в сочинении Котошихина многократно упоминаются дети боярские, дворяне, жильцы и стольники. Дворяне и дети боярские несли основную тяжесть военной службы в стрелецких, солдатских и рейтарских полках – это был основной кадровый и резервный состав русского войска. Некоторые «дворяне московские» несли службу в приказах и использовались для «сыскных дел». Очевидно, у вас возник вопрос: а кто же такие жильцы? Жильцами называли детей дворян, дьяков и подьячих, живших и начинавших службу при царском дворе «для походу и для всякого дела». Общее число жильцов приближалось к 2000 человек, из них на царском дворе постоянно находились около пятидесяти. Жильцы выслуживались в стряпчие, стольники и т. п. или продолжали карьеру на военной службе.

Стольниками, это слово вам уже не раз встречалось в тексте, назывались дети бояр, окольничих и московских дворян, обслуживавшие государя и его приближенных за трапезой, в том числе на торжественных приемах. Кроме прислуживания за столом, работа стольников заключалась в негласной охране во время трапезы и в контроле за подаваемыми на царский стол блюдами и напитками: «И будет тех столников числом блиско пяти сот человек. И посылают их в посолства в послех самих и с послами в товарыщах, и по воеводствам, и для сыскных дел, и бояр спрашивать о здоровье, как они бывают по службам. А иные на Москве сидят в приказех у дел и у послов в приставех»[121].

Большое значение уделялось сохранению секретности: «А как царю лучится о чем мыслити тайно, и в той думе бывают те бояре и околничие ближние, которые пожалованы из спалников или которым приказано бывает приходити. А иные бояре, и околничие, и думные люди в тое полату в думу и ни для каких ни буди дел не ходят, разве царь укажет»[122].

Таким образом, во второй половине XVII в. в охране первого лица Российского государства существовали разные по подчиненности подразделения, каждое из которых обеспечивало безопасность в своей зоне ответственности. Из фактов, приведенных в сочинении Котошихина и в других источниках, можно сделать вывод, что в царствование Алексея Михайловича сложилась многоуровневая комплексная система охраны. При такой системе все службы, в той или иной мере участвовавшие в решении общей задачи, должны были осуществлять оперативное взаимодействие и иметь разветвленную сеть сбора и анализа информации, позволяющей действовать по принципу наступательности (опережающей контратаки). По нашему

мнению, система охраны того времени является прообразом закрытой системы охраны первых лиц государства, получившей наивысшее развитие во второй половине XX в.

Еще одной оперативно-охранной службой, созданной в годы правления Алексея Михайловича, следует считать службу охраны дипломатического корпуса при дворе русского царя. Обеспечение безопасности иностранных представителей находилось в совместном ведении Посольского и Стрелецкого приказов. Параллельно осуществлялись контрразведывательные мероприятия, в том числе наружное наблюдение за перемещениями дипломатов и их местами проживания. Режим для иностранцев был установлен настолько жесткий, что несанкционированные встречи с москвичами либо с представителями других государств, проживающими в Москве, практически исключались. Инструкции тех лет гласили: «Беречи накрепко, чтоб к послом и к их посольским людем подозрительные иноземцы и русские люди никто не приходили и ни о чем с ними не розговаривали, и вестей никаких им не рассказывали, и письма никакого к ним не подносили»[123]. Наружное наблюдение осуществлялось не только «караульщиками» и «приставниками», которые вели его открыто, охраняя и сопровождая дипломатов, но и тайными постами наблюдения, окружавшими посольское подворье и неотступно следившими за перемещениями представителей иностранных миссий.

При появлении у посольских подозрительных людей их следовало, «поотпустив от посольского двора», негласно задержать и под охраной доставить в Посольский приказ. Горе было ослушнику, без дозволения дерзнувшему вступить в преступную связь с иноземцами и еретиками, государево «слово и дело» могло настигнуть его в любой момент, в любом месте державы и даже за ее пределами.

В 1652 г. для иностранцев, проживающих в Москве, была выстроена слобода Кукуй (по названию ручья, впадающего в Яузу). Жители слободы подчинялись общерусским законам, хотя и пользовались некоторыми свободами (в частности, свободой вероисповедания). Однако носить русское платье им категорически воспрещалось, воспрещалось также посещать Сибирь и Поволжье. Любой выезд дозволялся только с письменного или именного разрешения вельможных персон или самого государя. За иностранцами явно и тайно наблюдали специально приставленные люди из различных приказов, каждый из которых немедленно доносил как о действиях «иноземных гостей», так и о поведении своих соотечественников. Не стоит

забывать, что к тому времени достаточное число иностранцев, заинтересованных в финансовом и карьерном продвижении, длительное время находились на русской службе, что было залогом двойного контроля за ними.

Меры, предпринимаемые русскими, значительно затрудняли деятельность резидентов иностранных разведок, действовавших под дипломатическим прикрытием. Информация, получаемая от «нужных людей», позволяла более адекватно строить работу как в области внешней и оборонной политики, так и в области охраны российских должностных лиц. Если кто-то из иностранцев «случайно» заезжал не в то место, то с ним доверенные царя поступали «нечестно»: исчезнуть на неспокойных русских дорогах, или погибнуть от рук «лихих людишек», или заболеть неизвестной хворью в те времена ничего не стоило. Вольно или невольно посвященных в государственные секреты уже никогда не отпускали на родину: арсенал специальных методов воздействия на различные категории лиц был обширен.

Разрядный приказ координировал разведывательную и контрразведывательную работу в порубежных районах России – это некий прообраз армейской службы безопасности. Ответственными лицами на местах являлись воеводы приграничных районов и городов, в «штате» которых с начала XVII в. состояли лазутчики – «вестовщики». Не менее важным источником информации были русские купцы, торговавшие в других странах, вернувшиеся из плена подданные царя и выходцы из соседних государств. Полученные сведения передавались в Москву по подчиненности, особое внимание уделялось информации о приметах возможных лазутчиков и о времени их появления в столице.

За выявленными лазутчиками и внушавшими подозрение лицами устанавливалось негласное наружное наблюдение. Задерживать лазутчиков следовало, не привлекая внимания посторонних: «Около того Исайкова двора тихо ходя надзирать, не объявятся ли у него также прибылые рубежные люди, и чтоб тайным обычаем поймать, не розсловя во многие…»[124].

Надзор за иностранными офицерами, служившими в русском войске, осуществляли сотрудники Иноземного и Рейтарского приказов. Лояльность наемников по отношению к государю и управляемому им государству постоянно проверялась. Контакты офицеров с представителями посольского корпуса не поощрялись: им внушали, что подобные встречи могут вызвать подозрение при дворе. Обязательной проверке подвергались как методика обучения иностранцами своих подчиненных, так и предлагаемые ими тактические приемы, благо, иностранные офицеры

представляли не только различные страны, но и различные военные школы.

Внешняя разведка при Алексее Михайловиче осуществлялась в основном по линии Посольского приказа. Легальными резидентами (по современной терминологии) являлись русские послы, которые опирались на ряд подьячих посольства и завербованных ими иностранных подданных. Основными направлениями работы дипломатической разведки была оценка внутриполитической ситуации, военной мощи и намерений Османской империи, Речи Посполитой, Швеции. В ряде случаев в состав русских посольств включались подьячие приказа Тайных дел или особо доверенные лица из ближайшего окружения государя. Однако посольства носили временный характер, фактически они являлись дипломатическими миссиями, направляемыми государем с конкретными поручениями.

Таким образом, в спецслужбах Алексея Михайловича развивались посольская, военная, пограничная разведки и военная контрразведка. Любой «слуга государев» в случае необходимости мог стать (и по первому слову становился) секретным сотрудником, тайным порученцем, а то и резидентом – в зависимости от пожеланий патрона, своих возможностей и обстоятельств. Принцип тотальности, использовавшийся при дворе, позволял царю эффективно проводить в жизнь свою «тихую» политику.

Расследование государственных (политических) преступлений по сообщениям с мест (доносам) обычно начиналось с формулы «Слово и дело государево» (впервые упоминается в 1622 г.). Произнесший эту фразу имел право требовать, чтобы его доставили к местному воеводе или даже к самому царю для сообщения важных и секретных сведений, касавшихся царствующей особы и государства в целом. При этом он знал, что его могут подвергнуть задержанию и провести тщательное следствие, включая применение пытки. Информация с мест немедленно докладывалась в Москву в соответствующий приказ. В случае неумелого допроса или смерти человека, выкрикнувшего «слово и дело», прежде чем государь или лицо «в имени государевом» примет решение о ценности информации, ответственный воевода, боярин или иной «служивый» могли понести тяжкую кару, вплоть до казни всей семьи виновного. Вообще, отношение к произнесшему «слово и дело» было подозрительно-осторожным: с первого взгляда было трудно разгадать, «царев» ли это «ближний доверенный» или «человек лихой в кознях». Поэтому чиновники различного уровня предпочитали все же оказывать повышенное внимание таким

лицам, чтобы самим не попасть «в опалы великие», а если «кликнувшийся» оказывался «вор и разбойник», то и отыграться на нем можно было без опаски.

Наиболее полно законодательные и судебные меры защиты жизни и здоровья государя излагаются в Соборном уложении 1649 г., скрепленном подписями 315 выборных представителей от всех социальных слоев. Всего в Уложении было 25 глав, вмещавших 967 статей, посвященных различным вопросам государственного и уголовного права. В частности, в главах 2 и 3 дается понятие о государственном преступлении, под которым в первую очередь подразумевались действия, направленные против личности государя и царской власти. Принятие и скрепление подписями важнейшего государственного документа выборными людьми – своеобразным парламентом той поры – обеспечивало Уложению легитимность, «чтобы те все великие дела, по нынешнему его государеву указу и Соборному уложенью, впредь были ни чем нерушимы»[125]. Выдержки из Уложения вы найдете ниже.

По нашему мнению, созданная при Алексее Михайловиче система личной безопасности царствующей особы была одной из лучших в мире по меркам того времени. Всякое действие против или во благо государя закреплялось законодательно не просто царским указом: оно утверждалось высшими лицами государства и выборными от всех сословий.

Такая система всеобщего одобрения сравнима с общегосударственным референдумом, результаты которого обязательны для всех. Укрепление законодательной базы, введение в действие положений о социальной и материальной ответственности каждого участника событий, меры по предупреждению «умышлений» на государя гарантировали высокий уровень безопасности российского самодержца, поддерживали его честь и достоинство.

Нашим современникам, особенно действующим в области правоохранительной деятельности, корпоративной охраны и безопасности, не следует забывать об этом. Участь иванов, не помнящих родства, обычно бывает плачевной, плохо отражается на их карьере и карьере их детей.

Выдержки из СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 г.

Глава 2
О государьской чести, и как его государьское

здоровье оберегать

1. Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщетса допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию.

2. Также будет кто при державе царьского величества хотя Московским государьством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать збирать, или кто царьского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом, по его ссылке, Московским государьством завладеть, или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщетца про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнити смертию.

3. А будет кто царьского величества недругу город здаст изменою, или кто царьского величества в городы примет из ыных государьств зарубежных людей для измены же, а сыщется про то допряма, и таких изменников казнити смертию же.

4. А будет кто умышлением и изменою город зазжжет или дворы, и в то время или после того зажигальщик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия.

5. А поместья и вотчины и животы изменничьи взяти на государя.

6. А жены будет и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их по тому же казнити смертию.

7. А будет которая жена про измену мужа своего или дети про измену же отца своего не ведали и сыщется про то допряма, что они тоя измены не ведали, и их за то не казнити, и никакова наказания им не чинити, а на прожиток из вотчин и из поместей им, что государь пожалует.

8. А будет после которого изменника останутся дети, а жили те его дети до измены его от него в розделе, а не с ним вместе, и про измену его те его дети не ведали, и животы у них и вотчины были свои особные, и у тех его детей животов их и вотчин не отъимати.

9. А будет кто изменит, а после его в Московском

государьстве останутся отец, или мати, или братья родные, или неродные, или дядья, или иной кто его роду, а жил он с ними вместе и животы и вотчины у них были вопче, и про такова изменника сыскивати всякими сыски накрепко, отец и мати и род его про ту его измену ведали ли. Да будет сыщется допряма, что они про измену того изменника ведали, и их казнити смертию же, и вотчины, и поместья их, и животы взяти на государя.

10. А будет про них сыщетъся допряма, что они про измену того изменника не ведали, и их смертию не казнити, и поместья, и вотчины, и животов у них не отымати.

11. А будет которой изменник быв в котором государьстве, выедет в Московское государьство и государь пожалует его, велит ему вину его отдати, и ему поместья дослуживатися внов, а в вотчинах его государь волен, а прежних его поместей ему не отдавать.

12. А будет кто на кого учнет извещати великое государево дело, а свидетелей на тот свой извет никого не поставит и ни чим не уличит, и сыскать про такое государево великое дело будет нечим, и про такое великое дело указ учинить по разсмотрению, как государь укажет.

13. А будет учнут извещати про государьское здоровье, или какое изменное дело чьи люди на тех, у кого они служат, или крестьяне, за кем они живут во крестьянех, а в том деле ни чем их не уличат, и тому их извету не верить. И учиня им жестокое наказание, бив кнутом нещадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне. А опричь тех великих дел ни в каких делех таким изветчикам не верить.

14. А которые всяких чинов люди учнут за собою сказывать государево дело или слово, а после того они же учнут говорить, что за ними государева дела или слова нет, а сказывали они за собою государево дело или слово, избывая от кого побои или пьяным обычаем, и их за то бить кнутом, и бив кнутом, отдать тому, чей он человек.

15. А будет кто изменника, догнав на дороге, убьет, или, поимав, приведет к государю, и того изменника казнить смертью, а тому, кто его приведет или убьет, дати государево жалованье из его животов, что государь укажет.

16. А кто на кого учнет извещати государево великое дело или измену, а того, на кого он то дело извещает, в то время в лицах не будет, и того, на кого тот извет будет, сыскати и поставить с ызветчиком с очей на очи, и против извету про государево дело и про измену сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинить, как о том писано выше сего.

17. А будет кто на кого доводил государево великое дело или измену, а не довел, и сыщется про то допряма, что он такое дело затеял на кого напрасно, и тому изветчику тоже учинити, чего бы довелся тот, на кого он доводил.

18. А кто Московского государьства всяких чинов люди сведают, или услышат на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, и им про то извещати государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии, или его государевым бояром и ближним людем, или в городех воеводам и приказным людем.

19. А будет кто сведав, или услыша на царьское величество в каких людех скоп и заговор, или иной какой злой умысл, а государю и его государевым бояром и ближним людем, и в городех воеводам и приказным людем, про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертию безо всякия пощады.

20. Также самовольством, скопом и заговором к царьскому величеству, и на его государевых бояр, и околничих, и на думных, и на ближних людей, и в городех, и в полкех на воевод, и на приказных людей, и ни на кого никому не приходити, и никого не грабити, и не побивати.

21. А кто учнет к царьскому величеству, или на его государевых бояр, и околничих, и думных, и ближних людей, и в городех, и в полкех на воевод, и на приказных людей или на кого ни буди приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнити смертию безо всякия пощады.

22. А будет ис которого города или ис полков воеводы и приказные люди отпишут к государю на кого на служилых или иных чинов на каких людей, что они приходили к ним скопом и заговором и хотели их убити,

а те люди, на кого они отпишут, учнут бити челом государю на воевод и на приказных людей о сыску, что они скопом и заговором к ним не прихаживали, а приходили к ним немногие люди для челобитья, и по тому челобитью про них в городех сыскивати всем городом, а в полкех всеми ратными людьми. Да будет сыщется про них допряма, что они в городех и в полках к воеводам приходили для челобитья, а не для воровства, и их по сыску смертью не казнити. А воеводам и приказным людем, которые на них отпишут к государю ложно, за то чинити жестокое наказание, что государь укажет.

Глава 3

О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчиньства и брани не было

1. Будет кто при царьском величестве, в его государеве дворе и в его государьских полатах, не опасаючи чести царьского величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе, и сыщется про то допряма, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил, и по сыску за честь государева двора того, кто на государеве дворе кого обесчестит, посадити в тюрму на две недели, чтобы на то смотря иным неповадно было впередь так делати. А кого он обесчестит, и тому указати на нем бесчестье.

2. А будет кто в государеве дворе кого задерет, из дерзости ударит рукою, и такова тут же изымати, и неотпускаючи его про тот его бой сыскати, и, сыскав допряма за честь государева двора, посадити его в тюрму на месец. А кого он ударит, и тому на нем доправити бесчестье. А будет кого он ударит до крови, и на нем тому, кого он окрававит, бесчестье доправити вдвое, да его же за честь государева двора посадити в тюрму на шесть недель.

3. А будет кто при царьском величестве вымет на кого саблю или иное какое оружье, и тем оружьем кого ранит, и от тоя раны тот, кого он ранит, умрет, или в те же поры он кого досмерти убьет, и того убойца за то убойство самого казнити смертию же. А хотя будет тот, кого тот убойца ранит, и не умрет, и того убойца по тому же казнити смертию, да из животов его взяти убитого кабалныя долги.

4. А будет кто при государе вымет на кого какое ни буди оружье, а не ранит и не убиет, и того казнити, отсечь руку.

5. А будет кто в государеве дворе и не при государе на кого оружие вымет, а не ранит, и того посадити на три месяцы в тюрму. А будет ранит, и на нем раненому доправити бесчестие и увечье против окладу вдвое, да его же дати на поруки в том, что ему без указу ис того города, где он кого ранит, не съежжати до тех мест, покаместа раненой обможется или умрет. А будет раненой обможется, и тому, кто его ранит, отсечь руку. А будет тот раненой от раны умрет, и того, кто его ранит, казнити смертию.

6. Такоже царьского величества во дворе на Москве или где изволит царьское величество во объезде быти, и ис пищалей, и из луков, и из ыного ни ис какова оружья никому без государева указу не стреляти, а с таким оружьем в государеве дворе не ходити. А будет кто в государеве дворе на Москве или в объезде кого ранит, или кого убиет досмерти, и того казнити смертию же.

7. А будет кто на государеве дворе, на Москве и в объезде, учнет ходити с пищальми и с луками, хотя и не для стрелбы, и ис того оружья никого не ранит и не убиет, и тем за ту вину учинити наказание, бити батоги и вкинути на неделю в тюрьму.

8. А кому случится стояти в государевых в дворцовых селех, и тем в государевых прудех и в озерах рыбы на себя не ловити. А будет кто без государева повеления в дворцовых селех учнет в государевых прудех и в озерах рыбу ловити, и на том взяти на государя пеня или ему наказание учинити, что государь укажет.

9. А будет кто царьского величества во дворе украдет что ни буди впервые и сыщется про то допряма, и того бити кнутом. А будет того же татя с краденым в государеве дворе поймают в другие, и того бити кнутом же, да вкинути на полгода в тюрму. А будет тот же тать поиман с краденым в государеве дворе в третьие, и ему за то отсечь руку, чтобы на то смотря иным неповадно было воровати, в государеве дворе красти[126].

Глава 4
Призраки Смутного времени

Уничтожу бунт или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лет большей беды не видели.

А. С. Матвеев

После смерти Алексея Михайловича, последовавшей в конце января 1676 г., при дворе развернулась открытая борьба за власть между двумя партиями. К первой принадлежали родственники покойной царицы М. И. Милославской и их сторонники, а ко второй – группа, поддерживающая вдовствующую царицу Н. К. Нарышкину. В результате партия Нарышкиных потерпела поражение, и на престол взошел пятнадцатилетний Федор Алексеевич, сын М. И. Милославской и Алексея Михайловича. Чтобы закрепить успех, победители (в большинстве своем – представители древних боярских родов) начали расправу с оппонентами.

В частности, для устранения А. С. Матвеева была предпринята многоходовая комбинация, разработанная в Сыскном приказе под руководством В. С. Волынского[127]. Вначале с помощью датчанина Магнуса Гэ был сфабрикован грамотный донос, на основании которого Матвеев был отправлен воеводой в Верхотурье. Затем последовал другой донос – лекаря Давыда Берлова, обвинившего боярина «в злоумышлениях и чаровстве». По делу о «чаровстве» Матвеева сослали в Казань, а затем в Пустозерск.

Удалением приближенных Алексея Михайловича дело не ограничилось. Практически сразу началось уничтожение специальных государственных институтов, созданных в его правление.

Первый удар был нанесен приказу Тайных дел, который более чем за два десятилетия своего существования стал ненавистен боярской верхушке, все еще пораженной вирусом местничества и мечтавшей о реванше, целью которого было «сидение на престоле боярского государя». В 1676 г. приказ был упразднен, его архив частично изъят и уничтожен, а частично передан в другие приказы.

После устранения Нарышкиных наибольшим влиянием при

дворе пользовались Милославские, Долгорукие и Хитрово, решившие, что юный и слабый здоровьем государь будет им подконтролен. Однако и у царя нашлись помощники, служившие верой и правдой еще его отцу в делах тайных и явных.

Одним из них являлся думный дьяк Д. М. Башмаков[128], передавший Федору Алексеевичу личную переписку и шифры отца. Большую поддержку юному государю оказал его духовный наставник Симеон Полоцкий[129], пользовавшийся исключительным доверием еще у Алексея Михайловича. За личную безопасность царя Федора отвечали два человека из его ближайшего окружения: И. М. Языков[130] и А. Т. Лихачев[131]. Поддерживал царя и думный дьяк Л. И. Иванов[132], заведовавший Посольским приказом. В лице этих людей третий Романов обрел надежную опору, уменьшившую влияние многих боярских группировок на царя.

А ситуация в государстве была достаточно напряженной. На реке Яик (ныне р. Урал) в 1677 г. началось брожение казаков. В Южной Сибири продолжалась борьба русских с киргизами, которые опустошили Томские земли. В 1681 г. начались волнения в Башкирии. На западе и юге России существовала постоянная угроза на границах. В этих условиях значительную роль сыграл князь В. В. Голицын[133]. Пользуясь особым доверием Федора Алексеевича, он выполнял личные поручения государя.

В. В. Голицын. С портрета XVIII в.

Командуя войсками в Малороссии, Голицын путем дипломатических ухищрений обеспечил заключение важного для России Бахчисарайского мирного договора, по которому устанавливалась буферная зона между Днепром и Бугом сроком на двадцать лет. Тем самым снижалась угроза южным и юго-западным рубежам, передышка позволяла накопить силы для действий при пока еще неминуемом новом конфликте. Как показывают источники, успех был достигнут благодаря важным сведениям, своевременно полученным от российской агентуры в Молдавии, Валахии и Запорожье, а также благодаря умелому использованию противоречий между крымскими мурзами и польской шляхтой.

Самым серьезным политическим решением царя Федора стало уничтожение местничества в январе 1682 г. Одним из

инициаторов отмены этой системы также был В. В. Голицын, которому царь приказал изучить состояние ратного дела в государстве. Возглавляемая им комиссия по военным вопросам пришла к выводу о необходимости назначения командного состава «без мест и без подбора», в чине, какой укажет государь. Опираясь на выводы комиссии, государь повелел предать огню Разрядные книги и заявил: «И от сего времени повелеваем боярам нашим и окольничим, и думным и ближним, и всяких чинов людям на Москве и в приказах и у расправных[134], и в полках у ратных, и у посольских, и всегда у всяких дел быть всем между собою без мест, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаями не считаться и никого не укорять, и никому ни над кем прежними находками не возноситься»[135].

Как видим, отмена местничества затрагивала не только военную службу, но и всю систему государственного управления. Представители сословий, собранные на чрезвычайное «сидение», одобрили реформу и осудили «богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество»[136]. Многие представители древних родов подписали данный документ, наступив на горло собственной песне: была выбита важная опора из-под их амбиций и укреплено единоначалие в проведении государевой воли.

Надо ли говорить о том, что бояре, будучи не согласны с реформой, затаили обиду. Но высказать несогласие публично они не решились, опасаясь навлечь на себя царский гнев и неодобрение Русской православной церкви, иерархи которой поддержали ликвидацию местничества. Боярам, присутствовавшим при сожжении Разрядных книг, патриарх Иоаким наказал: «Начатое и совершенное дело впредь соблюдайте крепко и нерушимо; а если кто теперь или впредь оному делу воспрекословит каким-нибудь образом, тот бойся тяжкого церковного запрещения и государского гнева, как преобидник царского повеления и презиратель нашего благословения»[137].

По нашему мнению, переход на новую систему подбора и расстановки кадров военной и гражданской службы был выполнен превосходно. Уничтожение местничества можно сравнить с первым этапом введения опричнины при Иване IV. И в том и другом случае с привлечением представителей высшего духовенства была проделана подготовительная работа по формированию общественного мнения. Новый подход «быть всегда без мест» опирался на прецеденты, случавшиеся в ряде военных походов в предыдущие царствования. Государь одержал важную и притом бескровную победу, но через два с половиной

месяца скончался, не оставив наследника. Над Россией вновь замаячил призрак Смутного времени.

Ситуация, сложившаяся в Москве к апрелю 1682 г., во многом напоминала ситуацию после смерти Бориса Годунова. При возведении на престол десятилетнего царевича Петра группа окольничих во главе с «дядькой» Б. А. Голицыным[138] явилась во дворец, поддев под платье панцири. Кадровый состав специальных служб, ведавших вопросами царской (читай – государственной) безопасности, оказался по разные стороны баррикад – в зависимости от личных симпатий, интересов и родовой принадлежности. Придворных партий было несколько: царевича Ивана, лица, поддерживающие царевича Петра, и сторонники их старшей сестры (для Петра она была всего лишь сводной сестрой), царевны Софьи. В результате было принято решение: «старшим» царем объявлялся болезненный Иван Алексеевич, сын М. И. Милославской, а «младшим» – Петр I, сын Н. К. Нарышкиной, но оба – при правительнице Софье. Впрочем, и этому предшествовали драматические события. 27 апреля 1682 г. Нарышкины провозгласили царем младшего царевича, но в дело вмешались стрельцы, умело направляемые Софьей Алексеевной. В результате Стрелецкого бунта Иван V не только был посажен на престол, но и утвержден Земским собором 26 мая 1682 г. в качестве «первого» царя.

Иван (в профиль) и Петр. С гравюры Н. Лармессена

Правительство Нарышкиных, находившееся у власти только две недели, допустило несколько кадровых ошибок, чрезмерно возвысив представителей своего рода. Многие приближенные Федора Алексеевича (потенциальные союзники) были удалены от Петра, что повлекло за собой значительное ослабление царских секретных служб. Был утерян контроль над московскими стрелецкими полками, отвечавшими за порядок в столице. Руководитель Стрелецкого приказа князь Ю. А. Долгорукий[139] потворствовал произволу и финансовым злоупотреблениям стрелецких полковников и в среде стрельцов не имел прежнего веса.

Его сын, М. Ю. Долгорукий[140], ставший преемником отца на посту опекуна Федора Алексеевича и руководивший Иноземным и Разрядным приказами, особых заслуг в военной области не имел

и авторитетом у стрельцов также не пользовался. Итогом бездеятельности двух высших военных руководителей стало профессиональное и личностное разложение стрелецких полков, составлявших основную вооруженную силу в Москве. К середине мая 1682 г. стрельцы оказались готовы последовать за любым, кто даже не предоставит, а только пообещает им наибольшие привилегии.

Единственным человеком, способным остановить беспорядки и восстановить управление, был А. С. Матвеев, вернувшийся по повелению Петра 12 мая 1682 г. в Москву. По дороге он получил известие о готовящемся заговоре и заявил предупредившим его стрельцам: «Уничтожу бунт или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лет большей беды не увидали»[141]. Артамон Сергеевич опоздал: у него не было в запасе ни времени, ни силовой опоры, за исключением Стремянного полка. Находясь более пяти лет вдалеке от столицы, не получая оперативной информации о ситуации в ней, он не был осведомлен о заговоре Софьи и Милославских. Последние, знавшие способности Матвеева, спешили: переворот был назначен на 15 мая – день гибели в Угличе царевича Дмитрия Ивановича.

Сигналом к выступлению послужило ложное известие о смерти царевича Ивана от рук Нарышкиных, обеспечившее необходимую для стрельцов мотивацию к бунту. Стрельцы Стремянного полка сопротивления не оказали. В итоге Кремль, ворота которого оказались незапертыми (!), был захвачен. В течение 15–16 мая А. Матвеева, Ю. и М. Долгоруких, И. Языкова, Л. Иванова и многих других сторонников Нарышкиных убили, некоторые из них были выданы собственными слугами.

19 мая стрельцы запросили долг за службу в сумме 240 тысяч рублей, их требования были удовлетворены. 20 мая в ссылку были отправлены постельничий А. Т. Лихачев, казначей М. Т. Лихачев, окольничий П. П. Языков, чашник С. И. Языков, думный дворянин Н. И. Акинфиев, думные дьяки Г. Богданов и Д. Полянский, спальники А. А. Матвеев, С. Ловчиков, стольники П. М. Лопухин, В. Б. Бухвостов и еще ряд других лиц, на которых стрельцы «били царю челом». Разумеется, в опалу попали все Нарышкины.

Спешка заговорщиков привела к тому, что дворцовый переворот оказался недостаточно подготовлен. Несмотря на отстранение от власти разными способами многих сторонников Петра, стратегической цели – установления единоличной власти – Милославские не добились. Утолив свой кровавый голод и убедившись, что Иван жив, стрельцы постепенно утратили агрессивный запал. 23 мая князь И. А. Хованский[142] сообщил

Софье, что стрельцы сошлись во мнении: мол, пускай по малолетству царствуют оба государя, а сестра их им в том помогает. Это было все, что смогла выиграть Софья. Она правила во дворце, а в церквях постоянно произносили имя великих государей Ивана и Петра Алексеевичей.

Софья (как и ее брат Федор) была ученицей С. Полоцкого, знала иностранные языки и владела ораторским искусством. Будучи женщиной, в силу традиции она не могла рассчитывать на безусловную поддержку бояр и дворянства. Более того, лето и осень 1682 г. правительство Софьи и молодые государи находились под угрозой нового стрелецкого бунта. Н. И. Костомаров писал: «Так совершалось похищение верховной власти при помощи войска, напоминавшего римских преторианцев и турецких янычар. Но образовавшееся вновь правительство находилось в необходимости потакать стрельцам, которые его создали и поддерживали»[143]. Основная угроза исходила от главы Стрелецкого приказа И. А. Хованского, саботировавшего даже указы царевны о посылке в ее распоряжение Стремянного полка. Его окружала вооруженная пищалями охрана, у него на дворе постоянно находилось около ста стрельцов, при выездах карету охраняли 50 стрельцов.

Царевна Софья Алексеевна. С гравюры А. Блотелинга

В предыдущей главе мы упоминали о «раскольничьей» версии разинского восстания 1670–1671 гг. Известно, что Хованский покровительствовал раскольникам, надеялся с их помощью усилить свое влияние на Софью и при удачном стечении обстоятельств, возможно, занять ее место. В подтверждение сказанного приведем один пример. 5 июля, во время полемики между раскольниками, с одной стороны, и патриархом Иоакимом и Софьей – с другой, из толпы раскольников, поддерживаемых Хованским, раздалось: «Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то мутить, нам бы здоровы были цари-государи, а без вас пусто не будет»[144]. Как должен был поступить в этом случае верноподданный глава Стрелецкого приказа? По нашему мнению – немедленно арестовать хулителей царственной правительницы и учинить розыск: кто именно и по каким

причинам внушил им подобные мысли. Но он этого не сделал, а в дальнейшем продолжал подстрекать стрельцов к неповиновению Софье и боярам из ее окружения.

В этой ситуации царевна показала себя достойной своего учителя. С середины августа она постоянно меняла места своего пребывания и дислокацию своих сил: 19 августа – с. Коломенское, 5 сентября – Саввино-Сторожевский монастырь, 14 сентября – с. Воздвиженское. Из каждой ставки она рассылала грамоты, собирая из надежных служилых людей «ударную силу», способную противостоять стрелецкому войску. Решающую помощь правительнице в борьбе со стрельцами оказала придворная группировка из влиятельных бояр, князей, служилых дворян и приказных, лидером которой стал В. В. Голицын.

Еще в 1681 г. Федор Алексеевич повелел Голицыну ведать ратными делами для их лучшего устройства и командовать «государевыми ратями». Управление боеспособными солдатскими, рейтарскими и драгунскими полками нового строя осуществлялось через Разрядный, Рейтарский и Иноземный приказы, возглавить которые Софья поручила В. В. и Б. А. Голицыным. Во всех подчиненных этим приказам подразделениях помимо обещаний льгот и милостей «многажды» проговаривались законность правления царевны Софьи при малолетних государях и необходимость защиты ее от «лихих людей и смутьянов».

Благодаря политической поддержке бояр, крайне недовольных действиями Хованского и стрельцов, и силовой поддержке Голицыных царевна устранила «стрелецкую» и «раскольничью» угрозы. Для ареста Ивана Хованского и его сына Андрея[145] был направлен отряд дворян под командованием боярина М. И. Лыкова. Ему удалось захватить их поодиночке и без сопротивления!

После казни Хованских 18 сентября 1682 г. правительница и вся царская семья переехали в Троице-Сергиев монастырь под защиту его стен и пушек; оборону монастыря взял на себя В. В. Голицын. Решительные действия власти отрезвили самые горячие головы. В ноябре стрельцов лишили звания надворной пехоты, а их майские действия были объявлены мятежом.

После возвращения царской семьи в Москву охрану Кремля усилили. Появился указ, регламентирующий режим доступа: кто, когда и через какие ворота может проходить на кремлевскую территорию и во дворец. В личные покои царской семьи никто из посторонних проникнуть не мог, это относилось и к боярам – независимо от важности дела. Не допускалось появление в любой части дворца с оружием. Последнее правило распространялось и на тех, кто в силу обычаев того времени был вооружен постоянно,

а также на иностранных послов.

К лету 1683 г. основным соперником Софьи в борьбе за власть стал царевич Петр. В первую очередь царевна опиралась на В. В. Голицына, в мае 1682 г. возглавившего Посольский и Малороссийский приказы, в ведении которых были внешние сношения России и внешняя разведка. В октябре 1683 г. Василий Васильевич получил титул «царственного Большой печати и государственных великих посольских дел оберегателя».

Между тем угроза безопасности с юга и юго-запада была реальной. Почуяв очередную московскую смуту, в Крыму и Речи Посполитой надеялись оторвать от России Малороссию. Секретной службе Голицына удалось перехватить двух курьеров с подробной инструкцией по ведению подрывной работы против московских государей на Украине. Инструкция представляет собой яркий пример того, как следует вести обработку разных слоев населения для достижения политических целей. (В конце этой главы вы ознакомитесь с ней.)

В дополнение к инструкции курьерам было дано указание соблазнять жителей Малороссии обещанием почестей и обогащения: «Кто приведет народ под королевское подданство, тот сделан будет великим человеком и будет обогащен; черни каждый год из казны королевской будут деньги и сукна…»[146]. Используя имеющуюся информацию и опираясь на противоречия между крымчаками и шляхтой, 6 мая 1686 г. Голицын заключил «вечный мир» с Речью Посполитой, навсегда закрепивший за Россией Левобережную Украину с Киевом, Запорожье, Северскую землю с Черниговом и Стародубом и г. Смоленск с окрестностями.

К успехам русской дипломатии и разведки при Голицыне следует отнести продление ранее заключенных договоров: Кардисского мира 1661 г. со Швецией и Андрусовского перемирия с Речью Посполитой 1667 г. В первом случае в Москве была организована утечка информации о том, что противоречия России со Швецией становятся неразрешимыми. Слухи, витавшие в посольских кулуарах, возродили надежды Бранденбурга, Дании и Франции втянуть Москву в войну со шведами. В столицу прибыл датский посол Г. фон Горн, изложивший Боярской думе планы антишведского союза, направленные на развязывание войны. Дезинформация о готовности России заключить подобный союз была «продана» шведам и, для подстраховки, голландцам одним из подьячих Посольского приказа. В итоге весной 1684 г. шведское правительство продлило действие Кардисского мира, что значительно облегчило продолжение войны России с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию, поскольку Швеция

обязалась не помогать Польше.

В «польском» вопросе Голицын также проявил изобретательность. В 1684 г. он объявил послам Священной лиги христианских государств (под номинальным руководством Папы Римского Иннокентия XI)[147] о заинтересованности России в широкомасштабной войне с Портой[148] и Крымом. Имея упреждающую информацию, он отказался от заключения сепаратного договора между Москвой и Веной, направленного против Речи Посполитой. Играя на противоречиях западноевропейских стран, а также Речи Посполитой и Турции, Голицын постепенно доводил до польской стороны позицию России. В итоге весной 1686 г. и был заключен договор о «вечном мире».

Вступление в Священную лигу христианских государств для России означало начало войны против Османской империи и Крымского ханства. В конце 1686 г. на всем протяжении границы начались боевые действия против Османской империи и Крыма. Летом 1687 г. русские войска выступили в поход на юг под командованием все того же В. В. Голицына, который получил звание дворцового воеводы Большого полка (т. е. верховного главнокомандующего). Князь надеялся, что его внешнеполитические успехи будут способствовать венчанию Софьи на царство наравне с братьями. Однако как первый, так второй (1689 г.) Крымские походы не принесли успеха России, что способствовало падению популярности Голицына и усилению его противников.

Основной причиной неудач русского войска в указанных походах была его низкая боевая выучка. К концу XVII в. солдаты и особенно стрельцы утратили воинский дух; последние находились под ружьем не более двух месяцев в году, в остальное время занимаясь ремеслами и торговлей. А. А. Керсновский писал: «Безвременье 70-х и 80-х годов особенно пагубно отразилось на стрельцах, превратившихся в смутьянов и бунтарей – каких-то янычар Московской России и представлявших своим существованием государственную опасность»[149]. Не менее (а порой и более) страшна для падения обороноспособности страны борьба группировок: стрелецкие бунты или их постоянная угроза в 1682–1689 гг. – яркое тому подтверждение.

Вторая причина неудач – распри в командном составе войск, во многом являвшиеся следствием политических интриг в Москве. В условиях непрекращающейся борьбы за политическое влияние придворные партии старались создать свои службы – более продвинутые, изощренные, действенные, оперативные. Голицын справедливо полагал, что идея крымских походов

принадлежала его противникам, надеявшимся в случае неудачи устранить его от двора или уменьшить влияние на Софью. Частые отъезды и долгое отсутствие при постепенном усилении позиций молодого Петра вынуждали Василия Васильевича искать союзников, обладавших в столице реальной военной силой.

Длинная цепь придворных неурядиц и неразберихи ослабила полки иноземного строя. Некоторые офицеры предпочли искать удачи в государствах с более предсказуемым будущим, другие постарались избежать придворных интриг и до поры до времени отошли в тень, переведя свои полки на положение, обозначенное И. Ильфом и Е. Петровым как закон монтера Мечникова («утром деньги – вечером стулья»). Таким образом, создававшаяся на протяжении десятилетий система военной и политической безопасности государей в который уже раз оказалась под угрозой уничтожения.

Петр I. Фрагмент гравюры П. Гунста с оригинала Г. Кнеппера (конец XVII в.)

Одним из союзников Голицына был думный дьяк Ф. Л. Шакловитый[150] – начавший тайную службу еще при Алексее Михайловиче, Федор Леонтьевич возглавил Стрелецкий приказ после устранения Хованского. Те из стрельцов, кто продолжал митинговать и подстрекать к неповиновению, были частью арестованы и сосланы, частью направлены на службу в отдаленные гарнизоны. Так, в 1683–1684 гг. «на вечное житье» в Киев были высланы московские стрелецкие полки полковников И. К. Ушакова, И. Скрипицина, М. Ф. Сухарева. Тогда же в Белгород отправили стрелецкие полки полковников В. С. Елчанинова, И. И. Дурова, М. Ф. Кривцова. Воинскую дисциплину удалось более или менее восстановить, но боевая подготовка стрелецкого войска продолжала оставаться на низком уровне. Начальника Стрелецкого приказа более всего интересовали дела придворные: усиление партии Петра и интриги в окружении царевны Софьи.

Многие сторонники правительницы не разделяли ее желания стать царицей. Царь, повелевающий ими, родовитыми и имеющими заслуги, – это одно, а «незамужняя девица» царевна – совсем другое. Время императриц на Руси еще не пришло. И Голицын, и Шакловитый понимали, что основа их благополучия – расположение Софьи. Они обменивались информацией о делах в столице, особенно о настроениях влиятельных лиц. Петр становился все старше и в любой момент мог заявить о своих правах самодержавного государя.

Еще одним приближенным Софьи Алексеевны был ее духовник монах Сильвестр Медведев[151]. По официальной версии, получив распоряжение отправиться «на посольство в Курляндию», Медведев постригся в монахи, ушел из приказа и прослыл «чернецом великого ума и остроты ученой». При этом деятельность в качестве лица духовного звания не была для него единственной. В 1682 г. он способствовал передаче власти Софье при малолетних Иване и Петре. По некоторым признакам Медведев координировал работу одной из секретных служб царевны-правительницы.

О том, что эта служба работала достаточно эффективно, говорит тот факт, что царевна получала информацию о своих противниках непосредственно из окружения Н. К. Нарышкиной. Две постельницы Нарышкиной сообщали Софье обо всех, кто неодобрительно высказывался в ее собственный адрес и в адрес ее приближенных. Помощники царевны проводили специальные операции, направленные на разжигание недовольства среди

стрельцов. По данным С. М. Соловьева, это делалось так: «Ночью в двух местах подъезжала к стрелецким караулам вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальник толпы приказывал его бить до смерти; несчастного начинали колотить, но слышался голос из толпы: „Лев Кириллович! За что его бить до смерти? Душа христианская!“ После было узнано, что мнимый Нарышкин был подьячий приказа Большой казны Шорин, доверенное лицо правительницы»[152].

К лету 1689 г. противостояние Софьи и Петра достигло критической отметки.

Став царем в 10 лет, Петр не имел реальной опоры – как социальной, так и силовой. Вероятно, поэтому уже в 1683 г. он начинает формирование личных «потешных» подразделений, ставших основой Преображенского и Семеновского полков. «Трудно, конечно, предположить, чтобы одиннадцатилетний юноша, несмотря на всю свою развитость, мог самостоятельно составить план такой коренной государственной реформы, как учреждение постоянного войска. Но весьма вероятно, что Петр, может быть, и несамостоятельно, но под влиянием посторонних разговоров „в верху“ и отчасти под влиянием близких к нему, а может быть, даже самих Нарышкиных, ввиду смутного времени и боясь за личную свою безопасность, возымел намерение создать себе отрядец для собственной охраны. Это предположение тем более вероятно, что царская команда состояла, как мы ниже увидим, не из сверстников его и не из приближенных к нему бояр и дворян, а из людей взрослых и вместе с тем низших сословий. Была ли эта команда началом „потешных“? Можно положительно сказать, что да»[153]. Первая «потешная стрельба» была проведена 30 мая (в день рождения государя) в с. Воробьево под руководством «огнестрельного мастера» Семиона Зоммера.

История не сохранила подробные списки первых «потешных», состоявших при Петре. С уверенностью можно говорить лишь об отдельных лицах: так, в числе будущих преображенцев были стряпчие конюхи Сергей Бухвостов, по определению самого Петра – «первый российский солдат», и Яким Воронин, будущий семеновец, стольник Никита Селиванов. И пусть никого не вводит в заблуждение слово «потешные». Петровские «ближние люди» проживали в потешных[154] (еще со времен Алексея Михайловича) селах: Преображенском и Семеновском – отсюда и название. Среди «потешных» были спальники, стольники, стряпчие, комнатные и постельные истопники, многие из них значительно старше Петра по возрасту. Мы предполагаем, что у «потешных» было две важнейшие задачи: первая – создание гласной и негласной охраны молодого царя; вторая – создание личного

царского войска «иноземного строя», способного противостоять стрельцам.

Для «потешных забав» молодого государя выписывали и доставляли настоящие пушки (к 1684 г. – более 16) и пороховое зелье, от игрушечных и неисправных пищалей быстро перешли к боевому оружию. Изменения в вооружении «потешных войск» происходили быстрыми темпами, особенно с учетом известной московской волокиты.

«В январе 1684 г., по возвращении в Преображенское, требования его [Петра] постоянно учащаются и усложняются. Вооружение его команды со дня на день увеличивалось и по числительности, и по составу оружия, что дает право пред полагать, что и наличный состав „потешных“ увеличивался постоянно сам собою – охотниками поступить в ряды царские. Только что Петр переехал из Москвы, как уже в январе требуются протазаны[155], обтянутые малиновым бархатом и перевитые золотым галуном, пищали винтованные и к ним все принадлежности: шомпола, затравки, принадлежности для чистки, огнестрельные припасы, порох, свинец, пулейки, дробь и пищаль скорострельная о десяти зарядах. Год спустя к вооружению „потешных“ прибавляются алебарды, палаши, шпаги, посольские булатные мечи и топоры, бердыши и мушкеты; каждая отправка из Москвы в Преображенское настолько уважительных размеров, что требует на перевозку сразу по нескольку подвод»[156].

Потешные сражения, несмотря на все меры предосторожности, предпринимаемые окружением молодого государя, происходили с реальными ранеными и убитыми. Забава перерастала в серьезное предприятие взрослеющего и приобретающего все больше сторонников молодого царя. Сподвижники Петра официально числились по приказам и разрядам, к которым были приписаны, там же они получали и официальное жалованье. Но уже в 1686 г. Петр организует личную канцелярию, названную по месту расположения Преображенской. В ведении Преображенской канцелярии находились не только «потешное войско», но и дела секретные. Одним из руководителей секретной службы в те годы был Т. Н. Стрешнев[157] – родственник государя по бабушке.

Т. Н. Стрешнев был не менее опытным человеком, чем противостоявший ему Медведев. Ему (Стрешневу) удалось внедрить своих людей в окружение Софьи, Голицына и Шакловитого, а также в стрелецкие полки и обеспечить безопасность государя. Об устранении Петра и его матери в лагере оппонентов говорилось неоднократно, предлагалось даже

бросить ручные гранаты в кортеж царя или заминировать его багаж. Однако сотрудники петровской службы имели одно серьезное преимущество перед коллегами из службы его сестры: Петр был законным государем, а Софья – только правительницей, назначенной по малолетству братьев. В России не имелось еще прецедентов воцарения женщин (об Ольге вспоминать не будем). Поэтому мотивация служить подрастающему Петру была значительно устойчивее, чем получить сомнительные милости от его сестры, которая с каждым днем теряла реальную власть и тянула большинство своих последователей прямиком к плахе. Но в тот период противоборствующие боярские партии были еще достаточно сильны и представляли для окружения Петра и его последователей серьезную опасность.

Летом 1687 г. (Петру уже 15 лет) ситуация обострилась. Стороны не доверяли друг другу. Петра раздражала надменность Софьи и ее потворство стрельцам. Царевна-правительница видела, что «потехи» все более принимают вид настоящего военного дела, и не могла не понимать все возрастающей силы юного государя. К тому же Петр провел усиленный набор «потешных». Вероятно, он рассчитывал, улучив удобный момент, заполучить реальную власть.

И такой момент наступил в конце июля 1689 г., когда после нескольких выпадов со стороны Петра открытое противостояние между ним и сестрой стало неизбежным. Софья и Шакловитый пустили в ход дезинформацию о подметном письме, согласно которому «потешные» были готовы «побить царя Ивана Алексеевича и всех его сестер»[158]. 7 августа в Кремле сторонники царевны схватили петровского спальника П. Плещеева, что послужило началом к открытию «военных действий». Но… они так и не начались.

На наш взгляд, этому факту есть два объяснения. У большинства стрельцов отсутствовала реальная мотивация к открытому мятежу против законного государя. Напомним, что наиболее агрессивно настроенные стрельцы были удалены из Москвы еще в 1683 г. вследствие озабоченности правительства Софьи собственной безопасностью. Мятежникам противодействовали те стрельцы и командиры Стремянного полка, которые приняли сторону Петра. Многие полки иноземного строя признали в молодом царе свою опору, наиболее прозорливые стрельцы и казаки пришли к тем же выводам. Скорее всего, изменение в настроениях военных было следствием грамотной работы секретной службы Петра, которая постоянно старалась выбрать из мутного стрелецкого болота наиболее правильно настроенных представителей и сформировать из них

своих союзников, пусть даже и временных.

Еще одной заслугой сподвижников Петра была нейтрализация Голицына: ни он сам, ни подчиненные ему полки иноземного строя не предприняли никаких действий против царя.

В течение месяца на сторону Петра перешло большинство силовых институтов государства. Ф. Шакловитый был арестован, В. Голицын и его люди сами явились с повинной. Из главных сторонников Софьи на этом этапе из Москвы сумели скрыться С. Медведев и стрелецкий пятидесятник Никита Гладкий. Через некоторое время их задержал дорогобужский воевода в Бизюковом монастыре. Если учесть, что «царевы враги» сами являлись знатоками сыска, то следует признать оперативные возможности секретных служб Петра достаточно серьезными. Успешный поиск и задержание Медведева и Гладкого были бы невозможны без широкой агентурной сети и быстрой мобилизации соответствующих сил при малейших признаках обнаружения нужного человека. И еще один момент: необходимо было не просто сыскать «отступника», но «живым поймати и ко государю скоро доставить», ведь разыскиваемый мог покончить с собой и таким образом уйти от допроса и суда государева. Поскольку это происходило не так часто, можно говорить о высоком уровне подготовки секретных силовых подразделений, выполняющих волю Петра.

Одним из тех, кто обеспечил победу Петра в его противостоянии с Софьей, был князь Б. А. Голицын. П. Гордон, ставший впоследствии одним из наиболее приближенных к царю иностранцев, вспоминал: «Князь Борис Алексеевич Голицын распоряжался всем у Троицы потому, что никто другой не смел вмешиваться в такое щекотливое дело, каким оно сначала казалось»[159]. Но у князя не сложились отношения с царицей Натальей Кирилловной: она не простила ему заступничества перед Петром за В. В. Голицына. В итоге Борис Алексеевич был назначен начальником приказа Казанского дворца (по иерархии того времени – не выше 5-го места), отвечавшего за оборону южных рубежей России (границы с Персией и Османской империей). По сложившейся практике этот же приказ организовывал пограничную (сторожевую) службу.

1690–1694 гг. можно рассматривать как период двоевластия: власть вдовствующей царицы Натальи Кирилловны (современники называли ее Медведихой) фактически мало чем уступала власти ее сына. Стрелецкий приказ поручили князю И. Б. Троекурову, Разрядный – Т. Н. Стрешневу. Однако среди получивших ключевые посты лиц были не только приближенные Петра Алексеевича и его матери. Главой Посольского приказа

стал один из сотрудников В. В. Голицына думный дьяк Е. И. Украинцев[160]. А первое (боярское) правительство царя Петра Алексеевича возглавил боярин Л. К. Нарышкин[161].

Одновременно с расстановкой на ключевых постах преданных Нарышкиным и Петру людей происходило усиление личных секретных служб государя. Одна из таких малоизвестных служб находилась в составе Семеновской потешной избы (позднее – Семеновского приказа) – канцелярии, ведавшей формированием «потешных» семеновцев и сбором средств на их содержание. Мы полагаем, что ее деятельность этим не ограничивалась. Поскольку и семеновцы, и преображенцы выполняли функции государевой охраны, скорее всего Семеновская канцелярия создавалась и для прикрытия работы параллельного (по отношению к Преображенской канцелярии) оперативного подразделения. Это логично: «потешных полков» (охранно-силовых подразделений) два, оперативно-силовых служб при них тоже две. В случае возникновения любой нештатной ситуации или разгрома одного из «потешных полков» вместе с канцелярией вторая структура смогла бы взять на себя всю необходимую оперативную и военную работу.

Н. М. Зотов. Гравюра с современного оригинала

Восстановление архива приказа Тайных дел, упраздненного боярами в 1676 г., было поручено «тайному советнику и ближней канцелярии генералу» Н. М. Зотову[162], одному из воспитателей Петра Алексеевича.

После смерти матери, последовавшей в 1694 г., Петр стал фактически, а после смерти брата Ивана (1696 г.) и юридически полноправным правителем огромного государства. Отношения между братьями, несмотря на все издержки междусемейных отношений, всегда оставались ровными и добрыми. Иван не вмешивался в игры, затеваемые Петром, хотя и был старше на шесть лет, а, напротив, всегда отдавал ему первенство. «Тихий и умом слабый» – характеризовали его современники, но молодой царь отнюдь не был глупым человеком, как пытаются представить его некоторые авторы. Слабый здоровьем от рождения, он часто пребывал в меланхолии, сторонился дворцовой суеты, пожалуй, даже побаивался бурных событий. Он успел жениться, у него родилась дочь – будущая императрица Анна Ивановна, но семейная жизнь одного из соправителей не изменила расстановки сил в придворных войнах конца XVII в.

Часто во время официальных мероприятий «государи московские», сидевшие на сдвоенном троне, кардинально отличались своим поведением. Иван после обязательной протокольной части старался покинуть помещение, а Петр активно вступал в диалоги, высказывал свое мнение, боролся за высказанную им позицию.

Молодой самодержец желал лично вершить свои начинания, в том числе участвовать в военных походах. Обеспечивать личную безопасность царствующей особы в походных условиях было непросто, особенно учитывая его характер. Однако с этой задачей успешно справлялись «потешные войска» – преображенцы и семеновцы, получившие в 1691/92 г. полковую организацию.

Не менее опасно было оставлять без присмотра столицу и недовольных царскими преобразованиями бояр и стрельцов. Надзор за положением дел в Москве возлагался на Преображенскую канцелярию, в 1696 г. реорганизованную в Преображенский приказ. Во главе приказа до самой смерти бессменно находился князь Ф. Ю. Ромодановский[163]. Он пользовался особым доверием Петра, на что указывает присвоенный ему титул – князь-кесарь (т. е. цезарь, царь). Еще одним доверенным лицом государя в тайных делах был Т. Н. Стрешнев. Петр очень часто в разговорах и в письмах называл его «отцом» и даже – одному из немногих! – разрешил сохранить

бороду за «испытанную преданность».

Ф. Ю. Ромодановский. С гравюры XVIII в.

По петровскому указу Преображенский приказ получил исключительное право на ведение следствия и суда по всем государственным преступлениям, тем самым он стал единственным центральным органом политического сыска в России. Все другие сыскные, судебные и «силовые» приказы были обязаны передать ему материалы о «слове и деле государевом».

Превращение Преображенского приказа из административного (и секретного охранно-силового) ведомства в центральный орган политического сыска происходило постепенно. Так, из сохранившихся 605 дел этого учреждения за 1696 г. лишь 5 относятся к категории политических. Осторожность Петра, после 1682 г. относившегося с недоверием к стрелецким полкам, была оправданна. В конце 1696 г. задержанию подверглась группа подьячих (Бубнов, Кренев, Реднев и др.), агитировавших против преобразований молодого государя. Агитаторов наказали для того времени довольно мягко: били кнутом и сослали без лишения чинов в Азов. В конце февраля

того же года был раскрыт заговор, имевший целью убийство Петра. Во главе заговора стоял думный дворянин стрелецкий полковник И. Е. Цыклер. Этот человек – типичный образец перевертыша: в 1682 г. он служил Милославским, затем Софье, в 1689 г. переметнулся к Петру. Не получив заслуженной, как он считал, награды, вновь встал на сторону Софьи. В заговоре участвовали и представители знати: стольник Ф. М. Пушкин, боярин А. П. Соковнин, некоторые стрелецкие командиры среднего звена.

Петр получил сообщение о заговоре от верных людей, служивших в стрелецких полках. Заговорщики были схвачены, допрошены и казнены. Усилив караул у Новодевичьего монастыря, в котором находилась Софья, царь в составе Великого посольства[164] инкогнито отбыл за границу.

Усиление охраны Новодевичьего монастыря оказалось не напрасным. Вскоре была обнаружена попытка стрельцов вывести царевну подземным ходом. Солдатский караул, которым командовал капитан И. Ю. Трубецкой[165], сумел, однако, пресечь побег. Но главный стрелецкий бунт был впереди. Вопреки здравому смыслу «провинившиеся» были отосланы обратно в свои полки, расквартированные в районе Великих Лук, в которых началось брожение. 6 июня 1698 г. стрельцы сместили своих начальников, избрали по четыре выборных от каждого полка и направились к столице. Цель восставших (ок. 4000 человек) была очевидна: возвести на престол царевну Софью или, в случае отказа последней, ее фаворита В. В. Голицына. Правительство выслало против стрельцов 4 полка (2300 человек) и дворянскую конницу под командованием А. С. Шеина[166] и П. Гордона[167]. 18 июня под Новоиерусалимским (Воскресенским) монастырем стрельцы потерпели поражение. Пленных, как водится, подвергли наказанию – 57 человек казнили, а остальных отправили в ссылку. Но Петра это не устроило. 25 августа 1698 г. он прервал свой вояж и возглавил новое следствие («великий розыск»). В результате с сентября 1698-го по февраль 1699 г. были казнены 1182 стрельца, биты кнутом, клеймены и сосланы – 601. Расформировали даже московские стрелецкие полки, не участвовавшие в восстании, более того, стрельцов вместе с семьями выслали за пределы столицы.

Франц Лефорт. Гравюра П. Шенка

Отныне функции охраны возлагались на 1-й и 2-й солдатские «выборные» полки. Их назвали Лефортовским (по имени командира – верного соратника государя Ф. Лефорта) и Бутырским (по месту дислокации; командир – П. Гордон). Но главной силовой опорой Петра становились Преображенский и Семеновский полки, получившие звание лейб-гвардейских (личной гвардии). Лейб-гвардейские полки имели три основные функции: политическую (опора царской власти), воспитательную (подготовка кадров для армии и для гражданской службы) и боевую (выполнение любой военной задачи). Продолжая традиции отца, Петр назначал кандидатов на высшие (в том числе военные) должности не по знатности, а по способностям и заслугам Предпочтение отдавалось, как правило, выходцам из гвардейских полков.

Знаток истории российской армии Л. Л. Керсновский так писал о Петровской гвардии: «Служба всегда начиналась с нижних чинов. Кандидаты в офицеры поступали рядовыми в один из гвардейских полков – Преображенский или Семеновский. Там, протянув лямку пять-шесть лет, а кто и более (смотря по способности), они получали звание гвардии капрала либо сержанта и переводились в армейские полки, „писались в армию“ – прапорщиками либо подпоручиками. Оба гвардейских полка содержались в двойном против прочих комплекте (4 батальона вместо 2) и являлись питомником офицеров для всей армии, своего рода военными училищами, дававшими своим питомцам не только строевую, но и отличную боевую подготовку. < … >

Роль офицеров гвардии, этих первородных „птенцов гнезда Петрова“, и значение их в стране были весьма велики. Они исполняли не только военную (а подчас и морскую) службу, но и получали часто ответственные поручения по другим ведомствам, например дипломатического характера, царских курьеров, ревизоров и т. д. Так, в обязанности обер-офицеров гвардии входило присутствие в качестве „фискалов“ на заседаниях правительствующего Сената и наблюдение за тем, чтобы сенаторы не занимались посторонними делами. Вообще петровский офицер, гвардейский в особенности, был мастером на все руки, подобно своему великому государю, пример которого был на глазах у всех»[168].

При Петре армия, являвшаяся важнейшим инструментом достижения политических целей, постоянно совершенствовалась. После 1701 г. в составе гвардейских, а затем и пехотных полков появились гренадерские роты, вооруженные ручными гранатами (гренадами). В 1700-е гг. на вооружение гренадеров были приняты ручные мортирки (калибр 65–72 мм), которые вначале закупались за границей, а с 1711 г. стали производиться на русских заводах. Таким образом, в составе русской армии были созданы подразделения, явившиеся предтечей не просто современных гранатометчиков, но и подвижных подразделений специального назначения. Петровские гренадеры стали основной ударной силой пехотных полков и, пользуясь современной терминологией, могут быть названы штурмовиками.

С 1710 г. на вооружение гвардейских гренадерских рот приняты мушкетоны (8–10 на роту), стрелявшие зарядом картечи в 32 пули. Это оружие можно считать предвестником пулемета При умелой работе гренадеры, вооруженные таким оружием, могли «выкашивать» противника целыми группами, создавая бреши для прорыва основных частей и вселяя панику в ряды противника. А в обороне мушкетоны способны были остановить

не только пехоту, но и кавалерию противника. Умелое использования всего комплекса вооружения позволяло решать разнообразные тактические задачи и делало такие подразделения крайне эффективными.

В 1705 г. создано первое подразделение для поддержки действий флота – полк морской пехоты с вооружением, аналогичным вооружению гренадеров.

Наряду с развитием пехоты Петр I большое внимание уделял созданию регулярной кавалерии, основу которой с 1698 г. составили драгунские полки. Драгуны (от *фр.* dragon – дракон) – наиболее мобильные подразделения русской армии – могли сражаться как в конном, так и в пешем строю. Они первыми стали осуществлять операции по блокированию коммуникаций противника. Сведенные в корволанты (от *фр.* corps volant – легкий корпус), драгунские полки выполняли не только оперативно-тактические, но и стратегические задачи: «Корволант, сиречь легкий корпус <…> наряжается для пресечения или отнимания пасу у врага, или оному в тыл идти, или в его землю впасть. <… > В кавалерии роль военного училища играл лейб-регимент, куда недоросли (дворянские дети. – *Примеч. авт.*) писались драгунами. Сперва, в эпоху Северной войны, это был С.-Петербургский драгунский, а с начала 20-х годов Кроншлотский, наименованный с 1730 г. Конной гвардией»[169].

Стратегическая конница под командованием А. Д. Меншикова, по нашему мнению, берущая начало от монгольских конных туменов, – есть не что иное, как предвестник будущих механизированных корпусов 1930-х и танковых армий 1940-х гг. Маневренные, хорошо обученные и вооруженные войска, способные появиться в нужном месте и в нужное время, ныне именуются силами быстрого реагирования.

На вооружении драгун кроме холодного оружия находились карабины, пистолеты, мушкетоны и мортирки.

Читатели могут (и совершенно справедливо) задать вопрос: почему мы так много внимания уделяем вопросам совершенствования вооруженных сил в Петровский период, ведь основное направление данной работы – история специальных служб Российского государства? Мы полагаем, что и вооруженные силы, и спецслужбы входят в единую систему безопасности, призванную выявить, предупредить и в конце концов пресечь любые попытки захвата власти. Ни для кого не секрет, что спецслужбы любого государства снабжаются самым передовым и самым эффективным оружием, именно поэтому силовые подразделения имеют преимущества при любых столкновениях с противником. А о пресечении мятежей с помощью армии мы

расскажем далее.

Петр I постоянно заботился о получении достоверной информации о состоянии вооруженных сил других государств. В 1697 г. в составе Великого посольства присутствовал майор Преображенского полка А. А. Вейде, впоследствии второй президент Военной коллегии (с 1717 г.). Его работа заключалась в сборе, изучении и обобщении информации об организации и боевой подготовке «саксонской, цесарской, французской и нидерландской» армий. Была введена практика стажировки и волонтерской службы русских офицеров в иностранных вооруженных силах, позволявшая собирать информацию легальным способом.

В 1711 г., в связи с переходом русской армии на регулярную основу, была учреждена генерал-квартирмейстерская часть, одним из направлений деятельности которой являлась военная разведка. В новом «Уставе воинском» (принят в 1716 г.) военная разведка впервые приобрела правовую основу: «…а особливо надлежит ему (генерал-квартирмейстеру – *Примеч. авт.*) генеральную землю знать, в которой свое и неприятельское войско обретается»[170].

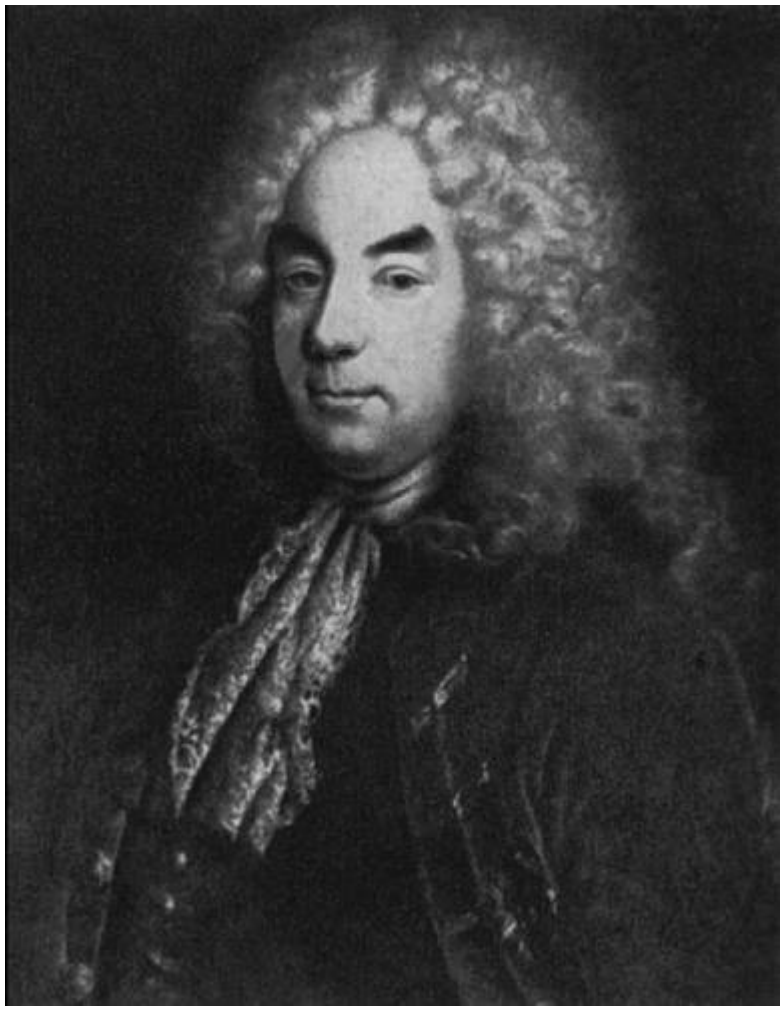
В начале XVIII в. в русском языке для обозначения человека, занимающегося нелегальной разведкой, появилось слово «шпион». Как и у древних китайцев, в Петровскую эпоху оно не несло идеологической нагрузки: им в равной степени обозначали и своих, и чужих.

Основным центром сбора информации стратегического характера продолжал оставаться Посольский приказ, осуществлявший дипломатические функции и внешнюю разведку. Направленный в 1702 г. послом в Турцию стольник П. А. Толстой[171] одновременно был и руководителем российской разведки. В его обязанности входили сбор политической и военной информации и создание агентуры влияния в среде турецкой знати. Последнее позволяло снизить вероятность военного противостояния России и Турции, избежать широкомасштабной войны на два фронта. Денег на это не жалели, из России прямо указывали: «Дабы Порту до зачинания войны не допустить (також бы и татарам позволения на то не давали), не жалея никаких иждивений, хотя бы превеликие оные были»[172]. П. А. Толстой опирался на местную агентуру, а также использовал возможности Православной (Константинопольской) церкви. После ареста в 1710 г. он длительное время отправлял донесения в Россию даже из турецкой тюрьмы!

Для лучшего понимания того, какое внимание Петр I уделял разведывательной работе, ниже мы приводим полный текст

документа – «Тайных статей, данных Петру Андреевичу Толстому».

Ознакомившись с царским повелением, П. А. Толстой подошел к делу серьезно. По всем вопросам, представлявшимся ему непонятными, он предпочел получить дополнительные монаршие указания, что и было закреплено в пяти дополнительных статьях. Данный пример весьма нагляден: опытный царедворец, Толстой прекрасно понимал свою ответственность перед царем и Отечеством. Не стоит забывать, что он серьезно скомпрометировал себя поддержкой царевны Софьи и был причастен к стрелецким бунтам. Кстати, Петр постоянно припоминал ему это.



П. А. Толстой. Портрет XVIII в.

При исполнении как явных, так и тайных обязанностей П. А.

Толстой столкнулся с проблемой, являющейся «кошмарным сном» для руководителя любой службы, – проблемой предательства подчиненных. В письме к канцлеру Г. И. Головкину[173] российский резидент так описывал свои сомнения: «Нахожусь в большом страхе от своих дворовых людей: живу здесь три года, они познакомились с турками, выучились и языку турецкому, и так как теперь находимся в большом утеснении, то боюсь, что, не терпя заключения, поколеблются в вере, если явится какой-нибудь Иуда – великие наделает пакости, потому что люди мои присмотрелись, с кем я из христиан близок и кто великому государю служит <…> и если хотя один сделается ренегатом и скажет туркам, кто великому государю работает, то не только наши приятели пострадают, но и всем христианам будет беда. <…>

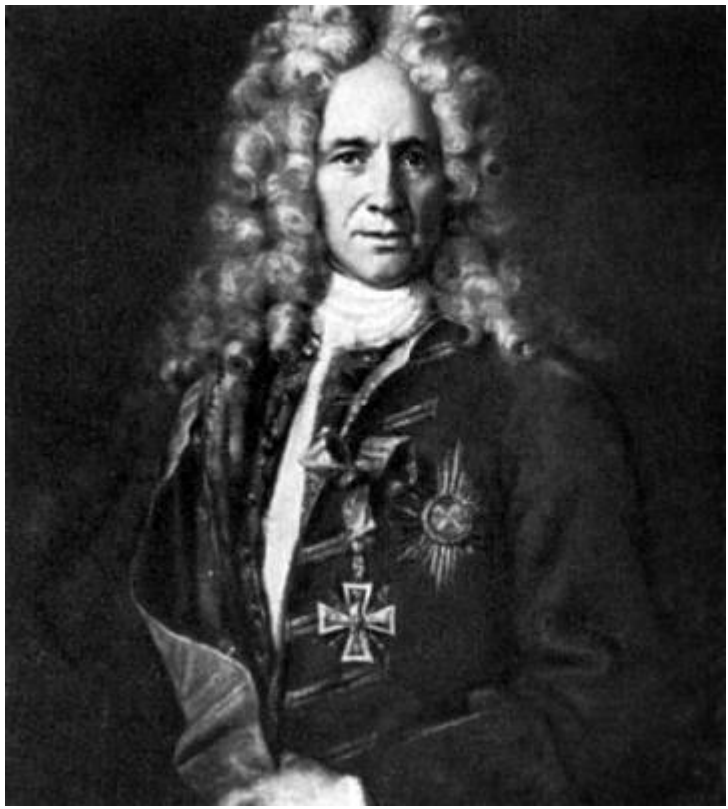
У меня уже было такое дело: молодой подьячий Тимофей, познакомившись с турками, вздумал обусурманиться. Бог мне помог об этом сведать. Я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обусурманиться; я его запер в своей спальне до ночи, а ночью он выпил рюмку вина и скоро умер – так Бог сохранил от беды…»[174].

Как следует из приведенного письма, Толстой был не только дипломатом и разведчиком, но и контрразведчиком. Он проявил себя хотя и осторожным, но решительным человеком, не боявшимся принимать весьма «острые» решения и лично их осуществлять. Можно по-разному относиться к этому, но, по нашему мнению, наказанием за предательство человека из «системы» всегда должна быть реальная и неотвратимая «высшая мера».

Сам Петр I относился к проблеме предательства серьезно: не пощадил даже сына, когда тот стал угрозой для престола и государства. Взыскательно относясь к другим, он не щадил и себя. Когда в ходе Прутского похода в 1711 г. над русской армией нависла угроза поражения, он отправил письмо сенаторам, в котором указывал, чтобы в случае пленения его не считали царем и не исполняли его распоряжений. То есть он проявил глубокое понимание личной ответственности государя перед Отечеством.

Успехи спецслужб того времени во многом были обусловлены тем, что при реформировании государственного аппарата Петр сохранил преемственность внешнеполитического ведомства (Посольский приказ был преобразован в Коллегию иностранных дел) и преемственность кадров в области дипломатии и разведки. Например, в 1699 г. послом России в Голландии был назначен А. А. Матвеев[175], сын погибшего в 1682 г. «посольских дел оберегателя» А. С. Матвеева. За заслуги перед Отечеством А. А.

Матвеев был удостоен графского титула. Российская разведка в начале XVIII в. работала очень профессионально. В частности, сообщения о шведской военной экспедиции в Архангельск в 1701 г. поступили в Посольский приказ из трех стран: Швеции, Голландии и Дании.



Г. И. Головкин. Портрет работы И. Никитина

С 1717 г. Петр возобновил систему двойного представительства: наряду с официальными посольствами он направлял за границу особо доверенных лиц. Возможно, что это было обусловлено попавшим к царю анонимным письмом, компрометировавшим А. А. Матвеева. В качестве доверенных лиц царя обычно выступали офицеры гвардии. Тем самым получила продолжение практика Алексея Михайловича, назначавшего в состав каждого русского посольства представителя Приказа тайных дел.

Известный советский разведчик-нелегал В. Гражуль, оперативник Особой группы Я. Серебрянского и один из руководителей Школы особого назначения, охарактеризовал состояние разведывательной работы при Петре Великом:

«Отличительной ее чертой являются широкие масштабы работы. Впервые в истории русского государства разведка распространяет свое влияние не только на всю Европу, но и на Азию. <…> Второй отличительной чертой разведки при Петре является ее активность. <…> Петр никогда не ограничивался только одной информацией. Русские дипломаты-разведчики пользовались очень широко агентурными комбинациями для оказания влияния на политику других государств и принимали агентурные контрмеры (репрессии) всегда, когда этого требовала обстановка. <…> Агентурная сеть тогдашней разведки была сетью высокоценных агентов, а не массовой мелкой агентуры. База вербовки агентуры во всех странах была преимущественно материальная. <…> Но наряду с этим <…> русские пользуются и идеологической базой для вербовок, особенно в Турции и Польше. Надо отметить тот интерес, который проявлял лично Петр к разведке. Он понимал, что разведка помогает решать сложнейшие политические проблемы»[176].

На рубеже XVII – XVIII вв. в России происходило дальнейшее совершенствование и развитие тайнописи, что обусловливалось двумя факторами: расширением и углублением дипломатических отношений и начавшейся Северной войной. Главным государственным учреждением, систематически использовавшим тайнопись, являлась Посольская канцелярия, в составе которой работало особое «цыфирное» (шифровальное) отделение. Эта служба находилась в ведении «начального президента» Государственной посольской канцелярии Ф. А. Головина[177] и лично государя, который оценил огромное значение тайнописи. Все русские послы для переписки с Посольской канцелярией и царем использовали шифры, называвшиеся «азбука», «ключ» и «цыфирь». Аналогичную переписку Петр Алексеевич вел с высшим командным составом армии и флота: с адмиралом Ф. М. Апраксиным, фельдмаршалами Г. В. Огильви и Б. П. Шереметевым. Наиболее характерными особенностями того периода следует считать повышение уровня защищенности шифров и разработку новых методов маскировки тайнописи.

Ф. А. Головин. Портрет XVII в.

Государь придавал большое значение качеству тайнописи. В одном из писем он с неудовольствием сообщал Огильви, что его «цыфирь» «к разобранию легка». Российская тайнопись начала XVIII в. представляла собой простые шифры замены: буквы алфавита заменялись в тексте на условные обозначения (буквы, цифры, особые знаки) по специальной таблице. Например, гетман Мазепа после его перехода на сторону шведов в октябре 1708 г. изображался в шифровках в виде топора и виселицы. Для усложнения дешифровки секретных донесений, попавших к противнику, они писались не только на русском, но и на французском, немецком и греческом языках. Так, один из русских шифров Петровской эпохи перехватившие его англичане сумели прочитать только через 25 лет.

Ф. М. Апраксин. Портрет XVIII в.

Не меньшее внимание Петр уделял средствам осуществления тайнописи и способам скрытной транспортировки донесений. В апреле 1714 г. он направил послу России в Швеции И. Ю. Трубецкому инструкцию по применению специальных составов. В качестве контейнеров для доставки секретных посланий использовались полости в предметах быта, одежде и даже полые орудийные ядра. Последний способ был, в частности, использован русским комендантом Полтавы А. С. Келиным в 1709 г. Тогда же петровские войска применили сигнализацию (условные огни и выстрелы) для подтверждения получения шифровок: с помощью сигнализации отправителю давали знать, что послание дошло до адресата, расшифровано и понято.

Военная и Адмиралтейская коллегии, Коллегия иностранных дел занимали привилегированное положение в системе

государственных учреждений благодаря тому огромному значению, которое Петр придавал армии, флоту и дипломатии, а также благодаря той роли, которую играли их президенты: генерал-фельдмаршал светлейший князь А. Д. Меншиков, генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин и канцлер граф Г. И. Головкин.

Вопросам организации контрразведки и политической полиции в Петровские времена уделялось серьезное внимание. Молодому царю в период борьбы со сводной сестрой пришлось пережить многое. Возможно, именно личный опыт сделал «петрову службу» и скорой, и спорой. В последней четверти XVII в. контрразведкой занимались несколько государственных учреждений. Посольский приказ надзирал за иностранными посольствами, а также гражданскими иностранными подданными в России. Иноземный, Преображенский и Семеновский приказы осуществляли контроль за иностранцами, находившимися на русской службе. Разрядный, Казанский и Малороссийский приказы совместно с пограничными воеводами проводили контрразведывательную работу в порубежных районах.

Преображенский приказ руководил не только политическим сыском, но и контрразведывательной деятельностью. «Недреманное» око Ромодановского через верных «слуг государевых» следило за всеми иностранными посольствами, появлявшимися в Москве. Подьячие приказа, а также командированные гвардейские сержанты и «гражданские чиновники» находились во всех городах, куда прибывали иноземные купцы. Для военно-политической элиты России не было секретом, что практически все посольства и торговые миссии имели от своих государей особые разведывательные задания. «Впервые при Петре была поставлена задача борьбы с дезинформацией, клеветой, лжесвидетельством <…> „понеже многим являются подметныя письма, в которых большая часть воровских и раскольнических вымышлений, которыми под видом добродетели яд свой наливают“»[178].

До 1696 г. в той или иной мере уголовным и политическим сыском занимались шесть «судных» и четыре «сыскных» приказа, Стрелецкий и Разбойный приказы и Приказ розыскных дел. Последний был специально учрежден в 1689 г. для расследования по делу Шакловитого и его сторонников.

После Стрелецкого бунта 1698 г. положение дел в области контрразведки, и особенно политического сыска, начало изменяться в сторону централизации. Полицейские функции, ранее исполнявшиеся в Москве стрельцами, отошли к Преображенскому приказу. В сентябре 1702 г. царским указом

повторно было предписано направлять в этот приказ всех, кто сказал за собой «государево слово и дело». Для производства арестов, обысков, охраны и курьерской связи приказ использовал преображенцев и семеновцев гвардейских полков.

В период Северной войны 1700–1721 гг. серьезную угрозу для безопасности государства (и государя) представляла деятельность иностранных спецслужб (причем не только шведских!) и связанной с ними агентуры. Их работа была направлена на получение сведений политического, дипломатического и военного характера. Второе направление деятельности – организация подрывных операций силового характера: восстаний, диверсий и террористических актов.

Вообще говоря, около 70 процентов дел Преображенского приказа связаны с расследованием так называемых народных восстаний. В 1703 г. восстали крестьяне Предуралья и Поволжья. В 1705 г. вспыхнул стрелецкий (раскольничий) мятеж, он перекинулся на другие волжские и прикаспийские города. Астрахань находилась в руках бунтовщиков семь месяцев, пока 3 марта 1706 г. не была взята правительственными войсками. С 1705 по 1711 г. продолжался мятеж башкир. В 1707–1709 гг. обширные территории на юге России от Днепра до Волги охватило восстание Кондратия Булавина. Успехи булавинцев были столь значительны, что в условиях Северной войны Петр I был вынужден бросить против них 32-тысячную армию. Лишь после того, как казачьи старшины (успешная работа петровских секретных служб здесь налицо!) убили предводителя, восстание удалось подавить.

В 1708 г. изменил гетман Мазепа[179]. Весьма вероятно, что вторжение войск Карла XII в Россию в июле 1708 г. было скоординировано по времени с внутренними выступлениями. В отношении Мазепы это подтверждено историческими исследованиями; другие выступления (см. выше) также объективно были выгодны шведскому королю, поскольку отвлекали значительные силы русской регулярной армии с театра военных действий. Нельзя исключать участия в указанных событиях другого противника – Османской империи, чьи интересы традиционно проявлялись на юге Российского государства. Несомненно одно – внутренние конфликты ослабляли позиции Петра и, соответственно, являлись выгодными его внутренним и внешним оппонентам. В этих условиях объединение части функций политической полиции и контрразведки, особенно по важнейшим «государевым» делам, в стенах Преображенского приказа, по нашему мнению, вполне оправданно.

Одним из способов получения информации о русской армии являлся перехват корреспонденции, направляемой из армии в тыл или из одной армии в другую. Наряду с совершенствованием способов защиты информации с помощью тайнописи предпринимались и иные меры по недопущению разглашения секретных сведений военного характера. Эти меры, как и в царствование Алексея Михайловича, получили законодательное закрепление. «Воинские артикулы» Петра – логическое продолжение Уложения 1649 г. Указания, направленные на сохранение военной тайны, не допускали двойного толкования или исключений: «Как офицеры, так и рядовые, да не дерзают о воинских делах, о войске, о крепости, что писать, ниже о том с другими корреспондовать, под потерянием чина, чести или, по состоянию дела, и живота самого»[180]. Военнослужащих обязали докладывать по команде обо всем, что имело отношение к «слову и делу». В текст воинской присяги было включено следующее положение: «И ежели что вражеское и предосудительное против персоны его величества или его войск, такожде его государства людей, или интересу государственного что услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лучшей моей совести и сколько мне известно будет извещать и ничего не утаить; но толь паче во всем пользу его и лучше охранять и исполнять»[181].

В 1715 г. указом Петра I было объявлено: «Кто истинный христианин и верный слуга своему государю и Отечеству, тот, без всякого сумнения, может явно доносить словесно или письменно о нужных и важных делах самому государю или, пришед ко дворцу Его Царского Величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное доношение, а именно о следующем: 1. О каком злом умысле против персоны Его Царского Величества или измены. 2. О возмущении или бунте. 3. О похищении казны. А о прочих делах доносить, кому те дела поручены»[182]. В этом же году Петр повелел не принимать к рассмотрению анонимных писем; нашедшему подобное письмо следовало сжечь его в присутствии двух свидетелей. Это повеление имело свою предысторию, поскольку при ведении расследования пытке подвергался не только объект доноса, но и сам доноситель. «Доносчику – первый кнут» – гласит старинная поговорка. Тем самым при расследовании любого дела, производимого на основании доноса, доносчика и обвиняемого ставили в равные условия.

Прежде чем продолжить повествование о реформах в области обеспечения государственной безопасности в Петровскую эпоху, сделаем небольшое отступление и поразмышляем о проблеме, которая вызывает наибольшее неприятие у либеральной

интеллигенции: о пытках и доносах. Эти слова вызывают не самые приятные ассоциации в начале III тысячелетия, особенно в тех странах, где активно пропагандируются общечеловеческие ценности и культивируются права человека. Международные конвенции в области защиты прав человека и конституции большинства государств – членов ООН, которые принято называть цивилизованными, запрещают применение пыток. Права и свободы человека и гражданина – основа демократического государства, в этом состоит одно из важнейших завоеваний общества. Однако мы предлагаем взглянуть на проблему и с другой стороны.

По нашему мнению, не совсем корректно переносить юридические и моральные нормы современности на более ранние исторические периоды и называть предков палачами и инквизиторами. В Петровскую эпоху (как ранее, так и значительно позднее) пытки как средство получения информации использовались во всех государствах. Они практиковались и во второй половине XX в. (достаточно вспомнить Индокитай, Ольстер, Чили). Да и сегодня в ряде «демократических» государств существует система секретных тюрем и «центров по борьбе с терроризмом и экстремизмом», которая позволяет обходить демократическое законодательство и применять к задержанным «неконвенциональные методы обхождения». Читатели могут и сами вспомнить массу подобных примеров. Специальные службы любого «демократического» или «либерального» государства придерживаются такого же закона двойного стандарта в области морали, как и их коллеги из «недемократических» или «нецивилизованных» стран…

Кроме того, бывают ситуации, при которых «промедление смерти подобно». Допустим, захвачен террорист, знающий, где и когда будет совершено покушение или взорвется бомба. Пользуясь конституционным правом не отвечать на вопросы, он молчит. Будет ли правомерным применение к этому человеку незаконных с точки зрения права методов дознания? Что гуманнее и важнее для общества? Применить специальные методы допроса или дать погибнуть невинным людям? Чьи права выше – арестованного террориста или его возможных жертв? Оставляем ответ на совести читателей. Для большинства специалистов дилеммы в этом никогда не было, нет и не будет.

В российском обществе слову «донос» традиционно придается негативная окраска; как и пытки, оно связано с недавним прошлым. Многие наши соотечественники стали жертвами неоправданных политических репрессий со стороны государственных органов именно в результате доносов. В данном

вопросе также следует разобраться предметно. Само слово «донос» (как и любое другое) – лишь обозначение того или иного объекта или явления, нравственная оценка которых зависит от идеологии, исторически сложившегося общественного мнения и личной позиции человека.

Большинство наших сограждан искренне считают, что разведчик – «хороший парень», а шпион – «плохой». В результате – извечный дуализм: профессия одна – идеологически-нравственных оценок две. Так и со словом «донос». Можно сказать – донес, а можно – проинформировал. В том и другом случае речь идет о сообщении определенной информации, но нравственная оценка факта диаметрально противоположна. Слова «агент», «секретный сотрудник» («сексот»), «осведомитель», «стукач», «информатор» – из того же ряда. Одни употребляют их со знаком плюс, другие – со знаком минус. Оперативная работа специальных служб любой (подчеркиваем – любой!) страны мира нацелена на то, чтобы заполучить максимальное количество помощников, каким бы словом их ни обозначали. В большинстве цивилизованных государств сообщения (или доносы – как вам больше нравится) о тяжких государственных преступлениях (налоговых, террористических и т. п.) поощряются и хорошо оплачиваются.

Кстати, даже священникам специальным указом Петра I предписывалось докладывать о крамоле, ставшей известной им во время исповеди. Разумеется, это можно осуждать с точки зрения христианской морали (сохранение тайны исповеди), но в соответствии с принципом тотальности действия государя были оправданны: они закрепляли ответственность за недоносительство по делам особой государственной важности. Не стоит забывать и факт признания в христианстве «любой власти от Бога», так что предписание Петра доносить информацию по «делам государевым», которая становилась известной в процессе исповеди, для приверженцев сильной централизованной власти не стало чем-то особенным и не вызвало заметного протеста со стороны духовенства.

Напомним, что в числе первых шагов по укреплению государственности в России Петр фактически отделил Церковь от государства (от вмешательства в дела государевы) и ликвидировал патриаршество (восстановлено только в начале XX в.). Непопулярные у православных иерархов и приверженцев традиций действия привели к тому, что Петра до настоящего времени многие считают царем-антихристом. Уменьшение «монастырского поголовья» и секуляризация церковных земель наряду с другими мерами охладили многие горячие головы, хотя

и добавили Петру оппонентов из числа духовенства и верных православию соотечественников. Однако принятые меры позволили ему осуществлять тотальный сбор, а также анализ информации по важнейшим делам.

Тем не менее оппоненты всегда остаются оппонентами, а в историческом контексте – врагами. В этой связи особую опасность представляли попытки физического устранения самого государя. Смерть Петра позволяла занять трон его сыну, царевичу Алексею, – противнику отцовских начинаний. Об одной из таких попыток стало известно сотруднику русского посольства в Константинополе Г. Эргакия. Вернувшись в Москву, он сообщил: «Когда был в Бухареште, и тогда в ночи приходил к нему один человек, закрыв свое лицо (только очи свои показал). И говорил, что по повелению салтана турескаго чрез подущение короля шведскаго велено господарю мултянскому послать нарочно двух человек из греческих купцов в Российское государство под имянем купеческим, будто бы для торгового промыслу, а в самом деле для того, чтоб они всякими мерами промысл чинили высокую персону Его Царского Величества чрез отраву умертвить, за что ему, мултянскому господарю, от Порты обещано вечно иметь господарство…»[183]. Кто был этот человек, сообщивший о покушении? Российский агент, потерявший канал связи, или доброволец, симпатизировавший России, остается загадкой. В результате купцов отследили и задержали.

Параллельно с организацией покушений на Петра I была предпринята попытка использовать царевича в качестве противовеса отцу. В конце сентября 1716 г. Алексей, сообщив о подчинении воле отца и воссоединении с ним, выехал из Петербурга в Копенгаген, где в то время находился царь, но в ставку не прибыл. История «ухода» царевича (он бежал в Вену под защиту австрийского императора Карла VI) сама по себе достойна отдельного рассказа, поскольку в нем усматриваются признаки тщательно спланированной и успешно реализованной специальной операции.

Царевич Алексей Петрович. Портрет работы И. Таннауэра

В числе этих признаков можно выделить: ускользновение из-под наблюдения, встречу со связниками, смену маршрутов передвижения, использование документов прикрытия, получение «политического убежища», переезды из одного конспиративного укрытия в другое и т. п. Первый раунд поединка петровские службы проиграли. Что было причиной этого провала, не совсем понятно. Возможно, Петр до последнего надеялся привлечь сына на свою сторону и не подверг отпрыска «жесткому» контролю. Также возможно, что это стало ошибкой исполнителей, вызванной дезинформацией со стороны царевича и тех, кто ему помогал.

Но второй раунд поединка выиграли российские службы. Операция по возвращению царевича не менее интересна, чем его «уход», в первую очередь количеством и качеством

задействованных сил и средств.

В ней приняли участие различные по подготовке и формальной подчиненности специалисты. Успешный розыск Алексея провел русский резидент в Австрии А. П. Веселовский, силовую составляющую розыска представлял капитан гвардии А. Румянцев, согласия царевича на возвращение добился опытнейший дипломат и разведчик П. А. Толстой. На заключительном этапе операции (непосредственно при возвращении Алексея из Неаполя в Россию) были приняты дополнительные меры безопасности, чтобы не допустить бегства царевича и прочих случайностей. Через 15 месяцев после побега Алексея Петровича наконец привезли в Москву. Так была устранена одна из наиболее серьезных для Российского государства угроз.

В феврале 1718 г. Петр учредил Тайную розыскных дел канцелярию. Создание этой специальной службы обусловливалось несколькими причинами. В 1717 г., после смерти Ф. Ю. Ромодановского, руководителем Преображенского приказа стал его сын Иван[184]. Вероятно, Петр не до конца доверял его знаниям и опыту: в конце того же года было создано несколько розыскных канцелярий под руководством гвардейских офицеров: П. М. Гагарина, С. А. Салтыкова, М. Я. Волкова, Г. Д. Юсупова, И. Дмитриева-Мамонова, Г. И. Кошелева. После доставки в Россию царевича Алексея объединение розыскных канцелярий в единую службу ускорилось. По окончании следствия над Алексеем Петровичем Тайная канцелярия стала постоянно действующим органом. Ее возглавляли четыре «министра», или судьи: П. А. Толстой, И. И. Бутурлин[185], Г. Г. Скорняков-Писарев[186], А. И. Ушаков[187]. Формально все судьи имели одинаковый статус, но главную роль играл Толстой. Работу обеспечивали секретарь и шесть канцелярских служащих. Как и Преображенский приказ, Тайная канцелярия рассматривала особо опасные государственные преступления, сочетая функции оперативного, следственного и судебного аппарата. Тайная канцелярия и Преображенский приказ работали параллельно до конца жизни Петра Великого.

В 1718 г. произошли изменения в организации системы внутренней безопасности. Для поддержания общественного порядка Петр учредил в Петербурге должность генерал-полицмейстера, а в Москве – обер-полицмейстера, видя в полиции «душу гражданства», фундаментальный «подпор» безопасности подданных. «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру», можно считать началом правового регулирования розыскной работы. Однако правовое

регулирование все же носило фрагментарный характер и затрагивало только центральные учреждения в Петербурге и Москве. Полицейскую службу возложили на солдат столичных гарнизонов. Преступления против государя карались смертью, но в целом наказания были менее жестокими, чем в большинстве стран Европы того времени. Петр I заменил смертную казнь за «малые вины» каторгой; считая, что за беспорядки и преступления надлежит наказывать, он указывал на необходимость по возможности «сберегать» жизнь подданных.

Северная война и измена царевича Алексея стали катализатором для создания в июле 1718 г. в структуре почтового ведомства специального подразделения, занимавшегося перлюстрацией (тайным прочтением) получаемой из-за рубежа корреспонденции. Это было связано с тем, что в некоторые письма, адресованные жившим в России иностранцам, были вложены конверты с посланиями для шведских военнопленных. Карл XII стремился использовать своих попавших в плен солдат и офицеров для получения разведывательной информации и для организации подрывной работы в тылу русской армии. В августе 1719 г. был издан сенатский указ, вводивший регистрацию всех иностранцев, приезжавших для поступления на русскую службу. Сведения о них должны были собираться в Коллегии иностранных дел, которая занималась также выдачей паспортов для выезда из России.

В октябре 1721 г. на торжественном праздновании Ништадтского мира, ознаменовавшего победу России в Северной войне, Петр призвал соратников не успокаиваться на достигнутых результатах. В «Реляции <…> торжества о заключении с короною Швецкою вечного мира» сказано: «Напоминает он (Петр. – *Примеч. авт.*) им (сенаторам. – *Примеч. авт.*) о их благополучии, что хотя ныне толь славной и полезной мир Божиею милостию и храбростию своего оружия получили, однакож бы и во время того мира роскошми и сладостию покоя себя усыпить бы не допустили, экзерцицию или употребления оружия на воде и на земле из рук выпустить, но оное б всегда в добром порядке содержали и в том не ослабевали, смотря на примеры других государств, которые через такое нерачителство весьма разорились, междо которыми приклад Греческого государства, яко с собой единоверных, ради своей осторожности, перед очами б имели, которое государство от того и под турецкое иго пришло; також бы и прежния времена и состояние своего собственного Отечества пред очами имели, в котором издревле храбрые люди были, но потом нерадением и слабостию весьма от обучения воинского было отстали»[188]. Таким образом, Петр

напоминал приближенным: государство, каким бы сильным оно ни было, обязано следовать латинской поговорке «si vis pasem, para bellum» («хочешь мира – готовься к войне»).

12 января 1722 г. Петр I издал указ о реформировании Сената. 4-й пункт указа гласит: «Надлежит быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут репортовать генерал-прокурора»[189]. Государь возлагал большие надежды на эффективность работы прокуратуры; его воодушевлял пример генерал-прокурора П. И. Ягужинского[190], не запятнавшего себя злоупотреблениями или взятками.

В заключение этой главы скажем несколько слов о создании в конце правления Петра еще одного специального подразделения, ставшего впоследствии гвардейским полком. Для коронации супруги Петра Екатерины Алексеевны (1724 г.) была сформирована конная рота почетного конвоя – кавалергардов (кавалергард – конный охранник; от *фр.* cavalier – всадник и garde – охрана). Капитаном роты стал сам государь, офицерами числились генералы и полковники, капралами – подполковники, 60 рядовых отобрали из числа самых рослых и представительных обер-офицеров. Этот почетный конвой продолжил традиции рынд Алексея Михайловича. Чтобы подчеркнуть торжественность коронации, кавалергарды были одеты в специально сшитую парадную форму. По окончании коронационных торжеств роту расформировали.

За три недели до смерти Петр занимался составлением инструкции руководителю Камчатской экспедиции В. Берингу. Придворный токарь государя А. Нартов, присутствовавший при этом, впоследствии рассказал, что царь спешил сочинить наставление такого важного предприятия и, будто предвидя скорую кончину, был весьма доволен тем, что завершил работу. В разговоре с адмиралом Апраксиным он вспомнил о своем намерении проложить дорогу через «Ледовитое море» в Китай и Индию. Вероятно, Петр понимал, какие стратегические перспективы открывает этот морской путь.

После смерти Петра Великого в январе 1725 г. в Российском государстве наступила эпоха, названная потом эпохой дворцовых переворотов (вообще, дворцовые перевороты существуют столько, сколько существует власть, но коль скоро историкам угодно так ее называть – согласимся с их мнением). С 1725 по 1825 г. смена верховной власти в России в той или иной мере осуществлялась при силовой поддержке специальных подразделений гвардии. Таковы реалии жизни…

ПОЛЬСКАЯ ИНСТРУКЦИЯ 2-й половины XVII в.

1. Начать с Полтавы, потому что ее жители склоннее других к восстанию против Москвы.

2. Москва плавает в своей крови; это наказание Божие за то, что не помогла ни императору, у которого султан отбирает теперь остальную Венгрию, ни Польше. Царь Федор Алексеевич хотел подать помощь Польше, но бояре не позволили, а потом и жену его, которая носила польскую фамилию Грушевских, отравили, напоследок и самого царя извели и весь род царский истребить хотели, за что Бог и отомстил им жестоко.

2. Разглашать, что Самойлович[191] хочет искоренить козаков и для этого лучших полковников обратил в простые козаки.

4. Если б дело дошло до союза Москвы с Польшею, то не только души христианские из неволи освободились бы и святые места опять процвели, но и весь народ греческий мог бы освободиться.

5. Москва обманула поляков, она причиною, что Каменец погиб, Подолия и Украйна пропали.

6. Польские короли – и покойный Михаил, и нынешний Ян – об одном хлопотали, чтоб Украйна не досталась туркам, а принадлежала бы козакам; и всем известно, что после Журавского мира[192] Хмельниченко[193] был посажен гетманом в Немирове. Но бояре московские всю Украйну по Днепр уступили туркам, испугавшись, что Чигирина не успели удержать и защитить, из-под которого визирь хотел бежать, но Ромодановский[194], несмотря на свою победу, наступать на него не хотел. Этою уступкою Украйны туркам Запорожье заперто и преждевременно должно погибнуть, а потом и имя козацкое пропадет.

7. Опасаться надобно, чтоб войска русские не ударили на Киев и татары не разорили Заднепровья, как скоро узнают о московской смуте.

8. Дума московская не только не хотела воевать против басурман, но даже не позволила королю на деньги нанять козаков, опасаясь, чтоб войско козацкое и народ малороссийский не возвратились к государю предков своих и не возлюбили той вольности, в какой живет Польша.

9. Войску, во всем христианстве славному, надобно вспомнить славу дедов и прадедов, быть в одной мысли с

Запорожьем и выбиться из неволи человека негодного и не воинственного. А королевское величество имеет столько разума, благословения Божия и храбрости, что может защитить и народ, который он от младенчества любит и почитает.

10. Духовенству внушать, что в церквах, находящихся под державою королевскою, нет никакой перемены, священникам воздается честь, дань и подводы отставлены, из подданства панов своих духовенство освобождено.

11. Внушать, не лучше ли в Киеве иметь своего главу, как имеет Москва; прежде киевские митрополиты ставили московских, которые теперь патриархами называются: многими столетиями Святая София киевская старше Соборной церкви московской.

12. Не лучше ли видеть власть духовную и мирскую в Киеве, чем искать ее раболепным образом в Москве.

13. Нечего бояться, что старинные паны возвратятся на восточную сторону Днепра: их уже нет в живых, и которые остались молодые, те Заднепровья и Северской стороны не знают.

14. Притом же здесь все имения государственные, только ходили в поместьях, и республика прежних помещиков не даст.

15. Пусть рассудит весь народ козацкий, что им Бог подает отца, что им Бог просвещает разум, отверзает очи и показует путь к вольности.

16. Если надобна будет помощь, пусть знают, что войско польское на конях[195].

ИЗ ТАЙНЫХ СТАТЕЙ, данных ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ТОЛСТОМУ 1702 апреля 1

Статьи тайные, по которым, будучи при дворе салтанова величества, столнику Петру Андреевичю Толстому чинить со всяким радением, и наведываться втайне по сим нижеписанным статьям, данным в нынешнем 1702-м году апреля в 1-й день

1. Будучи при салтанове дворе, всегда иметь прилежное и непрестанное, с подлинным присмотром и со многоиспытанным искуством тщание, чтоб выведать и описать тамошняго народа состояние, а паче

началнейшие и главные в правлении их и каковыя в том [управлении] персоны будут, и какие у них с которым государством будут поступки в воинских и политических делах, и в государствах своих устроения ко умножению прибылей или к войне тайныя приуготовления и учредителства <…>.

2. О самом салтане, в каком состоянии себя держит и поступки ево происходят, и прилежание и охоту имеет к воинским ли делам или, по вере своей, к каким духовным и к домовым управлениям, и государство свое в покое ли или в войне содержать желает, и во управлении государств своих ближних людей кого над какими делами имеет порознь, и те его ближние люди о котором состоянии болши радеют и пекутца – о войне ли или о спокойном житии и о домовом благополучии, и какими поведениями дела свои у салтана отправляют, чрез себя ль, какой обычай во всех есть государей или что чрез любовных его покоевых.

3. Ис пограничных соседей, которые государства в первом почитании у себя имеют и которой народ болши любят, и впредь с кем хотят мир держать или войну весть, и для каких причин, и с которой стороне чем приуготовляютца и какими способы, и кому не мыслят ли какое учинить отмщение.

4. Доходы государственные, с которых стран и коликим числом в салтанову казну збираютца, и против прежняго ль, как у них до войны бывало, и денгами ль или иными какими платежи, кроме денег, и что всего бывает в году, и ныне ль у них в денежной и во всякой казне доволство ль или пред предками их в чем оскудение и от чего, и впредь ко прибавлению казны какия у них чинятца радения или наипаче ко оскудению належат и попечения о том никакова не имеют. Также особо наведатца о торговле персицкой, как шелком и иными таварами куды вяще торгуют, и кто тот шелк примает, и чрез которые городы идет, морем ли или сухим путем, и которыми месты в турецкие городы болшой привоз тем таваром бывает и коликим множеством.

5. О употреблении войск какое чинят устроение, и сколько какова войска, и где держат в готовности, и салтановой казны по сколку в году бывает им в даче, и по чему каким чинам и порознь, и впредь ко умножению войск есть ли их попечение, также и зачатия к войне с

кем напред чаять по обращению их нынешнему.

6. Морской флот (корабли и каторги) какие и многочисленно ль имеют, и флот старой в готовности ль и сколь велик, и сколко на котором корабле и каторге пушек, и каким поведением ныне его держат, с прибавкою ль, и что на том флоте во время войны ратных людей бывает и какие чины порознь, и что им даетца салтанской казны, помесячно или погодно, и вновь к той старой флоте какая прибавка строитца ли и буде строитца, сколь велика та прибавка и на которое море в год та прибавка делаетца, и каков нынешней у них капитан-паша, и к чему вящее склонен, и нет ли особливо предуготовления на Черное море, и наступательно или оборонительно предуготовляютца. Конечно, сие со всяким подлинным описать известием и чрез подлинных ведомовцов или верных людей писать почасту о сем состоянии их.

7. В восточных странах все ль дела их идут по их воле, или где есть какая противность от подданных салтанских, или от персян и от иных народов, и в которых местех, и от какова народу, и за что, и каким поведением ту противность имеют, и впредь в том от них каковаго чаять продолжения, и не будет ли в том государству их какой утраты и упадку, или салтан может их усмирить и какими способы, и как они поступают, и лехко ль их то усмирение будет.

8. При салтанове дворе которых государств послы и посланники, и кто из них на время или живут не отъезжая, и в каком почитании кого имеют, и у которого государя дружбы или какой себе прибыли болши ищут, также и к народам приезжим в купечествах склонны ль, и приемлют дружелюбно ль, и которого государства тавары в лутчую себе прибыль и употребление почитают.

9. В Черноморской протоке [что у Керчи] хотят ли какую крепость делать и где [как слышно было], и какими мастерами или засыпать хотят и когда – ныне ль или во время войны?

10. Конницу и пехоту после цесарской войны не обучают ли европейским обычаем ныне, или намеряютца впреть, или по-старому не радят?

11. Городы Ачакаф, Белгород [на Днестре], Кили и протчия укреплены ль, и как: по-старому или фартециями, и какими «мастерами» те городовые крепости утвержены.

12. Бумбардиры пушкари в прежнем ли состоянии или учат внофь, и хьто учат какова народу, и старыя инженеры бумбардиры иноземцы ль или их, и школы тому есть ли?

13. Бумбардирския карабли [или италиански поландры] есть ли?

14. По патриархе Иерусалимском есть ли иной такой же желательной человек? О таких чрез него проведывать и спознаватца.

15. С чюжестранными министры обходитца политично, и к ним ездить, и к себе призывать, как обычай во всем свете у министров, при великих дворах пребывающих; толко смотрети того, чтоб не навести каким упрямством или каким невоздержанием ко умалению чести Московского государства не учинить.

16. Будучи когда в разговорах с министры турецкими, говорить [есть ли в подозрение какое сему быти не чает], чтоб поставить до Киева почту, дабы удобнее ко всякому делу писать скоростию, либо какия ссоры на Украине явятца от каких своеволников, что чрез скорую обсылку удобнее разорватися могут, и наипаче ж всегда бывает от татар наезды тайные и грабеж подданным царского величества; и естли на сие поступят, чтоб быть почте, то писать о том от себя в Киев к губернатору, а указ великого государя к нему о том послан.

17. О запорожцах, какие ссоры ныне явились, и какой грабеж подданным салтановым греком от тех своеволников произошел, и что за сие учинено запорожцом, и какое в том доволство показано, о всем о том дан ему список с того дела подлинно.

Все сие чинить по вышеописанному, проведыва[я] о всем подлинно, и записывать у себя тайно, и о том писать к великому государю с кем верными людми. А буде что нужнейшаго будет, писать с нарочным посылщиком, и держать сие ему у себя тайно под опасением себе великого государя жестокого гнева и смертныя казни.

Статьи, которые подал Петр Андреев сын Толстой, требующие указу, и что на те статьи указу, и о том подписано подо всякою статьею имянно

1. Желаю ведать, есть ли в тех странах верной человек, в котором бы мне полагать надежду о тайных

делех, чтоб мне имя ево объявлено было?

Указ. Иерусалимской патриарх, которой и прежде сего во многой верности явился, мочно объявлять и советовать, что и по списком з дел явилось, которые даны ему прежде бывших посланников.

2. Ежели позовет случай с кем чинить разговор чрез переводчика о нужнейших делех, и в том секрете перевотчику Моисею Арсеньеву мочно ли верить?

Указ. Для того дан, а иное что можеш самому говорить.

3. О посылке к Москве тайных писем какову быть состоянию, с кем их посылать, и где и кому велеть отдавать, понеже почты нет, а ездоки до Москвы бывают по случаю и не часто, а когда прилучатца ездоки, и тем иногда в тайностях и поверить будет невозможно, и для того не благоволит ли великий государь учинить почты до Киева явственно, а от Киева под образом купцов или как великий государь укажет?

Указ. Почта до Киева есть, и о том, чтобы пересылать секретно, указы пошлютца, а преж сего чрез кого посылки писмам были, и о том явилось в статейных списках, с которых ему даны для ведомости списки ж. А с нужными делами мочно и нарочно посылать кого пристойно, за что на Москве платить будут, и особливая статья о почте ему дана с тайными статьями.

4. В мирных договорех в 13-й статье положено принять им резидента с подобающею честью против иных резидентов, и мне в приемности и в тамошнем пребывании просить себе порятку и почтения против которого посла?

Указ. Быть и хранить честь государственную против прежняго обычая посла нашего.

5. Ежели начнет в разговорех спрашивать, для чего карабли и каторги и иные суды морские проводят под Таганьрог и вводят в порт, а ныне суть состояния мира, – мне в том какую отповедь чинить?

Указ. Сказать: сие не для чего иного, токмо для опасности от них незапного нападения и для частых премен, которые быть у них в государстве обыкли; а [с] стороны царского величества никогда никаковаго злого начинания не будет. А то зачали прежде учинения миру оныя строить для войны, – и есть ли и опастно, что вы разрывать станете, нам како, спасая себя, не готовить – и для всегдашней от вас опастности, а понеже со всеми у

вас есть мир, а есть не малая флота и всегда готовят. Токмо царское величество никогда начинать войны и мир разрушати не будет, которой утвержен нынешними мирными, при помощи Божии, договоры[196].

Глава 5
Эпоха дворцовых переворотов

Гвардейцы помогали потому, что дело нравилось им самим, придавая им значение и случай требовать наград.

К. Валишевский

Петровская гвардия имела три основные функции: политическую, воспитательную и боевую. В 1725–1801 гг. главной функцией являлась силовая поддержка императорской власти, а воспитательная и боевая отошли на второй план. Гвардия, призванная охранять и защищать престол, не только охраняла, но и свергала государей. Участвуя в заговорах, она во многом руководствовалась корпоративными интересами.

Значительная часть офицерского корпуса гвардейских полков в указанный период образовала своеобразную военно-политическую партию. Восстановить полный контроль над гвардией сумел только император Николай I. А началась эта история 28 января 1725 г., в день смерти Петра I, не оставившего ни прямого наследника, ни завещания. «Престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой. С тех пор в продолжение нескольких десятилетий ни одна смена власти на престоле не обходилась без замешательства, <…> каждому воцарению предшествовала придворная смута, негласная интрига или открытый государственный удар. <…> Когда отсутствует или бездействует закон, политический вопрос обыкновенно решается господствующей силой.

В XVIII в. у нас такой решающей силой является гвардия…»[197].

Реальных претендентов на престол было трое: вдова императора Екатерина, ее младшая дочь Елизавета Петровна и внук императора Петр (сын покойного царевича Алексея). Старшая дочь Петра Анна в 1724 г. под присягой отказалась вместе с женихом от русского престола за себя и за свое потомство. На стороне Екатерины была новая служилая знать, обязанная возвышением Петру Великому, на стороне юного Петра – представители старинных боярских родов, наследники Рюриковичей и Гедиминовичей. Симпатии гвардии принадлежали Екатерине, которая не раз делила со своим мужем тяготы

походной жизни.

Сторонники императрицы действовали решительно: пока П. А. Толстой и кабинет-секретарь А. В. Макаров[198] вели юридический спор о наследнике со сторонниками юного Петра, А. Д. Меншиков привел гвардейских офицеров в покои Екатерины, где последние поклялись в верности «матушке». После этого полки подошли к Зимнему дворцу. Сторонник великого князя Петра – президент Военной коллегии А. И. Репнин[199] – в гневе спросил: «Кто смел без моего ведома привести сюда полки? Разве я не фельдмаршал?»[200]. Командир Семеновского полка И. И. Бутурлин ответил, что полки призваны по воле императрицы. Французский посланник Ж. Ж. Кампредон после переворота писал во Францию, что решение гвардии в России стало законом.

Получив власть с помощью лейб-гвардейских полков, государыня воздала им должное: полностью и вовремя выплачивалось жалованье, газета «Петербургские ведомости» регулярно сообщала о том, как правительство заботится о гвардии.

В небольшой группе соратников Петра I тем временем произошел раскол. Наиболее приближенным к императрице лицом был А. Д. Меншиков, который стремился занять доминирующее положение при дворе. Первым из неприятелей «светлейшего», отстраненных от реальной власти, стал генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский: его не включили в число членов Верховного тайного совета, учрежденного в феврале 1726 г. В состав этого органа, призванного помогать государыне в важнейших делах, вошли: А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, канцлер Г. И. Головкин, вице-канцлер А. И. Остерман[201], герцог Карл Фридрих Голштейн-Готторпский и князь Д. М. Голицын[202]. На первых заседаниях Совета императрица еще присутствовала, но потом ей это, по словам современников, «наскучило». Екатерине не хватало знаний и воли для серьезных занятий государственными делами: она стала подписывать решения «верховников» как свои.

Екатерина Алексеевна. Портрет работы Г. Бухгольца

В мае того же года упраздняется Тайная канцелярия – на том основании, что она была образована «на время для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел». Дела Тайной канцелярии подлежали передаче в Преображенский приказ князя Ромодановского. Уникальность ситуации заключалась в том, что

правительство находилось в Петербурге, а центральный орган политического сыска – в Москве. Фактическим руководителем Преображенского приказа в период с мая 1726 по май 1727 г. являлся А. И. Ушаков.

А. Д. Меншиков. Портрет начала XVIII в.

В делах политического розыска «верховники» одновременно являлись и следователями и судьями. Следствие по важнейшим политическим делам в столице теперь осуществлялось специальной комиссией Верховного тайного совета. Известны тайные советники этой комиссии – В. П. Степанов[203] и А. А. Маслов[204]. Трудно сказать с абсолютной достоверностью, что побудило императрицу согласиться с подобным решением. Вероятно, что инициировал волю государыни Меншиков, лишивший тем самым Толстого главного политического козыря – руководства одной из государственных спецслужб. Устранение Толстого, который слишком много знал, было выгодно и большинству приближенных императрицы.

Ликвидация Тайной канцелярии при Екатерине I (как и ликвидация приказа Тайных дел после смерти Алексея

Михайловича) была обусловлена не государственными интересами, а исключительно интригами придворных группировок в борьбе за влияние. Когда одна служба закрывается, а на смену ей приходит другая, большая часть «горячей» информации (и не только в виде архивов) либо попадает в руки победившей стороны, либо уничтожается проигравшими с целью не допустить компромата. Такое многократно повторялось, повторяется и еще не раз будет повторяться…

Ликвидация Тайной канцелярии, подчиненной при Петре I лично государю, повлекла за собой далеко идущие последствия. Во-первых, безвозвратно была утеряна («приватизирована» или уничтожена) часть важнейшей секретной политической информации. Во-вторых, государыня утратила личный контроль над специальной комиссией Верховного тайного совета; отдельные структуры комиссии получили возможность исполнять волю «верховников» без ведома императрицы. В-третьих, кадры единой ранее государевой службы, оказавшиеся под патронажем разных царедворцев, стали открыто конкурировать друг с другом, обеспечивая безопасность не престола и Отечества, а того или иного вельможи либо стоявшего за ним клана. По нашему мнению, наряду с усилением внутриполитической роли гвардии ослабление единоличного контроля государя за деятельностью секретных служб после смерти Петра I – одна из причин последовавших затем дворцовых переворотов. Недопонимание роли и места специальных служб в обеспечении безопасности государства (и государя!) со стороны некоторых российских самодержцев связано с их личностными качествами: недостатком специального образования, отсутствием управленческого опыта и, как следствие, излишним доверием к приближенным.

В большой игре за власть между возможными наследниками императрицы Екатерины – Елизаветой Петровной и Петром Алексеевичем – Меншиков выбрал Петра и ради собственной выгоды был готов заключить союз с бывшими оппонентами. Но вначале он решил убрать Толстого: даже будучи официально не у дел, тот оставался наиболее опасным противником «светлейшего», поскольку выступал против обручения его дочери Марии с Петром Алексеевичем. В апреле 1727 г. Меншиков приказал арестовать генерал-полицмейстера[205] Петербурга А. М. Девьера[206] по обвинению в заговоре против Петра II. Следственная комиссия добилась от арестованного показаний и против П. А. Толстого, которого также арестовали. «Заговорщиков» лишили чинов, званий и имущества и сослали: Девьера в Сибирь, Толстого на Соловки.

В результате этой специальной операции Меншиков получил

значительные политические преимущества: опасный противник был удален из столицы; появилась возможность расставить своих людей в структурах, подчинявшихся ранее Девьеру. Для достижения политических целей «светлейший» пожертвовал даже родственными связями: Девьер являлся мужем его младшей сестры Анны. После успешного раскрытия «заговора» Меншиков стал пользоваться неограниченным доверием Екатерины I. Именно под его влиянием государыня составила завещание, которое некоторые современники считали поддельным, в пользу юного Петра Алексеевича. Ее дочь Елизавета могла претендовать на престол только в случае бездетности последнего.

Днем 6 мая 1727 г. императрица скоропостижно скончалась.

Официально власть перешла в руки внука Петра Великого – Петра II, которому в тот момент было 12 лет. Кандидатуру нового императора поддержали подавляющее большинство членов Верховного тайного совета, Сената и Синода, президенты коллегий и офицеры гвардии. Скорее всего, это было связано с его юным возрастом: каждая из противоборствующих придворных группировок предполагала привлечь юного Петра на свою сторону.

Петр II. Портрет работы И.-П. Люддена

Первоначально опекуном императора стал Меншиков. Он же стал и куратором сыскных дел. 22 мая была восстановлена система географического распределения политических дел. Из ближних к Санкт-Петербургу мест дела следовало посылать в Сенат, из других губерний – в Москву.

Казалось, судьба к «светлейшему» благоволила: он получил звание генералиссимуса, его дочь Мария в мае обручилась с Петром II. Сподвижники Петра I Макаров, Шафиров[207] и Ягужинский были отстранены от реальной власти. Но усиление позиций Меншикова привело к тому, что против него в той или иной мере объединились и сторонники Елизаветы, и представители старых боярских родов во главе с Долгоруковыми. В сентябре Петр II приказал гвардии и членам Верховного тайного совета повиноваться только его личным распоряжениям.

Фаворит был лишен всех чинов, званий и сослан в Рязанскую губернию. К его дому приставили часовых, писать письма дозволяли только в присутствии начальника караула. Попытки «светлейшего» вернуть влияние были блокированы его оппонентами. В конце осени 1727 г. его официально обвинили в государственной измене и баснословной растрате казенных средств, последнее, кстати, полностью соответствовало действительности. В апреле 1728 г. Александр Данилович «с фамилией» был сослан в Тобольскую губернию. Конечным пунктом его долгого пути стал маленький населенный пункт Берёзов.

Примечательно, что в Берёзове, где фавориту пришлось доживать свой век, его жизнь приняла аскетический характер. Могилу Меншикова вскрыли в XIX в. и были поражены тем, что тело этого человека почти не изменилось. В конце XX в. появилась угроза разрушения могилы и встал вопрос о переносе праха. Но пока соответствующие инстанции судили да рядили, природа сказала свое веское слово: останки Меншикова были унесены рекой, так как берег обрушился. Образно говоря, в небытие ушло то, что когда-то из этого небытия вознеслось…

Елизавета Петровна. Портрет работы К. Ванлоо

В феврале 1728 г. император со свитой переехал в Москву, где наибольшее влияние на Петра стали оказывать его тетка Елизавета Петровна и вице-канцлер А. И. Остерман. Год прошел в охотах, балах и придворных развлечениях. Остерман, курировавший в числе прочего и политический сыск, пытался привить государю желание участвовать в управлении

государством и военными делами, но особого успеха эти попытки не имели.

К началу 1729 г. место Меншикова при императоре заняли князья Долгоруковы, которым удалось оттеснить Елизавету. Новой невестой Петра II стала Екатерина Долгорукова. Возможно, именно под их влиянием весной 1729 г. был упразднен Преображенский приказ. Исполнявшиеся приказом полицейские функции перешли к Сенату, в котором Долгоруковы имели сильное влияние. Мы полагаем, что новые фавориты не просто ликвидировали государеву секретную службу: они предприняли попытку монополизировать контроль над деятельностью политической полиции в рамках своего клана. Нельзя исключать и того, что Долгоруковы намеревались впоследствии устранить Петра II и занять трон.

30 ноября 1729 г. произошло обручение императора с его невестой, свадьба была назначена на 19 января следующего, 1730 года. Однако в ход событий вновь, уже в который раз, вмешался Его Величество Случай. 6 января Петр II простудился и тяжело заболел. По мнению врачей, его дни были сочтены.

Понимая, что со смертью Петра II политические преимущества будут утрачены, 17 января Долгоруковы собрали семейный совет. Глава семьи Алексей Григорьевич, прибывший от постели государя, заявил, что надежды на выздоровление нет, поэтому следует выбирать наследника. Стратегический план заключался в том, чтобы провозгласить наследницей престола невесту государя. Характерно, что подобная возможность не только обсуждалась среди дипломатических представителей, но и была признана возможной. Силовой опорой для поддержки Екатерины предполагалось сделать Преображенский полк, в котором служили И. А. и В. В. Долгоруковы. Однако Василий Владимирович отверг предложение: «Как тому можно сделаться? И как я полку объявлю? Услышав от меня об этом, не только будут меня бранить, но и убьют»[208]. Таким образом, озвученные А. Г. Долгоруковым претензии не нашли поддержки даже в пределах семьи. Не имели успеха и попытки подписать завещание от имени императора либо воспользоваться фальшивым, поскольку Остерман не покидал умирающего Петра ни на минуту. Члены Верховного тайного совета Г. И. Головкин и Д. М. Голицын, многие представители боярской знати и, что особенно важно, офицеры гвардии отнеслись к намерениям Долгоруковых негативно. Наспех подготовленная попытка переворота не состоялась. 19 января 1730 г. (как раз в день, намеченный для свадьбы) Петр II скончался. Российский трон вновь стал вакантным.

Экстренно собравшиеся в Лефортовском дворце представители боярства стали келейно решать вопрос о престолонаследии. В совещании участвовали члены Верховного тайного совета – Г. И. Головкин, Д. М. Голицын, А. Г. и В. Л. Долгоруковы, А. И. Остерман, а также получившие к этому времени права членов совета генерал-фельдмаршалы М. М. Голицын, В. В. Долгоруков и губернатор Сибири М. В. Долгоруков. Таким образом, из восьми «верховников» четверо представляли клан Долгоруковых, двое – клан Голицыных. В результате бурных дебатов решили предложить российский трон Анне Ивановне (Иоанновне) – средней дочери Ивана Алексеевича, племяннице Петра I, вдовствующей герцогине Курляндской. Идея «верховников», предложенная Д. М. Голицыным, заключалась в ограничении самодержавной власти будущей государыни при усилении политических позиций членов Верховного тайного совета. Для этого постановили «послать к ее величеству кондиции»; их подписание должно было послужить гарантией сохранения власти и обеспечения личной безопасности тогдашних олигархов.

Основные положения «Кондиций», а по сути ультиматума, предложенного Анне Ивановне, которые она подписала 25 января 1730 г., были следующие. Герцогиня обязалась без согласия «верховников» ни с кем не начинать войны и не заключать мира; верных подданных никакими новыми податями не отягощать и государственных доходов в расход не употреблять; в знатные чины, как светские, так и военные выше полковника, никого не производить; у шляхетства «живота, имения и чести» без суда не отнимать. Кроме того, государыня обязывалась в брак не вступать и наследника себе не назначать. В случае нарушения этих условий она лишалась короны.

Двойственность документа вполне очевидна. С одной стороны, он является первым опытом ограничения самодержавия в России: в его тексте заложены далеко идущие идеи некоего подобия демократизации общества, сформулированные в понятиях XVIII в. С другой стороны, нельзя забывать, что ограничительными «кондициями» «верховники» готовили почву для реализации совсем других планов. Предложение племяннице Петра Великого занять престол было лишь ширмой, за которой скрывалось желание в ближайшее время передать бразды правления кому-либо из представителей знатных российских фамилий. Не стоит забывать, что Анна была дочерью Ивана, брата Петра, который отказался от своего имени и от имени своего потомства от претензий на российский престол. Так что возможность позднее поднять вопрос о легитимности пребывания

Анны Ивановны у власти «верховники» могли. Подобный случай в истории России будет повторен с сыном другой Анны – старшей дочери Петра, но это будет несколько позднее…

Однако «верховники», уже представлявшие себя новыми правителями России, допустили несколько серьезных ошибок. Во-первых, после единодушного избрания императрицы члены Сената, Синода и российский генералитет не были ознакомлены с текстом «Кондиций». Во-вторых, в письме к герцогине Курляндской олигархи сообщили, что «пункты» одобрены «всеми духовными и светскими чинами», и тем самым совершили подлог. В-третьих, они недооценили возможности оппонентов, направивших в Митаву собственных гонцов.

Одного из таких тайных гонцов отправил к Анне Ивановне П. И. Ягужинский, который призывал не во всем доверять посланникам «верховников», а подождать до Москвы, где ей откроют «истинную правду». Оперативные возможности «недреманного государева ока», как нарек Ягужинского Петр Великий, были далеко не самыми худшими. Обер-прокурор имел достаточно информаторов в различных кругах и мог вполне определенно проанализировать сложившуюся ситуацию. В качестве гонца он выбрал своего адъютанта П. С. Сумарокова, бывшего к тому же камер-юнкером гольштейн-готторпского двора и в этом качестве имевшего преимущества для поездок. Сумароков имел в этом деле и личную мотивацию: Ягужинский обещал в случае успешного выполнения задания отдать ему в жены свою дочь, в которую адъютант был влюблен.

Еще одного гонца к своему брату Р.-Г. Левенвольде[209] послал давний друг герцогини Курляндской и Остермана К.-Г. Левенвольде[210]. Третий курьер (доверенный монах) был отправлен вице-президентом Синода Ф. Прокоповичем[211]. У Церкви были свои оперативные возможности в плане перемещения «слуг Божьих» по стране.

Мы обращаем особое внимание читателей на обеспечение безопасности курьеров потому, что в случае захвата с депешами, адресованными Анне Ивановне, их ожидала неминуемая и мучительная смерть. После кончины Петра II Долгоруковы установили вокруг Москвы караулы под командованием начальника почтового ведомства бригадира Г. Палибина. Был усилен надзор за всеми иностранцами, включая послов, а Ямской приказ получил указание подвод и подорожных без ведома «верховников» не выдавать.

Несмотря на принятые меры, все посланники достигли Митавы вовремя. Анна грамотно сыграла свою роль, милостиво приняв делегацию от «верховников», «Кондиции» подписала и, 10

февраля 1730 г. прибыв в подмосковное село Всесвятское, действовала с осторожностью.

А в Москве тем временем происходили далеко не простые события. Уже через день после избрания Анны Ивановны императрицей в придворной среде распространились слухи, что «верховники» решили ограничить самодержавную власть. Сформировалась оппозиция, опасавшаяся получить вместо одного самодержца 10 самовластных фамилий. И хотя часть московской элиты поддержала устремления Долгоруковых и Голицыных, большинство среднего и мелкого дворянства выступало против них. Радикальные сторонники самодержавия даже предлагали перебить «верховников» еще до приезда Анны.

На подъезде к Москве Анна была встречена сводным отрядом, состоявшим из батальона Преображенского полка и эскадрона кавалеристов (по одним данным, кавалергардов, по другим – конногвардейцев). Она лично поднесла им чарки с водкой и тут же объявила себя полковником преображенцев и капитаном кавалеристов. Эти действия, подсказанные ей «верными друзьями», солдатами были встречены с одобрением. Более того, с точки зрения права здесь все выглядело безукоризненно: звания полковника Преображенского полка и капитана придворной кавалерии мог носить только законный самодержец. Таким образом, запущенная некоторое время назад оперативная комбинация с хорошо продуманными элементами идеологической войны, тонкой дезинформацией и мощным силовым обеспечением не дала сбоев.

По нашему мнению, в сообщениях есть одна неточность – на тот момент в составе гвардии не было ни одного конного полка. Скорее всего, кавалерийский эскадрон состоял из кавалергардов, восстановленных в 1726 г. Екатериной I, которая приняла на себя звание их капитана. Также возможно, что в составе эскадрона находились драгуны Кроншлодтского полка, созданного Петром I в 1721 г. Допущение тем более вероятно, что этот полк впоследствии был переименован Анной Ивановной в лейб-гвардии Конный.

Анна Ивановна. Портрет работы Г. Бухгольца

Между 15 и 25 февраля императрица прилагала интенсивные усилия по приобретению сторонников и поиску возможности отказаться от подписи под «Кондициями». А юридические основания для аннулирования «Кондиций» имелись достаточно веские, поскольку «верховники» пошли на прямой подлог, сообщив Анне, что пожелания об ограничении самодержавия

приняты с одобрения Сената, Синода и генералитета. Еще один подлог члены Верховного тайного совета совершили, когда сделали вид (уже после прочтения «Кондиций», подписанных Анной, в Москве), что сей документ – это ее личная инициатива. Тем самым легитимность «Кондиций» становилась сомнительной не только с морально-этической точки зрения, но и с позиций закона.

В сущности, Анне не составило труда найти союзников, недовольных усилением позиций «верховников». Особую роль государыня возлагала на родственников по матери Салтыковых, популярных среди гвардейцев.

Члены Верховного тайного совета понимали опасность, которую представляла для них оппозиция, и стремились ограничить контакты императрицы с внешним миром. Вход в ее помещения для предполагаемых противников Долгоруковых и Голицыных был воспрещен. В этих условиях связующим звеном между Анной Ивановной и ее сторонниками стали женщины. В. Л. Долгоруков, лично наблюдавший за режимом допуска к государыне, или недопонимал, как умеют работать женщины, или не имел возможности их эффективно контролировать. Для передачи письменных сообщений использовались тайники: часы, табакерки и т. п. В качестве «почтового ящика» выступал даже младший сын фаворита императрицы Э. И. Бирона (по некоторым данным, и Анны), за пазуху которого прятались послания. Ситуация в Москве постепенно складывалась в пользу Анны, ей оставалось только ждать удобного случая.

В ночь с 24 на 25 февраля сторонники императрицы не ночевали дома, чтобы избежать арестов, к 10 часам утра они прибыли в Кремль. К тому времени охрана царской резиденции была удвоена по приказу В. Л. Долгорукова. Однако Анна Ивановна лично пригласила начальника дворцовой стражи капитана Л. фон Альбрехта и предупредила, что вскоре возможны перемены в высшем военном руководстве. В этот день представители части дворянства предприняли попытку передать государыне прошение об ограничении власти Верховного тайного совета и об установлении конституционной монархии. Анна написала на проекте «быть по сему», предложив просителям обсудить будущую форму правления и в тот же день представить ей результаты. Этим решением она противопоставила дворянских депутатов «верховникам», которые надеялись взять реванш, дав оппонентам короткий срок на обсуждение и закрыв для всех выходы из дворца.

Однако вход во дворец оставался открытым, и дворцовые помещения стали постепенно заполняться гвардейцами. Их

основное требование звучало воинственно: «Мы, верные подданные Вашего Величества, верно служили Вашим предшественникам и пожертвуем нашу жизнь на службу Вашему Величеству, но не можем терпеть тирании над Вами. Прикажите нам, Ваше Величество, и мы повергнем к Вашим ногам головы тиранов»[212]. Мгновенно оценив сложившуюся ситуацию, государыня приказала начальнику дворцовой стражи повиноваться только генералу С. А. Салтыкову[213]. После смены военного руководства, признанного гвардейцами, для «верховников» и сторонников конституционной реформы не оставалось никаких шансов. Во дворце, блокированном гвардейцами, они из властителей превратились в заложников. К четырем часам пополудни все было закончено. Анна приказала принести «Кондиции» и разорвала их, к радости сторонников самодержавия.

Став полновластной «хозяйкой России», Анна Ивановна использовала для политического сыска все известные ранее организационные формы: и постоянные учреждения, и временные комиссии, и розыскные поручения отдельным чиновникам. Но все же она не чувствовала себя в безопасности, даже выписав из Курляндии близких людей, главную роль среди которых играл Э. И. Бирон. Уже 4 марта 1730 г. последовал императорский указ об упразднении Верховного тайного совета и восстановлении Сената «на таком основании и в такой силе», как при Петре Великом. Сенат становится высшим надзорным органом в деле политического розыска. 22 июля в Московской губернии был учрежден Сыскной приказ для ведения «татиных, разбойных и убиственных» дел. Этот полицейский приказ стал первой формальной силовой структурой, созданной императрицей. Вероятно, его появление связано с ростом недовольства Бироном со стороны московского дворянства.

Затем неудовольствие распространилось и на гвардию: там открыто поговаривали, что, если бы попался «тот, который надобен», его бы «уходили». Почувствовав ненадежность петровских полков, в августе 1730 г. государыня приняла решение о формировании нового гвардейского полка, получившего наименование Измайловского. Задуманный как противовес старой гвардии, новый полк комплектовался по другому принципу. Офицеров набирали из иностранцев, преимущественно земляков Бирона: курляндцев, лифляндцев, эстляндцев. Рядовой состав комплектовался не из дворян, а из однодворцев Малороссии, ранее служивших в местной вспомогательной милиции. Командиром полка назначили К.-Г. Левенвольде, ставшего к тому времени генерал-адъютантом.

Наряду с созданием собственной гвардии в начале 1731 г. Анна Ивановна решила назначить себе преемника. Гвардейцам и высшим чиновникам, вызванным во дворец, объявили, что это решение предпринято с целью предупреждения беспорядков, подобных имевшим место после смерти Петра II. Однако имя преемника не назвали, поэтому служилый люд вынужден был принести присягу на верность любому лицу, которого выберет государыня. Но и эти меры не принесли Анне успокоения. Особенно сильно на нее подействовал случай, когда одна из карет кортежа, следовавшая перед императорской, внезапно провалилась под землю. Расследование происшествия показало, что впереди был подкоп; возникла версия о спланированном покушении на императрицу.

Возможно, что этот случай стал одной из причин восстановления 24 марта 1731 г. Канцелярии тайных розыскных дел, совмещавшей функции оперативного и следственного аппарата по политическим преступлениям. Канцелярия вела также дела об иностранном шпионаже в России. Руководство ею поручили А. И. Ушакову. Новый «старый» начальник политической полиции имел личное и полное представление о работе этой службы, причем «с обеих сторон забора». Канцелярия имела статус коллегии и разместилась на генеральном дворе в Преображенском. Штат канцелярии состоял из сенатского секретаря В. Казаринова[214], нескольких подьячих, сторожей, двух заплечных дел мастеров, одного сержанта, одного капрала и 30 солдат. На нужды канцелярии выделили 3360 руб., столько же, сколько отпускалось Преображенскому приказу.

Вместо Верховного тайного совета 18 октября 1731 г. был учрежден Кабинет министров. В него вошли граф Г. И. Головкин (1-й кабинет-министр), А. И. Остерман и представитель княжеского рода, сложившегося в России во второй половине XVI в., А. М. Черкасский. После смерти Головкина его последовательно заменяли П. И. Ягужинский и А. П. Волынский[215].

Воссоздание службы безопасности не изменило решения Анны Ивановны о переезде в Петербург, куда двор перебрался в январе 1732 г. Те лица из высшего общества, которые по каким-либо причинам казались государыне подозрительными, чести жить в Северной столице не удостоились и оставались в Москве либо по высочайшему повелению уехали в провинцию. Во время переезда и до сентября 1732 г. Тайная канцелярия именовалась «походной». Полицейский контроль над проживавшими в Москве подданными утрачен не был: в августе в Первопрестольной, сначала в Преображенском, а затем на Лубянке, разместилась ее

контора (филиал) во главе с родственником императрицы, генерал-адъютантом С. А. Салтыковым. В 1732 г. в Московской конторе тайных розыскных дел числились 16 человек: сенатский секретарь Степан Патокин (в 1732–1743 гг.), протоколист, канцелярист, два подканцеляриста, восемь копиистов, сторож и два заплечных дел мастера. В связи с болезнью Патокина вторыми секретарями в конторе служили Тихон Гуляев (в 1738–1741 гг.) и некий Хрущёв (в 1741–1743 гг.).

В Санкт-Петербурге государыню встретил генерал Б. К. Миних[216], с именем которого связаны многие позитивные начинания в области военной реформы. В 1731 г. было учреждено первое специальное учебное военное заведение – Шляхетский кадетский корпус для обучения офицеров, произведенных из нижних чинов. Большинство историков называют правление Анны Ивановны временем засилья иностранцев, но это не совсем так. При ней прием иностранцев на службу осуществлялся только при наличии серьезных рекомендаций, денежное содержание иностранных и русских офицеров было уравнено. Так, по данным военно-учетных документов, в 1729 г. в русской армии имелись 30 русских генералов и 41 иностранец, в 1738 г. – 30 русских и 31 иностранец. Число иностранных офицеров в армии с 1729 по 1738 г. выросло всего на 3 процента (с 34 до 37 процентов). Уравнение иностранцев и российских подданных в чинах и денежном довольствии повысило авторитет императрицы в военной среде (особенно в гвардии) и обезопасило ее от гвардейских беспорядков.

Наибольшим влиянием при дворе пользовались Бирон, Левенвольде, Остерман и Миних, но все они (кроме Бирона) служили в России еще со времен Петра I. Порочная практика бездумного раболепия перед всем иностранным не раз приводила к печальным последствиям, однако у этой «палки» есть и другой конец – полное отрицание всего иноземного. Поскольку в сфере безопасности за любое непродуманное решение приходится расплачиваться человеческими жизнями, необходимо учитывать и критически оценивать как отечественный, так и зарубежный опыт. Не следует пренебрегать иностранными специалистами, особенно если выполняются два условия: 1) существует механизм контроля, позволяющий выявить истинные намерения иностранцев и принять адекватные меры пресечения, и 2) для иностранцев создаются условия, при которых они начинают чувствовать себя «своими» и служат Российскому государству как своему Отечеству.

В эпоху Анны Ивановны, несмотря на возраставшее негативное отношение к иностранцам, заговоров против

государыни составлено не было. Отчасти это объясняется эффективной работой Канцелярии тайных розыскных дел: фраза «слово и дело» стала символом и этой эпохи. Записи именных указов в канцелярии свидетельствуют, что императрица внимательно следила за ходом многих расследований, давала распоряжения об арестах, обысках и участвовала в допросах. Обо всех более или менее значимых политических делах Ушаков докладывал лично императрице. В 1732 г. в штате канцелярии состояли: секретарь Хрущёв (в 1732–1740 гг.), три канцеляриста, четыре подканцеляриста, пять копиистов и два заплечных дел мастера. По особо важным делам: смоленского губернатора князя А. А. Черкасского (в 1734 г.), бывшего главы «верховников» князя Д. М. Голицына (в 1736 г.), фаворитов Петра II князей Долгоруковых (в 1738 г.) и кабинет-министра А. П. Волынского (в 1740 г.) – были организованы четыре временные следственные комиссии.

Другой причиной благополучного – с точки зрения личной безопасности – царствования Анны Ивановны явилось ее искусное лавирование между группировками придворных, т. е. следование столь известной и в конце XX в. системе сдержек и противовесов. Два петровских полка были уравновешены двумя вновь созданными. Руководителем Канцелярии тайных розыскных дел являлся Ушаков, старый служака из русского дворянства. Гвардию и армию контролировали Миних (ольденбуржец), Левенвольде (лифляндец) и брат фаворита Г. Бирон (курляндец), но при этом большинство гвардейцев были русскими дворянами. Таким образом, отсутствовала монополия одной группировки на специальные государственные институты, царедворцы боролись друг с другом за благоволение государыни. Коллегию иностранных дел (и дипломатическую разведку) при Анне Ивановне курировали два человека: Г. И. Головкин и А. И. Остерман.

В это же время была проведена первая в российской истории военная кодификация, позволившая систематизировать основные на тот период военные профессии и специальности, сопоставить их с системой рангов, званий, функциональных обязанностей. Указы императрицы с немецкой точностью «разграфили» созданную Петром военную систему. Упорядочение затронуло и наиболее важные направления развития тех или иных родов войск, совершенствования частей и служб, что позитивно сказалось на руководстве и контроле за деятельностью этих структур. Намеченные направления впоследствии были с успехом, хотя и не без обычного для России запаздывания, реализованы.

После смерти Петра I и до восшествия на престол его племянницы полицейская служба практически не развивалась, так как все усилия близких к трону людей сводились к попыткам удержать власть. 23 апреля 1733 г. Анна Ивановна подписала указ «Об учреждении полиции в городах», согласно которому в крупных городах империи создавались полицейские управления. «Реестр губерний: Новгород, Киев, Воронеж, Астрахань, город Архангельский, Смоленск, Белгород, Казань, Нижний Новгород, Тобольск. Провинциальные: Псков, Вологда, Калуга, Тверь, Переславль Рязанский, Коломна, Кострома, Ярославль, Симбирск, Брянск, Орел. Да сверх вышеописанных в городах же Шлиссельбурге и в Ладоге»[217].

Управления возглавляли полицмейстеры в чине капитана – в губернских и поручика – в провинциальных городах. В штате городского управления состояли унтер-офицер, капрал, 8 (в губернских) или 6 (в уездных) нижних чинов, а также 2 канцеляриста. Денежное содержание выплачивалось за счет средств гарнизонов. Для оказания помощи полиции из горожан назначались сотские, пятидесятские, десятские и ночные караульщики. Эти преобразования способствовали развитию петровских начинаний и более плотному взаимодействию населения с полицейскими службами по поддержанию общественного порядка. Выделенные от горожан представители составляли ту низовую общественную прослойку, которая позволяла полиции действительно считаться народной и поддерживать порядок с помощью самого населения. Правда, ограничивалось это пока относительно крупными городами. В малых городах и в сельской местности подобных структур до поры не существовало, что затрудняло заблаговременное выявление и предупреждение «злонамеренных деяний» в отношении государя и его подданных.

Рассказывая о системе безопасности времен Анны Ивановны, нельзя не упомянуть о пристрастии самой императрицы к искусству стрельбы. Государыня была отменным стрелком и практиковалась ежедневно, стреляя на охоте и просто по мишеням, причем не только на пленэре, но и в манеже. В простенках царского дворца находились заряженные ружья, а во время поездок, по воспоминаниям современников, Анна Ивановна не расставалась с одним из своих великолепных штуцеров. Особое направление того времени – совершенствование личного стрелкового оружия императрицы и ее окружения. Отлично стреляя сама, императрица требовала того же и от придворных дам. Увлечение стрельбой для женщины, даже венценосной, в те годы явление довольно редкое. Но, в конце концов, страсть есть

страсть, и ее можно понять.

«Странное» увлечение имело, однако, и чисто практическое значение с точки зрения безопасности монаршей особы. Во-первых, Анна Ивановна смогла бы сама защитить себя в случае опасности. Во-вторых, ее меткая стрельба служила сильнейшим останавливающим фактором для возможного злоумышленника. В-третьих, давайте поразмыслим, обучая придворных дам искусству снайперской стрельбы, не создавала ли она тем самым особую группу телохранительниц? Прямых письменных доказательств этого предположения нет, но, как известно, государева безопасность – дело личное и крайне секретное, в том числе и от собственных приближенных. Но если вспомнить историю, документально подтвержденные традиции снайперской стрельбы в России в ближнем государевом круге берут начало еще от Ивана Грозного. Поэтому наше предположение логично и прагматически оправданно.

6 октября 1740 г. у Анны Ивановны произошел очередной и очень сильный приступ каменно-почечной болезни. Бирон, Миних и Остерман убедили императрицу подписать завещание в пользу Ивана Антоновича – сына Анны Леопольдовны, племянницы государыни. Поскольку ребенку было в то время всего несколько месяцев, регентом при малолетнем императоре назначался Бирон. 17 октября Анна Ивановна скончалась, а на следующее утро служилый люд принес присягу новому императору. Текст присяги и манифест почившей государыни о регентстве Бирона отпечатали за одну ночь.

Подобная торопливость фаворита объяснялась тем, что часть гвардии и чиновничества намеревалась передать регентство отцу Ивана Антону Ульриху Брауншвейгскому. Потенциальный мятеж Бирон подавил в самом зародыше. При безусловной поддержке Ушакова, всегда преданно служившего тому, кто находился у власти, 20 наиболее активных заговорщиков арестовали и допросили с пристрастием. Отца малолетнего государя уволили из армии и из гвардии «по собственному желанию». Анне Леопольдовне было сказано, что кроме ее сына есть более достойный претендент на российский престол – внук Петра I. Елизавете Петровне Бирон пообещал хорошее содержание, надеясь женить на ней своего сына. Однако опасность подстерегала Бирона с другой стороны, как говорится – пришла беда, откуда не ждали.

Фельдмаршал Миних, имевший личные неприязненные отношения с регентом, склонил Анну Леопольдовну на свою сторону и с ее согласия в ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. совершил дворцовый переворот. Со своим адъютантом Х. Г. Манштейном и

несколькими десятками преданных гвардейцев он арестовал Бирона. В некоторых документах упоминается, что заговорщики легко проникли в спальню регента потому, что слуги забыли закрыть задвижки на дверях. Может быть, забыли, а может быть, не закрыли осознанно, имея к тому специальные инструкции и личную мотивацию. Однако до спальни надо еще добраться, и сделать это было не так-то легко.

По нашему мнению, действия Миниха не были спонтанными. В ночь переворота царскую резиденцию (Зимний дворец) охраняли солдаты Преображенского полка, в котором он был генерал-поручиком. В карауле резиденции Бирона (Летний дворец) также стояли преображенцы, охрана имела право открывать огонь на поражение при приближении более чем двух человек. Около трех часов утра (!) Анна Леопольдовна собрала офицеров своей охраны, объявила о решении арестовать Бирона и благословила Миниха. Последний, взяв 30 гренадеров, направился к Летнему дворцу, в охране которого было не менее 300 (!) человек. У резиденции Бирона последовал обмен парламентерами, и после коротких переговоров караул открыл ворота дворца.

Манифест Ивана Антоновича был издан на следующий день после ареста всесильного фаворита. В манифесте Бирона объявляли расхитителем казны, оскорбителем родителей императора и нарушителем государственных устоев. Войска, собранные к Зимнему дворцу, присягнули «благоверной государыне правительнице, великой княгине всея Руси» Анне Леопольдовне без всяких колебаний.

Как мы видим, Миних учел многие факторы, обеспечившие ему успех. Во-первых, он действовал от имени матери государя, чье положение в глазах солдат было выше, чем положение Бирона. Во-вторых, в карауле стояли солдаты и офицеры, отношение которых к регенту являлось более чем прохладным. В-третьих, время «Ч» соответствовало всем рекомендациям по проведению подобных мероприятий. В-четвертых, была обеспечена соответствующая психологическая поддержка уже после свержения Бирона. Если все перечисленное списывать на удачу, то Миних, несомненно, один из самых удачливых руководителей политических специальных операций за всю историю России.

Однако весной 1741 г. опытный царедворец сам угодил в ловушку. Подав очередное прошение об отставке, он ожидал, что его вновь будут уговаривать остаться, но этого не произошло: Остерман убедил Анну Леопольдовну, что фельдмаршал становится опасным для царской семьи.

После отстранения Бирона от власти в рядах гвардии, особенно у преображенцев, стало формироваться недовольство правящей фамилией. Историки полагают, что это связано исключительно с ростом патриотических настроений в гвардии и борьбой против иноземного засилья при дворе. Это справедливо, но только отчасти. Все предыдущие государи проявляли особое внимание к гвардии, а Анна Леопольдовна ею пренебрегла, ни разу не появившись в гвардейских казармах.

Нельзя сказать, что «государыня правительница» не понимала неустойчивости своего политического положения. Канцелярия тайных розыскных дел, работая эффективно, имела информацию о настроениях в столичном гарнизоне. Ушаков неоднократно докладывал Анне Леопольдовне, что ее основной противник, на которого делают ставку оппоненты, – дочь Петра I Елизавета. «Возле дворца цесаревны учредили особый тайный пост – „безвестный караул“, при котором долгое время, „бессменно для присматривания“, находился урядник Щегловитов.

В январе 1741 г. на этом посту стояли аудитор Барановский и сержант Оберучев. Тем самым они исполняли именной указ правительницы Анны Леопольдовны, которая через гвардейского майора Альбрехта предписала Барановскому: „На том безвестном карауле имеет он смотреть во дворце <…> Елизавет Петровны: какия персоны мужеска и женска полу приезжают, також и ея высочество <…> куда изволит съезжать и как изволит возвращаться, о том бы повсядневно додавать записки по утрам ему, майору Альбрехту“, что тот и делал. Для этого Барановскому отвели специальную квартиру в соседнем с дворцом доме, из которой, по-видимому, и велось наблюдение за всеми посетителями дворца Елизаветы. Квартира-пост была строго засекречена, и о сохранении тайны ее помощника Барановского сержанта Оберучева предупреждали под страхом смерти. Утренние записки-отчеты шпионов сразу попадали к мужу правительницы, принцу Антону-Ульриху.

Брауншвейгскую фамилию, стоявшую тогда у власти, беспокоили в первую очередь тайные связи Елизаветы с гвардейцами, а также с французским послом маркизом Шетарди, о приезде которого к Елизавете предписывалось рапортовать немедленно по начальству. Позже, на следствии по делу Миниха в 1742 г., Оберучев показал, что „Альбрехт, бывало спрашивал, не ходят ли к государыне Преображенского полку гренодиры? И он, Оберучев, на то ответствовал, что не видно, когда б они ходили“. Из допроса еще одного шпиона – Щегловитого, видно, что Миних приказывал ему нанимать извозчиков и ездить по городу вслед за экипажем Елизаветы Петровны.

Когда весной 1741 г. возникла опасность сговора Елизаветы с Минихом, то и за домом фельдмаршала установили тайный надзор. По личному указу принца Антона-Ульриха секунд-майор Василий Чичерин с урядником и десятком гренадеров „не в солдатском платье, но в шубах и в серых кафтанах“ следили за домом Миниха. Они имели инструкцию (в верности которой их заставили присягнуть), „что ежели оный фельдмаршал граф Миних поедет из двора инкогнито, не в своем платье, то б его поймать и привесть во дворец“.

Из позднейшего допроса Чичерина на следствии 1742 г. видно, что гренадеры следили за домом Миниха по ночам и делали это посменно, и гренадеры к тому же показали, что сам Чичерин „за ними смотрел, чтоб они всегда ходили, и их бранивал, ежели не пойдут“. Чичерин возмущался не без основания: каждый гренадер-шпион получал за работу огромные тогда деньги – 20 рублей, а капрал – 40 рублей. По-видимому, власти внедрили „надежных людей“ (так это называлось в документах) и в число слуг цесаревны, с чем связан внезапный арест в 1735 г. регента хора цесаревны Петрова, причем у него сразу же забрали тексты подозрительных пьес, которые из Тайной канцелярии передали на экспертизу Феофану Прокоповичу»[218].

По совету кабинет-министра М. Головкина и обер-прокурора Сената И. Брылкина Анна Леопольдовна решила в день своего рождения, 7 декабря 1741 г. (ей исполнялось 23 года), объявить себя императрицей. Предполагалось также арестовать Елизавету Петровну. Любопытно, что сведения о подготовке переворота в пользу «дщери Петровой» поступали в окружение Анны не только от агентуры наружного наблюдения Канцелярии тайных розыскных дел, но и через Стокгольм и Лондон, где преследовали свои политические цели.

Еще весной 1741 г. лорд Гаррингтон направил в Петербург письмо, в котором сообщалось о решении секретной комиссии шведского сейма стянуть и усилить войска, расположенные в Финляндии. На это комиссию подвигло известие шведского посла в Петербурге Нолькена об образовании в России «партии», готовой с оружием в руках возвести на престол Елизавету Петровну. Нолькен утверждал, что план окончательно улажен между ним и агентами великой княжны при помощи французского посла маркиза И. Ж. де ла Шетарди и что переговоры с Елизаветой велись через состоявшего при ней француза-хирурга Г. Лестока.

Данное письмо объясняет оперативность русской армии в короткой войне со Швецией. 26 августа, менее чем через месяц после объявления войны шведами, русские войска под

руководством пяти иностранных генералов наголову разбили противника под Вильманстрандом.

Непонятно другое – по какой причине Анна не действовала столь же решительно по отношению к Елизавете, особенно если учесть, что в официальном английском послании речь шла о подрывных действиях против российской короны со стороны представителей иностранных государств. Кроме того, частые посещения Елизаветой гвардейских казарм не ускользнули от внимания Тайной канцелярии. Вполне вероятно, что правительница недооценила реальность угрозы, исходящей от «искры Петровой», но также возможно, что Елизавета сумела усыпить бдительность матери малолетнего государя при помощи дезинформации, суть которой заключалась в следующем.

В мемуарах большинства иностранных участников и очевидцев событий 1741 г. приводятся свидетельства «нерешительности» Елизаветы, которая постоянно уклонялась от дачи каких-либо письменных обещаний как шведам, так и французам. Таким образом, никаких документальных подтверждений участия Елизаветы в заговоре не имелось. Стиль поведения великой княжной был выбран своеобразный: она играла роль недалекой и распутной, по мнению двора, женщины, которую, кроме мужчин и веселья, ничто не интересовало. Поездки в гвардейские казармы непременно сопровождались кутежами и разного рода увеселениями. Гвардейцы любили Елизавету искренне, та отвечала им взаимностью и была крестной матерью отпрысков многих из них.

Наряду с этими предположениями у нас есть еще одна версия, объясняющая лояльное отношение правительства Анны Ивановны к Елизавете. Не была ли великая княжна участницей оперативной игры, которую вела со своими зарубежными коллегами русская секретная служба, решая не только политические, но и контрразведывательные задачи? Как известно из исторических источников, особым мягкосердечием по отношению к противникам трона А. И. Ушаков не отличался, но в отношении Елизаветы он вел себя более чем благожелательно. После коронации Елизаветы он не только не был подвергнут опале, но и сохранял свой пост до 1747 г. Таким образом, руководитель Тайной канцелярии вполне мог являться участником (одним из организаторов или сочувствующих) сложной политической игры, в которую были вовлечены Австрия, Британия, Швеция и Франция. Даже вмешательство противника Елизаветы Остермана, получившего в середине ноября секретную депешу из Силезии, гласившую, что заговор близится к завершению, не привело к аресту великой княжны, хотя 23 ноября

ее допросила лично правительница.

Допрос заставил Елизавету и ее сторонников из «русской» партии действовать решительно. В ночь с 24 на 25 ноября 1741 г. около 300 гренадеров Преображенского полка (среди них – ни одного офицера!) совершили стремительный марш, в результате которого Брауншвейгская фамилия была устранена с русского престола.

Бескровность переворота свидетельствует о его тщательной подготовке. Пароль для входа во дворец был известен заранее, караул сопротивления заговорщикам не оказал. А иностранцы, знавшие о заговоре, были неприятно удивлены стремительными действиями Елизаветы. Они говорили впоследствии, что переворот произошел без них.

Вступив на престол, Елизавета Петровна первым делом наградила преображенцев, чья гренадерская рота получила почетный титул лейб-кампании (т. е. состоящей непосредственно при монархе). Все рядовые не из дворян (а таких было свыше 80 процентов) были возведены в дворянское достоинство (пожизненно). Сержанты и капралы стали майорами и капитанами, а офицеры, даже не участвовавшие в перевороте, – генералами. Гвардейцы, и в первую очередь гренадеры из лейб-кампании, потребовали высылки из России всех иностранцев и расширения собственных привилегий. По сути, из бутылки был выпущен джинн. В 1742 г., будучи направлена в Финляндию, гвардия взбунтовалась. Бунт удалось подавить только решительными действиями генерала Н. А. Корфа, арестовавшего нескольких зачинщиков и приказавшего прилюдно их расстрелять.

Государыне отныне следовало опасаться не только сторонников свергнутой фамилии, но и своих «кумовьев», несмотря на то, что, став императрицей, она приняла звание полковника всех гвардейских полков. Но о своей собственной безопасности Елизавета заботилась тщательно.

Способности дочери Петра I в этой области оказались весьма высокими. С 1725 по 1741 г. она была в самом центре политических интриг при дворе четырех (!) государей и для каждого из них представляла реальную и несомненную (по современной терминологии) угрозу. Все ее предшественники в указанный период (особенно Анна Ивановна) осуществляли за великой княжной постоянный надзор, как гласный, так и негласный. В руках противников Елизаветы имелись эффективные инструменты лишения возможности занять российский престол: замужество, особенно вдали от России и без права возвращения в Отечество, опала и заточение в монастырь, «тихая» смерть.

Однако будущая императрица после смерти отца проживает в веселье и полном здравии 16 (!) лет и наконец благополучно – и лично (!) – совершает дворцовый переворот, который, по мнению большинства современников, произошел вследствие удачного стечения обстоятельств. Булгаковский Воланд произнес бы по этому поводу знаменитое: «Не верю!»

По нашему мнению, еще при жизни Петра Великого Елизавета стала объектом пристальной заботы российских спецслужб, вначале как любимая дочь императора, а затем как носительница и продолжательница его замыслов. Общеизвестно, что в семье у Петра были особые отношения с дочерьми Анной и Елизаветой. Ликвидация Тайной канцелярии при Екатерине I и Преображенского приказа при Петре II, несомненно, могла подтолкнуть часть сотрудников этих ведомств к сотрудничеству с Елизаветой, они могли составить костяк ее личной секретной службы. Мы уже упоминали о странном пренебрежении Ушакова информацией об участии великой княжны в заговоре против Ивана Антоновича. Возможно, что бесшабашное поведение при дворе было предложено ей кем-либо из сотрудников спецслужб: эта линия максимально соответствовала возрасту и характеру Елизаветы и являлась на тот момент наиболее безопасной. В 1735 г. жена английского резидента в Петербурге леди Рондо писала, что приветливость и кротость дочери Петра внушают любовь и уважение, на людях она весела, но высказанные в личной беседе разумные и основательные суждения заставляют думать, будто ее легкомысленное поведение – притворство.

Постоянные перемещения Елизаветы из одной резиденции в другую, мотивированные ее участием в охотах, балах и увеселениях, создавали серьезные трудности как для слежки, так и для организации покушений со стороны многочисленных недругов. При юной княжне постоянно находились молодые люди из петровских гвардейских полков, которых придворная молва, а затем и большинство историков считали ее «галантами». Мы позволим себе сделать предположение, что основной задачей этих офицеров и сержантов были отнюдь не только амурные похождения. Обожатели и воздыхатели, постоянно находящиеся при молодой особе и ищущие ее расположения, – идеальная маскировка для группы личных телохранителей. Недаром, как только кто-либо из них отправлялся в ссылку или отдаленный гарнизон, его место немедленно занимал очередной реальный или мнимый «любовник». После переезда княжны в Петербург ее двор отличался тем, что, проводя время в разного рода увеселениях, не подпускал к себе никого из непроверенных посторонних лиц.

Нам могут возразить: став императрицей, Елизавета продолжала вести прежний образ жизни. Этому есть объяснение: привычка и натура. Кроме того, система охраны продолжала функционировать на тех же принципах, только с привлечением большего количества сил и средств. Француз Ж. Л. Фавье, наблюдавший императрицу в конце жизни, писал о просвечивавших сквозь ее доброту и гуманность высокомерии, иногда жестокости и особенно подозрительности, о ее страхе перед утратой власти, об умении искусно притворяться. Мнения двух иностранных наблюдателей о способностях Елизаветы Петровны в лицедействе (и в юном, и в зрелом возрасте) совпадают.

После 1741 г. безопасность государыни в первую очередь обеспечивала Канцелярия тайных розыскных дел, до 1747 г. руководимая Ушаковым, а затем А. И. Шуваловым[219]. Секретарями канцелярии были Тихон Гуляев (в 1741–1743 гг.), некий Набоков (в 1743–1757 гг.) и С. И. Шешковский[220] (с 1757 г.). После смерти в 1742 г. С. А. Салтыкова Московскую контору тайных розыскных дел возглавил сам Ушаков. Затем руководство Московской конторой перешло к секретарю, которым стал приближенный Ушакова В. Казаринов (в 1743-м – после 1748 г.).

Об особой секретности при обеспечении безопасности императрицы свидетельствует тот факт, что практически никто из приближенных не знал, в какой комнате она будет ночевать в той или иной резиденции. Это подтверждает, в частности, художник А. Бенуа. После изучения планов Царскосельского дворца он пришел к выводу, что в нем отсутствовала опочивальня императрицы.

Усиление мер безопасности было предпринято после разоблачения и ареста в 1742 г. камер-лакея А. Турчанинова и прапорщика Преображенского полка П. Квашнина, готовивших ночное убийство Елизаветы. Тогда же был подготовлен маршрут срочной эвакуации государыни из Петербурга в Москву. Через каждые 20–30 верст имелись сменные лошади, расстояние преодолевалось за двое суток. С учетом состояния дорог того времени и езды в тяжелой карете средняя скорость в 30 километров в час впечатляет. Надо ли говорить о том, что все представители свергнутой Брауншвейгской фамилии находились под строжайшим надзором в местах «не столь отдаленных».

Однако Тайная канцелярия была не только органом политического сыска, но выполняла и контрразведывательные задачи. В 1745 г. лейб-медик Елизаветы Г. Лесток, долгое время облеченный личным доверием государыни, один из ее

ближайших советников, имевший прямой доступ в покои императрицы, был разоблачен как агент французской, прусской и британской разведок. В 1748 г. его отправили в ссылку сначала в Углич, а затем в Великий Устюг.

Следствие по делу Лестока велось в Канцелярии тайных розыскных дел и было не единственным. В 1756 г. императрица поручила Шувалову и Воронцову[221] расследовать дело о подозреваемых в «шпионстве» французском миссионере Валькруассане и бароне Будберге. В 1761 г. в Тайную канцелярию было передано дело по подозрению генерала Тотлебена (саксонского уроженца) в «сношениях» с пруссаками. В январе 1762 г. велось большое дело о «шпионстве» в русских войсках в Пруссии.

Коллегия иностранных дел под руководством А. П. Бестужева-Рюмина[222], а затем М. И. Воронцова во времена Елизаветы Петровны обеспечивала сбор разведывательной информации и параллельно с Тайной канцелярией занималась борьбой с иностранным шпионажем, в том числе и внешней контрразведкой европейских дворов. Из Варшавы политическую информацию сообщали коронный канцлер граф Я. Малаховский и другие влиятельные польские магнаты. В Османской империи российскими агентами были сразу несколько чиновников, в том числе помощники реис-эфенди (министра иностранных дел). Бестужеву-Рюмину удалось добиться высылки из России французского посланника Шетарди, агентов прусского короля Фридриха – принцессы А. Е. Ангальт-Цербстской и Брюмера, а также запрещения (еще до ареста) Лестоку вмешиваться в иностранные дела.

Для тайного вскрытия и копирования корреспонденции, представлявшей интерес для российских секретных служб, канцлер Бестужев-Рюмин создал службу перлюстрации – знаменитые «черные кабинеты». Информация, полученная путем перехвата письменных посланий, позволяла российскому двору более адекватно строить внешнюю и оборонную политику, выявлять, предупреждать и пресекать угрозы безопасности государыни. Попутно заметим, что перехват и перлюстрация корреспонденции, в том числе и дипломатической, практиковались во всех (!) государствах того времени. Древняя мудрость гласит: «Кто предупрежден – тот вооружен». До настоящего времени перехват и расшифровка конфиденциальной информации осуществляются с применением самых современных технологий и составляют один из ключевых элементов секретных мероприятий.

В правление Елизаветы Петровны серьезное внимание

уделялось развитию криптографии. Создание новейших шифров в середине XVIII в. обусловлено начавшейся Семилетней войной[223]. Своими успехами российская криптография тех лет обязана математику Х. Гольдбаху. Именно он сумел раскрыть шифры французского посла маркиза Шетарди. Опыт, приобретенный Гольдбахом, позволял ему раскрывать чужую «цыфирь» в течение двух недель. «Цыфирные азбуки» включали в себя свыше 1000 величин; секретные послания практически полностью стали шифровать с помощью цифр. Словарь шифров включал не только буквы, но и слоги, географические названия, имена, даты. Для усложнения дешифровки были введены особые знаки, так называемые пустышки, не несшие смысловой нагрузки. Пустышки усложняли работу дешифровальщиков противника, а посвященные люди предупреждались об их наличии специальными символами, обозначавшими границы не несших нагрузки знаков.

В начале царствования Елизаветы Петровны произошло событие, сыгравшее значительную роль в истории сыскного дела. Известный вор и разбойник Ванька Каин, добровольно сдавшись властям, предложил свои услуги в розыске и задержании уголовных преступников и беглых. Для проверки заманчивого предложения выделили специальную команду из солдат и полицейских чиновников. Деятельность нового подразделения оказалась настолько эффективной, что о его успехах узнали в Сенате: Ваньку простили и определили доносителем Сенатского приказа. Несколько лет его команда очищала Москву от воров и разбойников – соответственно, росло благосостояние бывшего преступника. В ущерб службе он предался сребролюбию и попустительству; итог закономерен: арест, приговор, каторга.

Метод привлечения бывших преступников для поимки других преступников был оценен и вошел в арсеналы спецслужб. Во Франции в начале XIX в. одно из подразделений криминальной полиции возглавил бывший каторжник Э.-Ф. Видок, ставший одним из основателей криминалистики. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. подобная тактика применялась при ликвидации боевых подпольных групп в Западной Украине. Лидеры среднего звена УПА – ОУН, зарабатывая прощение властей, «сдавали» бывших соратников и принимали личное участие в ликвидации особо опасных боевиков.

По повелению Елизаветы Петровны был принят новый Устав воинский 1755 г., заменивший петровский Устав 1715 г. Инициатором принятия Устава явился президент Военной коллегии П. И. Шувалов. «Вводя в армии пруссачину, Шувалов отдавал лишь дань общему для всей тогдашней Европы

преклонению перед Фридрихом II, доведшим автоматическую выучку своих войск до крайней степени совершенства и превратившим свои батальоны в „машины для стрельбы“»[224]. Следует особо отметить, что знаменитое огневое превосходство прусской пехоты было основано на технологии стрельбы в 30 темпов (команд). Однако Устав 1755 г. в части огневой подготовки русской пехоты оказался не востребованным до конца и на практике изучался слабо. Так, несмотря на победы русских войск при Грос-Егерсдорфе и Цорндорфе, потери были не в нашу пользу – 3: 2 и 2: 1 соответственно.

Противником войны с Пруссией был великий князь Петр Федорович, появление которого в России и объявление его наследником престола имеют прямое отношение к безопасности императрицы. Напомним, что его мать Анна Петровна – старшая сестра Елизаветы Петровны, выйдя замуж за Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, отказалась от трона за себя и свое потомство. Однако Елизавета понимала: став совершеннолетним, племянник вполне может в качестве внука Петра Великого предъявить права на российскую корону. Проживая за границей, он мог стать орудием в руках европейских монархий и представлял серьезную угрозу для Елизаветы Петровны. В начале 1742 г. по требованию императрицы 14-летнего Карла Петра Ульриха доставили в Петербург, где он, приняв православие, был наречен великим князем Петром Федоровичем и официально объявлен наследником престола. Этим решением императрица превращала самого опасного потенциального конкурента в союзника. Кроме того, она получила возможность контролировать племянника с помощью доверенных лиц, находившихся в его окружении.

В августе 1745 г. венценосная тетка женила племянника на немецкой принцессе Софии Фредерике Августе – дочери князя Христиана Августа Ангальт-Цербстского, состоявшего на военной службе у прусского короля Фридриха II. Приняв православие, принцесса София (Софья) стала именоваться великой княжной Екатериной Алексеевной. Нельзя не отметить, что неприязненные отношения между наследником престола и его супругой установились в первый же год семейной жизни. Именно личную неприязнь Екатерины к мужу, ее честолюбие, искусно подогреваемое окружением, следует считать одной из причин последующего отстранения Петра Федоровича от власти. Будущий император в силу солдафонского воспитания в юном возрасте собственным поведением превратил жену из соратницы в конкурента. При жизни Елизаветы опасности для ее племянника не существовало: императрица контролировала Екатерину не

менее тщательно, чем Петра. Приближенные великой княжны, заподозренные Тайной розыскных дел канцелярией в интригах против государыни, немедленно подвергались опале. Так, в 1758 г. потерял пост канцлер Бестужев, а Екатерина была подвергнута допросу лично Елизаветой в присутствии ее мужа и А. И. Шувалова.

В отличие от Анны Леопольдовны, Елизавета Петровна в тревожной ситуации действовала решительно и быстро. Сторонники Екатерины были отправлены в ссылку или высланы из страны, сама великая княжна заключена под домашний арест. Видя слабые способности племянника к управлению государством, Елизавета решила назначить наследником престола своего внука Павла, а регентом при нем – одного из братьев Шуваловых. И только воля Екатерины, выраженная в словах «я буду царствовать или погибну», а также удачно проведенная оперативная комбинация с ее мнимым отъездом на родину позволили великой княжне через год (!) вернуть расположение государыни. Однако это не означало, что императрица перестала ее контролировать. Усилению контроля способствовал и тот факт, что Россия вела войну с Пруссией, а Елизавета никогда не забывала, что мать Екатерины – княгиня Августа Елизавета – имела конфиденциальные поручения от Фридриха II. Так или иначе, но до конца своих дней Елизавета Петровна была избавлена от серьезных покушений на ее царственную особу. 25 декабря 1761 г. императрица скончалась, императором стал ее племянник Петр III.

Петр III. Портрет XVIII в.

Его деятельность после восшествия на престол вызвала сильное неудовольствие петербургской знати. Одним из первых решений императора стало прекращение войны с Пруссией и вывод русских войск из Берлина, который за три дня до того был ими взят. Это вызвало ненависть практически всех гвардейских офицеров. Решение государя логично вытекало из его отношения к участию России в Семилетней войне. История подтвердила, что Петр III правильно понимал, кто должен быть нашим союзником: с 1762 г. и до 1914 г. ни одного военного конфликта между Пруссией и Россией не было, а интересы России в Восточной

Пруссии были надежно защищены. Император не вывел из Восточной Пруссии русские войска и приказал направить к ее берегам кронштадтскую эскадру для прикрытия российских торговых судов. На действиях Франции и Австрии против России мы подробнее остановимся в дальнейшем.

Отношение государя к елизаветинским гвардейцам можно охарактеризовать как крайне негативное. Будучи наследником престола, он называл их «янычарами». Еще в походах Миниха гвардия участвовала в половинном составе – один батальон из полка, а в Семилетней войне вообще не участвовала (!). Петр III распустил лейб-кампанию – гвардейскую гренадерскую роту, единственная «военная» заслуга которой – участие в возведении на престол Елизаветы Петровны; гвардейским офицерам он приказал явиться в полки, чтобы исполнять свои служебные обязанности и лично проводить строевые учения. Император не скрывал намерения упразднить гвардейские полки, а для начала собирался послать их воевать с Данией, чтобы отобрать у нее Шлезвиг в пользу Гольштинии. Военные начинания Петра III вызвали в гвардии недовольство, ставшее основой для формирования заговора. Впоследствии для оправдания действий Екатерины по свержению венценосного супруга была придумана версия о слепом преклонении Петра III перед Фридрихом II. Свергнутому императору приписали то, чего он не делал, в частности введение прусских военных уставов. Но, по сути, он потребовал от своих войск только одного – строгого соблюдения Устава, принятого его тетушкой, причем на личном примере: государь ежедневно в 11 часов проводил вахтпарад – развод дворцового караула.

Еще одним сословием, крайне недовольным реформами Петра III, было духовенство. Объявив о свободе вероисповедания, он запретил церковный надзор за личной жизнью. Указ от 29 января 1762 г. прекращал преследование старообрядцев. Последовавший за ним манифест от 28 февраля объявлял амнистию бежавшим за рубеж раскольникам, купцам, помещичьим крестьянам, дворовым людям, дезертирам и проч. Им разрешалось вернуться в Россию до 1 января 1763 г. без «всякой боязни и страха». Указом от 21 марта 1762 г. монастырские имения были подчинены гражданским коллегиям, монастырские крестьяне переводились в ведение государства, им отдавались в вечное пользование пахотные земли монастырей. Для содержания духовенства царь назначил «собственное жалование». Таким образом, Церковь лишалась собственности и даровой рабочей силы.

Манифест от 18 февраля 1762 г. «О вольности дворянской»

подробно регламентировал все стороны жизни дворян. Обязательная военная служба отменялась, но тем, кто находился на военной службе, разрешалось выходить в отставку только в мирное время. На службу за рубежом дозволялось поступать исключительно к союзникам, с обязательством вернуться в Россию по первому требованию. По достижении дворянским сыном 12 лет родители были обязаны письменно отчитаться: чему их сын обучен, желает ли учиться дальше и где. Родителей, которые не хотели обучать своих детей, предлагалось рассматривать «как нерадивых о добре общем» и презирать всем «верноподданным и истинным сынам Отечества». Им запрещалось появляться при дворе, участвовать в публичных собраниях и торжествах. Менее обеспеченные дворяне могли определять своих детей на учебу в Кадетский корпус, находившийся под патронажем императора.

Большим ударом для российской знати стал указ о «бессребрености службы», запретивший преподносить чиновникам подарки в виде крестьянских душ и государственных земель. Знаками поощрения могли быть только ордена и медали.

Деятельность Петра III в социально-политической области не менее значительна: введение гласного суда, ограничение личной зависимости крестьян, повышение роли купечества в обществе. Большую роль в реформах играли пользовавшиеся его доверием секретарь Д. В. Волков[225], генерал-прокурор Сената А. И. Глебов[226], директор Кадетского корпуса А. П. Мельгунов.

Однако император совершил немало ошибок, одна из которых явилась для него роковой. Речь идет о ликвидации Канцелярии тайных розыскных дел – секретной политической полиции Российской империи, которая за 37 лет своего существования стала символом государственной власти. Служители «слова и дела» внушали страх представителям всех сословий. Постепенно распространялась информация о пытках, применявшихся при допросах арестованных, русское общество стало отождествлять канцелярию с инквизицией. Возможно, по этим причинам 21 февраля 1762 г. эта секретная служба была ликвидирована.

Обоснование формулировалось следующим образом: «Ненавистное выражение, а именно „слово и дело“ не долженствует отныне значить ничего, и мы запрещаем употреблять оного никому, о сем, кто отныне оное употребит, в пьянстве или в драке или избегая побоев и наказания, таковых тотчас наказывать так, как в полиции наказываются озорники и бесчестники»[227]. Если принять за основу предположение, что политическая полиция была ликвидирована из-за желания

императора устранить ложные доносы и пытки, то наряду с введением гласного суда такое его стремление является весьма демократичным. Однако для ликвидации Канцелярии тайных розыскных дел у Петра III имелась еще одна причина. Как мы уже упоминали, канцелярия занималась не только политическим сыском, но и контрразведкой, в том числе против Пруссии. Поэтому нельзя исключить, что решение о ее упразднении принято и из желания угодить Фридриху II.

И все же в любом случае ликвидация политической полиции как института защиты основ государственности (говоря современным языком – конституционного строя) без создания других защитных механизмов недопустима. Одним росчерком пера император лишил себя структуры выявления, предупреждения и пресечения попыток отстранения законного государя от власти – структуры, которая способна добывать необходимую информацию и использовать ее для устранения угрозы на ранних стадиях с минимальными людскими и материальными затратами и потерями.

Можно предположить, что император имел намерение создать собственную секретную службу взамен Канцелярии тайных розыскных дел. На это косвенно указывает пункт 10 манифеста от 21 февраля. В нем указывается, «чтобы каждый, кто имеет нам донести о деле важном, справедливом и действительно до упомянутых двух пунктов принадлежащем, приходил без всякого опасения к нашим генерал-поручикам Льву Нарышкину и Алексею Мельгунову, да тайному секретарю Дмитрию Волкову, кои для того монаршей нашей доверенностью удостоены и кои нам обо всем верное донесение чинить долженствуют; именно и точно нашим императорским словом через сие объявляя, что за справедливый донос всегда учинено будет, смотря по важности дела, достойное награждение…»[228]. Но это намерение реализовано не было. Мы предполагаем, что в ликвидации канцелярии без создания другой спецслужбы были заинтересованы политические противники Петра III.

Проанализировав реформы императора, толковые аналитики секретной службы (а такие в России были всегда) с большой долей вероятности могли бы определить круг недовольных. Затем следовало провести оперативную разработку отдельных лиц из этого круга для установления доказательств антигосударственной деятельности, после чего поручить работу по аресту заговорщиков либо оперативным работникам и судейским чиновникам, либо преданным государю силовым подразделениям. Подобные подразделения в распоряжении Петра III имелись. В 1755 г. еще наследником престола он начал

создавать собственную гвардию, костяк которой первоначально составляли выходцы из Гольштинии. К 1762 г. ее общая численность не превышала 3500 человек, из них около 2000 было собственно гольштинцев, около 1500 – пруссаков, гессенцев, лифляндцев, шведов и украинцев. Гвардия, имевшая на вооружении около 30 орудий, дислоцировалась в Ораниенбауме.

Верные люди из окружения императора не раз указывали ему на подозрительную активность его супруги и даже внедрили в окружение заговорщиков С. Перфильева, но Петр III на предупреждения не реагировал. В частности, Фридриху II он писал, что солдаты зовут его отцом и не будут повиноваться женщине, что он гуляет один пешком по улицам Петербурга. Эти слова как нельзя лучше раскрывают характер императора, уповавшего более на Бога, чем на своих подданных. Возможно, Петр отчасти понимал исходившую от жены угрозу. Некоторые современники упоминают о его намерении развестись с Екатериной и жениться на Е. Воронцовой, якобы он хотел объявить об этом после празднования своего тезоименитства 28 июня 1762 г.

А тем временем Екатерина, имевшая ставку в Петергофе, активно собирала сторонников, особенно из числа гвардейских офицеров. Позднее она писала, что русская корона ей нравилась больше, нежели «особа» мужа. Как показано выше, Екатерина вела политические интриги еще при Елизавете. Так, в 1756 г. в письме к своему политическому советнику английскому посланнику Ч. Уильямсу она рассказала, как будет действовать, если Шуваловы в случае внезапной смерти Елизаветы предпримут попытку отстранить ее с мужем от власти в пользу Павла Петровича.

К лету 1762 г. в заговоре против императора состояли: граф Н. Панин – действительный тайный советник, камергер, сенатор, воспитатель царевича Павла; граф П. Панин – генерал-аншеф, герой Семилетней войны; княгиня Е. Дашкова (в девичестве Воронцова) – ближайшая подруга и компаньонка Екатерины; князь М. Дашков – один из лидеров петербургской масонской организации; князь М. Волконский – дипломат и полководец Семилетней войны. Особо ценными для заговорщиков были начальник петербургской полиции барон М. Корф и шеф Измайловского полка граф К. Разумовский, а также офицеры лейб-гвардии во главе с братьями Орловыми. По мнению ряда историков, к заговору были причастны и влиятельные масонские круги, которых в окружении Екатерины представлял таинственный «господин Одар». По мнению очевидца событий датского посланника А. Шумахера, под этим именем скрывался граф Сен-Жермен.

А. Г. Орлов и Г. Г. Орлов. С портрета Ж. Л. Девельи

Скорее всего, заговорщики имели информацию о намерении Петра развестись с супругой после 28 июня и также готовились к этой дате. Подтверждением сказанному может служить тот факт, что 26 июня участвовавшие в заговоре офицеры-гвардейцы стали спаивать солдат столичного гарнизона. На занятые Екатериной у английского купца Фельтена деньги (мотивация – покупка драгоценностей) было закуплено более 35 000 ведер водки. Этим примитивным, но весьма эффективным способом не участвовавшие в заговоре полки «выбивались» из игры, поскольку теряли способность к сопротивлению заговорщикам. К сожалению, и в настоящее время алкоголь является одним из наиболее опасных противников солдата. Каждый, кто участвовал в боевых действиях или специальных операциях, может привести примеры гибели тех, кто польстился на выпивку.

Однако заговорщики не ограничивались раздачей водки. Они использовали намерение императора развестись с Екатериной в своих целях: распускали слухи, что Петр решил заточить жену в Шлиссельбургскую крепость или убить. К этому добавлялось следующее: государь решил переженить гольштинцев и пруссаков с придворными дамами, православных священников заставят носить платье лютеранских пасторов, начнут брить им бороды и

т. п. В XX в. Й. Геббельс сформулировал подобную методику в одной фразе: «Ложь, для того чтобы в нее поверили, должна быть чудовищной». Следует отметить, что подобные мероприятия имели успех в среде петербургского дворянства и духовенства.

Однако 27 июня план заговорщиков чуть было не сорвался. Один из участвовавших в заговоре преображенцев сболтнул лишнее постороннему офицеру. В результате капитан-поручик П. Пассек был арестован. Но отсутствие полноценной государевой секретной службы и, возможно, саботаж со стороны генерал-полицмейстера М. М. Корфа привели к тому, что эту важнейшую информацию императору не передали. Понимая, что заговор может быть раскрыт, его участники действовали решительно. Утром 28 июня Екатерина покинула Петергоф и направилась в столицу, где солдаты гвардейских полков принесли ей присягу как императрице Екатерине Алексеевне. Однако даже в гвардии единодушной поддержки мятежники не получили: измайловцы и семеновцы перешли на сторону Екатерины, а преображенцы колебались и кричали, что умрут за Петра. Только после ареста ряда преображенских офицеров (С. Р. Воронцова, П. И. Измайлова, П. П. Воейкова и др.) полк перешел на сторону бунтовщиков.

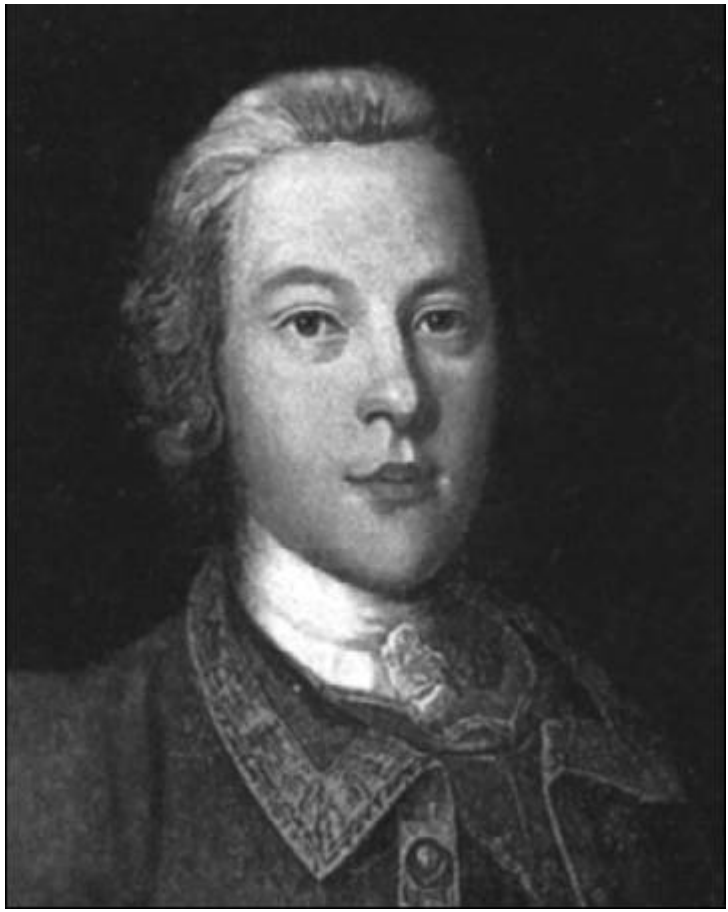
Мятеж застал Петра III в Петергофе, куда к середине дня с сообщением о событиях в столице прибыл генерал-поручик М. Измайлов. Гольштинские гвардейцы заявили государю, что будут защищать его до самой смерти, но Петр, морально не готовый к подавлению мятежа, колебался и отдавал противоречившие друг другу приказы.

По нашему мнению, одним из оптимальных вариантов для него являлась экстренная эвакуация в Лифляндию и Восточную Пруссию, к месту квартирования действующей армии под командованием преданного Петру генерала П. А. Румянцева[229]. Даже не имея заранее отработанных маршрутов эвакуации, под защитой сохранивших верность кавалерийских подразделений отступление к армии было мероприятием вполне выполнимым. Для заслона от возможного преследования следовало использовать пехотные и артиллерийские части гольштинцев, поручив командование ими фельдмаршалу Миниху, отправленному в ссылку Елизаветой (на 20 лет!) и возвращенному Петром III. Позже в ответ на вопрос Екатерины Миних признался, что готов был пожертвовать жизнью за монарха, вернувшего ему свободу.

Некоторые авторы указывают еще на два варианта действий: двинуться на Петербург или укрыться в Кронштадте. Первый вариант мог иметь шансы на успех только в том случае, если бы

император получил поддержку армейских полков столичного гарнизона, но они оказались выведены из игры «Ивашкой Хмельницким» (алкоголем). Кроме того, Екатерина с гвардией в 10 часов выступила в Петергоф, так что встреча противоборствующих сторон произошла бы в полевых условиях, при значительном (3: 1) численном перевесе мятежников, которым терять было нечего.

Граф Н. И. Панин. Портрет работы XVIII в.



Граф П. И. Панин. Портрет работы XVIII в.

Эвакуация в Кронштадт имела тот недостаток, что у императора отсутствовали суда для переброски (одновременно с ним) гольштинской гвардии на о. Котлин. Еще один важный момент – сторонники императора не располагали информацией о настроениях в гарнизонах Петербурга и Кронштадта. Не следует забывать, что столичное дворянство и духовенство в большинстве своем поддерживали Екатерину. На наш взгляд, эвакуацию Петра III в действующую армию, с учетом отрицательного отношения армейских офицеров к гвардии, следует считать более предпочтительной, чем указанные варианты.

Таким образом, время и возможности для организации эвакуации у Петра III были, не было главного – воли монарха к сопротивлению. Утром 29 июня он был арестован и подписал заранее составленный манифест об отречении от престола. Фридрих II оценил действия заговорщиков как «безумные», а заговор как «плохо составленный»; он считал, что российского монарха погубил недостаток мужества. Низложенного Петра III

отправили в Ропшу под тщательное наблюдение екатерининских гвардейцев и 7 июля 1762 г. задушили. Официально было объявлено, что император скончался «от геморроидальных колик». По отношению к конкурентам в борьбе за престол Екатерина предпочитала действовать по принципу: «Нет человека – нет проблемы». Она придерживалась убеждения, что политика редко подчиняется нравственным законам.

Первейшей задачей Екатерины Алексеевны после восшествия на престол было убедить подданных в том, что целью переворота являлось избавление государства от «ничтожества» и «солдафона». Если в Петербурге свержение Петра III восприняли достаточно благосклонно, то в Москве и провинции дело обстояло иначе. Очевидец переворота секретарь французского посланника К. Рюльер свидетельствовал, что в старой столице при оглашении манифеста о воцарении Екатерины в солдатских рядах говорилось, что гвардия располагает престолом по своей воле. Однако помощники Екатерины знали свое дело. Успешное формирование негативного мнения о Петре III достигалось различными методами, в основном устной пропагандой и письменными «свидетельствами» очевидцев. Одновременно усилили контроль над распространением позитивной информации о свергнутом императоре. Любое лицо, уличенное в симпатиях к Петру, в скором времени оказывалось под арестом. Гольштинскую гвардию расформировали, около 1800 человек отправили на родину, около 1300 уволили либо приняли на русскую службу.

Как и в начале правления Елизаветы, гвардейцы, совершившие переворот, могли стать серьезной угрозой для безопасности императрицы. Екатерина это прекрасно понимала. Осенью 1762 г. в письме к С. Понятовскому[230] она писала о необходимости вести себя весьма осторожно. Основным назначением гвардейских полков стали охрана престола и отчасти подготовка офицеров для армии, однако эта подготовка оставляла желать лучшего. Керсновский справедливо указывал: «Недоросли из дворян <…> писались в гвардию в раннем детстве, зачастую от рождения. <…> Производство их в унтер-офицерское звание и первый офицерский чин шло заочно, „за выслугу лет“, – и очень многие „уходили в отставку“, так и не увидев своего полка! Те же, кто являлся в полки, несли легкую и приятную службу. <…> Когда им приходила очередь заступать в караулы, слуги несли их ружья и амуницию. Службу за них отправляли гвардейские солдаты, взятые по набору (сдаточные) и служившие без всяких поблажек»[231].

Как часто подобная ситуация повторялась в истории России:

осыпанные милостями «придворные подразделения» медленно, но верно разлагались. Не участвуя в сражениях, они утрачивали боевые традиции; офицерский состав не занимался боевой подготовкой и воспитанием солдат; сводилось на нет чувство товарищества. Зато кичливость и чванство достигали неимоверных размеров. Именно здесь лежат корни «дедовщины», с одной стороны, и ничем не оправданные потери в первых боях – с другой. Можно утверждать, что с государственной точки зрения боеспособность любого подразделения определяется как заботой о «человеке с ружьем», так и постоянным контролем за состоянием военных коллективов.

Не имея реальной возможности контролировать гвардию в начале царствования, Екатерина II стала создавать собственные специальные институты. Манифестом от 19 октября 1762 г. она подтвердила решение свергнутого мужа о ликвидации Тайных розыскных дел канцелярии. Однако, хорошо понимая значение секретной политической полиции, императрица передала расследование дел по важнейшим государственным преступлениям в ведение Сената, спрятав в его респектабельных стенах Тайную экспедицию.

Уже 2 октября генерал-прокурор Сената А. И. Глебов получил от государыни указание рассматривать дела о государственных преступлениях вместе с тайным советником Н. И. Паниным[232]. Тайная экспедиция, как и ее предшественники, объединяла политический сыск и контрразведку. Поручив контроль над Тайной экспедицией двум высшим чиновникам, императрица получила возможность контролировать обоих. Глебова в 1764 г. сменил генерал-прокурор А. А. Вяземский[233]. Основной фигурой в Тайной экспедиции являлся обер-секретарь С. И. Шешковский, остававшийся на этом посту до 1792 г. Агентурно-наблюдательной сетью в Петербурге заведовал генерал-полицмейстер В. Чичерин.

Екатерина II. Портрет последней трети XVIII в.

Московское отделение Тайной канцелярии подчинялось московскому главнокомандующему: вначале генерал-фельдмаршалу П. С. Салтыкову (в 1763–1771 гг.), затем генерал-аншефу М. Н. Волконскому (в 1771–1780 гг.), а еще позже – генерал-аншефу А. А. Прозоровскому (в 1790–1795 гг.). Агентурно-наблюдательной сетью в Москве заведовал обер-

полицмейстер Н. Архаров. Екатерина II сохранила также практику формирования временных следственных комиссий для рассмотрения особо опасных государственных преступлений. В помощь комиссиям придавались сотрудники Тайной экспедиции. Вскоре после смерти Петра III императрица посетила Шлиссельбург, где находился в заключении свергнутый Елизаветой Иван Антонович. Ознакомившись с содержанием царственного узника, она дала секретную инструкцию караульным офицерам, в случае попытки освобождения обязав арестанта «умертвить». Когда в июле 1764 г. поручик Смоленского пехотного полка В. Я. Мирович предпринял попытку освободить «законного государя», Иван Антонович был убит офицерами охраны, выполнившими личный приказ государыни. Мы полагаем, что «неудачная» попытка освобождения вполне могла быть организована по инициативе самой императрицы. Екатерина II запретила пытать Мировича и привлекать к следствию его брата, что противоречит следственной практике тех лет. Таким образом, «заговор» Мировича скорее всего – одна из первых успешных спецопераций новой секретной службы Ее Величества. (Судьба самого Мировича была печальной: он был осужден Сенатом и казнен.)

В 1769 г. по доносу А. Постниковой властям стало известно о намерении офицеров Преображенского полка Афанасьева, Жилина, Озерова и Попова свергнуть Екатерину II и провозгласить императором Павла Петровича. Следственную комиссию возглавил Никита Панин, в нее вошли генерал-прокурор Сената А. Вяземский, генерал-полицмейстер Петербурга В. Чичерин и кабинет-секретарь И. П. Елагин. Расследование установило виновность офицеров, которые были лишены всех чинов, званий и дворянства. Часть из них приговорили к пожизненному заключению в крепости, часть сослали в Нерчинск и на Камчатку. В 1772 г. в Тайной экспедиции велось следствие по делу капралов Преображенского полка Оловянникова, Подгорого, Чуфаровского, подпоручика Тобольского полка Селехова и группы солдат, которые хотели убить Екатерину II и короновать ее сына. Императрица внимательно следила за ходом следствия и дала Вяземскому указание «гвардию вычистить и корень зла истребить». Всех заговорщиков «навечно» отправили в Нерчинскую каторгу.

Н. И. Панин не только контролировал Тайную экспедицию, но и являлся руководителем Коллегии иностранных дел, также он заведовал дипломатией и внешней разведкой. По сути, он действовал в соответствии с правилами того времени: «Дипломат XVIII века <…> был вправе вербовать себе открытых

сторонников и тайных осведомителей, осуществлять подкуп официальных лиц, что вообще было в порядке вещей»[234]. Поскольку он считался признанным мастером конспирации и тайных межгосударственных интриг, государыня всегда внимательно прислушивалась к его советам.

Денег на организацию агентурных сетей (в том числе агентов влияния) не жалели. Только в Польшу в 1763 г. было направлено более одного миллиона рублей. Но если надо, то действовали и силовыми методами, причем быстро и решительно. В октябре 1767 г. (защита диссидентов) в одну ночь были захвачены и отправлены в Россию вожаки католической оппозиции: епископы Солтык, Залусский и гетман Ржевусский с сыном.

Ожесточенное противодействие русской разведке в Польше оказывали не столько поляки, сколько Турция и Франция, заинтересованные в ослаблении России. Столкновение интересов привело к русско-турецкой войне 1768 г. и к разделу Польши в 1772 г. между Австрией, Пруссией и Россией.

Панин уделял большое внимание обеспечению секретности при переписке посольств и резидентур со столицей. При переписке следовало пользоваться не одним, а несколькими шифрами. Особое внимание надлежало уделять указанию, какой именно «цыфирью» зашифрована корреспонденция. Не меньшее внимание отводилось дешифровке переписки иностранных посланников в России с их монархами. «Черные кабинеты», вскрывавшие, копировавшие и дешифровавшие корреспонденцию, работали при Екатерине II эффективно. К чести императрицы следует сказать, что сама она относилась к сохранению тайны конфиденциальной информации очень серьезно. Она лично составляла и запечатывала депеши и, чтобы сохранить в секрете их содержание, ни с кем не держала совета.

В отличие от гвардии в действующей армии происходили позитивные изменения. В конце Семилетней войны по инициативе П. А. Румянцева в ее составе был создан батальон легкой пехоты, предназначенный для действий на флангах и в засадах. В 1764 г. в Финляндской дивизии (военном округе) П. И. Панин, брат Н. И. Панина, сформировал опытный егерский батальон, боевая подготовка и тактика которого строились с учетом действий на сильно пересеченной местности. Инициативу боевых генералов поддержала Екатерина II. Опыт оказался удачным, и в 1765 г. был сформирован Егерский корпус, разделенный на отдельные команды (современные роты), каждая численностью 66 человек при одном офицере, приданные 25 пехотным полкам. Слово «егерь» (от нем. *Jager* – охотник) удачно отражает тактику легкой пехоты: выследить добычу, скрытно

подойти на расстояние прицельного выстрела и поразить цель с первого выстрела. Отметим, что большинство прославивших русское оружие на рубеже XVIII–XIX вв. военачальников (А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. И. Багратион и др.) в разное время командовали егерями. Не исключено, что овладение егерской тактикой, предполагавшей самостоятельность мышления, инициативу и отход от шаблонов банального военного устава, стало основой их полководческого искусства.

Специфика боевых действий егерей диктовала особые условия комплектования и подготовки: в егеря отбирали кандидатов ростом не выше пяти аршин двух вершков (165 см), но самых лучших, проворных и здоровых. Упор в обучении делался на индивидуальную подготовку, развитие умения действовать самостоятельно в рассыпном строю на флангах и в тылу противника, точную прицельную стрельбу. В 1777 г. егерские команды пехотных полков были сведены в 6 отдельных батальонов, в 1785 г. батальоны развернуты в егерские корпуса 4-батальонного состава (10 к 1795 г.). Мы полагаем, что егеря выполняли определенную внутреннюю функцию и формировались как противовес гвардии. Их возглавляли преданные императрице генералы и офицеры, как правило, далекие от придворных интриг; боевая подготовка егерей была на несколько порядков выше, чем гвардейцев.

В 1775 г. сформированы Донская и Чугуевская казачьи команды и лейб-гусарский эскадрон, образовавшие Собственный Ее Величества конвой – основу личной охраны. Гвардия, егеря и конвой при необходимости могли использоваться как силовая составляющая при проведении разведывательных, контрразведывательных и полицейских операций.

Созданная Екатериной II за 13 лет после прихода к власти полноценная система безопасности успешно работала до самой смерти императрицы. Основными звеньями этой системы были Коллегия иностранных дел, Тайная экспедиция, полиция, внешняя разведка и контрразведка, функционировавшие в рамках этих ведомств. Особо следует отметить, что государыня ежедневно принимала доклады генерал-полицмейстера Петербурга, генерал-прокурора Сената или главы Коллегии иностранных дел.

Эта система во многом была создана в результате забот Екатерины, отличавшейся поразительным трудолюбием. Фридрих II подчеркивал, что во Франции 4 министра не работают столько, сколько эта великая женщина. Императрица любила работать сама, она умело выбирала себе помощников, сопоставляя их личные качества с интересами дела. Потомкам она оставила

изложение принципов своей кадровой политики: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не вверяясь им без разбора; отыскивайте истинное достоинство, хотя бы оно было на краю света: по большей части оно скромно и [прячется где-нибудь] в отдалении. Доблесть не лезет из толпы, не жадничает, не суетится и позволяет забывать о себе»[235]. Денег, наград и званий для деятельных и инициативных помощников Екатерина не жалела и никогда не предавала тех, кто ей служил преданно и профессионально. В 1764 г., при назначении А. А. Вяземского генерал-прокурором Сената, государыня рекомендовала ему надеяться на Бога и на нее – ведь она «не выдаст». Личные качества Екатерины и ее кадровая политика предопределили успех длительного царствования этой женщины.

Наибольшую угрозу для безопасности Екатерины II и Российского государства представляло восстание под руководством Е. И. Пугачева (в 1773–1775 гг.). Оно происходило во время длившейся уже пять лет русско-турецкой войны, а Пугачев выступал под именем покойного государя Петра III. «Народное войско» Пугачева имело многие признаки военной организации, характерной для регулярной армии. Были учреждены Военная коллегия и Походная канцелярия, подразделения имели знамена, в том числе одно из знамен гольштинской гвардии. На территориях, контролировавшихся повстанцами, создавались отряды, выполнявшие военно-полицейские функции.

Мы полагаем, что восстание было организовано не без помощи извне. В сентябре 1762 г. король Франции Людовик XVI направил послу в Петербурге барону де Бретею инструкцию, в которой определил цель своей политики в отношении России – удалить ее от европейских дел.

Франция активно поддерживала Турцию и противодействовала усилению русского влияния в Польше. Взяв в 1772 г. Краков, А. В. Суворов захватил там несколько французских офицеров, которых отправили в Сибирь как уголовных преступников. Затем через Константинополь в Россию были направлены несколько офицеров, подданных Франции, принявших участие в организации пугачевской армии. В частности, в 1774 г. за связь с мятежниками и подстрекательство к бунту среди военнослужащих арестовали полковника на русской службе Ф. Анжели[236]. Финансирование армии Пугачева также осуществлялось из-за рубежа. Например, французский посол в Вене принц Л. де Роган сообщал послу в Константинополе графу де Сен-При, что король готов предоставить ради осуществления своих замыслов любую сумму.

Турецкие военачальники также разрабатывали планы оказания поддержки войскам Пугачева через Крым и Северный Кавказ. Из переписки дипломатов следовало, что в военной операции в поддержку Пугачева должны были участвовать французские офицеры и что Людовик XVI послал в Константинополь офицера Наваррского полка и 50 000 ливров на расходы[237]. (Русский посланник в Вене князь Д. М. Голицын сумел завербовать одного из сотрудников французской миссии и получил копии депеш.)

По нашему мнению, «народное» восстание Пугачева имеет все признаки специальной операции, осуществленной при участии иностранных государств с целью организации партизанской войны в тыловых районах России. Эта война характеризовалась ведением не только боевых рейдов, но и специальных психологических операций, направленных на снижение морального духа российских солдат. Выступая под именем покойного государя, Пугачев привлекал в свои ряды сторонников и старался убедить правительственные войска, что они сражаются с «законным императором». В качестве примера приведем его указ от 19 сентября 1773 г.: «Сим моим имянным указом регулярной команде повелеваю: как вы, мои верные рабы, регулярные солдаты, редовые и чиновные, напредь сего служили мне и предкам моим, великим государям, императорам Всероссийским, верно и неизменно, так и ныне послужите мне, законному своему великому государю Петру Федоровичу до последней капли крови. И, оставя принужденное послушание к неверным командирам вашим, которые вас развращают и лишают вместе с собою великой милости моей, придите ко мне с послушанием и, положа оружие свое пред знаменами моими, явите свою верноподданническую мне, великому государю, верность…»[238].

Некоторые историки считают, что Пугачев объявил себя императором Петром Федоровичем под влиянием раскольников. На первых допросах он показал, что мысль выдать себя за Петра III внушили ему раскольники Иосиф Коровка, добрянский купец Кожевников и «иргизский старец» Филарет. При встрече с последним обсуждались два варианта измены престолу. По первому Пугачев должен был стать атаманом яицких казаков и увести их вместе с семьями к турецкому султану, по второму – объявить себя чудесно спасшимся от смерти императором Петром Федоровичем, отцом законного наследника Павла, и поднять казацкий мятеж с целью свержения императрицы Екатерины II. После очной ставки с Кожевниковым и Коровкой Пугачев заявил, что оклеветал их. Версия о «подсказке» раскольников

подтверждается тем, что именно они устроили Пугачеву побег из казанской тюрьмы зимой 1773 г. Объяснима и кандидатура Петра III – ведь это именно он прекратил преследования раскольников за веру и весьма почитался ими. Местности, по которым проходили рейды Пугачева, были в те времена оплотом старообрядчества. Таким образом, внутренней движущей силой восстания отчасти являлась религиозная оппозиция.

Общая численность пугачевских отрядов – свыше 50 000 человек, имевших на вооружении более 100 орудий. Угроза трону и государству была серьезной. Французский посланник Д. де Дистрофф писал в Париж, что внутренние неурядицы волнуют Екатерину II больше, чем война с турками. Эти волнения имели под собой серьезные основания. В самом начале пугачевского бунта генерал А. И. Бибиков[239] получил агентурную информацию о возможном бунте направленного в Поволжье Владимирского гренадерского полка. Бибиков «писал секретно <…> к губернаторам Новгородскому, Тверскому, Московскому, Владимирскому и Нижегородскому, чтоб они, во время проходу полков в Казань мимо их губерний, а особливо гренадерского Владимирского, по дорожным кабакам приставили надежных людей, которые бы подслушивали, что служивые между собою говорят во время их попоек. Сие распоряжение имело свой успех, ибо по приезде в Казань получил он донесение от Нижегородского губернатора Ступишина, что действительно между рядовыми солдатами существует заговор положить во время сражения пред бунтовщиками ружья, из которых главные схвачены, суждены и тогда же жестоко наказаны»[240].

Подавить сопротивление восставших удалось только после заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. с Турцией, направив против Пугачева свыше 20 полков под руководством боевых генералов (в их числе был А. В. Суворов). В наказание за поддержку мятежников Яицкое войско переименовали в Уральское, а р. Яик – в Урал. У войска отобрали артиллерию, оставшихся в живых участников восстания направили воевать на Кавказ.

После подавления пугачевского бунта в губерниях были созданы нижние земские суды, выполнявшие функции сельской полиции, до этого не существовавшей вовсе. Деятельность сельской полиции регламентировалась «Учреждением для управления губерний» (1775 г.). Земский исправник (капитан-исправник) и члены суда (4–5 человек) выбирались на уездном дворянском собрании и утверждались губернатором. Нижним судам подчинялись избираемые из крестьян сотские и десятские. Суды следили за порядком, исполняли решения вышестоящих

властей и проводили предварительное следствие по уголовным делам.

Великая смута, охватившая большую часть империи и выявившая запоздалое реагирование на назревающие волнения и недовольства, послужила толчком для совершенствования полиции. Городская полиция существовала в столицах, губернских и крупных уездных городах. В столицах и губернских городах ее возглавляли обер-полицмейстеры, в уездных – городничие (впоследствии полицмейстеры), подчинявшиеся местным властям. В 1782 г. был издан «Устав благочиния», по которому в городах создавались специализированные административно-полицейские органы – управы благочиния. Согласно «Табели о рангах», для служащих городской полиции вводились специальные звания, определялись условия их продвижения по службе.

Еще одно следствие пугачевского бунта – решение Екатерины II ликвидировать независимую Запорожскую Сечь. Большинство запорожских казаков ушли в Турцию, использовав в качестве предлога для бегства рыбную ловлю в Черном море. Остальных в последней четверти XVIII в. переселили на Буг, а впоследствии на Кубань. По ходатайству Г. А. Потемкина во время 3-й русско-турецкой войны 1787–1791 гг. вновь принятые в российское подданство запорожцы составили Черноморское войско. Специфика ведения боевых действий против горцев Кавказа (разведка, засады, налеты) в условиях сильно пересеченной местности привела к появлению особых пеших команд, которые впоследствии стали именовать пластунскими. Характер выполняемых ими задач, способы ведения боевых действий, сочетание агентурной и силовой разведки, а также методы подготовки во многом были схожи со службой и назначением современного армейского спецназа.

Историк кубанского казачества А. И. Серба так описывает систему подготовки пластунов: «Будущие разведчики обучались побеждать голыми руками вооруженного противника, в одиночестве противостоять нескольким врагам, совершать длительные пешие переходы, быстро бегать и плавать, уметь задействовать в экстремальной ситуации все резервы тела, в нужный момент придавать конечностям и суставам неестественное положение. Заодно закалялась и воля будущих лазутчиков: их учили держать удар, быть невосприимчивым к физической боли, не теряться в любой ситуации: например, внезапно провалившись при беге в ночном лесу в яму-ловушку, обучаемый во время падения должен был поразить цель из пистолета или нанести по сторонам несколько ударов кинжалом.

Лучшим из выпускников доверялись тайные миссии, остальные усиливали различные спецотряды»[241]. Девиз пластунов («Лисий хвост, волчья пасть») наилучшим образом характеризует особенности их тактики.

В 1773 г. в Италии появилась особа, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы и А. Г. Разумовского, более известная читателям под именем княжны Таракановой, хотя сама она этим именем никогда не пользовалась. До того как стать «Елизаветой II», новоявленная «великая княжна» поменяла около десяти имен и фамилий. Для нашей темы особый интерес представляет то, что талантливая авантюристка (или инструмент в руках какой-либо из спецслужб?) объявила себя наследницей российского престола именно в разгар пугачевского бунта. В августе 1774 г. командующий средиземноморской эскадрой А. Г. Орлов получил от «великой княжны» письмо с предложением вступить в ряды ее верноподданных. В нем «цесаревна» намекала на родственные связи с Пугачевым… называя последнего князем Разумовским. Самозванная княжна не знала и не могла знать, что Орлов был доверенным лицом Екатерины II. Доложив о полученном письме, «Алехан» немедленно получил приказ задержать самозванку с помощью любых (!) имевшихся в его распоряжении средств.

В письме к Орлову императрица демонстрирует хорошую осведомленность о действиях и перемещениях «цесаревны» и приказывает: «Я вас уполномочиваю чрез сие послать туда (в Рагузу. – *Примеч. авт.*) корабль или несколько, с требованием о выдаче сей твари <…> и в случае непослушанья дозволяю вам употребить угрозы, а буде и наказание нужно, то бомб несколько в город метать можно; а буде без шума достать способ есть, то я и на сие соглашусь»[242]. Отметим, что Екатерина II, приказывая применить силу на чужой территории, делает это в письменном виде и не боится брать на себя ответственность за возможные международные осложнения. Поэтому естественно, что все ее указания исполнялись, невзирая ни на какие препятствия[243]. С помощью тщательно разработанной и грамотно исполненной оперативной комбинации самозванка была задержана и доставлена в Петербург.

Во время пугачевского бунта крайне обострились отношения императрицы с наследником престола великим князем Павлом Петровичем. Один из организаторов заговора против Павла I в 1801 г. генерал Л. Л. Беннигсен писал: «Павел подозревал даже Екатерину II в злом умысле на свою особу. Он платил шпионам с целью знать, что говорили и думали о нем, и чтобы проникнуть в намерения своей матери относительно себя. Трудно поверить следующему факту, который, однако, действительно имел место.

Однажды он пожаловался на боль в горле. Екатерина II сказала ему на это: „Я пришлю вам своего медика, который хорошо меня лечил“. Павел, боявшийся отравы, не мог скрыть своего смущения, услышав имя медика своей матери. Императрица, заметив это, успокоила сына, заверив его, что лекарство самое безвредное и что он сам решит, принимать его или нет.

Когда императрица проживала в Царском Селе в течение летнего сезона, Павел обыкновенно жил в Гатчине, где у него находился большой отряд войска. Он окружил себя стражей и пикетами, патрули постоянно охраняли дорогу в Царское Село, особенно ночью, чтобы воспрепятствовать какому-либо неожиданному предприятию. Он даже заранее определял маршрут, по которому он удалился бы с войсками своими в случае необходимости: дороги по этому маршруту, по его приказанию, заранее были изучены доверенными офицерами. Маршрут этот вел в землю уральских казаков, откуда появился известный бунтовщик Пугачев»[244].

Если сказанное Беннигсеном – правда, то Екатерина имела основания относиться к сыну с подозрением. Тем более что Пугачев не раз упоминал в своих речах наследника престола («Сам я царствовать уже не желаю, а восстановлю на царствие государя цесаревича»[245]). Кстати, восставшие приносили присягу не только «Петру III», но и Павлу Петровичу и его супруге Наталье Алексеевне. А. С. Пушкин со слов потомков А. И. Бибикова записал: «Вот один из тысячи примеров: великой князь, разговаривая однажды о военных движениях, подозвал полковника Бибикова (брата Александра Ильича) и спросил, во сколько времени полк его в случае тревоги может поспеть в Гатчину? На другой день Александр Ильич узнает, что о вопросе великого князя донесено и что у брата его отымают полк. Александр Ильич, расспросив брата, бросился к императрице и объяснил ей, что слова великого князя были не что иное, как военное суждение, а не заговор. Государыня успокоилась, но сказала: „Скажи своему брату, что в случае тревоги полк его должен идти в Петербург, а не в Гатчину“»[246]. Из этого примера видно, с какой тщательностью государыня контролировала контакты сына с военными. В конце жизни Екатерина II намеревалась передать престол внуку Александру Павловичу, минуя наследника престола. Нашлись очевидцы, что предсмертный манифест императрицы о назначении наследником Александра, равно как и указ о лишении Павла прав на престол, были переданы последнему его сторонниками и незамедлительно уничтожены.

6 ноября 1796 г. Павел I стал российским императором.

Первым делом он приказал своей гвардии прибыть в Петербург. В составе гатчинской гвардии состояло 6 номерных пехотных батальонов, 1 артиллерийский батальон и 3 кавалерийских полка (жандармский, драгунский и гусарский) общей численностью около 2000 человек. Личный состав подразделений был распределен по полкам лейб-гвардии с сохранением чинов. Срок службы для рядовых гатчинских гвардейцев сокращался до пятнадцати лет.

«Маленькое „гатчинское войско“, своего рода потешное, было протестом против екатерининской гвардии и ее порядков. Суровые и „отчетливые“ гатчинские службисты, „фрунтовики“, составляли решительный контраст с изнеженными сибаритами, щеголями и мотами „зубовских“ времен, лишь для проформы числившихся в полках и проводивших время в кутежах и повесничестве»[247]. Для гвардейских господ офицеров реформы Павла оказались болезненными еще и потому, что нижние чины из дворян, числившиеся при полках, но находившиеся в длительных отпусках, были уволены. Запись дворянских недорослей в гвардию «с пеленок» отменили: начинать служить в войсках дети дворян могли не ранее шестнадцати лет в звании юнкера.

Численность гвардии при Павле I значительно возросла. В 1796 г. были сформированы два отдельных батальона лейб-гвардии – Егерский и Артиллерийский (на базе бомбардирской роты Преображенского полка), а в 1798 г. – два новых кавалерийских полка. На основе Донской и Чугуевской команд создан лейб-гвардии Казачий, а на основе лейб-гусарского эскадрона – лейб-гвардии Гусарский полки. Эти части уже не составляли Собственный Его Величества конвой и несли службу по охране царя и членов его семьи наравне с полками «старой» гвардии. В 1799 г. к гвардии причислены Лейб-Уральская сотня и Кавалергардский корпус. Последний имел статус гвардии великого магистра Ордена святого Ивана Иерусалимского (Мальтийского ордена). В нем полагалось иметь около 200 дворян из числа членов ордена. Кардинального качественного изменения облика гвардии не произошло. Историк К. Валишевский объясняет этот парадокс: «В данном случае результат не должен был оказаться удачным – даже в отношении личной безопасности реформатора. Гатчинский элемент, вместо того чтобы одержать верх над непокорной частью, куда его ввели <…> наоборот, в ней совершенно растворился, усвоив себе привычки этой обособленной среды и послужив только к пробуждению в ней, путем реакции, стремлений к порицанию правительства, дремавших до тех пор при спокойных условиях

существования, посвященного удовольствиям»[248].

Поскольку армия всегда является силовым инструментом внешней политики, попробуем рассмотреть военные преобразования Павла I, до последнего времени оценивавшиеся большинством историков только как негативные. Военный историк Ю. Веремеев проанализировал некоторые позитивные начинания императора в военной области. В первую очередь они касались нижних чинов (рядовых). Была введена дисциплинарная и уголовная ответственность офицеров за сохранение жизни и здоровья солдат. Телесные наказания приказано допускать в крайних случаях и только для исправления нерадивых солдат, а не для их «калечения». За беспорочную выслугу в 20 лет нижние чины навсегда освобождались от телесных наказаний. Для солдат установили отпуска продолжительностью 28 дней в год, их стали награждать знаками отличия орденов Святой Анны и «донатом» ордена Святого Ивана Иерусалимского. Удержания из солдатского жалованья, а также его невыплата стали наказываться каторгой и даже смертной казнью.

В области обмундирования произошли два серьезных изменения. Во-первых, солдаты получили суконную шинель для зимнего и холодного времени (до Павла они имели на все сезоны только мундир). Во-вторых, для часовых в зимнее время введены овчинные тулупы и валенки; значение этой одежды для армии в российских климатических условиях трудно переоценить. При каждом полку учреждены лазареты, лекарями в них допускались только лица, сдавшие экзамен в Медицинской коллегии. Отставленным от службы из-за увечий или прослужившим более 25 лет солдатам назначались пенсии с содержанием в инвалидных ротах. Умерших и погибших солдат стали хоронить с воинскими почестями, а могилы передавать под присмотр инвалидным гарнизонным ротам. Использование нижних чинов в качестве рабочей силы в офицерских или генеральских имениях запрещалось.

Со службы уволили свыше 300 генералов и 2000 офицеров, не сумевших ответить на простые вопросы по военному делу. Отпуска офицеров и генералов устанавливались в размере одного месяца в году. Производство в унтер-офицерские чины неграмотных было запрещено. Все вновь открывающиеся офицерские вакансии следовало заполнять только выпускниками военно-учебных заведений или опытными унтер-офицерами из дворян, сдавших экзамены на грамотность и знание устава. Назначенный генерал-инспектором артиллерии, А. А. Аракчеев[249] придал артиллерийскому делу новый импульс. Управление соответствующими подразделениями было

централизовано, русская армия получила новые образцы орудий, превосходившие иностранные по боевым характеристикам при меньшем в полтора раза весе. Император намеревался распространить некоторые передовые разработки егерской тактики на линейные подразделения.

В декабре 1796 г. в России была создана служба специальной фельдъегерской связи. Первоначальный контингент Фельдъегерского корпуса почти весь состоял из гвардейских унтер-офицеров, в 1799 г. в списке корпуса числилось 5 офицеров и 80 фельдъегерей. Первым командиром корпуса стал подполковник Н. Е. Касторский. Фельдъегеря неотлучно состояли при государе, в том числе во время перемещений по стране, и были готовы отправиться в любую точку бескрайней Российской империи с высочайшим поручением.

Получила развитие топографическая служба, чьей задачей стало картографирование районов расположения войск и маршрутов их возможного передвижения. Особое внимание уделялось дорогам, связывавшим штабы дивизий и подчиненных им частей. Для обобщения поступавших съемочных материалов, а также подготовки к изданию топографических карт и планов император учредил в 1796 г. чертежную мастерскую, в 1797 г. преобразованную в Депо карт. Известно, что точные карты и надежная связь во многом являются залогом успеха при ведении военных действий или специальных операций.

«Павловская муштра имела до некоторой степени положительное воспитательное значение. Она сильно подтянула блестящую, но распущенную армию, особенно же гвардию конца царствования Екатерины. Щеголям и сибаритам, манкировавшим своими обязанностями, смотревшими на службу как на приятную синекуру <…> было дано понять (и почувствовать), что служба есть прежде всего служба. <…> Порядок и „единообразие“ всюду были наведены образцовые. Ослабевшая струна была подтянута… и перетянута. <…> Петровский дуб был срублен. Вместо него на русскую почву пересажена потсдамская осина, и эту осину велено считать и лучше дуба. <…> Русская военная доктрина – цельная и гениальная в своей простоте – была оставлена. <…> С павловских вахтпарадов русская армия пошла тернистым путем через вейротеровскую диспозицию, пфулевскую стратегию и реадовскую неразбериху – к севастопольской Голгофе»[250].

Наиболее серьезным ударом по передовым методам русской тактической и стрелковой подготовки во времена Павла I следует считать введение в 1797 г. нового Устава, разработанного по прусскому образцу. Это было вызвано преклонением императора

перед Фридрихом II, хотя прусский Устав к тому времени устарел на 50 лет. Отсутствие системного военного образования и особенно боевой практики привели государя к недооценке передовых военных идей русских полководцев. В числе причин могла быть и сознательная дезинформация со стороны противников России, направленная на подрыв мощи ее армии. Кроме того, Павел стремился к искоренению порядков ненавистного ему предыдущего царствования, что подогревалось интригами придворных. «Из трех назначений петровской гвардии – политического, воспитательного и строевого – оставлено только строевое»[251]. Даже «разбавленная» гатчинцами лейб-гвардия не стала, как это было при Петре I, опорой трона и коллективным помощником государя.

Соответствовавшая климату и удобная для боя военная форма, введенная Г. А. Потемкиным, была упразднена, вместо нее войска одели в тесные мундиры и обувь прусского образца 50-летней давности. Ненавидя Потемкина, говорившего, что завиваться, пудриться и заплетать косу не дело солдат, Павел I восстановил эти абсурдные для армии элементы. Официально телесные наказания были сокращены, но на практике они применялись в отношении не только солдат, но и офицеров, император лично наказывал провинившихся. Реформы Павла I – проводимые слишком радикально и деспотично, не всегда адекватные требованиям времени, – породили крайнее недовольство в среде российской элиты. Серьезное недопонимание государем роли личной службы безопасности (вероятно, в силу завышенного самомнения) позволило заговорщикам в марте 1801 г. успешно осуществить дворцовый переворот.

В 1797 г. были ликвидированы управы благочиния. Это затрудняло розыск лиц, подозреваемых в преступлениях, или беглых преступников, ограничивалось участие общей полиции в мероприятиях по обеспечению государственной безопасности. Тайная экспедиция, которую в 1794 г. возглавил А. С. Макаров[252], своей функции по охране царствующей особы не выполнила. А ведь первый «звонок» для Павла Петровича прозвучал еще в августе 1797 г., когда части гвардии окружили Павловск и были готовы взбунтоваться. Тогда переворот не произошел только по причине отсутствия у гвардейцев лидера, способного немедленно взойти на престол. Павел, несомненно, понимал, что его жизнь находится под угрозой, и решил обезопасить себя, выстроив новую резиденцию – Михайловский замок. В инженерном отношении замок – совершенный специальный объект: он мог выдержать длительную осаду и

противостоять артиллерийскому обстрелу. В девять часов вечера на всех больших улицах Петербурга устанавливались заставы, не пропускавшие никого (кроме врачей). Однако опоры в людях, без которых самые прочные укрепления ничего не стоят, император не нашел! Даже генерал-губернатор Петербурга П. А. Пален[253], которому подчинялась столичная полиция и который ежедневно докладывал государю полицейские сводки, принадлежал к заговорщиком.

Кроме него в заговоре состояли генерал-адъютант императора П. В. Аргамаков, а также несколько генералов, в том числе командиры гвардейских полков: Преображенского – П. А. Талызин, Семеновского – Л. И. Депрерадович, Кавалергардского – Ф. П. Уваров. В группу заговорщиков входило свыше 50 офицеров гвардии. Заговор был организован в интересах и с согласия наследника престола Александра Павловича. Несмотря на то что противники Павла I не проводили агитации среди нижних чинов гвардии и ограничили участие в заговоре гражданских лиц, об их нелегальной деятельности в столице стало известно. За две недели до переворота о нем говорили даже на улицах. Как писал Я. И. де Санглен[254], вечером 11 марта о скором убийстве царя ему сообщил извозчик, т. е. заговор был секретом Полишинеля. По воспоминаниям современников, командир лейб-гвардии Гусарского полка А. С. Кологривов, комендант Михайловского замка генерал-адъютант Н. О. Котлубицкий и полковник Н. А. Саблуков, командир эскадрона конногвардейцев, несшего внутренний караул в замке, также знали о заговоре, но не предприняли мер для его предотвращения. Можно сказать, что в Петербурге имели место два заговора: один (с целью устранения императора) составили конкретные лица, а во втором (заговоре молчания) – состояли все недовольные государем жители столицы.

Единственным, кто предупредил Павла о перевороте, был генерал-прокурор П. Х. Обольянинов[255]. В начале марта 1801 г. император предпринял попытку возвратить из ссылки преданных ему А. А. Аракчеева и Ф. И. Линденера, но эту попытку блокировал Пален: письма Павла, отправленные втайне от последнего, были им перехвачены и предъявлены императору же как фальшивка. После направления вторичных депеш Пален (также секретно) отдал приказ задержать прибывших у городских застав. Усиливавшиеся подозрения государя и возможность репрессий вынудили заговорщиков перенести дату выступления с 15 (день смерти Юлия Цезаря) на 11 марта. В этот день для несения главного караула в Михайловском замке был назначен 3-й батальон Семеновского полка, шефом которого состоял

цесаревич Александр.

Перед тем как перейти к действиям заговорщиков, рассмотрим схему охраны царской резиденции. Ее составляли четыре караула. Главный караул – рота Семеновского полка под командованием капитана Пайкера – располагался в кордегардии у парадной лестницы. Вспомогательный караул из 30 солдат Преображенского полка под начальством поручика С. Н. Марина находился во внутренних помещениях первого этажа. Перед кабинетом императора несли службу 30 конногвардейцев под командованием полковника Н. А. Саблукова. Охрану помещений императрицы Марии Федоровны осуществлял караул из 30 семеновцев под командованием поручика А. Волкова. Проникнуть в замок, окруженный рвом с водой, можно было только по подъемным мостам. В ночное время доступ в него имело строго ограниченное число лиц. Однако заговорщикам, принадлежавшим к руководству гвардии и полиции, эти меры безопасности были хорошо известны. Они действовали так.

После состоявшегося днем 11 марта военного парада Пален (как военный губернатор) приказал всем гвардейским офицерам собраться у него и после часового ожидания передал им слова, якобы сказанные Павлом I: «Государь поручил мне вам передать, что он в высшей степени недоволен вашей службой. Каждый день, при всевозможных обстоятельствах, он замечает с вашей стороны небрежность, леность, нерадение к его приказам и общее отсутствие усердия, которых он не может терпеть далее. И вот мне приказано вам объявить, что, если вы совершенно не измените своего поведения, он вас направит в такое место, где и костей ваших не сыщут. Идите по домам и старайтесь в будущем служить лучше»[256]. По нашему мнению, эти слова – элемент психологической обработки гвардейцев. Под их влиянием участвовавшие в заговоре офицеры еще более укрепились в намерении свергнуть императора, а неосведомленные задумались о своей дальнейшей судьбе. Наши предположения основаны на том, что во время парада Павел I не высказал никакого неудовольствия по его поводу, а ведь он не упускал случая устроить разнос подчиненным.

По распоряжению Константина Павловича, шефа Конной гвардии, полковник Саблуков, не участвовавший в заговоре, был назначен в этот день дежурным по полку и, следовательно, не мог исполнять обязанностей начальника внутреннего караула, на который заступил его эскадрон. Когда Саблуков явился с докладом в Михайловский дворец, Павел повелел ему снять караул с поста и вести в казармы, заявив, что он недоволен полком и намерен отправить его в провинцию, а эскадрон

Саблукова – в Царское Село. Нести охрану у дверей кабинета государь поручил двум своим невооруженным лакеям. Собственноручное устранение караула во главе с офицером, по мнению современников, готовым исполнить свой долг, имеет два объяснения: 1) интриги заговорщиков, внушивших Павлу мысль о «ненадежности» полка, 2) фатализм императора.

Из трех оставшихся караулов «путчисты» не имели опоры только в карауле императрицы, но по повелению Павла дверь, ведущая из его спальни в покои супруги, была забаррикадирована. В этом историки также усматривают происки заговорщиков. Начальник главного караула капитан Пайкер, переведенный в семеновцы из гатчинцев, был Павлу верен, но двое поручиков его роты состояли в заговоре. Командир преображенцев поручик Марин также состоял в заговоре и включил в состав своего караула екатерининских гренадеров. Пароль для входа в Михайловский замок мятежникам был известен, а генерал-адъютант П. В. Аргамаков имел право на доклад императору в любое время. Доступ в замок осуществлялся через малые ворота, для чего у них опускали подъемный мост. Командир лейб-гвардии Измайловского полка генерал П. Ф. Малютин в заговоре не участвовал и в ночь переворота был нейтрализован самым простым способом. В компании нескольких мятежников он усиленно боролся с «Ивашкой Хмельницким». Сторонник Павла I командир лейб-гвардии Гусарского полка генерал А. С. Кологривов был посажен Паленом под арест. В ночь с 10 на 11 марта 1801 г. Михайловский замок окружил батальон Преображенского полка во главе с генералом П. А. Талызиным. Солдатам объявили, что они прибыли на защиту императора. Несколько позже подошел батальон Семеновского полка под командованием генерала Л. И. Депрерадовича. Однако эти подразделения не понадобились. Высокопоставленные заговорщики без шума проникли во дворец через малые ворота и, поднявшись по черной лестнице, оказались в покоях императора. Взломав двери в спальню, они убили Павла. Другие мятежники нейтрализовали внутреннюю охрану. По свидетельству проживавших в Михайловском дворце фрейлин, двери их комнат в ночь переворота были заперты снаружи. Александр Павлович, выйдя к окружавшим дворец войскам, объявил, что Павел скончался от «апоплексического удара», что сам он пойдет «по стопам Екатерины», и срочно отбыл в Зимний дворец.

Привести войска к присяге новому императору оказалось непросто: многие солдаты и офицеры гвардейских полков отказывались повиноваться Александру, не веря в смерть Павла. Верных присяге гвардейцев смогли убедить, только

продемонстрировав им покойного государя. «Безмолвные шеренги плачущих гренадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 11 марта 1801 г. являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории русской армии»[257]. Обращаясь к полковнику Саблукову, великий князь Константин сказал: «Мой друг… после всего, что произошло, мой брат может царствовать, если ему угодно, но, если когда-нибудь престол должен будет перейти ко мне, я, конечно, от него откажусь»[258]. Через 24 года это стало причиной очередного политического кризиса с участием гвардии.

Глава 6
Двойственность Александра Благословенного

Александр часто был не в силах решить в самом себе борьбу враждебных принципов и впадал в ошибки, которые потом мучительно его преследовали…

А. Н. Пыпин

При вступлении на престол Александр I декларировал свое желание пойти по стопам венценосной бабушки, следствием чего стала некоторая либерализация внутренней политики. 2 апреля 1801 г. император прибыл в Сенат, где повелел огласить манифест об упразднении Тайной экспедиции. Резолютивная часть манифеста гласила: «…рассуждая, что в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силой закона, Мы признали за благо не только название, но и самое действие Тайной экспедиции навсегда упразднить и уничтожить, повелевая все дела, в оной бывшие, отдать в Государственный архив к вечному забвению; на будущее же время ведать их в 1 и 3 департаментах Сената и во всех тех присутственных местах, где ведаются дела уголовные»[259]. Надо отметить, что ликвидация Тайной экспедиции была встречена российским обществом, в особенности его высшими слоями, с энтузиазмом, так как это соответствовало представлениям о более справедливом порядке правления. По сути, произошло то, что в конце XX в. в Российской Федерации называют модным словом «реформирование».

Одной из причин ликвидации легальной государственной структуры политической полиции, несомненно, явилось желание Александра Павловича завоевать симпатии в обществе. Другой (не менее важной) причиной вполне могла быть неудовлетворительная работа экспедиции, поскольку главную задачу – обеспечение безопасности государя (Павла I) – она не выполнила. При этом следует иметь в виду, что ликвидация формализованной структуры тайной полиции вовсе не означала ликвидацию политического сыска, структур военной разведки и контрразведки, структур политической разведки «при иных дворах», входящих в общую систему государственной

безопасности.

По нашему мнению, в начальный период царствования Александра I произошло следующее. Отдельные звенья политической полиции и контрразведки, утратившие доверие государя и, возможно, представлявшие для него опасность, были ликвидированы. Часть функций Тайной экспедиции и часть ее кадров были переданы в ведение обозначенных в манифесте департаментов Сената. Отдельные доверенные лица императора продолжили (или начали) свою работу вне рамок официально существовавших учреждений или используя последние в качестве прикрытия. Ситуация, когда сотрудники специальных служб работают в собственной стране нелегально, в истории большинства стран мира отнюдь не редкость.

В случае с Александром I это было именно так. Его отец за четыре месяца до покушения, 6 декабря 1800 г., учредил Тайную полицейскую экспедицию при петербургском военном губернаторе, которым тогда был П. А. фон Пален. Во главе экспедиции находился надворный советник И. Гагельстром. Мы считаем, что Пален, который был одним из руководителей заговорщиков, использовал эту структуру по собственному усмотрению. Однако новый император отнюдь не стремился уничтожить «ненавистное» наследство отца. Более того, очень быстро главные заговорщики были удалены от трона. Так, в апреле 1801 г. Пален был назначен (даже с повышением!) управляющим Коллегии иностранных дел. А на его место пришел не участвовавший в интригах двора боевой генерал и опытный разведчик князь М. И. Голенищев-Кутузов. Тайная полицейская экспедиция перешла в ведение нового военного губернатора, который в июне 1801 г. обеспечил тихую отставку Палена с последующей ссылкой в курляндское имение. Иностранные дела на четыре месяца были поручены Н. П. Панину[260], которого в начале октября сменил В. П. Кочубей[261].

Для реформирования государственного аппарата в июне 1801 г. государь составил Негласный комитет, в который входили его единомышленники: В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев[262], П. А. Строганов[263], А. Е. Чарторыйский[264]. Комитет планировал провести кодификацию законодательства, подготовить новые законопроекты и провести реформу государственного управления. 8 сентября 1802 г. был издан манифест «Об учреждении министерств».

Александр I. Портрет работы Дж. Доу

Первым председателем Комитета министров стал А. Р. Воронцов[265]. Министерства, связанные с безопасностью государства, возглавили: генерал от инфантерии С. К. Вязмитинов[266] (военно-сухопутные силы), адмирал Н. С. Мордвинов[267] (военно-морские силы), А. Б. Куракин[268] (иностранные дела). Министры имели право законодательной инициативы, представляли ежегодные доклады о деятельности

министерств императору и Сенату, который мог отменять распоряжения министра. Руководителем Министерства внутренних дел стал В. П. Кочубей, его заместителем – П. А. Строганов, начальником канцелярии – М. М. Сперанский[269]. В составе Департамента внутренних дел МВД находилась Экспедиция спокойствия и благочиния, состоявшая их двух отделений, ведавших сельской и городской полицией.

15 сентября Кочубей направил секретное послание М. Ф. Каменскому (исполнявшему в августе – ноябре 1802 г. обязанности военного губернатора), в котором интересовался деятельностью Тайной полицейской экспедиции. Основными вопросами были следующие: за кем, в каких местах и каким образом ведется наблюдение; кто составляет штат экспедиции; есть ли у начальника инструкция; каковы результаты деятельности; на какие средства экспедиция существует. Мы полагаем, что все эти вопросы свидетельствуют о том, что о существовании Тайной полицейской экспедиции Кочубей узнал, только став министром внутренних дел.

Каменский (случайный человек на должности военного губернатора) направил Кочубею инструкцию – «Учреждение Тайной полицейской экспедиции», утвержденную еще Павлом I. В инструкции, в частности, говорилось: «Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, деяния и речи, клонящиеся к разрушению самодержавной власти и безопасности правления. Как то: словесные или письменные возмущения, заговоры, дерзкие или возжигательные речи, измены, тайные скопища. <… > Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, относящиеся к здравию государя, его императорской фамилии, к безопасности его самодержавия и продовольствию дешевому жителей оного и к безопасности управления и управляемых»[270]. После Каменского военным губернатором[271] Петербурга становится П. А. Толстой[272].

Интерес Кочубея был вызван тем, что руководство полицией обеих столиц возлагалось не на МВД, а на военных губернаторов, отвечавших за свои действия непосредственно перед царем. В их подчинении также находились Тайная полицейская экспедиция в Петербурге, а в Москве – Особая секретная полиция. В обязанность этим службам вменялся надзор за настроениями в разных слоях общества и (отчасти) наблюдение за иностранцами. Им предписывалось узнавать распространявшиеся в народе слухи, «вольнодумности» и «ропот», в том числе путем проникновения в «секретные сходбища». Привлечение кадров на службу в тайную полицию осуществлялось на условиях строжайшей тайны, без сословных ограничений. Основным методом добывания

информации являлись личные наблюдения сотрудников в общественных местах. Надзор за иностранцами в Петербурге осуществляла специальная агентурная сеть, состоящая из лиц, служивших иностранцам; называлась она Сообщество лон-лакеев.

Все эти учреждения существовали независимо друг от друга. Этот факт особенно интересен: он лишний раз подчеркивает, что реформирование служб проходило по весьма прагматичным и жестким правилам. Руководители каждой из структур лично и конфиденциально докладывали государю о достижениях, а заодно и о деятельности коллег-конкурентов или о допущенных ими (конкурентами) промахах. Учитывая ситуацию (вовлеченность в заговор против Павла I далеко не последних лиц империи), Александр создавал систему, позволявшую избежать нового заговора, теперь уже направленного против него самого. С этой целью он разделил полномочия надзирающих и контролирующих органов так, чтобы иметь возможность сравнивать поступающую информацию и в случае необходимости дублировать мероприятия по одним и тем же объектам. Это лишний раз подчеркивает – принцип тотальности деятельности спецслужб был прекрасно известен государю и реализовывался им на практике.

Наряду с МВД и военными губернаторами руководство полицией осуществлялось и по линии Министерства военно-сухопутных сил (в городах, управляемых военными комендантами) и Министерства военно-морских сил (в портовых городах). Для реорганизации управления городской полицией был создан временный комитет из трех министров. Итогом работы комитета стал указ 1803 г. «О средствах к исправлению полиции в городах», который определял устройство, функции и компетенцию городской полиции.

В 1804 г. в составе петербургской полиции была образована общегородская внешняя часть – предвестник современной патрульно-постовой службы МВД. Ее задачей являлось патрулирование по городу вне рамок какого-либо участка, а также оказание помощи приставам, надзирателям и городским стражам в случае необходимости. Внутреннюю часть составляли управы благочиния, руководившие деятельностью частных приставов и квартальных надзирателей. Они обеспечивали исполнение распоряжений властей, вели предварительное следствие, следили за соблюдением паспортного режима и за торговлей в городе. Непосредственное руководство полицией Петербурга осуществлялось обер-полицмейстером Ф. Ф. Эртелем[273], полицией Москвы – А. Д. Балашовым[274], подчинявшимся военным губернаторам столиц.

Дальнейшее совершенствование органов безопасности происходило в условиях военного времени: зимой 1804 г. началась война с Персией, осенью 1805 г. – с Францией. Отбывая к русским войскам за границей, Александр I назначил главнокомандующим в Петербурге С. К. Вязмитинова и дал поручение генерал-адъютанту Е. Ф. Комаровскому[275] учредить Высшую полицию и образовать для составления правил о ней специальный комитет. Во исполнение воли императора в сентябре 1805 г. был создан временный межведомственный комитет Высшей полиции («Комитет 5 сентября»). Согласно записке государя, в его состав должны были войти министры военно-сухопутных сил, юстиции и внутренних дел. Комитету вменялось «…получать немедленно и исправно сведения посредством обер-полицмейстера: 1-е. О проживающих в Столице подозрительных людях, о коих вовсе неизвестно, каким делом они занимаются. 2-е. О приезжающих в Столицу из-за границы или из внутри государства таких же подозрительных людях. 3-е. О различных в городе слухах и известиях, опасение и тревогу наводящих. 4-е. О источниках, откуда такие разглашения происходят. 5-е. О скопищах и собраниях подозрительных»[276].

В 1806 г. Кочубей и Сперанский провели реорганизацию Экспедиции спокойствия и благочиния в Экспедицию государственного благоустройства. Последняя по структуре своей состояла из двух отделений и пяти столов. Первый стол в первом отделении собирал сведения обо всех преступлениях и происшествиях, о прибывающих из-за границы и выезжающих из страны, осуществлял контроль над публичными зрелищами и собраниями; второй стол ведал организацией рекрутского набора в армию, доставкой осужденных к месту отбытия наказания, установлением штатов полицейских команд; третий стол заведовал кадровой работой: назначением, награждением и увольнением полицейских чинов. Второе отделение занималось организацией охраны общественного порядка и рассматривало жалобы на полицию.

13 января 1807 г. по предложению Н. Н. Новосильцева Александр I учредил особый комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия («Комитет 13 января»). В первом пункте «Положения о комитете» указывалось: «Коварное правительство Франции, достигая всеми средствами пагубной цели своей – повсеместных разрушений и дезорганизации, между прочим, как известно, покровительствует рассеянным во всех землях остаткам тайных обществ под названием иллюминатов, мартинистов (масонские течения. – *Примеч. авт.*) и других тому подобных и через то имеет во всех

европейских государствах, исключая тех зловредных людей, которые прямо на сей конец им посылаются и содержатся, и таких еще тайных сообщников, которые, так сказать, побочным образом содействуют французскому правительству и посредством коих преуспевает оно в своих злонамерениях»[277].

Комитет являлся центральным координационным органом контрразведки и политической полиции одновременно. В «Положении» указывалось, что МВД будет сообщать в комитет информацию о подозрительной переписке, получаемой через губернаторов и дирекцию почт. Ввиду ухудшения внешнеполитической обстановки деятельность комитета была направлена и на полицейское умиротворение окраинных губерний. Возглавил его министр юстиции князь П. В. Лопухин, в состав вошли сенаторы Н. Н. Новосильцев и А. С. Макаров, по необходимости в работе комитета принимали участие В. П. Кочубей и С. К. Вязмитинов. При смене должностей люди менялись. При комитете создавалась Особенная канцелярия[278] из 23 сотрудников. Исполнительными органами комитета становились секретные полицейские органы Петербурга, Москвы и службы полицмейстеров губернских, уездных и портовых городов. Комитет просуществовал до начала 1829 г., наиболее интенсивно (состоялось 170 заседаний) он работал с 1807 по 1810 г. Большинство дел было связано с наблюдением за лицами, распространявшими слухи, состоящими в масонских ложах и заподозренными в работе на Францию.

В 1809 г. военным губернатором Петербурга назначается генерал-адъютант А. Д. Балашов. Для более действенного надзора за соблюдением паспортного режима в столицах в структурах полиций Москвы и Петербурга в 1809 г. создаются конторы адресов для регистрации всех прибывавших как на постоянное жительство, так и для работы по найму. За исполнением регистрации следили частные приставы и квартальные надзиратели. В Петербургской конторе адресов имелось отделение для регистрации иностранцев, связанное как с МИД, так и впоследствии с Особенной канцелярией при министре полиции, контролирующей выдачу иностранцам паспортов.

Деятельность полиции строго регламентировалась. Инструкции того времени настолько четко и конкретно написаны, что вызывают искреннее восхищение логикой и профессионализмом лиц, составлявших подобные документы. Возьмем для примера «Правила полицейским градским стражам», объявленные по высочайшему повелению в 1809 г. Первое, на что мы обращаем внимание, – это статус градского стража: полицейские нижние чины – как солдаты; полицейский часовой

имеет те же права, что и часовой на военном посту. Те, кто служил в армии, прекрасно поймут, о чем идет речь: по военным уставам часовой есть лицо неприкосновенное, подчиняющееся строго ограниченному кругу лиц и имеющее бесспорное право применения оружия на поражение. Таким образом, полицейский на посту был изначально максимально защищен законом Российской империи. Государь, перед тем как спросить за несение службы, обеспечивал личную безопасность своего слуги: пока часовой у будки держал в руке алебарду, его никто из посторонних людей не имел права тронуть. Но и ответственность полицейского была высокой – наравне с солдатами.

Изучение обязанностей градских стражей показывает, что они выполняли функции, соотносимые с функциями современных участковых, сотрудников муниципальной полиции, наружного наблюдения и службы охраны должностных лиц, а также часть функций полиции безопасности и контрразведки. Это требовало достаточно высокой подготовки и широкого спектра знаний.

Участие полицейских в охране императора и высших должностных лиц империи заключалось в том, чтобы доносить надзирателю о проезде членов императорской фамилии, военного губернатора, обер-полицмейстера и полицмейстеров. Для грамотного исполнения охранной службы градские стражи должны были знать в лицо и уметь распознать «в любом платье» военного губернатора, обер-полицмейстера и полицмейстеров, частных и следственных приставов, а также надзирателей, квартальных поручиков и городовых унтер-офицеров своих частей. Проходящий мимо будки дозор надлежало окликнуть («Кто идет?») и отрапортовать ему обо всем, что было замечено.

Чтобы эффективно работать как в области охраны должностных лиц, так и в обеспечении общественного порядка, полицейским полагалось соблюдать дисциплину. Один из наряда назначался частным приставом за старшего, двое других обязаны были его слушаться. Отлучаться с поста не разрешалось. Каждый градский страж должен был знать наизусть, сколько на его территории находится домов, фабрик, заводов, питейных и других заведений и кому они принадлежат. Не меньшее значение придавалось моральному облику полицейских: они должны были быть всегда трезвыми, опрятными, «вести себя честно», помогать тем, кто потребует помощи.

Наружное наблюдение за подозрительными людьми также было расписано. Стражам полагалось замечать, не несет ли кто-нибудь «сумнительное в краже», не сходен ли по приметам с находящимися в розыске; следить «неприметным образом», куда пойдет подозрительный человек, дать знать о нем по

необходимости сторожам другой будки; выяснить, в какой дом направляется подозрительный человек, и известить своего надзирателя или поручика об этом. В случае явного подозрения предписывалось спросить, откуда и куда идет этот человек и что несет; если «видимо он похож на вора», то отвести его в съезжий двор к дежурному. Наружное наблюдение за лицами, вызывавшими подозрение у полицейских, способствовало предотвращению или раскрытию множества уголовных преступлений, выявлению неблагонадежных (с точки зрения государственной безопасности) российских подданных или иностранцев.

В ходе реформы государственного управления, проводимой использовавшим французский опыт Сперанским, 25 июня 1811 г. было учреждено Министерство полиции. Его руководителем стал военный губернатор Петербурга А. Д. Балашов. Министр полиции получал звание генерал-полицмейстера и наделялся чрезвычайными полномочиями. Он имел право требовать в свое распоряжение войска без санкции военного министра и отдавать непосредственные распоряжения командирам полков, мог требовать любые сведения от местных органов власти и управления без согласования с другими министерствами, освобождался от ответственности за превышение власти, если действовал «в видах общей безопасности».

В Министерство полиции входили три департамента, Общая и Особенная канцелярии. Департамент исполнительной полиции состоял из трех отделений. Первое отделение заведовало кадровой работой полиции и сбором сведений о преступлениях и происшествиях; второе надзирало за проведением следствия по уголовным делам и контролировало исполнение приговоров; третье содействовало Сенату в проведении ревизий в губерниях, отвечало за рекрутский набор и земское ополчение. Департамент хозяйственной полиции контролировал продовольственное снабжение городов, в том числе следил за пресечением спекуляции. Медицинский департамент надзирал за санитарным состоянием в губерниях, организовывал снабжение лекарствами. Общая канцелярия занималась общим делопроизводством.

Особенная канцелярия, возглавляемая Я. И. де Сангленом, находилась в личном подчинении министра. Она осуществляла надзор за иностранцами, выдавала заграничные паспорта, занималась цензурой, выполняла личные поручения министра и вела секретное делопроизводство. Постепенно канцелярия стала одним из органов политической полиции и контрразведки, а ее начальник обладал правом личного доклада императору без согласования с министром; он также получал указания государя

по надзору за высокопоставленными чиновниками империи. Например, в августе 1811 г. Александр I дал А. Д. Балашову и Г. М. Армфельту[279] тайное приказание «примечать» за поступками М. М. Сперанского, а де Санглену поручил контролировать деятельность Балашова. Позже Санглен писал, что все они действовали как телеграфы, нити которых были в руках государя. Сообщество лон-лакеев в 1811 г. было официально «расформировано», чтобы на практике заменить гласный надзор за иностранцами на негласный. Агентурная сеть перешла в подчинение Особенной канцелярии Министерства полиции. Через Дирекцию почт МВД в Министерство полиции и одновременно в «Комитет 13 января» поступали полученные с помощью перлюстрации «немедленные и верные сведения о подозрительных переписках».

В апреле 1812 г. А. Д. Балашов был направлен в действующую армию для выполнения особо важных поручений государя. Исполняющим обязанности министра полиции стал С. К. Вязмитинов, а управляющим Особенной канцелярией Министерства полиции – М. Я. фон Фок[280], сменивший на этом посту де Санглена.

Еще одним органом государственной безопасности в Российской империи была Собственная Его Императорского Величества канцелярия, с 1812 г. выполнявшая общегосударственные контрольные функции. Управлял канцелярией В. Р. Марченко[281].

В системе Военного министерства и действующей армии также были созданы специальные службы и подразделения, обеспечивавшие безопасность государства и императора. Один из значимых шагов в этой области – создание в первой половине 1811 г. Внутренней стражи. Ее особые военно-полицейские функции перечислены в положении о ней: охрана и восстановление внутреннего порядка; борьба с разбойниками; «рассеяние» запрещенных законом «скопищ»; поддержание порядка при исполнении церковных обрядов «всех исповеданий» (т. е. задачи, во многом аналогичные задачам современных Внутренних войск). Формированием, вооружением, материально-техническим обеспечением подразделений внутренней стражи ведало военное министерство, а служебной деятельностью – Министерство полиции. Инспектором Внутренней стражи, в ранге помощника военного министра, стал генерал-адъютант императора Е. Ф. Комаровский, который позднее писал в мемуарах, что по желанию государя он должен был «быть между ним и Барклаем-де-Толли[282]», который с января 1810 г. по сентябрь 1812 г. являлся военным министром. Из этого

следовало: инспектор Внутренней стражи имел двойную подчиненность и право личного доклада государю, что, несомненно, повышало его статус и позволяло лично доносить информацию во всей полноте, минуя дополнительные инстанции.

В царствование Александра I Россия вела пять войн на суше и на море: с Персией (1804–1813 гг.), Турцией (1806–1812 гг.), Францией (1805–1807 и 1812–1813 гг.), Швецией (1808–1809 гг.). Как известно, вооруженные силы любого государства – силовой инструмент при осуществлении не только внешней, но и внутренней политики. При подавлении крупномасштабных антигосударственных выступлений внутри страны армия часто играет роль «последнего довода королей». Но армия не может действовать вслепую. Поэтому одной из забот императора стало получение достоверной информации о политических и военных намерениях противников и союзников России. Основным органом, занимавшимся получением разведывательной информации, с 1802 г. стало Министерство иностранных дел. После А. Б. Куракина, который был министром пару месяцев, на этом посту сменилось несколько человек: А. Р. Воронцов (1802–1804 гг.), А. Е. Чарторыйский (1804–1806 гг.), А. Я. Будберг (1806–1807 гг.). Несколько дольше продержался назначенный после заключения Тильзитского мира Н. П. Румянцев[283] (1807–1814 гг.).

Помимо МИДа военную и политическую разведку вели еще несколько специальных служб, а также лица, уполномоченные императором. В 1808 г. личным осведомителем государя и одним из его тайных агентов становится министр иностранных дел Франции Ш. М. Талейран. Вероятно, найдется немного самодержцев, сумевших лично заполучить информатора такого высокого уровня. Множество псевдонимов Талейрана (Юрисконсульт, Красавец Леандр, Кузен Анри, Анна Ивановна) показывают, насколько русская разведка и Александр I следили за соблюдением правил конспирации. Связь с Талейраном обеспечивал посол России в Париже К. Р. В. Нессельроде[284]. Переписка велась в шифрованном виде, все важные источники Талейрана имели свои псевдонимы: например, министр полиции Фуше обозначался как Президент, Наташа, Бержьен. Основные направления политической информации также шифровались: например, фразы «любовные шашни Бутягина» (секретарь русского посольства) и «английское земледелие» относились к внутреннему положению во Франции.

В феврале 1808 г. с письмом государя в Париж направляется его адъютант полковник А. И. Чернышёв[285]. А через год Александр I поручает Чернышёву быть его личным

представителем при Наполеоне. Сочетая легальные и нелегальные методы работы, Александр Иванович, обладавший огромным обаянием, стал одним из выдающихся разведчиков своего времени. Репутация «недалекого покорителя женских сердец» была прекрасным прикрытием для регулярного получения политической и военной информации в великосветских салонах. Так, сотрудник Военного министерства Франции М. передал Чернышёву копию еженедельной сводки для Наполеона о численности и дислокации французских войск. Еще два источника работали в Военной администрации и Государственном совете Франции. В донесении от 2 декабря 1811 г. Чернышёв, в частности, писал, что, по сообщению его источников, выражения, использованные Наполеоном в циркулярном послании военному ведомству в отношении русских, говорят о скором разрыве отношений. Однако в тот же период Чернышёв попадает под подозрение, и при негласном обыске его парижской квартиры (Чернышёв выезжал в Петербург) полиция обнаруживает донесение одного из его источников. Естественно, что после обвинений в шпионаже о возвращении во Францию не могло быть и речи.

Еще одним (менее известным) личным агентом российского императора во Франции был И. О. де Витт[286]. После заключения Тильзитского мира (июль 1807 г.) он выходит в отставку и поступает волонтером на французскую службу (тем не менее по приказу Александра I из списков русской армии его никто не вычеркивает). Позднее Витт попадает в походный штаб Наполеона, где начинает исполнять секретные задания французского императора. В 1809 г. он женится на Ю. Любомирской и помогает поддерживать ее подруге М. Валевской (будущей любовнице Наполеона) связь с императором Франции. В 1811 г. Наполеон назначает Витта своим личным агентом в герцогстве Варшавском. При этом Витт числится в списках 2-й армии П. Багратиона! За две недели до нападения Наполеона на Россию Витт переплывает Неман и сообщает Барклаю-де-Толли последние сведения о противнике.

Зимой 1810 г. военным министром России становится генерал М. Б. Барклай-де-Толли, и этот год становится переломным в работе российской разведки. Ранее вся разведывательная информация, приходившая из-за границы от сотрудников российских дипломатических представительств, вначале поступала в МИД. Затем по решению министра иностранных дел она передавалась в Военное министерство. Бывало так, что сведения, «которые доходили дипломатическим путем до канцлера Румянцева, не всегда сообщались Военному

министерству»[287]. А те донесения, которые доставлялись военному министру, «недостаточно обращали внимания на все относившееся до военных приготовлений в Европе»[288].

Докладные Чернышёва и его собственный серьезный анализ дипломатических донесений убедили Барклая-де-Толли и Александра I в необходимости создания особого органа, отвечающего за сбор стратегической военно-политической информации. Таким органом 29 сентября 1810 г. стала Экспедиция секретных дел при Министерстве военно-сухопутных сил. Аппарат экспедиции состоял из пяти человек: подчинявшегося военному министру директора, трех экспедиторов и переводчика. Директором экспедиции император назначил своего флигель-адъютанта полковника А. В. Воейкова[289].

В число задач экспедиции входило добывание стратегической и оперативно-тактической информации военного характера, а также контрразведка – выявление и нейтрализация агентуры противника. В 1810 г. офицеры-разведчики действовали под прикрытием должностей адъютантов и гражданских чиновников при русских посольствах. В Австрии работал полковник Ф. Т. Тейль фон Сераскеркен, в Баварии – поручик П. Х. Грабе, в Испании – поручик П. И. Брозин, в Пруссии – подполковник Р. Е. Ренни, в Саксонии – майор В. А. Прендель. Им предписывалось соблюдать строжайшую конспирацию. Так, от майора В. А. Пренделя требовалось хранить в «непроницаемой тайне» поручение приобрести точные статистические и иные данные о состоянии Саксонского королевства и Варшавского герцогства, особенно в области военного дела.

В составе Министерства иностранных дел находились три секретные экспедиции: шифровальная, дешифровальная и перлюстрации. Цифирный комитет МИД был центральным органом, отвечавшим за сохранение секретности при переписке. Его сотрудники обеспечивали введение новых шифров, осуществляли надзор за их хранением и использованием, выводили из применения устаревшие или скомпрометированные шифры, готовили доклады для императора. Российские криптографы работали и в интересах Военного министерства. С середины XVIII в. российские дешифровальщики вели борьбу с королевской, а впоследствии республиканской и императорской Францией. Эта деятельность была достаточно успешной: российские императоры, в том числе и Александр I, имели в руках значительную часть секретной французской переписки. Военное руководство Франции при Наполеоне I (и практически вплоть до Второй мировой войны) использовало для шифровки

секретных сообщений книги.

Параллельно с организацией стратегической разведки под руководством Барклая-де-Толли создается также тактическая военная разведка. Штабы армий и корпусов, размещенных на западной границе, получили указание начать сбор сведений о дислокации и численности французских войск на сопредельных территориях. На основании этих сведений можно было сделать вывод о степени готовности французской армии начать военные действия. Поскольку агентурных сетей на сопредельной территории не имелось, добывать разведданные планировалось через лиц, имевших возможность легально пересекать границу. Одним из руководителей русской армейской разведки был полковник Л. А. Турский[290]. В 1811 г. он обосновался в Белостоке, где создал широкую сеть осведомителей из числа местных евреев.

Однако организация тактической разведки была сопряжена с частым недостатком необходимых денежных средств. 21 октября 1811 г. Багратион докладывал Барклаю-де-Толли: «Крайне трудно сыскивать верных людей, ибо таковые требуют весьма важную сумму. Естественно, рискуя быть повешенными в случае падшего на него подозрения, он[и] мо[гут] откупиться, имея большие деньги. <…> У меня есть в виду надежные люди, достойные всякого доверия, но все они жалуются на скупость платежа и никто не соглашается за какие-нибудь 200 червонцев собою рисковать»[291].

Аналогичное послание направил военному министру 6 декабря 1811 г. один из наиболее активных организаторов разведки на западной границе подполковник М. Л. де Лезер: «Крайняя осмотрительность, которая проявляется жителями герцогства [Варшавского] по отношению к путешественникам, создает для нас большие трудности по заведению агентов и шпионов, способных принести пользу»[292].

Развертывание агентурной сети в «пожарном порядке» привело к тому, что, имея опережающую информацию о готовящемся нападении французов, точное место и точное время переправы наполеоновской армии летом 1812 г. тактическая разведка определить не смогла.

В первой трети 1812 г. специальные службы военной направленности были значительно усилены. В частности, 27 января принято «Учреждение для управления Большой действующей армией» и установлена новая структура Военного министерства. Экспедиция секретных дел переименована в Особенную канцелярию при военном министре. 19 марта Войекова на посту директора канцелярии сменил полковник А. А.

Закревский[293]. Канцелярия отвечала за особо секретные вопросы: проведение разведки, обобщение и анализ поступающей разведывательной информации, выработку рекомендаций для составления военных планов, осуществление передислокации воинских частей на границе.

Кроме Особенной канцелярии на правах «особого установления» (отдела) непосредственно военному министру подчинялся Военный ученый комитет, сотрудники которого занимались аналитической работой, в том числе в области разведки и контрразведки. В составе Главного полевого штаба Большой действующей армии под управлением начальника Генерального штаба находилась Квартирмейстерская часть.

В «Учреждении для управления Большой действующей армией» было определено: «§ 64. Квартирмейстерская часть делится на два отделения, из коих: 1. Делает все приуготовительные соображения к военным операциям; 2. Приводит оные в действие и ведает все дела, подлежащие тайне. <…> § 69. К первому отделению Генерал-квартирмейстерского управления принадлежит: собирание сведений о земле, где война происходит. Сведения сии суть: 1. Лучшие карты и военно-топографические описания; 2. Табели о способах и богатствах края; 3. Табели о числе населения; 4. Исторические заметки о бывших войнах в краю, армией занимаемом; 5. Обозрение мест в тылу армии»[294]. Из приведенного текста видно, что 1-е отделение Квартирмейстерской части являлось специальным информационно-аналитическим подразделением действующей армии.

Еще одним органом обеспечения безопасности действующей армии стало Дежурство армии. В «Учреждении для управления Большой действующей армией» его функции обозначены так: «§ 65. Дежурство армии делится на четыре отделения, из коих: <…> 2. Ведает полицию армии. <…> § 71. К первому отделению Дежурства принадлежат: пароли, лозунги, отзывы и сигналы. <…>

§ 73. К третьему отделению Дежурства принадлежат: <…> переписка о всех подробностях внутренней службы с Военным министерством <…> выдача паспортов и пропусков»[295].

Таким образом, возглавлявшееся дежурным генералом (название должности, в которой мог состоять и полковник) Дежурство армии отвечало за режимные, заградительные и фильтрационные мероприятия. Для их обеспечения в качестве военной полиции и конвоя Главной квартиры Большой действующей армии привлекались наиболее подготовленные и заслуживавшие абсолютного доверия подразделения, например

Ингерманландский драгунский полк. Воинские части из состава военной полиции и конвоя Главной квартиры несли дозорную и караульную службу, охраняли обозы и чиновников, участвовали в разведках и рекогносцировках.

Одновременно с реорганизацией Военного министерства 27 января 1812 г. в действующей армии создается Высшая воинская полиция. Деятельность Высшей воинской полиции регламентировали следующие документы: «Образование Высшей воинской полиции при армии», «Инструкция начальнику Главного штаба по управлению Высшей воинской полицией», «Инструкция директору Высшей воинской полиции»[296]. Все они были особо секретными. Официальное название этой службе было дано по соображениям конспирации, и исполнение полицейских обязанностей – только часть поставленных задач. Основными задачами воинской полиции было ведение разведки и контрразведки на сопредельных территориях, а также контрразведывательная работа в действующей армии и в местах ее дислокации. В именном императорском указе Сенату[297] руководство полицией в губерниях, объявленных на военном положении, передавалось в распоряжение главнокомандующего действующей армией. Практическое руководство полицейскими и таможенными органами в приграничных губерниях осуществлялось специальными сотрудниками воинской полиции.

В полном объеме все три инструкции могли знать император, военный министр, начальник Главного штаба, три командующих Западными армиями, директор Высшей воинской полиции и три директора полиции при армиях. В реальности число посвященных людей было еще меньше. В частности, Барклай-де-Толли одновременно являлся военным министром и командующим 1-й Западной армией.

15 марта 1812 г. инструкции были направлены командующим армиями, тогда же назначаются и директора полиций при армиях: в 1-ю – Я. И. де Санглен, во 2-ю – подполковник М. Л. де Лезер, в 3-ю – статский советник И. С. Барощци[298]. 17 апреля 1812 г. директором Высшей воинской полиции становится де Санглен, одновременно руководивший воинской полицией 1-й армии. Предусмотренные штатами структуры Высшей воинской полиции во 2-й и 3-й армиях практически не были сформированы. Барощци к работе не приступил, а де Лезер после Смоленского сражения был заподозрен «в сношениях с неприятелем» и сослан в Пермь – в условиях открытых военных действий проводить длительное и сложное расследование было бы непростительной роскошью. На деле руководство полицией во 2-й и 3-й армиях осуществлялось подчиненными де Санглена.

Документы, которые вы прочтете, не нуждаются в комментарии, поскольку они написаны предельно конкретно и не допускают двоякого толкования. Но все же остановимся на некоторых принципиальных моментах. Основным методом деятельности Высшей воинской полиции, обеспечивавшим получение информации, являлось использование секретной агентуры. Нам не известно, были ли знакомы авторы документов с трактатом Сунь-цзы (VI–V вв. до н. э.), однако многие положения тождественны наставлениям его автора – великого китайского стратега. В любом случае наши предки имели колоссальный опыт и знания в области специальных видов деятельности, более того – они прекрасно применяли их на практике.

Выделим несколько основных принципов, на которых строилась оперативная работа Высшей воинской полиции. Само ее существование являлось государственной тайной: подавляющее большинство генералитета даже не подозревало о ее создании. В среде допущенных к тайне существовало железное правило: каждый знает только то, что ему положено по должности и необходимо для эффективной работы. Наказание для отступников было самым суровым и осуществлялось без суда, о чем поступавшего на секретную службу кадрового сотрудника осведомляли; он принимал присягу, приведенную в приложении[299]. Кадровый состав Высшей воинской полиции формировался не по кастовому или семейному, а исключительно по профессиональному принципу. Работа полиции в целом и каждого сотрудника в отдельности оценивалась по конечному результату. Государь не скупился на расходы, связанные с деятельностью секретной службы, и не жалел наград для ее сотрудников.

Особо следует отметить тот факт, что на всех указанных документах стоит резолюция императора «быть по сему». Это позволяет предположить, что Александр лично контролировал важнейшие вопросы обеспечения государственной безопасности. У нас нет сомнений, что и другие специальные институты империи находились под его постоянным и пристальным вниманием. Еще раз подчеркнем: в те времена понятия «государственная» и «личная безопасность» были для российских императоров тождественными.

Соперничество российских и французских спецслужб само по себе достойно специального рассмотрения, скажем одно – нам противостоял опытный и умный противник. В Петербурге резидентуры возглавляли французские послы Р. Савари и А. Коленкур. Сотрудники секретного посольства Прево собирали

сведения в приграничных губерниях. Группа маршрутников полковника А. Платтера добывала информацию не только в Москве, но и в девяти губерниях. Военно-разведывательное бюро маршала Даву в Данциге собирало топографические сведения и вело опрос лиц, пересекавших границу. Разведбюро в Варшаве имело не менее 36 агентов, наблюдавших в Прибалтике, Белоруссии и Малороссии за дорогами и строительством крепостей. Велся также опрос команд судов, заходивших в российские порты. Была предпринята попытка (Маковский и Турский) проникнуть на Дон и поднять восстание казаков.

Для примера приведем небольшой отрывок из воспоминаний де Санглена, посвященный началу его работы на посту директора воинской полиции в Вильно.

«Государь, призвав меня, сказал:

– Я получил от берлинского обер-полицмейстера Грунера уведомление, что здесь уже несколько месяцев скрываются французские офицеры, шпионы; их должно отыскать.

Я спросил государя, не известны ли имена их или не означены ли какие-либо их приметы.

– Нет, – отвечал государь, – но их отыскать должно; ты знаешь, я тебе одному верю, веди дело так, чтобы никто о нем не знал.

Я поручил трем моим чиновникам ходить каждый день по разным трактирам, там обедать, все рассматривать, выглядывать и мне о том докладывать; виленскому же полицмейстеру Вейсу поручил строгое должное наблюдение за приезжими из Польши. Здесь узнали мои отряженные, что и у Балашова чиновник о том же хлопочет; следовательно, не одному мне доверено дело. Я рассердился и стал сам ходить в знаменитейший тогда трактир Кришкевича. Здесь я заметил одного крайне развязного поляка, со всею наружностью фронтовика, который не щадил шампанского и бранил Наполеона напропалую. Возвратясь домой, я приказал полицмейстеру Вейсу попросить его ко мне. Я потчевал его чаем; узнал, что ему хотелось бы возвратиться с двумя товарищами в Варшаву, но что, вероятно, теперь никого не выпустят. Я воспользовался этим случаем, предложил ему мои услуги, призвал начальника моей канцелярии Протопопова, чтобы записать их имена и заготовить им паспорта. Между тем приказал полицмейстеру Вейсу обыскать его квартиру, выломать полы, в случае нужды – трубы и печи, а гостя своего задержал разными разговорами; он назвал себя шляхтичем Дранженевским, никогда не служившим в военной службе.

Является полицмейстер, вызывает меня; я вышел, приказав караулу гостя не выпускать. Вейсом были привезены найденные в

трубе печи и под полом следующие бумаги: 1) инструкция генерала Рожнецкого[300], данная поручику Дранженевскому; 2) патент на чин поручика, подписанный Наполеоном; 3) замшевый пояс со вложенными в нем червонцами, 5 т.; 4) записки самого Дранженевского о нашей армии и наших генералах. Дело было ясно; недолго продолжался его допрос, он вынужден был к сознанию.

Пока я посылал за двумя его товарищами, потребовал меня к себе государь.

– Ты не отыскал, – сказал он мне, – а Балашов уже представил мне трех шпионов, французских офицеров, им открытых, которых я велел остановить.

– Документы о французских шпионах представлены ли Вашему Величеству?

– Нет! Вероятно, все сделано в порядке.

– Так позвольте мне завтра утром представить Вашему Величеству трех французских шпионов с документами: одного поручика и двух статских чиновников.

– Как же это? – сказал император.

– Государь! Это обыкновенная полицейская штука: схватить первых бродяг, выдать их за шпионов и отправить подалее, чтобы молчали; так поступал и граф Пален при императоре Павле I.

– Быть не может! – отвечал государь.

– Мои шпионы с документами, ибо я без ясных доказательств никого, а еще менее невинных, представить не осмелюсь.

– Я велю к тебе прислать балашовских, допроси их и скажи мне, что это за люди.

Я до второго часу бился с моими двумя шпионами, за исключением уже признавшегося Дранженевского. Остальные эти два, статские чиновники, были отправлены в Вильну французским резидентом Бильоном из Варшавы, тоже с инструкциями; все трое содержались у меня под караулом.

На другое утро представил я все эти документы Барклаю для представленья Его Величеству – чтобы иметь посредника между императором и мною. Я [никому] более не доверял. Шпионов велено было отправить в Шлиссельбург, за исключением одного статского, раскаявшегося, которого оставил при себе. <…>

Я свел связи с кагалом виленских евреев и за их ручательством отправил жида в Варшаву, который ехал с товаром; он первый известил меня о будущем приезде Нарбонна в Вильну и прислал прокламацию Наполеона к его солдатам, которую я представил Барклаю…»[301].

Из приведенного фрагмента следует, что Санглен «открыл» французского разведчика при личной встрече в трактире. В

мемуарах он конспирирует: на самом деле информацию об агентах представил секретный сотрудник русской разведки отставной ротмистр Д. Саван, являвшийся так называемым двойным агентом. Деятельность миссии специального посланника Наполеона I графа Л. Нарбонна, прибывшего в Россию в начале мая 1812 г., находилась под контролем отечественных спецслужб. В ходе этого визита были выявлены все контакты французской миссии, а секретный сотрудник Станкевич, устроившийся к графу камердинером, сумел изъять и скопировать инструкцию Наполеона. Д. Саван передал Нарбонну подготовленную офицерами Главного штаба Большой действующей армии стратегическую дезинформацию о намерении русского командования дать генеральное сражение войскам Наполеона на границе. В операции по дезинформации противника непосредственно участвовал и император Александр I, который сообщил Нарбонну о своем намерении не оставлять без сопротивления пограничные территории.

Штат Высшей воинской полиции был небольшим. Часть людей пришла из Министерства полиции: коллежский асессор барон П. Ф. Розен, поручик И. А. Лешковский, надворный советник П. А. Шлыков. С началом войны к ним добавились полицмейстеры городов Вильно (Вейс) и Ковно (майор Е. А. Бистром), таможенный чиновник А. Бартц, дворянин И. Я. Закс, подполковник Е. Г. Кемпен, капитан К. Ф. Ланг, отставной ротмистр В. Ривофиннолли. Секретное делопроизводство вели губернский секретарь Протопопов, коллежский секретарь Валуа, коллежский регистратор Головачевский и студент Петрусевич.

Оперативники Высшей воинской полиции на месте не сидели. Розен и Бистром направлялись в район Динабург – Рига; Ривофиннолли – в район Подмосковья; Бартц – в Белосток; Шлыков – под Полоцк, под Смоленск, в 3-ю армию и в Москву, Лешковский – в корпус П. Х. Витгенштейна, Кемпен – в Мозырь, для развертывания агентурной работы в Белоруссии. Ланг с казаками специализировался на захвате «языков». После отступления в Белостоке, Велиже, Могилёве, Полоцке были оставлены агентурные сети, которые действовали весь период оккупации. Большую часть агентуры составляли евреи, преимущественно торговцы и ремесленники.

После отставки Барклая-де-Толли сотрудники его ведомства отбыли в Петербург. Де Санглен был определен в Военное министерство, где исполнял свою должность до 1816 г. Директором Высшей воинской полиции в армии стал способный контрразведчик П. Ф. Розен.

Имея значительное численное превосходство (3: 1) и

огромный боевой опыт, французский император (как впоследствии А. Гитлер) намеревался быстро разбить русскую армию в приграничных сражениях и принудить Александра I заключить мир на выгодных для себя условиях. А в результате он был вынужден преследовать ускользающую «добычу», все более растягивая коммуникации и значительно уменьшая ударную силу основных армейских корпусов. В этой связи можно сказать, что Отечественная война 1812 г. обогатила русскую армию колоссальным опытом ведения партизанских действий на коммуникациях противника.

В числе организаторов «малой войны» на оккупированной территории был и А. Чернышёв, опиравшийся в работе на личный опыт разведчика. Многие офицеры-разведчики командовали партизанскими отрядами и занимались оперативно-тактической разведдеятельностью, диверсионными операциями и организацией народного партизанского движения. К Д. Давыдову, И. Дорохову, И. Вадбольскому, И. Ефремову, А. Сеславину, А. Фигнеру и многим другим вполне применим современный термин «разведчик специального назначения». В первой четверти XIX в. по опыту разведывательно-диверсионных операций в тылу вражеских войск наша армия не имела себе равных[302]. К сожалению, опыт партизанских партий (спецназа своего времени) не нашел должного развития в теории и практике военного искусства. Только столкнувшись с сопротивлением в ходе многолетней Кавказской войны, об этом вспомнили опять.

Личную охрану Александра I во время войны осуществляла лейб-гвардия. 18 мая 1811 г. была сформирована лейб-гвардии Черноморская казачья сотня, ставшая личным конвоем императора. 27 февраля сотня в количестве 4 офицеров, 14 урядников и 100 казаков прибыла в Петербург и была зачислена в лейб-гвардии Казачий полк 4-м эскадроном. Его командиром стал войсковой полковник А. Ф. Бурсак. Во время Заграничных походов 1813–1814 гг. полк выполнял функции императорского конвоя. Структурно он входил в состав Главной квартиры.

Из уроков Отечественной войны 1812 г. высшее военно-политическое руководство Российской империи не сделало соответствующих выводов. После назначения Барклая-де-Толли командующим 1-й Западной армией координация работы стратегической разведки была нарушена. Особенная канцелярия Военного министерства вошла в состав штаба этой армии и работала только на ее интересы. Офицеры 1-го отделения квартирмейстерской части Полевого штаба Большой действующей армии занимались информационно-аналитической работой и разведкой только в пределах театра военных действий.

Высшая воинская полиция также действовала в интересах действующей армии, не занимаясь стратегической разведкой. Ни во время Отечественной войны, ни после нее удачный опыт 1810–1812 гг. по созданию единого координационного органа стратегической военной разведки, к сожалению, в очередной раз в отечественной истории не был востребован. Скоро об этом придется горько пожалеть, но…

«Причиной этому стало то, что победа в Отечественной войне и отсутствие у России <…> серьезного внешнего противника, угрожавшего ее национальной безопасности, сформировали, как представляется, у русских царей, правительства и военного командования в некоторой степени излишнюю уверенность в непобедимости русского оружия и не подталкивали их к проведению реформ в армии и на флоте, подобных тем, к которым уже приступили Англия и Франция»[303].

12 декабря 1815 г. Александр I вновь «тасует колоду» и учреждает новый высший орган военного управления – Главный штаб Его Императорского Величества. В состав штаба вошло и Военное министерство. Сбор военных сведений об иностранных государствах становился обязанностью канцелярии Управления генерал-квартирмейстера. В 1818 г. начальник Главного штаба П. М. Волконский[304] поставил офицерам управления задачу составить «Общий свод всех сведений о военных силах европейских государств» (крепости и войска). Ряд офицеров были посланы за границу, но эта работа так и не была завершена.

Практически сразу после окончания войны и возвращения армии из-за границы началось ничем не оправданное снижение боеспособности ее основной части. Школа боевой подготовки безжалостно искоренялась, ее место занимала утомительная и бессмысленная на войне шагистика. Вопреки возражениям многих старших военачальников во главе с М. Б. Барклаем-де-Толли, И. И. Дибичем[305] и А. А. Аракчеевым в 1817 г. часть армии перевели на систему военных поселений. Аракчеев на коленях умолял не делать этого, говоря: «Государь, вы образуете стрельцов!»[306]. Симптоматично, что решение о возвращении к фридриховским методам обучения войск император принял во многом под влиянием западных советчиков. Муштра приобрела совершенно дикие формы, солдат запарывали насмерть. Система военных поселений и чрезмерное увлечение «гатчинской» строевой подготовкой стали одной из причин массового дезертирства не только солдат, но и офицеров. Шах Персии даже сформировал из таких дезертиров личный гвардейский батальон (!), вернувшийся на родину только при Николае I.

Большинство современников Александра I называют

основной чертой характера государя противоречивость. Скорее всего, на протяжении всей жизни он не мог простить себе молчаливого согласия на убийство отца. Вероятно, именно в этом кроется причина перемен его политических настроений, стремление путем либеральных преобразований искупить свою вину. Оборотной стороной было подсознательное чувство страха за собственную судьбу, что особенно ярко проявилось в 1812 г. Тогда для спасения Отечества и престола он был вынужден назначить главнокомандующим действующей армией нелюбимого со времен Аустерлица фельдмаршала князя М. И. Кутузова. Эти два чувства – вины и страха, боровшиеся в душе государя, – часто приводили к непоследовательности в действиях. Кстати говоря, многие исследователи движения декабристов считают, что специальные службы империи не справились со своей задачей и проглядели подготовку восстания 14 декабря 1825 г. Однако, по нашему мнению, повинны в этом не специальные службы государства, а непосредственно император в силу названных особенностей личности.

К 1815 г. спецслужбы Российской империи имели колоссальный опыт работы как внутри России, так и за ее пределами. После возвращения армии в Россию значительная часть войск была расквартирована в Королевстве (Царстве) Польском и западных губерниях. В конце 1815 г. Высшая воинская полиция подверглась реорганизации, превратившись Военно-секретную полицию. После ухода в отставку де Санглена центральная канцелярия в Петербурге прекратила свое существование, ее функции были переданы Особенной канцелярии Министерства полиции. В составе Военного министерства осталась только Военно-секретная полиция в Варшаве, созданная на базе Высшей воинской полиции 1-й армии. Формально она находилась в подчинении начальника Главного штаба Его Императорского Величества генерал-лейтенанта И. И. Дибича, но реально ею руководил начальник Главного штаба великого князя Константина Павловича генерал-лейтенант Д. Д. Курута[307]. В задачи Военно-секретной полиции входили: разведка (внешняя контрразведка) в Австрии и Пруссии; контрразведка и политический сыск на территории Польши; борьба с контрабандистами, фальшивомонетчиками и религиозными сектами. По сути, это была многопрофильная служба безопасности, что объяснялось особым статусом Царства Польского и цесаревича Константина Павловича.

В самой империи также происходили изменения в спецслужбах. 27 декабря 1815 г. был сформирован Гвардейский жандармский полуэскадрон, которому 6 января 1816 г.

пожалованы права и преимущества старой гвардии. 10 июля 1815 г. Барклай-де-Толли предписал отобрать в каждом полку по одному офицеру и пять рядовых – жандармов[308] – для поддержания порядка. 27 августа сформированные таким образом команды были упразднены. Вместо них Борисоглебский драгунский полк переименовали в Жандармский и отдельными командами распредели по армии. Это были специальные полицейские подразделения с военной организацией и дисциплиной. В феврале 1817 г. по личному распоряжению Александра I в составе Отдельного корпуса внутренней стражи создаются конные жандармские формирования быстрого реагирования. Жандармы несли службу в Петербурге, Москве и Варшаве (по одному дивизиону в составе 334 человек), губернских и портовых городах (по одной команде в составе 31 человека) и подчинялись обер-полицмейстерам (полицмейстерам).

Особенная канцелярия Министерства полиции, выполнявшая под руководством М. Я. фон Фока функции политической полиции и контрразведки, в 1815–1819 гг. состояла из трех отделений (столов) и секретной части. 1-й стол осуществлял надзор за иностранцами и выдавал заграничные паспорта, 2-й собирал сведения о типографиях и книжных лавках и занимался цензурой, 3-й надзирал за сектами и «подозрительными бродягами». Секретная часть контролировала проживание высланных из столиц лиц и следила за политически неблагонадежными. Она же рассматривала дела о злоупотреблениях полицейских чиновников. Работу Министерства полиции с подачи В. П. Кочубея признали неудовлетворительной, и 4 ноября 1819 г. оно было присоединено к Министерству внутренних дел. Общую канцелярию Министерства печати объединили с канцелярией МВД, Особенную канцелярию и Цензурный комитет также передали в ведение МВД, где они продолжали исполнять свои задачи. Возглавил Особенную канцелярию фон Фок. Министр внутренних дел В. П. Кочубей, гнушавшийся политическим сыском, определил ему более скромное положение, чем ранее.

Кроме Особенной канцелярии МВД в Петербурге существовали и другие органы, выполнявшие функции контрразведки и политической полиции. «В Петербурге была тройная полиция: одна в Министерстве внутренних дел, другая у военного генерал-губернатора, а третья у графа Аракчеева; тогда даже называли по именам тех из шпионов, которые были приметны в обществах…»[309]. Столичная полиция подчинялась военному губернатору М. А. Милорадовичу[310] – боевому

генералу, но в вопросах уголовного и политического сыска лицу недостаточно искушенному. Фактически его помощником по этой линии стал полицейский чиновник Фогель. Агентура Аракчеева действовала в основном в военных поселениях и отчасти в частях столичного гарнизона. Специальные поручения государя получали отдельные лица, докладывавшие о своей деятельности лично ему. Так, начальник южных военных поселений империи граф И. О. Витт обязывался «иметь наблюдение» за южными губерниями, Киевом и Одессой. К 1820 г. система специальных служб Российской империи была разветвленной, они имели в своем составе опытные кадры.

Однако, как это часто бывает в подобных случаях, работа специальных институтов государственной безопасности направлялась не только на выявление и пресечение угроз престолу и государству, но и на противодействие коллегам из параллельных структур. Декабрист Г. С. Батеньков впоследствии вспоминал: «Квартальные следили за каждым шагом всемогущего графа (Аракчеева. – *Примеч. авт.*). Полицмейстер Чихачев обыкновенно угодничал и изменял обеим сторонам. Мне самому граф указал на одного из квартальных, который, будучи переодетым в партикулярное платье, спрятался торопливо в мелочную лавочку, когда увидел нас на набережной Фонтанки»[311]. Батеньков дал следующую оценку профессионализму полицейских агентов: «Разнородные полиции были крайне деятельны, но агенты их вовсе не понимали, что надо разуметь под словами карбонарии, и либералы и не могли понимать разговора людей образованных. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, разорванные и замаранные бумажки, и доносы обрабатывали, как приходило в голову. Никому не были они страшны»[312]. Характеристика нелицеприятная, но следует иметь в виду, что слова Батенькова относятся к тем сотрудникам полиции, которые вели наблюдение на улицах и в присутственных местах. Сотрудники специальных служб, работавшие по линии контрразведки против иностранцев или в высшем петербургском обществе, имели другой уровень образования и профессиональной подготовки. Другое дело, что государь не всегда прислушивался к мнению профессионалов и не всегда адекватно оценивал предоставлявшуюся ими информацию.

В гвардии, призванной быть опорой трона, но уже не раз свергавшей государей, ситуация к 1820 г. сложилась следующая. К началу XIX в. изменился рядовой состав: еще при Павле I он перестал комплектоваться дворянами, после 1815 г. были введены

новые правила комплектования. Вначале отличившиеся в боях и лучшие по поведению солдаты армейских полков ежегодно отбирались в гренадерские и кирасирские полки. Из этих элитных армейских полков лучших солдат отбирали в гвардию, допускался набор рядовых непосредственно из армейских полков и кантонистов[313]. Первичный отбор кандидатов в гвардию производили командиры армейских полков, а затем специально посылавшиеся гвардейские офицеры. Прибывавших на пополнение гвардии солдат осматривали и проверяли великие князья и император. Признанных неудовлетворительными отсылали обратно за счет полкового командира, что могло испортить его карьеру. К 1820-м гг. солдатский состав гвардии состоял преимущественно из заслуженных ветеранов кампаний 1805–1815 гг. Мы полагаем, что введение новых правил комплектования и наличие в рядовом составе гвардии большого числа ветеранов не позволили декабристам привлечь солдат на свою сторону.

Замена боевой подготовки муштрой и плац-парадами затронули гвардию даже в большей степени, чем армию. В сентябре 1820 г. 52 офицера лейб-гвардии Измайловского полка подали прошение об отставке в знак протеста против проведения строевых занятий после окончания учений. Аналогичный случай имел место в лейб-гвардии Конно-егерском полку. Но из желания угодить императору некоторые полковые командиры проявляли такое усердие в муштре, что к ним вполне применима поговорка: «Услужливый дурак опаснее врага». Одним из таких офицеров был командир Семеновского полка полковник Ф. Е. Шварц. «Без образования, едва знал русскую грамоту, не имел дара слова», – так характеризовал его семеновец В. И. Рачинский[314].

16 октября 1820 г. солдаты 1-й гренадерской (государевой) роты самовольно построились и потребовали от начальства отменить смотры и учения по праздничным дням, дать другого командира и улучшить их материальное положение. Никто из офицеров участия в выступлении солдат не принимал. 17 октября роту отправили в Петропавловскую крепость. 18 октября солдаты остальных рот полка потребовали немедленного возвращения товарищей в казармы. Для переговоров с солдатами в полк приезжали все их начальники: командир 1-й бригады великий князь Михаил Павлович, командующий Гвардейским корпусом И. В. Васильчиков[315], начальник штаба корпуса А. Х. Бенкендорф[316] и военный губернатор М. А. Милорадович. Переговоры не удались, и полк в полном составе добровольно отправился в Петропавловскую крепость.

К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка[317] и другие свидетели событий

единодушно отмечают в своих воспоминаниях, что после заключения в крепость солдат Семеновского полка (3000 человек) в городе и гарнизоне царила тревога на грани паники. Это обусловливалось тем, что военные и гражданские власти прежде были уверены в лояльности гвардии. Информации о настроениях в казармах они не имели. Все силы городской полиции были брошены на ее добывание оперативными методами. Милорадович приступил к созданию собственной сети осведомителей в гарнизоне. В результате командование Гвардейского корпуса все же снизило интенсивность и утомительность строевых учений.

«Семеновская история», как ее назвали впоследствии, не имела аналогов в русской армии. Во-первых, инициатором возмущения стала рота Его Величества. В лейб-гвардии Преображенском, Семеновском и Гренадерском полках, шефом которых являлся Александр I, государевыми считались 1-е гренадерские роты, которые, в числе прочих обязанностей, несли караул в императорских резиденциях. Во-вторых, выступление произошло без участия офицеров и без применения оружия, оно не имело политических требований. При расследовании выяснилось, что поводом к нему послужило бесчеловечное обращение с солдатами командира полка. И. В. Васильчиков и М. А. Милорадович так и донесли государю, что, мол, бунт случился из-за глупости и грубости полкового командира.

Александр I, находившийся в это время в Австрии, не поверил генералам. Он написал Аракчееву, что весьма сомневается в виновности полковника Шварца и в том, что солдаты возмутились по собственному разумению. Император был прекрасно осведомлен о существовании в России тайных обществ и полагал, что их деятельность в первую очередь направлена против политики Священного союза, учрежденного монархами Австрии, Пруссии и России в Париже в 1815 г. По нашему мнению, возмущение солдат Семеновского полка не инспирировано извне, оно действительно явилось реакцией на самодурство командира и тяжелейшие условия придворной службы, однако впоследствии это выступление было использовано в политических целях.

Через неделю после «Семеновской истории» была обнаружена антимонархическая прокламация, озаглавленная «К преображенцам», написанная от имени семеновцев и подписанная «Единоземелец». Автора установить не удалось, но мнение генералитета о причинах бунта изменилось. Начальник Главного штаба П. М. Волконский писал генералу И. И. Дибичу: «Ясно, что смуты эти были давно и настойчиво подготовляемы ожесточенными подстрекателями, которых, по моему мнению,

должно искать между офицерами; я вполне убежден, что предположение это наконец подтвердится, особенно если удастся расположить солдат, переведенных в армию, к болтливости…»[318]. Следствие над зачинщиками бунта и над полковником Шварцем заняло более полугода.

5 ноября 1820 г. Александр I отдал приказ о расформировании полка, его личный состав распределили по восьми пехотным дивизиям 1-й и 2-й армий. Полк был заново образован из батальонов Петербургского (шеф – король Пруссии) и Кексгольмского (шеф – император Австрии) гренадерских полков, считавшихся образцовыми «фрунтовиками». По окончании следствия 9 зачинщиков наказаны шпицрутенами и сосланы на каторгу. Недоверие императора к гвардии оказалось столь велико, что в апреле 1821 г. Гвардейский корпус из Петербурга отправили в карантин под Вильно, где он оставался до лета 1822 г. Полиция получила указание установить негласный надзор за гвардейцами. Осенью 1821 г. открылось следствие по делу о четырех бывших офицерах Семеновского полка, заподозренных в подстрекательстве к бунту: А. Ф. Вадковского, Н. И. Кашкарова, Д. П. Ермолаева и И. Д. Щербатова. К весне следующего года следствие было завершено, и на утверждение императору представили три варианта приговора. Александр, как и в других случаях, колебался и не принял окончательного решения до самой смерти.

После событий 1820 г. государь стал часто посещать монастыри, беседовать со старцами. По нашему мнению, это могло быть связано с приближением к «роковому рубежу» – возрасту Павла I на момент смерти (46 с половиной лет). Александр все меньше времени уделял государственным делам, перекладывая повседневную работу на А. А. Аракчеева, с личностью которого историки связывают внутриполитический курс России 1820–1825 гг. – так называемую аракчеевщину. В действительности инициатор запретительных мер – Александр I, а Аракчеев – лишь преданный и усердный исполнитель. С 1822 г. последний стал докладчиком императора по большинству вопросов. Любое лицо, просившее аудиенции, сначала принимал Аракчеев; почти все назначения на высшие государственные и военные посты также проходили через него.

Именно ему русская артиллерия обязана выдающимися успехами. Исполняя волю императора, он настоял на переходе русских войск в тыл шведской армии по льду Ботнического залива во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. Одна маленькая деталь, характеризующая этого человека, – Аракчеев отказался от звания фельдмаршала и ордена Андрея

Первозванного, пожалованных императором за заслуги в войне 1812 г. Даже недоброжелатели не могли обвинить его в казнокрадстве или взяточничестве.

Чтобы более объективно оценить «реакционный» курс правительства, рассмотрим политическую жизнь в Российской империи после 1815 г. В ноябре 1815 г. в Царстве Польском было введено конституционное правление; наместником назначен цесаревич Константин Павлович. На открытии сейма в 1818 г. император заявил, что надеется распространить вводимые в Польше «законно-свободные учреждения» на всю империю. По его поручению Н. Н. Новосильцев разрабатывал проект конституции – «Уставную грамоту Российской империи». 1 января 1810 г. в соответствии с планом государственных преобразований М. М. Сперанского был образован Государственный совет; предусматривалось, что сенаторы будут детально рассматривать все законопроекты перед утверждением царем. В 1815 г., беседуя с французской писательницей мадам де Сталь, Александр I сказал, что желает уничтожить крепостное право. Эти слова были услышаны не только в Европе, но и в России и вызвали воодушевление в российском обществе. В 1818 г. Аракчеев получил секретное поручение разработать проект отмены крепостного права. Подготовленный проект предусматривал постепенный выкуп помещичьих крестьян за счет государства. Крестьяне получили бы по две десятины земли на условиях аренды и могли впоследствии выкупить ее у помещиков. В 1816–1819 гг. крепостное право было отменено в прибалтийских губерниях: Курляндии, Лифляндии и Эстляндии. Инициатива исходила от помещиков указанных губерний. Произошли изменения в системе комплектования армии. Население Финляндии было избавлено от рекрутского набора. Срок службы в польских войсках снизили до семи лет. Несмотря на предложения Аракчеева сократить срок службы в русской армии с 25 до 8 лет, его уменьшили только в гвардии (всего на 3 года).

Между тем Александр I допустил серьезную ошибку – почти все поступающие к нему проекты держались в секрете от подданных, что не могло не способствовать распространению слухов и домыслов и, несомненно, послужило причиной к созданию тайных дворянских обществ.

После Отечественной войны 1812 г. в России начинается масонский бум: в ложах в те годы состояли многие представители аристократии. Кое-кто состоял даже в двух или трех тайных обществах. Сам император присутствовал на заседании ложи «Трех добродетелей», а пояснения ему давал А. Н. Муравьев, обращаясь к государю на «ты». В фонде Особенной канцелярии

МВД имеются материалы о деятельности масонских лож: «Великой ложи Астреи», 1815–1822; «Великой провинциальной ложи», 1815–1819; масонских лож в Бессарабии; об участии в них А. С. Пушкина и проч.[319]. «Великая тайна» масонских лож была секретом Полишинеля, их реальная антигосударственная деятельность не простиралась дальше разговоров о необходимости либеральных реформ. Время от времени в литературе муссируется вопрос: были ли масонами декабристы? Да, были, но далеко не все. Известно, что в ходе следствия над декабристами выяснялись причины их вхождения в масонские ложи: кое-кто из них считал ложи удобным местом для вербовки сторонников, другие использовали их как прикрытие собственных тайных обществ, третьи вступали в масоны из идеалистических или мистических соображений.

Наряду с масонскими ложами создавались и другие тайные общества, имевшие политическую направленность. В 1814 г. М. Ф. Орлов и М. А. Дмитриев-Мамонов создали «Орден русских рыцарей» для сопротивления «лихоимству и другим беспорядкам», которые часто встречались во внутреннем управлении России.

Организаторы ордена предполагали отменить крепостное право и ограничить самодержавие, лишить императора права объявлять войну, изменять существующие законы и вводить налоги без согласия Сената. Орден распался после назначения Орлова начальником штаба 7-го корпуса генерала Н. Н. Раевского. В 1814 г. возникла «Священная артель», в которую входили офицеры (И. Г. Бурцов и М. Н. Муравьев) и лицеисты (И. И. Пущин, М. К. Кюхельбекер, В. Д. Вальховский). Ее члены вели беседы о желательности изменения существующего строя; программы и устава артель не имела. Это был более клуб, чем тайное общество.

В 1816 г. создается тайное общество «Союз спасения» (с 1817 г. «Общество истинных и верных сынов Отечества»). В него вошли С. П. Трубецкой, А. Н. и Н. М. Муравьевы, И. Д. Якушкин, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, П. И. Пестель, М. С. Лунин, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский; всего около 30 человек. В уставе общества (разработан П. И. Пестелем и С. П. Трубецким) провозглашалось установление в России конституционной монархии. Судя по второму названию, основатели общества считали всех остальных российских подданных либо неистинными, либо неверными согражданами.

В 1817 г. Пестель встретился в Митаве с одним из убийц Павла I графом П. А. Паленом и имел с ним беседу. Старый заговорщик предостерег молодого «коллегу» от попыток изменить

политическое устройство России с помощью тайной организации.

Мы предполагаем, что Пестель мог поинтересоваться у Палена подробностями устранения отца Александра I от власти, спрашивать его совета по организации переворота. В это время высшее общество было чрезвычайно взволновано слухами о том, что правительство намерено включить в состав Царства Польского западные губернии, присоединенные к России в правление Екатерины II. Польский вопрос стал катализатором организации первого московского заговора (с целью убийства императора). Н. К. Шильдер писал в неопубликованных заметках со слов И. Д. Якушкина: «Тогда были слухи, что Александр I удалился в Варшаву, откуда издаст манифест о „реформах“. Декабристы были убеждены, что „вслед за этим последует общая резня помещиков“. Чтобы избежать сего – решили убить Александра»[320]. В этой связи можно предположить: намерение убить императора возникло у заговорщиков в 1817–1818 гг., т. е. еще до «аракчеевской реакции». Первоначальная причина убийства связана не с отступлением Александра I от либеральных реформ, а с желанием эти реформы предотвратить. Но в любом случае заговор с целью убийства первого лица государства позволяет считать заговорщиков опаснейшими государственными преступниками.

В 1818 г. на основе распущенного «Союз спасения» образуется «Союз благоденствия». В это время в высшем обществе усилились слухи о подготовке императором конституции и о возможности отмены крепостного права. После реальной отмены крепостного права в прибалтийских губерниях дворянство в каждом путешествии императора по стране усматривало опасность освобождения крестьян той или другой местности. Новый союз имел два организационных центра – в Петербурге и Тульчине, где располагался штаб 2-й армии; он насчитывал около 200 членов. «Союз благоденствия» был устроен по образцу прусского общества «Тугендбунд» («Tugendbundes», «Союз добродетели»), которое было основано в 1808 г. в Кенигсберге для улучшения нравственного состояния и благосостояния прусского (затем немецкого) народа.

Законоположение «Союза благоденствия» имело сходство с уставом «Тугендбунда», но в немецком уставе больше практических указаний, обязательных для членов общества. Последний обязывал всех вступающих в союз помещиков освобождать крестьян с землей, а законоположение рекомендовало помещикам только человечное обращение с крестьянами. Таким образом, на деле члены «Союза благоденствия» не спешили освободить своих собственных

крестьян, хотя и имели на это право в соответствии с указом 1803 г. «О вольных хлебопашцах». Налицо расхождения между благими намерениями и реальными действиями «радетелей» за народное счастье!

«Слово, письмо и пример», которые рассматривались в качестве основных средств улучшения нравственности и благосостояния народа членами «Тугендбунда», не удовлетворяли российских последователей. «Союз благоденствия» приступил к подготовке захвата власти насильственным путем, что являлось антигосударственной деятельностью и прямым нарушением присяги. А в ней говорилось: «Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и животворящим Крестом Господним, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору…»[321]. Некоторые историки и публицисты много говорят о дворянской чести декабристов – по нашему мнению, честь и измена присяге несовместимы. Получая от государя чины и вотчины, но при этом готовиться к его насильственному свержению, да еще на каждом углу кичиться своей честью, как бояре кичились бородой и древностью рода, – это выше нашего понимания…

Напомним, что основной ошибкой Александра I следует считать замену планомерной, систематической боевой подготовки пустой строевой муштрой. Увлечение внешней стороной службы, вероятно, было связано с неистребимой любовью императора к парадности. Сыграла свою роль и победа над наполеоновской армией: она принесла чувство самоуспокоенности, подогреваемое западными «советчиками», особенно после «мирового собрания» ведущих масонских лож в 1814 г. Но существовал и еще один немаловажный нюанс, о котором поклонники декабристов предпочитают не вспоминать. В офицерской и особенно в гвардейской среде ухудшилась дисциплина. Молодежь позволяла себе обсуждать распоряжения вышестоящих начальников, что является прямым нарушением воинского устава, а подчас и откровенно пренебрегала исполнением служебных обязанностей.

Будущий император Николай I так описывал нравы, царившие в Зимнем дворце в 1818 г.: «…большею частью время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего; бывали и интриги. В то же время вся молодежь, адъютанты, а часто и офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почти так же и не щадя начальников, ни правительство. <…> Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал – и в редком

обманулся»[322].

Осенью 1818 г. Александр I назначил младшего брата Николая командиром 2-й бригады (лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки) 1-й гвардейской дивизии. Здесь уместно сказать, что будущий самодержец не готовил себя к престолу: будучи третьим сыном Павла, при живом Константине он на трон не претендовал. Николай знал и любил военное дело и хотел стать военачальником. Тем сильнее был шок, испытанный им от осознания реальной ситуации в гвардии.

«Я начал знакомиться с своей командой, – писал он, – и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были в нас твердо влиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками (отметим, что Николай – член императорской семьи (!) – не имел никаких преимуществ по службе перед другими командирами бригад и подчинялся начальнику дивизии, командиру Гвардейского корпуса и военному генерал-губернатору. – *Примеч. авт.*). <…> Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранялась едва только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день.

<…> По мере того как начинал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под сим, т. е. военным распутством, крылось что-то важнее, и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренно усердных и знающих, на добрых малых, но запущенных и оттого не знающих, и на решительно дурных, т. е. говорунов дерзких, ленивых и совершенно вредных; на сих-то последних налег я без милосердия и всячески старался [от] оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей, коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне отплачивалось»[323].

Отметим, что требовательность юного (22 года) командира бригады не оттолкнула от него измайловцев и егерей через семь лет, во время декабрьского мятежа. И те и другие выполнили

воинский долг перед престолом без колебаний.

В 1818–1820 гг. происходило совершенствование структуры «Союза благоденствия», он все более становился классической конспиративной организацией. Высшими органами являлись Совет коренного союза и Коренная управа. Законоположение, упоминавшееся выше, устанавливало строгую подчиненность им территориальных (побочных и главных) управ. Полную информацию о структуре, планах и деятельности союза (особенно об организации цареубийства и вооруженного восстания) имели только основатели.

Отдельные члены союза занимались специальной деятельностью, скрытой от большинства соратников. Среди них был член Коренной управы полковник Ф. Н. Глинка, в 1819–1822 гг. находившийся «по особым поручениям» при петербургском военном генерал-губернаторе. Как заведующий Особенной канцелярией генерал-губернатора он имел доступ практически ко всем сведениям, составляющим государственную и служебную тайну. Глинка также имел прямое отношение к некоторым специальным вопросам, связанным с деятельностью военной полиции и контрразведки, и мог обеспечивать руководителям «Союза благоденствия» оперативное прикрытие. Когда в конце ноября 1820 г. корнет лейб-гвардии Уланского полка А. Н. Ронов доложил Милорадовичу об организации, его информация была блокирована. Глинка сумел отобрать у Ронова «письменное показание» и доказать своему шефу «ложность» доноса. По представлению Васильчикова «клеветник» корнет был отставлен со службы и выслан в родовое имение. В конечном счете некомпетентность Милорадовича в вопросах безопасности стоила ему жизни. Учитывая грамотную (и рискованную) работу Глинки, нельзя исключать того, что автономная ячейка «Союза благоденствия», известная как общество Глинки – Перетца, представляла собой спецслужбу (единственную ли?), обеспечивавшую безопасность заговорщиков.

К концу 1820 г. в «Союзе благоденствия» возникли разногласия по вопросу будущего государственного устройства России. Не все члены союза были согласны на вооруженный захват власти и отстранение или устранение императора. В начале 1821 г. в Москве съезд Коренной управы (12 человек) объявил союз распущенным. По поводу этого события существуют две версии. Одни участники съезда считали, что решение о роспуске действительно есть самоликвидация тайного общества, другие рассматривали его как способ удаления наименее воинственных членов. Несомненно, на роспуск союза повлияли политические разногласия лидеров, наиболее радикальные из

которых предпочитали республиканскую форму правления (более умеренные склонялись к конституционной монархии). Мы определяем этот акт как реорганизацию, в результате которой были созданы новые тайные общества – «Северное» и «Южное», приступившие к подготовке армейской «революции».

«Северное общество» появилось в Петербурге к осени 1823 г. Его учредителями являлись Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев, М. С. Лунин, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, С. П. Трубецкой, в числе активных членов был К. Ф. Рылеев. Программный документ общества – «Конституция» – разработана Н. М. Муравьевым. «Конституция» предусматривала установление конституционной монархии, федеративное устройство России и ликвидацию крепостного права. Большинство членов «Северного общества» считали необходимым после свержения старой власти для определения государственного устройства и принятия Конституции провести Учредительное собрание. Одним из основных принципов «северяне» называли обеспечение прав личности, в первую очередь для дворян (!), избирательные права ограничивались имущественным цензом. За помещиками сохранялась основная часть земли, порядок освобождения крестьян почти совпадал с предложениями Аракчеева. Единства взглядов на государственное устройство России в «Северном обществе» не было: сторонники Рылеева считали себя республиканцами.

Участники «Южного общества», образованного в марте 1821 г. на базе Тульчинской управы «Союза благоденствия», были более радикальны в политических взглядах. Центральным органом этой организации являлась Директория, в состав которой вошли П. И. Пестель, А. П. Юшневский и Н. М. Муравьев (от «Северного общества»). Наиболее известные деятели «южан» – С. Г. Волконский, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, М. П. Бестужев-Рюмин. Программный документ – составленная Пестелем «Русская правда» – имел антифеодальную направленность, предусматривал ликвидацию крепостного права с наделением крестьян землей за счет помещиков, во владении которых было свыше 10 000 десятин. Половина земельных угодий каждой волости оставалась в частной собственности, другая половина переходила в общественную. Россия виделась унитарным государством с республиканской формой правления, избирательные права планировалось предоставить всем гражданам. Помимо того, Пестель имел планы, тщательно скрываемые от большинства соратников (о них ниже).

В Малороссии была еще одна, менее известная, тайная организация, основанная в 1818 г. армейскими офицерами И. И.

Горбачевским, братьями А. И. и П. И. Борисовыми. Первоначально она именовалась «Общество первого согласия», затем «Обществом друзей природы» и окончательно оформилась под названием «Общество соединенных славян». Большинство его членов – младшие офицеры из мелкопоместных дворян. Главная политическая цель – создание федерации славянских народов при условии ликвидации самодержавия и отмены крепостного права. Проект «соединенных славян» имел ярко выраженную геополитическую направленность и не мог быть реализован без изменения государственных границ на юге и востоке Европы.

Члены «Северного» и «Южного» обществ опереться на народные массы не решались. В России того времени идеи борьбы с самодержавием не встречали поддержки в низах. Дворянских революционеров страшил кровавый опыт Французской революции 1789–1793 гг. Не желая испытать подобное на себе, они надеялись добиться своих целей с помощью вооруженного восстания, совершенного армией, в основном – гвардией. Не доверяя солдатам, заговорщики агитацию среди них не вели. «Соединенные славяне» не одобряли идею чисто военной революции как чреватой диктатурой. Имея достаточно веские основания для подобных подозрений, они все же присоединились в сентябре 1825 г. к «Южному обществу».

За внешне демократичными положениями «Русской правды» просматривалась приверженность Пестеля к установлению жесткой авторитарной диктатуры. Он являлся сторонником «временного революционного правительства», в течение десяти лет осуществлявшего бы чрезвычайное правление. Выборы в парламент России (Народное вече) могли быть осуществлены только после проведения в жизнь положений «Русской правды». Документ предусматривал всемогущество государства, жестко контролирующего граждан, жертвующего интересами гражданина во имя общего блага. Одним из механизмов, призванных обеспечить осуществление программных целей «Русской правды», Пестель считал усиление политического сыска.

В найденной при его аресте «Записке о государственном правлении» обнаружен проект создания так называемого Вышнего благочиния (службы безопасности) с привлечением для специальных нужд жандармерии (вы найдете его в конце главы). Задачей Вышнего благочиния было обеспечение внутренней безопасности. Эта задача должна была выполняться в условиях строжайшей секретности: личный состав службы глубоко конспирировался; само существование службы являлось государственной тайной (это совпадает с принципами организации Высшей воинской полиции).

П. И. Пестель наделял задуманную им спецслужбу самыми широкими полномочиями. Помимо современных задач службы безопасности, контрразведки, ГУБОП, налоговой полиции и полиции нравов Вышнее благочиние получало право надзора над судебной системой и вероисповеданием граждан. Основную информацию следовало получать с помощью агентуры. Исполнение распоряжений правительства должна была контролировать внутренняя стража (жандармерия).

Создатель документа хорошо понимал суть агентурной и оперативно-розыскной деятельности, а также то, что не подкрепленный силой закон – лишь благопожелание, и определил количество жандармов в 10-кратном (!) размере по сравнению со штатами Российской империи при Александре I. Не забыл он и о материальном стимулировании сотрудников стражи.

Мысли П. И. Пестеля являются «крамольными» для людей его круга: в дворянской, и особенно офицерской среде, вплоть до 1917 г. бытовала стойкая неприязнь к тайному сыску. Мы полагаем, что недопонимание роли спецслужб в обеспечении внутренней безопасности государства – как со стороны «просвещенного» общества, так и со стороны Николая II – стало одной из множества причин последующего краха династии Романовых.

Соображения Пестеля были известны в полном объеме ему одному, остальные члены «Южного» и «Северного» обществ имели крайне отрывочную информацию. Большинство современников характеризуют этого «борца за свободу» как человека, неохотно допускавшего свободу печати и совсем не допускавшего никаких, даже открытых обществ. Он был сторонник равенства, осуществляемого всемогущим и деспотическим государством. В его представлениях странно переплетались такие понятия, как конституция, республика, свобода, самодержавие и диктатура. Основным способом достижения политических целей Пестель считал убийство членов императорской фамилии.

Одним из тех, кого готовили на роль убийцы государя, был капитан А. И. Якубович, которого заговорщики называли Брутом и Маратом одновременно. К убийству царя готовился и Каховский: тренировался в стрельбе, производил разведку маршрутов передвижений императора, в том числе в Царском Селе. Подготовка к мятежу гвардии и подготовка к цареубийству осуществлялись параллельно. Рылеев считал, что покушение на царя должно явиться актом террориста-одиночки. При этом в случае неудачи заговорщики как организованная группа выводились из-под ответного удара государства, а в случае удачи тайное общество получало практический результат и оставалось

вне критики и морального осуждения в свете и в народе. Таким образом, подготовка покушения осуществлялась конспиративно, заранее готовились мероприятия прикрытия на случай возможного провала.

В то время как члены тайных обществ обсуждали планы переустройства Российской империи и готовились к свержению самодержца, последний был более обеспокоен ростом революционного движения в Европе. Эта обеспокоенность нашла отражение в решениях, принятых монархами ведущих европейских стран в Троппау. В 1823 г. на Веронском конгрессе Александр I заявил: «Я покидаю дело Греции, потому что усматриваю в войне греков (против турецкого ига. – *Примеч. авт.*) революционные признаки времени»[324]. Российское правительство следило за политическими процессами, происходившими в Европе, и с подозрительностью относилось к западной литературе, распространявшейся в стране. Российские подданные, осуществлявшие, по мнению правительства, непозволительную переписку с иностранцами или отправлявшиеся за границу, находились под контролем. Основная информация о европейских «карбонариях» поступала по каналам МИД возглавляемого К.-Р. В. Нессельроде.

В 1820 г. А. Х. Бенкендорф по собственной инициативе подал императору докладную записку «Дело о тайных обществах, существующих в Германии и других европейских государствах» и «Записку о причинах и ходе народного освободительного восстания карбонариев в Неаполе». В этих документах дан анализ характера и задач европейского революционного и национально-освободительного движения. Александр Христофорович высказался также за принятие срочных и действенных мер по отношению к членам тайных обществ в России, но его дельные и своевременные предложения поощрения не получили.

Информация о деятельности заговорщиков постоянно поступала к государю. Незадолго до «Семеновской истории» командующему Гвардейским корпусом Васильчикову библиотекарь штаба М. К. Грибовский[325] сообщил о существовании политического заговора. Генерал решил дождаться возвращения императора из Австрии и не провел должного расследования. 4 января 1821 г. император утвердил «Проект об устройстве военной полиции при Гвардейском корпусе». Процитируем его: «Начальство гвардейского корпуса необходимо должно иметь самые точные и подробные сведения не только обо всех происшествиях в вверенных войсках, но еще более – о расположении умов, о замыслах и намерениях всех чинов. Корпус сей окружает Государя, находится почти весь в

столице, и разные части оного, не быв разделены, как в армии, большим пространством, тесно связаны и в беспрерывном сношении между собой. Источники, посредством которых получает начальство сведения, весьма недостаточны и даже не надежны. Обыкновенный путь есть через полковых командиров; но [они] часто не знают сами, часто по собственной выгоде или по ложному понятию могут скрывать разные происшествия, и, к несчастью, иногда за ними самими необходимо бывает наблюдать. <…>

Если даже полковые командиры будут все знать происходящее в полках и доводить до сведения начальства, то сего еще не достаточно. Офицеры посещают общества, имеют связи; беспокойное брожение умов во всей Европе <…> может вкрасться и к нам, могут найтись и злонамеренные люди, которые, будучи недовольны самым лучшим правлением, в надежде собственных выгод станут замышлять пагубные затеи; может даже встретиться, что чужеземцы, завидуя величию России, подошлют тайных искусных агентов, кои легко успеют вкрасться в общество. Совершенно необходимо иметь военную полицию при Гвардейском корпусе для наблюдения войск, расположенных в столице и окрестностях; прочие по отдаленности не могут быть удобно наблюдаемы и в сем отношении не так важны. <…> Полиция сия должна быть так учреждена, чтоб и самое существование ее покрыто было непроницаемою тайной…»[326].

Нехотя и с обычной российской нерасторопностью, но система организации структур военной контрразведки постепенно внедрялась в военные структуры, способствуя получению информации об «опасных настроениях и заговорах», которыми было пронизано практически все.

Грибовскому поручили организацию тайной полиции в гвардейских частях, а также информирование правительства о происходивших событиях. В штате полиции имелось 9 смотрителей за нижними чинами и 3 – за офицерами; бюджет устанавливался в 40 000 рублей в год. Смотрители за нижними чинами получали 600 рублей в год, смотрители за офицерами – 3000 рублей, сам Грибовский – 6000 рублей в год. Аналогичная полиция создавалась и в дислоцированной в Малороссии 2-й армии.

Грибовский действовал успешно: заранее получил информацию о подготовке съезда в Москве, назвал имена основных участников – М. А. Фонвизина, М. Ф. Орлова, П. Х. Граббе, Н. И. Тургенева, Ф. Н. Глинки, сообщил также о совещаниях, проходивших в провинции. В мае 1821 г. через начальника штаба Гвардейского корпуса Бенкендорфа он

представил Александру I докладную записку о деятельности «Союза благоденствия» с изложением его структуры и целей; были указаны имена наиболее активных членов. Царь получил записку после возвращения из очередной поездки в Верону, Венецию, Баварию и Богемию. После смерти императора документ был обнаружен в его кабинете без каких-либо пометок. Вероятно, с ней был ознакомлен цесаревич Константин Павлович, который изложил свое мнение в записке «О вредном направлении умов военных людей и о мерах, принятых для отвращения в войсках духа вольнодумства». В записке Константина Павловича, направленной начальнику Главного штаба П. М. Волконскому 19 мая 1821 г., говорилось, что идеи «вольнодумцев и бунтовщиков» распространяются и что они в нынешних обстоятельствах являются опасными. Следовало принять самые решительные меры, дабы дух вольнодумства не мог попасть в войска.

Осенью 1821 г. к императору вновь поступила информация о деятельности тайных обществ. По одной версии, информатором являлся М. К. Грибовский, по другой – генерал-майор А. Ф. Орлов[327], который мог узнать некоторые тайны заговорщиков от своего брата М. Ф. Орлова. Информация «О розысках заговора в Южной армии по поводу дела о В. Ф. Раевском в конце 1821 – начале 1822 г.» поступила и из 2-й армии. Таким образом, начиная с 1820 г. император имел доказательства существования и деятельности в России конспиративных организаций заговорщиков. Но единственной реакцией Александра I стал указ от 1 августа 1822 г. о запрещении масонских лож и тайных обществ. У всех военных и гражданских чинов бралась подписка, что они не являются членами какого-либо тайного общества, но никаких репрессивных мер по отношению к действительным членам таковых предпринято не было.

По нашему мнению, непринятие государем решительных мер объясняется следующими причинами. Александр мог считать, что тайные общества, возникшие по образцу масонских лож, являлись не подрывными организациями, а клубами единомышленников. Возможно, он не хотел признать перед европейскими монархами тот факт, что Россия (как и Европа) пропитана революционными настроениями. Нерешительность государя могла быть обусловлена и его прежними либеральными воззрениями. А. С. Пушкин в дневнике высказался предельно категорично: «… Покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря»[328].

Военно-секретная полиция активно работала в Царстве Польском. Ее штаты состояли из начальника отделения,

чиновника по особым поручениям, прикомандированного жандармского офицера и канцеляриста, ведавшего делопроизводством. Но при этом имелась разветвленная сеть резидентур. Среди резидентов в 1823 г. значились подполковник Засс, полковник Е. Г. Кемпен; дивизионный генерал А. А. Рожнецкий руководил заграничной агентурой, начальник 25-й пехотной дивизии генерал-майор Рейбниц отвечал за разведку в австрийской Галиции и в стратегически важном округе Лемберг (Львов). Для выполнения отдельных поручений привлекались проверенные кадры: армейские и жандармские офицеры, гражданские чиновники, командиры воинских частей.

Длительное время не принимая решения о расследовании деятельности тайных обществ, самодержец поставил специальные службы в двусмысленное положение. При отсутствии четких указаний о лицах, в отношении которых имелась оперативная информация, сотрудники этих служб не могли действовать эффективно. Только в 1824 г. император осознал серьезность ситуации. В записке, обнаруженной в его бумагах и относящейся к этому времени, говорится: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или по крайней мере разливается между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом миссионеров для распространения своей партии <…> из генералов, полковников, полковых командиров, сверх сего большая сеть разных штаб– и обер-офицеров»[329].

В августе 1824 г. граф Витт получил задание государя лично вступить в контакт с членами «Южного общества». При посредничестве состоящего при нем чиновника для особых поручений А. К. Бошняка он начал переговоры с В. Н. Лихаревым и В. Л. Давыдовым. Граф выдвинул версию, что он давно знает о существовании тайного общества, полностью поддерживает его цели, желает присоединиться к нему и готов через год поставить под ружье 50 000 войска. Давыдов сообщил об этом предложении Пестелю. Тот, хотя и был обрадован, проявил осторожность и посоветовался с генерал-интендантом 2-й армии А. П. Юшневским. Последний, получив письмо от Пестеля и подумав «с полчаса», передал ответ через Н. И. Лорера, что графа Витта принимать не следует, а необходимо всячески остерегаться. Лобовая попытка императора внедрить в ряды заговорщиков свое доверенное лицо не удалась.

Зато удалась другая. В декабре 1824 г. унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервуд[330] самостоятельно обнаружил заговор, существующий во 2-й армии. Ему удалось

войти в доверие к членам «Южного общества» Н. Я. Булгари и Ф. Ф. Вадковскому и узнать, что в расквартированных на юге России войсках действует законспирированная военная организация. В мае 1825 г. он отправил письмо своему соотечественнику лейб-медику императора Я. В. Виллие для передачи в собственные руки государя. После этого Шервуд был вызван к А. А. Аракчееву, а в июле представлен Александру I. Император подробно расспросил его о заговоре и поручил разработать план дальнейшего «разведывания» общества. В соответствии с представленным государю планом Шервуд должен был продолжить оперативную работу в Одессе и Харькове. По приказу императора в дело посвятили И. О. Витта, которому надлежало обеспечить оперативнику «все средства к открытию злоумышленников».

В октябре 1825 г., когда царь находился в Таганроге, Шервуд, представив Вадковскому мнимый «отчет» о своих действиях в пользу тайного общества на юге России, сумел вызвать того на откровенность и полученные сведения о руководителях общества направил Аракчееву. Но тут вмешался Его Величество Случай. В сентябре 1825 г. дворовые графа Аракчеева убили его домоправительницу Н. Ф. Минкину. Граф впал в депрессию и, не уведомив самодержца, «по тяжкому расстройству здоровья» передал дела генерал-майору А. Х. Эйлеру[331]. Сообщение Шервуда Аракчеев не читал, пакет с его донесением срочно отправили императору в Таганрог. Рапорт поступил к тому в начале ноября, когда Александр I был уже серьезно болен. Тем не менее он приказал начальнику Главного штаба И. И. Дибичу направить в помощь Шервуду лейб-гвардии полковника С. С. Николаева.

Сведения, имевшиеся в распоряжении правительства, давали возможность для пресечения заговора, но никто из заговорщиков при жизни Александра I арестован не был. Таким образом, бездействие самодержца (а вслед за ним и высших должностных лиц империи) в отношении антиправительственной организации сыграло трагическую роль. Мы полагаем, что выступление на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г. явилось прямым следствием нежелания Александра I доводить дело до кровопролития.

Еще одной серьезной причиной выступления гвардейцев стала ошибка государя в вопросах престолонаследия. Согласно Акту о престолонаследии, принятому 5 апреля 1797 г. (при императоре Павле I), трон переходил по праву первородства по мужской линии. В правление бездетного Александра I наследником престола считался Константин Павлович. Мы уже

упоминали о его намерении отказаться от престола, впервые высказанном после смерти Павла I. 20 марта 1820 г. был обнародован высочайший манифест о расторжении брака Константина и принцессы Саксен-Кобургской Анны Федоровны. Согласно манифесту, в случае последующего неравного брака цесаревича его жена и дети лишались титулов и прав престолонаследия. 14 января 1822 г. Константин, будучи женатым на особе нецарской крови – пани И. Грудзинской, письмом на имя Александра I формально отрекся от права на российскую корону, передав его в соответствии с Актом 1797 г. младшему брату – Николаю Павловичу.

2 февраля 1822 г. Александр I от своего имени и имени вдовствующей императрицы Марии Федоровны в письменном ответе Константину Павловичу выразил свое согласие с его решением. Передача прав на престол Николаю Павловичу была оформлена секретным манифестом от 16 августа 1823 г., однако самого Николая Павловича об этом документе официально не оповестили. Манифест был передан на хранение митрополиту Московскому Филарету. В случае кончины государя манифест должны были вскрыть прежде всякого другого действия московский епархиальный архиерей и генерал-губернатор прямо в соборе. Копии манифеста в запечатанных пакетах направили в Государственный совет, Сенат и Синод. Кроме Филарета о завещании знали еще три человека: мать императора Мария Федоровна, великий князь Константин Павлович и обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын[332].

Возможно, подготовив необходимые бумаги для легитимной передачи трона от одного своего брата к другому, император не обнародовал их потому, что считал этот вопрос внутренним делом царствующей династии. М. А. Корф приводит разговор между Александром I и князем А. Н. Голицыным незадолго до отъезда государя в Таганрог, записанный со слов последнего. Голицын позволил себе заметить государю о «неудобстве», которое может возникнуть, «…когда акты, изменяющие порядок престолонаследия, остаются на столь долгое время не обнародованными, и какая может родиться от того опасность в случае внезапного несчастия»[333]. Император был поражен справедливостью этих слов, но после минутного молчания, указав рукой на небо, тихо сказал: «Будем же полагаться в этом на Господа. Он лучшим образом сумеет все устроить, нежели мы, слабые смертные»[334]. Даже на смертном одре Александр не дал распоряжений относительно своего преемника и не раскрыл тайну секретного манифеста.

О желании передать престол Николаю Александр I впервые

заговорил с ним в 1819 г. Николай писал в дневнике: «Кончился сей разговор; государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами, и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться. Вот совершенное изображение нашего ужасного положения. С тех пор часто государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространяясь более об оном; а мы всячески старались избегать оного. Матушка с 1822 года начала нам про то же говорить, упоминая о каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный государь»[335]. Сохранение отречения от престола цесаревича Константина в тайне и тайное же назначение наследником престола Николая стало для заговорщиков юридическим поводом к восстанию, которым они не преминули воспользоваться.

ОБРАЗОВАНИЕ ВЫСШЕЙ ВОИНСКОЙ ПОЛИЦИИ ПРИ АРМИИ

Отделение первое

Состав управления Высшей воинской полиции при армии

§ 1. Высшая полиция армии состоит в непосредственном ведомстве начальника Главного штаба.

§ 2. При нем находится директор оной.

§ 3. Вся окружность, армиею занимаемая, разделяется на три части, то есть: по обоим флангам и центру неприятельской армии.

§ 4. Каждая часть сей окружности составляет округ Высшей полиции.

§ 5. Каждый из сих округов вверяется самому надежному и испытанному чиновнику Высшей полиции.

§ 6. Начальники сих округов рассылают на все важнейшие точки неприятельской операционной линии постоянных агентов и объемлют оными оба крыла и зад неприятельских операций и продовольствия.

§ 7. К сим корреспондентам принадлежат:

1. Партии испытанных и расторопных лазутчиков.

2. Жители нейтральных и неприятельских областей – разных степеней, состояний и полов, кои могут быть употреблены Высшею полициею.

3. Партии низших лазутчиков из крестьян, кои употребляются на доставление местных сведений.

4. Разносчики тайных переписок трех округов и агентов Высшей полиции.

Отделение второе

Об обязанностях окружных начальников Высшей полиции

§ 8. Обязанность окружных управлений Высшей полиции состоит в следующем:

1. Самый осторожный выбор агентов.

2. Поверка сведений, ими доставляемых, сличением различных известий из одного места.

3. Строгое наблюдение, дабы агенты не могли знать либо встретить друг друга.

4. Охранение в величайшей осторожности и тайне сношений своих с директором Высшей полиции, строгим исполнением предписанных от него способов переписки.

Примечание 1. Окружные начальники Высшей воинской полиции не могут не токмо иметь между собою сношений, но даже и не должны знать один о другом.

Примечание 2. Агенты окружных управлений никогда не могут иметь доступа в Главную квартиру иначе как по особому требованию главнокомандующего и не должны знать о местопребывании окружных управлений.

Отделение третье

Об агентах

§ 9. Агенты суть трех родов:

1. В земле союзной.
2. В земле нейтральной.
3. В земле неприятельской.

§ 10. Агенты в земле союзной могут быть чиновники гражданские и военные той земли или от армии посланные.

§ 11. Агенты в земле нейтральной могут быть нейтральные поданные (!), имеющие знакомство и связи, и по оным или за деньги снабжаемые аттестатами, паспортами и маршрутами, для переездов нужными. Они могут быть равным образом бургомистры, инспекторы таможен и проч.

§ 12. Агенты в земле неприятельской могут быть лазутчики, в оную отправляемые и постоянно там остающиеся, или монахи, продавцы, публичные девки, лекаря и писцы, или мелкие чиновники, в неприятельской службе находящиеся.

Отделение четвертое

О лазутчиках

§ 13. Начальник Главного штаба обязан снабдить окружные управления Высшей полиции нужным числом лазутчиков двух родов:

1. Лазутчики на постоянном жалованье. Они принадлежат непосредственно к окружным управлениям, рассылаются в нужных случаях, под разными видами и в различных одеяниях. Они должны быть люди расторопные, хитрые и опытные. Их обязанность есть приносить сведения, за коими они отправляются, и набирать лазутчиков второго рода и разносчиков

переписки.

2. Лазутчики второго рода должны быть предпочтительно обыватели нейтральных и неприятельских земель разных состояний, и в числе оных дезертиры. Они приносят сведения по требованию, и по большой части местные.

Они получают особенную плату за каждое известие, по мере его важности. Они обязаны делать связи и набирать себе помощников в месте их послания.

Отделение пятое

О разносчиках тайных переписок

§ 14. Разносчики тайных переписок должны необходимо быть жители тех самых земель, в коих Высшая воинская полиция действует, дабы, имея знакомство и родственников, могли они иметь достаточные предлоги к частым отлучкам и переходам.

Отделение шестое

Способы действия Высшей воинской полиции

§ 15. Способы действия Высшей воинской полиции состоят:

1. В суммах, на оную употребляемых.

2. В распоряжении ее действий.

§ 16. Сумма, на Высшую полицию нужная, вверится при самом начале кампании начальнику Главного штаба.

§ 17. Он не ответствует за употребление ни сей суммы, ни той, которая по требованиям его отпускаема ему будет; но ответствует за то, чтобы Высшая полиция была учреждена на самом лучшем устройстве и чтобы главнокомандующий имел всегда все нужные от оной истинные сведения.

§ 18. Устройство и распоряжение действий Высшей полиции во всей их подробности учреждается инструкциями начальнику Главного штаба и директору Высшей полиции при армии[336].

ИНСТРУКЦИЯ НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО ШТАБА ПО УПРАВЛЕНИЮ ВЫСШЕЙ ВОИНСКОЙ ПОЛИЦИЕЙ

Добрая система Высшей полиции равно необходима как в наступательной, так и в оборонительной войне. В

первой для верного расположения предприятий к операциям нужных; во второй к благовременному познанию всех предприятий неприятеля и положения земель, в тылу армии находящихся.

Система Высшей полиции тогда полезна и хороша, когда она так сокрыта, что неприятель думает, что ее нет и что противная ему армия не может получать никаких благоустроенных известий. По сему начальник Главного штаба обязан наблюдать, чтобы все действия его по Высшей полиции были непроницаемы и чтобы все получаемые о неприятельской армии известия оставались в величайшей тайне, даже и после удачных предприятий, на оных основанных.

В самой армии должно распускать слухи, что главнокомандующий, оградив себя от неприятельского шпионства, сам иметь оное почитает ненужным.

Сведения, чрез Высшую полицию доставляемые, тогда хороши, когда они быстры, полезны и справедливы.

К устройству Высшей полиции на сем основании нужны следующие распоряжения.

I. О жалованье и плате лазутчикам

§ 1. В жалованье и плате лазутчикам должно быть принято правилом не давать им ни слишком мало, ни слишком много, ибо в первом случае могут они сделаться двусторонними или неприятельскими шпионами, а во втором, обогатясь слишком скоро, отстать неожиданно в самое нужное время.

§ 2. Нужно платить им достаточно, но держать их в ожидании большего.

§ 3. За важные известия до́лжно платить щедро.

§ 4. Тем из агентов и лазутчиков, кои, находясь в иностранной службе или в таком положении, которое препятствует принимать деньги или жалованье, доставляют известия по какому-либо духу партий по личной преданности или дружбе, должно давать подарки и доставлять выгоды под разными предлогами, дабы не могли они подумать, что почитают их шпионами, служащими из корысти.

§ 5. Раздавая подобные подарки вперед бургомистрам, чиновникам иностранных полиций и владельцам лучших домов в городах, в коих могли быть главные квартиры или жительство неприятельских

генералов, можно подкупить их на будущее время.

II. О способах переписки и сообщений

§ 6. В числе множества известных способов переписки предпочесть должно следующие:

1. Письмо может быть спрятано в восковой свече, выточенной изнутри трости, зашито в платье.

2. Оно может быть разрезано на полосы.

3. Им может быть заряжено охотничье ружье. В последнем случае при доставлении можно ружье разрядить, при неудаче же из него можно выстрелить.

§ 7. Если на реке в одном каком-либо месте оба берега заняты постами действующей армии, известия же должны получаться с верху реки по ее течению: тогда можно протянуть с одного берега на другой невод, в котором бы останавливались бутылки или крепко закрытые ящички с письмами.

Заметить должно, что в бутылки и ящички сии должна быть положена такая тяжесть, которая бы держала их под водою. § 8. С одного берега на другой могут быть протянуты в плотинах или кустарниках веревки, удерживаемые под водою привешенными к ним тяжестями. Веревки сии могут быть на блоках и служить к пересылке писем в ящичках и бутылках с одного берега на другой.

Были примеры, в коих употреблялся сей способ под льдом замерзших рек. § 9. Во всех сих случаях, если бы один из сих способов сообщения мог быть открыт неприятелем, должно выставлять условные знаки и подавать сигнал, чтобы лазутчик или агент не приближался более к месту сообщения.

§ 10. С лазутчиками, которые не довольно смелы, можно условливаться о приносе письменных известий в кору выгнившего дерева или под какой-либо камень. Посланный за сими письмами может брать их и приносить ответы, не зная в лицо лазутчика.

§ 11. Каждый округ Высшей полиции должен иметь разные ключи цыфирей, из Главной квартиры получаемых. Один ключ должен быть употребляем для переписки с директором Высшей полиции, составлен из двух тысяч знаков и внезапно, как можно чаще переменяем, особливо при каждом подозрении о его открытии перехваткою переписки или изменою и при перемене главного агента. Частные ключи должны быть

сколь можно разнообразнее и сложнее.

§ 12. Важнейшие шифрованные известия должны быть посылаемы в двух и даже в трех экземплярах, двумя или тремя разными путями, дабы в случае остановки, или побега, или перехвачения одного и двух разносчиков известие могло дойти в Главную квартиру.

§ 13. Вместо цыфири для большей поспешности можно употреблять самые надежные симпатические чернила; но не иначе как те, кои доставлены будут из Главной квартиры.

§ 14. В случаях сообщений словесных, особливо при посылке лазутчиков к таким лицам, коим они незнакомы, можно каждому из них дать предварительно пароль, по котором при самом приближении лазутчика могли бы узнать они, что действительно принадлежит он к Высшей полиции действующей армии; что они могут отвечать на пароль его известным отзывом, должны верить словам его и могут сами все безопасно сообщить ему. Известные масонские знаки и взаимные на них ответы могут удобно в сих случаях быть употребляемы.

§ 15. Лучшим знаком доверенности к посылаемому за известием лазутчику могут служить вырезанные карточки. Известное число их под номерами отдается тому, с кем учреждается сношение. К нему посылается лазутчик с половиною одной из заномеренных карточек. Он складывает ее с своею половиною одинакого номера и сим удостоверяется, что посланный надежен.

Сей способ удобен особливо в тех случаях, когда агент Высшей полиции находится в неприятельской армии и не может отважиться давать письменных известий. *Примечание.* Впрочем, изложенными в сей статье способами не отвергается употребление и других, кои могут быть изобретены и найдутся удобнее или вернее.

§ 16. Важнейшим пунктом соединения тайных сношений могут служить монастыри, и потому должно стараться приобретать их начальников, ибо в сем случае монахи могут иметь разные способы доставлять письма и даже приносить известия, часто из повиновения к своему начальнику, а иногда и за деньги.

III. Дополнительные правила и замечания

§ 17. Правила и замечания сии заключают в себе:

а) о частных образованиях Высшей воинской

полиции;

b) о принужденном шпионстве;

c) о вооруженном шпионстве;

d) о неприятельских шпионах;

e) о пленных;

f) о ложных неприятельских беглецах;

g) об устройстве Высшей полиции при ретираде.

1. О частных образованиях Высшей воинской полиции

§ 18. При каждом отдельном корпусе и при передовом войске обязан начальник Главного штаба устроить Высшую полицию на точных основаниях общей, токмо в нужной соразмерности с числом корпуса, но в гораздо меньшем виде.

§ 19. Каждый начальник передовых отрядов должен употреблять крестьян занимаемых деревень на разведывание, сколь можно ближайшее к неприятелю, и посылать в одно место многих, но токмо в разное время.

2. О принужденном шпионстве

§ 20. В случаях совершенной невозможности иметь известие о неприятеле в важных и решительных обстоятельствах, должно иметь прибежище к принужденному шпионству. Оно состоит в склонении обещанием наград и даже угрозами местных жителей к проходу чрез места, неприятелем занимаемые.

3. О вооруженном шпионстве

§ 21. Вооруженное шпионство производится следующим образом. Командующий передовыми войсками отряжает разные партии казаков, соразмерные в силе с неприятельскими постами. Команды сии поручает он самым отважным офицерам и дает каждому расторопного лазутчика, который бы знал местное положение. Команды сии [с] помощью лесов либо темноты могут прорываться до назначенных им мест, и между тем как офицер, командующий партиею, замечает местоположение, силы неприятеля и распорядок их, лазутчик узнает все обстоятельства и подробности.

§ 22. Ежели неприятель ретируется, то сим способом можно видеть, в каком порядке и направлении идет он, можно напасть на обозы и транспорт его и сжечь их.

4. О неприятельских шпионах

§ 23 Неприятельские шпионы должны непременно быть наказываемы смертью публично пред войском и со всевозможною огласкою. § 24. Помилование их допускается в том токмо случае, когда, будучи пойманы, дадут они сами важные известия, кои впоследствии утвердятся происшествиями. § 25. До сей поверки сообщенных ими сведений должны они быть содержимы под самою крепкою стражею.

5. О пленных

§ 26. Начальник Главного штаба или, по поручению его, директор Высшей полиции обязан наблюдать, чтобы пленные нововзятые содержимы были под стражею раздельно.

§ 27. Он должен допрашивать их сам и каждого порознь, сбивать в речах и из разных их показаний выводить заключения о составе и силе неприятельских корпусов, дабы потом, схватив из которого-либо из них пленного и узнав, к какому корпусу принадлежит он, можно было судить, как силен действующий корпус. *Примечание.* По захвачении большого множества пленных не все они допрашиваются, но из них выбираются некоторые для допроса по назначению начальника Главного штаба или, по его поручению, директора Высшей полиции.

6. О ложных неприятельских беглецах

§ 28. От неприятеля могут передаваться беглецы, имеющие повеление сообщать ложные известия. Их должно допрашивать порознь и под угрозою смерти принуждать сказывать истину, задерживая под стражею до поверки оной и обещая награды за показания справедливые.

§ 29. Беглецов обыкновенных должно, принимая совсем иначе, сажать под стражу вместе с неприятельскими пленными, дабы, сказываясь взятыми в плен прежде их, могли они выведывать от первых разные известия.

7. Об устройстве полиции при ретираде

§ 30. При отступлении армии должно:

1. Чтобы окружные агенты по предписанию начальника того округа, к коему принадлежат они, взяли

новую линию.

2. Чтобы, отступая, оставили они в земле, неприятелем занимаемой, надежную и непрерывную цепь своих агентов и лазутчиков, устроив с ними весь порядок надежнейших сношений.

§ 31. В городах и селениях обязаны они удостовериться, сколь можно, в преданности бургомистров и владельцев таких домов, которые могут быть заняты неприятельскими штабами и генералами, дабы, подслушивая их разговоры, могли они извещать об оных чрез оставленных для сего лазутчиков.

§ 32. Лазутчиками сего рода наилучше быть могут факторы, евреи и особенно слуги[337].

ИНСТРУКЦИЯ ДИРЕКТОРУ ВЫСШЕЙ ВОИНСКОЙ ПОЛИЦИИ

Директор Высшей воинской полиции, состоя в совершенном и непосредственном ведении начальника Главного штаба, обязан доставлять сведения о неприятельской армии положительно, скоро и беспрестанно.

Он ответствует за доброе движение всей системы Высшей полиции.

Он ответствует за выбор и надежность всех употребляемых им агентов.

Он ответствует за тайну всех действий Высшей полиции.

Он один находится в Главной квартире.

Все переписки и сведения получаются им следующим образом: на известные места вне Главной квартиры высылает он доверенных чиновников для принятия писем, под условленными адресами к нему следующих; чиновники сии отсылают оные к нему с надежными людьми.

К его обязанностям относятся следующие предметы.

I. О средствах узнавать истинных лазутчиков

§ 1. Ложные лазутчики узнаются обыкновенно тем, что приносят новости неважные и никогда не доставляют других, кои могут или должны, вероятно, знать.

§ 2. Ложные лазутчики могут быть отправляемы к неприятелю в армию следующим образом:

они должны быть схвачены и посажены под стражу якобы люди, подозреваемые в шпионстве от неприятеля;

чрез несколько времени и после некоторой огласки их оправдания могут они быть отпущены в неприятельскую армию.

§ 3. Лазутчики сего рода должны быть употребляемы с большою платою за важные известия и нужною осторожностью, дабы не вышли действительно двусторонними.

§ 4. В числе сих лазутчиков могут быть употребляемы ложные дезертиры, кои, передаваясь к неприятелю и вступая в его службу, уходят обратно и

приносят известия.

II. Об употреблении двусторонних лазутчиков в свою пользу

§ 5. Как скоро лазутчик подозревается двойным, должно немедленно довести до его сведения важные ложные известия и в то же время, описав его приметы, сообщить всей цепи корреспондентов с предписанием наблюдать за ним и давать ему ложные известия.

§ 6. Когда он таким образом сделается бесполезен неприятелю, должно схватить и посадить его под стражу.

III. О способах удостоверения в верности лазутчиков и агентов

§ 7. Сверх разного рода лазутчиков обязаны начальники округов Высшей полиции набирать из слуг, продавцов и ремесленников партии шпионов, определяемых к наблюдению за поведением лазутчиков, впадших в подозрение. Они обязаны следовать за сими последними даже в неприятельской стан, есть ли сие нужно. § 8. Для лучшего удостоверения в верности агентов, из нейтральных или неприятельских чиновников набираемых, нужно привлекать их на свидание в местах безопасных, посылать к ним надежных офицеров с письмами от начальника Главного штаба, которые тотчас должны быть сожигаемы. Посланный обязан достать от них лестью и обещаниями такой письменный ответ, который бы, будучи ясным доказательством измены со стороны агента, служил залогом его верности. § 9. Свидания сии могут быть особенно полезны для поверки донесений лазутчиков и надежности их связей.

§ 10. Вообще весьма полезно иметь от лазутчиков письменные доказательства о их услугах.

§ 11. Никогда не должно дозволять лазутчикам приближаться к Главной квартире, не же к важнейшим пунктам соединения армии, дабы не могли они видеть ее движений и сделаться двусторонними шпионами или чтобы не могли быть замечены и после узнаны неприятельскими лазутчиками.

§ 12. Все шпионы и разносчики писем должны знать одних начальников округов и окружных постоянных агентов Высшей полиции, кои уже присылают свои письма к директору Высшей полиции.

§ 13. Начальникам округов Высшей полиции и окружным постоянным агентам оной строго запрещается иметь при себе слуг или лакеев, кои могут замечать людей, к ним приходящих, и, изменив, открывать их.

Примечание. Директор Высшей полиции во всех прочих его обязанностях поступает по предписанию начальника Главного штаба[338].

ДОПОЛНЕНИЕ К СЕКРЕТНЫМ ИНСТРУКЦИЯМ, НАПРАВЛЕННОЕ БАРКЛАЕМ-де-ТОЛЛИ де САНГЛЕНУ 11 апреля 1812 г.

Препровождая при сем для руководства вашего копию с высочайше утвержденной инструкции директору Высшей полиции при армии, в дополнение присовокупляю, что все распоряжения ваши должны устремлены быть к достижению троякой цели сей полиции, состоящей:

1) в надзоре за полициею тех мест внутри государства, где армия расположена;

2) за тем, что происходит в самой армии и

3) в собирании сведений о неприятельской армии и занимаемой ею земли.

Сверх зависящего от вас употребления агентов для достижения первой из означенных целей вы можете требовать нужных по вашей части сведений от начальников местной полиции.

Как о последней части подробно объяснено в прилагаемой инструкции, то в рассуждении двух первых в дополнение только последней нужным нахожу присоединить следующее:

1) цель надзора за местной полицией есть, с одной стороны, открытие и пресечение могущих быть злоупотреблений оной, а с другой – возможность дать ей скорейшее пособие в нужных случаях;

2) надзор за тем, что происходит в армии, имеет целью отвращение всякого недостатка в продовольствии, содержании войск и во всем для оных потребном, в поддержании в них надлежащего духа и, наконец, чтобы всякой с должным рвением выполнял верноподданнической долг свой;

3) точные сведения о движениях, расположении,

духе и прочем неприятельских войск и земли, оными занимаемой, нужны для открытия их слабой и сильной стороны и для принятия по тому потребных мер;

4) для надзора за местною полициею директор Высшей полиции при армии требует от начальников первой сведений о бродягах, подозрительных людях, числе разного рода жителей и т. п.;

5) для собирания точнейших сведений по каждой из трех вышеозначенных частей директор Высшей полиции отправляет благонадежных и сведущих агентов в пограничные губернии, в армию и за границу.

Замечание. Само собой разумеется, что люди сии должны быть различных званий, смотря по возлагаемым на них поручениям; равномерно, судя по способностям их, одному можно иногда сделать поручения и по разным частям.

6) Агентов по удостоверении в том, что они имеют надлежащие сведения и свойства, не иначе должно допускать к исправлению поручений, как приведя наперед к присяге по прилагаемой у сего форме;

7) каждый агент снабжается перед отправлением его инструкциею от директора Высшей полиции;

8) вообще, обязанность агентов состоит в поспешном и верном доставлении всех сведений по данным им поручениям, при исполнении коих должны они строжайше наблюдать скрытность и скромность. За всякое же упущение своего долга [они] подвергаются жесточайшему взысканию. Агенты должны обращать особенное внимание на могущие быть злоупотребления чиновников, столь пагубные в настоящих обстоятельствах;

9) директор Высшей полиции по получении известий от агентов предоставляет их с замечаниями своими начальнику Главного штаба и ожидает разрешения его.

Сделав таким образом вам известными, сколько можно было предварительно, обязанности ваши, я твердо уверен, что вы по усердию ко благу Отечества будете прилагать все силы к тому, чтобы желаемой успех был последствием всех сих распоряжений[339].

ПРИСЯГА ДЛЯ АГЕНТОВ

Я обещаюсь и клянусь пред всемогущим Богом и Святым Его Евангелием, что все поручения и повеления, которые я получу от своего начальства, буду исполнять верно и честно по лучшему разумению моему и совести, что за всеми явными и тайными врагами государства, кои учинятся виновными в речах или поступках или окажутся подозрительными, буду тщательно наблюдать, объявлять об оных и доносить, как и где бы я ни нашел их; равномерно не буду внимать внушениям личной ненависти, не буду никого обвинять или клеветать по вражде или по другому какому-либо противозаконному поводу, и все, что на меня возложится или что я узнаю, буду хранить в тайне и не открою или не обнаружу ничего ни пред кем, уже бы это был ближайший мой родственник, благодетель или друг. Все сие выполнить обязуюсь и клянусь столь истинно, как желаю я; да поможет мне Господь Бог в сей, равно и будущей жизни. Если же окажусь преступник против сей клятвы, да подвергнусь без суда и добровольно строжайшему наказанию, яко клятвопреступник. Во уверение чего и подписуюсь[340].

Из ПРОЕКТА СОЗДАНИЯ ВЫШНЕГО БЛАГОЧИНИЯ

Государственное благочиние, будучи правление, доставляющее совершенную безопасность всему тому, что внутри государства законно обретается в случаях, законами не предвиденных и не определенных, имеет две главные обязанности: первая состоит в учреждении безопасности для правительства, представляющего целое гражданское общество; вторая в учреждении оной для народа или для частных лиц. В первом порядке именуется благочиние Вышним, во втором – обыкновенным. Вышнее благочиние охраняет правительство, государя и все государственные сословия от опасностей, могущих угрожать образу правления, настоящему порядку вещей и самому существованию гражданского общества или государства, и по важности сей цели именуется оно Вышним. <… >

Вышнее благочиние требует непроницаемой тьмы и потому должно быть поручено единственно государственному главе сего приказа, который может

оное устраивать посредством канцелярии, особенно для сего предмета при нем находящейся. Государственный глава имеет обязанность учредить Вышнее благочиние таким образом, чтобы оно никакого не имело наружного вида и казалось бы даже совсем несуществующим; следовательно, образование канцелярии по сей части должно непременно зависеть от обстоятельств, совершенно быть предоставлено главе и никому не быть известно, кроме ему одному и верховной власти. Равным образом зависит от обстоятельств число чиновников, коих имена никому не должны быть известны, исключая государя и главы благочиния. Из сего следует: 1) что весьма было бы неблагоразумно обнародовать образование Вышнего благочиния и сделать гласными имена чиновников, в оном употребляемых, и 2) что глава государственного благочиния должен быть человек величайшего ума, глубочайшей прозорливости, совершеннейшей благонамеренности и отличнейшего дарования узнавать людей. <… >

Обязанности Вышнего благочиния состоят главнейше в следующих трех предметах: 1. Узнавать, как действуют все части правления: беспристрастно и справедливо ли отдается правосудие, исполняет ли благочиние свои обязанности, взимаются ли подати надлежащим порядком и без притеснений, не действуют ли корыстолюбие, обман и лихоимство и не делаются ли вообще какие-нибудь злоупотребления. 2. Узнавать, как располагают свои поступки частные люди: образуются ли тайные и вредные общества, готовятся ли бунты, делаются ли вооружения частными людьми противозаконным образом во вред обществу, распространяются ли соблазн и учение, противное законам веры, появляются ли новые расколы и, наконец, происходят ли запрещенные собрания и всякого рода разврат. 3. Собирать заблаговременные сведения о всех интригах и связях иностранных посланников и блюсти за поступками всех иностранцев, навлекших на себя подозрение, и соображать меры против всего того, что может угрожать государственной безопасности.

Для исполнения всех сих обязанностей имеет Вышнее благочиние непременную надобность в многоразличных сведениях, из коих некоторые могут быть доставляемы Обыкновенным благочинием и посторонними отраслями правления, между тем как

другие могут быть получаемы единственно посредством тайных розысков. Тайные розыски или шпионство суть посему не только позволительное и законное, но даже надежнейшее и почти, можно сказать, единственное средство, коим Вышнее благочиние поставляется в возможность достигнуть предназначенной ему цели. Все, что бы ни говорили против тайных розысков, касается злоупотреблений, из оных соделанных, явственно доказывая, что они должны быть учреждены самым благоразумным и осторожным образом, но не опровергая необходимости употребления оных. Сия необходимость происходит от усилий зловредных людей содержать свои намерения и деяния в самой глубокой тайне, для открытия которой надлежит употребить подобное же средство, состоящее в тайных розысках. А дабы отвратить злоупотребления, от оных произойти могущие, должно обращать труды и усилия тайных вестников или шпионов на предметы Вышнего благочиния и отнюдь не касаться семейственной или домашней жизни граждан, дабы через сие не поселять недоверчивости между частными людьми и не давать повода недоброжелательным из них удовлетворять своим страстям и злобам.

Для тайных розысков должны, сколь возможно, быть употреблены люди умные и хорошей нравственности; от выбора сего наиболее зависит успех в приобретении сведений и содержание оных в надлежащей тайне. Но дабы люди, уважения достойные, соглашались на принесение государству сей пользы, не должны они никогда и ни под каким видом или предлогом народу таковыми быть известными, а тем еще менее быть жертвой частных случаев и причин. Они должны быть уверены, что их лица и добрые имена в совершенной находятся безопасности. Тайные вестники не должны быть многочисленны, ибо тогда слишком дорого будут стоить и более вреда, нежели пользы, принесут. Большое их число совершенно бесполезно для правительства справедливого и благодетельного и может только быть нужно хищникам престолов и правительствам жестоким и кровожадным. Тайные сведения должны касаться: правительства, народа и иностранцев. Из трех сих главных предметов истекают особенные предметы тайных розысков и частные действия тайных вестников, кои свой вид и свое определение от местных и

временных получают обстоятельств. Итак, устройство Вышнего благочиния входит в обязанность самого главы, который оное учреждать должен тайным образом посредством особенной своей канцелярии, коей образование и состав также в тайне содержаться должны, и посредством тайных розысков коего вестники должны быть хорошо выбраны, никому не известны и великое получать жалование. <… >

К оным присовокупляется еще Палата внутренней стражи, потому что, взирая на обширность действий сего приказа, на важность предназначенной цели оному, на количество препятствий в достижении сей цели и на непременную обязанность устроить внутреннюю государственную безопасность, нельзя не согласиться в совершенной необходимости учредить такую силу, которая бы могла покорить все прочие частные силы, стремящиеся нарушить внутреннюю безопасность, и которая бы могла преодолеть все препятствия, противящиеся достижению оной. Таковая сила существует в учреждении внутренней стражи или жандармов. <… >

Государственный приказ благочиния должен иметь четыре палаты: 1. Палата исполнительных дел. 2. Палата распорядительных дел. 3. Палата расправных дел и 4. Палата внутренней стражи. Сверх сих палат должен при главе состоять под управлением статс-секретаря Департамент сего Приказа, в котором полезно быть одному отделению для Вышнего благочиния, дабы посредством оного производились все те дела Вышнего благочиния, которые имеют сношения с обыкновенным благочинием и с прочими отраслями правления. Сим средством увеличится тайна в действиях Вышнего благочиния, ибо сношения его с Департаментом Приказа благочиния происходили бы единственно посредством главы, а сношения с прочими правлениями – посредством Департамента Приказа. <… >

Внутренняя стража есть та сила, которая, превышая все частные силы, принуждает всех и каждого к исполнению повелений правительства. Из сего явствует, во-первых, что она чрезвычайно важна, ибо сохраняет порядок и не допускает безначалия, во-вторых, что она устраивает внутреннюю безопасность и, следовательно, не принадлежит к военному правлению, коего цель есть устройство внешней, а не внутренней безопасности, и, в-

третьих, наконец, что она никогда иначе действовать не должна, как по требованию или повелению других правительственных мест, дабы не имели граждане случая укорять правительство в насильственном действии, не на законах основанном.

Палата внутренней стражи, составляя правление сей силы, касается: 1) устройства внутренней стражи; 2) содержания оной и 3) действия оной. Обязанности суть: по первому предмету – составление внутренней стражи, принятие в службу, производства, перемещения, награждения, предание суду и увольнение в отставку чиновников внутренней стражи; по второму предмету – продовольствие внутренней стражи, снабжение одеждой, амуницией, оружием и жалованьем и устройство госпиталей; по третьему предмету – наблюдение за исполнением внутренней стражей всех требований и повелений прочих начальств и свод происшествий, в которых она вследствие сих требований и повелений участвовала. <… >

Для составления внутренней стражи, думаю я, что 50 000 жандармов будут для всего государства достаточны. Каждая область имела бы оных 5000, а каждая губерния – 1000, из коих 500 конных и 500 пеших. Сии 500 жандармов разделялись бы на команды, соображаясь с местными обстоятельствами. В столичной губернии должны бы находиться 2000 жандармов: 1000 конных и 1000 пеших. Содержание жандармов и жалование их офицеров должны быть втрое против полевых войск, ибо сия служба столь же опасна, гораздо труднее, а между тем вовсе неблагодарна. Жандармы должны быть самое легкое войско, ибо все их движения должны быть скоры и быстры и последовать без всяких затруднений. Действие внутренней стражи, кроме исполнения требований других начальств, состоит еще в имании преступников, содержании караулов при тюрьмах и острогах, провожании колодников и тому подобное. Внутренняя стража никогда не может отвечать за действие, последовавшее по требованиям других начальств. Кроме же ее не должно никакое войско вмешиваться во внутренние дела.[341]

Глава 7
От Сенатской площади до Малахова кургана

Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышляющих о цареубийстве. Его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

А. С. Пушкин

Александр I скоропостижно скончался в Таганроге 19 ноября 1825 г. Начальник Главного штаба и генерал-адъютант покойного императора И. И. Дибич немедленно отправил два сообщения о смерти: великому князю Константину Павловичу, которого считал наследником престола, и императрице Марии Федоровне. Известие о кончине государя было получено в Варшаве 25 ноября в семь часов вечера. Узнав о смерти брата, Константин Павлович немедленно оповестил об этом гостившего у него Михаила Павловича. Как следует из воспоминаний последнего, Константин Павлович прочел Н. Н. Новосильцеву, дежурному генералу А. И. Кривцову, начальнику канцелярии Л. И. Гинцу и князю А. Ф. Голицыну копии документов о своем отречении и заявил, что единственным законным преемником русского престола является Николай Павлович. В течение ночи и следующего утра были подготовлены официальные бумаги, подтверждавшие отречение, а также частные письма на имя Николая и Марии Федоровны. 26 ноября Михаил Павлович выехал с этими документами в столицу.

В Петербурге известие о смерти Александра получили утром 27 ноября во время молебна за здравие императора. Николай Павлович, считая своего старшего брата законным наследником престола, незамедлительно присягнул ему. Затем он привел к присяге внутренние караулы Зимнего дворца от Кавалергардского, Конногвардейского и Преображенского полков. Днем к присяге были приведены все войска столичного гарнизона.

В тот же день состоялось заседание Государственного совета. Князь А. Н. Голицын (единственный, знавший о содержании секретного манифеста) начал настаивать на немедленном вскрытии пакета, однако некоторые члены Госсовета возражали.

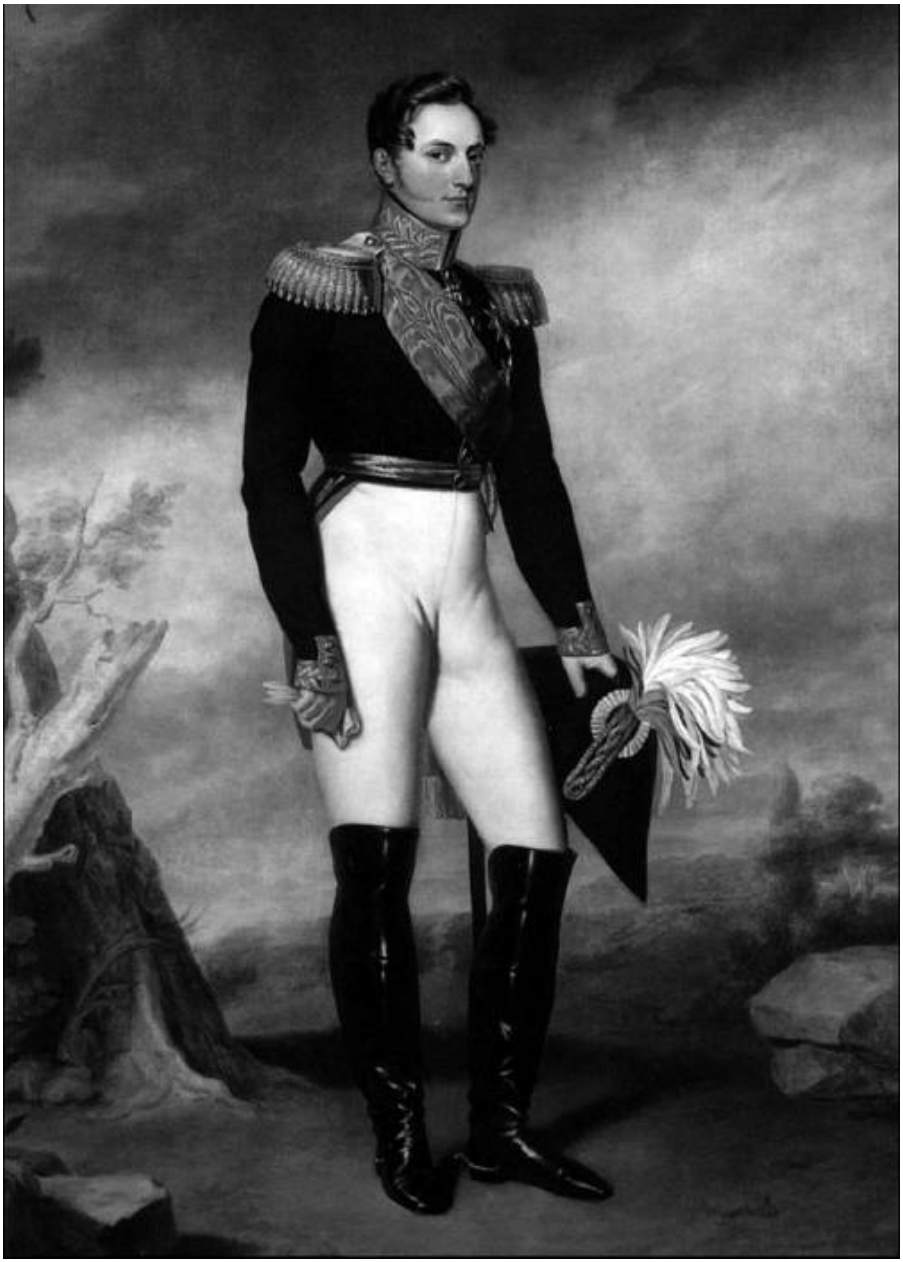
Д. И. Лобанов-Ростовский заявил, что этого делать не следует, поскольку «у мертвых нет воли». Его поддержали А. С. Шишков и М. А. Милорадович, аргументируя свою позицию тем, что Николай Павлович уже принес присягу Константину. Председательствующий князь П. В. Лопухин решил все же распечатать пакет, и текст манифеста стал известен. По настоянию Милорадовича было принято решение идти к Николаю Павловичу и положиться на его волю.

Николай заявил депутации, что им движет священный долг перед старшим братом. Поскольку войска уже начали присягать новому императору, он призвал членов Госсовета принести присягу Константину Павловичу «для спокойствия государства». По воле Николая это сделали не только члены Государственного совета, но и Сената и Синода.

Здесь уместно упомянуть о роли военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга М. А. Милорадовича, которому на тот момент подчинялись войска гарнизона и столичная полиция. Отважный офицер и умелый военачальник, он пользовался заслуженным уважением в войсках и в силу должностного положения и авторитета обладал реальной властью. Мы полагаем, что граф поддержал кандидатуру Константина Павловича по той причине, что последний мог стать для него менее требовательным государем, чем Николай.

Великий князь Константин Павлович

Возможно, Милорадович ожидал упреков или даже отстранения от должности за неудовлетворительное состояние дисциплины в гвардии. В определенной степени повторялась ситуация с Петром III и Павлом I. Вечером 27 ноября князь Ф. П. Шаховской сказал Милорадовичу, что тот поступил весьма смело. Милорадович парировал, что чувствует за спиной поддержку гвардии. Можно предположить, что он в какой-то мере (скрыто или открыто) шантажировал Николая, намекая на его непопулярность среди части гвардейских офицеров. Будущий император в тот момент не имел силовой поддержки (кроме 2-й гвардейской дивизии, которой лично командовал) и не знал оперативной обстановки. Учитывая моральный аспект и практические соображения, он, тем не менее, поступил тактически правильно. Николай решил действовать безупречно с точки зрения законности, осторожно выяснял обстановку, постепенно приобретал сторонников, накапливая военные и политические резервы на случай, если будет суждено подчиниться воле покойного императора, и сохраняя должный пиетет к старшему брату.



Великий князь Николай Павлович. Портрет работы Дж. Доу

Тем временем в Таганроге происходило следующее. 1 декабря 1825 г. на имя покойного императора поступило письмо от капитана Вятского пехотного полка А. И. Майбороды[342]. В нем говорилось: «В России назад тому уже 10 лет как родилось и время от времени значительным образом увеличивается тайное общество под именем общества либералов; члены сего общества

или корень оного мне до совершенства известен <…> равно как и план деятельных их действий»[343]. Высшее военное командование империи наконец осознало опасность антиправительственной деятельности тайного общества в вооруженных силах. Начальник Главного штаба И. И. Дибич и генерал-адъютант Александра I А. И. Чернышёв взяли ответственность по раскрытию заговора на себя и стали действовать быстро, благо, что сдерживающего фактора в лице покойного императора они уже не имели. 5 декабря 1825 г. Чернышёв выехал в Тульчин, имея на руках приказ об аресте Пестеля, 13 декабря один из наиболее опасных заговорщиков был арестован. 10 декабря Дибич получил доклад И. В. Шервуда с доказательствами участия в заговоре Пестеля и С. И. Муравьёва-Апостола. В тот же день полковнику лейб-гвардии Казачьего полка С. С. Николаеву был отправлен приказ арестовать Ф. Ф. Вадковского. Решительные действия по разоблачению и аресту руководителей и многих членов «Южного общества» предотвратили вполне возможную «большую кровь».

Нахождение формально признанного самодержца в Варшаве и отсутствие каких-либо распоряжений с его стороны после 27 ноября породили в правящих кругах Петербурга состояние неопределенности. Для реализации планов заговорщиков создались благоприятные условия, но у них не было проработанного плана, который мог быть введен в действие немедленно. Наиболее радикальные руководители «Северного» и «Южного» тайных обществ планировали вооруженное выступление на первую половину 1826 г. Заговорщики получили через окружение придворных медиков данные о слабости здоровья Александра I и о том, что можно ожидать развязки именно в этот период. Один из вариантов переворота предусматривал силовой захват власти в момент смены императоров на престоле. Но, поскольку Константин Павлович находился в Варшаве, вне пределов досягаемости заговорщиков, и не издавал манифеста о своем вступлении на престол, лидеры «революционеров» не могли прийти к какому-либо решению. Тем не менее они вели интенсивную разведку в стане сторонников Николая, причем на очень высоком уровне.

«Город казался тих; так, по крайней мере, уверял граф Милорадович, – вспоминал Николай Павлович, – уверяли и те немногие, которые ко мне хаживали, ибо я не считал приличным показываться и почти не выходил из комнат. Но в то же время бунтовщики были уже в сильном движении, и непонятно, что никто сего не видел. Оболенский, бывший тогда адъютантом у генерала Бистрома, командовавшего всею пехотой Гвардии <…>

ежедневно бывал во дворце, где тогда обычай был сбираться после развода в так называемой Конно-Гвардейской комнате. Там, в шуме сборища разных чинов офицеров и других, ежедневно приезжавших во дворец узнавать о здоровье матушки, но еще более приезжавших за новостями, с жадностию Оболенский подхватывал все, что могло быть полезным к успеху заговора, и сообщал соумышленникам узнанное. Сборища их бывали у Рылеева. Другое лицо <…> Якубовский (Якубович. – *Примеч. авт.*) в то же время умел хитростию своею и некоторою наружностию смельчака втереться в дом графа Милорадовича и, уловив доброе сердце графа, снискать даже некоторую его к себе доверенность. Чего Оболенский не успевал узнать во дворце, то Якубовский изведывал от графа, у которого, как говорится, часто сердце было на языке»[344].

3 декабря в Петербург прибыл Михаил Павлович, который вручил Марии Федоровне и Николаю письма от Константина Павловича. Однако в письмах не было (и не могло быть) манифеста, в котором тот отказывался от данной ему присяги, принесенной через сутки после отъезда Михаила Павловича из Варшавы. Николай вспоминал, что ему удалось «…убедить матушку, что одних сих актов без явной опасности публиковать нельзя и что должно непременно стараться убедить брата прибавить к тому другой, в виде манифеста, с изъяснением таким, которое бы развязывало от присяги, ему данной»[345].

Члены императорской фамилии в тот же день направили в Варшаву фельдъегеря Белоусова с письмом, в котором просили Константина Павловича написать манифест с отказом от присяги, и решили не предавать огласке его первое послание. Тот факт, что Михаил Павлович не принес присягу в Варшаве, служил для общественного мнения косвенным подтверждением отречения Константина Павловича от престола.

Чтобы предотвратить утечку информации, на семейном совете приняли решение отправить Михаила Павловича из Петербурга. Официально было объявлено, что великий князь едет в Варшаву с сообщением о здоровье Марии Федоровны.

Местом пребывания младшего сына Павла I выбрали почтовую станцию Неннале в 300 верстах от Петербурга по Рижскому тракту. Михаил выехал во второй половине дня 5 декабря. По дороге он должен был останавливать возвращавшихся из Варшавы и задерживать всех, кто мог знать об отказе Константина Павловича от вступления на престол. Начальнику почтового ведомства и доверенному лицу императора Александра I князю Голицыну вменялось следить за поступлением корреспонденции из Царства Польского. Частные

письма, приходившие из Варшавы, задерживались и временно адресатам не направлялись; бумаги, полученные по эстафете из канцелярии наместника, передавались лично Николаю. Он вспоминал: «Бумаги, не терпящие отлагательства, должен был я лично вручать у себя тем, к коим адресовались, и просить их вскрывать в моем присутствии, положение самое несносное!»[346].

Временный отъезд Михаила Павловича из столицы имел большое значение и с точки зрения безопасности императорской фамилии. С 5 по 13 декабря взрослые члены семьи Романовых по мужской линии пребывали в разных местах, что создавало известные трудности для их одновременного захвата или ликвидации. Константин находился под защитой преданных ему польских войск, состоявших из двух пехотных корпусов и кавалерийской дивизии. Недопущение к власти Николая имело смысл только после того, как документы об отречении Константина приобретали законную силу, т. е. получали признание на уровне Государственного совета, Сената и Синода. В этой ситуации тот, кто первым получал информацию об отречении Константина Павловича, имел больше возможностей для мобилизации и тактического развертывания своих сил.

Упорная борьба за обладание информацией, а значит, и за возможность эффективно реализовать ее в своих интересах, между специальными службами Николая и аналогичными службами заговорщиков шла десять дней (4–13 декабря).

Значительная часть участников заговора состояла адъютантами высших начальствующих лиц: при цесаревиче Константине – М. С. Лунин; при принце А. Вюртембергском – А. А. Бестужев; при главнокомандующем 1-й армией Ф. В. Остен-Сакене – П. П. Титов, В. А. Мусин-Пушкин и Ф. Л. Бреверн; при главнокомандующем 2-й армией П. Х. Витгенштейне – А. А. Крюков, В. П. Ивашев, Н. В. Басаргин и А. П. Барятинский; при Дежурстве гвардейской пехоты – Е. П. Оболенский; при финляндском генерал-губернаторе А. А. Закревском – Н. В. Путята; при смоленском генерал-губернаторе Н. Н. Хованском – А. Чевкин, при 2-м корпусе – А. И. Сабуров; при генерале Н. Н. Раевском – П. А. Муханов; при генерале Я. А. Потемкине – К. П. Оболенский; при генерале А. И. Чернышёве – В. Д. Сухоруков; при главном командире Кронштадтского порта Ф. В. Моллере – П. А. Бестужев. Указанные лица могли получать информацию от своих патронов и их ближайшего окружения. Однако меры секретности, принятые правительственной стороной, позволили Николаю Павловичу иметь информационное преимущество.

Параллельно с ведением разведки заговорщики занимались подготовкой вооруженного выступления гвардейских полков,

часть офицерского состава которых они привлекли на свою сторону. Особые надежды декабристы возлагали на Кавалергардский и Измайловский полки: из них вышло и в них служило наибольшее число членов тайных обществ. По плану Пестеля после отстранения династии Романовых Кавалергардский полк должен был стать единственной охраной новой власти; планировалось, что он получит название Полк царских мечников и будет состоять из 16 дружин (эскадронов) латников. Он составлял бы прикрытие Императорского Величества и был бы ближний его телохранитель, занимая исключительно во дворце все внутренние караулы[347]. Из других гвардейских частей заговорщики рассчитывали на Гвардейский морской экипаж, Гренадерский, Московский и Финляндский полки. Кроме собственно участников «Северного» и «Южного» обществ, лидеры мятежников надеялись на поддержку членов масонских лож и ранее существовавших тайных обществ, среди которых были опытные в военном деле старшие офицеры.

На собраниях руководителей заговора под руководством С. П. Трубецкого был разработан следующий план действий. Перед принятием присяги состоявшие в заговоре офицеры должны были склонить солдат к мятежу, используя в качестве аргументов ложные сообщения об аресте великих князей Константина и Михаила и о незаконности присяги Николаю. Первому отряду, под командованием капитана Нижегородского драгунского полка А. И. Якубовича, поручался захват Зимнего дворца и арест императорской семьи. Для этого предполагалось использовать Гвардейский экипаж, Измайловский полк и Конно-пионерный эскадрон. Второй отряд, возглавляемый полковником 12-го Егерского полка А. М. Булатовым, должен был овладеть Кронверком (арсенал) и Петропавловской крепостью (под прицелом пушек крепости находился Зимний дворец). В качестве основной ударной силы второго отряда намечались 1-й и 2-й батальоны Гренадерского полка. Третьему отряду, под руководством С. П. Трубецкого, надлежало блокировать здание Сената. Рылееву и Пущину поручалось предъявить сенаторам, под угрозой оружия, ультиматум: не присягать новому императору, объявить правительство низложенным и передать власть Временному правительству. В этой части операции главная роль отводилась 1-му и 2-му батальонам Московского полка.

Чтобы придать мятежу характер народной революции, Якубович предложил сыграть на низменных страстях жителей Петербурга и использовать вариант, уже опробованный при свержении Петра III. Он планировал, открыв кабаки и организовав бесплатную раздачу водки для населения,

взбунтовать толпу и направить ее к Зимнему двору и в богатые кварталы города. В случае неудачи восстания проговаривался вариант поджога столицы и отступления к Москве для соединения с войсками, находившимися под контролем членов «Южного общества». Чтобы обезглавить правительственные войска и внести панику в ряды сторонников самодержавия, Рылеев предложил убить Николая. Каховскому поручили рано утром 14 декабря проникнуть в Зимний дворец и совершить индивидуальный (!) террористический акт до начала общего выступления. М. А. Бестужев должен был захватить великого князя Михаила Павловича на Нарвской заставе при въезде в Петербург.

В планах заговорщиков важное место отводилось караулам: быстрый захват ключевых объектов без их поддержки практически невозможен. Особый расчет возлагался на караулы по 1-му отделению, Петропавловской крепости и Нарвской заставе. Наиболее важными были караулы по 1-му отделению: внутренний караул и главная гауптвахта Зимнего дворца, присутственные места на Гороховой (дом № 2), Адмиралтейство, Сенат. Дежурный по этим караулам командир 2-го батальона Финляндского полка полковник А. Ф. фон Моллер ранее состоял в тайном обществе. 2-я и 3-я фузилерные роты 1-го батальона Гренадерского полка занимали караулы в Кронверке и Петропавловской крепости. В карауле у Нарвской заставы стояла часть 2-й гренадерской роты Московского полка.

Главным руководителем (диктатором) восстания был избран С. П. Трубецкой, его заместителем – старший адъютант (начальник штаба) гвардейской пехоты Е. П. Оболенский.

Окончательный план выступления выработали 10–13 декабря на квартирах Рылеева и Оболенского, однако замыслам заговорщиков не дано было осуществиться.

Ранним утром 11 декабря в Петербург прибыл барон Б. А. Фредерикс с пакетом от генерала Дибича для передачи в собственные руки императору. Николай Павлович так описал его приезд: «Спросив полковника Фредерикса, знает ли он содержание пакета, получил в ответ, что ничего ему неизвестно, но что такой же пакет послан в Варшаву, по неизвестности в Таганроге, где находился государь. Заключив из сего, что пакет содержит обстоятельство особой важности, я был в крайнем недоумении, на что мне решиться? Вскрыть пакет на имя императора был поступок столь отважный, что решиться на сие казалось мне последнею крайностию, к которой одна необходимость могла принудить человека, поставленного в самое затруднительное положение, и – пакет вскрыт! <…> Дело шло о

существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись чрез всю империю, от Петербурга на Москву и до второй армии в Бессарабии. <…> Должно было действовать, не теряя ни минуты, с полною властию, с опытностию, с решимостию – я не имел ни власти, ни права на оную; мог только действовать чрез других, из одного доверия ко мне обращавшихся, без уверенности, что совету моему последуют; и притом чувствовал, что тайну подобной важности должно было наитщательнейше скрывать от всех <…> или преждевременно заговорщикам не открыть, что замыслы их уже не скрыты от правительства»[348].

Б. А. Фредерикс

Николай немедленно пригласил к себе Милорадовича и Голицына и ознакомил их с приложениями к депеше Дибича: «Писанные рукою генерал-адъютанта графа Чернышёва для большей тайны, в них заключалось изложение открытого обширного заговора. <…> Известно было, что заговор касается многих лиц в Петербурге и наиболее в Кавалергардском полку, но в особенности в Москве, в главной квартире 2-й армии, и в части

войск, ей принадлежащих, а также в войсках 3-го корпуса. Показания были весьма неясны, неопределительны; но однако еще за несколько дней до кончины своей покойный император велел генералу Дибичу, по показаниям Шервуда, послать полковника лейб-гвардии Измайловского полка Николаева взять известного Вадковского, за год выписанного из Кавалергардского полка. Еще более ясны были подозрения на главную квартиру 2-й армии, и генерал Дибич уведомлял, что вслед за сим решился послать графа Чернышёва в Тульчин, дабы уведомить генерала Витгенштейна о происходящем и арестовать князя С. Волконского, командовавшего бригадой, и полковника Пестеля, в оной бригаде командовавшего Вятским полком.

Подобное извещение в столь затруднительное и важное время требовало величайшего внимания, и решено было узнать, кто из поименованных лиц в Петербурге, и не медля их арестовать; а как о капитане Майбороде ничего не упоминалось, но должно было полагать, что чрез него получатся еще важнейшие сведения, то решился граф Милорадович послать адъютанта своего генерала Мантейфеля к генералу Роту, дабы, приняв Майбороду, доставить в Петербург. Из петербургских заговорщиков по справке никого не оказалось налицо; все были в отпуску, а именно – Свистунов, Захар Чернышёв и Никита Муравьёв, что более еще утверждало справедливость подозрений, что они были в отсутствии для съезда, как в показаниях упоминалось. Граф Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существовании заговора и в вероятном участии и других лиц, хотя об них не упоминалось; он обещал обратить все внимание полиции, но все осталось тщетным и в прежней беспечности»[349].

В распоряжении военного губернатора имелись следующие силы и средства. Кроме сотрудников общей полиции, в Петербурге находились подразделения Отдельного корпуса внутренней стражи: внутренний гарнизонный батальон и жандармский дивизион. Функции военной полиции исполнял лейб-гвардии Жандармский полуэскадрон. Гарнизонный батальон выполнял задачи по охране и конвоированию арестантов и нес полицейскую караульную службу. Жандармские части изначально создавались как подразделения быстрого реагирования. В дивизионе были конная и пешая команды. Конная состояла из 25 офицеров, 35 унтер-офицеров, 264 жандармов и 4 трубачей; пешая – из 1 офицера, 18 унтер-офицеров и 102 жандармов. В полуэскадроне, который был полностью кавалерийским, служили 4 офицера, 10 унтер-офицеров, 80 жандармов и 2 трубача. Все жандармы имели на вооружении драгунские ружья со штыками образца 1809 г. и драгунские палаши, кавалеристы

дополнительно имели по два пистолета. Жандармы были обучены действовать небольшими командами и даже в одиночку. В умелых руках – это грозная сила, однако Милорадович был храбрый солдат, но посредственный полицейский.

В середине дня 12 декабря из Варшавы прибыл фельдъегерь Белоусов. «Вскрыв письмо брата, удостоверился я с первых строк, что участь моя решена, но что единому Богу известно, как воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всем нашим убеждениям решительно отказывал в новом акте, упираясь на то, что, не признавая себя императором, отвергая присягу, ему данную, как такую, которая неправильно ему принесена была, не считает себя вправе и не хочет другого изречения непреклонной своей воли, как обнародование духовной императора Александра и приложенного к оному акта отречения своего от престола. Я предчувствовал, что, повинуясь воле братней, иду на гибель, но нельзя было иначе, и долг повелевал сообразить единственно, как исполнить сие с меньшею опасностию недоразумений и ложных наветов. <…> Изготовив вскорости проект манифеста, призвал я к себе М. М. Сперанского и ему поручил написать таковой, придерживаясь моих мыслей; положено было притом публиковать духовную императора Александра, письмо к нему Константина Павловича с отречением и два его же письма – к матушке и ко мне как к императору»[350], – писал об этом событии Николай.

К Михаилу Павловичу отправили курьера с предписанием прибыть в Петербург к восьми часам вечера 13 декабря. На это время было намечено заседание Государственного совета, на котором Николай намеревался объявить себя императором. О прибытии фельдъегеря от Константина Павловича Михаил не знал: тот добирался в столицу не по Рижскому тракту.

Тем временем известие о прибывшем фельдъегере распространилось по Петербургу и через некоторое время дошло до руководителей заговорщиков. Вечером 12 декабря в Зимний дворец прибыл подпоручик лейб-гвардии Егерского полка Я. И. Ростовцев и доложил, что в столице готовится вооруженное выступление против Николая. Он настоятельно просил не награждать его за сообщение о заговоре в гвардии, полагая это своим долгом верноподданного.

Получив новую информацию о намерениях заговорщиков, Николай Павлович решил форсировать события. 13 декабря он вызвал командующего Гвардейским корпусом генерала А. Л. Воинова, вступившего в командование гвардией в 1824 г. («… человек почтенный и храбрый, но ограниченных способностей и не успевший приобресть никакого весу в своем корпусе»[351]). Николай поставил его в известность о воле Константина и

поручил собрать всех генералов и полковых командиров гвардии в Зимнем дворце в понедельник, в 6 часов утра. Он намеревался обратиться к высшему командному составу гвардии, «…дабы лично им объяснить весь ход происходившего <…> и поручить им растолковать сие ясным образом своим подчиненным, дабы не было предлога к беспорядку»[352]. К 8 часам вечера Госсовет был собран, но Михаил – личный свидетель волеизъявления Константина – отсутствовал: он получил сообщение о прибытии в Петербург только в 14 часов 13 декабря и прибыть к намеченному времени физически не мог. В это же время лидеры мятежников на своем последнем заседании приняли решение о начале восстания утром 14 декабря.

Николай позднее вспоминал: «Мы ждали Михаила Павловича до половины одиннадцатого ночи, и его не было. Между тем весь город знал, что Государственный совет собран, и всякий подозревал, что настала решительная минута, где томительная неизвестность должна кончиться. Нечего было делать, и я должен был следовать один. <…> Подойдя к столу, я сел на первое место, сказав: „Я выполняю волю брата Константина Павловича“. И вслед за тем начал манифест о моем восшествии на престол. Все встали, и я также. Все слушали в глубоком молчании и по окончании чтения глубоко мне поклонились, при чем отличился Н. С. Мордвинов, против меня бывший, всех первый вскочивший и ниже прочих отвесивший поклон, так что оно мне странным показалось. Засим должен был я прочесть отношение Константина Павловича к князю Лопухину, в котором он самым сильным образом выговаривал ему, что ослушался будто воли покойного императора Александра, отослав к нему духовную и акт отречения и принеся ему присягу, тогда как на сие права никто не имел. <…> Во внутреннем конногвардейском карауле стоял в то время князь Одоевский, самый бешеный заговорщик, но никто сего не знал; после только вспомнили, что он беспрестанно расспрашивал придворных служителей о происходящем»[353].

В 7 часов утра присягу Николаю принесли члены Сената, Синода и большая часть личного состава гвардейских полков, дислоцированных в столице. Из гвардейской кавалерии в самом Петербурге стояли только Кавалергардский и Конный полки и Черноморский эскадрон, на окраинах города – 2-я, 4-я и 6-я сотни Казачьего полка, другие три сотни были на льготе на Дону. Остальные полки – Гусарский, Драгунский, Кирасирский, Конно-егерский, Уланский и Лейб-кирасирский Ее Величества (не гвардейский) – дислоцировались вне пределов столицы. Все гвардейские пехотные полки – Преображенский, Московский,

Семеновский, Гренадерский, Измайловский, Павловский, Егерский и Финляндский – имели в казармах 1-е и 2-е батальоны, 3-и батальоны находились в окрестностях столицы. Гвардейский экипаж, артиллерия, саперы, инвалидные роты, вспомогательные подразделения, учебные негвардейские части, а также жандармы дислоцировались в городе. Таким образом, большая часть гарнизона присягнула новому императору, что позволило создать достаточный кредит доверия в силовых подразделениях и рассчитывать на лояльность большинства войск.

14 декабря офицеры-мятежники затемно были в казармах и вели среди солдат своеобразную агитацию. Она основывалась не на идеях равенства граждан, сокращения срока службы или других демократических ценностях, знакомых современному российскому обществу, а на банальной лжи! Солдатам Московского полка А. А. Бестужев говорил, что их (солдат) обманывают: государь (Константин Павлович) не отказался от престола, а закован в цепи; шеф полка (Михаил Павлович) задержан под Петербургом и тоже в цепях. Солдатам Гренадерского полка он же говорил, что к ним (солдатам) его прислал Константин Павлович, поэтому второй раз присягать не следует. Лейтенант А. П. Арбузов уверял матросов Гвардейского экипажа, что в окрестностях столицы стоит армия, которая уничтожит всех присягнувших Николаю. Подобных свидетельств в материалах Следственного комитета по делу декабристов имеется множество.

Утверждение заговорщиков о незаконности новой присяги базировалось на следующих постулатах: Николай узурпировал власть; законный государь Константин I и великий князь Михаил Павлович арестованы. Последнее утверждение было для солдат особенно важным: части, активную агитацию в которых проводили мятежники, входили в состав 1-й гвардейской дивизии, находившейся под командованием великого князя. Столь постыдный для офицеров обман объясняется тем, что подтолкнуть к мятежу прошедших Отечественную войну солдат можно было только под предлогом, что они выступают за правое дело.

План мятежников осуществился только на этапе агитации и только в трех частях: Гвардейском экипаже, частично в Московском и Гренадерском полках. Когда наступило время действовать и рисковать своей жизнью, организаторы заговора повели себя далеко не самым лучшим образом: Каховский отказался выступить в роли террориста-одиночки; Булатов и Якубович вовсе не явились в полки и не приняли командование своими отрядами; Рылеев и Трубецкой также не явились на

Сенатскую площадь. «Диктатор» Трубецкой за один и тот же день изменил и императору, и своим товарищам по обществу. Большинство заговорщиков поступили так же: 14 декабря безропотно присягнули Николаю I в составе своих полков.

Необходимо особо отметить поведение личного состава гвардейских рот, несших 14 декабря караульную службу по городу. Всего в караулах находилось 16 рот: по две – Московского и Гренадерского, четыре – Финляндского, пять – Павловского и три – Учебного карабинерного полков. Дежурный по караулам 1-го отделения полковник А. Ф. фон Моллер решительно отказал мятежникам. Его поддержали все подчиненные офицеры: подпоручик Н. Д. Тулубьев (2-й внутренний караул Зимнего дворца), штабс-капитан Прибытков (главная гауптвахта Зимнего дворца), подпоручик Куткин (присутственные места на Гороховой), поручик Зейфарт (караул у Адмиралтейства), подпоручик Я. Насакен (караул у Сената). Караулу при Адмиралтействе пришлось пробиваться сквозь толпу лейб-гренадер. Особенно трудное положение сложилось для караула Насакена у здания Сената.

На пост у дома князя А. А. Лобанова караульная смена проходила сквозь цепи восставших. Две смены в 24 штыка, выведенные Насакеном, простояли под ружьем лицом к лицу и почти вплотную к каре восставших, отдавая честь, когда вдали показывался Николай. Роты Гренадерского полка, несшие караул в Кронверке и Петропавловской крепости, также остались в руках правительства. Начальник караула у Нарвской заставы поручик А. С. Кушелев отказался от предложения М. Бестужева захватить Михаила Павловича при въезде в Петербург. 4-я фузилерная рота Московского полка (командир Куприянов), занимавшая караул в Измайловском полку, присягнула вместе с измайловцами. Сменивший Одоевского во внутреннем карауле князь В. А. Долгоруков[354] на вопрос Николая I, может ли он на него рассчитывать, ответил: «Я – князь Долгоруков». Ни один из караулов не выступил на стороне мятежников.

Пришедшие в полки заговорщики действовали так. Во время церемонии в Московском полку Д. А. Щепин-Ростовский, М. А. и А. А. Бестужевы уговорили часть солдат 1-й гренадерской, 2-й, 3-й, 5-й и 6-й фузилерных рот не присягать. Командир бригады генерал-майор В. Н. Шеншин, полковой командир П. А. Фредерикс и полковник П. К. Хвощинский, пытавшиеся противодействовать мятежникам, получили тяжелые ранения. В итоге заговорщики вывели на Сенатскую площадь чуть более 670 штыков. В Гренадерском полку на стороне восставших оказались большая часть 2-й гренадерской, 1-й, 4-й, 5-й и 6-й фузилерных

рот и отдельные люди из 2-й и 3-й фузилерных рот, оставшиеся от караула, примерно 1250 штыков. Под командованием адъютанта 2-го батальона Н. А. Панова они двинулись сначала в Зимний дворец, затем на Сенатскую площадь. В Гвардейском экипаже мятеж поддержали все 8 строевых рот и артиллерийская команда (около 1100 штыков из штатного числа 1280). Мятежные части вышли без артиллерии, а матросы Гвардейского экипажа – без патронов, с учебными деревянными кремнями в ружьях (всего около 3000 штыков при 30 офицерах).

В самом начале восстания действия правительства носили спонтанный характер. Николай I и его приближенные знали о факте заговора и возможности вооруженного выступления, но не знали ни планов противника, ни сил, которыми он располагает. Должностные лица, отвечавшие за безопасность в столице – военный губернатор Милорадович, комендант города генерал П. Я. Башуцкий[355] и обер-полицмейстер генерал А. С. Шульгин[356], – не сумели выявить это и предотвратить такое развитие событий. Командующий гвардией генерал А. Л. Воинов растерялся, поскольку никогда не имел дела с подавлением мятежей в собственных войсках. Император допустил серьезную ошибку, приказав большинству старших офицеров собраться к 11 часам во дворец на молебен: в результате многие подразделения на некоторое время остались без высшего командования. В этих условиях государь заявил Бенкендорфу, что если они умрут, то умрут, исполнив долг.

«Вскоре засим (после отъезда полковых командиров. – *Примеч. авт.*) прибыл ко мне граф Милорадович с новыми уверениями совершенного спокойствия. <…> Приехал генерал Орлов, командовавший конной гвардией, с известием, что полк принял присягу; поговорив с ним довольно долго, я его отпустил. Вскоре за ним явился ко мне командовавший гвардейской артиллерией генерал-майор Сухозанет с известием, что артиллерия присягнула, но что в гвардейской конной артиллерии офицеры оказали сомнение в справедливости присяги, желая сперва слышать удостоверение сего от Михаила Павловича, которого считали удаленным из Петербурга, как будто из несогласия его на мое вступление. Многие из сих офицеров до того вышли из повиновения, что генерал Сухозанет должен был их всех арестовать. Но почти в сие же время прибыл наконец Михаил Павлович, которого я просил сейчас же отправиться в артиллерию для приведения заблудших в порядок.

Спустя несколько минут после сего явился ко мне генерал-майор Нейдгардт, начальник штаба гвардейского корпуса, и, взойдя ко мне совершенно в расстройстве, сказал: „Государь!

Московский полк в полном восстании; Шеншин и Фредерикс тяжело ранены, и мятежники идут к Сенату; я едва их обогнал, чтобы донести вам об этом. Прикажите, пожалуйста, двинуться против них первому батальону Преображенского полка и Конной гвардии“. <…> Разрешив первому батальону Преображенскому выходить, дозволил Конной гвардии седлать, но не выезжать; и к сим отправил генерала Нейдгардта, послав в то же время генерал-майора Стрекалова, дежурного при мне, в Преображенский батальон для скорейшего исполнения. Оставшись один, я спросил себя, что мне делать? и, перекрестясь, отдался в руки Божии, решил сам идти туда, где опасность угрожала. <…> Поставя караул поперек ворот, обратился я к народу. <…>В то же время пришел ко мне граф Милорадович и, сказав: „Дело плохо, они идут к Сенату, но я буду говорить с ними“, – ушел, и я более его не видал…»[357]

Милорадович, несмотря на его попытку вести при дворе собственную игру, в последний свой час повел себя как храбрый солдат и верный слуга императора. Он лично выехал на площадь перед восставшими и попытался убедить их вернуться в казармы, что, скорее всего, ему бы удалось. Понимая это, Каховский из пистолета, а Оболенский штыком смертельно ранили генерала.

Тем временем Николай I продолжал действовать: «Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным. <…> У кого-то в толпе нашелся экземпляр (манифеста. – *Примеч. авт.*), я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и, единый, Бог меня поддерживал. Наконец Стрекалов повестил меня, что Преображенский 1-й батальон готов. Приказав коменданту генерал-лейтенанту Башуцкому остаться при гауптвахте и не трогаться с места без моего приказания, сам пошел сквозь толпу прямо к батальону. <…> Батальоном командовал полковник Микулин, и полковой командир полковник Исленьев был при батальоне. Батальон отдал мне честь; я прошел по фронту и, спросив, готовы ли идти за мной, куда велю, получил в ответ громкое молодецкое: „Рады стараться!“ <…> Никакая кисть не изобразит геройскую, почтенную и спокойную наружность сего истинно первого батальона в свете в столь критическую минуту. Скомандовав по-тогдашнему: „К атаке в колонну, первый и осьмой взводы, в полоборота налево и направо!“, повел я батальон. <…> Узнав, что ружья не заряжены, велел батальону остановиться и зарядить ружья. <…>

Адъютанта моего Кавелина послал я к себе в Аничкин дом, перевесть детей в Зимний дворец. Перовского послал я в конную

гвардию с приказанием выезжать ко мне на площадь. В сие самое время услышали мы выстрелы, и вслед за сим прибежал ко мне флигель-адъютант князь Голицын <…> с известием, что граф Милорадович смертельно ранен.

Народ прибавлялся со всех сторон; я вызвал стрелков на фланги батальона и дошел таким образом до угла Вознесенской. Не видя еще конной гвардии, я остановился и послал за нею <… > с тем, чтобы полк скорее шел. Тогда же слышали мы ясно: „Ура, Константин“ – на площади против Сената, и видна была стрелковая цепь (из состава мятежников. – *Примеч. авт.*), которая никого не подпускала»[358].

Лично командуя войсками, Николай I несколько раз подвергался серьезной опасности. Когда император привел батальон преображенцев к Сенатской площади, он разговаривал с Якубовичем, но последний не решился напасть на государя. Вероятно, этому помешали свита и решительный вид преображенцев. Затем у здания Главного штаба Николай позволил проследовать мимо себя восставшей части Гренадерского полка, не прячась за спины адъютантов. После того как правительственные войска окружили мятежников, император лично проводил рекогносцировку и несколько раз оказывался под пулями. Мы полагаем, что столь рискованное поведение руководителя государства в данной ситуации было оправданным: он подал личный пример подчиненным, сумел увидеть и оценить обстановку на месте событий.

Предпринятые Николаем I дополнительные меры по охране Зимнего дворца были весьма своевременными, особенно учитывая, что первоначально в карауле находилась одна рота Финляндского полка. Немедленно по получении вызова от государя во дворец прибыл лейб-гвардии Саперный батальон (четыре роты) и успел занять позиции за несколько минут до попытки захвата дворца гренадерами во главе с Н. А. Пановым. Кроме саперов к охране Зимнего были привлечены 1-я (Его Величества) рота Гренадерского полка, не поддавшаяся на агитацию заговорщиков, и четыре роты Учебного саперного батальона. Всего к охране было привлечено 10 рот (2000 штыков) под общим командованием коменданта города генерала П. Я. Башуцкого. К защите дворца привлекались также четыре роты Преображенского и три роты Павловского полков.

В те полки и батареи, где солдаты высказывали сомнения в истинности присяги, Николай немедленно направлял высших офицеров гвардии и своих адъютантов, которые объясняли положение дел. Самое активное участие в приведении подчиненных к присяге принял великий князь Михаил. В его

воспоминаниях сказано: «…Солдаты ослеплены были отнюдь не мечтаниями о каком-либо ином порядке вещей, а единственно призраком законности, и в самом уклонении своем от новой присяги видели только исполнение своего долга, отнюдь не замышляя ничего против царственной семьи…»[359]. В ротах конной артиллерии и среди оставшихся в казармах рот Московского полка солдаты при появлении Михаила недоумевали: «Как же нам сказали, что Ваше Величество в оковах?»[360]. Чтобы доказать гвардейцам, что их обманули, Михаил Павлович повторно присягал вместе с ними.

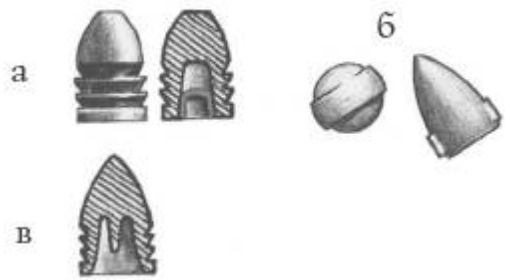
Гвардейские матросы С. Дорофеев, М. Федоров и А. Куроптев, стоявшие в строю мятежного экипажа, спасли жизнь Михаила Павловича, когда Кюхельбекер хотел убить великого князя выстрелом из пистолета: «„Что он тебе сделал?“ – закричали они, и один вышиб из рук Кюхельбекера пистолет, а оба другие начали бить его прикладами своих ружей»[361]. Только личное вмешательство Михаила предотвратило неминуемую смерть покушавшегося.

Активную помощь Николаю I оказали: принц Е. Вюртембергский; генерал-адъютанты Александра I К. Ф. Толь, И. В. Васильчиков, А. Х. Бенкендорф, П. В. Голенищев-Кутузов[362], Н. И. Депрерадович, Е. Ф. Комаровский, В. В. Левашов[363] и В. С. Трубецкой; флигель-адъютанты И. М. Бибиков, А. М. Голицын; почти все адъютанты Николая Павловича – А. А. Кавелин, В. А. Перовский, Н. П. Годеин, Ф. Ф. Беллинсгаузен, А. П. Лазарев, В. Ф. Адлерберг; из других лиц – генералы Н. И. Демидов, И. М. Ушаков и А. Н. Потапов.

К трем часам пополудни мятежные войска были блокированы на Сенатской площади, на городские заставы прибыли 3-и батальоны гвардейских полков, обеспечив дополнительное прикрытие города по внешнему периметру. Площадь была оцеплена жандармами, которые не пропускали к месту событий гражданских лиц. Поскольку уговоры на мятежников не действовали, а после Милорадовича при переговорах был смертельно ранен командир Гренадерского полка Н. К. Стюрлер, генерал И. В. Васильчиков предложил императору применить против восставших пушки. После четырех выстрелов каре мятежников было обращено в бегство, еще два выстрела картечью было сделано для рассеивания восставших на льду Невы. Всего среди личного состава мятежных частей, по данным полковых ведомостей, пропали без вести, погибли и были смертельно ранены 40–45 человек. С правительственной стороны убиты и смертельно ранены 6 человек. По сведениям полиции, включая случайные жертвы среди гражданских лиц, 14 декабря погибли

70–80 человек.

Задержание мятежников и поддержание порядка в городе государь возложил на А. Х. Бенкендорфа, И. В. Васильчикова и А. Ф. Орлова. Из примерно 3000 мятежников, вышедших на Сенатскую площадь, задержаны около 700 человек, около 20 пропали без вести, остальные добровольно вернулись в казармы. Немедленно началось производство дознания о руководителях восстания, которое проводили генералы свиты К. Ф. Толь и В. В. Левашов, а также лично Николай I. Аресты осуществляли генерал-адъютанты и флигель-адъютанты императора (в зависимости от звания и должностного положения подозреваемого), им в помощь выделялись жандармские команды.



Образцы боеприпасов к нарезному оружию начала XIX в. – пули: а) пули к нарезному штуцеру; б) пули Минье; в) бельгийская пуля

В ночь с 14 на 15 декабря получена первая письменная улика: черновик плана восстания с указанием фамилий и обязанностей заговорщиков, собственноручно составленный Трубецким Сам «диктатор» скрывался в доме свояка, австрийского посла графа Л. А. Лебцельтерна На дом посла распространяется право экстерриториальности, поэтому потребовалось вмешательство министра иностранных дел Нессельроде. После некоторого сопротивления Трубецкой был выдан.

Будучи доставлен к императору, он вначале отрицал свое участие в заговоре, но, увидев неопровержимые улики своей виновности, упал к его ногам, умоляя сохранить ему жизнь. «Он отвечал весьма долго, стараясь все затемнять, но, несмотря на то, изобличал еще больше и себя и многих других»[364].

При проведении следствия Николай I дал указание членам комиссии предоставить каждому оговоренному возможность оправдаться. Принцип презумпции невиновности в те годы исполнялся более строго, чем в настоящее время. Так, капитан Якубович, против которого у следствия не оказалось улик, был

вначале отпущен, а освобожденный за отсутствием доказательств поручик Назимов до вновь последовавшего ареста даже нес службу во внутреннем дворцовом карауле. Некоторые заговорщики пришли с повинной. Многих, как Н. Н. Депрерадовича, приводили к государю их отцы – заслуженные боевые генералы.

17 декабря 1825 г. указом Николая I создан «Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года». 15 января в соответствии с повелением государя не называть комитет тайным члены комитета решили дать ему другое название – «Комитет для изыскания о злоумышленном обществе». 29 мая 1826 г. он был переименован в комиссию. Председателем этого органа стал военный министр А. И. Татищев, членами являлись: великий князь Михаил Павлович; действительный статский советник князь А. Н. Голицын; генерал-адъютанты – А. Х. Бенкендорф, И. И. Дибич (начальник Главного штаба), П. В. Голенищев-Кутузов (военный губернатор Петербурга), В. В. Левашов, А. И. Чернышёв и дежурный генерал Главного штаба А. Н. Потапов. В аппарате комитета (комиссии) состояли 14 человек во главе с правителем дел военным советником А. Д. Боровковым и его помощниками: флигель-адъютантом полковником В. Ф. Адлербергом и титулярным советником А. И. Карасевским.

Несмотря на то что комитет являлся временным, его работа была хорошо организована: к лету 1826 г. следствие по делу о тайных обществах, насчитывавшее свыше 2000 дел, закончилось. Это стало возможным благодаря тому, что члены комитета имели навыки проведения подобных расследований и опирались на хорошо отработанные методы расследования дел о шпионаже и государственных преступлениях. Можно предположить, что сотрудники аппарата, взятые из нескольких ведомств, ранее имели отношение к государственным секретам и пользовались безусловным доверием начальников. Семь писарей аппарата были прикомандированы по тому же принципу: трое из канцелярии военного министра, двое из канцелярии генерал-кригскомиссара, один из инженерного департамента и один из провиантского. Среди чиновников и писарей комитета большинство сотрудников имели отношение к военной или военно-морской службе.

А. И. Чернышёв, вернувшийся в Петербург 4 января 1826 г., уже 9 января (!) представил комитету записку, в которой обобщил полученные сведения о тайных обществах. Он перечислял основные направления расследования и отмечал, что провести его следует максимально тщательно и в возможно короткие сроки; он же предложил схему допросов арестованных. Комитет,

рассмотрев предложения генерала в тот же день (!), постановил:

«1) Произведение допросов поручить господам членам комитета генерал-адъютантам Чернышёву и Бенкендорфу, придав им флигель-адъютанта полковника Адлерберга с чиновниками. <…>2) Общее направление дела, рассматривание вступающих бумаг, сношения всякого рода и все распоряжения по сему делу предоставить председателю комитета, а для производства оставить военного советника Боровкова, 8-го класса Карасевского и 9-го класса Григорьева.

3) Заседания разделить на два разряда:

а) Частные. Они должны происходить ежедневно, в них присутствовать председателю и членам, имеющим по комитету особенные занятия, в предыдущих пунктах изъясненные, о коих каждый день ведется журнал за их подписанием. б) Общие. В них присутствуют все <…> члены, кои созываются особенными приглашениями для выслушания отобранных показаний и разрешения обстоятельств, требующих общего суждения.

Примечание. Само собою разумеется, что и другие члены имеют полное право присутствовать в ежедневных заседаниях, когда будут свободны от постоянных своих должностей»[365].

Следствие над декабристами было организовано таким образом. Во время допросов члены комитета задавали подозреваемым устные вопросы, которые затем направлялись арестованным в письменном виде. Сохранившиеся в следственных делах вопросы к арестованным и письменные ответы на них достаточно полно отражают ход следствия. Совершенно очевидно, что при составлении вопросов чиновники комитета не подтасовывали показания одних подследственных, предъявляя их другим. Письменные показания декабристов, на которые ссылались следователи, переписывались дословно с заменой первого лица на третье. Иногда опускались имена авторов показаний и упоминающихся в них лиц. Крайне важно отметить, что случаев, когда кому-либо из обвиняемых предъявлялись фальсифицированные показания других подследственных, отсутствующие в их персональных следственных делах, не выявлено.

В середине декабря начались аресты членов «Южного общества», был арестован и С. И. Муравьёв-Апостол. 31 декабря, когда на юге стало известно о поражении декабристов, заговорщики освободили его из-под ареста и взбунтовали Черниговский полк. Мятеж возглавили С. И. Муравьёв-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин. Для агитации солдат они применили то же средство, что и их сообщники в Петербурге. Один из братьев Борисовых говорил о несуществующих членах общества из числа

представителей всех славянских народов, о мифическом сербском графе Макгавли. С. И. Муравьёв-Апостол в Василькове объявил солдатам, что Константина лишили трона. Однако надежды заговорщиков на поддержку других полков, в которых служили члены «Южного общества» и «соединенные славяне», не оправдались. 3 января 1826 г. мятежники были разбиты при поддержке конной артиллерии – последнего довода императора (ultima ratio regis).

На следующий день пленных черниговцев доставили в Белую Церковь, большинство из них приговорили к лишению чинов, каторге и ссылке. 1-я гренадерская рота Черниговского полка во главе с капитаном Козловым, оставшаяся на стороне правительства, 20 января была переведена в старую гвардию (Московский полк) в полном составе и с сохранением чинов.

В отношении солдат, принявших участие в восстании, Николай I проявил поистине государственную мудрость. Наиболее отличившиеся нижние чины были удостоены денежных наград от 30 до 500 рублей, в зависимости от заслуг. Матросы Гвардейского экипажа, практически в полном составе вернувшиеся в казармы вечером 14 декабря, утром следующего дня принесли перед Адмиралтейством присягу лично императору. Рядовой состав экипажа получил прощение, экипажу возвращено гвардейское знамя. Приказом по Гвардейскому корпусу от 17 февраля 1826 г. из солдат и младших офицеров, добровольно явившихся в казармы, был составлен Сводный полк (3 роты Московского и 4 роты Гренадерского полков), чтобы искупить вину боевой службой на Кавказе.

На составление полка поступило 33 офицера и 1333 нижних чина; командиром полка назначен полковник И. П. Шипов; личный состав сохранил гвардейскую форму. На Кавказе в состав полка были включены 145 нижних чинов бывшего Семеновского полка и еще 581 участник восстания 14 декабря, а также 264 заслуженных солдата кавказских полков. В декабре 1827 г. Сводный полк вернулся в столицу, его батальоны вошли в состав своих коренных полков 3-ми батальонами.

Большинство офицеров-заговорщиков воспользовались предоставленной возможностью оправдаться: дали признательные показания и раскаялись в своих действиях, о чем впоследствии многие десятилетия не принято было упоминать. Каховский писал Николаю I, что не смеет просить простить его заблуждение, Рылеев – что отрекается от своих заблуждений и политических правил. Пестель сообщал Левашову о разрыве всего, что связывало его с тайным обществом, и просил пощады. Вероятно, искреннее раскаяние подавляющего большинства офицеров стало

смягчающим обстоятельством при вынесении наказаний. Из 40 смертных приговоров, вынесенных в судебных заседаниях, император утвердил только пять, заменив четвертование повешением. Родственники мятежников, не замешанные в их преступлении, не подверглись опале, были оставлены на службе, а многие даже награждены и повышены в чинах за верную службу.

Николай I внимательно изучал материалы Следственной комиссии, желая понять реальное положение дел в империи, доставшейся ему в наследство от старшего брата. Он стремился уяснить положительное содержание в проектах декабристов и поручил делопроизводителю Следственной комиссии А. Д. Боровкову изложить вытекающие из них (проектов) выводы о насущных государственных потребностях. Многие начинания государя были направлены на устранение выявленных недостатков, что потребовало от него кропотливой работы по осуществлению «постепенных усовершенствований». Военным губернатором Петербурга был назначен П. В. Голенищев-Кутузов, обер-полицмейстером стал Б. Я. Княжнин[366].

Уже в декабре 1825 г. Николай I дал указание ряду приближенных составить проекты преобразования тайной государственной полиции. Одним из первых в январе 1826 г. представил свои соображения А. Х. Бенкендорф. В апреле император направил его записку И. И. Дибичу и графу П. А. Толстому, чтобы они высказали свое мнение по данному вопросу. В течение первой половины 1826 г. император получил в свое распоряжение еще несколько проектов. Бенкендорф обратил внимание на социально-политические аспекты деятельности тайной полиции, принципы ее формирования и служебной деятельности, отметив необходимость тщательного обсуждения этого вопроса. Поскольку многие предложения Александра Христофоровича были в дальнейшем реализованы, приведем полный текст его обращения к императору:

«События 14-го декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более 10 лет эти события, вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно быстрее в исполнение.

Тайная полиция почти немыслима, честные люди боятся ее, а бездельники легко осваиваются с нею.

Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и при том самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно лишь иметь в некоторых городах почтмейстеров, известных своею

честностью и усердием. Такими пунктами являются Петербург, Москва, Киев, Вильна, Рига, Харьков, Одесса, Казань и Тобольск.

Для того чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника.

Он должен бы носить звание министра полиции и инспектора корпуса жандармов в столице и в провинции. Одно это звание дало бы ему возможность пользоваться мнениями честных людей, которые пожелали бы предупредить правительство о каком-нибудь заговоре или сообщить ему какие-нибудь интересные новости. Злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обратиться. К этому начальнику стекались бы сведения от всех жандармских офицеров, рассеянных во всех городах России и во всех частях войска: это дало бы возможность заместить на эти места людей честных и способных, которые часто брезгуют ролью тайных шпионов, но, нося мундир, как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность.

Чины, кресты, благодарность служат для офицера лучшим поощрением, нежели денежные награды, но для тайных агентов не имеют такого значения, и они нередко служат шпионами за и против правительства. Министру полиции придется путешествовать ежегодно, бывать время от времени на больших ярмарках, при заключении контрактов, где ему легче приобрести нужные связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся к наживе.

Его проницательность подскажет ему, что не следует особенно доверять кому бы то ни было. Даже правитель канцелярии его не должен знать всех служащих у него и агентов.

Личная выгода и опасение лишиться чрезвычайно доходного места будут ручательством в верности этого правителя канцелярии относительно тех дел, которые должны быть известны ему.

Гражданские и военные министры и даже частные лица встретят поддержку и помощь со стороны полиции, организованной в этом смысле.

Полиция эта должна употребить всевозможные старания, чтобы приобрести нравственную силу, которая во всяком деле служит лучшей гарантией успеха. Всякий порядочный человек сознает необходимость бдительной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей беспорядки и

преступления. Но всякий опасается полиции, опирающейся на доносы и интриги.

Первая – внушает честным людям безопасность, вторая же – пугает их и удаляет от престола.

Итак, первое и важнейшее впечатление, произведенное на публику этой полицией, будет зависеть от выбора министра и от организации самого министерства; судя по ним, общество составит себе понятие о самой полиции.

Решив это дело в принципе, нужно будет составить проект, который по своей важности не может быть составлен поспешно, но должен быть результатом зрелого обсуждения, многих попыток и даже результатом самой практики»[367].

3 июня 1826 г. Николай I подписал указ о присоединении Особенной канцелярии МВД к Собственной Его Императорского Величества канцелярии:

«Предметами занятий сего III Отделения Собственной моей канцелярии назначаю:

1. Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции.

2. Сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов.

3. Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и проч., коих разыскания и дальнейшее производство остается в зависимости министерств: финансов и внутренних дел.

4. Сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения.

5. Высылка и размещение людей подозрительных и вредных.

6. Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в кои заключаются государственные преступники.

7. Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел государства прибывающих и из оного выезжающих.

8. Ведомости о всех без исключения происшествиях.

9. Статистические сведения, до полиции относящиеся»[368].

А. Х. Бенкендорф

Основой III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии стала Особенная канцелярия МВД. Но, поскольку одним из направлений деятельности отделения являлась контрразведка, в его состав могли быть вовлечены и сотрудники Высшей воинской полиции. В ряде публикаций, посвященных деятельности последней, упоминается о ее реформировании именно в 1826 г. Главным начальником III Отделения назначался А. Х. Бенкендорф. Его ближайшим помощником стал М. Я. фон Фок, старый полицейский волк, руководивший Особенной канцелярией МВД до 1826 г. Ум, знания, оперативный опыт и административные способности этих людей обеспечили успешную работу III Отделения и положили начало формированию централизованной системы органов государственной безопасности.

В момент основания III Отделение состояло из четырех экспедиций: 1-я ведала всеми политическими делами, которые представляли собой основной интерес Высшей полиции, и сведениями о лицах, состоявших под полицейским надзором; 2-я – раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, уголовными убийствами, местами заключения и «крестьянским вопросом»; 3-я надзирала за иностранцами; 4-я вела переписку о «всех вообще происшествиях» и ведала личным составом. Штат III

Отделения составляли при его создании всего 16 человек: 4 экспедитора, 4 старших помощника, 5 младших помощников, экзекутор, журналист, помощник экзекутора и журналиста. Управляющий и оперативные сотрудники (чиновники особых поручений) в штате не числились!!!

О том, как в III Отделении умели хранить секреты, говорит следующий факт. Когда после 1917 г. новая власть решила ознакомиться с его архивами, оказалось, что в них практически отсутствуют данные о деятельности внутренней и заграничной агентуры. Подавляющее большинство сохранившихся агентурных донесений являются копиями, фамилии агентов в них не указываются, они заменены условными обозначениями. Данные об агентуре держались в строжайшей тайне не только от посторонних лиц, но и от сотрудников отделения. Даже руководители отделения далеко не всегда сообщали друг другу имена доверенных лиц.

25 июня государь назначил Бенкендорфа шефом жандармов, 26 июля – командующим Главной квартирой. В этой должности он отвечал за личную безопасность Николая I и его семьи, система охраны которых претерпела существенные изменения. Со времен Петра I охрану императора и его ближайшего окружения осуществляли офицеры и солдаты гвардейских полков, привлекавшиеся для несения караульной службы по очереди. Однако к рассматриваемому времени дворянство перестало быть надежной опорой власти, более того – в значительной части оно ушло в оппозицию. Необходимо было искать иных помощников. 2 октября 1827 г. в составе Главной квартиры из ветеранов Отечественной войны 1812 г. была сформирована Рота дворцовых гренадер. Из 120 нижних чинов роты 69 имели Георгиевские кресты, 84 – Знак отличия ордена Святой Анны за 20 лет беспорочной службы. Командиром роты стал капитан Е. Г. Качмарев[369], сражавшийся на Бородинском поле в звании фельдфебеля. Гренадеры новой роты несли караул и вели полицейский надзор в каждом из императорских дворцов. Все офицеры роты были выходцами из простых солдат. 14 апреля 1849 г. был создан Московский отряд Роты дворцовых гренадер, который размещался в Московском Кремле. Командиром отряда был назначен штабс-капитан Г. Блинов. Рота стала образцом новой организации внутренней охраны высших представителей государственной власти в Российской империи.

В 1827 г. военную организацию получает таможенная стража. До этого погранично-таможенные функции выполняли вначале казачьи полки (по одному на 150 верст, 1811 г.), затем команды таможенной стражи (с 1819 г.). При Николае I на 13 таможенных

округов приходилось 4 бригады, 7 полубригад и 2 отдельные роты. Бригады и полубригады состояли из рот, а роты – из отрядов, в которых несли службу пешие и конные стражники. В 1835 г. таможенным стражникам было высочайше повелено именоваться пограничной стражей.

Для несения конвойной службы при дворе в 1828 г. сформирован лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон, состоявший из представителей знатных фамилий кавказских народов. Командовал полуэскадроном потомок крымского хана ротмистр Султан Азамат Гирей. Штат полуэскадрона состоял из 5 офицеров, 9 юнкеров и 40 оруженосцев. В 1832 г. в состав конвоя вошла Команда кавказских линейных казаков (будущие Терские сотни), предназначенная исключительно для охраны государя. В ней служили 2 офицера, 4 урядника и 24 казака. В марте 1833 г. состав команды увеличили вдвое и разделили ее на две смены: одна несла службу в течение трех лет в Петербурге, другая находилась на льготах в станицах. В 1836 и 1839 гг. были сформированы Команда лезгин и Команда мусульман, которые подчинялись командиру Кавказско-Горского полуэскадрона. Срок службы в командах устанавливался 4-летний. Все командиры охранных подразделений подчинялись непосредственно командующему Главной квартирой.

Рота дворцовых гренадер

Некоторые историки полагают, что охранная служба при Николае I была организована плохо, в качестве подтверждения версии ссылаясь на его прогулки по Невскому проспекту без

сопровождения. Мы можем с уверенностью утверждать, что в данном случае речь идет об отсутствии видимых для посторонних глаз проявлений ее работы. Анализ имеющихся материалов показывает, что специальные службы в тот период предпочитали действовать на дальних подступах к объекту охраны, активно занимались выявлением и предупреждением возможных, даже гипотетически, покушений. Поскольку III Отделение и Главную квартиру возглавлял один человек, проблем при взаимодействии спецслужб не возникало, что крайне важно для организации работы различных структур государственного аппарата. Оперативно-агентурное обеспечение охраны осуществлялось сотрудниками III Отделения по разным направлениям, что позволяло дер жать под контролем всех подозрительных, с точки зрения охраны государя, лиц.

28 апреля 1827 г. Николай I издал указ «Об учреждении пяти округов Корпуса жандармов». На основании указа Российская империя разделялась на 5 (с 1 июля 1836 г. – на 8) жандармских округов, которые в свою очередь разделялись на жандармские отделения. Корпус жандармов стал исполнительным органом III Отделения в губерниях. В 1827 г. в Корпусе числились: 3 генерала, 41 штаб-офицер, 160 обер-офицеров, 3617 нижних чинов, 457 нестроевых. Возглавляли округа генералы (полковники), подчиненные непосредственно шефу жандармов. В каждую губернию назначался штаб-офицер, подчинявшийся окружному генералу. Председатель Государственного совета В. П. Кочубей предложил передать руководство жандармерией в ведение МВД, а его командира сделать товарищем министра. Государь это предложение не утвердил, так как пожелал возлагать на него свои личные поручения. В 1836 г. жандармы внутренней стражи были выведены из Отдельного корпуса внутренней стражи и вошли в состав Корпуса жандармов. Тем самым Николай I придал собственной службе безопасности необходимый дополнительный силовой инструмент.

Тайный агент III Отделения княгиня Д. Х. Ливен, урожденная Бенкендорф

Деятельность сотрудников III Отделения и Корпуса жандармов регламентировали секретные внутренние инструкции. Первая из них, составленная в сентябре 1826 г., известна как «Инструкция А. Х. Бенкендорфа чиновнику III Отделения». Скорее всего, документ в его первичном варианте составлен управляющим III Отделения М. Я. фон Фоком, а затем утвержден с соответствующими поправками и редактурой. Подобные инструкции получали руководители жандармских отделений и

жандармские офицеры, производившие ревизии в губерниях. В феврале 1827 г. было составлено дополнение к инструкции жандармским офицерам, и уже в марте – апреле его стали вручать и рассылать жандармам вместе с инструкцией. В дополнении особое внимание обращается на независимость и негласность действий жандармов. Инструкция и дополнение к ней, с текстом которых вы ознакомитесь в конце главы, составили негласный свод правил офицера Корпуса жандармов.

Остановимся подробнее на организации работы III Отделения. В отчете за 1828 г. Бенкендорф писал, что в первые три года существования на учет брались все лица, в том или ином отношении выдвигавшиеся из толпы. За их действиями, суждениями и связями устанавливалось тщательное наблюдение. Деятельность тайных обществ и наполеоновской агентуры в России в первой четверти XIX в. показала, что политическая полиция и контрразведка не могут работать, полагаясь только на заявления законопослушных подданных. Основными методами деятельности III Отделения стали: перлюстрация корреспонденции, наружное наблюдение и внедрение секретных сотрудников в центральные и местные государственные учреждения, светские салоны. По прошествии времени трудно сказать, кем был тот или иной человек, сотрудничавший с III Отделением: агентом в современном понимании этого слова или кадровым сотрудником службы, тайно работавшим под прикрытием какой-либо официальной должности.

Главными задачами III Отделения стали сбор и анализ информации о состоянии российского общества. Уже с 1827 г. сотрудники отделения составляли обзоры общественного мнения, включая рукописную «Секретную газету». Так зародилось первое штатное аналитическое подразделение отечественных спецслужб, материалы которого легли в основу некоторых позитивных изменений в социальной сфере. К таким изменениям следует отнести: «фабричный закон» 1835 г.; учреждение особой комиссии для исследования быта рабочих и ремесленников в 1841 г.; устройство больниц в Петербурге и Москве. Уже в 1830-е гг. аналитики III Отделения утверждали, что крепостное состояние – «пороховой погреб под государством». В обзорах общественного мнения уделялось место всем социально значимым слоям населения Российской империи: членам императорской семьи, высшему обществу, среднему классу, чиновничеству, армии, крестьянству, духовенству и некоторым национальным и религиозным группам. По мнению сотрудников спецслужб, наибольшая опасность для общества исходила от нечистоплотных и некомпетентных чиновников, а наибольшую

угрозу государю представляла дворянская молодежь, зараженная вольнодумными и неконструктивными теориями переустройства общества. Именно против них были направлены основные усилия Корпуса жандармов при проведении политического сыска.

Как и ранее, перлюстрации корреспонденции уделялось значительное внимание. «Чёрные кабинеты» работали в Петербурге, Москве, Бресте, Вильно, Радзивилове (в 1840 г. перенесен в Житомир) и с 1840 г. – в Тифлисе. Чиновники, занимавшиеся перлюстрацией, официально числились почтовыми служащими, их деятельность считалась совершенно секретной. Всего в этой области трудились 33 человека, из них 17 – в Петербурге. Перлюстрация дипломатической корреспонденции находилась в ведении министра иностранных дел. В 1828 г. три секретных экспедиции МИД: шифровальная, дешифровальная и перлюстрации – были объединены в Департамент внешних сношений. В 1846 г. секретные подразделения МИД получают наименование Особенная канцелярия министерства, которая подчинялись непосредственно министру.

Руководство работой секретных сотрудников и агентов III Отделения осуществлял управляющий отделением вместе с двумя-тремя наиболее доверенными сотрудниками. Большинство исследователей российских органов политического розыска XIX в. справедливо считают основным организатором агентурной работы в тот период М. Я. фон Фока. Он имел хорошее образование, владел несколькими иностранными языками, обладал большим опытом оперативной работы. В сохранившихся письмах фон Фок называет некоторых представителей, в том числе и высшего света, из числа своих помощников: статского советника Нефедьева, графа Л. И. Соллогуба, коллежского советника Бландова, писателя и драматурга С. И. Висковатова (о нем мы расскажем ниже) и даже одного из князей Голицыных. Подчеркнем, сегодня достаточно сложно дать однозначное толкование статусу этих людей в нынешнем понимании: были ли они добровольными агентами или кадровыми сотрудниками службы на нелегальном положении.

К сожалению, деятельность самого фон Фока на посту управляющего III Отделением длилась всего пять лет: он скончался в 1831 г. По поводу его кончины А. С. Пушкин, имевший с III Отделением достаточно тесные и во многом очень специфические отношения, в своей записной книжке отметил, что его смерть – бедствие общественное.

Вторым управляющим III Отделением (в 1831–1839 гг.) стал А. Н. Мордвинов[370], его сменил Л. В. Дубельт[371], принятый в Корпус жандармов лично Бенкендорфом в 1830 г. При

поступлении на жандармскую службу Дубельт написал жене, что желает стать опорой людей бедных и отдавать справедливость угнетенным. Как и многие офицеры, поступавшие в Корпус жандармов из армии, Дубельт первоначально недопонимал значение агентурной работы. Но впоследствии, став в 1835 г. начальником штаба корпуса и затем управляющим III Отделением, получив соответствующую своему статусу и характеру работы подготовку, он уделял ей должное внимание. Уточним, что должность чиновника особых поручений по функциональным обязанностям во многом схожа с деятельностью сегодняшнего руководящего оперативного работника органов государственной безопасности.

Л. В. Дубельт

Историк И. М. Троцкий, изучавший в 1920-е гг. деятельность III Отделения с позиций революционеров, писал: «III Отделение строилось в сравнительно спокойное время: в течение всего николаевского царствования в России не было ни одного крупного революционного выступления»[372]. По нашему мнению, эти слова – лучшее подтверждение хорошо поставленной оперативно-агентурной работы данной секретной службы, обязанной своими успехами тем, кого привлекли Бенкендорф и фон Фок. Большинство кадровых сотрудников, в том числе работавших под прикрытием внутри страны и за рубежом, были люди великолепно воспитанные и прекрасно образованные, многие с выраженным литературным талантом. Чтобы читатели

могли самостоятельно оценить интеллектуальный уровень тех, кто во времена Николая I обеспечивал безопасность государства, приведем несколько примеров.

Начнем с того, что сам фон Фок еще в 1816 г. был избран почетным членом Общества любителей российской словесности. Его перу принадлежат статьи политического характера, которые передавались из III Отделения в газеты и печатались там без подписи. Л. В. Дубельт – известный переводчик стихов и прозы В. Скотта – издавался также анонимно. Поэт и переводчик Байрона В. Е. Вердеревский был чиновником по особым поручениям. Переводчик и издатель детских книг, совладелец журнала «Отечественные записки» Б. А. Врасский служил вначале экспедитором, затем старшим чиновником и наконец чиновником для особых поручений. Одним из секретарей Бенкендорфа являлся издатель альманаха «Альбом северных муз» прозаик и поэт А. А. Ивановский. Как доверенное лицо своего шефа он осуществлял, в частности, официальные контакты с А. С. Пушкиным. Издатель альманаха «Утренняя заря» прозаик В. А. Владиславлев служил адъютантом Дубельта, затем дежурным штаб-офицером Корпуса жандармов. Одним из аналитиков отделения был поэт Н. А. Кашинцов. Прозаик П. П. Каменский начинал младшим помощником экспедитора, а впоследствии стал помощником цензора драматических сочинений. Переводчик и поэт, издатель франко-русского и немецко-русского словарей Е. И. Ольдекоп был цензором драматических сочинений. Этот список можно продолжить. Как видим, просвещенные и образованные люди того времени не стыдились трудиться не только на творческой ниве, но и на ниве обеспечения государственной и государевой безопасности, практически не разделяя эти понятия.

В 1828 г. был утвержден либеральный по тем временам цензурный устав, театральная цензура перешла в ведение специально созданного V Отделения секретной службы. В отличие от цензуры, находившейся в ведении Министерства народного просвещения, сотрудники отделения действовали не путем запретов и репрессий, а путем негласного соглашения с писателями и редакторами периодических изданий. Более того, такие литераторы, как Ф. В. Булгарин, Н. А. Греч, М. Н. Погодин, А. С. Пушкин, сформулировали и предложили государю собственные программы формирования позитивного общественного мнения в отношении правительства. Многие писатели, считавшие, что их произведения умышленно отвергаются издателями или редакторами, обращались за помощью к чиновникам отделения и непосредственно к

Бенкендорфу. В большинстве случаев тайная полиция выступала на их стороне, им оказывалась и существенная материальная помощь. В 1842 г. Н. В. Гоголь получил единовременно 500 рублей серебром, затем – по 1000 рублей ежегодно в течение трех лет из фондов Корпуса жандармов и III Отделения. Только на издание такого произведения, как «Истории Пугачевского бунта», не говоря уже о других литературных проектах с государственно-исторической подоплекой, А. С. Пушкин получил в 1834–1835 гг. 50 000 (!) рублей – очень крупную по тем временам сумму. Секретными сотрудниками были литераторы Е. Н. Пучкова, А. Н. Очкин и др. Не будет голословным утверждение, что очень многие – если не все – писатели в той или иной степени сотрудничали с ведомством Бенкендорфа.

Работа с агентурой и секретными сотрудниками строилась на строго конфиденциальной основе. Весьма показательным является факт, что не было ни одного случая, чтобы чиновники III Отделения «засветили» или, того хуже, провалили кого-нибудь из своих людей. От секретных сотрудников и агентов требовалось неукоснительное соблюдение правил конспирации. Рассмотрим пример С. И. Висковатова[373], работавшего под руководством фон Фока в Особенной канцелярии Министерства полиции в 1811–1825 гг., а затем в III Отделении.

В октябре 1826 г. Бенкендорф отправил на имя петербургского обер-полицмейстера Княжнина следующее послание: «Милостивый государь Борис Яковлевич! По дошедшим до меня многократным верным сведениям, титулярный советник Степан Иванович Висковатов позволяет себе во многих частных домах и обществах называться чиновником, при мне служащим или употребляемым под начальством моим по делам будто бы высшей, или секретной, полиции. Смешное таковое самохвальство, ни на чем не основанное, может произвести неприятное впечатление насчет распоряжений правительства, и потому я долгом считаю объяснить вашему п[ревосходительст]ву, что г. Висковатов не служит под моим начальством и никогда служить не может. <… >

По сим уважением, я покорнейше прошу ваше п[ревосходительст]во пригласить по себя г. Висковатова и подтвердить ему усильно, дабы не осмеливался впредь называть себя ни служащим при мне, ни употребленным по высшей полиции; ибо в противном случае я принужденным найдусь употребить меры строгости, кои г. Висковатов должен будет приписать собственному легкомыслию и нескромности.

С совершенным почтением имею честь быть вашего п[ревосходительст]ва покорнейший слуга. Подписал А.

Бенкендорф»[374].

Княжнин вызвал Висковатова и взял с него расписку, что он ознакомлен с отношением начальника III Отделения. Карьера талантливого литератора, но опасного болтуна закончилась в одночасье и навсегда, до конца дней своих он находился под неусыпной опекой бывших коллег, а летом 1831 г. и вовсе пропал без вести.

В послании Бенкендорфа следует обратить внимание на два момента. Первый: шеф секретной службы официально отказывается от своего человека и тем самым лишает его покровительства службы, давая потенциальным «говорунам» наглядный урок единства слова и дела. Второй: показателен тон обращения высшего государственного чиновника империи, облеченного личным доверием государя, к должностному лицу, стоявшему в тогдашней иерархии на несколько ступеней ниже, – предельно уважительный и корректный, хотя по своему положению и полномочиям Бенкендорф мог просто потребовать «жесткого профилактирования самохвала» или его «негласного препровождения в столицы». Объясняется это высокой общей культурой переписки того времени и тем, что формально обер-полицмейстер находился в подчинении военного губернатора Петербурга.

К сожалению, как это часто случалось на практике, деятельность III Отделения была направлена не только на борьбу с оппозицией и иностранным шпионажем, но и на противодействие коллегам из МВД и аппаратов военных губернаторов. Борьба за информацию и право первым доложить об успехах лично государю-императору началась с момента основания III Отделения. Уже 20 июля 1826 г. фон Фок на основании оперативной информации доводит до сведения Бенкендорфа: «Уверяют, что городская полиция, заметив, что существует деятельный надзор, собирается развернуть все находящиеся в ее распоряжении средства, дабы первой узнавать все, что делается, и будто бы на расходы полиции, собственно на этот предмет, прибавлено по 300 рублей в месяц; говорят даже, что Фогель (начальник тайной полиции при военном губернаторе Петербурга. – *Примеч. авт.*) получит прибавку в 3000 рублей, чтобы иметь возможность следить за всем с большею деятельностью и с большим успехом»[375].

10 августа фон Фок сообщал шефу о слежке, установленной полицией за ним и его людьми: «Полиция отдала приказание следить за моими действиями и за действиями органов надзора. Полицейские чиновники, переодетые во фраки, бродят около маленького домика, занимаемого мною, и наблюдают за теми,

кто ко мне приходит. <…> Ко всему этому следует прибавить, что Фогель и его сподвижники составляют и ежедневно представляют военному губернатору рапортички о том, что делают и говорят некоторые из моих агентов»[376].

Несмотря на конкуренцию со стороны параллельных ведомств, фон Фок стремился нормализовать отношения с коллегами из других служб. В 13 августа 1826 г. он писал патрону: «Я далек от мысли жаловаться на полицию – напротив, я желал бы, насколько это зависит от меня, поддерживать доброе согласие, которое должно царить между этими двумя учреждениями, призванными помогать одно другому…»[377]. А 21 августа он отмечает: «Становится очевидным – даже недовольные не в состоянии отрицать это, – что все благомыслящие люди с каждым днем все более и более сознают пользу существования надзора; многие из них предлагают ему свои услуги даром, чтобы, с одной стороны, давать полезные советы, а с другой – направлять общественное мнение в интересах правительства, преследующего одну только цель – противопоставить грозный оплот господствующим преступлениям и испорченности, поколебавшим, в самом основании, нравственные силы народа»[378].

Император внимательно относился не только к тем донесениям, которые касались его личной безопасности. Он внимательно изучал аналитические материалы III Отделения, поскольку в них содержались помимо оценки негативных явлений конкретные предложения по их устранению. Николай I приблизил к себе двух самых видных инициаторов и проводников либеральных начинаний своего брата – М. М. Сперанского и В. П. Кочубея. Сперанский, назначенный управляющим 2-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, возглавил работу по созданию первого «Полного собрания законов Российской империи» и «Свода законов» по всем отраслям права и управления. Кочубей стал председателем секретного «Комитета 6 декабря 1826 г.» по рассмотрению проектов реорганизации органов государственной власти и положения отдельных сословий, в 1827 г. он возглавил Государственный совет.

Однако в деятельности правительства имелись и очевидные неудачи, связанные с работой спецслужб. Первая из них – недооценка роли военной разведки после победы над Наполеоном. Одной из структур, ликвидированной в этой области, была разведка Отдельного (оккупационного) корпуса во Франции. В 1815 г. в нем нештатно была создана так называемая военная полиция – секретный орган, объединявший разведку,

контрразведку, политический и криминальный сыск на оккупированной территории. Возглавил военную полицию подполковник И. П. Липранди[379], входивший «в сношения с французскими начальниками высшей тайной полиции в Арденнах и Шампани». После возвращения корпуса из Франции в 1818 г. военная полиция и вовсе прекращает свое существование.

Ее руководитель, с 1823 по 1827 г. числясь на различных военных и гражданских должностях, организует разведку против Турции. Агентура Липранди работает в Бессарабии, Валахии, Молдавии, Румынии, Болгарии, в европейской части Турции и на Балканах. Липранди понимает, что разведка опирается на системность и полноту сведений. Он добывает, перепроверяет и систематизирует информацию о рельефе местности, состоянии дорог, силах и средствах противника, настроениях населения и войск противника, характере и привычках турецких командиров и начальников и т. п. Все эти данные, а также выкраденные или купленные секретные сведения сводятся в единую аналитическую записку и подаются командованию. Сам Липранди во время войны командует разведывательно-диверсионной партией, набранной им из албанских, болгарских, греческих и сербских волонтеров. Но, как это часто бывало в истории нашей страны, после окончания войны труды полковника становятся никому не нужными. Его докладная записка об организации военной разведки на неопределенное время кладется под сукно, агентурная сеть практически прекращает свое существование. А сам он в 1832 г. выходит в отставку в чине генерал-майора.

Одна из невосполнимых потерь русской разведки при Николае I – гибель А. С. Грибоедова[380]. Азиатское направление относилось к числу приоритетных, поскольку Персия и Турция постоянно угрожали интересам Российской империи на Кавказе. После окончания русско-персидской войны 1826–1828 гг. Грибоедов был назначен послом в Персии. В данной ему секретной инструкции указывались направления разведывательной деятельности: сбор статистических и политических сведений о стране (история, география, состояние экономики и торговли); сбор сведений о соседних государствах (Бухара, Хива, Афганистан, Турция) и об их отношениях с Персией. Однако Грибоедов не смог в полном объеме приступить к выполнению своих задач: 30 января 1829 г. разъяренная толпа, по оперативным данным, подстрекаемая представителями английской миссии, ворвалась на территорию посольства и убила всех, кто там находился. Это было выгодно тем европейским державам, которые не желали усиления российских позиций на Ближнем и Среднем Востоке. Да, мы знаем А. С. Грибоедова как

талантливого драматурга, автора бессмертной комедии «Горе от ума», однако следует отметить, что литературная деятельность многих представителей российской культуры середины XIX в. оставалась для них занятием второстепенным и сугубо личным; они служили Отечеству не только в вооруженных силах и на дипломатическом поприще, но и в спецслужбах.

Провалом правительства следует считать и польскую войну 1830–1831 гг., которую в исторической литературе принято называть восстанием. По Конституции 1815 г. Царство Польское располагало собственной армией; ее ядро составляли части, сражавшиеся еще под знаменами Наполеона против России. Офицеров польских войск, скомпрометированных в заговоре декабристов, а также участвовавших в тайных польских обществах, выпустили из-под стражи. Деятельности III Отделения на территории Царства Польского не допускал наместник Константин Павлович. Последний, кстати, назвал предложение Николая I послать польский корпус против Турции во время войны 1828–1829 гг. «нелепой штукой». Государь считал себя обязанным считаться с мнением наместника, а еще больше – с конституцией, данной Польше Александром I, и не стал принимать жесткие меры. Однако, получив сведения о подготовке назначенного на декабрь 1830 г. восстания, он потребовал от брата решительных действий.

В окружении Константина Павловича были агенты заговорщиков, не выявленные Военно-секретной полицией. Благодаря его мягкости, либерализму и известной несдержанности они узнали о намерениях русского императора. В итоге вечером 17 ноября вооруженная толпа под предводительством студентов и младших офицеров ворвалась в резиденцию наместника – Бельведерский дворец. Константина (он сумел скрыться через потайной ход) ценой собственной жизни спас генерал его свиты А. А Жандр. Был убит генерал-адъютант С. Потоцкий. Но ситуация не стала критической: ко дворцу подошли русские уланы и подольские кирасиры, прибыли также верные присяге польские конные егери. Под конец дня к ним пробились все русские и часть польских войск, а генерал Д. А. Герштенцвейг предложил пустить в дело оружие, обещая усмирить Варшаву.

Депутация мятежников предложила Константину Павловичу польскую корону. Однако наместник отказался пустить в ход оружие, полагая, что «всякая пролитая капля крови только испортит дело». Он отпустил верные ему польские войска, а сам с русскими частями отошел в Россию. Нерешительность и слабоволие Константина пришлось исправлять годичной войной, которая стоила обеим сторонам не менее 35 000 только убитыми.

Основными промахами русских оказались недооценка противника и ослабленная в мирный период боевая подготовка войск. Был забыт и опыт партизанской войны, что позволило отряду Г. Дембинского, насчитывающему около 4000 человек, пройти сквозь боевые порядки русских войск из Литвы под Варшаву через Беловежскую Пущу.

После окончания войны Царство Польское, потеряв свою автономию, было обращено в генерал-губернаторство, и сотрудники III Отделения, равно как и Корпуса жандармов, получили возможность работать на его территории точно так же, как в России.

В 1832 г. Военно-секретная полиция была упразднена, ее оперативные сотрудники (чиновники особых поручений) перешли на службу в III Отделение. В начале года для наблюдения за эмигрантами постепенно стала создаваться Заграничная агентура – агентурная сеть III Отделения за пределами России. Одними из первых организаторов заграничного сыска стали сотрудники Военно-секретной полиции А. А. Сагтынский и К. Ф. Швейцер. А. А. Сагтынский работал во Франции, Пруссии и Италии. К. Ф. Швейцер, а также Н. А. Кошинцев – в Австрии и Пруссии. Во Франции действовал Я. Н. Толстой[381], не были обойдены вниманием и другие страны Европы, где работу проводил М. М. Попов. Все оперативники III Отделения имели за рубежом свои сети секретных сотрудников.

Деятельность Заграничной агентуры на территории иностранных государств обеспечивалась санкциями Священного союза и дополнительным соглашением между императорами о сотрудничестве в области политического сыска (1834 г.). При этом русская агентурная сеть работала и в интересах монархов других государств. Сотрудничество было достаточно интенсивным. Так, в 1835 г. сотрудник III Отделения Г. Струве был направлен в Вену для изучения организации и работы секретной канцелярии и шифровального отдела Министерства иностранных дел Австрии. Но поскольку до конца дружественных спецслужб не бывает, сведения, направлявшиеся Заграничной агентурой в Санкт-Петербург, содержали и ценнейшую разведывательную информацию.

Кроме политического сыска III Отделение занималось обеспечением безопасности империи и по другим направлениям, в том числе вело контрпропаганду. Уже в начале 1830-х гг. Я. Н. Толстой по личной инициативе проводил такую работу во Франции, в 1836 г. он направил развернутую докладную записку, посвященную проблемам психологической войны. Ее высоко оценили Бенкендорф и государь, и в 1837 г. Толстой вернулся в

Париж. Б. Л. Модзалевский так описывал его деятельность: «Должность его была загадочная и неопределенная. Занимаемое им место не относилось к служебным, но он получал чины и ордена. Личное его дело хранилось в Министерстве просвещения, но он числился по особым поручениям в III Отделении. Сам он говорил о своей должности как о „единственном месте, не определенном штатами, – для защищения России в журналах и опровержения противных ей статей“»[382]. Толстой опубликовал во Франции свыше 20 брошюр и свыше 1000 статей. Пример одного из многочисленных представителей известного рода Толстых лишний раз доказывает, как можно и должно организовывать секретную службу и защищать (с оперативной и социальной позиций) секретного сотрудника на боевом посту. Прозорливость Я. Н. Толстого в вопросах организации психологической войны может служить поучительным примером и для политиков XXI в. Контрпропаганду помогали вести многие печатные издания. Издатель франкфуртской газеты «Journal de Francfort» французский журналист Ш. Дюран защищал политику русского правительства с 1833 г. Успешно работал с прессой в Пруссии, затем Австрии К. Ф. Швейцер. Бенкендорф писал о нем в своих воспоминаниях: «Я послал в Германию одного из моих чиновников, с целью опровергать посредством дельных и умных газетных статей грубые нелепости, печатаемые за границей о России и ее монархе, и вообще стараться противодействовать революционному духу, обладавшему журналистикой»[383]. Издатель газеты «Северная пчела» Н. И. Греч также осуществил ряд публикаций в зарубежной прессе. Известный поэт Ф. И. Тютчев, установивший связь с III Отделением еще в 1840-х гг. и самостоятельно пытавшийся наладить систему русской печатной контрпропаганды за рубежом, отправил по этому вопросу докладную записку государю, однако его замыслы в должной мере не были реализованы. В 1843 г. чиновником Особенной канцелярии МВД стал знаменитый писатель И. С. Тургенев, знавший в совершенстве английский, немецкий и французский языки. Некоторые иностранные журналисты (Л. Шнейдер в Пруссии, де Кардон во Франции) занимались политической аналитикой. Регулярно присылавшиеся ими на имя редакторов русских изданий письма с оценкой политической и экономической ситуации в своих странах поступали в III Отделение.

Я. Н. Толстой поддерживал конспиративные контакты с определенными лицами во французской полиции и занимался вопросами разведки и внешней контрразведки. В 1848 г. он одним из первых обратил внимание русского правительства на

увеличение политической роли рабочего класса в странах Западной Европы. Однако граф А. Ф. Орлов, возглавивший III Отделение после смерти Бенкендорфа в 1844 г., не проявил интереса к его информации. Поскольку все предыдущие попытки переворотов осуществлялись дворянами из числа гвардейцев, основные усилия специальных служб направлялись против дворянской среды. Алексей Федорович, будучи «чистым военным генералом», не имел выдающихся оперативных способностей своего предшественника, а в практической деятельности ни служебным рвением, ни оперативным талантом не блистал. Было заметно сокращено финансирование агентуры вследствие «недействительности» заслуг агентов. И хотя недостатки Орлова отчасти компенсировались активностью управляющего III Отделением Л. В. Дубельта, в целом качество работы этого ведомства ухудшилось.

Неповоротливость аппарата и политическая близорукость руководства в очередной раз сыграли злую шутку с прекрасно отлаженным оперативным механизмом, резко снизив его эффективность. Политическая ограниченность, чванство и нежелание видеть рождение нового противника (все усилия концентрировались на противнике хорошо известном – дворянстве) сводили на нет усилия многих талантливых оперативников, действовавших творчески (часто на собственные средства).

Примером ухудшения качества работы может служить наиболее крупное политическое дело эпохи Николая I – дело петрашевцев, арестованных в 1849 г. Тайное общество, организованное в 1844–1845 гг. переводчиком МИД М. В. Петрашевским (Буташевичем), до 1848 г. (!) оставалось вне поля зрения спецслужб. Возможно, это было связано как со сменой руководства III Отделения, так и со снижением качества оперативной работы, уменьшением размеров ее финансирования. Общество Петрашевского, в которое входили и несколько военных, раскрыли сотрудники Особенной канцелярии МВД под руководством чиновника особых поручений И. П. Липранди, одного из лучших военных агентов, автора засекреченных военных и экономико-статистических работ.

Двое его полицейских под личиной извозчиков каждую пятницу развозили гостей Петрашевского, а затем докладывали адреса, имена и подслушанные разговоры. В окружение Петрашевского были внедрены секретные сотрудники П. Д. Антонелли (через МИД), Н. Наумов и В. Шапошников. Липранди установил все связи петрашевцев и их дальнейшие планы – организацию вооруженного восстания. Однако ни дальнейшая

разработка тайного общества, ни грамотный арест и следствие над его членами не состоялись. В 1849 г. руководители МВД и III Отделения А. Ф. Орлов и Л. А. Перовский[384] больше думали не об интересах дела, а о своем личном влиянии на государя. Никто из них не хотел признавать допущенные ошибки и реально заниматься улучшением оперативной работы и эффективной контрпропагандой. В результате интриг руководства крайним, как обычно бывает в таких случаях, стал Липранди, в итоге отстраненный от дела петрашевцев.

В самом III Отделении в январе 1949 г. из архива пропало 18 докладов Орлова Николаю I с собственноручными резолюциями императора, затем их вырезки по почте были доставлены в Зимний дворец. Расследование установило, что документы были похищены сверхштатным чиновником А. П. Петровым «для передачи частным лицам» из корыстных побуждений. Итогом стала реорганизация архивного дела с проживанием архивистов в здании III Отделения по адресу ул. Фонтанка, д. 16.

Положение дел в разведке в России к началу 1850-х гг. также было далеко от совершенства. Политическая линия Александра I, реализованная в виде Священного союза монархов Австрии, Пруссии и России, продолжала довлеть над российскими национальными интересами и при Николае I. Обеспечивая безопасность империи от внутренних угроз, русское правительство допустило серьезные ошибки в развитии вооруженных сил и военной разведки. Я. Н. Толстой еще в 1850 г. отправил в Петербург секретное донесение о намерении англичан уничтожить русский флот и сжечь Севастополь, которое было оставлено без должного внимания. Военный министр А. И. Чернышёв, будучи профессионалом в военных и секретных вопросах, выражал обеспокоенность состоянием разведки, но ее планомерная работа так и не была налажена в полном объеме. В частности, данных о поступившей на вооружение в Пруссии еще в 1841 г. винтовке Дрейзе с продольно-скользящим затвором, названной для маскировки «легким капсюльным ружьем», наша разведка до войны так и не получила. А сотрудники МИД во главе с Нессельроде (обязанные в мирное время добывать военно-политическую информацию) не смогли выяснить истинные политические намерения Англии и Франции в отношении России. По нашему мнению, отсутствие систематической (тотальной) дипломатической и военной разведки в мирное время стало одной из причин последующего поражения России в Крымской войне.

Опыт екатерининских егерей и партизан 1812 г. во многом оказался утраченным, забытым, выброшенным на свалку истории.

Книга Д. Давыдова «Опыт теории партизанского действия», впервые изданная в 1822 г., практически не изучалась. Первые штатные команды пластунов из состава Черноморского и Кавказского казачьих войск, использовавшие тактику засад и молниеносных налетов, были созданы только в 1828–1829 гг. В 1842 г. в составе Кавказской армии появились пластунские батальоны (армейский спецназ своего времени), число которых к началу Крымской войны 1853–1856 гг. увеличилось до шести. В 1850 г. полковник И. В. Вуич написал книгу «Малая война», в которой относил к последней разведку, сторожевое охранение, действия в тылу противника и охрану собственных тылов. Таким образом, теоретические разработки и боевая практика отдельных воинских частей позволяли сделать вывод о необходимости более активной работы в области разведки, но на практике этого не случилось.

Поражение русских войск под Севастополем в 1854 г. стало настоящей трагедией для Николая I, который по-своему, но последовательно и искренне служил России. Как полагали некоторые современники императора и как считают некоторые современные историки, государь не вынес горечи поражений и предпочел покончить с собой с помощью яда, будучи не в силах отказаться от проводимой им ранее политики.

Перед смертью он попросил облачить его в мундир и, прощаясь со старшим внуком – будущим императором Александром III, промолвил: «Учись умирать». Николай Павлович скончался 18 февраля 1855 г.

ИНСТРУКЦИЯ А. Х. БЕНКЕНДОРФА ЧИНОВНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ

Стремясь выполнить в точности высочайше возложенную на меня обязанность и тем самым споспешествовать благотворительной цели Государя Императора и отеческому его желанию утвердить благосостояние и спокойствие всех в России сословий, видеть их охраняемыми законами и восстановить во всех местах и властях совершенное правосудие, я поставляю вам в непременную обязанность, не щадя трудов и заботливости, свойственных верноподданному, наблюдать по должности вашей следующее:

1. Обратить особенное ваше внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во

всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки.

2. Наблюдать, чтоб спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личною властию, или преобладанием сильных лиц, или пагубным направлением людей злоумышленных.

3. Прежде нежели приступать к обнаруживанию встретившихся беспорядков, вы можете лично сноситься и даже предварять начальников и членов тех властей или судов или те лица, между коих замечены вами будут незаконные поступки, и тогда уже доносить мне, когда ваши домогательства будут тщетны; ибо цель вашей должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла. Например, дойдут ли до вашего сведения слухи о худой нравственности и дурных поступках молодых людей, предварите о том родителей или тех, от коих участь их зависит, или добрыми вашими внушениями старайтесь поселить в заблудших стремление к добру и возвести их на путь истинный прежде, нежели обнаружить гласно их худые поступки пред правительством.

4. Свойственные вам благородные чувства и правила несомненно должны вам приобресть уважение всех сословий, и тогда звание ваше, подкрепленное общим доверием, достигнет истинной своей цели и принесет очевидную пользу государству. В вас всякий увидит чиновника, который через мое посредство может довести глас страждущего человечества до престола царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту Государя Императора.

Сколько дел, сколько беззаконных и бесконечных тяжб посредничеством вашим прекратиться могут, сколько злоумышленных людей, жаждущих воспользоваться собственностию ближнего, устрашатся приводить в действие пагубные свои намерения, когда они будут удостоверены, что невинным жертвам их алчности проложен прямой и кратчайший путь к покровительству Его Императорского Величества.

На таковом основании вы в скором времени приобретете себе многочисленных сотрудников и помощников; ибо всякий гражданин, любящий свое отечество, любящий правду и желающий зреть повсюду царствующую тишину и спокойствие, потщится на

каждом шагу вас охранять и вам содействовать полезными своими советами и тем быть сотрудником благих намерений своего государя.

5. Вы, без сомнения, даже по собственному влечению вашего сердца стараться будете узнавать, где есть должностные люди совершенно бедные или сирые, служащие бескорыстно верой и правдой, не могущие сами снискать пропитание одним жалованьем, о каковых имеете доставлять ко мне подробные сведения для оказания им возможного пособия и тем самым выполните священную на сей предмет волю Его Императорского Величества – отыскивать и отличать скромных вернослужащих.

Вам теперь ясно открыто, какую ощутительную пользу принесет точное и беспристрастное выполнение ваших обязанностей, а вместе с тем легко можете себе представить, какой вред и какое зло произвести могут противные сей благотворительной цели действия: то, конечно, нет меры наказания, какому подвергнется чиновник, который, чего Боже сохрани и чего я даже и помыслить не смею, употребит во зло свое звание, ибо тем самым совершенно разрушит предмет сего отеческого Государя Императора учреждения.

Впрочем, нет возможности поименовать здесь все случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое внимание, ни предначертать вам правил, какими вы во всех случаях должны руководствоваться; но я полагаюсь в том на вашу прозорливость, а более еще на беспристрастное и благородное направление вашего образа мыслей[385].

Дополнение к ИНСТРУКЦИИ ЖАНДАРМСКИМ ОФИЦЕРАМ

Февраль 1827 г.

В дополнение включаемой у сего инструкции, заключающей в себе первые основания обязанностей ваших, нужным считается предписать вам в непременное руководство нижеследующие правила:

1. Вы имеете доносить прямо окружному начальнику Жандармского корпуса о всех случаях особенной важности и о всех предметах, о коих вам от него

предписано будет.

2. Все донесения ваши, заслуживающие внимания правительства, поверяемы будут особами доверенными, а потому вы должны наблюдать в донесениях ваших ясность и точнейшую истину, не позволяя себе гадательных заключений, но основываясь на положительных убеждениях.

3. Вы не должны ни под каким видом вмешиваться ни в какие действия и распоряжения присутственных мест и начальств как по гражданской, так и по военной части. Вы должны избегать, напротив, всякого вида соучастия и влияния на производство дел и на меры, местными начальствами предпринимаемые.

4. Вы не должны отнюдь принимать никаких просьб или жалоб на места и лица, ибо на сие есть определенный порядок и разные пути, законами установленные; в случае только обстоятельства особенной важности, до священной особы Государя Императора, до августейшей императорской фамилии или до сохранения блага государства относящегося, вы можете принять бумагу, которую имеете тотчас представить окружному начальнику или, смотря по важности, и самому шефу жандармов, пояснив причины, вас к тому побудившие.

5. Обязанностию вашей будет стараться приобрести к себе как благорасположение всех гг. начальников гражданских и военных, так равно уважение и доверие всех сословий; приличною покорностию и чинопочитанием к особам вас старшим, благородным и приветливым обращением с равными вам, ласковым и снисходительным обхождением со всеми прочими сословиями вы, конечно, достигнете общего уважения и доверенности к себе и тем поставитесь в возможность выполнять возлагаемую на вас обязанность с успехом, соответственным цели назначения вашего.

6. Если дойдет до вас сведение о каком-либо противозаконном поступке и вы в справедливости оного совершенно удостоверитесь, то можете предварить о том словесно или посредством записки того начальника, до коего обстоятельство сие касаться будет; сим вы подадите ему способ отвратить возникшее зло или даже предупредить оное. На сей-то конец должно вам поставить себя на такую ногу, чтобы все местные начальства вас уважали и принимали бы извещения

ваши с признательностию.

7. Если вам встретится необходимость по каким-либо случаям иметь пояснительные сведения из других губерний, то дозволяется вам войти в сношение с другими губернскими начальниками из Жандармского корпуса, донося в то же время окружному начальнику для известия.

8. Если в каких-либо обстоятельствах особенной важности представится вам необходимость в содействии воинских или гражданских начальств, то вы имеете право, под личною, однако же, вашею ответственностию, обратиться по сему к ним с требованием вашим, донеся о том тогда же безотлагательно окружному начальнику и шефу жандармов. В сих только самонужнейших случаях имеете вы предъявлять сие предначертание.

Из сего вам данного предначертания вы должны убедиться в важности делаемого вам поручения и в необходимости точного исполнения предписываемых в руководство правил, способствующих благотворительной цели Государя Императора.

Чиновник, служащий в отличенном Его Императорским Величеством Корпусе жандармов, употребивший во зло поручение, ему делаемое, подвергнет себя неукоснительно строгому и примерному наказанию[386].

Глава 8
Терроризм: от теории к практике

Мысль об уничтожении императорской партии и главы ее – Александра II – была уже высказана… Осталось только привести ее в исполнение.

А. А. Шилов

Александр II вступил на престол, когда Севастополь был уже в кольце войск союзников. Несмотря на героические усилия солдат, матросов и офицеров Крымская кампания закончилась поражением России. В самом начале царствования Александра II на повестку дня встал вопрос о качественных изменениях в военной области. Осенью 1855 г. была учреждена Комиссия для улучшения воинской части, которую возглавил боевой генерал Ф. В. Ридигер[387]. В числе требовавших скорейшего решения проблем следует выделить излишнюю централизацию, подавлявшую инициативу снизу; перевооружение армии; боевую подготовку войск. Вскоре после подписания Парижского мира в марте 1856 г. были ликвидированы военные поселения, срок службы в армии сокращен до 15 лет.

Произошли определенные позитивные изменения и в деятельности разведки. Одним из первых отличился в этой области полковник П. П. Альбединский[388], участвовавший в работе над Парижским мирным договором, завершившим Крымскую войну, в качестве корреспондента Военного министерства при русском посольстве. В декабре 1855 г. он сумел добыть совершенно секретные данные о численности, составе, устройстве и расположении сухопутных сил Франции с приложением карты их дислокации. Кроме того, он сообщил подробные сведения об испытаниях новых ружей и пуль в Венсенской стрелковой школе. Это донесение было немедленно передано Александру II. Информация об испытаниях новых образцов стрелкового оружия была внимательно изучена в Оружейном комитете, который дал высокую оценку полученным сведениям. Комитет наметил основные пути развития стрелкового оружия в России.

Александр II. 1870–1880-е гг.

В 1856 г. император утвердил «Проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу». Попробуем оценить с современных позиций, какие военные вопросы интересовали руководство Российской империи после поражения в Крымской войне. 14 опубликованных пунктов проекта следует разбить на несколько групп.

1. *Общие вопросы военного характера*: «О числе, составе, устройстве и расположении сухопутных и морских сил», «О лагерных сборах войск и маневрах», «О способах правительства к пополнению и умножению вооруженных сил своих и снабжению войск и флота оружием и другими военными потребностями».

2. *Военно-технические вопросы*: «О нынешнем состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах для укрепления берегов и других пунктов», «Об опытах правительства над изобретениями и усовершенствованиями оружия и других военных потребностей, имеющих влияние на военное искусство».

3. *Маневренность войск*: «О различных передвижениях войск – как приведенных уже в исполнение, так и предполагаемых,

стараясь по мере возможности проникнуть в истинную цель сих передвижений», «О способах к передвижению войск по железным дорогам, с возможными подробностями о числе войск и времени окончания ими передвижения между данными пунктами».

4. *Военное администрирование*: «О состоянии различных частей военного управления, как то: артиллерийского, инженерного, комиссариатского, провиантского со всеми их отраслями», «Об улучшениях военной администрации вообще для скорейшего исполнения письменных дел и сокращения времени в передаче приказаний».

5. *Перспективы развития военного дела*: «Обо всех замечательных преобразованиях в войсках и изменениях в воинских уставах, вооружении и обмундировании», «О новейших сочинениях, касающихся до военных наук, а также о картах, планах вновь издаваемых…», «Об устройстве Генерального штаба и степени познаний офицеров, оный составляющих».

6. *Моральное и образовательное состояния войск*: «О духе войск и образе мыслей офицеров и высших чинов», «О состоянии военно-учебных заведений в отношении устройства их, методы преподавания наук и господствующий дух в этих заведениях».

Группировка поставленных военной разведке задач приводит нас к выводу, что наибольший интерес для российского руководства представляли военно-стратегические вопросы.

Наряду с четким разъяснением, какие именно сведения в военной области представляют наибольший интерес, инструкция предписывала соблюдать строгие правила конспирации: «Все означенные сведения собирать с самою строгой осторожностью и осмотрительностью и тщательно избегать всего, что могло бы навлечь на агента малейшее подозрение местного правительства»[389].

В том же 1856 г. государь лично назначил военных агентов (в будущем – военных атташе) в страны, представлявшие наибольший интерес для России, – в Вену (Австрия), Париж (Франция), Лондон (Великобритания), Константинополь (Турция), Неаполь и Турин (Италия).

Кроме изучения военных вопросов на военную разведку возлагался сбор экономической и политической информации в части, связанной с угрозами национальной безопасности России. При получении информации политического характера инструкция обязывала военных и морских агентов осуществлять оперативное взаимодействие с руководством российских дипломатических миссий. То есть Александр II придавал большое значение вопросам координации деятельности различных ведомств, участвовавших в добывании конфиденциальной

информации.

Уже в марте 1857 г. Альбединский сумел завербовать одного из ординарцев французского императора Наполеона III, имевшего доступ к секретам французской армии. Результатом стало получение сведений о военных действиях Франции в Алжире, о правилах перевозки всех родов войск по железной дороге, об организации и численности французской гвардии, армии, Корпусе жандармов и т. п. Особую ценность представляли сведения о структуре и деятельности французского Генерального штаба, военной администрации, комендантского управления, штаба артиллерии и т. д. Военно-политическое руководство России получило полные данные о французских вооруженных силах. В июле 1858 г. в донесении Альбединского сообщалось о тактико-технических данных нового нарезного артиллерийского орудия и снаряда к нему. Александр II наложил на это донесение следующую резолюцию: «Надеюсь, что у нас будут уметь воспользоваться доставленными сведениями. Желаю знать: на чем дело остановилось у нас?»[390].

Одной из наиболее ярких личностей эпохи Александра II, добившихся выдающихся успехов на поприще дипломатии и разведки, по справедливости считается граф Н. П. Игнатьев[391]. В 1856 г. он направляется военным агентом в Лондон с задачей: «… изучить все новейшие достижения артиллерийского и инженерного дела в Англии и установить возможность их применения в России, а также привести в ясность военно-политические замыслы врагов наших в Европе и Азии»[392]. Граф – не только дипломат и разведчик, он еще и военно-политический стратег, энтузиаст тайных (специальных) операций. Одним из первых Игнатьев осознал, что силовое разрешение русско-турецких противоречий невозможно без военно-политической поддержки балканских народов. Приобретение союзников, чьи национальные интересы совпадали с интересами Российской империи, стало одним из факторов, обеспечивших военные победы русской армии в войне с Турцией 1877–1878 гг.

Существенным просчетом военно-политического руководства Российской империи следует считать пренебрежение вопросами оперативно-тактической разведки и диверсионных действий. В 1859 г. генерал-майор Н. С. Голицын указывал, что теория партизанской войны у нас не преподается и учебных пособий, кроме книги Д. Давыдова, никакой литературы нет.

В области внутренней политики был осуществлен ряд преобразований. Уже в первый год правления Александра II подлежал закрытию Высший цензурный комитет. Независимые от правительства печатные издания стали возникать не только в

столицах, но и в провинции. По случаю коронации в августе 1856 г. государь амнистировал или облегчил положение ряда «политических преступников», в том числе декабристов и участников Польского восстания 1830–1831 гг. Многим оставшимся в живых декабристам были возвращены их имения и титулы.

Важнейшим политическим решением Александра II является отмена крепостного права. Из 62 миллионов человек, проживавших в Российской империи, около 90 процентов составляли крестьяне, из них крепостных было 35 процентов. В отличие от дворянства и горожан крестьяне не имели никаких письменно оговоренных прав. Результатом произвола помещиков стали убийства крепостных (в среднем не менее 15 человек в год) и поджоги помещичьих усадеб. 19 февраля 1861 г., не без влияния сотрудников III Отделения и МВД, лучше других представлявших истинное положение крестьян, был издан высочайший указ об отмене крепостного права. После отмены крепостного права Александра II стали именовать Освободителем.

В правление Александра II имели место и другие преобразования, в частности университетская (1863 г.), земская и судебная (обе – 1864 г.) реформы. В ходе последней создан всесословный суд. Реформы повлекли за собой значительные позитивные изменения в хозяйственной жизни страны, рост сельскохозяйственного производства. Часть крестьян мигрировала в города, где появилась возможность заниматься торговлей и предпринимательством, поступила на работу на промышленные предприятия, формируя новый класс – пролетариат. В 1850 г. в России насчитывалось около 1000 фабрик и заводов, а к концу правления Александра II – уже около 25 000. Интенсивно прокладывались железные дороги, их протяженность увеличилась с 1000 до 20 000 верст. Возросла телеграфная сеть – с 2000 верст телеграфных проводов до 140 000. Постепенно Россия стала выходить в лидеры по темпам строительства железных дорог и роста производства. Товарооборот с сопредельными странами вырос в 10 раз. В 1860 г. создан Государственный банк, стали развиваться частные банки.

А. И. Герцен

Реформы, начатые Александром II, были восприняты в российском обществе неоднозначно. Большинство подданных реформы поддерживали, часть общества резко их критиковала. Консерваторы (в основном представители правящих классов) полагали, что реформы России ни к чему, что государь вступил на гибельный для страны путь. Либералы (в основном разночинцы) упрекали за слишком медленные преобразования и считали царя реакционером. С начала 1860-х гг. разночинцев стали именовать интеллигенцией[393]. Парадокс заключается в том, что непримиримыми противниками монархии стали люди, явившиеся порождением реформ Александра II.

В 1853 г. А. И. Герцен в Лондоне организовал Вольную русскую типографию, с 1857 г. издавал газету «Колокол». Он стал основателем целенаправленной антигосударственной

эмигрантской пропаганды и вел ее с молчаливого согласия Британской короны. Издания Вольной типографии нелегально переправлялись в Россию и распространялись среди интеллигенции. В аналитическом отчете III Отделения за 1858 г. отмечалось, что общественное мнение «сильно раздражалось» сочинениями Герцена. Меры, предпринятые руководством Российской империи, вначале сводились к пресечению распространения нелегальной литературы, но они не давали положительных результатов.

В условиях серьезных внутриполитических реформ потребовалось внести изменения в деятельность специальных служб и подразделений, предназначенных для выполнения задач государственной безопасности, в том числе охраны государя. Напомним, что не все российские самодержцы адекватно оценивали угрозу собственной безопасности и уделяли должное внимание специальным службам. После Павла I наибольшую беспечность в этой области проявил Александр II. В отличие от своего отца, который взял за правило знакомиться со всеми делами политического характера, он не уделял достаточного внимания ни политическому сыску в целом, ни вопросам обеспечения личной безопасности.

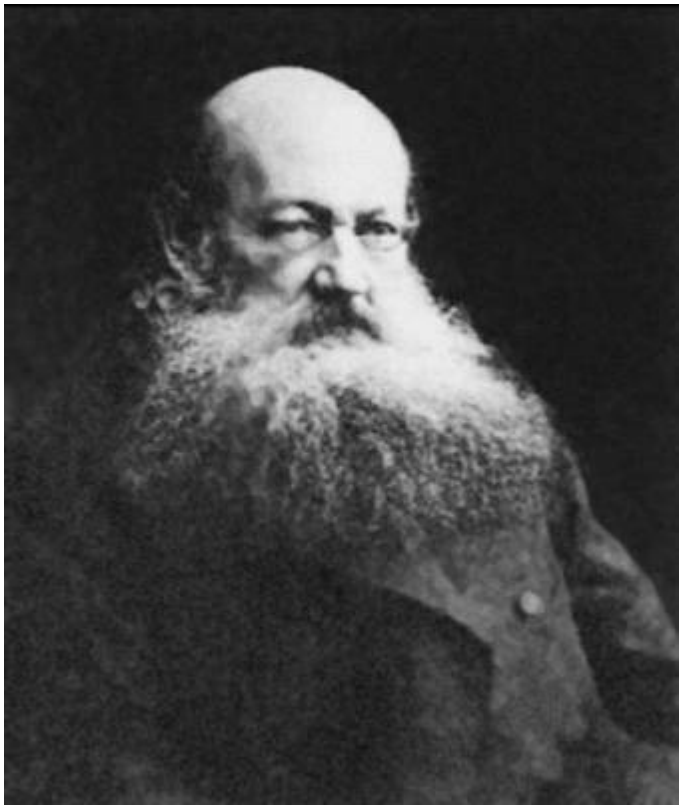
После отмены крепостного права в ряде губерний прошли антиправительственные выступления крестьян, считавших, что их обманывают помещики. На подавление этих выступлений высылались войска. В апреле 1861 г. в Спасском уезде Казанской губернии и Керенском уезде Пензенской губернии погибли 92 и 19 человек соответственно. Подавление бунтов вызвало упреки в реакционности проводимого государем курса со стороны разночинцев. Значительная часть разночинной интеллигенции начала 1860-х гг. поддерживала проповедовавшиеся А. И. Герценом антимонархические идеи, в России происходило объединение различных антиправительственных групп. В конце 1861 г. по инициативе братьев Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, А. А. Слепцова, Н. Н. Обручева, В. С. Курочкина и др. разрозненные группы разночинцев приступили к созданию единой организации. Вдохновителями инициаторов были А. И. Герцен, Н. П. Огарёв и Н. Г. Чернышевский.

Некоторые историки считают, что объединение вызвано исключительно объективными причинами во внутренней жизни страны. Однако их оппоненты полагают, что процесс создания левого антиправительственного подполья был следствием внешнего воздействия масонских сил, ставленниками которых являлись Герцен и Чернышевский. Последнего называют главой ордена русских иллюминаторов. По нашему мнению, имели

место причины того и другого порядка. С точки зрения геополитики любое государство будет пытаться оказать влияние на соседние и более отдаленные страны, в том числе ослабляя их с помощью внутренних конфликтов. Для этого используются государственные и негосударственные структуры, включая международные организации.

В. А. Долгоруков, возглавлявший III Отделение в 1856–1866 гг., был не тем человеком, которому следовало руководить политическим сыском и контрразведкой. Свою должность он получил после снятия с поста военного министра в результате поражения России в Крымской войне. Во время его руководства центральной российской спецслужбой наибольшее внимание уделялось пресечению, а не выявлению и предупреждению антигосударственной деятельности революционных организаций. Продолжая по старинке искать врагов государства вблизи престола, руководство III Отделения проглядело начало нового этапа в революционном движении, когда в борьбу с самодержавием включились разночинцы.

Сети тайного сыска, расставленные при Николае I для обнаружения заговоров внутри правящего класса и для борьбы с революционным подпольем разночинцев, вначале оказались малоэффективными. Зачастую вместо того, чтобы обеспечивать безопасность государства и государя, сотрудники III Отделения принимали участие в интригах двора. Князь П. А. Кропоткин, один из теоретиков анархизма, бывший в начале 1860-х гг. камер-пажом Александра II, в своих «Записках» вспоминал слова чиновника III Отделения: «Слова и мнения Его Величества должны быть известны нашему отделению. Разве иначе можно было бы вести такое важное учреждение, как государственная полиция? Могу вас уверить, что ни за кем так внимательно не следят в Петербурге, как за Его Величеством»[394].



П. А. Кропоткин

В 1858–1862 гг. в России проводилась, но не была завершена реформа исполнительной полиции МВД. Только во второй половине 1857 г. принято решение о внедрении секретных сотрудников в среду политической эмиграции для установления корреспондентской сети и каналов распространения антиправительственной литературы. Сделать это было непросто, поскольку эффективность работы III Отделения под руководством Долгорукова значительно снизилась. Корреспондентские связи Герцена, наоборот, были хорошо ограждены системой адресов и применяемой конспирацией. Навыки конспирации разночинцы постигали и с помощью иностранных инструкторов. В воспоминаниях народовольцев отмечается, что рецепт химических чернил для переписки получен ими от итальянца Дж. Маццини. Система построения подпольных организаций по принципу «пятерок» также заимствована из западного опыта[395].

Первых серьезных успехов в борьбе с оппозицией секретным службам империи удалось добиться только к лету 1862 г. Для выявления петербургских связей Герцена в Париж, а затем в Лондон под легендой графа А. Потоцкого был направлен

секретный сотрудник А. Ф. Балашевич. С октября 1860 г. установлено систематическое наружное наблюдение за Н. Г. Чернышевским. Оперативникам III Отделения удалось привлечь к сотрудничеству служившего в доме, где проживал Чернышевский, швейцара и получать через него для просмотра корреспонденцию «фигуранта». В качестве кухарки к революционеру внедрили супругу швейцара, которая передавала на Фонтанку документы, предназначенные для сожжения. Позднее в результате обысков были изъяты шифрованные письма. Началось следствие по делу «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, С. С. Рымаренко были арестованы, А. А. Серно-Соловьевич эмигрировал.

Приведенные примеры показывают, что на оперативном уровне сотрудники специальных служб империи работали квалифицированно, чего нельзя сказать о многих их руководителях. Именно из-за недостаточно компетентного руководства политической полицией и ряда других охранных служб империи серьезные системные агентурные позиции в антиправительственных организациях отсутствовали, и те продолжали объединять усилия в борьбе с монархией.

В конце лета 1862 г. организуется «Русский центральный народный комитет», с этого же времени за ним утвердилось название «Земля и воля». Руководители «Земли и воли» (Н. И. Утин, Г. Е. Благосветлов, Г. З. Елисеев, Н. С. Курочкин) предполагали объединить на федеративных началах подпольные кружки в Петербурге, Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Перми, Твери и городах Украины. Они поддерживали связь с Герценом, Огарёвым и М. А. Бакуниным. В качестве общей политической платформы были приняты положения, сформулированные в статье Н. П. Огарёва «Что нужно народу?» (1861 г.): освобождение народа от чиновничества, крестьянское самоуправление, сокращение армии наполовину и т. п. Члены организации приступили к нелегальной издательской деятельности, обращенной к народу, армии и «образованным классам»: выпустили ряд прокламаций, два номера листка «Свобода».

Автор наиболее радикальной прокламации «Молодая Россия», призывавшей к свержению самодержавия, сын помещика, студент Московского университета П. Г. Заичневский организовал студенческий кружок, занимавшийся выпуском запрещенной политической литературы; он был арестован в июле 1861 г. Прокламация, написанная им в заключении, с мая 1862 г. распространялась в Москве, Петербурге и других городах. Это показывает, что режим содержания и охраны политических

противников государства являлся в то время неудовлетворительным.

Прокламация произвела огромное впечатление на российское общество приверженностью идеям социализма и открытыми угрозами революционной расправы с правительством. «Своею кровью, – говорилось в ней, – они заплатят за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых! <…> Мы будем последовательнее не только жалких революционеров [18]48 года, но и великих террористов [17]92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в [17]90 годах. <…> Скоро, скоро наступит день, когда мы <…> двинемся на Зимний дворец истребить живущих там»[396].

Еще один серьезный аспект прокламации – требование независимости Польши и Литвы. Автор «Молодой России» открыто призывал своих сторонников к совершению тягчайших государственных преступлений.

Руководители «Земли и воли» понимали, что могут рассчитывать на успех при захвате власти только в том случае, если будут располагать поддержкой армии, и активно вербовали сторонников среди офицерства. Одним из них был С. Сераковский – сын беспоместного дворянина, участника восстания 1830–1831 гг. в Польше. В 1848 г. за попытку бежать за границу он был сослан рядовым в Оренбургский отдельный корпус, где сблизился с Т. Г. Шевченко. В 1856 г. Сераковский возвратился в Петербург и в следующем году основал подпольный офицерский кружок, состоявший в основном из польских офицеров на русской службе. В 1859 г. он окончил Николаевскую академию Генерального штаба (!) и с 1861 г. служил в Генштабе в чине капитана. Во время заграничных командировок 1860–1862 гг. он установил контакты с Герценом и Огарёвым, польской эмиграцией, встречался с Дж. Гарибальди. Нам не известно, имел ли Сераковский прямое отношение к выполнению поручений русской военной разведки или высокопоставленных персон, но действовал он в 1857–1863 гг. весьма профессионально.

В конце 1862 г. к «Земле и воле» присоединилась нелегальная военная организация – «Комитет русских офицеров в Польше». Эта организация, основанная по инициативе В. Каплинского в 1861 г. на территории Царства Польского и части западных губерний России, представляла собой федерацию бригадных, полковых и батальонных кружков общей численностью до 200 человек. Руководили комитетом А. А. Потебня, Я. Домбровский, З.

Падлевский; в комитет входили поляки, русские, украинцы, латыши, белорусы. Одним из членов комитета был поручик К. И. Крупский (отец жены В. И. Ленина Н. К. Крупской). Организация установила связи с польскими сепаратистами и эмигрантскими центрами в Лондоне. В 1861–1862 гг. члены комитета развернули агитационно-пропагандистскую деятельность, выпустив большим тиражом полтора десятка прокламаций.

Один из руководителей «Комитета русских офицеров в Польше» и член польского Центрального национального комитета Я. Домбровский, также окончивший Академию Генштаба, входил в число разработчиков плана вооруженного восстания в Польше. План был основан на совместных действиях польских сепаратистов и русских антиправительственных сил. О высоком уровне конспирации офицеров-заговорщиков и качестве их связей свидетельствуют следующие факты. Когда в августе 1862 г. арестованный Домбровский содержался в Варшавской цитадели, он продолжал поддерживать контакты с обеими организациями и участвовал в разработке планов действий повстанцев. В декабре 1864 г. Домбровский бежал из пересыльной тюрьмы в Москве и при содействии русских революционеров выехал во Францию. В Парижской Коммуне он был главнокомандующим всеми ее вооруженными силами.

Нам остается только добавить, что в Николаевской академии Генштаба учили хорошо и тот, кто хотел и умел учиться, получал блестящее военное образование. Не производя должного отбора, российское правительство само готовило военные кадры для оппозиции. Подобное будет повторяться в нашей стране неоднократно.

В начале 1860-х гг. ситуация в Царстве Польском сложилась следующая. После объявления амнистии всем участникам восстания 1831 г. – как ссыльным, так и эмигрантам – российское руководство не озаботилось контролем над ними. Либеральные меры русского правительства поляки восприняли как проявление слабости центральной власти. Вернувшись из ссылки и эмиграции, сепаратисты стали создавать конспиративные организации. Пропагандируя идею независимости Польши, они уверяли общество, что восстание будет немедленно поддержано вооруженным вмешательством Австрии, Англии и Франции.

«В конце 1862 года, – писал очевидец[397], – в Царстве Польском носились слухи о восстании; уже стали появляться в лесах скопища неизвестных людей; но никто в то время еще положительно не думал о возможности явного мятежа. Никому не приходила в голову мысль о такой дерзости; а между тем вооружение шло деятельно; поляки готовили оружие, порох, и

т. п.; почти в каждом семействе шили одежду, конфедератки, щипали корпию. Местная полиция, состоявшая исключительно из поляков, конечно, знала о том, но молчала. Впоследствии обнаружилось, что многие полицейские власти принимали деятельное участие в приготовлении к восстанию и в самом мятеже.

Наши военные, еще с 1861 года, отдалились от поляков и не бывали в их семействах, а потому и не могли знать положительно о приготовлениях к открытому восстанию; хотя все понимали, все чувствовали, что вокруг них готовится что-то недоброе. Поляки в своих действиях и поступках в отношении к русским стали чрезвычайно дерзки, нахальны. Русскому в Польше была жизнь не в жизнь: худо и дома, еще хуже вне его. <…> Начальство не приступало к решительным мерам, полагая, что поляки опомнятся, придут в себя, и действовало мерами кротости. <…> Всякая мера правительства, клонившаяся к восстановлению спокойствия, тишины и порядка, нарушаемых поляками, выставлялась ими в виде насилия; всякое бесчинство, публичное оскорбление, наносимое русским, оправдывались, по-иезуитски, патриотизмом. Словом сказать, смотря по обстоятельствам – из мухи делали слона и из слона – муху.

Чем меры правительства были снисходительнее, тем поступки поляков были нахальнее. Когда же наконец обнаружилось, с какими людьми довелось нам иметь дело, были приняты меры решительные, но уже было поздно, и со стороны поляков все было готово к открытому восстанию. В конце 1862 года был отдан приказ по войскам: быть постоянно в готовности к действию, усилить патрули, забирать с улиц всех шляющихся по ночам и т. д. Тогда же стали доходить до начальства положительные слухи, что в лесах сбираются толпы неизвестных людей; иные являлись с дубинами, другие – с оружием. С нашей стороны стали посылать отряды для разогнания шаек. При появлении их мятежники разбегались»[398].

Чтобы заручиться поддержкой русских антиправительственных организаций и собственных крестьян, польские заговорщики использовали лозунг борьбы с царизмом с последующей передачей власти в руки народа. На деле руководители Центрального национального комитета преследовали другую цель – восстановление независимой Польши в границах Речи Посполитой (до Западной Двины и Днепра, включая Белоруссию, Литву и Украину). В программе восстания, составленной Л. Мерославским, говорилось: «Пусть обольщают себя девизом, что этот радикализм послужит для нашей и вашей (польской и русской) свободы: перенесение же его

в пределы Польши будет считаться изменой отчизне и будет у нас наказываться смертью, как государственная измена»[399]. Под радикализмом Мерославский понимал идею социалистической революции. По мнению большинства руководителей заговора, власть должна была перейти в руки польской шляхты.

К началу 1863 г. в рядах повстанцев насчитывалось около 25 000 человек. Военные руководители восстания – в основном офицеры русской службы (!) – ранее присягали на верность Александру II. Диктатором являлся Мерославский, вначале осуществлявший руководство из Парижа. Мятеж начался в ночь с 10 на 11 января 1863 г. с нападения на спавших в казармах солдат ряда гарнизонов. Западная и южная граница Польши охранялась Пограничной стражей, численность которой не превышала 3000 человек. Без поддержки армии, которая в начальный период мятежа отсутствовала, пограничникам приходилось охранять границу и вести круговую оборону против повстанцев. 31 марта государь объявил амнистию для всех сложивших оружие, но последняя успеха не имела; Александр II был вынужден пойти на жесткие меры.

Для руководства империи ситуация складывалась крайне опасная. Повстанцы широко применяли тактику партизанской войны, и только крайне слабая тактическая и огневая подготовка партизан, отсутствие у них современного оружия и решительные действия русских войск не позволили развернуть затяжную партизанскую войну. Имелась реальная угроза высадки британских и французских десантов в Курляндии, существовала опасность мятежа во внутренних российских губерниях. С этой целью повстанцы направляли специальных агитаторов, которые должны были распространять «казацкую гайдаматчину» против всех представителей царского правительства: священнослужителей, чиновников и военных.

Наиболее опасная попытка поднять военно-крестьянское восстание в поддержку поляков была предпринята в Поволжье весной 1863 г. Его организаторы – сторонники немедленного революционного выступления – рассчитывали вовлечь крестьян в восстание авторитетом императорской (!) власти, для чего заготовили фальшивый «манифест» и прокламацию «Временное народное правление». Прокламация призывала к восстанию и созданию органов новой революционной власти на местах. Центром мятежа должна была стать Казань, план захвата которой находился в стадии разработки. Благодаря своевременно полученным агентурным сведениям и решительным действиям местных властей вооруженное выступление было предотвращено, заговорщики арестованы, руководители заговора из числа

военных (Н. К. Иваницкий, И. В. Кеневич, А. Е. Мрочек, Р. И. Станкевич и М. А. Черняк) расстреляны.

Решительные действия назначенного в мае виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьева[400] были поддержаны подавляющим большинством русско-литовского населения. Во многих районах Украины и Белоруссии повстанцы натолкнулись на стихийное сопротивление крестьян. Местные мужики, еще помнившие поведение польских панов, «хватали там польских революционеров и отдавали их в руки русских властей, подчас убивали схваченных, подвергая их предварительно истязаниям и пыткам»[401].

Польские и русские революционеры, особенно в Лондоне и Париже, называли Муравьева «вешателем», тщательно замалчивая факты расправ повстанцев с мирными жителями и пленными русскими солдатами. За 1859–1863 гг. повстанцами совершено не менее 2000 убийств русских солдат, чиновников и мирных поляков[402]. Муравьев действовал в соответствии с законодательством Российской империи: он ввел военно-полевые суды, которые по законам военного времени приговорили к смерти 128 человек – офицеров-изменников, террористов либо лиц, уличенных в зверствах и мародерстве.

Летом 1863 г. император отозвал из Польши великого князя Константина Николаевича, бывшего наместником, и назначил на его место Ф. Ф. Берга[403]. Применение против повстанцев регулярной армии в сочетании с приговорами военно-полевых судов и ростом авторитета центральной власти позволило стабилизировать положение к весне 1864 г. Польский мятеж, особенно после получения информации о зверствах восставших, не нашел сочувственного отклика в России. Решительные действия русских генералов были восприняты в российском обществе с пониманием. Влияние «Колокола» Герцена, бывшего рупором мятежников и утверждавшего, что Россию охватил «сифилис патриотизма», заметно уменьшилось, тираж газеты сократился.

После подавления мятежа Царство Польское получило название Привислинский край, автономия была упразднена, поляки выведены из состава местной администрации. Вместе с тем царское правительство было вынуждено провести и там в 1864 г. крестьянскую реформу, признав, по существу, аграрные преобразования, осуществленные в ходе восстания. Для освобождения крестьян в Варшаву был направлен Н. А. Милютин[404], который по повелению императора провел реформу на худших для шляхты (по сравнению с помещиками в Центральной России) условиях.

Подчеркнем, что мятеж 1863–1864 гг. стал возможен не только вследствие сепаратистских настроений польской шляхты и непоследовательных действий царского правительства, но и благодаря активной пропаганде, которая велась из-за рубежа. Отечественные спецслужбы извлекли из этих событий уроки и параллельно с агентурно-оперативной работой стали заниматься пропагандистской деятельностью. Наиболее успешную контрпропаганду во время событий 1863–1864 гг. вел издатель газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков. Его успеху способствовало то, что слово «патриотизм», использовавшееся Герценом для России (но не для Польши, Франции, Великобритании) в негативном смысле, для российских подданных в те годы не было просто словом.

В ходе польского мятежа 27 сентября 1863 г. Александр II утвердил (на два года) Положение и штаты Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). В составе ГУГШ были образованы два отделения: 2-е (Азиатское) и 3-е (Военно-ученое), на которые возлагались разведывательные функции. «Глазами и ушами» этих отделений стали военные и морские агенты за рубежом. Они назначались из числа офицеров Генерального штаба, морские агенты – из числа офицеров флота, окончивших Офицерский класс при Морском корпусе. Военные и морские агенты Военному и Морскому министерствам формально не подчинялись и официально числились личными представителями русского императора в иностранных государствах. Высокий статус личного представителя государя значительно расширял возможности легальных представителей российской военной разведки в области установления оперативных контактов, в том числе и с коллегами из других государств, служил дополнительной защитой в щекотливых или рискованных ситуациях, в которые мог попасть сотрудник разведки.

Возвращаясь к событиям 1863–1864 гг., отметим три обстоятельства: 1) конспиративность действий заговорщиков; 2) активное взаимодействие нелегальных организаций между собой и с зарубежными антиправительственными центрами; 3) участие в подпольных организациях и антиправительственных выступлениях значительного числа младших офицеров русской армии. Это свидетельствует об ухудшении качества работы политической полиции, об отсутствии необходимой координации между жандармами и чинами полиции МВД и о частичной потере контроля над ситуацией в вооруженных силах. Оперативные достижения российских спецслужб в армии к началу 1860-х гг. оказались утраченными. Наиболее эффективно в указанный период с подпольными организациями боролся Муравьев, причем

не только во вверенном ему крае, но и в сопредельных губерниях и даже в Петербурге!

Польские сепаратисты высоко оценили профессионализм своего противника, назначив за его голову награду в 25 000 рублей! Реакцией графа на это объявление были слова: «Дадут больше».

Мы убеждены, что благоприятные для революционного подполья условия были созданы ввиду отсутствия должного внимания к собственной безопасности со стороны императора. А ведь не только Заичневский призывал в своей прокламации к расправам с членами императорской фамилии: близкие к Н. Г. Чернышевскому землевольцы М. А. Антонович и Г. З. Елисеев строили планы похищения цесаревича Николая Александровича. Член «Земли и воли» А. Ф. Пантелеев в последствии писал, что террористический замысел сотрудников революционного журнала «Современник» состоял в том, чтобы с помощью студентов-революционеров захватить в Царском Селе цесаревича и потребовать от царя немедленного обнародования конституции.

Одна из подпольных групп сформировалась на базе студенческого кружка, организованного в 1863 г. вольнослушателем Московского университета Н. А. Ишутиным. Не будучи удовлетворены пропагандистской деятельностью, наиболее радикальные члены кружка создали тайное общество под названием «Организация». Как показал Ишутин на следствии, целью общества было устроить государство на социальных началах, а если правительство не согласилось бы, то произвести революцию. Группа Ишутина установила связи с петербургской группой И. А. Худякова, вернувшегося в ноябре 1865 г. из Женевы. Последний сообщил Ишутину о существовании «Европейского революционного комитета». Худяков мог иметь в виду «Центральный демократический европейский комитет единения партий без различия национальностей», I Интернационал или Тайное интернациональное братство, над созданием которого в середине 1860-х гг. работал М. А. Бакунин.

Совершение революции было глобальной целью ишутинцев; в узком кругу Ишутин говорил: «То, что мы делали до сих пор, все это не есть дело. Господа, по моему мнению, лучше – паф-паф»[405]. Под «паф-паф» понималось цареубийство.

Одним из идеалов Ишутина был итальянец Р. Ф. Орсини, 14 января 1858 г. в Париже бросивший бомбу в карету Наполеона III. Орсини предполагал, что убийство французского императора «разбудит» революционные силы Европы. Постепенно среди ишутинцев все более укреплялось мнение о необходимости убийства государя, поскольку освобождение им крестьян, по

мнению «борцов за народное счастье», затормозило революцию в России. Для осуществления цареубийства, а также для контроля над членами организации планировалось организовать специальную группу, о которой будет рассказано ниже. Сторонником убийства императора был и двоюродный брат Ишутина, недоучившийся студент Д. В. Каракозов, предпринявший первую попытку покушения на Александра II.

4 апреля 1866 г. император совершал прогулку в Летнем саду. Около 16 часов он и сопровождавшие его лица вышли из ворот и направились к поджидавшей карете. Генерал-адъютант государя Э. И. Тотлебен и офицеры свиты находились за спиной Александра II, шесть казаков конвоя располагались возле кареты на набережной Невы. Когда император приблизился к карете, из приветствовавшей его толпы раздался выстрел. Условия для покушения были идеальными: стрелка и государя разделяло не более 5 метров, диссектрису никто не блокировал. Находившийся рядом с покушавшимся в момент выстрела костромской крестьянин О. И. Комиссаров толкнул стрелка под локоть, и пуля прошла выше головы Александра II. Стрелявший бросился бежать вдоль Невы, но был задержан унтер-офицером дворцовой команды С. Заболотиным и унтер-офицером жандармского эскадрона Л. Слесарчуком и доставлен в III Отделение на Фонтанку, 16.

В момент задержания стрелок был вооружен двуствольным пистолетом, второй ствол был заряжен, курок взведен. При обыске у покушавшегося обнаружены: фунт пороха и 5 пуль; стеклянный пузырек и около 10 порошков; 2 прокламации «Друзьям рабочим». Арестованный показал, что его зовут Алексей Петров, он – крестьянин одной из южных губерний, которую не назовет. На вопросы о целях покушения, сообщниках, месте проживания в Петербурге и о родственниках отвечать отказался. 5 апреля В. А. Долгоруков доложил о первых итогах следствия Александру II. Государь повелел передать стрелявшего Особой следственной комиссии[406] графа Ланского.

Допрос начался 5 апреля в 5 часов пополудни. Несмотря на увещевание священника, арестованный отказывался давать показания. Поскольку террорист назвался крестьянином, было принято решение о наложении на него оков (к дворянам эта мера могла быть применена только после лишения по суду всех прав состояния). Арестованный продолжал молчать и после того, как на него надели кандалы. Непрерывный допрос (перерывы делались лишь для «духовного увещевания» арестанта) продолжался до 7 апреля. В 3 часа утра «Петров» заявил, что готов дать показания, если ему позволят отдохнуть. Допросы

прекратили.

М. А. Бакунин

Д. В. Каракозов

Н. А. Ишутин

Параллельно с допросами проводились криминалистические исследования и оперативно-розыскные мероприятия. При химическом анализе, произведенном профессором Ю. К. Траппом, было установлено, что в стеклянном пузырьке содержится синильная кислота, а в порошках – стрихнин и морфий. Указанные вещества являлись ядами мгновенного или замедленного действия, в зависимости от концентрации. Наличие ядов позволило сделать предположение, что преступник имел намерение покончить с собой. Осмотр одежды «Петрова» подтолкнул к версии, что он не является жителем Петербурга и, следовательно, нуждался во временном жилье. По законам того времени любое лицо, прибывшее в столицу, было обязано в течение суток с момента заселения представить паспорт для регистрации в полицейский участок. На Фонтанку по очереди

вызывали всех дворников, портье гостиниц, трактирных официантов, банщиков и других лиц, которые могли видеть террориста.

7 апреля содержатель гостиницы «Знаменская» опознал в покушавшемся человека, поселившегося в 65-м номере 2 апреля и скрывшегося 3 апреля после напоминания о необходимости представить паспорт. В номере немедленно провели обыск, в результате которого жандармы обнаружили обрывки бумаги, оказавшиеся фрагментами почтовых конвертов. На одном из них удалось разобрать адрес: «В Москву. На Большой Бронной дом Полякова, № 25. Его высокоблагородию Николаю Андреевичу Ишутину». На другом конверте сохранился фрагмент адреса: «Ермолов, Пречистенка». В Москву направили срочный запрос об установлении этих лиц и указание об их немедленном аресте в случае обнаружения.

Арестованный после отдыха вновь отказался отвечать на вопросы, нарушив данное следователям обещание: «Петров» переиграл следственную комиссию, получив для себя дополнительное время. После этого император назначил председателем комиссии графа М. Н. Муравьева, и допрос террориста возобновился. Ему не отказывали в еде и питье, но твердо заявили, что спать он не будет до тех пор, пока не начнет отвечать на вопросы. Член комиссии П. А. Черевин[407] вспоминал, что допросы продолжались безостановочно по 12–15 часов. В течение этого времени допрашиваемому не позволялось сидеть или прислоняться к стене. Ночью его будили несколько раз и заговаривали с ним, преимущественно по-польски, полагая, что спросонья преступник проговорится. Столь напряженные допросы объяснялись желанием следователей подавить у арестованного волю к сопротивлению. Однако ни избиения, ни пытки к подследственному не применялись.

9 апреля в Москве были арестованы Н. А. Ишутин, П. Д. Ермолов и проживавшие вместе с последним М. Н. Загибалов и Д. А. Юрасов. Ишутину предъявили фотографию террориста, по которой он опознал своего двоюродного брата Д. В. Каракозова. Всех арестованных незамедлительно доставили в Петербург для допросов. После очной ставки Ишутина и Каракозова последний стал давать показания. Ишутин заявил о неосведомленности в делах брата, вероятно, полагая, что сумеет убедить следователей в непричастности к покушению. Он стал активно сотрудничать со следствием, которое, в свою очередь, начало с ним оперативную игру. Ему предложили написать брату письмо и склонить его к чистосердечному признанию. Желая продемонстрировать властям свою невиновность, Ишутин 28 и 30 апреля написал брату два

послания. В них он убеждал Каракозова раскаяться в содеянном. Кроме того, в письмах Ишутин писал о своей полной невиновности и просил брата облегчить ему участь, равно как и участь других арестованных.

Под давлением неопровержимых улик и особенно после писем Ишутина, в которых, повторим, тот заявлял о своей непричастности к покушению, Каракозов начал давать признательные показания и указал на участвовавших в подготовке покушения петербуржцев А. А. Кобылина и И. А. Худякова. В конце апреля следствие располагало точной информацией о роли Ишутина, о его встречах с Каракозовым за две недели до выстрела и об обсуждении ими деталей террористического акта. Постепенно все участники групп Ишутина и Худякова были установлены и задержаны. Общее число арестованных к сентябрю 1866 г. составило 196 человек. В ходе следствия выяснились подробности внутренней жизни членов организаций, их намерение создать новую подпольную антиправительственную структуру. Чтобы дать представление о намерениях революционеров, приведем отрывки из показаний Ишутина и Юрасова.

«*Ишутин*: …Кроме этого, предполагалось устроить кружок „Ад“. Цель этого кружка была цареубийство, в случае ежели правительство не согласится с требованиями.

Члены „Ада“ должны отчуждаться от всех порядочных людей и, чтобы отвлечь от себя подозрения правительства, сделаться абсолютным[и] негодяя[ми], взяточник[ами] и вообще окружить себя самой гадкой обстановкою.

Когда членов „Ада“ наберется достаточно велико, так человек 30, то предполагалось, для пробы характера и нравственной силы членов, третью часть членов по жребию сделать доносчиками; члены „Ада“ через своих агентов знали бы о действиях всех кружков; в случае злоупотребления или недеятельности этих кружков они должны предупреждать и обязывать к непременной деятельности.

В случае революции члены „Ада“ не должны делаться вожаками и не [должны] занимать никакой высокий пост, ибо высокие положения усыпляют энергию и деятельность человека; цель членов „Ада“ при таком случае – неусыпно следить за действиями вожаков и ни в каком случае не допускать популярность вожаков в том объеме и направлении, при котором можно бы забыть основные принципы революции.

Член „Ада“ должен был в случае необходимости жертвовать жизнью своею, не задумавшись. Жертвовать жизнью других, тормозящих дело и мешающих своим влиянием. В случае

убийства кого-либо член „Ада“ должен иметь при себе прокламации, объясняющие причину убийства; член „Ада“ при этом имеет с собою шарик гремучей ртути, держа в зубах во время убийства, после же должен стиснуть этот шарик зубами, а от давления гремучая ртуть производит взрыв и посему смерть, и притом обезображивает лицо так, что потом нельзя будет узнать лицо убийцы. Это бы делалось на предмет безопасности для других членов.

Член „Ада“ должен жить под чужим именем и бросить семейные связи; не должен жениться, бросить прежних друзей и вообще вести жизнь только для одной исключительной цели. Эта цель – бесконечная любовь и преданность родине и ее благо; для нее он должен потерять свои личные наслаждения и взамен получить и средоточить в себе ненависть и злобу ко злу и жить и наслаждаться этой стороной жизни. <…>

Юрасов: Это общество должно было носить название „Ад“. Когда явилась эта мысль, я хорошо не припомню. Должно быть, в начале 1866 года. Может быть, даже после того, как Ишутин приехал из Петербурга и рассказал о Европейском комитете, цель которого была революция, а средства для возбуждения революции – гремучая ртуть, орсиниевские бомбы и цареубийство. Целью „Ада“ была тоже революция и даже преступный замысел против жизни государя.

Общество это должно стоять не только отдельно от „Организации“ и не быть ей известно, но его члены обязаны сделаться пьяницами, развратниками, чтобы отвлечь всякое подозрение, что они держатся каких-либо политических убеждений.

Члены его должны находиться во всех губерниях и должны знать о настроении крестьян и лиц, которыми крестьяне недовольны, убивать или отравлять таких лиц, а потом печатать прокламации с объяснением, за что было убито лицо. „Ад“, предполагалось, должен был иметь свою типографию, в которой печатать, когда нужно, прокламации. <…>

Кроме того, другие члены „Ада“ должны были следить за действиями „Организации“ и в случае ее отклонения от пути, который „Ад“ считает лучшим, издаются прокламации или [„Ад“] тайным образом предостерегает „Организацию“ и предлагает исправиться; если же члены „Организации“ не изменят образа действий, то „Ад“ наказывает смертью.

Если член, следивший за „Организацией“, будет узнан и арестован, то его место должен занять новый, а арестованный должен отравиться, чтобы не выдать тайны. У каждого члена тайны, предполагалось, должен быть всегда готов для отравления

яд.

Кроме всего этого „Ад“ посылает члена для покушения на жизнь государя. Пред тем, как член пойдет на это ужасное преступление, он должен обезобразить себя и иметь во рту гремучую ртуть, чтобы, совершивши преступление, раскусить ее, убить тем самым себя и изуродовать лицо, чтобы не быть узнанным. В кармане его должны находиться прокламации, объясняющие причины преступления и требования, желания „Ада“»[408].

По нашему мнению, в показаниях Ишутина и Юрасова речь идет о первой попытке создания внутри оппозиционной подпольной организации специальной многопрофильной службы безопасности. В числе предполагаемых направлений ее деятельности можно выделить: изучение общественного мнения и установление врагов революции (разведка); надзор за членами организации и их ликвидация (собственная безопасность, контрразведка); осуществление террористических актов и цареубийство (боевая группа); пропаганда революционных взглядов (активные мероприятия). Особое внимание в деятельности группы «Ад» отводилось секретности: о ней не должны были знать агенты правительства, обыватели и даже другие революционеры. Конспирацию следовало соблюдать и после совершения социальной революции. Имена членов группы не подлежали раскрытию и после смерти (по замыслу), в этом смысле входившие в «Ад» люди (преимущественно студенческая молодежь) более напоминают адептов тайного ордена, чем революционеров.

В заключение остановимся на основных версиях покушения Каракозова. Считается, что покушение предотвратил крестьянин О. И. Комиссаров (в качестве награды его возвели потом в дворянское достоинство), помешавший произвести прицельный выстрел. Если это действительно так – впору говорить о полном провале всех охранных структур империи, в том числе личной охраны государя. Однако уже в 1866 г. достоверность этой версии вызывала сомнения у некоторых высокопоставленных и вполне верноподданных лиц.

В собственноручных показаниях Каракозова есть интересные признания: «Эта мысль (убить царя. – *Примеч. авт.)* родилась во мне в то время, когда я узнал о существовании партии, желающей произвести переворот в пользу великого князя Константина Николаевича. <…> Что касается до личностей, руководивших мною в совершении этого преступления и употребивших для этого какие-либо средства, то я объявляю, что таких личностей не было: ни Кобылин, ни другие какие-либо личности не делали мне

подобных предложений. Кобылин только сообщил мне о существовании этой партии и мысль, что эта партия опирается на такой авторитет и имеет в своих рядах многих влиятельных личностей из числа придворных. Что эта партия имеет прочную организацию в составляющих ее кружках, что партия эта желает блага рабочему народу, так что в этом смысле может назваться народною партиею. <…> О Константиновской партии я узнал во время моего знакомства с Кобылиным от него лично. Об этой партии я писал в письме, которое найдено при мне, моему брату Николаю Андреевичу Ишутину в Москву. <…> Буква „К“ в письме означает именно ту партию, Константиновскую, о которой я сообщал брату. По приезде в Москву я сообщил об этом брату словесно, но брат высказал ту мысль, что это – чистая нелепость, потому что ничего об этом нигде не слышно, и вообще высказал недоверие к существованию подобной партии»[409].

Вторая версия исходит из того, что покушение – тщательно организованная и блестяще осуществленная специальная операция, цель которой могла заключаться в замене ряда руководителей силовых структур империи на более компетентных лиц. Нельзя исключать, что операция могла быть организована и по политическим соображениям: с целью подвигнуть государя к проведению более жесткой политики по отношению к революционному подполью. Согласно этой версии, Каракозов, учитывая его личные качества, мог быть использован втемную, а Комиссаров являлся оперативником службы, прекрасно исполнившим роль «рояля в кустах». Возможен и вариант, при котором Комиссаров был действительно случайным человеком, но ему грамотно помогли подтолкнуть покушавшегося.

Брат Александра II великий князь Константин Николаевич с 1865 г. был председателем Государственного совета, а в 1866 г. составил проект конституции. Возможно, этот проект послужил поводом для распространения молвы о «Константиновской партии», готовящей государственный переворот. Настораживает тот факт, что А. А. Кобылин, на которого ссылается Каракозов как на источник информации о партии великого князя, был военным врачом, лечившим Каракозова. На квартире его брата С. А. Кобылина террорист проживал без прописки (!) перед покушением. После покушения оба брата были арестованы. А. А. Кобылин, обвиненный в том, что он знал о намерении Каракозова совершить покушение на жизнь императора и снабдил его ядами, как ни странно, был оправдан и освобожден под надзор полиции, а С. А. Кобылина заключили в крепость за предоставление квартиры без вида на жительство.

Обе версии имеют право на существование, но при втором варианте для всех интересующихся историей спецслужб возникает ряд вопросов. Если это – специальная операция, то по чьему указанию она осуществлялась: императора или кого-то из его ближайшего окружения? Какая из служб могла столь блестяще ее организовать: III Отделение, Главная императорская квартира, МВД, Министерство двора и уделов, военная разведка или личная агентура государя? Оставляем выбор на усмотрение читателей.

В отчете III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов за 1866 г. говорится: «Обстоятельства дела о событии 4-го апреля представили фактические доказательства, что те разрушительные начала и пагубное направление, которые вкоренились в известной среде нашего общества, преимущественно в юношестве, не только продолжали существовать, но приобретали все более и более последователей, не останавливающихся ни пред какими преградами и готовых на самые безнравственные и кровавые преступления»[410]. Российская империя вступала в первый в ее истории период политического терроризма.

После покушения Каракозова в руководстве структур, обеспечивавших внутреннюю безопасность империи, произошли изменения. В. А. Долгоруков был уволен, главноуправляющим III Отделением и шефом жандармов стал граф П. А. Шувалов[411]. Был отстранен от должности военный губернатор Петербурга А. А. Суворов-Рымникский, а должность эта упразднена. Вместо генерал-адъютанта А. И. Анненкова обер-полицмейстером Петербурга назначался генерал Ф. Ф. Трепов[412]. Совместными усилиями Шувалов и Трепов добились улучшения работы III Отделения и столичной полиции.

Личная охрана Александра II была усилена, однако службе безопасности немало трудностей доставляло поведение государя, обусловленное особенностями его характера. Приведем пример. По приглашению Наполеона III Александр II прибыл в Париж для посещения Всемирной выставки 1867 г. В рамках визита планировалась встреча германского, русского и французского императоров. Но, как стало известно впоследствии, Александр II преследовал и личную цель – свидание с княжной Е. М. Долгоруковой. Их роман начался весной 1865 г. после внезапной смерти наследника престола Николая Александровича. По свидетельству фрейлины императрицы Марии Александровны А. Толстой, государь встречался с Долгоруковой даже в Зимнем дворце – в кабинете Николая I, имевшем отдельный вход с площади и потайную лестницу, соединявшую его с

апартаментами Александра. Он оказался неплохим конспиратором: о тайных встречах долгое время не подозревало и ближайшее окружение.

Мы затронули эту деликатную тему только в связи с тем, что она имеет непосредственное отношение к личной безопасности императора. В день приезда в Париж 20 мая 1867 г. государь посетил «Опера-Комик», затем вернулся в Елисейский дворец. Около 23 часов 30 минут он сообщил министру двора и уделов В. Ф. Адлербергу[413] о желании прогуляться пешком и занял у него 100 000 франков. Император подчеркнул, что сопровождать его не нужно. Министр немедленно уведомил о произошедшем П. А. Шувалова.

«Адлерберг, – вспоминал Шувалов, – тут же сообщил мне об этом странном случае, и, поскольку в моем распоряжении находились мои собственные агенты (не говоря уже о французской полиции), которые должны были издали следовать за государем, куда бы он ни направлялся, я остался почти спокоен. Мы вернулись в свои комнаты, конечно, позабыв о сне, ожидая с минуты на минуту возвращения императора. Но когда пробило полночь, потом час и два, а он не появлялся, меня охватило беспокойство. <…>

Полицейские агенты, которым было поручено вести наблюдение за императором очень деликатно, могли упустить его из виду, а он, плохо зная расположение парижских улиц, легко мог заблудиться и потерять дорогу в Елисейский дворец. Словом, мысль об императоре, одиноком в столь поздний час на улице со ста тысячами франками в кармане, заставила нас пережить кошмарные часы. Предположение, что он мог быть у кого-то в гостях, даже не пришло нам в голову; как видите, это доказывает наше полное неведение относительно главных мотивов его поступков. Наконец, в три часа ночи он вернулся… Что же произошло с ним этой ночью?

Выйдя на улицу, император нанял фиакр, нагнулся под фонарем, прочитал какой-то адрес, по которому велел извозчику вести его на улицу Рампар, номер такой-то. Прибыв на место, сошел с фиакра и прошел через ворота во двор дома. Он отсутствовал примерно минут двадцать, в течение которых полицейские с удивлением наблюдали, как он безуспешно возился с воротами. Император не знал, что нужно было потянуть за веревку, чтобы дверь открылась, и оказался в ловушке. К счастью, агент, занимавшийся наблюдением, сообразил, в чем дело. Толкнув ворота, он быстро прошел вглубь двора мимо императора, как бы не обращая на него внимания, и таким образом дал возможность императору выйти. Извозчик ошибся

номером, и дом, указанный императором, оказался в двух шагах. На этот раз он вошел туда беспрепятственно. Пока Адлерберг и я тряслись от страха, император, наверное, преспокойно пил чай в обществе двух дам»[414].

Шувалов имел все основания опасаться за безопасность государя. Во Франции нашли прибежище многие польские эмигранты, часть французского общества также была враждебно настроена по отношению к русскому царю. При его появлении на улицах Парижа нередко раздавались демонстративные выкрики: «Да здравствует Польша!» 25 мая близ Лоншана состоялся смотр войск, по завершении которого императоры Франции и России в сопровождении свиты направились в Париж через Булонский лес. Кареты были открытыми (!). Во время движения по лесу со стороны дороги, ближайшей к Наполеону III, раздался выстрел. Пуля попала в лошадь шталмейстера, ехавшего рядом. Стрелок был немедленно схвачен и избит толпой. Французский император, по преданию, сказал Александру II: «Если стрелял итальянец, то пуля предназначалась мне, если поляк – вам».

По мнению Шувалова, покушение оказалось неудачным из-за ошибки стрелка: «Двуствольный пистолет его разорвало от слишком сильного заряда, а при том уклонилось и направление пули»[415]. Покушавшимся оказался участник Польского восстания 1863–1864 гг. (тогда ему было 14 лет) А. И. Березовский. Следствие установило, что эмигрант присутствовал на вокзале при въезде Александра II в Париж и после этого начал готовиться к покушению. При посещении Александром театра Березовский внимательно разглядывал его, чтобы узнать впоследствии. Пистолет был куплен накануне дня покушения за девять франков.

В ходе обыска, проведенного в комнате террориста, была обнаружена книга по истории цареубийств. Разумеется, состоялся суд. Несмотря на просьбу защиты смягчить участь обвиняемого, суд, состоявшийся уже после отъезда Александра II в Россию, приговорил Березовского к пожизненной каторге в Новой Каледонии.

После покушения меры безопасности усилили, поскольку полиция не исключала повторного злодеяния; Александр II отказался от ряда поездок, в том числе и на охоту. Жена Наполеона III императрица Евгения (полагая, что в нее, как в женщину, заговорщики стрелять не будут) добровольно исполняла роль личного телохранителя, постоянно сопровождая высокого гостя.

Пребывание Александра II в Париже и покушение Березовского требуют ответа на ряд вопросов. Если Шувалов не

знал о назначенном свидании, то это говорит о его профессиональной некомпетентности. Более того, проявленная главой III Отделения во время ночных похождений императора беспечность граничит с преступной халатностью. Данные факты в сочетании с покушением могут свидетельствовать о полном провале Шувалова и возглавляемой им службы. Но, учитывая его предыдущий опыт работы в специальных службах, подобное предположение, скорее всего, будет ошибочным. Мы полагаем, что о свидании Шувалов знал, но не стал афишировать свою осведомленность. Негласная охрана государя в этом случае могла быть поручена особо доверенным сотрудникам с хорошим оперативным опытом, прибывшим из Петербурга, а также секретным сотрудникам Заграничной агентуры.

Кроме того, Шувалов не мог не иметь информации о политических настроениях во Франции, в том числе в среде русской и польской эмиграции. Он должен был получать ее по официальным каналам (от французских коллег и чиновников российского МИД) и от сотрудников, негласно работавших во Франции. На наш взгляд, некоторые части из воспоминаний Шувалова вполне могут быть уткой, скрывающей истинные возможности российских секретных служб. Косвенно такая трактовка подтверждается тем, что Александр II не отстранил Шувалова от должности (как предшественника) и иногда даже называл его Петром IV, как бы намекая на истинные возможности графа.

Что касается покушения, то здесь основная часть вины лежит на принимающей стороне, обладавшей на своей территории несравнимо большими возможностями. Французские службы имели хорошие агентурные позиции в среде политической эмиграции. Наиболее вероятно, что Березовский действительно был террористом-одиночкой, выявить которого на стадии подготовки террористического акта крайне сложно[416]. Для этого пришлось бы взять под наружное наблюдение всех политэмигрантов, что практически нереализуемо. В пользу данной версии говорит и то, что пистолет был куплен буквально накануне покушения, а сам террорист получил тяжелое ранение руки ввиду разрыва ствола. В наибольшей степени ответственность за покушение несли не оперативные службы, а охранно-конвойные подразделения, не сумевшие обеспечить безопасность императоров на маршруте. Можно сделать далеко идущее предположение, что Березовского «установили» на вокзале или в опере, затем тщательно контролировали и продали заранее испорченный пистолет, но…

Покушения Каракозова и Березовского повлекли за собой

изменения структуры специальных служб империи. В 1866 г. в Петербурге при канцелярии градоначальника[417] создается Отделение по охранению порядка и спокойствия в столице, сотрудники которого должны были вести оперативную работу по выявлению антиправительственных организаций. В январе 1867 г. перлюстрационное отделение в Варшаве перешло из ведения наместника в подчинение министра почт и телеграфов И. М. Толстого. Общее руководство перлюстрацией до 1886 г. осуществлял директор Санкт-Петербургского почтамта.

В обеих столицах организовали службу наружного наблюдения, состоявшую из сотрудников, негласно принятых на службу в городскую полицию. Сотрудники «охранительной полиции», как иногда называли лиц, обеспечивавших личную охрану членов правящей династии, постоянно находились в местах, где присутствовали император или члены его семьи. Для выявления потенциальных террористов охрана заблаговременно осматривала все места прогулок государя. При работе в толпе особое внимание обращалось на тех, кто старался приблизиться к высочайшим особам с подозрительными намерениями. Следовало задерживать лиц, которые казались охране переодетыми в крестьянскую или иную одежду, не соответствующую их внешности и поведению. Сотрудники охраны должны были работать конспиративно, в основном в «статском платье», не привлекая к себе внимания, при отсутствии публики – держаться на расстоянии. Место службы охранника и его обязанности сохранялись в секрете. Чины охраны имели удостоверения, в которых указывалось, что их владельцы выполняют особые задачи. Удостоверение предъявлялось только в самых необходимых случаях, когда охране требовалось содействие чинов общей полиции или других лиц.

Была изменена структура Собственного Его Императорского Величества конвоя. Еще ранее, в мае 1863 г., был упразднен лейб-гвардии Крымско-татарский эскадрон; троих офицеров и 21 нижнего чина эскадрона зачислили в конвой, образовав из них Команду лейб-гвардии крымских татар конвоя. Команда разделялась на три смены: одна находилась на службе, две – на льготе в Крыму; замена осуществлялась через три года. В связи с образованием Кубанского и Терского казачьих войск с октября 1867 г. в конвое стало 3 лейб-гвардии казачьих эскадрона: два Кубанских и один Терский. Казаки несли напряженную караульную и конвойную службу: охраняли государя и членов его семьи при выездах, на прогулках, во время отдыха в загородных дворцах и в Крыму. В Зимнем дворце от конвоя выставлялось пять постов. Ежедневно у кабинета императора несли караул унтер-

офицер и два казака; встречали и провожали посетителей офицер, унтер-офицер и два казака. Во время придворных балов в парадном подъезде «для снятия пальто» дежурили семь нижних чинов. На ночь у дверей царской спальни добавлялись парные часовые. Все конвойные – как казаки, так и горцы – были обязаны одинаково хорошо владеть искусством вольтижировки и стрельбы с коня.

9 сентября 1867 г. принято новое Положение о Корпусе жандармов. Корпус состоял из Главного управления, управлений Варшавского, Кавказского и Сибирского округов, 55 губернских управлений, 50 уездных управлений 6 губерний Северо-Западного края, Наблюдательного состава, Петербургского и Московского конных дивизионов, 15 конных команд и полицейских управлений железных дорог. Сбор информации о политических настроениях возлагался на Наблюдательный состав (с 1870 г. – дополнительный штат). Наблюдательный состав размещался по городам и уездам, не имевшим жандармских управлений, и комплектовался исключительно из унтер-офицеров (из расчета двое сотрудников на один наблюдательный пункт). При преобразовании корпуса особое внимание обращалось на умственное развитие жандармских унтер-офицеров, поскольку полицейско-наблюдательная служба значительно отличалась от их прежней службы в жандармских кавалерийских частях.

На посту главного начальника III Отделения Шувалов действовал эффективно. В ноябре 1869 г. секретный сотрудник Заграничной агентуры К.-А. Романн (под видом отставного полковника Н. В. Постникова) вошел в контакт с Бакуниным и Огарёвым. Романн выкупил и переправил в Россию архив князя П. В. Долгорукова, находившегося в эмиграции с 1859 г. Российские специальные службы практически полностью парализовали деятельность нелегальных революционных организаций. Положительную роль в этом сыграло назначение в 1868 г. министром внутренних дел А. Е. Тимашёва[418], ранее занимавшего пост начальника штаба Корпуса жандармов.

Улучшению оперативной обстановки в Российской империи способствовало и изменение настроений в среде интеллигенции. Многие землевольцы разочаровались в революционных идеях, особенно после событий 1863–1864 гг., и отошли от активной деятельности. К лету 1864 г. большинство подпольных кружков, входивших в состав «Земли и воли», прекратило существование. Многих разночинцев оттолкнули от нелегальной деятельности покушения Каракозова и Березовского. После покушений увеличилось число подаваемых законопослушными гражданами в полицию и жандармерию заявлений о подозрительных лицах.

Произошедшее в конце 1869 г. в Петербурге убийство студента И. И. Иванова почти на 10 лет оттолкнуло интеллигенцию от участия в террористической деятельности. Убийство совершено членами группы С. Г. Нечаева, годом ранее принимавшего участие в студенческих волнениях, затем бежавшего за границу. Там он сблизился с М. А. Бакуниным и Н. П. Огарёвым; в Женеве написал теоретический труд, получавший впоследствии название «Катехизис революционера». В «Катехизисе» Нечаев сформулировал программу широкомасштабной террористической деятельности. Приведем выдержки из нее.

> «§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория – неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.
>
> § 16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти и полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.
>
> § 17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.
>
> § 18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями; опутать их, сбить их

с толку и, овладев по возможности их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистощимой сокровищницею и сильною помощью для разных революционных предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§ 20. Пятая категория – доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголющих кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих»[419].

Вернувшись в августе 1869 г. в Россию, Нечаев основал подпольную организацию «Народная расправа», состоявшую из «пятерок» под руководством комитета, в котором он состоял в единственном числе. Член организации студент И. И. Иванов позволил себе усомниться в лидере и был убит в соответствии с теоретическими положениями «Катехизиса». После убийства Иванова Нечаев вновь бежал за границу, где его отвергла вся политическая эмиграция, включая Бакунина. Членов «Народной расправы» арестовали и предали суду, их показания широко освещались в российской прессе и оказали сильное влияние на настроения интеллигенции. Нечаев был обнаружен в результате работы Заграничной агентуры, арестован швейцарской полицией, в 1872 г. выдан России как уголовный преступник и в 1873 г. приговорен к 20 годам каторги; скончался он в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Сотрудники III Отделения помимо сбора информации о настроениях различных слоев общества занимались составлением аналитических отчетов для руководства империи. На рубеже 1860–1870-х гг. в отчетах особое внимание уделялось студенческому движению. «У нас, – писали аналитики, – образуется нечто худшее ученого пролетариата <…> – недоучившийся пролетариат, при самом вступлении в жизнь носящий уже в себе зародыши ненависти к существующему государственному и общественному порядку»[420]. Они обращали

внимание правительства на попытки «политических агитаторов» вести активную пропаганду в студенческой среде, но полагали, что революционное движение все же является привнесенным извне. Вероятно, это мнение сложилось под воздействием определенных успехов российских спецслужб, однако подобные выводы были не совсем точными.

Преобразования 1860-х гг. давали возможность раскрытия человеческой личности, но подготовка и проведение этих преобразований вызвали неудовлетворенность в среде молодого поколения разночинной интеллигенции, стремившейся жить и действовать с пользой для общества. Помимо общей непоследовательности правительственного курса недовольство вызывало и то, что в проведении реформ власть стремилась действовать испытанным способом: отдавала распоряжения и ожидала отчетов об исполнении, не предполагая никакого сотворчества со стороны общества. Масса разночинной молодежи часто оказывалась не у дел. Энтузиазм тех, кто хотел сыграть свою роль в обновлении России, потрудиться на благо освобожденного народа, оставался невостребованным, инициатива – наказуемой.

В отчете III Отделения и Корпуса жандармов за 1869 г. говорилось: «Нигилизм в последние годы видоизменился. Из гадкой шалости небольшого числа молодых людей обоего пола, видевших в непризнании наружных общепринятых приличий способ доказать свою самостоятельность, он перешел в положительное учение, преследующее определенные социальные и политические цели. <…> Допущенный до такого развития, нигилизм уже не может быть искоренен прямым гонением, нужно приискать для борьбы с ним другое оружие. <…> Если пропаганда вредных учений первоначально нашла восприимчивую почву и усердных последователей в среде так называемых нигилистов, то в настоящее время уже нельзя не заметить, что сфера ее влияния значительно расширилась и, приравнивая естественный ход развития русского общества к ходу, пройденному другими европейскими обществами, можно предвидеть, что эта сфера постоянно будет расширяться, если заблаговременно принятыми мерами, основанными на тщательном изучении и верном понимании социальных явлений, развитие общества не получит правильного направления. <…> Многие, на первый взгляд мелкие, но в сущности весьма знаменательные подробности, раскрытые политическими дознаниями 1869 года, свидетельствуют, что эта пропаганда начинает приносить и в России свои отравленные плоды»[421].

В 1871 г. в секретном архиве III Отделения

сосредотачиваются все дела по политическим преступлениям и сведения, добытые при перлюстрации. Систематически обновляются картотека, имевшая название «Алфавит лиц, политически неблагонадежных», и альбомы с их фотографиями. Но борьба с политическими противниками самодержавия осложнялась тем, что с 1871 г. сотрудники Корпуса жандармов были обязаны содействовать в обнаружении уголовных преступлений, т. е. в исполнении функций сыскной криминальной полиции. Однако взаимодействие между МВД и Корпусом жандармов оказалось явно недостаточным, более того, в конце правления Александра II вновь заметно усилилась конкуренция между этими ведомствами, что отнюдь не способствовало улучшению работы внутренних силовых институтов. Но и при этих условиях школа Бенкендорфа и фон Фока во многом сохранялась.

Дестабилизировала работу органов безопасности и частая смена руководства политической полиции. В конце 1873-го и особенно весной 1874 г. студенты-разночинцы активизировали «хождение в народ». Несколько тысяч молодых людей, вооруженных прокламациями, отправились агитировать крестьян за социализм и свержение самодержавия. Но уже в мае в Москве была раскрыта одна из народнических явок. Были задержаны несколько пропагандистов с нелегальной литературой, а также узнаны адреса и шифры. Кроме того, была обнаружена нелегальная типография в Москве и разгромлены кружки народников. По данным источников, число арестованных оценивалось от 1000 до 8000 человек. А после того как в июле граф Шувалов предложил императору на рассмотрение проект созыва Земского собора, он был снят с поста начальника политической полиции и отправлен послом в Лондон.

На его место заступил А. Л. Потапов[422]. 14 февраля 1875 г. он направил начальникам губернских жандармских управлений секретный циркуляр № 17[423]. Циркуляр представлял собой инструкцию по предупреждению и пресечению «разного рода преступлений и нарушений закона» и содержал требования к чинам жандармерии по устройству «наблюдения». Корпус жандармов стал именоваться Отдельным. Усиление надзора дало результаты. Осенью 1875 г. в Москве раскрыли «Всероссийскую социально-революционную организацию», которая ставила перед собой цель вести революционную пропаганду среди рабочих в европейской части России. В числе 50 арестованных было 14 рабочих и 16 женщин. Сам Потапов заболел и в 1876 г. был уволен в связи с «умственным расстройством». Новым шефом жандармов император назначил Н. В. Мезенцова[424]. В целом

внутриполитическая обстановка в 1876–1877 гг. оставалась достаточно спокойной. Этому немало способствовал патриотический подъем в обществе, вызванный русско-турецкой войной 1877–1878 гг.

В преддверии большой войны с Турцией активизировалась работа русской военной разведки. 31 декабря 1865 г. 3-е (Военно-учетное) отделение ГУГШ переименовывается в 7-е, на него возлагается сбор сведений об иностранных армиях в Европе. 30 марта 1867 г. центральным органом военной разведки в Европе становится Канцелярия Военно-учетного комитета (ВУК). Управляющим делами ВУК был Н. Н. Обручев[425]. В этот период русские военные агенты (легальные резиденты) состояли при посольствах России в Вене, Берлине, Константинополе, Лондоне, Париже и Риме. Азиатская часть, образованная на базе Азиатского отделения, занималась организацией разведки в Китае, Персии и Туркестане. Предусмотрительность военно-политического руководства России в области военной разведки сыграла положительную роль во время Туркестанских походов 1867–1881 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Одним из наиболее выдающихся военных разведчиков на балканском театре был П. Д. Паренсов[426]. Работая в Румынии под именем П. Паульсона, он в качестве нелегального резидента в течение семи месяцев организовывал и лично осуществлял разведку турецких вооруженных сил в Болгарии.

К сожалению, в ходе русско-турецкой войны уникальный опыт разведывательно-диверсионных отрядов, действовавших в 1812 г., русским командованием востребован не был. Партизанские отряды четников, состоявшие из местного населения, не имели постоянной связи с русской армией, их действия не координировались в ее интересах. При наличии большого количества казачьей и регулярной кавалерии не было предпринято ни одной серьезной попытки осуществить рейды по турецким тылам с использованием драгунской тактики. Элитные стрелковые подразделения, имевшие на вооружении дальнобойные винтовки Бердана № 1 и № 2, приняли участие только в заключительных сражениях войны. Победа в очередной раз была одержана ценой крови русских солдат.

Личную охрану Александра II во время его присутствия на театре военных действий обеспечивал Собственный Его Императорского Величества конвой. В октябре 1876 г. император принял решение, что в случае войны находящиеся на льготе 2-й Кубанский и Терский казачьи эскадроны войдут в состав действующей армии в качестве конвоя главнокомандующего. Кубанцами командовал полковник С. С. Жуков, терцами – штабс-

ротмистр П. Т. Кулебякин. Полевой комендант действующей армии генерал-майор А. М. Штейн, в ведении которого находился конвой, решил использовать казаков для несения полицейской службы. Офицеры конвоя обратились за помощью к генерал-лейтенанту Д. И. Скобелеву, командовавшему конвоем в 1858–1864 гг. После его вмешательства приказание коменданта, как не соответствовавшее обязанностям службы конвоя, было отменено.

До начала кампании казаки усиленно занимались боевой подготовкой и несением конвойной и разведывательной службы. В мае 1877 г. в сопровождении полуэскадрона 1-го Кубанского эскадрона конвоя прибыла Императорская главная квартира. Из общего состава кубанцев сформировали два эскадрона, сведенные в дивизион. С началом военных действий при выездах в войска Александра II постоянно сопровождали от взвода до эскадрона казаков. Кроме выполнения основных обязанностей все эскадроны конвоя попеременно участвовали в боевых действиях, где полностью оправдали звание элитных подразделений. За героизм, проявленный в боях, кубанцы удостоились знаков отличия с надписью: «За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 годов», а терцы – «За Ловчу 22 августа 1877 года».

После окончания войны среди разночинцев вновь нашлось достаточное число оппонентов правительству. Еще в 1876 г. в Петербурге была создана народническая организация, которая в 1878 г. вновь получила название «Земля и воля». Ее организаторами были А. Д. Михайлов, М. А. Натансон, А. Д. Оболешев, Г. В. Плеханов. В программе стояли: крестьянская революция, национализация земли, превращение империи в федерацию общин. Новые землевольцы предприняли «хождения в народ», занимались пропагандой среди рабочих и интеллигенции. Они издавали нелегальный печатный орган «Земля и воля» (в 1878–1879 гг. выпущены 5 номеров) и «Листок „Земли и воли“» (6 номеров). Редакторами были С. М. Степняк-Кравчинский, Д. А. Клеменц, Г. В. Плеханов, Л. А. Тихомиров, Н. А. Морозов.

Н. А. Морозов

Л. А. Тихомиров

Подавляющее большинство крестьян испытывали к носителям революционной пропаганды в лучшем случае равнодушие, в худшем – могли побить или сдать в полицию.

К концу 1870-х гг. в деревне народники столкнулись с социальным вакуумом. Ждать терпения не хватало, хотелось переустроить общество здесь и сейчас, поэтому часть народников вновь обратилась к террористической деятельности. Г. В. Плеханов подчеркивал, что основную роль при переходе от пропаганды к терроризму сыграла не невозможность работы в крестьянской среде, а настроение нетерпения у самих революционеров. Несомненно, развитию силовых способов борьбы способствовала и определенная «упертость» власти предержащей, не желавшей признавать необходимость политических преобразований.

24 января 1878 г. В. И. Засулич совершила покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Суд присяжных, проходивший весной под председательством А. Ф. Кони, ее оправдал, поскольку подсудимая заявила, что мстила за оскорбленного Треповым в тюрьме заключенного. Однако

покушение не было личной местью экзальтированной особы. С 1876 г. Засулич «входила в состав отряда, организованного бунтарями в Елисаветграде»[427]. Здесь же, готовясь принять участие в крестьянском восстании, она прошла серьезную стрелковую подготовку и, по оценке современников, достаточно искусно владела огнестрельным оружием[428]. Решение о покушении на Трепова было принято подпольной группой в августе 1877 г. 24 декабря сообщником террористки легально был приобретен револьвер системы «бульдог», который ей не подошел, и 4 января 1878 г. в том же оружейном магазине револьвер заменили более дорогой моделью с доплатой. Засулич провела рекогносцировку, предварительно побывав в доме градоначальника. Эти факты указывают, что покушение организовано группой лиц с заранее обдуманными намерениями.

После окончания процесса толпа студентов провела демонстрацию по этому поводу на Невском проспекте. Неправовое решение присяжных, вынесенное исключительно под воздействием эмоций, повлияло на настроения разночинцев. В сознании революционеров как бы зажегся зеленый свет: чиновников можно убивать безнаказанно! И хотя после процесса над Засулич дела о покушениях на представителей власти были переданы в ведение военных судов, в среде радикалов сложился стереотип: «Карфаген должен быть разрушен!»

В мае 1878 г. принята окончательная редакция программы «Земли и воли», пункт 4 которой гласил: «В состав теперешней Российской империи входят такие местности и даже национальности, которые при первой возможности готовы отделиться, каковы, напр., Малороссия, Польша, Кавказ и проч. Следовательно, наша обязанность – содействовать разделению теперешней Рос. империи на части соответственно местным желаниям»[429]. К сожалению, стремление заполучить власть ценой территориальных и иных невозвратных политических уступок впоследствии стало традицией многих российских «борцов с режимом». Далее в программе отмечалось: «Само собою разумеется, что эта формула может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота, и притом возможно скорейшего…»[430].

Были сформулированы две задачи, составившие основу работы «Земли и воли»: «1) помочь организоваться элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера, агитацией же усилить интенсивность этого недовольства и 2) ослабить, расшатать, т. е. дезорганизовать силу государства, без чего, по нашему мнению, не будет обеспечен успех никакого, даже самого

широкого и хорошо задуманного, плана восстания.

Отсюда таковы наши ближайшие практические задачи.

А. ЧАСТЬ ОРГАНИЗАТОРСКАЯ:

а) Тесная и стройная организация уже готовых революционеров, согласных действовать в духе нашей программы, как из среды интеллигенции, так и из среды находившихся в непосредственном соприкосновении с нею рабочих.

б) Сближение и даже слияние с враждебными правительству сектами религиозно-революционного характера, каковы, напр., бегуны, неплательщики, штунда и проч.

в) Заведение возможно более широких и прочных связей в местностях, где недовольство наиболее заострено, и устройство прочных поселений и притонов среди крестьянского населения этих районов.

г) Привлечение на свою сторону по временам появляющихся в разных местах разбойничьих шаек типа понизовой вольницы.

д) Заведение сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих – заводских и фабричных.

Деятельность людей, взявшихся за исполнение этих пунктов, должна заключаться, в видах заострения и обобщения народных стремлений, в агитации в самом широком смысле этого слова, начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным восстанием, т. е. бунтом. В личных знакомствах как с рабочими, так и с крестьянами (в особенности с раскольниками) агитаторы, конечно, не могут отрицать важности обмена идей и пропаганды.

е) Пропаганда и агитация в университетских центрах среди интеллигенции, которая в первое время является главным контингентом для пополнения рядов нашей организации и отчасти источником средств.

ж) Заведение связей с либералами с целью их эксплуатации в свою пользу.

з) Пропаганда наших идей и агитация литературою: издание собственного органа и распространение листков зажигательного характера в возможно большем количестве.

Б. ЧАСТЬ ДЕЗОРГАНИЗАТОРСКАЯ:

а) Заведение связей и своей организации в войсках, и главным образом среди офицерства.

б) Привлечение на свою сторону лиц, служащих в тех или других правительственных учреждениях.

в) Систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок»[431].

Но была и еще одна сфера деятельности, которая революционерами не афишировалась, поскольку представляла собой заурядную уголовщину и проводилась по принципу «цель оправдывает средства». Мы имеем в виду участие борцов за свободу в кражах и ограблениях казенных учреждений – экспроприации («эксы») с целью добычи денежных средств для антиправительственной деятельности. Так, в июле 1878 г. была предпринята попытка ограбления следовавшей из Житомира в Киев почтовой кареты (100 000 рублей) и денежного ящика Курского пехотного полка. В 1879 г. из херсонского казначейства путем подкопа похищено 1,5 миллиона рублей для материальной поддержки сосланных в Сибирь. Примечательно, что осужденный за это преступление Ф. Юрковский на суде показал, что в этой краже он не видел ничего безнравственного, так как правительство и его оппоненты представляют собой два лагеря, находящихся в состоянии войны, и к ним следует применять нормы не уголовного, а международного права.

Слабой стороной спецслужб являлось отсутствие квалифицированной агентуры внутри революционных организаций и, соответственно, невозможность выявления и предотвращения террористических актов на «дальних подступах». Ситуацию не изменило даже то, что с января 1878 г. революционеры начали оказывать активное вооруженное сопротивление при арестах (Одесса), чего ранее не отмечалось. Участились и террористические акты.

В 1878 г. в Киеве Г. А. Попко убил адъютанта губернского жандармского управления штабс-капитана Г. Э. Гейкинга, В. А. Осинский стрелял в прокурора М. М. Котляревского, которого спасла толщина шубы. 4 августа на петербуржской улице С. М. Степняк-Кравчинский убил ударом кинжала руководителя III Отделения и шефа жандармов Н. В. Мезенцова, который передвигался по городу в сопровождении одного адъютанта. В 1879 г. покушения продолжились. 4 февраля Г. Д. Гольденберг застрелил харьковского губернатора Д. Н. Кропоткина (двоюродного брата князя-бунтаря), в марте Л. Ф. Мирский неудачно покушался на нового шефа жандармов А. Р. Дрентельна[432]. Осуществлять эти нападения было достаточно просто, поскольку никто из высших должностных лиц империи (за исключением царской семьи) личной охраны не имел.

Революционеры применяли и персонифицированный шантаж в отношении высокопоставленных чиновников. Прокурор Петербургской судебной палаты А. А. Лопухин, руководивший следствием по делу об убийстве Н. В. Мезенцова, в августе 1878 г. получил письмо от Исполнительного комитета Русской

социально-революционной партии (так именовался кружок В. А. Осинского): «Мы, члены И. К. Р. С. Р. П., объявляем вам, что если вы пойдете по стопам Гейкинга, то и с вами будет поступлено так же: вы будете убиты. <…> Поэтому мы категорически заявляем вам, что 1) если в течение двухнедельного срока, совершенно достаточного для полного выяснения дела, не будет выпущен на свободу каждый из арестованных, против которого не будет ясных улик в убийстве генерала Мезенцова; 2) если в течение их содержания под арестом против них будут предприняты меры, оскорбляющие их человеческое достоинство или могущие вредно отозваться на их здоровье, то смертный приговор над вами будет произнесен. <…> В заключение считаем нужным сообщить вам, что 1-е предостережение делается совершенно конфиденциально. Распространяться оно не будет»[433].

В 1879 г. главной мишенью террористов стал Александр II, на которого 2 апреля было совершено третье покушение. В десятом часу утра государь совершал обычную утреннюю прогулку. Маршрут пролегал по Миллионной, Зимней канавке, Мойке и далее на Дворцовую площадь. На площади император обратил внимание на человека высокого роста, в шинели гражданского образца и чиновничьей фуражке, шедшего ему навстречу. Пристав, сопровождавший царя, отстал шагов на 25, ближайший жандарм стоял у подъезда Министерства финансов, на посту у Александровской колонны находился дворцовый гренадер. Когда неизвестный опустил руку в карман, интуитивно почувствовавший опасность император предпочел спасаться бегством в сторону Комендантского подъезда. Первый выстрел террорист произвел, находясь в 5–6 шагах от императора, а затем, преследуя Александра, выпустил в него все заряды из револьвера, но не попал. После того как его задержали, террорист раскусил орех с ядом, который держал во рту. Однако яд не подействовал. По заключению профессора Ю. К. Траппа, цианистый калий оказался частично испорчен.

С. М. Степняк-Кравчинский

В. А. Осинский

Террориста, первоначально назвавшегося Соколовым, доставили на Гороховую, в дом петербургского градоначальника А. Е. Зурова. После оказания медицинской помощи его допросили, и он сообщил свое настоящее имя – А. К. Соловьев. Согласно наиболее распространенной версии, ставшей на долгие годы официальной, покушение было его частной инициативой. Но факты говорят об обратном!

В 1875 г. Соловьев сблизился с Н. Н. Богдановичем, впоследствии создавшем внутри «Земли и воли» группу «сепаратистов». Замысел совершить покушение на Александра II возник у Соловьева еще во время агитационной работы в Поволжье. Он говорил коллегам по организации, что считает убийство императора поворотным пунктом в деятельности правительства и что с одобрения товарищей или без него поедет в Петербург и свое дело сделает. Несколько ранее Соловьева из Малороссии в Петербург с целью цареубийства прибыли Л. Кобылянский и Г. Д. Гольденберг, уже имевшие опыт террористических актов. По поводу предложения убить императора мнения в руководстве «Земли и воли» разделились: Г.

Плеханов и М. Попов выступили против, А. Квятковскому, Н. Морозову и А. Михайлову эта идея нравилась. Было принято компромиссное решение: «Земля и воля» не берет на себя ответственность за теракт, но отдельным членам организации предоставляет право оказывать ту или иную помощь в этом деле.

Мы полагаем, данное решение позволило впоследствии заявить, что террористический акт был осуществлен без санкции политического руководства организации. Такая трактовка позволяла в случае арестов уберечь лидеров «Земли и воли» от применения к ним смертной казни. Кандидатуры Кобылянского (поляк) и Гольденберга (еврей) отвергли, чтобы не связывать покушение с национальной принадлежностью террориста – убийству хотели придать исключительно политическую окраску. После утверждения кандидатуры исполнителя началась практическая подготовка покушения. Н. А. Морозов приобрел для Соловьева револьвер, А. Д. Михайлов стал обучать его навыкам прицельной стрельбы на стрельбище Семеновского полка. С целью маскировки Соловьеву купили шинель гражданского образца: одетый в нее при покушении, он имел возможность приблизиться на дистанцию выстрела. Для быстрого отхода предлагалось воспользоваться пролеткой с кучером, но Соловьев отверг это. В соответствии с теорией Ишутина террориста снабдили ядом. Нетрудно догадаться, что смерть в результате отравления служила «самозачисткой», обрывавшей связь покушавшегося с направившей его организацией.

Таким образом, на практике было реализовано несколько принципиальных для того времени новинок в области оперативного прикрытия террористической деятельности: официальный отказ организации от своего человека; учет национальности боевика; использование многозарядного короткоствольного оружия; предварительная стрелковая подготовка для проведения возможной скоростной серии выстрелов; маскировка внешности; планирование отхода и самоубийство террориста. Учитывая предварительную разведку маршрутов прогулок императора (она подтвердила отсутствие ближней охраны, а также позволила выявить места нахождения основных постов и их удаленность от охраняемой персоны), государь практически был обречен.

Но Александр II остался жив. Его спасла великолепная реакция, он сумел распознать надвигающуюся угрозу и оценить степень ее опасности. Несмотря на то что ему был почти 61 год, он сумел не только увеличить дистанцию между собой и стрелком, но и бежал зигзагами, сбивая террористу прицел. Александру «помог» и сам Соловьев, который накануне

покушения провел бурную ночь у проститутки, сопровождавшуюся употреблением алкоголя. А вот действия личной охраны императора во время покушения не выдерживают никакой критики. До момента задержания стрелок успел выпустить пять пуль из барабана своего револьвера. Все позиции оперативной триады – выявление, предупреждение, пресечение – были полностью провалены.

Во многом вина за совершившееся покушение лежит и на самом Александре. Император, подобно подавляющему большинству родовитых дворян, считал унизительным находиться в окружении личной охраны. Менталитет дворянства, включавший в понятие чести обязательную личную храбрость, создавал для покушавшихся дополнительные преимущества. Многие представители знати и высшие чиновники, в том числе сотрудники полиции и специальных служб, не могли представить, что на них кто-то может поднять руку. Генерал В. Д. Новицкий впоследствии вспоминал слова Мезенцова, говорившего: «… власть шефа жандармов так еще велика, что особа шефа недосягаема, обаяние к жандармской власти так еще сильно, что эти намерения следует отнести к области фантазий и к бабьим грезам, а не к действительности»[434]. Как мы уже упоминали, практически никто из должностных лиц империи не имел личной охраны[435].

К концу 1870-х гг. устоявшаяся школа личной охраны должностных лиц сложиться еще не успела. Сотрудники подразделений, обеспечивавших безопасность государя при его передвижениях, не имели достаточного опыта работы в этой области. Кроме III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Отдельного корпуса жандармов и МВД специальные структуры имелись в Военном министерстве, МИД, Министерстве финансов, Министерстве двора и уделов, Императорской главной квартире. Наряду с межведомственной конкуренцией отдельные представители всех этих служб могли оказать вольную или, скорее, невольную поддержку нелегальным организациям. У нас нет однозначных данных, подтверждающих причастность руководителей того или иного ведомства к организации покушений на Александра II, но исключать подобную возможность мы не можем.

После покушения Соловьева в июне и июле 1879 г. прошли съезды «Земли и воли» в Липецке и Воронеже. В результате разногласий по вопросу о применении террора землевольцы раскололись на две организации. Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод и другие сторонники пропагандистских методов борьбы объединились в организацию «Черный передел» и

впоследствии перешли на марксистские позиции. Их оппоненты, придерживавшиеся тактики террора, образовали организацию «Народная воля».

Руководящим органом «Народной воли» был Исполнительный комитет, в который входили: А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, А. И. Желябов, А. А. Квятковский, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко, Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина, А. В. Якимова, А. И. Баранников. «Народная воля» состояла из двух частей: собственно организации и партии. Организация объединяла революционеров, подчинявшихся программе и уставу, всего в нее входили около 500 человек. Партию представляли 2000 сочувствующих, не связанных с организацией определенными обязательствами. Доминирующим в деятельности народовольцев стало проведение террористических актов. 26 августа 1879 г. Исполнительный комитет «Народной воли» вынес очередной смертный приговор Александру II.

Чтобы ввести в заблуждение правоохранительные органы империи, народовольцы постоянно совершенствовали конспирацию. Высшие руководители именовались агентами Исполнительного комитета 3-й степени. Сколько еще степеней существовало и какая из них высшая, оставалось неизвестным даже членам организации. А. Д. Михайлов предъявлял к конспиративным квартирам следующие требования: наличие звукоизоляции и запасного выхода, возможность визуального контроля. Предусматривалось выставление особых опознавательных знаков, служивших для посвященных посетителей сигналом опасности или безопасности конспиративной квартиры. Входившие в состав нелегальных организаций отдельные представители государственных органов знакомили соратников с навыками наружного наблюдения, тайной переписки, военного дела и т. п. Не меньшее значение придавалось снабжению нелегалов документами прикрытия. Использовались документы умерших лиц, похищались бланки, в которые вписывались нужные сведения, изготавливались фальшивые документы.

Наиболее удачной операцией сторонников террористических актов из «Земли и воли», ставших затем народовольцами, было внедрение в 1879 г. в штат III Отделения Н. В. Клеточникова. Мы специально отмечаем, что в 1873 г. он побывал за границей, особо интересуясь политикой. В Петербург прибыл в 1878 г. из Пензы с намерением предложить свои услуги революционерам в качестве боевика. В том же году М. Ф. Фроленко под чужим именем сумел устроиться надзирателем в киевскую тюрьму и способствовал побегу троих арестованных.

Вероятно, этот удачный опыт и использовал А. Д. Михайлов, предложивший Клеточникову внедриться в аппарат государевой службы безопасности. Кроме идеологических мотивов Клеточникову было дано обещание «щедро снабжать его деньгами, а также дать ему возможность в случае какой-либо опасности скрыться за границу»[436]. Внедрение проходило через вдову чиновника III Отделения А. П. Кутузову, которая изучала своих жильцов на предмет использования на агентурной работе. Создав о своей особе благоприятное впечатление, чему способствовали регулярные «проигрыши» в карты, Клеточников попросил подыскать ему должность. Вдова сообщила об этой просьбе в III Отделение, и разведчик «Народной воли» после некоторой проверки был принят в центральный аппарат политической полиции (!). По каким причинам в 1879 г. не были установлены его связи с подпольем, нам не известно; возможно, Клеточников обладал природным талантом оперативника или получил соответствующую специальную подготовку за границей. Мы склонны считать, что это – производное личных качеств и накопленного опыта и знаний.

В любом случае, именно благодаря его работе руководство «Народной воли» длительное время эффективно противодействовало секретным службам империи. Клеточников информировал своих коллег о лицах, находившихся под наблюдением, о готовившихся обысках и арестах, передал сведения о 385 секретных сотрудниках (в основном «наружного наблюдения»), причем не только внутренних, но и зарубежных. Как трудолюбивый и исполнительный сотрудник он пользовался благосклонностью начальства. Эти качества в комплексе с хорошо законспирированной системой передачи информации позволили ему успешно работать в качестве «крота» в течение двух лет.

Параллельно с организацией контрразведки Исполком «Народной воли» начал подготовку к намеченному покушению на императора. В условиях усиленных мер охраны применение холодного и огнестрельного оружия было признано неэффективным. Для покушения решили использовать взрывчатые вещества. Главным техническим экспертом народовольцев стал Н. И. Кибальчич[437], ранее член группы Михайлова и Квятковского «Свобода или смерть». С 1879 г. Кибальчич жил на нелегальном положении и занимался изобретением взрывчатых веществ и взрывных устройств в домашних условиях. К ноябрю, при постоянной угрозе подрыва «гремучего студня», ему и его помощнику С. Ширяеву удалось изготовить около шести пудов (72 кг) динамита[438].

А. И. Желябов

К этому времени террористы подготовили три варианта минирования железной дороги на пути следования царского поезда: под Одессой, под г. Александровск Екатеринославской губернии и под Москвой. В первую группу входили Фроленко, Колоткевич, Лебедева и Кибальчич. Фроленко по документам прикрытия устроился на работу сторожем и должен был взорвать фугас с использованием электродетонатора. Запалы для фугасов всех групп были украдены лейтенантом Н. Сухановым из минного класса. Вторая группа (Желябов, Якимова, Тихонов, Окладский, Пресняков) готовила двусторонний взрыв насыпи через овраг (высотой 44 м). Желябов выступал под именем ярославского купца Черемисова. Третья группа (Михайлов, Перовская, Гартман, Исаев, Ширяев и др.) сняла дом возле полотна железной дороги, откуда провела подкоп и заложила 2 пуда (32 кг) динамита. Таким образом, было предусмотрено тройное «перекрытие» маршрута царского поезда. Фугасы были установлены в местах, обеспечивавших нанесение максимальных повреждений составу. Все подготовительные работы террористы вели конспиративно.

Результаты были следующими. Ввиду штормовой погоды

Александр II не поплыл из Ливадии в Одессу, а выехал в Симферополь, обойдя первый фугас стороной. 18 ноября вторая группа пыталась произвести взрыв, но его не последовало. Имеются три версии случившегося: некачественные запалы, техническая ошибка исполнителей или отказ одного из членов группы от террористического акта. Наиболее вероятно, что электропровода перерезал И. Окладский по этическим соображениям. 19 ноября был взорван фугас третьей группы, но не под императорским поездом, а под поездом свиты, в результате чего последний сошел с рельсов. Подрывники перепутали или не знали порядок следования литерных поездов; возможно, что он был изменен на одном из последних перегонов. Все три покушения сорвались. Пусть даже это случайность, но случайность тройная!

После взрыва на Курской железной дороге незамедлительно были предприняты меры противодействия минированию железнодорожного полотна. Уже 27 ноября 1879 г. московский обер-полицмейстер, генерал-майор свиты А. А. Козлов, издал совершенно секретный циркуляр частным приставам и квартальным надзирателям: «При охранительных мерах железнодорожного пути в ожидании следования императорских поездов необходимо иметь в виду, что минные подкопы могут быть проводимы наиболее легко из домов и вообще строений, находящихся в ближайшем расстоянии от полотна железной дороги; но при этом не следует упускать из виду, что устройство батареи возможно и в строениях более удаленных и что соединительные проводы до строения, откуда ведется подкоп от батареи, могут быть положены под снегом на поверхности земли.

Посему предлагаю обращать внимание не только на ближайшие, но и на более отдаленные дома и строения и на все следы, которые могли бы оказаться от подснежного устройства поверхностных проводов, откуда бы таковые следы ни начинались по направлению к полотну железной дороги.

Независимо от этого, находя необходимым иметь ближайшие сведения о всех домах, соседних с рельсовыми путями, я сделал распоряжение о снятии планов с прилегающих к железным дорогам местностей и, давая об этом знать, предлагаю оказать командированным для сего техникам должное содействие»[439].

С. Л. Перовская

В то время, когда охранные структуры империи занимались закрытием «брешей» на железных дорогах, народовольцы подготовили очередное покушение. Один из боевиков Исполнительного комитета С. Н. Халтурин устроился на работу столяром (истопником) в Зимний дворец под именем Степана Баташкова (Батурина). Внедрение было многоступенчатым: устройство на работу в мастерские Нового адмиралтейства – знакомство с Г. Петровым – рекомендация последнего столяру Зимнего дворца Р. Бандуле – устройство во дворец. Почему внедрение произошло успешно, способствовали ли этому лица из охраны императора или службы дворцового коменданта? Отметим, что в середине января из киевского Жандармского управления были направлены два сообщения о готовившемся во дворце взрыве «посредством особого аппарата, приспособленного на известный период», причем прямо указывалось, «что на печи и трубочистов следует обратить особое внимание»[440].

Постепенно Халтурину удалось пронести и заложить в подвале под столовой около трех пудов (48 кг) динамита. 5 февраля 1880 г. в 18 часов должен был состояться

торжественный обед по поводу приезда принца Александра Гессенского. Халтурин знал об обеде: он поджег бикфордов шнур с расчетом, чтобы взрыв произошел в тот момент, когда Александр II и его гости сядут за стол, а сам покинул дворец. Однако высокий гость несколько задержался: по официальной версии, опоздал его поезд. В момент взрыва никого из членов императорской фамилии в обеденном зале не было. В результате взрыва погибли 11 военнослужащих лейб-гвардии Финляндского полка, находившиеся в караульном помещении на первом этаже – между подвалом и столовой, 57 человек были ранены. Халтурин благополучно скрылся из Петербурга и находился на нелегальном положении до 1882 г.

После взрыва в Зимнем дворце высшее общество находилось в шоке. Великий князь Константин Константинович писал в дневнике, что российский террор отличается от французского тем, что парижане в революции видели своих врагов в лицо, а российские власти своих врагов не видят и не знают. 9 февраля 1880 г. Александр II подписал указ об учреждении Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

В указе говорилось: «5. В видах объединения действий всех властей по охранению государственного порядка и общественного спокойствия предоставить главному начальнику Верховной распорядительной комиссии по всем делам, относящимся к такому охранению:

а) права главноначальствующего в С.-Петербурге и его окрестностях, с непосредственным подчинением ему с. – петербургского градоначальника;

б) прямое ведение и направление следственных дел по государственным преступлениям в С.-Петербурге и С.-Петербургском военном округе; и

в) верховное направление упомянутых в предыдущем пункте дел по всем другим местностям Российской империи.

6. Все требования главного начальника <…> комиссии по делам об охранении государственного порядка и общественного спокойствия подлежат немедленному исполнению как местными начальствами, генерал-губернаторами, губернаторами и градоначальниками, так и со стороны всех ведомств, не исключая военного.

7. Все ведомства обязаны оказывать главному начальнику <…> комиссии полное содействие. <…>

9. Независимо от сего предоставить главному начальнику <…> комиссии делать все распоряжения и принимать вообще все меры, которые он признает необходимыми для охранения

государственного порядка и общественного спокойствия как в С.-Петербурге, так и в других местностях империи, причем от усмотрения его зависит определять меры взыскания за неисполнение или несоблюдение сих распоряжений и мер. <…>

10. Распоряжения главного начальника <…> комиссии и принимаемые им меры должны подлежать безусловному исполнению и соблюдению всеми и каждым и могут быть отменены только им самим или особым Высочайшим повелением»[441].

Главным начальником стал М. Т. Лорис-Меликов[442], которого современники характеризовали так: «Волчьи зубы, лисий хвост». Он получил практически диктаторские полномочия. 3–4 марта III Отделение и Корпус жандармов «временно подчинили» Верховной распорядительной комиссии, формальным главой этих ведомств стал генерал свиты П. А. Черевин[443].

Общее положение дел в системе оперативно-розыскных, режимно-заградительных и других мероприятий, проводившихся по линии исполнительной полиции, позволяют оценить циркуляры московского обер-полицмейстера А. А. Козлова частным приставам и квартальным надзирателям, которые вы найдете в конце главы.

11 апреля 1880 г. Лорис-Меликов направил на имя императора доклад, в котором констатировал необходимость координации деятельности правоохранительных органов империи и проведения политических преобразований. Александр II наложил на докладе резолюцию: «Благодарю за откровенное изложение твоих мыслей, которые почти во всем согласны с моими собственными»[444].

6 августа был подписан указ о ликвидации Верховной распорядительной комиссии. В соответствии с указом III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии упразднялось, его функции перешли к вновь созданному Департаменту государственной полиции МВД. Министром внутренних дел и шефом жандармов стал Лорис-Меликов, а первым директором Департамента государственной полиции – барон И. О. Велио[445].

М. Т. Лорис-Меликов

На практике все происходило не так быстро и гладко, как задумывалось. Формирование штатов нового органа политического сыска началось только в середине ноября 1880 г. Из 72 штатных единиц III Отделения в МВД была занята только 21. Прием сотрудников осуществлялся в соответствии с мнением Лорис-Меликова о порядке формирования Департамента государственной полиции: «Делопроизводство в оном может быть вверено только таким лицам, которые, обладая необходимыми для службы в высшем правительственном учреждении познаниями и способностями, вполне заслуживают доверия по своим нравственным качествам, выдержанности характера и политической благонадежности»[446]. Несмотря на правильные критерии отбора сотрудников центрального аппарата Департамента, Клеточников, например, отбор прошел и был принят на службу, в то время как большому числу кадровых сотрудников с достаточным оперативным опытом было отказано, поскольку они придерживались мнения, отличного от мнения нового руководства.

Тем временем Исполнительный комитет «Народной воли»

приступил к реализации нового перспективного проекта – к созданию Военной организации. К концу 1880 г. сформировалось ее руководящее ядро. От Исполкома «Народной воли» в него вошли Желябов и Колоткевич, из офицеров – Н. Е. Суханов (первый руководитель), барон А. П. Штромберг и Н. М. Рогачев. Основной задачей Военной организации являлась подготовка захвата власти путем вооруженного восстания. Ставка была сделана на организацию военного переворота под руководством сагитированных офицеров гвардии, армии и флота. Один из лидеров Военной организации А. В. Буцевич говорил, что для организации переворота достаточно 200 или около того офицеров. После захвата власти предполагалось передать ее временному правительству в лице Исполкома «Народной воли». В отличие от «Комитета русских офицеров в Польше» (самостоятельной организации с локальной сепаратистской целью) Военная организация была идеологизированной партийной структурой, подчинявшейся Исполкому и призванной обеспечить захват власти в интересах партии и смену государственного устройства.

Как и их гражданские коллеги, офицеры-народовольцы одобряли террор против представителей власти, считая его ускорителем революции. На вопрос кронштадтских моряков о правах и обязанностях членов «Народной воли» Суханов ответил, что право и обязанность революционера заключены в бомбе.

Непосредственно в террористических актах члены Военной организации практически не участвовали, они занимались организацией ее филиалов в других городах. Кроме Петербурга и Кронштадта военные кружки были организованы в Москве, Киеве, Орле, Витебске, Риге, Митаве, Динабурге, Либаве, Минске, Николаеве, Одессе (всего около 20 городов). Они действовали автономно от остальных организаций народовольцев, уделяя большое внимание конспирации. Дисциплина в кружках была строгой, а в случае провала участников ожидало суровое наказание. Даже после ареста большинства руководителей «Народной воли», в том числе и Суханова, Военная организация продолжала нелегальную работу почти два года. Структура и методы ее работы стали примером для многих нелегальных политических партий, существовавших в России на рубеже XIX–XX вв.

Весной 1880 г. террористы «Народной воли» готовили еще два покушения на царя. В Одессе в одном из домов на Итальянской улице С. Перовская и Н. Саблин сняли бакалейную лавку, откуда сделали подкоп под мостовую для закладки фугаса. Но император в Одессу не приехал, и террористический акт не

состоялся. В Петербурге народовольцы подготовили к взрыву Каменный мост на улице Гороховой. Под водой в прорезиненных мешках находилось более 100 килограммов взрывчатки. Электрические провода были выведены на плот, находившийся в отдалении. Взрыв не состоялся в результате опоздания исполнителя М. Тетерки.

Н. В. Клеточников

Следует отметить, что динамит не только производился в России, но и поставлялся из-за рубежа. Сразу же после липецкого съезда «Народной воли» один из его участников, А. И. Зунделевич, выехал в Швейцарию для приобретения динамита. При подготовке взрыва царского поезда террористы также рассчитывали на поставки динамита из-за рубежа; когда стало известно, что заграничный транспорт не прибудет, они направили в Одессу за динамитом Гольденберга, но того при доставке взрывчатого вещества задержали. В Киеве, при обыске на одной из конспиративных квартир, «в чуланчике для дров найден завернутый в клеенку и зарытый в землю металлический ящик», который «по наружному осмотру <…> экспертами-

пиротехниками <…> был признан динамитным снарядом австрийского приготовления, при этом они нашли, что вес заключающегося в нем динамита около 5 ф.»[447].

Тем временем кольцо вокруг народовольцев постепенно сжималось. Еще в 1879 г. арестовали Гольденберга, Зунделевича, Квятковского и Ширяева. Гольденберг дал показания, на основании которых в течение 1880 г. арестовали Баранникова, Иванова, Колоткевича, Преснякова и Окладского. В конце ноября был арестован Михайлов, заказавший фотографии повешенных Квятковского и Преснякова для революционного архива. Фотограф, делавший снимки и для III Отделения, узнал казненных народовольцев и сообщил о заказе в полицию.

1 ноября 1880 г. по распоряжению министра внутренних дел в Москве было создано Секретно-розыскное отделение при канцелярии московского обер-полицмейстера. Но ни совершенствование структуры органов политической полиции, ни улучшение ее работы, ни многочисленные аресты не остановили оставшихся на свободе руководителей «Народной воли». В конце 1880 г. они начали подготовку к очередному покушению на Александра II.

В декабре А. В. Якимова и Н. Н. Богданович под фамилией Кобозевых арендовали помещение в доме Менгдена на Малой Садовой улице в Петербурге. Из этого помещения, замаскированного под сырную лавку, сделали подкоп под мостовую, чтобы взорвать императорскую карету на маршруте Зимний дворец – Михайловский замок.

В качестве запасного варианта подготовили группу гранатометчиков, чтобы забросать карету бомбами, если она поедет другой дорогой. Накануне покушения напротив Смольного института, на пустыре с другой стороны Невы, Кибальчич провел обучение метальщиков обращению с разработанными им бомбами, снабженными взрывателями мгновенного действия. Как показали испытания, радиус поражения осколками составлял до 20 саженей. К 1 марта 1881 г. были готовы четыре снаряда. За три месяца с помощью стационарного наружного наблюдения тщательно изучили маршруты передвижения Александра II, распределили позиции метальщиков вдоль наиболее вероятного маршрута (засада) и разработали систему оповещения.

О подготовке нового покушения Департаменту государственной полиции стало известно заблаговременно. В «Докладе по делу террориста Гольденберга о подготовке крушения царского поезда на Московско-Курской ж. д.», составленном не позднее второй половины 1880 г., сказано следующее: Гольденберг высказал «…что государя императора

можно взорвать в Петербурге посредством подкопа на Малой Садовой улице, по которой государь часто ездит и, между прочим, каждое воскресенье ездит по ней на разводы в Инженерный замок, а равно и то, что государя террористы будут преследовать на каждом шагу, и с уверенностью сказал, что месяца через 1½ государя непременно убьют. Очевидно, предположение устроить подкоп на Малой Садовой улице в Петербурге у них, террористов, уже созрело»[448]. Однако выявить помещение, из которого велся подкоп, сотрудники полиции и службы безопасности не смогли. Не предусмотрели они и возможность организации засады гранатометчиков.

В январе 1881 г. были арестованы Златопольский, Клеточников и Морозов, причем Клеточников разоблачен благодаря показаниям Окладского. Лорис-Меликов приказал своим подчиненным усилить бдительность и просил императора временно прекратить поездки по городу. 22 февраля Александр II от традиционной поездки отказался. За несколько дней до покушения под наружное наблюдение попал один из лидеров народовольцев М. Н. Тригони. Однако отсутствие навыков проводить установку по месту жительства не позволило выявить посещенную Тригони конспиративную квартиру, на которой скрывалась С. Перовская. 27 февраля засадой на конспиративной квартире был задержан Желябов. По одной из версий, он заявил полицейским: «Не слишком ли поздно вы меня арестовали?»

Об аресте Желябова немедленно доложили императору. Обрадованный сообщением, Александр II принял решение поехать на парадный развод караулов, который проводился по воскресеньям. Утром 1 марта 1881 г. государь принял министра внутренних дел и подписал проект реформ, вошедший в историю как «конституция Лорис-Меликова». Последний еще раз предупредил Александра о возможности покушения и просил его отложить поездку. Министра поддержала и супруга государя, но Александр был непреклонен и от поездки не отказался. В 12 часов дня его карета в сопровождении конвоя выехала из Зимнего дворца.

К этому времени террористы были полностью готовы к проведению операции, которой после ареста Желябова руководила С. Перовская. Подрыв фугаса в подкопе на Малой Садовой с помощью электродетонатора и гальванической батареи должны были осуществить Ю. Богданович или М. Фроленко; И. И. Гриневицкий, И. П. Емельянов, Т. М. Михайлов и Н. И. Рысаков с бомбами в свертках заняли позиции на улице. Конвой императора проследовал по набережной Екатерининского канала, миновав тщательно подготовленную засаду. Но, как мы уже упоминали,

подобный вариант был предусмотрен: в действие ввели запасной план покушения. Перовская приняла решение перевести гранатометчиков на Екатерининский канал, рассредоточиться и ждать условного сигнала.

Около двух часов пополудни карета императора повернула с Инженерной улицы на набережную Екатерининского канала, неизбежно замедлив скорость. Перовская взмахнула платком, подавая метальщикам условный знак. Первую бомбу бросил Рысаков, поврежденная взрывом карета остановилась. Но она не была разрушена, и император получил легкую контузию. Террористы не знали, что экипаж был укреплен с помощью блиндирования.

За каретой следовали шесть казаков лейб-гвардии Терского эскадрона во главе с ротмистром П. Т. Кулебякиным, все они были ранены, некоторые серьезно. Александр II вышел из экипажа и направился к пострадавшим, хотя кучер просил его этого не делать; карета была в состоянии доехать до Зимнего дворца. Поступок императора можно объяснить следствием контузии, но, по нашему мнению, точнее другое объяснение: из кареты вышел не Александр, а полковник лейб-гвардии Преображенского полка, более обеспокоенный за жизнь своих подданных, чем за свою собственную.

К месту покушения уже бежали привлеченные взрывом прохожие, Рысаков был схвачен и предстал перед государем. Неразберихой воспользовался И. И. Гриневицкий, который подошел вплотную к царю и бросил бомбу ему под ноги. В результате взрыва Александру II почти оторвало обе ноги, около 30 человек получили тяжелые ранения, смертельно был ранен и сам террорист. Ранения императора явились настолько тяжелыми, что даже искусство доктора Боткина оказалось бессильно. В Зимнем дворце государь скончался.

И. И. Гриневицкий

Гибель его обусловлена как решением поехать на развод караулов вопреки рекомендации Лорис-Меликова, так и большим количеством ошибок, допущенных царской охраной.

1. Не были должным образом проверены маршруты следования и не обеспечено надежное оцепление улиц с помощью дополнительных сил. А ведь дополнительное оцепление являлось абсолютно необходимым при наличии реальной угрозы покушения (отметим попутно, что риск покушения бывает только высоким и неизвестным).

2. Численность конвоя была явно недостаточной, казаки не обладали достаточными навыками обеспечения эффективной охраны государя от потенциальных террористов.

3. Государь остался на месте покушения, несмотря на просьбы сопровождающих немедленно уехать.

4. В первые же минуты (а точнее – секунды) после первого взрыва не было выставлено оцепление, что позволило боевикам повторить покушение.

5. Императору не была оказана медицинская помощь на месте ввиду отсутствия в эскорте соответствующего специалиста.

Террористы переиграли не только личную охрану государя, но и всю систему безопасности Российской империи. Про недостатки в организации агентурной работы и оперативно-розыскной деятельности мы уже упоминали. Но у нас возникает вопрос, почему в условиях реальной угрозы жизни императора стали возможны перечисленные ошибки? Тут могут иметь место две версии:

1. Охрана государя являлась недостаточно компетентной, поэтому его убийство – следствие преступной самоуверенности и столь же преступной некомпетентности.

2. Злой умысел политических сил или отдельных персон в ближайшем окружении Александра II, заинтересованных в проведении исключительно репрессивных мер по отношению к революционерам и сохранении доминирующих позиций в политической жизни страны.

Качественной работе органов безопасности не способствовали деструктивная конкуренция отдельных ведомственных служб и кадровая чехарда в большинстве силовых структур. Если во времена Николая I III Отделение за 30 лет возглавляли всего 2 человека, то при Александре II – 5 за 25 лет. В Министерстве внутренних дел также сменилось 5 руководителей: С. С. Ланской (1855–1861 гг.), П. А. Валуев (1861–1868 гг.), А. Е. Тимашёв (1868–1878 гг.), Л. С. Маков (1878–1879 гг.), М. Т. Лорис-Меликов (1880–1881 гг.). Неблагополучие в органах внутренней безопасности, стратегические ошибки в оценке ситуации, недостаточно компетентное, а подчас просто волюнтаристское руководство и утрата контроля над политическим состоянием общества способствовали зарождению нового социального явления – политического терроризма.

Кроме уже упоминавшихся антиправительственных теоретических трудов идеологической основой российского терроризма левой направленности стали: «Смерть за смерть» С. М. Степняка-Кравчинского (1878 г.), «Террористическая борьба» Н. А. Морозова (1880 г.), «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России» П. Н. Ткачева (1881 г.). Таким образом, был заложен краеугольный камень террористической деятельности и социально-философского учения о терроризме, получившего дальнейшее развитие в XX в. Идеи, оформленные в соответствующие теории далеко не самыми глупыми представителями российской интеллигенции и части аристократии, стали для определенной части общества социальной религией и определили «жизнь в терроре» для многих активных революционеров.

В этот же период появились основные составляющие,

остающиеся устойчивыми признаками терроризма и по сей день: средства (взрывчатка и стрелковое оружие) и методы (минирование, бомбометание, стрельба); сочетание пропаганды и агитации с террористическими акциями; публичная ответственность за террористический акт; захват заложников как один из методов проведения террористических акций; выбор в качестве объектов и жертв террористических акций не только лиц политического истеблишмента, но и неопределенно широкого круга лиц (безадресный терроризм); экспроприация денежных средств для финансирования пропагандистских и боевых операций; всесторонняя поддержка членов организации, попавших в руки правительства.

Развилась и оформилась организационная сторона деятельности: конспиративные структуры в стране и за рубежом; специальные боевые группы; взаимодействие с подобными иностранными организациями; закупка и переправка с их помощью оружия или его компонентов и частей; публикация пропагандистских материалов; приобретение собственного типографского оборудования для печатания революционной литературы; получение из различных, желательно законспирированных, источников финансовой помощи. Можно утверждать, что заложенные в последней четверти XIX в. идеологические, информационные, технологические и организационные основы террористической деятельности и ныне не утратили актуальности.

Из ЦИРКУЛЯРА ШЕФА ЖАНДАРМОВ № 17 от 14 февраля 1875 г.

Деятельность чинов Корпуса жандармов в настоящее время представляется в двух видах: в предупреждении и пресечении разного рода преступлений и нарушений закона и во всестороннем наблюдении.

Первый из этих видов деятельности опирается на существующее законодательство, и все действия жандармских чинов в этом отношении определены законом 19 мая 1871 г. Второй же вид по характеру своему и необходимым приемам в действиях хотя и не отличается от усвоенного прокуратурой и полицией, но, служа общим государственным целям, не может подчиняться каким-либо строго определенным правилам, а, напротив того, требует известного простора и тогда лишь встречает ограничения, когда материал, добытый наблюдаемым, переходит на законную почву и подвергается оценке, т. е. уже является предметом деятельности первого вида.

Таким образом, наблюдение доставляет материал для деятельности по предупреждению и пресечению нарушений закона, и, следовательно, оба вида жандармских обязанностей находятся в неразрывной между собой связи. Поэтому закон, определивший порядок действий чинов Корпуса жандармов по расследованию преступлений, не только не снимает с этих чинов обязанностей всестороннего наблюдения, но принуждает их обратить особенное внимание на более тщательное выполнение этих обязанностей, так как малейшая неправильность или недостаток беспристрастия в наблюдении непременно будут проверены судебным порядком, когда факт наблюдения окажется достойным расследования.

Несмотря, однако же, на особенную важность наблюдательных обязанностей, нет возможности, по их характеру, указать какую-либо инструкцию на все явления, требующие надзора. Можно сказать, что направление деятельности в этом отношении и сам успех много зависят от бытовых и местных условий, отношений к правительственным местам и лицам и к

населению, а также и от необходимых для жандарма качеств – такта и умения оценивать факты, т. е. не обобщать те из них, которые, имея характер местный или минутный, не дают повода к заключениям более обширным. <… >

Без всякого сомнения, особенное внимание ваше должно быть обращено на раскрытие и преследование попыток к распространению вредных учений, клонящихся к колебанию коренных основ государственной общественной и семейной жизни. Всякое явление в этом смысле должно быть строго наблюдаемо и немедленно доводимо до сведения начальства, если бы даже и не заключало в себе, по-видимому, ничего положительного, так как при дальнейшем беспрепятственном развитии это явление обратится в предмет законного расследования и во всяком случае послужит пособием к раскрытию находящихся с ним в связи более веских фактов.

На этом основании предметами постоянного надзора должны быть: 1) школы, публичные лекции и чтения для народа, дабы верно знать их направления и иметь возможность всегда указать вредных деятелей на этом поприще; 2) книжная торговля, в особенности вразнос, кабинеты для чтения и вообще все подобного рода заведения, имеющие возможность сбыта книг преступного или вредного содержания; 3) лица, путешествующие для собрания разных сведений с научной целью, которая может иногда прикрывать другую, преступную цель. Наконец, необходимо вообще наблюдать за духом всего населения и за направлением политических идей общества, стараясь исследовать причины неблагоприятного правительству настроения умов.

Вот перечень главных предметов надзора, но, без сомнения, чины Корпуса жандармов не могут оставаться равнодушными зрителями и прочих различного рода злоупотреблений и обязаны доводить о подобных фактах до сведения своего начальства.

Выше я указал, что успех наблюдательной деятельности жандармских чинов зависит, между прочим, от их отношений как к правительственным местам и лицам, так и населению, а равным образом и от их такта.

Действительно, чины Корпуса жандармов по роду

деятельности должны пользоваться широкой самостоятельностью, но эта самостоятельность даст им возможность исполнить свое назначение единственно только при умении ей пользоваться, а потому проявление оной отнюдь не должно колебать ту формальную сторону отношений, которая обусловливается положением лиц, имеющих частые с жандармскими чинами сношения.

Поэтому эти последние должны относиться к главным представителям власти в губернии и вообще к начальствующим лицам, стоящим во главе учреждений, давая заметить всем, что жандармские чины первые признают и уважают это положение. Те же отношения следует соблюдать и к лицам, стоящим выше их по служебной иерархии, а отношения с военными должны быть обусловлены соблюдением всех правил дисциплины. Наконец, отношения к прочему населению должны быть поставлены так, чтобы всякий был уверен, что в случае надобности всегда получит от них дельный совет и встретит участие, т. е. чтобы в основании этих сношений было полное к жандармским чинам доверие, приобрести которое вполне от них зависит.

Таким образом, самостоятельность чинов Корпуса жандармов должна проявляться никак не во внешних формах, но на деле, в убеждениях, которые должны быть тверды и чисты, и в законности и прямоте их действий.

Опираясь на эти данные, им предоставляется право, независимо [от] донесения своему начальству, сообщать надлежащим властям обо всем, что они сочтут достойным замечания. Но при этом следует иметь в виду, что ежели замеченное не подлежит, на основании закона 19 мая 1871 г., немедленному дознанию, то надо ограничиться вышеприведенным указанием, не допуская личного вмешательства во все дела, разбирательство которых принадлежит или непосредственному начальству или которые, по свойству своему, могут быть предметом расследования лиц, поставленных к тому законом.

Перечислить все случаи, в которых должно применяться последнее указание, разумеется, нет возможности, а потому я ограничусь приведением нескольких в этом отношении примеров, а именно:

а) начальник управления получил достоверное сведение, что в уезде угрожает голод по неприятию

подлежащими ведомствами своевременных мер;

б) дошло до его сведения, что местной уездной властью неправильно собираются недоимки, что возбуждает в народе ропот.

В обоих этих случаях следует донести своему начальству и только сообщить губернатору <… >;

в) начальник управления узнал, что в казначействе допущена неправильная выдача денег и надо принять быстрые меры, чтобы поправить зло.

Следует, кроме донесения начальству, сообщить председателю казенной палаты и губернатору <… >;

г) по имеющимся сведениям, один из сельских священников несоответственным его сану поведением и неблаговидными поступками вызывает ропот прихожан.

Следует, донеся начальству, сообщить местному архиерею;

д) получено сведение, что в полку, расположенном в подведомственной надзору местности, будет дуэль.

Следует словесно предупредить командира полка и донести своему начальству;

е) дознано, что на некоторых винокуренных заводах делаются злоупотребления, с ведома акцизного чиновника и, следовательно, при его участии.

Надо донести по команде и сообщить управляющему акцизом в губернии.

Приведенные примеры должны служить руководством и в других подобных или однородных случаях.

В заключение я признаю необходимым указать и на некоторые частности в исполнении наблюдательных обязанностей как для разъяснения формальной стороны дела, так и в видах предупреждения ошибок, которые, будучи сами по себе незначительны, тем не менее могут иметь весьма важное влияние как на успех действия, так и на самое положение жандармских чинов, а именно: приглашать к себе для объяснений дозволяется лишь в случаях особенной надобности и только лишь частных и стоящих ниже по служебной иерархии или общественному положению лиц; всех же прочих жандармские чины обязаны посещать лично или сноситься с ними письменно.

Участие в разборе частных дел можно принять не иначе, как по просьбам заинтересованных лиц, руководствуясь в этом случае приемами, усвоенными

практикой, выработанной жандармским ведомством. При этом следует строго наблюдать, чтобы семейные дела отнюдь не приводить к окончательному результату, а только, на самом тщательном разборе, представлять их со своим заключением в III Отделение С. Е. В. канцелярии, которому принадлежит право разрешения подобных дел. <… >

Строго воспрещается выдавать кому бы то ни было копии с предписаний начальства по возложенным поручениям; за исключением, разумеется, тех случаев, когда эти предписания должны быть кому-либо предъявлены.

Объяснив, таким образом, сущность обязанностей чинов Корпуса жандармов и определив, насколько это возможно, подробности их служебной деятельности, предписываю дать соответственные в этом смысле указания подведомственным офицерам и надеюсь, что во всех чинах корпуса я встречу не только усердие в исполнении обязанностей службы, но и тот такт и то уменье, от которых находится в прямой зависимости успех дела и достижение цели высочайше вверенных мне частей[449].

ЦИРКУЛЯР МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА от 15 февраля 1880 г.

В среде здешнего населения возникли слухи, будто бы политические злоумышленники намерены произвести в день 25-го юбилея государя императора, 19-го сего февраля, и в последующие за тем два дня поджоги и уличные беспорядки и что, к сожжению, ими предназначены преимущественно учебные заведения, казенные здания и банки.

Хотя к подтверждению этих слухов нет никаких признаков, но тем не менее полиция, как учреждение, охраняющее общественный порядок и безопасность, обязана отнестись с надлежащим вниманием к означенным слухам, тем более что в настоящем случае нельзя отрицать существования политической агитации.

В этих видах предлагаю по полиции принять ныне же меры к наблюдению в трактирах, питейных заведениях и других подобных им общественных местах, а также на фабриках и заводах за всеми народными толками о предстоящем дне 19 февраля и обо всем заслуживающем внимания тотчас доводить до моего сведения; усилить наблюдение за всеми лицами, компрометированными в политическом отношении, обратив особенное внимание на то, не будет ли происходить у них каких-либо сходок и совещаний, в особенности накануне 19-го числа. В ночь же на это число и в следующие за тем трое суток, т. е. 19, 20 и 21 февраля, строжайше следить за сохранением порядка и безопасности в городе. Для чего внушить постовым городовым, дежурным дворникам и ночным сторожам неотлучно быть каждому в назначенные часы на своих местах, отнюдь не оставлять постов и смены и неусыпно наблюдать за появлением подозрительных лиц, за недопущением на улицах праздных сходбищ и за недопущением какого бы то ни было беспорядка. Независимо от этого наблюсти, чтобы подвижные посты, ночные дозоры и патрули были выполняемы со всего точностью и без малейших упущений и уклонений. Гг. квартальным надзирателям и их помощникам определить между собою очередь, непременно находиться в означенные три дня на улицах

так, чтобы офицерский наружный надзор выполнялся непрерывным присутствием одного из них в наружном обходе, а другой находился бы неотлучно в конторе; гг. частные пристава обязаны в упомянутые дни объезжать по несколько раз днем и в особенности ночью вверенные им части, наблюдая как за исправностью выполнения всего изъясненного выше, так и вообще за наружным порядком; гг. полицеймейстеров прошу со своей стороны иметь наблюдение за подведомственными им чинами, проверяя исправность их объездами.

Установив таким образом повсеместное наблюдение в городе, обратить особенное внимание на охранение от каких бы то ни было покушений императорских дворцов, церквей, учебных заведений, банков, фабрик и заводов, казенных зданий, тюремных учреждений и телеграфных проводов.

Принять меры к тому, чтобы караул за содержащимися при полицейских частях, в особенности где содержатся политические арестанты, был выполняем во всей точности, чтобы дежурства в частях были вполне исправны и чтобы в каждой части дежурный знал, где именно находится частный пристав, при всяком его выезде, а также где находится полицмейстер.

В случае какого-либо открытого беспорядка на улице, фабрике или в другом месте тотчас извещать о том меня и местного полицмейстера и принимать все меры к прекращению его, согласно циркуляру моему от 11 сего февраля за № 667, причем во всех случаях действовать с возможною осмотрительностью, хладнокровием, сдержанностью, но с непоколебимою твердостью и настойчивостью[450].

ЦИРКУЛЯР МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА от 22 февраля 1880 г.

Для устранения покушений со стороны политических злоумышленников произвести взрывы посредством городских газопроводов, а также порчу подземного телефонного кабеля представляется необходимым следить самым внимательным образом за целостью и неприкосновенностью как газопроводных городских труб, так и упомянутого телеграфного кабеля.

Посему предлагаю не допускать ни под каким предлогом разрытия мостовой и земли над означенными трубами и кабелем и обнажения оных; в случае же необходимости исправлений газопроводов или телеграфных подземных линий допускать обнажение и исправление их не иначе, как по письменному требованию правления Общества газового освещения г. Москвы и начальника управления полицейского телеграфа и во всяком случае наблюдать, чтобы исправления производились рабочими под ближайшим надзором доверенного лица от того учреждения, по чьему распоряжению предпринято исправление, и чтобы во время работ не было допускаемо к ним посторонних лиц, а по окончании работ обнаженная часть труб и кабеля были бы немедленно засыпаемы землею. Подобным же образом должна производиться починка городских водосточных труб и вообще земляных работ на улицах с тем, чтобы при всех этих работах не допускалось обнажение газопроводов и кабеля, а в случае неотвратимой в том надобности приглашать к работам специальных лиц для надзора от Газового общества и полицейского телеграфа и настоятельно требовать, чтобы газопроводы и кабель при первой возможности засыпались бы по-прежнему в землю[451].

ЦИРКУЛЯР МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА от 22 февраля 1880 г.

Ввиду сведений о том, что злонамеренные агитаторы намерены проникнуть в среду трубочистов и, вступив в их артели, получить возможность наносить вред намеченным ими зданиям посредством взрывчатых веществ, предлагаю безотлагательно проверить тщательным образом все трубочистные артели, обозреть паспорта и собрать сведения о благонадежности каждого трубочиста; в особенности же обратить внимание на лиц, вновь поступивших в эти артели, и затем вообще следить за тем, чтобы в среду их не проникали злоумышленники. В случае же появления какого-либо сомнительного лица тотчас произвести под рукою об нем тщательнейшее дознание и неукоснительно донести мне[452].

ЦИРКУЛЯР МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА от 22 февраля 1880 г.

Получены сведения, что злоумышленники намерены провезти из-за границы в Россию небольшие разрывные бомбы и другие взрывчатые предметы. Злоумышленники эти следующие: Ланский, едущий под фамилией Николая Глазунова, Ушаков – под фамилией Иосифа Островского, Риччи – под фамилией Антона Каминского, Персон – под фамилией Ритчера, Ольга Зайцева – под фамилией Веры Павловой Красильниковой; евреи: Кон, Каминский, Блументаль, Вейндих, инженер Александр Морин; сверх сего: Краевский, Стекевич, Петр Кованько, Тарновский, Сакчики; кроме того, эмигрант князь Кропоткин, известный за границей под фамилией Левашова, о поимке которого было сделано распоряжение в 1876 году, находится в Вене и намерен ныне же пробраться в Россию.

Вследствие сего предлагаю учредить совершенно секретное наблюдение за появлением вышепоименованных лиц в Москве, в случае же прибытия их сюда тотчас арестовать и обыскать и все, что окажется по обыску, доставить к начальнику

здешнего губернского жандармского управления, донеся мне об этом в то же время[453].

ЦИРКУЛЯР МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА от 21 апреля 1880 г.

Произведенный злоумышленниками 19 ноября прошлого года взрыв полотна Курской ж. д. под Москвою указывает на необходимость самого тщательного и настойчивого наблюдения не только за рельсовыми путями, но и за всеми соседними с ними строениями, из которых могут быть произведены подкопы и проложены гальванические проводы к означенным путям.

С целью учреждения упомянутого наблюдения по поручению моему сделаны планы всем рельсовым путям, пролегающим в районе ведомства Московской городской полиции, как общие, так и отдельные по каждому из кварталов, по которым проходят пути, с нанесением на эти планы всех строений, находящихся по соседству с рельсовым полотном.

Приведя таким образом в точную известность все подведомственные здешней полиции местности по протяжению железных дорог, предлагаю вашему высокоблагородию: 1) иметь постоянно под рукою план участка из означенных местностей, находящегося в подведомственном вам квартале; 2) непременно лично знать всех живущих в домах, нанесенных на план, вести этим лицам особые списки и строжайше следить за всякою переменою в их составе, то есть за прибытием и выбытием их; 3) при появлении нового лица без малейшего упущения времени собирать подробнейшие сведения об образе его жизни, занятиях, знакомстве и благонадежности и при малейшем сомнении доносить о том тотчас же мне; 4) постоянно и неослабно наблюдать за образом жизни и благонадежностью всех живущих в упомянутых, нанесенных на планы домах, донося мне о всем подозрительном, и 5) неусыпно следить за всякими на означенных в плане усадьбах и местностях постройками, починками строений и в особенности земляными работами, лично являясь на место оных и исследуя таковые, не доверяя никаким объяснениям; словом, иметь все строения и местности, прилегающие к

рельсовым путям, в таком надзоре, который бы вполне и безусловно отстранял и предупреждал всякую возможность злоумышленного покушения, подобного случившемуся 19 ноября, что и возлагаю на непосредственную вашу ответственность[454].

ЦИРКУЛЯР МОСКОВСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА от 9 августа 1880 г.

Некоторые квартальные надзиратели, получая от меня поручения о собрании негласным путем сведений о каком-либо лице, исполняют эти поручения с крайней неосмотрительностью, дающею возможность лицу, о котором собираются сведения, узнать об этом через огласку, сделанную самим же надзирателем.

Принимая во внимание, что подобное оглашение секретного розыска, служа к безуспешности оного, вместе с тем парализирует и все другие меры, какие могли бы быть приняты к получению требуемых о данном лице сведений, предлагаю на будущее время в случае, если бы кто-либо из надзирателей, получив от меня секретное поручение, встретил затруднения или неудобства в исполнении его негласным путем, то, не приступая к исполнению, в то же время лично докладывать мне о том.

При этом признаю необходимым предупредить, что за сим оглашение упомянутых поручений моих лицам, до которых они относятся, поставит меня в необходимость удалять виновных от должностей, как неспособных к выполнению полицейских обязанностей[455].

Глава 9
И снова Гатчина

У России есть лишь два верных союзника – ее армия и ее флот.

Александр III

Убийство Александра II повлекло за собой значительные изменения во внутренней жизни Российского государства. Политика либеральных преобразований, пусть не всегда последовательно осуществлявшаяся царем, уступила место политике реакции. Народовольцы, считавшие, что смерть императора подтолкнет правящую элиту к более интенсивным преобразованиям в социально-политической сфере, достигли противоположного результата – власть начала активно сопротивляться прогрессу в политической жизни страны. Доминирующим фактором тринадцатилетнего периода «охранительного» правления Александра III стал страх придворных перед возможным покушением на жизнь царствующей особы. Соответственно, центральной задачей российских секретных служб стало обеспечение личной безопасности Его Императорского Величества.

Основным идеологом этого периода стал обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев[456]. По своей радикальности он являлся зеркальным отражением террористов-народовольцев. Мы упоминали, что утром 1 марта Александр II подписал программу по расширению прав земств, свободы печати и частичной децентрализации административного управления, предложенную М. Т. Лорис-Меликовым, и приказал опубликовать ее в «Правительственном вестнике». Александр III заявил, что последняя воля покойного отца должна быть выполнена, но под влиянием Победоносцева в ночь с 1 на 2 марта все же распорядился приостановить печать с тем, чтобы вновь обсудить некоторые пункты программы. Мнение этого ультраконсерватора (Победоносцева) стало для нового императора определяющим в вопросах внутренней политики.

Практически сразу после смерти Александра II по рекомендации Победоносцева петербургским градоначальником был назначен Н. М. Баранов[457]. Тот проинформировал нового государя, что имеет сведения от зарубежных коллег о готовящихся покушениях на членов императорской фамилии.

Аничков дворец, в котором проживал Александр III с семьей, немедленно был окружен армейскими караулами лейб-гвардии Егерского полка, шефом которого Александр III состоял, будучи цесаревичем. Внутреннюю охрану дворца несли казаки Собственного Его Императорского Величества конвоя. Охрана имела приказ не выпускать императора за ограду дворца. 3 марта граф И. И. Воронцов-Дашков[458] рекомендовал государю немедленно переехать в Зимний дворец, чтобы не подвергать себя ежедневной опасности при переходах из одного дворца в другой.

Начальник киевского Жандармского управления генерал В. Д. Новицкий вспоминал: «Баранов, состоя градоначальником в С.-Петербурге в самое смутное, тяжелое время, отличался невозможными распоряжениями по полиции, ни к чему не ведущими и никакой пользы не приносившими; <…> он установил заставы из войск гвардии на всех въездах в Петербург, и на этих заставах прописывали в книги паспорта со всеми подробностями всех проезжающих в столицу, что было сделано с целью задержания важных политических преступников. <…> Недовольство народилось огромное, а в результате ни один не был задержан революционер…»[459].

В первой декаде марта 1881 г. в правительстве велись бурные дискуссии о необходимости защиты высших государственных сановников от угрозы революционного терроризма. По мнению Победоносцева, основная угроза трону исходила именно от либерально настроенных лиц в правительстве. 11 марта глава Синода подал на имя царя докладную записку, озаглавленную «О принципах организации охраны государя-императора, его семьи, высших должностных лиц и объектов государственной охраны». Он советовал императору запирать за собой дверь не только в спальне, но и во всех иных комнатах, вплоть до входной; проверять перед сном мебель, звонки вызова охраны и особенно надежность окружения; подозрительных лиц рекомендовалось немедленно удалять. Рекомендации Победоносцева, не являвшегося специалистом в области охраны, способствовали усилению нервозности в окружении государя. Атмосферу неуверенности создавало и большое количество обращений верноподданных в адрес высших должностных лиц империи, занимавшихся вопросами безопасности.

Александр III с супругой – императрицей Марией Федоровной

Некоторые из них несли в себе конструктивные предложения по борьбе с революционным движением. В частности, записка коллежского советника Станкевича, направленная в конце марта 1881 г. министру внутренних дел, посвящена совершенствованию паспортной системы. Автор предлагал произвести поверку паспортов и других документов на право разъездов и жительства у всех лиц по месту их выдачи. По мнению Станкевича, для всех лиц, отлучающихся с мест постоянного жительства, а также для постоянных жителей Петербурга и Москвы следовало учредить

единый порядок выдачи документов, удостоверяющих личность. Порядок этот заключался в следующем:

«1. Предоставить право по всей империи [на] выдачу паспортов лицам всех сословий, исключая только состоящих на действительной государственной службе, исключительно ведомству полиции.

2. Лиц, имеющих постоянные документы, заменяющие паспорт, как то: указы об отставке, свидетельства дворянских депутатских собраний, свидетельства духовных консисторий и тому подобные, – подчинить общим правилам о паспортах. <…>

3. Бланки для паспортов и временных свидетельств <…> должны быть заготовлены из гербовой бумаги одного образца в виде ныне существующих ассигновок с присвоением только для каждого сословия отдельного цвета, которые должны расходоваться таким же точно порядком, как ассигновки, т. е. левая часть паспорта должна оставаться в корешке тетради с пропиской того же, что и на выданном паспорте»[460].

В начале апреля Александр III назначил начальником личной охраны генерал-адъютанта И. И. Воронцова-Дашкова, которому всецело доверял. Однако тот не имел специального образования в области охранной и полицейской службы. Вероятно, поэтому упор в работе охраны первоначально был сделан на усилении караулов и других специальных мероприятий, используемых в военной службе. 23 марта 1881 г. для несения караульной службы при особе императора была сформирована Сводно-гвардейская рота. Ее личный состав набрали из гвардейских пехотных полков, лейб-гвардии Саперного батальона и Гвардейского экипажа. В Зимнем дворце продолжала нести службу Рота дворцовых гренадер. 29 апреля в Гатчину из Варшавы на помощь Терскому эскадрону конвоя прибыл Кубанский казачий дивизион. Кроме казаков внутренние и наружные караулы в Гатчинском дворце несли кавалеристы лейб-гвардии Кирасирского полка. В апреле – мае в ежедневном карауле стояли около 170 человек, занимавших 11 внутренних и 19 наружных постов. Дворец и прилегающий к нему парк были оцеплены несколькими рядами часовых; из Петербурга прибыли полицейские чины и секретные агенты. Без специального пропуска, выдававшегося Главной квартирой, передвижение через посты в любую сторону запрещалось. Для входа в дворцовые помещения ввели пропуска особого образца с фотокарточками. Также в дворце располагалась особая команда морских минеров под руководством лейтенанта А. Смирнова. Постепенно Гатчина превращалась в настоящую крепость.

Князь П. А. Кропоткин, служивший камер-пажом при Александре II, вспоминал о системе охраны дворца: «Я знаю это

старинное здание, планированное как вобановская крепость, окруженное рвами и защищенное сторожевыми башнями, откуда потайные лестницы ведут в царский кабинет. Я видел люк в кабинете, через который можно бросить неожиданно врага в воду – на острые камни внизу, а затем тайные лестницы, спускающиеся в подземные тюрьмы и в подземный проход, ведущий к озеру. <…> Подземная галерея, снабженная автоматическими электрическими приборами, чтобы революционеры не могли подкопаться, рылась вокруг Аничкова дворца, где Александр III жил до восшествия на престол»[461].

Параллельно происходили изменения в высшем руководстве империи. Председателем Государственного совета вместо сторонника буржуазных реформ великого князя Константина Николаевича был назначен великий князь Михаил Николаевич. 29 апреля 1881 г. обнародован манифест «О незыблемости самодержавия». Военным министром стал П. С. Ванновский[462], МВД возглавил граф Н. П. Игнатьев, товарищем министра внутренних дел стал П. А. Черевин, директором Департамента государственной полиции – прокурор Петербургской судебной палаты В. К. Плеве[463]. В августе 1881 г. временно упраздняется пост градоначальника. Руководство столичной полицией и охранным отделением перешло к обер-полицмейстеру[464] Петербурга. На эту должность был назначен генерал А. А. Козлов[465].

Манифест «О незыблемости самодержавия» стал своеобразной точкой отсчета в противостоянии охранных структур и революционеров. В момент его обнародования заведующим агентурой Петербургского отделения по охранению общественного порядка и спокойствия являлся Г. П. Судейкин[466]. В 1879 г. под его руководством было раскрыто отделение «Народной воли», готовившее покушение на Александра II в Киеве. Ликвидация законспирированной группы боевиков стала возможной благодаря агентуре, лично внедренной Судейкиным в ряды заговорщиков.

Особо подчеркнем, что основными источниками информации об антиправительственных организациях в начале царствования Александра III были: показания арестованных; наружное наблюдение; заявления подданных о «сумнительных» лицах; перлюстрация корреспонденции. Судейкин, скрупулезно изучивший отечественный и зарубежный опыт работы тайной полиции, считал, что основа эффективного противодействия нелегальным организациям – деятельность внутренней агентуры. Первой задачей секретных сотрудников и агентов являлось добывание информации, для чего следовало проникать на

собрания революционеров, выявлять их конспиративные квартиры, стремиться быть в курсе деятельности революционных организаций и отдельных лиц.

Н. П. Игнатьев

Г. П. Судейкин считается отцом российской политической провокации. Наряду с получением оперативной информации он уделял особое внимание разложению антиправительственных организаций изнутри. В написанном им циркуляре эти задачи изложены так: «1) Возбуждать с помощью особых активных агентов ссоры и распри между различными революционными группами. 2) Распространять ложные слухи, удручающие и терроризирующие революционную среду. 3) Передавать через тех же агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию или кратковременных арестов, обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве; вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и различные органы печати, придавая им значение агентурной, провокационной работы»[467].

Приемы, которые Судейкин рекомендовал использовать в борьбе с революционным подпольем, ранее внутри страны

массово не применялись. В частности, он считал необходимым подстрекать революционные организации к разграблению магазинов и складов, поджогу домов, к беспорядочной стрельбе по представителям полиции и метанию бомб. Подобные действия давали право применять самые жесткие карательные меры в отношении организаторов беспорядков.

Чрезмерное увлечение провокационной направленностью агентурной и оперативной работы сыграло в жизни Судейкина роковую роль (об этом ниже). Но еще хуже то, что методы провокации, использовавшиеся специальными службами, российское общество восприняло крайне негативно, а это, в свою очередь, дало оппонентам правительства богатый материал для пропагандистской работы.

Одновременно с усилением военной составляющей службы безопасности императора Воронцов-Дашков создал «параллельную» охрану, не являвшуюся официальной спецслужбой. Речь идет о «Священной дружине».

Идея создания дворянской конспиративной организации принадлежала управляющему Юго-Западными железными дорогами С. Ю. Вит те. Узнав о гибели Александра II, он направил своему дяде генералу Р. А. Фадееву письмо, в котором предложил бороться с революционерами их же методами. Фадеев доложил соображения племянника Воронцову-Дашкову, и в результате к лету 1881 г. при дворе появилась организация, имевшая целью физическую охрану императора.

«Священную дружину» возглавили И. И. Воронцов-Дашков и П. П. Шувалов[468]. «Дружинники» планировали обеспечивать безопасность царствующей особы при передвижениях по улицам с помощью специально привлеченных лиц из низших сословий. Для этого предполагалось на маршрутах следования государя расставлять до 5000–6000 добровольных помощников, главным образом старообрядцев, которым за это обещали предоставить свободу вероисповедания. Кроме организации физической охраны Александра III предполагалась помощь суду и полиции в розысках политических противников режима в России и за границей.

Г. П. Судейкин

Прежде чем устояться, название добровольной дворянской организации претерпело несколько изменений: «Добровольная охрана», «Священная лига», «Священное братство» и, наконец, «Священная дружина», вероятно, по историческим аналогиям[469]. Строилась она по образцу «Народной воли», за основу была взята система «пятерок». Во главе «пятерки» стоял «старший брат», рядовые члены организации назывались «братьями». Соблюдалась строжайшая конспирация: каждый «брат» знал только «старшего брата», от которого получал задания и которому докладывал о проделанной работе. «Дружинники» принимали присягу; в письменных документах они обозначались псевдонимом или номером. Например, Воронцов-Дашков имел конспиративный псевдоним Набольший и конспиративные номера 6 и 106. Руководство «Дружины» планировало создание внутри страны и за рубежом отделений, сообщения из которых должны были поступать в единый центр.

14 августа 1881 г. Александр III утвердил «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», после опубликования 8 сентября оно вступило в

законную силу. В Положении устанавливались правила усиленной и чрезвычайной охраны. Право объявления какой-либо местности в состоянии усиленной охраны принадлежало министру внутренних дел, в местностях, подведомственных генерал-губернаторам, – сим последним, с уведомления министра внутренних дел. Состояние чрезвычайной охраны вводилось особым распоряжением Комитета министров, утвержденным императором. Дела о вооруженном сопротивлении властям, умышленном поджоге, приведении в негодность предметов воинского снаряжения и о некоторых других преступлениях могли быть переданы на рассмотрение военных судов для осуждения по законам военного времени. Чиновники и выборные лица могли отрешаться от должности, нежелательные лица по усмотрению властей подлежали аресту или высылке за пределы губернии в административном порядке, а учебные заведения, органы печати и предприятия – закрытию.

Одновременно был упразднен пост петербургского градоначальника. Его функции перешли в ведение петербургского обер-полицмейстера А. Козлова. Несмотря на постоянное усиление мер безопасности, в ноябре 1881 г. Н. М. Санковский совершил покушение на товарища министра внутренних дел и командующего Корпусом жандармов генерал-лейтенанта П. А. Черевина. Террорист пришел на прием к Черевину, выстрелил в него прямо в кабинете, но промахнулся и был задержан на месте преступления. По воспоминаниям современников, подробности этого покушения, изложенные Александру III графом Игнатьевым в собственной интерпретации, стали причиной крайней неприязни Черевина к Игнатьеву. Между министром и его заместителем установились напряженные отношения, безусловно, сказавшиеся на дальнейшей судьбе министра.

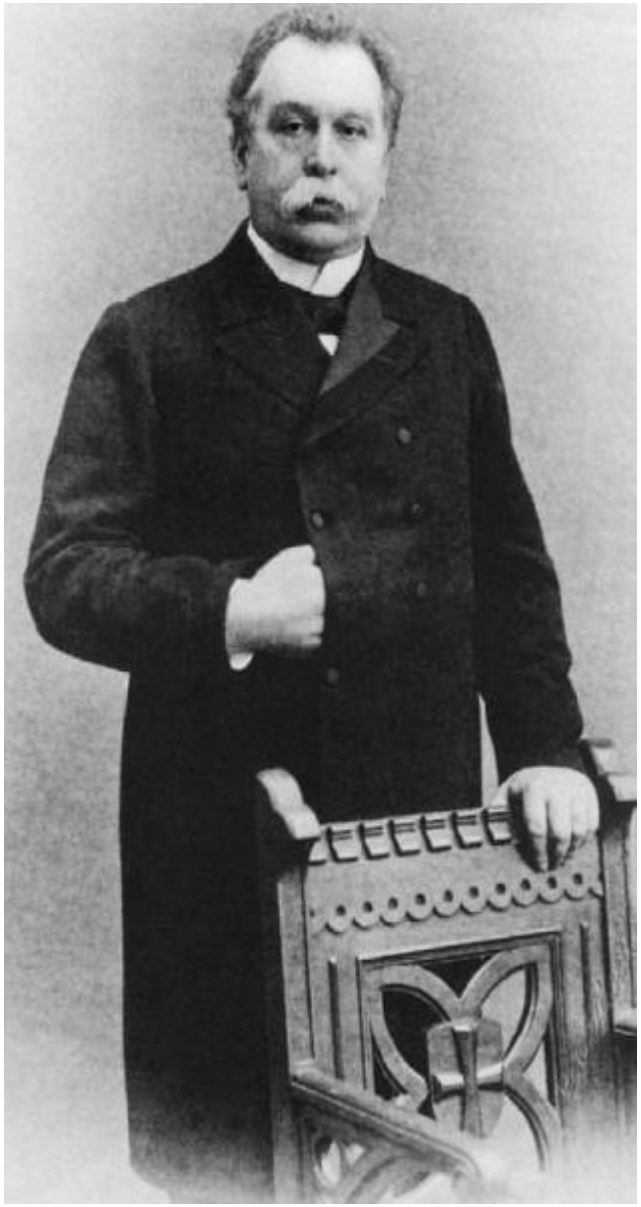
С. Ю. Витте

В декабре 1881 г. в составе Собственного Его Императорского Величества конвоя был сформирован еще один Терский казачий эскадрон, всего стало четыре эскадрона: 1-й и 2-й Терские, 1-й и 2-й Кубанские. В каждом эскадроне по штату было 6 офицеров: ротмистр, штабс-ротмистр, поручик и 3 корнета. В мирное время один Кубанский и один Терский эскадроны постоянно несли службу, по одному эскадрону было на льготе. Ротация эскадронов осуществлялась через три года, к 15 октября. Кубанский казачий дивизион временно оставили на службе при дворе для несения караула в императорских резиденциях. В Гатчине Кубанский дивизион нес службу охраны совместно с Конвоем Е. И. В. Дивизион выставлял конные ночные посты в Ингенбургской части Гатчины, в то время как Конвой – в Мариенбургской части. В Петергофском дворце ежедневно дежурили 3 унтер-офицера и 6 казаков, а с восьми часов утра два взвода при обер-офицерах отряжали конные разъезды по Английскому парку, Знаменке и Александровскому парку. В Монплезире дежурил офицер с тремя казаками.

В декабре 1881 г. В. К. Плеве утвердил распределение

обязанностей между структурами Департамента государственной полиции, политический сыск был возложен на 3-е (секретное) делопроизводство. Его сотрудники отвечали за наблюдение за неблагонадежными лицами в России и за границей, руководили деятельностью агентуры, осуществляли негласный надзор за партиями и движениями, следили за распространением нелегальной литературы. В составе делопроизводства имелся Особый отдел, отвечавший за перлюстрацию корреспонденции и аналитическую обработку секретных сведений. В состав 3-го делопроизводства из архивов III Отделения была передана библиотека революционных изданий. Кроме того, сотрудники делопроизводства обеспечивали охрану высших должностных лиц империи и работали в интересах охраны императора. Руководителем политической полиции стал Г. К. Семякин[470]. Исполнительными органами 3-го делопроизводства являлись губернские и областные жандармские управления, охранные отделения Петербурга и Москвы.

1 марта 1882 г. министр внутренних дел Игнатьев утвердил «Положение о негласном полицейском надзоре». Негласный (секретный) полицейский надзор являлся одной из мер выявления и предупреждения государственных преступлений, осуществляемой посредством постоянного наблюдения за неблагонадежными лицами. В отличие от негласного наблюдения, носившего характер временного розыскного мероприятия, применявшегося местными жандармскими и полицейскими органами, он вводился только по распоряжению Департамента полиции. В целях конспирации лицо, находившееся под секретным надзором, не могло подвергаться каким-либо стеснениям в свободе передвижения, образе жизни, выборе занятий и т. п.



В. К. Плеве

Негласный надзор, в частности, вводился за:

а) исключенными из высших учебных заведений за участие в беспорядках по особому списку;

б) возвращенными из административной ссылки и освобожденными от гласного надзора полиции; в) отбывшими тюремное заключение за совершение государственного преступления; г) освобожденными от гласного надзора полиции за участие в Польском мятеже 1863–1864 гг. В столицах

секретный надзор за неблагонадежными лицами производился чинами общей полиции; в прочих местностях за него отвечали начальники жандармских управлений, действующие по соглашению с губернаторами и градоначальниками (в Варшаве с обер-полицмейстером) и при содействии чинов подчиненной им общей полиции. Все органы государственной охраны должны были обеспечить непрерывность и действенность негласного надзора. Способ осуществления негласного надзора жандармами, полицейскими или секретными агентами определялся в каждом отдельном случае в зависимости от местных условий, путем соглашения губернатора или градоначальника с начальником жандармского управления.

Для надзора было необходимо: «1) Установить по соглашению с местной полицией особое наблюдение за всеми передвижениями этих лиц. 2) Бдительно следить за поступлением на государственную или общественную службу и, если о них не последует запроса со стороны местных начальств, доносить о том на усмотрение Департамента. 3) О надзорных, поступающих на службу на железную дорогу, независимо от представления в Департамент полиции, сообщать о том подлежащему начальнику железнодорожного жандармского полицейского управления или отделения. 4) Подтвердить подведомственным чинам о соблюдении в строгой тайне имен поднадзорных и приемов наблюдения. <…>

п. 7. О лицах, отданных под негласный надзор полиции, ведутся особые списки: общие по всей империи в Департаменте полиции и частные, алфавитные, по каждой губернии по прилагаемой при сем форме лит. А при местном жандармском управлении. В списки эти включают подробные сведения о прошедшей жизни поднадзорного, о семейном, имущественном его положении, а также и указания на повод последовавшего со стороны МВД распоряжения об учреждении надзора. Независимо сего о каждом поднадзорном в жандармском управлении должно быть заведено дело, к которому присоединяются все поступающие о поднадзорном сведения, как получаемые случайно, так, равно, и доставляемые периодически тем агентом наблюдения, коему таковое, в порядке указанном в предыдущем параграфе, поручено.

п. 8. В случае временной отлучки поднадзорного из местности, в коей он состоит под надзором, в другую местность жандармскому управлению последней посылается извещение по форме лит. Б. По возвращении поднадзорного из отлучки означенное извещение, пополненное полученными при наблюдении сведениями, возвращается в подлежащее губернское

жандармское управление, где и прилагается к делу о поднадзорном.

Примечание. 1. Одновременно с извещением по форме лит. Б лиц, ведающих регистрацией сведений о поднадзорных (п. 5 Положения), об отлучке состоящего под негласным надзором в другую местность посылаются Департаменту полиции уведомления без препроводительных бумаг по форме лит. Г (на зеленой бумаге) о каждом выезде (хотя бы и временно) и по форме Д (на желтой бумаге) о возвращении или новом прибытии таковых лиц. В уведомлении лит. Г должно означать губернию и город или селение, где жил поднадзорный. <…>

2. В случае неприбытия поднадзорного лица в тот район, куда была послана лит. Б, учреждение, в списках коего значится это лицо, должно собрать сведения о виде на жительство поднадзорного, месте его родины, месте жительства родственников и т. п., которые способствовали бы обнаружению места жительства скрывшегося лица, и если эти розыски окажутся безуспешными, то сообщают о сем в Д[епартамент] п[олиции] для производства повсеместного негласного розыска. <…>

п. 9. В случае отъезда поднадзорного, сопровождаемого переменою места его жительства, обязанность дальнейшего за ним наблюдения переходит в учреждение, заведывающее негласным полицейским надзором в местности, куда поднадзорный переселился, причем в это учреждение передается и дело о нем, а он сам зачисляется в списки поднадзорных сего управления, с исключением из прежних списков.

п. 10. О выезде поднадзорного за границу губернское жандармское управление доводит до сведения Д[епартамента] п[олиции] с показанием года, числа, № и срока выданного поднадзорному паспорта». <…>

п. 12.1. Губернские жандармские управления доставляют в Д[епартамент] п[олиции] полугодовые ведомости лит. В состоящих под негласным надзором полиции согласно прилагаемым образцам, а именно: А) общую перечневую ведомость (по форме № 1) и Б) листок на каждого поднадзорного отдельно (по форме № 2), с краткой, но точной аттестацией поднадзорного согласно сведениям, полученным наблюдением за означенный период. Именной список поднадзорных, надзор за коими может быть прекращен, представляется прежним порядком, одновременно с ведомостью лит. В.

Относительно выполнения в отдельных листках о поднадзорных графы о сведениях, полученных наблюдением, Д[епартамент] п[олиции] считает нужным указать, что в означенной графе должна быть обязательно помещена аттестация

или в смысле удостоверения хорошего поведения поднадзорного, или отсутствия о нем неблагоприятных сведений, причем общих выражений (как, например, «неблагонадежен» или «находится в сношениях с неблагонадежными лицами») не должно быть допускаемо, а в каждом отдельном случае должны быть обозначены фактические основания, дающие повод к сомнению в благонадежности, и указаны точно лица, сношения с которыми обратили на себя внимание наблюдения. В тех случаях, когда о поднадзорном в течение отчетного периода сообщались Д[епартаменту] п[олиции] подробные сведения, характеризующие деятельность и направление данного лица, в подлежащей графе листка, взамен аттестации, может быть сделана ссылка на № и число представления, в коем излагались означенные сведения»[471].

В циркуляре министра внутренних дел по Департаменту государственной полиции № 1365 от 9 апреля 1882 г. разъяснялось, что негласный надзор не приносил ранее желательных практических результатов, поскольку в большинстве случаев ограничивался лишь внесением поднадзорного в соответственные списки и не обеспечивал дальнейшего за ним контроля. Сведения по п. 12 Положения за истекшее полугодие следовало доставлять в Департамент полиции к 1 февраля и к 1 августа. «В заключение, – писал Игнатьев, – позволяю себе выразить надежду, что применение на практике сего Положения, устанавливающего постоянный обмен сведений между чинами Корпуса жандармов и общей полиции, создаст между этими учреждениями одного и того же ведомства вполне доверительные и откровенные отношения, при которых только и возможна деятельность государственной полиции, все отрасли коей обязаны стремиться к достижению одной и той же цели охранения существующего государственного порядка»[472].

Несмотря на то что Игнатьев предпринял ряд шагов по стабилизации политического положения в стране, он недолго оставался на своем посту. Его проект создания Земского собора, представленный государю в мае 1882 г., встретил резкую критику Победоносцева, который предложил Александру III на пост министра внутренних дел кандидатуру графа Д. А. Толстого[473]. Толстой, назначенный министром 30 мая, видел свою задачу в том, чтобы парализовать любую оппозицию правительству. Историк А. А. Кизеветтер отмечал в мемуарах, что в обществе отзывались о Толстом как о реакционере. М. Н. Катков писал, что имя нового министра само по себе является манифестом и программой. Одним из элементов программы нового министра стала борьба с «крамолой» в сфере образования. По рекомендации

Толстого министром народного просвещения был назначен И. Д. Делянов[474] – последовательный противник либеральных начал в учебных заведениях. Обер-полицмейстером Петербурга стал П. А. Грессер[475].

В сфере обеспечения государственной безопасности Толстой опирался на пожелание императора реорганизовать систему политического сыска в империи. (Победоносцев еще 28 мая, до вступления Толстого в должность, писал Александру III, что объяснил будущему министру намерение императора отделить управление Министерством внутренних дел от дел государственной (политической) полиции.)

Формы деятельности спецслужб при Д. А. Толстом продолжали совершенствоваться. Одной из наиболее секретных и действенных из них была перлюстрация корреспонденции.

После преобразования в марте 1881 г. Министерства почт и телеграфов в Департамент почт и телеграфов МВД «черные кабинеты» оказались в прямом подчинении министра внутренних дел. До 1882 г. на содержание секретных почтовых чиновников и канцелярские расходы отпускалось 92 тысячи рублей в год. Александр III увеличил секретный бюджет на 15 тысяч. В докладе Толстого императору от 5 июля 1882 г., в частности, говорилось:

«Учреждение перлюстрации, или тайного досмотра частной корреспонденции, пересылаемой по почте, имеет целью представление государю императору таких сведений о происшествиях, таких заявлений общественного мнения относительно хода дел в империи и такой оценки действий влиятельных лиц, какие официальным путем не могли бы дойти до его величества. Достижение этой цели обусловливается полною независимостью перлюстрационной деятельности от каких бы то ни было властей, кроме императорской, ибо в представлении государю копий или выписок из корреспонденции, согласно высочайшей воле, не стесняются никаким лицом, как бы ни было оно высоко поставлено и как бы оно ни было близко особе его величества. <…>

Производство перлюстрации <…> поручается весьма ограниченному числу чиновников, в коих положительно дознаны:

1) безграничная преданность особе государя,

2) безусловное сочувствие и повиновение установленному образу правления,

3) полное беспристрастие к родственным или общественным связям,

4) постоянная готовность к труду и к совершенному отчуждению себя не только от светских развлечений, но даже и от всякого общежития, если служба того требует,

5) скромность, необходимая для ограждения перлюстрации от всякого оглашения перед лицами, непосвященными в тайну ее существования, составляющую тайну царствующего и, наконец,

6) нравственность, умственное развитие и образование, соответственные важной обязанности освещать перед монархом те случаи и обстоятельства, которые, по каким-либо соображениям государственных властей и отдельных лиц, могли бы быть затемнены или скрыты от Его Величества»[476].

В течение лета – осени 1882 г. было подготовлено и 3 декабря утверждено императором «Положение об устройстве секретной полиции в империи». Согласно Положению, куратором розыскной деятельности по делам о государственных (политических) преступлениях становился заместитель министра внутренних дел, заведовавший государственной полицией. Исполнительными органами политической полиции на местах становились вновь учреждаемые особые розыскные отделения[477], создаваемые по образцу существующих в столицах отделений по охране общественного порядка и спокойствия.

Розыскные отделения могли создаваться как в составе жандармских управлений, так и в составе общей полиции. Личный состав формировался из чинов Корпуса жандармов, гражданских чиновников и полицейских. Там, где розыскных отделений не открывалось, розыск по делам о государственных преступлениях остается в ведении жандармских управлений. Практическое руководство деятельностью секретной (политической) полиции поручалось особому инспектору секретной полиции с совмещением должности заведующего Санкт-Петербургским отделением по охранению общественного порядка и спокойствия. На должность назначал заместитель министра внутренних дел, курировавший государственную полицию. 29 января 1883 г. заведующий Департаментом государственной полиции[478] П. В. Оржевский[479] утвердил «Инструкцию инспектору секретной полиции». (Оба документа вы найдете в конце главы.)

В подчинение инспектора секретной полиции поступали: отделения по охранению общественного порядка и безопасности (далее – охранные отделения) в Санкт-Петербурге и Москве; Московское, Киевское, Херсонское и Харьковское губернские жандармские управления; Одесское городское жандармское управление. Инспектором секретной полиции империи и начальником Санкт-Петербургского охранного отделения был назначен Г. П. Судейкин.

В течение 1881 г. под его руководством в Петербурге арестовали многих членов «Народной воли». Весной 1882 г. М.

Грачевский и А. Корба под началом руководителя Военной организации А. В. Буцевича стали готовить покушение на Судейкина, но в июне были арестованы. К концу 1882 г. шеф секретной полиции сумел завербовать члена Исполнительного комитета «Народной воли» штабс-капитана в отставке С. П. Дегаева. Основой для вербовки стала «медовая ловушка», устроенная полицией с учетом низких моральных качеств последнего. Важную роль в вербовке сыграл и тот факт, что Дегаев мог быть приговорен к смертной казни как офицер, изменивший знамени и императору.

В силу занимаемого в среде революционеров положения Дегаев стал одним из наиболее ценных агентов столичной «охранки». По его информации арестовано большинство остававшихся на свободе активистов «Народной воли», в том числе и члены ее Военной организации. Судейкин уделял большое внимание безопасности Дегаева, стараясь максимально отвести от информатора подозрения со стороны народовольцев. Безопасность обеспечивалась по принципу «перевода стрелок» на другое лицо. Так, арест В. Фигнер произошел с участием опознавателя Меркулова, который «случайно» встретил ее на подходе к указанной Дегаевым конспиративной квартире. Благодаря возросшему профессионализму сотрудников политической полиции к середине 1883 г. Исполнительный комитет «Народной воли» и его территориальные отделения в России прекратили существование.

В мае 1883 г. была остановлена деятельность и «Священной дружины». К концу 1882 г. в ее составе насчитывалось 729 членов и 14 672 добровольных помощника. Некоторые руководители «Священной дружины» считали, что для безопасности императора члены организации должны, как и их противники, действовать террористическими методами, чтобы вырезать «всех крамольников и анархистов». В качестве мишеней выбрали народовольца Л. Гартмана, идеолога анархизма П. Кропоткина и критика российского правительства французского публициста А. Рошфора. Предполагалось направить за границу ликвидаторов из числа гвардейских офицеров, которые должны были устранить указанных лиц под видом дуэли. Однако информация о готовившемся покушении стала известна Кропоткину.

По нашему мнению, утечка информации могла стать следствием борьбы между различными правительственными группировками. Отношение жандармов и полицейских к «Священной дружине» характеризовалось как крайне негативное. Судейкин считал, что с «дружинниками» нужно бороться не меньше, чем с террористами, так как они зря расходуют

государственные средства и только мешают сотрудникам полиции и жандармерии. Эффективность работы «дружинников» действительно была незначительной, но суммы, отпускавшиеся из секретных фондов на финансирование заграничных агентов организации, возросли по сравнению с 1877 г. более чем в пять раз и составили свыше 1 миллиона рублей. В итоге дела «Священной дружины» передали в ведение Департамента полиции. В распоряжение департамента перешли и четыре заграничных агента. В июне 1883 г. для организации системного политического сыска за границей в составе департамента снова образуется особое подразделение – Заграничная агентура. Кроме агентов «дружинников» в ее состав вошли новые люди. В качестве инспектора и первого резидента Заграничной агентуры Оржевский и Плеве командировали в Вену, Берлин и Париж П. В. Корвина-Круковского[480].

Параллельно реорганизуется императорская Главная квартира – структура, выполнявшая в те годы роль личной службы безопасности монарших особ. Ее основными функциями являлись организация охраны государя и членов его семьи, сопровождение последних во время переездов и путешествий, а также координация деятельности вооруженных сил, специальных служб и полиции при обеспечении мер безопасности. Главную квартиру возглавил генерал-адъютант П. А. Черевин.

5 августа 1883 г. при Петербургском охранном отделении была создана специальная команда для обеспечения безопасности членов царской семьи при переездах в столице и окрестностях. Это подразделение получило название Охранной команды (Охранная агентура). 17 октября 1883 г. Сводно-гвардейскую роту развернули в Сводно-гвардейский батальон четырехротного состава за счет военнослужащих полков, в которых император состоял шефом. На восстановленную должность градоначальника назначили П. А. Грессера.

Поскольку в истории покушений на монархов значительное место занимали отравления, надзор за питанием императорской семьи был тщательным. Особому контролю подвергались продукты питания, доставлявшиеся к столу. Большинство поставщиков продовольствия даже не подозревали, что у них закупают продукты во дворец, так как осуществлялась ротация поставщиков. Дежурная смена поваров и их помощников назначалась ежедневно, причем люди узнавали о назначении в самый последний момент. Члены императорской фамилии несли постоянное дежурство на кухне. В состав Главной квартиры наряду с охранными подразделениями входили лейб-медики и даже придворные священники.

20 декабря 1883 г. П. В. Оржевский утвердил «Положение об Охранной агентуре». В нем, в частности, говорилось:

«§ 8. Охранники, по роду возлагаемых на них поручений, разделяются на *постовых* и *местных*. Обязанности первых из них заключаются в предотвращении злодейских покушений путем непосредственного личного наблюдения в районе поста за всеми, почему либо возбуждающими подозрение лицами, появляющимися на улицах или же часто замечаемыми у окон и на балконах уличных фасадов. Местные же агенты, избираемые по преимуществу из околоточных надзирателей, обязаны следить за всеми подозрительными лицами, проживающими в определенном для наблюдения районе столицы. <…>

§ 9. Во время продолжительного отсутствия из столицы высочайших особ, для охраны коих учреждена агентура, дежурство постовых агентов отменяется и им поручается наблюдение за лицами, состоящими под гласным или негласным надзором полиции»[481].

А тем временем карьера отца русской политической провокации подошла к концу. К 33 годам Судейкин входил в пятерку высших чинов политической полиции империи и, учитывая его профессиональные способности, имел блестящие перспективы, но не захотел ждать. Он решил шантажировать власть с помощью провокации, создав для этого подпольную организацию во главе с Дегаевым. Судейкин намеревался организовать ряд терактов, а после того как представители власти окажутся серьезно напуганными, истребовать для себя пост директора Департамента полиции и сосредоточить весь политический сыск в своих руках. По мнению историков, Судейкин даже планировал ликвидацию великого князя Владимира Александровича и министра внутренних дел Д. А. Толстого, чтобы пост министра достался его покровителю В. К. Плеве.

Однако планам Судейкина не суждено было сбыться. Согласно наиболее распространенной версии, Дегаев, которого «замучила совесть», отправился в Париж и признался в сотрудничестве с полицией товарищам по партии. Для Судейкина эта поездка легендировалась как выявление боевиков, скрывавшихся за границей для их дальнейшего задержания при приезде в Россию. В Петербург Дегаев вернулся в сопровождении боевиков В. П. Конашевича и Н. П. Стародворского. 16 декабря 1883 г. те ликвидировали Судейкина и тяжело ранили его телохранителя Н. Д. Судовского на конспиративной квартире. Последний, кстати, проявил вопиющую некомпетентность в деле охраны, оставив свой револьвер в кармане пальто в прихожей.

После покушения Дегаев скрылся за границу, где и умер в 1920 г.

Технически так и было, но у нас есть и альтернативная версия устранения Судейкина. Мы полагаем, что ликвидация незаурядного сыщика вполне могла быть спланирована его конкурентами из специальных служб империи, которым стало известно о далеко идущих намерениях молодого и амбициозного полковника. Нельзя исключить, что Дегаева могли перевербовать, а затем отправить в Париж на «покаяние». Эту версию подтверждает успешное «исчезновение» Дегаева после покушения не только от народовольцев, но и от полиции. В любом случае Судейкин стал жертвой культивируемой им системы, а его смерть показала одну из слабых сторон завербованных агентов, которые могли при удобном случае совершить покушение на курирующего офицера.

В первом квартале 1884 г. с инспекционной поездкой за границу направляется заведующий 3-м делопроизводством Г. К. Семякин. По итогам поездки он представляет 12 марта докладную записку, в которой анализирует ситуацию, сложившуюся на фронте борьбы с революционерами за границей. Семякин отмечал, что наблюдение за деятельностью эмигрантов за границей осуществлялось с помощью: а) русских консулов в Берлине, Вене, Париже и вице-консула в Румынии; б) сношений пограничных жандармских офицеров с австрийскими и прусскими приграничными властями; в) краковского полицейского комиссара Коржевского; г) собственных «корреспондентов» Департамента полиции в Бухаресте, Вене, Женеве и Париже.

Семякин отмечал также, что консулы в Берлине и Вене обстоятельно исполняют все требования Департамента полиции и сообщают ценные сведения как о русских подданных, участвующих в революционной деятельности преступных сообществ в Германии и Австрии, так и о проявлениях революционного движения в этих государствах. По его заключению, консул в Париже не имел связей с парижской префектурой и ограничивался формальным исполнением требований полиции. Вице-консул в Сулине доставлял сведения неравномерно, вследствие чего в Департаменте полиции сложилось весьма слабое представление о составе, деятельности и связях эмигрантов в Румынии. Отношения русских пограничных властей с их прусскими и австрийскими коллегами пока не давали ощутимых результатов ввиду новизны дела.

В целом Семякин счел деятельность по наблюдению за революционерами неудовлетворительной. Он предложил создать в составе его делопроизводства иностранный отдел для

координации работы Заграничной агентуры и обобщения поступавших от русских консулов, пограничных жандармских управлений и непосредственно от агентуры сведений о политической эмиграции и состоявших под негласным надзором лицах.

Заведующий 3-м делопроизводством считал необходимым составлять ежемесячный сборник сведений «а) о происходивших в течение месяца событиях; б) о вновь установленных адресах и сношениях эмигрантов как за границей, так и с лицами, в империи проживающими; в) о выбывших за границу поднадзорных или бежавших преступниках и задержанных по возвращении; г) о вновь вышедших за границей революционных изданиях на русском языке или имеющим отношение к России»[482].

По рекомендации Семякина новым резидентом Заграничной агентуры в мае 1884 г. назначен оперативник Департамента полиции П. И. Рачковский[483]. До его назначения политический сыск за границей заключался в основном в наружном наблюдении за эмигрантами, которое осуществляли нанятые иностранцы. Рачковский, прошедший оперативную подготовку в III Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Петербургском охранном отделении, начал свою деятельность с вербовки людей в эмигрантской революционной среде. Отлично понимая, что работать за границей без поддержки органов правопорядка невозможно, он установил хорошие отношения со многими представителями местных служб и использовал их возможности для перлюстрации корреспонденции революционеров. В полициях Франции и Швейцарии с пониманием отнеслись к деятельности коллеги, в те годы сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с революционным движением было плодотворным[484]. Европейскому сотрудничеству способствовал и назначенный 21 июня 1884 г. директором Департамента полиции П. Н. Дурново[485].

Рачковский, легально живший во Франции под фамилией Леонов, уделял большое внимание активным мероприятиям. Он нашел подход к французским журналистам и получил возможность через них оказывать влияние на общественное мнение в интересах российского правительства не только во Франции, но и в других европейских государствах. Денег на работу с прессой в те годы не жалели. Одной из наиболее удачных операций Рачковского стало опубликование брошюры народовольца Л. А. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?», в которой автор отрекался от «грехов

молодости». Брошюра оттолкнула многих людей от участия в террористической деятельности и стала серьезным ударом по единству в эмигрантской народовольческой среде.

В ноябре 1886 г. благодаря агентуре Рачковского была разгромлена народовольческая типография в Швейцарии, большинство бомбистов были вынуждены переехать из Швейцарии во Францию. Но и там они не чувствовали себя спокойно. В 1890 г. совместными усилиями сотрудников французских и российских оперативников раскрыта мастерская по производству «метательных снарядов». Это событие имело серьезные политические последствия. После осуждения арестованных террористов французским судом началось постепенное сближение России и Франции. За эту операцию Рачковский получил чин губернского секретаря и орден Анны 3-й степени.

П. Н. Дурново

Во 2-й половине 1880-х гг. российские секретные службы улучшили свою работу не только за рубежом, но и внутри страны. Оставшиеся на свободе члены «Народной воли» не смогли преодолеть идейный и организационный кризис. Несмотря на попытки Г. А. Лопатина (в 1884 г.), П. Ф. Якубовича (в 1883–1884 гг.), Б. Д. Оржиха (в 1885 г.) и др., восстановить организацию народовольцам не удалось. Последним громким делом революционеров явилось неудачное покушение на Александра III, организованное группой П. Я. Шевырёва. Боевики Террористической фракции под руководством А. И. Ульянова планировали убить императора 1 марта 1887 г. Однако все они были выявлены органами безопасности на стадии подготовки покушения и арестованы с поличным на месте готовившегося преступления. Арест группы Ульянова – следствие улучшения работы оперативных служб, занимавшихся получением и обработкой информации о возможных покушениях на императора.

23 мая 1887 г., после раскрытия группы Ульянова – Шевырёва, была издана новая инструкция Петербургскому охранному отделению, регламентирующая организацию оперативной работы. В инструкции, в частности, говорилось:

«1. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в СПб. учреждено для производства негласных и иных розысков и расследований по делам о гос. преступлениях с целью предупреждения и пресечения последних.

2. На обязанности отделения, кроме того, лежит:

а) предупреждение стачек рабочих на фабриках и расследование обстоятельств, сопровождающих стачки;

б) принятие мер к предупреждению и расследованию причин всяких недозволенных законом и полицейскими постановлениями демонстраций, сходок и собраний;

в) наблюдение за приезжими в столицу на основании особых правил, издаваемых градоначальником;

г) наблюдение в политическом отношении за учебными заведениями столицы, клубами, обществами и тому подобными дозволенными законом учреждениями;

д) принятие негласных мер к предупреждению и расследованию возникающих в учебных заведениях беспорядков, сходок и иных демонстраций. <…>

4. Общее направление розыскной деятельности отделения по делам политического свойства во всех случаях принадлежит Департаменту полиции. <…>

10. Все постановления об арестах, обысках, выемках и осмотрах, а равно все распоряжения начальника отделения даются от имени с. – петербургского градоначальника.

11. Все чины отделения назначаются, перемещаются и увольняются на общем основании с. – петербургским градоначальником. Выбор секретных агентов зависит от начальника отделения, который ведет им особые секретные списки. <…>

16. Чины отделения и агенты могут быть, с разрешения градоначальника, командируемы в другие местности империи для производства розысков политического свойства. <…>

18. При отделении для охранной наружной службы состоит особая команда вольнонаемных людей (охранная агентура), которая действует под непосредственным руководством и наблюдением начальника отделения. <…>

20. На обязанности охранной команды лежит наружное наблюдение, в пределах полученных указаний, за подозрительными лицами. Порядок службы охранников определяется особой инструкцией, утвержденной градоначальником. <…>

23. Охранная команда, в целом составе и по частям может быть командируема в другие местности империи»[486].

В учебном курсе «Обзор общественного и революционного движения в России» (1913 г.), изучавшемся чинами Отдельного корпуса жандармов, отмечалось: «В конце января 1887 года в Департаменте полиции была получена агентурным путем копия письма из Петербурга от неизвестного лица в Харьков студенту университета Ивану Никитину. В этом письме автор сообщал свой взгляд на значение террора в революционной деятельности и выражался настолько решительно, что установление его личности представляло известное значение. С этой целью от студента Никитина было потребовано объяснение об авторе письма, и Никитин назвал студента С.-Петербургского университета Пахомия Андреюшкина. По получении этих сведений в конце февраля за Андреюшкиным, уже ранее замеченным в сношениях с политически неблагонадежными лицами, было установлено непрерывное наблюдение, выяснившее, что Андреюшкин вместе с пятью другими лицами ходил 28 февраля от 12-ти до 5 часов дня по Невскому проспекту, причем Андреюшкин и другой неизвестный, по-видимому, несли под верхним платьем какие-то тяжести, а третий нес толстую книгу в переплете. 1-го марта те же лица вновь замечены, при тех же условиях, около 11-ти часов утра на Невском проспекте, вследствие чего они были немедленно арестованы…»[487].

Как следует из приведенного отрывка, слежка за боевиками Ульянова началась благодаря перлюстрированному письму. Цензор Г. Люби, вскрывший письмо Андреюшкина, вплоть до своей смерти в 1905 г. получал премию в сумме 400 рублей в год.

С 1886 г. руководство всеми «черными кабинетами» в империи было возложено на старшего цензора Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов Санкт-Петербургского почтамта. Формально старший цензор именовался помощником начальника Главного управления почт и телеграфов и напрямую подчинялся министру внутренних дел. Первым общероссийским начальником службы перлюстрации стал К. К. Вейсман[488]. Однако служба перлюстрации работала не только в интересах политической полиции. В «черных кабинетах» вскрывалась также и дипломатическая корреспонденция, представлявшая интерес для российской разведки и контрразведки.

А. И. Ульянов

Стратегическая разведка, как и при Александре II, осуществлялась в первую очередь личными порученцами императора, Военным и Морским министерствами, а также Министерством иностранных дел. Нелегальных разведывательных резидентур (в современном понимании этого термина) в мирное время не создавалось. В 1881 г. начальником Главного штаба и одновременно председателем Военно-учетного комитета (координирующего органа военной разведки) был назначен генерал-адъютант Н. Н. Обручев. Управляющим делами Военно-ученого комитета в 1881–1896 гг. служил кадровый разведчик Ф. А. Фельдман[489]. Как и ранее, основная военно-политическая информация из-за границы поступала по каналам МИД. До самой смерти в 1895 г. Министерство иностранных дел возглавлял Н. К. Гирс[490]. Он был сторонником сближения с Германией и Австро-Венгрией и старался избежать столкновений с Англией, но при этом являлся преданным исполнителем воли Александра III, который проводил курс на сближение с Францией.

Главным координатором секретных подразделений МИД являлся товарищ министра и член Цифирного комитета В. Н.

Ламздорф[491]. «Я, – вспоминал он впоследствии, – работал в глубокой тени возле моего бедного старого начальника [Гирса], меня никто не знает, и вот теперь, когда исчезли как он сам, так и государь [Александр III], которому он столь замечательно помогал править, я оказываюсь в положении единственного обладателя государственных тайн, являющихся основой наших отношений с другими державами»[492].

Особые меры предосторожности предпринимались при организации поездок императора по железным дорогам. 6-я рота 1-го железнодорожного полка была ответственна за прилегающий к Гатчине участок Балтийской железной дороги. Окончательный маршрут движения царского поезда определялся в день отправления. От станции отходили сразу два или три поезда; установить, в каком из них находится государь, было для постороннего практически невозможно. Вдоль железнодорожного полотна на всем пути следования выставлялось армейское оцепление, солдаты которого имели право применить оружие на поражение. Но, несмотря на столь внушительные мероприятия по охране царя, «покушение» на него все же состоялось.

Н. Н. Обручев

17 октября 1888 г. царский поезд сошел с рельсов возле станции Борки Лозово-Севастопольской железной дороги. Погибли 22 человека, 41 человек был ранен, 6 из них скончались. Благодаря огромной физической силе царь собственноручно удерживал балки вагона, что позволило спасти членов его семейства. Однако сильнейший стресс и непомерная нагрузка впоследствии сыграли роль в развитии смертельного заболевания императора. Полиция, предполагавшая злой умысел, старательно искала виновных, но обнаружить заговор так и не удалось.

Комиссию по расследованию причин крушения возглавил обер-прокурор Уголовно-кассационного департамента Сената А. Ф. Кони, в ее состав входили 15 ведущих экспертов в области техники: А. П. Бородин, Н. П. Петров, Н. Л. Щукин, Е. В. Глушков, М. П. Верховский и др. Как следовало из выводов комиссии, крушение явилось следствием ряда технических нарушений, вызванных недобросовестным исполнением железнодорожниками своих служебных обязанностей.

Вагон министра путей сообщения К. Н. Посьета был старого образца, последний раз осматривался в сентябре 1886 г.; бандажи колес сильно изношены, местами с зазубринами. В Севастополе вагон хотели отцепить, но по настоянию министра оставили. На станциях Альма и Лозовая заливали водой его горевшие буксы. В составе было 15 вагонов, что на 4 превышало норму зимнего времени, а вес более чем вдвое превышал норму для пассажирского состава. Скорость литерного поезда не должна превышать 37 верст в час, а перед крушением она достигала от 57 до 67 верст в час. Состав вели два паровоза – товарный и пассажирский, что также недопустимо. Автоматические тормоза были в порядке только на трех вагонах, на остальных же частично сняты, частично неисправны. Уклон насыпи в месте крушения равнялся 0,013 при максимальном уклоне 0,008. Легкие рельсы (22–24 фунта на погонный фут) удерживались в шпалах костылями, в некоторых местах в 14 раз слабее допустимой величины, балласт был из песка, а не из щебня. Причиной крушения стал сход с рельсов второго паровоза, когда первый (товарный) на скорости, не соответствовавшей его типу (максимум 28 верст в час), боковым качанием расширил путь.

В ходе расследования подняли документы чиновников различного ранга, которые что-либо писали по поводу возможных катастроф на железной дороге, и, к величайшему удивлению, обнаружили рапорт С. Ю. Витте, который почти в точности описал комплекс технических и организационных нарушений, неизбежно чреватых катастрофой.

Крушение наглядно показало, что угроза безопасности высочайших особ может исходить не только от злоумышленников. Технический прогресс, предоставляющий человеку большие возможности, требовал качественных изменений в системе охраны жизни и здоровья пассажиров и должного уровня технологической культуры, но ни то, ни другое системой российского «авось» не предусматривалась.

По итогам работы комиссии были приняты решительные меры: министр путей сообщения Посьет, заведующий движением императорских поездов Ф. И. Таубе, главный инспектор инженер К. Т. Шернваль и начальник управления железных дорог Салов получили отставку. С 1890 г. на паровозах императорских поездов стали устанавливать скоростемеры, а железнодорожные войска дублировали работу гражданских железнодорожников на наиболее важных участках. Роты 1-го железнодорожного полка контролировали состояние полотна, мостов, переездов, стрелок и т. п., осуществляли ремонт текущих и строительство запасных ж.-д. веток.

Несмотря на серьезные успехи в борьбе с террористическими группами, император и правительство не предприняли необходимых шагов в политической области. А. Керсновский, которого никак нельзя упрекнуть в симпатиях к революционерам, писал: «Весь трагизм положения заключался в том, что правительство видело лишь одну дилемму: либо сохранить существовавший строй в его полной неприкосновенности, либо пуститься в различные демократически либеральные реформы, которые неминуемо должны были бы повлечь за собой крушение государственности и гибель страны. Но оно не замечало третьего выхода из положения – обновления государственного организма не в „демократическо-катастрофическом“ духе „влево“ (как то в конце концов и случилось в 1905 г.), а в обновлении его „вправо“ – в духе сохранения всей неприкосновенности самодержавного строя путем применения его к создавшимся условиям, отказа от петровско-бюрократически-иноземного его уклада, поведшего к разрыву некогда единой российской нации и утрате правительством пульса страны. Этот третий путь стихийно чувствовался славянофилами, но они не сумели его формулировать, не владея государственной диалектикой. Правительство же царя Миротворца этого пути не замечало. Обширному и холодному государственному уму Победоносцева не хватало динамизма, действенности. Он правильно поставил диагноз болезни, формулировал даже „троичное“ лекарство против нее, составить же правильно эти лекарства и правильно применить их не сумел. <…> В 80-х годах можно было бы

совершить многое, не спеша перестроить государственную машину, влив старое вино в новые прочные мехи. Но ничего не было сделано – и двадцать лет спустя вступивший в полосу бурь русский государственный корабль взял курс на оказавшийся тогда единственно возможным, но фатально гибельный путь, – на путь смертоносных реформ „влево“»[493].

Развитие капитализма в России сопровождалось формированием рабочего класса. Уже при Александре II начались стихийные выступления рабочих (по данным П. А. Хромова, в 1870-е гг. зарегистрировано свыше 200 стачек и 100 волнений). В мае 1875 г. в Одессе возник «Южнороссийский союз рабочих» во главе с Е. О. Заславским. В его уставе сформулирована основная цель союза: свержение существовавшего в стране политического строя путем насильственного переворота. В декабре 1878 г. в Петербурге образовался «Северный союз русских рабочих» во главе с В. П. Обнорским и С. Н. Халтуриным. В воззвании «К русским рабочим» указывалось на необходимость политической борьбы, выдвигалось требование политических свобод, рабочих призывали к сплочению и интернационализму. Оба союза испытали сильное влияние народнической идеологии.

При Александре III произошел переход от разрозненных выступлений пролетариата к массовому рабочему движению, чему способствовали накопленный опыт борьбы и изменение структуры рабочего класса. Среди выступлений начала 1880-х гг. особо выделялись: стачки на Ярцевской мануфактуре в Смоленской губернии и табачных фабриках в Баку (1881 г.); забастовки на Кренгольмской (1882 г.) и Жарардовской (Польша, 1883) мануфактурах; Морозовская стачка (1885 г.). Последняя отличалась размахом, организованностью, стойкостью. Рабочие предъявили владимирскому губернатору требования, включавшие принятие законодательства, регламентирующего отношения предпринимателей и наемных сил. Стачка приобрела политический характер, информация о ней распространилась по всей России. Ее итогом стало принятие нового фабричного закона 1886 г., который ограничивал произвол фабрикантов в отношении штрафов, найма и увольнения рабочих.

В 1883 г. Г. В. Плеханов вместе с В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем, П. Б. Аксельродом и В. Н. Игнатовым основал в Женеве первую марксистскую группу «Освобождение труда». Члены группы переводили и распространяли произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Плехановым были написаны теоретические работы («Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»), в которых он доказывал, что Россия вступила на путь

капиталистического развития и важнейшей революционной силой становится рабочий класс. Основным его выводом являлась оценка предстоящей революции как буржуазно-демократической, а не социалистической. Георгий Валентинович несколько переоценивал роль русской буржуазии и недооценивал роль крестьянства как главного союзника рабочего класса.

Начался постепенный рост социал-демократического движения в России. Студент Петербургского университета болгарин Д. Благоев организовал «Партию русских социал-демократов», а П. В. Точисский – «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». В конце 1880-х – начале 1890-х гг. марксистские кружки существовали в Москве, Киеве, Казани, Одессе, Вильне. Все они требовали пристального внимания полиции.

Одним из источников информации об антиправительственных организациях в царствование Александра III являлось наружное наблюдение.

П. Б. Аксельрод

Лучше всего в России на тот момент оно было организовано в Московском охранном отделении. Московская школа «наружки» обязана своим успехам Е. П. Медникову[494], поступившему в 1881 г. на службу в полицию в чине отставного старшего унтер-офицера. Впоследствии генерал-майор Корпуса жандармов А. И. Спиридович писал о Медникове: «Природный ум, сметка,

хитрость, трудоспособность и настойчивость выдвинули его. Он понял филерство как подряд на работу, прошел его горбом и скоро сделался нарядчиком, инструктором и контролером»[495]. В 1888 г. Медникова назначили заведующим наблюдательным составом Московского охранного отделения. Благодаря профессионализму его самого и его людей выявлены и предотвращены многие акции революционеров не только в Москве, но и во многих других городах империи.

Качество работы московских филеров было настолько высоким, что министр внутренних дел с похвалой отозвался об их дисциплинированности, последовательности и осторожности в деле наблюдения. Тем не менее филеры не являлись государственными служащими. В лучшем случае они числились в полиции городовыми, урядниками или околоточными надзирателями, что не могло не сказаться на их моральном состоянии. Еще одним недостатком секретных служб при Александре III являлась неудовлетворительная работа по приобретению и использованию внутренней агентуры. В отличие от высшего руководства империи профессионалы из спецслужб и полиции реально оценивали свои успехи и не успокаивались на достигнутых результатах.

Е. П. Медников

24 ноября 1892 г. заведующий Заграничной агентурой П. И. Рачковский направил в адрес директора Департамента полиции П. Н. Дурново докладную записку «О постановке работы органов сыска», в которой отмечал недостатки в деятельности органов безопасности: «Предстоящая эпоха по всем данным грозит неминуемыми катастрофами, особенно если принять в соображение, что разобщенные революционеры отыскали способы организоваться без помехи со стороны политической полиции, о неподготовленности которой бороться с ними на избранном поприще они, очевидно, были предуведомлены заранее.

При означенных обстоятельствах самая блестящая постановка

наружного наблюдения не может дать необходимых результатов и, без освещения внутренней жизни революционеров, лишь производит путаницу, нанизывая бесконечный ряд ничего не говорящих имен и поддерживая рискованное напряжение агентурных сил к сугубому удовлетворению неуязвимой внутри революционной среды.

Печальный опыт показал, что под давлением одного наружного наблюдения она только изощряется обманывать полицию, и самые опасные конспираторы легко устраивают для себя все внешние признаки благонадежности; достаточно, например, вспомнить революционные квартиры, увешенные образами, или посещение церквей усердно молившимися террористами. <…>

Успешная борьба с русскими революционерами *всегда возможна* в пределах правильно функционирующей политической полиции, если эта последняя признает, что революционное движение приобрело уже *постоянный характер*, несмотря на временные затишья или отдельные удачные репрессалии, и *придет к необходимости создать* из себя *прочную контрреволюционную организацию* под <…> руководством Департамента полиции.

Сколько бы ни возникало на пространстве России отдельных и замкнутых революционных кружков, политическая полиция данной местности всегда имеет возможность объединить их для безошибочного контроля и своевременно пресекать преступные замыслы. Сосредоточивая путем внутреннего воздействия самые разнородные революционные элементы в центральные группы, органы названной полиции должны сделаться *распорядителями* положения, а не быть *рабами* революционных предприятий. При известной настойчивости и такте они могут довести дело до того, что подпольные и вообще профессиональные революционеры должны будут сойтись, под их прямым наблюдением, с той или другой легальной средой, им сочувствующей. Каждый революционер, действующий, например, в Петербурге на собственный страх, непременно примкнет к искусственному центру, находящемуся в ведении местного руководителя розыскной деятельностью, и наиболее опасные конспираторы всегда будут на виду для соответственных против них мероприятий.

Только по роковому недоразумению можно принимать означенную плодотворную систему за подобие осужденной всюду провокации, которою дерзнет увлекаться или круглое невежество, или преступное честолюбие, жаждущее громких дел во что бы то ни стало.

Для торжества приведенной системы прежде всего возникает вопрос о приобретении способных и убежденных внутренних агентов.

Как ни трудно отыскать их, но невозможностью исполнить такую задачу в состоянии отговариваться лишь те руководители политической агентуры, которые ограничиваются одним формальным исполнением своих обязанностей или косвенно сознающиеся в полной неспособности вести доверенное им дело. Внутренних агентов, которые отвечали бы своему назначению, всегда можно навербовать из элементов, наиболее враждебных правительству в данной местности. После всесторонних справок о том или другом лице, о его положении, образе мыслей и характере следует пригласить его (при известной обстановке) для переговоров, и если нельзя рассчитывать на удачу в каждом отдельном случае, то из 5 подобных случаев одно или два лица при искусном давлении, наверное, перейдут на сторону правительства.

Если революционеры узнают об этих фактах, то они отзовутся тем хуже на них в моральном отношении и, порождая взаимную подозрительность, принесут гораздо больше пользы, чем самое идеальное наружное наблюдение. По личному опыту мне известно, что вышеприведенные переговоры действительно представляют большие трудности, требуя чрезвычайной настойчивости, продолжительного времени, ясного понимания вопроса и крайнего нервного напряжения, но тем существеннее оказываются результаты.

К сожалению, этим дело далеко не исчерпывается. Даже в официальных сферах установились закоренелые предрассудки против внутреннего агента как продажного, безнравственного и предательствующего человека, не говоря уже о русском обществе, которое, по ложным воззрениям на обязанности перед Отечеством, привыкло с брезгливостью относиться ко всему, что соприкасается с правительством. У нас почти никто не склонен видеть в агенте лицо, исполняющее скромный долг перед родиной вопреки, например, французам, немцам или англичанам, которые в качестве частных людей сами помогают полиции в раскрытии преступлений и публично гордятся каждым представившимся случаем, который дает им возможность исполнить эту патриотическую обязанность. Таким образом, при беседах с новыми внутренними агентами необходимо больше всего убеждать их, что они отнюдь не презренные шпионы, а лишь *сознательные* сторонники правительства, которое борется с беспочвенными проходимцами, посягающими на спокойствие, честь и национальное достоинство России.

Укрепивши агента на подобной *идейной* почве, следует также всячески щадить его самолюбие и осмотрительно избегать всего, что бы хоть отчасти дало ему повод размышлять о своей мнимой позорной роли.

Затем уже наступает область опытного руководительства таким агентом сообразно обстоятельствам.

Вышеизложенное представляется, по моему скромному разумению, единственным способом предотвратить те невыразимые катастрофы, которые обещает видимая постановка нарождающегося внутри России революционного движения. *Вне* организационной деятельности органов политической полиции с помощью внутренних агентов остается только один рискованный расчет на благоприятные случайности…»[496].

Как показали дальнейшие события, прогнозы Рачковского, основанные на беспристрастном анализе развития революционного движения, оказались верными. И основная вина в недооценке ситуации и неадекватных политических решениях лежит на высшем политическом руководстве империи, не сумевшем или самоуверенно не захотевшем понять и принять к сведению доводы экспертов из специальных служб.

Группа филеров и руководителей службы наружного наблюдения

Аналогичная ситуация складывалась и в военной области, где передовые отечественные теоретики и практики предлагали альтернативные варианты повышения обороноспособности государства. В этой связи мы считаем необходимым проследить развитие теории и практики в военно-специальной области в правление Александра III. Это связано также и с тем, что не единожды в истории нашей страны передовые военные разработки, не востребованные высшим руководством страны, впоследствии использовались их политическими оппонентами весьма эффективно.

В 1885 г. Генерального штаба полковник Ф. К. Гершельман опубликовал книгу «Партизанская война», которая и в настоящее время не потеряла актуальности. Анализируя историю партизанских действий от Тридцатилетней, 1618–1648 гг., до

русско-турецкой войны 1877–1878 гг., автор сделал поразительно точное заключение о цикличности партизанской войны, которая «…в смысле известного средства борьбы с противником не вырабатывается постепенно, так сказать, не совершенствуется, а является от времени до времени в истории войн как бы случайно. Несмотря на блестящий результат партизанских действий, их как будто забывают даже в тех армиях, которые ими пользовались сами, и только после большого промежутка времени, после нескольких войн опять обращаются к этому средству»[497]. Гершельман сделал вывод, что с помощью партизанской войны можно достичь следующих результатов:

«1. Результаты материальные, выражающиеся в том материальном ущербе, который наносит партизанская война противнику. <…>

2. Результаты нравственные, выражающиеся в том, что, нанося более или менее сильный удар моральному состоянию армии противника, истомив, измучив ее постоянными опасениями за тыл, партизаны надламливают нравственное состояние армии, поселяют в армии противника, а также и в местном населении невольный страх, при случае легко переходящий в панику.

3. Результаты политического свойства, которые выражаются в том или другом нравственном влиянии, давлении партизан на население края, в чем проявляется уже чисто политическое значение партизанской войны. <…>

4. Результаты чисто стратегические, которые обрисовывают собою и стратегическое значение партизанских действий. К числу последних надо отнести следующие:

1) Лишение армии противника всех необходимых ей для жизни и боя запасов уничтожением последних, затруднением фуражировок и нарушением правильных подвозов к армии, а также несвоевременность прибытия к ней подкреплений.

2) Замедление, а иногда и окончательная приостановка развития операций армии противника. <… >

3) Отвлечение части сил неприятельской армии, и притом сравнительно больших сил, чем те, которые употреблены для партизанских действий, от решительных пунктов на стратегическом фронте ее и ослабление последнего, что приводит к возможности сосредоточить на решительном пункте театра войны в решительную минуту превосходные сравнительно с противником силы или, по крайней мере, до известной степени уравновесить их. <…>

4) Необходимость для наступающего под влиянием партизанских действий противника отказаться от предпринятых

операций, от предполагаемого плана действий, обращаться временно к обороне. <…>

5) Нарушение связи между отдельными частями неприятельской армии.

6) Поддержка связи между отдельными частями своей армии.

7) Отвлечение внимания противника от решительных пунктов, т. е. результаты демонстрации. <… >

8) Отвлечение кавалерии противника от тыла собственной армии, т. е. противодействие набегам противника. <…>

9) Партизанские действия затрудняют возможность пользования железными дорогами как коммуникационными линиями, заставляя иногда вовсе отказаться от них. <…>

10) Партизанские действия дают возможность наносить противнику вред, пользуясь в то же время полным отдыхом войск армии во время перерыва главных операций. <…>

11) Доставление своей армии обильных и самых точных сведений о противнике, а также о местности. <…>

12) Лишение армии противника возможности производить дальние рекогносцировки и собирать необходимые сведения о неприятельской армии.

13) Доставление собственной армии необходимых продовольственных средств и боевых запасов. <… >

14) Постоянные неожиданные нападения и тревоги истомляют противника, заставляя значительно усиливать наряд войск в разных случаях. <… >

15) Вооруженное восстание жителей в тылу армии противника. <…>

16) При действиях в своей стране, партизанские действия служат средством для поддержания порядка в тылу армии противника и пресечения грабежа.

<…> Партизанской войне принадлежит чисто стратегическое значение. Партизанская война есть орудие стратегии и представляется одним из самостоятельных и притом могущественных средств стратегии для борьбы с противником. <…> Не все армии могут в одинаковой степени пользоваться партизанскою войною по недостатку коневых средств и не вполне соответствующему для того составу кавалерии. Вот это-то обстоятельство нам и кажется главною причиною тех громких голосов, которыми заговорили в Европе против партизанской войны по склонности человеческой природы – браковать то средство, которым мы не умеем или не можем пользоваться»[498].

Полковник Генерального штаба Н. Н. Сухотин основную задачу кавалерийских частей определял так: «В рощах, лесах, в лощинах, за высотами укрываясь, стоять или передвигаться

коннице, зорко наблюдать за происходящим и выискивать себе добычу, а не наоборот – не пассивно ожидать благоприятных моментов для стройных атак-шоков или безнадежно отыскивать равнины, луга и поля для своих стройных эволюций тонкими и длинными линиями – вот к чему должна готовить себя наша конница. <…> Наши коневые средства и наши средства населения в смысле комплектования позволяют из конницы иметь буквально конную армию, такую же совершенно оригинальную, только России свойственную силу, каковою у англичан является их флот, в Швейцарии – ее стрелки; не десятками тысяч коней может и должна считаться наша конница, а сотнями тысяч»[499]. Как видим, основная идея Сухотина заключалась в сведении кавалерийских частей в конную армию, которая, являясь продолжателем традиций «корволантов» Меншикова, могла решать стратегические задачи и на фронте, и в тылу противника.

Особую роль в деятельности конных корпусов Сухотин отводил организации «…команд разведчиков, которые должны составить принадлежность штабов и начальников отрядов»[500].

Первые занятия по обучению разведывательной службе начались в 1881 г. в лейб-гвардии Уланском полку. Один из организаторов этой службы полковник Генерального штаба С. Д. Чистяков впоследствии писал: «Какого-либо руководства печатного в то время еще не существовало. <…> Приходилось самому из различных сочинений, русских и иностранных, делать для себя выписки и заметки»[501].

В 1886 г. во всех кавалерийских, а затем в пехотных полках были заведены команды «охотников» (добровольцев) из солдат, наиболее способных к разведывательной службе и выполнению ответственных поручений. Первоначально команды «охотников» состояли из четырех (впоследствии из шестнадцати) человек на эскадрон и роту.

В 1887 г. издана составленная полковником Чистяковым книга «Обучение эскадронных и сотенных разведчиков». В теоретической части его наставления имелись следующие отделы (главы): «Назначение разведчиков»; «Краткие сведения по топографии»; «Разведывательная служба»; «Разведка различных местных предметов»; «Разведка противника на позиции»; «Разведка неприятеля в движении»; «Сторожевая служба. Разведка сторожевой цепи и бивака противника». В приложении давались образцы донесений, направлявшихся разведчиками своему командованию. В наставлении подчеркивалось, что обучение предметам, усвоение которых зависит от «искусства исполнения», следует производить «более показом, чем рассказом».

Один из разделов, к сожалению факультативный,

предусматривал обучение разведчиков основам диверсионной деятельности в тылу противника. Согласно наставлению, в разведчики следовало назначать отборных людей: наиболее сметливых, сильных, смелых, хорошо умеющих ездить верхом, рубить шашкой и стрелять, с хорошим зрением и слухом, по возможности грамотных и умеющих плавать. Кроме штатных команд, к исполнению разведывательной службы должны были быть подготовлены и все унтер-офицеры.

Специальных органов контрразведки при Александре III в России не было, ее задачи выполняли преимущественно губернские жандармские управления. В начале 1890-х гг. на западной границе империи сотрудниками Киевского губернского жандармского управления раскрыта агентурная сеть австрийской разведки, нелегальные центры которой находились в Варшаве, Киеве, Одессе, Радоме и Брест-Литовске. Эта сеть состояла преимущественно из поляков, которые приносили присягу на верность императору Австрии как «королю всех славян». В числе руководителей подпольной сети находились поручик С. И. Квятковский и присяжный поверенный С. И. Доморацкий. Всего по делу о шпионаже выявлено около 5000 человек, в той или иной мере сотрудничавших с иностранными разведками.

Однако разведка являлась не единственной целью этой организации, часть агентов использовалась в качестве диверсантов. Последние проживали в населенных пунктах вдоль Юго-Западной железной дороги и должны были привлекаться для «порчи» мостов и дорог, поджогов запасов продовольствия и фуража, «опрокидывания» воинских поездов в случае войны с Австрией и Германией. В последней четверти XIX в. офицеры Отдельного корпуса жандармов стали участвовать в сборе информации военного характера. В первую очередь этим занимались жандармские управления, расположенные в приграничной полосе, в том числе железнодорожные.

15 октября 1893 г. Пограничную стражу вывели из состава Таможенного управления Министерства финансов и реорганизовали в Отдельный корпус пограничной стражи (ОКПС). Первым командиром корпуса стал генерал А. Д. Свиньин[502]. На пограничников Отдельного корпуса возлагались следующие задачи: «1) не допускать водворения контрабанды и перехода людей через границу не в указанных местах; 2) всех людей, незаконно перешедших границу, со всем, что при них окажется, задерживать и препровождать в таможенное управление; 3) охранять черту государственной границы и не допускать, чтобы в 875-саженной полосе от границы возводились, без разрешения начальства, новые постройки; 4) задерживать всех бродящих при

границе дезертиров, бродяг, беспаспортных и порубщиков казенного леса и не допускать на границе сборищ подозрительных лиц»[503].

Задачи охраны границы потребовали организации разведки в приграничной полосе сопредельных стран. Это было возложено на командиров пограничных бригад.

К концу правления Александра III координация разведывательной и контрразведывательной деятельности между МИД, Военным и Морским министерствами, Отдельным корпусом жандармов, Отдельным корпусом пограничной стражи и Департаментом полиции только намечалась. Император скончался в октябре 1894 г. Эпоха царя Миротворца закончилась, наступила эпоха царя Мученика.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УСТРОЙСТВЕ СЕКРЕТНОЙ ПОЛИЦИИ В ИМПЕРИИ

1) Высший надзор за розыскной деятельностью по делам о государственных преступлениях принадлежит товарищу министра, заведывающему государственной полицией, и осуществляется через Департамент сей полиции.

2) Для ближайшего заведывания на местах сими розысками могут быть учреждаемы, по распоряжению товарища министра, заведывающего государственной полицией, особые розыскные отделения в составе жандармских управлений или в ведомстве общей полиции по образцу существующих в столицах отделений по охранению общественного порядка и спокойствия.

3) Для занятий в сих учреждениях командируются как офицеры Корпуса жандармов, так, равно, и гражданские чиновники. Последние, в видах предоставления им прав государственной службы, причисляются сверх штата или к Департаменту государственной полиции, или к тому управлению общей полиции, в составе коей отделение состоит.

4) Все изменения в действующих штатах существующих в обеих столицах розыскных учреждений производятся властью заведывающего государственной полицией.

5) Ближайшее руководство деятельностью

учреждений секретной полиции, в видах единообразного направления производимых розысков, принадлежит особому инспектору секретной полиции, назначаемому на эту должность товарищем министра, заведывающим государственной полицией, преимущественно из лиц, которые могли бы соединить с исполнением обязанностей по этой должности заведывание С.-Петербургским отделением по охранению общественного порядка и спокойствия.

6) Инспектор секретной полиции действует по особой, преподанной ему заведывающим государственной полиции инструкции, об основаниях коей поставляются в известность те правительственные установления и должностные лица, до коих она может касаться, в том порядке, в коем это признано будет удобным по соображении с интересами розыскного дела.

7) В местностях, где особые отделения по охранению общественного порядка и спокойствия не будут открыты, заведывание розысками по делам о государственных преступлениях остается на прежнем основании за чинами жандармских управлений.

8) Расходы по содержанию личного состава розыскных учреждений и по розыскам, а также канцелярские и другие издержки покрываются из средств, находящихся в распоряжении Департамента государственной полиции. Размер суммы, ассигнуемой на розыски отдельным розыскным учреждениям, определяется по представлениям инспектора Секретной полиции Департаментом государственной полиции с утверждения товарища министра, заведывающего государственной полицией[504].

ИНСТРУКЦИЯ ИНСПЕКТОРУ СЕКРЕТНОЙ ПОЛИЦИИ

§ 1. Инспектору секретной полиции в силу высочайше утвержденного Положения об устройстве сей полиции (п. 5) принадлежит ближайшее руководство деятельностью указанных в последующем параграфе учреждений оной в видах единообразного направления производимых ею розысков.

§ 2. Инспектор секретной полиции впредь до дальнейших распоряжений участвует в розыскной, по

государственным преступлениям, деятельности нижеследующих учреждений, заведывающих в настоящее время предметами ведомства секретной полиции: а) отделений по охранению общественного порядка и безопасности при управлениях с. – петербургского и московского обер-полицмейстеров и б) жандармских управлений: губернских – Московского, Харьковского, Киевского, Херсонского и городского – в Одессе.

§ 3. Начальники вышеуказанных жандармских управлений и начальник Московского отделения по охранению общественного порядка и безопасности обязаны сообщать инспектору секретной полиции, по его требованию, сведения как об организации, личном составе и стоимости состоящих в их заведывании агентур, так, равно, и о ходе розысков.

Примечание. Сообщения эти предпочтительно делаются изустно, письменными они могут быть только в случае особого заявления о том инспектора.

§ 4. В силу полномочий, предоставленных инспектору секретной полиции пунктом первым настоящей инструкции, ему предоставляется: а) вступать в непосредственное заведывание местными агентурами, б) передвигать часть их личного состава из одной местности в другую подведомственного ему района и в) участвовать в решении вопроса об отпуске на расходы по сим агентурам денежных средств.

§ 5. В случае осложнения розыскных действий инспектору секретной полиции предоставляется командировать в местности его района особо доверенных им лиц по преимуществу из числа заведующих агентурами смежных местностей. Требования служебного характера, предъявляемые этими лицами от имени инспектора, подлежат безусловному исполнению.

§ 6. Инспектор секретной полиции имеет, кроме того, право предъявлять начальникам жандармских управлений, поименованных выше, требования о том, чтобы они в течение известного времени без соглашения с ним не производили ни обысков, ни арестов, ни вообще гласных следственных действий.

Примечание. Если надобность, однако, в обыске или аресте вытекает из обстоятельств дознания, производимого при участии лиц прокурорского надзора, и сими последними будет предложено о производстве

означенных действий, начальник жандармского управления обязан изустно ознакомить прокурора палаты с сими соображениями розыскного свойства, коими обусловливается надобность не производить обыска или ареста, и если соображения эти прокурором признаны будет неуважительными, произвести арест или обыск, предварительно, однако, доведя о возникшем разномыслии по телеграфу до сведения Департамента государственной полиции и по возможности выждав его ответа.[505]

Глава 10
Оборонная направленность спецслужб

Война есть продолжение политики иными средствами.

К. Клаузевиц

Николай II вступил на престол 21 октября 1894 г. в возрасте 26 лет. Он готовился получить генеральский чин и командование гвардейским полком, а вместо этого получил в управление Российское государство, к руководству которым был подготовлен слабо. Его отец, совершенно не допускавший разговоров о политике в семейном кругу, считал это преждевременным. В итоге Николаю II пришлось изучать науку государственного управления на практике. Отсутствие необходимых знаний и толковых помощников (советников) привело к тому, что государь и правительство не смогли адекватно реагировать на изменения, происходившие внутри страны и за рубежом, а это привело в итоге к крушению Российской империи. Проводимую Николаем II, царем Мучеником, политику лучше всего можно охарактеризовать словами Ш. М. Талейрана: «Это хуже, чем преступление, – это ошибка».

Внешнеполитическая ситуация на рубеже XIX–XX вв. характеризовалась нарастанием экономических и политических противоречий между ведущими мировыми державами, итогом которых стал ряд локальных войн, завершившихся глобальной мировой схваткой. К концу XIX в. для ведения войны с помощью регулярных армий государствам требовалась мобилизация многомиллионных людских и материальных ресурсов, воюющие страны несли колоссальные человеческие и экономические потери. Победа в войне стала все менее зависеть от исхода генерального сражения или ряда сражений.

Политические и военные деятели активно использовали методы борьбы, которые можно обозначить как специальные операции: подрыв экономики противника с помощью фальшивой валюты; массированное психическое воздействие путем пропаганды; создание агентуры влияния; поощрение и поддержка сил внутренней оппозиции; инициирование революционной ситуации; активное использование технологических новаций в военной области и в области массового уничтожения людских

ресурсов. Все большее значение приобретала стратегическая информация о военно-политических замыслах вероятного противника и союзников, о состоянии их экономики и финансов, о социально-политических процессах. Получение конфиденциальной информации противника и защита собственной информации стали не менее важными задачами, чем обеспечение боеготовности вооруженных сил.

Николай II с семьей

В ходе межгосударственных войн и внутренних конфликтов повышалась роль партизанских (диверсионно-террористических) действий, которые осуществлялись иррегулярными формированиями, опиравшимися на поддержку населения. Мобильные группы, действовавшие на коммуникациях противника, добывали разведывательную информацию, уничтожали инфраструктуру противной стороны и источники ее материально-технического снабжения. Применение регулярных армейских подразделений против партизанских формирований, особенно в условиях труднодоступной местности, как правило, было малоэффективным. Инициатива в выборе места и времени сражения позволяла небольшим подразделениям наносить поражение превосходящим силам противника. Научно-

технический прогресс в военном деле (разработка и совершенствование скорострельного и легкого оружия, новых взрывчатых и отравляющих веществ и т. п.), особенно к началу XX в., значительно повысил результативность диверсионных и террористических акций. В этих условиях именно спецслужбы и подразделения специального назначения могли активно дополнять, а в некоторых случаях заменять действия больших воинских соединений.

К концу XIX в. во многих странах действовали революционные или повстанческие организации, взявшие на вооружение тактику партизанской (террористической, военно-диверсионной) борьбы с собственным правительством, с администрацией держав-оккупантов или с войсками колониальных армий. В России также происходило усиление противостояния между различными социальными слоями общества, революционные идеи переустройства политической системы находили все большую поддержку у населения. Возникло множество революционных организаций, ставивших своей целью свержение самодержавия и взявших на вооружение силовые методы борьбы с правительством. В этих условиях российские вооруженные силы и специальные службы были вынуждены вести войну на два фронта – против угрозы внешней и внутренней, – и трудно сказать, какая из них была более опасной. Однако армия и спецслужбы – это только инструмент в руках военно-политического руководства страны. Если на основе анализа полученной информации принимаются адекватные политические решения, успех будет; но если они не соответствуют ситуации или принимаются с опозданием, а то и вовсе не принимаются – поражение неизбежно. Именно так чаще всего и происходило во времена правления Николая II.

Основными поставщиками военно-политической информации в конце XIX – начале XX в. оставались Министерство иностранных дел и служба перлюстрации. После смерти Н. К. Гирса в 1895 г. в МИД началась кадровая чехарда, столь характерная для правления последнего российского императора. К 1990 г. на посту министра побывали три человека А. Б. Лобанов-Ростовский (в 1895–1896 гг.), Н. П. Шишкин (в 1896–1897 гг.), М. Н. Муравьев (в 1897–1900 гг.).

В 1900 г. МИД возглавил В. Н. Ламздорф, пробывший на этом посту до 1906 г. Именно он был основным организатором внешней (дипломатической) разведки. Военное и Морское министерства, Минфин, МВД и Министерство императорского двора также занимались добыванием разведывательной информации в собственных интересах. Чаще всего она просто

покупалась. Нелегальных резидентур политической и военной разведок не существовало, почти полностью отсутствовала координация разведработы между послами и военными агентами.

Наиболее эффективной структурой получения разведданных являлась служба перлюстрации. В 1891–1914 гг. ее главным (общероссийским) руководителем был А. Д. Фомин[506]. Чиновники принимались на службу в «черные кабинеты» исключительно старшим цензором и только по рекомендации и под личное поручительство одного из опытных чиновников кабинета. Политически благонадежный кандидат должен был знать как минимум три иностранных языка. Кроме Петербурга перлюстрация производилась в Варшаве, Киеве, Москве, Одессе, Тифлисе и Харькове. Вот как это происходило с секретной дипломатической корреспонденцией.

«Под „дипломатической“ корреспонденцией подразумевалась переписка послов, посланников и членов иностранных миссий со своими министерствами иностранных дел за границей. Эта корреспонденция получалась в Петербурге и отправлялась за границу в особых пост-пакетах и была большею частью зашифрована с помощью кода и запечатана одной или несколькими печатями. Все эти предосторожности, однако, не спасали ее от перлюстрации, так как, во-первых, она попадала в „черный кабинет“ полностью в своем пост-пакете. Попадала она туда и тогда, когда сдавалась на почту всего за несколько минут до заделки пост-пакета перед отправлением его на вокзал. Во-вторых, потому что в секретной экспедиции имелась полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печатей как всех иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в Петербурге и министерств иностранных дел за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров. С помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку без малейшего следа вскрытия не представляло никаких затруднений. В-третьих, потому что имелись шифрованные коды всех стран, с помощью которых эта корреспонденция свободно читалась и переводилась уже не в „черном кабинете“, а в другом, однородном с ним учреждении при министерстве иностранных дел, куда попадали копии со всех получаемых посольствами и отправляемых ими зашифрованных телеграмм. В особо важных случаях туда попадали и такие ультрасекретные донесения, которые отправлялись со специальными курьерами в кожаных портфелях с замком. Для получения такого рода корреспонденции пускался в ход презренный металл, и не было случая, чтобы золото не открывало замка портфеля и не давало возможности всего на несколько

минут взглянуть глазом объектива фотографического аппарата на содержание тщательно запечатанных вложений портфеля. В этих делах все сводилось только к тому, во сколько червонцев обойдется вся эта манипуляция. Здесь кстати будет заметить, что все (или почти все) эти курьеры, фельдъегеря, служители и проч. были подкуплены. За весьма небольшую мзду, выплачиваемую им помесячно или поштучно, они приносили в указанное место не только все содержимое корзин у письменного стола своих господ, но и копировальные книги из их канцелярий, черновики, подлинники получаемых писем официальных донесений и даже целые коды и шифровые ключи. Для достижения этого им приходилось иногда брать у спящих господ ключи от их письменного стола или от несгораемого шкафа, снимать с них отпечаток из воска и заказывать дубликаты ключей или пускать ночью в канцелярию посольства таких лиц, которые могли бы выбрать то, что было нужно. Поражаться надо было доверию некоторых послов своим лакеям, которые их продавали за гроши»[507].

В ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг. китайские вооруженные силы были разгромлены. Правительство Японии потребовало от поверженного врага территориальных уступок (о. Тайвань, о-ва Пэнхуледао, Ляодунский п-ов), а также признания независимости Кореи. Однако правящие круги России, Германии и Франции, преследуя собственные интересы, оказали давление на правительство Японии, заставив последнее отказаться от аннексии полуострова. Япония вынуждена была уступить, получив за это с Китая дополнительную контрибуцию в 30 миллионов лян в дополнение к оговоренным ранее 200 миллионам. Между Россией и Китаем был подписан договор об аренде южной части Ляодунского полуострова сроком на 25 лет, эта территория вошла в состав Российской империи под названием Квантунской области. В ноябре 1898 г. русские военные корабли вошли на рейд Порт-Артура, а в марте следующего года туда прибыли подразделения сухопутной армии. В Маньчжурии началось строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

После того как российская дипломатия лишила Японию плодов ее победы над Китаем, русско-японские отношения ухудшились: японское правительство и общество жаждали реванша, поэтому встал вопрос о принятии дополнительных мер безопасности.

Устройство созданных для охраны строительства КВЖД специальных подразделений было аналогично устройству подразделений Отдельного корпуса пограничной стражи. В связи

с тем что службу новым частям предстояло нести на территории Маньчжурии, они были названы Охранной стражей. Первым ее командиром стал полковник А. А Гернгросс. Первоначально в его подчинении находились 5 конных сотен, укомплектованных исключительно добровольцами, общей численностью 750 человек.

Границу России и Китая охраняли казаки Амурского, Забайкальского и Уссурийского казачьих войск, на действительной службе в которых состояли в мирное время 3500 сабель. Охрана КВЖД и границы осуществлялась путем выставления постов; промежутки между ними контролировали конные патрули и разъезды. В случае военных действий казачьи части и подразделения Охранной стражи поступали в оперативное подчинение командования Приамурского военного округа.

В 1899 г. в Китае началось восстание против оккупационных войск, организатором которого было тайное общество «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»). Поскольку многие повстанцы владели традиционными боевыми искусствами, европейцы (по незнанию) стали называть их «боксерами», а само восстание – «боксерским». В течение всего 1899 г. происходили нападения на посты охраны КВЖД отрядов повстанцев и хунхузов (разбойников). Иногда грань между теми и другими была весьма условной: партизанские группы восставших маскировались под хунхузов, а последние нередко помогали партизанам, особенно если имели материальную выгоду. Несмотря на небольшую численность большинства постов (5–10 человек), стражники не только успешно отражали нападения противника, но и совершали рейды конными разъездами численностью до 50 человек, удаляясь от КВЖД на расстояние до 70 километров.

Тактика действий отрядов противника базировалась на внезапности нападения. Часто они маскировались под мирных китайцев, чтобы подойти вплотную и «схватить врага за пояс». В этом случае использование длинноствольного оружия, находившегося на вооружении стражников, было крайне затруднено, а китайцы получали преимущество, применяя приемы боевых искусств и холодное оружие. Но, поскольку боевая подготовка стражников была на высоте, а служба неслась в полном соответствии с уставами, потери с нашей стороны исчислялись единицами.

В конце 1899 г. российское правительство приняло решение об усилении Охранной стражи. К началу следующего года в ее составе насчитывалось 2000 штыков и 2500 сабель. А. А. Гернгросс получил чин генерал-майора и права командира

Отдельной бригады Отдельного корпуса пограничной стражи.

В начале 1900 г. отряды хунхузов стали переходить на русскую территорию и доходить до городов Никольск-Уссурийский и Владивосток. В мае восставшие и примкнувшие к ним правительственные войска блокировали в Пекине иностранные посольства, которые перешли на положение осажденных крепостей. 21 июня правительство Китая объявило состояние войны со всеми странами, чьи войска находились на территории страны. Эту войну, которую в России мало кто знает, по нашему мнению, следует считать скорее военно-полицейской операцией, проводившейся в соответствии с нормами международного права. Войскам восьми государств – Австрии, Америки, Англии, Германии, Италии, России, Франции и Японии – противостояли хорошо вооруженные, но слабо обученные китайские отряды, не имевшие единого командования. Военные действия в Маньчжурии и Печилийском районе имели характер масштабных партизанских операций и рейдов. Основную тяжесть боев со стороны российских войск первоначально приняли на себя подразделения Охранной стражи.

Отряды стражников действовали самоотверженно и тактически грамотно: они не проиграли ни одного сражения при минимальных (около 1 процента убитыми) потерях. В авангарде войск союзников шли российские флотские роты и батальоны сибирских стрелков. «Китайские походы 1900 года явились боевым крещением Амурских, Забайкальских и новоучрежденных Восточно-Сибирских стрелковых полков. Личный состав их оказался превосходным, получив закалку в долголетней многотрудной пограничной службе на этой беспокойной окраине. Служба эта выработала в наших дальневосточных войсках качества, аналогичные создавшимся в кавказских и туркестанских, – природные свойства русского воина, не стесненного чужеземными лжеучениями: способность быстро принимать решения, частный почин, боевую сноровку. И молодым сибирским полкам пришлось скоро применить эти качества в другой, гораздо более серьезной, тяжелой войне»[508]. Однако опыт Китайской кампании – в который уже раз! – не был скрупулезно изучен; внимание русской общественности, в том числе и военной, занимала война, шедшая в то время на юге Африки.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. не имела прямого отношения к России, однако оказала большое влияние на развитие военного дела в мире. Одна из самых мощных, но при этом и наиболее консервативных армий мира – британская – два с лишним года не могла подавить сопротивление Трансвааля и

Оранжевой республики, практически не имевших регулярных войск. Фермы буров (африканеров) находились в нескольких (иногда десятках) километрах одна от другой на территории, отвоеванной у местных племен. Фермеры, закаленные в трудностях потомки голландских поселенцев, а также немецких и французских колонистов, готовы были с оружием в руках защищать свою семью и свою собственность, взаимовыручка соседей также была на высоте. Тактика буров вырабатывалась в борьбе с африканскими племенами, индивидуальная стрелковая подготовка у них соответствовала уровню элитных подразделений европейских армий, а в искусстве маскировки и в проявлении инициативы буры значительно превосходили европейских солдат. Большие расстояния, которые им приходилось преодолевать, сделали из них отличных наездников.

На вооружении буров состояло до 35 000 магазинных винтовок системы «маузер» под патрон 7,92 × 57 миллиметров. На каждую винтовку было заготовлено в среднем по 2000 патронов. Кроме того, буры имели 28 скорострельных 37-миллиметровых пушек и 37 пулеметов «максим» на высоких лафетах. Тяжелая артиллерия состояла из шестнадцати 155-миллиметровых пушек Шнейдера и четырех 120-миллиметровых гаубиц Круппа. Обслуживали орудия профессиональные военные, состоявшие на службе и в мирное время. Артиллерия действовала поорудийно, поскольку буры во время войны предпочитали держаться небольшими конными отрядами. Каждое орудие занимало огневую позицию и тщательно маскировалось. На артиллерийский огонь противника буры практически не отвечали, их орудия начинали стрелять в критический момент боя. Недостатками бурской армии являлись выборность командного состава, слабая дисциплина в сводных отрядах и отсутствие опыта ведения военных действий в составе больших подразделений.

В то же время стрелковую подготовку английской пехоты можно назвать крайне слабой. Солдаты не были обучены самостоятельно находить цель в боевой обстановке, особенно на дальних дистанциях, предпочтение отдавалось залповой стрельбе. К службе в разведке, в дозорах и в боевом охранении английские солдаты в 1899 г. оказались не готовы. Кавалерия ходила в атаку сомкнутым строем, вести боевые действия в пешем порядке конники не умели. К проведению рейдов в тылу противника английские кавалеристы и вовсе были не подготовлены. Полевая артиллерия не имела на вооружении дальнобойных орудий. Однако значительный численный перевес англичан (250 000 против 20 000), а также слабая выучка командного состава буров

привели к тому, что ко второму году войны англичанам удалось оккупировать все культурные районы бурских республик. И все же живая сила бурской армии не была разгромлена, борьба продолжалась.

В ряду причин, обусловивших столь долгое сопротивление буров, одна из основных – широкое использование ими после 1900 г. методов партизанской войны. Прирожденные охотники и следопыты, ориентировавшиеся в буше как в своем собственном доме, буры широко применяли индивидуальный ружейный огонь, который оказался необычайно эффективным. Со времен англо-бурской войны стрелков, ведущих огонь из засад, стали называть снайперами (sniper). Именно снайперы вынудили английскую армию сменить красные мундиры на форму цвета хаки, а уцелевшие в дозорах курильщики ввели в солдатский обиход правило: «Никогда не прикуривай третьим». Партизанские отряды во главе с Х. Деветом, Я. Делареем и Л. Бота совершали рейды по тылам противника. Взятых в плен английских солдат отпускали, предварительно сняв мундиры. Низкий моральный дух английских войск, их плохая сторожевая служба и легкие условия бурского плена обусловливали успехи бурских партизан. Сами англичане отвечали на действия африканеров сожжением ферм и репрессиями против местного населения, что приводило в ряды партизан новых бойцов.

Вначале для борьбы с партизанами англичане выставляли гарнизоны во всех важных пунктах и осуществляли рейды мобильными отрядами. Затем не участвующих в боях буров и их семьи заключили в концентрационные лагеря по опыту войны Севера и Юга в Америке, а скот реквизировали. Англичане усовершенствовали и систематизировали концлагеря, стараясь подавить дух сопротивления в непокорных и свободолюбивых людях. По всей территории, на которой базировались партизаны, были построены линии блокгаузов (блокпостов) протяженностью до 5000 километров. Блокпосты располагались на расстоянии около 1 километра друг от друга и соединялись проволочными заграждениями; первоначально они строились вдоль железных дорог, а затем по периметру территорий с важнейшими партизанскими базами. В гарнизоне блокпоста числилось 10 солдат с пулеметом, всего было задействовано до 50 000 человек. Также англичане применяли против буров тактику загонов (дрейвов). Район активного действия партизан помимо блокпостов плотно окружали кавалерийскими частями, постепенно стягивавшими кольцо. Дрейвы представляли собой сложные операции, к участию в которых привлекались десятки тысяч солдат. Они позволяли вылавливать семьи буров, скот и

уничтожать все их запасы. Для борьбы с партизанами и охраны железных дорог впервые были применены и хорошо защищенные мешками с песком, а впоследствии бронированные поезда, на вооружении которых находились орудия и пулеметы.

Вожди буров пошли на подписание мирного договора 31 мая 1902 г. только под угрозой полного уничтожения нации. В англо-бурской войне в качестве военного корреспондента участвовал и будущий премьер-министр Великобритании У. Черчилль; он был пленен бурами и смог получить свободу лишь ценой фамильных часов, отданных в качестве платы за свободу одному сочувствующему африканеру. Через сорок лет Черчилль стал одним из наиболее последовательных сторонников активной диверсионной войны.

В Трансваальской, как ее называли тогда в России, войне на стороне буров участвовали добровольцы из многих стран Европы, в том числе и подданные Российской империи. В числе последних следует отметить будущего лидера октябристов А. И. Гучкова и будущего генерала В. И. Гурко, в дальнейшем сыгравших значительную роль в создании нелегальной военной организации «Военная ложа».

В конце XIX – начале XX в. правительства наиболее развитых европейских стран были озабочены тем, что военные действия стали носить все более разрушительный характер, а личный состав воюющих армий получал все более тяжелые ранения. Первые попытки ограничения применяемых вооружений с целью уменьшения потерь среди военнослужащих были предприняты еще в XIX в. В 1868 г. по инициативе России в Петербурге была подписана декларация «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль». Согласно этому документу договаривающиеся стороны отказывались от применения сухопутными и морскими войсками разрывных и зажигательных снарядов весом менее 400 граммов против живой силы противника. Но в 1870-е гг. в английском арсенале Дум-Дум, близ Калькутты, началось производство пуль, головная часть которых не имела оболочки. При попадании в человека такая полуоболочечная пуля легко деформировалась (разворачивалась) и наносила тяжелые ранения. Английская армия применяла их в Индии, Судане и против бурской армии. В 1899 г. в Гааге приняли декларацию «О неупотреблении легко разворачивающихся и сплющивающихся пуль», к которым были отнесены «оболочечные пули, коих твердая оболочка не покрывает всего сердечника или имеет надрезы». Эти ограничения имели обязательную силу только в случае войны между подписавшими декларацию государствами.

Войны, а также локальные конфликты имеют самое прямое отношение к деятельности спецслужб, и не только в области разведки и контрразведки. Дело в том, что во время вооруженных конфликтов обязательно совершенствуются оружие и тактика. Личный состав воюющих сторон приобретает боевой опыт, но эти знания и умения впоследствии могут быть использованы в какой угодно области. После любой войны или вооруженного конфликта появляется некоторое число лиц, способных и готовых применить свои знания, умения и навыки в антигосударственных целях. Они могут использоваться в качестве инструкторов при подготовке антиправительственных, в том числе террористических групп и организаций. В определенной ситуации и при наличии мотивации они сами могут стать лидерами, организаторами или участниками незаконных повстанческих, революционных, сепаратистских и других организаций, а предыдущий военный опыт делает их наиболее опасными силовыми противниками правительства. Те специальные службы государства, которые не анализируют изменения в военной области и не прогнозируют возможность применения новых военных технологий против охраняемых лиц, рискуют потерять и государя и государство.

Конец XIX – начало XX в. в этом отношении представляют большой интерес. В первую очередь это связано с изобретением новых образцов стрелкового оружия и боеприпасов. Здесь следует особо отметить, что до 1914 г. в Российской империи любой подданный, не имевший конфликтов с властями, мог приобрести огнестрельное оружие без проблем – в оружейном магазине, поскольку хранение и ношение оружия преступлениями не считались. Преступным считалось неправомерное применение оружия. Некоторые ограничения существовали только для образцов, официально принятых на вооружение и являвшихся государственной собственностью. Имея средства, наши предки могли купить или выписать из-за границы любое оружие, находившееся в открытой продаже, и затем официально зарегистрировать его в полиции на свое имя.

После англо-бурской войны истинные, а не назначенные (!) военные эксперты указывали на необходимость совершенствования индивидуальной стрелковой подготовки личного состава военных и полицейских подразделений; предусматривалось также и введение в личный состав отборных стрелков (снайперов). К чести наших соотечественников следует сказать, что уже в 1899 г. в России были изданы «Правила стрельбы на большие расстояния», учитывавшие возможности нового длинноствольного стрелкового оружия и мощных

патронов. В начале XX в. для винтовок стали разрабатывать новые оптические (телескопические и призматические) прицелы. Ранее телескопические прицелы (подзорные трубы), устанавливаемые энтузиастами стрелкового дела на личных винтовках в единичных экземплярах, были длиной ненамного короче ствола. Наибольших успехов в этой области добились в Германии; оптические прицелы конструкции К. Цейса, созданные между 1900–1918 гг., стали основой для большинства последующих разработок в разных странах мира. Этими прицелами с кратностью от 2,5 до 4,5 стали оснащать винтовку Маузера «98» и ее модификации. Аналогичные работы проводились в Великобритании, США (тогда САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты) и Франции.

Параллельно в разных странах проводились конструкторские работы по созданию устройств, снижающих звук выстрела при стрельбе. Еще в 1790 г. тирольский оружейник Жирандони изготовил магазинное пневматическое ружье, принятое на вооружение одним из подразделений австрийской пограничной охраны. Это оружие, почти беззвучно стрелявшее на 100–150 шагов, использовалось австрийцами во время наполеоновских войн. Основными источниками звука в огнестрельном оружии являются баллистическая ударная волна и быстрый выход пороховых газов из ствола. Устранить первый недостаток возможно применением дозвуковых (300–340 м/сек в зависимости от температуры воздуха) боеприпасов, а второй – с помощью специальных устройств, называемых глушителями. В 1898 г. французский полковник Гумберт установил на ствол винтовки цилиндр с клапаном, отсекающим пороховые газы после выстрела. В 1907 г. Х. С. и Х. П. Максимы запатентовали в США два варианта глушителей. Знаменитый изобретатель пулемета Х. С. Максим предложил конструкцию многокамерного глушителя расширительного типа, а его сын усовершенствовал конструкцию Гумберта. Первыми достоинства этого изобретения оценили охотники, которые получили возможность многократно стрелять по движущейся дичи. Первые глушители американского и английского производства также свободно продавались в оружейных магазинах, в том числе и в России, и открыто рекламировались в газетах.

В конце XIX – начале XX в. произошел качественный скачок в развитии короткоствольного оружия, что обусловлено изобретением бездымных порохов и созданием малогабаритных патронов. Во многих странах мира сконструированы и приняты на вооружение многозарядные (их тогда часто называли автоматическими) пистолеты. В 1895 г. П. Маузер запатентовал в Германии пистолет с постоянным магазином, расположенным

перед рукояткой, под патрон 7,63 × 25 миллиметров с бутылочной гильзой и пулей «оживальной» формы. Через два года начался массовый выпуск этих пистолетов под маркой «К-96». При длине ствола 140 миллиметров и начальной скорости пули 430 м/сек пистолет имел кобуру-приклад и позволял уверенно поражать ростовую фигуру на дистанции до 250 метров. На дистанции в 100 метров пули укладывались в круг диаметром 30 сантиметров. «Маузер» имел десятизарядный магазин, автоматика работала по принципу отдачи ствола при его коротком ходе и отличалась высокой надежностью. «Маузер К-96» стал любимым стрелковым оружием путешественников, офицеров колониальных войск и повстанцев. Начиная с 1898 г. он широко применялся всеми (!) воюющими сторонами во всех (!) вооруженных конфликтах, став своеобразным «калашниковым» начала XX в. С многозарядным автоматическим пистолетом Маузера начинали свою военную карьеру многие известные впоследствии личности.

В 1900 г. в Бельгии началось производство пистолета американца Дж. Браунинга. Его конструкция оказалась настолько удачной, что к 1912 г. был выпущен 1 миллион пистолетов. При длине 164 миллиметра, высоте 122 миллиметра, массе 625 граммов он легко помещался в кармане. Патрон «браунинга» – 7,65 × 17 миллиметров, сменный коробчатый магазин на 7 патронов располагался в рукоятке.

В 1903 г. бельгийская фирма «Fabrique nationale» выпустила в продажу 9-миллиметровый пистолет Браунинга (модель «07»), по форме и размерам напоминающий ТТ. В 1906 г. Браунинг создал карманный пистолет калибра 6,35 миллиметра на 6 патронов, свободно умещавшийся даже на женской ладони. Таких «малышей» было выпущено свыше 4 миллионов экземпляров.

Автоматика всех трех моделей работала по принципу отдачи свободного затвора. Пистолеты Дж. Браунинга быстро оценили не только военные, сотрудники полиции и специальных служб, но и боевики антиправительственных подпольных организаций. Популярность пистолетов была столь высока, что, например, в России аналогичные модели оружия, произведенные различными фирмами, в обиходе первоначально называли «браунингами».

В 1898 г. немецкий оружейник Г. Люгер приступил к усовершенствованию пистолета своего соотечественника Г. Борхарда; первая промышленная партия пистолетов системы Борхарда – Люгера была выпущена в 1900 г. Запирание ствола этой модели осуществлялось в мертвой точке с помощью затвора с шарнирно складывающимися рычагами. Рукоятка пистолета имела наклон в 120 градусов по отношению к оси ствола, что

обеспечивало исключительно удобный охват рукой. Первоначально использовался патрон калибра 7,65 миллиметра с цилиндрической гильзой, с 1904 г. – патрон 9 × 19 миллиметров. Этот боеприпас оказался настолько удачным, что большинство военных пистолетов и пистолетов-пулеметов в настоящее время спроектированы под этот тип. В том же 1904 г. пистолет получил название «парабеллум» – от латинской пословицы «Si vis pasem, para bellum» («Хочешь мира, готовься к войне»; на первых партиях пистолета гравировались два последних слова). Стандартный образец имел длину ствола 100 миллиметров, но выпускались и модели с удлиненными стволами – 150 миллиметров (морская модель) и 200 миллиметров (артиллерийская модель). Специальные образцы имели стволы длиной 250, 300 и 400 миллиметров. Все пистолеты с удлиненным стволом снабжались приставным прикладом, а некоторые и накладным цевьем. Как и «маузер», это достаточно компактное по сравнению с винтовкой оружие идеально подходило для точной работы специальных диверсионных и егерских подразделений.

По сравнению с другими странами ситуация с разработкой и внедрением короткоствольного оружия в Российской империи сложилась неблагополучная. Ни армия, ни полиция, ни спецслужбы в начале XX в. не имели револьверов и пистолетов отечественного производства. В 1854 г. С. Кольт подарил Николаю I несколько экземпляров своих револьверов. К тому времени на Тульском оружейном заводе был изготовлен отечественный револьвер 36-го (9,14 мм) калибра; за основу была взята морская модель «кольта» 1851 г. Русский «кольт» имел на спусковой скобе упор для среднего пальца и приставной трубчатый приклад. После Крымской войны ограниченная партия этих револьверов поступила на вооружение гвардейских стрелковых подразделений.

В 1871 г. на вооружение армии был принят револьвер «смит-вессон» 42 (10,67 мм) калибра образца 1869 г. Из США поставлялись модели с длиной ствола 8, 7, 6, 5 и 4 дюйма. В оперативных подразделениях полиции и жандармерии использовались более компактные укороченные модели и шпилечные револьверы Лефоше.

В 1895 г. на вооружение приняли трехлинейный (7,62 мм) револьвер бельгийского оружейника Л. Нагана образца 1892 г. Особенность конструкции этого оружия – отсутствие прорыва пороховых газов между стволом и передней стенкой барабана, что достигалось за счет надвигания барабана на казенную часть ствола и вхождения дульца гильзы перед выстрелом в ствол. Барабан вмещал 7 патронов, стрельбу можно было производить

как самовзводом, так и с предварительным взведением курка. Оружие являлось абсолютно безотказным даже при самой варварской эксплуатации. Наряду с самовзводным (офицерским) образцом на вооружение был принят и несамовзводный (солдатский) образец. Высшее военное командование полагало величайшим благом, что таким образом удастся сократить неразумный расход боеприпасов «необразованными нижними чинами» и тем самым сберечь государеву казну. О жизни простых подданных вопрос не стоял.

Главный недостаток «нагана» – длительный процесс перезарядки: патроны вставлялись по одному, аналогично извлекались и стреляные гильзы. Эксперты Главного артиллерийского управления (ГАУ) считали, что скорость перезарядки не имеет существенного значения с точки зрения ведения боевых действий и что семи патронов в револьвере при самообороне во время столкновения на близких расстояниях совершенно достаточно.

На полигоне офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме (совр. г. Ломоносов) произвели следующие интересные опыты. На стрелка, подготовившегося к выстрелу, двигалась с пятидесяти шагов подвижная мишень (178 × 44,5 см); она имела скорость бегущего человека (50 шагов за 8 секунд). Стрельба велась с максимальной скоростью и прекращалась, когда мишень доходила до стрелка. В опытах участвовали револьверы Нагана и Веблей – Фосбери, пистолеты Браунинга и Борхардта – Люгера. Во время движения мишени со скоростью идущего шагом человека не удавалось перезарядить ни один из револьверов Нагана и Веблей – Фосбери, также не удавалось перезарядить пистолет Браунинга, и только при стрельбе из пистолета Борхардта – Люгера стрелок приблизительно в тридцати процентах случаев успевал перезарядить его и сделать один или два выстрела.

Однако ГАУ признало, что в принятии на вооружение пистолетов взамен револьверов нет крайней необходимости. Дискуссии о том, какое оружие нужно иметь на вооружении – пистолет или револьвер, велись до 1907 г., когда было найдено гениальное по простоте решение. Военнослужащим, сотрудникам полиции и спецслужб разрешили покупать пистолеты за собственные средства. Подобные правила применяются в некоторых государствах и в настоящее время.

Но вернемся к «нагану». Автор нескольких книг по теории и практике боевой стрельбы А. А. Потапов дал ему следующую оценку:

«Этот револьвер сразу и прочно вошел в практику всех, кто выполнял специальные задания. <…> Надежность и быстрота –

главные козыри при огневом контакте одного против нескольких. <…> „Наган“ не может отказать – отказывать там нечему. Промахнуться из „нагана“ невозможно. Перезаряжать его некогда да и не надо. Обычно доставали второй заряженный „наган“ и выцеливали „с тычка“ тех, кто прятался за укрытиями. „Наган“ доставал на 100 метров и дальше. <…> Тяжелая, „медленная“ пуля не делала рикошетов от препятствий и не давала подранков. <…> Русские офицеры, для которых качество стрельбы из личного оружия было делом чести, промахов не делали. Для решения ситуационных проблем семи патронов в барабане им хватало вполне»[509]. А если учитывать тот факт, что сотрудники полиции и спецслужб имели в своем арсенале разнообразное оружие, они могли выбирать то, которое наилучшим образом подходило для решения поставленной задачи. Однако при этом значительно расширились возможности антиправительственных партий и групп, осуществлявших террористическую деятельность против «царских сатрапов».

К началу XX в. в России возросла активность разведок Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, Японии и других государств. О разоблачении некоторых агентурных сетей мы упоминали в предыдущей главе. Однако борьба с иностранным шпионажем осложнялась тем обстоятельством, что на рубеже веков специального института военной контрразведки в России не существовало. Контрразведкой занимались сотрудники Департамента полиции, офицеры Отдельного корпуса жандармов и Отдельного корпуса пограничной стражи. Николай II своим указом запретил использование агентурной работы в войсках, видимо, полагая, что достаточно контроля со стороны военного командования. 20 января 1903 г. военный министр А. Н. Куропаткин обратился к Николаю с докладом «О создании разведочного отделения Главного штаба». Министр писал: «… обнаружение государственных преступлений военного характера до сего времени у нас являлось делом чистой случайности, результатом особой энергии отдельных личностей или стечением счастливых обстоятельств, ввиду чего является возможность предполагать, что большая часть этих преступлений остается нераскрытыми и совокупность их грозит существенной опасностью государству в случае войны»[510].

Куропаткин был противником возложения контрразведывательных функций на Департамент полиции, поскольку считал, что в этом деле определяющим фактором является компетентность исполнителей в военных вопросах. Мы полагаем, что в числе доводов, приведенных военным министром Николаю II, могли быть и опасения чрезмерного, на его взгляд,

усиления полицейских спецслужб. По мнению министра, представлялось желательным учредить особый военный орган во главе со штаб-офицером, ведающий розыском подобных преступлений. Его деятельность должна была заключаться «…в установлении негласного надзора за обыкновенными путями тайной военной разведки, имеющими исходной точкой иностранных военных агентов, конечными пунктами – лиц, состоящих на нашей государственной службе и занимающихся преступной деятельностью, и связующими звеньями между ними – иногда целый ряд агентов, посредников в передаче сведений»[511].

Для непосредственной сыскной работы Куропаткин считал возможным воспользоваться услугами частных сыщиков по вольному найму, ограничив их число до шести человек. Это смелое решение позволяло избежать многих проблем, связанных с неизбежной ведомственностью. Сотрудники отделения, принятые по найму, были материально заинтересованы в эффективности своей работы, так как в отличие от кадровых офицеров не обеспечивались гарантированным армейским содержанием, превращавшим кое-кого из офицеров в обычных «отбывателей номера» при полной личной бесполезности…

Воссоздание военной контрразведки проходило практически по тому же сценарию, что и создание Высшей воинской полиции за 90 лет до того. Образованный в июне 1903 г. орган по борьбе с иностранным шпионажем, названный в целях маскировки Разведочным отделением Главного штаба, в официальной структуре штаба отсутствовал. Возглавил военную контрразведку ротмистр Отдельного корпуса жандармов В. Н. Лавров[512]. Вместе с ним из состава Тифлисского охранного отделения в Петербург прибыли трое сотрудников: старший наблюдательный агент губернский секретарь Перешивкин и два наблюдательных агента, запасные сверхсрочные унтер-офицеры Зацаринский и Исаенко. В декабре Лавров подготовил свой первый совершенно секретный отчет «Об организации и деятельности за 1903 год». Приводим выдержки из него.

Наружная агентура: «Первые трое из перечисленных чинов прибыли в С.-Петербург во второй половине июня и в конце того же месяца вступили в исполнение своих обязанностей, причем прежде всего было приступлено к организации наружной агентуры.

Работа эта встретила весьма серьезное затруднение в том, что, приискивая агентов, в то же время необходимо было тщательно скрывать самый факт существования Разведочного отделения. Ввиду этого обстоятельства в отделение не могло

поступать заявлений лиц, желающих служить, с другой же стороны, и самому отделению нельзя было искать агентов непосредственно от себя, и ему оставалось только два способа: или подыскивать агентов исподволь, негласно, при случае, или обратиться к содействию местных охранных учреждений Департамента полиции. При первом способе можно было бы подобрать действительно вполне подходящих людей, но комплектование шло бы чрезвычайно медленно. Охранные учреждения, сами постоянно нуждающиеся в хороших людях, не могли, конечно, предоставить особого выбора, но зато обращение к ним давало возможность сразу приобрести потребное число агентов.

Дабы отделение могло скорее начать функционировать, что прежде всего было необходимо для возможно быстрого выяснения условий работы и выработки сообразно с тем дальнейшего плана организации, первый набор агентов был сделан из преданных и рекомендованных местными охранными учреждениями, причем люди по возможности не посвящались в суть дела, так как предвиделось, что часть их, по ближайшем ознакомлении, окажется несоответствующей и ее придется удалить. Дальнейшее затем комплектование велось исключительно приисканием при случае, по предварительном собрании сведений о каждом лице и его испытании.

Из числа семи человек, приобретенных от охранных учреждений, трое (Храмов, Дмитриев, Пальмирский) оказались несоответствующими и были уволены, четвертый (Петров), пожилой и болезненный, оставлен для собирания сведений лишь временно, до подыскания на его место соответствующего лица и, наконец, пятый (Буканов), оказавшийся малоразвитым, назначен агентом-посыльным, так как для этой должности требуется лишь честность, трезвость и молчаливость, каковыми качествами Буканов достаточно обладает. Остальные двое из переданных агентов (Воронов и Харитонов; недостаток последнего – несколько высокий рост) оставлены для чисто наблюдательной службы. Затем подысканы уже самим отделением еще два агента (Зайцев и Трофимов) и для собрания сведений и справок одно лицо, состоящее на государственной службе, а потому проходящее по отчетности не под своей фамилией, а под псевдонимом (Вернов)»[513].

Внутренняя агентура: «Постепенным ознакомлением с делом выяснилось, что для установления деятельности военных шпионов одного наружного наблюдения совершенно недостаточно. Если при исследовании тайных политических организаций, представляющих целые сообщества и постоянно

проявляющих себя то тем, то другим явным действием, требуется, параллельно с наружным наблюдением, прочная внутренняя организация, то в деле розыска военных шпионов, работающих порознь или мелкими группами и старающихся ничем себя не проявить, тем более является необходимой в помощь наружному наблюдению хорошая внутренняя агентура. Но агентура эта должна иметь совершенно особый характер. В деле политического розыска внутренние агенты (сотрудники) сами непосредственно входят в тайные кружки и принимают активное участие в их деятельности: ведут пропаганду, распространяют подпольные издания и прочее. Такая агентура дает всегда хорошие и безусловно верные сведения, но при розыске военного шпионства она совершенно неприменима. Не говоря уже о том, что такой агент-провокатор, желая выслужиться, всегда может сам склонить к преступлению лиц, до тех пор совсем неповинных, и таким образом будет открывать дела, им же созданные, но помимо того <…> участие агента в преступной деятельности государственных изменников так или иначе самого его делает преступником, и это обстоятельство всегда будет создавать серьезное затруднение для судебного разбирательства и класть неблаговидную тень на отделение, низводя его до уровня низших розыскных полицейских органов, к сведению коих, ввиду провокаторских приемов агентов, не всегда можно относиться с полным доверием.

Ввиду изложенного прием провокаторский оставлен в отделении лишь для исключительных случаев и то не иначе как с особого на то каждый раз разрешения высшего начальства, агентуре же дана организация „внутреннего наблюдения“, то есть внутренние агенты лишь „наблюдают“ за теми действиями и сношениями лиц, которые не могут быть замечены наружными агентами. Наружные агенты работают на улице, а внутренние на квартирах, в разных правительственных учреждениях, в гостиницах, в ресторанах и проч. В объем деятельности внутренних агентов входит также и наблюдение за корреспонденцией.

Когда отделению удастся постепенно приобрести внутренних агентов во всех тех центральных военных учреждениях, из коих могут черпаться секретные сведения, при всех подлежащих иностранных военных агентах, а равно и в тех местах, где в большинстве случаев производится передача сведений, то тогда военное шпионство охватится тесным кольцом, пройти через которое будет крайне затруднительно.

Таким образом, приискание внутренней агентуры является самой серьезной задачей отделения и в то же время самой

трудной его работой: нужно не только подыскать лицо, полезное для дела по своему общественному положению, но и выбрать вполне подходящее по своим качествам, склонить его работать и подвергнуть предварительному испытанию, причем все дело вести так, чтобы в случае несогласия его работать или признания его неподходящим ничем не обнаружить перед ним существование отделения и его деятельность. Особенно затруднительна такая работа среди военнослужащих, которые ввиду особых условий военной службы с трудом соглашаются на тайную деятельность агента и легче других могут обнаружить отделение перед своим начальством. По этой причине начальник отделения не может непосредственно сам подыскивать внутренних агентов, а должен иметь посредника, который действовал бы по его инструкциям. Для этого рода деятельности главным образом и был приглашен упомянутый выше губернский секретарь Перешивкин.

К сожалению, Перешивкин не мог быть освобожден из Тифлиса ранее октября, поэтому приискание внутренних агентов сильно замедлилось, приходилось действовать через разных случайных лиц под вымышленными предлогами или пользоваться рекомендованными охранным отделением двумя сотрудниками Мерсой и Розенбергом, которые в дела отделения не посвящались и ныне, за минованием в них надобности, удалены»[514].

В начале 1904 г. в составе Разведочного отделения числилось 22 сотрудника: начальник отделения, старший наблюдательный агент, 6 наружных наблюдательных агентов, 2 сотрудника для справок и установок, агент-посыльный, 9 внутренних агентов, 2 «почтальона». Начальник отделения имел содержание начальника отделения Главного штаба: жалованье – 1500 рублей, столовых – 1500 рублей, квартирных – 750 рублей (всего 3750 рублей в год). Делопроизводитель в обер-офицерском звании получал в год 1250 рублей, агенты-сыщики по 1200 рублей в год. На все отделение выделялось ежегодно 27 600 рублей, из них на расходы по розыскам (содержание внутренней агентуры и особые вознаграждения) составляли 15 000 рублей. Все расходы проходили по смете Главного штаба под грифом «На известное Вашему Императорскому Величеству употребление». В 1903 г. из годовой сметы предполагалось затратить половину, реально истратили меньше из-за некомплекта кадров. Несмотря на это, деятельность нового органа оказалась достаточно эффективной.

За шесть месяцев работы Лавров и его подчиненные установили около 20 российских и иностранных подданных, в той или иной мере занимавшихся военным шпионажем, и собрали улики, которые можно было представить в суде как

доказательство разведывательной деятельности против России. Лавров обратил внимание на особую активность японского военного агента (атташе) подполковника М. Акаши, а в декабре 1903 г. через свою внутреннюю агентуру получил данные о том, что японская миссия всем составом готовится срочно покинуть Петербург. Руководство Главного штаба[515] доложило об этом Николаю II, но результаты деятельности контрразведки по японской миссии не были должным образом оценены. Подобным образом отнеслись и к донесениям военной разведки. В итоге начало войны на Дальнем Востоке для руководства страны стало «неожиданным» и «внезапным».

В ряду ошибок, допущенных военно-политическим руководством Российской империи, следует особо отметить недооценку социально-политических, военных и экономических возможностей Страны восходящего солнца. А ведь уже с 1903 г., после назначения военными агентами в Токио и Сеуле В. К. Самойлова и Л. Р. фон Раабена, работа российской военной разведки в области получения информации стратегического характера заметно улучшилась. В донесениях указывалось, что политические, экономические и военные структуры Японии заняты подготовкой к войне против России, эта информация получала подтверждение из различных источников. Особенно тревожной она стала к декабрю 1903 г., за два месяца до начала войны. Однако информация разведки в очередной раз не была должным образом реализована при принятии военно-политических решений, которые оказались неадекватными нарастанию внешней угрозы.

Меры, предпринимавшиеся российским правительством накануне русско-японской войны, были несвоевременными, половинчатыми и противоречивыми. Эта противоречивость отчасти объясняется диаметрально противоположными сообщениями военных агентов, с одной стороны, и российских дипломатов в Токио и Сеуле – с другой. Можно предположить, что высшее политическое руководство Российской империи сознательно пренебрегло данными военной разведки и контрразведки и допустило «внезапное» и «неожиданное» нападение противника на корабли российского флота. Вероятно, оно полагало, что сумеет представить Японию в качестве агрессора и заручиться поддержкой иностранных государств. Высшее военное командование убедило императора, что одержит скорую победу над противником на суше и на море.

На оперативном уровне также был допущен ряд организационных и служебных просчетов, позволивших японскому флоту нанести серьезный урон кораблям

Тихоокеанской эскадры. Излишняя уверенность в своих силах, пренебрежение информацией, межведомственные противоречия, нежелание или боязнь самостоятельно принимать решения стали основными причинами поражения российских войск и флота на начальном этапе боевых действий. В Военном министерстве взаимоотношения между различными подразделениями, осуществлявшими сбор информации о противнике после начала боевых действий, были далеки от гармонии. Пример тому – взаимная неприязнь между назначенным координатором дальней разведки генерал-майором Генерального штаба В. А. Косаговским и генерал-квартирмейстером Маньчжурской армии генерал-майором В. И. Харкевичем. Результатом выяснения отношений стало то, что практически все органы российской разведки на Дальнем Востоке – в Маньчжурской армии, Приамурском военном округе, Тихоокеанской эскадре, Заамурском округе пограничной стражи и гарнизоне Порт-Артура – работали разобщенно.

Даже с началом войны специальных органов контрразведки в действующей армии создано не было. Организация контрразведывательного обеспечения российских войск возлагалась на состоявшего при армии подполковника Отдельного корпуса жандармов Шершова. Однако специальные жандармские полуэскадроны для несения военно-полицейской службы стали прибывать на театр военных действий только к концу 1904 г.; к исходу войны их было всего четыре. В этих условиях разведывательным отделениям управлений генерал-квартирмейстеров штабов 1-й, 2-й и 3-й армий приходилось выполнять несвойственные им функции, что отвлекало сотрудников от исполнения основных служебных обязанностей.

Контрразведывательные и полицейские задачи выполняло и разведывательное отделение Заамурского округа пограничной стражи. Основной проблемой контрразведчиков являлось отсутствие опытных офицеров-розыскников и сыскных агентов, что делало борьбу с японским шпионажем проблематичной.

Еще одной ошибкой военного руководства России явилось то, что тактическая разведка, ведущаяся при помощи разведчиков-ходоков, охотничьих команд и кавалерийских разъездов, считалась более эффективной, чем агентурная. «У нас было много кавалерии и мало шпионов, и мы были все время плохо осведомлены. Наш противник имел мало кавалерии и много секретных агентов и знал все своевременно»[516].

«Особенно неопытны и неумелы были не младшие начальники-исполнители, а высшие, руководившие разведкой. Крайне робкое в серьезных действиях, наше управление в организации разведки отличалось и большей смелостью, и

непрактичностью. Разведочные команды получали странные задачи. Обследованием фронта противника не довольствовались; стремились войсковыми частями обследовать тыл противника, расположение его главных сил, открыть планы и намерения врага. Как сквозь сито, гнали через неприятельские аванпосты наши охотничьи команды. Из полков выбирались лучшие нижние чины, лучшие офицеры; им давались самые туманные инструкции; собранные команды угонялись за 100 верст на гибель, тем более верную, чем отважнее были офицеры. Сотни пропавших без вести оплачивали совершенно нестоящие сведения, принесенные одним удачником»[517].

Ценой невероятных потерь армейской тактической разведке удавалось получать отдельные сведения о японских войсках на глубину до 30 километров, однако компенсировать неудачи агентурной разведки в тылу японских войск она не могла. В «Отчете о деятельности разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем за 4 марта – 31 августа 1905 г.» указывалось: «…почти все старые разведчики разбежались, а новых нельзя было подыскать, так как китайцы, даже за крупное вознаграждение, не решались поступать на нашу службу тайными агентами из-за боязни японцев, беспощадно и жестоко расправлявшихся со всеми туземцами, подозреваемыми в каких-либо сношениях с русскими»[518]. Надежды на получение информации от пленных развеялись также быстро, поскольку чаще всего в плен попадали солдаты и офицеры отступающей армии, а языковая подготовка российских спецслужб и войск оставляла желать лучшего: на всю действующую армию насчитывалось 11 переводчиков с японского, но ведь еще требовались знатоки китайского, корейского и монгольского языков.

Русское военное командование ни перед войной, ни в ходе ее ведения не озаботилось подготовкой партизанской войны на занятых противником территориях. Войска располагались в районе возможных военных действий несколько лет и неплохо освоились на местности; из личного состава пограничных, казачьих и ряда стрелковых частей можно было подготовить руководящее ядро партизанских отрядов; значительная часть местного населения при должной предварительной пропагандистской работе и боевой подготовке могла бы стать источником практически неограниченного резерва За три года создать широкую агентурную сеть, заложить для будущих партизан склады с оружием и продовольствием, подготовить в труднодоступных районах партизанские базы было вполне выполнимой задачей. Даже в ходе войны находившиеся в составе

действующей армии шесть пластунских батальонов (7–12-й) не были использованы в качестве разведывательно-диверсионных подразделений.

В операциях местного значения наиболее успешно действовали небольшие подразделения Отдельного корпуса пограничной стражи. Они обеспечивали противодиверсионные мероприятия в тылу русской армии и проводили небольшие рейдовые операции против хунхузов. Однако все эти операции носили исключительно тактический характер. Единственная попытка кавалерийского рейда на Инкоу в конце 1904 г. закончилась в результате многочисленных ошибок командования неудачей. Единственным соединением, выполнявшим стратегические задачи по действиям на коммуникациях японцев, был Владивостокский отряд крейсеров – своеобразные морские диверсанты. Потопление крейсерами транспорта с 280-миллиметровыми осадными орудиями в июле 1904 г. заставило японцев отложить штурм Порт-Артура на целый месяц Командование отряда впервые в мировой практике использовало радиоразведку для обнаружения кораблей японского флота.

8 мая 1904 г. в структуре Особого отдела Департамента полиции создается собственное совершенно секретное контрразведывательное подразделение – Отделение дипломатической агентуры. Его задачей стала организация наблюдения за дипломатическими представителями некоторых держав, сочувствовавших Японии. Секретность была настолько высокой, что Военное министерство не было проинформировано об этой работе коллег, а в самом Департаменте полиции о существовании отделения знало только несколько человек из числа высшего руководства. Соображениями секретности объяснялся и выбор начальника отделения – ротмистра Отдельного корпуса жандармов М С. Комиссарова[519]. Кадровый военный, в начале 1904 г. переведенный в Петербургское губернское жандармское управление из армии, Комиссаров не был известен в столице как офицер спецслужб. В течение двух лет он работал на нелегальном положении в собственной стране, проживая на частной квартире под видом иностранца. Деятельность контрразведки Особого отдела ДП оказалась эффективной: за два года в руках русского правительства оказались шифры 12 государств. Такую результативность можно объяснить грамотной организацией работы, хорошим подбором немногочисленного состава и аккуратно налаженной агентурной сетью. Деятельность подразделения – показательный пример организации оперативно-агентурной работы российских спецслужб, не перегруженных некомпетентностью руководства и

заорганизованностью наспех подобранного и плохо обученного личного состава.

В июне 1904 г. директору Департамента полиции А. А. Лопухину[520] поставили задачу обеспечить безопасность плавания Второй тихоокеанской эскадры в Балтийском и Северном морях. Руководителем операции был назначен шеф берлинской агентуры (резидентуры) А. М. Гартинг[521]. При содействии местных властей он организовал систему охранных наблюдательных пунктов на побережье Германии, Дании, Норвегии и Швеции. Гартинг писал: «Почти все заведывавшие пунктами живут на побережье и тесно связаны со всем происходящим в водах их района. Охрана производилась ими не только в местах их проживания, но и на всем пространстве между этими пунктами. Такой тщательный контроль имел результатом, что ни одно появление японцев во вверенном каждому из них районах не проходило незамеченным, и я немедленно мог принимать своевременно необходимые меры»[522]. Гартинг арендовал несколько небольших судов, постоянно патрулировавших в территориальных водах Дании, Норвегии, Швеции. Примечательно, что он не только успешно выполнил задание, но и сэкономил 25 000 руб. из полученных 150 000, при этом наняв девять судов вместо трех и около ста человек вместо тридцати, которые к тому же работали на полтора месяца дольше запланированного. В представленном в ноябре 1904 г. в Департамент полиции отчете Гартинг писал: «Подобного результата можно было достигнуть <…> только при соблюдении самой строгой экономии в расходах и благодаря только счастливому подбору людей, из которых все без исключения добросовестно выполнили возложенную на них миссию»[523].

Организация сбора информации в Европе о намерениях Японии и ее тайных союзников (разведка и внешняя контрразведка) была поручена чиновнику Департамента полиции И. Ф. Манасевичу-Мануйлову[524]. Многие исследователи считают, что ухудшение позиций Разведочного отделения Генерального штаба связано в основном с интригами ряда высших чиновников МВД. Они имели место, но существовала и серьезная угроза внутренней безопасности империи. В 1904–1905 гг. специальные службы Японии стремились максимально ослабить Россию изнутри с помощью политических противников правительства. Информация об этих действиях была получена через агентуру Департамента полиции в революционных организациях. По нашему мнению, вторжение политической полиции в сферу деятельности военной контрразведки в условиях войны обусловлено не только слабостью последней, но и

необходимостью противодействовать революционерам.

Несмотря на отдельные успехи, российские спецслужбы и специальные подразделения на протяжении войны 1904–1905 гг. работали в самых неблагоприятных условиях, особенно на театре военных действий. В «Отчете деятельности разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера при главнокомандующем» это объяснялось следующими обстоятельствами: «1) отсутствие подготовки этого важного дела еще в мирное время; 2) незнание местного и неприятельского языков нашими войсками; 3) почти что полное отсутствие мер по затруднению разведки противника; 4) ведение войны в стране, население которой склонялось скорее на сторону противника; 5) отступательный образ действий, которого мы держались в течение всей войны»[525]. Основная вина лежит на высшем военно-политическом руководстве Российской империи.

Японские военно-политическое руководство и – что не менее важно – общество в соответствии с национальными традициями относились к своим секретным службам и организации их специальной деятельности более внимательно, чем русские. «Японцы были противником высоко доблестным. Традиции, воспитание, весь уклад жизни их народа были направлены к развитию пламенной любви к родине, готовности не задумываясь отдать жизнь для ее величия. Высокий уровень народного образования делал патриотизм осмысленным, а военное обучение легким. Система воинского воспитания была направлена к закаливанию воли, развитию энергии, культивированию широкой инициативы. Тут сказалось прусско-германское влияние.

Подобно России за два столетия до того, Япония заимствовала западную цивилизацию. Однако Мутсухито[526] не повторил роковой ошибки Петра I. Он бережно отнесся к духовному лику своего народа, его самобытности, его древним обычаям и не насиловал его души слепым и варварским поклонением всему иностранному. Взяв от Европы цивилизацию, японцы сохранили свою культуру»[527]. Именно национальные традиции, в том числе многовековые традиции ведения тайной войны стали основой, на которой происходило становление и развитие японских секретных служб.

Историк-японист А. М. Горбылев пишет: «Люди охотились и воевали во всем мире, но именно в Японии искусство шпионажа и военной разведки в период Средневековья достигло наивысшего развития. <…> Думается, свою роль здесь сыграла целая совокупность разнообразных факторов: географических, исторических, психологических. Говоря о географических факторах, нужно в первую очередь отметить близость великой

цивилизации Китая. Почти каждый скачок в культурном развитии Японии был связан с усилением китайского влияния. Сказалось это влияние и в искусстве шпионажа. <…> Сложный горный рельеф, обилие речушек и зарослей способствовали развитию методов „малой войны“ – неожиданных нападений, засад, диверсий, предопределили исключительную важность личного мастерства воина, возникновение малочисленных, но чрезвычайно боеспособных отрядов, способных эффективно действовать в самых сложных условиях.

К историческим факторам следует отнести конечно же существование в Японии особого военного сословия – самураев и сильную раздробленность страны в период Средневековья. Господство самурайского сословия способствовало росту престижа военного дела и стимулировало развитие военного искусства во всех его формах. Раздробленность вела к постоянным конфликтам, войнам, которые опять-таки подстегивали изучение военного дела. К тому же начиная с первой половины XIII века в Японии начала складываться особая социальная прослойка наемников, жившая за счет войны. Именно из нее со временем и выделились нинкэ – семьи, сделавшие своим бизнесом шпионаж»[528].

В национальном характере японцев следует отметить две черты: бережное отношение к наследию предков и способность к активному усвоению достижений других народов при адаптации их к местным условиям. В VII в. в Японию попадает «Трактат о военном искусстве» великого китайского стратега Сунь-цзы. В нем автор особое внимание уделял вопросам военной хитрости: «Война – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь. Если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься. Хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко. Хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко. Заманивай его выгодой, приведи его в расстройство и бери его. Если у него всего полно, будь наготове. Если он силен, уклоняйся от него, вызвав в нем гнев. Приведи его в состояние расстройства. Приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение. Если его силы свежи, утоми его. Если его силы дружны – разъедини. Нападай на него, когда он не готов. Выступай, когда он не ожидает»[529]. Наставления великого стратега в области тайной войны не потеряли значения и в настоящее время.

Искусство японских разведчиков – синоби, которых в XX в. стали называть ниндзя, – интенсивно развивалось и совершенствовалось вплоть до XVII в. Синоби были разносторонними специалистами: лазутчиками, диверсантами,

охранниками, советниками военачальников. Многовековая система «японской пятидворки», построенная еще при первых сёгунах, настолько проникла во все слои японского общества, что появление незнакомца в средневековой Японии в кратчайшие сроки становилось известным местному дайме (князю) или соответствующему чиновнику центрального правительства. Суть системы заключалась в том, что любое территориальное образование разделялось на «пятерки», которые обязаны были быстро переправить информацию старшему; «пятерка» старших передавала информацию своему куратору и т. д. От того, кто и как быстро принесет ценную информацию, зависело применение системы «маленьких пряников» или «очень большой дубины». Продвинуться по службе, получить под начало подразделение, вовремя поменять политическую позицию и многое другое, связанное с получением благ или просто с сохранением жизни, зависело от скорости и точности доставки информации.

Упаси вас Бог подумать о предательстве в среде высокородных самураев: для многих из них такого понятия не существовало в принципе, они просто меняли позицию и оказывались в стане победителей. Кодекс чести оставался уделом менее знатных представителей самурайского сословия, обязанных совершать традиционное сеппуку в случае поражения или казни своего господина. Лишь немногие представители военного сословия могли стать ронинами – свободными воинами без хозяина. Даже самые сильные фигуры японского общества жили в ожидании удара в спину, который мог настигнуть их с любой стороны. Для укрепления своего положения и предупреждения возможных потрясений они пользовались огромным количеством шпионов из разных слоев общества.

Во времена правления сегунов Токугава (1603–1867 гг.) искусство синоби, не находя применения в войнах, пришло в упадок, однако созданный в то время разветвленный полицейский аппарат взял на вооружение многие их методы.

После буржуазной революции Мэйдзи исин (1867–1868 гг.) на основе древнего искусства нин-дзюцу («быть невидимым») и европейских разработок в области разведки в Японии возникла система секретных служб, просуществовавшая до 1945 г. От прусских офицеров, помогавших создавать регулярную армию, японцы получили информацию о разработанной В. Штибером системе тотального шпионажа и направили к нему делегацию. Штибер ознакомил гостей со своими разработками во всех деталях. Ученики оказались достойными учителя, немецкая система подошла японскому менталитету с точностью патрона, досланного в патронник. Именно тотальность была

отличительной чертой японской разведки, начавшей активную работу против России в конце XIX в.

Разведывательной работой против Российской империи занимались несколько ведомств: информационная служба МИД, особое отделение Генерального штаба японской армии, отдел разведки Военно-морского министерства. В сборе военно-политической информации участвовали негосударственные тайные общества, выступавшие с позиций геополитической экспансии. Наиболее известные из них – Общество Черного океана («Генъёся»), Восточно-азиатское общество единой культуры, Общество Черного дракона («Кокурюкай») – тесно сотрудничали с государственными спецслужбами и участвовали в проведении единой внешней политики. Для подготовки разведчиков и диверсантов были открыты специальные курсы и школы в рамках существовавших учебных заведений и скрытые «под крышей» разных организаций. Одним из важнейших направлений обучения была языковая подготовка: подавляющее большинство офицерского состава и многие младшие чины, не говоря уже об агентуре, в достаточной мере владели русским языком, что позволяло им быстро ориентироваться в русскоязычной среде.

Военно-политическое руководство Японии следовало заветам Сунь-цзы и не жалело средств на организацию разведывательной работы против России, потратив на нее 12 миллионов рублей золотом. (На организацию всей разведывательной работы в Российской империи по 6-й смете отпускалось около 57 000 рублей в год; такая же сумма выделялась Кавказскому военному округу на разведку против Турции.) Можно ли после этого сравнивать возможности двух государств в выведывании секретов друг друга! Общеизвестная в определенных кругах истина – денег, патронов и информации никогда не бывает много – напрямую определяет возможности в области специальных видов деятельности. Невежественность руководства и самоотверженность оперативного состава – вещи не взаимозаменяемые. Патриотическая жертвенность при отсутствии должных уважения и финансирования оперативной работы оборачиваются огромными людскими, военными и политическими потерями.

Не менее серьезное внимание японская сторона уделяла вопросам контроля над средствами массовой информации. В июле 1905 г. газета «Джапан таймс» писала: «С первых же дней войны японская печать получила беспрекословное приказание правительства: хранить в тайне все, что касается организации, мобилизации и передвижения морских и сухопутных сил их

родины. Правительство предостерегало прессу от разглашения военных тайн, подчеркивая, насколько печать может вредить военным операциям, ссылаясь на примеры последней японо-китайской войны. Оно взывало к патриотизму печати не оглашать никаких сведений, которые, как бы они ни были интересны для публики, могли даже одними намеками принести пользу противнику, давая ему указания о намерениях или предполагаемых движениях японцев. Насколько честно японская печать отозвалась на призыв правительства, красноречиво доказано той непроницаемой тайной, которою были окутаны все движения кораблей адмирала Того и армии маршала Ойяма»[530]. Мероприятия по предотвращению утечки информации через открытые источники (в сочетании с жестким контрразведывательным режимом на подконтрольных территориях) оказались эффективными. Немалую роль в этом сыграли патриотические чувства подавляющего большинства японского народа.

Что касается силового аспекта специальных операций, то здесь древнее искусство синоби также могло послужить хорошей основой для организации диверсионных акций в тылу российской армии. Однако к организации партизанской войны на коммуникациях русских японское командование, как и русское, так и не приступило, вероятно, считая, что в условиях постоянных побед в этом нет необходимости. Отдельные операции разведывательно-диверсионного характера имели большой успех. Например, в результате активных действий японского отряда численностью около 150 сабель в районе к северу от Телина в феврале 1905 г. дезориентированное русское командование накануне сражения под Мукденом перебросило на второстепенные участки группировку численностью около 30 000 штыков. Основные усилия специальных служб Страны восходящего солнца были направлены на организацию стратегической и тактической разведки в интересах вооруженных сил, на приобретение союзников, завоевание симпатий нейтральной прессы и контрразведывательные мероприятия. Их действия по приобретению агентуры влияния и проведению активных мероприятий в 1900–1905 гг. стали одним из эффективных инструментов, обеспечивших Японии выгодные условия Портсмутского мира.

Англо-бурская и русско-японская войны послужили основой принятия в 1907 г. в Гааге Конвенции и Положения «О законах и обычаях сухопутной войны». В соответствии со статьей 1-й Положения, нормы международного права в военное время должны были применяться к армии, ополчению и

добровольческим отрядам, если «…они удовлетворяют следующим условиям: 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны»[531]. Деятельность сотрудников и агентов специальных служб была ограничена введением прямого запрета «а) употреблять яд или отравленное оружие; б) предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля; <…> е) незаконно пользоваться парламентерским или национальным флагом, военными знаками и форменной одеждой неприятеля…»[532].

В Положении дано определение лазутчика (тайного агента) – «…лицо, которое, действуя тайным образом или под ложными предлогами, собирает или старается собрать сведения в районе действий одного из воюющих с намерением сообщить таковые противной стороне»[533]. Лица, ведущие разведку в тылу неприятеля в собственной военной форме, лазутчиками не считались. Положение гласило: «Лазутчик, пойманный на месте, не может быть наказан без предварительного суда»[534]. Однако это могло спасти разведчика от расправы именно на месте, поскольку в большинстве стран за шпионаж в военное время полагалась смертная казнь. Подобная участь ожидала и диверсантов, поскольку диверсионная деятельность противоречила военным законам и в силу традиции почиталась кадровыми офицерами ремеслом презираемым.

В конце 1905 г. капитан Генерального штаба Никольский в докладной записке «Краткий очерк положения нашей негласной агентуры в настоящее время и желательные общие условия ее правильной организации» писал: «Наша негласная разведка военных сил и средств иностранных государств, не имея никакой определенной программы, представляется совершенно случайной, и мы всегда получаем не то, что надо, а то, что доставляет слепой случай. <…> Пример почти полной неосведомленности о состоянии вооруженных сил Японии показывает, насколько мало в действительности мы знаем о соседях»[535]. Основные выводы Никольского заключались в следующем: необходимо иметь единую программу по разведке; все работы в этой области проводить исключительно конспиративно; разведывательная работа должна быть непрерывной; программа разведки должна хорошо финансироваться; руководство разведкой следует централизовать, во главе ее поставить людей, имеющих длительный практический опыт деятельности. Подобной точки зрения придерживались и руководители военной разведки М. А.

Адабаш[536] и Н. А. Монкевиц[537].

Однако недостатки в организационной стороне разведывательной работы к началу Первой мировой войны полностью устранены не были. По нашему мнению, одной из важнейших организационных ошибок военно-политического руководства и лично императора было введение выслуги на командных должностях в строевых подразделениях. Это правило, обязательное для всех офицеров и генералов гвардии, армии и флота, приводило к неоправданному переводу опытных офицеров разведки (контрразведки) на командные должности для дальнейшего продвижения по службе и замене их другими офицерами, тратившими много времени на вхождение в курс дела.

Что касается финансирования разведки, то на ее нужды в 1914 г. выделено чуть более 1,3 миллиона рублей, что составляло немногим более двух третей от необходимого по представленным (и далеко не самым полным) расчетам. Доля расходов Военного министерства на разведку и контрразведку в совокупности с 1910 по 1914 г. не превышала 0,2 процента от годового военного бюджета. Непонятным является и тот факт, что в списке дисциплин Академии Генерального штаба не было специального курса по разведке; тема «разведывательная служба» изучалась в рамках раздела «Ведение военных действий (операций)». Как писал в мемуарах А. А. Игнатьев: «В Академии нас с тайной разведкой не знакомили – это просто не входило в программу преподавания и даже считалось делом „грязным“, которым должны заниматься сыщики, переодетые жандармы и другие темные личности»[538]. Неверное представление о характере и содержании службы, отсутствие правильно сформированного общественного мнения, должной поддержки руководства и соответствующего материального обеспечения ослабляли боеспособность национальной армии: она действительно считала разведку «грязным» делом и платила за высокомерие жизнями тысяч офицеров и сотен тысяч солдат.

В конце 1912 г. утверждены регламентировавшие работу военных разведывательных органов «Инструкция военным агентам и лицам, их замещающим» и «Основные положения для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов». Инструкция гласила: «Главная обязанность военного агента заключается: а) во всестороннем изучении военного устройства и военного могущества тех государств, которые поручены их наблюдению; б) в сборе и обработке возможно полных, точных и современных сведений о боевых силах и средствах иностранных государств, согласно особо

установленных программ. <…> Военные агенты обязаны заботиться о том, чтобы им были известны все военно-технические изобретения и усовершенствования в области военной техники в той стране, где они состоят агентами»[539].

Однако сбор разведывательных сведений военными агентами и их помощниками с помощью агентуры был сопряжен с определенными трудностями вследствие пристального внимания со стороны полиции и контрразведки страны пребывания. Реально мыслящие офицеры предлагали возложить организацию и ведение агентурной разведки на офицера Генерального штаба, проживающего нелегально и имеющего в качестве прикрытия частное занятие. Подобная стратегическая концепция организации военной разведки со всеми ее преимуществами была реализована в полном объеме только после 1917 г.

В «Основных положениях для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов» указывались следующие задачи по сбору информации о вероятном противнике. Русское военное командование интересовали господствующие военные доктрины противника, боевая подготовка войск, военная подготовка населения; устройство, численность, дислокация и мобилизация вооруженных сил, сроки и форма стратегического развертывания; военно-технические мероприятия по развитию вооруженных сил, состояние военной техники, материальное снабжение войск; духовное состояние армии, сильные и слабые стороны солдат и офицеров, военно-политическая подготовка; финансово-экономическое положение страны.

Подготовка военных разведчиков (контрразведчиков) включала и изучение основ оперативно-боевой деятельности в условиях военного времени. После 1905 г. в составе Военного министерства и Отдельного корпуса жандармов созданы особые офицерские группы со специальной рукопашной и стрелковой подготовкой. Ряд офицеров и чиновников соответствующих ведомств проходили интенсивное обучение под руководством недавних противников – японских наставников; они изучали изощренную технику борьбы и тактику ведения индивидуального и группового поединка, особенно в толпе, в стесненных условиях, в условиях, когда применение огнестрельного оружия нецелесообразно или совершенно исключено. Постепенно в структурах Генерального штаба, Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов были подготовлены специалисты достаточно высокого уровня. Одним из первых в России к обучению специальным приемам единоборств, а также к систематизации боевых искусств (в приложении к специальным видам деятельности) приступил В. С. Ощепков.

В 1913 г. он получил «черный пояс» 1-го дана в японском институте Кодокан-дзюдо, в 1917 г. – 2-й дан и удостоился личной похвалы и аттестационного признания основателя дзюдо, признанного мастера и наставника Дзигаро Кано. С 1914 г. Василий Сергеевич работал в органах военной контрразведки на Дальнем Востоке и параллельно совершенствовал методику преподавания боевого искусства дзюдо и джиу-джитсу, получившего впоследствии уже в СССР название «борьба вольного стиля», а затем – самбо. Работа этого великого подвижника, наставника и профессионала-офицера продолжалась до трагических событий конца 1930-х гг.

Морское министерство Российской империи осуществляло разведку в интересах военно-морского флота; за организацию разведки отвечал созданный в 1906 г. Морской Генеральный штаб. Разведывательная работа осуществлялась силами военно-морских агентов и морских офицеров, командированных за границу. Утвержденная в 1908 г. «Инструкция военно-морским агентам» определяла круг вопросов, представлявших наибольший интерес для морского ведомства: численность и организация судового состава; вероятные сроки мобилизации судов; нравственные качества личного состава и его начальников; степень искусности высшего командования; разработка планов войны; система обучения кадров; состояние материальной части. Главная работа агента должна была заключаться в том, чтобы дать штабу сведения для определения сильных и слабых сторон неприятеля и «вероятных его планов войны».

В инструкции конкретно определялись способы сбора информации, меры конспирации и методы взаимодействия между морскими и военными агентами:

«7. При сообщении сведений следует указывать степень их достоверности и по возможности источник их получения.

8. Всегда следует иметь в виду, что многие важные и обстоятельные сведения скорее всего агенты могут получить при помощи собственных наблюдений, пользуясь благоприятными обстоятельствами, и очень редко можно достигнуть тех же результатов официальными сношениями и разъяснениями, так как в этом случае обыкновенно преувеличивают достоинство известных предметов, не упоминают о недостатках и не касаются секретных данных.

9. Многие сведения легко получаются при помощи различных толков в обществе и разговоров с невысокопоставленными офицерами в частных беседах. Мнения авторитетных лиц могут представить данные для освещения того или другого вопроса.

10. При собирании всех секретных сведений агент должен

поступать с крайней осторожностью, избегая всего того, что могло бы возбудить малейшее подозрение местного правительства.

11. При сношениях со своим товарищем, военным агентом, состоящим при том же посольстве или миссии, военно-морской агент должен иметь в виду необходимость самой тесной с ним связи, порождаемой общностью целей их работы. Совершенно необходимыми здесь являются дружеские отношения, полное согласие и взаимная помощь при освещении друг другу соответственно морской и сухопутной обстановки.

12. Все офицеры Морского ведомства, командируемые за границу, сообщают агенту о цели командировки и получают от агента указания о наилучших способах достижения этой цели, а также о сведениях, которые при этом можно получить попутно. <…>

13. Военно-морской агент должен доставлять в Морской Генеральный штаб брошюры, журнальные и газетные статьи военно-морского и военно-политического содержания, появление которых производит в обществе заметное впечатление. <…>

14. Опыт убеждает, что во многих случаях собирание секретных и важных сведений легче достигается вдали от того государства, до которого они относятся, и через агентов других держав. Поэтому деятельность военно-морских агентов должна быть солидарна в служении общему делу»[540].

Как видим, инструкция ориентирует морских агентов в том плане, что все они являются частью единого коллектива, и воспитывает их в духе товарищества и взаимовыручки. В этой связи заметим, что в России конца XX – начала XXI в. корпоративное братство сотрудников спецслужб и спецподразделений существует в лучшем случае в рамках одного ведомства. Как правило, улучшение взаимодействия на оперативном уровне начинается только в том случае, когда происходит какая-либо беда, сплачивающая людей независимо от воли начальства и служебной принадлежности.

К началу Первой мировой войны вопросы координации деятельности силовых ведомств Российской империи в области разведки и контрразведки решались достаточно профессионально. В координации специальной деятельности участвовали Военное и Морское министерства, Отдельный корпус жандармов, Департамент полиции МВД, Отдельный корпус пограничной стражи, а также Главное управление почт и телеграфов МВД.

В феврале 1908 г. Министерство внутренних дел разослало циркуляр «О содействии жандармских управлений военным

окружным властям в деле разведки». На одном из заседаний сотрудников разведки западных военных округов отмечалось: «При помощи Отдельного корпуса жандармов (охранные отделения и их заграничные агенты и пограничные жандармские пункты) окружные штабы производят вербовку негласных агентов, устанавливают связь с органами разведки и получают непосредственно от членов этого корпуса сведения разведывательного характера»[541]. «Инструкция чинам Отдельного корпуса пограничной стражи по разведке в пограничных иностранных государствах», принятая в феврале 1912 г., предписывала: «Чины пограничной стражи обязаны, насколько позволяют им прямые служебные обязанности по специальной службе, оказывать содействие чинам военного ведомства по получению негласным путем необходимых сведений, касающихся соседних армий (разведка), а равно по борьбе со шпионством соседних государств (контрразведка)»[542].

Начальник военной разведки Германии (подотдел «З-В» Большого Генерального штаба) В. Николаи отмечал: «Успехами своими русская разведка была обязана не столько своим качествам, сколько тому обстоятельству, что появление шпионажа на Востоке застало врасплох германские военные и полицейские власти, которые привыкли до начала столетия иметь дело только с французской разведкой. Недостаточная, вследствие этого, оборона со стороны Германии доставила вскоре противнику заметные успехи и побудила его ко все усиливавшейся деятельности.

Руководство разведкой находилось в руках Генерального штаба в Петербурге. Оттуда шла, в контакте с военным атташе и консульствами, обработка Берлина, Вены и вообще заграницы. Каждый военный округ на русской западной границе имел разведывательное отделение в составе 6–10 офицеров во главе с офицером Генерального штаба. Разведывательные отделения в Петербурге и Вильно работали против Германии, в Киеве – против Австрии, в Варшаве – против обеих стран. Они „обрабатывали“ расквартированные в пограничном районе высшие штабы германских и австро-венгерских войск. В качестве посредников им были подчинены пограничная стража и пограничная жандармерия, на которые возлагалась кроме того мелкая шпионская работа в пограничной полосе как на предположительном театре военных действий. Русская тайная полиция, „охранка“, вербовала во всех европейских столицах агентов, которых она направляла к военным атташе для дальнейшего использования. Военные атташе работали также из Германии против Австрии и в национальных противоречиях

находили благодарную почву для этой работы.

Германское пограничное население было разложено контрабандой и деньгами русской разведки. Органы последней проникали с неописуемым бесстыдством глубоко внутрь Германии. Действительным повелителем в германской пограничной полосе был русский пограничный офицер»[543].

В декабре 1908 г. из представителей Генерального штаба и Департамента полиции создана Межведомственная комиссия по организации контрразведывательной службы в России. Через три месяца она, «…ознакомившись с материалами, имеющимися по означенному вопросу, и с постановкой контрразведки (борьба с военным и морским шпионством) в России до настоящего времени, пришла к заключению, что:

1. Широкая военная разведка иностранных государств в России, получившая весьма сильное развитие, давно ставит на очередь вопрос активной борьбы с лицами, занимающимися шпионством, т. е. выдвигает необходимость иметь особый контрразведочный орган.

2. До сих пор такого органа не было, и его функции исполнялись отчасти чинами Корпуса жандармов, отчасти Главным управлением Генерального штаба и Морским Генеральным штабом, а равно и разведывательными отделениями штабов округов.

3. Полное отсутствие денежного отпуска на этот предмет, недостаток знаний и опыта у случайно стоящих и постоянно меняющихся руководителей контрразведкой, неимение каких бы то ни было инструкций и правил, наконец отсутствие пригодных агентов всех степеней – все это не соответствовало успеху контрразведки.

Несогласованность же деятельности розыскных учреждений Министерства внутренних дел и начальников разведывательных отделений штабов округов только еще больше тормозила успех. Ввиду этого комиссия признала необходимым:

1. Учреждение особых органов, ведающих контрразведкой и снабжение для этого соответственными средствами.

2. Выработку положения и инструкций для этих органов»[544].

В 1909–1910 гг. принято окончательное решение о подчинении контрразведки военному ведомству. Летом 1911 г. утверждены руководящие документы: «Положение о контрразведывательных органах» и «Инструкция начальникам контрразведывательных отделений». Петербургское городское отделение контрразведки получило статус центрального органа и подчинялось непосредственно отделу генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. Местные

контрразведывательные отделения (петербургское, московское, виленское, варшавское, киевское, одесское, тифлисское, иркутское и хабаровское) организовывались при штабах военных округов. Начальниками контрразведывательных отделений в силу наибольшей подготовленности назначались офицеры Отдельного корпуса жандармов. В апреле 1914 г. Петербургское городское отделение контрразведки было преобразовано в Контрразведывательное отделение Главного управления Генерального штаба (КО ГУГШ). По закону «Об отпуске из государственной казны средств на секретные расходы Военного министерства» на разведку и контрразведку выделялось дополнительно 1 443 720 рублей.

Обычной практикой деятельности российской контрразведки стала работа агентуры на территории стран, считавшихся потенциальными противниками. Внешняя контрразведка, т. е. разведывательная деятельность в интересах борьбы с разведками вероятных противников, превратилась в средство противодействия агентуре Австрии и Германии. В течение года был подготовлен наблюдательный состав (наружное наблюдение), поскольку «наружка» Особого отдела Департамента полиции поделилась с контрразведкой своими специалистами и методиками подготовки кадров. По линии МВД как разведка, так и контрразведка обеспечивались необходимыми документами прикрытия, в том числе чистыми бланками паспортов.

В июле 1912 г. в законодательство были внесены изменения, согласно которым шпионаж считался тягчайшим государственным преступлением и наказывался в мирное время каторжными работами на срок от 8 до 15 лет. В военное время за шпионаж полагалась смертная казнь. Основным руководящим документом контрразведывательных отделений стала «Инструкция начальникам контрразведывательных отделений» от 8 июня 1911 г., регламентировавшая борьбу с военным шпионажем и прочими видами деятельности иностранных государств в России, угрожающими внешней безопасности империи. С текстом инструкции вы ознакомитесь в конце главы.

Повествуя о состоянии военных спецслужб России накануне великой войны, необходимо сказать и о Балканских войнах 1912–1913 гг. Первая (Болгария, Греция, Сербия и Черногория против Турции) и вторая (Греция, Сербия, Черногория, Румыния и Турция против Болгарии) войны стимулировали развитие военной авиации. В ходе Балканских войн впервые в мировой практике американец Б. Холл применил воздушную разведку и аэрофотосъемку. Надо отметить, что российское военное руководство отреагировало на этот факт оперативно: в районе

расположения российских укрепленных районов был введен законодательный запрет на полеты, диаметр запретной зоны составлял до 25 верст. Политическим итогом Балканских войн стали ослабление Турции и Болгарии и переход последней на сторону стран Тройственного союза.

Несмотря на усилия российской дипломатии и разведки, Николаю II не удалось создать единого фронта, противостоявшего австрийской и турецкой экспансии на Балканах. Румынское (главное для России) стратегическое направление, открывавшее выход к Средиземному морю, стало второстепенным, что в дальнейшем сказалось на плачевных для Российской империи результатах Первой мировой войны.

Общая ситуация в вооруженных силах Российской империи после поражения 1905 г. была следующей. В области военной науки противоборствовали три группировки: «рутинеры» (Я. Г. Жилинский, Г. А. Рузский, Н. И. Иванов, Ю. Н. Данилов, М. Д. Бонч-Бруевич), «младотурки» (Д. А. Щербачев, Н. Н. Головин, А. А. Свечин) и «классики» (А. З. Мышлаевский, А. К. Баиов). К «рутинерам» принадлежало большинство старших военачальников, не желавших или неспособных воспринять нововведения в военном деле. Так, генерал В. А. Сухомлинов говорил, что 20 лет не брал в руки ни одной книги по военному делу. Сторонники второй группы стремились устранить российскую отсталость в военном деле путем заимствования европейских доктрин, идеологи третьей указывали на необходимость возрождения русского военного искусства на основе русских традиций. Поклонники первого течения занимали доминирующее положение в армии и при дворе и имели реальные возможности для блокирования иных мнений. Подобная практика пагубно сказалась на Полевом уставе, принятом в 1912 г. В нем игнорировались многие важные вопросы: понятие встречного боя; ведение боевых действий из глубины боевых порядков; сосредоточение сил на главных направлениях и др.

Тактическая подготовка русских войск в звене взвод – полк в искусстве применения к местности, самоокапывании и стрельбе превосходила аналогичную подготовку в иностранных армиях, причем на прицельную стрельбу было обращено особое внимание. С 1909 г. полк каждого округа, показавший наилучшие результаты в стрельбе, награждался Императорским призом, а для награждения стрелков введен знак «За отличную стрельбу в присутствии Их Императорских Величеств». Командующий гвардией и Петербургским военным округом великий князь Николай Николаевич отрешал от должности командира полка, если полк показывал результаты по стрельбе ниже оценки

«отлично».

Однако подготовка командного состава в звене дивизия – армия являлась неудовлетворительной: командно-штабные учения армейских штабов, преобразованных из окружных, не проводились. Попытка проведения военной игры под руководством императора в 1910 г. была провалена усилиями военных верхов, боявшихся публичного экзамена. Основные слабые места российской армии перед мировой войной – техническая отсталость и низкие боевые качества высшего командного состава. О них прекрасно знали в Генеральном штабе Германии и учитывали их при подготовке собственных войск и составлении планов войны.

Точную характеристику морального состояния офицерского корпуса, составлявшего перед мировой войной около 50 000 человек, дал А. А. Керсновский: «Русское офицерство не образовало сплоченной касты – государства в государстве, каким был прусско-германский офицерский корпус. Не намечалось в нем и товарищеского духа австрийцев, бывших со времен Тридцатилетней войны от фельдмаршала до прапорщика на „ты“. Чрезвычайно разнообразный по происхождению и воспитанию, русский офицерский корпус (по составу – самый „демократический“ в мире) объединялся лишь чувством преданности царю и жертвенной любовью к Родине. Офицер был прикован к своему полку. Чем глуше была стоянка, тем сплоченнее была там полковая семья, тем выше был дух полка. Гвардия находилась в особых условиях комплектования и службы. Спайка заметно ослабевала в так называемых „хороших“ стоянках, больших гарнизонах, где появлялись посторонние внеполковые интересы.

Если можно было считать обычным бытовым явлением наличие более или менее сплоченной „полковой семьи“, то единой „общеофицерской семьи“ не было… Гвардеец относился к армейцу с холодным высокомерием. Обиженный армеец завидовал гвардии и не питал к ней братских чувств. Кавалерист смотрел на пехотинца с высоты своего коня, да и в самой коннице наблюдался холодок между „регулярными“ и казаками. Артиллеристы жили своим строго обособленным мирком, и то же можно сказать о саперах. Конная артиллерия при случае стремилась подчеркнуть, что она составляет совершенно особый род оружия. Все строевые, наконец, дружно ненавидели Генеральный штаб, который обвиняли решительно во всех грехах Израиля. Если в каком-нибудь провинциальном гарнизоне стояли – даже в небольшом количестве – части трех главных родов оружия, то обязательно имелось три отдельных собрания:

пехотное, кавалерийское и артиллерийское. <…>

Создание единого и сплоченного офицерского корпуса было государственной необходимостью. Для этого требовалось вернуть гвардии ее первоначальное назначение. Гвардия Петра I была государственным учреждением исключительной важности – мыслящим и действующим отбором страны. Павел Петрович совершенно исказил ее характер, передал ее на отбор исключительно физический по королевско-прусскому образцу. <…>

Императорское правительство совершило жестокий промах, недооценив великой политической роли в стране организованного, сплоченного в монолит офицерского корпуса. Оно не сумело ни его подготовить, ни его сориентировать»[545].

Что касается заблаговременной подготовки к организации партизанской войны на территориях, впоследствии захваченных противником, и организации в его тылу диверсионных операций, особенно в период мобилизации и развертывания, то реальных действий в этом направлении предпринято не было. Единственная попытка такого рода в 1907–1910 гг. – незначительные усилия по организации партизанского движения в Корее на случай обострения русско-японских отношений. Одним из инициаторов идеи явился военный агент в Китае полковник Л. Г. Корнилов. Однако дальше переписки дело не двинулось. Теоретические и практические разработки отечественных военных за предыдущие сто лет так и не стали для высших военно-политических кругов России руководством к действию.

В ходе Первой мировой войны серьезных попыток использовать преимущества диверсионных операций на коммуникациях противника высшим военно-политическим руководством Российской империи предпринято не было. Генеральный штаб, не обращавший в мирное время должного внимания на подготовку диверсионной деятельности, не смог организовать эффективное применение диверсий во время войны. Он упустил наиболее благоприятное для диверсионных действий время – период мобилизации и сосредоточения австро-венгерской и немецкой армий, хотя план Шлиффена, предусматривавший разгром России и Франции поодиночке, русская разведка вскрыла заблаговременно. Оперативная работа велась без тщательно продуманного плана, без учета собственных замыслов и действий противника. Попытки командования организовать партизанскую войну при отступлении русской армии из Царства Польского и Литвы также не увенчались успехом: удачно был осуществлен только налет на Невель в ноябре 1915 г. Наиболее

последовательным сторонником «малой войны» являлся генерал В. Н. Клембовский[546], еще до мировой войны убедительно доказывавший необходимость активных партизанских действий, ведущихся с инициативой от армии (мы неоднократно цитировали выдержки из его книг).

Благоприятные политические и стратегические условия для проведения отдельных диверсионных операций и развертывания народной партизанской войны имелись в оккупированной австрийцами Сербии. Сербы традиционно благожелательно относились к русским, у них был многовековой опыт партизанской борьбы с турецкими войсками. Известно, что общее количество сербских четников (*ceta* – отряд) не превышало 10 000 человек, но для борьбы с ними австрийцы были вынуждены держать армию и полицейские части численностью 75 000–100 000 штыков и до конца войны так и не сломили партизан. Координация Генеральным штабом действий сербских повстанцев и регулярной русской армии, а также помощь им подготовленными инструкторскими кадрами и материально-техническим снабжением могли обернуться значительным успехом для России, тем более что к началу мировой войны предназначенные для проведения разведывательно-диверсионных операций штатные (пограничные и пластунские) подразделения в империи имелись.

Не было уделено должного внимания и созданию стрелкового оружия, отвечавшего потребностям специальных подразделений. Еще в 1905 г. В. Г. Федоров предложил проект переделки винтовки Мосина образца 1891 г. в автоматическую, а в 1907 г. опубликовал книгу «Автоматическое оружие». Однако работы по созданию индивидуального автоматического оружия сдерживались представителями консервативного крыла русской военной науки, взгляды которых разделял Николай II. В 1912 г. между государем и Федоровым произошел следующий разговор:

– Это вы изобрели автоматическую винтовку?

– Так точно – я, Ваше Величество…

– Я решительно против ее применения в армии…

– Разрешите, Ваше Величество, узнать – почему?

– Для нее не хватит патронов…[547]

Мы уже упоминали о переделке самовзводного револьвера конструкции Л. Нагана в несамовзводный. Приведенный диалог также показывает, что император и его ближайшее окружение ценили жизнь воинов ниже материальных средств, которые при всем желании «быстрой и победоносной войны» отпускались с огромным дефицитом. Стоит ли говорить, что в среде технической интеллигенции тогдашний режим формировал

своим отношением глухую и далеко не всегда скрытую оппозицию.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. впервые было применено в больших масштабах автоматическое стрелковое оружие – пулеметы. Но маневренность первых пулеметов оставляла желать лучшего, поэтому возникла необходимость в компактном автоматическом оружии для пехотинцев, в первую очередь для бойцов войсковой разведки. В. Г. Федоров в 1913 г. разработал автоматическую винтовку под специальный патрон калибра 6,5 миллиметра Арисака; на испытаниях винтовка показала неплохие результаты. В дальнейшем на базе винтовки конструктор создал «ружье-пулемет» (автомат). Однако косность военно-политического руководства Российской империи привела к тому, что русская армия вступила в Первую мировую войну, не имея на вооружении отечественных ручных пулеметов, автоматических винтовок, автоматов.

Во время войны был применен ряд технических и тактических новинок, которые впоследствии вошли в арсеналы как государственных силовых институтов, так и их оппонентов из антиправительственных организаций. Так, осенью 1916 г. в германской армии была предпринята первая попытка доставки и эвакуации диверсантов посадочным способом: лейтенант Коссель и обер-фельдфебель Виндиш высадились с аэроплана в тылу русских войск неподалеку от Ровно, совершили подрыв железной дороги и благополучно вернулись в свое расположение. Широко использовали возможности авиации для высадки разведчиков и диверсантов в тылу противника французы. Они первыми применили парашюты при доставке разведывательно-диверсионной группы, ее оружия, взрывчатки и радиостанции летом 1918 г. в Арденнах.

Еще одной стороной деятельности германских спецслужб являлось создание специальных подразделений из подданных Российской империи. В 1914 г. в г. Локштадт под Гамбургом создан учебный центр для финских эмигрантов. Курс специальной военной подготовки был рассчитан на восемь месяцев; курсантов готовили для использования в качестве руководителей и инструкторов партизанского движения в Финляндии. При подходящих условиях, т. е. в случае высадки немецких десантов на финской территории, они становились «пятой колонной» в тылу русской армии. Выпускники учебного центра, получившие название «локштадтских егерей», впоследствии образовали кадровый костяк финской армии и финских секретных служб. На Западном фронте в условиях позиционной войны и страны Антанты, и Германия к 1916 г.

приступили к созданию специальных штурмовых подразделений, основной тактикой которых стали не фронтальные атаки, а скрытое проникновение для блокирования и захвата узлов сопротивления противника. С этого времени в лексиконе спецназа многих стран мира закрепляется термин «инфильтрация».

Ситуация с выпуском автоматического и специального стрелкового оружия в странах Европы была несколько лучше, чем в России. Ручные пулеметы получили достаточно быстрое признание и к 1915 г. массово выпускались в Германии, Дании, Великобритании, США, Франции. Автоматические винтовки и пистолеты-пулеметы приняты на вооружение только к концу войны. Наиболее продвинутыми в этой области оказались немцы. Для длинного парабеллума «Р-17» был спроектирован барабанный магазин «ТМ-08» емкостью 32 патрона Впоследствии на вооружение солдат штурмовых подразделений поступили и пистолеты-пулеметы Бергмана «МР-18», имевшие аналогичный магазин Для тайных операций германские спецслужбы начали использовать «парабеллум», оснащенный глушителем Максима. В Германии наладили массовый выпуск оптических прицелов Цейса к винтовкам Маузера «98», к концу Первой мировой войны в немецкой армии было подготовлено несколько тысяч профессиональных снайперов.

Единственное специальное подразделение русской армии, полностью вооруженное автоматическими винтовками и автоматами Федорова, – Особая рота (команда), сформированная только летом 1916 г. Несмотря на то что шла война, Особая рота прошла интенсивную боевую подготовку личного состава в Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе под руководством опытных инструкторов и оружейников. После завершения полугодовой подготовки команда была придана 189-му Измаильскому полку и в декабре 1916 г. отправлена на Румынский фронт.

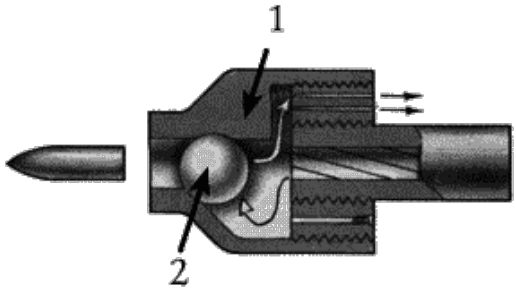


Схема дульного устройства, разработанная Гумбертом
1. Корпус. 2. Шарик-клапан, поднимаемый пороховыми газами (видны каналы для отвода газов)

По настоянию В. Г. Федорова и генерала Н. М. Филатова ее снабдили новейшими техническими приборами: 20 оптическими прицелами, траншейными перископами, биноклями, переносными бронещитами. Мы полагаем, что в то время автомат Федорова был если не лучшим, то одним из лучших образцов штурмового оружия, Он имел калибр 6,5 х 50 миллиметров (патрон от винтовки Арисака), отъемный магазин на 25 патронов, высокую эргономичность, хорошее соотношение общей длины, веса и динамической устойчивости при стрельбе мощными «бутылочными» патронами, наилучшим образом отвечал требованиям тактики штурмовых (заградительных) специальных подразделений.

В области военно-морских специальных операций приоритет имели итальянцы. Они создали «москитный флот», состоявший из торпедных катеров серии «MAS». Легкие, быстроходные катера использовались для атак на корабли австрийского военного флота в Средиземном море и на военно-морские базы, для высадки разведывательных и диверсионных групп на побережье противника. Итальянцы первыми в боевой практике на этих катерах установили электромоторы, позволявшие двигаться практически бесшумно. Английский морской историк Х. Вильсон утверждал, что эти маленькие корабли оказывали сильное моральное давление на австрийцев. Еще одной новацией итальянцев было создание специального катера, способного преодолевать боново-сетевые заграждения в портах противника на специальных гусеницах. В октябре 1918 г. итальянские морские диверсанты, которых впоследствии стали называть

боевыми пловцами, на управляемой торпеде проникли на австрийскую военно-морскую базу Пола и взорвали линкор «Виpибус Унитс».

Последняя фаза Первой мировой войны и время сразу после ее окончания – начало нового этапа в истории специальных подразделений. В одинаковой ситуации оказались страны-победительницы, страны проигравшие и вышедшая из войны Россия. В условиях крушения старых государственных систем и возникновения новых родились нетрадиционные военные формирования, предназначенные для силового решения политических задач в интересах группировок, находящихся у власти. Они интегрировали функции армии, полиции, дворцовой охраны, разведки и контрразведки, а их операции велись методами, опробованными диверсионными группами во время войны. В Европе личный состав таких подразделений набирался на добровольной основе из офицеров и унтер-офицеров штурмовых, диверсионных, жандармских и т. п. подразделений. Их отличало редкое по тем временам сочетание отличной военной подготовки, агрессивности, инициативности и психологической уверенности в правоте. Если в технической оснащенности отечественные спецслужбы и специальные подразделения отставали от западных коллег, то по качеству оперативной работы им не уступали.

В этой связи представляет практический интерес «Инструкция по борьбе со шпионством в 5-й армии», утвержденная ее командующим в 1915 г. В ней даны «Правила арестования и порядок допроса шпионов»:

«При арестовании необходимо:

1) Географически точное определение места, где пойман подозреваемый в шпионстве. 2) Подробное изложение всех причин, побудивших к аресту. 3) Описание всего при арестованном найденного, обратив внимание на вещи, могущие служить уликами; им следует дать особое описание.

В порядок допроса должны входить вопросные пункты общие и частные, т. е. такие, которые важны для выяснения какого-либо попутного вопроса, как, например: нитей шпионства других шпионов, путей движения шпионов и т. п.

Общие же вопросы суть следующие: 1) Откуда родом заподозренный в шпионстве, состав его семейства, место жительства, род занятий. 2) Почему он находится в данной местности и давно ли он с нею знаком. 3) Кто его знакомые в данной местности и давно ли он с ними знаком. 4) Каким путем он сюда прибыл. 5) Место пребывания перед поимкой, где был вчера, место поимки и куда направлялся, желательно при этом

выяснить, что можно было видеть за это время, а также справиться, не видел ли его кто-нибудь из войск. 6) Выспрашивать у пойманного все интересные сведения о противнике. 7) Допросив о всех вообще подробностях дела, необходимо выяснить: а) в каком виде шпионства подозревается, б) ход его шпионства; важно дать ему, шпиону, самому выяснить метод шпионства, в) эти сведения отправить по команде»[548].

Обязанности сотрудника, задержавшего подозреваемое лицо, инструкцией по 3-й армии определялись так: «При личном обыске задержанного лица агент обязан осматривать все найденное самым тщательным образом, а именно: задержанный должен раздеться до нижнего белья и одежда его должна быть осмотрена особо внимательно, причем в пальто, тужурке, жилете и брюках, а также в карманах, вешалке, подкладке следует искать секретных мест на случай обнаружения там зашитыми писем, пропусков, заметок, записей (последние также могут быть записаны на белье, одежде и т. п.), кои явятся уликой для задержанного. Головной убор и обувь его также должны быть исследованы таким же путем, причем в сапогах необходимо обращать внимание на каблуки и двойные подошвы, в коих шпионы прячут заметки и документы. Обращать равно следует внимание на количество денег, коими шпионы снабжаются в приличных размерах, а также на условность записей и заметок, которые на первый взгляд могут носить невинный характер, как то: черточек, цифр, счетов, любовных записок и т. п. Многие сознавшиеся шпионы при их задержании объяснили, что при записях нумерации войск они делали особые черточки над буквами в молитвенниках, паспортах, газетах и прочее, почему на обнаружение материала у заподозренного лица должно быть обращено самое строгое внимание, тем более что лицо, посвятившее себя шпионству, безусловно знает, что при уличении оно подлежит преданию военно-полевому суду, почему преступная изворотливость и хитрость шпиона, несмотря на его изобретательность, будет обнаружена лишь в том случае, когда агент будет особо внимательно относиться к делу. Необходимо обращать внимание при личном обыске и на карманный нож; был случай нахождения преступных записей на клочке бумаги, тщательно спрятанном под боковыми щечками ножа»[549].

Несмотря на отдельные успехи оперативных работников спецслужб, изменить ситуацию кардинально они не могли, а военно-политическое руководство империи не осознавало масштабов нависшей опасности. В 1933–1938 гг. в Белграде Н. С. Батюшин[550] прочел курс лекций «Тайная военная разведка и борьба с ней». Размышляя о причинах неудач русского оружия в

Первой мировой войне, он писал: «Если нашу тайную разведку мирного времени на основании утверждений наших противников можно считать хорошо поставленной, то далеко того нельзя сказать про тайную разведку военного времени. Главное тому объяснение – недооценка на верхах этого могучего средства в руках командования. <…>

В результате этого небрежения всю Великую войну мы вели вслепую. <…>

Таким образом, блестящий опыт тайной разведки мирного времени был сведен почти на нет. <…> Весь почти первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов не интересовался совсем, и она потому велась бессистемно, чтобы не сказать, спустя рукава. <…> Мы заплатили сотнями тысяч жизней, миллионами денег и даже существованием самого государства»[551]. Не менее серьезные ошибки Николай II и его окружение совершили и во внутренней политике.

ИНСТРУКЦИЯ НАЧАЛЬНИКАМ КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ

от 8 июня 1911 г.

А. Борьба с военным шпионством

§ 1. Военным шпионством (военной разведкой) является сбор всякого рода сведений о вооруженных силах (сухопутных и морских) и об укрепленных пунктах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране и путях сообщения, производимый с целью передачи их иностранной державе. К сведениям подобного рода должны быть отнесены:

а) состав, организация, дислокация, вооружение, комплектование вооруженных сил (сухопутных и морских), обучение войск и флота, внутренний быт, командный состав и настроение войск и флота;

б) сведения о военных и морских учреждениях, заведениях, складах и магазинах и о состоянии запасов их (портовых, интендантских, артиллерийских, минных, инженерных, санитарных и проч.);

в) сведения о крепостях, укрепленных пунктах и базах флота;

г) мобилизация и сосредоточение войск и флота по объявлению войны;

д) приказы и отчеты о произведенных маневрах, стрельбах и опытах сухопутных войск и флота (в последнем в особенности учебных отрядов), уставы, инструкции и наставления по различным отделам обучения войск и флота;

е) сведения военно-географические, топографические и статистические о местностях пограничных, как сухопутных, так и морских, имеющих стратегическое значение, особенно же о позициях, о свойстве и проходимости местных преград (рек, болот и проч.) и возможных местах высадки, равно как и о прилегающих к укреплению районах; сведения о свойствах и проходимости прилегающих к отечественным берегам морских, речных и озерных водных пространств со всеми фарватерами, заливами, бухтами, пристанями, гаванями, рейдами и прочими

удобствами для стоянки и прихода судов военных и коммерческих;

ж) данные о грунтовых путях сообщения в этих местностях, особенно о сети шоссейных дорог (их состояние, переправы и другие препятствия); перевозочные средства;

з) сведения о железных дорогах, узловых пунктах и в особенности о важнейших железнодорожных сооружениях, порча коих может оказать существенное влияние на движение (мосты, тоннели, трубы, насыпи, водокачки, гати и проч.), и относительно оборудования железных дорог, влияющих на провозную их способность (водоснабжение, склады топлива, число путей, запасы оборудования станций, средства мастерских, платформы, нагрузочные и разгрузочные приспособления, сигнализация, пакгаузы и проч.), склады переносных железных дорог;

и) телеграфные и телефонные сообщения; прибрежные и островные наблюдательные пункты морского ведомства и пограничной стражи; голубино-почтовые станции и радиотелеграфные станции;

к) военное воздухоплавание;

л) личные характеристики начальствующих лиц военного и морского ведомств.

Иными словами, военным шпионством является всякая деятельность по добыванию сведений о вооруженных силах, военно-материальных или военно-технических средствах.

§ 2. Контрразведка (борьба со шпионством) заключается в своевременном обнаружении лиц, занимающихся разведкой для иностранных государств, и в принятии вообще мер для воспрепятствования разведывательной работе этих государств в России. Конечная цель контрразведки есть привлечение к судебной ответственности уличенных в военном шпионстве лиц на основании ст. 108–119 Угол. ул. 1903 г. или прекращение вредной деятельности названных лиц хотя бы административными мерами.

§ 3. Для достижения указанных в параграфе 2 целей контрразведка должна прежде всего стремиться к выяснению заграничных разведывательных центров, являющихся, с одной стороны, первоисточниками организованного шпионства в России, а с другой – сосредоточием добываемых иностранными шпионами

сведений. В дальнейшем необходимо путем заведения в означенных центрах постоянной внутренней агентуры, а равно путем устройства на службу к ним в качестве агентов разведчиков, возможно большего числа подставных лиц, стремиться к всестороннему выяснению всей организации иностранного шпионства и преследуемых последним задач. (Пользование двойными шпионами должно быть крайне осторожно и лишь в исключительных случаях.)

§ 4. Наряду с изложенным в параграфе 3 контрразведывательные отделения обязаны систематически выяснять лиц и учреждения, непосредственно ведущих разведку в России, освещая негласным наблюдением их жизнедеятельность, связи и сношения. В интересах такого выяснения представляется необходимым обслуживать постоянной внутренней (консульской и штабной) агентурой: 1) находящиеся на территории России иностранные консульства и агентства, имея в виду, что в числе их могут оказаться центры военного шпионства, и 2) высшие учреждения военного и морского ведомств, являющиеся главной сферой деятельности шпионов по добыванию секретных документов.

§ 5. Назначение консульской агентуры – освещение внутренней жизни консульства. Необходимо обратить внимание, кто посещает консульство вообще и в неурочное время в особенности, о чем говорят, где именно собираются для более или менее конспиративной беседы, как в таких случаях проникают в квартиру консула (атташе, секретаря), куда и кто из чинов консульства выезжает, не имеют ли место конспиративные выезды (в измененном костюме, внешности и в необыденное или безусловно неурочное время, или в необыденном экипаже и проч.), на какие адреса получается корреспонденция, каким образом поступает или отправляется из консульства (почтовые, дверные ящики), где хранятся дела консульства вообще, нет ли особых тайных хранилищ, кто и как хранит ключи от них, какие замки и ключи от этих хранилищ (на всякий случай желательно добыть слепки).

Для осуществления этой задачи лучшим средством является приобретение сотрудников (желательно в каждом учреждении не менее двух) из числа прислуги консула или домашних (атташе, секретаря, служащих,

родственников и т. п.). Постановка служащих к этим лицам чинами, ведающими контрразведку, не всегда достигает цели, а потому признается более целесообразным использование существующей уже у названных лиц прислуги и других служащих.

§ 6. Самой плодотворной ареной всех многочисленных иностранных разведчиков являются наши важнейшие в военном отношении пункты, а главной целью их деятельности в этих пунктах – военные учреждения, что и вызывает необходимость организации «штабной» агентуры. Назначение этой агентуры – освещение личного состава военных и морских учреждений, как центральных, так и местных, т. е. штабы, адмиралтейства, военноокружные штабы с их типографиями, интендантские, артиллерийские и инженерные управления и портовые учреждения. При этом надлежит обращать внимание на отрицательные качества служащих (слабохарактерность, склонность к картам, к спиртным напиткам, увлечение женщинами, болтливость), образ жизни их, особенно если таковой не соответствует материальным средствам, а иногда служебному положению; знакомство, действительную постановку хранения секретных документов и сведений, а равно как нет ли лиц, стремящихся под тем или иным предлогом проникнуть и ознакомиться с упомянутыми выше данными; в положительном случае – какие у них к тому основания или способы и к кому из непосредственно стоящих у этого дела лица эти близки (т. е. через кого проникают к интересующему делу). Обративших на себя внимание надлежит подвергать при помощи агентуры непрерывному негласному наблюдению.

§ 7. Независимо от упомянутых в параграфе 4 учреждений особенному вниманию контрразведывательных отделений подлежат:

1. Иностранные сухопутные и морские офицеры (состоящие как на действительной службе, так и в запасе или в отставке), пребывающие в России.

2. Иностранные консулы и чины консульств в пограничных областях России, в зависимости от имеющихся на то агентурных указаний.

3. Представители заграничных заводов, выделывающие предметы вооружения, боевые и военно-технические средства.

4. Семейства и прислуга всех перечисленных выше лиц, по указанию агентурной службы.

5. Инородцы, живущие близ границы и в пунктах важных в военном отношении, по указанию агентурной службы.

6. Иностранцы, владеющие магазинами и другими торговыми и промышленными заведениями, публичными домами (на Востоке), иностранцы-комиссионеры, врачи, фотографы, учителя, ростовщики и т. п., т. е. вообще лица, по своей деятельности соприкасающиеся с военнослужащими, по указанию агентурной службы.

Примечание. Необходимо обращать внимание – не имеют ли у вышеназванных лиц пристанища приезжие иностранцы, не посещают ли их военные чины систематически – и стараться приобрести агентуру в этой сфере. Следует иметь в виду, что в пограничных округах часто живут жены иностранных офицеров; необходимо разъяснять причины раздельного жительства, а если таковые не ясны, то установить наблюдение агентурное и наружное, особенно во время приезда мужей.

7. Иностранцы, замеченные в неоднократном переезде границы без всяких видимых причин.

8. Русские подданные, замеченные в частых подозрительных сношениях с иностранцами, при наличности каких-либо определенных указаний на иностранцев.

9. Русские военные и классные чины (офицерского звания и нижние чины), особенно из состава высших штабов, адмиралтейств, канцелярий и управлений, живущие выше средств и близко стоящие к военно-секретным сведениям.

Примечание 1. Следует иметь в виду, что лица, вовлеченные в выдачу документов, обыкновенно начинают широко тратить деньги на жизнь (бывали случаи вовлечения в шпионскую деятельность лиц, попавших в тяжелое материальное положение, и благодаря начетам, долгам, болезни, любовным увлечениям и т. п.).

Примечание 2. Наиболее типичными чертами лиц, занимающихся шпионством, являются слабохарактерность, тщеславие (получение иностранных орденов) и неустойчивость в нравственном отношении.

10. Русские подрядчики военного и морского

ведомств, комиссионеры (особенно евреи), служащие и мастера военных и морских заводов и мастерских, при наличности определенных указаний, а иностранные инженеры на важнейших заводах и независимо от указаний (должны состоять на учете).

11. Лица, замеченные в наблюдении за нашими разведывательными органами.

12. Владельцы и служащие книжных магазинов, наиболее посещаемых иностранцами, особенно магазинов, берущихся достать секретные военные издания, при указаниях агентуры на этих лиц (к таковым обыкновенно принадлежат фирмы, не пользующиеся широкой известностью). Особое внимание должно быть обращено на книжные магазины, торгующие военными изданиями, а также на букинистов.

13. Лица, втирающиеся в военную среду (особенно еврейского происхождения) и завязывающие для этого добрые отношения даже с семействами военнослужащих.

14. Путешествующие с фотографическими аппаратами, производящие промеры, статистические исследования в местах важных и в военном отношении.

15. Лица, служащие в мобилизационных отделениях железных дорог (в этой сфере желательно учреждение агентуры).

16. Станционные и железнодорожные служащие, особенно в пограничных районах, замеченные в частных сношениях с военнослужащими, живущими у границы.

17. Лица, проживающие в пограничных районах, часто получающие из-за границы деньги, не соответствующие роду своих занятий и образу жизни.

18. Родственники лиц, уже арестованные за шпионство.

19. Лица, вызывающие военнослужащих для занятий по публикациям. Эти публикации могут быть использованы контрразведочными органами для установления их авторов и завязки с ними сношений.

20. Гражданские учреждения, ведающие призывом запасных и ополченцев и поставкой лошадей и повозок при мобилизации.

§ 8. Необходимо иметь внутреннюю агентуру (подобную консульской агентуре) в местах свиданий агентов иностранной разведки с лицами, дающими им сведения. Необходимо также иметь надзор в местах (лавочках, чайных, ресторанах, пивных, народном доме),

расположенных вблизи учреждений военного и морского ведомств и посещаемых воинскими чинами. Желательно в таких общественных местах иметь своих сотрудников из числа служащих.

§ 9. Лучший способ завязки сношений с лицами, могущими оказать услуги, – поставить намеченное лицо в ту или иную зависимость от себя (сделать обязанным себе), приняв предварительно во внимание отрицательные качества намеченного лица, образ его мыслей, политические убеждения, материальное благосостояние его и проч.

§ 10. Агенты внутреннего освещения должны быть ознакомлены с постановкой (организацией) иностранной разведки и выработанными приемами розыска постольку, поскольку это вызывается положением сотрудника и поставленной ему задачей. Необходимо иметь в виду, что сотруднику даются на первых порах незначительные поручения и исполнение таковых постоянно проверяется и корректируется. Затем необходимо ставить сотруднику более или менее определенные задачи, выполнение каковых настойчиво и последовательно требуется начальником агента. Основной принцип – начальник руководит агентом, а не наоборот.

§ 11. Необходимо принимать все меры к тому, чтобы секретные агенты ни в каком случае не обнаруживали бы своего участия в работе контрразведки и никоим образом не выяснили своей роли на предварительном следствии и на суде. В тех же целях необходимо наблюдать за тем, чтобы агенты ни в каком случае не имели при себе документов (инструкций, предписаний и т. п.), могущих обнаружить участие их в работе по контрразведке.

§ 12. Всякое агентурное сведение, каким бы оно малозначащим ни оказалось, должно подвергаться всесторонней проверке. Только после тщательного обследования и использования всех возможных способов проверки вопрос может быть оставлен, да и то только открытым, так как добытые при разработке сведения, не имеющие в данный момент значения, могут развиваться и во всяком случае будут необходимы для характеристики той или иной личности или того или иного момента и явления. Ввиду этого необходима правильная регистрация всех получаемых сведений по

прилагаемым при сем правилам.

§ 13. В подготовке агентов наружного наблюдения начальник контрразведывательного отделения руководствуется существующими на сей предмет инструкциями и указаниями Департамента полиции, имея при этом в виду, что роль филеров в контрразведке не ограничивается наружной проследкой, но зачастую вызывает необходимость в сыскных приемах, даже в беседах с подозреваемыми лицами и в проникновении в общественные места разнообразного характера (рестораны всех разрядов, кофейни и т. п.). Поэтому младший наблюдательный агент, проведя наблюдаемого в общественное место высшего разряда, для него недоступное, должен немедленно (хотя бы по телефону) вызвать старшего агента или чиновника, оставаясь в наблюдении на улице.

§ 14. Вообще старшие агенты командируются для исполнения наиболее важных поручений по наблюдению за лицами, прикосновенными к шпионству, им же в случае надобности поручается создание домашней внутренней агентуры, свидания с низшими сотрудниками, их подготовка и предварительная завязка сношений. Кроме того, на обязанности старших агентов лежат установки лиц, в отношении коих имеются данные агентуры или наружного наблюдения, наведение необходимых в каждом случае справок (собирание примет, сведения о характере, обиходе, времяпровождении, материальном положении и проч.). Старшие агенты должны иметь вполне приличный внешний вид и умение держать себя, обеспечивающие им доступ во все общественные места.

§ 15. Следует иметь в виду, что наружное наблюдение за лицами, у которых может быть сосредоточено дело разведки, или за лицами, в отношении которых возникло подозрение в измене, может иногда давать достаточный материал для расследования.

Из намеченных филерами лиц неотступному и настойчивому наблюдению подвергаются те, в отношении которых имеются более или менее определенные и серьезные сведения, причем в отношении тех из них, которые почему-либо не могут быть преследуемы судебным или административным порядком, в целях прекращения или ограничения успеха

их деятельности может быть использовано явное наблюдение (заметное и даже явно бросающееся в глаза наблюдаемому) с целью показать ему несомненность наличности надзора и принудить этим оставить свои происки.

Лица, привлекшие на себя внимание постоянными передвижениями, подлежат наблюдению в пунктах временного пребывания (и даже за границей) на предмет определения лиц, с коими имеют сношения. Об этих последних собираются самые точные сведения.

§ 16. Если при расследовании, как в России, так и за границей, возникает необходимость получить за границей такие сведения, которые могут быть доставлены лишь нашими представителями в иностранных государствах (посольствами, военными и морскими агентами, консульствами и тому подобными), то запросы по этому поводу обращаются к начальникам г[убернских] ж[андармских] упр[авлен]ий и охр[анных] отд[елений], в Департамент полиции, а начальники контрразвед. Отд[елен]ий через штаб округа – в Главное управление Генерального штаба или Морской Генеральный штаб, по принадлежности.

§ 17. По сборе вполне достоверных и достаточно полных данных, не оставляющих сомнений в преступности заподозренных в военном шпионстве лиц, начальники г[убернских] ж[андармских] упр[авлен]ий и охр[анных] отд[елений] испрашивают разрешение штаба окр[уга] на производство ликвидации. Особое делопроизводство при отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба или через старшего адъютанта разведывательного отделения штаба округа, по принадлежности, – на передачу этих данных жандармским властям для производства по ним ликвидации.

§ 18. Получив указание о своевременности ликвидации и разрешение на ее производство через посредство жандармских властей, начальник контрразведывательного отделения обязан:

1) Передать названным властям сводку материалов, собранных им по подлежащему ликвидации делу.

2) По соглашению с теми же властями установить время ликвидации, руководствуясь при выборе последнего соображением о необходимости при аресте подозреваемых захватить неопровержимые вещественные

доказательства их преступности.

3) Сообщить тем же властям перечень тех лиц из числа замеченных в сношениях с подозреваемыми, у которых, одновременно с арестом последних, надлежит произвести обыски и выемки.

4) Принимать через посредство тех же властей меры к предупреждению огласки произведенной ликвидации путем печати, когда по обстоятельствам дела таковая огласка представляется нежелательной.

§ 19. По производстве жандармскими властями ликвидации начальник контрразведывательного отделения обязан быть в курсе всех обстоятельств произведенного названными властями дознания, а равно хода предварительного следствия и судебного разбирательства, извлекая из этих производств те сведения, кои могут быть полезными для контрразведки.

§ 20. Начальники контрразведывательных отделений, оказывая, в пределах возможного, содействие успеху следствия и дознания, принимают все зависящие меры в целях избежания случаев обнаружения этими производствами секретных сотрудников отделения, а равно приемов агентурной деятельности последнего, для чего им надлежит, в случае надобности в том, входить в личные сношения с прокурорским надзором, судебными следователями и производящими дознание жандармскими офицерами.

§ 21. Начальники контрразведывательных отделений должны иметь в виду, что успех деятельности последних будет находиться в прямой зависимости от тех личных отношений, которые будут установлены названными начальниками с подлежащими жандармскими и полицейскими властями в подведомственных им районах. В соответствии с сим начальники контрразведывательных отделений о тех должностных лицах, кои оказывают существенное содействие их деятельности, докладывают через Особое делопроизводство генерал-квартирмейстера Генерального штаба или старших адъютантов разведывательных отделений окружных штабов, по принадлежности, на предмет их поощрения.

Б. Борьба с прочими видами деятельности иностранных государств в России, угрожающими внешней безопасности империи

§ 22. На обязанности контрразведывательных отделений помимо борьбы с военным шпионством лежит выяснение и борьба с деятельностью в России иностранных государств, направлен[ые]:

1) К созданию в империи внутренних осложнений, способных нарушить успешное течение мобилизации, сосредоточение наших войск для войны с упомянутыми государствами.

2) К приращению вооруженных сил последних за счет инородного населения империи.

К мероприятию упомянутых выше категорий относятся:

а) Подготовка в России вооруженного восстания.

б) Подготовка формирования за счет пограничного инородческого населения империи вооруженных отрядов военной организации (подготовка личного состава, устройство тайных складов оружия, подрывных средств и т. п.).

в) Подготовка к порче искусственных сооружений (ж.-д. мостов, тоннелей, станционных и портовых сооружений, станций, беспроволочного телеграфа, а также всех бакенов, маяков и проч. ограждающих безопасность плавания сигналов и знаков и т. п.) в пограничных районах.

г) Сбор среди инородческого и неблагонадежного населения империи денежных средств на военные надобности.

д) Подготовка забастовок и стачек на заводах военного и морского ведомств, а также на частных заводах, изготовляющих предметы сухопутного и морского вооружения и снабжения.

е) Подготовка порчи механизмов и сооружений на таковых заводах, а также на судах военного флота и на обслуживающих последний судах коммерческого флота.

ж) Устройство и содержание, без надлежащего на то разрешения, частными лицами голубиных станций и радиотелеграфного и телефонного сообщения, а также дрессировка голубей[552].

Глава 11
Ваше слово, товарищ «браунинг»

Особый отдел должен быть
всегда на военном положении.

Л. А. Ратаев

К концу XIX в. в Российской империи усилилось противостояние различных социальных слоев, революционные идеи переустройства общества находили все большую поддержку. На стыке XIX–XX вв. в самой России и в среде эмиграции возникло множество революционных кружков и организаций, поставивших целью свержение самодержавия и взявших на вооружение силовые методы борьбы с правительством. Однако первое покушение на цесаревича Николая Александровича было совершено не революционерами и не в России, а в Японии 29 апреля 1891 г. Покушение, которое могло изменить ход российской истории, произошло в г. Оцу, расположенном неподалеку от древней японской столицы Киото.

Генерал-майор свиты князь В. Барятинский был свидетелем события и оставил о нем воспоминания: «Узкие улицы были наполнены народом, стоящим по обе стороны; впереди толпы, шагах в пятидесяти друг от друга, находились полицейские. Впереди цесаревича ехали губернатор и полицмейстер, сзади же принц Георг, принц японский Арисугава и потом вся свита, друг за другом, по одному в каждой джинрикше. Ехали довольно быстро. На одной из главных улиц полицейский нижний чин в форме внезапно подбежал сзади к экипажу Николая Александровича и нанес ему удар саблею по голове. Цесаревич выскочил вперед к стоявшей толпе, злодей обежал экипаж кругом с видимою целью догнать великого князя. В это время подбежал принц Георг и ударил злоумышленника палкою по голове, что побудило его обернуться к стороне принца. Тогда один из японцев, везший джинрикшу, сшиб его с ног, а его товарищ выхватил его же саблю и ударил его ею по шее, причинив ему сильную рану»[553].

Опираясь на приведенные воспоминания, некоторые исследователи полагают, что наследника российского престола случайно спасли граждане, к охранным службам отношения не имевшие. Что касается принца Георга, по нашему мнению, это соответствует действительности. Однако в отношении японцев,

бросившихся на покушавшегося, мы не можем быть столь категоричными. В Японии существовали древние традиции охраны важных особ, и мы оставляем за собой право считать, что перевозившие высоких гостей рикши были проверены японской полицией на благонадежность и, возможно, имели некоторую специальную подготовку. В практике работы секретных служб различных стран нередко применяется метод маскировки охранников под обслуживающий персонал. Поэтому не исключено, что рикши были не просто доверенными лицами полиции или замаскированными полицейскими, а сотрудниками одного из специальных подразделений охраны. Николай Александрович высоко оценил услуги своих спасителей и назначил им ежегодную пенсию в размере 1000 долларов (весьма значительная по тем временам сумма, особенно для Японии). Основные ошибки допустили те, кто обеспечивал безопасность на некотором удалении от эскорта цесаревича; они не должны были допустить приближения посторонних лиц к охраняемой персоне, да еще со стороны со спины.

В конце XIX в. в состав охранно-конвойных подразделений Николая II входили Собственный Его Императорского Величества конвой (четыре сотни), Сводно-гвардейский батальон и Рота дворцовых гренадер. Командные должности в них замещались путем перевода офицеров из строевых частей Кубанского и Терского казачьих войск и из гвардии после обязательной двухлетней службы. Образовательный ценз был высоким: принимались, как правило, офицеры, окончившие военные или юнкерские училища по 1-му разряду. Нижние чины принимались на службу после тщательного отбора, после 1899 г. непосредственным отбором рядовых занимались офицеры охранных подразделений. Общее руководство охраной российского императора и его семьи осуществлял дворцовый комендант. В 1896–1905 гг. им был П. П. Гессе[554]. В его подчинении находилась Дворцовая полиция[555] (гласная наружная охрана, 129 человек), возглавляемая Е. Н. Ширинкиным[556].

Правление Николая II началось спокойно. Большинство активистов революционных организаций, исповедовавших террористические методы борьбы с правительством, находились либо в тюрьмах, либо в эмиграции и реальной угрозы для безопасности государя не представляли. Поэтому оперативно-розыскная составляющая работы Дворцовой полиции постепенно снижалась. По сути дела, она стала выполнять классические полицейские функции в местах постоянного и временного пребывания императора: пропускной режим, поддержание

общественного порядка, проверка политической благонадежности разных лиц и т. п.

Чины дворцовой охраны

Здание Департамента полиции (Санкт-Петербург)

Однако политическая обстановка только казалась спокойной. В тот же период происходили изменения в забастовочном движении. С 1894 по 1897 г. число стачек увеличилось с 77 до 258, а число их участников – с 38 000 до 70 000 человек. С учетом этих изменений в политической жизни страны 1 января 1898 г. из состава 3-го делопроизводства Департамента полиции был выделен Особый отдел. (Напомним, что чиновники отдела, с 1881

по 1898 г. входящего в состав 3-го делопроизводства, занимались перлюстрацией корреспонденции и аналитической обработкой секретных сведений.) Он стал центральным органом, осуществлявшим контроль над политическими настроениями в обществе. Основными направлениями его работы являлись: заведование агентурной работой; обобщение всей информации, полученной оперативным путем; систематизация антиправительственной литературы. Первым заведующим Особым отделом был назначен Л. А. Ратаев[557].

В Особый отдел были переданы: библиотека революционных изданий (5000 экземпляров), фототека (20 000 фотографий революционеров), именная картотека (карточки на 55 000 человек). Несомненной заслугой Ратаева явилась разработка номенклатуры дел, позволившая поднять делопроизводство на высокий уровень. Первоначально в штате отдела состояли 13 человек: начальник, 4 его помощника (делопроизводители), 6 канцеляристов и 2 машиниста. К 1902 г. штат увеличен на 4 человека. В момент создания основное внимание сотрудников отдела было направлено на студенческое движение. По мере активизации революционного движения все большее значение приобретал надзор за деятельностью социал-демократов (эсдеков) и социалистов-революционеров (эсеров).

Основными территориальными органами политического сыска на рубеже XIX–XX вв. оставались губернские жандармские управления. Главным их недостатком была плохая организация оперативно-розыскной деятельности, в первую очередь агентурной работы. Офицеры Отдельного корпуса жандармов, как правило, не имели соответствующей подготовки для работы с агентурой, за все время существования корпуса руководство не издало ни одного документа по этому вопросу. Офицеры корпуса, будучи по менталитету более военными, нежели полицейскими, относились к работе с секретной агентурой пренебрежительно. Усилия сотрудников губернских жандармских управлений направлялись на «производство дознаний и переписок». Однако оперативно-розыскную деятельность успешно осуществляли Московское и Петербургское охранные отделения, руководимые градоначальниками и курировавшиеся Департаментом полиции МВД. В 1900 г. создано также Отделение по охранению порядка и общественной безопасности в Варшаве.

Сам Ратаев был крайне недоволен работой местных жандармских управлений и охранных отделений, равно как и плохой координацией их деятельности со стороны Департамента полиции. В письме к своему другу С. В. Зубатову от 11 декабря 1901 г. он с горечью отмечал, что функции департамента сводятся

лишь к тому, чтобы отпускать деньги. Местные органы политического сыска живут на его средства и при этом его игнорируют. Петербургское охранное отделение ведет свою линию, ротмистр Герасимов в Харькове – свою, полковник Бессонов в Одессе – свою. Рачковский играет собственную игру, а сам Зубатов пришел к убеждению, что с департаментом не стоит даже советоваться.

При всем этом наибольшие успехи органов политического сыска Российской империи в начале царствования Николая II связаны с грамотной организацией наружного наблюдения. В 1894 г. заведующему наблюдательным составом Московского охранного отделения Е. П. Медникову поручили создать Летучий отряд филеров. В состав отряда вошли 30 наиболее опытных сотрудников; к 1902 г. их было 50 человек, бюджет отряда составлял 32 000 рублей. Одновременно Медников оставался руководителем московской «наружки». Многие представители секретных служб империи прошли школу наружного наблюдения у Евстратки, как его называли за глаза. У Медникова учились С. В. Зубатов[558], А. И. Спиридович[559], В. Н. Лавров.

Спиридович впоследствии писал: «По деловитости, опытности и серьезности филеров, которые в большинстве брались из московских филеров, летучий отряд был отличным наблюдательным аппаратом, не уступавшим по умению приспособляться к обстоятельствам, по подвижности и конспирации профессиональным революционерам. <…>

Медниковский филер мог пролежать в баке над ванной <…> целый вечер; он мог долгими часами выжидать на жутком морозе наблюдаемого с тем, чтобы провести его затем домой и установить, где он живет; он мог без багажа вскочить в поезд за наблюдаемым и уехать внезапно, часто без денег, за тысячи верст; он попадал за границу, не зная языков, и умел вывертываться.

Его филер стоял извозчиком так, что самый опытный профессиональный революционер не мог признать в нем агента. Умел он изображать из себя и торговца спичками, и вообще лотошника. При надобности мог прикинуться он и дурачком и поговорить с наблюдаемым, якобы проваливая себя и свое начальство. Когда же служба требовала, он с полным самоотвержением продолжал наблюдение даже за боевиком, зная, что рискует при провале получить на окраине города пулю браунинга или удар ножа, что и случалось»[560].

С. В. Зубатов

Значимые успехи в агентурной работе среди революционных организаций были достигнуты также и Московским охранным отделением. Во многом они связаны с деятельностью С. В. Зубатова. Этот человек, будучи вначале помощником начальника отделения Н. С. Бердяева, а затем начальником, настолько отладил агентурную работу и наружное наблюдение, что заниматься революционной деятельностью в Москве считалось безнадежным делом. В молодости увлекавшийся либеральной идеологией, Зубатов являлся отменным «людоведом и душелюбом»: зная особенности человеческой психологии, он исподволь выяснял моральные качества, степень убежденности арестованных революционеров и умело привлекал их на свою сторону. Зубатов считал абсолютно засекреченную внутреннюю агентуру главным средством политического розыска, а долгом

«охранников» – быть в курсе деятельности оппозиционеров и революционеров и наносить неожиданные удары. Приведенные ниже его слова, обращенные к подчиненным, должны служить примером для каждого оперативника.

«Вы, господа, должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой вы находитесь в тайной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг – и вы ее опозорите. Помните это, относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут вас, доверятся вам и будут работать с вами честно и самоотверженно. Штучников гоните прочь, это не работники, это продажные шкуры. С ними нельзя работать. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальству. Сами забудьте его настоящую фамилию и помните только по псевдониму.

Помните, что в работе сотрудника, как бы он ни был вам предан и как бы честно ни работал, всегда, рано или поздно, наступит момент психологического перелома. Не прозевайте этого момента. Это момент, когда вы должны расстаться с вашим сотрудником. Он больше не может работать. Ему тяжело. Отпускайте его. Расставайтесь с ним. Выведите его осторожно из революционного круга, устройте его на легальное место, исхлопочите ему пенсию, сделайте все, что в силах человеческих, чтобы отблагодарить его и распрощаться с ним по-хорошему.

Помните, что, перестав работать в революционной среде, сделавшись мирным членом общества, он будет полезен и дальше для государства, хотя и не сотрудником, будет полезен уже в новом положении. Вы лишаетесь сотрудника, но вы приобретаете в обществе друга для правительства, полезного человека для государства»[561].

Кроме агентов Зубатова и филеров Медникова оперативной работой в Московском охранном отделении занимались полицейские надзиратели. Они отвечали за осуществление надзора за политически неблагонадежными лицами и студенческой молодежью, занимались проверкой лиц, вызвавших подозрение. Надзиратели имели право ношения статского платья и должны были дважды в неделю докладывать обо всем в охранное отделение и получать новые распоряжения. Участковый пристав, сотрудники полиции и гражданские чиновники обязывались оказывать надзирателям всяческое содействие. Главными помощниками надзирателей являлись содержатели меблированных комнат, швейцары, ночные сторожа, дворники и т. п. служилый люд. Надзиратель проживал во вверенном ему районе недалеко от участкового полицейского управления и не мог без разрешения отлучаться.

Круг обязанностей и служебная деятельность полицейских надзирателей регламентировались не подлежавшей оглашению «Инструкцией полицейским надзирателям при Отделении по охранению общественной безопасности и порядка в Москве», утвержденной московским обер-полицмейстером 10 марта 1897 г. (вы найдете ее в конце главы.) Одной из причин успеха московских спецслужб было хорошее взаимодействие начальника охранного отделения С. В. Зубатова и обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова[562].

Руководитель Заграничной агентуры ДП Рачковский разделял взгляды Зубатова на агентурную работу. Отводя секретной агентуре «первенствующее место», он считал, что следует немедленно приступить к правильной организации внутренней агентуры с целью осуществления «рационального надзора» за оппозиционными элементами и придачи розыскной деятельности строгой системы. К месту сказать, что полицейские способности Рачковского высоко оценивались за рубежом. С. Ю. Витте писал: «Президент Французской Республики Лубэ[563] говорил мне, что он так доверяет полицейскому таланту и таланту организации Рачковского, что когда ему пришлось поехать в Лион, где, как ему заранее угрожали, на него будет сделано нападение, то он доверил охрану своей личности Рачковскому и его агентам, веря больше полицейским способностям Рачковского, нежели поставленной около президента французской охране»[564]. Это если не единственный, то, несомненно, редкий случай, когда президент в собственной стране доверил жизнь иностранной службе при наличии и полной готовности отечественных служб. Он особенно ценен, если принять во внимание условия, о которых идет речь: Эмилю Лубэ серьезно угрожали. Поступок президента свидетельствует о полноте доверия к службе Рачковского и… о недоверии к собственным службам либо о боязни утечки информации из них.

П. И. Рачковский

До 1902 г. руководство МВД и Департамента полиции практически не реагировало на изменения в революционном движении: лица, занимавшие высшие посты в данных ведомствах, слабо разбирались в специфике политического сыска. Единственной реакцией директора Департамента полиции П. Н. Дурново в 1892 г. на записку Рачковского «О постановке работы органов сыска» была помета «читал». После него на посту директора к 1902 г. побывали четверо: Н. И. Петров (февраль 1893 г. – июль 1895 г.), Н. Н. Сабуров (июль 1895 г. – апрель 1896 г.), А. Ф. Добржинский (апрель 1896 г. – август 1897 г.), С. Э. Зволянский (август 1897 г. – май 1902 г.). Кроме Зволянского[565], никто из них не имел опыта не только оперативной работы, но даже полицейской службы. Министрами внутренних дел в тот период были: И. Н. Дурново[566] (1889–1895 гг.), И. Л.

Горемыкин[567] (1895–1899 гг.), Д. С. Сипягин[568] (1899–1902 гг.). Высшее политическое руководство Российской империи (и в первую очередь Николай II) не понимало или не хотело понимать, что политическая ситуация в стране по сравнению с предыдущим царствованием значительно изменилась.

1 марта 1898 г. в Минске состоялся 1-й съезд социал-демократических организаций, на котором была образована Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). В «Правилах поведения революционных социал-демократов», распространявшихся накануне съезда, содержались разделы «Корпус жандармов и организация шпионов» и «Поведение на свободе», знакомившие революционеров с некоторыми методами работы полиции и жандармерии, правилами конспирации и обеспечения личной безопасности. В. И. Ульянов (Ленин) в брошюре «Задачи русских социал-демократов» (опубликована в 1898 г.) отмечал: «Правительство опутало уже заранее сетью своих агентов не только настоящие, но и возможные, вероятные очаги антиправительственных элементов. Правительство <…> изобретает новые приемы, ставит новых провокаторов…»; он считал, что партии «нужны люди, следящие за шпионами и провокаторами»[569]. В 1902 г. в работах «Что делать?» и «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» он так говорил о борьбе партии с политической полицией: «Мы должны стремиться создать организацию, способную обезвреживать шпионов раскрытием и преследованием их»; «борьба с политической полицией требует особых качеств, требует революционеров по профессии»[570]. Как видим, одним из направлений деятельности РСДРП с момента ее основания стало противодействие правительственным спецслужбам и создание структур, способных на должном уровне противостоять секретным службам империи.

С 1897 г. началось объединение разрозненных эсеровских групп, которые к началу 1902 г. образовали Партию социалистов-революционеров (эсеров). Одним из важных направлений революционной деятельности эсеров стал терроризм. Основателем и первым руководителем боевой группы был Г. А. Гершуни (И. И. Герш)[571]. Примечательно, что он вербовал боевиков еще летом 1901 г., т. е. до создания партии. Мы полагаем, что одним из движущих мотивов могло быть желание заполучить полностью подконтрольную ему лично силовую структуру, которая при определенных условиях заставила бы других членов руководящих органов партии считаться с его мнением. Волю, ум, работоспособность и обаяние Гершуни единодушно отмечали как его соратники, так и противники. В части теоретического обоснования террористических актов

против представителей правящей элиты ничего нового у эсеров не было. Теория борьбы с правительством с помощью терроризма разработана еще народовольцами в 1870-е гг.

И. Л. Горемыкин

Г. А. Гершуни

Кроме кадровой чехарды в руководстве МВД и Департамента полиции активной работе революционеров в начале XX в. способствовали следующие факторы. Л. А. Ратаев свидетельствует: «Наряду со слабостью государственной полиции замечалось еще и полное отсутствие всяких способов воздействия на надвигавшуюся революцию. Ссылка существовала только на бумаге. Не бежал из ссылки только тот, кто этого не хотел, кому по личным соображениям не было надобности бежать. Тюрьмы не существовало вовсе. При тогдашнем тюремном режиме революционер, попавший в тюрьму, беспрепятственно продолжал свою прежнюю деятельность»[572]. Заключенные свободно переписывались с внешним миром и с арестованными, находившимися в других тюрьмах. В 1895 г. была проведена широкомасштабная амнистия в отношении осужденных революционеров, многие из которых уехали за границу и активно включились в антиправительственную деятельность. Смертная казнь в империи с 1888 г. не применялась. Результаты допущенных руководством страны ошибок не замедлили сказаться. 14 февраля 1901 г. прибывший из Германии террорист-

одиночка П. В. Карпович смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголепова. 18 и 21 марта 1902 г. были совершены два неудачных покушения террористов-одиночек на московского обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова.

С. В. Балмашев

Используя благоприятную ситуацию, инициативная боевая группа эсеров во главе с Гершуни в 1902 г. начала подготовку к покушению на министра внутренних дел Д. С. Сипягина, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и санкт-петербургского градоначальника Н. В. Клейгельса. На роль исполнителей были выбраны сын народовольца В. А. Балмашева С. В. Балмашев, а также Е. К. Григорьев и Ю. Ф. Юрковская. Подготовка к покушению происходила на территории Финляндии. Балмашев-младший ранее уже привлекался к ответственности за антигосударственную деятельность, но был освобожден из-под стражи под надзор полиции. Одетый для маскировки в офицерскую форму, он изображал прибывшего с пакетом адъютанта московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. 2 апреля он беспрепятственно вошел в кабинет Сипягина и произвел два выстрела в упор, смертельно ранив министра. Как показало вскрытие, извлеченные из тела министра пули оказались крестообразно распилены. Поручик артиллерии Григорьев и его невеста Юрковская от проведения терактов во время похорон Сипягина отказались.

Убийство Сипягина привело к тому, что Гершуни получил от Центрального комитета Партии социалистов-революционеров исключительные полномочия на осуществление террористической деятельности. В статье «Террористический элемент в нашей программе» В. М. Чернов[573]писал, что Боевая организация «…получает от партии – через посредство ее центра – общие директивы относительно выбора времени для начала и приостановки военных действий и относительно круга лиц, против которых эти действия направляются. Во всем остальном она наделена самыми широкими полномочиями и полной самостоятельностью. <…> Она имеет вполне обособленную организацию, особый личный состав (по условиям самой работы, конечно, крайне немногочисленный), отдельную кассу, отдельные источники средств»[574]. В мае 1902 г. ЦК партии в лице М. Р. Гоца[575], В. М. Чернова и Гершуни принял решение расширить применение террора и приближать террор к массам. В качестве объектов были выбраны виленский, уфимский и харьковский губернаторы – по мнению эсеровских лидеров, наиболее одиозные «сатрапы».

В начале XX в. особых трудностей террористы, даже одиночки, не испытывали: в те годы убить министра, полицейского или чиновника было достаточно просто. Анализ удачных террористических актов того времени показывает, что сотрудники полиции и жандармерии относились к вопросам обеспечения личной безопасности небрежно. Немногочисленная охрана, имевшаяся у высших должностных лиц Российской империи, являлась скорее протокольно-представительской и эффективно противодействовать организованной группе «идейных» боевиков была не в состоянии. Многие народовольцы, проживавшие за границей, охотно передавали эсерам навыки конспирации и боевой работы.

Успешной деятельности революционеров способствовал слабый уровень подготовки полицейских, в том числе и руководящего состава. В качестве примера приведем такой факт: в сентябре 1901 г. Гершуни несколько дней проживал в Петербурге под своей собственной фамилией, только через год этот случай стал предметом разбирательства со стороны петербургского градоначальника генерала Н. В. Клейгельса[576].

Градоначальник издал предписание «О необходимости сознательного отношения к своим обязанностям»: «Согласно секретному циркуляру Министерства внутренних дел по Департаменту полиции от 22 июня 1901 года за № 2234, столичною полициею производится розыск Григория Андреева Гершун (Гершуни), бактериолога-врача. Означенный Гершун, с

паспортною книжкою, выданною на имя провизора Григория Исаакова Гершуна, прибыл 11 сентября 1901 года в дом № 2 по Пушкинской улице и, прожив там до 14 сентября, выбыл, не быв задержан ввиду оказавшейся разницы в отчестве и звании, значившихся в розыскных на него листках и в предъявленной им по прибытии в столицу паспортной книжке.

Хотя обстоятельство это с формальной стороны может служить оправданием действий местной полиции, не принявшей мер к задержанию Гершуни, но шаблонное отношение к делу первостепенной важности временно исполнявшего обязанности пристава капитана Чернышева в данном случае обращает на себя особое внимание.

Не подлежит сомнению, что при внимательной распорядительности и сознательном отношении к серьезнейшим своим обязанностям капитан Чернышев имел полную возможность путем наведения соответственных справок обнаружить неточность листков и принять меры к задержанию Гершуни, беспрепятственное проживание коего в столице и объясняется главным образом ничего не обеспечивающим формальным отношением к службе.

На изложенный случай признаю необходимым обратить особое внимание гг. приставов и предлагаю принять все меры к невозможности повторения подобных случаев на будущее время»[577].

Эсеровские боевики были вооружены значительно лучше народовольцев. Основным стрелковым оружием террористов в начале XX в. стал «браунинг», который легко прятался под одежду. Для повышения убойной силы пули надпиливали, что превращало их в разрывные, а также снаряжались ядами – чаще мышьяком или стрихнином, реже экзотическими ядами, которые могли достать или изготовить изобретательные организаторы террора. Бомбы для покушений собирали в нелегальных лабораториях, основным взрывчатым веществом стал самодельный динамит. Надежная система учета и хранения этих веществ в Российской империи и перекрытие каналов поступления взрывчатки из-за рубежа оказались факторами, сдерживавшими рост террористической активности боевиков. Кустарное производство взрывчатых веществ являлось опасным делом: подпольная лаборатория в любой момент могла взлететь на воздух вместе с «лаборантами». К сожалению, молодых фанатиков, готовых пожертвовать жизнью во имя революционной идеи, в те годы имелось более чем достаточно.

После убийства Сипягина министром внутренних дел и шефом жандармов был назначен В. К. Плеве. Убежденный

сторонник самодержавия, высококвалифицированный юрист, выдающийся человек, Плеве имел и недостатки. Он относился к разряду тех должностных лиц, которые, достигнув высокого положения, искренне полагают, что есть только два мнения – «мое и неправильное». Несмотря на руководство в 1881–1884 гг. Департаментом полиции, он не являлся крупным специалистом в области оперативной работы, ему казалось, что для победы над революционерами достаточно применения запретительных и репрессивных мер. Самоуверенность министра в конечном счете стоила ему жизни.

В мае директором Департамента полиции стал А. А. Лопухин, лично преданный Плеве, но в отличие от министра убежденный либерал. Придя в полицию с должности прокурора, Лопухин не был тем человеком, который мог организовать профессиональное системное противодействие усиливавшемуся революционному движению, особенно росту терроризма. К деятельности секретных сотрудников он испытывал «особенно прочные антипатии». Такая позиция человека, согласившегося занять пост директора Департамента полиции, по отношению к агентуре представляется странной. Полицейский чиновник, особенно высокого ранга, не должен демонстрировать негативное отношение к агентам, тем более – публично. Непрофессионализм Лопухина стал одной из причин неудовлетворительной работы (с элементами личностного профессионального саботажа) многих сотрудников полиции в 1904–1905 гг.

В отличие от высшего руководства империи профессионалы из полиции и спецслужб оценивали сложившуюся ситуацию адекватно. В подготовленной в начале 1902 г. «Записке о революционном движении в империи» заведующий Особым отделом Л. А. Ратаев писал: «Революция идет вперед, захватывает все более и более обширные слои общества, изобретает новые формы: правительство же пользуется для противодействия ей все теми же старыми способами, пригодными, быть может, лет сто назад. <…> Существует масса полиций <…> все они в лучшем случае друг другу только мешают, а подчас и противодействуют…»[578]. Для более эффективной работы он предлагал объединить усилия всех жандармских и полицейских служб в губерниях. Резолюция Лопухина гласила: «Возвратить в Особый отдел».

Летом 1902 г. по инициативе Ратаева произведена реорганизация Особого отдела: в нем создано четыре стола (отделения). 1-й стол (руководитель И. А. Зыбин) занимался шифровкой и расшифровкой служебной корреспонденции, дешифровкой перлюстрированной корреспонденции. 2-й стол (Н.

А. Пешков) координировал работу заграничной агентуры. 3-й стол (В. Д. Зайцев) осуществлял наблюдение за учебными заведениями. 4-й стол (Г. М. Трутков) вел переписку по данным наружного и агентурного наблюдения. Поскольку агентурная работа в губернских жандармских управлениях являлась наиболее слабым местом политического сыска, по инициативе начальника Особого отдела 12 августа Плеве подписал «Положение о начальниках розыскных отделений» (текст этого документа приводится ниже).

Обоснование создания специальных розыскных органов дано в циркуляре Департамента полиции № 5200 от 13 августа 1902 г. Циркуляр гласил:

«Постепенно усиливающееся за последние годы развитие кружков, занимающихся пропагандой социал-демократических идей в рабочей среде и широким распространением воспроизводимых ими на гектографе или ручным типографским способом революционных воззваний, брожение среди учащейся молодежи, сопровождаемое уличными беспорядками, систематическое водворение из-за границы транспортов нелегальной литературы и, наконец, возникновение революционных организаций, задавшихся целью перенести преступную пропаганду в среду сельского населения для подстрекательства крестьян к устройству аграрных беспорядков, побуждают начальников губернских жандармских управлений обратить почти исключительное внимание на политический розыск, отодвинув на второй план другие стороны лежащих на них обязанностей, среди которых важное место занимает производство дознаний о государственных преступлениях в порядке 1035 ст. Уст. угол. судопр.

Такое положение дела обратило на себя своевременное внимание Департамента полиции, который в 1894 г. сформировал особый отряд наблюдательных агентов для командирования их в помощь местным силам в те города, где почему-либо замечалось особое усиленное развитие революционной агитации. По мере того, однако, как противоправительственная пропаганда охватывала все более широкие районы, деятельность отряда соответственно расширялась и, наконец, в некоторых местностях, где замечалось чрезмерное скопление неблагонадежных лиц, временная командировка наблюдательных агентов постепенно превратилась в постоянную, что уже совершенно не сообразовалось ни с силами отряда, ни с характером и задачами его деятельности. Между тем опыт последних лет доказал, что современные революционные организации едва ли можно считать приуроченными к одной определенной местности, а что,

наоборот, они охватывают целые районы сетью мелких кружков, связь между коими поддерживают наиболее ловкие, смелые и опытные агитаторы, преимущественно нелегальные, отличающиеся чрезвычайной подвижностью, которая и создает им особую неуловимость. Естественно, что для успешной борьбы с такими приемами пропаганды и агитации необходимо противопоставить им соответственно приспособленные розыскные органы. Начальники губернских жандармских управлений и их помощники по существу лежащих на них обязанностей прикреплены к месту, а кроме того лишены возможности сосредоточить исключительное внимание и посвятить все свои силы политическому розыску, как того требуют современные условия.

Желая облегчить эту сторону деятельности губернских жандармских управлений и предоставить начальникам последних и подведомственным им чинам возможность сосредоточить особое внимание на производстве политических дознаний, успешное производство коих, как разработка результатов розыска, является вопросом первостепенной важности, Департамент полиции признал необходимость сформировать особые розыскные отделения, на начальников коих возлагается исключительно заведывание политическим розыском, т. е. наружным наблюдением и секретной агентурой в известном определенном районе. На первое время Департамент полиции нашел возможным ограничиться учреждением подобных отделений в нижеследующих городах, где замечается особо усиленное развитие революционного движения: Вильне, Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе и Харькове, предполагая в ближайшем будущем учредить подобные отделения в тех местностях, где то потребуется, сообразно обстоятельствам дела.

Из прилагаемого при сем экземпляра утвержденного г. министром внутренних дел „Положения о начальниках розыскных отделений“ усматривается, что с учреждением подобных отделений выдаваемые Департаментом полиции начальникам губернских жандармских управлений деньги на агентурные расходы будут впредь выдаваться в непосредственное распоряжение начальников розыскных отделений. Принимая, однако, во внимание, что по установившейся практике отпускаемые Департаментом суммы употребляются кроме агентурных надобностей также и на покрытие других расходов, как то: по содержанию канцелярии, уплату за пользование телефоном, на телеграф, на перевозку арестантов и т. п., Департамент полиции просит гг. начальников губернских

жандармских управлений вышеперечисленных городов представить в возможно непродолжительном времени соображения, какая сумма по местным условиям потребуется в год на покрытие сих мелких расходов.

Сообщая об изложенном, Департамент полиции позволяет себе выразить уверенность, что гг. начальники жандармских управлений окажут полное содействие начальникам розыскных отделений при выполнении изложенных на них трудных и ответственных обязанностей. Наконец необходимо вообще наблюдать за духом всего населения и за направлением политических идей общества, стараясь исследовать причины неблагоприятного правительству настроения умов.

Начальники губернских управлений обязаны представлять в Д[епартамен]т полиции политический обзор местности, вверенной их наблюдению, на основании циркуляра Д[епартамен]та полиции от 21 мая 1887 г. № 1348»[579].

Согласно положению розыскные отделения учреждались в тех губерниях, где отмечалось усиленное развитие революционного движения. В октябре к названным в циркуляре прибавились розыскные отделения в Перми, Симферополе, Нижнем Новгороде. Начальники отделений, заведовавшие политическим розыском (секретной агентурой и наружным наблюдением), назначались директором Департамента полиции из офицеров Отдельного корпуса жандармов или чиновников Департамента полиции. Начальники розыскных отделений подчинялись непосредственно Департаменту полиции, получали от него указания в отношении общего хода розыска в империи и докладывали в департамент обо всех агентурных сведениях и данных наружного наблюдения. Взаимодействие розыскных отделений и губернских жандармских управлений было следующим: начальники розыскных отделений словесно информировали начальников ГЖУ о ходе наблюдения и результатах розысков. Начальники ГЖУ предоставляли начальникам отделений все сведения, имеющиеся в ГЖУ. Лица, предлагающие ГЖУ агентурные услуги, направлялись к начальникам отделений. Обыски и аресты проводились с согласия Департамента полиции в соответствии с заранее представленными начальниками розыскных отделений списками с обоснованием меры пресечения. Все следственные действия осуществлялись местными губернскими жандармскими управлениями (по предписаниям Департамента полиции), надзор за следствием осуществляли представители прокуратуры. В экстренных случаях начальники ГЖУ осуществляли следственные действия по представлению начальников розыскных отделений без санкции Департамента полиции.

Создание розыскных отделений являлось своевременным, но имело и негативную сторону, поскольку положило конец монополии жандармов на политический сыск. Многие высшие чины Отдельного корпуса жандармов на местах были настроены по отношению к «конкурентам» весьма враждебно. Начальник Киевского губернского жандармского управления генерал В. Д. Новицкий писал: «…Ненависть и злоба не только начальников жандармских управлений, но и вообще офицеров Корпуса жандармов дошла до ужасающих пределов ненависти к своему шефу и Департаменту полиции, образовавшему филиальные жандармские управления в губерниях в лице ненавистных охранных отделений»[580]. Генерал А. И. Спиридович отмечал: «Была довольна молодежь, так как ей давали ход по интересной работе, но старые начальники управлений, считавшие себя богами, были обижены. Они формально отходили от розыска, хотя фактически они им серьезно и не занимались»[581]. Несмотря на то что во многих директивных документах МВД говорилось о необходимости сотрудничества губернских жандармских управлений и розыскных отделений, реальное сотрудничество находилось в прямой зависимости от личных качеств их начальников и понимания важности взаимной работы. По нашему мнению, наиболее целесообразным было бы создание единой системы органов государственной безопасности, в которых оперативная работа и следствие по политическим преступлениям находились в одних руках.

В сентябре 1902 г. заведующим Заграничной агентурой назначили Л. А. Ратаева, в начале октября заведующим Особым отделом – С. В. Зубатова. Бывший начальник Московского охранного отделения П. П. Заварзин[582] впоследствии писал, что в начале XX в. политический сыск в Российской империи был поставлен слабо, что многие жандармы и полицейские чиновники не были знакомы с элементарными приемами работы, практически не разбирались в программах политических партий. Зубатов первым в России поставил розыск на научную основу по западному образцу, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т. п.

По инициативе Зубатова на должности чиновников Особого отдела пригласили ряд опытных офицеров-розыскников. В составе отдела появились два новых стола (отделения), руководители которых Л. П. Меньшиков[583] и Е. П. Медников прибыли с Зубатовым из Московского охранного отделения. Меньшиков отвечал за координацию работы охранных и розыскных отделений. Он хорошо знал революционную среду, поскольку в молодости был участником одной из революционных

организаций. Он был опытным оперативником: однажды под видом заграничного представителя одной из революционных организаций объехал все известные явки, повидался с представителями местных групп и провел начальническую ревизию. Меньшиков занимался и информационно-аналитической работой: составлением докладов, написанных по данным внутренней агентуры, а также сводок о революционных деятелях. Медников заведовал наружным наблюдением. Летучий отряд при Московском охранном отделении расформировали, его кадровое ядро (20 человек) вошло в состав аналогичного отряда при Особом отделе.

При Зубатове сформировались основные методы политического сыска в Российской империи: агентурная работа, наружное наблюдение, перлюстрация корреспонденции, информационно-аналитическое обеспечение. Большое внимание уделялось созданию нормативной базы оперативно-розыскной деятельности. 21 октября 1902 г. циркуляром Департамента полиции за № 6641 начальникам губернских жандармских управлений, охранных и розыскных отделений был направлен «Свод правил, выработанных в развитие утвержденного господином министром внутренних дел 12 августа текущего года „Положения о начальниках розыскных отделений“». 31 октября 1902 г. директор Департамента полиции Лопухин подписал «Инструкцию филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений», составленную Зубатовым и Медниковым с учетом предыдущего опыта оперативно-розыскной работы (эти документы вы также найдете ниже). 13 февраля 1903 г. розыскные отделения были переименованы в охранные.

Один из признанных мастеров политического сыска П. Заварзин писал о том времени:

«Под понятием „политический розыск“ подразумеваются действия, направленные лишь к выяснению существования революционных и оппозиционных правительству партий и групп, а также готовящихся ими различных выступлений, как то: убийств, грабежей, называемых „экспроприациями“. <… >

Розыск по политическим преступлениям – одно, а возмездие по ним совершенно другое, почему никаких карательных функций у политического розыска не было, а осуществлялись они в ином порядке. <…>

Высшее руководство розыском, как политическим, так и уголовным, сосредоточивалось в Департаменте полиции при Министерстве внутренних дел.

Как тем, так и другим ведали отдельные делопроизводства, действовавшие самостоятельно друг от друга. В числе различных

отделов департамента существовало делопроизводство регистрации, заключавшее в себе фамилии, клички, фотографии, дактилоскопические и антропометрические данные, относящиеся ко всем без исключения лицам, проходившим по политическим и уголовным делам империи.

На должность директора Департамента полиции в большинстве случаев назначались лица прокурорского надзора, имевшие по своей прежней службе опыт в ведении политических дел. По существу своих обязанностей директор департамента близко стоял к министру внутренних дел, почему и назначался по его избранию. Таким образом, с уходом последнего оставлял свой пост и директор. За 15 лет, предшествовавших революции, их сменилось 12 человек.

Подчиненными Департаменту полиции на местах, по политическому розыску, являлись жандармские управления и охранные отделения, но донесения в Департамент полиции поступали не только от этих учреждений, но и от губернаторов и градоначальников. В последнем случае они касались главным образом политических настроений и общественных движений их губерний и градоначальств. Поступившие таким образом сведения регистрировались в департаменте, который по существу их давал соответствующие указания и при надобности рассылал свои циркуляры.

Жандармские управления территориально покрывали всю Россию, охранные же отделения находились лишь в некоторых пунктах.

Соображения революционных партий и групп при создании ими своих областных и районных комитетов послужили основанием к организации таких же районов по розыску. Общность и однородность географических, промышленных, этнографических и других условий в обоих случаях послужила главным доводом при распределении.

Жандармские управления, входившие в район, согласовывали свои действия с районным жандармским управлением или охранным отделением. Районы были введены директором Департамента полиции М. И. Трусевичем в начале 1900-х годов. <…>

Руководителями политическим розыском в охранных отделениях и жандармских управлениях были офицеры Отдельного корпуса жандармов. <… >

Организация розыскного органа была такова.

Во главе стоял начальник; ближайшими его помощниками являлись жандармские офицеры и чиновники. Канцелярия его обслуживалась обычным штатом, причем при ней находился

регистрационный отдел с антропометрическими и дактилоскопическими данными, а также библиотека всех революционных и вообще запрещенных изданий. На постоянной службе состояли также агенты наружного наблюдения, в общежитии называвшиеся филерами, а враждебно – шпиками. Они составляли особую команду, подчиненную чиновнику, заведовавшему наружным наблюдением. Филеры вели „слежку“, а особые агенты производили выяснение фамилий и адресов наблюдаемых лиц и назывались надзирателями, или агентами по выяснению. Лица, которые подлежали наблюдению филеров, указывались начальником розыскного органа по поступившим в его распоряжение „агентурным“ или „секретным“ данным. Первые поступали от „секретных сотрудников“, вращавшихся в обследуемой среде. Эти сотрудники у революционеров назывались „провокаторами“.

Свидания с ними осуществлялись на особых частных квартирах, называемых конспиративными, куда начальник розыска приходил в штатском платье. Так называемые „секретные сведения“ поступали от Департамента полиции из отдела почтовой цензуры, известного широкой публике под названием „черного кабинета“.

По окончании обследования данной группы таковая ликвидировалась, т. е. лица, в нее входившие, обыскивались, а когда нужно было по ходу дела, то и арестовывались, преимущественно в порядке статьи 12 Положения об охране 1881 года. На основании этой статьи начальникам жандармских управлений и их помощникам предоставлялось право задержания подозреваемых сроком на две недели. Этот срок мог быть продлен губернатором или градоначальником до одного месяца, а затем задержанный или освобождался, или зачислялся за Министерством внутренних дел до окончания о нем дела. За правильностью содержания под стражею задержанных наблюдал участковый товарищ прокурора.

При каждом жандармском управлении и охранном отделении находились одно или несколько лиц прокурорского надзора, наблюдающих за ходом и направлением всех политических дел. Часть их, при наличии уличающих данных, передавалась для производства формального дознания или же предварительного следствия, в порядке статьи 1035 Устава уголовного судопроизводства.

Все расследования, производимые охранными отделениями и жандармскими управлениями, принимали одну из следующих трех форм:

1) Предварительное следствие, производимое следователем

по особо важным делам округа судебной палаты.

2) Формальное дознание, производимое жандармским офицером в порядке статьи 1035 Устава уголовного судопроизводства, которое по окончании передавалось прокурору для направления в судебную палату.

3) Административное расследование, или „переписка“, производившаяся на основании положения о государственной охране.

В первом и втором случаях дело разрешалось судебной палатою или Сенатом, в последнем же оно шло с заключением губернатора на решение в особое совещание при Министерстве внутренних дел. По рассмотрении переписки составлялось заключение – дело или прекращалось с освобождением задержанных лиц, или же „подозреваемые“ высылались в отдаленные места империи на срок не свыше пяти лет. Больным высылка в отдаленные места заменялась выдворением в местности, климатические условия которых были бы не вредны для их здоровья. В последние годы, по ходатайствам высылаемых, им разрешался взамен высылки выезд за границу с запрещением въезда в Россию. Зачастую дела по административным перепискам прекращались вовсе по Высочайшему повелению в ответ на поданные Государю прощения о помиловании.

Достоверность получаемых розыскным учреждением сведений, правильность донесений, ведение „административных переписок“, постановка всего розыскного дела, денежных расчетов и т. п. контролировалась Департаментом полиции в лице его чинов, приезжавших на места и имевших, между прочим, даже свидания с секретными сотрудниками на конспиративных квартирах.

Из изложенного явствует, что организация розыскного дела и роль в нем чинов Корпуса жандармов была значительно менее той, которую ему придавали, ибо деятельность розыскных органов заканчивалась гораздо ранее самого разрешения дела, а потому приписываемое им значение „вершителей политических дел“ неправильно»[584].

Несмотря на то что к оперативному руководству политическим сыском постепенно приходили наиболее компетентные на тот момент лица, общая ситуация в стране продолжала ухудшаться. Это было связано и с тем, что большинство руководителей и сотрудников Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов оказались слабо подготовленными к работе в новых условиях. Например, зачисленный в Отдельный корпус жандармов офицер прослушивал курс лекций при штабе корпуса по относящемуся к

жандармской деятельности законодательству, делопроизводству и получал инструкции по практической работе. Однако такой подготовки было явно недостаточно; одним из первых на это обратил внимание Зубатов. В докладной записке на имя командира жандармского корпуса (1901 г.) он отмечал недостатки в организации обучения офицеров: указывал, что социология, история политических и социальных движений и политэкономия являются необязательными, а психология, быт, интересы и история революционной среды, нелегальная литература и техника наблюдения вообще не изучаются.

Зубатов считал, что молодые жандармские офицеры при поступлении в корпус должны изучать следующие гуманитарные предметы: богословие и историю церквей, общую историю, философию, психологию и социологию; общую теорию права, государственное и уголовно-процессуальное право; политэкономию и финансы, историю экономики, хозяйственное устройство России; русскую историю, историю зарубежной и русской литературы; историю политических учений и партий, особенно историю социалистических движений; русское общественное и революционное движение; подлинники нелегальной литературы. Несомненно, что базовая гуманитарная подготовка, на введении которой настаивал Зубатов, могла бы позволить жандармским офицерам более грамотно и результативно противостоять революционерам, поскольку многие партийные активисты были образованными людьми.

А. А. Лопухин также отмечал: «При отсутствии элементарных научных понятий о праве, при знакомстве с общественной жизнью только в ее проявлениях в стенах военной школы и полковых казарм все политическое мировоззрение чинов Корпуса жандармов заключается в представлениях о том, что существует народ и государственная власть, что последняя находится в непрестанной опасности со стороны первого, что она подлежит в этой опасности охране и что для осуществления таковой все средства безнаказанно дозволены. Когда же такое мировоззрение совпадает со слабо развитым сознанием служебного долга и неспособностью по умственному развитию разобраться в сложных общественных явлениях, то основанные на нем наблюдения останавливаются только на внешних проявлениях этих явлений, не усваивая внутреннего их содержания, и поэтому всякое явление общественное принимает характер для государственной власти опасное. Вследствие чего охрана государственной власти в руках Корпуса жандармов превращается в борьбу со всем обществом, а в конечном результате приводит к гибели и государственной власти, неприкосновенность которой может быть

обеспечена только единением с обществом. Усиливая раскол между государственной властью и народом, она создает революцию»[585].

Еще одной стороной деятельности Зубатова стала организация управляемого рабочего движения. Его мысль заключалась в создании профессиональных союзов, отрицающих революционное насилие и выступающих за эволюционное развитие страны. Создание легальных рабочих организаций, поддерживаемых правительством, позволяло решать две задачи: 1) контролировать рабочее движение и выявлять на ранней стадии группы экстремистской направленности; 2) с помощью профсоюзов добиваться улучшения условий труда рабочих и повышения заработной платы. Подобную тактику, впоследствии названную «полицейским социализмом», Зубатов называл «особым методом ведения общественных и государственных дел». Однако новые идеи начальника Особого отдела встретили яростную критику «справа» и «слева». Лидеры революционных организаций быстро поняли опасность подобной затеи, поскольку развитие профсоюзного движения по такому типу могло оттолкнуть от революционеров большинство рабочих.

Не менее яростными противниками назревших общественных преобразований являлись и ультраконсерваторы. Ближайшее окружение Николая II и многие представители жандармско-полицейской среды не понимали необходимости реформирования общества. Например, генерал В. Д. Новицкий искренне считал Зубатова тайным революционером; в своем дневнике он писал: «Его революционная партия далеко и очень еще далеко не знает всей его террористической деятельности, а когда узнает, то, безусловно, будет боготворить его как революционера и активного участника политического террора»[586]. Большинство фабрикантов и заводчиков также были противниками Зубатова. Не пожелав понять необходимость учитывать интересы других социальных групп, они в итоге потеряли имущество, а многие и жизнь.

Деятельность Особого отдела и охранных отделений проходила в сложных условиях. Ратаев впоследствии писал, что политическая полиция походила на армию, которая перевооружается и занимается обучением новобранцев под огнем неприятеля. Ревизии, проведенные в ряде губернских жандармских управлений в 1903 г., выявили неудовлетворительное состояние агентурной работы. Тем не менее в конце 1902 – начале 1903 г. Боевая организация эсеров понесла существенные потери. По агентурной информации заместителя Г. А. Гершуни Е. Ф. Азефа[587] были арестованы П. П.

Крафт, М. М. Мельников, Е. К. Григорьев, Ю. Ф. Юрковская и связная Гершуни Л. А. Ремянникова. Однако информация этого человека уже тогда являлась неполной, и 6 мая 1903 г. в Уфе эсеры убили губернатора Н. М. Богдановича.

Арест Гершуни в мае 1903 г. стал возможен благодаря тому, что ученик Зубатова и Медникова начальник Киевского охранного отделения ротмистр А. И. Спиридович внимательно отнесся к агентурной информации о прибытии в Киев «важного лица». Оперативные мероприятия были разработаны на высоком профессиональном уровне: на железнодорожные станции Киев-1, Киев-2, Дарница и Боярка посланы лучшие филеры, известные эсеровские явки взяты под контроль, у всех филеров проверено оружие. 13 мая сотрудники наружного наблюдения опознали и арестовали искомое лицо.

Е. Ф. Азеф

К лету работа Зубатова стала постепенно налаживаться, но его планам не суждено было реализоваться. Один из наиболее непримиримых противников Зубатова – министр внутренних дел В. К. Плеве в августе 1903 г. выразил ему свое недоверие.

Зубатова отстранили от должности и сослали во Владимир под надзор полиции. По некоторым данным, последними словами, сказанными им директору Департамента полиции, были: «Вот так и становятся революционерами…» В Российской империи в очередной раз сложилась ситуация, когда профессионалы, отвечавшие за безопасность Отечества, оказались бессильны что-либо предпринять, а высшее политическое руководство страны, окруженное льстецами и интриганами, не пожелало задуматься о будущем. Мы полагаем, что отставку Зубатова следует рассматривать как демонстрацию недальновидности и самонадеянного бессилия политического руководства империи, неспособного удержать ситуацию в стране под контролем.

После увольнения Зубатова заведующим Особым отделом стал начальник Петербургского охранного отделения полковник Я. Г. Сазонов[588], в ноябре 1903 г. его сменил Н. А. Макаров[589]. Юрист по образованию, Макаров работал ранее исключительно в системе судебного ведомства и не обладал сыскными талантами и оперативным опытом Зубатова. Впоследствии Ратаев писал: «… всюду, на всех ответственных постах сидели новые люди, которым приходилось знакомиться с делом, присматриваться, когда нужно было действовать быстро, решительно, наверняка»[590].

Тем временем внешнеполитическая ситуация также стремительно ухудшалась. В конце 1903 г. японское правительство заканчивало подготовку к нападению на Россию. В предыдущей главе мы говорили о странном пренебрежении Николая II разведывательной информацией о подготовке Японии к войне. С помощью войны российское правительство намеревалось решить и внутренние проблемы, используя фактор внешней угрозы и рост патриотических настроений. Одним из сторонников войны с Японией был В. К. Плеве, выдвинувший тезис о «маленькой победоносной войне» как средстве победить революцию. Однако надежды российской правящей элиты не оправдались. Русско-японская война, начавшаяся в 1904 г., стала катализатором революционного движения. Не получая профессионального адекватного отпора со стороны власти, террористические группировки открыли настоящую охоту на высших руководителей империи.

Одной из первых жертв неразумной внешней и внутренней политики стал министр внутренних дел В. К. Плеве. Боевая организация эсеров, после ареста Гершуни восстановленная и возглавленная Е. Ф. Азефом, организовала на Плеве пять покушений: 18 и 25 марта, 1 апреля (подорвался техник А. Д. Покотилов), 8 и 15 июля. Последняя попытка оказалась удачной.

Группа состояла из шести человек: М. И. Швейцер (готовил бомбы); Д. Ш. Боришанский, Е. С. Созонов и Л. В. Сикорский (гранатометчики); Е. О. Дулебов и И. И. Мацеевский (извозчики). При проезде открытой кареты Плеве по обычному, хорошо известному террористам маршруту Созонов метнул бомбу прямо в экипаж. Плеве и кучер были убиты, ранения и контузии получили семь человек: охранники, случайные прохожие и сам бомбометатель Созонов. Убийство Плеве вызвало в правящих кругах России состояние, близкое к панике, пост министра внутренних дел в течение полутора месяцев оставался вакантным. Позже сотрудники полиции и спецслужб узнали, что организатором убийства Плеве и руководителем Боевой организации эсеров являлся Евгений Филиппович (Евно Фишелевич) Азеф, секретный сотрудник Департамента полиции с 1892 г.

Е. С. Созонов

Среди историков до сих пор не утихают споры о том, кем же в действительности был Азеф. Одни называют его выдающимся боевиком, сумевшим проникнуть в Департамент полиции и с его помощью проводить удачные боевые операции, другие считают провокатором, работавшим против революционеров, третьи полагают, что Азеф – внедренный в департамент тайный агент иностранных (австрийских или германских) спецслужб. По нашему мнению, сущность Азефа четко определил Г. А. Лопатин (первый переводчик на русский язык «Капитала» К. Маркса): «Это

человек, который совершенно сознательно выбрал себе профессию полицейского агента точно так же, как люди выбирают себе профессию врача, адвоката и т. п. Это практический еврей, почуявший, где можно больше заработать, и выбравший себе такую профессию»[591].

До отставки Зубатова в 1903 г. Азеф находился под его началом и постоянным контролем, однако после нее контроль был частично потерян. Азеф, проходивший курс наружного и внутреннего наблюдения еще при Московском охранном отделении и накопивший к 1904 г. солидный опыт оперативной и подпольной конспиративной работы, смог использовать и революционеров и полицию в своих собственных интересах. Этот опыт позволил ему избежать смерти от рук своих «товарищей» по подполью даже после разоблачения.

В связи с деятельностью Азефа остановимся на проблеме провокаторства. Многие историки именуют секретных сотрудников и даже полицейских и жандармских чиновников провокаторами. По нашему мнению, этот термин употребляют так либо по незнанию, либо в качестве пропагандистского клише. Под провокацией следует понимать инициированные секретными сотрудниками подстрекательские действия по вовлечению других лиц в незаконную антиправительственную деятельность. В этом смысле деятельность Азефа по организации террористических актов – провокаторская. Но при этом в работе секретного сотрудника всегда имеет место практически неразрешимый парадокс. Степень информированности сотрудника напрямую зависит от занимаемого им в подпольной организации положения, а позиции в службе, которой он отчитывается, определяются его авторитетом, заработать который можно только… антиправительственной деятельностью.

Второй важный момент заключается в том, по чьей инициативе секретный сотрудник совершает те или иные противоправные деяния: по санкции специальной службы, с которой сотрудничает, или действуя на свой страх и риск. В случае с Азефом имела место двойная игра. Азеф систематически вводил в заблуждение чиновников Департамента полиции, принижая свое истинное положение в партии эсеров. Его официальные кураторы либо действительно не знали, что их подопечный является руководителем Боевой организации и отвечает за «центральный террор», либо тщательно скрывали это впоследствии. Нельзя исключить также, что кроме официального сотрудничества с полицией Азеф параллельно работал на одну из придворных группировок, которая руками эсеров устраняла политических конкурентов.

Возвращаясь к убийству Плеве, отметим, что оно организовано по хорошо отработанной (стандартной) схеме. Были установлены маршруты передвижений министра, определены количество, диспозиция и действия его охраны. Метод покушения, выбранный с учетом данных наружного наблюдения, не оставлял Плеве никаких шансов уцелеть. В числе причин, обусловивших успех покушения, следует отметить пренебрежение дополнительными мерами безопасности со стороны самого министра, отсутствие агентурной информации о планах террористов, составе боевой группы и ее дислокации, отсутствие у охраны навыков выявления наружного наблюдения боевиков и пресечения попыток совершения покушений. Приведенные факты говорят о неудовлетворительной работе органов внутренней безопасности Российской империи. Ухудшение качества их работы после 1903 г. – прямое следствие кадровой политики руководства страны.

В отличие от охраны высших сановников империи охрана Николая II действовала безупречно даже в сложных условиях. Если его отец практически не покидал столицу, то Николай II достаточно много путешествовал, а это предъявляло к охране повышенные требования. Когда император намеревался посетить какой-нибудь российский город, туда за месяц до этого события отправлялась передовая группа из отряда секретной охраны, занимавшаяся исключительно подготовкой визита. Ее сотрудники изучали улицы, по которым должен был проследовать императорский кортеж, осматривали и брали на заметку все дома по пути его следования. Особое внимание уделялось проходным дворам, пожарным лестницам, чердакам и подвалам, т. е. маршрутам вероятного подхода и отхода террористов и возможным позициям стрелков и бомбометателей.

В распоряжениях, в том числе и опубликованных в открытой печати, подробно регламентировались меры безопасности при проезде императорской семьи, обязанности домовладельцев, квартиросъемщиков, их гостей и т. д. Допуск посторонних лиц в дома, находящиеся по маршруту следования высочайших особ, осуществлялся по заранее составленным спискам. Допущенные лица не должны были иметь биноклей, подзорных труб и фотоаппаратов. Все ворота и двери, выходившие на улицу, запирались на ключ; закрывались все окна в цокольном и первом этажах. Двери в сараи и на чердаки запирались и опечатывались, чердачные окна заколачивались, пожарные лестницы обшивались тесом. За несколько часов перед проездом кортежа по пути его следования во всех узловых точках маршрута размещались сотрудники полиции в форме, их добровольные помощники и

чины отряда секретной охраны в штатском. (В конце главы вы найдете «Официальное печатное объявление по поводу приезда Их Императорских Величеств в г. Москву».)

Однако наибольшую трудность для охраны составляли не обыватели и даже не террористы, а непредсказуемое поведение самого императора. В качестве примера рассмотрим поездку Николая II в июле 1903 г. в г. Саров Нижегородской губернии. Вот как описывал этот визит начальник канцелярии Министерства императорского двора и уделов А. А. Мосолов[592]: «Лауниц[593] и я шли в середине свиты за императором. Губернатор высказал опасение, что толпа, желающая ближе видеть царя, прорвет тонкую цепь солдат и наводнит шоссе. В это время, не предупредив никого, государь свернул круто направо, прошел через цепь солдат и направился в гору. Очевидно, он хотел вернуться по дощатой дорожке и дать таким образом большему количеству народа видеть себя вблизи. Я крикнул Лауницу: „За мной!“ – и мы с великими усилиями пробились непосредственно до императора, от которого уже была оттерта вся прочая свита.

Его Величество двигался медленно, повторяя толпе: „Посторонитесь, братцы“. Государя пропускали вперед, но толпа немедленно опять сгущалась за ним, только Лауниц да я удержались за царем. Пришлось идти все медленнее, всем хотелось видеть и, если можно, коснуться своего монарха. Все более теснили нашу малую группу из трех человек, и наконец мы совсем остановились. Мужики стали размахивать руками и кричать: „Не напирайте“. Опять продвинулись вперед на несколько шагов. Я предложил царю встать на наши с Лауницем скрещенные руки, тогда его будет видно издали, но он не соглашался. В это время толпа навалилась спереди, и он невольно сел на наши руки. Затем мы его подняли на плечи. Народ увидел царя, и раздалось громовое „ура“»[594]. Как видим, в такой ситуации была высока вероятность гибели государя – и не только от рук террористов: его могла задавить восхищенная близостью монарха ненасытно любопытная толпа.

Без учета специальных военных охранно-конвойных подразделений личный состав Охранной команды Петербургского охранного отделения в 1904 г. насчитывал около 250 человек. Задачей сотрудников (филеров) этой команды (охранной агентуры) являлось обеспечение безопасности императорской фамилии. При проездах императора по Петербургу филеры рассыпались по улицам вдоль пути следования кортежа, наблюдали, чтобы никто не бросился из толпы; при поездках императора в другие города они неотлучно следовали за ним. Во всех театрах имелись места для филеров охраны. Для примера

приведем один из вариантов расстановки охранной команды того времени: «В Царском Селе – 100 человек; в окрестностях Царского Села – 12; в охране императорских театров – 17; в Департаменте полиции – 7; при доме министра внутренних дел – 1; на вокзалах – 8; дежурных и сторожей – 6; писцов – 2; больных в среднем – 10. Налицо – 87»[595].

После наступления весны количество сотрудников в Царском Селе увеличивалось вследствие расширения района поездок императора и членов императорской семьи по окружающим паркам и увеличения численности населения в прилегающих дачных местностях. При посещении императором губерний, в которых наблюдалась повышенная революционная деятельность, там временно вводилось военное положение, на пути следования царского кортежа через каждые 300 метров были расставлены посты охраны. Охранная служба являлась трудной: многие сотрудники находились на улице от 12 до 20 (!) часов при любой погоде. В среднем агент Охранной команды получал жалованье в размере 60 рублей в месяц.

Мы уже упоминали, что в период русско-японской войны специальные службы Японии предприняли попытку использовать политических противников самодержавия для ослабления России изнутри. Бывший военный агент в Петербурге М. Акаши, обосновавшийся к тому времени в Стокгольме, установил контакт с лидером Партии активного сопротивления Финляндии К. Циллиакусом (Зиллиакусом). Последний ранее бывал в Японии и некоторые свои политические статьи подписывал Самурай. Циллиакус активно сотрудничал с русскими, польскими и кавказскими революционерами и участвовал в транспортировке нелегальной литературы из Скандинавии в Россию. В одном из докладов за 1904 г. Акаши писал: «К концу июня (1904) отношения между Зиллиакусом и основными оппозиционными партиями созрели. Он и я одновременно отправились в Париж, где вместе с представителями партии „Сакартвело“ Деканози и партии „Дрошак“ графом Лорис-Меликовым совещались по поводу организации беспорядков в России. Затем Зиллиакус отправился в Лондон на переговоры с Чайковским. <…> Я обещал Зиллиакусу, что выплачу ему 3000 иен на печатание прокламаций»[596].

Циллиакус предпринял активные усилия для консолидации радикально настроенных сил эмиграции и проведения в этих целях межпартийной конференции. Он предложил лидерам эсеров «…обсудить текст общего манифеста против войны и выработать план общих совместных действий для понуждения всеми мерами, хотя бы самыми террористическими, прекратить

войну. Такими мерами могут быть одновременные в разных местностях вооруженные демонстрации, крестьянские бунты и т. п. Если понадобится оружие, то финляндцы берутся снабдить оружием в каком угодно количестве»[597]. Конференция была назначена на осень 1904 г., информация о ней поступила в Департамент полиции от Азефа через заведующего Заграничной агентурой Л. А. Ратаева. Анализ информации показал, что деятельность Акаши носила уже не разведывательный, а откровенно подрывной характер, направленный на дестабилизацию политической ситуации в России. В этих условиях противодействие военной разведке Японии было поручено не военному министерству, а Департаменту полиции.

С 30 сентября по 4 октября 1904 г. в Париже проходила конференция отдельных революционных и оппозиционных партий и групп. На ней было решено, что «…каждая партия может действовать своими методами: либералы должны атаковать правительство с помощью земства и газетных кампаний; эсерам и другим партиям следует специализироваться на крайних методах борьбы; кавказцам использовать свой навык в организации покушений; польским социалистам – опыт в проведении демонстраций»[598]. Об этом Азеф также проинформировал Департамент полиции. В октябре 1904 г. в Париж прибыл чиновник особых поручений департамента И. Ф. Манасевич-Мануйлов, вскоре установивший, что основной задачей Акаши стала организация силовых антиправительственных выступлений. Акаши говорил революционерам, что готов выделить деньги на приобретение оружия и для постоянного возбуждения общественного протеста против правительства.

Манасевич-Мануйлов получил данные об антиправительственной деятельности издателя журнала «Сакартвело» Г. Г. Деканозова (Деканози). Вокруг издания объединялись сторонники созданной в апреле 1904 г. Грузинской партии социалистов-федералистов (революционеров). Деканозов, завербованный Акаши, стал одним из его самых доверенных и высокооплачиваемых агентов, еженедельно он получал на расходы и разъезды свыше 2000 франков, что превышало расходы на всю Заграничную агентуру Департамента полиции в Париже. Манасевич-Мануйлов установил, что Деканозов регулярно участвует в транспортировке в Россию нелегальной литературы. Однако в конце 1904 г. он получил из Петербурга неожиданное указание прекратить разработку Деканозова: по мнению начальства, причастность последнего к антиправительственной военно-политической деятельности не была установлена.

1905 г. начался с трагического события, вошедшего в

историю как Кровавое воскресенье. Главные причины трагедии, произошедшей 9 января, – неразумные и непоследовательные действия высшего руководства Российской империи, недопонимание роли и места рабочего движения в политической жизни страны. Еще в 1903 г. по инициативе С. В. Зубатова в Петербурге было создано легальное «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», ставившее своей целью улучшение жизни и условий труда пролетариата. Возглавил эту общественную организацию священник Г. А. Гапон – талантливый пропагандист и организатор, быстро завоевавший популярность и среди рабочих, и во многих знатных домах столицы. «Собрание» интенсивно развивалось и к концу 1904 г. стало самой массовой рабочей организацией Петербурга, оно реально претендовало на роль лидера рабочего движения в стране. Однако после отставки Зубатова руководители Департамента полиции постепенно утрачивали над ним контроль, многие представители правящего класса увидели в «Собрании» угрозу собственному благополучию.

И. Ф. Манасевич-Мануйлов

Эсеры и эсдеки активно пытались использовать рабочее

движение в собственных интересах. Игнорирование предпринимателями законных требований пролетариата привело к возникновению социального напряжения. После увольнения в декабре 1904 г. четырех рабочих Путиловского завода 3 января 1905 г. в столице началась забастовка.

На 9 января было назначено шествие к царю, чтобы вручить ему петицию от имени рабочих. Специалист в области охраны А. В. Герасимов[599] впоследствии писал: «Для власти было два прямых пути: или пытаться раздавить движение, арестовав его вождей и ясно объявив всем, что шествие будет разогнано силой; или убедить царя выйти к рабочей депутации для того, чтобы попытаться по-мирному успокоить движение. <…> Мне передавали, что государь хотел выйти к рабочим – но этому решительно воспротивились его родственники во главе с великим князем Владимиром Александровичем»[600]. В итоге Николай II остался в Царском Селе.

Командующий Петербургским военным округом великий князь Владимир Александрович решил подавить демонстрацию с помощью военной силы, не поставив об этом в известность полицию. Не имея опыта в разрешении сложных политических конфликтов, он принял наихудшее из возможных решений: отдав приказ расстрелять мирную демонстрацию, он тем самым выстрелил в императора. Бумеранг, подорвавший веру народа в справедливого царя, был пущен.

В результате расстрела были убиты и ранены не менее 10 полицейских, сопровождавших демонстрацию и пытавшихся остановить военных. После этого случая далеко не дружественные отношения между армией и полицией еще более ухудшились.

Реакция общества на расстрел рабочей демонстрации последовала немедленно. В тот же день в Петербурге на Васильевском острове была захвачена оружейная мастерская Шаффа и разгромлено управление 2-го участка Василеостровской полицейской части.

В январе 1905 г. в Москве, Варшаве, Риге, Саратове, Киеве, Одессе, Лодзи, Ревеле, Екатеринославе, Харькове и многих других городах прошли демонстрации, забастовки и митинги протеста, переходившие в открытые столкновения с полицией и войсками. Разгон демонстраций, аресты и ссылка участников движения не дали практического результата: события продолжали стремительно развиваться.

11 января вновь учрежден пост петербургского генерал-губернатора, на него был назначен генерал свиты Д. Ф. Трепов.

18 января вышла работа В. И. Ленина «Начало революции в России» с призывом к подготовке вооруженного восстания против

самодержавия.

В Лодзи начались уличные бои между рабочими боевыми дружинами и двумя полками регулярной армии.

20 января вместо П. Д. Святополк-Мирского министром внутренних дел назначен А. Г. Булыгин[601], в феврале заявивший Николаю II, что революция уже идет.

К работе в изменившихся политических условиях высшее руководство Российской империи оказалось слабо подготовленным. Общее состояние охранных служб Российской империи в описываемый период явно не отвечало требованиям времени. В этом ряду особенно выделяется убийство московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, дяди Николая II. Он был одним из наиболее влиятельных людей при дворе, во многом определял внешнюю и внутреннюю политику Российской империи. После расстрела демонстрантов 9 января 1905 г. Боевая организация эсеров приговорила его к смерти. Когда боевики начали подготовку к покушению, внутренняя агентура сообщила о готовящемся террористическом акте в полицию. А дальше произошло нечто весьма странное. Для организации дополнительной охраны великого князя у директора Департамента полиции А. А. Лопухина были запрошены 30 000 рублей, но он отказался их выделить. Отказ мотивировался тем, что террористы якобы не посмеют совершить покушение на члена императорской фамилии. Охрану не усилили, и в итоге И. П. Каляев бросил бомбу в окно кареты Сергея Александровича прямо на территории Кремля (особо охраняемого режимного объекта!). После получения известия о гибели великого князя в результате террористического акта Д. Ф. Трепов, бывший тогда генерал-губернатором Петербурга, бросил в лицо Лопухину одно слово: «Убийца…»

Великий князь Сергей Александрович

В оппозиционной среде происходила интенсивная работа по вооружению партийных боевых отрядов. В начале февраля 1905 г. русский посол в Париже А. И. Нелидов получил письмо от горничной гостиницы «Интернациональ», где останавливался М. Акаши. За материальное вознаграждение она предложила свои услуги по негласному наблюдению за японским дипломатом. С ее помощью И. Ф. Манасевич-Мануйлов организовал прослушивание комнаты Акаши и негласный досмотр его багажа и переписки. В отчете Манасевич-Мануйлов писал: «Немедленно по получении такового извещения наблюдательные агенты были поставлены при гостинице как снаружи, так и внутри ее. 30-го же апреля удалось снять комнату под № 19, примыкающую к № 20-му, который был занят полковником Акаши. <…> Эти две смежные комнаты отделены друг от друга толстой стеной, в которой

имеются две двойные двери. <…> Каждая из этих двойных дверей имеет <…> две дверцы, одну из которых <…> мы растворили. Таким образом, нас от № 20-го отделяла лишь одна простая дверь, из которой, во избежание всяких неожиданностей со стороны соседа, предварительно был вынут ключ. <…> Стол полковника, за которым тот имел обыкновение беседовать со своими посетителями, стоял как раз у той двери. <…> Разговор, который вели между собою Акаши и Деканози во вторник, 2 мая, в течение трех часов <…> был подслушан»[602].

4 марта 1905 г. директором Департамента полиции стал С. Г. Коваленский, ранее проходивший государственную службу исключительно по судебному ведомству. 29 июня его сменил Н. П. Гарин, которого 9 ноября сменил Э. И. Ву-ч. Двое последних были квалифицированными юристами, но имели слабое представление об оперативно-розыскной деятельности. Кадровая чехарда и попытки каждого нового руководителя проводить свою собственную концепцию только усиливали хаос и бюрократическую неразбериху в деятельности департамента, тормозя и без того пробуксовывавшую полицейскую машину. В правление Николая II из всех структур, отвечавших за обеспечение внутренней безопасности государства, наибольшее внимание правящей династии было обращено на положение дел в личной охране ее членов.

Зимой – весной 1905 г. основную угрозу для дома Романовых представляли боевики партии эсеров. Однако нельзя не отметить, что в условиях начавшейся смуты против монарха объединялись различные силы. Профессиональный революционер С. И. Гусев (Я. Д. Драбкин), бывший в 1904–1905 гг. секретарем Петербургского комитета РСДРП (б), в мемуарах писал о своих контактах с военными. Одним из них был офицер Академии Генерального штаба С. Д. Мстиславский (Масловский). В апреле 1905 г. в одном из ресторанов Петербурга Мстиславский сообщил представителям эсдеков, эсеров и «Союза освобождения», члены которого позднее вошли в состав Конституционно-демократической партии, что представляет тайную офицерскую организацию «Лига красного орла». По его словам, цель офицеров-заговорщиков – свержение императора и установление конституции. Заговорщики планировали арестовать Николая II во время празднования Пасхи, когда войска пойдут на молебен без оружия. Второй вариант предусматривал распространение дезинформации о захвате царя противниками конституции; в этом случае заговорщики, выступая в роли освободителей, также арестовывали Николая. Переговоры оказались безрезультатными, поскольку их участники не сошлись в вопросе

о будущем государственном устройстве России.

В середине мая сотрудники Манасевича-Мануйлова сумели сфотографировать составленный К. Циллиакусом список с калькуляцией расходов на закупку оружия для революционных организаций. В нем, в частности, значилось: 5000 ружей для Грузинской партии социалистов-федералистов, 1000 ружей для Партии социалистов-революционеров, 8000 ружей для Финляндской партии активного сопротивления, 5000 ружей для Польской социалистической партии. Кроме того, для раздачи эсерам и финским сепаратистам предназначались 500 ружей-карабинов Маузера (пистолетов «С-96»). К тому времени все антиправительственные группировки приступили к закупке и перевозке оружия в Россию. Количество стволов измерялось десятками тысяч. Для выявления намерений подпольных организаций по оружейной линии на дальних подступах Манасевич-Мануйлов предложил создать резидентуры Департамента полиции в семи крупнейших портовых городах Европы. Его поддержал и посол Нелидов. Однако предложение не было принято, во многом из-за интриг в руководстве Департамента полиции.

Мы полагаем, что не последнюю роль в ухудшении работы Департамента полиции сыграло искусственное разделение системы политического сыска и общей полиции. В этих условиях сотрудники общей и политической полиции вынуждены были работать автономно, иногда открыто конкурируя друг с другом. Решение общей задачи обеспечения безопасности государства отходило на второй план, первостепенными становились конъюнктурные интересы: кто, когда и кому доложит о собственных успехах и о неудачах конкурентов. Возникло множество невидимых «локальных сетей», в том числе и внутри политической полиции, передача информации по которым зависела от личных пристрастий и принадлежности их участников к той или иной придворной группировке. В качестве примера достаточно привести длительную борьбу друг с другом двух корифеев политического сыска – П. И. Рачковского и Л. А. Ратаева. Их противоборство нанесло колоссальный ущерб деятельности заграничной агентуры Департамента полиции.

Противостояние правительственных группировок, происходившее при прямом попустительстве, а порой и при непосредственном участии высшего политического руководства страны, значительно ослабляло позиции органов безопасности и власти в целом. Это обстоятельство привело к падению уровня оперативной работы Особого отдела и подчиненных ему розыскных органов на местах. Заведующий отделом Н. А.

Макаров больше занимался надзором за соблюдением законности в деятельности органов политического сыска, чем активизацией оперативной работы и реализацией оперативной информации. С. П. Белецкий, возглавлявший Департамент полиции в 1912–1914 гг., впоследствии писал: «События 1905 г. – результат непринятия своевременно решительных мер, что в свое время было результатом неосведомленности розыскных органов вследствие неудовлетворительной постановки политического розыска, почему все подготовительные работы революционеров прошли незамеченными или были учтены недостаточно серьезно местными розыскными органами»[603]. Даже в тех случаях, когда необходимая оперативная информация имелась, ее практическая реализация блокировалась из-за нерешительности и непоследовательных действий Николая II и его ближайшего окружения.

В этих условиях особое значение приобретали личные качества руководителей территориальных органов безопасности, зачастую действовавших на свой страх и риск. Одним из таких решительных людей являлся полковник А. В. Герасимов, 17 февраля 1905 г. ставший заведующим Петербургским охранным отделением. В первый же день работы он застал в помещении отделения одного из офицеров беседующим с секретным сотрудником, что было вопиющим нарушением правил работы с агентурой. И это в столичном охранном отделении! Медленно, но методично Герасимов исправлял недостатки в служебной деятельности отделения. Он постепенно наладил работу агентуры, по донесениям которой работали филеры Летучего отряда. Была арестована группа эсеров, готовившая одновременное покушение на четырех высших чиновников империи, затем задержана с поличным дочь якутского губернатора Т. А. Леонтьева, намеревавшаяся убить Николая II. Но эти тактические успехи повлиять на изменение ситуации в целом не могли. Высшая власть была практически полностью парализована. Аресты лидеров оппозиции обычно заканчивались тем, что даже при наличии документальных доказательств незаконной деятельности их не судили, а по распоряжению властей отпускали под надзор. В такой ситуации многие служащие полиции и жандармерии оказались дезориентированы и деморализованы.

До 1905 г. социал-демократы (как меньшевики, так и большевики) считали террористическую деятельность нецелесообразной, не связанной со всей системой борьбы пролетариата. В условиях революционного кризиса позиция руководства РСДРП по отношению к актам терроризма и к

организации военной работы в целом изменилась. К середине 1905 г. при столичных и губернских организациях эсдеков созданы боевые комитеты, а при ЦК РСДРП – Боевая группа центрального подчинения, которые занимались военной подготовкой членов партии. Для решения военно-технических вопросов – закупки, производства и распространения оружия и взрывчатки – сформирована Боевая техническая группа при ЦК и Петербургском комитете РСДРП. Ее куратором со стороны ЦК большевиков стал инженер Л. Б. Красин. Все антиправительственные группировки приступили к закупке и перевозке оружия в Россию. Количество стволов измерялось десятками тысяч. Один из боевиков РСДРП Н. Колокольцев вспоминал:

«Всего было человек 25 очень надежных товарищей, с которыми я выступал на охрану митингов и собраний. На первое время поступало оружие плохое: „смит-вессоны“, большие и малые, и „бульдоги“, одним словом – всякая дрянь, но и это оружие в руках рабочих было очень хорошее.

Потом, помню, в июне месяце, вечером, я выходил из артели, вижу, подъезжает ломовой извозчик, спрашивает мою фамилию; я отвечаю, что это я, спрашиваю, в чем дело. „Примите багаж“. – „Какой багаж?“ Он отвечает: „Из таможни с квитанцией“. – „Нет, и что здесь?“ Он ответил, что сейчас придет человек и объяснит, что здесь. Перетаскали ящики, и извозчик уехал, после чего я дожидался 1½ часа, но никого не было. Со мной был один тов., П. Седов: решили вскрыть ящики. Там, в ящиках, к нашей неожиданности, оказались средние „браунинги“ и „маузеры“, а также ящики с патронами к ним. Мы стояли в недоумении, что делать? У того и другого не работала голова, так потеряли всю ночь. Все-таки удалось разместить оружие в удобные места.

На следующий день приходит Петр Кавказец, который говорит, что оружие, которое получено, нужно быстрее раздать.

Тогда был выработан пароль, с которым приходили рабочие из других районов: 1) Москворецкого, 2) Рогожского, 3) Лефортовского, 4) Городского, к которому принадлежали Пресня, Бутырки, Сущево, Большая Дмитровка и вся окружающая местность.

Раздача оружия происходила очень медленно, и раздавать его было очень неудобно, приходили в артель во время работы. Кто придет – возьмет 3 штуки, кто – 5 штук и т. д. И так раздача происходила очень долго, затем в артель каждый вечер собирались для практической стрельбы, а также учились разбирать и собирать оружие. Я помню, что происходила практическая стрельба в Техническом училище»[604].

Впервые после 1825 г. отдельные воинские части начали выходить из повиновения командирам и присоединяться к забастовщикам. 14 июня 1905 г. на Черноморском флоте взбунтовался экипаж броненосца «Потемкин». Его поддержали моряки еще четырех военных судов. 15–18 июня имел место мятеж моряков на военно-морской базе Балтийского флота – в Либаве, 25–26 июня – мятеж двух батальонов Кавказской саперной бригады в Александрополе. Многие офицеры армии и флота занимали выжидательную позицию, заявляя, что находятся «вне политики». Колебались даже некоторые командиры гвардейских полков, дислоцированных в столице.

В течение 1905 г. наиболее компетентным должностным лицом в МВД, имевшим значительный опыт и успехи в оперативной работе, был П. И. Рачковский. По представлению Трепова 4 июля он вступил в должность вице-директора Департамента полиции с правом подписи документов за директора. 27 июля директора (Н. П. Гарина) освободили от заведования делами, относящимися к государственным преступлениям и розыску по ним, с возложением этих обязанностей на Рачковского. В его обязанности входило: 1) руководство розыском по делам о государственных преступлениях, осуществляемом на месте охранными отделениями и чинами Отдельного корпуса жандармов; 2) надзор за производством чинами ОКЖ и Департамента полиции дознаний по делам о государственных преступлениях; 3) надзор за осуществлением на местах гласного надзора над лицами, подчиненными надзору, и негласного за лицами «сомнительной благонадежности»;

4) вопросы, связанные с учреждением и устройством на местах органов политического розыска;

5) участие в Особом совещании по делам об административной высылке.

В подчинение Рачковскому были переданы образовавшие «политическую часть» 5-е (подготовка докладов Особому совещанию) и 7-е (наблюдение за ходом политических дознаний) делопроизводства Департамента полиции и Особый отдел. Рачковский продолжил прерванную с уходом Зубатова практику внедрения секретных агентов в революционные кружки и партии, поставив главной своей целью наблюдение за Боевой организацией эсеров. В ее рядах наряду с Е. Ф. Азефом успешно работал в это время его агент Н. Ю. Татаров. Однако, как мы указывали, Азеф уже вел свою игру, сообщая выгодные лишь ему самому сведения. Благодаря Рачковскому были предотвращены террористические акты против генерала Д. Ф. Трепова, великих

князей Владимира Александровича и Николая Николаевича, однако политическая ситуация в России продолжала ухудшаться. Эксперты Департамента полиции в указанный период не всегда могли объективно оценить масштабы революционной деятельности в стране.

24 августа 1905 г. Рачковский направил в адрес начальников жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов циркуляр «О регулярном предоставлении Особому отделу отчетов о деятельности революционных партий»: «Противоправительственное движение, органами борьбы с которым являются главным образом жандармские управления и охранные отделения, получило за последнее время весьма широкое развитие, выразившееся в образовании целого ряда самостоятельных революционных партий и организаций, действующих каждая по собственной программе и системе.

Ближайшее ознакомление с характером, целями и способами действий тайных организаций, несомненно, должно составлять первейшую обязанность офицеров Отдельного корпуса жандармов, призванных к непосредственной борьбе с ними, так как только полная в этом отношении осведомленность может дать розыскным органам правительства правильный взгляд на дело и содействовать выработке целесообразных приемов борьбы, которая в противном случае будет сводиться лишь к временному, часто случайному, изъятию из преступной среды отдельных ее представителей или задержанию одних средств пропаганды, которыми они пользуются.

Между тем опыт показывает, что некоторые представители жандармского надзора на местах не проявляют надлежащего интереса к теоретическому ознакомлению с программами и тактикой отдельных революционных организаций, не имеют посему ясного представления о характере противоправительственного движения во вверенных им районах, вследствие чего доносят Департаменту полиции о частных случаях проявления революционной деятельности отдельных лиц или групп, оставляя Департамент полиции в неизвестности относительно общего положения революционного движения в районе, вследствие чего департамент как центральное учреждение, ведающее розыском, встречается с весьма значительными затруднениями при оценке положения противоправительственного движения и при выработке общих руководящих указаний и планомерной борьбы с таковым.

Ввиду изложенного Департамент полиции признает необходимым установить за общее правило, чтобы главные начальники губернских и областных жандармских управлений и

охранных отделений периодически, два раза в год, представляли в департамент, независимо от обычных по ходу текущих дел, донесений, особые записки, в которых без излишних подробностей и мелочей, затемняющих дело, но с достаточною определенностью и точностью излагали обоснованные более или менее фактически, а не на одних предположениях, сведения по нижеследующим вопросам:

I) Какие революционные организации существуют в данном районе, когда они возникли, в чем выразилась их деятельность (демонстрации, забастовки, террористические факты, пропаганда словом и литературой), каков их полный состав и кто выдающиеся по своему значению их руководители. В этом отношении наибольшего внимания должны заслуживать местные группы ниже перечисляемых организаций:

1) партии социалистов-революционеров, с ее союзами, Боевой организацией и боевыми дружинами;

2) „анархистов-коммунистов“, „непримиримых“ и „махаевцев“;

3) Российской социал-демократической рабочей партии, в виде ее местных союзов, комитетов и групп фракций, так называемых „большинства“ и „меньшинства“;

4) „Всеобщего еврейского рабочего союза в Польше, Литве и России“ (то же – „Бунд“, действующий преимущественно на Западе России);

5) „Польской социалистической партии“, „Социал-демократии Королевства Польского и Литвы“ и партии „Пролетариат“ (Привислинский край);

6) „Латышской социал-демократической рабочей партии“ (Прибалтийский край);

7) „Армянской партии революционеров-федералистов“ („Дрошак“, то же – „Дашнакцутюн“) и Грузинской социально-революционной федералистической партии „Сакартвело“ (Кавказ);

8) „Партии активного сопротивления“ (Финляндия), а также самостоятельных организаций: „Военно-революционной“, „Сионистов-социалистов“ (Пойалей-Цион) и „Союза освобождения“.

II) Какие указания получены на существование в данном районе технических революционных предприятий, как то: изготовление разрывных снарядов, приобретение оружия, организация паспортных бюро, постановка тайных типографий и устройство других множительных аппаратов.

III) Какие появились в пределах района за определенный период времени наиболее характерные преступные издания

(брошюры и листки) и от имени каких революционных организаций, и каким способом тиснения они выпущены. В этом случае надлежит указывать, с представлением образцов, главным образом те издания, которые имеют программный характер, или направлены к агитации в военной и крестьянской среде, или же изданы по поводу отдельных особенно серьезных событий.

IV) Какие имелись указания на сношения и связи революционных организаций данного района с таковыми же других местностей и сообщалось ли и что именно об этом подлежащим начальникам жандармских управлений и охранных отделений.

V) Какие именно меры, административные и другие, были предпринимаемы в каждом отдельном случае по предупреждению главнейших явлений революционного характера и преследованию уже совершенных преступлений политического свойства.

Принимая за сим во внимание, что сроки 1 января и 1 июля уже приурочены для представления жандармскими управлениями и охранными отделениями отчетностей по негласному наблюдению, департамент предлагает включать в вышеуказанные записки сведения по полугодиям, с 1 октября по 1 апреля, и препровождать в департамент (по Особому отделу) немедленно и не позднее недели по наступлении этих сроков.

Сообщая об изложенном гг. начальникам жандармских управлений, охранных отделений и офицерам, заведывающим розыскными пунктами, к неуклонному и точному исполнению, департамент присовокупляет, что содержательность и основательность вышеуказанных отчетов будут служить одним из главных оснований для суждения о степени деловой осведомленности местных розыскных органов и дееспособности лиц, стоящих во главе таковых»[605].

14 октября 1905 г. петербургский генерал-губернатор и начальник Петербургского гарнизона генерал Д. Ф. Трепов в извещении к жителям столицы писал: «Если бы, однако, где-либо возникли бы попытки к устройству беспорядков, то таковые будут прекращаемы в самом начале и, следовательно, серьезного развития не получат. Войскам и полиции мною дано приказание всякую подобную попытку подавлять немедленно и самым решительным образом; при оказании же к тому со стороны толпы сопротивления – холостых залпов не давать и патронов не жалеть»[606].

В крупных городах страны вводилось военное положение. Прорабатывались даже варианты эвакуации императора и членов его семьи за границу в октябре 1905 г., когда в Петербурге началась всеобщая забастовка. В те дни кайзер Вильгельм

прислал Николаю II письмо с предложением переехать в Германию. Немецкое правительство воспринимало революционную ситуацию в России настолько серьезно, что начало выдвижение к русской границе нескольких армейских корпусов, а на Балтику – крейсеров военно-морского флота.

Большая заслуга в организации охраны императорской фамилии принадлежала Д. Ф. Трепову, назначенному в октябре 1905 г. дворцовым комендантом. До этого он 10 лет был московским обер-полицмейстером, затем командиром Отдельного корпуса жандармов и хорошо знал ситуацию в Российской империи. За короткое время Трепов полностью реорганизовал охрану императора и, что особенно важно, объединил полицию, жандармерию и службы личной охраны в единую систему. Дворцовый комендант находился в непосредственном подчинении Министерства Императорского двора. В функции дворцового коменданта входило общее наблюдение за безопасностью проживания и передвижения императора и его семьи, а также руководство деятельностью полицейских органов, подчинявшихся данному министерству. В ведении дворцового коменданта были Управление дворцового коменданта, Дворцовая полиция, Инспекция императорских поездов.

В 1905 г. общий расход средств исключительно на охрану императорской фамилии составлял 159 000 рублей. В связи с ростом числа революционных выступлений начальник Дворцовой полиции ротмистр Б. А. Герарди[607], полагая количество сотрудников охраны недостаточным, в 1906 г. предложил новый план распределения наружных постов. Наряду с существовавшими постами вводилась дополнительная охрана у дворцов всех великих князей и министров; например, министра внутренних дел охранял уже не один сотрудник, а пятеро. В одном из полицейских докладов начала XX в. «Об обеспечении безопасности Их Императорских Величеств и высокопоставленных лиц» приводится план «…денных постов у дворцов, в коих имеют пребывание высочайшие особы, и у домов, в коих проживают высокопоставленные лица»[608]. Всего было установлено 98 постов в 3 смены, т. е. 294 человека. Наряду с Дворцовой полицией (гласной охраной) за безопасность императорской семьи и высших чиновников империи отвечали и сотрудники созданной в 1906 г. Охранной агентуры (негласная охрана). Эту структуру возглавил А. И. Спиридович, подчинявшийся дворцовому коменданту.

В докладе отмечалась необходимость ротации сотрудников наружной охранной службы, с привлечением кадров из российских губерний: «Для наилучшей постановки службы этих

постов, а равно для получения от них наибольшей пользы будет целесообразно заместить часть этих постов, а также часть людей, находящихся ныне на вокзалах, филерами, командированными в охранную агентуру по два от каждого из провинциальных охранных отделений из числа филеров, наиболее осведомленных о местных революционных деятелях. При такой технике охранных постов, в особенности если эти филеры будут расставлены на Невском проспекте и Морской улице, явится вероятным выяснение провинциального революционера, если последний, скрывшись у себя от наблюдения, появится в столице. Взамен прикомандированных филеров из Охранной агентуры можно будет командировать равное количество агентов, которые, ознакомившись в подлежащем охранном отделении с наблюдаемым составом, возвратятся в Охранную агентуру, а присланные люди будут откомандированы. Затем смена людей, ввиду движения наблюдаемого состава и появления в нем новых лиц, может быть произведена вновь»[609].

Ротация позволяла личному составу провинциальных охранных отделений получить опыт работы в столице и познакомиться с установочными данными особо опасных лиц из «наблюдаемого состава». Сотрудники центрального аппарата охраны приобретали знания о провинциальных революционерах и могли обучать коллег из местных отделений новинкам в области охранного и розыскного дела.

В условиях государственной политики, неадекватной росту террористической активности, ответной реакцией на выступления левых политических группировок стало появление правых радикальных организаций. Целью последних было противодействие революционным экстремистским выступлениям, поддержка неограниченного самодержавия и борьба с любыми формами осуществления демократических преобразований. В ноябре 1905 г. организационно оформился «Союз русского народа», созданный при участии сотрудников Департамента полиции и поддержанный некоторыми представителями правящей элиты. В 1908 г. создан «Союз Михаила Архангела». Методы действий представителей правых организаций (пропаганда, устрашение политических противников, тактические приемы и т. п.) были зеркальным отражением методов левых организаций. Можно сказать, что экстремизм одних неизбежно приводил к выступлениям других.

Начались вооруженные столкновения боевых дружин правых и левых неправительственных организаций. Именно в этих столкновениях и рождался тот бесценный опыт, который в дальнейшем ляжет в основу тактики боевых действий малых

подразделений в городских условиях. Этот опыт доставался дорогой ценой. Боевик М. Виноградов вспоминал: «…Боевую дружину, которая возвращалась в университет, чтобы там уже разойтись, ожидал кровавый финал. Нас было 80 человек вооруженных. Быстрым шагом подходили мы к университету с Никитской и заворачивали за угол против Манежа, как вдруг со всех сторон – перекрестный огонь, загремели выстрелы, и 40 человек дружинников уложили на месте, некоторые были ранены.

Засада была хорошо организована: угол Никитской и Манежа был освещен электричеством, тогда как на всех прилегающих улицах весь свет был потушен и мы не могли видеть, кто и откуда в нас стреляет.

Мы проникли во двор университета, захватив всех своих убитых и раненых. За последним, оставшимся лежать на мостовой, я вернулся и унес под градом пуль. Но и на двор еще сыпались пули, пока, наконец, нам не удалось войти в самое здание университета.

Там мы тотчас же забаррикадировались в ожидании дальнейших нападений, но ночь прошла спокойно. Раненых перевязали, убитых уложили на столы, а утром их увезли близкие, явившиеся за ними.

Ясно стало, что против винтовок нужна винтовка и, кроме того, нужна тактика уличного боя, нужна хорошо обученная боевая дружина, обученная и стрельбе с приемами передвижения и приемами боя, и с этой минуты я все внимание перенес на организацию такой дружины в Миусском парке.

Революционными связями были добыты средства – тысяча рублей, на них купили 40 винтовок-винчестеров, коротких, чтобы можно было носить их под пальто. К ложу каждой винтовки прибит был ремень, в который продевалась рука, после чего уже надевалось пальто. Винтовка оказывалась под мышкой, и дружинник по внешнему виду ничем не отличался от обыкновенного прохожего. Кроме того, были приобретены два „маузера“ для руководителей – меня и т. Щепетильникова. На патроны денег не хватало, и пришлось обратиться к ассоциации инженеров, которая в складчину раскошелилась всего на 100 целковых на вооруженное восстание, каждый же „революционный“ банкет обходился им в несколько сот рублей.

В людском материале, разумеется, недостатка не было, и боевая дружина в 48 человек была быстро сорганизована. Дружина была разбита на 3 шашки по 16 человек. Нормальный строй был: 3 шашки, друг за другом по 4 ряда. Из этого строя по беззвучному сигналу дружина переходила мгновенно в любой строй: развернутый направо, налево, вперед, назад, в каре, по

двум сторонам улицы и, главным образом, в рассыпной с использованием естественных прикрытий. Командовать дружиной приучался каждый дружинник, и во время упражнений командование велось по очереди всеми, по дню каждый. Цель была та, чтобы в случае гибели вождей дружина продолжала оставаться боеспособной. Начальники наши стояли в общих рядах, так что ничем не отличались от остальных дружинников. Для упражнения в строю мы отвели бывший цейхгауз во дворе и там целыми часами ежедневно вели строевые упражнения, пока не добивались полной отчеканенности движений.

Кроме различных видов строя, мы упражнялись немало также и в невидимых передвижениях по городу. Покидая Миусский парк, мы условливались, где сойтись, и, выходя поодиночке, шли туда, каждый своей дорогой.

Придя на условленную площадь, мы циркулировали по ней, [пока] все не успевали добраться, и затем по условленному сигналу, как по мановению волшебного жезла, сразу вырастала вокруг начальника боевая дружина в 48 человек в полной боевой готовности. Однако между появлением первого дружинника в условленном месте и приходом последнего проходило не более пяти минут.

Пока у нас в распоряжении были только револьверы в небольшом количестве, упражнения в стрельбе мы вели в мастерских Миусского парка, но когда мы вооружились винтовками, то пришлось подумать о стрельбище. Такое мы нашли в Сокольниках, в глухом месте рощи, где были сложены поленницы дров.

Мы брали трамвайный вагон, ставили на нем вывеску „служебный“, засаживались в нем все 48 человек и через несколько минут были уже у Сокольничьего круга. Вагон ставился на запасный путь, а сами мы направлялись на наше стрельбище гуськом друг за другом, ступая, как волки, вслед друг другу, чтобы на снегу оставался след только одиночный, а не от толпы людей. Придя на место, мы также, не топча снега, развертывались в шеренгу против поленницы дров. Стреляли по очереди, всякий со своего места, все в одну точку поленницы, начиная с очень близкого расстояния и постепенно увеличивая и увеличивая изо дня в день, причем предварительно в мастерских парка мы вели упорные упражнения в прицеле без патронов, в спуске курка и вообще во всех тонкостях, обеспечивающих точное попадание. Каждый выброшенный из винтовки патрон тщательно подбирался, это делалось для того, чтобы не оставалось следа и использовать патрон в дальнейшем: ввиду ограниченности их мы перезаряжали и вновь пускали в дело. По окончании стрельбы

точка, куда ложились пули, замазывалась грязью и снегом, дружина свертывалась и по старому следу гуськом возвращалась к вагону, который уносил нас обратно.

Результаты стрельбы получались блестящие: каждый дружинник бил очень метко, можно сказать, без промаха, и уверенность в их меткости была настолько велика, что руководящий стрельбой стоял в нескольких шагах от цели и концом палки указывал ту точку, куда попадала последняя пуля.

Когда миусская дружина была сорганизована и обучена, партия начала употреблять ее для охраны митингов. Нас извещали заранее, и к назначенному часу мы появлялись»[610].

В условиях роста революционных настроений в обществе власть пошла на уступки, в стране начались либеральные преобразования. 6 августа Николай II издал манифест о созыве к началу 1906 г. Государственной думы с совещательными полномочиями. Объявленная университетская автономия, по мнению Трепова и Рачковского, должна была примирить интеллигенцию и правительство, однако этого не произошло. 9 октября премьер-министр С. Ю. Витте представил императору доклад о положении в стране и предложил два варианта разрешения политического кризиса: ввести в России военное положение или даровать народу конституцию. Император колебался, но сторонники либеральных реформ в его окружении победили: 17 октября был опубликован манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». В нем, в частности, объявлялось: «На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собрания и союзов.

2) Не устанавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку; и

3) установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей»[611]. Авторы манифеста считали, что свобода политических партий, выборы в Государственную думу и объявленная 21 октября амнистия для политических

заключенных будут способствовать согласию и примирению в обществе. Власть, хотя и с запозданием, сделала первый шаг навстречу оппозиции. Многие представители правящего класса искренне полагали, что «теперь начнется новая жизнь». Но лидеры оппозиции восприняли эти действия как слабость; они полагали, что наступил исключительно благоприятный момент для свержения самодержавия, поскольку в правоохранительных органах столицы царила растерянность, близкая к панике. Герасимов вспоминал: «Большинство сходилось на том, что Охранное отделение теперь будет устранено. И многие просили меня оказать им протекцию, – кто для поступления в железнодорожное жандармское управление, кто – в пограничную стражу. <… > Я обещал… но – отшучивался: „Успокойтесь, господа. Без нас не обойдутся. Полиция имеется даже во Французской Республике. Кто хочет, может уйти, – а нам работа найдется…“ Утром, когда я шел на службу, наткнулся на маленький летучий митинг. Какой-то оратор, уцепившись за фонарь, говорил о том, что не благодарить царя, не служить молебны нужно – а прогнать царя прочь… Положение было еще хуже, чем я думал»[612].

В октябре 1905 г. в работе «Задачи отрядов революционной армии» В. И. Ленин изложил свое мнение по вопросам теории и практики подготовки и использования боевых революционных групп: «Отряды должны составляться по возможности из близко живущих или часто, регулярно в определенные часы встречающихся людей (лучше и то и другое, ибо регулярные встречи могут быть прерваны восстанием). Задача их – наладить дело так, чтобы в самые критические минуты, при самых неожиданных условиях можно было оказаться вместе. Каждый отряд должен поэтому заранее выработать приемы и способы совместного действия: знаки на окнах и т. п., чтобы легче найти друг друга; условные крики или свистки, чтобы в толпе опознать товарища; условные знаки на случай встречи ночью и т. д. и т. д. Всякий энергичный человек с двумя-тремя товарищами сумеет разработать целый ряд таких правил и приемов, которые надо составить, разучить, упражняться в их применении. Надо не забывать, что 99 % за то, что события застанут врасплох и соединяться придется при страшно трудных условиях.

Даже и без оружия отряды могут сыграть серьезнейшую роль: 1) руководя толпой; 2) нападая при удобном случае на городового, случайно отбившегося казака (случай в Москве) и т. д. и отнимая оружие; 3) спасая арестованных или раненых, когда полиции очень немного; 4) забираясь на верх домов, в верхние этажи и т. д. и осыпая войско камнями, обливая

кипятком и т. д. При энергии организованный, сплоченный отряд – громадная сила. Ни в каком случае не следует отказываться от образования отряда или откладывать его образование под предлогом отсутствия оружия.

Отряды должны по возможности заранее распределять функции, иногда выбирать заранее руководителя, начальника отряда. Неразумно было бы, конечно, впадать в игру назначения чинов, но нельзя забывать гигантской важности единообразного руководства, быстрого и решительного действия. Решительность, натиск – три четверти успеха.

Отряды должны немедленно по образовании, т. е. теперь же, взяться за всестороннюю работу отнюдь не теоретическую только, но и непременно практическую также. К теоретической мы относим изучение военных наук, ознакомление с военными вопросами, чтение рефератов по военным вопросам, приглашение на беседы военных (офицеров, унтеров и проч. и проч. вплоть до бывших солдатами рабочих); чтение, разбор и усвоение нелегальных брошюр и статей в газетах об уличном бое и т. д. и т. д.

Практические работы, повторяем, должны быть начаты немедленно. Они распадаются на подготовительные и на военные операции. К подготовительным относится раздобывание всякого оружия и всяких снарядов, подыскание удобно расположенных квартир для уличной битвы (удобных для борьбы сверху, для складов бомб или камней и т. д. или кислот для обливания полицейских и т. д. и т. д., а также удобных для помещения штаба, для сбора сведений, для укрывательства преследуемых, помещения раненых и т. д. и т. д.). Затем к подготовительным работам относятся немедленные распознавательные, разведочные работы: узнавать планы тюрем, участков, министерств и проч., узнавать распределение работы в казенных учреждениях, в банках и т. д., условия охраны их, стараться заводить такие связи, которые бы могли принести пользу (служащий в полиции, в банке, в суде, в тюрьме, на почте, телеграфе и т. д.), узнавать склады оружия, все оружейные магазины города и т. д. Работы тут масса и притом такой работы, в которой громадную пользу может принести всякий, даже совершенно не способный к уличной борьбе, даже совсем слабые люди, женщины, подростки, старики и проч. Надо стараться сплачивать теперь же в отряды непременно и безусловно всех, кто *хочет* участвовать в деле восстания, ибо *нет* и быть не может такого человека, который при желании работать не принес бы громадной пользы даже при отсутствии у него оружия, даже при личной неспособности к борьбе.

Затем, не ограничиваясь ни в каком случае одними подготовительными действиями, отряды революционной армии должны как можно скорее переходить и к военным действиям в целях: 1) упражнения боевых сил; 2) разведки слабых мест врага; 3) нанесения врагу частичных поражений; 4) освобождения пленных (арестованных); 5) добычи оружия; 6) добычи средств на восстание (конфискации правительственных денежных средств) и т. д. и т. д. Отряды могут и должны ловить сейчас же всякий удобный случай для живой работы, отнюдь не откладывая дело до общего восстания, ибо без подготовки *в огне* нельзя приобрести годности и к восстанию»[613].

Для примера боевой работы на местах приведем воспоминания одного из активистов Петербургской организации РСДРП А. И. Сергеева:

«Приходилось вести работу в двух направлениях – чисто партийную и боевую. Личной жизни у нас совершенно не существовало. Для боевой подготовки наша организация устраивала лекции по подготовке к боевому делу. Ходили на эти конспиративные лекции представители дружин разных заводов; так, были представители дружин с завода Лесснера, патронного, набиралось иногда в комнате человек до десяти. Какой-то артиллерист-офицер, который бывал иногда в форме, иногда в штатском платье, читал нам о взрывчатых веществах, изготовлении бомб, употреблении оружия, постройке баррикад; о том, как свести поезд с рельс[ов], о поджогах и проч. Слушали с большим интересом, задавали вопросы, читал он нам из Виктора Гюго о баррикадах. Принес он нам однажды фосфор, разведенный, кажется, в спирту, обмакивал в него бумажку, и когда она высыхала, то загоралась; всем нам хотелось иметь этот состав. И вообще, слушали этого офицера с большим вниманием, потому что знали, что он – специалист в этом деле. Он пользовался у нас полным доверием. Собирались больше всего на Петербургской стороне у курсисток.

После таких лекций приходилось собирать свой кружок и передавать им содержание лекции. Организатор боевой дружины должен был инструктировать свою группу по практической стрельбе, и мне приходилось регулярно по субботам водить дружинников из Петербургского и Выборгского районов на Малую Охту, садились в лодку, ехали по реке, потом шли по лесу и там на просеке, установив цель, занимались стрельбой. У меня были винтовка, маузер, браунинг и револьверы. Это было оружие для всей группы, хранилось оно у меня, причем некоторые боевики имели постоянно при себе оружие, а лучшее оружие хранилось у меня и давалось только во время практической

стрельбы; потом это оружие опять оставляли у меня на хранение»[614].

Еще один из членов РСДРП – Бутягин, проходивший специальную подготовку, – позднее писал:

«Летом 1905 г. попал я на конференцию северокавказских организаций. Мы обсуждали вопросы подготовки к вооруженному восстанию, и, по соглашению с представителями Юга, наше собрание выделило меня для посылки в Киевскую школу.

В июле месяце, по явке где-то на Крещатике, я попал в Киев, имел несколько ночевок на Подоле, около Днепра, а затем на третий или четвертый вечер меня и двух товарищей отвели за город на огороды, в маленький, стоящий среди гряд домик. Нас было сначала трое, потом привезли еще пять человек – все с разных концов России, из областных социал-демократических организаций. Все крайне конспирировали и не называли своих имен и фамилий, даже клички переменили.

Нас замуровали в этом домишке из двух комнат; мы не могли показывать носа из дверей и окон, пока не стемнеет. Ночью разрешалось выйти подышать свежим воздухом, но выйти с огорода считалось против конспирации. Еще через день появились киевские товарищи: одного я видел на явках, двое других были мне не знакомы. Один начал знакомить нас с нитратами, кислотами и их реакциями. <…> Я сразу понял, что имею дело с опытным человеком и знатоком взрывчатых веществ. Другой товарищ <…> читал нам лекции, обучал военной технике, баррикадной борьбе, постройке баррикад, а главное – правильному пониманию вооруженного восстания и подготовке для него военно-технических средств. <…> Но некоторые товарищи плохо охватывали значение доз, значение температуры… Им трудно было привыкнуть к крайней осторожности и четкости в работе; поэтому здесь, в школе, и потом в лабораториях – армавирской, екатеринодарской, новороссийской, ростовской – приходилось часто висеть на волосок от смерти.

Нам лаборант часто говорил, что так как мы работаем, при 90 % за то, что все через полгода уйдем в потусторонний мир, то и не успеем раскинуть сети большевистских лабораторий. Его пророчества были довольно верны: тифлисская лаборатория взорвалась очень скоро, затем я слыхал о взрыве одесской лаборатории. У меня в екатеринодарской лаборатории тоже только случай и беззаветное самопожертвование моего помощника спасли положение, хотя этот товарищ все-таки сжег свою левую руку раствором металлической ртути в сильно дымящейся кислоте.

Благополучно закончив занятия, обучившись еще метанию бомб, мы поодиночке разъехались по разным организациям ставить партийные лаборатории»[615].

Приведенные воспоминания приоткрывают завесу лишь над малой частью нелегальной антиправительственной деятельности, направленной на силовое устранение действующей власти. Подобные мероприятия в той или иной мере проводили все оппозиционные организации и партии.

Одновременно с формированием, обучением и практикой действий боевых дружин происходило создание параллельных органов власти – советов рабочих депутатов. Первый совет создан в середине марта 1905 г. в Алапаевске, 15 мая был образован Совет уполномоченных рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, 13 октября – Петербургский совет рабочих депутатов. Интенсивно развивались союзы, объединявшие работающее население по принципу профессиональной принадлежности. 8–9 мая 1905 г. в Москве состоялся 1-й съезд «Союза Союзов», на который прибыли представители 14 профессиональных объединений. Дело дошло до того, что профсоюзы стали создавать даже сотрудники полиции.

Представители оппозиционных партий, входившие в руководство советов и союзов, вели активную антиправительственную агитацию и постепенно присваивали себе отдельные функции исполнительной власти. А. В. Герасимов вспоминал, что через несколько дней после опубликования указа об амнистии в Петербургское охранное отделение прибыли представители Совета рабочих депутатов и потребовали показать помещения для арестованных, и это было исполнено. Он писал: «Можно сказать, что Петербург находился в состоянии сплошного митинга. Из-за границы приехали эмигранты и присоединились к выпущенным из тюрем революционерам. Из-за границы же привезли русские нелегальные издания и начали открыто продавать их на улицах. <…> Как грибы росли революционные издания. Конфискации нелегальных типографий побудили революционные партии печатать свои издания в легальных частных типографиях. <…> И скоро появились легальные газеты с аншлагами: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“, „В борьбе обретешь ты право свое“. <…> Еще хуже распространения революционных изданий было другое: существование и рост влияния Совета рабочих депутатов. Он возник в дни октябрьской забастовки для руководства стачечным движением. После окончания забастовки Совет расширился, реорганизовался и – стал вести себя как второе правительство. Во все учреждения он слал запросы, требовал справок и объяснений – и всего хуже было

то, что учреждения, даже правительственные, даже полиция, эти справки и объяснения Совету давали. Открыто он проводил сборы на вооружение, а вскоре приступил к созданию исполнительного органа своей власти – милиции. Представители этой милиции <…> вмешивались в действия чинов полиции <…> – и растерянная полиция нередко их слушалась»[616].

В октябре – ноябре 1905 г. произошло несколько крупных военных мятежей и вооруженных выступлений оппозиции: 26–28 октября – Кронштадт (12 из 20 флотских экипажей); 30–31 октября – Владивосток (матросы Сибирской военной флотилии и солдаты Хабаровского запасного полка); 11–16 ноября – Севастопольское восстание (команды крейсера «Очаков» и еще 11 кораблей, солдаты Брестского пехотного полка и саперной роты); 17–18 ноября – Киев (мятеж нескольких батальонов местного гарнизона); 23 ноября – Харьков (вооруженная демонстрация солдат четырех пехотных полков под лозунгом «Долой самодержавие!»). В тот же период в Бессарабии начал действовать партизанский отряд Г. И. Котовского. Во всех этих случаях мятежные войска поддерживали контакты с представителями революционных партий и их боевыми дружинами. Митинги, стачки, демонстрации, крестьянские волнения, нападения на полицейских и военных исчислялись сотнями.

Для наведения порядка было необходимо как можно скорее поставить под контроль ситуацию в столице, поскольку Петербургский совет рабочих депутатов открыто призывал к вооруженному восстанию. Назначенный в октябре 1905 г. министром внутренних дел П. Н. Дурново, директор Департамента полиции Э. И. Вуич и градоначальник В. А. Дедюлин[617] применить решительные меры против Петербургского совета не решались. Заведующий Петербургским охранным отделением полковник Герасимов после объявления Манифеста 17 октября начал готовиться к проведению арестов. Для этой цели были мобилизованы все наличные силы отделения (150 филеров «наружки» и 100 филеров охранной команды), а также секретная агентура. Герасимов вспоминал: «Они все получили от меня самые точные инструкции. Их задачей было выследить квартиры всех активных деятелей революционных партий, особенно связанных с боевым делом. <…> В революционных кругах к этому времени конспирация совсем упала. Люди перестали обращать внимание, следят за ними или нет. Это облегчало нашу работу. А потому к началу декабря намеченные мною списки были уже в полном порядке»[618].

Против этой акции выступали практически все представители власти в Петербурге. Решительность проявил только министр

юстиции М. Г. Акимов: как генерал-прокурор Российской империи 3 декабря он отдал Герасимову письменный приказ об аресте членов Петербургского совета во главе с Л. Д. Троцким.

4–5 декабря 1905 г. Московский совет рабочих депутатов, Московская конференция РСДРП и Всероссийский союз железнодорожников приняли решение начать 7 декабря всероссийскую забастовку с дальнейшим переводом ее в вооруженное восстание. Только после получения информации о намерениях революционеров центральная власть осознала опасность нерешительности. После аудиенции у Николая II, состоявшейся в 7 часов утра 7 декабря, министр внутренних дел П. Н. Дурново направил во все охранные отделения и жандармские управления циркуляр о немедленном аресте лидеров революционных организаций и подавлении выступлений с помощью военной силы. Циркуляр был исполнен только там, где полиция и специальные службы заблаговременно подготовились к его реализации на практике.

Вот как все происходило в Петербурге по воспоминаниям А. Г. Герасимова:

«Весь день прошел в подготовительной работе. Так как чинов Охранного отделения и Жандармского управления было <…> недостаточно, то в помощь были мобилизованы все наличные силы полиции. Было намечено, кто именно будет руководить какими именно обысками и арестами. Под вечер, около 5-ти часов, руководители всех отрядов были собраны в Охранное отделение. <…> Намеченные обыски должны были быть произведены, чего бы это ни стоило. Если отказываются открывать двери, следовало немедленно их выламывать. При сопротивлении – немедленно стрелять. <…> Всего было произведено около 350 обысков и арестов. Взяты 3 динамитных лаборатории, около 500 готовых бомб, много оружия, маузеров, несколько нелегальных типографий. В 4-х или 5-ти местах было оказано вооруженное сопротивление. Сопротивлявшиеся убиты на месте. На следующий день было произведено еще 400 обысков и арестов <…> среди арестованных был Александр Федорович Керенский. Он был начальником боевой дружины социалистов-революционеров Александро-Невского района»[619].

В Москве события развивались по иному сценарию. 7–8 декабря полиции удалось арестовать только часть членов Моссовета и лидеров оппозиционных партий. 9 декабря на Тверской улице появились первые баррикады.

11 декабря в «Известиях Московского совета рабочих депутатов» была опубликована инструкция боевой организации при Московском комитете РСДРП «Советы восставшим рабочим».

В ней говорилось:

«Товарищи! Началась уличная борьба восставших рабочих с войсками и полицией. В этой борьбе может много погибнуть наших братьев, борцов за свободу, если вы не будете держаться некоторых правил. <…>

1. Главное правило – не действуйте толпой, действуйте небольшими отрядами в три-четыре человека, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция старается одной сотней казаков расстреливать тысячные толпы. Вы же против сотни казаков ставьте одного-двух стрелков. Попасть в сотню легче, чем в одного, особенно если этот один неожиданно стреляет и неизвестно куда исчезает. Полиция и войска будут бессильны, если вся Москва покроется всеми этими маленькими неуловимыми отрядами.

2. Кроме того, товарищи, не занимайте укрепленных мест. Войско их всегда сумеет взять или просто разрушить артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы, все места, из которых легко стрелять и легко уйти. Если такое место и возьмут, то никого там не найдут, а потеряют много. Всех же их взять нельзя, потому что для этого каждый дом нужно населить казаками.

3. Поэтому, товарищи, если вас кто-нибудь будет звать идти куда[-либо] большой толпой и занять укрепленное место, считайте того глупцом или провокатором. Если это глупец – не слушайте, если провокатор – убивайте. Всегда и всем говорите, что нам выгоднее действовать одиночками, двойками, тройками, что это полиции выгодно расстреливать нас оптом, тысячами.

4. Избегайте также ходить теперь на большие митинги. Мы увидим их скоро в свободном государстве, а сейчас – нужно воевать, и только воевать. Правительство это прекрасно понимает и нашими митингами пользуется для того, чтобы избивать и обезоруживать нас.

5. Собирайтесь лучше небольшими кучками для боевых совещаний, каждый в своем участке, и при первом появлении войск рассыпайтесь по дворам. Из дворов стреляйте, бросайте камнями в казаков, потом перелезайте на соседний двор и уходите.

6. Строго отличайте ваших сознательных врагов от несознательных, случайных. Первых уничтожайте, вторых щадите. Пехоты по возможности не трогайте. Солдаты – дети народа и по своей воле против народа не пойдут. Их натравливают офицеры и высшее начальство. Против этих офицеров и начальства вы и направьте свои силы. Каждый офицер, ведущий солдата на

избиение рабочих, считается врагом народа и ставится вне закона. Его, безусловно, убивайте.

7. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих. Пусть уезжают в свои края, где у них земли и семьи, или пусть сидят безвыходно в своих казармах. Там вы их не трогайте. Но как только они выйдут на улицу – конные или пешие, вооруженные или безоружные, – смотрите на них как на злейших врагов и уничтожайте их без пощады.

8. На драгун и патрули делайте нападения и уничтожайте.

9. В борьбе с полицией поступайте так: всех чинов до пристава включительно при первом удобном случае убивайте. Околоточных обезоруживайте и арестовывайте, тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте. У городовых только отнимайте оружие и заставляйте служить не полиции, а вам.

10. Дворникам запрещайте запирать ворота. Это очень важно. Следите за ними, и если кто не послушает, то в первый раз побейте, а во второй – убейте. Заставляйте дворников служить опять-таки нам, а не полиции. Тогда каждый двор будет нашим убежищем и засадой»[620].

Член ЦК партии эсеров В. М. Зензинов позднее писал о московских событиях:

«Сумасшедшие дни были пережиты нами в декабре. Баррикады, ружейная стрельба, обезоружение жандармов, городовых и Сумских драгун, прибывших на усмирение Москвы из Твери, попытки вызвать из казарм войска, явно сочувствовавшие революционерам, но колебавшиеся выйти на улицу. <…>

Только поздней ночью, пробираясь вдоль улицы (после 9 часов вечера под угрозой расстрела запрещено было выходить из домов), мы собирались все вместе, сплоченная группа комитетчиков. Приходили возбужденные, взволнованные всем пережитым за день. Это была маленькая квартира Л. М. Армандт в Филипповском переулке около Арбатской площади, на которой было в эти дни немало столкновений между дружинниками и драгунами. Странный вид представляла эта квартира. Многочисленные пачки патронов к маузерам, сами маузеры в деревянных кобурах, снятая с городового шашка, пачки литературы – всем этим завалены были стулья, диваны и столы. <…> Здесь же на столе стояли похожие на сахарницы жестяные банки, перевязанные веревочкой: то были наши динамитные бомбы, которым так завидовали тогда социал-демократы»[621].

Подавить восстание в Москве удалось только 18 декабря после прибытия лейб-гвардии Семеновского полка из Петербурга

и Ладожского пехотного полка из Варшавы. Правительственные войска использовали в уличных боях артиллерию, пулеметы и залповую стрельбу из винтовок. Дружинники, вооруженные бомбами-«македонками», «маузерами», «браунингами» и револьверами, широко применяли тактику засад и налетов малыми группами.

В декабре 1905 – январе 1906 г. в Красноярске, Харькове, Александрове, Чите и некоторых других городах также произошли вооруженные восстания. В Новороссийске и Владивостоке восставшие захватили власть и удерживали ее в течение одной-двух недель.

Здесь следует отметить, что и боевые группы революционных партий, и правительственные войска вначале осваивали тактику уличных боев более на практике, чем в теории. Уверенность верховной российской власти в невозможности восстаний в России до 1905 г. была чрезвычайно велика. Когда в 1898 г. военный агент при русском после в Италии представил военному министру обстоятельный секретный доклад о тактике уличных боев в дни Миланского восстания того же года, он был отстранен от должности. Увольнение мотивировалось тем, что данный офицер уделяет внимание никому не нужной ерунде и, следовательно, не имеет правильного представления о своих обязанностях.

В 1905 г. ситуация в корне изменилась. Поскольку в отечественной литературе соответствующих теоретических руководств не было, спешно была переведена и издана глава «Уличный бой» из немецкой тактики Балка. Офицеров стали подробно инструктировать о методах и способах уличной борьбы. Дело о Миланском восстании извлекли из архива и сделали его предметом изучения. Под председательством великого князя Николая Николаевича организовали специальный «Комитет Государственной обороны», куда привлекли весь цвет тогдашней военной профессуры и признанных авторитетов в области теории и практики военного дела. По указаниям комитета в полках читались лекции по тактике, аналогичные тем, которые изучали боевики революционных партий. Основой лекций были и захваченные полицией в ходе обысков учебные пособия революционеров.

Одно из первых таких пособий под названием «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию» составил В. Северцов (Н. М. Филатов). Оно было издание в Женеве в типографии ЦК РСДРП в 1905 г. В этой работе имелись следующие разделы: 1. Вооружение; 2. Постройка баррикад и укрепление домов, стен и т. п.; 3. Расположение «наших сил»; 4.

Атака: а) разведка; б) атака кавалерии; в) атака пехоты; г) атака артиллерии; 5. Наступление восставших; 6. Общий план восстания.

Еще одно руководство по тактике под названием «Уличные бои (Конспект лекций, читанных начальникам дружин Боевого рабочего союза)» подготовил в начале 1906 г. один из руководителей Всероссийского офицерского союза (он же председатель Боевого рабочего союза) офицер Академии Генштаба С. Д. Масловский.

24 декабря 1905 г. министр внутренних дел Дурново подписал циркуляр «О передаче дел, связанных с террором, в военные суды». В нем указывалось:

«Ввиду исключительно тревожных обстоятельств переживаемого времени и в целях возможно быстрейшего применения репрессий к лицам, изобличаемым в убийстве и покушении на убийство должностных лиц, я признал необходимым, на основании ст. 17 Положения об охране, безусловную передачу этого рода дел в местностях, объявленных в положении усиленной охраны и не входящих в пределы генерал-губернаторств, – в военные суды для суждения виновных по законам военного времени с применением ст. 279 Воинск. уст. о наказ.

Сообщая об изложенном гг. губернаторам и градоначальникам, прошу все дела о лицах, изобличаемых в совершении указанных выше преступлений, в тех случаях, когда закон (п. I Именного высочайшего указа Правительствующему Сенату 29 ноября сего года) представляет право губернаторам и градоначальникам объявлять местности, вверенные их управлению, в положении чрезвычайной охраны, – также передавать на рассмотрение военного суда для суждения виновных по законам военного времени с применением наказания по ст. 279 Воинского устава о наказаниях»[622].

Статья 17 «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., упомянутая в циркуляре, гласила:

«От генерал-губернаторов, а в губерниях, им неподчиненных, – от министра внутренних дел, зависит: а) передавать на рассмотрение Военного суда отдельные дела о преступлениях, общими уголовными законами предусмотренных, когда они признают это необходимым в видах ограждения общественного порядка и спокойствия, для суждения их по законам военного времени; б) требовать рассмотрения при закрытых дверях всех тех судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и

нарушению порядка»[623].

Но и после подавления крупномасштабных вооруженных выступлений политическая ситуация в России оставалась нестабильной. Даже в период работы I Государственной думы (27 апреля – 8 июля 1906 г.; одна сессия) восстания и демонстрации продолжались.

25 апреля 1906 г. Николай II утвердил новое «Положение о дворцовом коменданте» (вы найдете его ниже). Комендант подчинялся министру двора и осуществлял общее наблюдение за безопасностью императорских резиденций, а также главный надзор за безопасностью императора и его семьи во время путешествий. Он руководил деятельностью полицейских органов Министерства двора в городах дворцового ведомства, а также деятельностью прикомандированных лиц, исполняющих полицейские и специальные обязанности. В подчинении дворцового коменданта находилось Особое управление, Инспекция императорских поездов, Дворцовая полиция, Собственный Его Императорского Величества конвой, Сводно-гвардейский батальон и 1-й железнодорожный батальон. Все правительственные учреждения обязывались немедленно сообщать коменданту любые сведения, имеющие отношение к безопасности высочайших особ. Ведению дворцового коменданта также подлежали: городские полиции в Царском Селе, Петергофе, Гатчине и Павловске; охранные (дворцовые) и служительские команды в районе дворцовых управлений; в) полицмейстеры императорских С.-Петербургских и Московских (во время пребывания двора в Москве) театров.

Чтобы наладить отношения с парламентом, министра внутренних дел П. Н Дурново отправили в отставку, а на его место назначили саратовского губернатора П. А. Столыпина[624]. Тем не менее многие депутаты использовали легальную трибуну Думы для антиправительственной агитации. Разъезжая по стране за казенный счет, они открыто выступали за свержение самодержавия. В итоге 8 июля Дума была распущена, а Столыпин стал председателем Совета министров.

Новый премьер не был сторонником массовых репрессий: уже 11 июля он направил губернаторам телеграмму с требованием огульных репрессий не предпринимать. Однако он не мог действовать только либеральными методами. Согласно справке Департамента полиции, с февраля 1905-го по май 1906 г. при террористических покушениях были убиты и ранены 1273 человека, из них: генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников – 8; вице-губернаторов и советников губернских правлений – 5; полицмейстеров, уездных начальников

и исправников – 21; жандармских офицеров – 8; строевых генералов и офицеров – 11; приставов и их помощников, околоточных надзирателей, городовых, урядников, стражников, жандармских нижних чинов, агентов охраны – 937; гражданских лиц разного звания – 243 человека.

Видя слабую работу Департамента полиции, Столыпин начал проводить его реорганизацию. 13 июня 1906 г. директором был назначен опытный юрист и хороший организатор М. И. Трусевич[625]. Особый отдел возглавил А. Т. Васильев[626].

А. Т. Васильев

На IV (объединительном) съезде РСДРП, состоявшемся 10–25 апреля (23 апреля – 8 мая) 1906 г. в Стокгольме, была принята программа, в которой указывалось, что вооруженному восстанию должны предшествовать железнодорожная и почтово-телеграфная стачки, которым надлежало перерасти во всеобщую стачку; отдельные революционные сходки и митинги, имеющие целью должным образом разжечь политические страсти и вызвать кровавые столкновения. Особо оговаривалась поддержка печати, которая в идеале должна была приписывать все ужасы и жертвы, вызванные народными движениями, одному лишь правительству. Посредством пропаганды необходимо было перевести все войска на сторону революции и сорвать набор новобранцев отказом населения от воинской повинности.

17–23 июля 1906 г. взбунтовалась часть гарнизона крепости Свеаборг (эсеры). 19–20 июля аналогичные события произошли в

Кронштадте (эсдеки), 20 июля – на военно-морской базе в Ревеле. Эти вооруженные выступления были подавлены, но успокоения в обществе не наступило.

Из ИНСТРУКЦИИ ПОЛИЦЕЙСКИМ НАДЗИРАТЕЛЯМ при ОТДЕЛЕНИИ ПО ОХРАНЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОРЯДКА В МОСКВЕ

от 10 марта 1897 г.

Полицейские надзиратели учреждены при охранном отделении для нижеследующих целей:

I) Для наблюдения за лицами, отданными за политическую неблагонадежность под надзор полиции. Полицейские надзиратели должны постоянно знать проживающих в их участке поднадзорных в лицо; знать их точный адрес, дом, номер квартиры; размещение комнат, входов, окон, форточек в квартире и самую занимаемую поднадзорным комнату или номер, стараясь в отсутствие поднадзорного посетить их, выяснить занятия и средства к жизни, круг знакомства и с кем особенно поднадзорный близок, а равно его имущественное положение и обыденную жизнь, тщательно присматриваясь при этом, не происходит ли у них недозволенных сходок или вечеринок.

II) Для выяснения по особым предписаниям отделения лиц, возбудивших сомнение в отношении своей политической благонадежности в правительственных лицах и учреждениях.

III) Для бдительного надзора за поведением, образом жизни и сношениями учащейся молодежи, как высших, так и средних учебных заведений:

а) Полицейский надзиратель всегда должен знать в своем участке всех содержателей меблированных комнат, в которых по преимуществу селится учащаяся молодежь, а равно всех частных лиц, которые сдают молодежи комнаты: сколько комнат ими сдается, какого рода жильцы в них живут, по скольку человек живет в комнате или номере, кто их посещает, каковы отношения между собою у жильцов, каковы отношения жильцов с квартирохозяевами, не происходит ли в этих помещениях тайных сходок или сборищ и не скрываются ли в них без прописки вида лица, коим воспрещено жительство в столице. Особенно тщательно следует надзирать за так называемыми квартирами для учеников, за городскими, церковно-приходскими и

частными школами, дабы своевременно заметить и доложить о посещении их лицами сомнительной политической благонадежности или проживании в них таковых.

б) Если в участках находятся высшие или средние учебные заведения, то полицейский надзиратель обязан так себя поставить среди служащих в оных, чтобы не только знать первым обо всяких выдающихся происшествиях в этих учебных заведениях (сходки, нежелание идти на лекции, оскорбление учителей и профессоров, распространение в стенах училищ возмутительных воззваний и запрещенных изданий), но, по возможности, быть осведомленным о всяких ожидающихся начальством сих заведений интересных для охранной службы событиях, причем на обязанности его лежит точно выяснить истинные причины и подкладку происшедшего или ожидаемого события.

в) Относительно места скопления учащейся молодежи или неблагонадежного элемента и всего, что там происходит, полицейский надзиратель должен быть осведомлен, безразлично, путем ли личного посещения таких мест или путем такого ведения дела, чтобы другие его поставляли о том в известность. В этих целях он должен иметь в виду: 1) портерные; 2) гостиницы и вообще заведения трактирного промысла, где могут быть устраиваемы с предосудительными целями пирушки; 3) разрешенные для учащейся молодежи концерты, вечера и лекции, особенно озабочиваясь, чтобы сборы с них поступали к тем лицам, для кого вечера разрешены, а не поступали бы в руки политически неблагонадежных лиц, и чтобы там не происходило в особых помещениях сходок и сборов денег в шапку; 4) кухмистерские для студентов, где обыкновенно впервые появляются прокламации, произносятся зажигательные речи и происходят неразрешенные сборы денег. < … >

д) При наступлении и окончании каникулярного времени (Рождества, Пасхи и лета), когда на вокзалах происходит скопление учащейся молодежи, полицейский надзиратель обязан следить за отъезжающими, приезжающими, встречающими и провожающими лицами, наблюдая, не производится ли ими каких-либо возбуждающих подозрение действий или передач.

IV) Для наблюдения за фабричным и заводским населением столицы полицейский надзиратель:

во-первых, должен быть знаком с внутренними распорядками каждого из имеющихся в его участке фабричных, заводских и ремесленных заведений; должен знать владельца фабрики, пайщиков, директоров и мастеров, заведующих артелями и расценкой работ; знать число рабочих, подростков и женщин, продолжительность рабочего дня, начало его, перерывы (завтрак, обед и чай) и конец; что и где вырабатывается, какое, где и кем получается, на круг, вознаграждение за труд; где, за что и в каком размере налагается взыскание за упущения в работе (штрафы); знать личность и адрес старшего и местного фабричных инспекторов; как они относятся к хозяину и рабочим; когда посещают фабрики и какие ими сделаны последние распоряжения;

во-вторых – иметь на виду рабочих, замеченных фабричной администрацией и охранным отделением; через фабричных хожалых наблюдать за поведением рабочих в общих спальнях, следить за частными их квартирами, в особенности за квартирами, занимаемыми такими рабочими на артельных началах, наблюдая в них за скорой и правильной пропиской паспортов, точностью нумерации и группировкой в них жильцов; за появлением у названных квартирантов (коих, как уже замеченных, во что бы то ни стало следует знать в лицо) лиц интеллигентных; за посещением замеченными рабочими портерных и трактиров; за появлением в их руках газет (каких именно) и книжек для чтения, с выяснением, по возможности, где они эти книжки хранят: дома или по месту работы (в станках, ящиках, шкафах); за расклеиванием и разбрасыванием в коридорах и отхожих местах фабрик и заводов преступных воззваний и за распространением среди рабочих слухов о неудовольствиях и затеваемых забастовках, при этом надлежит стараться выяснить подстрекателей, причины и подкладку неудовольствия.

При получении сведений тревожного характера полицейский надзиратель должен безотлагательно донести о них охранному отделению;

в-третьих, полицейский надзиратель не должен упускать из виду надзора за рабочими железнодорожных мастерских; мастерские эти хотя и находятся в районе отчуждения, но рабочие их все без исключения живут в черте города. В этих целях ему следует заручиться связями среди вокзальных железнодорожных служащих и

мелких агентов управления;

в-четвертых, полицейский надзиратель с особенным вниманием должен прислушиваться ко всем ожидающимся переменам в личном составе фабрик (сокращение и увеличение числа рабочих, перемещение среди директоров и мастеров) и распределению фабричного труда и о господствующем настроении среди рабочих должен доносить;

в-пятых, рабочие, освобожденные из-под ареста или уволенные фабричной и заводской администрацией за всякого рода подстрекательства, должны заслуживать строгого внимания, в особенности если они будут ютиться по квартирам своих товарищей;

в-шестых, серьезного надзора заслуживают те фабричные и заводские школы, занятия в которых происходят по праздникам, причем следует особо наблюдать за тем, чтобы не допускались к занятиям лица, не вошедшие в официальный список учителей (который полицейскому надзирателю, безусловно, должен быть известен), а также смотреть, не посещают ли рабочие частные квартиры своих учителей.

II. При исполнении изложенных в сей инструкции обязанностей полицейский надзиратель располагает следующими средствами, облегчающими его деятельность:

1) Содействие местного участкового пристава и чинов полиции.

2) Помощь со стороны заведующих меблированными комнатами, швейцаров, ночных сторожей, дворников, а на фабриках со стороны заведующих рабочим составом: сторожей, хожалых и конторщиков (ведущих книги личного состава).

3) В случае отказа вышеназванных лиц в своем содействии полицейский надзиратель немедленно докладывает об этом местному приставу, прося надлежащего распоряжения, а если со стороны последнего не последует такового, то доносит о случившемся охранному отделению.

Командированный в участок полицейский надзиратель прежде всего обязан явиться местному приставу и предъявить свою служебную карточку. Познакомившись с составом управления участка и получив от местного пристава адреса всех поднадзорных, списки учебных заведений, меблированных комнат,

фабрик и заводов, школ и содержателей квартир для учеников, полицейский надзиратель приступает при содействии пристава и околоточных надзирателей к ознакомлению с заведующими меблированными комнатами, швейцарами, домовыми дворниками, ночными сторожами и заведующими на фабриках и заводах рабочим составом, намечая среди них людей наиболее развитых и способных, искренне желающих содействовать полиции.

При наблюдении за меблированными комнатами надзиратель должен иметь в виду следующие правила для содержателей таковых:

<… > Ст. 4. Лица, подвергнутые по судебному приговору заключению в тюрьме или более тяжкому наказанию, а равно состоящие под надзором полиции, не могут быть содержателями меблированных комнат.

Ст. 5. Общие помещения в меблированных квартирах и свободные от постояльцев комнаты должны быть открыты для надзора полиции.

Ст. 6. Содержатели меблированных комнат обязаны иметь особую книгу по установленной форме для записывания фамилий своих постояльцев и их паспортов и объявлять полиции о прибывающих и выбывающих. Книги эти подлежат во всякое время ревизии полиции.

Ст. 7. Содержатели меблированных комнат обязаны иметь соответственную вывеску и сверх того на наружной стороне входной двери в квартиру – таблицу с обозначением номеров комнат по порядку и фамилий всех живущих в них.

В инструкции, утвержденной московским генерал-губернатором для домовых дворников и ночных сторожей в Москве, значится:

<… > Ст. 5. На дежурстве дворники и ночные сторожа обязаны наблюдать, чтобы никем не было нигде наклеиваемо объявлений, афиш и вообще бумаг без разрешения, данного на то лично самим участковым приставом, а также смотреть, чтобы не было разбрасываемо объявлений и других бумаг и вообще каких-либо предметов, а лиц, кои будут замечены делающими что-либо подобное, а также совершивших какое-либо преступление или проступок, обязаны они задерживать и немедленно представлять в управление участка.

Ст. 6. Домовые дворники и ночные сторожа обязаны

исполнять все требования известных им лично полицейских чинов и оказывать им во всем полное содействие, особенно же при преследовании и поимке кого-либо, и являться на призывной полицейский свисток без замедления…

Ст. 8. Домовый дворник обязан знать в лицо своих жильцов, живущих в доме, при которых он состоит на службе, а если он состоит на службе при нескольких домах, то всех жильцов, в тех домах проживающих. Они обязаны наблюдать, чтобы никто из жильцов не укрывал у себя незаявленных полиции людей и тотчас доводить до сведения местного участкового пристава о каждом укрывающемся или ночующем в доме лице, не принадлежащем к числу домовых жильцов.

Ст. 9. Домовые дворники обязаны тотчас объявить местному участковому приставу о всяком случившемся в доме происшествии уголовного характера и о всяких не разрешенных полицией сборищах; обо всем же, что случится на улице, обязаны немедленно доводить до сведения местного участкового пристава как дворники, так равно и ночные сторожа.

На основании обязательных постановлений московского генерал-губернатора все домовладельцы и содержатели гостиниц и меблированных комнат обязаны иметь так называемые домовые книги, в соответственных графах коих должны вписываться требуемые в сих книгах сведения.

На обязанности полицейского надзирателя лежит следить при ежедневных обходах гостиниц, меблированных комнат, квартир поднадзорных и крупных домов с множеством квартир и жильцов, чтобы в названных графах требуемые сведения записывались с надлежащей точностью, ясностью и полнотой, а главным образом обращать внимание на то, чтобы везде прописывались и в действительности имелись номера квартир, равно как требовать, чтобы год, число, номер и место выдачи документов были написаны вполне ясно и четко. О всех вновь прибывших в его участок лицах, особенно из среды учащейся молодежи, полицейский надзиратель должен справляться в участке, не состоят ли они под надзором и не воспрещено ли им жительство в столицах.

О прибытии в его участок поднадзорного надзиратель обязан доложить приставу и, собрав о

прибывшем предварительные сведения, донести их немедленно отделению.

О выбытии из участка поднадзорного надзиратель представляет в отделение особо установленный отделением бланк, в графы которого записывает подробно результаты своего за ним наблюдения за все время проживания поднадзорного в его участке.

Полицейскому надзирателю следует посещать происходящие в районе его участка пожары: во избежание на них случайностей, а также по причине скопления на них разнородной публики (особенно в фабричных местностях) и возможного выяснения в это время различных надобностей в отношении осуществления надзора.

Будучи прикомандирован к участку, полицейский надзиратель должен помнить, что ближайшим заинтересованным в его деятельности лицом является местный пристав, при наличности содействия коего только и возможна его собственная успешная деятельность, а посему о всех своих действиях и главным образом обо всем, касающемся поднадзорных, полицейский надзиратель должен предварительно докладывать приставу, за исключением тех случаев, когда он действует не по своему почину, а исполняя поручения совершенно секретной части отделения.

Ввиду сего при исполнении своих служебных обязанностей, столкнувшись где-либо с совершенно секретною частью отделения, полицейский надзиратель обязан прекратить в этом пункте свою деятельность и дать свободу действий секретному составу, принимая со своей стороны всяческие меры к тому, чтобы деятельность этой части не получила какой-либо огласки.

Таким образом, о сходке в какой-либо квартире надзиратель предварительно доклада приставу должен убедиться, не заинтересована ли в ней секретная часть, и лишь убедившись в противном, может доложить о том приставу. Словом, он докладывает приставу обо всем, в чем только не заинтересован секретный состав.

Вместе с сим полицейскому надзирателю вменяется в непременную обязанность отнюдь не брать на себя никаких поручений от местной полиции, не касающихся прямых его обязанностей, и в случае получения таковых – испрашивать на исполнение их разрешения охранного

отделения.

III. Ввиду особой важности и сложности своих обязанностей каждый полицейский надзиратель, находясь на службе, должен быть всегда бдителен, строго и точно должен исполнять настоящую инструкцию и все приказания, до него относящиеся, а также стараться, чтобы по возможности никто и ничто в районе, ему вверенном, не ускользнуло от его внимания, так как оплошность и особенно невнимание со стороны его могут иметь гибельные последствия как для охранного дела, так и для самого полицейского надзирателя. Сознавая свое серьезное назначение – состоять при Отделении по охранению государственного порядка и общественной безопасности, каждый надзиратель обязан как на службе, так и вне ее вести себя во всех отношениях ЧЕСТНО, ПРИМЕРНО и БЕЗУКОРИЗНЕННО, как то подобает охраннику, защищающему не интересы какого-либо частного лица или общества, а преследующему исключительно великие интересы своего ГОСУДАРЯ и Отечества. Поэтому он должен быть неподкупно честен, безусловно правдив, всегда трезв и со всеми вежлив, в особенности с чинами полиции.

Надзиратель обязан жить непременно в районе, ему вверенном, вблизи от участкового управления и никуда без разрешения не отлучаться.

Официальная одежда его – установленная полицейская форма для околоточных надзирателей.

В форменной одежде он является приставу при назначении своем в участок; ознакомляется в ней с управлением участка, дворниками, швейцарами, содержателями меблированных комнат и вообще всеми теми лицами, которые ему необходимы для получения от них содействия. Во всякое же другое время надзиратель ходит в приличном статском платье.

Существуя исключительно для секретных надобностей правительственных лиц и учреждений, а отнюдь не для потребностей публики, и будучи обременен своими прямыми специальными обязанностями, надзиратель должен уклоняться от тех происшествий в его участке, в которых он так или иначе мог бы фигурировать в качестве гласного лица, и воздерживаться от всего, что отклоняло бы его в сторону от задач, возлагаемых на него инструкцией.

Квартиру он должен иметь в доме, где не замечается ни присутствия учащейся молодежи, ни скопления рабочих, ни проживания поднадзорных. Если он не занимает отдельной квартиры, в которую отнюдь не должен пускать жильцов, то ему надлежит выбрать себе комнату по возможности с отдельным ходом, дабы не привлекать к себе внимания переодеванием в статское платье.

Вся канцелярская часть должна храниться у него в особом, хорошо запертом и солидных размеров сундуке, дабы его нельзя было унести незаметным образом, и ключ от него вместе со служебной карточкой должны всегда иметься при себе. Фамилии и адреса лиц и учреждений, как и вообще всякие сведения, должны им заноситься в особую алфавитную книгу, которую он ни в коем случае не должен при исполнении служебных обязанностей иметь при себе.

Все мелкие записи и лоскутки бумаги, на коих они занесены, должны как можно скорее уничтожаться (сжигаться). В случае получения надзирателем отпуска или командировки все письменные документы должны быть сдаваемы в отделение.

На полицейском надзирателе лежит обязанность периодически (не менее двух раз в неделю) являться за получением приказаний в охранное отделение.

В случае каких-либо недоразумений, столкновений и происшествий, инструкцией не предусмотренных, надзиратель обязан о сем доложить отделению для получения приказаний, как надлежит поступить в данном случае[627].

ПОЛОЖЕНИЕ О НАЧАЛЬНИКАХ РОЗЫСКНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ от 12 августа 1902 г.

§ 1. В некоторых местностях империи, где замечается особо усиленное развитие революционного движения, учреждаются розыскные отделения, на начальников коих возлагается заведывание политическим розыском, т. е. наружным наблюдением и секретной агентурой в известном определенном районе.

§ 2. Начальники розыскных отделений назначаются по выбору директора Департамента полиции из офицеров Отдельного корпуса жандармов и прикомандировываются к губернским жандармским управлениям в той местности, где учреждается розыскное отделение.

Примечание. Означенная должность может быть также замещена чиновником Департамента полиции, командируемым для исправления должности начальника розыскного отделения.

§ 3. Районы деятельности отделений определяются по усмотрению директора Департамента полиции.

§ 4. Начальники розыскных отделений, кроме подчинения в строевом отношении (если они офицеры) начальникам губернских жандармских управлений, к коим они прикомандированы, осведомляют их словесно о ходе наблюдения и результатах розысков. Для объединения розыскной деятельности начальники розыскных отделений непосредственно доносят Департаменту о всех поступающих к ним агентурных сведениях и данных наружного наблюдения и получают от Департамента соответствующие указания в отношении общего хода розыска в империи.

§ 5. Начальники розыскных отделений имеют в своем распоряжении канцелярию с письмоводителем и писцами. На обязанности начальников отделений лежит приобретение секретных агентов, руководство их деятельностью, а также выбор и обучение наблюдательных агентов.

§ 6. В канцеляриях начальников розыскных отделений должны вестись по установленным на сей предмет образцам: а) регистрация данных наблюдения:

агентурные записки, дневники наблюдения с соответствующими сводками; б) книга денежной отчетности; в) дела по переписке и г) листковый алфавит лиц, сведения о коих имеются в отделении.

§ 7. В случаях переездов лиц, состоящих под наблюдением, в район другого отделения наблюдение передается местным агентам, о чем агент, начавший наблюдение, докладывает начальнику местного отделения. Если же лицо прибыло в местность, где розыскного отделения не имеется, то наблюдение за ним продолжается прежними агентами, причем старшему из них вменяется в обязанность явиться к подлежащему жандармскому начальству, если таковое в данной местности имеется, и доложить о цели своего прибытия.

§ 8. В интересах розыска начальники розыскных отделений, кроме данных агентуры и наблюдения, должны пользоваться также и всеми имеющимися в жандармских управлениях, к коим они прикомандированы, сведениями. Ввиду сего начальники губернских жандармских управлений обязываются предоставить начальникам розыскных отделений доступ ко всем делам (в том числе и производящимся в порядке 1035 ст. Уст. угол. суд.) и перепискам управления и направлять к ним все поступающие в управление сведения, могущие иметь отношение к розыску, как то: анонимные и подписанные заявления, доносы, предложения услуг и т. п. Лица, предлагающие агентурные услуги, направляются к начальникам розыскных отделений.

§ 9. Когда по результатам наружного наблюдения в связи с агентурными данными встретится необходимость производства обысков и арестов, в особенности более или менее значительного числа лиц, то начальники розыскных отделений представляют по возможности заблаговременно в Департамент полиции список лиц, отмеченных к обыскам и арестам, с кратким обозначением в отношении каждого лица оснований к этим мерам и степени участия его в подлежащем обнаружению государственном преступлении.

Предположенные следственные действия производятся местным губернским жандармским управлением, коему от Департамента дается соответствующее предписание, при личном участии и по ближайшим указаниям начальника розыскного

отделения.

§ 10. В тех случаях, когда требуется принятие безотлагательных мер для пресечения и предупреждения преступлений, начальники розыскных отделений докладывают начальникам губернских жандармских управлений, испрашивая их содействия к производству следственных действий, причем в таких случаях означенное содействие является для начальников жандармских управлений обязательным, а ответственность за предпринятые действия возлагается на начальников отделений.

§ 11. После производства обысков отобранные вещественные доказательства должны быть без замедления переданы начальнику губернского жандармского управления для возбуждения по делу дознания. Начальник розыскного отделения должен быть допущен к рассмотрению вещественных доказательств совместно с начальником жандармского управления или тем офицером, коему будет поручено производство данного дознания, причем составление протокола осмотра возлагается непосредственно на то лицо, которое будет производить дознание.

§ 12. По рассмотрении вещественных доказательств начальник губернского жандармского управления о результатах произведенных следственных действий немедленно по телеграфу, а затем не позднее недели (в зависимости от количества добытого материала) представляет подробное донесение почтой в Департамент полиции со списком обысканных и арестованных и перечнем наиболее заслуживающих внимания вещественных доказательств.

§ 13. Без согласия начальника розыскного отделения в районе его наблюдения чинами Корпуса жандармов не могут быть производимы никакие обыски и аресты, хотя бы по этому предмету поступило требование уполномоченного для этого другого лица. О встреченном затруднении дать такое согласие начальник отделения телеграфирует директору Департамента полиции.

§ 14. Кроме переписки по текущим делам, по данным агентуры и наблюдения начальник розыскного отделения в недельный срок после обнаружения преступления (ликвидации) обязан доставить в Департамент сводку дневников наблюдения по данному делу.

§ 15. Начальники розыскных отделений находятся в постоянном общении между собой, сносясь непосредственно обо всем, касающемся розыска, как то: выяснение места нахождения лиц, собрание необходимых сведений и т. п.

Если случится надобность войти в сношение с жандармским управлением, при коем розыскного отделения не имеется, то переписка ведется через начальника губернского жандармского управления со скрепой начальника розыскного отделения.

§ 16. Начальники розыскных отделений могут по служебным надобностям выезжать из места постоянного своего пребывания, не испрашивая на то особого разрешения начальства. Они обязываются лишь об отлучке в пределах своего района поставлять в известность своего начальника губернского жандармского управления, а при выезде вне пределов – и Департамент полиции.

§ 17. При поступлении запросов о политической благонадежности начальник жандармского управления направляет таковые к начальнику розыскного отделения, который или ставит штемпель об отсутствии сведений о данном лице, или же на самом запросе делает надпись по существу имеющихся у него указаний.

§ 18. Департамент полиции отпускает в непосредственное распоряжение начальников розыскных отделений по третям потребные суммы на содержание: канцелярий, служащих, секретных и наблюдательных агентов и прочие расходы по розыску.

В израсходовании отпускаемых сумм начальники розыскных отделений представляют отчеты непосредственно Департаменту полиции за каждую треть года[628].

СВОД ПРАВИЛ,

выработанных в развитие утвержденного господином министром внутренних дел 12 августа текущего года

«ПОЛОЖЕНИЯ О НАЧАЛЬНИКАХ РОЗЫСКНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ»

от 21 октября 1902 г.

1) Задачей розыскных отделений является розыск по делам политическим.

2) В интересах розыска начальники отделений постоянно и непосредственно сносятся с губернаторами и градоначальниками как лицами, стоящими во главе полиции, от которой они получают сведения политического характера и которой в свою очередь сообщают о готовящихся беспорядках или демонстрациях.

3) Отношения эти должны быть по возможности часты, причем доклады должны делаться лично.

4) Сообщения о наиболее важных происшествиях делаются при первой возможности.

5) Начальники отделений проверяют получаемые ими от губернаторов сведения политического характера.

6) Такие же отношения, в смысле постоянных обменов сведениями, должны поддерживаться и с начальниками местных губернских жандармских управлений, а также с лицами прокурорского надзора, наблюдающими за производством дознаний по делам о государственных преступлениях.

7) Розыск производится через агентуру и филерское наблюдение.

8) На обязанности начальников розыскных отделений лежит главным образом приобретение внутренней агентуры.

9) Наблюдение за учащейся молодежью и рабочими входит в круг ведения начальников розыскных отделений.

10) Способы внешнего наблюдения определяются распоряжениями Департамента полиции, и за таковые начальники розыскных отделений не отвечают. Начальники отделений указывают старшим филерам лиц, подлежащих наблюдению, а выполнение технической стороны наблюдения ближайшим образом лежит на обязанности старшего филера.

11) Начальники розыскных отделений должны ознакомиться с историей революционного движения и положением сего движения в настоящее время. Должны также следить за революционной литературой.

12) С этим они по возможности ознакомляют и своих секретных сотрудников, развивая в последних, по возможности, сознательное отношение к делу службы.

13) Секретные агенты должны быть известны

директору Департамента. Как об агентах, имеющихся ныне, так и о вновь приобретаемых начальники розыскных отделений сообщают директору Департамента частными письмами, без черновиков и занесения в журнал отделения.

14) При сношениях с агентами, живущими вне черты города, где живет начальник розыскного отделения, последний или вызывает к себе агента и оплачивает его расходы по поездке, или посылает к нему на тех же условиях кого-либо из состоящих в его распоряжении лиц.

15) Письмоводитель отделения, старший филер и основной филерский кадр организуются Департаментом.

16) Всех служащих на пункте начальник розыскного отделения определяет не иначе как с разрешения Департамента.

17) Начальники розыскных отделений, где наблюдение уже организовано, должны сообщить Департаменту списки филеров, состоящих на службе.

18) Филеры, в случае надобности, будут перемещаемы из одного отделения в другое распоряжениями Департамента полиции.

19) Начальники розыскных отделений, кроме суточных денег, отпускаемых ежедневно, возмещают филерам также и расходы, вызываемые осуществлением наблюдения (трактиры, извозчики, квартиры и т. п.), по представляемым ими счетам.

20) Собирание сведений, осуществляемое в Москве и Петербурге полицейскими надзирателями, надлежит возложить на особых лиц, не несущих филерской службы.

21) Начальникам отделений рекомендуется ходатайствовать перед местными губернаторами и градоначальниками о зачислении этих лиц, равно как и своих письмоводителей, околоточными надзирателями сверх штата.

22) Наблюдение (§ 7 «Положения о начальниках розыскных отделений»), в случае неуказания того, что за наблюдаемым надлежит следить и после его выбытия из города, должно производиться только в сем последнем. Если, однако, есть агентурные сведения о том, что выезд делается с нелегальными целями, надлежит продолжать за ним наблюдение и по выбытии его из города. При этом филеры передают наблюдаемого для дальнейшей за

ним проследки тотчас по прибытии в район первого же по пути розыскного или охранного отделения филерам сих отделений или филерам Летучего отряда, если наблюдаемый будет проведен до такого пункта, где будет организовано наблюдение отряда. О выбытии наблюдаемого делается предупреждение по телеграфу для организации встречи.

23) Опрос филеров желательно производить на квартирах некоторых из них, кои должны проживать с соблюдением должной конспирации.

24) Расходы по разъездам филеров по делам службы вне постоянного местопребывания их покрываются Департаментом, коему и представляются счета по этому предмету.

25) Обыски и аресты при ликвидациях могут быть намечаемы только по достаточно проверенным и серьезным данным. Аресты должны намечаться в возможно меньшем количестве.

26) Личное присутствие начальников отделений на том или другом обыске предоставляется их усмотрению.

27) Аресты сходок производятся применительно к правилам, изложенным в инструкции об обысках. При этом необходимо прежде всего принимать меры к предупреждению возможности уничтожения вещественных доказательств, к разобщению, личному осмотру собравшихся и к установлению их самоличности. При затруднительности установления таких лиц на месте они препровождаются для сего в местные полицейские учреждения.

28) Обыски по делам политического характера, вызываемые дознаниями в порядке 1035 ст. Уст. угол. судопр., производятся изложенным в этой статье порядком, на условиях, указанных в § 13 «Положения о начальниках розыскных отделений».

29) Район ведения начальников розыскных отделений есть, главным образом, город, где живет начальник, а затем в сферу его деятельности могут входить те города губернии, кои будут обращать на себя внимание наибольшим проявлением революционной пропаганды.

30) Начальники розыскных отделений постоянно обмениваются друг с другом сведениями.

31) Начальник отделения ведет каталог нелегальных изданий, поступающих в библиотеку отделения, и, при

передаче должности, сдает своему заместителю и все накопившиеся в отделении издания.

32) Нелегальную литературу, которая может быть изъята агентурным путем, начальники розыскных отделений препровождают в Департамент полиции.

33) Отчеты о своей деятельности начальники розыскных отделений представляют записками на имя директора Департамента полиции. Существенные агентурные сведения и наиболее яркие эпизоды наружного наблюдения сообщаются немедленно; дневники же наблюдения со сводками к ним – 1-го числа каждого месяца, а выверенный дневник – через неделю после ликвидации.

34) Независимо этих дневников и записок начальники отделений перед ликвидацией представляют директору Департамента подробную мотивированную записку относительно предполагаемого к ликвидированию дела. В этой записке, независимо от предшествовавших сообщений, кои могут иногда представлять собою материал еще и не вполне проверенный, должна быть изложена в исторической последовательности вся деятельность той или иной организации, коей она будет касаться.

35) При необходимости производства обысков или арестов вне пределов своего района, в случае спешности, начальники розыскных отделений могут непосредственно просить об этом подлежащих начальников жандармских управлений, а где есть начальники розыскных отделений, то просить таковых. Если же требование не спешно, начальники розыскных отделений сносятся с начальниками губернских жандармских управлений через начальника местного губернского жандармского управления.

36) При удостоверении политической благонадежности (§ 17 «Положения о начальниках розыскных отделений») начальник губернского жандармского управления, по поступлении к нему запроса, наводит справку о данном лице по алфавитам управления и имеющиеся сведения излагает в надписи на запрос, который затем препровождает в подлиннике начальнику розыскного отделения.

Начальник розыскного отделения, по поступлении к нему из губернского жандармского управления при надписи запроса с имеющимися сведениями о данном

лице, наведя в своем отделении справку, ставит на том же запросе, при отсутствии сведений, штамп «Сведений нет» и возвращает запрос начальнику жандармского управления. При наличности же в отделении сведений начальник отделения сообщает таковые надписью на запрос, который в подлиннике препровождает в Департамент полиции, уведомив о сем начальника жандармского управления.

Начальник жандармского управления, в свою очередь, получив обратно запрос со штампом «Сведений нет», направляет этот запрос в порядке, указанном в циркуляре г. министра внутренних дел от 29 ноября 1891 г. за № 4910, причем в случаях представления запросов в Департамент полиции, а также по получении уведомления начальника отделения об отсылке запроса в Департамент полиции, начальник управления сообщает лицу или учреждению, сделавшему запрос о политической благонадежности, что запрос этот представлен им в Департамент полиции на заключение.

Лица или учреждения, от которых поступают в губернское жандармское управление запросы о политической благонадежности, не должны быть осведомляемы о наведении по сим запросам справок в розыскном отделении.

37) Штампы по сказанным запросам о благонадежности не подписываются начальником розыскного отделения, и запросы эти в журнал входящих бумаг отделения не заносятся[629].

ИНСТРУКЦИЯ ФИЛЕРАМ ЛЕТУЧЕГО ОТРЯДА И ФИЛЕРАМ РОЗЫСКНЫХ И ОХРАННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ

от 31 октября 1902 г.

1) Старший филер сообщает письменно Департаменту полиции, на имя заведующего наружным наблюдением Евстратия Павловича Медникова, не менее двух раз в неделю краткие сведения по текущему наблюдению: об установке и выяснении наблюдаемых и мест, ими посещаемых, о появлении в сфере наблюдения новых лиц, о перемене наблюдаемыми места жительства, об их выбытии куда-либо, о сходках, конспиративных свиданиях, о появлении у наблюдаемых при их

передвижениях и деловых сношениях каких-либо свертков и вообще подозрительных предметов и о передаче таковых. Независимо от этого старший филер сообщает заведующему наблюдением о всех выдающихся фактах по наблюдению – немедленно.

2) Филер, выехавший из места постоянного пребывания с наблюдаемым, при первом удобном случае телеграфирует заведующему наблюдением и своему начальнику. Телеграммы должны носить характер торговой корреспонденции, например: «Товар Черного везу Тулу»; подписывать такие телеграммы филер должен собственной фамилией.

3) По прибытии в какой-либо другой город вне своего постоянного места жительства филер немедленно телеграфирует свой адрес заведующему наблюдением и своему начальнику и письменно сообщает подробно результаты наблюдения ежедневно.

4) Письма отправляются заказными, причем рекомендуется сдавать таковые на вокзалах или же опускать в почтовые ящики поездов.

5) Желательно, чтобы старшие филеры знали адреса таковых же старших в других пунктах.

6) Все письма из какой-либо одной местности должны иметь общую порядковую нумерацию и указание, когда и где они составлены, в конце подпись.

7) Каждому лицу, вошедшему в наблюдение, дается кличка, как равно и лицам, кои, по мнению филеров, будут представляться интересными или часто встречаться ими по наблюдению.

8) Кличку надлежит давать краткую (из одного слова). Она должна характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собою впечатление, которое производит данное лицо.

9) Кличка должна быть такая, чтобы по ней можно было судить, относится ли она к мужчине или к женщине.

10) Не следует давать одинаковых кличек нескольким лицам, и каждый наблюдаемый должен иметь одну кличку, данную ему впервые, когда его узнали.

11) Упоминая новое лицо под кличкой, должно сообщать подробно, когда и как оно появилось, описать его приметы, а также кто из филеров его лучше знает.

12) Приметы должны быть сообщаемы в следующем

порядке: лета, рост, телосложение, лицо (глава, нос, уши, рот, лоб), растительность на голове и проч., цвет и длина волос; одежда; особенности в походке или манерах.

13) При сообщении сведений о каждом наблюдаемом в самом начале должно указывать, где он живет и с какого приблизительно времени, если же в адресе его нет полной уверенности, то следует оговариваться об этом.

14) При посещении наблюдаемыми домов следует точно указывать, помимо улиц, еще номер владения и фамилию владельца, а равно, по возможности, и квартиру (ход, этаж, флигель, окна).

15) Если в одном доме наблюдаемые посещают два или несколько разных помещений, то надлежит каждый раз указывать, куда именно они ходят.

16) Если дом угловой, надлежит обязательно указывать, под какими номерами он значится и с какой улицы существует вход в такой дом.

17) В донесениях не следует писать «пошел» к такому-то, а «пошел в дом» такой-то к такому-то.

18) В донесениях надлежит указывать на места, где наблюдаемые бывают по частным надобностям (обед, занятия, родственники).

19) При посещениях же наблюдаемыми магазинов и мастерских следует обязательно указывать фамилию владельцев их и улицы, на которых эти заведения находятся.

20) С карточек, находящихся у входов, надлежит записывать все полностью (фамилию, имя, отчество и т. д.).

21) При осуществлении наблюдения необходимо всегда действовать так, чтобы не обратить на себя внимания, не ходить заметно и на одном месте в течение продолжительного времени не оставаться[630].

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПЕЧАТНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ПРИЕЗДА ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ В г. МОСКВУ

1. Каждый владелец квартиры или помещения, окна или балконы которой выходят на улицу по пути следования Их Императорских Величеств, обязан представить указанному ниже члену комиссии не позднее 25-го марта список в двух экземплярах всех лиц, кои будут находиться в его квартире или помещении во время высочайшего проезда, и независимо от сего испросить у московского обер-полицеймейстера разрешение на допуск в свое помещение лиц подачею прошения, оплаченного гербовым сбором в 1 р. 20 коп.

2. Контроль пропуска лиц, являющихся в дома в день Высочайшего проезда, производится квартирохозяином, причем ответственность за то, что пропущены те самые лица, которые внесены им в список, падает всецело на него.

3. Домовладельцам и управляющим домами вменяется в обязанность в день приезда Их Величеств:

а) ворота домов держать запертыми на замок с утра дня приезда Их Величеств;

б) ключ от ворот передавать старшему дворнику, занимающему место у ворот со стороны улицы;

в) в ворота пропускать исключительно живущих в домах или получивших право входа в квартиры, согласно представленного члену комиссии списка, посторонних же лиц в случае экстренной надобности допускать только с разрешения члена комиссии или чинов полиции;

г) запереть на ключ в нижних этажах двери, выходящие на улицу; окна в нижних и полуподвальных этажах, в которые возможен допуск с улицы, иметь закрытыми;

д) допускать вход в подъезды только лицам, упомянутым под лит. в. пункта 3-го настоящего объявления.

4. Воспрещается делать какие-либо приспособления для зрителей у ворот со стороны улицы.

5. Домовладельцам и управляющим домами

вменяется в обязанность преградить под личной ответственностью во время проезда Их Величеств доступ на чердаки и на крыши, для достижения каковой цели вход на чердак, по предварительному осмотру членом комиссии, должен быть заперт и опечатан распоряжением члена комиссии, а все пожарные лестницы по указанию члена комиссии обшиты тесом на 6 аршин от земли.

6. Открытие окон во время Высочайшего проезда разрешается, за исключением окон, упомянутых в п. г. § 3, равно как и доступ публики на балконы, выходящие на улицу, причем к открытым окнам и на балконы могут быть допущены под личною ответственностью владельца квартиры или помещения лица совершенно трезвые и притом только такие, которые значатся в списке, составленном на основании § 1 сего объявления. Допущенные лица не должны иметь при себе ни биноклей, ни подзорных труб, ни фотографических аппаратов; квартировладелец принимает на себя ответственность за порядок в принадлежащем ему помещении.

Примечание. Определение количества лиц, могущих находиться на балконах, принадлежит технику, состоящему членом комиссии.[631]

МЕРЫ ОХРАНЫ, ОДЛЕЖАЩИЕ ПРИНЯТИЮ В СЕЛЕНИЯХ ПО ПУТИ ВЫСОЧАЙШЕГО СЛЕДОВАНИЯ ОТ г. АРЗАМАСА В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ И ДИВЕЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ОБРАТНО ЧЕРЕЗ с. ГЛУХОВО В г. АРЗАМАС

1. Все строения, жилые и холодные, находящиеся на самом пути, так равно и на расстоянии десяти саженей в обе стороны от дороги, за двое суток до проезда тщательно осматриваются комиссий, состоящей из полицейского и жандармского (где таковые есть) офицера, местного сельского старосты и при участии двух понятых. Председателем в комиссии является старший в чине офицер. Те строения, в которых нет особой надобности для хозяев, опечатываются ею, чтобы убедиться в целости их.

Примечание. Если впоследствии хозяевам

встретилась бы особая надобность войти в опечатанное строение, то это может быть сделано в присутствии той же комиссии и после этого строение вновь опечатывается.

2. В упомянутых выше строениях после осмотра никто из посторонних лиц, к семье хозяина не принадлежащих, оставаться не может впредь до того времени, пока охрана не будет снята.

3. За сутки до проезда в каждый дом, находящийся по пути следования, помещаются два охранника, которые следят, чтобы никто из посторонних в дом и во двор не входил.

4. За 4 часа до проезда помещаются с задней стороны домов, лежащих по пути, охранники, стражники или воинские чины, по мере надобности, которые следят за тем, чтобы на дорогу, по которой имеет быть проезд, никто не выходил.

5. Все выходящие на улицу окна или отверстия на чердаках заколачиваются.

6. Полицией и сельскими властями устанавливается строгий надзор за всеми живущими в селениях и за тем, что вообще происходит в селениях. За двое суток до Высочайшего проезда селение должно быть очищено от всех неизвестных лиц.

7. С раннего утра дня Высочайшего проезда в попутных селениях все собаки должны быть на привязи и находящийся в селениях скот загнан[632].

ПРИКАЗ ЖИТЕЛЯМ СЕЛЕНИЙ ПО ПУТИ ВЫСОЧАЙШЕГО СЛЕДОВАНИЯ ОТ г. АРЗАМАСА В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ И ДИВЕЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ОБРАТНО

1. Жители каждого селения, через которое будет следовать Высочайший проезд, собираются у своей околицы к определенному часу, который будет указан земским начальником, в район которого входит соответственное селение, и группируются там по обе стороны дороги.

2. Сельский староста, сотские и десятские проверяют, чтобы никто из посторонних, к жителям селения не принадлежащий, в группе не был. Если же

случайно кто-либо из посторонних тут явился и не будет времени его совсем удалить, то он становится за группу под надзор полиции или благонадежных лиц.

3. От линии проезда группы стоят около 10 саженей.

4. Расходиться жители могут с разрешения старшего полицейского офицера, когда последний экипаж скроется из вида.

5. При въезде в селение разрешается жителям устраивать арки и украшать дома свои зеленью и флагами[633].

ПРИКАЗ ЧЛЕНАМ ДОБРОВОЛЬНОЙ ОХРАНЫ ПО ПУТИ СЛЕДОВАНИЯ ВЫСОЧАЙШИХ ОСОБ ИЗ г. АРЗАМАСА В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ И ДИВЕЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ОБРАТНО

1. Члены добровольной охраны должны становиться на места и в час, указанный начальниками отрядов. Во время Высочайшего проезда они сходить со своих мест не должны, а после проезда могут расходиться по указанию начальников отрядов, и во всяком случае не ранее, как последний экипаж скроется из вида.

2. При расстановке на местах все котомки как охранников, так и тех из посторонних лиц, которые будут остановлены по пути и поставлены позади членов охраны, относятся на несколько десятков саженей в тыл охраны, там складываются, а разбираются лишь после Высочайшего проезда.

В руках ни у охранников, ни у посторонних лиц не должно быть никаких предметов, кроме шапок.

3. При Высочайшем проезде воспрещается становиться на колени с целью подачи каких бы то ни было бумаг и прошений. Если же кто-либо желает подать Государю Императору прошение, то он такое должен передать начальнику отряда, которым оно будет передано по начальству, и ни одно из поданных в таком порядке прошений не останется не доложенным государю.

4. Лиц, которые бросятся вперед для подачи прошений или с другими целями, члены охраны должны задержать и передать в распоряжение полиции.

5. Так как в день Высочайшего проезда в

определенный час по указанию начальника отряда всякое движение по пути будет приостановлено, то в случае появления потом на нем, а равно в прилегающей к нему местности лиц, не участвующих в охране, не принадлежащих к составу полиции или воинских частей или не имеющих на это разрешения губернатора, таковые должны задерживаться и с ними будет поступлено по указанию начальника отряда, до этого же их следует держать под строгим надзором за ближайшими группами охранников.

6. В тех местах, где будет находиться посторонняя публика, не позволять ей порвать цепь и становиться впереди, за исключением тех лиц, коим это будет начальником отряда разрешено.

7. В тех местах, где будет стоять посторонняя публика, сотники и десятники должны во время Высочайшего проезда стоять так, чтобы видеть проезжающее экипажи, а равно постороннюю публику, для наблюдения, не происходит ли там чего-либо подозрительного.

8. При всяких недоразумениях члены охраны должны руководствоваться указаниями начальников отрядов[634].

ПОЛОЖЕНИЕ О ДВОРЦОВОМ КОМЕНДАНТЕ от 25 апреля 1906 г.

1) Общее наблюдение за безопасностью императорских резиденций, а равно главный надзор за безопасностью пути во время Высочайших путешествий возлагается на дворцового коменданта, под высшим руководством министра Императорского Двора. Требования последнего, относящиеся до принятия мер к обеспечению безопасности особы Государя Императора, должны быть немедленно исполняемы всеми ведомствами и учреждениями Империи.

2) В связи с охраною безопасности императорских резиденций на дворцового коменданта под высшим наблюдением министра Императорского Двора возлагается также главное руководство деятельностью полицейских органов Министерства Императорского Двора в городах дворцового ведомства, а также

деятельностью лиц, несущих полицейские обязанности по установлениям того же министерства, перечисленных в дальнейших статьях сего Положения.

3) Дворцовый комендант назначается Высочайшим указом Правительствующему Сенату по представлению министра Императорского Двора.

4) Дворцовый комендант находится в непосредственном подчинении министра Императорского Двора, причем должности его присваивается III класс.

5) Министру Императорского Двора предоставляется издать инструкцию для руководства и ближайшего определения деятельности дворцового коменданта.

6) Действуя в пределах означенной инструкции и исполняя все предписания министра Императорского Двора, дворцовый комендант во время отсутствия министра Императорского Двора из императорской резиденции получает относящиеся до возложенных на него обязанностей указания непосредственно от Его Императорского Величества. О всех полученных Высочайших указаниях, а равно о сделанных по поводу сих указаний распоряжениях дворцовый комендант доносит министру Императорского Двора.

7) В видах облегчения дворцовому коменданту исполнения возложенных на него обязанностей все правительственные учреждения должны немедленно ему сообщать собранные их агентами сведения, имеющие отношение до возложенных на дворцового коменданта обязанностей.

8) При дворцовом коменданте в непосредственном его подчинении находятся, согласно Высочайше утвержденным штатам, особое управление, составляющее отдельное установление Министерства Императорского Двора, и инспекция императорских поездов.

9) Для исполнения различных поручений дворцового коменданта в его распоряжение командируются выбранные им военные и гражданские чины, которые считаются во временной командировке и сохраняют за собою занимаемые ими прежде должности и содержание.

10) Кроме военных и полицейских сил, которые в нужном количестве по требованию дворцового коменданта временно командируются подлежащими властями под его начальство, в постоянном [его]

распоряжении состоят нижеследующие части: дворцовая полиция, Собственный Его Императорского Величества конвой, сводно-гвардейский батальон и 1-й железнодорожный батальон.

11) Деятельность состоящего при дворцовом коменданте управления определяется инструкциями, составляемыми дворцовым комендантом и утверждаемыми министром Императорского Двора, деятельность же находящихся под начальством дворцового коменданта и командируемых в его распоряжение частей определяется инструкциями, издаваемыми дворцовым комендантом.

12) Кроме того, ведению дворцового коменданта подлежат: а) городские полиции в городах Царском Селе, Петергофе, Гатчине и Павловске; б) охранные (дворцовые) команды и те команды служительские, в круг обязанностей которых входят и обязанности полицейские, считая в том числе разного рода сторожей, в районе дворцовых управлений Царкосельского, Петергофского и Гатчинского, а также при императорских дворцах: Зимнем и Собственном Его Императорского Величества в С.-Петербурге; в) полицмейстера Императорских С.-Петербургских театров и г) полицмейстера Императорских Московских театров во время пребывания Высочайшего Двора в гор. Москве.

Примечание 1. Командам того же назначения, как указано в пункте б) настоящей статьи, состоящим при других дворцах, в том числе и находящихся в заведовании Главного управления уделов, вменяется в непременную обязанность исполнять беспрекословно во время пребывания Высочайшего Двора все требования дворцового коменданта.

Примечание 2. Обо всех распоряжениях, им отданных полицмейстеру театра, дворцовый комендант сообщает управляющему театральною конторою для согласования действий дирекции театров с намерениями дворцового коменданта.

13) Начальник дворцовых управлений С.-Петербургского, Царскосельского, Петергофского и Гатчинского, управляющий городом Павловском и начальник собственного Его Императорского Величества дворца в С.-Петербурге, действуя на основании существующих законоположений, сохраняют за собою по принадлежности заведование городскими полициями и

командами, указанными в статье 12, но по делам полицейского характера, а равно и вообще по вопросам, касающимся охранения порядка и безопасности в районе их ведения, состоят в непосредственном подчинении дворцового коменданта; начальники прочих дворцовых управлений и лица, заведующие дворцами удельного ведомства, подчиняются дворцовому коменданту на означенных выше условиях лишь временно, на сроки пребывания Высочайшего Двора.

14) Все представления, касающиеся личного состава служащих городских полиций дворцового ведомства, а равно должностных лиц, непосредственно заведующих командами, указанными в пункте «б» статьи 12 Положения, направляются начальниками дворцовых управлений к дворцовому коменданту, который или разрешает эти представления своею властью, или входит с представлением к министру Императорского Двора в тех случаях, когда по закону и действующим в Министерстве Императорского Двора особым правилам разрешение дела зависит от власти министра.

15) В случаях необходимости принятия новых мер или издания особых распоряжений по делам полицейского характера, а равно по вопросам охраны порядка и безопасности, касающимся городских полиций в городах дворцового ведомства и команд, указанных в пункте «б» статьи 12 сего Положения, начальники дворцовых управлений входят о сем с представлениями к дворцовому коменданту.

Когда же упомянутые представления на основании действующих узаконений и особых инструкций должны восходить к министру Императорского Двора, то дворцовый комендант представляет их министру вместе со своим заключением.

Примечание. Записки о происшествиях представляются начальниками дворцовых управлений непосредственно министру Императорского Двора, но одновременно с сим такие же записки представляются и дворцовому коменданту.

16) Правила, указанные в статье 15, соблюдаются и по отношению к прочим дворцовым управлениям и лицам, заведующим дворцами, когда таковые во время пребывания Высочайшего Двора в местности, им подведомственной, подчиняются дворцовому коменданту.

Усмотрению дворцового коменданта предоставляется подчинять своему непосредственному ведению те дела из предметов ведомства городских полиций дворцовых городов, которые он признает нужным, чтобы они представлялись на его разрешение. Если затронутый вопрос превышает пределы полномочий дворцового коменданта, он представляет о сем, со своим заключением, министру Императорского Двора.

Примечание. Вопросы санитарного и строительного благоустройства дворцовых городов, а равно хозяйственная часть городских полиций ведению дворцового коменданта не подлежат.[635]

Глава 12
От революции до революции

Вам, господа, нужны великие потрясения, а мне нужна великая Россия!

П. А. Столыпин

12 августа 1906 г. эсеры-максималисты организовали покушение на председателя Совета министров и министра внутренних дел П. А. Столыпина. Двое боевиков, переодетых в форму жандармских офицеров, с бомбами в портфелях подъехали к даче премьера на Аптекарском острове в Петербурге. Находившийся в передней швейцар обратил внимание на поведение мнимых жандармов и на их мундиры, детали которых не соответствовали офицерской форме, и предпринял попытку задержать подозрительных посетителей. Будучи на грани разоблачения, террористы оттолкнули швейцара в сторону и вбежали в переднюю, где на их пути встал начальник охраны Столыпина. Бомбы были взорваны. Взрывы разрушили прихожую, комнату дежурного, подъезд дома; снесены были балкон второго этажа, деревянные стены первого и второго этажей. Единственным уцелевшим местом в доме оказался кабинет самого Столыпина, в котором он в тот момент находился. Кроме террористов, погибли 25 и получили ранения различной тяжести 100 человек, в том числе сын и дочь премьера. Бдительность и решительные действия сотрудников Петра Аркадьевича, пользовавшегося у подчиненных большим уважением, в тот раз спасли ему жизнь…

После этого покушения Николай II предложил Столыпину переехать в Зимний дворец: тот охранялся тщательнее, чем все, вместе взятые, министерские дома и дачи. Охрану Столыпина осуществляли сотрудники Дворцовой агентуры, созданной в 1906 г. на базе части Охранной команды при Петербургском охранном отделении. Это специальное подразделение обеспечивало негласную физическую (личную) охрану императора, его семьи и членов императорской фамилии. В ней служили около 300 человек: заведующий, 4 офицера Отдельного корпуса жандармов, 8 чиновников особых поручений и 275 агентов. Последние вербовались на службу в основном из унтер-офицеров гвардейских полков. На вооружении этого отряда

состояло не только короткоствольное огнестрельное, но и холодное оружие. При первичной подготовке и в ходе практической работы сотрудники Дворцовой агентуры изучали различные специальные дисциплины. Они умели вести наружное наблюдение, владели методикой распознавания потенциальных террористов и могли определять наиболее опасные участки маршрутов своих подопечных. Агенты запоминали по фотографиям и словесным портретам известных террористов и владели специальными приемами, использовавшимися при пресечении покушений. Они сопровождали членов императорской семьи во всех поездках по России и за границу в составе специальных отрядов секретной охраны, численность которых колебалась от 10 до 30 человек. Заведующий Дворцовой агентурой Спиридович находился в постоянном контакте с руководителями охранных структур Российской империи.

19 августа после убийства генерал-майора лейб-гвардии Семеновского полка Г. А. Мина (он отличился жестоким подавлением восстания на Пресне в Москве в декабре 1905 г.) Николай II подписал указ о введении на всей территории Российской империи военно-полевых судов. До этого указа военному суду подлежали только военнослужащие. Военно-полевые суды состояли из строевых офицеров и выносили приговоры в отношении всех лиц, обвиняемых в терроризме, по законам военного времени. Обвиненных, как правило, приговаривали к повешению и приводили приговор в исполнение в течение 24 часов. Можно по-разному относиться к деятельности военных судов, но в тех условиях страх перед немедленной казнью стал для многих начинающих террористов эффективным сдерживающим фактором. 20 апреля 1907 г. (через неполные 9 месяцев) военно-полевые суды упразднили.

Но эсеровские боевики не оставили намерения устранить премьера, которого считали самым опасным врагом революции. После перехода Столыпина под попечительство охраны императора сделать это было довольно сложно. Дочь премьера М. П. Бок впоследствии писала: «Начальник охраны папы, разработав план прогулок и выездов, доложил, что он только в том случае может взять на себя ответственность за охрану, если папа на улице не будет давать никаких приказаний ни шоферу, ни кучеру, а будет следовать лишь по тем улицам, которые будут заранее указываться при каждой поездке. <…> Выходя из дому, папа сам вперед не знал, какой подъезд будет указан ему для выхода, куда будет подан его экипаж, и если совершалась прогулка, то не знал, куда его повезут. В определенном охраной месте экипаж останавливался, папа выходил из него и совершал часовую

прогулку пешком. По окончании прогулки мой отец не знал, по каким улицам его повезут, ни к какому подъезду его подвезут»[636].

Начальником личной охраны П. А. Столыпина в 1906–1911 гг. был ротмистр Отдельного корпуса жандармов К. К. Дексбах. (Врыв на даче произошел в тот момент, когда тот был во временном отпуске.) Дексбах отвечал за охрану Столыпина и членов его семьи, а также за общее наблюдение за находившемся при министре штатом служащих и порядком на Аптекарском острове. Он руководил личным составом охраны, сопровождал председателя Совета министров в служебных и частных поездках и на прогулках, составлял маршруты поездок, выбирал способы передвижения и отдавал указания лицам, принимавшим участие в охране. К этому следует добавить, что попытки террористов совершить покушение на Столыпина в течение 1906–1910 гг. не удались и потому, что Петр Аркадьевич беспрекословно выполнял все требования Дексбаха и считался с его мнением при планировании мероприятий.

Поскольку Столыпин ежедневно отплывал к государю в Петергоф на катере по Неве, а затем на яхте по заливу, боевики решили забросать катер бомбами с Дворцового или Николаевского мостов, но оба моста усиленно охранялись.

П. А. Столыпин

А. И. Спиридович

Нападение на Столыпина при выходе из Зимнего дворца также представлялось боевикам трудным по исполнению. Один из лидеров Боевой организации Б. В. Савинков вспоминал, что нападающая группа с бомбами должна была ожидать выхода Столыпина неопределенное время именно в тех местах, где была сосредоточена охрана: на Дворцовой набережной, на Мойке, на Миллионной. Было маловероятно, что нападающие не будут замечены охраной, но и в случае, если бы нападающие обманули бдительность охраны, нападение вряд ли могло увенчаться успехом. Столыпин выходил из подъезда дворца и, перешагнув через тротуар Зимней канавки, спускался к катеру. При первом выстреле он мог повернуть обратно в подъезд и скрыться во дворце. Помешать этому террористы не могли.

Осуществлявшая наблюдение за Зимним дворцом В. Попова впоследствии писала о серьезных мерах безопасности при отъездах Столыпина из дворца. Сыщики на Дворцовой площади внимательно оглядывали каждого прохожего. К первому от Адмиралтейства подъезду, вплотную у дверей, под аркой стояла карета, и нельзя было увидеть, кто в нее входит. В сторону к

Миллионной во дворцовом дворе находился закрытый автомобиль, который также подавался к подъезду. Автомобиль и карета быстро отъезжали (в основном вместе или сразу друг за другом); понять, кто находится внутри, было невозможно.

Если премьер исполнял пожелания охраны, то сам государь, как и ранее, доставлял охране немало хлопот. Несомненно, он понимал ее значение, но не всегда прислушивался к мнению специалистов. Произвольно изменяя маршрут прогулок и не ставя начальника Дворцовой полиции в известность, император создавал ситуации, о которых террористы могли только мечтать. Из охранных структур наибольшим вниманием Николай II удостаивал военнослужащих Конвоя и Сводно-гвардейского батальона. Будучи человеком военным, государь, как и большинство офицеров того времени, относился к сотрудникам специальных служб с известной долей пренебрежения. Как показывает история охранного дела, взаимоотношения сотрудников службы безопасности со своими подопечными (особенно высокопоставленными) – один из важнейших и наиболее сложных факторов в организации охраны.

Фрейлина императрицы баронесса С. К. Бухсгевден впоследствии вспоминала, что Николай II противился элементарным мерам безопасности. Однажды, возвращаясь в Царское Село из Петербурга, он заметил, что между железными прутьями решетки вокруг парка натянута сетка с колючей проволокой, и потребовал немедленно ее убрать. Император вынужден был согласиться на присутствие сыщиков вокруг дворца (одетых в штатское, но всегда выдававших себя новыми перчатками, зонтиком и калошами), но они раздражали его. В 1905 г., когда политические волнения только начинались, барон Фредерикс, заметив, что государь катается верхом в сопровождении одного казака, попросил брать с собой хотя бы еще дежурного флигель-адъютанта, но император выразил неудовольствие, сказав, что тогда пропадет вся прелесть прогулки.

Николай II был уверен в надежности и преданности своего Конвоя. Однако летом 1906 г. члены Центрального боевого отряда Партии социалистов-революционеров (эсеров) под руководством Л. И. Зильберберга через сына начальника дворцовой почтовой конторы в Новом Петергофе В. А. Наумова установили контакт с казаком Ратимовым. Наумов снабжал знакомого эсеровскими прокламациями и беседовал на политические темы. Получив предложение убить генерала Д. Ф. Трепова с помощью бомбы с часовым механизмом, Ратимов сообщил о Наумове по команде. Трепов, поручивший А. И.

Спиридовичу расследовать обстоятельства этого дела, скончался в сентябре 1906 г. После его смерти дворцовым комендантом был назначен В. А. Дедюлин, который возглавлял охрану императора в течение семи лет.

После убийства эсерами 31 декабря 1906 г. градоначальника Санкт-Петербурга В. Ф. фон дер Лауница Николай II пригласил Герасимова к себе на беседу, чего до этого не бывало. Последний вспоминал: «Я доложил ему, с мельчайшими подробностями, о революционных организациях, об их боевых группах и о террористических покушениях последнего периода. Государь хорошо знал лично фон дер Лауница; трагическая судьба градоначальника его явно весьма волновала. Он хотел знать, почему нельзя было помешать осуществлению этого покушения и, вообще, какие существуют помехи на пути действенной борьбы с террором.

Главным препятствием для такой борьбы, заявил я, является предоставленная Финляндии год тому назад свободная конституция. Благодаря ей члены революционной организации могут скрываться в Финляндии и безопасно там передвигаться. Финская граница находится всего лишь на расстоянии двух часов езды от Петербурга, и революционерам весьма удобно приезжать из своих убежищ в Петербург и по окончании своих дел в столице вновь возвращаться в Финляндию. К тому же финская полиция по-прежнему враждебно относится к русской полиции и в большой мере настроена революционно. Неоднократно случалось, что приезжающий по официальному служебному делу в Финляндию русский полицейский чиновник арестовывался финскими полицейскими по указанию проживающих в Финляндии русских революционеров и высылался из пределов Финляндии. <…>На прощание государь спросил меня: „Итак, что же вы думаете? Мы ли победим или революция?“ Я заявил, что глубоко убежден в победе государства. Впоследствии я должен был часто задумываться над <…> вопросом царя и над своим ответом, к сожалению, опровергнутым всей дальнейшей историей»[637].

В январе 1907 г. ситуация в столице обострилась, поскольку Наумов предложил Ратимову совершить покушение на императора. К расследованию подключилось Петербургское охранное отделение. Особую тревогу у сотрудников спецслужб вызывал тот факт, что террористы пытаются получить точные планы дворца и парка в Царском Селе и выяснить, каким образом можно приблизиться к императору или заложить мину в помещениях дворца. Согласно воспоминаниям начальника Петербургского охранного отделения А. В. Герасимова, Ратимов

сообщил боевикам некоторые сведения о возможности организации покушения в покоях государя и во время его прогулки в парке. В мемуарах нет указаний на достоверность сведений Ратимова, но мы полагаем, что последний сообщил террористам дезинформацию, подготовленную императорской охраной. Вскоре всю группу, готовившую покушение на Николая II, арестовали.

Декабрь 1906-го – февраль 1907 г. стали самыми насыщенными месяцами в реорганизации работы политической полиции. 14 декабря Столыпин утвердил «Положение о районных охранных отделениях», 9 февраля – «Положение об охранных отделениях». К концу февраля 1907 г. были приняты: «Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения», «Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения», «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения» (эти документы вы найдете в конце главы). Они были разосланы в районные и местные охранные отделения.

Возможно, кому-то покажется скучным и утомительным чтение такого большого числа документов, однако, по нашему глубочайшему убеждению, логику и дух той эпохи без изучения подлинных текстов с их стилистическим и терминологическим колоритом, системой понятий и «нервной» неразберихой, которая нашла в них отражение, осмыслить нельзя. Каждый документ – беспристрастный свидетель эпохи, первоисточник, позволяющий читателю составить собственное мнение, основанное на личном восприятии и профессиональном опыте. Умение вчитываться в старые бумаги сродни тонкой нити разговора, временами переходящего от дружеской беседы к жесткому допросу, от кружева политически витиеватых нагромождений – к по-солдатски простым и доступным установкам. Это сложный и интересный процесс. Если читатель почувствует, как перед ним раскрывается «шифр» языка того времени, как за строчками возникают живые реальные лица и быстро сменяющиеся события, если у него вспыхнет искорка интереса, он будет вознагражден новыми открытиями и неповторимым живым ощущением эпохи.

Районные охранные отделения создавались для успешной борьбы с революционным движением, терроризмом, аграрными беспорядками, пропагандой в армии и на флоте. Они являлись координирующими органами политического розыска, охватывающего несколько губерний (областей). Введение районных отделений децентрализовало систему политического розыска и позволяло принимать решения более оперативно, но в то же время планомерно, с учетом оперативной обстановки в

крупном регионе. Территориально районные охранные отделения действовали там же, где и окружные партийные комитеты революционных партий; соответственно, основной задачей РОО являлось внедрение агентуры в местные партийные организации и руководство ею. Начальники районных отделений имели право созывать совещания офицеров, непосредственно ведущих политический розыск, их требования о производстве обысков и арестов были обязательными для губернских жандармских управлений, жандармских железнодорожных управлений, охранных отделений и органов общей полиции.

Районные охранные отделения охватывали следующие направления: 1. Северное (Петербург), губернии: Петербургская, Псковская, Эстляндская, Новгородская, Олонецкая; 2. Центральное (Москва), губернии: Московская, Тверская, Ярославская, Вологодская, Архангельская, Костромская, Калужская, Тульская, Орловская, Владимирская, Рязанская, Нижегородская; 3. Поволжское (Самара), губернии: Самарская, Пермская, Вятская, Казанская, Сибирская, Уфимская, Саратовская, Оренбургская, Астраханская, Пензенская; Уральская обл.; 4. Юго-Восточное (Харьков), губернии: Харьковская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Екатеринославская, Черноморская; Донская обл.; 5. Юго-Западное (Киев), губернии: Киевская, Черниговская, Полтавская, Подольская, Волынская; 6. Южное (Одесса), губернии: Херсонская, Таврическая, Бессарабская и все побережье Черного моря; 7. Северо-Западное (Вильно), губернии: Вильненская, Ковенская, Гродненская, Могилевская, Минская, Витебская, Смоленская; 8. Прибалтийское (Рига), губернии: Лифляндская и Курляндская. К началу марта в РОО объединяли 25 губернских (областных) охранных отделений.

Идейная секретная сотрудница Московского охранного отделения и Заграничной агентуры З. Ф. Жученко-Гернгросс

В декабре 1906 г. структуре Особого отдела образованы два подотдела: Особый отдел «А» и Особый отдел «Б». Первый продолжал заниматься вопросами политического сыска, в первую очередь надзором за политическими партиями. В его ведение также входило руководство работой местных розыскных органов и заграничной агентуры, наблюдение за революционной пропагандой в войсках, заведование архивом. Отдел «Б» наблюдал за деятельностью профсоюзов, студенческих и рабочих организаций, вел статистику забастовок, демонстраций, нелегальных съездов и т. п. К работе Особого отдела были привлечены полковник В. А. Беклемишев[638] и подполковник А. М. Еремин[639], получившие задание провести ревизию деятельности местных розыскных органов. Постоянную связь с Особым отделом поддерживал заведующий Петербургским охранным отделением А. В. Герасимов.

В январе 1907 г. в Особом отделе была проведена реорганизация: на базе отдела «Б» создано 4-е делопроизводство Департамента полиции, Особый отдел разделялся на четыре

отделения: 1-е осуществляло общее руководство работой отдела и всеми розыскными органами империи, заведовало листковым архивом[640], шифровальной и фотографической частью, химическим кабинетом и материалами перлюстрации; 2-е наблюдало за организациями, широко применявшими террористические методы (эсерами, максималистами, анархистами и др.); 3-е вело аналогичную работу против социал-демократов (РСДРП, Бунд); 4-е занималось железнодорожным и почтово-телеграфным союзами и национальными партиями (кроме социал-демократических).

1 января 1907 г. в Департаменте полиции создается Регистрационный отдел, призванный упорядочить учет оперативной информации. Организация центрального справочного аппарата, единой алфавитной и предметно-тематической картотек привела к качественному информационному скачку.

Уже в апреле в течение пяти минут можно было установить, имеются ли в полицейском архиве материалы на то или иное лицо. Все фамилии или клички, упоминавшиеся в делах, автоматически заносились в картотеки. Исключение составляли агентурные псевдонимы секретных сотрудников, для которых в Особом отделе существовала секретная картотека.

Начальник Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов

После поражения вооруженных восстаний 1905–1906 гг. руководство большевистского крыла РСДРП начало уделять серьезное внимание организации боевой подготовки своих сторонников. В сентябре 1906 г. в статье «Партизанская война» В. И. Ленин[641] сделал вывод: «Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между „большими сражениями“ в гражданской войне»[642]. Главными проблемами партизанской войны он назвал неорганизованность, а также попытки навязать практикам искусственно сочиненные формы вооруженной борьбы.

В 1906–1907 гг. как в России, так и за границей была создана сеть школ, в которых тщательно отобранные партийные функционеры проходили специальную военную подготовку[643]. В качестве примера назовем школу боевых инструкторов в Киеве, школу бомбистов в Лемберге (ныне г. Львов), школу боевиков в Болонье. Таким образом, диверсионно-террористические

действия ударных боевых групп были признаны в качестве одной из необходимых составных частей борьбы за власть.

Важное место в работе против оппозиционных партий занимали вопросы деятельности секретной агентуры. 10 мая 1907 г. Трусевич и Васильев подписали циркуляр Департамента полиции № 125449 «О степени участия секретных сотрудников в деятельности революционных организаций», в котором говорилось: «В Департамент полиции поступают сведения об активном участии секретных сотрудников в такого рода революционной деятельности, как вооруженные экспроприации, хранение бомб и т. п., причем один из секретных сотрудников во время обыска даже подбросил хранившуюся у него бомбу своему соседу по квартире. Таковые секретные сотрудники задерживались с поличным или на месте преступления и привлекались к судебной ответственности. В то же время лица, ведающие розыском, узнавали о деятельности своих секретных сотрудников уже после их привлечения к следствию, а в своих донесениях в Департамент полиции старались оправдать преступную и провокаторскую их деятельность и возбуждали ходатайства об освобождении сотрудников от судебной ответственности. Такое поведение секретных сотрудников и описанное отношение к нему лиц, ведающих розыском, ясно указывает на полное непонимание последними назначения секретной агентуры и степени ее участия в революционной деятельности.

Ввиду изложенного, Департамент полиции в подтверждение § 8 инструкции начальникам охранных отделений по ведению внутреннего (агент[урного]) наблюдения считает необходимым разъяснить, что, состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым провокаторством, т. е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли или даже совершенно неповинных. Если для сохранения своего положения в организации секретным сотрудникам приходится не уклоняться от активной работы, возлагаемой на них сообществами, то они должны на каждый отдельный случай испрашивать разрешение лица, руководящего агентурой, и уклоняться во всяком случае от участия в предприятиях, сколько-нибудь угрожающих какою-либо опасностью, и во всяком случае не привлекать к соучастию других лиц. В то же время лицо, ведающее розыском, обязано принять все меры к тому, чтобы совершенно обезвредить задуманное предприятие, т. е. предупредить его, с сохранением интересов сотрудника. В каждом

отдельном случае должно быть строго взвешиваемо, действительно ли необходимо для получения новых данных для розыска принятие на себя сотрудником возлагаемого на него революционного поручения или лучше под благовидным предлогом уклониться от его исполнения, причем разрешение на такую деятельность допустимо лишь в целях розыскных.

К сему департамент считает необходимым присовокупить, что в случаях нарушения сотрудниками преподанных им инструкций или учинения чего-либо преступного без испрошения предварительных указаний со стороны чина, руководящего агентурой, департамент ни в какой мере не выступит в пользу облегчения участи уличенного в преступлении сотрудника, вредная деятельность коего в таком случае всецело будет отнесена на вид заведывающего розыском»[644].

Отмечались и другие нарушения правил агентурной и оперативной работы. 3 октября 1907 г. в циркуляре Департамента полиции № 136287 отмечалось: «До сведения Департамента полиции постоянно доходят слухи, что некоторые начальники охранных отделений и чины жандармских управлений пользуются секретными сотрудниками в качестве наблюдательных агентов, посылая их на проследки, для выяснения квартир разыскиваемых лиц и указания подлежащих аресту чинам полиции. Для выполнения означенных функций сотрудники снабжаются удостоверениями от офицеров, руководящих розыском, их визитными карточками и т. п. Отдельные случаи нарушения со стороны ведающих розыском лиц правил о надлежащем пользовании сотрудниками случались довольно часто, и каждый раз они вели к провалу ценного агентурного источника, ввиду чего департамент неоднократно разъяснял г[осподам] офицерам, заведующим розыском, о необходимости крайне осторожного пользования сотрудниками, отнюдь не поручая им обязанностей наблюдательных агентов, совершенно не отвечающих их прямому назначению – обстоятельному осведомлению розыскных органов о деятельности революционных организаций и их личного состава»[645].

4 октября 1907 г. Трусевич подписал циркуляр Департамента полиции «О мерах по усилению агентурного наблюдения за революционными организациями», в котором ставил конкретные задачи начальникам охранных отделений в связи с изменениями, происходившими в политической жизни России: «Поступающие из партийных агентурных источников сведения указывают на то, что наряду с напряжением сил боевых элементов, требующим и ныне самой упорной и решительной борьбы, деятельность главнейших революционных организаций (социалистов-

революционеров, социал-демократов, польской партии социалистов, социалистов-революционеров, максималистов и др.) вступила в переходный фазис, обуславливаемый отчасти усилением розыскных учреждений, а главным образом – неудачею недавних принципиальных начинаний и необходимостью вызываемых течением жизни России изменений в партийных программах и тактике. В этом направлении замечается ныне усиленное движение среди интеллигентных руководителей революции, некоторое ослабление притока к партиям новых личных и материальных сил и агитационной деятельности. Исключение составляют, как выше указано, террористические посягательства, а также пропаганда среди крестьян и войска. В то же время вследствие целого ряда правительственных распоряжений против преступной агитации, осуществлявшейся еще в недавнем прошлом путем легальных мер, партийные группы вынуждены ныне перевести многие свои предприятия в подпольную область.

Опыт минувших лет дает некоторое основание предполагать, что неудача последних программных планов революционеров заставит их организовать новые приемы противоправительственной борьбы, которые в более или менее близком будущем на почве неустойчивости общества могут создать и новую волну революционных выступлений.

Описанные обстоятельства вызывают необходимость в направлении ближайшей деятельности органов Департамента полиции сообразно указанному выше положению революционного движения. В этих видах надлежит принять следующие меры:

1. Всем сотрудникам должно быть внушено, чтобы они, участвуя в совещаниях, на коих обсуждаются те или иные повороты в программах и тактике организаций, настойчиво отстаивали направление, наиболее смягчающее революционное движение, и эти идеи распространяли усиленно в окружающей среде и в пределах, возможных по условиям подпольной деятельности.

2. Перед собраниями, на коих могут обсуждаться указанные основные вопросы, розыскные органы должны устранять хотя бы на короткое время лиц, придерживающихся крайних воззрений и оказывающих по своим личным качествам серьезное влияние на единомышленников.

3. Пользуясь разногласиями и колебаниями в партийных организациях, начальники розыскных учреждений должны ныне же принять самые энергичные меры к приобретению новых сотрудников, стремясь заручиться содействием серьезных

представителей, а не мелких кружковых деятелей, а вместе с тем использовать означенное переходное состояние в том смысле, чтобы продвинуть своих сотрудников ближе к центрам организаций.

4. При стремлении партийных руководителей законспирировать значение скрываемых ими целей некоторых, с формальной стороны легализированных предприятий (как, например, профессиональные союзы) начальникам розыскных учреждений надлежит немедленно направлять агентуру в среду этих организаций и выяснять действительных руководителей таковых, скрывающихся за спиной фиктивных предприятий, применяя к ним соответственные меры по охране при невозможности возбуждать уголовное преследование. Самое серьезное внимание должно быть обращено на выяснение через агентуру тех планов и намерений революционных групп, из которых комбинируются общая, скрытая программа их деятельности и которыми определяются конечные цели таковой, дабы правительство имело возможность правильно ориентироваться в тех или иных отдельных выступлениях революционного, маскированного и парламентского, свойства. Данные эти должны быть полностью сообщаемы Департаменту полиции.

5. При этом надлежит обратить особое внимание на недопущение соединений означенных организаций в крупные группы вроде областных групп, Союза союзов и т. п., каковые попытки должны быть пресекаемы в самом зародыше путем арестования и высылок инициаторов и главарей этого движения (без расширения размеров ликвидаций в этой области).

6. В борьбе с террором и пропагандой в войсках и среди крестьян руководствоваться предшествовавшими указаниями департамента относительно неослабной, самой упорной розыскной работы в этом направлении, причем ввиду уклонения многих бывших членов революционных партий, приученных к партийной дисциплине и организованности, в область самочинных общеуголовных преступлений в соучастии с обыкновенными преступниками чинам розыскных учреждений надлежит отнюдь не ослаблять агентурного наблюдения в этих сферах и не проводить в ней демаркационной линии между своими функциями и обязанностями полиции, но работать с последнею совершенно согласованно, придерживаясь того принципа, что исследовать современную экспроприаторскую и террористическую область, выходящую из пределов партийных предприятий, обязано то учреждение, которое получило впервые сведения о замысле и которому в нужных случаях другой

розыскной орган Министерства внутренних дел обязан оказать посильную поддержку.

Все указанные выше меры, составляющие на ближайшее время основной круг обязанностей розыскных учреждений, должны быть выполнены при полной взаимной осведомленности со стороны подлежащих органов Департамента полиции.

Начальники районных охранных отделений имеют словесно ознакомить начальников жандармских управлений с приведенными выше указаниями»[646].

Осенью 1907 г. произошло усиление охранно-конвойных подразделений: вместо Сводно-гвардейского батальона началось формирование Сводного пехотного полка. В этой связи министр внутренних дел П. А. Столыпин направил 26 ноября 1907 г. совершенно секретное предписание губернаторам и градоначальникам: «…взамен Сводно-гвардейского батальона формируется Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк, на обязанность которого будет возложена ближайшая охрана священной особы государя императора.

Ввиду сего и так как нижние чины формируемого Сводного полка будут нести службу в дворцовых помещениях и по свойству своих обязанностей могут получать доступ даже в собственные покои Их Императорских Величеств, то представляется безусловно необходимым, чтобы помянутый полк был укомплектован исключительно лицами, благонадежность которых в нравственном и особенно в политическом отношении не подлежала бы никакому сомнению.

В этих целях командирам воинских частей, предназначенных для комплектования Сводного полка, вменено в обязанность не только озаботиться избранием вполне достойных зачисления в означенный полк нижних чинов и всегда иметь наготове по несколько таких кандидатов на случай экстренной надобности пополнения личного состава Сводного полка, но и заблаговременно наводить – через посредство начальников подлежащих губернских жандармских управлений, а где имеются охранные отделения, то и через начальников этих розыскных учреждений – подробные и самые тщательные справки о судимости, а также о нравственной и политической благонадежности предположенных к откомандированию в Сводный полк нижних чинов.

Вместе с тем начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений предписано о каждом предположенном к зачислению в Сводный полк нижнем чине собирать самые подробные и обстоятельные справки путем

производства специального обследования по месту родины, приписки и последовательного проживания такого лица за все время до принятия его в военную службу, с выяснением во всех подробностях также его родственных связей и сношений.

Сообщая об изложенном, покорнейше прошу ваше превосходительство разъяснить чинам наружной полиции, что им надлежит с особым вниманием относиться к выполнению отдельных требований начальников губернских жандармских управлений и охранных отделений по делам указанного рода»[647].

П. А. Столыпин и руководство Департамента полиции в 6-м пункте циркуляра от 4 октября обращают внимание руководителей розыскных органов на необходимость сотрудничества с местными полицейскими учреждениями. Это было связано с тем, что многие участники боевых структур революционных организаций стали постепенно выходить из повиновения своим лидерам и начали проводить экспроприации в корыстных целях. Например, в свидетельских показаниях одного из боевиков эсдеков Л. М. Прохорова отмечается, что «эсдековские боевики, не довольствуясь хождением на лекции, стремились проявить себя в террористических актах или в грабежах. Но так как этого инструктор не разрешал, то нередко дружинники тайком от партии устраивали грабежи и взятые такими путями деньги брали в личное распоряжение. Так, например, в июле 1906 г. во время работ на Невском судостроительном заводе был ограблен артельщик на 15 000 рублей. <…> Вскоре после этого ограбления <…> происходило собрание дружинников, на котором присутствовали и участники ограбления. На это собрание приехал некий „Савельев“ (он же Сибиряк) и сделал предложение дружинникам объединиться в автономную группу. Вскоре происходило другое, но такое же собрание, на которое приехал инструктор „Лазарь“ и, узнав участников ограбления, стал требовать от них как от членов партии отдачи этих 15 000 рублей в пользу партии, но на это ему ответили, что совершившие это ограбление выходят из партии и выдают ему партийное оружие, а взятые деньги… пойдут на новую беспартийную группу террористов-экспроприаторов»[648].

Наиболее крупными и опасными из «новых» объединений террористов-экспроприаторов были отряды Г. И. Котовского, Н. И. Махно и А. М. Лбова. Количество небольших групп анархистов, максималистов, безмотивников и т. п. доходило до трех сотен. Постепенно их участники все более и более скатывались к уголовщине. В отличие от «традиционных» грабителей и разбойников политизированные криминальные группы широко

использовали взрывчатку и стрелковое оружие.

Осознавая реальную угрозу для общества со стороны уголовно-политических «беспредельщиков», в декабре 1907 г. П. А. Столыпин принял решение о централизации уголовного сыска в империи.

12 марта 1908 г. в составе Департамента полиции учреждено 8-е делопроизводство. В его обязанности входили: руководство сыскной полицией на местах; связь с полициями иностранных государств по вопросам общеуголовного характера; составление правил и инструкций по сыскной части; заведование школой инструкторов. При делопроизводстве был создан криминалистический музей.

6 июля 1908 г. издан закон «Об организации сыскной части», в губерниях образовано 89 сыскных отделений. В законе, в частности, говорилось:

«I. В составе полицейских управлений империи образовать сыскные отделения четырех разрядов для производства розыска по делам общеуголовного характера как в городах, так и в уездах. <… >

IV. Возложить на начальников сыскных отделений, их помощников, полицейских надзирателей и городовых все права и обязанности, согласно судебным уставам и другим действующим по сему предмету узаконениям, присвоенные ныне полиции по исследованию преступных деяний»[649].

Поскольку деятельность сыскной полиции по расследованию многих преступлений пересекалась с деятельностью органов политического сыска, успех розыска зависел от уровня их взаимодействия. Работая в условиях жесткого противостояния с уголовным миром, сотрудники уголовной полиции по уровню профессионализма не уступали коллегам из политической полиции. Примерно в то же время в Московском охранном отделении принимается «Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры» (см. в конце главы).

Несмотря на то что сведения о предполагаемых перемещениях государя составляли государственную тайну и о них знал ограниченный круг лиц, информация иногда просачивалась к террористам. В 1908 г. Азеф сообщил заведующему Петербургским охранным отделением Герасимову о некоем «высокопоставленном сановнике», сотрудничавшем с эсерами. Герасимов провел расследование и установил, что утечка информации происходит из Министерства путей сообщения. Высокопоставленное лицо, имени которого Герасимов в мемуарах не называет, против которого отсутствовали прямые улики, было отстранено от дел, связанных с передвижениями

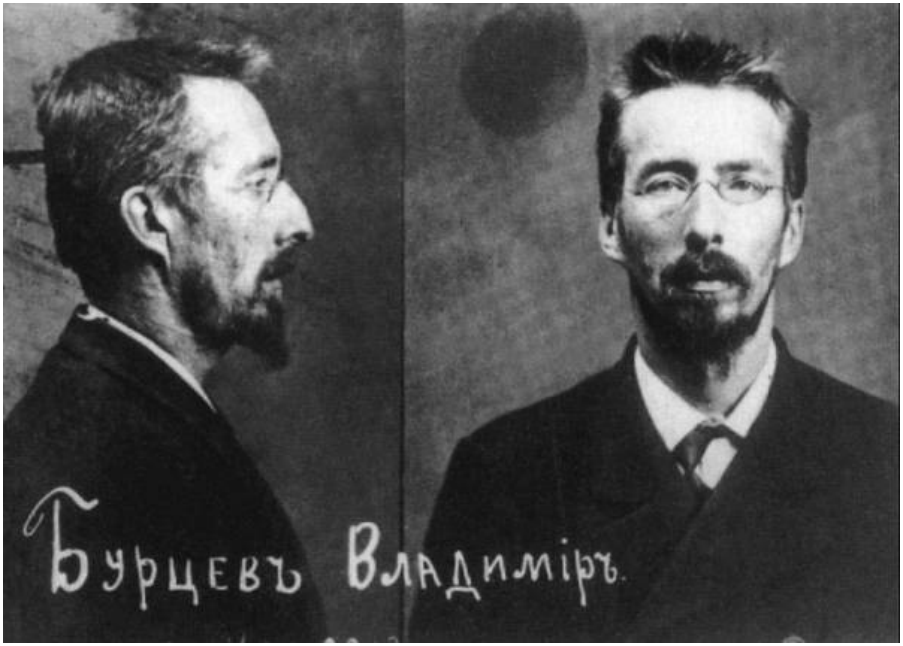
императорской семьи.

В отличие от эсеров, анархистов и других революционных групп руководство РСДРП приняло решение о прекращении террористических актов. Осенью 1907 г. на конференции большевиков в Финляндии обсуждался вопрос о терроре. Большинство из 32 делегатов считали, что усилить террор необходимо: «Это единственный способ вернуть Россию к тому состоянию, в каком она оказалась при первых успехах революции и из которого ее опять вывел никому не понятный режим премьера»[650]. Однако В. И. Ленин и Н. А. Рожков сделали следующее заявление: «Ввиду того, что в настоящее время мы считаем метод террора не достигающим цели, так как сейчас единственным методом борьбы должна являться научная пропаганда и Государственная дума как агитационная трибуна, мы оставляем за собой право, оставаясь в партии, не гарантировать постановления о терроре и в случае, если и ЦК партии одобрит постановление конференции, – совсем уйти из партии»[651]. Сведения об этом решении Департамент полиции получил через несколько дней после окончания конференции. К концу 1907 г. агентурная работа в революционной среде начала приносить результаты.

В дальнейшем благодаря усилиям оперативных работников система агентурной работы (внутреннего наблюдения) была усовершенствована и функционировала эффективно. К 1914 г. в большинстве подпольных организаций, как в России, так и за ее пределами, действовали секретные сотрудники Особого отдела и охранных отделений, некоторые из них входили в высшее руководство партийных организаций (Е. Ф. Азеф, Р. В. Малиновский). Все сведения об агентуре считались особо секретными, на них ставился гриф «Святая святых»; санкции к нарушителям режима секретности применялись независимо от должности. Когда бывший директор Департамента полиции А. А. Лопухин допустил разглашение тайны в отношении Азефа, он Особым присутствием Сената был осужден на пять лет каторги, замененной ссылкой в Сибирь. Смягчающим обстоятельством не стало даже то, что Лопухин являлся жертвой шантажа со стороны В. Л. Бурцева[652], который в обмен на секретную информацию обещал освободить его дочь, похищенную эсеровскими боевиками в Лондоне.

Однако внимание структур политического сыска было направлено не только на революционную среду; интерес представляли и лица, которые, не участвуя в подпольных организациях, могли сообщить полезную информацию или оказать иные услуги. Такие сотрудники именовались

вспомогательной агентурой.



В. Л. Бурцев

В циркуляре Департамента полиции от 16 мая 1908 г. определен круг лиц для вербовки: «Лучшим элементом для вспомогательной агентуры являются содержатели чайных и колониальных лавок; они отлично знают, что делается кругом на 20–30 верст и, получая небольшое постоянное вознаграждение, могут быть очень полезны, особенно для установок. Вторым подходящим элементом будут крестьяне-лентяи, проводящие все время в чайных. Вообще содержание таких вспомогательных агентов обойдется недорого: 5–10 рублей в месяц, а пользу они могут принести, особенно в виде опорных пунктов для командированных филеров, которые могут даже жить у них некоторое время под видом, например, безработных или больных родственников и проч. Могут быть полезны волостные и сельские писари, но содержание их обойдется дороже, да и население относится к ним не с полным доверием и многое от них скрывает»[653].

Сельская, железнодорожная, фабричная и университетская агентурные сети служили дополнением к секретным сотрудникам, внедренным непосредственно в подпольные организации.

А. А. Лопухин

Вторым по значимости методом работы охранных отделений являлось наружное наблюдение, которое в Российской империи велось весьма квалифицированно. Мы уже упоминали, что становление и развитие этой службы до уровня оперативного искусства произошло благодаря усилиям Е. П. Медникова и его учеников[654]. Впоследствии система подготовки филеров, которую разработал Евстратий Павлович, получила наименование Медниковской (или Евстраткиной) школы. При комплектовании штата филеров предпочтение отдавалось строевым запасным нижним чинам унтер-офицерского звания, не старше 30 лет. Система подготовки новобранцев, принятых на службу в «наружку», была строгой: пока новичок не справлялся с наблюдением за своим товарищем, до реальной работы его не допускали. После допуска новый филер работал в паре с опытным

наставником; при этом основным правилом наблюдения было следующее: лучше потерять объект, чем дать себя заметить.

Полицейские филеры и жандармские унтер-офицеры, исполнявшие обязанности филеров, воспитывались таким образом, чтобы внушить им уважение к службе, которая должна была восприниматься как государственная. Самым тяжким грехом считался обман, за который следовали строгие наказания. После революции 1905–1907 гг. агентов наружного наблюдения во всей Российской империи было около 700 человек. «Наружка» имела собственных извозчиков, обеспечивавших мобильность наблюдения, перевозить наблюдаемых им разрешалось в исключительных случаях и непосредственно перед арестами. Когда наблюдение требовало особых мер конспирации, оно велось «параллельным» методом, в котором участвовала группа наиболее подготовленных филеров. В случае необходимости к работе по наружному наблюдению привлекались филеры Летучего отряда, жандармские унтер-офицеры, а также вспомогательная агентура из числа работников гостиниц, меблированных комнат и дворников.

Гласное наблюдение в крупных городах осуществляли надзиратели охранных отделений, приписанные к полицейским участкам. В участках они проверяли паспорта у всех вновь прибывших на подведомственную территорию лиц, показавшихся им подозрительными, докладывали о них по команде и в случае необходимости устанавливали наружное наблюдение. Надзиратели следили за квартирами, где часто собирались гости; особое внимание уделялось квартирам, где проживали студенты. С помощью дворников, швейцаров и другой прислуги надзиратели получали информацию о собраниях и заседаниях, проходивших у кого-либо из общественных деятелей. Обо всем происшедшем за день они докладывали в охранное отделение, сотрудники которого сопоставляли их сведения со сведениями внутренней агентуры и наружного наблюдения.

Увеличение количества поддельных документов вынуждало власти усиливать надзор за лицами, приезжающими в столицы. При охранных отделениях учреждались временные «особые отделы» (в Петербурге в 1905–1906 гг., в Москве в 1907 г.). Благодаря их деятельности выявлялись не только лица, имевшие фальшивые паспорта, но обнаруживались также оружие и взрывчатка. Работа временных отделов была признана «полезной и необходимой», особенно для тех городов, где имелись императорские резиденции или куда намечался визит государя и его семьи.

Но отношение Николая II к собственной охране между тем не

изменилось. В мемуарах Мосолова отмечалось: «Прогулка государя вызывала немало забот для лиц, приставленных к делу личной охраны монарха. Нельзя было не поместить некоторое количество переодетых полицейских на тех дорогах, по которым предполагал пройти государь, особенно если эти дороги пересекали деревни, населенные бог весть какими татарами. Но царь ненавидел этих, как он называл, „ботаников“ или „любителей природы“. Особенное удовольствие ему доставляло обмануть всех этих господ. <…> Отчаяние начальника дворцовой полиции было подчас неописуемо. Чтобы помочь ему, я обещал телефонировать ему всякий раз, как государь в пути изменит заранее намеченный маршрут. В таких случаях я посылал одного из ординарцев (следовавших за нами) протелефонировать на полицейский пост, и благодаря этому дислокация „ботаников“ вдруг менялась, они срывались со своей беспечной прогулки и лезли вниз или наверх по козьим тропам для сокращения пути. Раз, после одного из подобных маневров полиции, царь увидел начальника охраны в тот момент, когда тот нырял головой вперед в какую-то саклю. Царь подозвал его и спросил: „Я изменил направление прогулки после того, как вышел из дворца. Каким образом могли вы узнать об этом? Почему вы все-таки оказались на моем пути?“ Сконфуженный начальник охраны, не желая меня выдавать, стал что-то бормотать о предвидении и о предчувствии. Больше ему ничего не оставалось делать. „Любители природы“ получили еще раз „строжайший“ <…> приказ не задерживаться на тех тропинках, где его величество может пожелать гулять»[655].

Безопасность императора при В. А. Дедюлине обеспечивалась очень профессионально, любая оперативная либо агентурная информация о готовящемся террористическом акте исключительной (первостепенной) важности немедленно проверялась и перепроверялась по различным каналам. Принимались необходимые меры дополнительной охраны. Например, в сентябре 1909 г. в Департамент полиции поступили агентурные сведения, что Боевая организация эсеров для совершения террористического акта «исключительной важности» приобрела за границей аэроплан. Его предполагалось в разобранном виде доставить в Финляндию и использовать для покушения на государя. 28 сентября МВД издало циркуляр о «безусловном воспрещении» воздухоплавателям совершать полеты в пределах императорских резиденций.

Совершенствовалась и система охраны высших должностных лиц Российской империи. 10 марта 1910 г. приняты «Общие положения по охране высокопоставленных лиц» (этот документ

вы также найдете в конце главы).

Приведем один наглядный пример. В апреле 1910 г., после получения сведений о возможном покушении на министра народного просвещения, начальник Петербургского охранного отделения М. Ф. фон Коттен[656] и начальник Охранной команды министра ротмистр Лукьянов приняли следующие меры: «У дома № 10 по Каменноостровскому проспекту, где проживает г. министр, установлено 5 постоянных постов. Из них 2 суточных – первый у парадного подъезда, а второй у черного хода – и остальные 3 дневные. Из числа дневных – один пост в парадном подъезде занимают по очереди два старших агента, наблюдая за всеми приходящими в этот подъезд, а остальные два поста установлены на Каменноостровском проспекте на расстоянии от Б. Ружейной улицы до Кронверкского проспекта. Каждый суточный пост обслуживается 3 агентами, а дневной 2. Служба на всех постах несется с 8 часов утра до 12 часов ночи или возвращения домой г. министра. Таким образом, у квартиры г. министра в охране состоит 12 агентов.

Независимо сего при поездках г. министра в Министерство народного просвещения выставляются посты на Троицкой площади, Троицком мосту и на Чернышовской площади и внутрь здания министерства посылаются 4 агента в форме курьеров, а один старший агент в статском платье. Также посылается наряд агентов и при поездках г. министра в другие пункты г. С.-Петербурга. Все лица, вновь прибывающие в дома, расположенные вблизи дома, где проживает г. министр, проверяются по Охранному отделению, а также проверяется подлинность выдачи названным лицам видов на жительство»[657].

Помимо государя наиболее серьезные меры безопасности предпринимались в отношении председателя Совета министров. Предлагаем вашему вниманию справку Департамента полиции о мерах охраны Столыпина во время его пребывания в имении Колнобержи летом 1910 г.:

«1) 29 мая 1910 года за № 356 ковенский губернатор в дополнение к личным переговорам с господином директором Департамента полиции тайным советником Зуевым препроводил проект организации охраны, на основании коей заведывание возлагалось на штабс-ротмистра Семенова, вместе с ведомостью ежедневных нарядов стражников, которых предполагалось назначать 62 пеших и 14 конных. Вместе с тем губернатор ходатайствовал об ассигновании 250 рублей на исправление сигнализации. Ходатайство это, как равно о назначении суточных денег штабс-ротмистру Семенову и стражникам, удовлетворено было.

2) Телеграммой от 4 июня № 396 (по Особому отделу) предложено начальнику Ковенского губернского жандармского управления командировать в означенное имение четырех конных и двух пеших жандармских нижних чинов.

3) Телеграммой от 6 июня № 345 (по Секретарской части) начальнику Ковенского губернского жандармского управления предписано командировать в „Колнобержи“ шесть конных жандармов.

4) Телеграммой от 6 июня № 346 (по Секретарской части) ковенскому губернатору предложено усилить на 12 человек первоначально определенное количество направляемых в помянутое имение пеших стражников, т. е. командировать туда 74 пеших и 14 конных стражников.

5) Для охраны в имение „Колнобержи“ 5 июня командированы 4 агента с. – петербургской Охранной команды.

6) 19 июня Департамент полиции, сообщая по телеграфу о выезде господина министра из С.-Петербурга в имение „Колнобержи“, предложил принять меры охраны начальникам Виленского и Ковенского губернских жандармских управлений и ковенскому губернатору.

7) 19 июня для охраны в пути следования командированы 8 агентов с. – петербургской Охранной команды.

8) 2 июля предложено ковенскому губернатору дополнительно командировать в имение „Колнобержи“ для освещения окрестностей 22 пеших стражников.

9) Того же числа предложено начальнику Ковенского губернского жандармского управления командировать в имение пять жандармов.

10) Ввиду получения сведений о готовящемся покушении на жизнь господина министра начальник С.-петербургского охранного отделения, во исполнение предложения Департамента полиции от 1 июля за № 112489, командировал 2-го июля в местечко Кейданы близ имения „Колнобержи“ 11 опытных филеров отделения и для руководства ими штабс-ротмистра Офросимова.

11) Вслед за ними выбыл в Ковенскую губернию полковник фон Коттен, который по ознакомлении с положением дел представил 7 июля за № 9945 доклад.

12) На основании этого доклада Департамент полиции 16 июля за №№ 113063 и 113064 предложил начальникам Виленского и Ковенского губернских жандармских управлений привести в исполнение следующие распоряжения:

а) установить филерское наблюдение как на станциях Жеймы, Кейданы и Датнов, как ближайших к сему имению, а

равно и на станции Кошедары, на коей должны пересаживаться все следующие из-за границы через Вержболово пассажиры;

б) для освещения окрестностей имения „Колноберж‍и“ поселить (совершенно открыто) филеров в деревне Колноберж‍и, в небольшом поселке без названия из двух дворов, расположенном на реке Невяже напротив имения „Колноберж‍и“; при паромной переправе через реку Невяжу при деревне Свентобродзе, при такой же переправе при деревне Кросты; в м. Опитолоках, в дачной местности Бобянах, в м. Датнове, в дер. Монтвидове, рядом с коей расположено принадлежащее зятю господина министра внутренних дел Боку имение „Пильмонт“; в дер. Шлапоберже; в дер. Покросць и в мест. Сурвилишки;

в) поселенным в указанных пунктах филерам вменить в обязанность установить надлежащие отношения с местным и окрестным населением и приобрести в среде населения своего района вспомогательную агентуру, могущую осведомлять немедленно о появлении подозрительных лиц; в этом случае филер должен немедленно собрать о появившемся негласные справки и озаботиться личным опознанием и в тот же день доложить об этом штабс-ротмистру Офросимову;

г) штабс-ротмистру Офросимову вменить в обязанность не менее раза в сутки объезжать всех филеров в этих пунктах, а равно установить регистрацию всего приезжего населения и проверку самоличности прибывших лиц;

д) подчинить штабс-ротмистру Офросимову всех командированных в Ковенский уезд филеров и унтер-офицеров»[658]

Для обеспечения личной безопасности высочайших особ практиковалось и создание временных структур, действовавших в местах пребывания императора и его семьи. Они получили название регистрационных бюро и выполняли задачи по проверке населения на предмет установления личности. Заведовавший Охранной агентурой при дворцовом коменданте Спиридович разработал «Положение об Особом регистрационном бюро».

Впервые Особое регистрационное бюро создано при Полтавском охранном отделении в 1909 г. на период празднования 200-летия Полтавской битвы. Основанием к созданию бюро послужила оперативная информация, полученная в апреле – мае 1909 г. из трех различных источников. В одном из сообщений говорилось: «Ездивший [в] Париж <…> из Белостока сотрудник максималист „Владимиров“ заявил ротмистру Андрееву, что он присутствовал на собрании парижских социалистов-революционеров максималистов в присутствии Бурцева. Обсуждался вопрос о желательности совершения

цареубийства во время следования государя из Петербурга до Полтавы или во время объезда войск и депутаций учащихся в Полтаве»[659]

Поскольку работу Особого регистрационного бюро в Полтаве оценили «весьма положительно», было принято решение использовать этот опыт. Аналогичные бюро создавались в Варшаве, Киеве, Риге, Севастополе, Чернигове, Ялте. При посещении государем Германии, Италии, Франции и Швеции подобные структуры действовали и в этих странах при содействии местной полиции. Штаты бюро составляли сотрудники местной полиции под руководством офицера Корпуса жандармов, который напрямую подчинялся начальнику местного охранного отделения. К ним прикомандировывались сотрудники императорской охраны и службы наружного наблюдения. Для работы в бюро привлекались наиболее опытные кадры, зарекомендовавшие себя «ревностной службой». Сотрудники полиции и спецслужб, получившие опыт межведомственной работы в регистрационных бюро, оценивались руководством выше коллег, такого опыта не имевших. Сотрудникам бюро поручалось проверять проживающих на маршрутах следования императора в пределах города или района. Известные революционные группы брались под контроль внутренней агентуры и наружного наблюдения. Особое внимание уделялось вокзалам, гостиницам и квартирам, в которых останавливались приезжие.

В декабре 1910 г. было принято решение о создании регистрационных бюро в Петербурге и Москве для контроля за террористическими группами. В штате Петербургского регистрационного бюро состояли 42 сотрудника: заведующий; его помощник (заведующий канцелярией); 5 канцеляристов; 35 надзирателей (гостиничных агентов), из них один – старший. Петербург, в котором тогда имелось 118 гостиниц и 406 меблированных комнат, разделили на 30 районов, за каждым районом был закреплен надзиратель. Сотрудники бюро находились в тесном контакте с надзирателями охранного отделения, работавшими в полицейских участках. Их ближайшими помощниками были дворники, швейцары, прислуга гостиниц и меблированных комнат. Особенный интерес представляли лица, стремившиеся избежать регистрации в полицейском участке. В Петербургском бюро был создан архив поддельных печатей (или их оттисков), а также виз, обнаруженных где-либо в Российской империи. Важную роль в работе регистрационных бюро играли сотрудники сыскной полиции. Их работу регламентировала «Инструкция чинам сыскных отделений» от 9 августа 1910 г. (мы приводим ее ниже).

Важнейшим средством получения дополнительной информации оставалась перлюстрация корреспонденции, осуществлявшаяся в рамках Главного управления почт и телеграфов МВД. В составе Цензуры иностранных газет и журналов существовала секретная специальная экспедиция, осуществлявшая выборочную перлюстрацию писем. При Николае II за организацию перлюстрации отвечали: А. Д. Фомин (до 1914 г.) и М. Г. Мардарьев[660]. В штате петербургского «черного кабинета» состояли 12 человек, в Москве – 7 человек (нач. В. М. Яблочков), в Варшаве – 5 человек (А. Ф. Штиттер), в Одессе – 5 человек (Ф. Ф. Гольмблатт), в Киеве – 4 человека (К. Ф. Заверт), в Вильно, Риге, Тифлисе и Томске – по 2 человека. О работе экспедиции в интересах МИД и контрразведки мы уже упоминали. Кроме этого все письма российских чиновников и общественных деятелей, занимавших видное положение, перлюстрировались. Исключение составляли письма министра внутренних дел, пока он занимал этот пост.

«Кроме писем сановников, представлявших „общегосударственный интерес“, перлюстрации подлежали письма „политические“, т. е. письма эмигрантов и „левых“ деятелей. Эта письма разделялись на письма „по подозрению“ и письма „по наблюдению“. Эти последние подлежали перлюстрации согласно списку Департамента полиции <…> с перечнем фамилий лиц, за корреспонденцией коих следовало „наблюдать“, т. е. всю ее вскрывать и копии с писем представлять в департамент. В этих списках иногда бывали примечания: „особо строгое наблюдение“, или „точные копии“, или „фотографии“, или „представлять в подлиннике“.

Письма „по подозрению“ вынимали из почты, руководствуясь местом подачи или назначения письма (из Женевы, Парижа, Брюсселя, Лондона или в эти и другие города, где находились штаб-квартиры левых организаций), или, главным образом, почерком адреса. У разборщиков писем с течением времени вырабатывался удивительный нюх определять содержание письма по его наружному виду или по почерку адреса. Дело в том, что каждый класс людей, каждая специальность, принадлежность к секте, к партии и проч. кладут известный отпечаток на почерк данного лица.

Разница между мужским и женским, детским и взрослым, мужицким и интеллигентным почерками очевидна всякому, но кроме этого и аристократ пишет не тем почерком, что бюрократ; его почерк нервно крупный, остроконечный (в готическом стиле), тогда как почерк последнего круглый, уверенный и резкий; литераторы пишут бисерным и четким почерком; коммерсанты –

каллиграфическим почерком; революционеры – неотделанным, почти ученическим почерком, а почерк анархистов отличается грубостью и несуразностью, напоминая почерк малограмотных людей тяжелого физического труда»[661].

В начале XX в. в «черных кабинетах» вскрывалось в день от 100 до 500 писем при почтамтах Варшавы, Киева, Москвы, Одессы, Харькова, Тифлиса и от 2000 до 3000 писем в Петербурге. За некоторые изобретения, облегчившие вскрытие корреспонденции («полезные и применимые на деле открытия»), один из работников цензурного управления, В. И. Кривош, по представлению П. А. Столыпина в 1908 г. был награжден орденом Владимира 4-й степени. Заметим, что «черные кабинеты» являлись одними из самых эффективных и в то же время закрытых специальных служб, существовавших в Российской империи.

«Дверь в цензуру была всегда заперта американским замком, и всем, приходившим туда как на службу так и по делу, надо было звонить. Дежуривший в передней старик-сторож „своих“ впускал в канцелярию, а посторонних просил посидеть в приемной, куда к ним выходил для переговоров начальник цензуры или кто-либо из чиновников. „Канцелярией“ назывался ряд комнат, куда подавались из газетной экспедиции почтамта все без исключенная иностранные бандерольные отправления (прейскуранты, печатные листки, газеты, журналы и проч.) для просмотра. <… >

За помещением „канцелярии“, называемой иначе „гласным“ отделением цензуры, был кабинет старшего цензора <…> который, подобно церберу, караулил вход в „негласную“, или „секретную“, половину, т. е. в „черный кабинет“. Официальное название этого учреждения было – Секретная экспедиция.

Вход в „черный кабинет“ был замаскирован большим желтым шкафом казенного типа, через который „секретные“ чиновники из служебного кабинета старшего цензора проходили в „святая святых“. Таким образом, посторонний человек, если бы ему удалось пройти даже через все комнаты гласной цензуры и войти в кабинет старшего цензора, все-таки не мог бы проникнуть в „черный кабинет“, ибо трудно допустить, чтобы он полез в шкаф, дверца которого автоматически запиралась; другого же входа с этой стороны цензуры в секретное отделение не было. Из „черного же кабинета“ был еще другой выход, по коридору, через кухню, где постоянно находилось несколько сторожей <…> на Почтамтский переулок»[662].

Однако добыть информацию – это только часть дела: ее нужно систематизировать, сравнить с информацией из других

источников, оценить достоверность, использовать в нужное время и в нужном месте. Для этого в Особом отделе и охранных отделениях существовали секретные канцелярии и секретные архивы, в которые не имели доступа служащие общей канцелярии. Допуск к информации с грифом «ОО» (Особый отдел) или «СС» («Святая святых») имели только кадровые оперативные работники и только в пределах своей компетенции. В Особом отделе регистрировали все произведения нелегальной печати; библиотека революционных изданий насчитывала свыше 5000 экземпляров, постоянно пополнялась новыми изданиями; имелась обширная коллекция фотографий революционных деятелей.

На каждую губернию России были заведены специальные дела, обозначенные буквами и имевшие каждое свой цвет: «А» – бело-серые; «Б» – темно-розовые; «В» – зеленые; «Г» – синие. В делах с литерой «А» находились сведения об адресах, по которым шла переписка между центром и местной партийной организацией, и о лицах, принимавших участие в ее деятельности или с ней связанных. В делах с литерой «Б» содержались материалы, полученные в результате агентурной работы и перлюстрации корреспонденции, а также донесения с мест о деятельности подпольных организаций. Дела с литерой «В» комплектовались отчетами сотрудников наружного наблюдения («рапортными книжками»). В делах под литерой «Г» аккумулировались сведения о печатных изданиях партийных организаций, о методах доставки литературы из-за границы и способах ее распространения в Российской империи.

В архиве имелась алфавитная картотека на всех лиц, уличенных в нелегальной политической или террористической деятельности. В карточки заносились подробные установочные данные на конкретное лицо, его партийные псевдонимы и клички для наружного наблюдения, а также указания, в каких делах (год, том, страница) содержатся подробные агентурные сведения о «клиенте». На эсеров карточки были красного цвета (видимо, как на самых опасных), на эсдеков – синего, на анархистов – зеленого, на кадетов и беспартийных – белого, на студентов – желтого. В целях конспирации в картотеку вносились и карточки секретных сотрудников; это позволяло контролировать лояльность агента, поскольку его деятельность часто освещалась другим агентом, не подозревавшим о двойной жизни коллеги по партии.

По результатам наружного наблюдения в секретной канцелярии составлялись диаграммы наблюдений, позволявшие наглядно продемонстрировать все контакты наблюдаемого лица. Рисовались две окружности. На одной из них отмечались

организации и лица, с которыми контактировал условно обозначенный в центре диаграммы объект. На другой помечались дома, в которые наблюдаемое лицо заходило, а стрелки и линии показывали установленные связи между объектом, организациями, лицами и домами, изображенными на диаграмме. На основании анализа имевшейся в распоряжении Особого отдела информации его сотрудники готовили циркуляры Департамента полиции «О деятельности политических партий в России и мерах борьбы с этими партиями».

В результате дебатов по вопросам профессиональной подготовки жандармов в 1909 г. была утверждена «Инструкция о порядке ведения учебных занятий на офицерских курсах при штабе Отдельного корпуса жандармов». По новым правилам кандидатура офицера, желавшего поступить на службу в корпус, рассматривалась специальной комиссией. Члены комиссии знакомились с общим развитием поступающего, его знаниями и способностями к специальной служебной деятельности, а также с отчетами агентуры о моральных качествах кандидата. На службу в корпус не допускались офицеры, «…бывшие в штрафах по суду и следствию или имеющие казенные или частные долги, равно лица польского происхождения, католического исповедания или женатые на католичках, а также евреи, хотя бы и крещеные»[663].

На курсах изучали историю революционных движений, государственное право, уголовное право, уголовный процесс в России, розыскное дело, регистрацию преступников (антропометрию, дактилоскопию, фотографирование), знакомили с системами шифров. Преподавателей для курсов набирал командир корпуса; за преподавание основного предмета полагалось жалованье в размере 500 рублей год, второстепенные предметы оплачивались по усмотрению командира корпуса. Выпускные экзамены оценивались по 12-балльной шкале; офицер, получивший менее шести баллов за курс или по одному из основных предметов, подлежал отчислению в свою часть. В 1913 г. государственное право было заменено телеграфным делом; установлен возрастной ценз для перехода в корпус – не моложе 24 и не старше 33 лет. Был определен перечень вопросов для вступительных экзаменов: государственное, уголовное и гражданское право; полицейское, финансовое и международное право; русская и зарубежная история; политэкономия и география.

Рядовой состав строевых частей Отдельного корпуса жандармов призывался на службу на основе отбывания воинской повинности, унтер-офицерский формировался из выслужившихся рядовых. Должности пунктовых жандармских унтер-офицеров, их

помощников и жандармов для поручений по обыскам и арестам замещались исключительно унтер-офицерами строевых частей, остававшимися на сверхсрочную службу и имевшими безупречный послужной список. Допуск к самостоятельной работе они получали только после изучения соответствующих инструкций, циркуляров и наставлений, а также практического ознакомления с работой старших по званию коллег. Унтер-офицеры наблюдательного состава должны были быть благонадежны (не бывшие в штрафах, не польского происхождения или католического исповедания, не женатые на католичках, не евреи или перекрещенцы), здоровы, ростом не менее двух аршин четырех вершков и умеющие свободно написать краткое донесение о происшествии или обо всем замеченном. С унтер-офицерским составом регулярно проводились занятия по стрельбе и грамотности, раз в год устраивались инспекторские смотры офицерами штаба корпуса. Никто из жандармов не имел права заниматься торговлей или подсобным промыслом, держать лавку или давать деньги в рост; подобные ограничения касались и их жен.

С 1908 г. для оппозиционных партий наступили тяжелые времена. Агентура Департамента полиции действовала эффективно, что в большинстве случаев позволяло успешно контролировать революционную среду. В этих условиях подпольные организации начали уделять серьезное внимание обеспечению безопасности от провалов и борьбе с агентурой Департамента полиции. На основе опыта подпольной работы были разработаны методы противодействия царским спецслужбам. Особое внимание обращалось на соблюдение строжайших мер конспирации: членам партии рекомендовалось сократить до минимума личные контакты и частную переписку, освоить тактику выявления наружного наблюдения и методы ухода от «наружки»; партийные функционеры получали навыки ведения шифрованной переписки, в том числе и после ареста. Для борьбы с полицейской агентурой предусматривалось создание следственных комитетов, на которые возлагалась обязанность тщательного расследования причин провалов. Основная задача, которую должны были решить партийные следователи, заключалась в выяснении причин ареста: вызван ли он нарушением правил конспирации со стороны революционеров или действиями полицейской агентуры. Следственные комитеты выполняли функции партийной контрразведки, а в некоторых случаях – карательного аппарата по отношению к установленным изменникам. Более подробно о методах работы революционной контрразведки мы расскажем далее.

Наиболее известным разоблачителем агентуры Департамента полиции был В. Л. Бурцев, основавший в Париже после поражения революции 1905–1907 гг. «Революционное сыскное бюро». Благодаря его деятельности были разоблачены многие секретные сотрудники (наиболее известный из них – Азеф). «Шерлок Холмс русской революции» добился успехов не только благодаря великолепным аналитическим способностям, но вследствие предательства некоторых сотрудников полиции. В мае 1906 г. контакты с Бурцевым установил чиновник особых поручений Варшавского охранного отделения М. Е. Бакай. До ареста в марте 1907 г. Бакай сообщил Бурцеву многие секреты политического сыска. В 1909 г. сотрудник Московского охранного отделения, а затем Департамента полиции Л. П. Меньшиков с копиями документов ушел за границу и передал Бурцеву сведения о сорока секретных сотрудниках. Впоследствии многие уволенные за неблаговидные поступки или обиженные несправедливостью начальства сотрудники полиции и агенты продавали Бурцеву известную им секретную информацию. Раскрытие секретной агентуры наносило большой ущерб деятельности органов политического сыска.

5 февраля 1909 г. в связи с разоблачением Азефа Трусевич направил начальникам охранных отделений и жандармских управлений циркуляр «О мерах по сохранению секретной агентуры». В нем говорилось:

«Последовавшее благодаря известным условиям разоблачение услуг, оказанных делу розыска инженером Евно Азефом, может с вероятностью вредно отразиться на приобретении новых и даже, быть может, на сохранении некоторых функционирующих сотрудников. Ввиду сего департамент считает необходимым прежде всего разъяснить, что правильно поставленная внутренняя агентура является одним из самых сильных средств борьбы с революционными выступлениями и предприятиями, а потому дальнейшее ее сохранение и развитие представляется необходимым. В случаях же замеченных колебаний в сотрудниках ввиду раскрытия роли Азефа надлежит указывать сомневающимся сотрудникам, что розыскные органы сумели сохранить в тайне работу Азефа в течение 16 лет и она огласилась лишь при совершенно исключительных условиях предательства и что властями приняты все меры к полному обеспечению тайны работы сотрудников.

Наряду с этим департамент вновь подтверждает делавшиеся им уже неоднократно указания по поводу так называемой „провокации“. При том условии, что каждый сотрудник является прежде всего членом подпольной организации, лица,

руководящие ими, должны строжайше внушать сотрудникам совершенную недопустимость проявления последними инициативы в революционных предприятиях и вовлечения в таковые своих единомышленников или совращения на революционный путь лиц, не примкнувших к активной преступной деятельности, а равно участия в преступлениях против личности и имущества. Сотрудники категорически должны быть предупреждены, что при полной обеспеченности конспирации их корректных услуг розыску всякая провокационная деятельность непременно разоблачится как путем агентуры, так и в особенности на формальных расследованиях и на суде и что за такое нарушение своих обязанностей они будут предаваться неукоснительно в руки правосудия без всякой надежды на снисхождение, причем, конечно, будут приниматься все меры к защите их в тех случаях, когда обвинение в провокации будет возводиться на них заведомо ложно.

Наряду с этим надлежит зорко следить за деятельностью сотрудников путем освещения таковой при помощи посторонней агентуры, а когда возможно, и наружного наблюдения, которое особенно важно в тех случаях, когда сотрудники выбывают из мест, где с ними имеют непосредственные сношения представители осведомительной службы.

Имея в виду, что дело Азефа возбуждено исключительно с целью расстройства агентуры и внесения смуты в ряды розыскных органов, Департамент полиции считает своим долгом предостеречь таковые от придания чрезмерного значения упомянутому выступлению революционеров, на которое надлежит смотреть как на единственный случай, созданный небывалыми в истории правительств условиями. В этом событии лица, ведающие розыском, должны лишь почерпнуть новые силы и бодрость в упорном продолжении борьбы с преступным движением, памятуя, что вся их служба основана на риске и всегда является предметом самых усиленных забот и попечения со стороны высшего начальства.

О настоящем циркуляре Департамент просит немедленно поставить словесно в известность начальников железнодорожных жандармских полицейских управлений и отделений»[664].

В июне 1908 г. заведующим Особым отделом был назначен полковник Отдельного корпуса жандармов Е. К. Климович[665]. Он уделял большое внимание обучению и инструктажу представителей территориальных органов политического сыска. При нем началась практика прикомандирования к отделу опытных розыскных офицеров-практиков из провинции.

Е. К. Климович

В декабре 1908 г., после назначения Климовича градоначальником Керчи, Особый отдел возглавил полковник А. М. Еремин. В связи с имевшими место утечками информации из Департамента полиции в 1910 г. в структуре Особого отдела появилось агентурное отделение, где сосредоточились все совершенно секретные сведения о составе и деятельности российских и заграничных розыскных органов. Помещения Особого отдела были изолированы от других частей Департамента полиции, усилилась наружная и внутренняя охрана помещений. В канцелярии была окончательно утверждена номенклатура дел. Каждая партия или общественное движений имели свой номер (индекс), губернии также имели номера, а буквенное обозначение (литера) указывало на характер документов в деле. Например, дело 9, часть 4, литера «В» обозначало: эсеры, Архангельская губерния, списочный состав членов местной организации.

Опыт охраны должностных лиц приобретался постепенно, зачастую ценой жизни охраняемых лиц. Ошибки в работе

изучались, анализировались, и на этой основе составлялись рекомендации, позволявшие избежать ошибок в дальнейшем. В качестве примера приведем выдержки об организации охраны должностных лиц из циркуляра Департамента полиции начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений от 2 июня 1911 г.:

«Начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений нередко приходится устанавливать через агентов наружного наблюдения (филеров) охрану лиц, на жизнь которых подготовляется покушение той или другой революционной организацией. По имеющимся в Департаменте полиции сведениям, таковая охрана в большинстве случаев ведется совершенно неправильно и сводится обыкновенно к бесцельной слежке за охраняемыми лицами, причем все окружающее оставляется без всякого внимания. Как на пример такого способа охраны можно указать на учрежденную в минувшем апреле месяце по предложению Департамента полиции охрану вологодского тюремного инспектора. Несмотря на заблаговременное предупреждение о готовящемся покушении, дело охраны было организовано настолько неудовлетворительно, что даже не были проверены жильцы близлежащих к квартире инспектора домов и свободных в них квартир, – что и привело к тому, что преступница жила в одном из таких домов, в нескольких шагах, в квартире административно-ссыльной, без прописки, в течение двух недель, не обратив внимания филеров, и, в свою очередь, наблюдала за охраняемым лицом. Помимо этого, филеры, назначенные в охрану в театре, где и произошло покушение, поместились так [на балконе], что фактически лишены были возможности вести наблюдение, а после покушения не могли задержать преступницу.

Ввиду изложенного Департамент полиции просит начальников губернских жандармских управлений и охранных отделений <…> руководствоваться нижеследующими указаниями:

1) При содействии чинов общей полиции должны быть организованы строгий учет и регистрация всех лиц, как проживающих в доме, в котором расположена квартира охраняемого лица, так и непосредственно к ним примыкающих и соседних с последними, а также в тех домах, из которых удобно вести наблюдение за выездами охраняемого лица или его квартирой, причем должна производиться поверка личности и политической благонадежности всех лиц, как проживающих в этих домах, так и временно пребывающих в них.

Такая же негласная поверка по возможности должна

производиться о всех прибывающих в город неизвестных лицах, останавливающихся в гостиницах.

2) Во всех, по возможности, домах района охраны надлежит озаботиться приобретением таких лиц, которые давали бы сведения о жильцах и обо всем подозрительном в их жизни, там же, где имеется институт дворников, постараться привлечь последних к оказанию агентурных услуг.

3) Внимательное наблюдение со стороны филеров должно быть направлено на всех лиц, проходящих или проезжающих в районе охраны, причем в представляемых сведениях (рапортичках) филеры должны записывать, что замечено за день, кто из проходящих или проезжающих возбудил подозрение, какие автомобили, велосипедисты и извозчики останавливались в районе охраны или неоднократно проезжали мимо подъезда и ворот, кто останавливался для разговоров с дворниками, швейцарами, лавочниками и др., о чем спрашивал и т. п.

4) Разносчики, газетчики, извозчики, посыльные, лавочники и т. п., находящиеся в районе охраны и в местности, удобной для наблюдения за квартирой охраняемого лица, должны постоянно проверяться чинами охраны через посредство чинов полиции и находиться под неослабным наблюдением филеров. Проверка эта и наблюдение должны быть настолько интенсивны, чтобы в охраняемом районе не было ни одного лица, вынужденного по роду своих занятий находиться на улице, неизвестного охране настолько, чтобы последняя была уверена в полной безопасности его нахождения при проездах охраняемых лиц.

5) При выходах и выездах охраняемого лица филеры должны располагаться так, чтобы удобно было вести наблюдение за всеми лицами, встречающимися на пути следования, и чтобы можно было, в случае покушения на жизнь охраняемого лица, предупредить таковое.

6) Если охраняемое лицо проследует в церковь, театр, клуб и т. п., то одному из филеров надлежит находиться возможно ближе к охраняемому лицу, чтобы иметь возможность наблюдать за всеми приближающимися к нему лицами и, в случае покушения, предупредить таковое или защитить охраняемое лицо, другому же следует быть у входа как для наблюдения за входящей публикой, так и для задержания преступника, если бы, в случае покушения, он не был задержан на месте.

7) Находящиеся в охране филеры, заметив приближение к охраняемому лицу подозрительных лиц, обязаны немедленно привести в готовность оружие и занять такое положение, чтобы быть готовым к защите охраняемого лица и предупреждению покушения.

8) При выездах охраняемого лица надлежит оставлять, если это окажется возможным, особых филеров для наблюдения у квартиры. Если же такого наблюдения нет, а также нет достаточно основательного наблюдения за квартирой и со стороны чинов общей полиции, то при возвращении охраняемого лица одному из находящихся при нем филеров надлежит пройти вперед, дабы выяснить, не ожидают ли злоумышленники возвращения охраняемого лица у квартиры или в общей парадной, во дворе и т. п.

Независимо изложенных указаний начальники губернских жандармских управлений и охранных отделений должны в каждом отдельном случае давать филерам подробные указания сообразно с местными условиями наблюдения»[666].

Наиболее серьезным случаем, когда жизнь Николая II могла подвергнуться опасности, явилось покушение на Столыпина 1 сентября 1911 г. в Киевском оперном театре. Здесь следует заметить, что система охраны царя была к тому времени достаточно хорошо отработана. Подтверждающие это документы вы найдете в конце главы. Билеты на спектакли, которые посещал император, продавались по строгим правилам. За несколько часов до начала спектакля в театр прибывала группа охраны, осматривала помещения, а затем занималась визуальным контролем прибывающей публики. Филеры этой группы знали в лицо или по фотографиям известных революционеров, особенно боевиков, а также представлявших опасность уголовников. Другая группа контролировала помещения театра: зал, балконы, сцену, служебные помещения. Часть сотрудников охраны была одета таким образом, чтобы смешаться с публикой. Под видом зрителей они занимали места в зале и на балконах. В их задачу входило предотвращение и пресечение попыток несанкционированного сближения с государем или других действий, истолкованных как враждебные.

В этой связи ранение Столыпина, осуществленное Д. Г. Богровым в нескольких метрах от царя, вызывает у большинства экспертов в области безопасности справедливый вопрос: как подобное вообще могло произойти? Существуют четыре основные версии покушения: 1) заговор со стороны представителей правящего класса и сотрудников полиции; 2) заговор революционеров; 3) провокация сотрудников спецслужб, намеревавшихся предотвратить покушение в последний момент; 4) личная инициатива Богрова. Не отдавая предпочтения ни одной из версий, мы полагаем, что не последнюю роль в удачном покушении сыграла пассивная позиция царской охраны, обусловленная политическими интригами вокруг фигуры П. А.

Столыпина. Премьер вызывал раздражение у многих представителей императорской фамилии, особенно у Александры Федоровны, болезненно относившейся к его популярности. Одним из наиболее трагических последствий смерти П. А. Столыпина для правившей династии явилось отсутствие у государя компетентного, преданного и решительного советника, способного помочь ему в трудные годы Первой мировой войны. Таким образом, став вольным или невольным пособником смерти премьера, Николай II приблизил собственную гибель.

После покушения охрану императора еще более усилили. К 1912 г. в состав личных охранных структур Николая II входили: Собственный Его Императорского Величества конвой, Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк, Собственный Его Императорского Величества железнодорожный полк, Рота дворцовых гренадер, Дворцовая полиция полковника Герарди, Дворцовая агентура полковника Спиридовича. В штате охраны состояли моряки, летчики, мотоциклисты, велосипедисты и другие военные и технические специалисты. Денег на охрану государя не жалели. Например, посещение Москвы по случаю столетия Отечественной войны 1812 г. обошлось в 200 000 рублей. В обеспечении безопасности «священной особы» использовалась информация, полученная по линии всех специальных служб и гражданских учреждений. Совершенствовалась и система охраны государя и членов императорской фамилии при путешествиях по железным дорогам (см. соответствующие документы в конце главы).

В декабре 1913 г., после смерти Дедюлина, дворцовым комендантом стал протеже императрицы Александры Федоровны В. Н. Воейков[667]. В отличие от предшественников он не знал основ полицейской или жандармской службы, поскольку ранее был командиром лейб-гвардии Гусарского полка и не имел специального образования. Зато обладал отменными придворными качествами и являлся зятем министра Императорского двора В. Б. Фредерикса. Таким образом, здесь мы имеем дело с тем случаем, когда начальник службы безопасности стал для императора одним из первых советников.

Сам Воейков о своей службе при государе вспоминал: «В круг прямых обязанностей дворцового коменданта входило как общее наблюдение за безопасностью императорских резиденций, так и главный надзор за безопасностью пути во время высочайших путешествий, вследствие чего все правительственные учреждения должны были сообщать поступавшие к ним сведения, имевшие отношение к обязанностям, возложенным на дворцового коменданта, в непосредственном подчинении которому

находились: Особое управление, Дворцовая полиция, Охранная агентура, Собственные Его Величества Сводный пехотный и железнодорожный полки и Собственный Его Величества конвой для несения службы, а для исполнения различных поручений командировались выбранные самим дворцовым комендантом военные и гражданские чины всех ведомств.

Ведению дворцового коменданта подлежала полиция Царского Села, Петергофа, Гатчины и Павловска, все охранные команды дворцовых управлений и императорских дворцов, так же как и полицмейстеры Императорских театров. Собственный Его Величества железнодорожный полк занимался эксплуатацией и охраной специальной железнодорожной ветки, так называемой Царской, между Петербургом и Царским Селом: при высочайших же путешествиях чины полка командировались для контроля мостовых сооружений и подаваемых паровозов на всех путях следования императорских поездов. <…>

При выездах Его Величества за район, установленный вокруг дворца для охраны, дворцовый комендант должен был сопровождать государя. <… >

Со станции Его Величество отбывал в закрытом моторе, в который по обыкновению приглашал дворцового коменданта, во втором, запасном, моторе ехал дежурный флигель-адъютант. Машиной государя управлял Кегрес, ездивший с необыкновенною быстротою. На мои замечания относительно такой быстрой езды Кегрес всегда возражал, что государь это любит. Неся главную ответственность за охрану царя и его семьи, я, со вступлением в должность, стал подробно знакомиться с делами, находившимися в ведении начальников отдельных частей Управления дворцового коменданта. Начальник Дворцовой полиции – полковник Б. А. Герарди – ставил меня в курс инструкций, касающихся несения как наружной постовой, так и внутренней наблюдательной службы. Все лица, имевшие вход во дворец, приходили с ведома Дворцовой полиции, и, таким образом, я всегда был осведомлен о посетителях дворца – в срочных случаях по телефону, а обыкновенно по запискам или докладным»[668].

Одной из ошибок Николая II явилось назначение в 1909 г. на пост товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова[669], с именем которого многие историки связывают удавшееся покушение на Столыпина. После его назначения подал в отставку М. И. Трусевич, по нашему мнению – один из наиболее профессиональных руководителей Департамента полиции за всю его историю.

П. Г. Курлов

Новый заведующий Заграничной агентурой департамента (протеже Курлова) А. А. Красильников[670] вообще не имел опыта агентурной и оперативной работы.

К. И. Глобачев

В течение 1910–1912 гг. сотрудники Особого отдела провели ряд инспекционных поездок по России с целью проверки качества работы розыскных органов. По результатам проверок уволены со службы и отстранены от должности 16 начальников губернских жандармских управлений, еще 13 намечены к увольнению. К сожалению, не всех начальников, не соответствовавших занимаемой должности, увольняли со службы. Предвзятость по отношению к одним и протекционизм по отношению к другим стали неотъемлемой частью этой проверочной работы, способом свести счеты с наиболее активными, умными или обладавшими явными достоинствами сотрудниками. Одновременно можно было создать прослойку лично обязанных, хотя и не столь блестящих чиновников. Яркий тому пример – деятельность К. И. Глобачева[671], в январе 1910 г. назначенного начальником

Варшавского охранного отделения. Проведенная через год проверка выявила существенные недостатки в организации розыскной работы, однако он не был отстранен от работы и продолжал движение по карьерной лестнице. Профессиональная некомпетентность подобных сотрудников, отсутствие у них «розыскной искры» стоят в ряду причин успеха Февральской революции 1917 г.

В 1913–1917 гг. органы политического сыска действовали в ситуации очередной перманентной реорганизации. Начало работать Особое совещание по вопросам реорганизации политического розыска в Российской империи, однако директора Департамента полиции С. П. Белецкого больше интересовало лишение Особого отдела привилегированного положения, а его заведующего А. М. Еремина – статуса вице-директора.

С. П. Белецкий

В июне 1913 г. последнего – одного из лучших розыскных офицеров империи – перевели на должность начальника Финляндского жандармского управления; понижение произошло с согласия генерал-майора свиты Его Императорского Величества В. Ф. Джунковского[672], назначенного 23 января 1913 г. товарищем министра внутренних дел, а также заведующим полицией и командиром Отдельного корпуса жандармов. В 1914 г. Особый отдел был реорганизован в 9-е делопроизводство,

в апреле 1916 г. – в 6-е делопроизводство, в сентябре того же года стал вновь именоваться Особым отделом.

В. Ф. Джунковский

Поскольку при Джунковском произошли серьезные негативные изменения в работе политической полиции, ослабившие ее оперативные позиции, рассмотрим некоторые факты из его биографии. После окончания Пажеского корпуса он служил в 1-м батальоне Преображенского полка, которым тогда командовал великий князь Сергей Александрович. В декабре 1891 г. в чине поручика Джунковский стал адъютантом московского генерал-губернатора (на эту должность был назначен Сергей Александрович). После убийства великого князя в феврале 1905 г. Джунковский оставался на должности *адъютанта покойного* в течение полугода. В апреле он был произведен из капитанов в полковники и стал флигель-адъютантом свиты, 30 июля назначен московским вице-губернатором, 11 ноября – губернатором. Такой карьерный взлет не совсем обычен. Чаще всего на подобные должности назначались лица, имевшие опыт самостоятельной административной работы. Можно выдвинуть

предположение, что Джунковский имел косвенное отношение к смерти великого князя, не осознававшееся им самим до конца.

Когда Джунковский вступил в должность, министром внутренних дел являлся Н. А. Маклаков, директором Департамента полиции – С. П. Белецкий, назначенные на свои посты в 1912 г. Наиболее серьезной ошибкой Джунковского была ликвидация секретного агентурного наблюдения в вооруженных силах. Для этого он заручился поддержкой военного министра В. А. Сухомлинова и командующего войсками гвардии великого князя Николая Николаевича (младшего). Мы уже отмечали, что строевые офицеры и генералы в большинстве своем с презрением относились к работе политической полиции и считали агентурную деятельность «омерзительной». Они забыли, что мятежи в воинских частях и на флоте в 1905–1907 гг. стали возможны именно потому, что оперативная работа в них не проводилась. Военное командование по фактам подрывной работы в армии старалось избежать огласки и не доводить дело до официального расследования. Контроль над настроениями в войсковых частях и на кораблях был отдан в руки строевых офицеров. В результате революционеры получили исключительно благоприятную возможность проводить в войсках агитационную работу, а позднее стали создавать законспирированные организации в армии и на флоте.

Другой ошибкой Джунковского стало упразднение районных охранных отделений и слияние охранных отделений с губернскими (областными) жандармскими управлениями. Мы не ставим под сомнение необходимость объединения розыска и следствия по делам о политических преступлениях в одной структуре, но сделано это было неверно. Руководителями политического сыска в регионах стали начальники губернских жандармских управлений, профессиональная пригодность которых в деле розыска оставляла желать лучшего. Не оправдала себя и система двойной подчиненности жандармских офицеров – Корпусу жандармов и Департаменту полиции. Аргументируя необходимость реорганизации органов безопасности, Джунковский указал на молодость руководителей охранных отделений: «…Начальниками же управлений (губернских жандармских. – *Примеч. авт.*) были уже немолодые полковники, генерал-майоры <…> не всегда безупречные, но с известным стажем… Самолюбие их <…> было сильно задето»[673]. Таким образом, критерием оказывался не профессионализм руководителя, а выслуга лет и не всегда заслуженные амбиции великовозрастных обидчивых барчуков в жандармских мундирах.

Другим аргументом Джунковского было то, что районные и

самостоятельные охранные отделения были только рассадниками провокации. Такое обвинение сотрудников охранных отделений сделало его чуть ли не кумиром либеральной интеллигенции, но в среде профессионалов он получил другую оценку. Например, начальник Пермского губернского жандармского управления Е. П. Флоренский называл Джунковского изменником. Представляется, что, говоря о провокации, последний был, как минимум, неискренен: в 1920-х гг. он стал советником Ф. Э. Дзержинского и разработал несколько провокационных по сути операций, о которых мы расскажем далее. Многие из либералов, одобрявших деятельность Джунковского в 1913–1914 гг., расстались с жизнью именно по причине его разработок.

В результате принятых Джунковским мер к концу 1914 г. в России остались только три охранных отделения – в Петербурге, Москве и Варшаве. Весной 1914 г. Джунковский вынудил покинуть Государственную думу депутата от РСДРП Р. В. Малиновского, в итоге политическая полиция потеряла важнейший источник информации из высших эшелонов рабочей партии. Кроме того, он ликвидировал агентуру в вооруженных силах и в учебных заведениях. Вероятно, обвинения Джунковского в сотрудничестве с революционерами во время декабрьских событий в Москве (1905 г.), нашедшие отражение в мемуарах ряда сотрудников охранных отделений, не были голословными. В приговоре по его делу в мае 1919 г. отмечалось, что он проявлял «мягкость и гуманность». Джунковского приговорили к пяти годам лишения свободы, а в ноябре 1921 г. по постановлению ВЦИК распоряжением ВЧК за подписью И. С. Уншлихта освободили из-под стражи.

Аппарат политической полиции в целом работал достаточно профессионально независимо от смены лиц в высшем его руководстве. В практике сыска стала использоваться доставленная из-за границы аппаратура для прослушивания. Ежегодно перлюстрировалось более 350 000 писем, из которых делали до 10 000 выписок. Согласно последним подсчетам, в различных политических партиях работало в общей сложности около 2000 секретных сотрудников, финансовые расходы на содержание которых в 1914 г. превысили 600 000 рублей (из 15 миллионов, выделявшихся на нужды политического сыска).

В качестве примера приведем циркуляр директора Департамента полиции В. А. Брюн де Сент-Ипполита[674] начальникам охранных отделений и жандармских управлений от 2 октября 1914 г. «О деятельности политических партий в России и о мерах борьбы с этими партиями»:

«В переживаемый ныне нашим Отечеством исторический

момент, объединивший, по-видимому, людей всех политических партий, наблюдается почти полное отсутствие революционных эксцессов.

Было бы ошибочным, однако, заключить из этого, что революционное движение в России прекратилось. Наоборот, изучение революционного движения в проявлениях последнего перед войной времени указывает, что движение приостановилось, ибо, естественно, оно было бы не только непопулярно теперь, но и вызвало бы колоссальный взрыв контрреволюции. И приостановилось с тем именно, чтобы даже при благоприятном окончании для нас войны напрячь все усилия для новых безумных попыток достигнуть ниспровержения установленного основными законами образа правления в России.

Секретный сотрудник Московского охранного отделения и Департамента полиции, член Государственной думы Р. В. Малиновский (в центре) в группе рабочих

Из изложенного явствует, что все розыскные органы империи, деятельность коих объединяется Департаментом полиции, в настоящее время должны использовать для всемерного подготовления к подавлению внутренней смуты с тем, чтобы предупредить своевременно все выступления в этом отношении разрушительных антигосударственных сил.

Вследствие сего Департамент полиции считает необходимым наметить вкратце тот путь, по которому должны идти розыскные органы при выработке сказанных предупредительных мер. В этих целях представляется полезным охарактеризовать тот момент революционного движения в России, на котором оно застигнуто

было текущими событиями.

Как известно, главную руководящую роль в русском революционном движении играло и продолжает играть так называемое общественное или оппозиционное движение. Оставаясь в стороне от активного участия в революционных эксцессах, за исключением периода 1904–1905 гг., либеральная часть общества всегда была интеллектуальным участком его, вызывая и поддерживая во всех слоях населения оппозиционное настроение по отношению к правительству и создавая тем благоприятную в стране почву для пропаганды и агитации явно революционных идей, а также широко снабжая революционные партии материальными средствами.

Изучение революционной смуты 1904–1905 гг. выяснило, что в организации ее первенствующее руководящее значение имели представители той оппозиционной части общества, которая с разделением русского общества на политические партии образовала всем известную конституционно-демократическую партию, а в частности, левое крыло ее, скрывающее под флагом „конституционно-демократической партии“ республиканские стремления.

С трибуны Государственной думы была выяснена роль представителей этой партии совместно с представителями революционных русских партий, выработавших план, по которому осуществлялась смута 1904–1905 гг.

Здание Петербургского губернского жандармского управления

И по настоящее время положение вещей в революционном лагере остается то же: несмотря на совершенную ненависть

доминирующих революционных партий – партий социалистов-революционеров и Российской социал-демократической рабочей партии – к конституционно-демократической партии, несмотря на сознание революционных партий, что они являются лишь физической силой в руках отвергающих лицемерно в своей программе насильственный путь изменения государственного строя левых „кадетов“, все же и та и другая партия, следуя революционному лозунгу „врозь идти, вместе бить“, признают неизбежным единение с оппозицией, рассчитывая, что на том этапе движения, до которого доведет общее мятежное выступление революционных сил, представители кадетской партии займут важнейшие правительственные посты, почему будет достигнуто расширение свободы слова, союзов, собраний и т. п., то есть создадутся такие условия, при которых усиленная социалистическая пропаганда и агитация почти не будут встречать противодействия, что в свою очередь ускорит приближение к осуществлению программы всех социально-революционных партий – к водворению в России республики.

Из изложенного явствует, что розыскные органы на местах обязаны выяснить и всегда иметь на учете таких представителей конституционно-демократической партии, которые, не выходя внешне за пределы лояльности, являются тайными руководителями революционных организаций.

Переходя затем от этого, так сказать, управляющего революцией элемента к революционной армии, как с гордостью себя именуют обе социал-революционные русские партии, необходимо отметить, что во главе этой „армии“ стоит ныне, как и ранее, рабочая масса и что так же, как и прежде, понятия „революционное“ и „рабочее“ движения являются синонимами.

Поэтому Департамент полиции считает необходимым упомянуть здесь о состоянии рабочих организаций, независимо от партийности последних, в том виде, как они представляются после 1905 г.

Должно сказать, что в то время как до означенного года рабочее движение находилось в подполье и являлось результатом деятельности тайных организаций, – после возникновения в 1905 г. смуты оно как бы вышло наружу благодаря возможности вести преступную деятельность под прикрытием внешних легальных форм.

В разгаре смуты в октябре – декабре 1905 г., как известно, все тайные, частные рабочие организации заменились одной общей, наименовавшей себя „Советом рабочих депутатов“, роль которого в мятежах в Петрограде и в Москве достаточно известна, чтобы останавливаться на ней.

Достаточно отметить, что эта организация впервые взяла в свои руки как политическую, так и экономическую сторону рабочего движения и первая пыталась провести явочным революционным порядком 8-часовой рабочий день.

Эта же организация дала новый вид революционных вожаков – так называемую теперь „рабочую интеллигенцию“, которая должна заменить постепенно прежних „буржуазных интеллигентов“ – организаторов, пропагандистов и агитаторов в рабочей среде из учащихся высших учебных заведений, врачей, учителей и др. Уже теперь значение этой рабочей интеллигенции громадно. Кадры ее создались из тех распропагандированных социальных рабочих, получивших революционную подготовку в подпольных организациях и усовершенствовавшихся в тюрьмах и ссылках, где и восприняли немудреную технику революционной пропаганды и агитации, усвоив в виде теоретической подготовки ту массу революционных брошюр, которая выброшена была на книжный рынок в конце 1905-го и начале 1906 г. Почувствовав свои силы, эта рабочая интеллигенция прежде всего стала вытеснять из организации буржуазную интеллигенцию, к которой всегда существовало отрицательное отношение со стороны рабочих из-за требований ею себе права домогательства организационных реформ в подпольных организациях и т. п., и мало-помалу взяла руководящую власть, добившись таким образом демократизации движения.

Возобновление рабочего движения на „новых“ началах относится к концу 1906-го и началу 1907 г., когда стали основываться рабочие клубы, явившиеся первой попыткой использовать новые законы о собраниях и союзах для революционной работы при легальных возможностях. Затем клубы эти вскоре заменились культурно-просветительскими обществами, больничными кассами и профессиональными союзами. Особенно привились, развились и заняли угрожающее положение последние. Безошибочным будет сказать, что все рабочее движение, а также и движение среди приказчиков и др. категорий лиц профессионального труда теперь находится в руках профессиональных союзов, которые сделались центром организации рабочей массы, одной из задач которых партиями поставлено подготовлять новый строй, пробуждая инициативу пролетариата и формируя органы действия, которые, будучи применены в коммунистическом строе, сделаются органами администрации.

С возникновением профессиональных союзов на заводах явился новый род пропагандистов и агитаторов за вступление в эти союзы, так называемые уполномоченные, которые являются

фактически авторами и проводниками решений союзов.

Что касается чисто революционной работы в этих организациях, то надо отметить следующее. Культурно-просветительные общества занимаются чисто революционной работой. В их делах происходят непрерывные дискуссии большевиков с меньшевиками, ликвидаторов с партийцами, а также социал-революционеров с социал-демократами и синдикалистами. Этим и исчерпывается культурно-просветительная деятельность среди рабочих. Эти общества выработали тип пропагандистов и агитаторов в виде рабочих дискуссантов, рабочих лекторов и рабочих референтов.

Что касается профессиональных союзов, то здесь, как выше сказано, собран цвет революционеров – рабочих интеллигентов. Первейшее значение в этих союзах имеют правления их, на которых лежат всецело организационные и агитационные обязанности. Дезорганизация этих правлений должна составлять одну из самых неотступных задач розыска.

На должности в этих правлениях – председателей, секретарей и казначеев, а также в члены ревизионных и разных социальных комиссий попадают рабочие интеллигенты исключительно с солидным революционным прошлым, основательно разбирающиеся в политических и социальных вопросах, чтобы надлежащим образом руководить организацией.

В то время как культурно-просветительные общества и профессиональные союзы привлекают в свои ряды революционную боевую и активную молодежь, больничные кассы притягивают к себе „революционных инвалидов“, „потерпевших“ рабочих более пожилого возраста, которые занимают в них места или в правлениях касс, или же в качестве уполномоченных от рабочих и также составляют солидное революционное ядро.

Наконец, в самое последнее время в рабочем движении стали принимать более или менее видное участие и женщины-работницы; во всяком случае, заметны настойчивые стремления сорганизовать для революционных выступлений и их. Есть случаи, что женщины являются членами правлений профессиональных союзов, должностными лицами в просветительных обществах и даже уполномоченными и членами правлений больничных касс. Всякое выступление женщины в организациях искусственно раздувается с целью привлечения в организации наибольшего числа их. Отмечается роль женщин-работниц и в забастовочных движениях, где их агитационное значение иногда больше, чем мужчин.

Настоящий очерк о рабочей интеллигенции был бы не полон, если не сказать, что одной из главнейших задач перечисленных

здесь новых революционных рабочих организаций является вовлечение во все эти общества, союзы самой зеленой молодежи как материала, наиболее подходящего для революционизирования.

Объединение и направление деятельности всех рабочих организаций лежит на легальной профессиональной прессе, причем состав редакций рабочих газет необходимо рассматривать как бывшие местные „комитеты“. Так как в рабочем движении доминирует социал-демократическая партия, то и большинство профессиональных органов прессы являются как бы и органами этой партии. В таких же партийных органах партии социалистов-революционеров рабочему движению отводится второе место, так как первое отводится крестьянскому движению, находящемуся по-прежнему в руках этой партии и ее правого крыла – трудовиков, о чем будет сказано ниже.

В профессиональной прессе с самого ее возникновения принимают участие „рабочие публицисты“ – представители всех рабочих организаций. Этим рабочим публицистам принадлежит корреспонденция с мест, заметки дискуссионного характера, статьи на злободневные темы и, наконец, фельетоны и обзоры. Что же касается буржуазной интеллигенции, то ее исторической привилегией в профессиональной прессе остались пока передовые статьи о задачах движения и общие стачечные обзоры.

Как только что сказано, руководящая роль в революционной работе в крестьянской среде осталась за партией социалистов-революционеров. В частности, ввиду дезорганизации, наблюдаемой ныне в этой партии, работа эта ведется тщательно законспирированной организацией, так называемой Трудовой народно-социалистической партией. Истинное значение ее выяснилось в 1906 г., когда учредители ее, пользуясь некоторое время чрезмерной свободой печати, высказались, что, в сущности, партия эта представляет собою замаскированную часть партии социалистов-революционеров.

Начало Трудовой народно-социалистической партии („трудовики“) положил кружок литераторов, группирующихся по преимуществу около журнала „Русское богатство“ (Вл. Короленко, Пешехонов, Мякотин, Тан, Стааль и др.). Основатели ее, не отрицая важности и необходимости существования революционных социалистических партий, действующих на конспиративных началах, поставили себе задачей составить свою программу так, чтобы партия могла существовать открыто и не отталкивала от себя широких масс трудового народа, подразумевая под таковым рабочих и крестьян, а равно и не давала бы властям прямого указания на преступность замыслов

партии. В этих целях „трудовики“, оставляя, так сказать, сердцевину, идейное основание программы партии социалистов-революционеров без всякого изменения, обратили внимание на внешнюю формулировку отдельных положений программы: так, из программы трудовой партии выкинут путь вооруженной борьбы, а вопрос о тактике оставлен как бы открытым, в расчете, что при общем революционизированном настроении вопрос о действиях только насильственным путем разрешится сам собою. Затем, некоторые понятия заменены аналогичными, но не содержащими в себе явных социалистических признаков преступления. Так, „диктатура класса“ заменена „силой и волей всего народа“, „демократическая республика“ заменена „всей полнотой законодательной власти народного представительства“ и т. п.

Эта трудовая партия выдвинула в 1905 г. активную организацию под партийным флагом – Всероссийский крестьянский союз, который именно благодаря сохранению в тайне даже от видных представителей и организаторов союза истинных революционных целей его получал громадное распространение, тем более что проводниками идей его, якобы вполне лояльных, явилась громадная армия народных учителей, объединившихся в „Союз учителей“, фельдшеров, фельдшериц, статистиков и т. п., заменяющих рабочую интеллигенцию социал-демократов, работающих на этом поприще под руководством партийных земских деятелей, земских врачей и т. п.

Борьба с разрушительной работой „трудовиков“, или, как они называют себя в легальной прессе, „народников“, благодаря описанной замаскированной тактике их крайне затруднительна и требует громадного напряжения внимания со стороны розыскных органов, ибо медленная, подтачивающая деятельность Всероссийского крестьянского союза и крестьянских братств партии социалистов-революционеров, этих двух идущих рука об руку опаснейших революционных организаций, трудно поддается обследованию обычными розыскными приемами и требует проявления в каждом отдельном случае личной инициативы и находчивости представителя розыска.

В то время как профессиональные союзы служат, как выше было отмечено, социал-демократам для соорганизования рабочих масс, сплачивания их, объединения общностью профессиональных интересов, социалистами-революционерами и народниками используются с теми же целями легко прививающиеся в деревне кооперативы (объединения мелких производителей в товарищества для производства кредитных операций и различные артели). При этом указанными

элементами проводится мысль, что кооперативы могут достигнуть своей благотворной цели тогда, когда они не будут находиться под опекой, как теперь, правительства, а будут пользоваться полнейшей свободой, что может быть достигнуто только путем завоевания „гражданской свободы“. К объединению для такого завоевания и призывают крестьян руководители кооперативного движения, убеждая, что с достижением этой свободы разрешится благоприятно для крестьян и аграрный вопрос, так как тогда последние будут обладать средствами производства на правах полной собственности.

Как подготовительная мера к такой борьбе за гражданскую свободу и является, по толкованию агитаторов, объединение отдельных лиц в первичные ячейки – кооперативы (а последних – в коалиции), которые подразделяются: по однородности – на сельскохозяйственные, потребительские лавки, скотоводные и т. п. и по территориальным условиям – на уездные, губернские, областные для удобства управления ими из революционных центров.

Крестьянская рабочая пресса партии социалистов-революционеров и трудовой находится главным образом в руках активных интеллигентных деятелей, в том числе и находящихся за границей. Перу сознательных крестьян-рабочих принадлежит лишь корреспонденция с мест.

Говоря о партии социалистов-революционеров, уместно будет напомнить о той ее особенности, которая привлекает в ее ряды и заставляет выступать под ее флагом таких отдельных лиц и такие организации, которые в обычное время держатся вдали от явно революционного пути, тая в себе лишь революционные стремления. Особенность эта – „активный“ дух партии, мало обращающей внимания на теоретическую сторону дела, которой так увлекаются социал-демократы, а прямо начинающей с „действия“ (партия социалистов-революционеров так и называет себя: „партия действия“). Поэтому мы видим, что в 1904–1905 гг. в ее именно ряды вступили боевые элементы, а также под ее флагом выступили такие почти внезапно возникшие организации, сыгравшие столь видную роль в смуте, как Всероссийский железнодорожный союз и Почтово-телеграфный союз. Отсюда вытекает, что нельзя оставлять без внимательного наблюдения сохранившиеся ячейки этих организаций, готовых также внезапно возникнуть при первом благоприятном к тому случае.

Что касается партий националистических, окраинных, то в программах их за это время существенных перемен не произошло, тактика же их применяется к тактике доминирующих русских партий, к которым они тяготеют. Так, например, „Бунд“ и другие

еврейские организации – к социал-демократической рабочей партии (к меньшевикам. – *Примеч. авт.*), „Дашнакцутюн“ – к партии социалистов-революционеров и т. д.

Обращаясь к оценке успехов, достигнутых революционным движением в момент возобновления его (1910–1911 гг. – *Примеч. авт.*) и до последнего времени, необходимо прежде указать ту постепенность, с которой осуществляются, как показал опыт, революционные выступления. Постепенность эта такова: 1) устная и письменная пропаганда с целью распространения идей социализма; 2) таковая же агитация с целью организации масс; 3) частичные экономические забастовки с той же целью организации масс и внедрения в них партийной дисциплины; 4) частичные и общие в отдельных местностях явно политические забастовки как средство организации больших масс и проверка партийной дисциплины; 5) демонстрации и манифестации по важным поводам и без всяких поводов в целях придать сорганизованным массам боевое настроение; 6) вооруженные демонстрации как подготовка к боевым выступлениям; 7) террор единичный (направленный против определенных лиц) и массовый (в отношении известной категории правительственных агентов); 8) партизанские выступления для развития инициативы и смелости в отдельных боевых дружинах; 9) экономический террор (аграрный и фабричный); 10) всеобщая политическая забастовка; 11) частичные вооруженные восстания; 12) общее вооруженное восстание. В таком порядке шли события до 1905 г., в таком порядке дошли они до вооруженных демонстраций, имевших место в Петрограде в июле сего года.

Ко всему вышеизложенному необходимо присовокупить, что сами революционные партии возлагают большие надежды на долженствующие возникнуть при последующих выступлениях такие выработанные опытом 1905 г. общепартийные объединяющие и руководящие центральные организации, как „Совет рабочих депутатов“, „Совет крестьянских депутатов“, а в подготовительный период – на такие способствующие организации масс, как профессиональные союзы и Всероссийский крестьянский союз.

Конечно, в текущий момент невозможно предположить даже, в какие именно формы выльется новая революционная волна, но тем не менее представляется соответственным быть готовым встретить более сложные революционные эксцессы и сообразно этому направить розыскную работу.

Для этого Департамент полиции считает необходимым, чтобы теперь же, без всякого отлагательства, лица, ведущие политический розыск на местах, приняв во внимание сказанное в

настоящем циркуляре, ориентировались бы в положении вещей в обслуживаемых ими местностях, с тем чтобы, не предпринимая никаких активных частных мер, если, конечно, таковые не будут вызваны необходимостью предупредить или пресечь определенные революционные эксцессы, были бы готовы в каждый данный момент, когда в том встретится надобность, принять решительные и в то же время действительные меры к парализованию злоумышлений, имея в виду, главным образом, что существеннее всего должно будет обезвредить руководящие „верхи“ и „центры“, а никак не начинать снизу, с не отдающей себе отчета массы, которая в большинстве случаев, как известно, является жертвой пропаганды и агитации сознательных врагов существующего строя»[675].

Как видим, в циркуляре Департамента полиции дается достаточно объективная оценка деятельности политических партий в России. Однако кадровая политика Николая II в отношении руководителей министерств и ведомств, как уже неоднократно указывалось, была непоследовательной и противоречивой. Ее определяли конъюнктурные соображения и степень влияния на императора представителей различных придворных группировок. За 23 года сменилось 14 министров внутренних дел и 15 директоров Департамента полиции. К концу правления последнего российского императора руководство полиции и специальных служб погрязло в придворных, ведомственных и межведомственных интригах. Несомненно, подобная практика не способствовала укреплению внутренней безопасности государства. Так в Российской империи в очередной раз сложилась ситуация, когда отвечавшие за безопасность Отечества профессионалы оказались бессильны что-либо предпринять, а высшее военно-политическое руководство, окруженное льстецами и интриганами, не желало задумываться о будущем.

Совсем другие процессы шли в революционной среде. Поражение в 1905–1907 гг. стало для антиправительственных партий хорошим уроком, с 1910–1911 гг. революционеры начали планомерную работу по подготовке к свержению самодержавия. Попробуем на примере РСДРП рассмотреть, каким образом осуществлялась нелегальная антиправительственная деятельность политических партий. В 1906 г. в работе «Русская революция и задачи пролетариата» Ленин писал, что в основе партии рабочего класса должна быть «сильная тайная организация», которая должна иметь особый аппарат «открытых выступлений». Партия должна внедрять своих людей во все легальные общества и учреждения, начиная с профессиональных

союзов и заканчивая подзаконной печатью. Работа шла одновременно по нескольким направлениям, основное из которых – формирование партийного кадрового ядра: организаторов, пропагандистов, боевиков, связных, содержателей конспиративных квартир и т. д.

Здание штаба Отдельного корпуса жандармов (Санкт-Петербург)

Поскольку РСДРП действовала в условиях подполья, основным принципом успешной работы ее функционеров было соблюдение строжайшей конспирации. Под конспирацией понимается совокупность методов, используемых нелегальной организацией для сохранения в тайне своей деятельности. Забота о безопасности партийных структур начиналась с момента отбора кандидатов в революционеры. Прежде чем пригласить кандидата на собрание или ввести в круг партийцев, за ним пристально наблюдали на работе, изучали его настроения, давали небольшие, а затем более ответственные поручения. Таким образом, параллельно происходило изучение личности кандидата и его первичное обучение навыкам подпольной работы.

Практически с самого начала революционной деятельности РСДРП, как и большинство других нелегальных организаций, стремилась минимизировать ущерб от возможных провалов в организациях. В работе «Задачи русских социал-демократов»

Ленин писал: «Чем дробнее, мельче будет то дело, которое возьмет на себя отдельное лицо или отдельная группа, тем больше шансов, что ему удастся обдуманно поставить это дело и наиболее гарантировать его от краха, обсудить все конспиративные частности, применив все возможные способы обмануть бдительность жандармов и ввести их в заблуждение, тем надежнее успех дела, тем труднее для полиции и жандармов проследить революционера и связь его с организацией, тем легче будет для революционной партии заменять погибших агентов и членов другими без ущерба для всего дела»[676].

Процесс воспитания и обучения партийных активистов являлся непрерывным. После того как они приобретали первичные практические навыки и становились полноправными членами партии, им давались новые знания. Ленин считал, что если в партии будут отряды специально подготовленных и прошедших практическую школу рабочих-революционеров, то с ними не справится никакая политическая полиция. Высшими партийными курсами можно назвать специальные школы по подготовке профессиональных революционеров, работавшие в Италии, Франции и Швейцарии. В их программы входили политэкономия, история рабочего движения и история РСДРП, государственное право, ряд других теоретических дисциплин; одновременно проводились практические занятия. Тюрьмы и ссылки также были настоящими университетами подпольной работы. Отбывая наказание, революционеры изучали различные предметы – от азбуки и арифметики до марксистской теории и приемов конспирации. Последнюю, учитывая личный негативный опыт, изучали особенно тщательно.

В практической деятельности партии большое внимание уделялось конспиративным квартирам, которые имели строго определенное назначение. Одни использовались для проживания нелегалов, другие – как явочные, третьи – для проведения собраний, хранения литературы или оружия, размещения типографий и т. п. Наиболее засекреченными были партийные типографии, о расположении которых знал узко ограниченный круг лиц в той или иной организации. Даже типография «Искры» в Швейцарии пребывала на нелегальном положении. Многие активисты знали, где находится редакция газеты, и лишь единицы – где находится типография. Расположение складов оружия и литературы, квартир нелегалов охранялось не менее тщательно, о них знали только сами «хранители» и особо доверенные связные.

Прием того или иного лица на явочной квартире обеспечивался наличием особого пароля. Степень доверия

содержателя явочной квартиры к прибывшему со стороны заранее определялась содержанием пароля. Например: «Я от Вани», «Я от дяди Вани», «Я от дяди Вани, он шлет вам поклон». Система явок, действовавшая по принципу «обезьяньего моста», нередко дублировалась, при провале вступала в работу «спящая» сеть. Для обеспечения конспирации широко применялась шифрованная переписка. Для этого в текст письма вставляли заранее разработанные условные фразы, понять которые могли только лица, имевшие соответствующую кодовую таблицу. Широко использовались симпатические (невидимые) чернила, проступавшие поверх обычного текста после специальной обработки. Текст, написанный симпатическими чернилами, нередко еще и шифровали. Для большей надежности в партийной переписке прибегали к системе контейнеров и тайников.

Чтобы успешно противодействовать полиции и специальным службам Российской империи, тщательно изучались и обобщались методы их работы, ставшие известными революционерам. Особенно тщательно изучались методы выявления наружного наблюдения и приемы ухода от слежки. Революционеры имели свои собственные группы наружного наблюдения, обеспечивавшие безопасность членов подпольных организаций, особенно во время собраний партийного актива. Практиковалось наблюдение за известными сотрудниками полиции и жандармерии с целью выявления конспиративных квартир и секретной агентуры. Как и в государственных структурах, у подпольщиков были специальные группы, осуществлявшие физическую охрану партийных активистов (прежде всего во время митингов, маевок и других массовых мероприятий, когда существовала реальная угроза взятия партийных функционеров с поличным).

Поскольку большинство профессиональных революционеров были хорошо известны полиции, им часто приходилось находиться на нелегальном положении. Нелегала следовало обеспечить фальшивыми документами, которые делились на категории в зависимости от качества. Самыми надежными являлись настоящие паспорта, выданные реальным лицам и попавшие в руки подпольщиков. Использовались паспорта умерших и дубликаты с настоящих паспортов, иногда выписанные без ведома владельца. Некачественными считались паспорта, выписанные на вымышленные данные. Бланки паспортов покупались у продажных чиновников, похищались в полицейских участках или изготовлялись. Наиболее опытные партийные работники имели в запасе несколько выписанных на разные фамилии паспортов, в том числе иностранных. Вторым

необходимым атрибутом нелегала был партийный псевдоним, их также могло быть несколько. Использование разных (и особенно новых) псевдонимов позволяло на определенный срок вводить в заблуждение сотрудников полиции и специальных служб.

Наибольшую опасность для нелегальных организаций представляли секретные сотрудники, работавшие непосредственно в революционной среде. В брошюре «Задачи русской социал-демократии» (написана в ссылке и опубликована в 1898 г.) Ленин, говоря об организационной стороне деятельности партии, указывал, что «нужны люди, следящие за шпионами и провокаторами»[677]. Он писал также о необходимости иметь специальных агентов – профессиональных революционеров, имеющих контакты с интеллигенцией, чиновничеством, полицией. Можно по-разному относиться к личности лидера РСДРП (б), но в понимании важности и сложности борьбы революционеров с секретной агентурой ему не откажешь.

В октябре 1902 г. В. И. Ленин отмечал: «Такое преступление, как тайная служба в политической полиции, вообще говоря, за исключением совершенно единичных случаев, не может быть доказано совершенно определенными уликами и столь конкретными фактами, которые мог бы проверить всякий сторонний человек»[678].

После 1907 г. выявление полицейской агентуры и предотвращение ее внедрения в оппозиционные организации стало одним из основных методов обеспечения безопасности подпольщиков. У Партии социалистов-революционеров основным контрразведывательным органом было бюро В. Л. Бурцева, с которым контактировали изменившие присяге обиженные представители политического сыска. В РСДРП также создавались специальные органы по борьбе с провокаторами. В 1910 г. Ф. Э. Дзержинский писал, что необходимо обязательно организовать следственный отдел по разоблачению провокаторов. На практике борьба с правительственной секретной агентурой включала в себя выявление агентуры, проведение расследований для установления фактов предательства, выработку мер предупреждения от внедрения агентуры и мер пресечения по отношению к установленным революционерам-отступникам.

Для выявления секретной агентуры партийные следователи анализировали ставшую известной революционерам секретную полицейскую информацию. Среди членов подпольных кружков проводились опросы по поводу лиц, вызвавших подозрение в сотрудничестве с полицией и жандармерией. За подозреваемыми могло устанавливаться наружное наблюдение с целью выявления

контактов. Подозреваемый, как правило, переводился в «карантин», т. е. от активной партийной работы отстранялся. Поскольку расследование всегда велось конспиративно, оно занимало значительное время: иногда на это уходило много месяцев, порой – несколько лет. Для получения более подробных сведений о проверяемом революционеры вступали в контакт с государственными чиновниками, представителями полиции и специальных служб. Кроме того, между революционными партиями осуществлялся определенный обмен оперативной информацией.

Для предотвращения проникновения секретной агентуры в ряды РСДРП все провалы в организациях тщательно анализировались, новые кадры подбирались постепенно и осторожно. С этой же целью в разделе «Из деятельности охранного отделения» газеты «Искра» раскрывались методы полиции, использовавшиеся против революционеров, и давались рекомендации по совершенствованию приемов конспирации; публиковались секретные документы Департамента полиции и фамилии секретных агентов, ставшие известными революционерам. Были установлены строгие правила, согласно которым все сведения о провокаторах незамедлительно сообщались в центральные органы партии. Голословные обвинения членов партии в провокационной деятельности не приветствовались. Наиболее эффективным, но и наиболее опасным способом являлось внедрение революционеров в число секретных сотрудников, однако ЦК РСДРП относился к подобной практике отрицательно.

В качестве меры пресечения к установленным секретным сотрудникам чаще всего использовалось изгнание из партии с последующей публикацией в партийной печати. Возможность предотвращения продолжения работы агента в революционной среде В. И. Ленин оценивал выше, чем его физическую ликвидацию. Еще в 1902 г. он писал: «Мы должны внушить рабочим, что убийство шпионов, провокаторов и предателей может быть, конечно, иногда безусловной необходимостью, но что крайне нежелательно и ошибочно было бы возводить это в систему…»[679].

Ликвидация секретных сотрудников также имела место, особенно в 1905–1907 гг., но она заключала в себе серьезную опасность. Во-первых, при недостаточности доказательств репрессии мог быть подвергнут невиновный член партии. Здесь следует отметить, что Департамент полиции иногда специально распространял дезинформацию, дискредитировавшую партийных активистов. Во-вторых, убийство секретного сотрудника органы

политического сыска никогда не оставляли без ответных и не менее жестких мер. Исполнителей приговора тщательно искали не только в России, но и за рубежом (полиции этих государств); обнаруженных исполнителей ликвидировала полицейская агентура, их компрометировали в глазах товарищей, чаще всего с тем же трагическим результатом.

Стратегическая дальновидность Ульянова-Ленина проявилась в нежелании превращать особенно рискованные акции по ликвидации наиболее одиозных противников в неконтролируемую систему, которая неминуемо столкнула бы партию в пропасть тотального террора со всеми вытекающими из этого последствиями. К представителям партии было бы привлечено совершенно иное внимание карательных органов, мнение прогрессивной и революционной общественности сменило бы вектор оценки, от партии отдалились бы многие социальные группы.

По опубликованным данным, всего в 1901–1917 гг. разоблачено более семидесяти секретных сотрудников охранных отделений и жандармских управлений. Следует подчеркнуть, что большинство из них были раскрыты по собственной неосторожности либо в результате предательства со стороны государственных служащих. Важную роль в разоблачении агентуры сыграли: Ф. Э. Дзержинский, А. Е. Бадаев, Д. И. Курский, З. Я. Литвин-Седой, М. С. Ольминский, Г. И. Петровский, Н. Г. Полетаев, И. А. Пятницкий, Е. Ф. Резмирович, К. Н. Самойлова, Н. А. Семашко, С. А. Тер-Петросян, Я. Тышка, М. Н. Федоров, В. Я. Фидлеровский. Деятельность указанных лиц крайне тревожила сотрудников Особого отдела, которые прилагали все усилия для выявления и изоляции специалистов партийной службы безопасности. Впоследствии опыт, приобретенный революционерами в борьбе с политической полицией Российской империи, широко использовался в деятельности специальных служб и подразделений Советской России.

На состоявшемся в ноябре – декабре 1912 г. в Петербурге совещании руководителей политического сыска Российской империи принято решение пересмотреть все циркуляры Департамента полиции, изданные по вопросам политического сыска с 1881 г. (а их было не менее 250!). Однако с приходом в январе 1913 г. на должность товарища министра внутренних дел (заведующего полицией и командующего Отдельного корпуса жандармов) В. Ф. Джунковского работу над новыми документами свернули.

Только в декабре 1914 г. полковник Энгбрехт представил в Департамент полиции проект «Наказа по ведению политического

сыска». Он состоял из трех частей: 1) «Инструкция Департамента полиции по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях»; 2) «Инструкция Департамента полиции по организации и ведению наружного наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях»; 3) «Свод правил по ведению политического розыска и отчетности в жандармских и розыскных учреждениях». «Наказ…» был направлен на заключение заведующему Петербургским охранным отделением полковнику П. К. Попову.

Через два года (!) Попов, ставший к тому времени генерал-майором Отдельного корпуса жандармов, по поручению министра внутренних дел подготовил расширенный вариант этого документа (15 отделов, т. е. глав). Из числа новых глав назовем «Охрана лиц от покушений» и «Работа розыскных учреждений по делам военного шпионажа». К концу 1916 г. «Наказ по ведению политического сыска» был подготовлен к печати, но само существование Российской империи уже подходило к концу. Полный текст документа был обнаружен только в конце XX в. По нашей версии, он мог быть изъят из архива Департамента полиции и использован в деятельности специальных служб Советской России.

С началом Первой мировой войны охрана Николая II еще более усилилась. Увеличилось количество караулов и конных постов вокруг ограды Александровского дворца в Царском Селе. В ежедневный наряд заступали в полном составе сразу две сотни Конвоя: в Царском Селе и в столице; две другие сотни меняли их на следующий день. Конвой постоянно сопровождал императора в поездках в Ставку, в действующую армию, на встречи с народом. Минимальное сопровождение состояло из одного офицера и взвода казаков. Через год после начала войны Николай II возложил на себя обязанности Верховного главнокомандующего, Ставка которого находилась в Могилеве. Внешнюю охрану Ставки осуществлял Сводный пехотный полк, к несению караулов привлекались войска Могилевского гарнизона. Ежедневно на посты в городе и его окрестностях заступало более 1500 человек. В 20 верстах от города проходила еще одна линия охраны. Казаки Конвоя, в составе которого после начала войны была сформирована 5-я Сводная сотня, несли внутреннюю охрану резиденции императора. Кроме того, они усиливали внешние караулы в окрестностях Могилева с помощью восьми конных разъездов. Сотрудники Дворцовой полиции осуществляли оперативные и агентурные мероприятия по обеспечению безопасности Ставки. Все структуры личной охраны Николая II действовали эффективно вплоть до его отречения. Но история

Российской империи заканчивалась, заканчивалась и история ее специальных служб и подразделений.

В России вновь наступало Смутное время.

ПОЛОЖЕНИЕ О РАЙОННЫХ ОХРАННЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ

§ 1. Для объединения и направления деятельности местных органов, ведающих политический розыск в империи, учреждаются районные охранные отделения, действующие под непосредственным руководством и контролем директора Департамента полиции, через Особый отдел последнего.

§ 2. Районные охранные отделения учреждаются в следующих пунктах:

I. В Петербурге (Северное) – для губерний: Петербургской, Эстляндской, Псковской, Новгородской и Олонецкой.

II. В Москве (Центральное) – для губерний: Московской, Тверской, Ярославской, Вологодской, Архангельской, Костромской, Калужской, Тульской, Орловской, Владимирской, Рязанской и Нижегородской.

III. В Самаре (Поволжское) – для губерний: Самарской, Пермской, Вятской, Казанской, Симбирской, Уфимской, Саратовской, Оренбургской, Астраханской, Пензенской и Уральской области.

IV. В Харькове (Юго-Восточное) – для губерний: Харьковской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Донской области, Черноморской и Екатеринославской.

V. В Киеве (Юго-Западное) – для губерний: Киевской, Черниговской, Полтавской, Подольской и Волынской.

VI. В Одессе (Южное) – для губерний: Херсонской с городом Одессой, Таврической, Бессарабской и для надзора за всем побережьем Черного моря.

VII. В Вильно (Северо-Западное) – для губерний: Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской, Минской, Витебской и Смоленской.

VIII. В Риге (Прибалтийское) – для губерний: Лифляндской и Курляндской.

§ 3. Во главе охранных округов стоят начальники районных охранных отделений, каковые должности могут совмещаться с должностью начальника местного губернского жандармского управления или охранного отделения.

Примечание: Впредь до дальнейших изменений на

начальников охранных отделений в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Вильно и Риге, а равно и на начальника Самарского губернского жандармского управления возлагаются обязанности начальников соответствующих районных отделений.

§ 4. Независимо от прав и обязанностей, возлагаемых на начальников районных отделений настоящей инструкцией, они пользуются всеми правами начальников охранных отделений и руководствуются в своей деятельности по розыску установленной для начальников охранных отделений инструкцией.

Занятия между служащими в канцеляриях районных охранных отделений должны распределяться по отдельным революционным организациям.

§ 5. С учреждением районных охранных отделений временное Положение о начальниках охранных отделений, утвержденное 27-го июня 1904 года, остается в силе впредь до изменения, но начальники местных охранных отделений поступают в непосредственное подчинение начальников районных отделений, которые и дают им, по требованию Департамента полиции, служебные аттестации.

§ 6. В округе районного отделения все органы, ведающие политическим розыском, а именно: губернские, уездные и полицейские жандармские управления и отделения, охранные отделения, начальники крепостных жандармских команд, чины городских и уездных полиций руководствуются в деле розыска указаниями начальника районного охранного отделения и исполняют все требования последнего по розыскной части и вытекающим из розыска следственным действиям. При этом начальники районных охранных отделений сносятся с чинами полиции вне мест их квартирования, по возможности через местных начальников жандармских управлений или охранных отделений.

Все недоразумения, возникающие между начальниками районных отделений и жандармских управлений, разрешаются директором Департамента полиции.

§ 7. Одной из главнейших задач начальников районных охранных отделений является учреждение центральной внутренней агентуры, могущей освещать деятельность революционных сообществ вверенной его

надзору области. Указания этой агентуры должны быть использованы для направления деятельности входящих в районы розыскных органов, и в особенности тех, которые проявляют недостаточно успешную деятельность.

§ 8. Начальникам районных охранных отделений в целях объединения деятельности входящих в район розыскных органов предоставляется, с особого каждый раз разрешения Департамента полиции, созывать областные съезды лиц, непосредственно ведающих розыском. Вообще же рекомендуется возможно более живое общение розыскных органов и возможно частый личный обмен сведениями лиц, стоящих во главе розыска в соседних местностях, причем неуместная конспирация между лицами, призванными к исполнению одного и того же дела в данном районе, недопустима.

§ 9. Требования начальников районных охранных отделений о производстве обысков, осмотров, выемок и арестов для начальников губернских жандармских управлений, их помощников и чинов жандармской железнодорожной, а равно общей и сыскной полиций, обязательны, причем арестованные зачисляются за подлежащим начальником губернского жандармского управления.

Начальнику управления или лицу, произведшему арест (если оно имеет право самостоятельного производства дознаний), должны быть переданы начальником районного охранного отделения в трехдневный срок все данные, послужившие основанием к задержанию данного лица. В случае неполучения этих сведений в течение семи дней по отношению к арестованному принимаются меры сообразно имеющимся в распоряжении местной власти основаниям к дальнейшему содержанию его под стражей.

В экстренных случаях начальник районного охранного отделения обращает требование о производстве обысков, осмотров, выемок и арестов непосредственно к отдельным чинам Корпуса жандармов и чинам полиции, помимо начальников жандармских управлений.

§ 10. Агентурные сведения, имеющие значение в общественной жизни или требующие принятия немедленных мер вне округа данного районного охранного отделения, должны быть сообщаемы в Департамент полиции и начальникам районных

охранных отделений непосредственно местными розыскными органами по телеграфу, с добавлением в телеграммах, присылаемых Департаменту, слов «району сообщено». Все же прочие агентурные указания немедленно доставляются в районные охранные отделения, по каждой организации отдельно, с указанием принятых мер и результатов разработки или объяснением причин неисполнения последнего.

Начальники районных охранных отделений, сделав сводки по организациям по всему району, представляют таковые в Департамент полиции один раз в месяц, с изложением результатов разработки района и сделанных ими указаний на места.

§ 11. Начальники районных охранных отделений при посещении губерний словесно осведомляют начальников губерний, жандармских управлений и прочих розыскных органов о ходе розыска, о положении революционного движения, сообщая о тех мерах, которые, по их мнению, необходимо предпринять. Этими же приездами начальники районных отделений пользуются для дачи личных указаний и чинам полиции, получив на это предварительно разрешение от губернатора.

§ 12. В интересах розыска начальники районных охранных отделений и командированные ими офицеры и чиновники для поручений пользуются всеми имеющимися в местных жандармских управлениях сведениями.

Они имеют доступ ко всем делам (в том числе и производящимся в порядке 1035 ст. Уст. угол. суд.) и перепискам управления. В случае требования с их стороны им должны быть известны и секретные сотрудники как управления, так равно и охранных и железнодорожных отделений, и в случае надобности предоставлена возможность личных переговоров с таковыми. Если начальник районного отделения признает необходимым принять в свое ведение непосредственные сношения с наиболее серьезными сотрудниками, то местные органы оказывают в этом отношении полное содействие.

§ 13. Для надобностей розыска вне мест расположения районных охранных отделений начальники последних пользуются назначенными в их распоряжение чиновниками особых поручений, отдельными офицерами Корпуса жандармов и

филерскими отрядами.

В случае необходимости произвести розыск в означенных местностях начальники районных охранных отделений, по соглашению с лицами, ведающими местный розыск, временно командируют в их распоряжение упомянутых чиновников, офицеров и филеров (или только филеров), которые и производят розыск, согласно данным им начальником районного охранного отделения указаниям и в полном единении с местными органами, которые обязаны сообщать старшим из командированных все необходимые им сведения местной агентуры. Все установки лиц и адресов производятся местными властями. О назначении подобных командировок местные начальства обращаются непосредственно к начальникам районных охранных отделений.

§ 14. В целях усиления филерского состава на местах начальники губернских жандармских управлений обязаны выбрать лучших унтер-офицеров для подготовки к филерской службе, которые ни в каком случае не должны уже надевать форму. Таких унтер-офицеров – филеров должно быть не менее 2-х человек при 10 унтер-офицерах штатного состава, а при большем составе не менее половины всех остальных. В случае серьезной огласки деятельности таких филеров таковые немедленно распоряжением начальника районного отделения перемещаются в другие управления и отделения по представлению начальника районного отделения директору Департамента полиции для сношения со штабом Корпуса жандармов.

§ 15. В районных охранных отделениях, губернских жандармских управлениях и в охранных отделениях должна вестись по установленным на сей предмет Департаментом полиции образцам регистрация данных розыска:

а) дневники агентурных сведений, доставляемых секретными сотрудниками, отдельно по каждой организации, и к ним отдельный листковый алфавит лиц, упоминаемых в этих дневниках;

б) дневники наружного наблюдения с соответствующими сводками, отдельно по каждой организации;

в) листковый алфавит лиц, сведения о коих имеются в данном управлении или отделении, а также и

разыскиваемых лиц, по установленной форме;

г) листковый алфавит домов, проходящих по наблюдению, агентуре или переписке, с выписками из домовых книг (на листках трех цветов);

д) особые наряды по каждой организации отдельно, с образцами всех прокламаций данной фракции;

е) особые дела по каждой организации отдельно (комитетские), куда подшиваются в хронологическом порядке все бумаги, имеющие значение для освещения деятельности данной партии и принимаемых против нее мер;

ж) фотографический архив;

з) схемы текущего наружного и внутреннего наблюдения;

и) библиотека нелегальных изданий, с алфавитным к ней каталогом.

Образцы описанной регистрации при сем приложены.

§ 16. Начальники районных охранных отделений избираются директором Департамента полиции из числа штаб-офицеров Корпуса жандармов или других известных ему лиц и утверждаются в должности шефом жандармов.

Примечание: В случае необходимости директору Департамента полиции предоставляется право представлять к возложению исполнения этих должностей на местных начальников губернских жандармских управлений.

§ 17. Начальники районных охранных отделений, если они в то же время не состоят в должности начальников губернских жандармских управлений, при назначении их на эту должность откомандировываются в непосредственное распоряжение директора Департамента полиции; для получения же содержания от Интендантства офицеры, занимающие означенные должности, зачисляются в списки подлежащих жандармских управлений.

Офицеры, для замещения других должностей в районных охранных отделениях, назначаются тем же порядком и, по прибытии к месту служения, поступают в непосредственное подчинение начальника районного отделения.

§ 18. О лицах, назначенных на должности начальников районных охранных отделений,

Департамент полиции сообщает штабу Корпуса жандармов для объявления в приказах по корпусу.

§ 19. Начальники районных охранных отделений, а равно и заведующие таковыми начальники жандармских управлений, пользуются должностными печатями и бланками служебной переписки, присвоенными местным управлениям и отделениям, при коих учреждены районные охранные отделения. Представления свои в Департамент полиции начальники районных отделений адресуют на имя директора Департамента по I Особому отделу, что обязательно отмечается и на конвертах.

§ 20. Начальник районного охранного отделения имеет право отлучаться из места его квартирования в пределах района, не испрашивая разрешения, а лишь сообщив о цели и месте поездки в Департамент полиции. В случае же надобности выезда из пределов района испрашивает разрешение директора Департамента полиции.

§ 21. Личное присутствие начальников районных охранных отделений при обысках предоставляется их усмотрению. Кроме того начальникам отделений предоставляется право командировать для присутствия при обысках и подведомственных им чинов, с правом давать в потребных случаях необходимые указания лицам, производящим обыски.

§ 22. Начальники районных отделений и командированные классные чины Отделения при разъездах по делам службы получают прогонные деньги на общем основании через Департамент полиции, по представлении установленных маршрутов поездок[680].

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОХРАННЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ

§ 1. В тех местностях империи, где представляется необходимым создание отдельных розыскных органов, негласные расследования по делам о государственных преступлениях возлагаются на особо назначаемых для этой цели офицеров Корпуса жандармов или состоящих при Департаменте полиции чиновников, с образованием при них, в случае надобности, канцелярии, именуемой охранным отделением.

Примечание: Положение упоминаемых в этой инструкции лиц гражданского ведомства, назначаемых к должностям для розыскного дела, определяется особыми правилами.

§ 2. Район деятельности отделения составляют город, где оно находится, и те местности губернии, относительно коих последует особое указание Департамента полиции.

§ 3. Начальники охранных отделений при определении на должность назначаются в распоряжение директора Департамента полиции (1 п. 689 и 701 ст. III кн. Св[ода] воен. Пост[ановлений]); для получения же содержания от Интендантства офицеры Корпуса жандармов, занимающие означенную должность, зачисляются в списки подлежащих губернских жандармских управлений приказами по Корпусу жандармов.

§ 4. О назначении на должности начальников охранных отделений Департамент полиции сообщает подлежащим лицам и учреждениям.

§ 5. Начальники отделений осуществляют свои обязанности под высшим руководством Департамента полиции, который, ввиду лежащей на нем по закону (ст. 362. Т. I. Ч. 2 Свода законов и 656 ст. III кн. Св[ода] воен. Пост[ановлений]) обязанности, ведает делами по охранению общественной безопасности и порядка и дает общее направление розыскной деятельности, распоряжаясь всем личным составом отделений. Вмешательство других учреждений и лиц, кроме Департамента полиции и начальников районных охранных отделений, в деятельность местных охранных

отделений не может иметь места.

Примечание: охранные отделения в гг. С.-Петербурге, Москве и Варшаве состоят в ведении подлежащих главных начальников полиции.

§ 6. Начальники охранных отделений в тех местностях (округах), где учреждены районные охранные отделения, подчиняются начальникам сих последних, руководствуются в своей деятельности их указаниями и исполняют все служебные требования начальника районного охранного отделения, согласно утвержденному 14 декабря 1906 г. Положению о районных охранных отделениях.

§ 7. Департамент полиции отпускает в непосредственное распоряжение начальников охранных отделений потребные суммы на содержание канцелярии, секретных и наблюдательных агентов и прочие расходы по розыску.

В израсходовании отпускаемых сумм начальники охранных отделений представляют отчеты непосредственно в Департамент полиции ежемесячно, не позже 15-го числа следующего месяца.

§ 8. Начальники отделений имеют в своем распоряжении письмоводителя и других служащих согласно особым для каждого отделения расписаниям. Кроме того, в распоряжение начальников отделений в случае надобности могут быть командируемы Департаментом полиции офицеры Корпуса жандармов или чиновники для исполнения отдельных поручений.

Для практического ознакомления с делом политического розыска в охранные отделения могут быть назначаемы офицеры Корпуса жандармов и чиновники полиции, по соглашению с их начальством.

§ 9. Письмоводитель отделения (где таковые положены) и старшие служащие избираются начальником отделения и определяются на службу с разрешения директора Департамента полиции. Прочие служащие избираются и определяются на службу начальником отделения, которому предоставляется право входить в Департамент с ходатайством о зачислении чинов отделения на государственную службу.

§ 10. Лица, привлекавшиеся к ответственности по государственным преступлениям, а также состоявшие секретными сотрудниками, не могут быть допускаемы к

занятию должностей в охранных отделениях.

§ 11. О всех переменах в составе служащих отделения сообщается Департаменту полиции с указанием звания, происхождения, имени, отчества и фамилии лиц, принимаемых вновь на службу.

§ 12. О всех отлучках из постоянного места пребывания начальники охранных отделений доводят до сведения начальника районного охранного отделения, с указанием своего временного адреса. Для выезда за пределы губернии требуется разрешение Департамента полиции по предварительном сношении с начальником районного отделения.

§ 13. Начальники охранных отделений принимают все меры к сосредоточению в своих руках всего розыскного дела. Чины Корпуса жандармов и общей полиции, получая из негласного источника сведения, относящиеся к политическому розыску, сообщают таковые начальнику охранного отделения для разработки и производства обысков, выемок и арестов, каковые меры не могут быть применяемы без ведома начальника охранного отделения.

О должностных лицах, не принадлежащих к составу охранных отделений и оказавших существенные услуги делу розыска, начальник охранного отделения представляет их начальству или Департаменту полиции на предмет их поощрения.

§ 14. Начальники отделений с Департаментом полиции, начальниками районных охранных отделений, жандармских управлений и их помощниками, а равно губернскими и уездными учреждениями и между собою, сносятся непосредственно. Письменные сношения ведутся записками на личных бланках начальника охранного отделения. Представления свои в Департамент полиции начальники охранных отделений адресуют на имя директора Департамента по Особому отделу, что обязательно отмечается и на конвертах.

§ 15. Начальники охранных отделений принимают все зависящие меры к установлению правильных отношений с начальниками управлений, офицерами Корпуса, производящими дознания, а равно с прокурорским надзором и судебными следователями, в видах оказания содействия успеху дознаний и следствий, а также для извлечения из этих производств всех сведений, полезных для розыска.

О всех случаях обнаружения следствием или дознанием секретных сотрудников отделения или приемов его агентурной деятельности и о разногласиях с упомянутыми чинами судебного ведомства и Корпуса жандармов начальники охранных отделений подробно доносят Департаменту полиции.

§ 16. Начальники охранных отделений осведомляют начальников губернских жандармских управлений об обстоятельствах, интересующих начальников означенных управлений по производимым в последних дознаниям.

§ 17. В интересах розыска начальники отделений, кроме данных агентуры и наблюдения, пользуются также и всеми имеющимися в местных жандармских управлениях сведениями и с разрешения начальников сих управлений могут обозревать дела, производящиеся в порядке 1035 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства] и в порядке Положения об охране, а равно и по негласному розыску. Все сведения, дающие основания к принятию мер негласного розыска в местах нахождения охранного отделения, должны быть немедленно направляемы начальниками управлений к начальнику охранного отделения без принятия мер предварительного исследования.

§ 18. Начальники отделений по делам их должности с разрешения генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников имеют непосредственные с ними сношения и докладывают им лично все то, что необходимо знать высшим представителям административной власти в целях охранения государственного порядка и общественной безопасности в крае.

§ 19. Агентурные сведения, имеющие значение в общественной жизни или требующие принятия мер вне сферы деятельности охранного отделения, должны быть сообщаемы в Департамент полиции и соответствующим начальникам районных охранных отделений непосредственно местными розыскными органами, с добавлением в телеграммах, присылаемых в Департамент полиции, слов: «Району сообщено». О том же начальники охранных отделений словесно докладывают губернаторам и градоначальникам.

Все же прочие агентурные указания начальники охранных отделений в пределах, определяемых начальником районного охранного отделения, сообщают

последнему по каждой организации отдельно, с указанием принятых мер и результатов разработки или объяснением причин неисполнения последнего.

§ 20. Регистрация данных розыска в охранном отделении должна быть так поставлена, чтобы начальник отделения в каждый данный момент мог дать все сведения о преступной деятельности известного отделению лица.

В этих целях надлежит обратить особое внимание на систематическое составление сводок всех сведений (агентурных, наружного наблюдения, по сообщениям других розыскных учреждений и т. п.) на каждое отдельное лицо, известное отделению. Сведения эти начальник отделения должен тщательно изучить, предварительно решения вопроса об обыске и особенно о личном задержании данного лица.

§ 21. В районных охранных отделениях, губернских жандармских управлениях и охранных отделениях должна вестись по установленным на сей предмет Департаментом полиции образцам регистрация данных розыска:

а) дневники агентурных сведений, составляемые со слов секретных сотрудников, отдельно по каждой организации, и к ним отдельный листковый алфавит лиц, упоминаемых в этих дневниках;

б) дневники наружного наблюдения с соответствующими сводками, отдельно по каждой организации;

в) общий листковый алфавит лиц, сведения о коих имеются в данном управлении или отделении, а также и разыскиваемых лиц, по установленной форме;

г) листковый алфавит домов, проходящих по наблюдению, агентуре или переписке, с выписками из домовых книг (на листках трех цветов);

д) особые наряды, по каждой организации отдельно, для образцов всех изданных ею прокламаций;

е) особые дела, по каждой организации отдельно (комитетские), куда подшиваются в хронологическом порядке все бумаги, имеющие значение для освещения деятельности данной партии и принимаемых против нее мер;

ж) фотографический архив;

з) схемы текущего наружного и внутреннего наблюдения;

и) библиотека нелегальных изданий с алфавитным к ней каталогом.

§ 22. Начальники отделений в исследовании государственных преступлений и политической благонадежности отдельных лиц руководствуются Уставом уголовного судопроизводства и Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (прил. I к прим. 2 к ст. I. Т. XIV Св[ода] зак[онов]), а также инструкцией, изданной в развитие означенных законов.

§ 23. Начальники отделений при получении сведений секретной агентуры предварительно их использования обязываются тщательно проверять таковые и основательно разрабатывать их наружным наблюдением. При этом надлежит иметь в виду, что розыскные органы должны руководить секретными сотрудниками, а не наоборот. Направлять внутреннюю агентуру и наружное наблюдение должно таким образом, чтобы попутно с обследованием обстоятельств дела выяснялись и отмечались с особенною точностью те факты, которые в дальнейшем, при ликвидации или формальном расследовании, могли быть установлены как улики следственными действиями. В этом отношении начальники охранных отделений обязаны руководствоваться тем соображением, что главным мерилом успешности их деятельности будет всегда не количество произведенных им ликвидаций, а число предупрежденных преступлений и процентное отношение обысканных лиц к количеству тех из них, которые подвергнутся судебной каре.

§ 24. В деятельности охранных отделений должны быть различаемы:

а) расследования в видах предупреждения и обнаружения преступных деяний государственных (ст. I и 103–127 Уст. о пред[упреждении] и прес[ечении] прест[уплений] т. XIV Св[ода] зак[онов] и 250–261, 1035 и сл. ст. Уст. Угол[овного] судопр[оизводства]) и б) исследования политической благонадежности отдельных лиц (32 и сл. ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия).

§ 25. В отношении предупреждения и обнаружения государственных преступлений начальники охранных отделений руководствуются правилами, указанными в

250–261 и 1035 и сл. ст. Уст. Уголов. суд[опроизводства]. При этом собирание сведений о замышляемом или совершенном преступлении политического характера производится способами, указанными в 251 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства], то есть путем розысков (секретная агентура), словесных расспросов и негласного наблюдения (через секретных сотрудников и филеров).

§ 26. Если начальником охранного отделения получены достоверные сведения о совершившемся уже преступном деянии государственном, то он немедленно сообщает о сем подлежащему начальнику жандармского управления или его помощнику, а также прокурорскому надзору (250 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства]).

§ 27. В случае возбуждения по указанному в предшествующей статье поводу предварительного следствия или дознания начальник охранного отделения сообщает производящим таковые должностным лицам все имеющиеся у него сведения, сообразовывая полноту таковых с интересами ограждения внутренней агентуры и приемов деятельности отделения.

§ 28. Если поступившие к начальнику охранного отделения сведения не дают оснований к немедленному возбуждению формального дознания и следствия, то начальник отделения приступает, на основании 253 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства], к проверке и разработке означенных указаний путем негласного расследования, причем если событие или состав преступления не подтвердятся, то может по данному делу не быть составляемо формальных актов, расследование остается без дальнейших последствий, в противном же случае производство направляется: 1) в местное губернское жандармское управление, если перепискою выяснена политическая неблагонадежность кого-либо, вызывающая только необходимость дальнейшего дознания для внесения дел в Особое совещание, образованное на основании 33 и 34 ст. Положения об охране, и 2) в губернское жандармское управление в порядке 1035-10 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства] для направления прокурорскому надзору, если для принятия мер, указанных в п. I, нет достаточных оснований, причем дальнейшее расследование, если таковое окажется необходимым, производится жандармским управлением.

§ 29. Если произведенное негласное дознание приведет к положительным результатам, то начальник охранного отделения руководствуется в дальнейшем нижеследующим: а) если расследование обнаружило основательные указания на готовящееся преступление (покушение на чью-либо жизнь, ограбление с политической целью, приготовление к демонстрациям и т. п.), то начальник охранного отделения принимает меры к предупреждению такового путем задержания заподозренных лиц и отобрания орудий преступления и б) если негласное расследование установило совершающееся преступление (существование революционного сообщества (102, 124, 126 и др. ст. Угол[овного] улож[ения]), тайной типографии (132 ст. того же Улож.), лаборатории взрывчатых веществ (закон 9 февраля 1906 г.), склада преступной литературы (132 ст. Угол[овного] улож[ения]) и т. д.), – то начальник охранного отделения на основании 257 и 258 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства], если на месте не находятся судебный следователь, начальник жандармского управления или его помощник, принимает все не терпящие отлагательства меры, как то: осмотры, освидетельствования, обыски и аресты, руководствуясь в этом отношении Уст. Угол[овного] судопр[опроизводства].

§ 30. Время производства обысков и арестов должно быть строго сообразовано с возможностью наиболее полного обнаружения уличающих вещественных доказательств, для чего начальник охранного отделения должен обстоятельно осветить этот вопрос внутренней агентурой и наружным наблюдением.

§ 31. При невозможности выполнить означенные выше следственные действия своими силами, начальник охранного отделения обращает требование об исполнении таковых к чинам общей полиции или входит в соглашение с начальником губернского жандармского управления (или железнодорожной жандармской полицией) о командировании на указанный предмет офицеров Корпуса жандармов. При этом в требовании чинам полиции должно быть указано следующее: а) если обыск касается исследования политической благонадежности, то в ордере означается 21 и 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия; б) если обыск

делается ввиду сведений о нахождении у заподозренного предметов, уличающих его в государственном преступлении, то в поручении полиции указывается, что обыск производится в порядке 258 и 1035 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства].

§ 32. О предполагаемых к одновременному производству многочисленных обысках и арестах (ликвидациях) надлежит, по возможности заблаговременно, входить в соглашение с начальниками районных охранных отделений, если данное охранное отделение входит в охранный район. Списки лиц, намеченных к обыскам и арестам, с указанием имеющихся о них кратких сведений и предполагаемых мер пресечений, совершенно доверительно передаются начальнику жандармского управления и его помощнику, а за отсутствием их начальник охранного отделения предупреждает старшего начальника полиции о числе предстоящих обысков и арестов с таким расчетом, чтобы было время для назначения необходимых полицейских и жандармских нарядов, приготовления арестантских помещений и других предварительных распоряжений. Со своими предположениями о готовящихся ликвидациях рекомендуется своевременно совершенно доверительно ознакомливать и местного начальника губернии или градоначальника, а в необходимых случаях просить содействия последних.

§ 33. Личное присутствие при обысках начальника отделений предоставляется их усмотрению. Начальникам отделений предоставляется право командирования для присутствования при обысках состоящих в их распоряжении лиц, с правом давать в нужных случаях соответствующие указания чинам, производящим обыски.

§ 34. Все протоколы следственных действий (а равно и поручения, даваемые полиции) должны быть составляемы с соблюдением установленных законом форм. Таким образом: а) если обыск произведен исключительно в видах исследования политической благонадежности заподозренного лица и не дал никаких результатов, то в протоколе должно быть отмечено, что обыск сделан на основании 21 или 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, и б) если при производстве обыска, сделанного хотя бы и в порядке

предшествующего пункта или на основании указаний на наличность у обыскиваемого вещественных доказательств, будут обнаружены предметы, уличающие обыскиваемого в преступлении государственном или общеуголовном, то в протоколе, на точном основании 258 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства], обозначается, что таковой составлен в порядке этой статьи (а если оказались признаки государственного преступления, – то и 1035 ст. того же Устава).

§ 35. В тех же протоколах должно быть самым точным образом обозначено, где именно найдены предметы, приобщаемые к протоколу, причем если таковых отбирается немного, то все они должны быть поименованы отдельно в протоколе. Если же перечисление всех вещей потребовало бы слишком много времени, то они распределяются по группам (напр., брошюры, письма, карточки и т. п.), с обозначением количества предметов, входящих в каждую группу, и затем опечатываются при обыскиваемом лице (или его заменяющем) и при понятых.

§ 36. По окончании обысков протоколы таковых со всеми вещественными доказательствами доставляются в охранное отделение, где начальник такового или его помощник, имеющие право производства следственных действий, делают, в случае надобности, на основании 258 и 259 ст. Уст. Угол[овного] судопр[оизводства], осмотр вещественных доказательств в присутствии обысканного лица, если к этому не представляется особых препятствий. По поводу этого осмотра составляется особый протокол, в котором обозначается, что осмотр произведен в порядке 258 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства], а также излагаются следующие сведения: 1) какой печатью был опечатан вскрытый пакет; 2) краткое описание (в форме описи) предметов, оказавшихся в пакете; 3) распоряжение об оставлении при отделении до востребования вещей, неудобных для перевозки к следователю или в жандармское управление или не могущих во всяком случае иметь значение для дела; 4) обозначение печати, коей опечатан пакет, в который заключены вновь вещественные доказательства в охранном отделении, и 5) подписи производившего осмотр, а равно понятых и других лиц, присутствовавших при таковом.

§ 37. Осмотры вещественных доказательств должны

быть произведены с наибольшею быстротою, причем из них должны быть извлечены все сведения, необходимые для дальнейшего негласного расследования. Если заключающиеся в вещественных доказательствах данные не требуют принятия немедленных мер, то об этих обстоятельствах должно быть особо указано в сообщении судебному следователю или жандармскому офицеру с отметкой, что данные эти не использованы.

§ 38. В отношении принятия мер пресечения против лиц, подвергшихся обыскам, начальники охранных отделений должны избегать заключения под стражу лиц, лишение коих свободы не вызывается необходимостью в видах воспрепятствования им возможности уклониться от преследования или скрыть доказательства преступления. При этом начальники охранных отделений должны соблюдать требования, указанные в 416–421 ст. Уст. Угол[овного] судопр[оизводства].

§ 39. По поводу составлений постановлений о заключении под стражу должны быть соблюдаемы нижеследующие правила:

1) Если обыски произведены лицами, имеющими право арестования на основании 21 и 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (начальники полиции, начальники губернских жандармских управлений и их помощники), то постановления составляются теми же лицами.

2) Если обыски или задержания произведены без заранее условленного плана лицами, не пользующимися правами, указанными выше в п. I, то лица эти составляют постановления в порядке 257 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства] и передают задержанных в распоряжение начальников жандармских управлений, или их помощников, или, по предложению прокуратуры, – судебным следователям.

3) Если обыски и задержания происходят на основании законного негласного расследования, то, если означенными мерами руководит лицо, пользующееся правами, описанными в п. I сей статьи, оно же и подписывает постановления об арестах в порядке 257 ст. Уст. Угол[овного] суд[опроизводства] или 29 ст. Положения об охране, сообразно тому, будет ли подлежать дело немедленной передаче судебной власти или дальнейшему исследованию.

4) Если распоряжения об указанных мерах делаются начальником охранного отделения, его помощником или чиновником особых поручений и притом все эти лица не обладают означенными в I п. правами, то списки подлежащих задержанию лиц с кратким объяснением имеющихся против них данных расследования представляются местному начальнику губернского жандармского управления или его помощнику, коим затем и подписываются надлежащие постановления об арестах обвиняемых, зачисляемых дальнейшим содержанием за теми же должностными лицами, причем, ввиду единства власти и действий чинов розыскных органов, упомянутые требования начальников охранных отделений обязательны.

§ 40. Подлинные постановления об аресте должны быть обязательно предъявляемы при самом задержании лицам, заключаемым под стражу, а копии сих постановлений доставляются неукоснительно в место заключения в течение 24 часов с момента ареста.

§ 41. Начальники охранных отделений или уполномоченные ими лица должны в течение суток с момента ареста заподозренного допросить его по существу падающего на него обвинения, причем если опросу подлежит значительное количество лиц, то начальники охранных отделений обращаются за содействием к начальнику жандармского управления, который командирует для опроса офицеров Корпуса жандармов, осведомляемых начальником отделения с обстоятельствами дела, касающимися данного арестованного.

§ 42. Тотчас по окончании расследования и обысков, удостоверивших наличность государственного преступления, начальник охранного отделения не позднее как в течение 24 часов дает знать об этом начальнику жандармского управления или его помощнику и прокурорскому надзору о сущности обнаруженного деяния государственного и о подвергнутых аресту лицах. Вместе с тем начальник охранного отделения немедленно изготовляет и подробное сообщение по данному делу, включая в него все агентурные сведения (кроме могущих повредить агентуре) и указания на значение существенных вещественных доказательств и тех свидетелей, которые могут дать полезные для расследования показания. При

этом не должно быть допускаемо присвоение значения агентурных сведений результатам обысков, а также голословных характеристик обвиняемых (вроде фраз «член комитета», «главарь партии», «пропагандист» и т. п.), так как сообщение начальника охранного отделения должно служить основанием для разрешения вопроса о привлечении заподозренного к формальной ответственности и избрания против него соответствующей меры пресечения. Поэтому в отзыве начальника охранного отделения должны быть по возможности указаны все факты, удостоверяющие проявление преступной деятельности данного лица.

§ 43. Ни в каком случае не следует соединять в одной записке или сообщении сведения о деятельности разных партий, а тем более не соединять такие сообщения с посторонними делу данными (как, например, с денежными требованиями и отчетами и т. п.). О лицах, принадлежащих к разным партиям и организациям, а равно о разных отдельных проявлениях революционной деятельности надлежит составлять отдельные же сообщения.

§ 44. Если в течение 7 дней начальник жандармского управления или его помощник, за коими зачислены лица, арестованные охранным отделением, не получат от последнего сообщения для приступа к дознанию в порядке 29 ст. Положения об охране или 1035 и следующих статей Уст. Угол[овного] судопр[оизводства], то названные жандармские офицеры поступают в дальнейшем сообразно имеющимся у них сведениям, немедленно освобождая тех задержанных, к дальнейшему аресту коих нет достаточных оснований.

§ 45. Все распоряжения о производстве обысков и арестов по делам политического характера, основанные на постановлениях местных жандармских и полицейских властей или вытекающие из отдельных требований, должны приводиться в исполнение не иначе как по предварительному сношению с начальником охранного отделения или жандармским офицером, ведающим самостоятельно розыском в данной местности. В случае возникших по сему предмету неустранимых разногласий, о таковых, до исполнения следственных действий, доносится немедленно Департаменту полиции, если требование исходит от жандармской или полицейской власти, и прокурору Палаты, если подлежит исполнению

постановление судебной власти, причем о сем факте доводится до сведения названного департамента с указанием, на распоряжение какого прокурора Палаты представлено возникшее пререкание[681].

ИНСТРУКЦИЯ НАЧАЛЬНИКАМ ОХРАННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ

§ 1. Одним из средств негласного расследования является наружное наблюдение за лицами, прикосновенными к революционному движению, для каковой цели назначаются особые лица (филеры).

§ 2. Наружное наблюдение представляется средством, большей частью вспомогательным, а потому, при отсутствии освещения со стороны внутренней агентуры, оно лишь в исключительных случаях может дать самостоятельный материал для выяснения сообществ. Поэтому наибольшую выгоду из наружного наблюдения можно получить только при строгом сообразовании его с указаниями внутренней агентуры на значение наблюдаемых лиц и намеченных филерами событий.

§ 3. При отсутствии попутного освещения со стороны внутренней агентуры не следует допускать чрезмерного развития наружного наблюдения, так как, будучи весьма растяжимо, оно может давать весьма обширный, непонятный материал, крайне затрудняющий работу филеров и отделения.

§ 4. Подробные правила для деятельности филеров изложены в особой инструкции.

§ 5. В видах более успешного наблюдения филеры должны быть приучены к возможно тщательному запоминанию лиц наблюдаемых, а не к определению их по одной одежде.

§ 6. Начальники охранных отделений, кроме денег, назначаемых по их усмотрению и выдаваемых только за дни действительной службы, возмещают филерам также и расходы, вызываемые осуществлением наблюдения (трактиры, извозчики, квартиры и т. п.), по представляемым ими счетам по мере действительной надобности. Расходы эти покрываются из отпускаемых на

каждого филера 15 рублей суточных денег.

§ 7. В отношении предоставления филеров для допроса в качестве свидетелей при дознании надлежит в точности руководствоваться правилами, изложенными в циркулярном предписании начальникам губернских и областных жандармских управлений от 20 марта 1903 года, № 2821.

§ 8. Заведующий наружным наблюдением в охранном отделении разрабатывает все поступившие сведения по наблюдению, выбирает из них наиболее серьезные и заслуживающие внимания и представляет таковые через начальника отделения в районное охранное отделение, по каждой организации отдельно, один раз в неделю. Никаких переписок, помимо начальника отделения с другими учреждениями и лицами, а также [с] департаментом, заведующие наблюдением вести не имеют права.

§ 9. Все сведения по наружному наблюдению за каждым отдельным лицом записываются филерами ежедневно в вечерние рапортички.

В дальнейшем сведения по наблюдению за лицами, принадлежащими к одной и той же организации, переписываются и соединяются в дневники наблюдения за определенный период времени (форма Б). При этом, прежде внесения в дневник, сведения выверяются соответственно позднейшим данным и делаются установки лиц и домов, которые в день наблюдения не были выяснены.

Независимо от этого по каждой организации отдельно составляются сводки лиц и домов, проходящих по наблюдению (форма Б).

§ 10. Для более быстрого ориентирования в домах, проходящих по наблюдению, в отделении должен иметься листковый алфавит сведений о домах, так называемая дуга домов, на которую нанизываются листки трех цветов в порядке номеров домов по каждой улице особо.

Первый – красный (форма Г-I), на который заносятся вкратце все сведения о данном доме по агентуре, делам и проч. (например, «живет социалист-революционер Артур» – см. регистр. С. Р. № 1; собираются сходки социал-демократов в квартире № 6 (агент[урный] № 4); входящий № 168, исходящий № 379 и т. п.). Если дом проходит по наблюдению, то на красном листке ставится

штемпель того месяца, когда дом проходил по наблюдению: «Наблюдение, январь 1906 г.» Взяв соответствующую сводку, можно видеть, кто посещал этот дом.

Второй лист – зеленый (форма Г-II) является сводкой наружного наблюдения по этому дому. На нем, в соответствующих графах, по каждой организации отдельно, отмечается: кто, когда и кого посетил в данном доме. В верхней части этого листка (где нет граф) выписываются фамилии, имена, отчества и звания лиц, к которым, по предположению, могло относиться посещение. Зеленые листы, если дом проходит в данное время по наблюдению, находятся у заведующего наблюдением и представляют из себя черновую сводку домов текущего наблюдения. По окончании же наблюдения за данным домом зеленые листы помещаются на дугу для справок.

Третий лист – белый (форма Г-III) представляет из себя выписку из домовых книг лиц, живущих в означенном доме, к квартирам которых, по предположению, могли относиться посещения, агентурные сведения или сведения по переписке.

Все три листа на один дом кладутся по порядку один под другой.

§ 11. Сводки к дневникам наблюдения (без дневников) к 5-му числу каждого месяца начальники охранных отделений представляют в районные охранные отделения, в Департамент же полиции представляются ими ежемесячно к 5-му числу следующего за отчетным месяца списки лиц, проходивших по наблюдению в этом месяце, по каждой организации отдельно, с полной установкой наблюдаемых (фамилия, имя, отчество, звание, лета, вероисповедание, занятие, кличка по наблюдению и в организации) и кратким указанием причин, вызвавших наблюдение. Наиболее серьезным (центральным) лицам следует давать вкратце характеристику в особом примечании к этому списку.

§ 12. Заведующий наблюдением в районах и старшие филеры в отделениях должны знать адреса таковых же всех других охранных отделений и пунктов для посылки условных телеграмм и писем. Адреса эти и все перемены их сообщаются начальникам всех охранных отделений и заведующему Особым отделом Департамента полиции.

§ 13. Филерам должны быть заранее отданы

приказания о том, кого из наблюдаемых надлежит сопровождать в случае выезда их из города.

§ 14. Сопровождать наблюдением в иногородних поездах следует только лиц: а) в отношении коих имеются специальные на этот предмет распоряжения Департамента полиции, б) заведомо нелегальных, в) основательно подозреваемых в террористических злоумышлениях и г) относительно которых доподлинно известно, что поездка их имеет революционную цель.

§ 15. Для сопровождения наблюдаемых в иногородних поездках командируется не менее двух агентов, так как только в этом случае может быть обеспечен успех наблюдения и устранены нежелательные случайности (потеря, провал и т. п.).

§ 16. Филер, выехавший из места постоянного пребывания с наблюдаемым, при первом удобном случае телеграфирует заведующему наблюдением в районе и своему начальнику. Телеграммы должны носить характер торговой корреспонденции, например: «Товар Чернаго везу Тулу», или другую, установленную районными отделениями форму.

§ 17. В случае выбытия наблюдаемого в сопровождении филеров в район ведения другого охранного отделения или управления начальнику последних надлежит немедленно телеграфировать о том шифром, с обязательным указанием: какого числа, каким поездом и какой дорогой, в вагоне какого класса и за каким номером, до какого пункта выехал наблюдаемый, как его фамилия или, если он не установлен, кличка; кто именно его сопровождает; к какой организации он принадлежит; какое значение он имеет для розыска и что требуется в отношении его предпринять (неотступное наблюдение, установка личности, задержание). В этих телеграммах желательно указывать условные признаки, по которым можно узнать сопровождающего филера.

§ 18. В случаях переездов лиц, причастных к преступной деятельности, наблюдательные агенты передают наблюдаемого для дальнейшей проследки тотчас по прибытии в район первого же на пути охранного отделения или жандармского управления филерам этих учреждений. Если же лицо остановилось на более или менее продолжительное время в местности, где филерских отрядов не имеется, то старшему из

прибывших филеров вменяется в обязанность явиться к подлежащему жандармскому начальству, если таковое есть в данной местности, и, доложив о цели своего прибытия, продолжать наблюдение силами своего отделения до получения распоряжения своего начальника.

В то же время начальник отделения сообщает начальнику управления, в район коего проведен наблюдаемый, необходимые о последнем сведения, входит с начальником управления в соглашение относительно дальнейшего наблюдения, то есть или о передаче наблюдаемого местным органам, или о продолжении наблюдения филерами отделения, причем последнее, если это возможно по состоянию сил отделения, должно предпочитаться.

§ 19. О выезде всякого наблюдаемого в сопровождении филеров безотлагательно сообщается начальнику районного охранного отделения с подробными сведениями о личности выехавшего и основаниях, послуживших к сопровождению его.

Если наблюдаемый не будет в дальнейшем передан на ответственность розыскных органов другого района, то о результатах проследок, а равно о прекращении таковых, сообщается дополнительно.

§ 20. О принятии в наблюдение приезжего лица, доставленного иногородними филерами, в течение суток уведомляется соответствующий начальник охранного отделения и одновременно сообщается в районное отделение, а после того дополнительно сообщается о результатах последующего наблюдения.

§ 21. Расходы по разъездам филеров по делам службы вне постоянного местопребывания их покрываются Департаментом полиции, которому и представляются счета по этому поводу с отметкой на представлении и конверте: «По 3-му делопроизводству».

§ 22. О каждой иногородней командировке надлежит представлять в Департамент полиции по Особому отделу, по окончании командировки, сведения о причинах, вызвавших сопровождение наблюдаемого, результатах, достигнутых наблюдением, числе дней командировки и количестве израсходованных денег на командировку, со ссылкой на № представления счетов в 3-е делопроизводство[682].

ИНСТРУКЦИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАРУЖНОГО (ФИЛЕРСКОГО) НАБЛЮДЕНИЯ

§ 1. Для несения наружной наблюдательной (филерской) службы выбираются строевые запасные нижние чины, предпочтительно унтер-офицерского звания, не старше 30 лет. Преимущество при удовлетворении условиям, изложенным в последующих §§, отдается окончившим военную службу в год поступления на филерскую службу, а также кавалеристам, разведчикам, бывшим в охотничьей команде, имеющим награды за разведку, отличную стрельбу и знаки отличия военного ордена.

§ 2. Филер должен быть политически и нравственно благонадежен, твердый в своих убеждениях, честный, трезвый, смелый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям; крепкого здоровья, в особенности с крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, такою внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы и устраняла бы запоминание его наблюдаемыми.

§ 3. Филерами не могут быть лица польской и еврейской национальности.

Вновь поступившему филеру должно быть разъяснено:

1. О том, что такое государственное преступление.
2. Что такое революционер.
3. Как и какими средствами революционные деятели достигают своих целей.
4. Несостоятельность учений революционных партий.
5. Задачи филерского наблюдения и связь его с внутренней агентурой.
6. Серьезность принятых филером на себя обязанностей и необходимость безусловно правдивого отношения к службе вообще, а к даваемым сведениям в особенности.
7. Вред от утайки, преувеличения и вообще ложных показаний, причем ему должно быть указано, что только совокупность безусловно точно передаваемых им

сведений ведет к успеху наблюдения, тогда как искажение истины в докладах, и в особенности стремление скрыть неудачи в его работе, наводят на ложный след и лишают филера наверное возможности отличиться.

§ 4. Когда молодых филеров наберется несколько, то желательно попросить в отделение священника и привести их к присяге на верность службе.

§ 5. Принимать филеров нужно с большой осторожностью и, в случаях сомнений, надлежит новичка испытать, для чего выдержать его при отделении недели две без поручений по наблюдению, стараясь за это время изучить его характер на основании данных общения его с другими служащими. Бывает, что филер, при всех своих достоинствах, обладает также чрезмерной нежностью к семье или непростительной слабостью к женщинам, – эти качества с филерской службой несовместимы и вредно отражаются на службе.

Филеру в первый же день службы должно быть внушено, что все, что он слышал в отделении, составляет служебную тайну и ни в коем случае не может быть известно кому бы то ни было.

Во время испытания новичка нужно посылать для детального изучения города. Он должен знать части города, улицы, площади, полицейские участки, проходные дворы, трактиры, пивные, общественные сады, скверы, сколько последние имеют входов, выходов; отход и приход поездов, пути трамвая, конки, места стоянки извозчиков, таксу последних, учебные заведения, государственные и частные учреждения, время занятий в таковых; фабрики, заводы, время начала и окончания в последних работы; формы чиновников, служащих в различных учреждениях и заведениях, техников, учащихся.

Полученные филером в этой области познания он должен представлять ежедневно в письменном виде заведующему наблюдением. По этим письменным ответам можно судить до некоторой степени о пригодности его к филерской службе.

§ 6. При удостоверении в наличности требуемых от филера качеств можно его посылать и в наблюдение за своими служащими, показав ему некоторые приемы наблюдения; в дальнейшем можно уже будет переходить на настоящее наблюдение, для чего назначать новичка в

помощь к старому, опытному филеру, который дает ему соответствующие практические указания и поправляет его ошибки. До этого же о служебных приемах, составляющих тайну, говорить не следует.

§ 7. Так как филер полезен для службы только тогда, когда его мало знают в лицо и не знают его профессии, то филер должен держать себя конспиративно, избегать знакомства, в особенности в месте его квартирования, чтобы там не знали, что он служит в охранном отделении. Отнюдь никому не следует говорить о приемах филерской службы, и каждому филеру должно быть внушено, что чем меньше посторонние знают приемы филерской службы, тем успешнее розыск. Квартиру следует избрать в таком доме, где нет учащейся молодежи. Если филер живет одиноко, то комнату подыскивает в таком семействе, где меньше интересовались бы его службой и поздним возвращением домой. Род занятий нужно указать такой, при котором можно поздно возвращаться домой (служба на железной дороге, в товарной конторе, трамвае, гостинице и т. п.), дав филеру возможность иметь у себя дома и некоторые доказательства этого рода занятий.

§ 8. Одеваться филер должен, согласуясь с условиями службы; обыкновенно же так, как одеваются в данной местности жители среднего достатка, не выделяясь своим костюмом вообще и отдельными его частями (шапка, пальто, ботинки и проч.) в частности из общей массы жителей.

§ 9. Филеры ни под каким условием не должны знать лиц, состоящих секретными сотрудниками, и – наоборот.

§ 10. Наружное наблюдение устанавливается за известной личностью с целью выяснения ее деятельности, связей (знакомства) и сношений. Вследствие этого недостаточно «водить» одно данное лицо, а надлежит выяснять лиц, с которыми оно видится и чьи квартиры посещает, а также и связи последних.

§ 11. Дабы приобрести навык быстро (с первого же взгляда) запоминать наблюдаемого, филер должен пользоваться всяким удобным случаем для практики в запоминании на лицах не наблюдаемых. Посмотрев на такое, филер, отвернувшись в другую сторону или закрыв на минуту глаза, должен представить себе все приметы этого лица и проверить, таким ли является лицо в действительности.

§ 12. Приметы должны быть замечены в следующем порядке: лета, рост, телосложение, лицо (глаза, нос, уши, рот, лоб), растительность на голове и проч., цвет и длина волос, особенности в одежде, походке или манерах.

Примечание. При описании цвета волос рекомендуется не употреблять малопонятных для филеров и не точно определяющих цвет выражений: «брюнет», «шатен», «блондин», а определять цвет так: 1) черный («брюнет»), 2) темный («шатен»), темно-русый, русый («блондин»), светло-русый, седой. Рыжие цвета: темно-рыжий, рыжий, светло-рыжий.

Для более точного определения волос филерам должно показать примеры на живых лицах.

§ 13. При сообщении сведений о каждом наблюдаемом в самом начале должно указывать, где он живет, если же в адресе нет уверенности, то писать: «По предположению, в доме № … по … улице». Если местожительство не установлено, то писать: «Местожительство не установлено».

§ 14. При посещении наблюдаемым домов следует точно указывать, помимо улиц, еще номер владения и фамилию владельца – если нет №, а равно по возможности и квартиру (ход, этаж, флигель, окна, балкон и т. п.).

§ 15. Если в одном доме наблюдаемые посещают два или несколько разных помещений, то надлежит указывать, куда именно они ходят.

§ 16. Каждому лицу, пошедшему в наблюдение, дается кличка, как равно и лицам, кои, по мнению филеров, будут представляться интересными или часто встречаться ими по наблюдению.

§ 17. Кличку должно давать краткую (из одного слова). Она должна характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собою впечатление, которое производит данное лицо.

§ 18. Кличка должна быть такая, чтобы по ней можно было судить, относится ли она к мужчине или к женщине.

§ 19. Не следует давать одинаковых кличек нескольким лицам. Каждый наблюдаемый должен иметь одну кличку, данную ему впервые, когда его узнали.

§ 20. Упоминая новое лицо под кличкой, должно в вечерней рапортичке сообщать подробно, когда, как и где оно появилось, описать его приметы, а также кто из

филеров его лучше знает.

§ 21. Определенное число филеров, назначаемых для наблюдения за определенной личностью или домом, называется наблюдательным постом. На каждый наблюдаемом посту назначается не менее двух филеров.

§ 22. Необходимо менять филеров при назначении на посты: во-первых, наблюдаемые замечают одних и тех же наблюдающих за ними филеров, и во-вторых, чтобы все филеры ознакомились со всей наблюдаемой группой и имели бы понятие о важности того или другого лица в наблюдении. Последнее важно для того, чтобы стоящие на посту филеры, видя серьезного наблюдаемого без наблюдения, следовательно, утерянного, могли оставить свой пост, как менее важный, и взять его в наблюдение для передачи потерявшим филерам. Дабы не оставить свой пост без наблюдения, можно отделиться только одному. Знать всех наблюдаемых надо также для того, чтобы своевременно скрыть себя от случайно проходящего одного из наблюдаемых, так как он может невольно обратить внимание на стоящих филеров, а последним, может быть, завтра придется за ним наблюдать.

§ 23. Филеру, назначенному на пост, указывается место, откуда надо взять наблюдаемое лицо, описываются приметы последнего, дается (если есть) фотографическая карточка, сообщается, если известно, время выхода или прихода; вообще дается сумма имеющихся данных, по которым можно узнать лицо, подлежащее наблюдению.

§ 24. Во избежание провалов и вообще для конспиративного наблюдения рекомендуется иногда одевать филеров посыльными, торговцами, газетчиками, солдатами, сторожами, дворниками и т. п., смотря по местности и надобности.

§ 25. На пост филеры должны прийти не более как за час до известного времени выхода наблюдаемого; если же время неизвестно, то надо быть на посту ко времени начала общего движения в данной местности.

§ 26. При осуществлении наблюдения необходимо действовать так, чтобы не обратить на себя внимания, не ходить заметно тихо и на одном месте в течение продолжительного времени не останавливаться.

§ 27. В ожидании выхода наблюдаемого лица филер становится на таком расстоянии от места выхода, чтобы

только видеть последний (насколько хватает зрения) с тем, чтобы по выходе безошибочно определить по приметам данное для наблюдения лицо.

§ 28. Позиция филера должна быть по возможности закрыта, т. е. чтобы филер не бросался в глаза наблюдаемому лицу. Для этого надо примениться к местности.

§ 29. Во время стоянки на посту в ожидании выхода наблюдаемого филеры становятся таким образом, чтобы один был к месту выхода лицом, а другой – спиной; при этом они стараются по возможности изобразить из себя лиц, очень занятых деловым разговором, обращая в то же время внимание на окружающее; один из филеров смотрит к месту выхода, а другой отдыхает глазами. Если нельзя стоять, то филер фланирует около места жительства наблюдаемого таким образом, чтобы как можно меньше оставалось места без присмотра, останавливаясь в пути под различными благовидными предлогами: рассматривая витрины, разговаривая с извозчиками, лавочниками, женщинами и проч. В случае совершенно неудобной стоянки и невозможности фланировать надлежит занять концы улицы и брать наблюдаемого по пути.

§ 30. При выходе наблюдаемого филер должен держать себя спокойно, не теряться, не срываться с места. Если наблюдаемый еще не видел наблюдающего за ним филера, то последнему лучше укрыться, но если наблюдаемый заметил, то лучше остаться, не изменяя положения, и трогаться лишь тогда, когда наблюдаемый далеко отойдет или завернет за угол.

§ 31. Заметив выход наблюдаемого и его направление в их сторону, филеры должны быстро сообразить, по условиям местности, как избежать встречи с наблюдаемым, – последнее необходимо достигнуть всеми способами, но без суеты и торопливости. Для этого филеры, зная проходные дворы, лавочки, калитки, скрываются туда и, давши время пройти наблюдаемому, следуют за ним по одной с ним стороне или по противоположной, что зависит от условий местности.

§ 32. Следя за наблюдаемым, филер должен изучить его походку, характерные движения, обращать внимание на то, как наблюдаемый держит голову, руки, как ступает ногами и проч. Чтобы посмотреть в лицо

наблюдаемого, надо пользоваться людными улицами, базарами, перекрестными улицами, трамваем, конкой и проч., так как в этих местах можно видеть лицо наблюдаемого незаметно для последнего. На глухих улицах и переулках совершенно нельзя смотреть в лицо наблюдаемому.

§ 33. Если встреча наблюдаемого с филерами неизбежна, то не следует ни в коем случае встречаться взорами (не показывать своих глаз), так как глаза легче всего запоминаются.

§ 34. Дистанция, которую надо держать при следовании за наблюдаемым, зависит от многих причин. Например: если улица прямая, длинная, мало оживленная – филеры держатся сзади на таком расстоянии, чтобы только видеть наблюдаемого.

При следовании по оживленной улице дистанция сокращается; в толпе же надо держаться близко.

§ 35. Если наблюдаемый начинает оглядываться, то филер должен определить, почему именно он начал оглядываться: потому ли, что намеревается посетить какое-либо конспиративное место и боится, чтобы его не заметили, или потому, что сам заметил наблюдение. В первом случае надо продолжать наблюдение с большей осторожностью (если место позволяет, то в обход, в объезд); если же есть основание предполагать, что наблюдаемый может заметить даже осторожное наблюдение, то лучше прекратить таковое; если есть основание предполагать, что серьезный наблюдаемый может уехать из города, то надо обеспечить железнодорожный вокзал. Если наблюдаемый вообще очень «строг» (оглядывается, конспирирует), то надо чаще меняться филерам и вообще вести наблюдение осторожнее.

§ 36. Проводя наблюдаемого в дом, филер должен обследовать дом, т. е. узнать, не проходной ли он, и если проходной, то обеспечить все выходы.

Проходные дворы в городе, где филер имеет жительство постоянное, он должен знать все наизусть.

§ 37. Все места, куда заходил наблюдаемый, надо твердо запомнить и при первом удобном случае записывать: время пребывания, прихода и выхода, улицу, номер дома, парадное, если на последнем есть карточка, то запомнить ее и записать.

§ 38. Если дом угловой, подлежит обязательно

указать, под какими номерами он значится с обеих улиц и с какой улицы существует вход в таковой дом.

§ 39. В сведениях следует писать: «Пошел к такому-то», а также и «В дом такой-то, к такому-то».

§ 40. В сведениях должно указывать на те места, где наблюдаемые бывают по частным надобностям (обед, занятия, родственники и т. п.), если это уже ранее выяснено.

§ 41. При посещении наблюдаемыми магазинов и мастерских следует обязательно указывать фамилии владельца и их улицы, на которых эти магазины находятся.

§ 42. При посещении наблюдаемым какого-либо дома устанавливать квартиру, в которую он зашел, что сразу удается сравнительно редко; почему на первых же порах филер ограничивается тем, что узнает, какие номера в том парадном, куда зашел наблюдаемый, и кто там живет (по дверным карточкам). При дальнейшем наблюдении можно иногда зайти несколько вперед наблюдаемого и прийти на самый верхний этаж и, когда наблюдаемый войдет, то, спускаясь, заметить квартиру, в которую он зашел. С этой же целью можно заранее приготовить филера посыльным или одному из филеров где-нибудь поблизости снять пальто, шапку, даже сюртук, выпустив цветную рубаху навыпуск, и зайти в парадное, как бы здесь живущему человеку.

§ 43. Если наблюдаемый завернул за угол, надо ускорить шаги, чтобы видеть, как бы за углом наблюдаемый не зашел куда-либо. Если наблюдаемый будет утерян за углом – то, значит, он зашел в место, находящееся недалеко от угла. Рассчитав по времени место, куда мог приблизительно зайти наблюдаемый, надо вновь избрать место и стать так, чтобы видно было несколько парадных выходов и ворот.

§ 44. В местностях, недоступных для стоянки пеших филеров (где они очень заметны), а также к наиболее важным наблюдаемым для успешности наблюдения назначается конное наблюдение через филера, переодетого извозчиком.

В извозчики выбирается филер наиболее находчивый, знакомый с управлением лошади, а также и с правилами езды извозчиков. Если такового в охранном отделении нет, то надо его подготовить (без наблюдения) – без выучки в наблюдение пускать нельзя,

так как неумелый извозчик быстро провалится. Филер-извозчик по внешности, костюму, равно как и его экипаж, ничем не должны отличаться от извозчиков профессионалов или кучеров собственных экипажей, если употребляется последний. Извозчику-филеру надо всегда помнить, что по внешности он прежде всего извозчик, а потому он должен исполнять беспрекословно требования полиции, не вступая ни в какие пререкания. Если требование чина полиция приносит вред наблюдению, то оно должно быть выполнено, а потом незаметно для других извозчиков филеру надо переговорить с чином полиции или старшим над ним, сказав ему, кто он есть в действительности. Если этих переговоров можно избежать, не нанося особого ущерба делу, то последнее предпочтительнее. При появлении среди других извозчиков извозчику-филеру надо прежде всего бояться провала, так как появление нового извозчика сразу заинтересует его коллег, а потому с посторонними извозчиками надо поменьше разговаривать. Появление извозчика вне места их обычной стоянки обращает внимание дворников и сторожей, которые обыкновенно гонят их, чтобы не гадили лошади. В этом случае продолжительность стоянки филера-извозчика на одном месте зависит от его находчивости. Он всегда должен быть готовым к ответам и быстро схватывать тип дворника. Судя по типу дворника, извозчик одному говорит, что выжидает доктора, приехавшего к больному, другому по секрету сообщает, что ожидает «барина», который находится у чужой жены и для поездки по этому делу всегда берет его, или же рассказывает басню про такую же барыню; третьему предлагает угостить «по-хорошему», чтобы не гнал с выгодного места, и т. п. Все это зависит от находчивости извозчика. На вопрос публики отвечает: «Занят». Возить наблюдаемого во избежание провала не считается удобным, но иногда вечером или в дождливую погоду, или близко к ликвидации, или, если нет другого извозчика и филеру неудобно сказать, что он занят, это делается, но извозчик торгуется с наблюдаемым так же, как со всяким пассажиром.

§ 45. Обязанности филера-извозчика те же, что и пешего; он также должен выбрать позицию и оттуда наблюдать выход наблюдаемого. Пешие же, назначаемые в помощь конному, обыкновенно скрываются в

ближайшем прикрытии (трактир, чайная), расположение которого извозчик должен знать. По выходе наблюдаемого извозчик незаметно для наблюдаемого и посторонних трогается с места, сажает пеших филеров, если они на улице, с такими же приемами, как обыкновенных седоков, и едет за наблюдаемым, если тот также поехал на извозчике; или едет один, а пешие идут пешком, если наблюдаемый идет пешком. Если пешие находятся в трактире, то извозчик, заметив направление наблюдаемого, быстро дает знать пешим посредством условного между ними сигнала, если они сидят у окна; или входит внутрь трактира и говорит пешим что-нибудь вроде следующего: «Что же, господа, деньги давайте или поедем». Пешие спокойно, быстро выходят, садятся на извозчика, и последний догоняет наблюдаемого. Если наблюдаемый идет пешком, то пешие оставляют извозчика и следуют обыкновенным порядком за наблюдаемым непосредственно или за извозчиком, а последний уже ведет наблюдаемого, следуя тихо за ним. При приближении к углам извозчик подъезжает ближе, дабы при повороте за угол видеть, куда зайдет наблюдаемый. Вообще извозчик может держаться ближе к наблюдаемому, что он и делает там, где этого нельзя пешим.

§ 46. Когда наблюдаемый поехал на извозчике, филеры пешие должны также брать извозчика (хотя бы и не филера) и ехать за наблюдаемым. Извозчику надо только узнать, куда ехать. Заметив, что наблюдаемый оставил извозчика и зашел в дом или пошел дальше пешком, нужно также оставить извозчика, свернув для этого в первый попавшийся угол, для того чтобы наблюдаемый не заметил, что ехавший сзади его тоже оставил извозчика. После этого, рассчитав извозчика подальше от места стоянки, подлежит продолжать наблюдение пешком. Иногда (например, когда близко нет угла), дабы не упустить наблюдаемого из виду, один из филеров оставляет извозчика на ходу и занимает позицию, а другой едет для расчета дальше и затем возвращается. Необходимо всегда запоминать и записывать номер извозчика, на котором едет наблюдаемый, дабы в случае утери можно было навести справку у извозчика, куда он возил пассажира. Если наблюдаемый часто ездит на извозчиках и представляет интерес, – полезнее назначать за ним своего филера-

извозчика.

§ 47. Если наблюдаемый садится в трамвай или конку, то филер может также сесть с ним, но должен обратить внимание на то, не наблюдает ли наблюдаемый за тем, кто после него садится и слезает. Если наблюдаемый обращает на это внимание, то в следующий раз садиться в трамвай не следует, а надо ехать на извозчике. Так как извозчик не всегда успевает за трамваем, а потому можно потерять наблюдаемого, то одному из филеров можно сесть на извозчика, а другому в трамвай.

§ 48. Если наблюдаемый направляется в сад, театр и тому подобные места, то одному из филеров следует отправиться за наблюдаемым, а другому остаться наблюдать выход на случай, если филер, вошедший внутрь, утеряет там наблюдаемого. Надо иметь в виду, что наблюдаемые редко вообще заходят в увеселительные места для развлечения, а в большинстве случаев они пользуются этим местом для конспиративных свиданий; а потому, если в театре наблюдаемый с кем-либо виделся, имея продолжительный разговор, или избрал для разговора укромные места и вообще, судя по конспиративным приемам, имел деловое свидание, то лицо, видевшееся с наблюдаемым, по выходе следует брать под наблюдение, так же как и на улице, и также стараться не встречаться с наблюдаемым лицом к лицу. Если нет возможности расположиться в одном отделении с наблюдаемым (партер, балкон, галерея), филеру надо поместиться так, чтобы все-таки видеть наблюдаемого. Надлежит также заметить вешалку, на которой наблюдаемый оставил пальто. Если филер почему-либо найдет неудобным для себя дальнейшее пребывание в театре, то, заметив хорошо приметы лица, с которым виделся наблюдаемый, выходит наружу, присоединяется к своему товарищу и вместе ожидают выхода наблюдаемых.

§ 49. При входе наблюдаемого в трактир или другие подобные заведения проникнуть туда и посмотреть, что он там делает; притом надо держаться очень осторожно: войти вместе с другими посетителями и под их прикрытием быстро сообразить расположение помещения, дабы знать удобный пункт для наблюдения, и, заняв таковой, – наблюдать. Если заметно, что наблюдаемый зашел не на свидание с кем-нибудь, а

просто поесть, напиться чаю и проч., то лучше всего уйти из трактира поскорее, если же заметно, что наблюдаемый кого-то ждет, нужно ожидать, заказав себе что-либо в трактире, кто к нему явится, и затем, если пункт для наблюдения удобный, можно ожидать его выхода там же, если почему-либо наблюдать неудобно – выйти на улицу и ожидать там. Если наблюдаемых несколько и они выйдут порознь, то один из филеров ведет первого, а другой остается в ожидании выхода второго и ведет его.

§ 50. Если филеры осуществляют наблюдение, сидя в пивной, трактире и проч., то должны садиться у окна так, чтобы видно было, когда войдет или выйдет наблюдаемый. Деньги на расплату всегда должны быть наготове. Разговоров с посторонними избегать. Заметив наблюдаемого, надо спокойно кончить чаепитие, спокойно встать и так же спокойно выйти. Если наблюдаемый сам находится в трактире, чайной и проч., то особенно важно не срываться с места вслед за ним. Не говорить фраз, относящихся к наблюдению, вроде: «Вышел, пойдем». Собираясь выходить, надо спокойно сказать: «Не пора ли? Пойдем», – чтобы окружающая публика не имела подозрений, что за кем-то наблюдают.

§ 51. При встрече наблюдаемого с другими лицами надо запомнить их приметы (лицо, костюм, обращать внимание на характер встречи: условный, случайный, сердечный, товарищеский, формальный и проч.), продолжительность разговора, передачу чего-либо и проч. – и все это потом записать с указанием, в какой час встретились, в каком месте, сколько времени говорили.

§ 52. Если при наблюдении за одним лицом будет замечено свидание его с несколькими при конспиративной обстановке (в трактире, саду, сквере и т. п.) или сходка, то один из филеров немедленно сообщает в охранное отделение, которое и посылает подкрепление, а при недостатке снимает даже филеров с менее важных постов. Присутствовавшие на свидании или на сходке устанавливаются, т. е. их надо водить до того места, где они по признакам живут (нужно «полонить» наблюдаемого). Признаками возвращения домой могут служить: уверенная походка, вход в парадное без звонка со своим ключом, выход на балкон, к окну – одетым по-домашнему, зажигание огня в темной квартире, выход за покупкой съестных припасов и т. п.

Если же подобных признаков нет, то иногда можно под благовидным предлогом завести осторожный разговор с дворником, прислугой и навести в разговоре справки («Не доктор ли возвратился? Кажется, акушерка пришла? А вот наконец и сапожник пришел» и т. п.).

§ 53. При наблюдении за домом, куда зашел наблюдаемый, филер должен обращать внимание на то, нет ли около дома патруля, не проходят ли туда через короткие промежутки времени лица, знакомые наблюдателю, или вообще подозрительные, которые ищут дом, не заходят в него сразу, а сначала проходят мимо, оглядываются и прочее. Такое поведение заходящих указывает, что в означенном доме происходят сходки, о чем филер должен сообщить немедленно в охранное отделение.

§ 54. Если филеру нельзя оставить поста, а нужно дать знать о чем-либо в охранное отделение (сходка, необходимо увеличить наблюдателей и проч.), то он пишет записку заведующему наблюдением и посылает с посыльным или извозчиком в отделение, запоминая номер извозчика или посыльного. Записку писать условно: «В таком-то доме гости и ждут вас»; «Пришлите столько-то приказчиков туда-то, мы ждем вас с товарищами там-то» и т. д.

§ 55. Если при наблюдении за конспиративным собранием или сходкой число наблюдаемых будет больше, чем филеров, то под наблюдение для установки берутся наиболее серьезные, преимущество отдается более пожилым и тем, которые при выходе конспирируют, т. е. оглядываются, осматриваются и прячут лицо и т. п., или тем, которые имеют при себе подозрительную ношу.

§ 56. Если несколько наблюдаемых приведено в одно место и вследствие этого в данной местности произошло скопление филеров, то последние, не группируясь, немедленно распределяют роли, оставив необходимый пост, остальные удаляются в ближайшее укрытое место (пивную и т. п.), ожидая сигнала о выходе. Если оставшимся неудобно зайти в трактир, чтобы предупредить о выходе наблюдаемых, то можно филерам, сидящим в трактире у окна, показать условный сигнал, например: пальцы, число коих означает выход первого, второго и т. д. наблюдаемых. По этому сигналу подлежащий филер выходит и ведет своего

наблюдаемого.

§ 57. Находясь в продолжительном наблюдении у дома, где живет наблюдаемый, филер должен изучить живущих в наблюдаемом доме, чтобы отличать живущих от случайно приходящих и интересующуюся личность взять под наблюдение.

§ 58. Наблюдение за местами, где предполагается лаборатория, типография, склад оружия и т. п., ведется с крайней осторожностью. В таких случаях обыкновенные пешие наблюдения ведут часто к провалу, а потому наблюдать из квартиры (снимаются напротив или по близости) или ставить конное наблюдение, если есть близко извозчик; на бойкой улице – переодетым торговцем, посыльным и т. п., в помощь которым даются пешие филеры. Последние не ставятся близко около наблюдаемого дома, а загораживают выходы из улицы и берут наблюдаемых по пути. Ведут с большой осторожностью, остерегаясь малейшего провала. При возвращении таких наблюдаемых домой надо идти как можно дальше от наблюдаемых. Входить во двор или дом для установки квартиры можно только в бойких дворах и очень больших домах.

§ 59. Если приходится арестовать наблюдаемого на улице, то отвести подальше от его квартиры и указать его чину полиции для ареста. Если наблюдаемый идет по направлению к полицейскому участку, то лучше подвести его к последнему.

§ 60. При потере наблюдаемого возвращаться к квартире его, ожидая возвращения, и установить наблюдение в местах наиболее частых его посещений.

§ 61. Вечером на общем собрании в отделении филеры обмениваются приметами новых лиц, вошедших в отчетный день в сферу наблюдения, и этим путем удостоверяются, не было ли данное лицо в тот же день в сфере наблюдения другого поста; в то же время сообщается о новых местах, посещаемых наблюдаемыми, чтобы общими силами наметить квартиры, которые посещает наблюдаемый. Дома, посещаемые наблюдаемыми, в тот же день отмечаются на дуге домов, и наводятся справки на месте посещаемого дома, имеющиеся о нем в отделении.

§ 62. Филер, находящийся на службе на вокзале или пристани для наблюдения за приходящими и отходящими поездами, должен приходить за час до

отхода поезда и за пятнадцать минут до прихода, чтобы иметь возможность оглядеться в публике.

§ 63. Если наблюдаемый явился на вокзал или пристань и имеет там свидание с отъезжающим пассажиром и, может быть, что-нибудь ему передает, немедленно сообщить охранному отделению и просить ехать следом за этим пассажиром. Относительно сопровождения наблюдаемых из города надо заранее дать указание филерам, дабы они имели возможность всегда ехать с наблюдаемым, так как последние весьма часто являются для отъезда или свидания в момент отхода поезда.

На случай отъезда наблюдаемых должно иметь на вокзале у стоящих филеров аванс, из которого отъезжающие филеры берут себе на дорогу. Этот же аванс может храниться в жандармской канцелярии на вокзале или же имеется у филеров (рублей по сорока на каждого), которые наблюдают за лицами, подлежащими сопровождению при выездах.

Если наблюдаемый намеревается брать билет, надо стать за ним, чтобы узнать, куда он едет; если это не удастся, то предупредить жандарма, унтер-офицера, который всегда может узнать, куда наблюдаемый берет билет.

Если не удалось узнать у жандармского унтер-офицера, попробовать узнать у носильщика, прислуживающего наблюдаемому. На больших вокзалах можно узнать по кассе, какой взял билет наблюдаемый, – пригородный или дальний.

При неудаче узнать это филер берет билет до первой большой станции и в пути узнает об этом через наблюдение за кондуктором, контролем, которые при проверке билетов имеют обыкновение говорить вслух конечную станцию пассажира. Спрашивать кондукторов и контролеров избегать, так как они могут сообщить наблюдаемому; во всяком случае, надо спрашивать под благовидным предлогом. Если наблюдаемый держится стойко, то филеру можно поместиться в одном с ним вагоне (в другом отделении), заняв верхнее место, откуда и следить за наблюдаемым.

Установку места следования наблюдаемого делать осторожно и при неудаче брать билет до следующей узловой станции.

В пути один филер всегда бодрствует, другой

отдыхает. При приближении к каждой остановке необходимо посмотреть, не приготовляется ли наблюдаемый к оставлению поезда.

§ 64. В случае неуказания, что за наблюдаемым надо следовать и после его выбытия из города, наблюдение должно производиться только в сем последнем. Если, однако, есть агентурные сведения о том, что выезд делается с нелегальными целями (съезд партии, конспиративное поручение и проч.), подлежит продолжить за ним наблюдение и по выбытии его из города.

Для этого филеры передают наблюдаемого для дальнейшей за ним проследки тотчас по прибытии в районе первого же по пути охранного пункта охранного отделения или жандармского управления филерам сих отделений.

О выезде наблюдаемого делается предупреждение условной телеграммой для организации встречи.

§ 65. В случаях переездов лиц, состоящих под наблюдением в районе других отделений, наблюдение передается местным филерам, о чем филер, начавший наблюдение, докладывает начальнику местного отделения. Если же лицо прибыло в местность, где охранного отделения или филерских отрядов нет, наблюдение продолжается прежними филерами, причем старшему из них вменяется в обязанность явиться к надлежащему жандармскому начальнику, если таковой здесь есть, и доложить о цели прибытия.

§ 66. При неожиданном внезапном выезде наблюдаемых филер при первой возможности телеграфирует своему заведующему наблюдением условным языком о том, каким поездом они следуют, кого сопровождают, куда направляются, также указать станцию (узловую), куда нужно послать ему телеграмму «до востребования», если потребуется дать какие-либо распоряжения относительно наблюдаемого. Если место следования наблюдаемого известно филеру, то он телеграфирует, кроме того, заведующему наблюдением, сообщая иносказательно, сколько наблюдаемых едет, каким поездом, кто именно сопровождает. Если после этого наблюдаемый изберет почему-либо другое место или пересядет на другой поезд, о происшедших переменах дополнительно телеграфировать в пункт встречи, во избежание напрасного там ожидания. Если

расстояние между местом следования и пунктом направления слишком кратко, то извещение о необходимости встречи должно делаться срочной телеграммой, дабы было время для необходимых распоряжений.

§ 67. Если наблюдаемый направляется с какой-либо железнодорожной станции лошадьми в имение или деревню, то в большинстве случаев ехать за наблюдаемым не представляется возможным. Надо заметить номер извозчика, нанятого наблюдаемым, а если нет номера, спросить других извозчиков, как зовут того, который повез наблюдаемого. Наняв после этого извозчика, в разговоре спросить его, куда он отвез седока.

§ 68. По прибытии филеров и наблюдаемого из места постоянного жительства в другой город филеры немедленно сдают свои вещи (если имеются) на хранение носильщику и продолжают вести наблюдение энергично, дабы не упустить наблюдаемого и беспрерывно, до тех пор пока не явится возможность определить, где именно поселился наблюдаемый. Полезно занять квартиру такую (в гостинице, меблированных комнатах и т. п.), чтобы можно было видеть выход наблюдаемого.

В первые же свободные часы филеры должны заняться изучением города (т. е. улицы, общественные места, конечные пути, приходы и отходы поездов); переменить головные уборы при несоответствии их с данной местностью.

При невозможности поселиться около наблюдаемого полезно останавливаться в гостинице около вокзала, так как часто приходится уезжать из города вслед за наблюдаемым, и, живя близко к вокзалу, филер при отъезде наблюдаемого успеет захватить свои вещи. Потеряв наблюдаемого, филер является на вокзал к отходу поездов, дабы не пропустить отъезда наблюдаемого, а в городе производит розыск около того места, где наблюдаемый утерян, и около тех мест, которые он часто посещал, и в пунктах гуляния публики.

§ 69. Если наблюдаемый привезен в другой город и приезжих филеров встретили филеры охранного отделения, то приезжим немедленно следует передать местным филерам наблюдаемого и отнюдь не ехать вместе с ними в наблюдение, так как наблюдаемый мог

при отъезде или в пути заметить филеров и запомнить их, и тогда наблюдение будет испорчено.

Приехавшие филеры, сдав наблюдаемого, должны немедленно явиться в охранное отделение и доложить имеющиеся у них сведения о наблюдаемом и, если не будет особого приказания, возвратиться назад.

§ 70. По прибытии в какой-либо другой город вне своего постоянного местожительства филер немедленно телеграфирует свой адрес своему начальнику и письменно сообщает подробно результаты наблюдения ежедневно. О всех выездах наблюдаемых начальник охранного отделения письменно сообщает в Особый отдел Департамента полиции с краткой характеристикой лица, указывающей на причину сопровождения наблюдаемого.

§ 71. В небольших провинциальных городах, где улицы пустые и филер, близко ходящий к наблюдаемому, заметен последнему, практикуется способ параллельного наблюдения (по смежной улице). При таком способе наблюдения один из филеров идет по улице, параллельной той, по которой идет наблюдаемый, притом со скоростью хождения наблюдаемого, а другой – сзади наблюдаемого, но настолько далеко от последнего, чтобы его было только видно. Первый филер равняется с наблюдаемым на перекрестках, где филер должен зорко проверить проход наблюдаемого через пересекающую улицу. Таким образом можно всегда (при равных улицах) наблюдать без провала и видеть, куда заходит наблюдаемый.

При наблюдении за серьезной личностью оба филера идут по параллельным улицам: один с правой, другой с левой стороны наблюдаемого, а третий – на далеком расстоянии сзади наблюдаемого по одной улице с наблюдаемым.

§ 72. При осуществлении наблюдения в небольшом городе нельзя оставаться на одном месте на улице, не обратив на себя внимания жителей, поэтому наблюдаемые берутся на ходу, т. е. не прямо от дома, а по пути следования, а также из наблюдательных квартир, с места прогулок и проч.

§ 73. В продолжительной командировке в маленьких городах удобнее жить с семьей, так как меньше шансов на провал и, кроме того, прогулки с женой или ребенком часто могут замаскировать наблюдение.

§ 74. Письма по наблюдению посылаются заказными в двух конвертах с сургучной печатью; причем в верхнем конверте на месте печати делается прорез, чтобы сургуч при запечатывании проник до внутреннего конверта и припечатал его к наружному. Письма рекомендуется сдавать на вокзалах или же опускать в почтовые ящики поездов.

§ 75. Все письма из одной какой-нибудь местности должны иметь общую порядковую нумерацию и указание, когда и где они составлены, в конце – подпись[683].

Из ИНСТРУКЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ ВНУТРЕННЕГО (АГЕНТУРНОГО) НАБЛЮДЕНИЯ

§ 1. На обязанности лица, ведающего политическим розыском, лежит прежде всего приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры – единственного вполне надежного средства, обеспечивающего осведомленность.

На приобретение и сбережение внутренней агентуры должны быть направлены все усилия лица, ведающего розыском.

Наружное наблюдение является лишь вспомогательным и притом весьма дорогим средством для разработки агентурных сведений и для прикрытия конспиративности агентурного источника.

§ 2. Для успешной работы в деле политического розыска и руководства внутренней агентурой лица, ведающие розыском, должны знать программы революционных партий, быть знакомы с историей революционного движения, положением его, движения, в данный момент и следить за революционной литературой.

§ 3. Лица, заведывающие агентурой, должны руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних. Обыкновенно сотрудник выдающийся – интеллигентный и занимающий видное положение в партии – стремится подчинить своему авторитету лицо, ведущее с ним сношения, и оказывает давление на систему розыска. Если для сохранения отношений возможно оставлять его в убеждении, что такое его значение имеет место, то в действительности всякое безотчетное увлечение сотрудниками приводит к отрицательным результатам. Лицо, ведающее агентурой, должно составить себе план расследования и стремиться извлечь из агентуры все данные для его осуществления. Поэтому, никогда не открывая своих карт перед сотрудником, надлежит давать ему поручения, вытекающие из плана розыска. При этом следует с особенным вниманием относиться к выяснению или закреплению в памяти таких фактов, которые могли бы быть впоследствии использованы как судебные улики и

подтверждены доказательствами, лежащими вне соприкосновения с сотрудником. Эти задачи розыска (в общих чертах) могут быть указаны сотруднику, дабы и он приучился к собиранию данных, пригодных для судебного расследования, и прикрытию агентуры.

§ 4. Лица, ведающие розыском, должны твердо помнить, что «сотрудничество» от «провокаторства» отделяется весьма тонкой чертой, которую очень легко перейти. Они должны знать, что в умении не переходить эту черту и состоит искусство ведения успешного политического розыска. Достигается это только безусловно честным отношением к делу и пониманием целей розыска, а не погоней за отличиями, открытием и арестом отдельных средств пропаганды (типография, склады оружия, взрывчатые вещества и проч.).

Лица, ведающие розыском, должны проникнуться сознанием, что лучшим показателем успешной и плодотворной их деятельности будет то, что в местности, вверенной их надзору, совсем не будет ни типографий, ни бомб, ни складов литературы, ни агитации, ни пропаганды. Последние результаты будут достигнуты, если они при серьезной осведомленности о революционной деятельности и умении систематически и планомерно пользоваться этими знаниями достигнут того, что революционеры вынуждены будут прекратить в данной местности свою преступную работу.

§ 5. Секретные сотрудники должны состоять членами одной из революционных организаций (о которых они дают сведения) или, по крайней мере, тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых, так как только тогда сведения их будут ценны. Лица, не состоящие в революционных организациях и не соприкасающиеся с ними, особенно различные местные «старожилы», принадлежащие иногда к крайним правым партиям, зачастую не только не бывают полезны в деле политического розыска, но даже и вредны, так как заставляют неопытных и неосведомленных лиц, ведающих розыском, направлять таковой в ложную сторону и совершенно непроизводительно тратить силы и средства. Изложенное отнюдь не значит, что сведениями таких лиц надлежит пренебрегать, – не следует лишь на последних возлагать больших надежд и считать таких лиц «секретными сотрудниками», а сведения их «агентурными». В деле розыска нельзя

пренебрегать никакими сведениями, но нужно научиться давать им надлежащую оценку и не считать их без проверки (дающего сведения лица и самых сведений) достоверными.

§ 6. Секретные сотрудники должны быть постоянными и получать определенное жалованье (помесячно), а не за отдельные сообщения, так как только при имении постоянной агентуры можно быть в курсе деятельности революционных организаций и только постоянная агентура может относиться с интересом к делу розыска.

В сотруднике, начавшем работу по материальным соображениям, надлежит по возможности создавать и поддерживать интерес к розыску как орудию борьбы с государственным и общественным врагом – революционным движением. Особенно ценны в этом отношении сотрудники, взявшие на себя эту роль по побуждениям отвлеченного характера.

При удачных ликвидациях, являющихся результатом сведений и разработки, постоянного сотрудника следует поощрить денежной наградой.

§ 7. Сведения приходящих лиц, требующих платы за каждое отдельное указание на то или другое революционное предприятие («штучники»), конечно, должны быть использованы в интересах дела, в особенности сведения о предполагаемых экспроприациях, совершаемых часто лицами, не имеющими никакого отношения к революционным организациям, но к таковым сведениям нужно относиться с большой осторожностью и тщательно проверять их всеми способами. Зачастую сведения эти бывают провокаторскими, а иногда просто «дутыми». При этом всегда надлежит стремиться использовать лицо, дающее отдельные сведения, в целях учреждения при его посредстве систематической агентуры.

§ 8. Состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым «провокаторством», т. е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли. Хотя для сохранения своего положения в организациях сотрудникам приходится не уклоняться от активной работы, возлагаемой на них сообществами, но в таких случаях

они должны на каждый отдельный случай испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой, и уклоняться во всяком случае от участия в предприятиях, угрожающих серьезною опасностью. В то же время лицо, ведающее розыском, обязано принять все меры к тому, чтобы совершенно обезвредить задуманное преступление, т. е. предупредить его с сохранением интересов сотрудника. В каждом отдельном случае должно быть строго взвешиваемо, действительно ли необходимо для получения новых данных для розыска принятие на себя сотрудником возлагаемого на него революционерами поручения или лучше под благовидным предлогом уклониться от его исполнения. При сем необходимо помнить, что все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности, почему не следует «срывать» дело розыска только ради обнаружения какой-либо подпольной типографии или мертво лежащего на сохранении склада оружия, помня, что изъятие подобных предметов только тогда приобретает особо важное значение, если они послужат к изобличению более или менее видных революционных деятелей и уничтожению организации.

§ 9. Секретных сотрудников надлежит иметь в каждой из действующих в данной местности революционной организации и по возможности по несколько в одной и той же организации. Лицо, ведающее розыском, не должно упускать ни одного случая, могущего дать хотя бы слабую надежду на приобретение секретного сотрудника. Каждое лицо, подающее надежду, надлежит расположить к себе и использовать в целях агентуры, причем нужно помнить, что дело приобретения секретных сотрудников очень щекотливое и требует много терпения и осторожности. Малейшая неосторожность или форсировка часто вызывают решительный отпор.

§ 10. Секретные сотрудники приобретаются различными способами. Для приобретения их необходимо постоянное общение и собеседование лица, ведающего розыском, или опытных, подчиненных ему лиц с арестованными по политическим преступлениям. Ознакомившись с такими лицами и наметив тех из них,

которых можно склонить на свою сторону (слабохарактерные, недостаточно убежденные революционеры, считающие себя обиженными в организации, склонные к легкой наживе и т. п.), лицо, ведающее розыском, склоняет их путем убеждения на свою сторону и тем обращает их из революционеров в лиц, преданных правительству. Этот сорт сотрудников нужно признать наилучшим. Помимо бесед с лицами, уже привлеченными к дознаниям, удается приобретать сотрудников и из лиц, еще не арестованных, которые приглашаются для бесед лицом, ведающим розыском, в случае получения посторонним путем сведений о возможности приобретения такого рода сотрудника.

Независимо от сего при существовании у лица, ведающего агентурой, хороших отношений с офицерами Корпуса жандармов и чинами судебного ведомства, производящими дела о государственных преступлениях, возможно получать от них для обращения в сотрудники обвиняемых, дающих чистосердечные показания, причем необходимо принять меры к тому, чтобы показания эти не оглашались. Если таковые даны словесно и не могут иметь серьезного значения для дела, то желательно входить в соглашение с допрашивавшимся о незанесении таких показаний в протокол, дабы с большей безопасностью создать нового сотрудника.

§ 11. Кроме того, можно использовать тех лиц, которые, будучи убеждены в бесполезности своей личной революционной деятельности, нуждаются в деньгах и хотя не изменяют коренным образом убеждений, но ради денег берутся просто продавать своих товарищей.

§ 12. Сотрудники, находящиеся в низах организации, могут быть путем постоянной совместной работы с лицом, ведающим розыском, а равно арестами более сильных работников, окружающих его, проведены выше.

§ 13. Вновь принятого сотрудника всегда следует незаметно для него основательно выверить наблюдением и постараться поставить под перекрестную агентуру.

§ 14. Лицо, ведающее политическим розыском, должно осмотрительно относиться к приезжим заявителям, разъезжающим по охранным отделениям и жандармским управлениям с единственной целью выманивать деньги. Такие лица (в большинстве случаев из провалившихся сотрудников), зачастую довольно развитые, развязные, будучи осведомлены о личном

составе некоторых охранных отделений или управлений и знакомы с деятельностью некоторых революционеров, вводят в заблуждение даже опытных лиц, давая им заявления о готовящихся террористических актах и других выдающихся преступлениях, и тем заставляют вести розыск в ложном направлении. Личность каждого такого заявителя и его нравственные и служебные качества надлежит немедленно проверить <… > путем сношения по телеграфу с начальником подлежащего управления или отделения, прежде чем предпринимать что-либо по его указанию.

§ 15. Самым прочным, хотя и не всегда продуктивным, положением сотрудника является такое положение, когда он находится в организации в роли пособника и посредника в конспиративных делах, т. е. когда его деятельность ограничивается сферой участия в замыслах или приготовлениях к преступлению, что фактически неуловимо формальным дознанием и следствием и дает возможность оставлять на свободе сотрудника и близких к нему.

§ 16. Секретные сотрудники ни в коем случае не могут посвящаться в сведения, даваемые другими сотрудниками. С особою осторожностью следует относиться вообще к ознакомлению сотрудника с ходом розыска, а также деятельностью и личным составом розыскного учреждения. При сношениях с сотрудником нужно получать от него все необходимое и по возможности не разоблачать перед ним ничего. В противном случае лицо, ведущее агентуру, быстро окажется в руках сотрудника, из коих очень многие склонны вести двойную игру, а в случае разрыва отношений с ними розыскному делу и лицам, ведущим его, будет всегда угрожать крайняя опасность.

§ 17. Никто, кроме лица, заведующего розыском, и лица, могущего его заменить, не должен знать в лицо никого из секретных сотрудников.

Фамилию сотрудника знает только лицо, ведающее розыском, остальные же чины учреждения, ведающего розыском, имеющие дело со сведениями сотрудника, могут в необходимых случаях знать только псевдоним или номер сотрудника. Чины наружного наблюдения и канцелярии не должны знать секретного сотрудника и по кличке. Он им должен быть известен лишь как действительный революционный деятель по кличке

наружного наблюдения, если он вошел в сферу последнего.

§ 18. Секретные сотрудники ни в коем случае не должны знать друг друга, так как это может повлечь за собою провал обоих и даже убийство одного из них.

§ 19. Сведения, даваемые секретными сотрудниками, должны храниться с соблюдением особой осторожности и в строгой тайне.

§ 20. Сведения, полученные от секретных сотрудников, обязательно проверяются, если к тому представляется возможность, наружным наблюдением.

§ 21. Заведующему агентурой рекомендуется ставить надежных сотрудников к себе в отношения, исключающие всякую официальность и сухость, имея в виду, что роль сотрудника обыкновенно нравственно очень тяжела и что «свидания» часто бывают в жизни сотрудника единственными моментами, когда он может отвести душу и не чувствовать угрызений совести. Только при соблюдении этого условия можно рассчитывать иметь преданных людей.

§ 22. Никогда не следует заставлять сотрудника форсированно добывать сведения, так как это часто вызывает провалы. После ликвидации необходимо дать сотруднику возможность на время прекратить активные сношения с товарищами.

§ 23. Производя ликвидацию, никогда не следует арестовывать всех окружающих сотрудника лиц, оставляя его одного на свободе, но надлежит оставлять около него несколько лиц, более близких и менее вредных, или дать ему возможность заранее уехать по делам партии, или, в крайнем случае, арестовать и его самого, освободив впоследствии с близкими к нему и наименее вредными лицами по недостатку улик. О предстоящем аресте сотрудника всегда нужно войти с ним в соглашение. Арест сотрудника допустим лишь в случаях неустранимой необходимости. <… >

§ 24. Производство обысков и арестов по агентурным сведениям нужно совершать с большой осторожностью и осмотрительностью, дабы не провалить секретного сотрудника, почему предварительно ликвидации надлежит тщательно рассмотреть все то, что может повлиять на целость агентуры, и отвести последнюю от возможности подозрений.

§ 25. В ликвидационных записках никогда не следует

помещать конспиративных кличек сотрудников, а также указывать вообще на лицо, давшее сведения, а употреблять для этого выражение «по имеющимся негласным сведениям». Агентурные сведения, известные лишь одному секретному сотруднику или очень тесному кругу лиц, помещать в такие записки не надлежит вовсе.

Ликвидацию следует начинать с тех мест и лиц, где могут быть серьезные вещественные доказательства или «техника», так как таковое, как поличное, дает возможность привлекать по обвинению в участии в революционном сообществе лиц, даже застигнутых без вещественных доказательств на их квартирах, и дает возможность прикрыть агентуру. Лучше всего удается прикрыть агентуру, если начинать ликвидацию с ареста установленной наблюдением сходки хотя бы некоторых из подлежащих ликвидации наиболее видных лиц, так как такой прием придает ликвидации вид случайности. Для взятия типографий или мастерских бомб хорошо начинать с задержания на улице, под благовидным предлогом, кого-либо из проживающих в намеченной квартире лиц, чем и объясняется последующий обыск квартиры.

§ 26. Вознаграждение сотрудника находится в прямой зависимости от ценности даваемых им сведений и положения, занимаемого им в организации.

§ 27. Секретные сотрудники, если они не живут на партийные средства, обязательно должны иметь какой-нибудь легальный заработок, так как неимение такового немедленно возбуждает в организации подозрение относительно источника средств к существованию. Устраиваться на службу сотруднику следует рекомендовать самому, без посредства лица, ведающего розыском, так как посредничество это, хотя бы и через промежуточных лиц, рано или поздно неминуемо ведет к провалу сотрудника. При наличности скудного легального заработка секретного сотрудника надлежит обращать самое серьезное внимание на то, чтобы он не давал повода заметить другим, что он живет выше своих средств. В особенности следует обращать внимание на несоответствие легальному заработку платья, обуви и т. п.

§ 28. Во время ареста жалованье сотруднику должно быть обязательно сохранено и по возможности даже увеличено. Провалившихся сотрудников следует

стараться устраивать на места (кроме службы в розыскных учреждениях) и первое время поддерживать их материально.

§ 29. Расставаясь с секретным сотрудником, не следует обострять личных с ним отношений, но вместе с тем не ставить его в такое положение, чтобы он мог в дальнейшем эксплуатировать лицо, ведающее розыском, неприемлемыми требованиями.

§ 30. Свидания с секретными сотрудниками должны происходить на особых (конспиративных) квартирах. Невыяснившемуся секретному сотруднику не следует показывать «конспиративную» квартиру; лучше иметь для таковых особую квартиру или номер в гостинице или же назначать свидания с такими лицами в ресторанах и т. п. местах.

§ 31. Конспиративная квартира не должна помещаться в таких местах, где удобно установить за ней наблюдение (соседство трактира, сада, мелочной лавочки, стоянки извозчиков, трамвайного павильона, общественного заведения и проч). Она должна иметь обязательно два входа <… > не находиться во дворе, быть по возможности ближе к канцелярии и в такой части города, где живет поменьше революционных деятелей.

§ 32. Конспиративных квартир для свиданий с сотрудниками нужно иметь по возможности больше и на одной и той же квартире назначать свидания в разные дни и часы сотрудникам разных партий, чтобы предупредить не только весьма вредные последствия, но и самую возможность встречи двух сотрудников.

§ 33. Чтобы предупредить возможность встречи двух сотрудников, из коих один пришел в назначенный час, а другой по какому-либо экстренному делу, квартира должна быть устроена так, чтобы сошедшихся всегда можно было изолировать друг от друга.

§ 34. Хозяином наилучшей конспиративной квартиры может служить безусловно верный человек, служивший в охранном отделении или в жандармском управлении на должности, по которой его мало знали в городе, живущий на покое, в отставке, без прислуги и не имеющий никакого другого отношения к розыскному учреждению.

§ 35. Обыкновенно же конспиративная квартира устраивается у лиц, служащих в отделении или

управлении, пользующихся особым доверием, которые не занимают показных должностей (которых меньше знают) и которых никто из служащих, известных в городе, и в особенности в форменном платье, не посещает.

§ 36. Следует принять за правило запирать на ключ комнату, в которой происходит свидание с секретным сотрудником или в которой он находится один. У зеркала или окна сотрудника никогда сажать не следует. Не следует также иметь в комнате, посещаемой сотрудником, никаких бумаг, записок и т. п. документов, относящихся к деятельности отделения или управления. Вообще, в целях предупреждения различных неудач не следует пренебрегать никакими предосторожностями, до мелочных включительно.

§ 37. Самое ничтожное сведение о подозрении в провале конспиративной квартиры должно служить основанием к немедленной ее перемене.

§ 38. На каждого секретного сотрудника заводится особая тетрадь (книжка), куда заносятся все получаемые от него сведения. В конце тетради должен быть алфавит, в который заносятся все имена, упоминаемые сотрудником, со ссылкой на страницу тетради, на которой имеются о них сведения. В этот же алфавит заносятся и установки лиц со ссылками на первоначальное имя или революционную кличку.

§ 39. Со всех алфавитов пишутся листки, которые нанизываются на дугу (общий архив) или регистратор всех лиц, проходивших по внутреннему и наружному наблюдению. На каждое лицо может быть несколько листков по различным кличкам и установке, но со ссылкой на другие листки, например «Мортимер» (кличка в организации Самуила Рысса), Регистр. С. Р. т. 1. См. Николаев Иван Петров (нелегальный паспорт Рысса). – См. Рысс Самуил Янкелев – действительная фамилия Николаева («Мортимера»). См. «Самоня» (имя Рысса в семейном кругу). См. «Берлинский» (кличка наблюдения Рысса) и т. п.

Таким образом, имея отдельный лист на каждую из кличек со ссылкой на остальные, всегда можно по каждому из них найти нужное лицо. На этих листках, кроме кличек и установок и ссылки на регистратор агентуры или № сотрудника, который дает сведения о данном лице, ничего не пишется.

§ 40. Все сведения об одном лице, поступающие от различных сотрудников, заносятся из книжек на особый лист, на котором сосредоточиваются решительно все агентурные сведения о данном лице. (Форма приложена к инструкции.)

Все листки со сведениями о членах одной и той же организации нанизываются на отдельный регистратор, на который и делается ссылка в листке, находящемся на дуге. (Напр., «Рег. С. Р. т. 2».)

§ 41. О лицах, бывших секретными сотрудниками и зарекомендовавших себя с отрицательной стороны, следует незамедлительно сообщить в Департамент полиции, а также во все розыскные учреждения и жандармские управления[684].

ИНСТРУКЦИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ ВНУТРЕННЕЙ АГЕНТУРЫ

(Составлена при Московском охранном отделении)

Единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа, является внутренняя агентура.

Состав агентуры пополняется лицами, непосредственно входящими в какие-либо преступные организации, или прикосновенными к последним, или же лицами, косвенно осведомленными о внутренней деятельности и жизни хотя бы даже отдельных членов преступных сообществ. Лица, состоящие членами преступных сообществ и входящие в постоянный состав такой агентуры, называются «агентами внутреннего наблюдения», или «секретными сотрудниками». Лица, которые хотя и не входят в преступные организации, но, соприкасаясь с ними, постоянно содействуют делу розыска, исполняя различные поручения и доставляя для разработки материал по деятельности партии, в отличие от первых носят название «вспомогательных агентов». Лица, доставляющие сведения хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдельное свое указание на то или другое революционное предприятие или выступление какого бы то ни было сообщества, называются «штучниками».

В правильно поставленном деле последние –

явление ненормальное, и вообще «штучники» нежелательны, так как, не обладая положительными качествами сотрудников, они быстро становятся дорогим и излишним бременем для розыскного органа.

В деле розыска не следует пренебрегать никакими лицами и исходящими от них сведениями, невзирая ни на форму, ни на способ их доставки.

Откровенные показания, заявления, анонимы и проч. должны быть приняты, надлежаще оценены и подвергнуты тщательной и всесторонней проверке. К откровенникам и заявителям следует относиться с большой осторожностью, проверяя как лицо, дающее сведения, так и самые сведения, дабы избежать умышленного направления ими розыска на ложный путь.

Личности заявителей, именующих себя «бывшими сотрудниками», надлежит проверять путем сношений по телеграфу с начальником подлежащего управления или отделения, прежде чем вступать с ними в постоянные деловые сношения; к сведениям их должно относиться весьма осмотрительно.

О лицах, бывших секретными сотрудниками и зарекомендовавших себя с отрицательной стороны, немедленно сообщать в Департамент полиции (циркуляр Департамента полиции 8 июля 1908 г. № 135007). Секретные сотрудники должны быть постоянными, должны своевременно удовлетворяться определенным ежемесячным жалованьем, размер коего находится в прямой зависимости от ценности даваемых ими агентурных сведений и того положения, которое каждый из них занимает в организации. Весьма полезно поощрять денежными наградами тех сотрудников, которые дают определенные и верные сведения, способствующие удачам ликвидаций.

Все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент наибольшего проявления их деятельности. Поэтому не следует ради обнаружения какой-либо типографии или мертво лежащего на сохранении склада оружия «срывать» дело розыска. Изъятие этих предметов только тогда приобретает ценность, если они могут послужить изобличительным материалом против видных революционеров, дающим полное основание для привлечения их к дознаниям или следствиям, чем и

будет достигнута конечная цель розыска – уничтожение организации.

Только в отношении террористов и грабителей по ликвидированию их не должно допускать излишнего промедления.

Лучшим показателем успешной и плодотворной работы лиц, ведающих розыском, является отсутствие в местности, вверенной их надзору, бомб, различных складов, типографий и пропаганды. Результаты эти могут быть достигнуты только при серьезной осведомленности и при умении систематически и разумно пользоваться этими знаниями.

Провалившихся сотрудников следует стараться устраивать на места, но не в розыскных учреждениях. До приискания ими мест их надо поддерживать как нравственно, так и материально. Необходимо помнить, что сотрудники, дававшие ценные сведения и не тронутые ликвидациями, рискуют провалиться и, таким образом, стать совершенно бесполезными. В случае провала они бывают вынуждены вести скитальческую жизнь по нелегальным документам и находятся под постоянным страхом мести. Во избежание провала можно с их согласия включать их в ликвидацию и тем дать им возможность нести наравне с товарищами судебную ответственность, но при условии сохранения за ними права на получение жалованья за все время судебного процесса и отбывания наказания. Этим путем не только можно предупредить их провал, но возможно еще более усилить к ним доверие со стороны партийных деятелей, благодаря чему в дальнейшем они будут в состоянии оказывать делу розыска крупные услуги.

Расставаясь с сотрудником, не следует обострять отношения с ним, но и нельзя ставить его в такое положение, которое давало бы ему возможность в дальнейшем эксплуатировать заведующего розыском различными требованиями.

II.

Приобретение секретной агентуры является постоянной заботой заведующего розыском и всех его помощников. В силу этого нельзя упускать ни одного случая, могущего дать хотя бы слабую надежду на приобретение сотрудника или вспомогательного агента.

Каждое лицо, подающее надежду в смысле

возможности приобретения в нем секретного сотрудника, надлежит расположить к себе и использовать в целях агентуры, не забывая, однако, что дело приобретения сотрудников очень щекотливое, требующее большого терпения, такта и осторожности. Малейшая резкость, неосторожность, поспешность или неосмотрительность часто вызывают решительный отпор.

Одним из наиболее практикуемых способов приобретения сотрудников является постоянное общение и собеседование с арестованными по политическим преступлениям.

Наиболее подходящими для склонения в работу по агентуре можно считать лиц следующих категорий: подозревавшиеся или уже привлекавшиеся к политическим делам, слабохарактерные революционеры, разочарованные или обиженные партией, нуждающиеся материально, бежавшие из мест высылки, а также и предназначенные в ссылку.

Наметив из них наиболее склоняющихся на путь убеждения и строго считаясь с наиболее заметными слабостями их характеров, все свои усилия должно направить на этих отмеченных, дабы расположить их к себе, склонить в свою сторону, вызвать их доверие и, наконец, обратить их в преданных себе людей.

В этих же целях и для распознания слабых сторон арестованных следует не упускать случаев для собеседований с родственниками и знакомыми их и вообще с лицами, приходящими по разным случаям в управления, охранные и железнодорожные отделения.

Каждый повод (дознание, расследование, заявление, жалобы и т. д.), дающий возможность заведующему розыском войти в близкое соприкосновение с рабочей массой или со служащими какого-либо более или менее обширного учреждения, должен быть лично им использован в смысле подыскания в этой среде секретной агентуры.

В случае получения о каком-нибудь лице посторонним путем (секретные сведения или через агентуру) сведений о возможности приобретения его в секретную агентуру, таковое, под благовидным предлогом, с соблюдением проверки и осмотрительности, может быть приглашено для собеседования.

Приобретение сотрудников возможно из числа обвиняемых, раскаивающихся и дающих откровенные показания во время производства дознания или следствия. В таких случаях необходимо принять меры против оглашения этих показаний и занесения их в протоколы.

Могут быть использованы и материально нуждающиеся революционеры, которые, не изменяя своих убеждений, соглашаются доставлять агентурные сведения исключительно только за денежное вознаграждение.

Способ «подсаживания» в камеры к арестованным своего человека, но не сотрудника, неоднократно дававший крупные результаты, применяется как в целях склонения арестованных к откровенным показаниям, так и для приобретения среди них сотрудников.

Лицо, намеченное к приобретению в качестве сотрудника, рекомендуется секретно задерживать на улице и немедленно доставлять для собеседования непосредственно к заведующему розыском. Способ этот наиболее применим тогда, когда имеются в наличности достаточные улики для дальнейшего задержания этого лица в случае его отказа от предложения сотрудничать. В последнем случае следует ликвидировать ту группу, в которую входит задержанный, и непременно до освобождения его, ибо в противном случае группа эта будет им провалена.

Также могут быть приглашены для собеседования под каким-либо благовидным предлогом, но по предварительной проверке и с соблюдением необходимой осмотрительности, те лица, сведения о возможности приобретения которых в секретную агентуру были получены при посредстве агентуры или же путем совершенно секретных сведений.

Собеседование, в виде внимательного расспроса и серьезного разговора по различным вопросам, без запугивания, без излишних обещаний и откровенностей, всегда должно происходить с глазу на глаз.

При наличности несомненных улик обвинения, добытых по обыскам или по агентуре, склоняемое лицо можно заинтересовать материально или обещанием освобождения из-под стражи и, при возможности, даже от угрожающего ему наказания.

Действуя убеждениями для достижения цели по

приобретению сотрудника, можно воспользоваться известными партийными неладами, ссорами и неблаговидными поступками отдельных членов организации.

Лицу, склоняемому к работе по агентуре, следует убедительно разъяснить, что работа его будет совершенно секретной, что каждое данное им сведение будет подвергнуто строгой проверке и что за дачу ложных сведений, кроме прекращения с ним работы, против него будет возбуждено законное преследование.

Обещания склоняемых лиц, что сведения ими будут доставляться впоследствии, не могут служить основанием к их освобождению из-под стражи.

Пока лицо окончательно не склонено к работе, не следует знакомить его с приемами и способами предупреждения провала и прикрытия внутренней агентуры.

Секретных сотрудников надлежит иметь в каждой из действующих в данной местности революционных организаций и, по возможности, по нескольку в одной и той же (но не в одной и той же группе), чтобы организовать проверочную – «перекрестную» – агентуру.

Весьма полезно заинтересовать приобретением секретной агентуры чинов полиции, начальников тюрем, жандармских унтер-офицеров и других лиц, которым по роду их служебной деятельности приходится сталкиваться с разнообразным элементом населения.

Чины полиции, тюремного ведомства и др. с готовностью помогают делу розыска, если дела, получаемые при их содействии, приписываются им и служат основанием для поощрительных представлений о них начальству.

Наличность хороших отношений у заведующего розыском с офицерами Корпуса жандармов и чинами судебного ведомства, производящими дела о государственных преступлениях, в значительной мере облегчает трудное дело приобретения и сохранения секретных сотрудников.

III.

Для успешного руководства делом политического розыска, ведения и развития внутренней агентуры необходимо знание программ революционных партий, знакомство с историей революционного движения,

осведомленность о положении этого движения в данный момент и постоянное чтение вновь выходящей революционной литературы, дабы следить и за дальнейшим ходом его.

Ведение внутренней агентуры определенным шаблонам не подчиняется: в зависимости от местных условий, обстоятельств и сопоставления всех имеющихся в наличности данных изменяются общепрактикуемые приемы и вырабатываются новые.

Во всяком случае заведующий агентурой должен руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних, а тем более подчиняться их авторитету.

Рекомендуется относиться весьма осторожно к сведениям об отсутствии революционных организаций в данном месте, так как нередко таковые являются или результатом добросовестного заблуждения со стороны сообщающего их, или же намерения отвести розыск на ложный путь.

Составив себе план расследования, заведующий, для осуществления его, стремится путем расспросов и поручений извлечь из агентуры все необходимое, не разоблачая в то же время перед нею ничего со своей стороны. В противном случае можно быстро и незаметно для себя оказаться в руках сотрудников, а при разрыве отношений с кем-либо из них делу розыска и лицам, ведущим его, будет угрожать опасность.

Вообще, излишняя откровенность с сотрудниками приводит к отрицательным результатам. Новому и еще неиспытанному сотруднику необходимо предоставлять самому высказываться о преступной деятельности как отдельных лиц, так и сообществ.

К числу вопросов, по ответам на которые можно судить о степени партийной осведомленности нового сотрудника, относятся следующие:

1. В чем заключается программа той партии, в которую он входит и о которой он будет давать сведения?

2. Как сформирована местная организация и из каких отделов состоит она?

3. Какая литература этой партии распространялась и распространяется в данное время?

4. Кто был арестован из членов этой партии, кто остался на свободе и т. п. Приступая к работе с

сотрудником, надлежит и объявить и внушить ему следующее:

1. Безусловная необходимость полнейшей откровенности и правдивости с заведующим агентурой как по деловым, так и по личным вопросам.

2. Решительно никто, кроме заведующего агентурой, не должен знать о его работе по розыску. Принадлежность его к составу агентуры не может быть им обнаружена никому, ни при каких обстоятельствах и ни в коем случае.

3. Что размер ежемесячного содержания ему как сотруднику определяется «такой-то» и время получения его «такое-то».

4. С поступлением на службу в агентуру сотрудник не должен изменять ни образа своей жизни, ни обстановки, чтобы этими переменами и новыми, даже мелкими, расходами не вызвать зависти и подозрений товарищей по поводу источника денежных получений.

5. Сотрудник не должен иметь ни при себе, ни в своей квартире ничего такого, что при обнаружении могло бы послужить хотя бы даже косвенным указанием на принадлежность его к составу агентуры.

6. Партийная работа сотрудника по возможности должна быть сведена к посреднической и исполнительной, отнюдь не созидательной, но в то же время к такой работе, чтобы при ликвидации членов группы, им обслуживаемой, в случае даже дачи откровенных показаний последними сам сотрудник не мог бы быть изобличен в преступной деятельности.

7. Без ведома заведующего агентурой сотрудник не должен принимать к себе на хранение литературу, оружие, бомбы, взрывчатые вещества и проч., а также предоставлять свою квартиру для сходок, собраний и давать свой адрес для явок.

8. На каждую активную работу и поручение, возлагаемые на сотрудника сообществом, он, каждый раз и до исполнения их, обязан испрашивать разрешения заведующего агентурой.

9. Сотрудники, состоя членами революционных организаций, ни в коем случае не должны подстрекать других на преступные деяния и таким образом подводить их под ответственность за сделанное по их же наущению.

10. Все сведения должны доставляться заведующему

агентурой по возможности немедленно по получении и обязательно с таким расчетом, чтобы по ним можно было принять предупредительные меры.

11. В доставляемых сведениях должен быть точно указан источник их получения; кроме того, сотрудник должен всегда делать строжайшее разделение между слухами, различными передачами, почерпнутыми им из газет или партийной литературы, и теми событиями, очевидцем которых он сам лично являлся.

12. Партийная литература, письма, печати и другие документы и предметы, доверенные сотруднику на хранение, должны быть принесены им на первое же свидание с заведующим для обозрения их.

13. Приходить сотруднику в учреждение, ведающее розыском, ни в коем случае не разрешается.

14. В целях усиления своей осведомленности сотрудник не должен вести проследок, расспрашивать и угощать товарищей, а также переодеваться и гримироваться.

15. Ложное заявление, искажение в ту или иную сторону добываемых сотрудником сведений и умышленное создание обстановки преступления в видах получения вознаграждения, из мести или по иным соображениям личного характера является тяжким уголовным преступлением и наказуется на общем основании, согласно существующих на сей предмет законов.

Главнейшие вопросы, на которые сотрудник должен всегда стремиться иметь обстоятельные ответы, следующие:

1) Какие лица являются самыми серьезными, активными и интересными работниками данного момента в обслуживаемой сотрудником организации или партии, где с ними можно встретиться и как, не возбуждая их подозрений, учредить за ними наблюдение.

2) Как построена обслуживаемая сотрудником организация и партия вообще, начиная от «верхов» и кончая «низами»; каким организациям высшего порядка она подчинена, на какие низшие группы и ячейки распадается и с какими партийными учреждениями находится в непосредственных сношениях.

3) Какие образцы партийной литературы известны сотруднику: издания повременные и периодические, революционно-подпольные и легальные, заграничные,

местные и из других районов империи; что составляет «злобу дня» и о чем вообще говорится в партийной литературе (легальной и нелегальной) данного момента.

4) Положение партии и партийных организаций в настоящее время; к чему сводится активная работа текущего момента.

5) В чем может и должна в обследуемый период непосредственно проявиться преступная деятельность отдельных лиц, групп и организаций; особенное внимание должно быть обращено на готовящиеся террористические акты, экспроприации, забастовочное движение и массовые выступления вообще, сведения о коих, в видах их предупреждения, должны быть заблаговременно сообщаемы, даже в форме маловероятных, общих и непроверенных слухов.

6) Кто из партийных и вообще интересных для розыска лиц приехал или выехал: когда, куда, с какой целью, на какой срок и по каким явкам, связям и адресам, места их ночевок, свиданий и т. п.

7) Какие сотруднику известны организации и группы, а равно и представители таковых, среди учащейся молодежи высших, средних и низших учебных заведений; каков характер этих учреждений (академический или с примесью политических тенденций); не имеют ли эти организации непосредственных сношений с чисто революционной активной средой и не готовятся ли к каким-либо самостоятельным или, в связи с последней, выступлениям и действиям.

8) Какие имеются у сотрудника сведения о деятельности других партий (революционных, оппозиционных и крайних правых) и лиц, принадлежащих к таковым.

9) Кого из вообще неблагонадежных лиц знает и может указать сотрудник.

10) Кто в настоящее время подозревается или обвиняется партийной средой в сношениях с розыскными органами и чем эти подозрения и обвинения вызваны.

11) Что известно сотруднику о предполагаемом употреблении и местах хранения кассы, библиотек, паспортов, типографий, разрывных снарядов, взрывчатых и ядовитых веществ, оружия, огнестрельных и боевых припасов, кинжалов, финских ножей, кастетов и т. п.

12) Каково настроение и к чему стремится в данный момент не революционная, но соприкасающаяся с ней среда.

13) Какие имеются у сотрудника случайные сведения о деятельности и замыслах преступного элемента общеуголовного порядка: возможные грабежи, убийства, разбои и т. д.

14) Все сведения, добытые и сообщаемые сотрудником, должны строго распределяться по следующим категориям: а) что известно ему как очевидцу и носит вполне достоверный характер; б) что известно от лиц, определенно партийных и заслуживающих в своих сообщениях доверия; в) что почерпнуто из литературы и г) что носит предположительный характер и стало известно из случайных разговоров, по непроверенным слухам и от малоосведомленных лиц и источников.

15) На всех указываемых сотрудником лиц по мере возможности должны быть даны следующие сведения: а) имя, отчество и фамилия и партийная кличка или прозвище; б) место жительства, род и место занятий или службы и родственные связи; в) приметы: возраст (от 33 до 35, примерно); рост (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий), телосложение (полный, плотный, среднее, худощавый); наружность и ее особенности (видный, представительный, невзрачный, сутуловатый, безрукий, горбатый, косой; знаки, порезы и следы ран на лице и теле вообще); лицо (продолговатое, круглое, заостренное вверх или вниз, полное, худощавое, с выдающимися скулами, бледное, смуглое, румяное); цвет, размеры и форма волос на голове, бороде и усах (светло-русый, темно-русый, брюнет, рыжий, черный как жук, длинные волосы зачесаны вверх, назад, с пробором, бобриком; борода брита, подстрижена, клинышком, лопатой, окладистая); походка (быстрая, медленная, «семенит», «с подпрыгиванием»), манера говорить (тенорком, отрывисто, шепелявя, с инородческим акцентом, картавя); тип (русский, поляк, кавказец, еврейский; рабочий, приказчик, купец); костюм (подробное описание головного убора, верхнего и нижнего платья, обуви); носит ли очки, пенсне, трость, портфель; привычки (вертляв, осторожен, оглядывается и проверяет себя, относится ко всему безразлично); г) с кем встречается и где чаще всего бывает; д) настоящая и

прошлая роль в организации или преступная деятельность указываемого лица вообще (подробный и без совершенно недопустимых лаконических определений: «агитатор», «видный работник» и т. п.).

16) Образцы попадающей в руки сотрудника партийной переписки и нелегальной литературы должны быть доставляемы им руководящему его лицу обязательно; экземпляры легальных партийных изданий – по мере возможности.

17) За две недели перед 9-м января, 19-м февраля, 18 апреля (1 мая) и другими днями, отмечаемыми постоянными революционными выступлениями, все сотрудники должны стремиться заблаговременно собрать полные сведения о предположенных и готовящихся беспорядках, а заведующий агентурой в подобные периоды времени обязан иметь свидания с сотрудниками по возможности ежедневно.

Вновь принятого сотрудника следует с полной осторожностью, незаметно для него, основательно выверить опытным наружным наблюдением и постараться поставить его под перекрестную агентуру.

Сотрудники ни в коем случае не могут посвящаться в сведения, даваемые другими сотрудниками.

Сотрудник должен быть поставлен заведующим розыском в такое положение, чтобы он не имел возможности не только заподозрить, но даже и предположить, кто именно, кроме него, принимает участие в работе по агентуре.

С особой осторожностью следует относиться к ознакомлению сотрудника с ходом розыска, с деятельностью учреждения и с его личным составом, если в последнем, по местным условиям, является неизбежная необходимость.

Необходимо заниматься с сотрудниками и направлять их внимание и память на такие обстоятельства, которые при производстве дознаний могли бы быть подтверждены доказательствами, не затрагивающими самого сотрудника, и в то же время могли бы быть использованы как явно уличающие то или иное лицо.

В сотруднике, начавшем работу лишь по материальным расчетам, необходимо создавать и поддерживать интерес к розыску как орудию борьбы с вредом революционного движения.

Необходимо всегда иметь в виду, что роль сотрудника нравственно крайне тяжела, и, считаясь с этим, следует поставить его по отношению к себе в такое положение, чтобы он не чувствовал угрызений совести, шел бы охотно на свидания с заведующим агентурой, находя во время последних душевный отдых, внимание, сочувствие и нравственную поддержку.

Сотрудник, стоящий в «низах» организации, постепенно может быть продвинут выше, путем последовательных арестов более сильных, окружающих его работников.

IV.

Свидания с секретными сотрудниками, уже достаточно выявившимися и вполне заслуживающими доверия, должны происходить на конспиративных квартирах.

Последние должны быть выбраны в частях города, наименее населенных революционными деятелями, и в таких местах, где трудно установить за ним наблюдение.

Квартира должна состоять из нескольких комнат, так расположенных, чтобы было возможно разделить в них случайно сошедшихся нескольких сотрудников, без встречи их между собою.

Хозяином квартиры может быть надежный, семейный служащий, состоящий на такой должности, по которой обыватели города его не знают.

Желательно, чтобы при квартирах, в которых происходят частые свидания, не было бы швейцаров.

Хозяину конспиративной квартиры должно быть внушено следующее:

1) У него не должны бывать гости и вообще частые посетители, хотя бы даже и его родные.

2) Прислуга не должна открывать дверей приходящим на квартиру.

3) Он не должен допускать встречи между сотрудниками.

4) Он не должен вступать в какие бы то ни было разговоры с сотрудниками, спрашивать их фамилии и вглядываться в их лица.

5) Он должен немедленно запирать за сотрудником двери и удаляться от дверей комнаты, в которой последний принимается.

6) Он не должен допускать в квартиру новых лиц, не

имея на то предупреждения и разрешения заведующего.

7) Он не должен выпускать сотрудника, не проверив, что последнему по выходе не угрожает встреча с кем бы то ни было.

8) По уходе сотрудника и заведующего он должен осмотреть комнату, и если бы в ней оказались случайно ими оставленные какие-нибудь вещи, а в особенности рукописи и записки, то таковые он должен сохранить и обязательно передать заведующему.

9) Что нарушение вышеприведенных требований лишит его права на дальнейшее держание квартиры.

Конспиративных квартир, сообразно с числом сотрудников, следует иметь по возможности больше, дабы избежать посещений одной и той же несколькими сотрудниками одной организации.

Полезно иметь одну из них, специально предназначенную для свиданий с наиболее серьезными и ценными сотрудниками, которая не должна быть известна остальным.

Не следует назначать свиданий нескольким сотрудникам в один и тот же день и час, на одной и той же квартире во избежание возможности встречи их друг с другом.

Если же после одного свидания необходимо иметь в той же квартире свидание с другим сотрудником, то после ухода первого необходимо проверить, не остановился ли он где-либо поблизости с целью установить своего соработника. Большинство сотрудников, невзирая на их надежность, стремится к этому.

Свидания с сотрудниками в квартире заведующего агентурой производить не следует; в квартире же сотрудников они совершенно недопустимы.

В прихожей квартиры отнюдь никаких вещей, а тем более одежды сотрудника оставлять не следует.

В комнате, в которой происходит свидание или где ожидает сотрудник, следует закрывать дверь на ключ.

У окон и зеркала сажать сотрудника нельзя; в сумерки следует закрывать ставни и спускать занавеси.

В комнатах, посещаемых сотрудниками, не должно оставлять никаких документов и записок, имеющих отношение к делу розыска.

По окончании свидания первым из квартиры выходит заведующий агентурой, чтобы предупредить

встречу сотрудников.

Для проверки квартиры следует время от времени ставить за нею наблюдение, но людьми вполне надежными.

В случае подозрения в провале ее необходимо немедленно прекратить свидания в ней, и в случае подтверждения подозрений оставить квартиру совершенно.

Сотрудникам, начинающим работать, показывать квартиру нельзя. С ними свидания возможны в гостинице и т. п. местах, но каждый раз с соблюдением полной предосторожности и с обязательной проверкой за собою как со стороны заведующего агентурой, так и сотрудников. Всякое подозрение должно быть тщательно, спокойно и лично проверено, хотя бы и с пропуском назначенного свидания.

Следует иметь в виду, чтобы при свидании в номерах гостиниц прислуга не видела бы в лицо сотрудника.

Для облегчения сношений между заведующим агентурой и сотрудниками необходим взаимный между ними обмен условными или частными адресами и указанием друг другу мест, возможных для ежедневных встреч на улице, в проходных дворах или на лестницах.

Для вызова на экстренные свидания также должны быть выработаны условные сообщения, посылаемые по заранее намеченным адресам.

Показателем необходимости свидания может быть и как бы случайная встреча.

Свои письма и сообщения сотрудник должен составлять в третьем лице с упоминанием в равной мере среди перечисляемых лиц и своей фамилии или клички, если только он в действительности прикосновенен к описываемому им событию. Почерк должен быть совершенно изменен, а подпись заранее условленная.

Письма и записки заведующего агентурой к сотруднику должны быть строго конспиративного содержания, написаны также измененным почерком и с условною подписью.

Рекомендуется выбирать для писем бумагу и конверты сообразно со средой, в которой вращается сотрудник, а также и способ изложения их.

Деловую часть письма следует воспроизводить химическими чернилами, в качестве каковых могут

служить насыщенный раствор обыкновенной свинцовой примочки, щавелевая кислота, лимон и т. п. Проявление этих чернил достигается посредством нагревания (утюгом) или же смачивания 5 %-ным раствором хлористого железа.

По прочтении писем они должны быть вместе с конвертами и немедленно сожжены самим сотрудником.

Свои письма сотрудник должен лично опускать в почтовый ящик.

Условные адреса и пароли следует помнить наизусть, не внося их в памятную книжку.

V.

Заведующий розыском, направляя все усилия к предупреждению задуманных революционерами преступлений, в то же время должен заботиться о сохранении и прикрытии своих сотрудников.

Каждое агентурное сведение, даже маловажное по первому впечатлению, должно быть сохранено в строгой тайне.

Вообще, агентурные сведения не могут служить темой для собеседования даже с избранными сослуживцами раньше, чем они не будут окончательно разработаны и ликвидированы.

Все материалы, имеющие отношение к делу розыска и к сотрудникам, должны сохраняться в совершенном секрете и с наивозможной бережливостью и осмотрительностью.

Откровенные показания, заявления и анонимы, если есть возможность авторов их склонить в агентуру, оглашению и предъявлению не подлежат, а первые в протоколы не заносятся.

Необходимо, чтобы сотрудник работал в революционной среде или под псевдонимом, или под нелегальной фамилией, но отнюдь не под своей настоящей.

Надо иметь в виду, что иногда строго конспиративные организации время от времени проверяют некоторых своих членов; для этого ими ложно указываются места и время для явок или собраний, а затем устанавливается наблюдение за появлением филеров и полиции. Поэтому надо быть осмотрительным при постановке наружного наблюдения в таких местах, имея в виду, не производится ли организацией в данном

случае розыск сотрудника.

Приобретая сотрудника из числа арестованных, необходимо обставить его освобождение так, чтобы оно не могло вызвать подозрений. При этом надо иметь в виду, что «побеги» арестованных вызывают в революционной среде недоверие.

В каждом случае при возложении сообществом на сотрудника какой-либо активной работы или поручения следует строго оценить действительную надобность принятия им последнего на себя как в смысле прикрытия своего положения, так и в целях получения новых данных для розыска, причем следует иметь в виду, что постоянные уклонения сотрудника от поручаемой ему организацией работы могут неблагоприятно отразиться на его репутации.

Перед ликвидацией следует, не знакомя сотрудника со временем производства ее, установить, путем расспроса его, какие лица не могут быть ликвидированы в целях прикрытия и сохранения его положения в революционной среде.

В этих же целях следует не вводить в ликвидацию нескольких наиболее близких лиц к сотруднику из числа менее вредных по своей деятельности, дабы не оставить не тронутым в организации одного сотрудника.

В случае крайней необходимости возможен вариант ареста самого сотрудника, но по предварительному с ним соглашению. Освобождение его в таком случае возможно, но уже после освобождения группы лиц равного с ним партийного положения.

В ликвидационных записках не следует называть даже псевдонимов сотрудников, употребляя взамен их выражение «по имеющимся агентурным сведениям».

Сведения, известные лишь одному сотруднику или строго ограниченному кругу лиц, в записку вовсе не помещаются и являются достоянием исключительно лица, ведущего данного сотрудника, которое знакомит с частями этих сведений тех служащих розыскного органа, содействие которых по таковым необходимо для дальнейшей работы.

Секретные сотрудники, если они не живут на партийные средства, должны иметь какой-нибудь легальный заработок.

Устраиваться на службу сотруднику следует без явного посредства заведующего розыском.

Фамилию и адрес сотрудника должен знать только заведующий агентурой; остальные же чины учреждения, имеющие дело с его сведениями, могут знать его номер или псевдоним.

Наружное наблюдение и чины канцелярии совершенно не должны знать сотрудника. Им он должен быть известен, но лишь по кличке, как действительный революционер, и только в том случае, если он вошел в сферу наблюдения[685].

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПО ОХРАНЕ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ ЛИЦ

1. Охрана г[осподина] председателя Совета министров, министра внутр[енних] дел, товарища министра внутренних дел, директора Департамента полиции и других высокопоставленных лиц возлагается на начальника Охранной команды С.-Петербургского охранного отделения, назначаемого по выбору начальника сего отделения и действующего под непосредственным его наблюдением и ответственностью.

2. Деятельность чинов охраны и техническая часть последней определяются подробной инструкцией, предусматривающей по возможности все обязанности этих чинов по роду занимаемых ими постоянных постов в местах проживания охраняемых лиц и во время передвижения и переездов сих последних.

Инструкция эта составляется и дополняется, в развитие нижеизложенных основных положений, в С.-Петербургском охранном отделении, начальником последнего.

3. Все чины полиции, находящиеся на специальных полицейских постах по охране высокопоставленных лиц, находятся в непосредственном распоряжении начальника С.-Петербургского охранного отделения и начальника охранной команды и в деле охраны руководствуются приказаниями сих последних.

4. На посты у квартиры председателя Совета министров, товарища министра внутренних дел и у Департамента полиции назначаются, по избранию начальника С.-Петербургского охранного отделения, лучшие городовые столичной полиции, с присвоением

им добавочного содержания от Департамента полиции, по представлению начальника С.-Петербургского охранного отделения.

У Пантелеймоновского моста, а равно у поворота на набережную реки Фонтанки с Симеоновского моста и на углу Соляного переулка и Пантелеймоновской улицы учреждаются постоянные посты полицейских надзирателей и конных городовых.

5. Независимо существующих полицейских постов учреждается постоянный пост городового внутри двора Департамента полиции для пропуска с черного хода и в ворота, ведущие во двор г[осподина] министра, только здесь живущих и служащих.

6. Разносчики, газетчики, извозчики, посыльные, лавочники и т. п., находящиеся в районе охраны и в местности, удобной для наблюдения за квартирой охраняемого лица, г[осподина] министра, по обеим сторонам реки Фонтанки, от цирка до Летнего сада, по Пантелеймоновской улице до дома № 15, по Фонтанке от угла Пантелеймоновской улицы до Симеоновского моста и по всему Соляному переулку, должны постоянно проверяться чинами полиции и находиться под неослабным наблюдением чинов охраны. Проверки эта и наблюдение должны быть настолько интенсивны, чтобы в охраняемом районе не было ни одного лица, вынужденного по роду своих занятий находиться на улице, неизвестного охране настолько, чтобы последняя была уверена в полной безопасности его нахождения при проездах охраняемых лиц.

7. Заведующий охраной, его помощники и г[оспода] офицеры, состоящие при министре, обязаны фактически несколько раз в день и ночью проверять бдительность постов охраны и полиции и исполнение ими своих обязанностей и все замеченное и преподанное ими заносить в особую книгу с указанием, кем именно проверялись посты и в какое время. Проверки производятся г[осподами] офицерами не менее одного раза в день и одного раза ночью. В этой книге отмечаются все проступки и небрежности чинов охраны, сделанные ими указания и другие меры, принятые в целях улучшения охраны.

8. Старшие на постах записывают ежедневно в книгу, означенную в § 7, все, что сделано в целях охраны в течение дня и ночи чинами поста и кем именно, что

замечено за день, кто из проходящих возбудил подозрение и чем (приметы), какие №№ автомобилей, велосипедов и извозчиков и в какое время проезжали мимо подъезда и ворот, кто именно и почему неоднократно проходил или останавливался вблизи подъезда или ворот или наблюдал с противоположного берега реки Фонтанка, кто останавливался для разговоров с дворниками, швейцарами, лавочниками и др[угими], о чем спрашивал и т. п.

9. Всем чинам охраны, как старшим, так и младшим, предоставляется право записывать в книгу, указанную в § 7, препятствия, встречаемые ими при исполнении поставленных им задач, и свои предположения о том, что следовало бы предпринять в целях устранения их, а равно записывать и свои пожелания, направленные к улучшению организации охраны вообще. О том, что именно предпринято по сделанным ими записям, заведующий Охранной командой или начальник Охранного отделения делает отметки в особой графе.

10. Книга, означенная в § 7, еженедельно проверяется начальником С.-Петербургского охранного отделения, что удостоверятся его подписью.

11. Начальник Охранной команды, его помощники и старшие агенты не ограничивают проверку службы охраны беглым обходом постов; они обязуются проводить на улице вместе с постовыми агентами по несколько часов ежедневно, дабы научить их обязанностям службы путем практических указаний. Начальник Охранной команды обязуется время от времени командировать для фактической проверки службы неизвестных агентам лиц, которые вели бы себя вблизи постов как предполагаемые злоумышленники (проходили по несколько раз, останавливались, несли подозрительную ношу, наводили бы справки, приезжали под видом офицеров, высокопоставленных лиц и т. п.). Результаты таких испытаний также заносятся в указанную в § 7 книгу.

12. В целях большей успешности службы начальнику Охранного отделения и начальнику Охранной команды предоставляется, кроме наказания нерадивых и взысканий за служебные упущения, награждать всякое проявление внимания, инициативы, изыскания новых способов к достижению намеченной цели и проч[ее], дабы возбудить деятельность, соревнование и интерес к

делу. Об упущениях по службе и особо выдающейся деятельности прикомандированных для охраны чинов общей городской полиции они сообщают на распоряжение непосредственного начальства.

13. О времени выезда г[осподина] председателя Совета министров решительно никто знать не должен. Карета и автомобиль не должны подаваться, как это принято теперь, за 5 минут до отъезда, а разновременно. Необходимо иногда ставить автомобиль у подъезда без надобности в поездке г[осподина] министра или выезжать в город пустому автомобилю.

Автомобиль не должен постоянно стоять у парадного подъезда г[осподина] министра, а может иногда ожидать у подъезда Департамента полиции, номера на автомобилях меняются возможно чаще; шофер также обязан разнообразить одежду и головные уборы.

14. На время богослужений в церкви шефа жандармов назначаются два постоянных чина Охранной команды, на обязанности которых лежит проверка лиц, посещающих церковь, списки которых должны иметься у старшего агента. Эти агенты должны знать в лицо всех имеющих доступ в церковь.

Выдача билетов для входа в церковь и ведение списков лиц, коим выданы билеты, возлагается на заведующего охраной, причем на билете должно быть указано на отсутствие права передачи.

15. На обязанность начальника С.-Петербургского охранного отделения возлагается организация строгого учета и регистрации всех лиц, как проживающих во дворе дома № 16 по Фонтанке, в доме № 9 по Пантелеймоновской улице, так и всех домов района охраны, непосредственно к ним примыкающих и соседних с последними, а также в районах других охраняемых пунктов. Для этого надлежит, теперь же зарегистрировав всех живущих в этих домах, обязать чинов участковой полиции срочно доставлять заведующему охраной листки на всех прибывающих и убывающих и производить поверку личности и политической благонадежности прибывших тем же порядком, каким производится поверка в ожидании Высочайших проездов. Надзиратель, состоящий при Департаменте полиции, обязан ежедневно отбирать от управляющих означенными домами сведения (на листках другого цвета) о прибытии каждого нового

жильца, с целью учреждения двойного контроля прибывших и убывших и ознакомления надзирателя с населением этих домов.

Такие же обязанности несут полицейские надзиратели и в других районах охраны, по назначению начальника Охранного отделения.

16. Начальник Охранного отделения обязуется распорядиться, чтобы все лица, проживающие в подвальных этажах дома № 16 по Фонтанке и № 9 по Пантелеймоновской ул., немедленно же представляли сведения о лицах, их посещающих, с указанием адресов. Лица эти и их благонадежность проверяются в Охранном отделении. Посетители подвальных квартир в домах № 16 по Фонтанке и № 9 по Пантелеймоновской улице пропускаются не иначе как по удостоверению хозяев или ими посещаемых.

Оставлять у себя посторонних лиц на ночь или на житье без особого на каждый раз письменного разрешения хозяевам подвальных квартир воспрещается.

17. Во двор дома № 9 по Пантелеймоновской улице допускаются вообще только известные в лицо чинам охраны или служащим лица, принадлежащие к составу Департамента полиции, а равно лица и их семейства, квартирующие в этом доме. Посторонние посетители и гости, неизвестные в лицо, опрашиваются у ворот, к кому и зачем они идут, и затем проводятся дежурным городовым или чином охраны к месту назначения, куда допускаются за ответственностью проживающих на казенных квартирах лиц.

18. Во всех по возможности домах района охраны надлежит завести «своих» дворников, которые давали бы сведения о жильцах и обо всем подозрительном в их жизни.

19. Намеченные настоящими основными положениями меры применяются целиком или в большей части и к другим постам охраны распоряжением начальника С.-Петербургского охранного отделения и по его указаниям.

20. Ответственность за правильную постановку охраны высокопоставленных лиц возлагается всецело на начальника С.-Петербургского охранного отделения[686].

Из ИНСТРУКЦИИ ЧИНАМ СЫСКНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ

9 августа 1910 г.

I. Общее положение

а) *Устройство*

1. Сыскные отделения имеют целью своей деятельности негласное расследование и производство дознаний в видах предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера.

2. Для выполнения означенных задач отделения через своих чинов имеют систематический надзор за преступными и порочными элементами путем негласной агентуры и наружного наблюдения.

3. Независимо от этого чины сыскных отделений используют поручения прокуроров и судебных следователей по делам общеуголовным, а также предписания своего начальника в пределах указанных выше целей деятельности сыскной полиции.

4. Являясь в руках начальника местной полиции органом, объединяющим деятельность местной полиции по охранению общей безопасности населения и по борьбе с преступностью, чины сыскных отделений в служебной своей работе стремятся к полному единению с чинами общей полиции, чины же полиции общей обязаны всегда и во всем оказывать свое законное содействие чинам сыскных отделений и общей полиции.

<… >

…Для объединения совместной деятельности всех чинов общей и сыскной полиции необходимо, чтобы начальник местной полиции не менее одного раза в неделю собирал совещания по текущим делам полицейской службы начальника сыскного отделения, приставов и прочих начальствующих отдельных частей полицейского управления. Не придавая таким совещаниям значения коллегиального присутствия, начальник полиции стремится лишь таким путем к наибольшему сближению и объединению всех подведомственных ему чинов в деле предупреждения, пресечения и расследования преступлений, устраняя разногласия и разрешая возникающие затруднения.

5. Район деятельности каждого сыскного отделения определяется преимущественно пределами выделения полицейского управления, в состав которого оно входит, но по особым поручениям своего начальника, а равно по соглашению с последним прокурорского надзора чины

отделений производят негласные розыски и дознания по всей губернии; равным образом <… > при преследовании преступников чины сыскных отделений и на границе другой губернии не останавливают преследований и прекращают оное только тогда, когда приступает к этому местная полиция.

6. Командированные в другие города чины сыскного отделения обязаны по прибытии явиться к начальнику местного сыскного отделения или начальнику местной полиции и вести дальнейшие расследования совместного и при полном с их стороны содействии. В случае необходимости принять сыскные меры по какому-либо делу одновременно в различных местностях Империи подлежащий губернатор входит о сем в сношение с Департаментом полиции.

7. Деятельность всех чинов сыскных отделений по производству дознаний о преступлениях стоит в непосредственности от прокурора местного окружного суда, причем означенные чины действуют под его руководством и подчиняются его указаниям, обращаясь к нему в отдельных случаях за всеми нужными разъяснениями. <… > Равным образом начальники сыскных отделений докладывают прокурору окружного суда о ходе негласных расследований, предпринимаемых в видах предупреждения деяний общеуголовных.

8. По обязанности своей исполнять поручения судебной власти при исследовании преступлений чины сыскных отделений в некоторых указанных в ст. 258 Уст. Уг. Суд. случаях заменяют свою означенную власть в безотлагательных распоряжениях, по правилам, постановленным в Уставе Уголовного судопроизводства и в подлежащих инструкциях протоколов судебных палат.

9. В исключительных случаях поручения чинам сыскных отделений со стороны чинов прокурорского надзора могут быть отдаваемы и устно, но исполняющий чин сыскного отделения вправе испросить и письменное по тому же делу положение. Полицейские надзиратели и городовые сыскных отделений в случае получения ими поручений непосредственно от чина прокурорского надзора обязаны доложить предварительно о исполнении своему начальнику, в безотлагательных же случаях, приступив к исполнению, доложить о том начальнику при первой возможности. Полученное

поручение чин сыскного отделения обязан исполнить, не входя в обсуждение его целесообразности, так как ответственность за содержание поручения лежит на том лице, коим поручение дано. При возникновении серьезных затруднений в исполнении данного поручения чин сыскной полиции обращается за разъяснением к лицу, давшему предложение, одновременно доводит о сем до сведения своего начальства.

11. Производить розыски и собирать какие бы ни было сведения по делам совершенно частного характера, не имеющим ничего общего с обязанностями полиции по предупреждению, пресечению и расследованию преступлений, как, например, наведение справок по личным, семейным, бракоразводным или коммерческим делам разных лиц, собрание сведений о кредитоспособности и поведении кого бы ни было по просьбе о том заинтересованных лиц и т. д., чинам сыскных отделений воспрещается.

Все сведения, касающиеся дел политического характера, начальники отделений обязаны беззамедлительно сообщать начальникам губернских или охранных отделений, где таковые имеются, и отнюдь не принимать каких-либо мер по обозначенным делам.

б) *Права и обязанности чинов сыскных отделений*

12. Начальник сыскного отделения непосредственно подчиняется в общем порядке службы полицмейстеру по принадлежности.

Примечание. Начальники сыскных полиций С.-Петербурга, Московской и Варшавской подчиняются: первые два – градоначальникам, а последний – обер-полицмейстеру.

13. Начальник сыскного отделения: 1) руководит деятельностью подведомственных ему чинов отделения и направляет такую в духе законности к наиболее успешному исполнению возложенных на них обязанностей по предупреждению и расследованию преступлений; 2) распределяет занятия между подведомственными ему чинами отделения; 3) принимает на себя розыски и расследование по особо выдающимся делам, являясь на место преступления и принимая без малейшего промедления надлежащие меры для розысков по горячим следам.

14. Помощник начальника сыскного отделения там, где должность эта полагается по штату, является

ближайшим сотрудником начальника сыскного отделения и под его руководством принимает участие в розысках и дознаниях.

15. Лица, которые привлекаются к ответственности за преступления, а равно и зарегистрированные где-либо за порочное поведение, на службу в сыскные отделения не допускаются.

16. Чины сыскных отделений пользуются правом ношения при себе огнестрельного оружия (револьвера), а также применения предупредительных связок (облегченных наручников)…[687]

ПОЛОЖЕНИЕ О РЕГИСТРАЦИОННОМ БЮРО

16 июня 1911 г.

1. Особое Регистрационное бюро имеет целью проверку документов, самоличности и благонадежности всех лиц, проживающих как по улицам, по коим будут совершаться проезды Государя Императора в Киеве, так и в домах, предназначенных к посещению Его Величеством.

2. Существующее ныне наблюдение за домами, гостиницами и меблированными комнатами, осуществляемое во всех частях города Киева околоточными надзирателями местной полиции, передается в Регистрационное бюро.

3. Улицы, на которые распространяется деятельность бюро, поименованы в Приложении к сему № 1.

4. Заведование работою бюро возлагается на особого жандармского офицера.

5. Служебный персонал бюро, помимо его заведующего, составляют:

а) 4 помощника заведующего бюро (жандармские офицеры), заменяющие такового в случае убыли и помогающие ему в работе при его наличности;

б) районные околоточные надзиратели, обслуживающие улицы и места, подлежащие ведению бюро, а именно: 46 околоточных надзирателей для обслуживания пути проезда Его Императорского Величества и 8 околоточных надзирателей местной полиции для наблюдения за пропиской в участках;

в) 4 околоточных надзирателя, 8 жандармских

унтер-офицеров и 2 писца, кои ведут регистрацию поступающих в бюро сведений и переписок по ним.

6. Каждое лицо, прибывающее на жительство в какой-либо дом, расположенный по улице, на которую распространяется деятельность бюро (равно и все проживающие ныне), помимо прописки, установленным для адресного стола порядком:

а) опрашивается районным полицейским надзирателем по пунктам листка формы № 1 и вносится в особую на каждый жилой дом домовую выписку установленной формы № 2;

б) проверяется в его самоличности или словесной справкой у того из проживающих в Киеве лиц, на которое сошлется, или, если таковых знакомых не имеется, канцелярским путем, т. е. соответствующими телеграфными запросами по месту выдачи документа и по последнему месту жительства;

в) проверяется относительно его политической благонадежности в подлежащих учреждениях.

Обязанности полицейских надзирателей

7. Со дня введения сего Положения п[олицейский] н[адзиратель] начинает знакомиться с населением своего района по каждому дому в отдельности и население каждого из них зарегистрирует в особую на каждый жилой дом выписку (форма № 2), в которую жильцы вносятся в хронологическом порядке по мере их прибытия, а кроме того, заводит краткую алфавитную книгу с указанием точного адреса.

8. Опрашивает каждое проживающее ныне, а в дальнейшем и каждое вновь прибывающее на жительство лицо немедленно по его прибытии по форме голубого листка № 1 и заносит в таковой все требуемые данные, обращая особое внимание на ответ по вопросу: «Кто может удостоверить самоличность из лиц, проживающих в Киеве?»

9. Принимает от каждого проживающего ныне, а в дальнейшем и от каждого прибывающего вновь его документ, просматривает таковой и в случае надобности представляет его для проверки заведующему бюро.

10. Если лицо, на которое проживающий или прибывший ссылается в удостоверение своей самоличности, проживает в г. Киеве, надзиратель личным опросом последнего проверяет самоличность прибывшего и отмечает о результатах в листке.

11. Если лицо, на которое проживающий или прибывший сослался, живет не в г. Киеве, надзиратель докладывает о том заведующему и заменяет голубой листок зеленым, форма № 3, к белой же выписке, форма № 2, прикладывает добавочный зеленый листок формы № 4.

12. О каждом лице, которое, хотя бы и без формальных улик, навлекало на себя подозрение относительно своей легальности или благонадежности, надзиратель немедленно докладывает заведующему бюро и заменяет впредь до выяснения голубой листок зеленым, вписывая в него полученные сведения.

13. Всех выбывающих из домов ведения бюро надзиратель вычеркивает из домовых выписок, отмечая время их выбытия.

14. Для наиболее успешного выполнения возложенных на них по бюро обязанностей надзиратели возможно чаще обходят подлежащие их ведению дома и заводят среди жильцов таковых доверенных лиц, которые освещали бы им дома относительно прибытия туда посторонних лиц.

15. В дни проезда Его Величества околоточные надзиратели проверяют жильцов домов и наблюдают, чтобы в квартирах находились бы только лица, живущие в них, или хотя и прибывшие к ним в гости, но о прибытии которых заявлено было ранее в Регистрационное бюро.

16. Околоточные надзиратели, назначенные для наблюдения за пропиской в участках, помимо того собирают сведения от чинов местной полиции и домовой администрации о всех лицах, внушающих им подозрение, о чем и докладывают немедленно заведующему бюро.

Обязанности заведующего бюро

17. Заведующий бюро инструктирует надзирателей в их работе, наблюдает за педантичным исполнением ими их обязанностей и при неисправности несения таковых требует от них немедленного исправления упущений и в случае надобности накладывает на них взыскание, пользуясь над ними правами полицмейстера.

18. Принимает от надзирателей доклады о всех проживающих и вновь прибывающих лицах и удостоверяется в легальности документов.

19. Делает письменные запросы в подлежащие

учреждения в целях установки самоличности тех из прибывающих, кои не могли быть установлены никем из проживающих в Киеве, и запросами же проверяет легальность их документов.

20. Запрашивает подлежащие охранные отделения о политической благонадежности прибывшего.

21. Отправляет листки на всех прибывших для проверки, не проходят ли лица, в них значащиеся, по делам в регистрации Охр[анного] отделения.

22. Препровождает начальнику Охранного отделения список всех лиц, самоличность коих не может быть установлена опросам по г. Киеву, и о всех, кои возбуждают сомнение в их политической благонадежности или оказались неблагонадежными, и отмечает на плане г. Киева дома, в коих таковые лица проживают, зеленым цветом.

23. Все сведения на лиц, проживающих по путям Высочайшего проезда и зарегистрированных как неблагонадежные, представляет заведующему Охранной командой, подведомственной дворцовому коменданту, и знакомит с имеющимися сведениями районных околоточных надзирателей.

24. Следит, дабы ко дню Высочайшего проезда по улицам, коими ведает бюро, не проживало лиц, указываемых в пункте 20-м, при наличности же таковых напоминает о том начальнику Охранного отделения.

25. С 27-го августа по день отъезда Его Величества из г. Киева ежедневно вечером представляет назначенному по Высочайшему повелению начальнику охраны рапортички со списком лиц, указанных в пункте 21.

26. В дни пребывания Его Величества в г. Киеве для более частых обходов домов линии проезда наряжает в помощь надзирателям агентов охраны, кои действуют в данном случае пред обывателем как письмоводители надзирателей.

27. В самые дни торжеств всех вновь прибывающих лиц, кои не смогут немедленно удостоверить свою легальность и самоличность или кои возбудят сомнение в их благонадежности, удаляет с линии проездов или вообще обезвреживает их, пользуясь для того как надзирателями, так и находящимися при нем чинами охраны и жандармскими унтер-офицерами. Вместе с тем о всех таковых лицах дает немедленно знать в Охранное

отделение и соответствующему обходу наряда секретной охранной полиции[688].

ПОЛОЖЕНИЕ О БЮРО, УЧРЕЖДАЕМОМ В г. КИЕВЕ ДЛЯ ВЫДАЧИ ВХОДНЫХ БИЛЕТОВ В МЕСТА ВЫСОЧАЙШИХ ПОСЕЩЕНИЙ

25 июня 1911 г.

1) Для обеспечения безопасности пребывания Государя Императора на церемониях и парадах во время торжеств в г. Киеве при товарище министра внутренних дел, командире Отдельного корпуса жандармов учреждается особое бюро, на обязанности коего возлагается проверка лиц, ходатайствующих о допуске их в места церемоний в Высочайшем присутствии, а равно заготовление и выдача названным лицам соответствующих пропускных билетов.

2) Заведующим бюро назначается лицо по выбору товарища министра внутренних дел, командира Отдельного корпуса жандармов.

3) Личный состав бюро состоит из заведующего, 2-х офицеров Отдельного корпуса жандармов, 3-х чиновников и нескольких писцов и машинистов.

4) Каждое лицо, обязанное по службе или желающее присутствовать на церемониях в Высочайшем присутствии, без различия звания и положения, не исключая военных, обязано иметь на право входа соответствующий билет за подписью командира Отдельного корпуса жандармов.

5) Билеты выдаются только лицам, политическая благонадежность и самоличность коих вне сомнения, почему бюро по поступлении в него списков и заявлений с просьбой о выдаче билетов прежде всего принимает меры к проверке установленным порядком самоличности и благонадежности поименованных в них лиц.

6) Постоянные жители г. Киева проверяются лишь по местным учреждениям, иногородние – по соответствующим городам и Департаменту полиции, наконец, лица, помещенные в официальных списках, препровожденных от губернатора, как проверенные уже ранее, совсем не проверяются.

7) Официальным лицам и участникам депутаций билеты выдаются на те церемонии, в коих им надлежит быть согласно утвержденному церемониалу.

8) Корреспондентам и фотографам билеты выдаются согласно правилам, установленным на сей предмет Министерством Императорского Двора, а именно:

а) фотографам и корреспондентам, представившим установленные удостоверения от канцелярии министра Императорского Двора, выдаются беспрепятственно билеты «для корреспондентов»;

б) фотографам и корреспондентам, не представившим означенных удостоверений, но подавшим заявление о выдаче им билетов, таковые выдаются общим порядком.

9) В бюро учреждается два стола:

1-й стол ведает проверкой самоличности и благонадежности лиц, ходатайствующих о выдаче им билетов;

2-й стол занимается изготовлением и рассылкой билетов по местам их выдачи.

10) Все полученные в бюро прошения, списки и заявления о выдаче билетов поступают в доклад к заведующему бюро, который определяет стол, куда они должны быть направлены для исполнения, после чего почта поступает к журналисту; последний, занеся ее в настольный реестр, передает для исполнения, согласно резолюций, начальникам столов. Вместе с сим журналист изготовляет групповые карточки, которые и подкладывает по алфавиту в особый хранящийся у него ящик.

11) Начальник 1-го стола, получив почту, изготовляет карточки на всех лиц, в ней поименованных, заполняя лишь фамилии и входящий номер, и подкладывает их в алфавитном порядке в свои ящики. После сего производится работа по проверке самоличности и благонадежности всех вышепоименованных лиц, причем все ответы подкладываются к первоначальной бумаге. По окончании проверки о результатах ее начальник стола докладывает заведующему и поступает двояко:

а) если будет наложена резолюция о выдаче билета, он передает всю переписку во 2-й стол;

б) в противном случае оставляет ее у себя в столе, подшивая в порядке входящего номера к особому наряду. Передавая переписку во 2-й стол, он передает вместе с нею из своего регистрационного шкафа и карточки на лиц, коих переписка касается.

12) Начальник 2-го стола, получив почту от журналиста, изготовляет карточки, подкладывает их в свой регистрационный шкаф и раздает затем переписку для изготовления билетов по отделам своего стола. Получив же почту от начальника 1-го стола, он подкладывает передаваемые ему регистрационные карточки в свой шкаф, переписку же раздает для изготовления билетов.

13) Ведающие отделами изготовляют билеты, после чего и заносят их в особую по каждому отделу книгу. По занесении билета в книгу номер его проставляется на соответствующей регистрационной карточке, после чего отсылается по назначению.

14) Для права присутствования на торжествах устанавливаются нижеследующие категории билетов:

1-я категория. На все торжества для свиты Государя Императора и лиц, имеющих право участвовать по церемониалу на всех торжествах.

2-я категория. Для имеющих встретить Государя Императора на вокзале.

3-я категория. Для лиц, имеющих встретить Государя Императора во дворце.

4-я категория. Для входа в Софийский собор.

5-я категория. Для входа в ограду Софийского собора.

6-я категория. Для входа во Владимирский собор.

7-я категория. Для пропуска во дворец на завтраки и обеды.

8-я категория. Для входа в Киево-Печерскую лавру.

9-я категория. Для входа в Покровский монастырь. 10-я категория. Для входа в Михайловский монастырь церемониальной публики. 11-я категория. Для входа в Михайловский монастырь публики, не указанной в церемониале.

12-я категория. Для пропуска к памятнику Императора Александра II лиц, указанных в церемониале.

13-я категория. Для пропуска к памятнику Императора Александра II (вне церемониала).

14-я категория. Для пропуска лиц депутаций на плацу перед дворцом.

15-я категория. Для входа в дом Дворянского собрания.

16-я категория. Для входа в городской театр на

спектакль.

17-я категория. Для входа в Купеческое собрание.

18-я категория. Для лиц народной охраны.

19-я категория. Для причта, духовенства и певчих.

20-я категория. Служебный билет.

21-я категория. Для посещения 1-й гимназии.

22-я категория. Для посещения университета.

23-я категория. Для лиц, присутствующих на соколиной гимнастике и на смотре потешных.

24-я категория. Для лиц, имеющих проводить Государя Императора на вокзал.

25-я категория. Билеты-удостоверения для воинских чинов.

26-я категория. Для пропуска на трибуны у памятника;

и двадцать шесть категорий билетов для кучеров во все указанные места.

Билеты для пропуска лиц на вокзал (вне церемониала) выдаются на общем основании начальником Киевского жандармского полицейского управления железных дорог полковником Левандовским[689].

АКТ ОСМОТРА ГОРОДСКОГО ТЕАТРА

20 августа 1911 г.

1911 года, августа 20 комиссия в составе: председателя Отдельного корпуса жандармов ротмистра Макарова, инженера-техника Алексея Александровича Денисова, председателя от города – доктора Николая Дмитриевича Горбунова и помощ[ника] пристава Плоск[ого] уч[астка] Вышинского, осмотрев владение городского театра, нашла необходимым:

1) вскрыть для осмотра полы в ложе генерал-губернатора и помещение для оркестра;

2) осмотреть под обивкою стены в ложе генерал-губернатора;

3) осмотреть вентилятор в ложе генерал-губернатора, после чего опечатать выходное отверстие его, что в вентиляционном канале;

4) запечатать двери в подвальном помещении:

а) 2 двери, ведущие из коридоров в склады

декораций под сценою,

б) 2 двери из левого коридора в оркестр,

в) по 2 малые двери в обоих коридорах, выходящие на Фундуклеевскую улицу и Театральную площадь,

г) дверь в левом коридоре в темную кладовую, что под подъездом ложи генерал-губернатора,

д) по [2] двери в темные кладовые в обоих коридорах, что у малых выходов на Фундуклеевскую улицу и Театральную площадь,

е) 2 двери в вентиляционные каналы, что возле моторов, выкачивающих испорченный воздух на Фундуклеевскую улицу и Театральную площадь,

ж) дверь в правом коридоре, ведущую в канал для подавания чистого воздуха, в первом этаже,

з) две наружные двери из декоративных складов,

и) дверь в бутафорскую кладовую; во втором этаже:

к) по 2 двери, ведущие из репетиционного зала в зрительный зал и из закулисной части в буфет; в четвертом этаже:

л) дверь из курительного зала в закулисную часть и дверь из бутафорского склада в зрительный зал; в пятом этаже:

м) двери, ведущие на чердак над подъездом генерал-губернатора, и двери, ведущие к мотору для вентиляции курильни первого этажа,

н) также двери и на противоположной стороне,

о) по три двери на тех же чердачных коридорах с обеих сторон в кладовые,

п) по две двери с каждой стороны в декоративные мастерские,

р) 2 двери двух винтовых лестниц с чердака в подвал,

с) по три двери с каждой стороны в первом, втором и третьем этажах в закулисные ложи;

5) обязать смотрителя:

а) следующие двери театра держать всегда запертыми, ключ иметь у себя и допускать посторонних лиц в эти помещения только в своем присутствии:

1) дверь в склад декораций, что под ариер-сценою,

2) три двери в помещение под зрительным залом и прилегающие к нему вентиляционные каналы,

3) все двери на фасадный балкон,

4) все двери из галерейного коридора на крышу,

5) дверь на чердак над зрительным залом,

6) все двери во всех этажах в партере и ложе зрительного зала, открывая их лишь для уборки под надзором смотрителя или доверенного его лица,

7) все наружные выходные двери в зрительный зал, оставив только для впуска лиц служащих три двери: две с артистических подъездов и третью с главного подъезда, но приставив к ним для контроля своих служащих;

б) запереть на замки решетки воздушных каналов на чердачном помещении и клапаны этих же каналов в подвальном помещении,

в) продажу билетов прекратить 31-го вечером; на время же продажи билетов заставить барьерами вестибюль с обеих сторон и приставить к ним для недопуска публики в остальные помещения по 2 капельдинера с каждой стороны,

г) в день спектакля осмотреть и испытать большую люстру,

д) заблаговременно испытать освещение театра.

Председатель комиссии

Отдельного корпуса жандармов ротмистр *Макаров*

Члены:

инженер-архитектор *А. Денисов,*

помощник пристава Плоского полицейского уч. г. Киева *Вышинский,*

гласный Киевской городской думы *Н. Д. Горбунов.*

Содержание настоящего акта мне известно и сим обязуюсь выполнить все пункты его, относящиеся ко мне

Смотритель Киевского городского театра *К. Малахов*[690].

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ КИЕВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА Ф. Ф. ТРЕПОВА

23 августа 1911 г.

Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор генерал-адъютант Трепов на основании 14 и 15 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и спокойствия (прилож. 1 к ст. 1 (примеч. 2) т. XIV Уст. о пред. и прес. прест.) постановил издать

следующее обязательное постановление:

1) Владельцы усадеб и домов в г. Киеве (достроенных и недостроенных), расположенных по пути следования Его Императорского Величества, во время проезда обязываются:

а) все ворота зданий и заборов, им принадлежащих, держать запертыми;

б) на крыши, чердаки, заборы, деревья и к слуховым окнам никого не допускать и при каждых воротах иметь привратника, который должен впускать и выпускать только известных ему лиц.

2) Хозяева квартир, расположенных в тех же местностях, обязываются во время проезда Его Величества допускать к окнам и на балконы квартир, ими занимаемых, только лиц, ими приглашенных и хорошо им известных.

3) Виновные в неисполнении этого обязательного постановления подвергаются в административном порядке денежному штрафу до пятисот рублей или аресту до трех месяцев.

4) Указанное в п. 3 сего Постановления взыскание налагается киевским губернатором.

5) Постановление это, действующее на время пребывания Их Императорских Величеств в г. Киеве осенью 1911 года, вступает в силу со дня расклейки на местах особых о том объявлений[691].

ИЗВЕЩЕНИЕ ЖИТЕЛЯМ г. КИЕВА

24 августа 1911 г.

29 сего августа Государь Император с Государыней Императрицей и августейшей семьею осчастливят своим посещением г. Киев.

Прибывают Их Императорские Величества в 11 часов утра на ст. Киев 1-й и пробудут в г. Киев несколько дней.

Местные власти своевременно объявят и примут все надлежащие меры, необходимые для обеспечения общественного порядка, свободы движения и проезда по улицам. Выбегать навстречу к царскому экипажу, бросать цветы и подавать прошения при проезде по улицам воспрещается. Находящим необходимость прибегнуть к царской милости будет открыт доступ для подачи

всеподданнейших прошений в императорском дворце, где в особо отведенном помещении прошения будут приниматься дежурным флигель-адъютантом.

Будучи уверен, что властям не придется прибегать к мерам строгости, применяемым лишь в случаях нарушения порядка, я обращаюсь к верноподданнической преданности всех благомыслящих киевлян и прибывших в г. Киев на сии высокоторжественные дни и прошу содействовать должностным лицам в поддержании необходимого порядка путем неуклонного следования требованиям, предъявляемым сими последними лицами. Только при таком отзывчивом отношении населения к мероприятиям властей могут быть вполне обеспечены достойная встреча Их Императорских Величеств и радостное проведение предстоящих торжественных дней[692].

ПИСЬМО ТОВАРИЩА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. Г. КУРЛОВА КИЕВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ А. Ф. ГИРСУ

28 июня 1911 г.

Ввиду предстоящего в августе месяце с. г. посещения города Киева Его Императорским Величеством, после личного ознакомления с городом и обсуждения всех вопросов с начальником края в имевших место совещаниях, признано необходимым в целях обеспечения благополучного пребывания Государя Императора:

I) Произвести регистрацию населения по пути предположенного Высочайшего проезда. В сих видах в г. Киеве с 1 июля открывается Регистрационное бюро, заведующим коего мною назначен Отдельного корпуса жандармов подполковник Дукельский. Личный состав бюро, помимо его заведующего, составляют 4 помощника (Отдельного корпуса жандармов ротмистры Толубеев, Пестриков и Троцкий-Сенютович, которые будут командированы к 1-му июля, и уже находящийся здесь С.-Петербургского жандармского дивизиона поручик Аргутинский), районные околоточные надзиратели, обслуживающие улицы и мосты, подлежащие ведению бюро: 46 околоточных надзирателей столичной полиции

для обслуживания пути проезда Его Императорского Величества и 8 околоточных надзирателей местной полиции для наблюдения за пропиской в участках, 4 околоточных надзирателя, 8 жандармских унтер-офицеров и 2 писца для ведения регистрации поступающих в бюро сведений и переписок по ним. Околоточные надзиратели столичной полиции, жандармские унтер-офицеры и писцы прибудут в конце текущего июня месяца; к этому же времени покорнейше прошу В[аше] Пр[евосходительство] командировать в бюро и указанных выше 8 околоточных надзирателей местной полиции.

Для осмотра владений, выходящих на линии Высочайшего проезда, канализационных и электрических сооружений учреждается с 1 августа 15 комиссий в составе: председателя – офицера Отдельного корпуса жандармов и членов – местного пристава или помощника, районного околоточного надзирателя, представителя городского самоуправления, при надобности – техника-инженера и агента Охранной команды, подведомственной дворцовому коменданту.

На укомплектование означенных комиссий ко времени открытия их действия будет выделено из Регистрационного бюро 3 офицера, четыре назначено из Киевского губернского жандармского управления, остальные будут назначены из других управлений. О командировании в комиссии чинов местной полиции, представителей городского самоуправления и техников-инженеров я прошу распоряжений Вашего Превосходительства.

Для открытия действий бюро представляется необходимым издать к 1-му июля обязательное постановление, проект коего прилагается, о чем я вместе с сим прошу начальника края.

В целях улучшения существующей постановки прописки в участковых управлениях я покорнейше просил бы Ваше Превосходительство сделать распоряжение об обязательном приеме паспортов в прописку в участковых управлениях от 9 час. утра до 3 час. дня и от 6 час. вечера до 12 час. ночи при обязательном немедленном возвращении в дома и гостиницы книг, служащих для записи документов.

II) Для проверки лиц, кои будут ходатайствовать о допуске их в места церемоний в Высочайшем

присутствии, а равно для заготовления и выдачи названным лицам соответствующих пропускных билетов с 15 июля открывается бюро, заведующим коего мною назначен чиновник особых поручений V-го класса при министре внутренних дел коллежский советник Курлов. Личный состав бюро состоит, исключая заведующего, из двух офицеров Отдельного корпуса жандармов, 3-х чиновников и нескольких машинистов. По выяснении необходимого для бюро числа писцов и машинистов о сем будет лично доложено Вашему Пр[евосходитель]ству чиновником особых поручений Курловым, а я покорнейше прошу Вас о командировании их из подведомственных Вам учреждений. Копия положения о билетном бюро при сем прилагается.

Независимо сего считаю нужным присовокупить, что лица, находящиеся в домах по путям Высочайшего следования (не живущие там, а приглашенные хозяевами квартир), должны быть снабжены билетами за подписью местных приставов, что же касается публики на улицах, по которым изволит следовать Государь Император, то таковая допускается без билетов, за исключением лиц народной охраны, билеты коим выдаются начальником Киевского охранного отделения подполковником Кулябко, на которого я возлагаю организацию указанной охраны. Об установленных категориях билетов и способе их получения на основании утвержденного мною Положения о билетном бюро покорнейше прошу В[аше] Пр[евосходительство] сделать соответствующее объявление. Таким же объявлением должны быть оповещены жители города о маршрутах съезда в места посещения Е[го] И[мператорского] В[еличества]. Означенные объявления могут быть напечатаны лишь с момента опубликования Высочайшей программы. Билеты для пропуска лиц на вокзал (вне церемониала) выдаются на общем основании начальником Киевского жандармского полиц[ейского] упр[авления] ж[елезных] д[орог] полковником Левандовским.

III) Полицейский наряд в городе во время пребывания там Г[осударя] И[мператора], помимо заведующего нарядом киевского полицмейстера полковника Скалона, состоит из: 6 офицеров Отдельного корпуса жандармов, 11 приставов, 47 помощников приставов, 170 околоточных надзирателей и 1279 городовых; ввиду имеющейся в распоряжении Вашего

Превосходительства городской полиции в количестве 8 приставов, 10 помощников, 94 околоточных, 711 пеших и 40 конных городовых, – недостающее число будет мною командировано к 15 августа от с. – петербургской и московской столичных полиций. Взамен необходимого числа конных городовых к 20 августа прибудет в Киев под командою полковника Терпелевского сводный жандармский дивизион в составе 12 офицеров и 300 нижних чинов. Независимо сего прибудет секретная охрана в составе: Охранной команды, подведомственной дворцовому коменданту, летучего филерского отряда и Охранной команды С.-Петербургского охранного отделения, всего около 400 человек. В целях проверки документов, самоличности и благонадежности лиц, проживающих по населенным пунктам предполагаемых в Высочайшем присутствии маневров, а также и по пути проезда Государя Императора в указанный район г. Киева, учреждается при Киевском губернском жандармском управлении особое Регистрационное бюро, заведование работами коего, согласно инструкции, в копии при сем прилагаемой, возложено мною на Отдельного корпуса жандармов подполковника Павла Иванова. Выполнение устанавливаемой настоящей инструкцией работы бюро поручит по населенным пунктам районным чинам уездной полиции, ввиду сего покорнейше прошу Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение о командировании в помощь им в каждую из приведенных местностей по 3 классных чиновника и 6 урядников из других уездов вверенной Вам губернии. Для регистрации поступающих в бюро сведений и переписок в помощь заведующему назначается писарь и потребное число унтер-офицеров от губернского жандармского управления.

Для открытия действий бюро необходимо издать обязательное постановление, проект коего прилагается, и о чем одновременно с сим я прошу начальника края.

Охрану пути Высочайшего следования от города до маневров и район маневров несет команда, подведомственная дворцовому коменданту, и 3-й полевой жандармский эскадрон, который будет укомплектован необходимым числом чинов из сводного жандармского дивизиона.

Принимая во внимание, что во время проездов Государя Императора по городу можно ожидать

большого скопления публики на улицах, признается необходимым организовать на случай внезапных заболеваний скорую медицинскую помощь, ввиду сего я считаю необходимым устроить по предположенным линиям Высочайшего проезда медицинские пункты: 1) в дворцовом полицейском участке, 2) на площади у Городской думы, 3) на площади у Софийского собора (в здании Старокиевского участка), 4) на Бибиковском бульваре у памятника графа Бобринского, 5) на Галицком базаре и 6) около Политехнического института.

Все командированные в Киев и местные чины как общей полиции, так и Отдельного корпуса жандармов удовлетворяются суточными деньгами в усиленном размере согласно прилагаемой при сем справке.

Удовлетворение чинов полицейской стражи я просил бы Ваше Превосходительство принять на себя; удовлетворение чинов общей полиции, кроме столичной, которая будет удовлетворяться с. – петербургским и московским градоначальниками по принадлежности, мною возложено на полицмейстера полковника Скалона, а чинов Отдельного корпуса жандармов – на начальника губернского жандармского управления полковника Шределя[693].

ПИСЬМО ТОВАРИЩА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. Г. КУРЛОВА ДВОРЦОВОМУ КОМЕНДАНТУ В. А. ДЕДЮЛИНУ

11 июля 1911 г.

Секретно

Милостивый государь Владимир Александрович.

В дополнение к письму от 29-го минувшего июня за № 257 имею честь сообщить, что в целях обеспечения безопасного следования Их Императорских Величеств по гг. Киеву, Чернигову и Овручу и их окрестностям мною предположено выставлять на пути ожидаемых Высочайших проездов, независимо от нарядов наружной полиции, особые наряды от секретной охраны. Означенный отряд секретной охраны я полагал бы, если Ваше Превосходительство разделите мое мнение, составить из следующих частей:

Подведомственной Вам охранной агентуры – 175 чел.

Охранной команды С.-П[етер]б[ургского] охр[анного] отделения – 75 чел.

Центрального филерского отряда – 45 чел.

Жандармских унтер-офицеров разных управлений в штатском платье – 55 чел.

Филеров из числа командированных в распоряжение начальника Киевского охранного отделения – 75 чел.

Всего – 425 чел.

Начальствование над секретной охраной я возложил на полковника Спиридовича, в распоряжение которого, помимо его помощников по агентуре, поступят жандармские офицеры, командируемые ныне в распоряжение начальника Киевского охр[анного] отд[еления] и заведующего вр[еменным] Регистрационным бюро.

Чины, назначенные в состав секретной охраны, должны прибыть в г. Киев не позже 15 августа, где по мере приезда они поступают в распоряжение полковника Спиридовича, на обязанность которого возлагается сплотить отряд и ознакомить его с местными революционными деятелями.

Все чины секретной охраны будут руководствоваться «Инструкцией секретной охраны», а также распоряжениями и указаниями полковника Спиридовича, которому мною поручено представить мне не позже 20 августа наряды секретной охраны по предполагаемым путям проездов Их Величеств[694].

ИНСТРУКЦИЯ ЧИНАМ СЕКРЕТНОЙ ОХРАНЫ ПРИ ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ ПО гг. КИЕВУ, ЧЕРНИГОВУ, ОВРУЧУ И ИХ ОКРЕСТНОСТЯМ В 1911 ГОДУ

Общие положения

1. В целях обеспечения безопасности следования Их Императорских Величеств по гг. Киеву, Чернигову, Овручу и их окрестностям на пути ожидаемых проездов, независимо от наряда общей полиции, выставляется наряд секретной охраны.

2. Отряд секретной охраны составляется из

подведомственной дворцовому коменданту Охранной агентуры, Охранной команды С.-Петербургского охранного отделения, чинов летучего филерского Центрального отряда, жандармских управлений и охранных отделений, свободных от текущего наблюдения чинов местных охранного отделения и губернского жандармского управления и чинов наружной полиции в штатском платье, каковые части на время охраны поступают под начальствование начальника секретной охраны.

3. Начальником секретной охраны назначается заведующий Охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту, при отсутствии же его – один из его помощников.

4. Начальник секретной охраны по принятии в свое ведение перечисленных команд обязан сплотить их в единый отряд, ознакомить с обязанностями охраны, после чего действовать согласно настоящей инструкции.

5. Все чины различных команд, входящих в состав секретной охраны, при несении охранной службы руководствуются настоящей инструкцией, а также указаниями и распоряжениями начальника секретной охраны.

6. Секретная охрана состоит из линии отдельных постов, которая делится на охранные участки, начальниками коих назначаются офицеры Отдельного корпуса жандармов. Участки делятся на обходы, начальниками коих назначаются обходные агенты.

Обязанности начальника секретной охраны

7. Начальник секретной охраны делает наряд всех частей, входящих в состав таковой, определяет время постановки и снятия наряда и руководит деятельностью всей секретной охраны.

8. При распределении наряда он обязан, насколько позволят средства последнего, обеспечить наружными постами самую линию проезда, обставить внутренними постами наиболее важные места общественных собраний и обеспечить наблюдением те прилегающие к пути проезда пункты, где явится необходимость в целях противодействия возможному наблюдению злоумышленников.

9. Он проверяет несение службы всеми чинами наряда и о неисправностях, заслуживающих особого внимания, докладывает лицу, объединяющему всю

охрану, о всех же менее важных неисправностях и о недочетах технического свойства доводит до сведения начальников соответствующих частей по окончании командировки – на предмет выучки людей к позднейшим проездам.

10. О всем замеченном при Высочайшем проезде, заслуживающем с точки зрения охраны внимания, начальник секретной охраны докладывает лицу, командированному по Высочайшему повелению к обеспечению мер благополучного пребывания Его Императорского Величества[695].

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ИМПЕРАТОРСКИХ ПОЕЗДАХ

1. В императорские поезда железнодорожные служащие допускаются с согласия жандармского полицейского управления. Также и во время остановок императорских поездов на станциях допускаются к сим поездам только те железнодорожные служащие или рабочие, которые имеют на сие разрешение жандармского полицейского управления (ст. 13).

2. Поездные паровозы, назначенные к следованию с императорским поездом и ожидающие на одном из станционных путей прибытия императорского поезда для прицепки к таковому, во все время их стоянки на упомянутом пути охраняются порядком, установленным по распоряжению главного начальника охраны; и императорский поезд, во время его стоянок как на станциях, так и на пути между станциями, охраняется внешним военным караулом, наряжаемым для сего на точном основании инструкции войскам, вызванным для охраны императорского поезда (ст. 19).

3. Все без исключения железнодорожные служащие, которые должны следовать в императорском поезде или иметь к нему доступ при остановках, должны быть в форменной одежде, если таковая им присвоена; в противном же случае – в форменной фуражке или с соответствующим служебным знаком (ст. 20).

4. При следовании императорского поезда по железным дорогам соблюдаются в отношении движения по этим дорогам прочих поездов, а равно и ручных тележек и ручных вагончиков, следующие общие

правила:

а) не позже как за 12 часов до прихода императорского поезда прекращается движение всякого рода служебных, рабочих и экстренных поездов, за исключением назначаемых по заказу Высочайшего двора или тех, которые окажутся необходимыми для обеспечения правильного и безопасного движения императорского поезда;

б) не позже как за два часа до прохода императорского поезда прекращается движение товарных и воинских поездов мирного времени; причем те из означенных поездов, которые в день следования императорского поезда по железной дороге находились в ходу, заблаговременно задерживаются на тех станциях, где скрещение с ними императорского поезда или обгон их последним представит наиболее удобств;

в) движение по дороге ручных тележек и ручных вагончиков прекращается за 6 часов до прохода императорского поезда, за исключением случаев чрезвычайных, когда это движение вызывается необходимостью обеспечить правильность или безопасность следования императорского поезда (ст. 24).

5. При всех распоряжениях по проследовании императорского поезда должно быть обращено внимание на устранение излишнего оглашения расписания хода того поезда, а равно и других распоряжений, до следования сего поезда относящихся, поставляя о сем следовании в известность лишь тех лиц, до которых таковые распоряжения касаются (ст. 46).

6. За сутки до времени следования императорского поезда приостанавливаются на всем пути его следования сплошная смена шпал и рельсов и вообще все работы, которые, не будучи безусловно необходимы для безопасности движения, могли бы замедлить ход императорского поезда или вызвать его остановку (ст. 53).

7. Ко времени следования императорского поезда должны быть сняты с пути и заменены вставными рельсами все встречные стрелки боковых путей, уложенные на перегонах между станциями; если же, по краткости времени, исполнить сего не представится возможности, то упомянутые встречные стрелки должны быть к указанному времени заколочены наглухо костылями и около каждой из них поставлен для охраны

особый сторож из числа постоянных железнодорожных служащих, с сигналом замедления хода поезда (ст. 54).

8. При всех выставленных на пути временных сигналах должны находиться ко времени следования императорского поезда отдельные сторожа для наблюдения за исправностью этих сигналов (ст. 56).

9. Начальники дистанции должны принять надлежащие меры, чтобы затворы всех переездов на уровне рельсов были заблаговременно до прохода императорского поезда закрыты (ст. 58).

10. Путепроводы над железною дорогою и проезды под железнодорожными мостами и трубами в день следования императорского поезда должны быть охраняемы железнодорожными сторожами (ст. 59).

11. Вагоны, находящиеся на станциях, и поезда, задержанные для скрещения с императорским поездом или для пропуска оного, должны быть расставлены на станционных путях, по возможности несмежных с путем следования императорского поезда. Если неизбежно поставить их на смежном пути, то на нем следует ставить преимущественно товарный подвижной состав, причем двери товарных вагонов должны быть закрыты и дверные закладки заложены.

Если же на смежном пути будут поставлены вагоны с пассажирами, то в вагонах этих, не позже как за 10 мин. до прибытия или проследования императорского поезда, все двери должны быть заперты на ключ и окна со стороны следования императорского поезда закрыты (ст. 61).

12. Все стрелки, находящиеся на пути следования императорского поезда и в которых не имеется надобности для маневров по смене паровозов этого поезда или по пересоставлению самого поезда, должны быть по распоряжению начальника станции и в его присутствии закреплены наглухо по направлению означенного пути.

При каждой такой стрелке, если она не закреплена наглухо, начальник станции должен поставить надежного стрелочника (ст. 63).

13. Заблаговременно до прибытия или проследования императорского поезда начальник станции должен обойти пути следования сего поезда в пределах станции, причем расставить служащих по местам, удостовериться в правильном положении и

исправном действии стрелок и станционных сигналов, в правильной установке на запасных путях находящихся на станции поездов, подвижного состава и проч.

После этого осмотра и до проследования императорского поезда не должно быть делаемо на пути следования сего поезда никаких передвижений паровозов или вагонов.

Если бы, однако, после осмотра пути следования императорского поезда оказалось неизбежным сделать по ним какое-либо передвижение, то после сего означенный путь должен быть вновь осмотрен начальником станции (ст. 64).

14. Резервные паровозы, расставленные по станциям для следования в случае надобности на помощь императорскому поезду, должны быть повернуты трубою по направлению движения императорского поезда. Паровозные бригады должны находиться при резервных паровозах безотлучно до тех пор, пока императорский поезд не выйдет из обслуживаемого резервным паровозом района дороги (ст. 65).

15. При каждом резервном паровозе должен находиться вполне исправный тормозной крытый или особый вспомогательный вагон для безотлагательного, в случае надобности, отправления к императорскому поезду, вместе с резервным паровозом рабочих с инструментами и предметами подания помощи (ст. 66).

16. Не менее как за три часа до прибытия императорского поезда на станцию начальник станции должен сам вступить в дежурство по станции и, засим, лично встретить на станции императорский поезд.

На тех станциях, где имеется входная встречная стрелка, императорский поезд должен быть встречен на таковой стрелке помощником начальника станции или иным старшим станционным агентом, по назначению начальника станции (ст. 68).

17. При проследовании императорского поезда через станцию, а также при его остановках сигналы станционным колоколом о прибытии или отправлении поезда не подаются. Все же прочие сигналы, установленные положением об оных, соблюдаются в точности.

Сигналы об отправлении императорского поезда подаются главным кондуктором не иначе как по получении о том распоряжения лично от управляющего

дорогою (ст. 71).

18. На тех станциях, на которых назначены по расписанию остановки императорского поезда без смены паровозов, баки водоснабжения должны быть ко времени прихода означенного поезда наполнены водой, и водоливы должны находиться на своих местах (ст. 81).

19. Телеграммы, подаваемые чинами общей полиции, а равно и телеграммы, относящиеся до военной охраны пути и потребностей войск, подаваемые воинскими чинами, охраняющими железнодорожный путь (включая унтер-офицеров, заступающих офицеров), принимаются для передачи по железнодорожному телеграфу бесплатно и во всякое время не иначе как через начальников станций (ст. 89).

20. В пределах той железной дороги, на которой находится императорский поезд, прием и передача всякого рода телеграмм на слух безусловно воспрещается. Также не допускаются какие-либо сокращения в телеграммах поездных (ст. 90).

21. Во время следования императорского поезда помещения линейных телефонных аппаратов, находящихся на станциях дорог следования, должны быть за час до прибытия или проследования императорского поезда запираемы на ключ, который затем передается особо назначенному для сего жандармским управлением унтер-офицеру. Впредь до возвращения ключа начальнику станции унтер-офицер этот обязан находиться безотлучно близ помещения телефона (ст. 92).

22. Право пользования линейным телефоном, исключительно, впрочем, для служебных надобностей во время нахождения ключа у жандармского унтер-офицера, принадлежит лишь следующим лицам: чинам правительственной инспекции, начальникам станций и их помощникам, начальникам дистанций пути и их помощникам, начальникам депо, а равно и всем лицам, начальствующим над поименованными служащими (ст. 93).

23. В случае надобности в пользовании линейным телефоном жандармский унтер-офицер по требованию вышеприведенных лиц обязан открыть помещение телефона и запереть его вновь тотчас по окончании переговоров (ст. 94).

24. Действие телефонных ветвей от станции

железной дороги к городам, заводам и проч. прекращается за час до прибытия или проследования императорского поезда через станцию. Ключ от помещений таких телефонов передается жандармскому унтер-офицеру, который возвращает его начальнику станции только по выходе императорского поезда из районов действия всех имеющихся на станции телефонов.

25. Во время следования императорского поезда все врачи и фельдшера дороги следования должны быть размещены преимущественно на тех станциях, на которых будут находиться наготове резервные паровозы. Лица эти должны прибыть на означенные станции с установленными на каждой дороге ящиками с медикаментами и другими предметами для подания врачебной помощи не позже как за два часа до прибытия на станцию императорского поезда и должны оставаться на станции до получения известия о выходе поезда из района, обслуживаемого резервным паровозом (ст. 97).

26. Для оказания в случае надобности помощи людям технической бригады на станциях, находящихся на пути следования императорского поезда, местные станционные слесаря и осмотрщики должны находиться наготове ко времени прибытия поезда и ожидать его у станционной платформы со стороны входа поезда. Люди эти оказывают упомянутую помощь лишь по получении на то приказания управляющего дорогою, после чего исполняют в точности только те распоряжения, которые будут им даны инженером вагонов императорского поезда или его заместителем (ст. 120)[696].

ИНСТРУКЦИЯ ПО ОСМОТРУ ВЛАДЕНИЙ, ВЫХОДЯЩИХ НА ПУТИ ВЫСОЧАЙШИХ ПРОЕЗДОВ

от 28 июля 1913 г.

1) Для выяснения, не произведено ли из строений или усадеб, расположенных по путям высочайших проездов, каких-либо работ в целях злоумышления, а также для выяснения мер, кои должны быть приняты для обеспечения благополучного проезда мимо таковых зданий и усадеб, – все они осматриваются соответствующими комиссиями, под общим

руководством начальника отряда секретной охраны или его временного заместителя.

2) В состав каждой комиссии входят: председатель из офицеров Отдельного корпуса жандармов, местный пристав или помощник, районный полицейский надзиратель Регистрационного бюро, чин отряда секретной охраны, а также при необходимости чины технического надзора и представители от городского самоуправления.

3) Соображение о потребном числе комиссий и их составе, а также о времени производства осмотров составляется начальником отряда секретной охраны и представляется своевременно на утверждение представителю высшей местной административной власти.

4) Комиссии осматривают все находящиеся на пути проезда жилые и нежилые строения с их усадьбами, причем обращают особое внимание: а) на подземные сооружения, выходящие под улицу проезда; б) на производящиеся работы, особенно подземные; в) на квартиры, занимаемые политически неблагонадежными лицами, со сведениями на которых председатель комиссии должен заблаговременно ознакомиться чрез соответствующие учреждения.

5) Производя осмотры, [чины] комиссии намечают все те мероприятия, которые, по их мнению, необходимо принять в домах и усадьбах, как то: установление в день проезда тыловых постов секретной охраны и временных постов дворников; закрытие на то же время проходных дворов; временное закрытие некоторых домовых вместилищ, прекращение допуска на крыши, временное прекращение некоторых работ и иные тому подобные меры.

6) Проектируя известные мероприятия, чины комиссии должны иметь в виду ту главную цель, которая преследуется осмотрами, а потому в число мероприятий должно включаться только то, что действительно может устранить, предотвратить или содействовать безопасности высочайшего проследования; все же, не отвечающее таковой прямой цели, не должно быть предпринимаемо.

7) Все намеченные комиссией мероприятия вносятся в акты осмотра, составляемые по владениям по прилагаемой форме, которые подписываются членами

комиссии и представляются председателем начальнику отряда секретной охраны на заключение.

8) Начальник отряда секретной охраны, разобравшись в представленном ему материале, делает соответствующий доклад высшему представителю местной власти, по утверждении которого намеченные мероприятия приводятся уже в исполнение чинами общей полиции и секретной охраны по принадлежности[697].

ОБЯЗАННОСТИ ЧИНОВ ЖАНДАРМСКОЙ ПОЛИЦИИ ПО ОХРАНЕ ИМПЕРАТОРСКИХ ПОЕЗДОВ

(Извлечения)

1. *Общие основания*

Задача охраны

При следовании императорских поездов, независимо общих мер, ограждающих безопасность проезда по железным дорогам, принимаются еще особые меры охраны, обеспечивающие благополучное следование императорского поезда. Главная задача этих мер охраны сводится к тому, чтобы предупредить: а) всякую попытку причинить крушение или остановку поезда посредством заранее подготовленных работ, как то: подведение мин, разборки пути, подкопа под земляным полотном, повреждения моста или трубы и проч.; б) покушение против безопасности проезда непосредственно перед проходом поезда через укладку на рельсы каких-либо предметов или иными способами, могущими причинить сход поезда с рельсов; и в) злоумышление непосредственно против лиц, следующих в поезде, без предварительных к тому приготовлений, например выстрелом.

Руководство делом охраны

Непосредственное и исключительное руководство делом охраны на местах возлагается на чинов жандармских полицейских управлений железных дорог, на которых возлагается также и принятие мер по охране железнодорожного пути со всеми искусственными сооружениями, станционными и линейными зданиями в полосе отчуждения.

Участие в охране общей полиции, ж.-д.

администрации и войск

На чинов общей полиции возлагается охрана в местности, прилегающей к полосе отчуждения под железную дорогу; но в исключительных случаях чины общей полиции могут быть призваны для оказания содействия чинам жандармских полицейских управлений по охране пути и в полосе отчуждения, и в таком случае чины общей полиции действуют под руководством чинов жандармских полицейских управлений и заменяют их собою, если об этом к ним будет предъявлено требование.

Железнодорожная администрация, а в надлежащих местах и чины Горного ведомства, обязаны самым заботливым образом содействовать, со своей стороны, к воспрепятствованию злодейских покушений против императорских поездов. <… >

Вследствие недостаточности средств жандармской и общей полиции для предупреждения всякого рода деяний, направленных против безопасности следования императорских поездов, к участию в охране железных дорог привлекаются также и войска. <… >

О сделанных распоряжениях по возникающим недоразумениям, касающимся войск, начальники жандармских отделений обязаны немедленно сообщать заведующему передвижением войск и старшему в районе охраны войсковому начальнику.

Войскам, охраняющим путь, воспрещается вмешиваться в распоряжения по надзору и приготовлениям к проходу императорских поездов, исходящие от железнодорожной полиции и местного железнодорожного начальства, и препятствовать исполнению этих распоряжений. Господа офицеры и нижние чины должны строго соблюдать все распоряжения, сделанные по случаю предстоящего движения императорских поездов местным жандармским начальством и все железнодорожные правила, а также должны содействовать подлежащим властям и местной железнодорожной администрации в наблюдении за подчинением сказанным распоряжениям и правилам всех частных лиц.

2. *Постоянные меры охраны, соблюдаемые на всех железных дорогах*

Участки станционных жандармов

Каждый станционный жандармский унтер-офицер имеет в полосе отчуждения вверенный его надзору участок. Границы этих участков и порядок наблюдения за ними определяются сообразно местным условиям начальниками жандармских полицейских управлений. Чины жандармской полиции должны иметь постоянное и тщательное наблюдение за всеми возведенными и возводимыми постройками, сооружениями и земляными работами в своем участке, обращая внимание на то, чтобы указанные выше работы не производились тайно и не могли служить приготовлением к какому-либо злоумышлению или действию, могущему угрожать в будущем безопасности прохода императорского поезда. Для этого чины жандармской полиции возможно чаще должны посещать вышеуказанные здания и местности, быть хорошо знакомыми с внутренним расположением построек и сооружений и достигнуть того, чтобы все последующие изменения их не проходили для наблюдающих чинов незамеченными. Станционные жандармы обязаны иметь списки всех лиц, проживающих в участках, и знать хорошо их в лицо, строго следя за тем, чтобы они все проживали по установленным видам.

Охрана императорских покоев

Императорские покои и соприкасающиеся с ними жилые и нежилые помещения, находящиеся на станции, а равно и подвалы под ними должны состоять исключительно в ведении чинов жандармских полицейских управлений железных дорог, коим в полицейском отношении подчиняются истопники и сторожа, состоящие при сих комнатах и подвалах.

Находящиеся под императорскими покоями подвалы, а равно и смежные с ними нежилые помещения не могут быть ничем заняты. Допускается только в жилых частях указанных подвалов отводить квартиры жандармским унтер-офицерам и некоторым служащим на железной дороге, по выбору начальников отделений, с утверждения начальников полицейских управлений железных дорог; нежилые же части запираются.

Императорскими покоями пользуются, кроме Их Императорских Величеств, и особы императорской фамилии.

Независимо особ императорской фамилии, Государь Император высочайше соизволил разрешить останавливаться в императорских покоях, находящихся в

пассажирских зданиях, следующим лицам: иностранным принцам и принцессам; лицам дипломатического корпуса, а также знатным иностранцам, отправляющимся в загородные дворцы для представления Их Императорским Величествам и высочайшим особам; генерал-губернаторам во время проезда по железным дорогам по делам службы в пределах вверенного их управлению края, а также министрам и высшему духовенству; послам, а также чрезвычайным посланникам и полномочным министрам при прибытии из-за границы на пограничные станции и во время остановок поездов на станциях при дальнейшем их следовании в столицу; и послам, а также чрезвычайным посланникам и полномочным министрам при путешествии по России.

Наблюдение общей полиции за населением полосы, прилегающей к линии железной дороги

Все чины общей полиции, как городской, так, равно, уездной и сельской, обязаны внимательно следить за населением в прилегающих к линиям железных дорог местностях, обращая особое внимание на всех вновь прибывающих, не имеющих постоянной оседлости жителей. Одним из средств надзора, наиболее доступным для полиции, является требование строгого по отношению сих лиц исполнения правил Паспортного устава.

Полиция обязана удостоверяться, все ли такие лица снабжены законными и действительными паспортами, и выяснить, откуда они прибыли и в какие отношения стали к местным жителям, преследуя тех из них, кои не имеют требуемых видов. Внимание чинов полиции также должно быть обращено, в свою очередь, на всех возвращающихся из отлучек местных жителей.

Снабжение билетами и удостоверениями

Начальники отделений должны озаботиться о своевременном изготовлении и снабжении всех лиц, обязанных находиться на пути (за исключением чинов жандармской полиции, заведующих передвижением войск, комендантов железнодорожных станций, войск охраны и воинских чинов, вызываемых на станции остановок по особым распоряжениям), известного цвета билетами за своей подписью и печатью, пронумерованными по порядку в каждом отделении с сохранением в корешках книжек сведений о том, кому

билет выдан. Билеты эти выдаются за день до прибытия на дорогу войск. Начальниками отделений – чинам Корпуса жандармов непосредственно, а общей полиции – через исправников, полицмейстеров или участковых приставов в столицах; служащим же на железных дорогах для вручения по принадлежности выдаются через посредство начальника дороги или через начальников участков пути, начальников отделения тяги и движения и контролеров телеграфа. <… >

Билеты заблаговременно печатаются в типографии штаба Отдельного корпуса жандармов по однообразной форме.

Обязанности станционного унтер-офицера и унтер-офицера охранного участка

Участки станционных унтер-офицеров при получении извещения о предстоящем следовании императорского поезда разбиваются начальником отделения на временные охранные участки (приблизительно 5 верст каждый), которые вверяются прикомандированным жандармским унтер-офицерам; на охранные же участки, имеющие более важное значение, назначаются местные станционные унтер-офицеры, как более знакомые с участком. Каждый жандармский унтер-офицер охранного участка должен получить от постоянного станционного унтер-офицера письменные сведения участка (описание участка, список служащих, распределение войск и проч.). Затем совместно с постоянным унтер-офицером осматривает участок – как самое полотно дороги, так и все на ней сооружения (станционные здания, мосты, тоннели, трубы и т. п.), а также все постройки – постоянные и временные (будки, избы, сараи, землянки и т. п.), находящиеся в полосе отчуждения, производя при этом самую подробную поверку лиц, проживающих в означенных зданиях и постройках. Полезно ночью обходить свой участок и проверять, заходя в будки, не ночует ли там кто-нибудь из посторонних лиц. Если вблизи полотна железной дороги имеются отдельные дома, то следует посетить их под благовидным предлогом (погреться, напиться воды, проверить часы и т. п.), чтобы познакомиться с хозяевами и узнать, нет ли там подозрительных лиц.

В день проследования императорского поезда все нежилые постройки осмотреть, после чего запереть их на замок. Пустые вагоны на станциях осмотреть за два часа

до прохода императорского поезда, после чего вагоны должны быть запломбированы. Осмотр своего участка унтер-офицер должен произвести до объезда начальника отделения и при объезде последнего встретить его в начале своего участка.

3. *Меры, принимаемые во время следования императорского поезда по линии*

Назначение призванных для охраны пути войск есть содействие чинам жандармских полицейских управлений в приведении в исполнение всех установленных по охране императорских поездов мер.

На начальников войсковых частей сверх обязанностей, налагаемых общим порядком службы, возлагается забота, чтобы предписанные инструкцией правила охраны исполнялись в точности, без промедления и без особого утомления людей.

Все офицеры должны находиться безотлучно на занимаемых вверенных их частям участках, обходя или объезжая таковые для наблюдения за исправным исполнением нижними чинами их обязанностей по охране.

Если воинскими чинами при исполнении обязанностей по охране будет замечено что-либо подозрительное как на железной дороге, так и в прилегающей местности, они обязаны немедленно сообщить о том ближайшим чинам жандармской железнодорожной полиции и ближайшим агентам железной дороги, а также донести о том своему начальству.

В случае вооруженного нападения злоумышленников с целью порчи пути, телеграфа или технических сооружений находящиеся в охране войска поступают по правилам параграфа 153 Устава гарнизонной службы для часовых и дозоров, а именно: обязаны отражать силу силою, причем употребляется в дело оружие без ответственности за последствия при сделанном на них нападении или когда не было другого средства для отвращения преступной попытки, грозящей безопасности следования поезда или лиц, в нем находящихся. Посту, на который произведено нападение, должны оказать в этом случае помощь соседние посты, расставленные вдоль линии.

Во время следования императорского поезда

внимание всех лиц, несущих охранную службу, не должно быть поглощено тем, чтобы следить за ходом поезда, а напротив, в это время оно всецело должно быть обращено на то, чтобы не было произведено против поезда какого-нибудь злоумышления, и потому внимательно следует смотреть вперед по направлению следования поезда, а также по сторонам железной дороги.

Чины общей полиции, со времени постановки войск <… > должны находиться на вверенных их наблюдению постах, а урядники – производить разъезды вдоль участка безостановочно до прохода поезда.

После постановки войск <… > никто из лиц, не имеющих билетов и удостоверений, на дорогу или через нее не пропускается, за исключением лишь тех, которые будут лично удостоверены чинами жандармских полицейских управлений.

За действия лиц, снабженных установленными билетами и удостоверениями или допущенных на дорогу по личному удостоверению жандармских чинов, войска не отвечают.

Переход и проезд через переезды, путепроводы под мостами и другими искусственными сооружениями должен быть прекращен на больших дорогах и городских улицах с деятельным движением – по указанию начальника жандармского отделения, а в других местах – со времени прохождения императорским поездом последней станции, к каковому времени барьеры должны быть заперты.

Общая полиция во избежание скопления экипажей и пешеходов на больших дорогах и городских улицах, ведущих к полотну железной дороги, должна по получении указания начальника отделения жандармского полицейского управления о времени закрытия проезда через железную дорогу заблаговременно и в соответствующем расстоянии от дороги принять предупредительные меры для воспрепятствования излишнего движения экипажей и пешеходов по направлению к линии железной дороги.

По распоряжению чинов общей полиции (а где есть, и речной) прекращается движение судов и плотов под железнодорожными мостами в тех местах, где это будет признано необходимым чинами жандармской железнодорожной полиции. Сплав же дров прекращается

общей (или речной) полицией ко времени осмотра пути.

Жителям селений, прилегающих к полотну железной дороги, не возбраняется в районе их оседлости находиться во время прохода императорского поезда вблизи цепи войск, не переходя за таковую, но они не должны быть размещаемы на станциях и платформах. В число желающих видеть императорский проезд не допускаются лица, не принадлежащие к местному сельскому обществу и неизвестные сельскому начальству. Наблюдение за вышеизложенным возлагается на чинов общей полиции.

Члены депутаций, на представление коих во время остановок императорского поезда воспоследует высочайшее соизволение, снабжаются также начальниками жандармских отделений установленными билетами. По требованию губернаторов билеты эти вручаются членам депутации чинами местной полиции. В случае недостатка времени, потребного для выдачи начальникам жандармского отделения билетов, депутации допускаются на станции по указанию или требованию губернатора, под личную его ответственность. В последнем случае начальник управления сообщает в штаб Корпуса [жандармов].

Начальники жандармских полицейских управлений железных дорог должны телеграфировать командиру Корпуса жандармов о проследовании императорских поездов в районе вверенного им управления, а также о выдающихся обстоятельствах или разного рода случайностях, касающихся сих поездов…[698]

Глава 13
Политическая каша

…И если на левой стороне был теоретический утопизм, то на правой было самое прозаическое предательство. Это, к сожалению, есть совершенно неоспоримый факт.

И. Л. Солоневич

За несколько месяцев до Февральской революции большинство подданных Российской империи не могло себе представить, какие события произойдут в стране в 1917 г. Не только для обывателей, но и для подавляющего числа представителей властных структур и оппозиции смена политического строя стала неожиданностью. В. И. Ленин еще в январе 1917 г. говорил в Цюрихе, что «партийцы-старики», быть может, до грядущей революции не доживут. На другой день после отречения императора А. М. Горький и Н. С. Чхеидзе говорили послу Франции М. Палеологу, что революция оказалась «совершенно внезапной». По нашему мнению, неожиданность Февральской революции заключалась не в самом факте ее свершения, а в том, за какой короткий период она произошла. Чтобы лучше понять причины того, каким образом династия Романовых с ее 300-летней историей потеряла власть в течение нескольких дней, нам придется возвратиться в 1914 г.

В приведенном ранее циркуляре Департамента полиции «О деятельности политических партий в России и о мерах борьбы с этими партиями», изданном в сентябре 1914 г., четко указывалось, что в ходе войны революционная деятельность будет продолжаться. Бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново ровно за три года до Февральской революции пророчески предупреждал Николая II о вероятных военных поражениях, которые обусловливались ненужностью войны для России и ее неподготовленностью к очередному военному конфликту за чуждые интересы. Дурново полагал, что все неудачи в войне будут приписаны правительству, против него начнется яростная кампания в законодательных учреждениях и в результате – неизбежный социальный взрыв, революция. Как император отреагировал на предостережение Дурново? Реально – никак!

Более того, Николай II как будто забыл или хотел забыть о

событиях 1905 г. Мы уже упоминали о его беседе с А. В. Герасимовым, когда государь спрашивал последнего о том, кто победит – правительство или революция. А в 1907 г. в ответ на сообщение П. А. Столыпина о подавлении революции самодержец заявил: «Я не понимаю, о какой революции вы говорите. У нас, правда, были беспорядки, но это не революция… Да и беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые»[699]. Заключительную фразу Николаю II следовало бы в первую очередь адресовать самому себе. Г. Е. Распутин, который был прекрасным психологом, говорил, что у царя «внутри недостает». А. А. Блок оставил следующую характеристику: «Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, изверившийся в людях, задерганный и осторожный на словах, был уже „сам себе не хозяин“. Он перестал понимать положение и не делал отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь в руки тех, кого сам поставил у власти»[700]. Личные качества самодержца стали первой причиной, обусловившей падение династии Романовых.

Вторая причина революции была социальной. Известный писатель-публицист И. Л. Солоневич писал, что предреволюционная Россия находилась в социальном тупике. Новые общественные силы: «энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные», пробивались к власти, но на их пути стоял старый правящий слой, который имел все признаки вырождения, в том числе и физического. Генерал свиты, начальник канцелярии Министерства двора и уделов А. А. Мосолов вспоминал: «Ближайшая свита не могла быть полезной императору ни мыслями, ни сведениями относительно внутренней жизни страны. <…> Бюрократия, включая министров, представляет одну из преград, отделяющих государя от народа. Бюрократия – каста, имеющая свои собственные интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами страны и ее государя»[701]. Большинство исследователей (и мы в том числе) согласны с этим.

Начиная с августа 1914 г. социально-политическая обстановка в России постепенно ухудшалась. Это было связано с рядом объективных факторов: поражениями на фронте, потерей территорий, инфляцией, снижением уровня промышленного и сельскохозяйственного производства и др. В политической сфере в конце 1916 г. происходили следующие события. На ноябрьской сессии Государственной думы даже представители правых партий резко критиковали правительство. Лидер кадетов П. Н. Милюков процитировал сообщение из немецкой прессы, в котором говорилось, что назначение Б. В. Штюрмера премьером – победа

«немецкой партии», возглавляемой императрицей. К Милюкову присоединились многие депутаты, считавшие правительство Штюрмера неспособным вести войну и склонным заключить сепаратный мир с Германией. Царь пожертвовал Штюрмером – больше в угоду союзникам, обеспокоенным возможным выходом России из войны (ее выход позволил бы Германии сосредоточить основные силы на Западном фронте).

Однако у власти продолжали оставаться бездарные личности, называемые придворной камарильей. В ночь на 17 декабря князь Ф. Ф. Юсупов и В. М. Пуришкевич при содействии великого князя Дмитрия Павловича организовали убийство Г. Е. Распутина. По официальной версии, они исполнили свой священный долг – избавить императора и императрицу от влияния «темных сил». Мы предполагаем, что смерть Распутина могла стать следствием его усилий по организации фиктивной революции и последующего выхода России из войны.

По некоторым сведениям, осенью 1916 г. у Распутина собрались управляющий МВД А. Д. Протопопов[702], начальник Петроградского гарнизона С. С. Хабалов, начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев и комендант Петропавловской крепости генерал В. Н. Никитин. Прибывшему с Протопоповым генералу П. Г. Курлову старец в доверии отказал. Протопопов заявил, что Николай II якобы поручил ему устроить восстание в столице. По плану МВД предполагалось спровоцировать антиправительственные выступления, а затем подавить их с помощью армии, полиции, вооруженной пулеметами, и специального отряда добровольцев. После этого император должен будет пойти на сепаратный мир с Германией ввиду угрозы революции, что позволит ему в какой-то степени сохранить «политическое лицо». Как сообщают некоторые источники, один из агентов В. М. Пуришкевича записал этот разговор и сообщил о нем своему патрону.

Смерть Распутина не послужила императору предостережением. Премьер-министр А. Ф. Трепов (сын Ф. Ф. Трепова и брат Д. Ф. Трепова, занимавших не последнее место в истории полицейских служб) был в конце декабря уволен, а на его место назначен князь Н. Д. Голицын. Последний просил императора отменить назначение ввиду преклонных лет, слабого здоровья и отсутствия опыта, но Николай II не желал ничего слушать. Власть Протопопова в качестве министра внутренних дел была безраздельной. Поскольку после ликвидации Распутина политика правительства не изменилась, многие высокопоставленные лица считали, что осталось только одно средство спасти монархию – устранить самого монарха.

Как следует из многих опубликованных мемуаров, к отстранению Николая II от власти в числе прочего привело несколько «дворцовых заговоров», организованных представителями земельной аристократии, финансово-промышленных и военных кругов. Земельная (не служилая!) аристократия не хотела терять своих привилегий и связывала сохранение собственного благополучия с крайним консерватором – великим князем Николаем Николаевичем. А. А. Мосолов сообщает: «Думали, что переворот приведет к диктатуре Николая Николаевича, а при успешном переломе в военных действиях – и к его восшествию на престол»[703]. Мельгунов писал: «Речь шла уже о заговоре в стиле дворцовых переворотов XVIII столетия, при которых не исключалась возможность и цареубийства»[704].

Российский финансово-промышленный капитал также преследовал свои цели, реализация которых тормозилась династией. Политический лидер этой группы А. И. Гучков впоследствии показал Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, что план заключался в том, чтобы «… захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые <…> в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство, затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляют собою правительство»[705]. По некоторым данным, к заговору примыкали Н. И. Некрасов, М. И. Терещенко и генералы Л. Г. Корнилов и А. М. Крымов. Следует отметить, что в Департаменте полиции и в Петроградском охранном отделении определенная информация о деятельности Гучкова и его сторонников имелась, но никаких репрессивных или хотя бы профилактических мер по отношению к заговорщикам предпринято не было.

Главой «военного заговора» (по нашему мнению – сговора генералов) являлся начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев. По одной из версий, он видел себя в будущем Верховным главнокомандующим при малолетнем императоре Алексее и регенте Николае Николаевиче. Военная верхушка, поддерживавшая Алексеева, справедливо опасалась за свое будущее после стольких военных неудач. В мемуарах М. Палеолога рассказывается, что великие князья и просто князья, представители финансовой, земельной и военной аристократии на своих приемах открыто говорили о свержении императора и о том, что они уже ведут пропаганду в частях гвардии. Петроградское охранное отделение указывало, что отпуск офицеров гвардейской кавалерии осуществляется по

определенному плану. Агитация велась даже среди сотрудников охранных структур государя, в том числе среди личного состава Конвоя Николая II. Представители правящей элиты, участвовавшие в заговорах, не отдавали себе отчета в том, что могут стать жертвой своих собственных действий.

А. Блок впоследствии писал: «Единственным живым органом, который учитывал политическое положение и понимал, насколько опасна для расстроенного правительства организованная общественность, которая, в лице прогрессивного блока, военно-промышленных комитетов и др. общественных организаций, давно могла с гораздо большим успехом действовать в направлении обороны страны, был Департамент полиции. Доклады охранного отделения в 1916 году дают лучшую характеристику общественных настроений, они исполнены тревоги, но их громкого голоса умирающая власть уже услышать не могла»[706].

В секретном докладе Петроградского охранного отделения от 5 января говорилось: «Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи – как о намерениях правительственной власти, в смысле принятия различного рода реакционных мер, так равно и о предположениях враждебных этой власти групп и слоев населения, в смысле возможных и вероятных революционных начинаний и эксцессов. Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений, как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как разных революционных вспышек, так равно и несомненного якобы в ближайшем будущем „дворцового переворота“»[707].

Далее в докладе сообщалось, что ситуация напоминает канун 1905 г.: «Как и тогда, все началось с бесконечных и бесчисленных съездов и совещаний общественных организаций, выносивших резолюции резкие по существу, но, несомненно, в весьма малой и слабой степени выражавшие истинные размеры недовольства широких народных масс населения страны. <…> Весьма вероятно, что начнутся студенческие беспорядки, к которым примкнут и рабочие, что все это увенчается попытками к совершению террористических актов, хотя бы в отношении нового министра народного просвещения или министра внутренних дел как главного, по указаниям, виновника всех зол и бедствий, испытываемых страною. <…> Либеральная буржуазия верит, что в связи с наступлением перечисленных выше ужасных и неизбежных событий правительственная власть должна будет пойти на уступки и передать всю полноту своих функций в руки кадет, в лице лидируемого ими прогрессивного блока, и тогда на

Руси „все образуется“. Левые же упорно утверждают, что наша власть зарвалась, на уступки ни в коем случае не пойдет и, не оценивая в должной мере создавшейся обстановки, логически должна привести страну к неизбежным переживаниям стихийной и даже анархической революции, когда уже не будет ни времени, ни места, ни оснований для осуществления кадетских вожделений и когда, по их убеждениям, и создастся почва для „превращения России в свободное от царизма государство, построенное на новых социальных основах“»[708].

В докладе Охранного отделения от 19 января говорится: «Отсрочка Думы продолжает быть центром всех суждений. <…> Рост дороговизны и повторные неудачи правительственных мероприятий по борьбе с исчезновением продуктов вызвали еще перед Рождеством резкую волну недовольства. <…> Население открыто (на улицах, в трамваях, в театрах, магазинах) критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия. <…> Озлобленное дороговизной и продовольственной разрухой большинство обывателей… питается злостными сплетнями. <…> Неспособные к органической работе и переполнившие Государственную думу политиканы… способствуют своими речами разрухе тыла. <…> Их пропаганда, не остановленная правительством в самом начале, упала на почву усталости от войны; действительно возможно, что роспуск Государственной думы послужит сигналом для вспышки революционного брожения и приведет к тому, что правительству придется бороться не с ничтожной кучкой оторванных от большинства населения членов Думы, а со всей Россией. <…> Резюмируя эти колеблющиеся настроения в нескольких словах, можно сказать, что ожидаемый массами в феврале месяце роспуск Государственной думы не обязательно вызовет, но легко может вызвать всеобщую забастовку, которая объединит в себе всевозможные политические направления и которая, начавшись под флагом популярной сейчас „борьбы за Думу“, окончится требованием окончания войны, всеобщей амнистии, всех свобод и проч. <…>

В действующей армии, согласно повторным и все усиливающимся слухам, террор широко развит в применении к нелюбимым начальникам, как солдатам, так и офицерам. <…> Поэтому слухи о том, что за убийством Распутина – этой „первой ласточки“ террора – начнутся другие „акты“, – заслуживают самого глубокого внимания. <…> Нет в Петрограде в настоящее время семьи так называемого „интеллигентного обывателя“, где „шепотком“ не говорилось бы о том, что „скоро, наверное, прикончат того или иного из представителей правящей власти“ и

что „теперь такому-то безусловно несдобровать“. Характерный показатель, что озлобленное настроение пострадавшего от дороговизны обывателя требует кровавых гекатомб из трупов министров, генералов. <…> В семьях лиц, мало-мальски затронутых политикой, открыто и свободно раздаются речи опасного характера, затрагивающие даже священную особу государя императора. <…>

Общий вывод из всего изложенного: <…> если рабочие массы пришли к сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и последующей революции, а круги интеллигенции – к вере в спасительность политических убийств и террора, то это указывает на „жажду общества найти выход из создавшегося политически ненормального положения“, которое с каждым днем становится все ненормальнее и напряженнее»[709].

Секретный доклад Охранного отделения правительству о положении в столице от 26 января заканчивается выводом: «Что будет и как все это произойдет, судить сейчас трудно, но, во всяком случае, воинствующая оппозиционная общественность, безусловно, не ошибается в одном: события чрезвычайной важности и чреватые исключительными последствиями для русской государственности „не за горами“»[710]. В этот день произошло событие, которое мы считаем сигналом к началу Февральской революции. Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) под руководством меньшевика-оборонца К. Л. Гвоздева выпустила антиправительственную прокламацию. Она предназначалась для обсуждения в рабочих коллективах по поводу демонстрации, приуроченной к открытию 14 (27) февраля 1917 г. 12-дневной сессии Государственной думы.

В прокламации говорилось: «Режим самовластия душит страну. Политика самодержавия увеличивает и без того тяжкие бедствия войны, которые обрушиваются всей тяжестью на неимущие классы. И без того бесчисленные жертвы войны во много раз умножаются своекорыстием правительства. Создавши тяжкий продовольственный кризис, правительство упорно и ежедневно толкает страну к голоду и полному разорению. Пользуясь военным временем, оно закрепощает рабочий класс, приковывая рабочих к заводу, превращая их в заводских крепостных. <…>

Раб[очему] классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержавного режима и полная демократизация страны является теперь задачей, требующей неотложного разрешения, вопросом существования раб[очего] класса и демократии. Исходя

из всего вышесказанного и считая, что нынешнее столкновение буржуазного общества с властью создает момент особенно благоприятный для активного вмешательства раб[очего] класса, что столкновение Думы с правительством может быть использовано народным движением в интересах решительного удара по самодержавию, мы – рабочие <…> постановляем:

Немедленно приступить к сплочению и организации своих сил; избрать заводской комитет; сговориться с товарищами других фабрик и заводов, на ряде собраний выяснить всем товарищам исключительную важность момента; сообщить о своих решениях на др[угие] заводы. <…>

Глубокий кризис, охвативший страну, уже не может быть разрешен, как мечтают имущие классы, организацией власти, ответственной перед Думой. Правительство, ответственное только перед Думой, уже неспособно остановить разруху в стране. Только правительство, организованное самим народом, опирающееся на народные организации, которые возникнут в борьбе, способно вывести страну из тупика. <…> Создание Временного правительства – лозунг, который должен объединить всю демократию. <…>

Ужасное положение в стране взывает к демократии, к рабочему классу. Нельзя молчать. Упущение теперешнего момента – момента небывалого напряженного столкновения общественной России с официальной – несет великие, непоправимые бедствия, и прежде всего рабочему классу. Момент, страшный по своей ответственности, небывалый в истории России, определяющий ее жизнь на долгие годы.

В своем движении рабочий класс должен использовать существующую Государственную думу, какой бы она ни была, пользуясь ее сравнительной свободой слова и направляя свои требования к этому центру.

В своем движении рабочий класс должен организовывать себя во что бы то ни стало; всюду по заводам образуя свои комитеты, которые могли бы объединиться в общегородскую организацию, способную авторитетно, от имени всех рабочих Петрограда, сказать свое слово. Каждый митинг должен заканчиваться выбором организации, за которую должен крепко стоять весь завод…»[711].

Таким образом, прокламация открыто призывала к формированию Временного правительства, ответственного не перед монархом или Государственной думой, а непосредственно перед народом. В условиях военного времени это можно и должно было расценивать как призыв к свержению самодержавия, выражаясь современным юридическим языком, – призыв к

насильственному изменению конституционного строя.

27 января 12 из 15 членов Рабочей группы ЦВПК были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Следует пояснить, что группа изначально создавалась для оказания помощи оборонной промышленности. Но, как впоследствии показал один из ее членов Обросимов, она «…на самом деле преследует революционные цели вплоть до вооруженного восстания и свержения власти, для чего и пошла в Комитет»[712].

В начале февраля 1917 г. был создан Петроградский военный округ под командованием генерал-лейтенанта С. С. Хабалова. Вот как рассказывал об этом член Военного совета генерал П. А. Фролов: «В одном из заседаний Военного совета в конце января или начале февраля в совет был внесен доклад по Главному управлению Генерального штаба по отделу об устройстве и службе войск о выделении из района армий Северного фронта Петроградского военного округа и о подчинении командующего войсками военному министру. По чьему желанию это было сделано, я не знаю, но внесено было неожиданно по приказанию генерала Беляева и в экстренном порядке. Мотивировалось это особыми условиями, в которых находится Петроград с его окрестностями. При обсуждении в Военном совете этого проекта последний подвергся существенному изменению, в смысле изъятия его из подчинения военному министру. <…> Генерал Беляев согласился на сделанные изменения. Меня очень поразило это желание в проекте подчинять командующего войсками военному министру, несмотря на широкие полномочия, которые проект представлял командующему войсками по сравнению с командующими войсками внутренних округов, каковые по закону по отношению к военному министру не ставятся в подчинение. Я лично объяснил себе предоставление таких больших полномочий командующему войсками целью более успешной борьбы с рабочими волнениями»[713].

В разгар зимы 1917 г. в связи с погодными условиями начались перебои на железнодорожном транспорте. Вследствие этого в Петрограде возник временный продовольственный кризис. 31 января, 1, 3 и 4 февраля Глобачев докладывал правительству о забастовках и стачках на предприятиях города. 5 февраля Охранное отделение представило доклад «О положении продовольственного дела в столице». В нем говорится: «С каждым днем продовольственный вопрос становится острее, заставляет обывателя ругать всех лиц, так или иначе имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями»[714]. Итогом нового повышения цен и исчезновения из торговли предметов первой необходимости явился очередной взрыв

недовольства, охвативший даже консервативные слои чиновничества.

После ареста Рабочей группы ЦВПК Николай II поручил бывшему министру внутренних дел Н. А. Маклакову подготовить проект манифеста о роспуске Государственной думы. Проекты были заготовлены и подписаны императором без указания даты, которую премьер-министр мог вставить позднее. Арест Рабочей группы и строжайшие предостережения генерала С. С. Хабалова о недопустимости беспорядков несколько снизили уровень политического противостояния. Демонстрация в поддержку Государственной думы у Таврического дворца 14 февраля не состоялась. Тем не менее 80 000 рабочих Петрограда в этот день бастовали и провели мирную манифестацию в центре. 18 февраля началась забастовка на Путиловском заводе, к которой постепенно присоединялись рабочие других заводов столицы.

На 20 и 21 февраля Николай II вызвал к себе некоторых министров во главе с премьером Голицыным для обсуждения политических вопросов. В конце совещания он заявил, что собирается явиться в Думу и объявить о даровании ответственного министерства (правительства), но уже вечером позвонил Голицыну и сообщил, что уезжает в Ставку. На вопрос об ответственном министерстве он ответил, что изменил свое решение. Таким образом, государь не только не предпринял никаких политических шагов, но и покинул Петроград накануне назначенных на 23 февраля по призыву Русского бюро ЦК и Петроградского комитета РСДРП антивоенных стачек и митингов, посвященных Международному дню работниц. Известный философ Г. М. Катков, исследовавший причины революции, пишет: «Из имеющихся источников неясно, почему Алексеев настаивал на личном присутствии Верховного главнокомандующего. Баронесса Буксгевден, в то время фрейлина императрицы, в своих мемуарах совершенно определенно говорит, что государь выехал по телеграфной просьбе генерала Алексеева, не зная, в чем именно заключается спешное дело, требующее его присутствия. Это обстоятельство обретает известное значение в связи с показанием Гучкова Муравьевской комиссии, что дворцовый переворот намечался на март и что для осуществления его предполагалось захватить императорский поезд по дороге между Петроградом и Могилевом. Была ли просьба Алексеева (он мог и не знать, что эта просьба передана царю) частью подготовки к перевороту? Во всяком случае, в этот момент никаких особо важных решений в Ставке как будто не принимали, и, судя по письмам Николая II жене, он надеялся скоро закончить текущие дела и вернуться в Петроград <…>

в свете последующих событий отъезд императора в Могилев, предпринятый по настоянию Алексеева, представляется фактом, имевшим величайшие последствия»[715].

23 февраля (8 марта) начались забастовки на текстильных предприятиях Выборгской стороны: Невской ниточной мануфактуре и Сампсониевской бумагопрядильне. К работницам присоединились рабочие заводов «Новый Лесснер», «Русский Рено», «Людвиг Нобель», «Эриксон» и др. Забастовали почти все предприятия этого района столицы. Особую роль сыграло то обстоятельство, что большинство предприятий размещалось вдоль набережных Невы и Большой Невки. Стачки распространились на другие районы города: они состоялись на Франко-Русском и Петроградском вагоностроительном заводах, на Нарвской площади прошел митинг рабочих Путиловского завода. Всего в забастовках участвовало более 75 000 рабочих. Четверть забастовщиков вышла на улицы под лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!». Подверглись нападениям и грабежу часовой магазин Лихаевского, булочная Филиппова. По сообщениям полиции, в Петрограде распространились слухи «о предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба», что вызвало «…усиленную закупку публикой хлеба, очевидно в запас, почему части населения хлеба не хватило»[716].

Власти реагировали на беспорядки очень нерешительно, первые воинские подразделения были вызваны после полудня. Им поставили задачу охранять правительственные здания и противодействовать движению демонстрантов. На Невском проспекте к 16 часам выставили полицейские заслоны, но их усилий было явно недостаточно. На помощь полиции вызвали казаков, но формально они не подчинялись полиции и вели себя пассивно. Охранное отделение докладывало, что вызванные на помощь полиции войска не оказывают устрашающего воздействия на участников уличных беспорядков. Правительство, городские власти и генерал С. С. Хабалов не отнеслись к обострению ситуации со всей серьезностью, были склонны рассматривать вспыхнувшие в столице волнения как «голодный бунт». А тем временем революционные партии, ободренные размахом забастовочного движения, готовились к продолжению агитации на следующий день. На совместном заседании Центрального, Петроградского и Выборгского комитетов РСДРП было решено усилить агитацию среди солдат, призвать рабочих к продолжению забастовок, провести демонстрацию и митинг на Невском проспекте. 24 февраля (9 марта) большинство собравшихся рабочих решили к работе не приступать; на предприятиях Василеостровского, Выборгского, Нарвского, Петроградского и

четырех центральных районов бастовали свыше 200 000 человек. Состоялись демонстрации на Невском проспекте, у Казанского собора, на Знаменской площади; демонстрации и митинги становились основной формой выражения протеста. 23–24 февраля проявились наиболее характерные черты Февральской революции – стихийность и массовость. Стихийность движения усредняла политический уровень участников выступлений, нивелировала различия между политическими платформами различных партий. Массовость затрудняла деятельность политических партий по организации выступлений.

В этих условиях у правительственных сил имелись возможности принять энергичные меры к наведению порядка на улицах, но они не были предприняты. Полицейские кордоны в 10–20 человек противостоять многотысячным толпам не могли. Казаки были настроены по большей части нейтрально и даже дружелюбно по отношению к демонстрантам. Вызванные на помощь полиции войска приказа на применение оружия не получили.

24 февраля члены Русского бюро ЦК РСДРП П. А. Залуцкий, В. М. Молотов и А. Г. Шляпников провели совещание, на котором приняли решение призвать рабочих к всеобщей забастовке и привлечь на свою сторону солдат. На заседании Петроградского и Выборгского районного комитетов РСДРП было решено попытаться перевести забастовки во всеобщую политическую стачку.

25 февраля (10 марта) в стачке приняли участие свыше 300 000 человек (около 80 процентов рабочих Петрограда).

Многочисленные демонстрации и митинги проходили во всех районах города, на некоторых предприятиях создавались стачечные комитеты. Начались столкновения демонстрантов с полицией, к вечеру большая часть полицейских участков на Выборгской стороне была разгромлена. При разгоне митинга у памятника Александру II казаками был убит пристав Александро-Невской части А. Крылов. Об этом событии немедленно стало известно во всем городе, демонстранты кричали: «Казаки за нас!» Но и после этого войска не получили приказа применять огнестрельное оружие против забастовщиков. Ни правительство, ни городские власти, ни военное командование не передавали никакой информации в Ставку. Только в 17 часов 40 минут командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов направил генералу М. В. Алексееву телеграмму № 2813-486:

«23 и 24 февраля вследствие недостатка хлеба на многих заводах возникла забастовка.

24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В середине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана. Насильственные действия выразились разбитием стекол в нескольких лавках и трамваях. Оружие войсками не употреблялось, четыре чина полиции получили неопасные поранения. Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются, прорвавшаяся часть разгоняется казаками, утром полицмейстеру Выборгского района сломали руку и нанесли в голову рану тупым орудием. Около трех часов дня на Знаменской площади убит при рассеянии толпы пристав Крылов. Толпа рассеяна. В подавлении беспорядков, кроме петроградского гарнизона, принимают участие пять эскадронов 9-го запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии Сводно-казачьего полка из Павловска, и вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка»[717].

Вечером 25 февраля Хабалов получил из Ставки приказ Николая II: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией»[718]. Войскам, с массой оговорок, было приказано в случае неповиновения демонстрантов применять оружие. Население оповещалось об этом в расклеенных по городу объявлениях. Наиболее решительно действовали сотрудники Петроградского охранного отделения. В ночь на 26 февраля ими арестованы свыше ста активистов революционных партий, в том числе пять членов Петроградского комитета и Русского бюро ЦК РСДРП. Но плана подавления митингов и забастовок у сторонников правительства не имелось, в столице не был создан единый центр управления. Градоначальник генерал-майор А. П. Балк действовал сам по себе; Охранное отделение, полиция и жандармерия не вполне адекватно ситуации взаимодействовали с войсками. Предложения по введению осадного положения Хабалов отклонил.

На тот момент войска Петроградского гарнизона оставляли желать лучшего. Формально в нем преобладали гвардейские полки, но что они собой представляли? С началом войны лейб-гвардия выступила на фронт и к 1917 г. в боях понесла тяжелейшие потери. Многие кадровые гвардейские офицеры, ходившие в атаку в полный рост впереди солдатских цепей, были убиты. В городе остались запасные (учебные) батальоны гвардейских полков, скомплектованные из новобранцев и не имевшие ни прежней выучки, ни гвардейской спайки. Не было соответствующего контроля со стороны политической полиции,

поскольку полицейский надзор за настроениями в армии император запретил. Намерения Протопопова восстановить секретную агентуру в войсках не были реализованы. Численность запасных батальонов превышала штаты полков, дравшихся на фронте; в некоторых ротах служило по 1500 человек, но при этом число офицеров в запасных батальонах было установлено согласно обычным штатам.

И. Л. Солоневич, проходивший службу в 1916 г. в запасном батальоне Кексгольмского полка, впоследствии писал: «Это был маршевый батальон, в составе что-то около трех тысяч человек. Из них – очень небольшой процент сравнительной молодежи, остальные – белобилетники, ратники ополчения второго разряда, выписанные после ранения из госпиталей, – последние людские резервы России, резервы, которые командование мобилизовало совершенно бессмысленно. Особое совещание по обороне не раз протестовало против этих последних мобилизаций: в стране давно уже не хватало рабочих рук, а вооружения не хватало и для существующей армии. Обстановка, в которой жили эти три тысячи, была, я бы сказал, нарочито убийственной: казармы были переполнены – нары в три этажа. Делать было совершенно нечего: ни на Сенатской площади, ни даже на Конно-Гвардейском бульваре военного обучения производить было нельзя. Людей кормили на убой – такого борща, как в Кексгольмском полку, я, кажется, никогда больше не едал. Национальный состав был очень пестрым – очень значительная часть батальона состояла из того этнографически неопределенного элемента, который в просторечии назывался „чухной“. Настроение этой массы никак не было революционным – но оно было подавленным и раздраженным. Фронт приводил людей в ужас: „Мы не против войны, да только немец воюет машинами, а мы – голыми руками“, „И чего это начальство смотрело“. Обстановка на фронте была хорошо известна из рассказов раненых…

„Быт“ этих бородачей был организован нарочито убийственно. Людей почти не выпускали из казарм. А если и выпускали, то им было запрещено посещение кино или театра, чайных или кафе и даже проезд в трамвае. Я единственный раз в жизни появился на улице в солдатской форме и поехал в трамвае, и меня, раба Божьего, снял какой-то патруль, несмотря на то, что у меня было разрешение комендатуры на езду в трамвае. Зачем было нужно это запрещение – я до сих пор не знаю. Меня, в числе нескольких сот иных таких же нелегальных пассажиров, заперли в какой-то двор на одной из рот Забалканского проспекта, откуда я сбежал немедленно. Фронтовики говорили: „И на фронте пешком, и по Питеру пешком – вот тебе и герой Отечества!“ Это было

мелочью, но это было оскорбительной мелочью – одной из тех мелочей, которые потом дали повод к декларации „о правах солдата“. Для этой „декларации“ были свои основания: правовое положение русского солдата было хуже, чем какого иного солдата тех времен. <…> Итак: от двухсот до трехсот тысяч последних резервов России, скученных хуже, чем в концлагере, и обреченных на безделье и… пропаганду»[719].

М. Палеолог в дневнике в ноябре 1916 г. писал о том, что Петроградский гарнизон ненадежен, что необходимо оставить в Петрограде кадровые полки гвардии и казаков. В конце 1916 – начале 1917 г. Николай II неоднократно пытался направить в Царское Село и в столицу надежные части с фронта, но эти попытки были блокированы высшим генералитетом. Министр внутренних дел Протопопов писал: «В половине февраля царь с неудовольствием сообщил мне, что приказал генералу В. И. Гурко прислать в Петроград уланский полк и казаков, но Гурко не выслал указанных частей, а командировал другие, в том числе моряков гвардейского экипажа (моряки считались революционно настроенными)»[720]. На аналогичные факты указывали В. Н. Воейков, известный юрист Н. П. Карабчевский, великий князь Александр Михайлович и другие мемуаристы. По нашему мнению, это служит подтверждением версии о генеральском заговоре.

Качество офицерского состава столичных полков значительно снизилось: офицеры либо находились на излечении после ранений, либо недавно были выпущены из военных училищ, либо не желали отправки на фронт. Многие из них не знали не только своих солдат, но и унтер-офицеров; значительная часть офицеров являлась выходцами из среды разночинцев и сочувствовала забастовщикам. Командир Кексгольмского полка барон Тизенгаузен говорил: «Нас – шесть офицеров на три тысячи солдат, старых унтер-офицеров у нас почти нет – сидим и ждем катастрофы»[721]. И при таких условиях Хабалов отказался разместить в Петрограде несколько надежных строевых частей! В распоряжении командующего находились верные правительству силы – курсанты военных учебных заведений: восьми военных училищ, двух кадетских корпусов и школы прапорщиков. Но генералитет считал недопустимым вовлекать будущих офицеров в подавление уличных беспорядков, поэтому им приказали продолжать обычные занятия. В итоге к исполнению полицейских обязанностей вместо желавших этого юнкеров были привлечены не вполне надежные войска гарнизона.

Утром 26 февраля (11 марта) Хабалов телеграфировал в Ставку (№ 2899–3713): «Доношу, что в течение второй половины

25 февраля толпы рабочих, собиравшиеся на Знаменской площади и у Казанского собора, были неоднократно разгоняемы полицией и воинскими чинами. Около 17 часов у Гостиного двора демонстранты запели революционные песни и выкинули красные флаги с надписями „Долой войну“, на предупреждение, что против них будет применено оружие, из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов, одним из коих был ранен в голову рядовой 9-го запасного кавалерийского полка. Взвод драгун спешился и открыл огонь по толпе, причем убито трое и ранено десять человек. Толпа мгновенно рассеялась. Около 18 часов в наряд конных жандармов была брошена граната, которой ранен один жандарм и лошадь. Вечер прошел относительно спокойно. 25 февраля бастовало двести сорок тысяч рабочих. Мною выпущено объявление, воспрещающее скопление народа на улицах и подтверждающее населению, что всякое проявление беспорядка будет подавляться силою оружия. Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно»[722].

Однако организованные и стихийные митинги начались вновь, к полудню рабочие индустриальных районов Петрограда, обходя военные заставы, проникли на Невский проспект. Между двумя и тремя часами пополудни прозвучали первые залпы. После предупредительных выстрелов стали стрелять в народ. Приказ о стрельбе по демонстрантам большинство солдат выполнили. К 4 часам дня 26 февраля удалось полностью очистить Невский проспект. Большинство демонстрантов применением оружия были напуганы и расходились по домам. Но в этот день произошел первый солдатский бунт. 4-я рота запасного батальона Павловского полка (примерно 1500 человек) на улице около своих казарм неожиданно открыла беспорядочный огонь по войскам, разгонявшим толпу. Прибыл командир полка, и мятежники, окруженные преображенцами, ушли обратно в казармы, где сдали оружие. 19 зачинщиков были арестованы и отведены в Петропавловскую крепость. 21 человека с оружием не досчитались.

В тот же день председатель Государственной думы М. В. Родзянко телеграфировал царю: «Положение серьезное. В столице – анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всяческое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца»[723]. По

свидетельству очевидцев, получив телеграмму, Николай II сказал, что Родзянко написал вздор, на который он не будет отвечать.

В ночь на 27 февраля Протопопов телеграфировал В. Н. Воейкову: «Сегодня порядок в городе не нарушался до четырех часов дня, когда на Невском проспекте стала накапливаться толпа, не подчинявшаяся требованию разойтись. Ввиду сего возле Городской думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, после чего образовавшееся там сборище рассеялось. Одновременно значительные скопища образовались на Лиговской улице, Знаменской площади, также на пересечениях Невского Владимирским проспектом и Садовой улицей, причем во всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе, бросая в войска каменьями, комьями сколотого на улицах льда. Поэтому, когда стрельба вверх не оказала воздействия на толпу, вызвав лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были для прекращения буйства прибегнуть к стрельбе боевыми патронами по толпе, в результате чего оказались убитые, раненые, большую часть коих толпа, рассеиваясь, уносила с собой. В начале пятого часа Невский был очищен, но отдельные участники беспорядков, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстреливать воинские разъезды. Войска действовали ревностно, исключение составляет самостоятельный выход четвертой эвакуированной роты Павловского полка. Охранным отделением арестованы на запрещенном собрании 30 посторонних лиц в помещении [Рабочей] группы Центрального военного комитета и 136 человек партийных деятелей, а также революционный руководящий коллектив из пяти лиц. <…> Контроль [над] распределением [и] выпечкою хлеба муки <…> возлагается на заведующего продовольствием империи Ковалевского. Надеюсь, будет польза. Поступили сведения, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работам. В Москве спокойно»[724].

Власти считали, что серьезных выступлений больше не будет. Примечательно, что подобного мнения придерживались и некоторые представители оппозиции. М. Палеолог писал: «На докладе в Париже 12 марта 1920 года А. Керенский сказал, что его политические друзья собрались у него 11 марта (26 февраля) 1917 года и единогласно решили, что революция в России невозможна»[725]. О подобных настроениях сообщают и многие другие авторы. И власти и думские лидеры ошиблись. Вечером 26 февраля уцелевшие от арестов руководители революционных организаций столицы постановили отказаться от мирных демонстраций и призвать рабочих к началу вооруженной борьбы. В казармы направились агитаторы от революционных партий. Среди солдат была распространена листовка, призывающая к

свержению самодержавия.

27 февраля (12 марта) на утреннем построении солдаты запасного батальона Волынского гвардейского полка отказались повиноваться ротному командиру, убили его, разобрали оружие и вышли за ворота. Поскольку казармы многих частей находились рядом в центральной части города, к мятежу присоединились солдаты запасных батальонов Преображенского и Литовского полков. К 8 часам утра восстало свыше 15 000 солдат. На Литейном проспекте они соединились с рабочими.

Революционные агитаторы немедленно призвали солдат и рабочих к совместным действиям против царских властей, вооруженное восстание в Петрограде началось. Восставшие подожгли здание окружного суда, из Дома предварительного заключения были выпущены все подследственные. Освобожденные революционеры тут же включилась в агитационную работу. По всему городу начали громить полицейские участки и освобождать арестованных. Часть солдат и рабочих отправилась к Государственной думе, чтобы выразить ей свою поддержку в связи с роспуском, объявленным указом императора. С этого момента у восставших появился центр власти – законосовещательной, но законной и пользовавшейся в тот момент доверием населения.

Государственной думе, которой утром в Таврическом дворце было объявлено о роспуске, поддержка масс пришлась как нельзя кстати. Депутаты организовали Временный комитет для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами; председателем его стал октябрист М. В. Родзянко. Собравшиеся в Думе представители социалистических партий, левых депутатских фракций и члены Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета объявили об организации Петроградского совета рабочих депутатов. Большее число голосов в Совете получили нефракционные кандидаты. Председателем Исполкома Совета избрали лидера думской фракции меньшевиков Н. С. Чхеидзе, его заместителями – меньшевика М. И. Скобелева и трудовика А. Ф. Керенского. Последний стал связующим звеном между Советом рабочих депутатов и Временным комитетом Думы. Вечером 27 февраля Совет министров подал в отставку.

К концу дня к рабочим присоединились до 65 000 солдат, а военные власти Петрограда постоянно опаздывали. Еще в 13 часов 15 минут военный министр М. А. Беляев телеграфировал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву, что начавшиеся в некоторых войсковых частях волнения «твердо и энергично подавляются» верными долгу

ротами и батальонами. Выражалась уверенность в «скорейшем наступлении спокойствия».

В 19 часов 22 минуты Беляев телеграфирует, что положение в столице становится «весьма серьезным», а «оставшиеся верными долгу» части военный мятеж подавить не могут. Необходимо спешное прибытие надежных частей в количестве, достаточном для одновременных действий в различных районах города. В 20 часов 10 минут телеграмму аналогичного содержания М. В. Алексееву направил С. С. Хабалов. Он сообщал, что верность присяге сохраняют небольшие части разных полков, стянутые к Зимнему дворцу. В этих условиях отряд заместителя командира Преображенского полка полковника А. П. Кутепова, насчитывавший не более 1000 штыков, был бессилен.

Серьезность ситуации в Ставке оценили только к вечеру 27 февраля. Николай II назначил командующим Петроградским военным округом генерала Н. И. Иванова и присвоил ему диктаторские полномочия с целью водворить порядок в столице и ее окрестностях. В 22 часа 25 минут генерал Алексеев отправил телеграмму генералу Ю. Н. Данилову: «Государь император повелел: генерал-адъютанта Иванова назначить главнокомандующим Петроградского военного округа; в его распоряжение, возможно скорей, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности – из находящейся в резерве 15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта для Георгиевского батальона, который едет из Ставки. Нужно назначить прочных генералов, так как, по-видимому, генерал Хабалов растерялся, и в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. <…> Такой же силы наряд последует от Западного фронта, о чем иду говорить с генералом Квецинским. Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего»[726].

Права генерала Иванова определялись на основании статьи 12 «Правил о местностях, объявленных на военном положении». Генерал имел право направлять дела гражданских лиц в военно-полевой суд. В его распоряжение выделялись: 67-й Тарутинский и 68-й Бородинский пехотные полки, 15-й Татарский уланский и 3-й Уральский казачий полки с Северного фронта; 34-й Севский и 36-й Орловский пехотные полки, 2-й Донской казачий и 2-й Павлоградский гусарский, две артиллерийские батареи с Западного фронта. В состав экспедиции включили также батальон Георгиевских кавалеров из охраны Ставки, пулеметную команду и несколько артиллерийский частей. Однако 65-летний генерал

Иванов не имел опыта подавления революционных выступлений. Эшелон батальона Георгиевских кавалеров, полурота Собственного Его Императорского Величества железнодорожного полка и рота Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка были отправлены из Могилева только около 11 часов утра 28 февраля. Вагон Иванова, выехавшего позже, прицепили к эшелону в Орше.

27 февраля в Кронштадте члены подпольных организации РСДРП и Партии социалистов-революционеров, узнав о переходе солдат Петроградского гарнизона на сторону рабочих, приняли решение начать восстание. В Москве о событиях в Петрограде на заседании организационного комитета Всероссийского союза торговли и промышленности сообщил П. П. Рябушинский; было решено поддержать Государственную думу и образовать при Московской городской думе комитет из представителей общественных организаций. В совещании приняли участие гласные городской Думы, представители Земского и Городского союзов, Рабочей группы Московского военно-промышленного комитета, кооперативов и представительных организаций буржуазии. Из состава совещания было выделено оргбюро, получившее поручение провести учредительное собрание Комитета общественных организаций. В Нижнем Новгороде члены РСДРП провели межрайонное совещание заводских партийных организаций Сормова и Канавина, принявшее решение остановить заводы, устроить массовую демонстрацию и начать вооруженное восстание.

Ситуация в столице тем временем стремительно менялась. В ночь с 27 на 28 февраля члены Совета министров укрылись в Адмиралтействе. Солдаты и рабочие по приказу Военной комиссии Совета рабочих депутатов предприняли неудачную попытку штурма этого здания.

В 8 часов утра 28 февраля (13 марта) генералы Иванов и Хабалов связались по прямому проводу.

Иванов: «1) Какие части в порядке и какие безобразят? 2) Какие вокзалы охраняются? 3) В каких частях города поддерживается порядок? 4) Какие власти правят этими частями города? 5) Все ли министерства правильно функционируют? 6) Какие полицейские власти находятся в данное время в вашем распоряжении? 7) Какие технические и хозяйственные учреждения военного ведомства ныне в вашем распоряжении? 8) Какое количество продовольствия в вашем распоряжении? 9) Много ли оружия, артиллерии и боевых припасов попало в руки бунтующих? 10) Какие военные власти и штабы в вашем распоряжении?»

Хабалов: «1) В моем распоряжении здание Главного адмиралтейства, четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен, и две батареи, прочие войска перешли на сторону революционеров или остаются по соглашению с ними нейтральными. Отдельные солдаты и шайки бродят по городу, стреляя прохожих, обезоруживая офицеров. 2) Все вокзалы во власти революционеров, строго ими охраняются. 3) Весь город во власти революционеров, телефон не действует, связи с частями города нет. 4) Ответить не могу. 5) Министры арестованы революционерами. 6) Не находятся вовсе. 7) Не имею. 8) Продовольствия в моем распоряжении нет, в городе к 25 февраля было 5 600 000 пудов запаса муки. 9) Все артиллерийские заведения во власти революционеров. 10) Моем распоряжении лично начальник штаба округа; с прочими окружными управлениями связи не имею»[727].

Днем 28 февраля в Адмиралтейство прибыл адъютант морского министра и потребовал от Хабалова очистить здание, так как восставшие угрожали открыть по нему артиллерийский огонь из Петропавловской крепости. Посовещавшись, члены Совета министров пришли к выводу, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Генерал М. А. Беляев перешел в Генеральный штаб, откуда в 14 часов 20 минут послал секретную телеграмму начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «Около 12 часов дня 28 февраля остатки оставшихся еще верными частей в числе 4 рот, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты по требованию морского министра были выведены из Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание. Перевод этих войск в другое место не признал соответственным, ввиду не полной их надежности. Части разведены по казармам, причем во избежание отнятия оружия замки орудий сданы Морскому министерству»[728]. Сопротивление правительственных войск в Петрограде прекратилось.

В ночь на 28 февраля для охраны Думы, на случай нападения верных правительству войск, был выставлен караул из солдат Преображенского полка. На следующий день лидеры Прогрессивного блока поставили перед Родзянко вопрос о переходе исполнительной власти к Временному комитету Думы. 28 февраля на сторону восставших перешли практически все части гарнизона. Комендант Петропавловской крепости открыл ворота после переговоров с депутатами, Гвардейский экипаж привел к Таврическому дворцу лично великий князь Кирилл Владимирович.

Думских лидеров серьезно тревожили настроения среди восставших, часть из которых призывала к немедленной расправе

с представителями правящих классов. Керенский вспоминал, что у людей, пришедших к Таврическому дворцу из всех районов города, не было сомнения в том, что революция совершилась. Они хотели знать, как думцы собираются поступить со сторонниками самодержавия. Многие требовали сурового наказания «царским сатрапам». Большинство либерально настроенных депутатов не желали допускать кровопролития. И тем не менее назвать бескровной Февральскую революцию нельзя: в те дни было убито и ранено 1443 человека.

28 февраля начались аресты высших должностных лиц Российской империи, были взяты под стражу и доставлены в Думу председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, его члены Н. Д. Голицын и Б. В. Штюрмер, митрополит Питирим, генералы М. А. Беляев и С. С. Хабалов. Некоторые министры сами пришли в Таврический дворец. Их отводили в правительственный флигель, у дверей которого был выставлен надежный караул для охраны арестованных от толпы. Большая заслуга по пресечению незаконных действий со стороны солдат по отношению к арестантам принадлежала А. Ф. Керенскому. Временный комитет Государственной думы принял решение предложить Николаю II отречься от престола в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича. Для переговоров с императором в Псков были направлены А. И. Гучков и В. В. Шульгин. Одновременно комитет начал переговоры с руководством Петроградского совета о создании нового правительства. Исполком Совета от участия во Временном правительстве отказался, поскольку произошедшая революция носила буржуазный характер.

Николай II, отдав приказ о переброске войск в столицу, 28 февраля в 5 часов утра выехал из Могилева в Царское Село. Два литерных – свитский и императорский – поезда двинулись по направлению Смоленск – Вязьма – Ржев – Лихославль. В Лихославле, Бологом и Малой Вишере в свитском поезде, двигавшемся впереди императорского, получали противоречивые по содержанию телеграммы. На станции Малая Вишера, в 150 километрах от Петрограда, было принято решение отправиться в Ставку Северного фронта генерала Н. В. Рузского и оттуда начать действовать против Петрограда. В Псков литерные поезда прибыли вечером 1 (14) марта, но надежды Николая II на подавление «беспорядков» в столице оказались напрасными. К вечеру 28 февраля начался генеральский саботаж. Генерал Н. В. Рузский своей властью распорядился прекратить отправку войск в помощь генералу Н. И. Иванову и потребовал вернуть обратно в Двинский район уже отправленные эшелоны. Из Ставки в

Могилеве на Западный фронт было послано предписание от имени императора: задержать отправленные части на больших станциях, а остальные не грузить. 1 марта Ставка сообщила генералу А. А. Брусилову, чтобы отправка гвардии не производилась до особого уведомления. Командир батальона Георгиевских кавалеров генерал Пожарский еще 27 февраля объявил офицерам, что приказа стрелять в народ в Петрограде он не даст даже по требованию генерала Иванова.

В Петрограде 1 марта Временный комитет Государственной думы постановил взять на себя восстановление порядка в столице и назначил комендантом полковника Генерального штаба Б. А. Энгельгардта. Согласно мемуарам С. Д. Мстиславского, Родзянко при этом заявил возмущенным: «Нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело, так уж потрудитесь слушаться»[729]. От имени Государственной думы Энгельгардт составил приказ войскам Петроградского гарнизона, в котором всем нижним чинам и воинским частям предписывалось возвратиться в казармы, а офицерам принять меры к водворению порядка. Подписанный Родзянко приказ рано утром 1 марта был расклеен по городу. В тот же день из Москвы прибыл председатель Всероссийского земского союза князь Г. Е. Львов, руководивший центрами буржуазной оппозиции еще осенью 1916 г. Он был утвержден на пост премьера «правительства доверия».

Другой центр власти – Петроградский совет – стремился поставить под контроль вооруженные силы. На его заседании Родзянко был обвинен в стремлении восстановить старый порядок и в предательстве, вносилось даже предложение «обезвредить» его путем ареста. Большинством голосов пленум Совета постановил поручить формирование правительства думскому комитету, а представителям Совета воздержаться от участия в правительстве. Для переговоров с Временным комитетом Государственной думы была сформирована делегация в составе Н. С. Чхеидзе, Н. Д. Соколова, Ю. М. Стеклова и Н. Н. Суханова. Совет преобразовали в Совет рабочих и солдатских депутатов. По требованию солдат Исполнительная комиссия солдатской секции Совета приготовила проект приказа о демократизации внутренней жизни в войсках Петроградского гарнизона:

«Приказ № 1 <…> по гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях,

эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2-го сего марта.

3. Во всех политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. – и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на „ты“ воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных командиров.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах»[730].

С вечера 1 марта в Пскове происходила психологическая обработка Николая II и его ближайшего окружения, организованная генералами М. В. Алексеевым и Н. В. Рузским. По записи князя Б. А. Васильчикова, Рузский заявил свите императора, что нужно сдаваться на милость победителей.

В ночь на 2 (15) марта государь подписал заготовленный

Ставкой манифест о создании «ответственного министерства» и приостановил экспедицию генерала Иванова. Однако к тому времени выяснилось, что Временный комитет членов Государственной думы требует отречения Николая II в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича. Император написал телеграмму на имя Родзянко об отречении, но ее отправка была задержана, и отречение не было предано гласности из-за поступивших известий о выехавших в Псков представителях Временного комитета Государственной думы А. И. Гучкове и В. В. Шульгине. Одновременно в Псков стали поступать телеграммы от командующих фронтами (организованные М. В. Алексеевым).

В этих телеграммах великий князь Николай Николаевич, генерал-адъютант А. А. Брусилов (командующий Юго-Западным фронтом), генерал-адъютант А. Е. Эверт (командующий Западным фронтом), генерал В. В. Сахаров (командующий Румынским фронтом), генерал-адъютант Н. В. Рузский (командующий Северным фронтом), вице-адмирал А. И. Непенин (командующий Балтийским флотом) высказались за отставку императора.

В ночь на 3 (16) марта Николай II записал в дневнике: «Утром (2 марта. – *Примеч. авт.*) пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 21/2 ч. (14 часов 30 минут. – *Примеч. авт.*) пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!»[731]

Первоначальный проект акта об отречении был составлен В. В. Шульгиным; согласно проекту, повторим это еще раз, император отрекался в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича. Однако Николай II отказался от такой формулировки, мотивируя это болезнью цесаревича и своими отцовскими чувствами. Он предпочел передать трон Михаилу, нарушив тем самым закон о престолонаследии. Одновременно с манифестом царь подписал два указа: о назначении Г. Е. Львова председателем Совета министров и великого князя Николая Николаевича Верховным

главнокомандующим. Указы и манифест были подписаны в 23 часа 40 минут, но на них проставлено другое время – 2 часа и 15 часов 15 минут соответственно. Таким путем создавалась легитимность и преемственность Временного правительства, юридически назначенного царем до его отречения.

Ниже мы приводим текст акта отречения Николая II от престола:

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и в согласии с Государственною думою признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России. Николай»[732].

После отречения Гучков и Шульгин выехали в Петроград, а бывший император направился в Могилев. Он послал брату следующую телеграмму: «Его Императорскому Величеству Михаилу. Петроград. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо

молю Бога помочь тебе и твоей родине. Ника»[733].

Утром 3 марта генерал Н. И. Иванов получил телеграмму от Родзянко: «Генерал-адъютант Алексеев телеграммой от сего числа № 1892 уведомляет о назначении главнокомандующим войсками Петроградского округа генерал-лейтенанта Корнилова. Просит передать вашему высокопревосходительству приказание о возвращении вашем в Могилев»[734]. На этом миссия генерала закончилась.

В Петрограде днем 2 марта в результате переговоров представителей Временного исполнительного комитета Петросовета с думскими лидерами началось формирование Временного правительства. Его состав определял Временный комитет Думы. К вечеру 2 марта Временный исполком и Временный комитет достигли соглашения: предоставить Учредительному собранию избрать форму государственного правления. 3 марта, после получения из Ставки манифеста об отречении Николая II, большинство членов Временного комитета Думы высказали мнение о невозможности сохранения монархии. В полдень произошла встреча членов Государственной думы и Временного правительства с преемником Николая II – Михаилом. В ходе переговоров было сказано, что его жизнь не может быть гарантирована в случае занятия трона. Михаил Романов подписал акт об отречении, в котором говорилось о согласии принять престол только по решению Учредительного собрания.

3 марта была опубликована декларация о составе и программе Временного правительства:

«Граждане! Временный комитет членов Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, что он дозволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цели Временный комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью.

Председатель Совета министров и министр внутренних дел князь *Г. Е. Львов.*

Министр иностранных дел *П. Н. Милюков.*

Министр военный и морской *А. И. Гучков.*

Министр путей сообщения *Н. В. Некрасов.*

Министр торговли и промышленности *А. И. Коновалов.*

Министр народного просвещения *А. А. Мануйлов.*

Министр финансов *М. И. Терещенко.*

Обер-прокурор Св. Синода *В. Н. Львов.*

Министр земледелия *А. И. Шингарев.*

Министр юстиции *А. Ф. Керенский.*

Государственный контролер *И. В. Годнев.*

Министр по делам Финляндии *Ф. И. Родичев.*

В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями:

1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Председатель Совета министров кн. Г. Е. Львов. Министры…»[735].

Итак, 3 (16) марта 1917 г. самодержавие как форма государственного правления завершило в России свое существование. В числе причин отречения Николая II от власти – его личные, во многом противоречивые, качества, а также предательство генералитета. Мог или не мог последний император оказать сопротивление заговорщикам и сохранить власть? По нашему мнению – не мог. Недостаток воли, непоследовательность, зависимость от посторонних мнений, мелочное тщеславие вследствие гипотетических и иллюзорных

«быстрых побед» не позволяли ему быть самодержцем в полном смысле слова.

Сотрудники охранных и секретных структур Российской империи, не получая четких приказов от императора и непосредственных начальников, действовать самостоятельно не решились. Дворцовый комендант В. Н. Воейков, отвечавший за организацию охраны царя, начальник Петроградского дворцового управления генерал-лейтенант В. А. Комаров (до 1914 г. командир Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка), командир 2-й кавалерийской дивизии и Особого конного отряда генерал от кавалерии Ю. И. Трубецкой (до 1914 г. командир Собственного Его Императорского Величества конвоя), командир Собственного Его Императорского Величества конвоя генерал-майор А. Н. Граббе, командир Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка генерал-майор А. А. Ресин инициативы не проявили. Мы не нашли данных, говорящих за то, что кто-то из названных персон пытался проинформировать государя о происходивших событиях и грозившей императору и государству катастрофе, хотя недостатка в поступающей информации руководители императорских спецслужб не испытывали. Информационный аппарат продолжал поставлять ее в объеме, дававшем возможность представить последствия и в общих чертах определить степень опасности для охраняемого венценосца…

Наиболее достойно повели себя офицеры и казаки Конвоя, до конца сохранившие верность присяге. Когда Гучков и Шульгин увозили манифест об отречении, Николай II сказал конвойцам, что тем нужно снять с себя императорские вензеля. На это казаки ответили, что готовы по приказу государя убить обоих депутатов. Большинство конвойцев не сняли вензеля и в Царском Селе, после того как Александра Федоровна сообщила им об отречении мужа через сотника В. А. Зборовского. 3 марта, после прибытия Николая в Могилев, помощник командира Конвоя полковник Ф. М. Киреев заверил сложившего свои полномочия императора, что все офицеры и казаки до конца исполнят свой воинский долг.

В последние дни пребывания Николая в Могилеве между Временным правительством и Ставкой велись секретные переговоры о переезде бывшего императора в Царское Село и его отъезде с семьей за границу через порт Романов на Мурмане. В воспоминаниях Керенского упоминается о встрече П. Н. Милюкова 6–7 марта 1917 г. с английским послом Дж. Бьюкененом с целью выяснить отношение британского правительства к возможности оказать гостеприимство Романовым.

Однако Исполком Петроградского совета получил информацию о секретных переговорах. Член Петросовета А. Г. Шляпников писал, что в комитет поступили сведения о том, будто Комитет Государственной думы и члены Временного правительства согласились на выезд Николая II из России в Англию. Члены Петросовета решили: выпустить кого-либо из представителей династии за границу или оставить их на свободе на деле означало бы прямое пособничество контрреволюционерам. После обсуждения вопроса о судьбе царской семьи было принято решение арестовать ее членов, аресты производить Временному правительству совместно с Советом.

Как технически произвести аресты, поручили разработать Военной комиссии Совета во главе с С. Д. Масловским. На секретном заседании 7 (20) марта Временное правительство приняло декрет о взятии бывшего императора под стражу и определении местом его пребывания Александровский дворец в Царском Селе. Чтобы не допустить сопротивления личной охраны императорской фамилии, арест Романовых осуществляли с большой осторожностью.

В Царском Селе 7 марта офицерам Конвоя и Сводного полка объявили, что по распоряжению Временного правительства 8 марта необходимо сдать посты в Александровском дворце частям Царскосельского гарнизона. Днем 8 (21) марта прибыл командующий войсками Петроградского гарнизона генерал Л. Г. Корнилов, объявивший императрице постановление Временного правительства об аресте царской семьи. Александра Федоровна попросила офицеров охраны отказаться от сопротивления новой власти. В 16 часов произошла смена постов, личный состав Конвоя и Сводного полка был выведен из Александровского дворца.

Утром 8 марта в Могилев прибыли члены Государственной думы А. А. Бубликов, В. М. Вершинин, Грибунов и Калинин. В телеграмме Г. Е. Львова сообщалось, что они будут сопровождать Николая II в Царское Село как главу государства, отказавшегося от власти. Однако генерал М. В. Алексеев был уведомлен об истинной цели думской делегации. Еще ранее, предупреждая возможные попытки Конвоя к сопротивлению, Алексеев отдал приказ о его переподчинении штабу Верховного главнокомандующего. Николай II, как и его супруга, попрощался с конвойцами и призвал их не оказывать сопротивления новой власти. После того как бывший самодержец сел в поезд, ему объявили об аресте, а декрет о взятии под стражу Романовых опубликовали.

9 (22) марта в Царское Село прибыл специальный отряд Петроградского совета. Адвокат и публицист Н. П. Карабчевский вспоминал, что в самом начале царского плена в Царское Село из Петрограда приехал по железной дороге небольшой отряд каких-то вооруженных не то солдат, не то добровольцев под руководством «полковника» Мстиславского. Мстиславский заявил, что уполномочен принять на себя охрану Николая II и препроводить его в Петропавловскую крепость. Однако полковник лейб-гвардии Петроградского полка Е. С. Кобылинский, назначенный начальником караула, а затем комендантом Александровского дворца, удовлетворить эти требования отказался. Он сослался на приказ, полученный от Л. Г. Корнилова и Временного правительства. Карабчевский считал, что наиболее вероятной причиной, по которой бывшего царя хотели перевести в Петроград, было его убийство во имя «углубления революции».

Командир отряда, посланного Петросоветом для ареста царя, С. Д. Масловский был незаурядной личностью. Сын генерала – профессора Академии Генштаба, в 1890-х гг. – студент-антрополог Петербургского университета, полиглот, спортсмен-конник и фехтовальщик, он совершил несколько рискованных экспедиций в Туркестан и на Памир, где вел партизанскую войну против местных феодалов. После возвращения в Петербург Масловский экстерном окончил университет и поступил на государственную службу, заведовал библиотекой и музеем Академии Генштаба. В 1905–1909 гг. Масловский – председатель Боевого рабочего союза (он и его люди казнили Гапона). Он участвовал в подготовке восстаний в Кронштадте, Свеаборге и Москве. Являлся членом Военной организации эсеров (псевдоним – Мстиславский). В мае 1910 г. Масловского заключили в Петропавловскую крепость по обвинению в попытке военного переворота, вследствие которого он должен был стать «диктатором». Через год его освободили, и он вернулся в Академию Генштаба (!). Вот еще факты из его биографии: в 1913–1914 гг. – член масонской «Военной ложи», в период Февральской революции – председатель Военной комиссии Петросовета, впоследствии – биограф В. М. Молотова.

Еще до ареста императорской семьи Временное правительство начало предпринимать усилия по установлению контроля над силовыми структурами государства. 4 (17) марта при Министерстве юстиции образована Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц. В ее задачи входило рассмотрение «…тех действий высших чинов старого строя, которые представляются преступными и по

действовавшим даже в то время законам»[736]. Возглавил комиссию на правах товарища министра юстиции московский присяжный поверенный Н. К. Муравьев. 10 (23) марта 1917 г. при Министерстве юстиции создается Комиссия по разбору дел бывшего Департамента полиции. В ее задачи входили: разработка всех дел, имевших отношение к политическому розыску, с целью выявления секретных сотрудников Департамента полиции, охранных отделений и губернских жандармских управлений; составление списков агентуры для опубликования; принятие мер к охране и разработке архивов органов политического розыска на местах; удовлетворение требований, касавшихся политического розыска представителей правительственных органов и общественных организаций. Руководителем комиссии стал революционер, журналист и редактор журналов «Былое» и «Минувшие годы» П. Е. Щеголев. Обе комиссии работали в тесном контакте.

В этот же день, 10 марта, упразднен Департамент полиции, вместо него учреждено Временное управление по делам общественной полиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан. В столице образовано Управление петроградской городской милиции.

11 (24) марта в Ставку с Кавказа прибыл и был отстранен от должности Верховного главнокомандующего великий князь Николай Николаевич. По решению правительства на этот пост назначили генерала М. В. Алексеева. Охрану Александровского дворца передали из ведения командующего Петроградским военным округом генерала Л. Г. Корнилова в подчинение министру юстиции А. Ф. Керенскому.

19 марта (1 апреля) А. Ф. Керенский впервые посетил Александровский дворец, где у него состоялся разговор с бывшими императором и императрицей относительно их отъезда за границу. Министр иностранных дел П. Н. Милюков тем временем вел переговоры с правительством Великобритании о выезде Романовых в эту страну. Как известно, переговоры не увенчались успехом: британское правительство находилось под сильным влиянием со стороны собственных социалистов. Но и Временное правительство не особенно настаивало. Возможно, его члены опасались, что в эмиграции императорская фамилия могла стать флагом для монархистов.

Одной из важнейших задач Временного правительства было взятие под охрану архивов государственных учреждений, особенно входивших в структуру органов безопасности. В период Февральской революции многие секретные документы оказались уничтоженными, что отчасти связано с погромами полицейских

участков, охранных отделений, зданий судебных установлений, тюрем. В ряде случаев действия толпы грамотно организовывали сами же сотрудники полиции и специальных служб. Оставшись верными присяге, они выполняли негласное распоряжение об уничтожении наиболее ценных материалов агентуры и перлюстрации при угрозе их захвата. В столице практически целиком уничтожены документы Петроградского губернского жандармского управления и многие документы Петро градского охранного отделения. Сильно пострадали материалы Московского охранного отделения, особенно его агентурного отдела. В уничтожении материалов агентурного характера принимал участие бывший начальник Московского охранного отделения А. П. Мартынов.

Один из комиссаров милиции Б. Игнатьев, с отрядом охранявший участок, где были расположены дом министра внутренних дел и здание Департамента полиции, вспоминал: «В здании Департамента полиции разгром был несколько больший. <…> Сразу было видно, что там чего-то искали и притом знали чего именно, ибо многие шкафы и столы вовсе не были тронуты <…> Словом – все производило впечатление не разгрома, а обыска, произведенного опытными руками»[737]. Однако Особый отдел практически не пострадал. Это подразделение департамента занимало весь четвертый этаж на Фонтанке, 16, и находилось на особом положении. Оно было изолировано от других структур департамента, действовала специальная пропускная система. Даже сами сотрудники Особого отдела не могли свободно проходить во все помещения отдела. Картотека секретных сотрудников сохранилась (уничтожено не более 10 процентов карточек). Она стала основой для работы следственных комиссий Временного правительства в Петрограде.

В Москве 20 марта (2 апреля) при Исполнительном комитете московских общественных организаций была создана Комиссия по обеспечению нового строя. Основными ее задачами являлись: 1) предупреждение и пресечение контрреволюционных действий; 2) выяснение лиц, являвшихся секретными сотрудниками Московского охранного отделения и Московского губернского жандармского управления. Разбирались архивы учреждений политического сыска, эвакуированные из Польши. Председателем комиссии был комиссар Москвы Н. М. Кишкин, товарищем председателя – присяжный поверенный В. Н. Малянтович; в состав комиссии входили комиссары – присяжные поверенные С. П. Симеон и А. Д. Годин.

В Париже действовала Комиссия по разбору архивов бывшей Заграничной агентуры практически с теми же задачами: разборка

и описание документов, составление списков секретных сотрудников, исполнение запросов Чрезвычайной следственной комиссии. Возглавил комиссию присяжный поверенный Е. И. Рапп. Членами комиссии были революционеры из эмигрантских кругов: В. К. Агафонов, М. М. Левинский, М. П. Вельтман, М. Н. Покровский. Помогали комиссии Л. П. Гомелль, С. И. Иванов и др. В качестве консультанта приглашен бывший сотрудник Департамента полиции Л. П. Меньшиков.

Несмотря на то что после отречения Николая II офицеры и казаки императорского Конвоя присягнули Временному правительству, последнее относилось к конвойцам с опаской. 1-я и 4-я сотни Конвоя дислоцировались в Ставке Верховного главнокомандования в Могилеве, 2-я, 3-я и 5-я сотни располагались в Царском Селе. Офицеры и казаки не раз высказывали мнение о соединении всех сотен в одном месте, и об этих разговорах стало известно военному министру А. И. Гучкову. Военный совет разрешил всем желающим лицам свиты Его Императорского Величества подать в отставку с правом на пенсию и сохранением всех льгот, но подавляющая часть личного состава Конвоя от этого отказалась. Офицеры предложили отправить Конвой на фронт как отдельную воинскую часть. В конце марта было принято решение отправить его на Северный Кавказ к местам формирования. Казакам из сотен, находившихся в Ставке, не разрешили заехать в Царское Село за семьями и имуществом, их сразу же отправили в Екатеринодар. Вскоре отбыли и сотни из Царского Села. Так закончилась история подразделения, созданного еще при Екатерине II.

Предпринятые Временным правительством меры по созданию собственных институтов защиты власти говорят о том, что основную угрозу для себя новые руководители России видели в представителях специальных служб и подразделений Российской империи. В порыве «революционной бдительности» в апреле были расформированы все органы военной контрразведки. Впоследствии их воссоздали, но уже без участия жандармских офицеров, а ведь именно офицеры Отдельного корпуса жандармов являлись наиболее профессионально подготовленными сотрудниками контрразведки. Военный министр Гучков совершил роковую ошибку. Как написано в известном романе, «пьяный воздух свободы сыграл с профессором Плейшнером злую шутку…». Эйфория победы над самодержавием, надежды на то, что все проблемы страны решит Учредительное собрание, а также противоречия среди министров Временного правительства привели к тому, что уже с апреля политическая ситуация в России начала меняться к худшему.

Отстранив Николая II от власти, представители либеральных буржуазных партий либо не хотели, либо не могли понять, что могут найтись политические силы, которые эту власть у них отберут. По нашему мнению, одной из ошибок Временного правительства (органа исполнительной власти!) являлось то, что оно всерьез не побеспокоилось о создании собственной политической полиции, призванной защищать интересы демократической системы и декларировавшиеся демократические свободы. Правительство отказалось от услуг генералов, безусловно ему преданных. Прибывший в Петроград генерал А. М. Крымов, бывший в числе тех, кто поддерживал заговор Гучкова, еще в марте заявил последнему, что готов за два дня очистить столицу «от всякого сброда» силами своей Уссурийской казачьей дивизии. Но Временное правительство испугалось возможного роста авторитета генерала.

3 (16) апреля в Россию прибыли первые политические эмигранты, в том числе В. И. Ленин. Петроградский совет устроил им на Финляндском вокзале пышную, с военным караулом, встречу. Г. Е. Зиновьев (Радомысльский) впоследствии писал, что все приехавшие были уверены – по приезде они будут арестованы Милюковым и Львовым. И у них были основания для опасений. Группа ехала в Россию из Швейцарии через Германию, Швецию и Финляндию. Германия, находившаяся в состоянии войны с Россией, не только способствовала возвращению на родину русских подданных, но еще и предоставила им охрану! Генерал Э. Людендорф в мемуарах писал: «Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание; Россия должна была пасть»[738]. Таким образом, германский Генеральный штаб решал важнейшую для себя задачу – обеспечить выход из войны одной из основных стран Антанты. У Ленина и его сторонников в эмиграции была своя цель: как можно скорее вернуться в Россию и вступить в борьбу за власть с Временным правительством.

Историки и публицисты до сих пор спорят: был или не был Ленин немецким агентом? Мы считаем, что агентом иностранного государства в прямом смысле слова он не был, но технической и финансовой помощью германского правительства и соответствующих структур германского Генерального штаба умело пользовался. Достаточно привести указание № 7433 от 7 (20) марта 1917 г. Германского имперского банка немецким банкам, аккредитованным в Швеции: «Сим уведомляется, что требования денег, предназначенных для пропаганды мира в России, будут получены через Финляндию. Требования эти будут

исходить от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Троцкого, Суменсон, Козловского, Коллонтай, Сиверса и Меркалина, лиц, которым счет был открыт в согласии с нашим предписанием за № 2754 в агентствах, частных германских предприятиях в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все эти требования должны сопровождаться одной из двух подписей следующих лиц: Диршау или Милькенберга. При условии приложения одной из упомянутых подписей вышеназванных лиц сии требования должны быть исполнены безо всяких отлагательств»[739].

7 (20) апреля «Правда» опубликовала «Апрельские тезисы» Ленина, на тот момент не поддержанные ЦК РСДРП (б). Ни Временное правительство, ни руководители других политических партий не поняли главного – лидер большевиков не остановится.

18 апреля (1 мая) вышла так называемая нота Милюкова, подтверждавшая участие России в войне «до победного конца». Она вызвала бурные демонстрации с требованием отставки Милюкова и Гучкова. В демонстрациях приняли участие войска, но 21 апреля (4 мая) командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов сумел вернуть большинство солдат в казармы и вывел на улицы надежные подразделения. Попытка мятежа была подавлена, однако Временное правительство деятельность Корнилова не оценило. А большевики уже приступили к формированию Красной гвардии.

Управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков вспоминал, что Временное правительство с «изумительной» пассивностью относилось к деятельности большевиков. Керенский в апреле говорил членам правительства, что хочет встретиться и побеседовать с Лениным; в ответ на недоуменные вопросы он пояснил, что последний живет в совершенно «изолированной» атмосфере и видит происходящее через очки своего фанатизма, около него нет никого, кто хоть сколько-нибудь помог бы ему сориентироваться в том, что происходит. Керенский сообщил Ленину о желании встретиться, но последний от встречи уклонился.

События 20–21 апреля показали, что в стране существует двоевластие. Львов, Керенский и Терещенко пришли к убеждению, что положить конец двоевластию может образование коалиционного правительства с участием левых партий. 26 апреля (9 мая) Временное правительство опубликовало воззвание к народу, в котором предупреждало о возможности междоусобной войны и анархии, несущих гибель свободе и демократии.

В ночь с 1 на 2 мая в Исполкоме Петросовета состоялись дебаты по вопросу о том, быть или не быть последнему представленным во Временном правительстве. Большинством в

25 голосов было принято решение участвовать в правительстве. К тому времени обострились разногласия и между членами Временного правительства. Керенский заявил, что выйдет из состава кабинета, если Милюков не будет переведен на пост министра просвещения. Милюков отказался и подал в отставку, вместе с ним ушел в отставку Гучков. Корнилов был снят с должности командующего округом и ушел на фронт командующим 8-й армией.

5 (18) мая образовано первое коалиционное Временное правительство, в которое вошли представители Петросовета. Военным и морским министром стал А. Ф. Керенский, министром юстиции – «трудовик» П. Н. Переверзев, министром сельского хозяйства – эсер В. М. Чернов, министром почт и телеграфов – меньшевик И. Г. Церетели, министром труда – меньшевик М. И. Скобелев. В тот же день Керенский издал свой первый приказ «Отечество в опасности», в котором высшее командование предупреждалось о недопустимости отставок, а дезертиры призывались вернуться в строй. Правительство приняло закон о каторжных работах за дезертирство, за отказ от подчинения приказам и открытый мятеж или подстрекательство к совершению этих преступлений. Однако развал армии, начавшийся с приказа № 1 Петросовета, продолжался.

22 мая (4 июня) Верховным главнокомандующим назначен генерал А. А. Брусилов. Весной 1917 г. активных военных действий на Восточном фронте не велось. Германское командование намеревалось посредством мирной пропаганды и братания парализовать русскую армию, сконцентрировать войска на Западном фронте и к концу лета нанести поражение союзникам. По просьбе Антанты Временное правительство решило возобновить боевые действия. В Военном министерстве был создан политический отдел, который возглавил член Исполкома Петроградского совета «трудовик» В. Б. Станкевич.

3 (16) июня 1917 г. в Петрограде начал работать I Всероссийский съезд Советов. Из 800 делегатов съезда у меньшевиков было 290 голосов, у эсеров – 285, у большевиков – 105. Съезд принял резолюцию о доверии Временному правительству и отклонил предложение большевиков о прекращении войны и передаче власти в руки Советов. На фронт в качестве комиссаров Временного правительства отправились лидер партии эсеров Б. В. Савинков, меньшевик Н. И. Иорданский и другие политические деятели. Наступление планировалось на вторую половину июня.

В ответ большевики развернули антивоенную агитацию среди рабочих Петрограда, солдат Петроградского гарнизона и

матросов Балтийского флота. 3–4 (16–17) июля, во время успешного наступления 8-й армии (командующий генерал Л. Г. Корнилов), в Петрограде произошла очередная попытка мятежа воинских частей, в ходе которой, по официальным данным, погибли 56 человек. Была ли эта попытка скоординирована с германским Генеральным штабом, нам не известно, но австро-германское контрнаступление началось 6 (19) июля.

Накануне, 5 июля, министр юстиции разрешил огласить документы разведки о получении большевиками денег от немцев при посредстве шведских банков. Опубликованные материалы содействовали дискредитации организаторов восстания. Были закрыты «Правда» и другие большевистские газеты. В. И. Ленина и других организаторов выступлений постановлено было привлечь к суду как виновных в измене родине и в предательстве революции.

8 (21) июля 1917 г. Г. Е. Львов подал в отставку, председателем Временного правительства с оставлением за собой постов военного и морского министров был утвержден А. Ф. Керенский.

9 (22) июля Временное правительство издало постановление об организации Особой следственной комиссии для расследования степени участия в восстании 3–5 июля 1917 г. отдельных частей войск и чинов гарнизона Петрограда и его окрестностей. Работала она под общим наблюдением и руководством Петроградской судебной палаты. Одновременно следователями по особо важным делам Петроградского окружного суда велось расследование по обвинению большевиков во главе с В. И. Лениным в подготовке вооруженного восстания с целью свержения Временного правительства, а также по обвинению Ленина в шпионаже в пользу Германии.

12 (25) июля на фронте восстановлена смертная казнь, 18 (31) июля Верховным главнокомандующим назначен генерал Л. Г. Корнилов.

22 июля (4 августа) 1917 г. «Известия Петроградского совета» опубликовали статью «К делу Ленина и других»: «Прокурор Петроградской судебной палаты сообщил печати следующие данные, послужившие основанием для привлечения к судебному следствию Ленина и других.

Согласно этим данным, руководителем восстания 3 июля и его инициатором явился прапорщик Семашко. Он в марте месяце окончил пулеметные курсы и в апреле должен был отправиться с пулеметной ротой на фронт, но самовольно не исполнил этого распоряжения и продолжал являться в полк. Под руководством Семашко 1-й пулеметный полк в 10 часов вечера 3 июля выступил

из казармы и направился к Таврическому дворцу, где к нему с речами обратились Зиновьев и Троцкий. На другой день, 4 июля, в полк явился прапорщик Семашко с матросами и рабочими и стал побуждать товарищей с оружием и пулеметами отправиться требовать свержения правительства.

3 июля из Петрограда в Кронштадт прибыл мичман Ильин, именующий себя Раскольниковым[740], с некоторыми делегатами от пулеметного полка и выступил на митинге на Якорной площади, призывая к вооруженному выступлению в Петроград для низвержения Временного правительства и передачи всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов. В тот же вечер Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов города Кронштадта собрался под председательством Раскольникова, который вынес резолюцию собраться в 6 часов утра всем войсковым частям на Якорной площади с оружием в руках, а затем отправиться в Петроград и совместно с войсками Петроградского гарнизона провести вооруженную демонстрацию под лозунгами: „Вся власть в руки Советам рабочих и солдатских депутатов“.

Постановление это за подписью Раскольникова в ту же ночь от имени начальника всех морских частей города Кронштадта было разослано во все сухопутные и морские части города. По данному гудком сигналу солдаты, матросы, рабочие, вооруженные винтовками, 4 июля наутро стали собираться на Якорной площади, где на трибуне были произнесены Раскольниковым и Рошалем речи с призывом к вооруженному выступлению. Здесь же были розданы собравшимся патроны.

Руководителями этого выступления были Раскольников и Рошаль. Число участвовавших в выступлении было около 5 тыс. человек. Высадившись около 11 часов у Николаевского моста, все они выстроились в колонну и под руководством тех же лиц двинулись к дому Кшесинской. Там скоро на балконе появились сначала Луначарский, а затем Ленин, которые приветствовали кронштадтцев как „красу и гордость революции“, призывали отправиться к Таврическому дворцу и требовать свержения министров-капиталистов и передачи всей власти Совету рабочих и солдатских депутатов, причем Ленин сказал, что в случае отказа от этого следует ждать распоряжений от Центрального Комитета (РСДРП (б). – *Примеч. авт.*).

Во время произнесения Лениным речи один из кронштадтцев крикнул ему: „Довольно, товарищ, кормить нас одними только словами, ведите нас туда и затем, зачем нас позвали“, после чего было отдано приказание идти к Таврическому дворцу по маршруту, указанному Раскольниковым и Рошалем. По пути на

Литейном проспекте была открыта перестрелка, продолжавшаяся около часа и повлекшая за собой многочисленные жертвы. Эти части подошли к Таврическому дворцу возбужденными и пытались произвести арест некоторых из министров, принимавших в то время участие в заседании в Таврическом дворце, и Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

Военной организацией при Центральном Комитете Российской социал-демократической рабочей партии был дан письменный приказ о присылке в Кронштадт какого-либо крейсера. <…> Следствием выяснено, что вооруженному восстанию предшествовали систематические митинги в войсковых частях, на которых произносились речи, призывавшие войска к восстанию. В течение апреля – мая и июня полковые митинги пулеметного полка посещали и выступали в качестве ораторов Коллонтай и прапорщик Семашко: они призывали солдат не посылать маршевых рот на фронт, не подчиняться решениям полковых комитетов об отправке солдат на фронт, свергнуть Временное правительство и таким путем добиться передачи всей власти Совету рабочих и солдатских депутатов. Призывы эти оказали на солдат такое влияние, что они вышли из всякого повиновения не только начальствующим лицам, но и своим выборным организациям, ротным и полковым комитетам.

Расследование самого факта вооруженного восстания, имевшего место 3–5 июля в Петрограде с целью свержения Временного правительства, и обстоятельств, при которых это восстание произошло, показало, что оно возникло и протекало по указаниям Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. <…> Все руководящие указания исходили из дома Кшесинской, называемого свидетелями домом Ленина, где и помещался Центральный Комитет.

В доме Кшесинской были обнаружены бланки Военной организации при ЦК социал-демократической рабочей партии. На таких же именно бланках отдавались воинским частям письменные распоряжения о вооруженном выступлении. <…> Кроме того, там же найдены: 1) заметки о распределении воинских частей и „вооруженных рабочих“ по районам <…>; 2) резолюция, принятая на заседании общегородской конференции Российской с.-д. рабочей партии и делегатов от заводов и воинских частей 3 июля в 11 ч. 40 м. вечера. В резолюции этой рекомендуется: немедленное выступление на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли. Резолюцию эту подтвердили Центральный Комитет и Военная организация; 3)

телеграмма из Стокгольма от 20 апреля на имя Ульянова (Ленина) за подписью Ганецкого (Фюрстенберга): „Штейнберг будет хлопотать субсидию для нашего общества, обязательно прошу контролировать его деятельность, ибо совершенно отсутствует общественный такт“; 4) литература Союза русского народа и большое количество писем издания журнала „Паук“ с изображением ритуального убийства в Венгрии в 1882 г. <…>

Вместе с тем следствием установлено, что некоторые лица, имеющие связи с большевистской организацией, имели сношения с германским штабом. <…> При исследовании всех указанных вопросов следственная комиссия совершенно не касалась политических платформ причастных к делу лиц и стоит исключительно на почве исследования состава общеуголовного деяния и достаточности оснований к привлечению обвиняемых…»[741].

К 24 июля (6 августа) 1917 г. оформилось второе коалиционное правительство под председательством А. Ф. Керенского. Взамен выбывших министров в его состав вошли: беспартийный С. Н. Прокопович, эсер Н. Д. Авксентьев, народный социалист А. С. Зарудный, радикальный демократ И. Н. Ефремов, меньшевик А. М. Никитин и кадеты А. В. Карташов, Ф. Ф. Кокошкин, С. Ф. Ольденбург, П. П. Юренев. Ведущие роли в правительстве играли министр финансов Н. В. Некрасов, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр иностранных дел М. И. Терещенко и министр продовольствия А. В. Пешехонов, составившие Комитет обороны. Управляющим Военным министерством стал Б. В. Савинков. Члены нового Временного правительства формально были независимы от партийных комитетов и Советов, несли ответственность «только перед страной и своей совестью».

Первым правительство решило вопрос о пребывании арестованной императорской семьи. Местом пребывания пленников избрали Тобольск, что расценивалось положительно и в левых, и в правых кругах. У левых Тобольск ассоциировался с местом ссылки политических преступников, они считали это достойным наказанием для бывшего императора. Правые были довольны тем, что Керенский не отдает семью в руки большевиков – радикальных левых. Керенский позднее писал, что весной 1918 г. Романовы из Тобольска могли бы уехать за границу, первоначально в Японию.

Подготовка к отъезду царской семьи велась секретно. Вечером 31 июля (13 августа) Керенский отправился в Царское Село, чтобы лично проследить за отъездом. Начальнику охраны он выписал мандат, в котором говорилось, что приказам

полковника Кобылинского следует подчиняться как приказам премьера. 6 (19) августа императорская семья прибыла в Тобольск. Режим содержания был вполне либеральным. 1 (14) сентября в Тобольск в качестве нового комиссара Временного правительства прибыл В. С. Панкратов, Е. С. Кобылинский поступил в его распоряжение.

Из-за обострения внутриполитической обстановки Временное правительство совершило одну из самых серьезных своих ошибок – перенесло срок выборов в Учредительное собрание с 17 сентября на 12 ноября, а его созыв – с 30 сентября на 28 ноября 1917 г. (по старому стилю).

26 июля – 3 августа (8–16 августа) в Петрограде состоялся VI съезд РСДРП (б). Съезд принял решение о захвате власти путем вооруженного восстания и утвердил присоединение к большевистской партии «межрайонцев» Троцкого.

3 (16) августа Верховный главнокомандующий Л. Г. Корнилов направил в правительство докладную записку. Ее основными положениями были: введение военно-полевых судов в тылу; ответственность Советов и комитетов перед законом; восстановление единоначалия в армии. На следующий день (!) цитаты из докладной были опубликованы в левой печати. Советы потребовали отставки и ареста Корнилова. Но поскольку о решении VI съезда РСДРП (б) стало известно Временному правительству, оно вынуждено было прислушаться к мнению Корнилова. При посредничестве управляющего Военным министерством Б. В. Савинкова и комиссара Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандования М. М. Филоненко был разработан план создания Петроградской армии.

Согласно плану, в столицу предполагалось ввести 3-й конный корпус генерала А. М. Крымова («третьей шашки России»), 7-ю Кавказскую туземную (Дикую) дивизию, Корниловский ударный полк, Георгиевский батальон и несколько других надежных подразделений. В самом Петрограде планировалось ввести военное положение и включить в состав армии личный состав военных учебных заведений. Керенский колебался: он боялся большевиков, но не решался предпринять решительные шаги. 10 (23) августа Корнилов был вызван в Петроград, куда прибыл под охраной эскадрона личного конвоя из Текинского полка. Во время переговоров с Керенским конвой окружил Зимний дворец и выставил у входов пулеметы. Переговоры закончились безрезультатно.

11 (24) августа Савинков и кадетское крыло Временного правительства пригрозили уйти в отставку, и Керенский вынес предложения Корнилова на обсуждение правительства. Решение

отложили до окончания Государственного совещания, состоявшегося в Москве 12–15 (25–28) августа.

…Свыше тысячи представителей политической, общественной, культурной и военной элиты России три дня говорили, говорили и говорили. Верховный главнокомандующий Корнилов в своем выступлении нарисовал картину возможной гибели армии и государства. И хотя в заключительной речи Керенский отметил, что совещание знаменовало утверждение «всенародного единства» вокруг «внепартийного национального» Временного правительства, ситуация в стране ухудшалась.

14 (26) августа в Казани произошли взрывы на пороховых заводах и артиллерийских складах. 19 августа (1 сентября) германские войска начали наступление на Северном фронте и захватили Ригу вместе с военными запасами. В тылу продолжались погромы помещичьих усадьб, усиливалась спекуляция продовольствием. Солдаты полков Петроградского гарнизона митинговали и отказывались идти на фронт.

Поскольку ни к каким реальным результатам Государственное совещание не привело, в ближайшем окружении Корнилова и с его участием начали разрабатывать план установления в России новой формы правления. Власть в стране должна была перейти к Совету народной обороны (председатель – Л. Г. Корнилов, товарищ председателя – А. Ф. Керенский, члены Совета – М. В Алексеев, А. В. Колчак, Б. В. Савинков, М. М. Филоненко). При Совете должен был существовать правительственный кабинет с широким представительством различных политических сил: от царского министра Н. Н. Покровского до Г. В. Плеханова. Корнилов вел об этом переговоры с Керенским, стремясь добиться компромисса.

23 августа (5 сентября) в Ставку прибыл Б. В. Савинков. Он сообщил, что основанный на предложениях Корнилова законопроект Временное правительство одобрило, и уточнил с Корниловым детали предстоящей операции по наведению порядка в столице. В ходе бесед с Савинковым Корнилов указывал, что после подавления выступления большевиков следует установить твердую власть, в том числе «коллективную диктатуру».

Английский посол Дж. Бьюкенен писал в те дни, что Керенский и Корнилов не очень любят друг друга, но друг без друга им не обойтись. Керенский не может рассчитывать на восстановление военной мощи без Корнилова – единственного человека, способного взять в свои руки армию. Корнилову не обойтись без Керенского, который, несмотря на убывающую популярность, умеет говорить с массами и способен заставить их

согласиться с энергичными мерами, назревшими к проведению в тылу. Но мнение британского дипломата оказалось ошибочным.

Вечером 24 августа (6 сентября) Л. Г. Корнилов назначил генерала А. М. Крымова командующим Петроградской армией, а генерала П. Н. Краснова командиром 3-го конного корпуса. Крымову было приказано при начале выступления большевиков немедленно занять столицу, разоружить гарнизон и рабочих и разогнать Совет. В Петрограде и губернии, в Кронштадте, Финляндии и Эстляндии вводилось осадное положение; создавались военно-полевые суды. Запрещались митинги, собрания, забастовки; устанавливался комендантский час с 19 часов до 7 часов утра; вводилась цензура газет. Убийцы, грабители, мародеры подлежали расстрелу на месте. 26 августа Корнилов направил Савинкову телеграмму, в которой извещал, что 3-й конный корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Генерал просил объявить Петроград на военном положении с 29 августа.

С этого момента начинается провокация, автором которой стал Керенский. После отъезда Савинкова в Ставку как представитель министра-председателя прибыл В. Н. Львов. Корнилов принял его и переговорил о необходимости установления коллективной диктатуры правительства. Верховный главнокомандующий предложил членам Временного правительства переехать в Ставку. Как выяснилось впоследствии, Корнилов даже приготовил комнату Керенскому рядом со своей. 26 августа (8 сентября) Львов вернулся в Петроград и встретился с Керенским. Последний (в присутствии спрятанного свидетеля) потребовал изложить беседу с Корниловым в письменной форме, после чего арестовал Львова «за измену». Далее Керенский, опять при свидетелях, позвонил в Ставку и от имени Львова попросил подтвердить сказанное Корниловым при встрече (не уточняя, что именно). В ночь с 26 на 27 августа на заседании Временного правительства Керенский объявил о раскрытии «заговора генералов».

Утром 27 августа (9 сентября) премьер отправил Корнилову телеграмму с приказом передать обязанности начальнику штаба генералу А. С. Лукомскому и срочно прибыть в Петроград. Лукомский отказался вступить в новую должность. Отказался и генерал В. Н. Клембовский.

Корнилов ответил по радио следующее: «Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Государственной думы В[ладимира] Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Тому

свидетель член Государственной думы Алексей Аладьин.

Таким образом свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.

Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час ее кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри. <…> Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ – путем победы над врагом – до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни»[742].

Корнилова не услышали…

Объявление генерала мятежником и изменником, посягнувшим на верховную власть, деморализовало направленные в Петроград части. Керенский дал указание остановить движение воинских эшелонов в направлении столицы и призвал на помощь Советы. Саботаж эсеровского профсоюза железнодорожников и пропаганда десятков агитаторов сыграли свою роль. 28 августа (10 сентября) Керенский издал указ об аресте генералов Л. Г. Корнилова, А. С. Лукомского, И. П. Романовского и А. И. Деникина. К полудню 29 августа (11 сентября) войска остановились, а Керенский назначил себя Верховным главнокомандующим.

29 августа была образована Чрезвычайная следственная комиссия для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Однако верные Корнилову кавалеристы Текинского полка не позволили свершиться самосуду и взяли его и других арестованных под свою охрану. 31 августа (13 сентября), после бурного разговора с Керенским, застрелился (или был убит порученцем?) генерал Крымов. 1 (14) сентября «до окончательного сформирования нового кабинета» была провозглашена Директория из пяти лиц во главе с Керенским. В нее вошли беспартийные М. И. Терещенко и А. М. Никитин, генерал А. И. Верховский и адмирал Д. Н. Вердеревский. Одновременно с учреждением Директории была провозглашена Российская Республика. Керенский считал себя победителем. На самом же деле он проиграл.

Глава 14
Октябрьский переворот

Денег, информации и патронов никогда не бывает много.

Профессиональный сленг

Прежде чем продолжить повествование, мы считаем необходимым разъяснить свою позицию по политическим процессам, происходившим в России в 1917 г. В нашу задачу не входит выражение симпатий или антипатий к той или иной партии. Нам представляется, что очень точную характеристику тем событиям дал А. А. Керсновский: «Подобно всякой революции, русская революция представляет собой нераздельное и неразрывное целое. Попытки искусственного разделения ее на „хорошую“ Февральскую и „нехорошую“ Октябрьскую – ребячески несерьезны. Это все равно что толковать о „первой Французской революции 1789 года“ и „второй – 1792-го“ или о „Первой мировой войне 1914 года“ и „Второй мировой войне 1915-го“. Октябрь неотделим от Февраля в календаре русской революции так же, как неотделим в календаре природы. Это два звена одной непрерывной цепи…»[743]. Мы постараемся беспристрастно показать, каким образом действовали Временное правительство и его политические противники, какие специальные институты и методы оппоненты использовали для удержания или завоевания власти.

Но вначале проведем небольшой анализ причин поражения генерала Л. Г. Корнилова. Как нам представляется, он имел хорошие шансы на успех: у него были программа стабилизации внутриполитической ситуации и преданные ему боеготовые части, способные взять под контроль Петроград. Но генерал проиграл в главном – он не позаботился о политическом обеспечении проводимых им мероприятий. Как следует из воспоминаний участников тех событий, Корнилов не предпринял шагов для обеспечения реализации своей программы с помощью специальных методов. Мы уже упоминали, что большинство органов военной контрразведки в армии и в тылу к лету 1917 г. практически прекратили работу. Наиболее дееспособными оставались подразделения контрразведки в Генеральном штабе, Петроградском и Московском военных округах и на военно-морском флоте. Почему Корнилов не использовал в должной мере

возможности подчиненных ему как Верховному главнокомандующему подразделений военной контрразведки, нам неизвестно.

В документах, посвященных описываемым событиям, нет упоминаний об использовании специальных структур. Это тем более непонятно, что Л. Г. Корнилов лично и неоднократно выполнял опасные задания русской разведки, а будучи командующим Петроградским военным округом, назначил подполковника Генерального штаба Б. В. Никитина начальником Контрразведывательного отделения округа.

В отличие от своего оппонента министр-председатель А. Ф. Керенский подходил к вопросами специальных служб более внимательно. Мы уже писали, что Временное правительство не смогло создать политической полиции, работавшей в его интересах, но Керенский собственную специальную службу создал. Она была замаскирована в структуре Министерства юстиции и в документах иногда именовалась «контрразведкой». Об этом говорится в воспоминаниях управляющего делами Минюста А. А. Демьянова. Контрразведка Керенского использовала в своих интересах материалы следственных комиссий, созданных при этом министерстве, и архивы Департамента полиции.

Контрразведывательное отделение Петроградского военного округа также работало против политических противников Керенского, в первую очередь против РСДРП. Учитывая изложенное, можно сделать предположение, что миссия В. Н. Львова по объявлению Корнилова заговорщиком могла быть спланирована и реализована с помощью специалистов из службы безопасности министра-председателя. Однако в дальнейшем Керенский допустил ряд ошибок, а его политические оппоненты слева времени зря не теряли.

Так, генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба генерал-лейтенант Н. М. Потапов[744] сотрудничал с Военной организацией Петроградского комитета РСДРП (б) с июля 1917 г. Генерал еще ранее был хорошо знаком с одним из сотрудников «военки» М. С. Кедровым[745]. В силу служебных обязанностей он осуществлял руководство военной разведкой и контрразведкой.

Благодаря усилиям Потапова примерно за месяц до Октябрьского переворота Контрразведывательное отделение Петроградского военного округа практически прекратило существование.

Потапов так описывает встречу с Кедровым осенью 1917 г.:

«Не видевшись со мной с июльских дней, он (Кедров. –

Примеч. авт.) ошарашил меня заявлением:

– Вскоре мы, большевики, выступим против Керенского и первое, что мы сделаем, – это вдребезги разобьем ваш Генеральный штаб.

– За что же? – спросил я с удивлением.

– За то, что ваша контрразведка занимается политическим сыском и после июльского выступления арестовала целый ряд наших товарищей.

– Категорически заявляю, – ответил я, – что наша контрразведка, которая наряду с другими отделениями подчинена мне, политическим сыском не занимается»[746].

Через несколько дней генерал Потапов конспиративно встретился с председателем Всероссийского бюро военных организаций РСДРП (б) Н. И. Подвойским[747]. Вторым серьезным, действенным контактером большевиков в Генеральном штабе являлся генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич[748], родной брат которого (В. Д. Бонч-Бруевич) входил в руководство партии большевиков.

К началу сентября 1917 г. в руководстве РСДРП (б) не имелось единства по поводу сроков и методов взятия власти. Большинство членов Центрального и Петроградского комитетов придерживались позиции диалога с Временным правительством и постепенной его трансформации в коалиционное (эсдеки, эсеры и анархисты) социалистическое правительство. Кроме того, призывать к немедленному свержению правительства, которое несколько дней назад партия призывала защищать, было очень непросто. Большевики на тот момент, вопреки более поздним утверждениям, не являлись самой популярной левой партией. Эсеры, эсдеки-меньшевики, народные социалисты и анархисты также имели массу сторонников. Лидер большевиков В. И. Ленин прекрасно это понимал и отдавал себе отчет в том, что основной противник РСДРП (б) – время.

Главной угрозой для Ленина и его сторонников были приближавшиеся выборы в Учредительное собрание, поскольку в нем (и, соответственно, в будущем правительстве) большевики не могли рассчитывать на ведущую роль. На это совершенно объективно указывали результаты проходивших тогда выборов в Советы всех уровней. Другой негативный для РСДРП (б) момент – критика большевиков в основных как правительственных, так и оппозиционных периодических изданиях. В этих условиях Ленин стоял перед выбором: либо принимать правила игры, навязываемые ему политической ситуацией, либо попытаться изменить ситуацию в свою пользу. Он выбрал второе. Этот человек обладал многими качествами, необходимыми

политическому лидеру: точным пониманием создавшейся ситуации не в статике, а в динамике; выверенной решительностью при реализации политических замыслов.

2 (15) сентября в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) – главной военно-морской базе Балтийского флота – состоялось собрание Исполкома Гельсингфорсского совета, Областного комитета Советов рабочих и воинских депутатов Финляндии и представителей полковых и судовых комитетов Гельсингфорсского района. В его резолюции указывалось: «Мы настойчиво требуем от ЦИК (Центрального исполнительного комитета I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. – *Примеч. авт.*), чтобы он отказал в доверии всякому коалиционному (с буржуазией) министерству и немедленно созвал II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[749]. Резолюция указывает на наличие в Финляндии вооруженных сил, готовых воспринять идею вооруженного захвата власти. Недаром в аналитических отчетах Особого отдела Департамента полиции Финляндию называли «красным тылом» революции 1905–1907 гг. С 9 (22) по 12 (25) сентября в Гельсингфорсе прошел III Областной съезд Советов армии, флота и рабочих Финляндии. Большинство в Областном исполнительном комитете получили левые эсеры и большевики. Председателем Исполкома избран член ЦК РСДРП (б) И. Смилга. Комитет провозгласил себя высшим органом политической власти в Финляндии. Ленин, присутствовавший там, понял, что его планы могут получить реальную силовую поддержку.

4 (17) сентября 1917 г. Л. Д. Троцкий был освобожден под залог из-под ареста. С этого момента большевики начали работу по переизбранию Петроградского совета. 9 (22) сентября был сформирован новый Исполком Петросовета; в президиум вошли четыре большевика, два эсера и один меньшевик, его председателем стал Троцкий. Совет принял резолюцию протеста против преследования Ленина и потребовал, чтобы всех «незаконно» арестованных большевиков освободили. Временное правительство выполнило его требование: на свободу вышли многие арестованные в июле 1917 г. (Л. Б. Каменев, А. В. Луначарский, Ф. Ф. Раскольников, С. Г. Рошаль, В. А. Антонов-Овсеенко, П. И. Дыбенко, Н. А. Ховрин и др.), в том числе руководители Военной организации ЦК РСДРП (б) и ряд младших офицеров – сторонников большевиков. Этот шаг говорил о слабости правительства, его готовности идти на компромиссы ради сохранения иллюзии стабильности и удержания власти, которой по существу уже не было.

Еще одним важным моментом при подготовке к свержению

Временного правительства для сторонников Ленина являлось получение средств. Так, 12 (25) сентября из Стокгольма отправлена следующая телеграмма: «Господину Фарзеру, в Кронштадте (через Гельсингфорс). Поручение исполнено, паспорта и указанная сумма 207 000 марок по ордеру вашего господина Ленина упомянутым в вашем письме лицам вручены. Выбор одобрен его превосходительством господином посланником. Прибытие названных лиц и получение их контррасписок подтвердите. С уважением, Свенсон»[750].

Одним из инициаторов финансирования сторонников Ленина в Германии был эмигрант из России А. Л. Парвус (И. Л. Гельфанд). Со стороны германского Генштаба контакты курировал отдел «Стокгольм» под руководством Г. Траутмана. Со стороны РСДРП (б) за получение средств отвечали казначей партии Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг)[751], М. Ю. Козловский и Е. М. Суменсон. «Фирма» Парвус – Ганецкий базировалась в Копенгагене, основной поток средств шел через Скандинавию. Эти средства позволяли оплачивать печатные издания партии и содержать штат освобожденных партийных работников.

Однако не только большевики получали деньги из немецких и австрийских секретных фондов. Австро-Венгрия выделяла деньги сепаратистскому «Союзу освобождения Украины». Германия финансировала грузинских сепаратистов. Эсеры получали деньги от Германии и Австро-Венгрии. Оппозиционные партии получали денежные средства от Японии.

Читатели, скорее всего, знают, что поддержка, в том числе и финансовая, оппозиционных партий в чужой стране – одна из сторон деятельности большинства (если не всех) специальных служб мира. В 1900–1917 гг. работа в среде русской эмиграции в Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Швейцарии проводилась полицией и спецслужбами этих стран с представителями всех (!) политических партий. Вероятно, этим объясняется осторожное отношение входивших во Временное правительство представителей социалистических партий к вопросу о «немецких деньгах», получавшихся большевиками. Ажиотажный спрос на информацию по финансированию большевиков германским Генеральным штабом возник вследствие того, что после Октября 1917 г. большевики стали правящей партией. Но в описываемый период все, повторим еще раз, – все революционные политические силы России финансово подпитывались из иностранных источников, которые контролировались соответствующими государственными специальными службами.

Пока Ленин и его доверенные лица в Финляндии проводили

подготовительную работу по перегруппировке сил, Центральный и Петроградский комитеты РСДРП (б) готовились к участию в работе Всероссийского демократического совещания. Оно созывалось в Петрограде в соответствии с решением объединенного заседания ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов от 3 (16) сентября 1917 г. 4 и 5 сентября Центральный и Петроградский комитеты РСДРП (б) направили телеграммы и письма местным партийным организациям. В них указывались цели совещания и предлагалось приложить все усилия к созданию возможно более значительной и сплоченной группы из его участников – членов РСДРП (б). Руководство РСДРП (б) надеялось, что на совещании будет создано коалиционное социалистическое правительство.

Всероссийское демократическое совещание начало работу 14 (27) сентября, среди его делегатов были: 532 эсера (в том числе 71 левый эсер), 172 меньшевика (из них 56 интернационалистов), 134 большевика, 55 народных социалистов и 133 беспартийных. На совещании выступали Каменев и Троцкий: первый высказался за создание коалиционного правительства, второй настаивал на передаче всей власти Советам.

15 (28) сентября в Петроград поступили два письма В. И. Ленина: «Большевики должны взять власть» – для членов Центрального, Петроградского и Московского комитетов РСДРП (б), «Марксизм и восстание» – для членов Центрального комитета. В них Ленин отказывался от тактики компромиссов и выдвигал план немедленной подготовки к вооруженному восстанию с целью захвата власти. Он писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активного большинства революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. <…>

Почему должны власть взять именно *теперь* большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими…

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. <…>

Взяв власть *сразу* в Москве и в Питере (не важно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно*»[752].

В тот же день письма были обсуждены на чрезвычайном

заседании Центрального комитета. В обсуждении приняли участие: А. С. Бубнов, Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, А. А. Иоффе, Л. Б. Каменев, А. И. Коллонтай, Г. И. Ломов, В. П. Милютин, В. П. Ногин, А. И. Рыков, Я. М. Свердлов, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий, С. Г. Шаумян.

Через 10 лет Ломов писал: «…мы боялись, как бы это письмо не попало к петроградским рабочим, в райкомы, Петроградский и Московский комитеты, ибо это внесло бы сразу громадный разнобой в наши ряды. <…> Мы боялись: если просочатся слова его (Ленина. – *Примеч. авт.*) к рабочим, то многие станут сомневаться в правильности линии всего ЦК»[753]. Бухарин также впоследствии вспоминал: «ЦК единогласно постановило сжечь письмо т. Ленина»[754].

В предложенной Каменевым резолюции говорилось, что ЦК отвергает практические предложения, высказанные в письмах Ленина, и призывает все организации следовать только указаниям ЦК, который считает совершенно недопустимым в текущий момент какие-либо уличные выступления.

Данный факт лишний раз подчеркивает, насколько В. И. Ленин был прозорливее и решительнее большинства соратников, как смело и своевременно менял тактику борьбы, не боясь осуждения и непонимания как рабочей среды, так и членов ЦК.

Демократическим совещанием были рассмотрены вопросы организации власти и создания коалиционного правительства. Из состава его делегатов избран Всероссийский демократический совет, переименованный затем во Временный совет Российской Республики (Предпарламент).

В задачи Предпарламента входило обсуждение законопроектов Временного правительства и разработка собственных законопроектов. 21 сентября (4 октября) вопрос об участии большевиков в Предпарламенте был вынесен на заседание ЦК с участием делегатов Демократического совещания от РСДРП (б). В поддержку позиции Ленина, изложенной в письмах, выступил Троцкий. В итоге 77 человек проголосовали за участие большевиков в Предпарламенте, 50 – против. Решение получило утверждение ЦК: большинство в руководстве РСДРП (б) выступило против позиции Ленина.

Тот отреагировал мгновенно, направив 27 сентября (10 октября) из Выборга письмо И. Т. Смилге с изложением своего плана захвата власти: «Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство. <…> Правительство имеет войско и *систематически* готовится (Керенский в Ставке, явное дело, столковывается с корниловцами о войске для подавления

большевиков и столковывается *деловым* образом).

А мы что делаем? Только резолюции принимаем? <…> Систематической работы большевики *не* ведут, чтобы подготовить *свои* военные силы для свержения Керенского. <…>

История сделала коренным *политическим* вопросом сейчас вопрос *военный*. Я боюсь, что большевики забывают это. <…> Со стороны партии революционного пролетариата это может оказаться преступлением. <…>

Кажется, единственное, что мы можем *вполне* иметь в своих руках и что играет *серьезную* военную роль, это финляндские войска (части российской армии в Финляндии. – *Примеч. авт.*) и Балтийский флот. Я думаю, Вам надо воспользоваться своим высоким положением, свалить с себя на помощников и секретарей всю мелкую, рутинную работу, не терять времени на „резолюции“, а *все внимание* отдать *военной* подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского. Создать тайный комитет из *надежнейших* военных, обсудить с ним *всесторонне*, собрать (и проверить *самому*) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозе войск финляндских в Питер, о движении флота и т. д. <… >

Власть должна немедленно перейти в руки Петроградского совета, который передаст ее съезду Советов…»[755].

29 сентября (12 октября) Ленин пишет статью «Кризис назрел», в которой вновь призывает партию немедленно поднять вооруженное восстание: мы, русские большевики, «…имеем на своей стороне столичные Советы рабочих и солдатских депутатов <…> *большинство народных масс*. <…> Мы видели полный откол от правительства финляндских войск и Балтийского флота. Мы видим <…> что солдаты больше воевать не будут. <…> Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат четырнадцать тысяч голосуют за большевиков. <…> Пропускать такой момент и „ждать“ съезда Советов есть *полный идиотизм* или *полная измена* <…> ибо съезд **ничего не даст**, *ничего не может дать!*»[756] (все выделения в тексте – ленинские). В 6-й главе статьи, адресованной членам ЦК, Петроградского и Московского комитетов и Советов, Ленин ставит ультиматум соратникам по партии: «Видя, что ЦК оставил даже без ответа мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный орган вычеркивает из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т. д. и т. д., – видя это, я должен усмотреть тут „тонкий“ намек на нежелание ЦК даже

обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта и на предложение мне удалиться. Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии. Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем „ждать“ съезда Советов и упустим момент теперь, мы губим революцию»[757].

Однако призывы Ленина к немедленному вооруженному восстанию все еще вызывали несогласие у части партийных функционеров. 3 (16) октября ЦК РСДРП (б) принял решение о переезде Ленина из Выборга в Петроград. В сопровождении Э. А. Рахьи[758] он прибыл на станцию Райвола (Рощино) и на паровозе № 293 с машинистом Г. Ялавой доехал до станции Удельная. С 6 (19) октября резиденцией Ленина в Петрограде стала квартира М. В. Фофановой на Сердобольской улице, д. 1/92.

5 (18) октября ЦК РСДРП (б) принял решение о выходе большевиков из Предпарламента. 7 (20) октября председателем этого органа был избран эсер Н. Д. Авксентьев. В это же время число сторонников вооруженного восстания среди руководства РСДРП (б) начинает расти, их лидером становится Троцкий. На заседании 7 октября он сказал: «Мы взываем, покидая Временный совет, к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности. Правительство усугубляет эту опасность. Правящие партии усугубляют ее. Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу: да здравствует немедленный, честный, демократический мир, вся власть Советам, вся земля народу, да здравствует Учредительное собрание!»[759].

Вероятно, Керенский понимал опасность, грозившую правительству со стороны выходящих из повиновения войск. 4 (17) октября Главковерх направил главкому Северного фронта генералу В. А. Черемисову телеграмму, в которой потребовал принятия энергичных мер по ликвидации финляндского Областного комитета и наведению порядка в войсках, находившихся на территории Финляндии. 5 (18) октября Черемисов наложил на телеграмму резолюцию о вызове в Псков президиума Областного комитета. Этой «громкой» и «требовательной» резолюцией все и ограничилось: реальных действий по восстановлению контроля над находившимися в Финляндии войсками Временное правительство не предприняло.

Наиболее радикальную позицию в отношении революционизированных войск Петрограда занял бывший председатель Государственной думы (распущена постановлением Временного правительства 4 (17) сентября) М. В. Родзянко. На Московском совещании общественных деятелей 8 (21) октября он

призвал правительство к сдаче Петрограда германской армии. По его мнению, победа над политическими противниками того стоила.

9 (22) октября Исполком Петроградского совета принял решение создать Комитет революционной обороны, официально – для организации обороны города от немцев, которые к 8 октября овладели Моонзундским архипелагом. Комиссию по выработке Положения о комитете возглавил председатель солдатской секции Петросовета левый эсер П. Е. Лазимир. Как вспоминал впоследствии Троцкий, это было сделано в целях маскировки. В проекте Положения для комитета намечались следующие задачи: установить связь с Северным фронтом, штабом Петроградского округа, Центробалтом и Областным советом Финляндии для выяснения военной обстановки; произвести учет личного состава гарнизона Петрограда и его окрестностей, а также наличие боевого снаряжения и продовольствия; принять меры для поддержания в солдатских и рабочих массах дисциплины. Троцкий впоследствии писал: «Формулировки были всеобъемлющи и в то же время двусмысленны: почти все они стояли на грани между обороной столицы и вооруженным восстанием. Однако эти две задачи, исключавшие до сих пор друг друга, теперь и на деле сближались: взяв в свои руки власть, Совет должен будет взять на себя и военную защиту Петрограда. Элемент оборонческой маскировки не был насильственно привнесен извне, а вытекал до известной степени из условий кануна восстания»[760].

10 (23) октября на квартире меньшевика Н. Н. Суханова состоялось конспиративное заседание ЦК РСДРП (б), в котором участвовали 11 членов ЦК (А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. М. Коллонтай, В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий) и два кандидата в члены (Г. И. Ломов и В. Н. Яковлева). Одиннадцатью голосами «за» при двух «против» (Каменев и Зиновьев) была принята резолюция: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)»[761]. Ленин умел убеждать, но, возможно, решающей оказалась информация Свердлова о готовившемся военном заговоре в Минске. Для политического руководства восстанием создано Политбюро в составе Ленина, Бубнова, Зиновьева, Каменева, Сокольникова, Сталина и Троцкого. В тот же день на Московской городской

конференции РСДРП (б) было принято решение о подготовке вооруженного восстания. Жребий был брошен.

11 (24) октября начал работу съезд Советов Северной области. Его открыл член ЦК РСДРП (б) и Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП (б) Н. В. Крыленко. Из 94 делегатов большевиков было 51. На съезде выступили Антонов-Овсеенко и Сокольников. До делегатов довели решение ЦК от 10 октября, их предупредили, что в любой момент из Петрограда может поступить команда выступить против Временного правительства. Председателем съезда Советов Северной области избран Крыленко.

12 (25) октября Исполком Петросовета принял «Положение о Военно-революционном комитете» – ВРК, как в окончательной редакции стал называться Комитет революционной обороны. В него вошли представители исполкомов Съезда рабочих и солдатских депутатов и Съезда крестьянских депутатов, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Радикально настроенные большевики, левые эсеры и анархисты под руководством Троцкого начали работу по преобразованию ВРК в штаб по подготовке вооруженного восстания.

Левые эсеры и анархисты имели на тот момент не меньшую (если не большую), чем большевики, поддержку в разлагавшихся армии и флоте. Военная организация Партии левых социалистов-революционеров (левых эсеров) располагала собственными боевыми отрядами и пользовалась влиянием в Петроградском гарнизоне. Анархисты, хотя и не имели иерархически структурированной организации, пользовались поддержкой значительной части матросов Кронштадта, они активно поддержали антиправительственные выступления большевиков в июле 1917 г. Изучение биографий командного состава Красной армии, оперативников ВЧК и некоторых других структур показывает, что до 1919 г. многие известные личности были эсерами или анархистами.

Л. Троцкий впоследствии писал: «Не менее важно было другое новообразование: при Военно-революционном комитете создавалось постоянное Гарнизонное совещание. Солдатская секция представляла гарнизон политически: депутаты выбирались под партийными знаменами. Гарнизонное же совещание должно было состоять из полковых комитетов, которые, руководя повседневной жизнью своих частей, являлись „цеховым“, практическим, наиболее непосредственным их представительством. Аналогия между полковыми комитетами и заводскими напрашивается сама собою. Через посредство рабочей секции Совета большевики могли уверенно опираться в больших

политических вопросах на рабочих. Но чтобы стать хозяевами на заводах, необходимо было вести за собой завкомы. Состав солдатской секции обеспечивал большевикам политическое сочувствие большинства гарнизона. Но чтобы практически распоряжаться воинскими частями, нужно было непосредственно опереться на полковые комитеты. Этим объясняется, почему в период, предшествовавший восстанию, Гарнизонное совещание выдвинулось на передний план, естественно оттеснив солдатскую секцию. Наиболее видные делегаты секции входили, впрочем, и в Совещание»[762].

13 (26) октября Исполком Петросовета опубликовал извещение о созданном при нем особом отделе Красной гвардии. Вновь созданный отдел и солдатская секция переходили в подчинение ВРК. Настроения солдатских масс в действующей армии осенью 1917 г. были не теми, как во время летнего наступления. В качестве примера приведем выдержку из воспоминаний Р. Б. Гуля, воевавшего на Юго-Западном фронте. «Была осень 1917 года. <…> Около старенькой церкви – митинги толп вооруженных людей в серых шинелях. Злобные речи, почти без смысла. Знамена с надписями: „Мир без аннексий и контрибуций“, „Долой войну“, „Смерть буржуазии“… Разливалась стихия.

Получил телеграмму: „Имение разграблено, проси отпуск“. <…> Я смотрю на лица солдат: на всех одна и та же усталая злоба и недоверие.

Узловая станция. Вокзал, платформа, пути запружены тысячами людей в сером. Они все едут-бегут с войны. И это „домой“ так сильно в них, что они замерзают на крышах поездов, убивают начальников станций, ломают вагоны, сталкивают друг друга…»[763].

15 (28) октября в Нарвском районе состоялось закрытое заседание Петроградского комитета РСДРП (б) с участием представителей районных комитетов. На нем обсуждались практические мероприятия, связанные с выполнением решения ЦК о вооруженном восстании. 13 из 19 (!) представителей местных комитетов заявили о технической неготовности отрядов Красной гвардии к участию в восстании. Борьба сторонников и противников немедленного свержения Временного правительства в партии большевиков продолжалась.

В тот же вечер на конспиративной квартире М. В. Фофановой у Ленина произошла любопытная встреча. Фофанова вспоминала: «Вечером 15 октября, в воскресенье, когда было уже темно, в сопровождении Эйно [Рахьи] пришли к нам два товарища. Об их приходе я была предупреждена Владимиром Ильичом еще утром.

Он сказал мне, что вечером придут из Финляндии два товарища – Рубаков и Егоров, и что они вместе со всеми совершили опасное путешествие из Цюриха в Петроград. Оба молодые, лет 30–35, высокие, стройные, чувствовалась военная выправка. Один из них, с усиками, похож был на актера Кторова. Они вежливо поздоровались, и я проводила их в комнату Владимира Ильича. Эйно прошел в кухню. Разобрать разговор при закрытых дверях было невозможно, да и не пыталась я это делать. Но чувствовалось, что все трое говорят на немецком языке. Иногда они переходили на русский. Беседа проходила более часа. Когда они стали уходить, я услышала фразу: „Bis zum baldigen Wiedersehen“! (До скорого свидания! – *Примеч. авт.*). Вместе с ними ушел и Эйно»[764].

Сопоставление различных опубликованных в последнее время источников с большой долей вероятности позволяет сделать предположение, что «Рубаков» и «Егоров» были офицерами германского Генерального штаба, возможно, из Разведывательного отдела. Э. Сиссон пишет, что майоры германского Генерального штаба Андерс и Эрих еще до переезда в Россию сменили фамилии: Андерс стал Рубаковым, а майор Эрих – Егоровым. По косвенным данным, можно предположить, что оба офицера прибыли в Россию вместе с первой партией политэмигрантов в знаменитом «пломбированном вагоне».

Относительно проблем, обсуждавшихся на встрече, мы можем сделать некоторые предположения. Вероятнее всего, затрагивались четыре вопроса: о беспрепятственном переходе боевых кораблей из Гельсингфорса в Петроград; о недопустимости снятия с фронта войск, верных Временному правительству; об участии в перевороте специальных подразделений немецкой разведки и флота; о сотрудничестве России и Германии в случае свержения Временного правительства. В дальнейшем мы постараемся подтвердить наши предположения конкретными фактами.

Усиление пропагандистской работы в войсках не осталось незамеченным. В сводках Политического управления Петроградского военного округа от 15 (28) октября отмечались следующие факты: наблюдалась активизация деятельности полковых комитетов по упорядочению караульной службы; в частях Петроградского гарнизона началось ведение усиленной агитации за передачу всей власти Советам; получили распространение призывы отказываться подчиняться распоряжению главнокомандующего о выводе частей на фронт; общими собраниями некоторых полков вынесены соответствующие резолюции; установлено, что Запасный

броневой автомобильный дивизион полностью поддерживает ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов.

В тот же день командующий Петроградским военным округом Г. П. Полковников издал приказ по Петроградскому гарнизону, в котором отмечал, что на улицах Петрограда вновь готовятся «безответственные» вооруженные выступления. Эти выступления являются проявлением анархии и, несомненно, повлекут за собой ненужные жертвы, чем поставят страну на край гибели. Полковников приказывал всем подчиненным ему частям, офицерам и солдатам не поддаваться призывам к выступлениям.

16 (29) октября Ленин, крайне недовольный половинчатым решением Петроградского комитета РСДРП (б), принятым накануне, созывает собрание партийного актива с участием членов ЦК. Собрание началось в 8 часов вечера в помещении Лесковско-Удельнинской районной думы, председателем которой был М. И. Калинин. Резолюция ЦК от 10 (23) октября вновь не получила единодушной поддержки. Каменев, Зиновьев и их сторонники выступили с резкой критикой курса на немедленное вооруженное восстание. Не отвергая саму идею свержения Временного правительства, они говорили о неподготовленности восстания и о необходимости «посоветоваться». Характерно, что большинство противников переворота в практической боевой работе ранее лично участия не принимали. Они были идеологами, пропагандистами, теоретиками. Нам представляется, что противники Ленина не столько не хотели переворота, сколько боялись его подавления верными Временному правительству силами. В этом случае руководителям восстания грозила смертная казнь по приговору суда или, что более вероятно, расстрел на месте без суда; мотивацией их позиции являлись страх и военный непрофессионализм.

В конце заседания Ленин поставил на голосование следующую резолюцию: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»[765]. Зиновьев предложил свой вариант резолюции, в котором указывалось на недопустимость выступлений до совещания с большевистской частью съезда Советов. В протоколе собрания указывается, что за резолюцию Ленина проголосовали 19 человек, против – 2, 4 воздержались. За резолюцию Зиновьева голосовали 6 человек, против – 15, 3 воздержались. Некоторые историки полагают, что

результаты фальсифицированы, поскольку в протоколе имеется запись, что первоначально за резолюцию Ленина голосовали 16 человек, а воздержались 7, затем эти цифры исправили.

Для практической работы по организации восстания был создан Военно-революционный (Партийный) центр в составе А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, М. С. Урицкого. Центр являлся полномочным представителем РСДРП (б) в ВРК Петроградского совета. В этот же вечер Петросовет утвердил образованный еще 12 октября Военно-революционный комитет.

А тем временем в Петрограде меньшевик Потресов, имевший связь с французской контрразведкой, сообщил в периодической печати о назначенном на 17 (30) октября вооруженном выступлении большевиков. 16 (29) октября генерал-квартирмейстер штаба Петроградского военного округа подполковник Н. Н. Пораделов направил начальникам артиллерийских училищ предписание передать в Зимний дворец к находившимся там двум орудиям еще четыре. Таким образом, постоянный артиллерийский наряд в Зимнем дворце устанавливался в шесть орудий.

В 2 часа ночи 17 (30) октября Временное правительство провело экстренное заседание, на котором принято решение об усилении охраны Зимнего дворца и Государственного банка. Из Ораниенбаума были вызваны курсанты двух школ прапорщиков, с Румынского фронта – бронированный поезд. Милиции поручили обследовать окраины города, чтобы найти доказательства подготовки к восстанию; улик (кроме усиленной агитации в пользу выступления) обнаружено не было. Тем не менее на окраинах решили усилить патрули, а милицейским комиссарам предписали проверять посты чаще. Милюков впоследствии писал, что в «последнюю минуту» большевики отменили свои приготовления.

Как следует из опубликованных документов и мемуаров участников событий, вооруженное выступление на 17 октября большевики не планировали. Возможно, слухи о выступлении были хорошо продуманной дезинформацией Военной организации РСДРП (б).

На закрытом заседании Временного правительства 17 октября присутствовали: А. Ф. Керенский (министр-председатель), В. Д. Вердеревский (морской министр), А. И. Верховский (военный министр), К. А. Гвоздев (министр труда), Н. М. Кишкин (министр государственного призрения), П. Н. Малянтович (министр юстиции), М. И. Терещенко (министр иностранных дел), С. Н. Третьяков (министр почт и телеграфов). Был обсужден вопрос о

положении в Петрограде. Говорили долго, но (как всегда!) конкретных решений на уровне правительства принято не было.

В тот же день в штабе Северного фронта состоялась встреча генерала В. А. Черемисова с представителями Петроградского совета. Генерал заявил о подчинении Петроградского гарнизона штабу фронта и о военной необходимости вывода полков из столицы. Делегацию Совета и представителей полков возглавляли председатель рабочей секции Г. Ф. Федоров, а также руководители солдатской секции и Военной организации большевиков (М. М. Лашевич, А. Д. Садовский, К. А. Мехоношин, П. В. Дашкевич и др.). Левые эсеры и меньшевики-интернационалисты обязались отстаивать в Пскове общую позицию – невывод войск из Петрограда.

Отсутствие военной необходимости в передислокации войск подтверждается телеграммой генерала Черемисова в адрес Керенского от 17 октября: «Инициатива присылки войск Петроградского гарнизона на фронт шла от вас, а не от меня. <… > Когда выяснилось, что части Петроградского гарнизона не желают идти на фронт, т. е. что они небоеспособны, то я в частном разговоре с вашим представителем-офицером сказал, что… таких частей у нас уже достаточно на фронте; но ввиду выражаемого вами желания отправить их на фронт я не отказывался от них и не отказываюсь от них теперь, если вы по-прежнему признаете вывод их из Петрограда необходимым»[766].

Троцкий впоследствии писал, что исход восстания 25 октября (7 ноября) был предопределен в тот момент, когда большевики воспротивились выводу Петроградского гарнизона, создали Военно-революционный комитет, назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем самым изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство.

17 октября военным руководством Временного правительства были предприняты следующие меры. Военный министр Верховский направил ВЦИК телеграмму, в которой запретил Сестрорецкому оружейному заводу отпускать винтовки по требованию Исполкома Петроградского совета. Штабом Петроградского военного округа для охраны петроградских тюрем (одиночной – «Кресты», Арсенальная набережная, 5; женской – Арсенальная улица, 9; пересыльной – Константиноградский проспект, 6) направлены усиленные наряды войск. Запасному броневому дивизиону предписано выслать боевые машины: одну – в Экспедицию заготовления государственных бумаг (Фонтанка, 144) в распоряжение начальника караула при экспедиции; вторую – в Государственный

банк с подчинением этой и уже находившейся там машин начальнику охраны банка; третью – на Почтамт (Почтамтская, 7) с подчинением коменданту почт и телеграфов; четвертую – на Центральную железнодорожную телеграфную станцию (Фонтанка, 117) с подчинением начальнику караула; пятую – на Николаевский вокзал в распоряжение коменданта вокзала. Броневую машину, находившуюся на Центральной телефонной станции, подчинили начальнику караула при станции. Всем машинам приказано иметь по 12 пулеметных лент (3000 патронов).

Вечером 17 октября в Смольном состоялось совещание представителей районных организаций РСДРП (б) и Военной организации при ЦК под председательством Я. М. Свердлова. Обсуждался вопрос о вооруженном восстании. После докладов из районов председатель Военной организации Подвойский доложил о положении дел в Красной гвардии, в войсках и на флоте. В ночь с 17 на 18 октября на квартире рабочего Д. А. Павлова (Сердобольская ул., д. 35, кв. 4) состоялось совещание Ленина с руководителями Военной организации Н. И. Подвойским, В. А. Антоновым-Овсеенко и В. И. Невским (Ф. И. Кривобоковым). Спустя два года Невский писал, что Ленин стремился сломить остатки упрямства членов Военной организации, учитывавших настроения матросов («не хотят оголять фронт») и считавших выступление преждевременным. По свидетельству Подвойского, Ленин сказал: «Всякое промедление с нашей стороны даст возможность правительственным партиям, обладающим мощным государственным аппаратом, подготовиться более решительно к разгрому нас с помощью вызванных для этого надежных войск с фронта»[767]. Он доказывал, что необходимо свергнуть Временное правительство до открытия II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября и поставить его «…пред свершившимся фактом взятия рабочим классом власти»[768]. Действий германского флота, судя по всему, Ленин не опасался.

17 октября на заседании Центробалта состоялись дополнительные выборы на II Всероссийский съезд Советов. Были избраны П. И. Дыбенко, П. Д. Мальков, Сутырин (большевики), Рямо (сочувствующий) и принят наказ делегатам. В нем представителям Балтийского флота поручалось совместно с представителями Черноморского флота и трудового пролетариата взять власть и передать ее в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

18 (31) октября состоялось первое совещание представителей полковых и ротных комитетов частей Петроградского гарнизона (Гарнизонное совещание). В отчете о совещании говорилось:

«18 октября в Смольном состоялось закрытое собрание представителей полковых и ротных комитетов Петроградского гарнизона, созванное по инициативе Военного отдела Петроградского с[овета] р[абочих] и с[олдатских] депутатов. Собрание было очень многолюдное: присутствовали представители почти всех воинских частей, расположенных в Петрограде и его окрестностях.

Представитель Измайловского полка заявил, что солдаты его части относятся отрицательно к Временному правительству и верят только С[оветам] р[абочих] и с[олдатских] депутатов, по первому зову которых они немедленно выступят. Однако они пока выступать не намерены.

Делегат гвардии Егерского полка в своем докладе отметил, что они выступят лишь в том случае, если на это последует приказ Петроградского сов[ета] р[абочих] и с[олдатских] депутатов, но выступят они организованно и потребуют немедленного свержения правительства и передачи власти Советам.

Представитель Московского полка заявил, что его полк доверяет исключительно Петроградскому совету.

Делегат Гренадерского полка заявил, что полк выступит лишь по призыву съезда Советов раб[очих] и солд[атских] деп[утатов].

Представитель резервного Волынского полка заявил, что солдаты его части не одобряют политики Временного правительства и никаких его приказаний выполнять не будут. Петроградский же совет будут поддерживать всеми имеющимися в их распоряжении средствами, вплоть до организованного выступления по первому зову Военного отдела.

Делегат Павловского полка в своем докладе указал, что солдаты его полка стоят на платформе Петроградского совета и не признают ни Временного правительства, ни Центрального комитета.

Представитель Кексгольмского полка огласил резолюцию, принятую солдатами этой части. В резолюции высказывается недоверие Временному правительству и выражается желание немедленной передачи власти Советам.

Представитель Первого стрелкового полка указал, что полк недавно принял резолюцию, которая вполне соответствует последним постановлениям Петроградского совета.

Делегат Электротехнического батальона заявил, что батальон пойдет, как только ему будет приказано Петроградским советом.

Представитель 89-й пешей вологодской дружины указал, что дружина сочувствует последним резолюциям Петроградского совета.

Представитель 9-го кавалерийского полка заявил, что полк от каких бы то ни было выступлений отказывается.

Представитель Гвардейского экипажа указал, что матросы ждут приказов от Центрофлота. Временному правительству не доверяют.

Представитель 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков заявил, что школа прапорщиков прибыла в Петроград и поместилась в Зимнем дворце лишь после того, как Ц[ентральный исполнительный] к[омитет] изъявил на это свое согласие. Школа намерена выступить лишь в том случае, если последует на это распоряжение от Ц[ентрального исполнительного] к[омитета].

Делегат Семеновского полка сообщил о состоявшемся третьего дня в полку митинге, на котором с большим докладом выступил Троцкий. Выступавшим членам Ц[ентрального исполнительного] к[омитета] Скобелеву и Гоцу не было дано возможности говорить. Солдаты Семеновского полка требуют немедленной передачи власти Советам.

Представитель маршевых эскадронов гвардейской кавалерии указал, что кавалерия относится пассивно к предстоящему выступлению.

Представители 2-го Балтийского экипажа, 3-го запасного полка, Гвардейского артиллерийского дивизиона заявили, что солдаты этих частей Временному правительству не доверяют и будут подчиняться приказаниям Петроградского совета, Центр[альному] же комитету они не доверяют.

Последним выступил представитель 1-й Петергофск[ой] пехотн[ой] школы прапорщиков, который заявил, что школа против всякого выступления.

Присутствовавшим членам ЦИК слова предоставлено не было, и последние в виде протеста покинули зал заседания.

В конце заседания президиумом был оглашен ряд постановлений относительно непрерывной связи Петроградского совета со всеми воинскими частями гарнизона»[769].

18 октября Военный отдел ЦИК, поддерживавший Временное правительство, обратился к заводским рабочим комитетам. В обращении указывалось, что согласно постановлению Комитета по борьбе с контрреволюцией при ЦИК никакая выдача оружия, патронов и взрывчатых веществ каким бы то ни было организациям из складов, с заводов и т. п. не допускается без разрешения Временного военного комитета при Центральном исполнительном комитете рабочих и солдатских депутатов. О каждом таком требовании ЦИК предписывал предварительно запрашивать его Военный отдел (Смольный, комната № 17).

Но вооружение рабочих отрядов Петрограда продолжалось.

Начальник Главного артиллерийского управления генерал В. А. Лекович 18 октября доложил Г. П. Полковникову, что за предыдущий день со склада Сестрорецкого оружейного завода вооруженными людьми силой были взяты 400 винтовок с принадлежностями.

В резолюции митинга солдат Кексгольмского резервного полка от 18 октября говорилось, что отступление от Риги, сдача Моонзундской позиции и угрожающая «ныне» сдача Петрограда, совершаемая объединившимися контрреволюционерами России, Германии и Англии, ставят под угрозу судьбу русской революции. По мнению солдат, потеря Балтийского флота, Петрограда и всех заводов, работающих на оборону страны, повлечет сдачу русской революции на милость своему и заграничному капиталу. Кексгольмцы говорили, что они твердо стоят на революционных постах и не допустят потери свободы. На митинге призывали к совершению пролетарской революции.

19 октября (1 ноября) министр юстиции Малянтович издал предписание Петроградской судебной палате немедленно принять меры к аресту Ленина, поскольку в печати 20 октября неоднократно указывалось как новая дата вооруженного восстания. На этот день первоначально было намечено открытие II съезда Советов, но его перенесли на 25 октября. Для охраны Зимнего дворца Временное правительство стянуло 2-ю Петергофскую и 2-ю Ораниенбаумскую школы прапорщиков, Михайловское артиллерийское училище, Броневой автомобильный батальон, 4-ю роту 1-го самокатного батальона. На окраинах города установили усиленные заставы, в рабочие районы направили казачьи разъезды. В разных пунктах Петрограда разместили скрытые конные резервы. Милицию привели в боевую готовность, половина ее состава непрерывно дежурила в комиссариатах. Но выступление вновь не состоялось.

На организационном совещании Военно-революционного комитета 20 октября (2 ноября) избрано его Бюро, в состав которого вошли три большевика (Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко, А. Д. Садовский) и два левых эсера (П. Е. Лазимир и Г. Н. Сухарьков). Троцкий писал: «Решение о создании Военно-революционного комитета, вынесенное впервые 9-го, прошло через пленум Совета лишь спустя неделю: Совет – не партия, его машина тяжеловесна. Еще четыре дня понадобилось на то, чтобы сформировать [Военно-революционный] комитет. Эти десять дней, однако, не пропали даром: завладение гарнизоном шло полным ходом. Совещание полковых комитетов успело доказать свою жизнеспособность, вооружение рабочих продвинулось вперед, так что Военно-революционный комитет,

приступивший к работе только 20-го, за 5 дней до восстания, сразу получил в свои руки достаточно благоустроенное хозяйство. При бойкоте со стороны соглашателей в состав комитета вошли только большевики и левые эсеры: это облегчило и упростило задачу. Из эсеров работал один Лазимир, который был даже поставлен во главе Бюро, чтобы ярче подчеркнуть советский, а не партийный характер учреждения. По существу же комитет, председателем которого был Троцкий, главными работниками Подвойский, Антонов-Овсеенко, Лашевич, Садовский, Мехоношин, опирался исключительно на большевиков. В полном составе, с участием представителей всех учреждений <…> комитет вряд ли собирался хоть раз. Текущая работа велась через Бюро под руководством председателя, с привлечением во всех важных случаях Свердлова. Это и был штаб восстания»[770].

В целях конспирации ВРК поместил в газете «Новая жизнь» сообщение, в котором заявил, что он существует отнюдь не для того, чтобы подготовить и осуществить захват власти, а исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюционных и погромных посягательств. Во все строевые части гарнизона были назначены комиссары из числа членов Военной организации РСДРП (б) (ее членов в Петрограде было около 1000 человек).

Троцкий: «Инициатива по завладению учреждениями чаще всего исходила снизу. Рабочие и служащие арсенала при Петропавловской крепости подняли вопрос о необходимости контроля над выдачей оружия. Направленный туда комиссар успел приостановить дополнительное вооружение юнкеров, задержал 10 000 винтовок, предназначавшихся для Донской области, и более мелкие партии – для ряда подозрительных организаций и лиц. Контроль вскоре распространился и на другие склады, даже на частные магазины оружия. Достаточно было обратиться к комитету солдат, рабочих или служащих учреждения или магазина, чтобы сопротивление администрации тут же оказалось сломленным. Оружие отпускалось отныне только по ордерам комиссаров»[771].

19–21 октября в газетах появилась серия сообщений о подготовке восстания. Указывалось, что в Выборгском районе происходит усиленное обучение Красной гвардии – под руководством собственных инструкторов красногвардейцы учатся стрельбе в цель и штыковой атаке, что в распоряжении Красной гвардии имеются пулеметы и даже бронеавтомобили.

«Министр юстиции П. Н. Малянтович предписал прокурору Судебной палаты сделать немедленное распоряжение об аресте

Ленина. Прокурор Судебной палаты во исполнение этого распоряжения обратился к главнокомандующему войсками Петроградского военного округа с просьбой приказать подведомственным ему чинам оказать содействие гражданским властям в производстве ареста и о доставлении Ленина, в случае задержания его военными властями, судебному следователю по особо важным делам П. А. Александрову. В своем обращении к главнокомандующему войсками Петроградского военного округа прокурор палаты ссылается на приказ об аресте Ленина, исходящий от Верховного главнокомандующего. Аналогичные бумаги посланы прокурором палаты комиссару Временного правительства по управлению бывшим градоначальством и начальнику общей и уголовной милиции»[772].

«Несмотря на то, что слухи о выступлении большевиков 20 октября, по-видимому, не оправдываются, вчера были осуществлены все те мероприятия по охране безопасности столицы, которые были решены на совещании с участием министра-председателя, военного министра, министра внутренних дел и главнокомандующего округом. На окраинах города расположены сильные воинские заставы, задача которых не допустить массовых сборищ и эксцессов. Места расположения этих застав соответствуют большей или меньшей опасности в смысле возможных выступлений. Кроме того, установлены конные казачьи патрули, разъезжающие всю ночь в определенных районах города. По всему Петрограду находятся скрытые конные резервы, которые в любой момент должны по вызову прибыть для подавления беспорядков. Охрана города вверена наиболее надежным воинским частям, которые, вне всякого сомнения, будут беспрекословно подчиняться распоряжениям Временного правительства»[773].

21 октября (3 ноября) Военно-революционный комитет проинформировал главнокомандующего Петроградским военным округом, что в связи с задачами ВРК по охране Петрограда от контрреволюционных покушений на все заводы и склады оружия и боеприпасов направлены комиссары ВРК. Задачей комиссаров является принятие надлежащих мер по охране оружия и боеприпасов на местах, а также прямой и непосредственный контроль за их выдачей.

В тот же день состоялось очередное Гарнизонное совещание, на котором по докладу Троцкого приняты три краткие резолюции: 1) гарнизон Петрограда и его окрестностей пообещал Военно-революционному комитету полную поддержку; 2) гарнизон Петрограда обратился к казакам и пригласил их на свои собрания 22 октября;

3) гарнизон Петрограда призвал Всероссийский съезд Советов взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб.

В ночь с 21 на 22 октября члены ВРК Лазимир, Мехоношин и Садовский явились в Генштаб к командующему Петроградским военным округом Полковникову. От имени ВРК Садовский заявил, что все приказы командующего должны скрепляться подписью одного из комиссаров, а без них приказы будут считаться недействительными. Полковников ответил, что не признает комиссаров ВРК, а признает только ЦИК, и пригрозил арестом комиссаров в случае нарушения ими закона.

22 октября (4 ноября) ВРК объявил, что приказы воинским частям, отданные штабом Петроградского военного округа, признаются действительными лишь после их утверждения ВРК. В тот же день состоялась 1-я Петроградская общегородская конференция Красной гвардии, на которой были обсуждены текущие задачи и проведен подсчет сил. Численность отрядов составляла до 20 000 вооруженных и обученных бойцов.

23 октября (5 ноября) Военно-революционный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов обратился с воззванием «К населению Петрограда!», в котором довел до сведения рабочих, солдат и всех граждан Петрограда следующее: 1) в интересах защиты революции от покушений со стороны контрреволюции при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей назначены комиссары ВРК; 2) приказы и распоряжения Временного правительства и военных властей Петроградского военного округа подлежат исполнению только после их утверждения комиссарами ВРК; 3) комиссары как представители Совета рабочих и солдатских депутатов являются лицами неприкосновенными, противодействие им приравнивается к противодействию Совету; 4) Советом приняты все меры к охране революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений, все граждане приглашаются оказывать поддержку комиссарам ВРК, в случае возникновения беспорядков гражданам надлежит обращаться к комиссарам ВРК в близлежащую воинскую часть.

Троцкий писал: «Давлением масс, тяжестью гарнизона [Военно-революционный] комитет вытесняет правительство. Он берет без боя то, что можно взять. Он выдвигает свои позиции вперед без выстрела, сплачивая и укрепляя на ходу свою армию; измеряет своим нажимом силу сопротивления врага, ни на минуту не спуская с него при этом глаз. Каждый новый шаг вперед изменяет диспозицию в пользу Смольного. Рабочие и гарнизон врастают в восстание. Кто первый призовет к оружию, обнаружится в ходе наступления и вытеснения. Теперь это уже

вопрос часов. Если в последний момент у правительства найдется смелости или отчаяния подать сигнал к сражению, ответственность ляжет на Зимний, а инициатива все равно останется за Смольным. Акт 23 октября означал низложение властей прежде, чем будет низложено само правительство. Военно-революционный комитет связывал враждебному режиму конечности, прежде чем нанести ему удар в голову. Применять эту тактику „мирного проникновения“, легально ломать врагу кости и гипнотически парализовать остатки его воли можно было, только имея тот несомненный перевес сил, который был на стороне комитета и все еще продолжал увеличиваться с часу на час»[774].

23 октября Керенский выступил в Мариинском дворце перед членами ЦИК и депутатами Предпарламента. В заключение он сказал: «Я пришел, чтобы призвать вас к бдительности для охраны завоеваний свободы многих поколений, многими жертвами, кровью и жизнью завоеванных свободным русским народом… В настоящее время элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленно решительной и окончательной ликвидации… Я требую, чтобы сегодня же Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания»[775]. Наиболее яркими были ответы министру-председателю меньшевика-интернационалиста Л. Мартова (Ю. О. Цедербаума) и оборонца Ф. И. Дана.

Мартов: «Демократия должна заявить, что никакой поддержки оно (правительство. – *Примеч. авт.*) от нее не получит, если правительство не даст немедленных гарантий реализации насущных нужд народа. Репрессии не могут заменить необходимости удовлетворения нужд революции. Должно быть сделано заявление, что Россия ведет политику немедленного мира, что земельные комитеты получат в свое распоряжение подлежащие отчуждению земли и что демократизация армии не будет приостановлена. Если такие заявления невозможны для правительства в его нынешнем составе, то оно должно быть реорганизовано»[776].

Дан: «Если вы хотите выбить из-под ног у большевизма ту почву, на которой он вырастает, как гнилой гриб, то надо принять ряд политических мер. Необходимо ясное выступление и правительства, и Совета республики, в котором народ увидел бы, что его законные интересы защищаются именно этим правительством и Советом республики, а не большевиками…

Вопросы о мире, о земле и о демократизации армии должны быть поставлены так, чтобы ни у одного рабочего, ни у одного солдата не было ни малейшего сомнения, что по этому пути наше правительство идет твердыми и решительными шагами»[777].

После ухода Керенского состоялось голосование о доверии его кабинету. 123 голосами «за» при 102 голосах «против» и 26 воздержавшихся Предпарламент отказал в доверии Временному правительству. Этот малоизвестный широкой общественности факт определяет политические оценки многих последующих действий. Можно считать, что временный законодательный орган Российской Республики своим голосованием юридически отстранил правительство Керенского от власти. Военно-революционный комитет Петроградского совета осуществил лишь фактическое отстранение Временного правительства, легитимная отставка которого была проведена ранее.

23 октября на сторону ВРК перешел гарнизон Петропавловской крепости. Надежной опорой ВРК в крепости являлся пулеметный батальон Кольта, насчитывавший 1000 человек при 80 пулеметах. При поддержке солдат пулеметного батальона был взят под контроль Кронверкский арсенал, в котором хранились винтовки (более 100 000), револьверы и пулеметы. После этого за оружием и боеприпасами начали приезжать делегации от заводов, моряков и воинских частей.

В ночь на 24 октября (6 ноября) А. Ф. Керенский дал указание начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего генералу Н. Н. Духонину срочно двинуть с фронта на Петроград верные правительству войска, однако это распоряжение исполнено не было, так как распоряжения Ставки саботировались на местах. По распоряжению ВРК части Петроградского гарнизона и отряды Красной гвардии приводились в боевую готовность. В Петропавловской крепости был оборудован запасной штаб восстания. В Смольном на верхних этажах установили 24 пулемета, подходы к зданию охранялись броневиками.

К 16 часам мосты через Неву были заняты юнкерами, началась их разводка. Но ВРК уже отдал приказы взять под контроль стратегические объекты Петрограда. В 17 часов отряд матросов и солдат занял Центральный телеграф, чуть позже – Петроградское телеграфное агентство. К 19 часам мосты, за исключением Дворцового и Николаевского, заняли красногвардейцы и солдаты. Гараж Временного правительства взят под контроль по прямому указанию члена ВРК А. Д. Садовского. После этого 62 (!) автомобиля перевозили оружие, боеприпасы, продовольствие, топливо, арестованных контрреволюционеров, патрулировали по городу, быстро

доставляли ударные отряды Красной гвардии в кризисные районы восстания. Вечером Ленин со связным ЦК Э. А. Рахьей ушел в Смольный.

25 октября (7 ноября) в 1 час 25 минут был занят Главпочтамт, примерно в то же время – Балтийский и Николаевский вокзалы, затем Центральная электрическая станция. Освещение правительственных зданий было отключено. В 3 часа 30 минут крейсер «Аврора» встал на якорь у Николаевского моста, неподалеку от Зимнего дворца. Мост был занят матросами крейсера и 2-го Балтийского флотского экипажа. К 6 часам утра матросы заняли главную контору Государственного банка и редакции центральных газет. Около 7 часов солдаты заняли Центральную телефонную станцию. К 12 часам был окружен и через час взят Мариинский дворец, где заседал Предпарламент. К полудню в руках восставших находился почти весь Петроград, за исключением Дворцовой и Исаакиевской площадей. Керенский с адъютантами (не переодетый, как это принято было считать, а в своем обычном полувоенном френче) покинул столицу на автомобиле в 10 часов утра. Он думал, что едет на встречу с войсками, которые идут спасать его от большевиков.

Дальнейшее нашим читателям известно.

Мы считаем необходимым уточнить некоторые детали. Штурма Зимнего дворца в военно-специальном понимании этого термина не было. Отряды ВРК проникали во дворец через разные входы и постепенно разоружили охрану, практически без сопротивления, имели место лишь локальные перестрелки. В ходе Октябрьской революции (переворота) оружие почти не применялось. Общее число убитых 24–25 октября не превышало 10 человек, раненых – 50 человек. Правительственные здания занимали небольшие отряды Красной гвардии, солдат или матросов – по современной терминологии, отряды специального назначения. Каждый отряд и возглавлявший его командир были хорошо информированы о том, какой объект они должны взять под контроль и как контролировать его. Действия отрядов координировались, на многих объектах отряды уже ждали небольшие передовые группы или подготовленные люди, помогавшие быстро (и часто незаметно для вооруженных сторонников Временного правительства) проникнуть на них. Этим можно объяснить незначительные для такого крупного города жертвы, которыми сопровождался Октябрьский переворот. Четкое планирование, грамотное использование своих и привлеченных разведывательных, информационных и иных специальных структур позволили ВРК во главе с партией

большевиков быстро заполнить властный вакуум, созданный недоверием Предпарламента Временному правительству и фактическим безвластием последнего.

Среди этих отрядов были и специальные подразделения разведки германской армии и морской пехоты. По свидетельству очевидцев, немецкие моряки были одеты в русскую военно-морскую форму, но вооружены немецкими карабинами. Командовали ими офицеры с хорошим или достаточно хорошим знанием русского языка. Сведения такого рода скупы, поскольку впоследствии на долгие десятилетия они стали государственной тайной. Представители германских специальных структур действовали конспиративно, в точном соответствии с договоренностями, достигнутыми с руководством восстания. Данных о несогласованности, разногласиях или конфликтах между представителями российской и германской сторон нет. Каждая из них знала и пунктуально выполняла взятые обязательства. Все было проведено быстро и столь аккуратно, что большинство жителей города практически ничего не заметили в тот день и, отправившись спать, не понимали, что утром проснутся уже в новой исторической эпохе…

В 22 часа 45 минут в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

Около 2 часов ночи 26 октября (8 ноября) члены Временного правительства были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость.

Глава 15
В огне гражданской войны

Революция только тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться.

В. И. Ульянов-Ленин

Падение Временного правительства было обусловлено его неспособностью обеспечить собственную безопасность, а также решить стратегические задачи. Желание быть «хорошим» для всех, боязнь ответственности, политика полумер, откладывание решения основных политических вопросов до Учредительного собрания – основные причины краха кабинета А. Ф. Керенского. Сам министр-председатель, скорее всего, не понимал причин поражения и считал, что у него есть все шансы вернуть власть. Новое правительство (Совет народных комиссаров) с первых дней своего существования было вынуждено защищать советскую власть (как систему) и себя (как представителей этой системы) от всех, кто данную власть хотел отобрать. Политический спектр противников советского правительства был неохватно широк, но условно их можно разделить на две группы: внутренние и внешние. Внутренние противники – монархисты, сторонники Временного правительства и Учредительного собрания, внешние – структуры иностранных государств, правительства которых по тем или иным причинам не устраивала политика СНК. В те годы всех противников советской власти именовали контрреволюционерами («контрой»). Постепенно в разряд контрреволюционеров большевики зачислили и бывших союзников в борьбе против монархии, чьи взгляды на формы и методы политического переустройства России отличались от взглядов лидеров РСДРП (б).

Первой «контрой» был Керенский. Поздним вечером 26 октября (8 ноября) 1917 г. он приехал в Псков, где размещался штаб Северного фронта, и выяснил, что командующий фронтом генерал В. А. Черемисов отменил приказ Ставки по переброске надежных войск в столицу. В Пскове Керенский встретил командира 3-го конного корпуса генерала П. Н. Краснова, назначил его командующим армией и приказал выступать на Петроград. В тот же день «армия» в составе 700 казаков при 16 орудиях двинулась в сторону Гатчины.

Керенский, возомнивший себя спасителем Отечества, совершенно не понимал обстановки. Большинство офицеров корпуса считали премьер-министра предателем генерала Л. Г. Корнилова и виновником гибели генерала А. М. Крымова. Некоторые офицеры не подавали Керенскому руки, мотивируя это своей верностью генералу Корнилову.

Во время движения к столице казакам Краснова стало известно об аресте Временного правительства. 27 октября (9 ноября) отряд без выстрела занял Гатчину, где к нему присоединились юнкера Школы прапорщиков. Из Петрограда были получены сведения о том, что сторонники Временного правительства создали Комитет спасения родины и революции и втайне готовятся к сражению.

28 октября (10 ноября) около 500 казаков после короткого боя заняли Царское Село с гарнизоном в 16 000 штыков. На помощь Краснову подошли еще несколько отрядов общей численностью до 500 штыков и сабель и один бронепоезд, а в гарнизоне Петрограда было около 200 000 человек.

29 октября (11 ноября) начались первые бои между сторонниками и противниками Временного правительства. В столице с оружием выступили юнкера по главе с Г. П. Полковниковым и А. А. Краковецким. В Москве шли упорные уличные бои между верными Временному правительству войсками и сторонниками большевиков.

30 октября (12 ноября) моральный дух казаков Краснова, не получавших подкреплений, стал падать. Приехавший к Краснову Савинков предложил генералу арестовать Керенского и самому возглавить поход на Петроград, но Краснов отказался. Митинги переходили в переговоры между матросами и казаками, на них вполне серьезно обсуждался вопрос об обмене Керенского на Ленина. Затем к переговорам о мирном разрешении ситуации подключились Краснов и прибывшие из столицы П. И. Дыбенко и Л. Д. Троцкий. 1 ноября Керенского, переодетого матросом, вывели из дворца, вывезли на автомобиле за город и укрыли в доме лесника. Бывший премьер-министр перешел на нелегальное положение[778].

Несмотря на угрозу со стороны «контры», В. И. Ленин относился к роли личной охраны крайне несерьезно. В 1917 г. за его личную безопасность отвечал Э. А. Рахья. Только большой опыт нелегальной работы позволял ему, иногда с одним-двумя помощниками, успешно противодействовать попыткам ареста и устранения подопечного. В середине июня, когда над Лениным нависла угроза лишения жизни, озвученная представителями ультраправых организаций, он (Ленин) тайно выехал на

Карельский перешеек на дачу к В. Д. Бонч-Бруевичу. 11 июля 1917 г. на Сестрорецкий оружейный завод для разоружения Красной гвардии был направлен карательный отряд под командованием штабс-капитана Гвоздева. Отряду была поставлена задача: найти и арестовать вождя большевиков. Генерал П. А. Половцев впоследствии писал, что Гвоздев спросил его: «Хотите ли вы, чтобы я привез этого господина в целом или разобранном виде?»[779]. В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев действительно скрывались у служащего оружейного завода Н. А. Емельянова, но провели у него только одну ночь, а затем были переправлены на лодке в знаменитый ныне шалаш за озером Разлив.

27 октября Ленин лично написал «Обязанности часового при председателе СНК». Инструкции гласила:

«1. Не пропускать никого, кроме народных комиссаров (если вестовой не знает их в лицо, то должен требовать билеты, т. е. удостоверения от них).

2. От всех остальных требовать, чтобы они на бумаге записали свое имя и в двух словах цель визита. Эту записку вестовой должен передать председателю и без его разрешения никого не пускать в комнату.

3. Когда в комнате никого нет, держать дверь приоткрытой, чтобы слышать телефонные звонки и приглашать кого-либо из секретарей к телефону.

4. Когда в комнате председателя кто-то есть – держать дверь всегда закрытой»[780].

Личных телохранителей у Ленина в тот период не было. С. К. Гиль вспоминал: «Жизнь Владимира Ильича по нескольку раз в день подвергалась смертельной опасности. Эта опасность усугублялась еще тем, что Владимир Ильич категорически отказывался от какой бы то ни было охраны. При себе он никогда не носил оружия (если не считать крошечного браунинга, из которого он ни разу не стрелял) и просил меня также не вооружаться. Однажды, увидев у меня на поясе наган в кобуре, он ласково, но достаточно решительно сказал: „К чему вам эта штука, товарищ Гиль? Уберите-ка ее подальше!“ Однако револьвер я продолжал носить при себе, хотя тщательно скрывал его от Владимира Ильича»[781].

29 октября (11 ноября) комендантом Смольного назначили матроса П. Д. Малькова[782]. Предоставим ему слово: «Военно-революционный комитет постановил: комендантом Смольного института назначается тов. Мальков. Его помощником по внутренней охране назначается тов. Касюра. Помощником по составлению личного состава назначается тов. Игнатов. <…>

Так я стал комендантом Смольного. Пришлось принимать дела, хотя принимать особо было и нечего. Собрал я человек тридцать матросов, примерно столько же красногвардейцев и начал организовывать охрану Смольного. А время было горячее – Керенский с Красновым подняли мятеж и во главе казачьих сотен двигались на Петроград. В самом Питере началось выступление юнкеров»[783].

В Смольном размещались ВРК ЦК РСДРП (б), СНК, ВЦИК и аппарат наркоматов. Его охрана осуществлялась броневиками и вооруженными караулами из красногвардейцев, солдат и матросов вне здания, а также пулеметами и часовыми на постах внутри здания. У кабинета Ленина (№ 67 на 3-м этаже) охрану несли парные часовые. Вначале пройти в его кабинет было достаточно просто: следовало убедить часовых в важности поручения. Радист царскосельской радиостанции Н. Р. Дождиков вспоминал, что его пропустили в кабинет по предъявлении пакета с надписями «совершенно секретно» и «весьма срочно».

К тому времени в Новочеркасске войсковой круг и правительство Дона во главе с атаманом Войска Донского генералом А. М. Калединым и его помощником М. П. Богаевским объявили о непризнании большевистского правительства. Они захватили власть и ввели военное положение. В такой ситуации по окончании уличных боев в Петрограде и Москве (соответственно 1 (14) и 2 (15) ноября) репрессировать популярного казачьего генерала было рискованно: 3 (16) ноября Краснова и его казаков отпустили на Дон. Постепенно туда прибывали противники большевиков со всех концов России. Во второй половине ноября в Новочеркасск приехал и Керенский. Когда Богаевский доложил Каледину о приезде Керенского, то войсковой атаман приказал его выгнать. После этого никакой поддержки в Белом движении Керенский найти не смог.

В официальной советской историографии ведущая роль в борьбе с контрреволюцией отводилась Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) при Совете народных комиссаров (СНК). И это во многом соответствует действительности. Однако опубликованные на Западе документы с большой долей вероятности позволяют считать, что первой секретной службой, действовавшей в интересах СНК (подчеркнем – действовавшей в интересах, а не созданной и структурно оформившейся как большевистская), было Разведывательное отделение (*Nachrichten Büro*) германского Генерального штаба, начавшее «легально-конспиративную» работу в Петрограде в октябре 1917 г. В подтверждение этой точки зрения мы можем сослаться на сборник «Немецко-

большевистская конспирация», изданный в октябре 1918 г. в Вашингтоне. В нашей стране сведения о советско-немецком сотрудничестве в политической, военной и военно-специальных областях в период 1917–1941 гг. были засекречены. После 1991 г. многие из ранее секретных документов опубликовали, в том числе и в отечественных изданиях. Возможно, со временем будут рассекречены и другие архивные документы. По нашему глубокому убеждению, рассмотрение сотрудничества специальных служб и политических структур различных стран требует профессиональной прагматичности и политической бесстрастности.

Рассекречивание документов, безусловно, поможет исследователям убедиться в здравом подходе тогдашних политических вождей к вопросу удержания взятой власти…

Сразу после Октябрьского переворота в СНК поступило следующее обращение:

> «Правительству народных комиссаров Согласно происшедших в Кронштадте в июле текущего года соглашений между чинами нашего Генерального штаба и вождями русской революционной армии и демократии гг. Лениным, Троцким, Раскольниковым, Дыбенко действовавшее в Финляндии Русское отделение нашего Генерального штаба командирует в Петроград офицеров для учреждения Разведочного отделения штаба. Во главе Петроградского отделения будут находиться следующие офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями:
>
> Майор Любертц,
> шифрованная подпись *Агасфер*.
> Майор фон Бельке,
> шифрованная подпись *Шотт*.
> Майор Байермейстер,
> шифрованная подпись *Бэр*.
> Лейтенант Гартвиг,
> шифрованная подпись *Генрих*.
>
> Разведочное отделение, согласно договора с гг. Лениным, Троцким и Зиновьевым, будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и военными делегациями и за контрреволюционным движением, а также будет выполнять разведочную и контрразведочную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты.
>
> Одновременно сообщается, что в распоряжение

правительства народных комиссаров командируются консультанты по Министерству иностранных дел – г. фон Шенеман, по Министерству финансов – г. фон Толь.

Начальник Русского отдела германского Генерального штаба: О. Рауш.

Адъютант: Ю. Вольф»[784].

В обращении имеется приписка:

«В Комиссариат по иностранным делам Указанные в настоящей бумаге офицеры были в Революционном комитете и условились с Муравьевым, Бойс и Данишевским о совместных действиях. Все они поступили в распоряжение комитета. Консультанты явятся по назначению.

Председатель Военно-революционного комитета Совета раб. и солд. депутатов: А. Иоффе

Секретарь: П. Крушавич

27-го октября 1917 г.»[785].

Крайне важно отметить, что договоренность достигнута и оформлена еще в июле 1917 г. (!!!), более чем за три месяца до событий конца октября. Командирование группы специально отобранных и с немецкой пунктуальностью расписанных по направлениям и объектам деятельности сотрудников может служить дополнительным подтверждением работы, которую большевики заблаговременно проводили и заметно активизировали после Февральской революции.

Руководители кайзеровской Германии и только что сформированного советского правительства крайне нуждались друг в друге. Германии нужны были дивизии с Восточного фронта и продовольствие, новому правительству России – власть в стране и возможность реализации этой власти. Чтобы не допустить реставрации Временного правительства, Ленин и его сторонники шли на тактическое сотрудничество в своих интересах с любой реальной силой, даже если это была империалистическая держава. Отметим, что союз большевиков с буржуазным правительством Германии являлся именно *тактическим*. У нас нет сомнений, что и германский Генеральный штаб оказывал поддержку СНК, исходя из собственных тактических соображений, обусловленных множеством проблем ведения

войны на два фронта и сильнейшими потрясениями во всех сферах общественной жизни страны. Не стоит забывать, что наиболее прогрессивные и профессиональные военные и политики Германии безуспешно пытались достучаться до своего кайзера, доказывая преступную пагубность войны на два фронта. Если на Западном фронте интересы Германии были очерчены совершенно четко, то на Восточном ей нечего было добиваться, поскольку большая часть интересов по разделу «имущества» разваливающейся естественным образом Австро-Венгрии была уже реализована, да к тому же не такой ценой…

Одной из сфер совместной деятельности сотрудников германского Разведывательного отделения и уполномоченных СНК стал розыск документов, опубликование которых могло скомпрометировать стороны. О некоторых результатах этой деятельности говорится в следующем документе:

> «Протокол. В[оенный] к[омиссариат]. Д. № 323 – два приложения. Сей протокол составлен нами 2 ноября 1917 года в двух экземплярах в том, что нами с согласия Совета народных комиссаров из дел Контрразведочного отделения Петроградского округа и бывш[его] Департамента полиции по поручению представителей германского Генерального штаба в Петрограде изъяты:
>
> 1. Циркуляр германского Генерального штаба за № 421 от 9 июня 1914 года о немедленной мобилизации всех промышленных предприятий в Германии и
>
> 2. Циркуляр Генерального штаба Флота открытого моря за № 93 от 28 ноября 1914 года о посылке во враждебные страны специальных агентов для истребления боевых запасов и материалов.
>
> Означенные циркуляры переданы под расписку в Разведочное отделение германского Штаба в Петрограде.
>
> Уполномоченные Совета народных комиссаров (подписи)
>
> *Г. Залкинд*
>
> *(Неразборчиво; может быть, Мехоношин[786])*
>
> *Е. Поливанов*
>
> *А. Иоффе.*

Означенные в настоящем протоколе циркуляры № № 421 и 93, а также один экземпляр этого протокола

получены 3 ноября 1917 года Разведочным отделом Г. Г. Ш. в Петербурге.

Адъютант: Генрих»[787].

Указанные в протоколе циркуляры в свое время были перехвачены российской контрразведкой. Поскольку их содержание не имеет отношения к конспиративной деятельности большевиков, мы опускаем текст.

Второй документ касается вопросов нелегального финансирования РСДРП (б):

«Народный комиссар по иностранным делам.
(*Весьма секретно*.)
Петроград,
16 ноября, 1917 г.
Председателю Совета народных комиссаров:

Согласно постановления, вынесенного совещанием народных комиссаров тт. Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, нами исполнено следующее:

1. В архиве Комис[сии] юстиции из дела об „измене“ тт. Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. изъят приказ Германского императорского (правильно – имперского. – *Примеч. авт.*) банка за № 7433 от 2-го марта 1917 года об отпуске денег тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Проверены все книги Хиа-Банка в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по ордеру Германского императорского банка за № 2754. Книги эти переданы тов. Мюллеру, командированному из Берлина.

Уполномоченные народного комиссара по иностранным делам

Е. Поливанов, Г. Залкинд»[788].

С 29 по 31 октября (11–13 ноября) между большевиками, интернационалистами, меньшевиками, эсерами и представителями профсоюзов состоялись переговоры о возможности создания коалиционного социалистического правительства. Однако после провала экспедиции Керенского – Краснова и подавления сопротивления в Петрограде и Москве в

ночь на 2 (15) ноября переговоры были прерваны. Л. Б. Каменев, В. П. Милютин, В. П. Ногин и А. И. Рыков вышли из состава ЦК РСДРП (б). 8 ноября Каменев покинул пост председателя Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК), который тогда был многопартийным: 62 большевика, 6 меньшевиков-интернационалистов, 29 левых эсеров, 3 украинских социалиста, 1 эсер-максималист. Новым председателем избран Я. М. Свердлов.

12 (25) ноября 1917 г. состоялись выборы в Учредительное собрание. За эсеров проголосовало 58 процентов избирателей, за большевиков – 25 процентов, за кадетов – 13 процентов, за меньшевиков – 2,6 процента. Основным политическим вопросом в ноябре – декабре 1917 г. стало отношение различных партий и объединений к Учредительному собранию.

ВЦИК и СНК не могли полностью контролировать ситуацию еще и потому, что существовало два центральных органа советской власти. Параллельно с ВЦИК, избранным на II Съезде рабочих и солдатских депутатов, работал Исполком Всероссийского совета крестьянских депутатов во главе с В. М. Черновым, избранный I Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов в мае 1917 г. На первом заседании ВЦИК был поставлен вопрос о необходимости их объединения. Чрезвычайный Всероссийский съезд крестьянских депутатов открылся 10 (23) ноября 1917 г. в Петрограде. Первоначально за предложение Ленина признать решения II Съезда рабочих и солдатских депутатов проголосовало лишь 45 человек, ему самому даже не дали выступить. Из 330 делегатов 195 представляли левых эсеров, 37 – большевиков, 65 – правых эсеров и эсеров центра, остальные являлись беспартийными. Основным был вопрос о создании правительства из всех социалистических партий, от народных социалистов до большевиков. После нескольких консультаций между большевиками и левыми эсерами Съезд крестьянских депутатов принял решение о поддержке решений II Съезда рабочих и солдатских депутатов и об объединении советов. Большинство делегатов Чрезвычайного съезда и представителей революционных партий поддерживали идею передачи власти Учредительному собранию и формирования коалиционного социалистического правительства.

Троцкий вспоминал, что почти сразу же после Октябрьского переворота Ленин стал настаивать на отсрочке Учредительного собрания, кадетско-эсеровско-меньшевистского по составу. Ленин говорил, что созыв Учредительного собрания – ошибка, поскольку власть уже завоевана большевиками и завоевывать ее снова незачем. Оказавшись в меньшинстве, он начал подготовку к

роспуску Учредительного собрания и 26 ноября (9 декабря) подписал декрет «К открытию Учредительного собрания», первое заседание которого могло состояться при наличии 400 депутатов. Стало ясно, что в назначенный срок (28 ноября) оно не соберется. Большинство членов Временного бюро большевистской фракции Учредительного собрания (Л. Каменев, В. Милютин, А. Рыков и др.) выразили несогласие с Лениным. Тот потребовал переизбрания бюро и нашел союзников в лице Партии левых социалистов-революционеров. На ее 1-м съезде, открывшемся 19 ноября (2 декабря), лидеры левых эсеров П. П. Прошьян, В. Е. Трутовский и Б. Д. Камков (Кац) поддержали Ленина. Прошьян заявил, что отдавать власть Учредительному собранию победители не должны. Руководство партии дало согласие на вхождение в правительство, и 9 (22) декабря семь левых эсеров вошли в состав СНК. 20 декабря (2 января) Совет народных комиссаров утвердил дату созыва Учредительного собрания – 5 (18) января 1918 г.

Одной из главных задач новой власти являлось строительство государственного аппарата, который должен был соответствовать изменившейся государственной доктрине. Старая государственная система управления подлежала реорганизации, а чаще – ликвидации. Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) императорской армии вошло в состав вновь созданного Народного комиссариата по военным делам практически без изменений. Возможно, что такому решению нового руководства страны способствовал переход на сторону советской власти многих офицеров корпуса Генштаба. Мы уже упоминали о сотрудничестве генерал-лейтенанта Н. М. Потапова с Военной организацией при Петроградском комитете РСДРП (б). Достаточно вспомнить А. А. Игнатьева[789], А. А. Самойло[790], А. А. Свечина[791], Б. М. Шапошникова[792], в дальнейшем принявших активное участие в военном строительстве в СССР. Центральный орган военной разведки и контрразведки – Отдел 2-го генерал-квартирмейстера (Огенкварт) ГУГШ – был сохранен и работал до мая 1918 г. Однако многие военные атташе, находившиеся за границей, отказались сотрудничать с новой властью и передали свои источники информации представителям специальных служб стран Антанты.

Ситуация в Петрограде была сложной: в столице находились тысячи вооруженных уголовных преступников, выпущенных на свободу Временным правительством. 28 октября (10 ноября) 1917 г. СНК принимает постановление «О рабочей милиции», подписанное первым наркомом внутренних дел А. И. Рыковым. В постановлении говорилось:

«1. Все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов. 3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами вплоть до снабжения ее казенным оружием»[793].

17 (30) ноября народным комиссаром внутренних дел вместо А. И. Рыкова назначается Г. И. Петровский[794].

В состав первой Коллегии Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) вошли Ф. Э. Дзержинский[795], М. Я. Лацис[796], М. С. Урицкий[797], И. С. Уншлихт[798]. В декабре Петроградский комитет по борьбе с погромами, грабежами, контрреволюцией, преступностью и саботажем возглавил В. Д. Бонч-Бруевич[799]. Во время Октябрьского переворота он организовал охрану Смольного института и стал комендантом района, в который входили Таврический дворец и Смольный. 27 октября (9 ноября) он был назначен помощником начальника штаба Петроградского военно-революционного комитета. На следующий день он организовал прибытие артиллерии под Пулково, что обеспечило победу над отрядом Керенского – Краснова. С ноября 1917 г. Бонч-Бруевич – управляющий делами СНК, в декабре он лично участвовал в операциях по пресечению пьяных погромов и подавлению очагов сопротивления советской власти.

В нашей стране практически никому не известно, что операции по наведению в Петрограде элементарного порядка осуществляли и специально созданные совместные российско-германские военные комендатуры. Мы предполагаем, что политически эту работу могли курировать Н. И. Подвойский, Н. П. Горбунов[800] и В. Д. Бонч-Бруевич, а по военной линии – брат последнего М. Д. Бонч-Бруевич – Генерального штаба генерал-майор, человек, не чуждый разведывательной и контрразведывательной деятельности (о нем мы уже писали в предыдущей главе). С немецкой стороны комендатуры через Разведывательное бюро курировались Генеральным штабом Германии.

Совместная деятельность советских и германских специалистов по ведению тайной войны не ограничивалась только Петроградом. Для борьбы с внутренними классовыми врагами Совет народных комиссаров широко использовал возможности временных союзников в качестве военных консультантов, опытных боевых офицеров. Прибывшие из Германии специалисты должны были отобрать из пленных

немецких офицеров тех, кто был готов поступить в распоряжение советского правительства. В числе офицеров, направленных из Германии в распоряжение СНК в ноябре 1917 г., были и упоминавшиеся выше «Егоров» (майор Эрих) и «Рубаков» (майор Андерс).

> «В[есьма] срочно. 9 декабря, 1917 г. Г. народному комиссару по иностранным делам Согласно вашему поручению Разведочным отделением 29 ноября был командирован в Ростов майор фон Бельке, установивший там разведку за силами Донского войскового правительства. Майором был организован также отряд из военнопленных, которые и принимали участие в боях. В этом случае военнопленные, согласно указаниям, сделанным июльским совещанием в Кронштадте с участием гг. Ленина, Зиновьева, Каменева, Раскольникова, Дыбенко, Шишко, Антонова, Крыленко, Володарского и Подвойского, были переодеты в русскую солдатскую и матросскую форму. Майор Ф. Бельке принял участие в командировании (надо понимать – в командовании. – *Примеч. авт.*), но сбивчивые распоряжения официального командующего Арнаутова и бездарная деятельность разведчика Туллака парализовали план нашего офицера. Посланные по приказу из Петербурга убить ген. Каледина, Алексеева и Богаевского агенты оказались трусливыми и непредприимчивыми людьми. К Караулову проехали агенты. Сношения ген. Каледина с англичанами и американцами несомненны, но они ограничиваются денежной помощью. Майор ф[он] Бельке с паспортом финна Уно Муури возвратился в Петербург и выступит сегодня с докладом в кабинете председателя Совета в 10 час. вечера.
>
> *За начальника отделения: Р. Бауер.*
>
> *Адъютант: М. К.»*[801].

Руководители советского правительства понимали, что в борьбе с противниками новой власти нельзя рассчитывать только на специалистов из служб Российской империи или иностранных консультантов из числа «классово чуждых элементов». 7 (20) декабря 1917 г. образована ВЧК – первая общегосударственная специальная военно-политическая структура. Ее задачей являлась борьба с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и

должностными преступлениями. Членами Коллегии ВЧК Совнарком назначил Д. Г. Евсеева[802], Н. А. Жиделева[803], И. К. Ксенофонтова[804] и Я. Х. Петерса[805]. Руководителем комиссии назначили Ф. Э. Дзержинского, имевшего большой опыт конспиративной работы, в том числе по борьбе с агентурой Департамента полиции. Заместителем председателя стал В. А. Александрович[806] – член ЦК партии левых эсеров, также имевший опыт работы по военно-конспиративной линии. Таким образом, сложилась ситуация, при которой первые руководители ВЧК работали в условиях двойной системы подчиненности: формально-административной – правительству и неформально-политической – ЦК своих партий.

Декрет СНК определил ее основную задачу: преследовать и ликвидировать контрреволюционеров на всей территории Советской России. Комиссия должна была вести предварительное расследование дел, а арестованных контрреволюционеров и саботажников передавать в Революционный трибунал. С чисто профессиональной точки зрения в части выполняемых задач в области политического сыска ВЧК является преемником Особого отдела Департамента полиции.

Первоначально комплектование ВЧК кадрами было проблемой: многие члены РКП (б) с дореволюционным стажем на предложение Дзержинского работать в комиссии отвечали отказом, мотивируя его принципиальным неприятием политического сыска. Впоследствии кадровый голод привел к тому, что в органы ВЧК, особенно на местах, поступали много людей беспринципных, склонных к насилию и произволу, в том числе корыстолюбцы и политические авантюристы.

Основные методы работы ВЧК в начальный период деятельности – проведение обысков и облав, организация засад. Информация, на основании которой проводились оперативные мероприятия, поступала от граждан или получалась в ходе допросов арестованных лиц. Агентурная работа практически не велась, и для этого имелись объективные причины. У ВЧК еще не было собственной агентуры, а полностью использовать кадры Департамента полиции новая власть не могла (во многом в силу целого комплекса идеологических установок). Большинство революционеров с крайним неодобрением относились к агентурной работе, которую со времен подполья именовали «провокацией». Квалифицированных сотрудников наружного наблюдения в распоряжении чекистов также практически не имелось. В этих условиях руководство ВЧК было вынуждено использовать возможности Германии. 14 декабря 1917 г. Залкинд обращается к майору фон Бельке:

«Многоуважаемый товарищ. Довожу до вашего сведения, что наши финские товарищи Рахья, Пукко и Энрот сообщили комиссару по борьбе с контрреволюцией о следующих фактах.

1. Между английскими офицерами и финскими буржуазными организациями завязаны тревожащие нас связи.

2. В Финляндии установлены две радиостанции, которыми пользуются неизвестные лица, сообщающиеся шифром.

3. Между ген. Калединым и Американской миссией существует несомненная связь, о чем нами получены точные сведения от вашего источника, а потому необходим особо тщательный надзор за Американским посольством.

Эти показания следует точно установить. Наши агенты бессильны.

Простите, что пишу на официальной бумаге, но спешу сделать это, сидя здесь в комиссии на экстренном заседании»[807].

Ответ из немецкого разведывательного отделения следует незамедлительно – уже через 72 часа германские профессионалы представляют не туманные революционные «прожекты», а конкретное решение поставленной задачи:

«Разведочное отделение на запрос Комиссии по борьбе с контрреволюцией от 17 декабря имеет честь сообщить список наблюдателей за миссиями союзных России государств.

За Великобританским посольством – германские разведчики: Люце, Тельман, Поссель, Франц и Гезель; русские агенты: Овсянников, Глушенко и Балясин.

За Французским посольством – германские разведчики: Сильвестр, Бутц, Фольгаген; русские агенты: Балашов, Турин, Гаврилов, Садовников и Шило.

За Посольством С.А.С. Штатов (Северо-Американские соединенные штаты – тогдашнее название США. – *Примеч. авт.*) – германские разведчики: Штром, Бухгольц, Фаснахт, Турпер; русские агенты: Шпитцберг, Сокольницкий, Тарасов и Вавилов.

За Румынской миссией – германские разведчики: Суттпер, Байдер и Вольф; русские агенты: Куль, Никитин, Золотов и Архипов.

За Итальянским посольством – австрийские

разведчики: Кульдер, фон Гезе, Гойн и Бурмейстер; русские агенты: Салов, Алексеевский, Кузмин.

Означенные агенты должны исполнить все поручения миссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем, погромами и проч.

Начальник отделения: Агасфер»[808].

Конспиративное сотрудничество специальных служб Советской России и Германии продолжалось до капитуляции последней в Первой мировой войне и было возобновлено во времена Веймарской республики. Подчеркнем еще раз: сотрудничество с «классово чуждыми» спецслужбами и правительствами иностранных государств имело для большевиков важнейшее тактическое значение, оно обусловливалось необходимостью обеспечения безопасности советского государства и лидеров правящей партии. «Искренность» правящих кругов капиталистической кайзеровской Германии при сотрудничестве с революционным правительством России также имела массу нюансов.

В числе важнейших тактических задач советской власти было обеспечение выхода России из войны. 20 ноября (3 декабря) 1917 г. в Брест-Литовске начались переговоры, 2 (15) декабря было подписано соглашение о перемирии между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией, Болгарией – с другой. Перемирие устанавливалось с 4 (17) декабря на 28 дней. 9 (22) декабря 1917 г. начались переговоры о мире. В состав советской делегации входили А. А. Иоффе (председатель), Л. Б. Каменев и Г. Я. Сокольников от РСДРП (б), А. А. Биценко и С. Д. Масловский от левых эсеров. Условия мира, выдвинутые Германией, были тяжелейшими для России: отторжение территории площадью свыше 150 000 км^2.

Пока шли переговоры, В. В. Оболенский[809] выдвинул теорию «полевой революции». Ее активно поддержали «левые коммунисты»: Бухарин, Бубнов, Дзержинский, Куйбышев, Рязанов, Урицкий. Основная идея заключалась в оказании помощи революционным партиям Европы со стороны Советской России (экспорт революции). Стратегические интересы первых советских руководителей лежали именно в этой области и выражались лозунгом «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!».

Вообще говоря, идея завоевания власти трудящимися во всем мире была доминирующей в среде «пламенных» революционеров. Уже во время Первой мировой войны ряд известных деятелей германской социал-демократии (К. Либкнехт, Р. Люксембург и др.) высказались за создание Социалистического интернационала.

Октябрьский переворот 1917 г. не только ускорил процесс создания коммунистических партий в различных странах, но и стал для них примером для подражания.

Подавляющее большинство сторонников коммунистической идеологии в тот период искренне считали, что русская революция – первый этап международной социалистической революции. Руководители партий коммунистической направленности признавали правомерность революционной войны и революционного насилия со стороны эксплуатируемых классов. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие»[810].

Проигравшие в 1917 г. члены Временного правительства, лидеры Белого движения и политических партий, оказавшиеся в эмиграции, неустанно обвиняли большевиков в беспринципности, в том числе в сотрудничестве с Германией. После того как партию возглавил И. В. Сталин, его обвинили в беспринципности и бывшие (также проигравшие) вожди Октября. Мы считаем, что в период Гражданской войны политической принципиальностью и общечеловеческой моралью мало кто руководствовался (впрочем, как и в любое другое время). Монархисты, эсеры, анархисты, кадеты, националисты – представители всех политических сил России и военно-политическое руководство стран Антанты были не менее беспринципны при достижении своих целей, чем большевики. В этом смысле обвинять только руководство РСДРП (б) во всех смертных грехах мы считаем абсолютно неверным. Все были хороши, но победу в той кровавой «мясорубке» в итоге одержали большевики.

В отличие от министров Временного правительства комиссары СНК действовали быстро и решительно. Правые партии (кадеты, октябристы и др.) были объявлены врагами революции, соответственно, все организации при них подлежали роспуску, а газеты – закрытию. 2 (15) января 1918 г. Керенский нелегально прибыл в Петроград, надеясь пройти в Таврический дворец с помощью эсеров и принять участие в работе Учредительного собрания, но ему отказали. Но и сами депутаты допустили крупную ошибку. Их сторонники в Петроградском гарнизоне предложили провести вооруженную демонстрацию в защиту Учредительного собрания и взять на себя охрану

Таврического дворца. Но депутаты от победивших на выборах партий, в первую очередь от эсеров, настояли на мирной демонстрации. После этого 5 (18) января почти никто из солдат участия в демонстрации не принял, а отряд матросов под командованием А. Г. Железнякова и Н. А. Ховрина успешно отразил попытки демонстрантов подойти к Таврическому дворцу. 6 (19) января 1918 г. Учредительное собрание распустили (знаменитая фраза «Караул устал!»), а потом с помощью силы разогнали манифестации в его поддержку. С этого момента лидеры правых эсеров и меньшевиков перешли в лагерь оппозиции правительству Ленина.

Первое официальное покушение на Ленина произошло 1 (14) января 1918 г.: его автомобиль обстреляли по дороге в Смольный. Нападение организовала группа бывших офицеров под руководством князя Д. И. Шаховского. Водитель С. К. Гиль мгновенно отреагировал на внезапные действия неизвестных людей и выжал из автомобиля все, на что тот был способен; ему удалось оторваться от стрелков. Кроме того, швейцарский социал-демократ Ф. Платен, сидевший рядом с Лениным, прикрыл его, пригнув голову вождя революции. Задержать террористов не удалось.

В середине января на прием к В. Д. Бонч-Бруевичу пришел георгиевский кавалер Я. Н. Спиридонов, который сообщил, что на Ленина готовит покушение Петроградский союз георгиевских кавалеров. Следственная комиссия Бонч-Бруевича заговорщиков арестовала, началось следствие. С началом немецкого наступления председатель СНК вынес резолюцию: «Дело прекратить. Освободить. Послать на фронт».

Охрана Таврического дворца во время Второго областного съезда Советов (Петроград, 1918 г.). В среднем ряду (слева направо): 9-й – М. М. Лашевич, 10-й – Я. М. Свердлов, 11-й – Л. Д. Троцкий, 12-й – Г. Е. Зиновьев (из фондов РГАСПИ)

В начале 1918 г. в составе ВЧК было четыре основных отдела: организационный, информационный, по борьбе с контрреволюцией (центральный политический отдел) и по борьбе со спекуляцией. Напомним, что главными методами работы ВЧК в начальный период деятельности были обыски, облавы и засады. Информация в основном поступала от граждан, добровольно заявлявших о своих подозрениях, либо добывалась в ходе допросов от арестованных. Деятельность ВЧК до марта 1918 г. распространялась в основном на Петроград и прилегающие к нему губернии. Первым заведующим Отдела по борьбе с контрреволюцией стал И. Н. Полукаров[811], имевший некоторый опыт борьбы со спецслужбами Российской империи.

Контрразведывательные задачи, т. е. противодействие разведывательной работе спецслужб иностранных государств, на комиссию не возлагались. Борьба с иностранными разведками велась по линии военной контрразведки. В условиях угрозы контрреволюционного переворота руководители СНК и ВЦИК не считали шпионаж одним из первоочередных и приоритетных средств контрреволюционной деятельности. В тот период лидеры РКП (б) еще не до конца понимали, что специальными службами иностранных государств (в том числе бывших союзников) наряду с добыванием информации могут инспирироваться,

финансироваться и непосредственно организовываться попытки свержения власти или устранения ее ведущих представителей.

В первых числах января 1918 г. профессионал с десятилетним стажем секретной работы К. А. Шевара (Войцицкий) предложил Дзержинскому свои услуги по организации контрразведки, в том числе и внешней (в Финляндии), в интересах ВЧК. Шевара стал секретным сотрудником российских спецслужб за пять лет до Первой мировой войны. Он работал по линии военной разведки и контрразведки как внутри страны, так и за рубежом. 5 (18) января ему поручили организацию Контрразведывательного бюро (КРБ) ВЧК. К концу января 1918 г. Дзержинским было выдано для сотрудников КРБ 25 специальных удостоверений без указания должности и 35 удостоверений на право ношения оружия. Специалисты по истории контрразведки упоминают, что ни в одном из сохранившихся протоколов заседаний Президиума ВЧК нет сведений о создании КРБ. Скорее всего, Дзержинский из конспиративных соображений не посвятил своих коллег в дело создания параллельной структуры.

В январе – феврале 1918 г. по вопросу заключения мира у большевиков и левых эсеров развернулась острейшая внутрипартийная борьба. В. И. Ленин доказывал необходимость заключения мира. Он считал, что армия утратила боеспособность и воевать с немцами не могла, и рассчитывал на скорую революцию в Германии. Естественно, Ленин не мог раскрывать своих предварительных договоренностей с представителями германского Генерального штаба, о которых знал строго ограниченный круг его сторонников. В итоге он остался в меньшинстве, даже в ЦК РСДРП (б) его предложение о заключении мира пять раз отклонялось. Группа «левых коммунистов» во главе с Н. И. Бухариным потребовала объявления революционной войны международному империализму. Нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий предлагал объявить войну прекращенной, армию демобилизовать, но мира не подписывать. Позицию Троцкого – «Ни мира, ни войны, а армию распустить», – поддержало большинство членов ЦК.

Троцкий был направлен во главе новой делегации в Брест, и 17 (30) января 1918 г. переговоры возобновились. Позиция, заявленная Троцким, не устраивала руководство Германии, и 18 февраля в 12 часов дня австро-германские войска начали наступление по всему Восточному фронту. Они практически без сопротивления продвигались на восток и юг и заняли большую часть территории Украины и Белоруссии. 21 февраля, через три дня после начала немецкого наступления, СНК утвердил декрет

«Социалистическое отечество в опасности!». На его основании силовые институты Советской России впервые получили право внесудебной расправы. Восьмой пункт декрета гласил: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»[812].

23 февраля в Петроград доставили новый германский ультиматум, содержавший еще более жесткие требования. Германия потребовала от России отторжения Польши, Литвы, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, части Белоруссии, немедленного вывода войск с территории Украины и Финляндии. Территориальные потери составляли уже около 1 миллиона км^2. На принятие ультиматума отводилось 48 часов.

В тот же день состоялось экстренное заседание ЦК РСДРП (б). Ленин потребовал немедленного подписания мира и заявил, что в противном случае уйдет в отставку. В итоге ЦК поддержал предложение Ленина (7 голосов «за», 4 – «против», 4 – воздержались). На объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК большинство высказалось против заключения мира. 24 февраля в 3 часа утра при поименном голосовании члены ВЦИК приняли ультиматум. 3 марта мирный договор между Россией и странами Четверного союза был подписан. При этом группа «левых коммунистов» во главе с Н. И. Бухариным (А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев, Д. Б. Рязанов (Гольденбах), М. С. Урицкий) поставила на обсуждение вопрос об аресте В. И. Ленина на 24 часа. Этот вариант обсуждался и с противниками Брестского мира – левыми эсерами. Впоследствии этот факт стал одним из пунктов обвинения Бухарина в антисоветской деятельности.

Германский ультиматум стал своеобразным катализатором, ускорившим процесс создания специальных подразделений, предназначенных для более эффективного обеспечения безопасности высшего руководства страны. 24 февраля 1918 г. председатель ВЦИК Я. М. Свердлов подписал постановление о формировании 1-го Автобоевого отряда при ВЦИК. О значении личной охраны Яков Михайлович знал не понаслышке, поскольку в царское время являлся руководителем одного из боевых отрядов большевиков в Екатеринбурге. Отряд сформировали на базе гаража и автоотдела ВЦИК, его первым командиром стал личный шофер Свердлова Ю. В. Конопко, на своем броневике охранявший Смольный в октябре 1917 г. Статус отряда был уникальным: он находился «в полном распоряжении и исключительном подчинении ВЦИК», а на практике подчинялся лично Свердлову, что продолжалось до смерти последнего в марте 1919 г. Это

редкий в истории специальных подразделений случай: спецназ, находящийся в непосредственном подчинении председателя парламента.

Можно предположить, что отряд задумывался и формировался Свердловым не только как охранное подразделение, но и как его личная «преторианская» гвардия: отношения в среде победителей уже в начале 1918 г. были очень непростыми. Первоначально в состав отряда входило около 30 человек. На вооружении состояли два броневика «Остин», четыре грузовика «Фиат» с установленными в кузовах спаренными пулеметами «максим», несколько легковых автомобилей и мотоциклов с ручными пулеметами. Личным стрелковым оружием бойцов были «маузеры» и револьверы, все они имели на вооружении гранаты. В числе бойцов отряда были иностранцы (подданные Австро-Венгрии и Германии). Первоначально в отряде числился и один из шоферов Ленина – С. К. Гиль. В Петрограде 1-й Автобоевой отряд охранял Смольный и членов ВЦИК в поездках по городу.

Примерно в то же время Шевара представил Дзержинскому подробный доклад по организации контрразведки. В нем предусматривались: расширение работы в Петербурге и Финляндии; формирование агентурных групп в Москве, Германии, Польше и на оккупированных германской армией территориях России; создание собственной службы наружного наблюдения (аналог Летучего отряда Департамента полиции). Затраты должны были составлять чуть больше 80 000 рублей в месяц. Однако планам Шевары и Дзержинского не суждено было осуществиться.

6–8 марта 1918 г. в Петрограде прошел VII Чрезвычайный съезд РСДРП (б). Исходя из интересов «мировой революции» большинство его делегатов проголосовали за утверждение мирного договора. Наряду с этим съезд уполномочил ЦК разорвать все мирные договоры с буржуазными государствами и объявить им войну, когда наступит удобный момент. Резолюция «О войне и мире» сохранялась в тайне, в печати было опубликовано краткое сообщение о поддержке ратификации Брестского мира. На съезде принято новое название партии – Российская коммунистическая партия (большевиков), РКП (б).

После окончания съезда советское правительство приступило к подготовке секретного переезда в Москву, поскольку Петроград стал прифронтовым городом. Угроза столице исходила со стороны германских войск в Прибалтике и со стороны Финляндии, в которой шла гражданская война между сторонниками и противниками советской власти.

В. И. Ленин на Красной площади во время парада войск Всевобуча, 25 мая 1919 г. Рядом с ним – А. Я. Беленький, В. М. Загорский, Л. Б. Каменев, Т. Самуэли (в автомобильных очках), И. Т. Смилга (из фондов РГАСПИ)

9 марта 1918 г. руководство ВЧК выехало в Москву, 10–11 марта состоялся переезд СНК и ВЦИК. За организацию переезда и охрану отвечал В. Д. Бонч-Бруевич. Мероприятие осуществлялось с соблюдением строжайших мер безопасности. Из руководства Николаевской железной дороги в курс дела были введены комиссар Николаевского вокзала П. Г. Лебит и представитель исполкома П. О. Осипов. Все встречи с посвященными в детали отъезда лицами происходили на квартире Бонч-Бруевича. С целью дезинформации в «Известиях» 10 марта опубликовали сообщение о переезде правительства в Москву 11 марта. На самом деле отъезд состоялся 10 марта в 22 часа. На Николаевский вокзал подали два поезда, в которых разместили обслуживающий персонал, а литерный (императорский) поезд № 4001 отправился под усиленной охраной от платформы Цветочная площадка.

Безопасность переезда членов обеспечивали латышские

стрелки, чекисты и Автобоевой отряд ВЦИК. На станции Малая Вишера литерный поезд № 4001 пытались захватить вооруженные дезертиры, но их блокировала и разоружила охрана.

Разведывательной работой в интересах Красной армии в ноябре 1917 – марте 1918 г. занимался отдел агитации и разведки Революционного полевого штаба при Ставке Верховного главнокомандующего.

В. И. Ленин и Л. Б. Каменев во время парада войск Всевобуча, 25 мая 1919 г. Спиной к кабине грузовика стоит А. Я. Беленький (из фондов РГАСПИ)

В. И. Ленин с одним из участников парада войск Всевобуча, 25 мая 1919 г. На переднем плане – А. Я. Беленький (из фондов РГАСПИ)

В январе 1918 г. при Чрезвычайном штабе Московского военного округа создан Оперативный отдел, который в марте, после заключения Брестского мира, передали в ведение Наркомата по военным и морским делам. В оперативном подчинении начальника Оперотдела С. И. Аралова[813] находился Центральный штаб партизанских отрядов (начальник штаба – П. И. Шишко, помощник – А. И. Ковригин), который после подписания Брестского мира переименовали в Особое разведывательное отделение Оперотдела. Отделение отвечало за координацию и руководство действиями партизан в тылу противника в интересах Красной армии.

В приказе В. А. Антонова-Овсеенко, командующего революционными войсками Юга России, от 11 марта 1918 г. говорилось, что в тылу неприятеля необходимо всячески терроризировать врага: портить пути сообщения, взрывая мосты, полотно шоссейных и железных дорог; прекращать телеграфное и телефонное сообщение, разрушая линии передач и провода; уничтожать продовольственные и другие запасы, которые могут быть использованы вражескими войсками. Приказ предписывал доставлять в штабы точные сведения о количестве и расположении неприятельских войск, дезорганизовывать

вражеские войска путем устной агитации и путем распространения литературы среди солдат противника. По сути, это подтверждение того, что тактические (сотрудничество с кайзеровской Германией) и стратегические (победа мировой революции) интересы лидеров Советской России были диаметрально противоположны.

15 марта 1918 г. делегаты IV Всероссийского съезда Советов ратифицировали Брестский договор: 784 голоса «за», 261 – «против», 115 – воздержались. Ленин пообещал, что договор будет носить формальный характер, а революционная война с Германией продолжится. 17 марта съезд принял постановление о переносе столицы в Москву.

19 марта в «Известиях ВЦИК» появилось написанное заранее обращение:

> «Граждане Петрограда! Совет народных комиссаров и Центральный исполнительный комитет выехали в Москву на Всероссийский съезд Советов. Уже сейчас можно почти с полной уверенностью сказать, что на этом съезде будет решено перенести столицу из Петрограда в Москву. Этого требуют интересы всей страны. Германские империалисты, навязавшие нам свой аннексионистский мир, остаются смертельными врагами советской власти. Сейчас они открывают поход против революционной Финляндии. При этих условиях Совету народных комиссаров невозможно дольше оставаться и работать в Петрограде, в расстоянии двухдневного перехода от расположения германских войск.
>
> Но и для безопасности самого Петрограда необходимо перенесение столицы в Москву. Захват Петрограда представляется до сих пор германским империалистам как смертельный удар по революции и советской власти. Перенесение столицы в Москву покажет им, что советская власть одинаково прочно чувствует себя во всей стране, и обнаружит, таким образом, бесцельность похода на Петроград.
>
> Граждане! Если вы спокойно взвесите указанные обстоятельства, то вы поймете, что с перенесением столицы военная безопасность Петрограда чрезвычайно возрастает. Для какой бы то ни было паники не может быть и не должно быть места. Незачем говорить, что и после временного перенесения столицы Петроград остается первым городом российской революции. Все меры, какие необходимы для его внешней и внутренней

безопасности и продовольствия его населения, принимаются со всей энергией. На Революционный комиссариат возложена обязанность охранения в Петрограде советской власти и революционного порядка. Эта задача будет выполнена до конца.

Контрреволюционеры, погромщики, белогвардейцы, которые пытаются поднять в городе смуту и вызвать беспорядки, будут сметены с лица земли.

Рабочие, революционные солдаты, честные граждане! Великие испытания обрушились на нашу страну! Пусть же каждый из вас остается на своем посту, проникнутый единой волей победить или умереть!

Да здравствует Красный Петроград! Да здравствует социалистическая Россия!

Председатель Военно-революционного комиссариата Л. Троцкий»[814].

В самый разгар работы IV Всероссийского съезда Советов (16 марта) в Петрограде расстреляли первого контрразведчика ВЧК К. Шевару. Приказ о расстреле отдал А. Поляков – командир отряда матросов, приданного КРБ для производства арестов от НКВД. По официальной версии, Поляков и его окружение заподозрили Шевару в контрреволюционном заговоре. В адрес Дзержинского отправили телеграмму: «Шевара нас продал, факты налицо, жду экстренного разрешения принять самые суровые крайние меры как к нему, так и к его приспешникам и старым охранникам. <… > Он желает меня убить»[815]. Не передавая арестованного Петроградской ЧК, команда Полякова самостоятельно провела в течение двух дней «следствие», после чего Шевара был убит «при попытке к бегству».

В марте 1918 г. в соответствии с директивой ЦК РКП (б) «О вооружении коммунистов и обучении их военному делу» началось создание военно-партийных отрядов особого назначения, которые в дальнейшем получили название Части особого назначения (ЧОН). Они имели особый статус (подчинялись не командованию Красной армии или ВЧК, а партийным комитетам) и военно-политические задачи: предназначались для силового противодействия любым попыткам организованного вооруженного сопротивления советской власти, с какой бы стороны или политической силы они ни исходили. По сути, специальные подразделения РКП (б) выполняли военно-полицейские функции, свойственные жандармским формированиям Российской империи.

Создание ЧОНов было обусловлено не только политической

ненадежностью подразделений Красной армии, но и тем, что при центральных и местных комитетах Партии левых социалистов-революционеров существовали боевые дружины, подчинявшиеся непосредственно партийному руководству. Такое положение сохранялось во всех (в том числе и военных) учреждениях Советской России до 6 июля 1918 г., когда противоречия между большевиками и левыми эсерами привели к открытому вооруженному противостоянию недавних союзников. Первая силовая структура ВЧК центрального подчинения – отряд Д. И. Попова – выступила на стороне левых эсеров.

В Москве резиденцией ЦК РКП (б), СНК и ВЦИК стал Кремль, который был закрыт для посещений и превратился в место работы и проживания лидеров Советской России[816]. За охрану Кремля, ставшего режимным объектом, несла ответственность комендатура во главе с П. Д. Мальковым. «Поскольку все основные указания по охране Смольного да и по организации переезда из Питера в Москву я получал от Президиума ВЦИК <…> первым делом я отправился <…> к Якову Михайловичу Свердлову»[817]. Свердлов сказал: «Нести охрану будут латыши, как и в Смольном, только теперь это будет не отряд, а батальон или полк. <…> Довольствие бойцов охраны и всех сотрудников управления[818] возложим на военное ведомство, но оперативного подчинения военведу[819] никакого»[820].

Вначале в Кремле располагался 4-й Латышский стрелковый полк, его сменил 9-й стрелковый, сформированный в апреле на базе Сводной роты латышских стрелков и охранявший Кремль до конца 1918 г. Стрелки (в июне – 925 человек при 26 пулеметах) осуществляли внешнюю охрану Кремля, включая стены и территорию, и внутреннюю охрану зданий. Функции подразделения быстрого реагирования и роты тяжелого оружия выполнял 1-й Автобоевой отряд ВЦИК. Он разместился в Кремле вместе с латышскими стрелками. Численность отряда увеличилась до 50 человек. Экипажи двух грузовиков и трех легковых автомобилей с пулеметами ежедневно заступали на плановое суточное дежурство, один-два броневика и легковых автомобиля поступали в распоряжение коменданта Кремля. Наряду с охраной членов ВЦИК и СНК бойцы отряда принимали участие в ликвидации баз Федерации анархистов Москвы и во многих операциях, проводившихся в столице по линии ВЧК.

В течение зимы 1917–1918 гг. Федерация анархистов Москвы захватила в столице несколько десятков купеческих особняков и превратила их в Дома анархии, ставшие легальными многофункциональными базовыми центрами Федерации. В них размещались отряды так называемой Черной гвардии,

насчитывавшие 3000–4000 бойцов, устраивались библиотеки и типографии, велась агитационно-пропагандистская работа, хранились оружие и боеприпасы. Определенной популярностью в массах пользовались Союз анархической пропаганды и молодежные анархистские организации. Наряду с идейными анархистами в их рядах было много авантюристов и обычных уголовников, прикрывавшихся черным знаменем – «знаменем свободы». Отряды анархистской вольницы совершали экспроприации «в интересах трудового народа» – обычные разбойные нападения на обывателей и учреждения.

В апреле 1918 г. Дома анархии были окружены и взяты штурмом отрядами чекистов и латышских стрелков при поддержке артиллерии и броневиков. В тот же период в ВЧК создается первая «тройка», имевшая право вынесения смертных приговоров. В ее состав вошли Ф. Э. Дзержинский, В. А. Александрович и Я. Х. Петерс. Приговоры «тройки» о высшей мере наказания должны были быть единогласными. Руководство левых эсеров в части ее применения к членам других партий находилось в принципиальной оппозиции к большевикам.

Председатель ВЦИК Свердлов был не единственным из руководителей, кто создавал личные «армии». Нарком по военным делам Л. Д. Троцкий также имел подчиненную лично ему охрану, выполнявшую также функции следственно-карательного аппарата. При поездках Троцкого на фронт его почти всегда сопровождал бронепоезд, или «бронелетучка», с отрядом бойцов и броневиками. В марте 1918 г. на базе Красно-Советского финляндского отряда был сформирован Боевой отряд ВЧК под командованием Д. И. Попова. Формально он подчинялся Коллегии ВЧК, а фактически являлся личной гвардией заместителя председателя ВЧК В. А. Александровича, поскольку его командный состав составляли эсеры. Этот отряд стал основной боевой силой левых эсеров в июле 1918 г.

Выездная охрана Ленина весной – летом 1918 г. была минимальной. Дачный поселок Мальцево-Бродово, где проживали многие руководители государства и где по выходным дням бывал Ленин, охранялся отрядом милиции. И. П. Соколов, служивший в этом отряде, вспоминал: «…нам вменялось в обязанность при прогулках Владимира Ильича следить за всем подозрительным, оберегать его жизнь от возможных покушений врагов советской власти. Но Владимир Ильич очень не любил „особую охрану“ и если обнаруживал работника милиции, то подзывал его к себе и говорил, что ему лично никакой особой охраны не надо»[821]. В. Д. Бонч-Бруевич, на даче которого проживал Ленин, свидетельствует: в охране были «…четыре латыша-коммуниста из

кремлевского отряда, хорошо проверенные и вполне преданные товарищи, которые должны были дежурить около дома и охранять Владимира Ильича во время его иногда весьма дальних прогулок, но охранять так, чтобы он не замечал этой охраны»[822]. Н. К. Крупская писала: «До ранения охрана была весьма проблематична. Ильич был к ней непривычен, да и она еще неясно представляла себе, что ей делать, как вести себя»[823].

Л. Д. Троцкий и И. И. Вацетис у поезда Троцкого, 1918 или 1919 г. (из фондов РГАСПИ)

К тому времени большевики и их противники уже вели между собой первые бои кровопролитной Гражданской войны. К ее началу ни у красных, ни у белых не было «классических» регулярных армий, те и другие создавали свои вооруженные силы из добровольцев. Основные силы белых были разрознены, во многом деморализованы Первой мировой войной – войной за чужие интересы, многочисленными фактами предательства, бездарностью, политической тупостью высшего командования и представителей правящего сословия. Красные еще не располагали объединенными регулярными частями, имевшиеся части зачастую больше митинговали, чем активно действовали. Над страной довлели общий развал и гнетущая атмосфера безвременья, создавая условия для деятельности сильных личностей.

Основой для формирования новых вооруженных сил противоборствующих политических сил являлись части и подразделения императорской армии. Впоследствии в Красной армии оказались около 650 офицеров-генштабистов (из них 250 генералов), что составляло примерно половину всех продолживших службу после Октября 1917 г. (у белых служили примерно 750 офицеров и генералов Генштаба). Перешедшие на сторону советской власти офицеры Генштаба в большинстве своем окончили Николаевскую военную академию Генерального штаба по 1-му разряду. В их числе были и сотрудники военной разведки царской армии. Хроника событий Гражданской войны известна. Они достаточно подробно описаны как очевидцами, так и историками. Мы ограничимся лишь некоторыми аспектами, относящимися к становлению военно-специальных институтов Советской России.

В мемуарах Аралова приводится его разговор с Лениным по поводу организации разведки. «Однажды (это было, кажется, в начале апреля 1918 года) Ильич во время моего очередного доклада поинтересовался, где я разместил Особый разведывательный отдел. Я сказал, что он пока находится при Опероде на Пречистенке. Ленин очень встревожился и заявил мне: „Как же это вы, батенька, так неосмотрительны, забыли конспирацию? Ведь вы вели подпольную работу. Немедленно найдите отдельное помещение и доложите мне. Надо быть сугубо осторожным. Не все работники Оперода должны знать о помощи, какую мы оказываем партизанам, особенно украинским. Умело соблюдайте тайну, никаких записок и писем не посылать. Действуйте устно через верных людей. По телефону говорите условно, шифром“. Затем, помолчав, Ленин спросил: „А чем занимается сейчас Ковригин?“ – „Он комиссар по особым поручениям“, – ответил я. „Вот это правильно! Немцы не должны

иметь повода для предъявления нам претензий. Не забывайте, что расхлябанность может привести к гибели наших людей в тылу врага…“ Вскоре для Особого разведывательного отделения мы подыскали отдельное помещение в Левшинском переулке»[824].

Беспокойство Ленина по поводу строгой конспирации в деятельности специальных структур Оперотдела вызывалось тем, что официально между Россией и Германией был заключен мир. Партизанские отряды по мере возможности снабжались оружием, боеприпасами, взрывчаткой, деньгами и специалистами, имевшими опыт подпольной работы. По прямому указанию Ленина при Особом разведывательном отделении создана школа подрывников, ее начальником назначили Ковригина. Обучение в школе проходили не только прибывавшие с Украины партизаны, но и специально отбиравшиеся кадры из России. В курс обучения входила военная, специальная и политическая подготовка. Для проведения практических занятий в распоряжении учеников школы имелись стрелковое оружие, специальное снаряжение и даже орудия. Финансирование школы и ее выпускников осуществлялось в советской и иностранной валюте.

Основными задачами специальных служб и подразделений являлись защита завоеванной власти и охрана политических лидеров победивших партий. Их формирование происходило в период острейшего столкновения различных политических сил. Революционеры и контрреволюционеры, монархисты и республиканцы, сторонники союза с Германией и ее противники, союзники Антанты и националисты активно противоборствовали, иногда образуя тактические союзы. Внутри большинства политических партий существовали разногласия по вопросам войны и мира. Как показала практика, к ведению Гражданской войны лидеры РКП (б) оказались подготовлены лучше своих внутренних и внешних противников. А в деле тайной войны наиболее серьезными противниками большевиков являлись эсеры.

Мы предполагаем, что ликвидация К. Шевары являлась частью плана руководства левых эсеров по установлению контроля над контрразведкой. В пользу этой версии говорит следующее. В конце марта 1918 г. Александрович предложил выделить 26 000 рублей на контрразведывательное отделение при штабе Красно-Советского Финляндского отряда (отряда Попова). Президиум ВЧК денег для отрядной «контрразведки» не дал и постановил выяснить состав ее сотрудников. В решении Президиума указывалось, чтобы борьба со шпионажем и контрразведка находились под наблюдением ВЧК. 5 апреля расформировали отряд Полякова, затем заместитель

председателя ВЧК Петерс получил указание Дзержинского разобраться в обстоятельствах смерти Шевары. 28 апреля на заседании Президиума ВЧК Полукаров отмечал, что для разведки и наблюдения за контрреволюцией, надвигающейся извне, у ВЧК нет соответствующего аппарата. Но не успели…

Перед отъездом с парада на Ходынском поле, май 1918 г. В машине сидят: В. И. Ленин, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова; у борта автомобиля – А. С. Бубнов (в шляпе) и сотрудник Транспортного отдела ВЧК, член комиссии по делам военнопленных П. А. Петров (на переднем плане, в шинели) (из фондов РГАСПИ)

В середине мая 1918 г. сотрудники ВЧК с помощью добровольных заявителей (не агентов!) раскрыли законспирированную офицерскую организацию «Союз защиты родины и свободы», возглавлявшуюся Б. В. Савинковым. Один из руководителей организации А. А. Дикгоф-Деренталь впоследствии писал: «„Союз“ к этому времени обладал достаточными силами для того, чтобы неожиданным выступлением захватить Москву. <…> Захватить наиболее важные стратегические пункты страны, арестовать Совет народных комиссаров и т. д. не представляло особых трудностей именно в тот момент. Но, захватив город, нужно еще было в нем суметь продержаться. <…> Первое было чрезвычайно трудно ввиду присутствия в Москве значительного числа организованных и вооруженных германских военнопленных, негласно

находящихся под командой германских офицеров, и особенно ввиду возможности немедленного движения на Москву регулярных германских войск…»[825]. От плана захвата Москвы штаб организации отказался, началась переброска сил для захвата Казани. Исполнению планов помешали аресты.

15 мая 1918 г. правительство Финляндии объявило войну Советской России с целью отторжения территории южной и восточной Карелии и Мурманского побережья. На фоне масштабных событий Гражданской войны боевые действия в Карелии и на Мурманском направлении несколько теряются, однако они имели колоссальное политическое значение. Весьма вероятно, что иностранная интервенция Финляндии (вслед за войсками Германии и Австро-Венгрии) против РСФСР, от правительства которой финны получили независимость, стала одним из стимулов, еще более подвигнувших Ленина и его сторонников к ускорению создания международной коммунистической организации как одного из инструментов защиты РСФСР.

В свою очередь потерпев поражение в результате недостаточно подготовленной революции, большинство из уцелевших «красных финнов» нашли убежище на территории РСФСР. Многие из них в дальнейшем приняли самое активное участие в Гражданской войне в России и в деятельности специальных служб и подразделений. В мае 1918 г. была создана Центральная федерация иностранных групп (ЦФИГ) при ЦК РКП (б) как руководящий орган иностранных секций РКП (б), ведущих работу среди иностранцев-коммунистов на территории Советской Республики. Некоторые из иностранцев проживали в России и участвовали в революционном движении до 1917 г., другие стали революционерами в русском плену, третьи прибыли из-за границы для помощи братьям по классу. Иностранные коммунисты стали принимать активное участие в Гражданской войне в качестве военных инструкторов Красной армии, а также как командиры и бойцы в составе интернациональных военных формирований. Первым председателем ЦФИГ стал венгерский интернационалист Б. Кун[826].

В конце мая 1918 г. в Швейцарию прибыло посольство РСФСР, которое возглавил Я. А. Берзин[827]. В задачи представительства входило установление контактов с федеральным правительством нейтральной Швейцарии, лишение полномочий прежней дипломатической миссии и в перспективе – восстановление полноценных дипломатических отношений между РСФСР и Швейцарией. Не менее важной задачей было осуществление помощи российским гражданам, солдатам, в том

числе и бывшим пленным, в их возвращении на родину. В абсолютном большинстве исследований по истории советских спецслужб это событие не нашло адекватного отражения. Берзин долгое время работал в аппарате в различных партийных структурах, выполнял не только организационно-партийную работу. Он имел богатый опыт нелегальной партийной деятельности, хорошо был знаком с Лениным, часто выполнял его личные поручения по линии латышских организаций. Нам представляется, что кроме чисто дипломатических задач миссия Берзина являлась одной из первых попыток, предпринятых руководством РКП (б) для восстановления старых и налаживания новых связей между политическими группами и отдельными лицами международной коммунистической направленности в Европе.

После 20 мая 1918 г. руководство ВЧК приняло решение о создании в составе Отдела по борьбе с контрреволюцией Секретного отделения по противодействию германскому шпионажу. Начальником отделения назначен 18-летний Я. Г. Блюмкин[828], до этого командовавший партизанским отрядом на Украине. Впоследствии Дзержинский показал: «Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров для организации в отделе по борьбе с контрреволюцией контрразведки по шпионажу»[829]. Возможно, что это назначение было принято из политических соображений, поскольку левые эсеры являлись противниками Брестского мира. М. Я. Лацис, ставший в мае 1918 г. заведующим Отделом по борьбе с контрреволюцией, вспоминал: «Блюмкин обнаружил большое стремление к расширению отделения в центр Всероссийской контрразведки и не раз подавал в комиссию свои проекты»[830]. В конце июня – начале июля контрразведывательное отделение было распущено, Блюмкин отстранен от должности, но из ВЧК не уволен, что позволило ему беспрепятственно пройти в здание германского посольства и убить посла – графа В. Мирбаха.

В июне 1918 г. на 1-й конференции чрезвычайных комиссий первый начальник инструкторского отдела Д. Г. Евсеев говорил: «Если мы не будем иметь сокровенных ушей и глаз в аристократических салонах, посольствах и миссиях и т. п., то мы не будем знать всех тех злокозненных цепей, которые куются в тиши врагами советской власти»[831]. Он считал, что основной задачей ВЧК должен стать систематический политический розыск, и предлагал изучать опыт деятельности спецслужб Российской империи.

Я. Г. Блюмкин

Постепенно руководители ВЧК приходили к пониманию того, что основа чекистской деятельности – грамотно организованная оперативная (и особенно агентурная) работа.

20 июня 1918 г. на улице в Петрограде был убит комиссар по делам печати Северной коммуны В. Володарский[832]. 6 июля 1918 г. одновременно выступили организация Савинкова в Поволжье и левые эсеры в Москве. В выступлении против большевиков действовали разные политические силы. Одни из савинковцев являлись монархистами, другие – сторонниками Временного правительства и Учредительного собрания. Основные разногласия между союзниками – левыми эсерами и большевиками – были по Брестскому миру и земельному вопросу. Синхронность выступлений объясняется тем, что в их подготовке принимали активное участие спецслужбы Великобритании и

Франции. Параллельно с мятежом левых эсеров британские спецслужбы планировали физическое устранение руководства РКП (б). Реализацию этого плана поручили «свободному агенту» С. Рейли и ряду других «джентльменов». Согласно плану завербованные латышские стрелки должны были блокировать Большой театр и взять под арест участников съезда Советов, боевики из группы Рейли – ликвидировать Ленина, Троцкого и других лидеров большевиков прямо у стола президиума. План был выявлен и предупрежден Дзержинским на стадии подготовки за счет сотрудников, которых удалось внедрить в ряды заговорщиков. Охрана съезда состояла из верных большевикам латышей, и попасть в здание боевики не смогли.

Следствие по делу Шевары было начато 17 июля. На следствии выяснилось, что все отобранные у начальника КРБ документы Поляков передал заместителю председателя ВЧК Александровичу. Последний к тому времени был расстрелян, а документы бесследно исчезли. Основным оппонентом ВЧК, препятствовавшим установлению контроля над контрразведывательной работой, стало военное руководство РСФСР во главе с Л. Д. Троцким. На переговорах с военным руководством военспецы выступили против передачи контрразведки в ведение ВЧК. Военный руководитель Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевич при поддержке Троцкого и с согласия СНК издал директиву об организации отделений по борьбе со шпионажем в частях, противостоявших германским войскам. В начале июля 1918 г., после завершения межведомственного совещания представителей разведывательных и контрразведывательных служб, Троцкий и Аралов в записке на имя Ленина потребовали передачи отделения контрразведки ВЧК в военное ведомство. Ликвидациия последствий мятежа левых эсеров несколько снизила уровень противостояния между ВЧК и Реввоенсоветом.

Летом 1918 г. ввели смертную казнь по приговорам революционных трибуналов. Центральные и местные органы ВЧК также выносили постановления о применении исключительной меры наказания. В качестве превентивной меры защиты советской власти ВЧК было предоставлено право брать заложников из представителей бывших правящих классов и заключать контрреволюционеров в концентрационные лагеря.

11 июля 1918 г. юрист В. А. Жданов обратился с докладной запиской в СНК: «Я беру на себя смелость сделать некоторые выводы из моих наблюдений за деятельностью Чрезвычайной комиссии. Чрезвычайная комиссия взяла на себя деятельность прежних охранного и сыскного отделений. Вместе с этим она

восприняла те же методы деятельности и тот же способ производства дел: полная безгласность и тайна производства, недопустимость защиты и отсутствие права обжалования. Но есть черты, отличающие в невыгодную сторону деятельность комиссии от деятельности отделений. Комиссия обладает гораздо большими полномочиями. Она не только производит дознания и следствия, но и сама решает дела, применяя даже смертную казнь. Поэтому над ней нет контролирующего органа, который был над отделениями. Она принципиально допускает провокацию.

На митинге протеста после убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург. Петроград, январь 1919 г. (из фондов РГАСПИ)

И наконец, как это ни странно, состав ее гораздо невежественнее состава бывших охранных и сыскных отделений. Особенно невежествен был в момент моего с ним знакомства Отдел по борьбе с контрреволюцией. Во главе его стоял Полукаров, человек безукоризненно честный, в высокой степени искренний, но глубоко невежественный в вопросах общественных движений в России. Такое же невежество проявляли следователи по делам спекулятивным и преступлениям по должности. На моих глазах одно очень крупное дело о банковских злоупотреблениях вели последовательно два следователя, Делафар и Хуторян, – поэты-футуристы, оба очень порядочные люди, но до смешного невежественные в банковских вопросах. Не умея разобраться в деле, путаясь в нем, такие следователи разрешают гордиевы узлы наложением громадных штрафов и

конфискаций, выгодных для агентов, и этим заканчивают дела, не стараясь далее отыскивать виновных. <… >

Отсутствие контроля, право решения дела, отсутствие защиты, гласности и права обжалования, допущение провокации неизбежно приводят и будут приводить комиссию к тому, что в ней совьют себе гнездо люди, которые под покровом тайны и безумной, бесконтрольной власти будут обделывать свои личные или партийные дела. И практика комиссии подтверждает все это. <…> Я утверждаю, что деятельность Чрезвычайной комиссии будет являться сильнейшим дискредитированием советской власти. Единственное средство уничтожить вредные стороны деятельности комиссии – лишить комиссию права самостоятельно решать дела, обязав ее каждое слово в определенный срок представлять в соответствующий трибунал для гласного разбирательства и допустить защиту к участию в дознаниях, производимых комиссией»[833].

Автор записки оказался провидцем: многие из сотрудников ВЧК погибли именно вследствие недостаточной профессиональной подготовки. Так, Ж. де Лафар, упоминаемый в докладной Жданова, был раскрыт, арестован и расстрелян в Одессе в 1918 г. Подавляющее большинство чекистов, искренне и бескорыстно служивших делу защиты революции, но исповедовавших принцип «революционной целесообразности», сами стали жертвами произвола и беззакония через два десятка лет. Это относится и к значительной части военных, партийных, советских, инженерно-технических и творческих работников. Бумеранг всегда возвращается!

В составе ВЧК создавались и независимые от РККА оперативно-боевые подразделения. После расформирования в июле 1918 г. отряда Попова создается Отдельная рота ВЧК (командир – комендант ВЧК Я. М. Дабол). Специальные отряды создавались при всех губернских, фронтовых и крупных городских (Москва, Петроград и др.) ЧК. По инициативе Д. Г. Евсеева к концу лета 1918 г. был сформирован корпус войск ВЧК, объединивший все оперативно-боевые роты и отряды, созданные при чрезвычайных комиссиях. Первым начальником штаба войск ВЧК стал Евсеев. В ноябре он организовал инструкторские курсы ВЧК и стал их первым начальником.

Шествие делегатов на заседание II конгресса Коминтерна через Марсово поле. Петроград, 19 июля 1919 г. (из фондов РГАСПИ)

В. И. Ленин выступает с докладом о международном положении на заседании II конгресса Коминтерна 19 июля 1920 г. в Таврическом дворце (из фондов РГАСПИ, фото К. Булла)

С лета 1918 г. для борьбы с контрреволюционерами и иностранными войсками советское правительство широко использовало иностранных военных специалистов. Так, в боях против Чехословацкого корпуса (он состоял из чехов и словаков) были задействованы интернациональные бригады, сформированные из бывших военнопленных: австрийцев, венгров и немцев. Вероятно, военно-политическое руководство РСФСР учитывало исторически сложившиеся противоречия этих народов. Всего за годы Гражданской войны было создано свыше 250 интернациональных отрядов, рот, батальонов и полков. В рядах Красной армии сражались (по разным подсчетам) от 300 до 500 тысяч интернационалистов. Более двухсот из них за боевые заслуги были награждены орденом Красного Знамени.

В докладной записке «Новые задачи немецких секций РКП», написанной после II конгресса Коминтерна[834], отмечалось:

«Пролетарская Октябрьская революция 1917 г. принесла также свободу всем военным и гражданским пленным на территории Советской России. Масса бывших военнопленных сразу поняла, что освободительная борьба русского пролетариата будет лишь первым шагом к освобождению пролетариата всего мира. Во всех крупных городах России, где были большие скопления военнопленных, создавались организации, ставившие себе целью агитацию и пропаганду солидарности иностранного и российского пролетариата и подготовку назревающей в Западной Европе революции.

Вместе с тем из этих организаций выделились воинские отряды, формировавшиеся под лозунгом вооруженной защиты русской пролетарской революции; в этой революции они видели исходный пункт грядущей мировой революции.

Понятно, что большая часть вступала в ряды формировавшейся Красной Армии под влиянием чувства возмущения, вызванного тяжелыми условиями царского режима и режима Керенского. Особое значение интернациональных воинских отрядов проявилось в тот момент, когда пришлось дать отпор исходившей от чехословаков контрреволюции, а также предпринятому в Украине и в Финляндии нападению со стороны германского империализма. Тогда красные интернационалисты тысячами проливали свою кровь за Советскую Россию. Тысячами томились отрезанные в Сибири интернационалисты по тюрьмам и концентрационным лагерям белых.

Не менее важную службу сослужили интернациональные отряды, созданные в Туркестане. Они главным образом поддерживали революцию в тот период, когда Туркестан, благодаря дутовским и деникинским бандам, был совершенно

отрезан от Центральной России.

Не следует забывать, что в то время Красная Армия, находившаяся в стадии формирования, была еще слишком слаба, чтобы противостоять всем нападениям извне и изнутри. Ввиду этого интернационалисты были в тот период одной из надежнейших опор советской власти»[835].

Помимо участия в боевых действиях иностранные коммунисты были членами подпольных организаций на территориях, занятых оккупационными войсками и белогвардейцами. Они вели в тылу интервентов и белогвардейцев не только разведывательную, но и агитационно-пропагандистскую работу, направленную на разложение личного состава иностранных войск.

Выставка трофейной боевой техники Белой армии на Красной площади в Москве в дни торжеств в честь II конгресса Коминтерна, 27 июля 1920 г. (из фондов РГАСПИ)

Несколько забегая вперед, отметим в качестве наиболее характерного примера в этой области успешные действия интернациональной группы Ж. Лябурб[836] на юге России. Именно активная пропаганда членов этой группы среди французских солдат и матросов вынудила французское правительство принять решение об экстренной эвакуации своего военного флота.

После провала эсеровского выступления пристальное внимание английской и французской резидентур было

направлено на латышских стрелков, охранявших важнейшие правительственные учреждения. Среди латышей распространялось мнение, что в результате Брестского договора большевики отказались от планов освобождения Латвии от немецких оккупантов.

В конце июля – начале августа 1918 г. руководство ВЧК сумело под видом недовольных большевиками командиров внедрить в антисоветское подполье в Петрограде латышских стрелков Я. Буйкиса и Я. Спрогиса. Они вышли на контакт с британским военно-морским атташе Кроми. А затем, уже 14 августа, Я. Буйкис и Э. П. Берзин[837] встретились в Москве с главой британской миссии Р. Локкартом. Через несколько дней представители английской разведки стали склонять латышей к вооруженному выступлению против советского правительства. Успешное внедрение Буйкиса и Берзина позволило 25 августа выявить планы иностранных спецслужб по организации антибольшевистского переворота в Москве и Петрограде.

Похороны М. С. Урицкого. За несущими венки в первом ряду – Г. Е. Зиновьев. Петроград, 1918 г. (из фондов РГАСПИ)

Утром 30 августа был убит комиссар внутренних дел Северной коммуны, председатель Петроградской чрезвычайной комиссии М. С. Урицкий. Известие об этом террористическом акте было получено в Москве, и в Петроград по поручению Ленина срочно выехал председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский.

Вечером того же дня после выступления на заводе Михельсона двумя пулями был ранен и сам Ленин. Во время покушения никого из сотрудников личной охраны рядом с ним не

было, в автомобиле находился только один водитель – Гиль.

Существуют две версии, почему глава правительства не позаботился об усилении охраны после покушения на Урицкого: первая – имела место инсценировка покушения с санкции Ленина с целью введения «красного террора»; вторая – покушение стало следствием внутрипартийной борьбы и было подготовлено при участии некоторых сотрудников ВЧК.

По нашему мнению, наиболее вероятно, что подготовка покушения, произведенного террористкой Ф. Каплан, осуществлялась эсерами из Центрального боевого отряда при ЦК Партии социалистов-революционеров во главе с Г. И. Семеновым. Мы принимаем в расчет не только показания, данные Семеновым и Л. В. Коноплевой на процессе эсеров в 1922 г., но и «фирменный» почерк эсеров: использование «браунинга» и надпиленных пуль с ядом, участие в покушении экзальтированной (психологически обработанной) личности. Отсутствию охраны при покушении на заводе Михельсона есть два объяснения. Возможно, негласная охрана (2–4 человека) была, но она пропустила Каплан в ближний круг, не посчитав ее источником угрозы. Имеется фотография, на которой Каплан (или очень похожая на нее женщина) выходит из одного из административных зданий (в Кремле?) следом за Лениным. Также возможно, что ответ лежит в области психологии – определенном фатализме Ленина. После выздоровления он говорил Горькому, что на войне, которая еще не скоро кончится, каждый действует как умеет.

31 августа – 1 сентября 1918 г. в Петрограде и Москве были арестованы около ста человек, среди них сотрудники дипломатических миссий. В ходе обысков были добыты доказательства подготовки переворота, диверсий на железных дорогах, терактов и т. п. Покушения на вождей РСФСР и дело Локкарта послужили катализатором для принятия 5 сентября постановления СНК «О красном терроре». Л. Д. Троцкий писал: «Устрашение есть могущественное средство политики – и международной, и внутренней. Война, как и революция, основана на устрашении. Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю; так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи. В этом смысле красный террор принципиально отличается от вооруженного восстания, прямым продолжением которого он является»[838]. Ему вторил М. Я. Лацис: «Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс. <…> Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал

ли он против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть красного террора»[839].

В истории человечества ни одна гражданская война не обходилась без террора, и история нашей Родины не является исключением. Отметим, что массовые расстрелы, концентрационные лагеря и взятие заложников не являются изобретением РКП (б). Расстрелы широко использовали все колониальные страны вплоть до середины XX в. Действия Великобритании в Северной Америке, Индии, Южной Африке и Ирландии говорят сами за себя. Гильотина изобретена в революционной Франции, а первые концлагеря появились в США во время их Гражданской войны. Расправы над офицерами и землевладельцами, принудительная конфискация помещичьих земель начались не после Октября 1917 г., а после «хорошей» Февральской революции. В период Гражданской войны в России террор в отношении политических противников применяли все без исключения ее участники. Террор большевиков в отношении представителей бывших правящих классов и различных партий, активно и с оружием в руках противостоявших советскому правительству, был только одним из инструментов подавления их сопротивления. Еще раз отметим, что победа обеспечивалась системным применением всех сил и средств, имевшихся в распоряжении СНК.

Нашим современникам следует учитывать, что ситуация осенью 1918 г. складывалась не в пользу большевиков. Берзин докладывал из Швейцарии: «…Арест дипломатических представителей Англии и Франции произвел за границей удручающее впечатление. <…> Общий же вывод за границей таков, что арест союзнических дипломатов является мерой отчаяния с нашей стороны и свидетельствует о нашей чрезвычайной слабости. <…>

Вообще приходится констатировать, что чехословацкая кампания страшно подорвала престиж советской власти за границей. Дальнейшие события – Мурманская экспедиция союзников, падение Архангельска, нашествие японцев с востока – все действует в том же направлении и создает невероятно тяжелую атмосферу. Враги и друзья – все уверены, что крах советской власти неминуем»[840].

После покушения на Ленина были предприняты дополнительные меры безопасности в отношении председателя СНК. Мальков: «В эти дни меня вызвал Яков Михайлович. Я

застал у него председателя Московского губисполкома. Яков Михайлович поручил нам вдвоем найти за городом приличный дом, куда можно было бы временно поселить Ильича, чтобы он мог как следует отдохнуть и окончательно окрепнуть. „Имейте в виду, – напутствовал нас Яков Михайлович, – никто об этом поручении не должен знать. Никому ничего не рассказывайте, действуйте только вдвоем и в курсе дела держите меня“»[841]. По некоторым данным, после выстрелов Каплан для Ленина в Германии был заказан бронежилет из металлических нитей (надевается под пиджак как обычный жилет). Считается, что это – один из первых в мире бронежилетов скрытого ношения и, несомненно, первый бронежилет для руководителя в нашей стране.

В сентябре 1918 г. из состава свеаборгского отряда ВЧК было сформировано подразделение личной охраны Ленина из 20 чекистов. Его первым руководителем стал Р. М. Габалин. Бойцов в группу личной охраны Ленина отбирал лично Дзержинский, ее первым куратором от ВЧК был Я. Х. Петерс.

П. Н. Пташинский, боец подразделения, вспоминал: «Первое время мы не очень понимали, как нужно себя держать. Охранять в нашем понимании означало не допускать на территорию усадьбы (Горки. – *Примеч. авт.*) никого постороннего. Поэтому каждый из нас стремился быть близко к В. И. Ленину. И маячили перед его глазами без надобности. Очевидно, это вело к тому, что мы чаще, чем это было нужно, сталкивались с ним во время его прогулок по усадьбе»[842]. Излишнее рвение охраны вызвало неудовольствие Ленина, который однажды сказал: «Революция нуждается в каждом солдате, а тут 20 здоровых парней бездельничают около моей особы»[843]. Он даже укорял Петерса, что каждый его шаг контролируется. Но Петерс и Дзержинский сослались на решение ЦК.

Л. Д. Троцкий в окружении «своей Красной гвардии». Крайний справа – И. Э. Якир, 1919 или 1920 г. (из фондов РГАСПИ)

Информация о том, где находится Ленин после ранения, не афишировалась. Мальков вспоминал: Свердлов «…снова подчеркнул, что все нужно сохранять в строгой тайне. <…> Дзержинский выделил для охраны Горок десять чекистов, подчинив их мне. Я отвез их на место <…>, а на следующий день перевез в Горки Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Было это числа 24–25 сентября 1918 года»[844].

Охрана прибыла в усадьбу на двух санитарных машинах. Еще

один боец подразделения, К. А. Дунц, вспоминал: «Владимир Ильич и мы находились в Горках инкогнито. Никто из посторонних не должен был знать, что именно Ленин временами прогуливается в окрестностях Большого дома»[845].

После ранения председатель СНК не изменил своей привычке иногда отрываться от телохранителей: «Товарищ Ленин от охраняющего удирал: скроется в кустах, в лесу – и баста. Туда, сюда – его нет. Приходилось поиски конспирировать. <…> Но не всегда в таких случаях бывало легко найти товарища Ленина, часто он уходил очень далеко. И направление, куда он пошел, трудно было угадать»[846].

15 сентября в Москве при ЦК РКП (б) создано Центральное Бюро коммунистических организаций (ЦБКО) Белоруссии, Польши, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии под председательством Я. М. Свердлова. Одновременно в Женеве группой активистов с ведома и согласия миссии Берзина был образован особый комитет, получивший название «Российский очаг». Этот орган призван был полуофициально исполнять функции советского консульства в Женеве; кроме того, он являться центром пропаганды среди русской колонии и женевского пролетариата.

Выборный комитет «Российского очага» состоял исключительно из членов РКП (б) во главе с Наливайским. После высылки в ноябре 1918 г. советской дипломатической миссии из Швейцарии Наливайский исполнял роль координатора некоторых конспиративных программ.

Разведывательной работой в интересах Красной армии в 1918 г. занимались: Разведывательное отделение Оперативного управления Высшего военного совета (март – сентябрь 1918 г.); Разведывательное отделение Оперативного отдела Наркомата по военным и морским делам (май – сентябрь 1918 г.); Военно-статистический отдел Оперативного управления Всероссийского главного штаба (май – сентябрь 1918 г.); Разведывательный отдел штаба Революционного военного совета Республики (сентябрь – октябрь 1918 г.).

В целях устранения недостатков, вызванных отсутствием единого руководства Красной армией, в сентябре 1918 г. создается коллегиальный орган высшей военной власти – Революционный военный совет Республики (РВСР) под председательством Л. Д. Троцкого. 5 ноября приказом Реввоенсовета № 197/27 объявлен штат Полевого штаба РВСР.

Для обеспечения высшего военного руководства оперативной и стратегической информацией в составе Полевого штаба РВСР был образован центральный орган военной разведки –

Регистрационное управление (Региструпр). В состав Регистрационного управления входило два отдела: агентурный (разведка) и военного контроля (контрразведка). Ведение тактической разведки было возложено на Разведывательное отделение Оперотдела Наркомата по военным и морским делам. Еще ранее, в октябре 1918 г., организованы курсы для подготовки сотрудников военной разведки и контрразведки Красной армии, а также агентов-ходоков. 13 ноября 1918 г. в составе Регистрационного управления создано первое подразделение радиоразведки – приемно-контрольная станция в Серпухове, ее начальником являлся Х. Иванов.

Усиление роли военной разведки было обусловлено вмешательством во внутренние дела нашей страны вооруженных сил иностранных государств. В числе интервентов оказались не только бывшие противники России в Первой мировой войне, но и ее союзники. В этих условиях советское правительство было вынуждено вести войну против «отечественных» политических противников и иностранных экспедиционных войск. Интервенция стала катализатором, ускорившим вступление в ряды Красной армии и новых спецслужб значительного числа царских военных специалистов, которые предпочли служить пусть нелюбимому, но российскому правительству. Наличие интервентов – врага не только классового, но и внешнего – стимулировало развитие массового партизанского движения на Украине, на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. В этих регионах партизанская война в течение длительного времени была основной формой противодействия иностранному вмешательству.

В августе 1918 г. в составе ВЧК создается транспортный отдел для борьбы с диверсиями, саботажем и бандитизмом на железнодорожном и водном транспорте.

Осенью 1918 г. член Коллегии ВЧК, председатель ЧК и Военного трибунала Восточного фронта М. Я. Лацис начал очередную кампанию по реформированию органов контрразведки. Большевик со стажем, член партии с 1905 г., Лацис считал использование бывших офицеров и левых эсеров в секретных службах невозможным: он доверял только соратникам по партии. Его вывод сводился к тому, что работа по борьбе с контрреволюцией и шпионажем должна быть сосредоточена в ВЧК.

Точку зрения Лациса разделял и член Коллегии ВЧК Д. Г. Евсеев. Надо сказать, что основания для недоверия к «бывшим» у руководителей ВЧК имелись. К тому времени был разоблачен ряд тайно работавших на белогвардейцев бывших царских контрразведчиков, например В. Г. Орлов (Б. Орлинский); они

вступали в контакты с подпольными антибольшевистскими организациями и представителями иностранных спецслужб (дело Локкарта). В то тяжелое для большевиков время Троцкий перемещался с одного участка фронта, где создавалось угрожающее положение, на другой, поэтому своевременно оказать противодействие чекистам не мог.

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов у Кремлевской стены на Красной площади во время демонстрации, посвященной 1-й годовщине Октябрьской революции (из фондов РГАСПИ)

26 октября Берзин передал из Швейцарии в Москву крайне неприятную для руководства страны информацию. «Тов. Валецкий по моей просьбе делает попытки войти в сношения с американским Бюро Печати. <…> Его собеседница зафиксировала разговор письменно и обещала в тот же вечер отправить в Вашингтон каблограмму.

Она указывала на то, что документы, опубликованные в Америке против Ленина и Троцкого, производят там впечатление. В частности, Вильсон верит, что Ленин и Троцкий продались немцам. По ее мнению, необходимо детально опровергнуть все сообщения фактического характера. Когда получим – если получим-таки эти „документы“, – я Вам напишу, каково мое мнение»[847].

Наиболее вероятно, что документы, о которых идет речь в донесении Берзина, являются сборником под названием

«Немецко-большевистская конспирация», изданным Правительственным комитетом общественного осведомления США в Вашингтоне в октябре 1918 г. Сборник содержит около 70 документов и материалов с комментариями о взаимоотношениях между правительствами и спецслужбами Германии и РСФСР, а также доклад Э. Сиссона, являвшегося представителем указанного комитета в России зимой 1917–1918 гг. К сборнику приложено заключение специалистов во главе с редактором «Американской исторической ассоциации» Ф. Джеймсоном и профессором Чикагского университета С. Харпером, которые исследовали документы и признали их подлинными.

В. И. Ленин у Кремлевской стены на Красной площади во время демонстрации, посвященной 1-й годовщине Октябрьской революции. В группе: И. И. Межлаук, А. Я. Беленький, Л. Б. Каменев, Я. М. Свердлов, П. Г. Смидович (из фондов РГАСПИ)

В ноябре 1918 г. в Австро-Венгрии и Германии произошли революции, свергшие монархии, но не приведшие к тем результатам, на которые рассчитывали руководители РКП (б) и их сторонники из других стран. Однако к моменту окончания Первой мировой войны в Австрии, Венгрии, Германии, Нидерландах, Польше, Финляндии были образованы коммунистические партии. Наиболее революционно настроенной организацией в Европе был немецкий «Союз Спартака», организационно оформившийся в ноябре 1918 г. Группы и кружки коммунистической направленности в 1918–1919 гг. сложились в Чехословакии, Румынии, Италии, Франции, Великобритании, Дании, Швейцарии, США, Канаде, Бразилии, Китае, Корее, Австралии, Южно-Африканском Союзе и в некоторых других странах. В конце 1918 г. после отъезда Б. Куна в Венгрию председателем Федерации иностранных групп стал А. Руднянский[848].

19 декабря 1918 г. в ВЧК создается Военный отдел, в ведение которого из Регистрационного управления передается контрразведывательная работа в Вооруженных силах. Для организации наружного наблюдения, производства арестов и

обысков тогда же создается Оперативный отдел. В январе 1919 г. Военный отдел преобразуется в Особый отдел ВЧК для борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте. В феврале Президиум ВЦИК утвердил Положение об особых отделах. Первый начальник Особого отдела ВЧК – профессиональный революционер, член РСДРП (б) с 1901 г. М. С. Кедров разделял мнение Лациса о недопустимости использования старых специалистов в аппарате органов безопасности Советской России. На особые отделы (на фронте – в войсковых частях, в тылу – в губчека) возлагалась борьба с контрреволюцией и шпионажем. Таким образом, с января 1919 г. ВЧК установила оперативный контроль над армией, поскольку особые отделы объединяли в себе функции и контрразведки и политической полиции.

Интернациональный инженерный отряд перед отправкой на фронт, 1919 или 1920 г. (из фондов РГАСПИ)

Решение о передаче контрразведывательной работы в армии чекистам было следствием серьезной внутрипартийной борьбы в верхних эшелонах РКП (б). Аппарат особых отделов не только выполнял контрразведывательные функции, но и надзирал за лояльностью командного состава вооруженных сил. К тому времени Троцкий привлек на службу в Красную армию десятки тысяч офицеров, но не все из них служили большевикам из принципиальных соображений. Случаи измены военнослужащих, перехода на сторону белых целых подразделений были нередки. В июле 1919 г. арестовали на восемь месяцев главнокомандующего Вооруженными силами Республики И. И. Вацетиса[849].

Ожесточенная борьба за контрразведку между группировками Троцкого и Дзержинского фактически являлась борьбой за информацию о настроениях в Красной армии. В форме особых отделов руководство РКП (б) постепенно восстановило в армии систему органов политической полиции, бездумно ликвидированную Николаем II.

В декабре 1918 г. латышских стрелков отправили на фронт. Возможно, одна из причин их удаления – демонстративная самостоятельность Латышской дивизии и ее начдива И. И. Вацетиса, в прошлом полковника Генерального штаба. На первом в истории Красной армии майском параде 1918 г. стрелки потребовали, чтобы парад принимал Ленин, и демонстративно покинули Ходынское поле, когда узнали, что на парад приедет Троцкий. Второй причиной могли стать результаты оперативной игры, проведенной чекистами в июле – августе 1918 г. с сотрудниками ряда иностранных посольств. В этой игре латышские стрелки выступали в качестве силы для захвата или ликвидации членов ВЦИК и СНК. И хотя операция проводилась под контролем руководства ВЧК, вероятно, после ее окончания руководители советского государства решили не рисковать. Вместо латышских стрелков на охрану Кремля заступили курсанты 1-х Московских пулеметных курсов, начальником которых был Л. Г. Александров.

Но эти и другие меры, предпринятые для улучшения охраны Ленина, не учитывали психологических особенностей вождя. Владимир Ильич был динамичным человеком, привыкшим вести достаточно свободный образ жизни. Несомненно, постоянное присутствие охраны его тяготило. Но дело не только в этом. Искусный конспиратор, Ленин, даже став председателем правительства, иногда действовал как нелегал. При проведении конспиративных встреч с доверенными лицами он старался уйти из-под контроля личной охраны. В некоторых воспоминаниях имеются сведения о таких фактах. Возможно, при этом его прикрывал кто-то из доверенных лиц. В повседневной деятельности угроза его безопасности также была реальной. Вечером 6 января 1919 г. в сопровождении М. И. Ульяновой, с шофером Гилем и охранником И. В. Чебановым Ленин выехал в Сокольники. Недалеко от пивного завода Калинкина автомобиль остановили вооруженные «маузерами» бандиты под руководством Я. Кошелькова. Приказ остановиться отдал Ленин, посчитавший эту группу военным патрулем.

Нападавшие резко открыли дверцы машины и, угрожая оружием, заставили пассажиров выйти. Телохранитель не смог оказать сопротивления, так как в момент нападения держал на

коленях бидон с молоком. Гиль вспоминал: «Бандиты заметили меня, сидящего за рулем, и потребовали, чтобы я немедленно вышел наружу. Свои требования они подкрепили угрозой револьверами. Было обидно, что я, вооруженный и достаточно сильный, не могу противиться наглым преступникам. Я сознавал одно: жизнью Ленина рисковать нельзя. Один из бандитов сел на мое место, остальные вскочили на подножку машины. Она стремительно сорвалась с места…»[850]. Ленина спасло то, что главарь банды расслышал его фамилию как «Левин». Несколько позже, осознав свою ошибку, он решил вернуться, взять Ленина в заложники и потребовать от властей освобождения из московских тюрем уголовников. Когда машина с бандитами вернулась к зданию районного совета, где, по их предположению, находился вождь, они увидели, что опоздали. У входа в совет уже стояли три автомобиля, из них высаживались бойцы вызванной Гилем из Кремля «группы быстрого реагирования».

Через несколько дней после нападения Кошелькова в Москве ввели особые меры безопасности. В пределах кольцевой железной дороги военные власти, отряды ВЧК и милиции получили приказ без суда расстреливать грабителей, захваченных на месте преступления. Была организована Особая ударная группа Московской чрезвычайной комиссии во главе с начальником Особой группы по борьбе с бандитизмом Ф. Я. Мартыновым[851] и начальником Московского уголовного розыска А. М. Трепаловым[852]. Личную охрану вождя возглавил А. Я. Беленький[853].

Очередная попытка трудящихся взять власть произошла в Германии под руководством «Союза Спартака» в январе 1919 г. Она закончилась неудачей во многом по вине социал-демократов, которые способствовали роспуску Советов рабочих депутатов и разоружению рабочих отрядов. Благодаря этому сторонники правых (монархисты, националисты и др.) сумели консолидировать свои силы. После подавления германских революционных выступлений в Москве было принято решение о созыве международной конференции представителей коммунистических партий.

В конце января Л. Д. Троцкий при участии В. И. Ленина, Н. И. Бухарина и Г. В. Чичерина подготовил обращение «К I съезду Коммунистического интернационала». В разделе «Цели и тактика» в нем говорилось:

«В основе нового интернационала должно лежать, по нашему мнению, признание следующих положений, выставляемых здесь как платформа и выработанных на основе программы „Союза спартаковцев“ в Германии и коммунистической партии

(большевиков) в России:

1. Текущая эпоха есть эпоха разложения и краха всей мировой капиталистической системы, которые будут означать и крах европейской культуры вообще, если не будет уничтожен капитализм с его неразрешимыми противоречиями.

2. *Задачей пролетариата является теперь немедленный захват государственной власти.* Захват же государственной власти состоит в уничтожении государственного аппарата буржуазии и в организации нового, пролетарского, аппарата власти.

3. Этот новый аппарат власти должен воплощать диктатуру рабочего класса (а в некоторых местах и полупролетариата деревни, т. е. крестьянской бедноты), т. е. *быть орудием систематического подавления эксплуататорских классов и орудием их экспроприации.* Не фальшивая буржуазная демократия – эта лицемерная форма господства финансовой олигархии с ее чисто формальным равенством, а пролетарская демократия с возможностью реализации свободы для трудящихся масс; не парламентаризм, а самоуправление этих масс через их выборные органы; не капиталистическая бюрократия, а органы управления, созданные самими массами при действительном участии этих масс в управлении страной и в социалистическом строительстве, – таков должен быть тип пролетарского государства. Власть Советов или сходных организаций – его конкретная форма.

4. *Диктатура пролетариата должна быть рычагом немедленной экспроприации капитала и отмены частной собственности на средства производства* с превращением их в общенародную собственность. Социализация (понимая под социализацией отмену частной собственности, передачу в собственность пролетарского государства и в социалистическое управление рабочего класса) крупной промышленности и ее организующих центров – банков, конфискация помещичьих земель и социализация капиталистического сельскохозяйственного производства, монополизация крупной торговли, социализация крупных домов в городах и поместьях, введение рабочего управления и централизация экономических функций в руках органов пролетарской диктатуры – самая существенная задача дня.

5. В целях обеспечения социалистической революции, обороны от внутренних и внешних врагов, помощи другим национальным частям борющегося пролетариата и т. д. необходимо *полное разоружение буржуазии и ее агентов и поголовное вооружение пролетариата.*

6. Мировая обстановка требует сейчас максимального

контакта между различными частями революционного пролетариата и *полного блока между теми странами, где социалистическая революция уже победила.*

7. Основным методом борьбы являются массовые действия пролетариата вплоть до открытого *столкновения с оружием в руках с государственной властью капитала»*[854].

Параллельно с организацией Коминтерна зимой – весной 1919 г. военно-политическим руководством Советской России были предприняты первые попытки экспорта революции в Европу. 19 января И. С. Уншлихт представил в ЦК РКП (б) проект создания Революционного военного совета Польши. В проекте отмечалось:

«Польреввоенсов[ет] объединяет всю деятельность, касающуюся поддержки восстания рабочих Польши со стороны Российской республики и проводит свои задачи путем:

1) проведения в надлежащих инстанциях Республики своих предложений о занятии соответствующих стратегическо-политических пунктов в Литве и Белоруссии,

2) формирование польской армейской группы,

3) поддержание связи с военной работой КРПП в Польше и

4) помощь Польше в организации Красной гвардии»[855].

В целях конспирации Реввоенсовет Польши замаскировали под Реввоенсовет Западной стрелковой дивизии. В состав Польреввоенсовета вошли кадры польской социал-демократии левой ориентации, имевшие серьезный опыт нелегальной работы: С. Лазоверт[856], А. Славинский[857] и С. Бродовский[858]. Для создания военного аппарата компартии и Красной гвардии на территорию Польши из советских России и Украины были нелегально направлены военные советники во главе с С. Жбиковским[859]. Координация действий со стороны ЦК РКП (б) по подготовке вооруженного восстания и советизации Польши поручалась Дзержинскому и Уншлихту.

В январе 1919 г. также было создано Центральное бюро болгарских коммунистических групп (ЦБ БКГ) при ЦК РКП (б). 24 февраля руководители ЦБ БКГ Б. Стомоняков[860] и Х. Боев[861] направили в ЦК РКП (б) план работы бюро. Согласно этому плану в Екатеринославе создавался специальный центр по руководству нелегальной работой на Балканах. В задачи центра, в частности, входило:

«3. Соорганизовать непосредственную связь между Болгарией и Россией и широкую, объективную информацию – как для правильного освещения русской революции в Болгарии, так и доставлять материал о том, что делается в Болгарии.

4. Подготовлять и использовать опытных работников для

немедленной переброски их в Болгарию, посредством коих должно стремиться использовать отчаянное положение голодающих крестьянских масс и бедствующих рабочих для боевой работы в тылу врагов советской власти, вплоть до вооруженных выступлений.

5. Стараться снабжать потребности движений не только моральной поддержкой, но и материальными средствами и оружием. <…>

6. Употребить все средства для деморализации и революционизирования союзнических оккупационных войск не только на Балканах, но и на границах и советских фронтах. <…>

Советская власть и партия не должны безразлично относиться к необходимости скорейшей переброски пожара революции на Балканы, что, с одной стороны, ослабит „союзнический“ контрреволюционный нажим на Советскую Россию, а с другой – спутает карты союзников и их грабительские планы»[862].

Международная конференция, на которую прибыли 52 делегата от 35 партий и групп из 21 страны мира, открылась 2 марта и длилась пять дней. 4 марта делегаты приняли решение конституировать конференцию как I (Учредительный) конгресс Коммунистического интернационала. Делегаты приняли манифест, написанный Троцким. В нем, в частности, говорилось: «Эпоха последней решительной борьбы наступила позже, чем ожидали и надеялись апостолы социальной революции. Но она наступила. Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата разных стран Европы, Америки и Азии, собравшиеся в советской Москве, чувствуем и сознаем себя преемниками и вершителями дела, программа которого была возвещена 72 года тому назад. Наша задача состоит в том, чтобы обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от разлагающей его примеси оппортунизма и социал-патриотизма, объединить усилия всех истинно революционных партий мирового пролетариата и тем облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире…»[863].

Резолюция I конгресса Коминтерна призвала рабочих разных стран объединиться на принципах пролетарского интернационализма в революционной борьбе за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата. Делегаты конгресса приняли решение о формировании руководящего органа, получившего название Исполнительный комитет Коммунистического интернационала (ИККИ). Поскольку на I конгрессе Исполком не избирался, ведение организационной работы поручили Бюро Исполкома. Для связи с иностранными компартиями создана секретная Особая комиссия по связи ИККИ,

руководителем которой стал В. Э. Кингисепп[864]. Одним из основных направлений деятельности Особой комиссии стало нелегальное финансирование иностранных компартий, в основном осуществлявшееся за счет ценностей, реквизированных у представителей бывших правящих классов.

16 марта 1919 г. умирает Я. Свердлов, один из сильнейших организаторов РКП (б). По официальным данным, он умер от «испанки» – тяжелой формы гриппа, а по воспоминаниям некоторых лиц из его близкого окружения – вследствие избиения рабочими на митинге в железнодорожных мастерских в Орле. Сразу же после его смерти спецназ Свердлова (Автобоевой отряд) отправили на фронт и широко использовали в операциях против повстанцев.

В середине марта в Киеве и Одессе началось формирование 1-й Интернациональной и 1-й Бессарабской стрелковых дивизий, состоявших из румын, болгар, чехов, словаков, сербов. На западе формировалась Белорусско-Литовская (впоследствии 16-я) революционная армия. Согласно плану «полевой революции» после захвата («освобождения») Польши и Бессарабии направлением главного удара интернациональных бригад становились Австрия, Болгария, Венгрия, Германия, Чехословакия и Югославия. Революционная ситуация в этих странах благоприятствовала планам коммунистических лидеров: 21 марта в Венгрии, 13 апреля в Баварии, 16 июня в Словакии были провозглашены советские республики.

Вполне возможно, что уверенность высшего эшелона руководителей РСФСР в неизбежности и успешности мировой революции была основана в том числе и на информации, полученной из западных стран разведкой Коминтерна. Однако оказать необходимую военную поддержку европейским компартиям их российские коллеги не смогли вследствие поражений Красной армии в Прибалтике, Украине и на юге России во время весенне-летней кампании 1919 г. Баварская Советская Республика была разгромлена к 3 мая добровольческими подразделениями из ветеранов Первой мировой войны. Лидера советского правительства Баварии Е. Левине расстреляли. Словацкая Советская Республика пала 5 июля после наступления чехословацких войск и вывода с ее территории венгерской Красной армии. Падение Венгерской Советской Республики произошло 1 августа в результате наступления румынских войск…

После нападения банды Кошелькова на Ленина в феврале 1919 г. в ВЧК создается Секретный отдел по борьбе с антисоветскими партиями и группами и работе в среде

интеллигенции и духовенства. Сам Ленин не отказался от привычки гулять и уезжать без сопровождения охраны, о чем писали в мемуарах Д. И. Ульянов и П. Д. Мальков. В апреле 1919 г. Оргбюро ЦК направило коменданту Кремля Малькову перечень дополнительных мер по охране Ленина:

«1. При выездах тов. Ленина из Кремля необходимо сопровождение 2-х автомобилей с охраной из 5 человек. Шофер – партийный, преданный. Рядом – вооруженный конвоир.

2. Охрана квартиры и кабинета – часовыми из коммунистов (не менее 1 года партстаж). У часовых – сигнализация; кнопка на полу (использовать в случае нападения).

3. Вход в квартиру В[ладимира] И[льича] – по особым билетам, выдаваемым т. Лениным.

4. Перенести канцелярию вниз.

5. Перенести кабинет рядом с квартирой В. И. Ленина (рядом зал заседаний).

6. Провести основательную чистку среди сотрудников Совнаркома»[865].

Летом 1919 г. по линии ЦБ БКГ и ИККИ удалось наладить канал связи с Болгарией. Один из руководителей ЦБ БКГ С. Джоров докладывал 10 июня Председателю СНК Украины Х. Г. Раковскому[866]:

«Дорогой товарищ! Наша первая экспедиция в Болгарию оказалась очень удачной. Кроме того что мы послали туда много нашей литературы, мы получили оттуда много ценных сведений. Тов. Боев остался там для работы»[867].

В августе в Варну стали прибывать посланцы из России: С. М. Мирный, Я. Я. Страуян, Г. Портнов, С. Джоров, К. Касапов. Наряду с организацией морского канала связи Болгария – Румыния – Россия прибывшие из РСФСР и местные коммунисты начали создавать агентурные разведывательные сети.

Одной из первых по линии Коминтерна была создана группа Г. Чочева. Создание агентурных сетей на Балканах осуществлялось и военной разведкой РСФСР.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская на Красной площади во время первомайской демонстрации 1919 г. В первом ряду (слева направо): А. Я. Беленький, М. М. Литвинов (с тростью в руках) (из фондов РГАСПИ)

После передачи функций военного контроля (контрразведки) в ведение ВЧК основными задачами Регистрационного управления стали добывание и анализ информации военного характера. Со второй половины 1919 г. Региструпр начал создание своих нелегальных резидентур не только на территории бывшей Российской империи, но и в некоторых странах Европы. Первыми каналами переброски разведчиков стали каналы Коминтерна, а подавляющее большинство разведчиков и резидентов, работавших на Регистрационное (Разведывательное) управление РККА и впоследствии на Иностранный отдел ВЧК (ОГПУ, НКВД), были иностранными коммунистами. Эти люди знали языки, культуру, традиции и образ жизни в европейских странах и начинали карьеру разведчиков по линии Коминтерна по идеологическим соображениям. Именно они составили цвет советской разведки в 1920–1930-е гг., названные впоследствии «эпохой великих нелегалов».

Интересы коммунистических лидеров не ограничивались только европейскими странами. 20 февраля 1919 г. Л. М. Карахан[868] обратился к Ленину с письмом о поддержке рабочих организаций стран Востока: Индии, Китая, Кореи и Персии. 5 августа 1919 г. он писал: «Нет никакого сомнения, что на

азиатских полях мировой политики наша Красная армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейских. <…> Между тем международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»[869]. На первых порах речь шла о выделении денежных средств на посылку в эти страны агитаторов и связных. После поражения Баварской, Венгерской и Словацкой советских республик в Европе Л. Троцкий высказал свою позицию по поводу экспорта революции через страны Центральной Азии.

В сентябре 1919 г. по линии НКИД в Сибирь был направлен В. Д. Виленский (Сибиряков)[870], официально для «предотвращения столкновений с Японией». Позднее Виленский писал, что ему были даны следующие директивы:

«1) Наша общая политика на Дальнем Востоке строится на расчете столкновений интересов Японии, Америки и Китая в смысле форсирования этого столкновения всеми возможными средствами.

В. И. Ленин перед отъездом с Красной площади после первомайской демонстрации 1919 г. На переднем плане – А. Я. Беленький, крайний справа – М. В. Загорский (из фондов РГАСПИ)

2) Наши отношения к народам Китая, Монголии и Кореи должны заключаться в пробуждении сознательного движения широких масс к освобождению их от гнета иностранного

капитала.

3) Практически мы должны стремиться к поддержке революционных движений среди народов Восточной Азии. Надлежит также установить прочную связь с революционными организациями Японии, Китая и Кореи, а равно усилить агитационную работу путем издания печатных органов – брошюр и листков.

4) Необходимо активно прийти на помощь партизанским образованиям корейцев и китайцев»[871].

В сентябре 1919 г. Ленин принял решение создать в Берлине постоянную резидентуру Коминтерна (будущий Западноевропейский секретариат ИККИ) и назначить ее руководителем Я. С. Рейха[872]. В своих воспоминаниях Рейх писал: «…Меня как-то ночью вызвал к себе Ленин – и с места в карьер: „Вы должны ехать в Германию… Ставить работу Коминтерна надо именно на Западе, и прежде всего в Германии. А там без опытных старых подпольщиков не поставить. Их надо высылать из Москвы“.

Инструкции Ленина были кратки: „Возьмите как можно больше денег, присылайте отчеты и, если можно, газеты, а вообще делайте, что покажет обстановка. Только делайте!“ Сразу же написал соответствующие записки Ганецкому, Дзержинскому. <…> Ганецкий в это время заведовал партийной кассой – не официальной, которой распоряжался ЦК партии, и не правительственной, которой ведали соответствующие инстанции, а секретной партийной кассой, которая была в личном распоряжении Ленина и которой он распоряжался единолично, по своему усмотрению, ни пред кем не отчитываясь. Ганецкий был тем человеком, которому Ленин передоверил технику хранения этой кассы»[873].

В сентябре 1919 г. в ВЧК создается Экономический отдел по борьбе с контрреволюцией, диверсиями и саботажем в промышленности. Секретный отдел переименовали в Секретно-оперативный. 25 сентября террористы взорвали здание Московского комитета РКП (б) по адресу Леонтьевский пер., 18.

В результате взрыва 24-килограммовой бомбы были убиты 12 (в том числе секретарь Московского комитета В. М. Загорский) и ранены 55 человек. Покушение, организованное группой «анархистов подполья», преследовало цель убить Ленина, но он на это заседание не приехал. Его Величество Случай…

7 октября 1919 г. приказом Революционного военного совета Республики № 2102 утверждены штаты Охранной роты при Управлении коменданта Реввоенсовета. В июле 1920 г. первый караул из состава роты (16 бойцов) заступил на охрану здания

РВСР. В этом же году роту переформировали в Батальон охраны РВСР и Полевого штаба РККА 2-ротного состава.

В октябре для содействия распространению революционных идей в Западной Европе создано Западное (Голландское) бюро ИККИ в Амстердаме. Подготовительная конференция Западноевропейского секретариата состоялась в ноябре 1919 г.

В. И. Ленин ожидает машину у Колонного зала после заседания Съезда по внешкольному образованию. Москва, 1919 г. (из фондов РГАСПИ)

Курьеры Коминтерна, имевшие дипломатические паспорта, осуществляли финансирование европейских компартий, снабжали их боевиков поддельными документами и оружием. Поскольку полицейские европейских стран обращали основное внимание на мужчин, в качестве курьеров Коминтерна активно использовались женщины.

С 8 по 11 декабря 1919 г. в Москве прошло совещание сотрудников центрального и армейских аппаратов Региструпра с участием представителей зарубежных бюро (ЗБ) РКП (б). На совещании была принята «Инструкция о взаимоотношениях Региструпра Полевого штаба РВСР с зарубежными бюро РКП (б)». «Согласно этой „Инструкции“ ЗБ, работавшие под идейным и политическим руководством ЦК РКП (б), обязывались выполнять

задания Региструпра, вербовать людей для его зарубежной работы, переправлять ему добытые сведения и материалы. В свою очередь Региструпр должен содействовать вербовке сотрудников для ЗБ, снабжать эти бюро деньгами, документами, техническими средствами и инструкциями, допускать представителей ЗБ на свои съезды и совещания по разведке с правом решающего голоса»[874].

С 1 января 1920 г. основной задачей Региструпра в сотрудничестве с Коминтерном стало выяснение военных, политических, дипломатических и экономических планов и намерений стран, враждебно действующих против РСФСР и нейтральных государств, а также их отдельных групп и классов, могущих нанести тот или иной вред Советской Республике. Еще более секретной стороной деятельности Региструпра и ИККИ являлось проведение специальных боевых операций в тылу неприятеля.

В конце 1919 г. по инициативе Уншлихта началось создание одной из самых секретных специальных служб в истории нашей страны – Нелегальной военной организации (НВО). Она вела диверсионную, террористическую и повстанческую деятельность на территории Белоруссии, оккупированной польской армией. О ее создании и задачах знало только высшее военно-политическое руководство РСФСР (о ней не был проинформирован даже командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский[875]). Первоначально она задумывалась как ответ на действия боевиков Польской организации войсковой (ПОВ)[876], действующей под крылом 2-го отдела (разведка) Генштаба Польши. Боевые операции НВО в Западной Белоруссии являлись зеркальным отражением диверсионных акций, осуществлявшихся боевиками ПОВ на территории РСФСР. В этих условиях специальные группы НВО на польской земле становились первым эшелоном отражения агрессии против Советской России с территории Польши. В отрядах НВО основную силу составляли бывшие боевики Партии социалистов-революционеров, Коммунистической партии Литвы и Белоруссии и Еврейской социал-демократической партии «Поалей Цион». Деятельностью НВО руководили А. К. Сташевский[877], Б. Б. Бортновский[878], С. Г. Фирин[879]. Впоследствии по опыту НВО строились аппараты нелегальных военных организаций компартий и в некоторых других европейских странах.

Здание Московского комитета РКП (б) после террористического акта 25 сентября 1919 г. (из фондов РГАСПИ)

Военным крылом КП Финляндии на март – апрель 1920 г. было запланировано восстание на севере страны. В тот период в Карелии шли бои между англичанами, белогвардейцами, финскими националистами и Красной армией. Отрядами финской Красной гвардии, организованными в Финской Лапландии, Швеции и Норвегии, планировалось нанести удар в тыл российским белогвардейцам и их союзникам в Мурманске и войскам в Северной Карелии. В действительности у этого военного плана не было шансов на осуществление. Выступление не состоялось вследствие слабой подготовленности восстания.

10 марта 1920 г. в Германии произошел мятеж сторонников правых партий под руководством В. Каппа, В. Лютвица и Э. Людендорфа. После того как 13 марта путчисты захватили Берлин, в Германии началась всеобщая забастовка. Против путчистов единым фронтом выступили боевые отряды социал-демократов и коммунистов, и 17 марта мятежники потерпели поражение. Вероятно, что немецкие события были расценены руководством РКП (б) как новая возможность организации революционных выступлений в Европе и Азии. Эта «левацкая» оценка международной обстановки, базирующаяся на чрезмерных революционных ожиданиях, характерных для многих лидеров коммунистических партий того времени, стала причиной многих

дальнейших ошибок.

В апреле 1920 г. в составе Особого отдела, руководство которым осуществлял Ф. Э. Дзержинский, создается Иностранное отделение. Его первым руководителем назначен Л. Ф. Скуйскумбре. Аналогичные отделения создавались в особых отделах фронтов и некоторых приграничных губернских ЧК. Их задачей являлась разведывательная работа на территории сопредельных с РСФСР государств. Тогда же Югославянское бюро при ЦК РКП (б) приняло решение направить лучших товарищей и курсантов агитационного курса на подпольную работу в Югославию. В мае аналогичное решение приняло Центральное Чехословацкое бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП (б). Летом 1920 г. были предприняты две попытки реализовать идею экспорта пролетарской революции – в Польше и в Персии.

На западе «полевая революция» осуществлялась под лозунгом «Даешь Варшаву! Дай Берлин!» и приняла характер открытой войны между Польшей и Советской Россией. Отметим, что еще 21 апреля 1920 г. Секретариат Польского бюро пропаганды и агитации при ЦК РКП (б) направил докладную записку, в которой прогнозировалось негативное для РСФСР развитие событий. В записке, в частности, указывалось, что приближение Красной армии «…к этнографическим границам Польши несомненно вызовет в Польше новую бурю национализма, которая захватит не только буржуазию и крестьянство, но и значительную часть рабочего класса, отравляя его идеей „защиты отечества“ перед „москалями“. Несомненно, коммунизму на многие годы был бы нанесен тяжелый удар. „Национальная война“ в этом смысле может только сплотить все национально настроенные элементы, а их в Польше, перенесшей более ста лет чужого ига, конечно, много»[880].

Польских коммунистов поддержал Троцкий. В июле, после выхода Красной армии на «линию Керзона», определенную в декабре 1919 г. Антантой в качестве восточной границы Польши, он предложил остановить наступление и заключить мир. Остальные лидеры РКП (б) во главе с Лениным выступили за продолжение военных действий. 15 июля 1920 г. Ленин телеграфирует Уншлихту на Западный фронт: «Считаете ли Вы вероятным и как скоро советский переворот в Польше?»[881]. В связи с наступлением Красной армии в Польше советское руководство считало возможным пролетарские выступления в Польше и впоследствии в других странах Европы.

В. И. Ленин в группе делегатов IX съезда РКП (б). Москва, март – апрель 1920 г. (из фондов РГАСПИ)

Во время советско-польской войны произошла во многом уникальная операция Особого отдела ВЧК (А. Х. Артузов, Р. А. Пиляр, Я. С. Агранов), в ходе которой была осуществлена массовая перевербовка польских разведчиков из Польской организации войсковой. Эта организация была опасным противником, ее агентура действовала в Москве, Петрограде, Киеве, Минске, Смоленске, Одессе, Житомире. Большинство членов ПОВ работали против РСФСР по идеологическим соображениям и действовали умело и бесстрашно. Например, командир красных инструкторских курсов Тригар являлся руководителем боевых отрядов ПОВ в районе Минск – Борисов. Один из его помощников Зенкевич служил в Минской ЧК. Своих людей поляки имели в особых отделах 15-й и 16-й армий, в Управлении южных железных дорог, в Комиссии по снабжению Красной армии. В плен сотрудники ПОВ обычно не сдавались.

Сотрудники ВЧК взяли на вооружение проверенные временем методы агентурно-оперативной работы, период засад и облав уходил в прошлое. Постепенно оперативно-боевые группы Особого отдела и войска ВЧК очистили прифронтовую зону Западного фронта от польских партизанских отрядов, были арестованы несколько сот членов ПОВ и их агентов (в Киеве около 200 человек, в Одессе более 100). Успех чекистов, возможно, объясняется тем, что Дзержинский дал слово отпустить

в Польшу всех агентов ПОВ, работавших на идеологической основе. После этого два резидента ПОВ – И. И. Добржинский и В. С. Стацкевич, имевшие левые убеждения, согласились работать на ВЧК. Они склонили своих сторонников сложить оружие. Дзержинский слово сдержал: из привлекавшихся к ответственности по делу ПОВ 1385 человек были освобождены под подписку, а под поручительство и т. п. – 852 человека. Более десятка из них стали кадровыми сотрудниками ВЧК и работали по линии контрразведки.

19 июля – 17 августа (с перерывами) 1920 г. в Петрограде и Москве прошел II конгресс Коминтерна. Под впечатлением успехов в Польше и Персии верх на нем одержали «левые» настроения, и коммунистическим партиям было предписано «ускорять революцию». 23 июля Ленин в шифрованной телеграмме Сталину писал: «Настроение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я, думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию»[882]. Со второй половины 1920 г. ИККИ становится одним из центров по подготовке военно-политических кадров для участия в будущих революциях и специальных операциях. В тот период при Коминтерне создается первая военная школа.

8 августа Малое бюро приняло решение создать вместо Особой комиссии по связи ИККИ Секретный отдел. Поскольку Кингисепп находился на подпольной работе в Эстонии, организация отдела была поручена Д. С. Бейко[883]. Главной задачей отдела являлось обеспечение конспиративных связей между штаб-квартирой Коминтерна и иностранными компартиями. Отдел осуществлял: переправку корреспонденции (документов, директив и т. п.); доставку денег и ценностей; переброску партийных функционеров и оружия из страны в страну и др. В большинство европейских стран, а также в Китай (Шанхай), Мексику и Ташкент (для работы в странах Востока) были направлены представители ИККИ. Решением Малого бюро от 11 ноября отдел получил название Конспиративный.

Однако замыслам руководителей РКП (б) и Коминтерна летом 1920-го не суждено было сбыться. 16 августа началось контрнаступление польских войск («чудо на Висле»), которое закончилось для Красной армии катастрофой. Поражение Советской России в Польской кампании было не только военным, но и политическим.

Польские рабочие и крестьяне поддержали не советских братьев по классу, а своих помещиков и капиталистов.

Ослабление Красной армии привело к тому, что лидерам РКП (б) и Коминтерна пришлось отказаться и от поддержки Персидской Советской Республики.

Военные действия в Персии (май – сентябрь 1920 г.) напоминали современную специальную операцию с ограниченным использованием Вооруженных сил РСФСР. Политической целью являлось уменьшение влияния Великобритании на Среднем Востоке путем создания Персидской Советской Республики. Задача реализовывалась с помощью местных партизанских формирований и специальных частей Красной армии, сформированных из мусульман Кавказа. Политическое руководство операцией осуществляли члены Кавказского бюро ЦК РКП (б) Г. К. Орджоникидзе, П. Г. Мдивани, А. И. Микоян. Многие командиры Красной армии и сотрудники ВЧК действовали под псевдонимами с учетом местной специфики, в том числе руководивший специальными боевыми операциями Я. Г. Блюмкин. Как и в Польше, несмотря на первоначальные успехи, реализовать экспорт революции не удалось.

Эти поражения заставили руководство РКП (б) принимать экстренные меры по реорганизации спецслужб. Для немецкоговорящих интернационалистов из Австрии, Германии, Венгрии и Чехословакии в Москве была открыта специальная партийная школа.

Первый набор (24 человека) прошел обучение в сентябре – октябре. Второй набор (60–100 человек) начал обучение 1 ноября. Преимущество отдавалось лицам, проявившим себя на партийной и военной работе. Начальником школы был Р. И. Гурко[884].

«Спартаковскую бригаду» переформировали в Особую школу красных командиров, которая впоследствии стала источником кадрового резерва для Коминтерна и военной разведки. Первым начальником школы назначен О. Оберт. Лучшие кадры из польских подразделений были сведены в Стрелковую бригаду красных коммунаров, ставшую кузницей кадров для польской линии ИККИ и разведки. Финские коммунисты проходили подготовку на Петроградских финских пехотных курсах, а затем в составе Интернациональной военной школы, также курировавшейся ИККИ. Руководил школой А. А. Инно[885].

В этот период было принято специальное постановление о работе разведки. В нем говорилось: «Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время Польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу. Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой

мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов…»[886].

В сентябре 1920 г. очередную реорганизацию претерпела военная разведка. В «Положении о Региструпре» указывалось, что данное управление является самостоятельным органом стратегической агентурной разведки глубокого типа. Оно стало центральным органом управления для подведомственных органов агентурной разведки штабов (округов, фронтов, отдельных действующих армий), которые не входили в состав фронтовых войсковых соединений. В составе Региструпра был сформирован Оперативный отдел, который возглавил Я. К. Берзин (П. Кюзис). В конце 1920 г. в борьбе Троцкого и Дзержинского за контроль над спецслужбами разведка стала очередным яблоком раздора.

Заседание Коллегии ВЧК, 1919 или 1920 г. Сидят (слева направо): 2-й – В. В. Фомин, 4-й – Я. Х. Петерс, 5-й – Ф. Э. Дзержинский, 6-й – И. К. Ксенофонтов, 7-й – М. Я. Лацис. Стоят (слева направо): 1-й – С. А. Мессинг, 3-й – С. Ф. Реденс, 4-й – А. Я. Беленький, 5-й – К. М. Волобуев, 8-й – И. И. Скворцов-Степанов (из фондов РГАСПИ)

Заседание Коллегии ОГПУ, 1922 г. 1-й (слева направо) – Г. Г. Ягода, 2-й – С. А. Мессинг, 3-й – Я. Х. Петерс, 4-й – И. С. Уншлихт, 5-й – А. Я. Беленький, 6-й – Ф. Э. Дзержинский, 7-й – В. Р. Менжинский, 8-й – Г. И. Бокий, 9-й – А. Х. Артузов, 10-й – Г. И. Благонравов (из фондов РГАСПИ)

11 ноября было принято постановление Совета Труда и Обороны о подчинении Регистрационного управления не только командованию Красной армии, но и ВЧК на правах отдела и о включении начальника управления в Коллегию ВЧК с правом решающего голоса. В постановлении указывалось, что назначение и увольнение начальника производится по согласованию между РВСР и ВЧК. Троцкому удалось отстоять независимость военной разведки, и постановление (в части включения Региструпра в состав ВЧК) не было выполнено. 20 декабря Иностранный отдел Особого отдела ВЧК реорганизовали в самостоятельный Иностранный отдел, курировавшийся начальником Особого отдела В. Р. Менжинским[887]. Приказ № 169 гласил:

«1. Иностранный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный отдел ВЧК. <…>

4. Врид. начальника Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов[888].

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна производить только через Иностранный отдел»[889].

Таким образом, приказом Дзержинского Иностранный отдел ВЧК (внешняя разведка) официально утверждался в качестве партнера Коминтерна в области нелегальной работы за рубежом.

В 1920 г. охрану руководителей государства в Доме Союзов стали нести сотрудники Московской чрезвычайной комиссии. В.

И. Фридман был одним из чекистов, пришедших в охрану с оперативной работы. Он вспоминал, что Ленин «терпел нас скрепя сердце» и не всегда следовал советам охраны: например, мог выйти из здания не из того выхода, который был ему рекомендован. Подвижный отряд охраны в таких случаях осуществлял передислокацию с участка на участок в экстренном порядке. Участник состоявшегося в декабре 1920 г. совещания председателей губернских исполкомов Б. М. Волин вспоминал: «Когда я вышел на улицу и стал спускаться ощупью к Моховой, чтобы затем пойти налево, к 1-му Дому Советов (гостиница „Националь“), я вдруг на самом углу, впереди себя, к моему изумлению, увидел Владимира Ильича. Ему как-то удалось незаметно одному уйти с собрания»[890].

В конце года обострился вопрос с соблюдением конспирации при шифрованных телеграфных и радиопереговорах. Еще в августе 1920 г. британская газета «Таймс» опубликовала несколько перехваченных и расшифрованных советских телеграмм. 19 декабря М. В. Фрунзе[891] представил в Москву доклад, в котором сообщал о допросе бывшего начальника врангелевской радиостанции в Севастополе Ямченко. Из показаний Ямченко следовало, что абсолютно все советские шифры – вследствие их примитивности – разгадываются противником. Фрунзе полагал, что враги РСФСР, особенно Англия, все это время были в курсе многих советских военных и дипломатических секретов. Этот и другие, ранее названные нами факты (начиная с поражения в Польше) стимулировали усиление конспирации в деятельности спецслужб РСФСР и Коминтерна, в первую очередь тех структур, которые планировали и организовывали этапы «мировой революции» в различных странах.

5 января 1921 г. для обслуживания первых лиц государства был создан специальный Транспортный отдел (гараж). Он размещался в Кремле недалеко от Боровицких ворот. Гараж вел свою историю от гаража Николая II. Личный шофер последнего императора А. Кегресс передал 45 автомобилей по описи Временному правительству. В октябре 1917 г. уже 62 автомобиля из этого гаража перешли под контроль Петроградского военно-революционного комитета, а затем находились в распоряжении ВЦИК. После переезда советского правительства в Москву большинство автомобилей из гаража ВЦИК последовали за хозяевами. Первым начальником гаража был С. К. Гиль, кроме него Ленина возили Л. Т. Горохов, П. С. Космачев и В. И. Рябов.

Для координация деятельности оперативных подразделений 14 января 1921 г. в составе ВЧК создается Секретно-оперативное

управление под руководством В. Р. Менжинского. В его состав вошли Особый (В. Р. Менжинский), Секретный (Т. П. Самсонов), Оперативный (Б. М. Футорян), Иностранный (Р. П. Катанян) и Информационный (с 10 апреля, И. Н. Стуков) отделы. На Особый отдел возлагалась контрразведка в Вооруженных силах, на Секретный – выявление и борьба с антисоветской деятельностью монархистов, кадетов, меньшевиков, эсеров и т. п. элементов. Оперативный отдел занимался наружным наблюдением и установкой фигурантов розыска, Иностранный – внешней разведкой, Информационный обеспечивал партийно-советское руководство информацией о политическом и экономическом положении страны.

В том же месяце по личному распоряжению Ленина создан Специальный (шифровальный) отдел ВЧК, который возглавил член РСДРП с 1900 г. Г. И. Бокий[892] С мая отдел стал называться Спецотделом при ВЧК, а его руководитель получил право самостоятельного доклада высшему политическому руководству государства. Одним из наиболее законспирированных направлений деятельности отдела были исследования по паранормальным явлениям, восточным мистическим культам и т. п. В 1990-х гг. в печати появились сообщения о том, что Бокий по заданию Ленина осуществлял сбор компрометирующей информации на руководителей Советской России. Этот «банк данных» называют «Черной книгой» Бокия.

Усиление конспирации в деятельности Коминтерна началось с того, что в начале января 1921 г. в его структуре была создана секретная лаборатория по изготовлению фальшивых иностранных паспортов, виз и тому подобных документов. Эта лаборатория была в подчинении Отдела международной связи (ОМС), как в январе стал называться Конспиративный отдел. Во второй половине января за границу (в Австрию и Германию) была направлена первая группа выпускников партийной школы Коминтерна. Центральное бюро немецких секций при ЦК РКП (б) ходатайствовало перед ИККИ о выдаче отъезжающим иностранной валюты в сумме 5000 крон на австрийца и 1000 марок на немца. С учетом инфляции в Австрии и Германии суммы более чем скромные.

Улучшение конспирации произошло в работе курьерской службы Коминтерна, ее почта стала перевозиться дипломатическими курьерами. Согласно международной конвенции багаж дипкурьеров не подлежал досмотру, они имели право иметь при себе огнестрельное оружие и, применяя его, находились под защитой закона. Внутри РСФСР лица, перевозящие грузы по военным литерам, также не подлежали

досмотру и имели право приоритетного проезда по железным дорогам Советской Республики. Пересылка печатных и других материалов без всяких исключений осуществлялась Отделом международной связи.

Эмиссары ОМС выполняли двойную задачу: обеспечивали конспиративность в деятельности Коминтерна внутри РСФСР и способствовали внедрению в практику работы зарубежных компартий конспиративных методов, использовавшихся членами российских революционных партий еще в царское время. Это было связано с тем, что большинство компартий не имело собственного опыта нелегальной работы. Пункты связи (резидентуры) были отделены от аппаратов компартий и подчинялись непосредственно отделу. В начале 1921 г. на Запад было проложено несколько курьерских маршрутов, основные из которых шли через Мурманск, Ревель (Таллин), Ригу и Одессу.

Параллельно с нелегальной деятельностью Коминтерна по организации «полевых революций» схожей нелегальной работой занималась и военная разведка Красной армии. Уже в начале 1921 г., размышляя об итогах Гражданской войны, М. В. Фрунзе назвал действия партизан важнейшим видом борьбы с хорошо вооруженным противником. В статье «Единая военная доктрина и Красная армия» он писал: «Опыт нашей Гражданской войны в этом отношении дает нам богатейший материал. Действия партизанов в Сибири, борьба в казачьих областях, „басмачество“ в Туркестане, „махновщина“ и вообще бандитизм на Украине и проч. представляют необъятное поле для изучения и получения соответствующих обобщений теоретического порядка. Но обязательным условием плодотворности этой идеи „малой войны“ является заблаговременная разработка плана ее и создание всех данных, обеспечивающих успех ее широкого развития. Поэтому одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи „малой войны“ в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас»[893].

В марте 1921 г. на X съезде РКП (б) отмечалось крайнее обострение ситуации в стране. В связи с этим было решено принять меры к укреплению отрядов особого назначения: реорганизовать штаты, повысить боевую выучку, улучшить вооружение и, кроме того, привлекать кадры чоновцев к изучению пулеметного, автоброневого и артиллерийского дела. Отбор кандидатов в ЧОН изначально осуществлялся с точки зрения политической благонадежности, а с мая 1919 г. – только из коммунистов, преимущественно с дореволюционным стажем. В июле 1921 г. Реввоенсовет постановил: выделить Части особого

назначения из состава Всевобуча; для их укрепления направить лучшие кадры командного состава из Красной армии. 24 марта было принято новое Положение об отрядах особого назначения РСФСР (это Положение вы найдете в конце главы).

Для борьбы с внутренними врагами советской власти 1 апреля 1921 г. сформирован Отряд особого назначения (ОСНАЗ) при Президиуме ВЧК, который возглавил И. П. Климов. Отряд состоял из пехотного батальона 3-ротного состава, кавалерийского эскадрона и пулеметной команды. В октябре того же года он был усилен бронеотрядом ВЦИК им. Я. Свердлова, в результате чего возросла огневая мощь и повысилась мобильность. Основной целью деятельности отряда являлась «защита завоеваний революции»; чаще всего ОСНАЗ выполнял оперативные задания руководства ВЧК, в том числе в режиме немедленного реагирования. Его бойцы охраняли государственные учреждения, лидеров партии и правительства (в том числе В. И. Ленина), а также участвовали в обеспечении общественного порядка.

Весной 1921 г. началась отработка теории и практики партизанской войны на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. По линии Разведывательного управления Красной армии осуществлено формирование и переброска в эти районы отрядов боевиков для организации массового вооруженного сопротивления польским властям. Предполагалось, что эти отряды станут центрами всенародного партизанского движения на оккупированных белорусских и украинских землях. Политической задачей являлось воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с Россией. Скорее всего, операции на этих территориях были поручены спецслужбам РСФСР, а не Коминтерну потому, что руководство РКП (б) и СНК изначально считало их временно оккупированными территориями советских Украины и Белоруссии. Но при этом между высшим руководством РВСР, РУ РККА, ВЧК и ИККИ осуществлялась координация нелегальной деятельности на территории Польши. Кадры партизанских отрядов составляли боевики левых польских партийных организаций, которые находились под контролем структур Коминтерна.

Приказом Реввоенсовета Республики № 785/141 от 4 апреля введены штат и «Положение о Разведывательном управлении Штаба РККА». Перед управлением ставились следующие основные задачи: организация стратегической агентурной разведки в иностранных государствах и организация активной разведки в тылу противника в зависимости от международного положения. Под термином «активная разведка» в те годы скрывались силовые

(диверсионно-террористические) методы, использовавшиеся при захвате «языков», парализации коммуникаций и деморализации войск и командования противника. К лету 1921 г. партизанское движение в Польше разворачивалось на территории Владимир-Волынского, Дубновского, Ковельского, Острожского, Ровенского и Сарненского уездов. Операции «активной разведки» Разведупра в Польше были тщательно законспирированы, в том числе от пограничников и местных органов ВЧК – ГПУ – ОГПУ. Режим особой секретности был обусловлен тем, что по условиям Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. между РСФСР и Польшей стороны обязались не создавать и не поддерживать организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой стороной.

Немаловажное значение имело научное осмысление предшествовавшего боевого опыта, теории и практики партизанской войны и специальной боевой подготовки. Уже в августе 1918 г. приказом наркомвоенмора для изучения и использования опыта Первой мировой войны образована Военно-историческая комиссия под председательством генерала от инфантерии В. Н. Клембовского, который еще в царское время являлся сторонником партизанских действий, ведущихся с инициативой от армии. Его книга «Партизанские действия» издавалась в ходе Гражданской войны трижды. Первый раз Военным отделом ВЦИК (!) в 1918 г. с подзаголовком «Руководство». Затем в первой половине 1919 г. с подзаголовком «Опыт руководства» и во второй половине 1919 г. с подзаголовком «Исследование».

Ф. Э. Дзержинский и А. Я. Беленький просматривают карты, 1921 г. (из фондов РГАСПИ)

Выходили труды иностранных авторов, например работа генерала Балка «Малая война» (1919 г.). В этой связи нельзя обойти молчанием роль Л. Д. Троцкого, который резко критиковал военачальников, оппозиционно настроенных в отношении использования науки для военного строительства и вооруженной борьбы. Возражая советским командирам, утверждавшим, что маневренную тактику ведения войны ввела Красная армия, он указывал, что маневренную войну вели и белые, а кавалерийским рейдам красных научил К. К. Мамонтов[894]. Дискуссии в печати по военным вопросам в то время были обычным явлением.

2 мая 1921 г. Отдел международной связи возглавил И. А. Пятницкий[895]. Сотрудник аппарата Коминтерна И. М. Бергер вспоминал: «У руководителей, как РКП (б), так и Коминтерна, было твердое убеждение, что объективно назревала мировая революция, что победа пролетариата может быть осуществлена быстрее и легче, чем в России. Если Пятницкий накануне Первой мировой войны организовал массовый перевоз большевистской литературы с Запада на Восток, из Лейпцига в Питер и Москву, имея в своем распоряжении ограниченные средства, а против себя всю мощь царского аппарата, то теперь, в двадцатые годы, ему предстояло направлять поток большевистской пропаганды с Востока на Запад, с Моховой, что возле Кремля, на заводы

Гамбурга, Берлина, Глазго, Турина и в другие места. Это казалось тогда гарантией победы мировой революции»[896].

И. А. Пятницкий (Таршис) в 1906 и 1931 г. (из фондов РГАСПИ)

4 мая на заседании Политбюро ЦК РКП (б) обсуждались вопросы взаимодействия Наркомата иностранных дел и Коминтерна по поводу использования дипломатических курьеров для перевозки документов III Интернационала и нелегальной литературы. Постановили, что перевозка нелегальной литературы дипкурьерами может осуществляться только с личного разрешения управляющего делами СНК Н. П. Горбунова. Использование аппарата НКИД в интересах Коминтерна разрешалось с соблюдением строжайшей конспирации, чтобы не «засветить» аппарат НКИД. 14 мая послам, ответственным работникам диппредставительств и дипкурьерам запретили вести нелегальную работу.

В центральном аппарате ОМС создаются четыре сектора: шифровки, передачи (связи), финансов и учета (технический). Сектор шифровки обеспечивал шифровку и дешифровку корреспонденции и взаимодействовал со Спецотделом при ВЧК. Сектор связи осуществлял непосредственное прохождение документов по каналам отдела. Финансовый сектор занимался вопросами нелегального финансирования и бухгалтерского учета, технический – ведал вопросами изготовления фальшивых и приобретения настоящих документов и снабжения ими работников Коминтерна и иностранных компартий.

Понимая роль военно-технической мысли, в августе 1921 г. В. И. Ленин подписал документы о создании Особого технического бюро по военным изобретениям специального назначения (Остехбюро). Руководителем новой организации стал В. И. Бекаури[897], в его работе принимали участие выдающиеся ученые и инженеры: П. В. Бехтерев, М. П. Беклемишев, И. П. Граве, Ф. В. Щукин и др. Ввиду особой секретности Остехбюро о тематике его работы знал ограниченный круг лиц из высшего руководства страны и командного состава Красной армии. Научно-исследовательская работа бюро в интересах армии, авиации и флота носила комплексный характер: баллистика, воздухоплавание, взрывчатые вещества, минное и торпедное дело, счетно-решающие устройства. Одним из направлений деятельности бюро была разработка специальных видов вооружений для ведения партизанской войны и осуществления диверсионных операций.

Во время Гражданской войны на вооружении отдельных специальных подразделений состояло ружье-пулемет конструкции В. Г. Федорова, производство которого восстановлено в 1920 г. в г. Ковров. Одним из первых советских военачальников оценил потенциальные возможности компактного автоматического оружия М. В. Фрунзе, командовавший в тот период Южным фронтом. Несколько экземпляров автоматов было у бойцов 1-го Автобоевого отряда ВЦИК и у сотрудников охраны Ленина. Начальник Высшей стрелковой школы Н. М. Филатов (именно он ввел в употребление термин «автомат») в 1922 г. писал: «Сведения с фронтов о боевом употреблении автоматов в составе команд получились весьма благоприятные, при условии снабжения команд запасными автоматами и хорошо обученной подготовленной прислугой»[898]. До 1925 г. было изготовлено свыше 3000 автоматов, которые состояли на вооружении Московского полка Пролетарской дивизии до 1928 г.

Сотрудничество спецслужб РСФСР и Коминтерна регламентировалось инструкцией от 8 августа 1921 г.,

подписанной от ВЧК – И. С. Уншлихтом, от Разведупра РККА – А. Я. Зейботом[899], от Коминтерна – Г. Е. Зиновьевым и И. А. Пятницким. В инструкции говорилось:

«1. Представитель Коминтерна не может в одно и то же время быть и уполномоченным ВЧК и Разведупра. Наоборот, представители Разведупра и ВЧК не могут выполнять функции представителя Коминтерна в целом и его отделов.

2. Представители Разведупра и ВЧК ни в коем случае не имеют права финансировать за границей партии или группы. Это право принадлежит исключительно Исполкому Коминтерна.

Примечание: НКИД и Внешторгу также не дается право без согласия ИККИ финансировать заграничные партии.

Представители ВЧК и Разведупра не могут обращаться к заграничным партиям и группам с предложением об их сотрудничестве для Разведупра и ВЧК.

3. Разведупр и ВЧК могут обращаться за помощью к ком[мунистическим] партиям только через представителя Коминтерна.

4. Представитель Коминтерна обязан оказывать ВЧК, Разведупру и его представителям всяческое содействие»[900].

26 августа в ИККИ принимается решение упразднить Военную школу при Коминтерне. Ее лучшие курсанты поступали в распоряжение РВС РСФСР. Пятницкому поручалось подготовить план обучения в России основам нелегальной работы небольшого количества лучших заграничных коммунистов. В тот же день ЦК РКП (б) утвердил новое Положение о Частях особого назначения РСФСР (вы также найдете его в конце главы), в котором определялись организационные, административные, хозяйственные и правовые вопросы. А через два месяца для личного состава кадров ЧОН разработали совершенно секретную памятку.

Весь личный состав ЧОН подразделялся на кадровый (находившийся на службе в Красной армии) и переменный. Переменный состоял из комсомольцев и коммунистов в возрасте от 17 до 55 лет; комсомольцы 14–17 лет числились в Частях особого назначения на особом учете и привлекались для ведения разведки и организации связи; женщины привлекались для военно-вспомогательных задач. Переменный состав периодически призывался для учебных сборов или для выполнения боевых заданий, для него вводились три очереди призыва: 1-я очередь – коммунисты, пригодные к несению службы в ЧОН, могущие по первому требованию встать в строй (основная боевая сила ЧОН); 2-я очередь – коммунисты и комсомольцы, служебные обязанности которых не позволяли им немедленно встать в ряды

ЧОН (резерв); 3-я очередь – коммунисты и комсомольцы, находившиеся в рядах Красной армии, на службе в органах ВЧК и милиции, а также те, кто мог привлекаться в ЧОН лишь в исключительных случаях. Таким образом, была создана стройная система призыва специальной партийной гвардии для учебы или выполнения особых поручений. Она подразумевала мгновенное переподчинение особого контингента из компетенции РККА в компетенцию партийного руководства. В условиях того неспокойного времени – шаг очень показательный и смелый, особенно если учесть, что в критической ситуации в состав ЧОН призывались коммунисты и комсомольцы, находившиеся в рядах Красной армии.

В 1921 г. в Финляндии началась подготовка к вооруженному восстанию против Карельской трудовой коммуны. Пользуясь малочисленностью советских пограничных частей, финские отряды неоднократно вторгались на территорию Карелии и проникали до железной дороги Мурманск – Петрозаводск. В сентябре очередной финский отряд перешел границу на ребольском направлении. В октябре в Тунгудской волости создан подпольный «Временный Карельский комитет», начавший формирование партизанских отрядов. Карельские партизаны (около 3000 человек, из них 500 человек – белофинны) захватили значительную часть Северной Карелии. Они обратились за поддержкой к правительству Финляндии. 6 ноября финские войска вторглись на территорию РСФСР. Началась вторая советско-финляндская война. К концу декабря финские отряды общей численностью до 6000 человек вышли на линию Кестеньга – Суомусалми – Руг-озеро – Паданы – Порос-озеро.

На территории Карелии и Мурманского края было введено военное положение и проведена мобилизация коммунистов. 4 декабря 1921 г. от Российского бюро ЦК КПФ в ЦК РКП (б) направляется предложение по организации из финнов и карел лыжных партизанских отрядов. Реввоенсовет РСФСР поставил перед командованием Карельского фронта задачу: закрыть финскую границу, отрезать противнику пути отхода и уничтожить его. Были созданы три тактически самостоятельные войсковые группы, наносящие удары с севера, с юга и с востока. План разгрома противника предусматривал создание специального лыжного отряда для осуществления рейда по финским тылам по маршруту ст. Масельская – Реболы – Кимас-озеро. Перед отрядом ставилась задача уничтожить штаб группировки противника, встречающиеся по пути следования белофинские отряды, а также материальные запасы.

Красный партизанский отряд (батальон) в составе

пулеметной и двух стрелковых рот сформировали из добровольцев – курсантов Петроградской Интернациональной военной школы в начале января 1922 г. Командир батальона А. А. Инно, комиссар Г. С. Ровио[901], начальник штаба Ф. Ф. Машеров. Командование имело две карты-двухверстки Карелии, составленные в 1920 г. Все добровольцы (215 человек) прошли тщательный медицинский осмотр и получили новое обмундирование: шлемы, полушубки, ватные штаны, валенки, лыжи и маскхалаты. На вооружении батальона состояло 12 ручных пулеметов (из них 6 пулеметов Мехжадсена и 6 пулеметов Шоша), винтовки Мосина и, что крайне важно, автоматы Федорова.

9 января 1922 г. в деревне Паданы из состава батальона был выделен рейдовый отряд в составе 136 человек, вооруженных автоматами и шестью ручными пулеметами, во главе с командиром пулеметной роты Т. Антикайненом[902]. Он лично отбирал каждого бойца, особое внимание обращалось на физическое состояние и лыжную подготовку. Оружие, патроны, гранаты и запас продовольствия на 15 дней весили около 25 килограммов, а у пулеметчиков – около 35 килограммов на каждого бойца. Для обеспечения рейда были составлены схемы по планам местных лесничеств. Большинство курсантов участвовали в финляндской революции и имели опыт боев Гражданской войны как в Финляндии, так и в России. По национальному составу это были в основном финны и карелы, по возрасту – от 22 до 26 лет. Второй отряд во главе с А. А. Инно в составе 79 человек при 6 пулеметах и обозе обеспечивал безопасность рейдового отряда с фланга. Во второй половине февраля 1922 г. рейд отряда Т. Антикайнена был удачно завершен.

В целом успеху разведывательных и специальных операций, проводившихся по линии военной разведки, ВЧК, Коминтерна и партийных структур РКП (б) во время Гражданской войны, способствовали следующие факторы: колоссальный опыт нелегальной работы, наличие хорошо подготовленных кадров, имевших практические навыки боевой подпольной работы; четко сформулированная позиция высшего военно-политического руководства РСФСР на развертывание широкого партизанского движения, неуклонно и твердо проводившаяся в жизнь; объединение усилий партийных, военных и гражданских властей при проведении специальных операций и организация координирующих центров; использование знаний и опыта военных специалистов, перешедших на сторону советской власти. Можно утверждать, что партизанская война против Белой гвардии и интервентов являлась частью системы боевых действий,

подчиненных стратегическим планам военно-политического руководства Советской России. Она велась в сочетании с традиционными методами вооруженной борьбы, во взаимодействии партизан, а также специально подготовленных разведывательных, агитационных и боевых групп с армейскими частями.

Противниками красных не было выполнено одно из главных условий, обеспечивающих успех специальных операций: управление и координация из единого центра при подчинении единой задаче. Это происходило в силу того, что лидеры Белого движения не только боролись с красными, но и выясняли далеко не простые отношения друг с другом – как личные, так и политические, ориентировались на разных покровителей в странах Антанты. Все это не способствовало объединению усилий в области тайной войны. А ведь на сторону белых перешла основная часть военных специалистов заграничных резидентур Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба, сотрудников Отдельного корпуса жандармов и Особого отдела Департамента полиции, владевших навыками разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работы.

Кроме того, против красных активно действовали эсеры, анархисты и другие политические силы, имевшие не меньший, чем большевики, опыт подпольной работы и участия в террористической деятельности. Однако неприязнь между монархистами из Белой гвардии и республиканцами из антибольшевистских организаций была столь сильной, что не позволила консолидировать усилия в борьбе с общим противником. Так, один из лучших организаторов боевой нелегальной работы того времени Б. В. Савинков после провала переговоров с руководством Белого движения создал собственную организацию – «Союз защиты родины и свободы». Члены некоторых антибольшевистских организаций, действовавших под лозунгом «Советы без коммунистов!», совершали боевые операции и вели пропаганду как против красных, так и против белых.

Ф. Э. Дзержинский принимает парад войск ОГПУ на Красной площади в Москве 20 декабря 1922 г. В группе (слева направо): 3-й – А. Я. Беленький, 5-й – Я. Х. Петерс, 6-й – П. А. Богданов, 7-й – Ф. Э. Дзержинский, 8-й – И. С. Уншлихт, 9-й – В. А. Герсон (из фондов РГАСПИ)

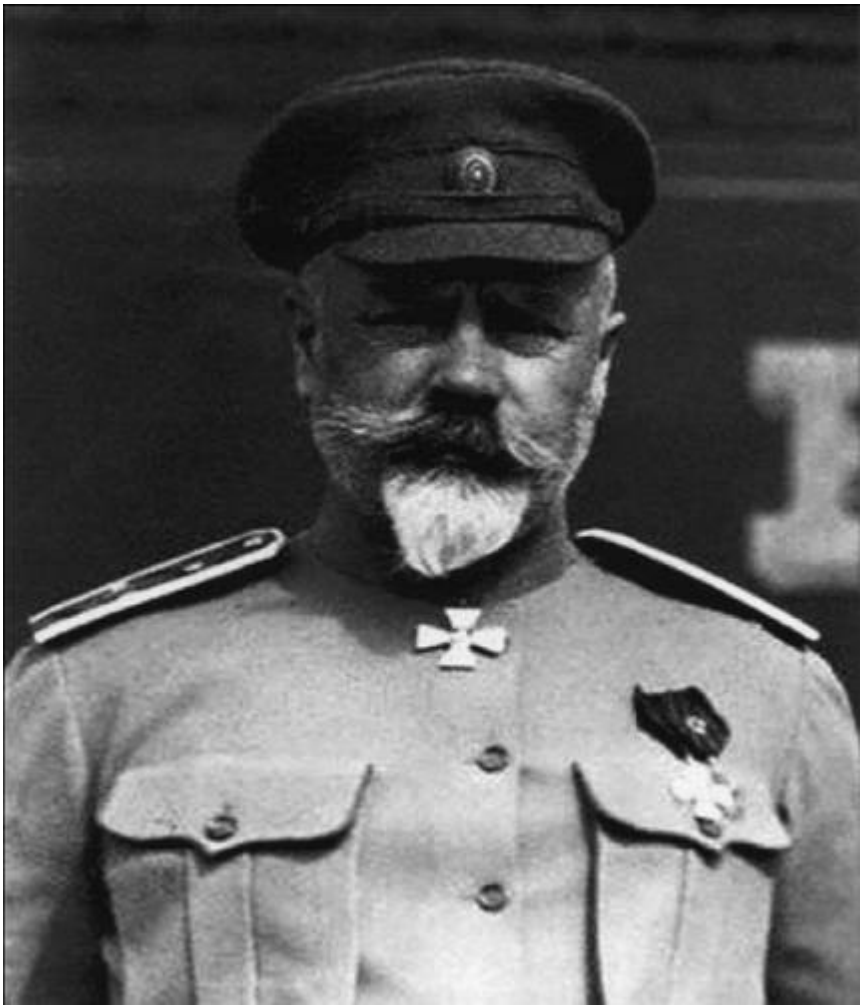
Спецслужбы интервентов также действовали разобщенно, зачастую конкурировали, поскольку были вынуждены учитывать экономические и политические разногласия между правительствами своих стран. До капитуляции Германии осенью 1918 г. главной задачей спецслужб стран Антанты было противодействие их кайзеровским «коллегам». В итоге личные и политические противоречия вождей Белой гвардии, руководителей антибольшевистских организаций и резидентов иностранных спецслужб возобладали над интересами дела. Разногласия между ними умело использовало политическое руководство РСФСР, что позволяло красным производить маневр, концентрируя силы и средства на наиболее угрожаемых в данный момент направлениях.

В период Гражданской войны в тылу основных воюющих сторон действовали различные сепаратистские группировки, отряды «зеленых», дезертиров и просто бандитов. Численность не признававших никакой власти «лесных армий» достигала нескольких тысяч человек, по штатам и вооружению они были сопоставимы с крупными армейскими частями. Подобные группировки широко использовали тактику засад, налетов и партизанских рейдов: их методы были военно-диверсионными. В результате и белые, и красные приобрели большой опыт создания ложных партизанских отрядов, проведения противоповстанческих

(карательных) операций, а также специальных мероприятий по разложению бандформирований. В некоторых случаях военно-политическому руководству Советской России в результате специальных мероприятий удавалось привлечь на свою сторону крупные силы «повстанцев» (например, армию Н. И. Махно) для действий против войск А. И. Деникина и П. Н. Врангеля.

Во время Гражданской войны как красные, так и белые партизанские отряды, подпольные организации выполняли следующие основные задачи: добывание информации, осуществление боевых операций и проведение агитации среди населения и войск противника.

Таким образом, в 1918–1921 гг. получила практическое подтверждение тенденция объединения разведывательных, диверсионных и психологических аспектов специальных операций в тылу противника. Специальные операции, осуществленные по распоряжению высшего руководства РСФСР, стали одним из факторов, способствовавших достижению комплексного военно-политического успеха.



А. И. Деникин

Утверждено ЦК РКП (б)
Совершенно секретно

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОТРЯДАХ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ РСФСР

I. Общие положения

1. На органы Отрядов особого назначения возлагается:

а) учет коммунистов, кандидатов РКП и членов РКСМ, зачисленных и подлежащих зачислению в Отряды особого назначения;

б) военное обучение коммунистов и совершенствование их в военном искусстве, в частности для занятия командно-инструкторских должностей.

2. Зачислению в Отряды особого назначения подлежат члены РКП и кандидаты РКП и члены РКСМ обоего пола в возрасте от 17 до 60 лет.

Примечания:

1) Члены РКСМ, не достигшие 17-летнего возраста, состоя на учете при Отрядах особого назначения, по мере надобности приглашаются для вспомогательной службы (разведывательной, связи и санитарной).

2) Состоящие в отряде женщины привлекаются преимущественно к несению вспомогательной и нестроевой службы (связи, санитарной, канцелярской и по снабжению).

К несению строевой службы женщины могут привлекаться лишь при изъявлении желания нести таковую.

3) Состоящие в частях Кр. армии и милиции, в пожарных частях и органах ВЧК зачисляются в Отряды особого назначения на особых основаниях, согласно специальной инструкции.

3. Не подлежат зачислению в Отряды особого назначения:

а) освобожденные по медицинскому освидетельствованию как годные к несению строевой и нестроевой службы,

б) освобожденные персонально по роду занятий и занимаемой должности ответственные работники советских учреждений,

в) женщины по семейному положению.

Примечание I. Освобожденные персонально по роду

занятий и по занимаемой должности состоят при Отрядах особого назначения на особом учете и образуют II очередь призыва в Отряды особого назначения, призываемые в исключительных случаях серьезной опасностью. Части второй очереди формируются и обучаются на общих основаниях со всеми Отрядами особого назначения, второочередные части отличаются от первоочередных по порядку призыва и распределению часов обучения. О необходимости формирования частей II очереди, о числе, составе районов, о комплектовании и порядке подчинения решает Начальник отряда особого назначения губернии по соглашению с губкомом РКП.

4. Освобождение от зачисления в Отряды особого назначения по состоянию здоровья дается медицинскими комиссиями, а по роду занятий и занимаемой должности Особыми комиссиями, назначаемыми местными парткомами.

5. Ввиду милиционного характера Отрядов особого назначения личный состав отрядов особого назначения разделяется на а) состоящих в кадрах Отрядов особого назначения (кадровые) и б) состоящих в списках отрядов Особого назначения (не кадровые, милиционные).

6. Кадровый состав числится на действительной военной службе на основаниях, одинаковых с Красной армией.

7. Милиционный состав Отрядов особого назначения, числясь в списках частей, продолжает свою обычную по месту службы работу (на фабриках, заводах и в советских учреждениях), освобождаясь от нее в часы обучения, на время учебных сборов, во время сборов по тревоге и при мобилизации.

8. Милиционный состав Отрядов особого назначения не освобождается от призыва по общей и партийной мобилизации.

9. При выполнении служебных обязанностей, сборов для обучения, по мобилизации или по тревоге члены Отрядов особого назначения во всех отношениях подчиняются своим прямым начальникам, согласно положения воинских уставов, принятых в Красной армии.

10. Входящие в состав Отрядов особого назначения за нарушение по службе, с момента объявления сборов, подлежат дисциплинарному взысканию на одинаковых основаниях с Красной армией.

11. Организация и управление Отрядами особого назначения

11. Высшим политическим руководителем Отрядов особого назначения РСФСР является совет в составе: члена Центрального комитета РКП, начальника Отрядов особого назначения Республики, представителя ВЧК и представителя Реввоенсовета Республики.

12. Общее руководство по организации, обучению и снабжению Отрядов особого назначения принадлежит начальнику Отрядов особого назначения Республики.

13. Назначение начальника Отрядов особого назначения Республики проводится приказом РВСР.

14. Начальник Отрядов особого назначения осуществляет руководство учетом, формированием, комплектованием, мобилизацией, снабжением, обучением, несением службы Отрядов особого назначения на местах в общем порядке, установленном для Красной армии: а) в военных округах через командующих войсками округа, которым подчинены Отряды особого назначения округа, б) в губерниях – через начальников Отрядов особого назначения губернии.

15. Назначение начальников отрядов особого назначения в губерниях проводятся приказом начальника Отрядов особого назначения Республики.

16. Начальники Отрядов особого назначения губернии ведают: формированием кадров Отрядов особого назначения, учетом коммунистов, кандидатов РКП и членов РКСМ, зачисленных в Отряды особого назначения, военным обучением коммунистов и совершенствованием их в военном искусстве, в частности для занятия командно-инструкторских должностей, формированием Отрядов особого назначения, несением службы, мобилизацией и снабжением.

Начальник Отрядов особого назначения губернии пользуется правами помощника губвоенкома.

17. В городах и промышленных пунктах, в зависимости от числа членов РКП, кандидатов РКП и членов РКСМ, формируются отдельные полковые, батальонные, ротные, взводные кадры Отрядов особого назначения, согласно особым прилагаемым штатам.

18. Командиры кадров Отрядов особого назначения производятся приказом команд. войсками округа.

19. Формирование Отрядов особого назначения проводится, как правило, по территориальному принципу из коммунистов, объединенных совместной работой на заводе, фабрике или в учреждении.

20. Отрядам особого назначения придается организация регулярных частей согласно штатам и положениям Раб. Кр. Красной армии.

21. Некадровый состав Отрядов особого назначения может переводиться на казарменное положение только по особому распоряжению.

22. Для более тесной связи отрядов особого назначения при губернских и уездных партийных Комитетах создаются губернские и уездные советы в составе секретаря компарта, начальника отрядов особого назначения или коммунистического кадра и представителя ЧК и губ. или уездвоенкома.

23. Совет, не вмешиваясь в технические распоряжения комсостава Отряда особого назначения, следит за состоянием Отрядов особого назначения, поднятием боеспособности и недопущением уклонений от службы в Отрядах особого назначения.

III. Мобилизация

24. Мобилизация Отрядов особого назначения объявляется Советом Отрядов особого назначения Республики или губернии по соответствию[903].

Утверждено ЦК РКП (б)
Совершенно секретно
26 августа 1921 г.

ПОЛОЖЕНИЕ О ЧАСТЯХ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ РСФСР[904]

I. Общие положения

1. ЧОН существуют на основании постановлений ЦК РКП как боевая сила пролетарской революции.

2. ЧОН формируются из членов РКП, кандидатов РКП и членов РКСМ, в границах губерний и городов Республики призываются в порядке мобилизации.

3. Весь состав ЧОН по строению своему разделяется на кадровый и милиционный:

а) Кадровый состав числится на действительной военной службе, состоит на всех видах довольствия в Красной армии и может комплектоваться не по территориальному признаку.

б) Милиционный состав числится на учете, периодически призывается для отбытия учебных сборов и систематически проходит занятия, не лишаясь своей обычной службы в местных предприятиях и учреждениях.

4. При выполнении службы в ЧОН все зачисленные в части во всех отношениях подчиняются своим прямым начальникам согласно положения воинских уставов, принятых в Красной армии, и несут ответственность по службе согласно этим уставам.

5. Кадровый состав подлежит партвоенмобилизации по нарядам Пур'а. Милиционный состав отбывает партвоенмобилизацию в общем порядке. Исполнение по тем и другим нарядам возлагается на Штабы ЧОН.

II. Состав частей ЧОН

1. Все члены РКП, кандидаты РКП и члены РКСМ в возрасте от 17 до 55 лет зачисляются в одну из очередей призыва для несения службы в ЧОН.

2. ЧОН формируются но типу армейской организации, причем (в зависимости от местных условий) они или существуют как отдельные взводы, роты, батальоны, или же сводятся в более крупные соединения распоряжением высших Штабов.

3. Все подлежащие зачислению в ЧОН разделяются на три очереди призыва.

III. Очереди призыва

1. Первая очередь призыва есть основная боевая сила ЧОН, организуемая применительно к уставам и положениям, принятым в Красной армии.

Первая очередь призыва составляется из таких строевых единиц, в ряды которых зачислены лица: а) вполне пригодные к несению службы в ЧОН (прошедшие медкомиссии) и б) могущие по первому требованию явиться в строй.

2. Вторая очередь призыва есть резерв ЧОН, призываемый или наравне с первой очередью, или отдельно от нее и пополняющий первую очередь.

Вторая очередь призыва составляется из таких строевых единиц, в ряды которых зачислены:

а) лица, не вошедшие по физическому состоянию в первую очередь;

б) лица, по роду своих занятий (ответственность по должности, специальность, профессия) не способные числиться в рядах первой очереди (по определению парткомиссии).

3. Третья очередь призыва существует для военных действий в исключительной обстановке.

Третья очередь призыва составляется из:

а) коммунистов, находящихся в Красной армии, органах ВЧК, милиции, пожарных командах;

б) из всех не вошедших в первую и вторую очередь призыва по определению медицинских и парткомиссии и

в) из лиц, вообще не вошедших в ЧОН по различным причинам.

IV. Составление очередей призыва

Составление очередей призыва производится на основании: 1) физического состояния, 2) рода занятий, 3) возраста и 4) пола.

1. Физическое состояние лиц, заявивших себя больными и неспособными к службе в ЧОН, освидетельствуется медкомиссиями при губ. и уездвоенкоматах на основании расписания болезней для ЧОН.

2. По роду занятий освобождение и зачисление в очереди призыва производится особыми комиссиями при парткомах в составе: одного представителя соответствующего Штаба, ведающего мобилизационной частью, и двух представителей парткома.

3. Лица свыше 50-ти лет, как правило, в первую очередь призыва не зачисляются.

4. Лица в возрасте от 45-ти до 50-ти лет могут быть перечислены из первой во вторую очередь усмотрением парткомиссий.

5. Члены РКСМ от 12-ти до 17-летнего возраста состоят на «вспомогательном» учете при ЧОН и по мере надобности привлекаются к несению вспомогательной службы ЧОН (разведывательной, связи, санитарной).

6. Женщины, зачисленные в ЧОН в первую очередь, в качестве строевых не включаются, а несут лишь нестроевые и вспомогательные должности (связь, санитарной, канцелярской и хозяйственной).

Все женщины, изъявившие желание нести строевую службу и способные к таковой, зачисляются на строевые должности во вторую очередь призыва.

V. Военное положение для ЧОН

1. ЧОН переводится на военное положение путем объявления:

а) мобилизаций и

б) боевого сбора.

2. По мобилизации призываются ЧОН первой и второй очереди призыва (раздельно или совместно).

3. По боевому сбору призывается только третья очередь призыва.

4. Мобилизации разрабатываются в Штабах и известны каждая под своим литером. Боевой сбор разрабатывается в особом плане и литера не имеет.

VI. Управление ЧОН

1. Во главе командования ЧОН РСФСР стоит командующий ЧОН Республики, который руководит формированием, комплектованием и обучением и снабжением ЧОН (назначается приказом РВСР).

2. Командующий ЧОН Республики осуществляет руководство учетом, формированием, комплектованием, мобилизацией, обучением и несением службы в ЧОН в порядке, установленном для Красной армии, через командующих ЧОН округов (комвойск округов или членов РВС округов), коим подчинены все ЧОН в округе (проводятся приказом по РВСР).

3. Командующие ЧОН округов могут быть лишь члены РКП.

4. В губерниях ведают формированием, обучением, проведением мобилизаций и учебных сборов и учетом членов РКП, кандидатов РКП и членов РКСМ – командующие ЧОН губерний, подчиненные во всех

отношениях командующим ЧОН округов (проводятся приказом по ЧОН).

5. Командующие ЧОН губерний могут быть лишь члены РКП.

6. Заместителями командующих ЧОН являются начальники соответствующих штабов ЧОН.

7. Начальниками ЧОН в уездах являются (только члены РКП) старшие из начальников, стоящих в данном уезде ЧОН, подчиненные во всех отношениях командующим ЧОН губерний (проводятся приказом по губернии).

8. Руководство и командование ЧОН в Республике, округах и губерниях командующие осуществляют через свои штабы.

9. Начальниками штабов и их отделов, а в окружных и губернских штабах – отделений и частей могут быть только члены РКП.

10. Личный состав учетно-мобилизационных отделов, отделений и частей должен быть только из членов РКП. В других отделах штабов при недостатке членов РКП могут быть привлечены на соответственные должности беспартийные сотрудники.

26 августа 1921 года.

Командующий Частями особого назначения РСФСР Александров[905].

Циркулярно – А. З.

Совершенно секретно

Личному составу кадров ЧОН

ПАМЯТКА

1. Вам вверена сила, ценнее которой у Революции нет ничего. Ваша ответственность связана с жизнью и смертью коммунаров – *бойцов авангарда Революции.*

2. Вы проводники директивы X Съезда РКП: «Съезд находит необходимым усиление военно-боевой подготовки партии…» – верховная воля всей партии *должна быть осуществлена через вас.*

3. Ваша работа не отягчена задачей политического воспитания и контроля. *Единство управления* (идеал для

Красной армии) – в ваших руках.

4. Многие из подчиненных вам в строю уровнем развития и заслугами перед Революцией *старше вас.*

5. Но в работе, доверенной вам, сумеете *вы* быть старшими и быть *образцом* для других; это нелегко, но без этого не оставайтесь в кадрах: ответственность еще тяжелее.

6. Вы – на действительной *военной службе.* Вы носите звезду Красной армии. Ее знает теперь весь мир – эту звезду красных побед и рабоче-крестьянского героизма.

7. В нужный момент поднимите ее еще выше, и Красная армия будет учиться у вас, как она училась от своих комиссаров и комсостава.

8. В службе ЧОН были и будут такие моменты, когда не бой решит дело, а ваша работа; в прямом смысле – *только ваша работа.*

9. Не выполнен сбор по тревоге, сорвалась мобилизация, не стреляет ржавая винтовка, нет полных номеров у пулемета – нет *вашей* работы.

10. Лучшие ЧОН будут там, где ваша спайка с коммунарами крепка *товарищеской связью* и твердым исполнением каждым своих *обязанностей.*

11. Чтобы уметь обучать, надо не переставая *учиться самому,* пополняя и совершенствуя запас своих знаний.

12. В хороших кадрах – не прекращается разработка своего плана мобилизации от пункта к пункту, от одной детали к другой, уточняя и улучшая ее *техническую сторону.*

13. В хороших кадрах – не замирает *инициатива,* и один проект за другим поступает от него в Совет Частей особого назначения.

14. Не замыкайтесь в текущей работе. Для тех, кто работает с партией и для партии, нет чванного «спецовства», нет узких призваний. Будьте ближе к *общепартийной жизни,* не отгораживайтесь от событий местной парторганизации.

15. Призвала ли вас партия из своих членов или допустила как *беспартийных,* – в обязанностях службы вы *равны.*

16. Не опускайте рук в неудачах или трудностях работы. Помните, что *ближайшая цель* – налаженность вашей службы.

17. Без хороших кадров – *нет боеспособных ЧОН.*

Комчонресп Александров

25 октября 1921 г.

г. Москва[906]

Глава 16
Трудный путь становления

Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является советская власть.

Из Манифеста II конгресса Коминтерна

После окончания Гражданской войны в первом эшелоне партийно-государственного руководства Советской России развернулись дискуссии по двум ключевым политическим вопросам: формы и методы построения бесклассового общества; помощь коммунистическим партиям других стран в организации мировой революции. Еще в 1918–1921 гг. вокруг признанных лидеров РКП (б) (Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Томского, Сталина и др.) стали формироваться группировки близких им по идеологическим и личным пристрастиям партийных функционеров. При отсутствии других политических партий эти группировки (партийные фракции) можно рассматривать как своеобразный (и самодостаточный) эрзац парламентской многопартийной системы. Ленин, при всей критике оппонентов внутри РКП (б), относился к ним более чем лояльно (даже по меркам начала XXI в.). Будучи личностью с огромным консолидирующим потенциалом, вождь умел вместе с жесткой откровенной критикой коллег не мстить им и использовать каждого соратника или попутчика в интересах общего дела.

С конца 1980-х гг. в СМИ регулярно появляются различные варианты версии, согласно которой Ленина отравил Сталин. Версия базируется на рассекреченных в 1989 г. воспоминаниях М. И. Ульяновой, писавшей: «Не знаю точно когда, но как-то в этот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал…»[907]. Мы не считаем версию об отравлении Ленина достоверной. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что даже при значительных разногласиях по ключевым вопросам (октябрь 1917, Брестский мир, НЭП и др.) среди высшего руководства РКП (б) репрессии к членам собственной партии при Ленине не применялись. Более того, многие выступавшие с оружием в руках против

большевиков, а затем вступавшие в ряды правящей партии эсеры, анархисты и максималисты достигали значительных постов, в том числе и в советских спецслужбах.

21 марта 1923 г. под грифом «строго секретно» Сталин направил следующую записку членам Политбюро: «В субботу 17 марта т. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном просьбу Вл. Ильича Сталину, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н. К. говорила, между прочим, что „Вл. Ильич переживает неимоверные страдания“, что „дальше жить так немыслимо“, и упорно настаивала „не отказывать Ильичу в его просьбе“. Ввиду особой настойчивости Н. К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В. И. дважды вызывал к себе Н. К. во время беседы со мной и с волнением требовал согласия Сталина), я не счел возможным ответить отказом, заявив: „Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование“. В. Ильич действительно успокоился. Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказываться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П[олитического] Бюро ЦК. И. Сталин»[908]. На записке имеется резолюция Томского: «Читал. Полагаю, что „нерешительность“ Сталина – правильна. Следовало бы в строгом составе членов Пол[итического] бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.)», – далее следуют подписи Бухарина, Зиновьева, Каменева, Молотова и Троцкого. О применении отравляющих веществ для устранения контрреволюционеров, а тем более ближайших соратников по руководству партии в 1918–1924 гг. практически ничего не известно[909].

Повторим еще раз, преследований, а тем более террора в отношении соратников, высказавших мнения, не совпадавшие с ленинским, не осуществлялось. Председатель СНК умел сглаживать политические разногласия коллег по Политбюро, СНК и ЦИК. «Старик» (одна из партийных кличек Ленина) являлся признанным лидером, чей авторитет и положение первого среди равных в партии не оспаривалось. Но в последний период жизни вождя и особенно после его смерти внутрипартийная борьба мнений превратилась в борьбу за власть в партии и государстве. Болезнь и смерть Ленина мгновенно расслоили ряды соратников на агрессивные по отношению друг к другу группировки. Раскол в правящей партии стал отражением интересов ее высшего руководства и частично аппаратчиков среднего звена, входивших в команду того или другого лидера. Непомерные личные амбиции

новых властителей СССР, нежелание поступиться ими во имя страны привели к тем страшным последствиям, которые еще долго будут будоражить умы многих поколений.

Единства не было и среди сотрудников ОГПУ. По данным на декабрь 1923 г., из 546 человек, состоявших на учете в партячейке ОГПУ, линию ЦК поддерживали 367 коммунистов, за оппозицию выступали 40, 129 колебались. Ф. Э. Дзержинский лично отслеживал политические позиции сотрудников центрального аппарата ОГПУ, но и ему не были чужды колебания. В письме начальнику Политического управления РККА В. А. Антонову-Овсеенко Дзержинский утверждал: для единства идейного и единства действий необходимо «драться» с Троцким. В письме И. В. Сталину и Г. К. Орджоникидзе он упрекал Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева: они «…забыли, что партии пришлось развенчать Троцкого единственно за то, что тот, фактически напав на Зиновьева, Каменева и других членов ЦК нашей партии, поднял руку против единства партии»[910]. Незадолго до смерти Дзержинский прозорливо писал В. В. Куйбышеву, что внутрипартийная борьба и рост оппозиции могут привести к появлению «диктатора – похоронщика революции».

В. И. Межлаук, Ф. Э. Дзержинский, А. Я. Беленький у Большого театра. Москва, 1923 г. (из фондов РГАСПИ)

Предсказание Дзержинского по поводу появления диктатора сбылось. Интересующаяся историей молодежь часто задается вопросом: а были ли в СССР другие варианты развития событий при других возможных руководителях? Мы считаем, что подобное было бы возможно только в случае отказа оппонентов от политической и личной нетерпимости в отношении друг друга, реального коллегиального руководства страной, гласного обсуждения альтернативных вариантов развития экономики, внешней политики и военного строительства. Но чрезмерные личные амбиции высшего политического руководства СССР мало отличались от амбиций самого Сталина. Его оппоненты не в меньшей степени ответственны за репрессии в отношении противников большевиков в годы Гражданской войны. Лидеры РСДРП (б), посеявшие в 1917 г. ветер политической нетерпимости (все они поддерживали «красный террор» против буржуазии, офицерства, духовенства, казачества, а позже – меньшевиков, анархистов, эсеров и т. д.), в результате пожали бурю ненависти от товарищей по партии!

Во время борьбы за власть и сталинских репрессий большинство «безвинно пострадавших» высших руководителей партии вели себя далеко не лучшим образом. В 1923 г. Зиновьев и Каменев вместе со Сталиным обвиняли Троцкого в меньшевизме и требовали исключить последнего из партии. В 1927 г. против Зиновьева, Каменева и Троцкого выступили Бухарин, Рыков и Томский. Затем пришел и их черед. На XVII съезде ВКП (б) (январь – февраль 1934 г.), вошедшем в историю как «съезд победителей», перечисленные выше оппозиционеры (кроме высланного Троцкого) выступили перед делегатами с покаянными речами. Впоследствии во время допросов и судебных процессов большинство арестованных признавали себя виновными «перед партией и лично товарищем Сталиным». Спустя еще несколько десятилетий почти всех «ренегатов, шпионов, заговорщиков и террористов» реабилитировали. Так кто же из них «невинная жертва»? Действительными невинными жертвами стали миллионы рядовых граждан, которые были уничтожены в угаре ненасытной «охоты за ведьмами» и психозе всеобщей подозрительности. Действительными невинными жертвами стали тысячи сотрудников партийных, политических и военных спецслужб, отдававших все свои силы для защиты Отечества и стертые им же «в лагерную пыль»…

В начале 1920-х гг. руководство СССР контролировало ситуацию в стране и за рубежом следующим образом. Информация о положении в иностранных государствах поступала

по пяти основным линиям: Народный комиссариат по иностранным делам; ОГПУ (Иностранный, Восточный и Контрразведывательный отделы); Разведывательное управление Штаба РККА; структуры Коминтерна; Спецотдел при ОГПУ. Обстановка внутри страны контролировалась тремя структурами: Секретариат ЦК РКП (б) (партия), Секретариат ЦИК СССР (Советы) и ОГПУ. Ситуация в Красной армии и на флоте отслеживалась по линии Реввоенсовета, Штаба РККА и Народного комиссариата по военным и морским делам, ее также контролировали военные комиссары Политического управления РККА и сотрудники особых отделов. За личную безопасность руководства ЦИК и СНК СССР отвечали Специальное отделение ОГПУ и Комендатура Московского Кремля Наркомата по военным и морским делам.

Основными врагами руководства СССР были представители свергнутых классов Российской империи, либеральных и социалистических партий, выступавшие против монополии РКП (б) на власть. С окончанием Гражданской войны угроза свержения советской власти со стороны большинства контрреволюционных движений была значительно снижена, но не исчезла. Оказавшиеся в эмиграции представители указанных политических сил не отказались от попыток реванша. Они имели политическую, экономическую, информационную и военную поддержку от правительств и специальных служб ряда иностранных государств и идеологически считали себя обязанными стремиться к свержению власти РКП (б) всеми доступными способами.

17 января 1922 г. в Берлин прибыл К. Б. Радек[911]. По линии ИККИ он вел консультации с лидерами II½ Интернационала по вопросу о единстве действий в рамках единого рабочего фронта и выяснял положение дел в КПГ. По линии НКИД вел переговоры по подписанию советско-германского соглашения до начала международной конференции по экономическим и финансовым вопросам в Генуе. Кроме того, он проводил секретные переговоры с командующим рейхсвером Г. фон Сектом по вопросам военно-технического сотрудничества Германии и РСФСР. Для практической реализации военно-технического сотрудничества в Германии была создана секретная «Зондергруппа Р», в нашей стране называвшаяся ВОГРУ («военная группа»). Примечательно, что переговоры о военно-техническом сотрудничестве с буржуазным правительством Веймарской республики вел человек, который постоянно участвовал во всех проектах по свержению этого самого правительства.

В конце 1921 – начале 1922 г. И. А. Пятницкий лично объехал основные зарубежные нелегальные коминтерновские резидентуры

(пункты связи) в Австрии, Германии, Италии, Латвии, Литве и Польше. По итогам поездки он подготовил доклад о положении дел и провел реорганизацию центрального аппарата Отдела международной связи, пунктов связи на территории РСФСР и за рубежом с целью совершенствования конспирации.

В связи с окончанием Гражданской войны постановлением ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Председателем ГПУ был нарком внутренних дел Ф. Э. Дзержинский. В состав Секретно-оперативного управления (СОУ) ГПУ (В. Р. Менжинский) входили: Секретный (СО; Т. П. Самсонов[912]), Особый (ОО; Г. Г. Ягода[913]), Иностранный (ИНО; С. Г. Могилевский[914], с мая – М. А. Трилиссер[915]), Восточный (ВО; 2 июня, Я. Х. Петерс), Оперативный (ОО; И. З. Сурта[916]), Контрразведывательный (КО; 8 мая, А. Х. Артузов[917]) отделы. Была реорганизована охрана Ленина, начальником группы выездной охраны стал П. П. Пакалн. Заведующим Гаражом особого назначения назначен П. И. Удалов – личный шофер И. В. Сталина.

Важнейшее политическое событие того времени – Генуэзская международная конференция по экономическим и финансовым вопросам (10 апреля – 19 мая 1922 г.). В работе конференции приняли участие представители 29 государств (в том числе РСФСР, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Японии). Это была первая дипломатическая встреча такого уровня РСФСР со странами западного мира. На первом пленарном заседании советская делегация поставила вопрос о всеобщем сокращении вооружений. Однако вопрос о сокращении вооружений и вопросы урегулирования взаимных финансово-экономических претензий на конференции не были разрешены. В ходе конференции 16 апреля Германия и РСФСР заключили Рапалльский договор, означавший признание Германией советского правительства де-факто.

Обеспечение безопасности членов советской делегации на Генуэзской конференции было одной из наиболее важных задач специальных структур ИНО ГПУ и Коминтерна. Во-первых, угроза исходила от эмигрантских организаций, таких как «Союз защиты родины и свободы» Б. В. Савинкова. Во-вторых, опасность представляли боевые отряды фашистов, не всегда контролировавшиеся руководством партии. Агентам коминтерновских разведслужб удалось установить, что Савинков путем личных связей пытается под чужой фамилией внедриться в охрану советской делегации в г. Санта-Маргарита. Эта информация позволила 19 апреля арестовать лидера эсеровских

террористов руками итальянской полиции. В результате группа Савинкова оказалась нейтрализована. Для охраны членов советской делегации и мест их проживания были задействованы боевики ряда европейских коммунистических партий, в первую очередь итальянской. Одним из тех, кто выполнял задачу охраны советских дипломатов на конференции, был сотрудник боевой организаций Коминтерна Р. Л. Бартини[918].

Б. В. Савинков

Отметим, что значительная (если не основная) часть резидентов и разведчиков, работавших на Иностранный отдел ГПУ и Разведывательное управление РККА в 1920–1930-х гг. («эпоха великих нелегалов»), начинали карьеру по линии Коминтерна. Р. Зорге, Л. Треппер, Ш. Радо, А. Дейч, И. Григулевич, В. Фишер, А. Шнеэ и другие убежденные сторонники коммунизма стали высокопрофессиональными разведчиками по идеологическим соображениям. Да и после того, как многие коминтерновские нелегалы продолжили работать на специальные службы СССР, некоторые из них продолжали оставаться доверенными лицами Особого сектора ЦК ВКП (б).

Со стороны ИККИ контакты с разведками ГПУ и РККА осуществлялись по линии Оргбюро И. А. Пятницким. Одним из направлений сотрудничества было снабжение сотрудников советских разведок заграничными документами, добыть или изготовить которые отечественные спецслужбы не могли. Но контакты между разведками и ИККИ в начале 1920-х гг. не были «улицей с односторонним движением». Обе разведки, получив сведения, интересующие Коминтерн, информировали о них руководство ИККИ. Например, летом 1922 г. было реализовано сообщение берлинской резидентуры о возможной утечке информации.

«„Согласно секретному полицейскому сообщению, – пишет резидент советской разведки в Берлине в июле 1922 г., – один из деятелей лейпцигского отделения коммунистической партии, некто Дорнгейм, находится в постоянных отношениях с одним осведомителем немецкой полиции. Дорнгейм, не зная о полицейских функциях вышеназванного осведомителя, информирует его о жизни партии и ее политических планах“.

Буквально через несколько дней руководитель ИНО Трилиссер сообщает об этом факте Пятницкому, и ИККИ вовремя принимает соответствующие меры безопасности»[919].

Разведка и внешняя контрразведка являлись частью конспиративной деятельности советских спецслужб и специальных структур ИККИ. С весны 1922 г. совместная секретная деятельность была направлена на разложение вооруженных сил белой эмиграции, организацию военной работы компартий в нелегальных условиях, подготовку вооруженных восстаний и обучение национальных партийных кадров в военной и военно-специальной областях знаний.

12 мая 1922 г. в Москве под председательством И. С. Уншлихта состоялось очередное (протокол № 10) строго секретное (гриф «хранить наравне с шифром») совещание. На нем рассматривались вопросы: о пограничной охране (п. 1), об активной разведке (п. 2), о работе во врангелевских частях (п. 3), о партизанских отрядах (п. 4). Постановили:

«1. 1) Признать несение Пограничной охраны на ближайшее время исключительно агентурным путем невозможным.

2) Признать необходимым для несения Пограничной охраны создание специального корпуса, который должен находиться в ведении Госполитуправления.

3) Окончательную разработку вопроса о порядке сформирования особого корпуса по охране границ, а также об обеспечении при формировании интересов военного ведомства в случае боевых действий поставить дополнительно на разрешение

Госполитуправления и Реввоенсовета.

2. 1) Продолжать в дальнейшем подготовительную работу. Принять все меры, чтобы аппарат активной разведки не разлагался. Признать одной из задач активной разведки выявление настроений местного населения и в случае стихийных движений взятие на себя руководство ими по соглашению с местными парторганами.

2) Считать необходимым значительно усилить организационную работу активной разведки на территории Румынии.

3. 1) Признать необходимым вести работу во врангелевских частях в направлении разложения врангелевской армии и уничтожения ее как организованной силы.

2) Выдвинуть вопрос о необходимости издания дополнительного акта об амнистии для врангелевцев наподобие украинской. Для всесторонней разработки этого вопроса создать специальную комиссию из представителей ЦК РКП, РВСР, ГПУ и НКИД.

4. 1) Признать необходимым сохранение существующей сети партизанских отрядов, принять меры против разложения и для полного обеспечения их необходимыми материальными средствами»[920].

Председатель совещания И. С. Уншлихт являлся координатором специальной закордонной работы от Политбюро ЦК РКП (б) и Исполкома Коминтерна и одновременно (с апреля 1921 г.) заместителем председателя ГПУ. Все присутствовавшие на совещании, каждый по своей линии, имели отношение к организации «мировой революции» в европейских странах. ГПУ на совещании представляли: начальник Секретно-оперативного управления и (по совместительству) начальник Особого отдела В. Р. Менжинский, его заместитель Г. Г. Ягода, помощник начальника Особого отдела А. Х. Артузов и Ф. В. Патаки[921]. От руководства Западным фронтом, основным театром возможных военных действий которого были Польша и Германия, присутствовали И. А. Апетер[922] и Р. А. Муклевич[923]. От Украины (юго-западное направление: Румыния, Болгария, Венгрия) – М. В. Фрунзе и А. И. Корк[924]. Юго-восточное направление (Турция, Палестина, Персия, Афганистан) представлял Г. А. Трушин[925]. Руководство РККА – начальник Разведупра А. Я. Зейбот и комиссар Главного управления рабоче-крестьянского Красного флота (Главвоздухофлот) А. П. Онуфриев.

В 1922 г. расквартированные в Болгарии и Югославии войска армии Врангеля представляли угрозу не только для Советской России, но и для возможного коммунистического переворота в

Болгарии. Поэтому работа по разложению белой армии и уничтожения ее как организованной силы была приоритетной для всех структур ИНО ГПУ – ОГПУ, РУ РККА и ИККИ, действовавших на Балканах. Белая армия в военном плане была достаточно серьезной силой. Наиболее вероятно, что именно присутствие организованной военной силы белогвардейцев не позволило БКП совершить вооруженное восстание в стране в 1922 г.

Осенью 1922 г. создается одна из первых секретных комиссий ИККИ. 25 сентября внесены предложения по организации постоянной Комиссии при Коминтерне для изучения вопросов международной гражданской войны. Целью работы комиссии являлся централизованный сбор, изучение и письменное изложение политического и организационного опыта компартий в их вооруженных боях с буржуазией. На основании изучения тактических проблем гражданских войн следовало разработать соответствующие предложения в политической и организационной областях. Предусматривалась литературная обработка всех соответствующих материалов для воспитательных и пропагандистских целей секций Коминтерна. Задачами комиссии были:

«1. Собирание соответствующего материала, добывание его, письменное изложение; там, где его (материала) нет, – по устным докладам.

2. Организация военно-политической библиотеки с архивом, возможно, по пути присоединения к более обширному научному институту в Москве (Институт Маркса и Энгельса).

3. Использование наличного материала путем издания памятных сборников об опыте и учении военно-политической работы, их развитие до сих пор по отношению к идеологической подготовке и организационному проведению в различных коммунистических партиях до, во время и после вооруженных боев с контрреволюцией.

4. Сводка важнейшего опыта относительно организации и организационного слияния участвующих в боях красных объединений (Красная гвардия и армия) до и во время первой фазы пролетарской диктатуры. Собирание воззваний, циркуляров, инструкций, приказов красных командиров.

5. Специальные военные критические статьи о решающих боях в период вооруженного восстания или обороне. Печатная сводка литературы и инструкций о тактике гражданской войны.

6. Ссылка на подобную литературу противника и собирание соответствующих выдержек его легальных и нелегальных источников организованной вооруженной власти. Критика книг деятельности и личности выдающихся реакционных военных

вождей.

7. Разработка инструкций и предложений по вопросу о военно-политической работе, критика нелегальной подготовительной работы каждой данной партии, с особым обращением внимания на организационное строительство сети связи и осведомления как организационной предпосылки правительства»[926].

Если в 1922 г. ИНО ГПУ, РУ РККА и ИККИ наибольшее внимание уделяли реализации стратегических планов «мировой революции», то сотрудники Особого, Контрразведывательного и Секретного отделов занимались борьбой с антисоветскими элементами в РСФСР и за рубежом. Для этого они использовали в своей работе специально образованные, легендированные, якобы подпольные антисоветские организации. По одной из версий, идея создания таких организаций принадлежала бывшему товарищу министра внутренних дел Российской империи В. Ф. Джунковскому. Полагая, что розыск отдельных террористов и контрреволюционеров является малоэффективным, он предложил дезинформировать противника.

Смысл дезинформации заключался в создании ложных подпольных антисоветских организаций. В учебном пособии ВЧК – ОГПУ «Азбука контрразведчика» дано следующее определение легенды: вымысел, сообщаемый кому-либо, чтобы увеличить интерес к агенту и дать понять, что он или его «друзья» связаны с контрреволюционной организацией (существующей лишь в воображении). К легенде прибегали, чтобы вынудить противника искать контакт с вымышленной организацией.

Целью операций с участием легендированных подпольных организаций являлись следующие задачи: остановить акты массового терроризма со стороны эмиграции; дезинформировать спецслужбы иностранных государств; отвлечь силы и средства эмиграции и иностранных спецслужб на контролируемые операции.

Именно в 1922 г. чекисты дебютировали в двух наиболее известных операциях: «Трест» и «Синдикат-2». В операции участвовала мнимая «Монархическая организация Центральной России», ее деятельность направлялась против правого крыла эмиграции и ее покровителей в иностранных спецслужбах. Целью второй операции были левые антибольшевистские организации и их заграничные спонсоры. В обоих случаях чекисты получали выход на заграницу и антисоветское подполье в России (затем СССР), что давало широкие возможности для оперативной игры, передачи дезинформации и в конечном счете дезавуированию ключевых фигур враждебных организаций.

11 декабря 1922 г. при Оргбюро ИККИ создается Организационный отдел (И. А. Пятницкий), а при нем – Постоянная комиссия по работе в армии; ее возглавил Ф. Ф. Раскольников (псевдоним Ф. Петров). В первый состав комиссии вошли: В. Мицкевич-Капсукас[927], И. С. Уншлихт и О. Гешке[928]. Основными направлениями деятельности комиссии являлись: антимилитаристская работа в армии и на флоте в капиталистических странах; пропаганда революционной вооруженной борьбы (вооруженного восстания); организация пролетарской самообороны и борьба против провокаций; организация подготовки национальных военных кадров зарубежных компартий через военные и военно-специальные учебные заведения в СССР.

Несколько позже (официально – 19 декабря 1922 г.) при Орготделе была создана Постоянная нелегальная комиссия. Ее членами стали: начальник ИНО ГПУ М. А Трилиссер, И. А. Пятницкий, Г. Эберлейн[929] (псевдоним Альберт), Э. Прухняк[930] (псевдоним Вебер). Отдел международной связи был представлен в комиссии П. Вомпе[931]. В феврале 1923 г. вместо выбывших Эберлейна и Прухняка в состав комиссии вошли В. Мицкевич-Капсукас и секретарь ЦК РКП (б) Е. М. Ярославский[932]. Постоянная нелегальная комиссия выясняла наличие в тех или иных странах нелегальных партийных организаций коммунистической направленности, боевых партийных отрядов или групп, методы нелегальной работы (в том числе в армии), организацию конспиративной связи; занималась подготовкой нелегальных типографий и явок, давала рекомендации по организации нелегальной работы; вела наблюдение за белогвардейскими и фашистскими организациями.

Мы специально упомянули об официальной дате создания Постоянной нелегальной комиссии. В материалах комиссии есть упоминание, что в январе 1923 г. на первом ее заседании Трилиссер ознакомил коллег с проведенной до этого конспиративной работой, подробности которой не приводятся. Можно предположить, что он проинформировал собравшихся о некоторых аспектах нелегальной работы за рубежом за период с 1918 г. Мы упоминали о создании на территории Западной Белоруссии нелегальной военной организации. Деятельность ее боевых отрядов именовалась «активной разведкой». Большинство современных специалистов по истории спецслужб СССР считают, что нелегальная боевая работа в Польше и некоторых других странах была организована по линии Разведывательного управления РККА или Иностранного отдела ВЧК – ГПУ – ОГПУ.

Документы архива Коминтерна показывают, что

конспиративная деятельность, связанная с подготовкой и практической боевой работой нелегальных военных организаций на территории иностранных государств, в 1920–1930-е гг. осуществлялась вначале по линии Федерации иностранных групп РКП (б), а затем по линии постоянных и временных комиссий ИККИ. Не случайно член РВСР и заместитель председателя ГПУ И. С. Уншлихт, начальник Разведывательного управления РККА Я. К. Берзин, начальник Иностранного отдела ГПУ – ОГПУ М. А. Трилиссер и некоторые другие руководители специальных служб СССР являлись членами специальных комиссий Коминтерна. А сотрудники особых структур ИККИ в свою очередь действовали в тесном контакте с органами ВЧК – ГПУ – ОГПУ и Разведывательным управлением РККА.

Таким образом, создавалась взаимодополняющая система, когда одни и те же люди «до обеда» числились в одной организации, а «после обеда» – в другой. Создание такой системы позволяло высшему партийному руководству пользоваться достижениями «формальных» спецслужб и в то же время не допускать их до принятия стратегических решений по особо важным межпартийным и международным вопросам. Многие профессионалы специальных служб – большевики с дореволюционным стажем и опытом нелегальной работы – негласно и «неназойливо» совмещали важнейшие посты в различных организациях, создавая партийную касту особо доверенных лиц.

Одной из важнейших программ стало создание международных структур, выполнявших роль «крыши» как Коминтерна, так и советских спецслужб и являвшихся инструментом проведения «активных мероприятий» в интересах международного рабочего движения и Советской России (СССР). Первым на правах секции Коминтерна создан Коммунистический интернационал молодежи (КИМ; ноябрь 1919 г.). Наиболее крупная организация – Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн; июль 1921 г.). Кроме того, были организованы: Красный спортивный интернационал (Спортинтерн; июль 1921 г.), Международная организация рабочей помощи (Межрабпом; сентябрь 1921 г.), Международная организация помощи борцам революции (МОПР; декабрь 1922 г.), Международный крестьянский совет (Крестинтерн; октябрь 1923 г.).

После образования СССР (30 декабря 1922 г.) в системе органов безопасности произошла очередная реорганизация: ГПУ при НКВД РСФСР преобразовали в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

Операции «Трест» и «Синдикат-2» успешно продолжались, осуществлялось медленное, но эффективное внедрение сотрудников ОГПУ в антисоветские структуры в стране и за рубежом. В 1923 г. особое внимание в Коминтерне и спецслужбах СССР уделялось тем странам, в которых осложнялась внутриполитическая обстановка: Италия, Германия, Болгария, Югославия, Венгрия, Чехословакия и ряд других.

С 1923 г. (после прихода к власти Муссолини) «засвеченные» активисты КП Италии (в том числе участники боевых дружин), имевшие навыки и опыт нелегальной работы, выводились в СССР и затем становились сотрудниками специального аппарата ИККИ или советских разведслужб. Наиболее засекреченных сотрудников Нелегального бюро КПИ переориентировали на разведывательную работу в интересах СССР. Работы итальянских инженеров в 1920–1930-е гг. (особенно в области авиации и судостроения) были в числе передовых мировых разработок. Итальянская резидентура ИККИ не только успешно действовала в самой Италии, но и добывала сведения о сопредельных странах. Многие агенты Коминтерна из Италии впоследствии работали в Албании, Болгарии, Венгрии, Румынии, Турции, Франции, Чехословакии, Швейцарии и Югославии. Планомерная нелегальная деятельность Коминтерна в Италии принесла свои плоды через двадцать лет, во время партизанской борьбы против диктатуры Муссолини и немецких оккупационных войск.

Мы считаем колоссальным провалом ИККИ, ИНО ОГПУ и РУ РККА мятеж 9 июня 1923 г. в Болгарии. Сотрудники этих структур не сумели проникнуть в планы заговорщиков (в том числе белогвардейцев), свергнувших демократическое правительство А. Стамболийского. Вскоре после переворота правительство Болгарии нанесло удар по миссии Российского общества Красного Креста, в составе которой было много замаскированных сотрудников советской разведки. Всего подверглись высылке от 350 до 400 человек, по болгарским данным, и 687 – по советским. В конечном счете путч привел Болгарию в объятия нацистской Германии.

Несмотря на неудачи, работа коминтерновских структур, политической и военной разведок не прекращалась в сопредельных странах. Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия ранее входили в состав Российской империи и имели с СССР общую границу, поэтому военно-конспиративная деятельность ИККИ носила пограничную специфику. Суть ее заключалась в организации на советской стороне специальных пунктов (коридоров) перехода государственной границы. Через эти пункты, создаваемые конспиративно на участках погранзастав

с особо доверенными командирами, осуществлялась переправка людей и грузов в обоих направлениях. Но, поскольку органы пограничной охраны находились в ведении ОГПУ, вопроса межведомственного взаимодействия избежать не удалось.

Например, финские коммунисты, осуществлявшие нелегальную связь с Бюро КПФ в Финляндии, маскировались под контрабандистов. Естественно, что для этого требовалась переноска определенного количества товаров, пользующихся спросом в приграничной полосе как Финляндии, так и СССР. В свою очередь, руководство погранохраны хотело, чтобы обо всех случаях переноса «контрабанды» оно было проинформировано заранее. Если информации не поступало, «контрабандисты» подвергались задержанию. Выполнение требований пограничников вело к увеличению переписки (практически ежедневно) и, соответственно, снижению уровня конспирации. Вопрос о продолжении пограничной работы финскими коммунистами (и не только ими) решался на самом высоком уровне в ИККИ, ЦК РКП (б), РВС и ОГПУ. В итоге пограничная работа по военной линии Коминтерна и активной разведки РККА (иногда трудно отделить одно от другого) была продолжена.

На территории Польши, которая в 1923 г. рассматривалась в качестве одного из основных потенциальных агрессоров, военно-конспиративная деятельность развивалась одновременно по линии РУ РККА и Коминтерна. Главным куратором обеих линий был И. С. Уншлихт. Наибольшую известность получили партизанские отряды С. А. Ваупшасова[933] и К. П. Орловского[934], под которые маскировались группы «активной разведки» РУ РККА.

Основной задачей «активной разведки» являлось обеспечение безопасности приграничной полосы СССР путем проведения диверсионно-террористических операций на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Эти операции были ответом на аналогичные операции диверсионных групп Российского политического комитета Б. В. Савинкова, отрядов Народно-добровольческой армии С. Н. Булак-Балаховича и 3-й Российской армии Б. С. Пермикина.

Кроме того, согласно концепции «полевой революции», действия партизанских отрядов должны были стать примером в деле организации массового вооруженного сопротивления польским властям со стороны национальных меньшинств. По замыслу организаторов отдельные диверсионно-террористические акции постепенно перерастали в массовое партизанское движение на западно-белорусских и западно-украинских землях. Итогом партизанского движения становилось

«всенародное восстание» белорусов, евреев, литовцев, украинцев против польских панов и воссоединение Западной Белоруссии и Западной Украины с СССР. Кадровый костяк партизанских отрядов в основном состоял из боевиков левых польских партий, в том числе и агентов Коминтерна.

Главной задачей ИККИ в 1923 г. являлось обеспечение успеха планировавшейся революции в Германии. Для этого следовало не допустить, чтобы польские войска смогли участвовать в подавлении вооруженных выступлений германского пролетариата. Легальные резидентуры ИККИ, РУ РККА и ОГПУ, действовавшие под «крышей» полпредства СССР в Варшаве, вели интенсивную разведку в вооруженных силах и государственных учреждениях Польши. Опорой советских разведслужб в Польше были польские коммунисты-коминтерновцы.

Сотрудник советского полпредства Г. З. Беседовский, ставший впоследствии невозвращенцем, в своих мемуарах писал:

«В это время, то есть в первой половине 1923 г., во главе отдела ЧК и военной разведки при посольстве стоял Мечислав Логановский[935]. Это был поляк по происхождению, бывший член Польской социалистической партии, перешедший затем к коммунистам. Во время Гражданской войны Логановский отличился на фронте, имел орден Красного Знамени и пользовался личным расположением Дзержинского. Дзержинский, любивший окружать себя польскими коммунистами, предложил Логановскому перейти на работу в Чека, и Логановский принял предложение. Одновременно с этим он принял также предложение Уншлихта быть резидентом Разведывательного управления (Разведупра) в Польше. Эта работа давала Логановскому большое политическое влияние, так как Уншлихт руководил тогда не только военной разведкой, но и польской секцией Коммунистического Интернационала. От Уншлихта, а не от Наркоминдела зависело направление советской политики в отношении Польши.

Логановский был человеком твердой воли, железной выдержки и зверской жестокости. Человеческая жизнь не имела в его глазах никакой ценности. Он готов был принести в жертву тысячи жизней, чтобы добиться выполнения какой-либо, иногда чисто технической, директивы. Помощником Логановского по отделу Чека являлся Казимир Кобецкий[936], тоже поляк по происхождению и бывший член Польской социалистической партии. Кобецкий значительно уступал Логановскому по политическому развитию и по уму, но зато был блестящим техником, и недаром польская газета „Курьер червонный“ назвала его в одной из статей о советском шпионаже в Польше „королем

шпионов“. Основной специальностью Кобецкого являлась вербовка агентуры вовне посольства. Несмотря на свое официальное положение (Кобецкий, как и Логановский, был секретарем миссии), он работал вовне под разными вымышленными фамилиями, и надо было обладать действительно блестящими способностями, чтобы вести такую двойную жизнь. Информация Кобецкого была поставлена блестяще. Он имел десятки осведомителей во всех слоях польского общества и еженедельно посылал в Москву обстоятельнейший доклад о внутреннем политическом положении Польши. Для этого доклада Кобецкий, впрочем, лишь систематизировал сырой материал, который обрабатывался вторым помощником Логановского – Карским[937] (Тыщуком по кличке).

Карский был, несомненно, крупным политическим работником. Типичный интеллигент, вечно бегающий с книжкой или газетой в руке, близорукий и рассеянный, он был похож на учителя провинциальной школы. Он обладал большими политическими знаниями, много работал над собой, прекрасно разбирался во внутренней польской обстановке, знал всех политических лидеров со всеми их достоинствами и недостатками. Карский считался в Чека „кабинетным“ работником, и к нему относились поэтому несколько свысока. Оперативная работа ему никогда не поручалась, лишь изредка, когда Кобецкий бывал занят, Карский ходил в город на свидания с информаторами, но при этом у него бывал такой растерянный, перепуганный и вместе с тем таинственный вид, что за несколько километров можно было догадаться, что он идет на конспиративное свидание. <…>

По линии военной разведки Логановский имел в качестве помощника офицера красного Генерального штаба Еленского[938]. Еленский прекрасно наладил разведку, пользуясь услугами коммунистов-рабочих на железных дорогах, заводах и фабриках и работой Союза коммунистической молодежи в армии. Главной опорной базой его работы был Данциг. Там, на территории вольного города, работали в то время военные разведки нескольких стран, и там же устроил свою главную квартиру Еленский. Польские граждане ездили в Данциг без виз. Это создавало большие удобства в работе агентов Еленского, ездивших в Данциг как в польский город и в то же время гарантированных на его территории от посягательств польской полиции»[939].

Поскольку основным координатором отечественных спецслужб в Польше был Уншлихт, очень трудно сказать, какая

линия (ИККИ, РУ РККА, ИНО ГПУ – ОГПУ) была в деятельности М. Логановского и его сотрудников основной. По нашему мнению, сотрудничество военной и внешней разведок и Коминтерна по многим операциям 1920–1930-х гг. было теснейшим. Сотрудник ИНО ОГПУ Г. С. Агабеков, оставшийся в 1930 г. на Западе, в своих мемуарах о работе советской политической разведки писал:

«Почти до 1926 года отношения между ОГПУ и Коминтерном были самые дружеские. Начальник иностранного отдела Трилиссер был большим приятелем заведующего международной связью Коминтерна Пятницкого, и оба учреждения находились в теснейшей деловой связи. Да иначе и быть не могло, так как ОГПУ ведет работу за границей по обследованию контрреволюционных организаций, в которые входят все русские и иностранные антибольшевистские партии, начиная от социал-демократов и IV Интернационала и кончая фашистами. Этим материалом ОГПУ, естественно, должно делиться с Коминтерном, чтобы облегчить ему работу в борьбе с враждебными коммунизму влияниями. Кроме того, в иностранных компартиях, в особенности в восточных странах, имеется большой запас провокаторов, борьбу с которыми и выявление которых взяло на себя ОГПУ, так что, повторяю, деловая связь между ОГПУ и Коминтерном неизбежна.

На местах, за границей, эта связь, однако, приняла совсем другой характер. Резиденты ОГПУ, поддерживающие связь с представителями Коминтерна за границей, пошли по линии наименьшего сопротивления в своей работе. Вместо того чтобы самим рисковать и вербовать нужную агентуру, они стали пользоваться для шпионской работы местными коммунистами, что в конце концов стоило дешевле и было безопаснее как в идейном отношении, так и в отношении возможной провокации»[940].

В первой половине 1923 г. военное крыло КП Польши приступило к организации диверсионно-террористических акций против своих политических противников. Предполагалось, что эти акции приведут к нарастанию революционной борьбы пролетариата. Боевую организацию («боёвку») возглавили офицеры-коммунисты поручик В. Багинский и подпоручик А. Вечоркевич. Период весны – осени 1923 г. журналисты назвали «бомбовым периодом». Тактика диверсантов была основана на принципе «маятника», т. е. имитировала действия двух террористических организаций, направленные друг против друга. С определенной периодичностью взрывы самодельных бомб происходили в помещениях то правых, то левых общественных

организаций и газет. Было несколько неудачных попыток покушений на Ю. Пилсудского, до 1922 г. «директора» Польского государства, который в то время находился в тени. Для 2-го отдела польского Генштаба (контрразведка) и Варшавской политической полиции поиск и обезвреживание террористов были приоритетной задачей. Используя агентуру в армии, польские спецслужбы сумели к сентябрю 1923 г. задержать некоторых членов коминтерновской «боёвки».

В августе 1923 г. Постоянная нелегальная комиссия ИККИ поручила Е. Ярославскому подготовить брошюры «О военной организации РКП в 1905–1906 годах» и «О военной организации РКП в 1917 году». В сентябре на заседании комиссии отмечена необходимость обратить особое внимание на меры предосторожности как в ИККИ, так и в компартиях различных стран. Дело в том, что в 1923 г. в Германии велась подготовка силового захвата власти, приуроченная к 5-й годовщине Ноябрьской революции (9 ноября 1918 г.). В Болгарии также проводилась аналогичная работа. По просьбе немецких коммунистов ИККИ направил в Германию своих эмиссаров; в так называемую четверку вошли высшие функционеры РКП (б): К. Б. Радек, Г. Л. Пятаков, В. В. Шмидт, Н. Н. Крестинский. Интернациональный десант насчитывал не один десяток военных и гражданских советников. Уншлихту и Берзину поручили создать и вооружить «красные сотни», которые должны были осуществить революцию и, создав нечто вроде немецкого ОГПУ, бороться с контрреволюцией.

Однако массовых выступлений немецких рабочих и болгарских крестьян не произошло. В сентябре 1923 г. потерпело поражение восстание в Болгарии, организованное ЦК БКП против правительства А. Цанкова. Выступление части рабочих Гамбурга также было подавлено рейхсвером. В это же время случился крупный провал Военной организации КП Германии (*Militarishe Organisation*) которую возглавлял П. А. Скобелевский[941] (псевдонимы Гельмут, Володька, Вольф). Многие ее руководители были обвинены в создании террористической «группы ЧК», арестованы и преданы суду. Группа Скобелевского предназначалась для ликвидации провокаторов в рядах партии, а также для организации террористических актов против видных политических деятелей, в том числе генерала Г. фон Сект.

Надежды на скорую революцию в Европе рассеялись, сократились и ассигнования Коминтерна, поэтому работа нелегальных военных организаций была перестроена. При ИККИ создаются курсы для военной подготовки нелегалов из числа иностранных граждан. Работа курсов строилась с учетом острой

нужды в высокопрофессиональных кадрах в военно-специальной деятельности на основе международного и собственного – РКП (б) – опыта подпольной работы. Вероятно, решение о планомерной специальной подготовке иностранных коммунистов было принято в связи с изменением стратегической линии Коминтерна и переходом от немедленного штурма к планомерной осаде буржуазных стран.

С ноября 1923 г. за безопасность высшего руководства СССР (личную охрану) отвечало Специальное отделение при коллегии ОГПУ, его руководителем был А. Я. Беленький. В основном оно занималось обеспечением безопасности Ленина. После смерти вождя функции отделения были несколько изменены, и Беленький охраной руководителей партии и государства заниматься перестал. На территории Кремля охрану осуществляло Управление коменданта Московского Кремля, которое с апреля 1920 г. возглавлял Р. А. Петерсон[942]. Управление находилось в составе Народного комиссариата по военным и морским делам. Курировал комендатуру секретарь Президиума ВЦИК РСФСР (затем СССР) А. С. Енукидзе. С 1924 г. руководителей советского государства обслуживал Гараж особого назначения. В июле 1924 г. на базе отряда ОСНАЗ сформирована Дивизия особого назначения при Коллегии Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), получившая в дальнейшем имя Ф. Э. Дзержинского. Первым командиром-военкомом дивизии был назначен П. Г. Кобелев[943].

Траурная процессия с гробом В. И. Ленина направляется из Горок на станцию Герасимовка Павелецкой железной дороги. В группе за гробом: И. В. Сталин (в шапке-ушанке), М. И. Калинин, Г.

Е. Зиновьев, В. М. Молотов. Перед несущими гроб – А. Я. Беленький. 23 января 1924 г. (из фондов РГАСПИ)

С 1924 г. в системе безопасности Советского Союза основной структурой, отвечавшей за борьбу с контрреволюцией, шпионажем, бандитизмом и охрану границ, являлось ОГПУ. Сотрудники Секретно-оперативного управления ОГПУ добывали, обобщали, анализировали и реализовывали информацию о внешних и внутренних угрозах. Защиту СССР от интервенции и вторжения контрреволюционных войск обеспечивали Вооруженные силы. Для борьбы с вооруженными отрядами оппозиции внутри страны привлекались ЧОНы, войска ОГПУ и подразделения Красной армии. Реализация стратегических замыслов (победа пролетариата в других государствах) осуществлялась через Коминтерн.

С 1924 г. началось планомерное обучение функционеров иностранных компартий конспиративным, военным и военно-специальным знаниям и навыкам в рамках специальных школ и курсов ИККИ; названия подавляющего большинства этих школ до сих пор засекречены и в обозримом будущем раскрытию не подлежат. Формально эти учебные заведения подчинялись Отделу кадров ИККИ, но обучение контролировалось Орготделом и Отделом международной связи. Так, например, Центральная военно-политическая школа размещалась под Москвой в поселке Баковка, а ее филиалы (пункты, точки) были разбросаны по совершенно неприметным населенным пунктам либо функционировали (конспиративно) внутри структур, казалось бы, непричастных к разведке организаций. При школе работали различные спецкурсы. Курсанты изучали методы выявления слежки и ухода от нее; приобретали навыки пользования шифрами, кодами, симпатическими чернилами и т. п.; проходили стрелковую подготовку из всех видов стрелкового оружия, включая большое количество автоматических стрелковых устройств, намного опередивших конструкторские идеи своего времени; знакомились с методами работы полиции по разработке подпольных организаций; изучали иные специальные дисциплины.

Вопрос о переходе к партизанским действиям (как тактическую необходимость) поднял в апреле 1924 г. в своих сообщениях в Центр представитель Коминтерна в Болгарии И. Л. Джевалтовский[944]. Изучение его сообщений позволяет предположить, что Джевалтовский в молодости был не просто членом Польской партии социалистов, но и членом ее «боёвки».

Л. Б. Каменев, Ф. Э. Дзержинский, А. В. Шотман, Т. В. Сапронов, А. С. Енукидзе несут гроб с телом В. И. Ленина от Павелецкого вокзала к Дому Союзов. 23 января 1924 г. (из фондов РГАСПИ)

М. П. Томский, А. И. Рыков, М. И. Калинин, Я. Э. Рудзутак, Н. И. Бухарин и другие несут гроб с телом В. И. Ленина от Павелецкого вокзала к Дому Союзов. 23 января 1924 г. (из фондов РГАСПИ)

В 1923–1924 гг. нелегальные военные организации действовали также на территории Югославии (в Сербии и Черногории). На территории Сербии велась нелегальная подготовка болгарских партизан, готовых в случае начала вооруженного восстания в Болгарии пересечь границу со стороны Югославии.

В Румынии нелегальные военные организации имелись в составе Союза революционных крестьян Бессарабии, Внутренней Добруджанской революционной организации, Буковинской национально-революционной организации.

Весной 1924 г. на территории Западной Белоруссии активно действовали партизанские отряды.

Их операции настолько беспокоили польское правительство, что 9 мая председатель Совета министров Польши издал специальный указ.

В нем за поимку партизанского командира (бандита) Мухи-Михальского, а также за информацию о его нахождении и содействие полиции назначалась крупная денежная награда. Руководство польской контрразведки и полиции не знало, что под псевдонимом Муха-Михальский одновременно действовали несколько партизанских командиров, в том числе и К. Орловский. 18 июля 1924 г. партизанский отряд С. Ваупшасова разгромил польский полицейский участок в с. Вишнева, где после боя был созван митинг местного населения. Митинг был посвящен пропаганде о целях партизанской борьбы и призвал население помогать партизанам. В этот же день группа партизан Ф. Яблонского разгромила полицейский отряд в с. Жодишки. На следующий день отряд Ваупшасова занял лесопильный завод в с. Жердели (англо-французская концессия). На этом заводе также был созван митинг заводских рабочих. Затем в междуречье рек Ислочь и Березина отряд Ваупшасова разгромил полицейский кавалерийский эскадрон.

Прощание с В. И. Лениным в Колонном зале Дома Союзов 23–27 января 1924 г. (из фондов РГАСПИ)

Прощание с В. И. Лениным в Колонном зале Дома Союзов 23–27 января 1924 г. Слева направо: М. М. Лашевич, Ф. Э. Дзержинский, В. Д. Бонч-Бруевич, К. Е. Ворошилов, А. Я. Беленький, В. А. Аванесов (из фондов РГАСПИ)

30 июля помощник начальника штаба РККА М. Н. Тухачевский направил заместителю наркома по военным и

морским делам М. В. Фрунзе докладную записку (гриф «совершенно секретно») с предложением создать при штабе РККА военный орган по проблемам Коминтерна. Тухачевский, в частности, писал:

«Разведупр и Оперупр (оперативное, организационное и мобилизационное управления. – *Примеч. авт.*) должны прорабатывать возможности восстаний, их характер и потребности. Организупр изучало бы необходимые формы военных организаций в различных странах для восставших. Мобупр учитывал бы пролетарские ресурсы военно-обученных, а также революционного крестьянства. Военно-исторический отдел изучал бы и суммировал опыт революционных восстаний и их подавлений и т. д. В дальнейшем эти зачаточные ячейки, вероятно, разрастутся, но они сейчас положат то необходимое начало по систематизации работы военных вопросов, связанных с политикой Коминтерна, отсутствие которого постоянно дает себя чувствовать»[945].

Военное руководство страны отреагировало на предложение Тухачевского молниеносно. На следующий день (31 июля) состоялось заседание комиссии Реввоенсовета СССР. Председательствовал Л. Троцкий, присутствовали: И. Уншлихт, М. Тухачевский, Я. Жигур[946]. Слушали доклады Тухачевского и Жигура о программе составления руководства по гражданской войне. Постановили: принять схему организации работ, предложенную Тухачевским, дополнив ее предложениями Жигура.

В начале августа началась работа по переброске оружия, боеприпасов и взрывчатки из СССР в Болгарию. Одним из руководителей этой операции был Х. И. Салнынь[947], ему помогали члены БКП Я. Андонов, Г. Мындев, П. Станев, Н. Попов, И. Винаров, Х. Генчев. Осенью 1924 г. по линии РУ РККА («активная разведка») и НВО БКП в Болгарии действовало 16 партизанских отрядов (11 коммунистических и 5 анархистских) общей численностью около 300 человек.

В течение весны – лета 1924 г. ЦК КП Эстонии все больше склонялся к тому, что при должной подготовке вооруженное восстание имеет шансы на успех. 3 августа в Таллине компартия провела антивоенную демонстрацию, в которой, несмотря на противодействие полиции, приняли участие более 3 тысяч человек. Этот факт (в числе целого ряда весенних и летних выступлений трудящихся) был воспринят руководством КПЭ как показатель роста революционных настроений пролетариата. ЦК посчитал, что «имеет превосходство над противником» и сможет организовать успешный захват власти в Эстонии.

Организационная и военно-техническая подготовка восстания велась с конца весны в условиях строжайшей конспирации. Все документы о восстании составлялись только в шифрованном виде, на планах и картах не допускалось оставлять пометки. Формирование нелегальных боевых отрядов началось с создания «троек». В составе «троек» входили в основном коммунисты, комсомольцы и особо проверенные беспартийные рабочие. «Тройки» создавались в городах Валга, Выру, Нарва, Пярну, Таллин, Тарту и др., а также в некоторых воинских частях. Старший «тройки» имел связь со связным Военной организации. Параллельно шло накопление оружия и снаряжения.

С апреля по ноябрь 1924 г. на территории Западной Белоруссии и Западной Украины партизанские отряды провели 80 крупных боевых операций. В ответ на действия партизан в конце 1924 г. польские власти предприняли следующие меры. В восточных районах Польши создали специальную структуру – Корпус охраны пограничья, которому подчинялись все военные и полицейские службы. Органы контрразведки и политической полиции стали интенсивно вербовать и засылать в пограничные районы агентуру. Агентам поручалось выявить все возможные связи партизан, их базы, склады и т. п. Для борьбы с партизанами привлекались армейские пехотные и кавалерийские подразделения с артиллерией, бронемашинами и бронепоездами. Леса блокировались специальными заградительными отрядами, на всех дорогах устанавливались контрольно-пропускные пункты, на путях возможного движения партизан устраивались секреты и засады. Уже в начале ноября партизанские отряды понесли потери.

К середине ноября подготовка вооруженного восстания в Эстонии вступила в завершающую стадию. Боевые «тройки» были сведены в десятки, из десятков сформировали роты и батальоны. В батальон входило 150–200 штыков. Всего в составе Военной организации КПЭ насчитывалось около тысячи человек, из них в Таллине – около четырехсот. Общее руководство подготовкой восстания осуществлял член ЦК КПЭ Я. Я. Анвельт[948].

Л. Д. Троцкий с делегатами V конгресса Коминтерна, 1924 г. (из фондов РГАСПИ)

17 ноября на заседании Политбюро ЦК РКП (б) М. В. Фрунзе сделал доклад о положении в Эстонии. Было принято решение оказать КП Эстонии политическую и материальную помощь, для чего создать постоянную комиссию в составе тт. Сталина, Зиновьева, Чичерина, Фрунзе, Троцкого и Уншлихта «для проверки положения и проведения всех необходимых мер». Одной из таких мер было привлечение эстонских, латышских и финских коммунистов, проживающих на территории СССР (около 10 тысяч активных штыков), для оказания помощи революционному правительству советской Эстонии. Также в Эстонию был направлен ряд сотрудников военной разведки Красной армии. В их числе был Х. Т. Туммельтау[949].

К концу ноября 1924 г. подготовка Военной организации КПЭ к вооруженному восстанию в Эстонии была в основном завершена. Одним из катализаторов, ускоривших подготовку к выступлению, стал процесс 149 коммунистов, начавшийся 10 ноября. Согласно плану, восстание должно было начаться в городах Таллин и Пярну, а затем перекинуться на другие населенные пункты. В ходе восстания предполагалось разгромить или нейтрализовать воинские подразделения противника и сразу после овладения Таллином создать революционное правительство Эстонии. Новое правительство объявило бы о

восстановлении советской власти и обратилось за помощью к СССР. Овладеть основными стратегическими пунктами Эстонии планировалось в течение суток.

Однако 1 декабря рабочие массы не поддержали восстание, и в течение суток оно было подавлено. Отдельные разрозненные попытки сопротивления продолжались в течение двух недель.

После подавления восстания в Эстонии начался белый террор. В течение трех месяцев были расстреляны несколько сот участников восстания, свыше 2 тысяч человек арестованы. Коммунистическое движение в Эстонии парализовало на полтора десятка лет. В сложной обстановке пришлось работать и советской разведке, чья деятельность затруднялась не только активностью контрразведки, но и потерей агентурных сетей.

В конце 1924 г. попытки вооруженных выступлений предпринимались и в Польше, где «активная разведка» стимулировала развитие военных организаций компартий Западной Белоруссии (КПЗБ) и Западной Украины (КПЗУ). 30 ноября на II конференции КПЗБ был выдвинут лозунг свержения польского правительства и принято решение о подготовке вооруженного восстания. Руководителем Нелегальной военной организации КПЗБ являлся Л. Н. Аронштам[950] (псевдонимы Якуб Черняк, Артур), работавший в КП Польши. Основную боевую силу западно-белорусской «военки» составляли отряды «активной разведки». Несколько позже аналогичное решение было принято окружной организацией КПЗУ на Волыни. Руководителем волынской парторганизации и идеологом вооруженного восстания являлся П. И. Кравченко[951], известный польской полиции как Александр Форналь и Рожанский. Начальником штаба военной организации являлся В. И. Крайц[952] (псевдоним Барвиненко). Последним членом «тройки» был Э. С. Ступ[953] (псевдоним Герман). Из членов «военки» началось формирование десятков и сотен. К концу 1924 г. на Волыни «с ружьем у ноги» находились более 3 тысяч членов организации. Однако планам не суждено было сбыться.

В ночь с 7 на 8 января 1925 г. один из партизанских отрядов был прижат польскими войсками к советской границе и с боем прорвался на территорию СССР. При этом партизаны разгромили советскую пограничную заставу у местечка Ямполь. Поскольку часть бойцов отряда была одета в польскую военную форму, советские пограничники решили, что нападение совершило подразделение польской армии. Этот инцидент вызвал резкое неудовольствие военно-политического руководства СССР. Было назначено расследование. 25 февраля по представлению комиссии во главе с В. В. Куйбышевым Политбюро ЦК РКП (б)

принято постановление об «активной разведке». (Текст проекта этого постановления вы найдете в конце главы.)

Согласно решению Политбюро, все вопросы организации нелегальной военной работы на территории иностранных государств передавались в ведение ЦК и Коминтерна. Устанавливалось, что: 1) ни в одной стране не должно быть активных боевых групп, руководимых специальными службами СССР; 2) боевая и повстанческая работа должна осуществляться только по линии национальных компартий; 3) РКП (б) и Коминтерн могут осуществлять помощь национальным компартиям по организации работы в армиях их стран и по созданию национальных боевых кадров; 4) в интересах СССР в пограничных странах создаются конспиративные боевые организации (группы), не связанные с компартиями своих стран; 5) в мирное время эти организации готовятся к диверсионной работе на территории своей страны в случае ее нападения на СССР; 6) активизируются они только во время военных действий, а во время революции передаются в распоряжение компартий своих стран.

Ф. Э. Дзержинский и А. Я. Беленький в автомобиле, 1925 или 1926 г. (из фондов РГАСПИ)

В марте 1925 г. началось расформирование отрядов «активной разведки» в Польше. ЦК КПЗБ направил всем командирам партизанских отрядов циркуляр с приказом прекратить диверсионные и террористические операции. Члены КПЗБ (в том числе и сотрудники НВО) были обязаны направить все усилия на организацию массовой агитационно-пропагандистской работы среди крестьян. Часть партизан вывели на территорию СССР, часть переехала на новое место жительство в другие районы Польши. Однако, как и на Волыни, польские спецслужбы сумели выявить и арестовать более двух тысяч партизан и подпольщиков.

Аналогичные меры предпринимались Коминтерном и в Болгарии, но было уже поздно. 16 апреля 1925 г. в софийском соборе Св. Воскресения, во время отпевания убитого генерала Георгиева, боевиками из числа болгарских коммунистов был осуществлен мощный взрыв. Целью теракта были члены болгарского правительства во главе с А. Цанковым, присутствовавшие на отпевании. По замыслу организаторов теракта (Военный центр БКП при содействии советников ИНО ОГПУ, РУ РККА и Коминтерна) после ликвидации членов правительства в Болгарии должны были начаться вооруженные выступления рабочих и крестьян. Эти выступления компартии надлежало перевести в вооруженное восстание.

Однако все произошло с точностью до наоборот: погибли около 150 человек, но объекты покушения не пострадали. Болгарские рабочие и крестьяне (в большинстве своем – православные!) не только не поддержали боевиков, но и отреагировали на теракт крайне негативно. Что же касается правительства, то оно отреагировало на теракт мгновенно – сразу после взрыва в Болгарии было введено военное положение. Полиция и спецслужбы начали облавы и аресты всех лиц, заподозренных в коммунистической деятельности, по заранее составленным спискам. Непосредственные участники покушения были казнены, большинство из тех, у кого находили оружие и взрывчатку, также получали смертные приговоры, сочувствующие компартии арестовывались. Вооруженное восстание было подавлено, не успев начаться. Частично восстановить свои силы БКП сумела только к концу 1930-х гг.

Ф. Э. Дзержинский принимает парад войск ВЧК Московского гарнизона на Красной площади 11 декабря 1924 г. В первом ряду (слева направо): 1-й – В. А. Герсон, 3-й – И. С. Уншлихт, 5-й – А. Я. Беленький, 7-й – Демьян Бедный (из фондов РГАСПИ)

Еще одним негативным последствием взрыва стало решение резидента РУ РККА в Вене (координатор работы на Балканах) В. С. Нестеровича[954] порвать с советской разведкой. Осведомленный об организаторах теракта и его истинных причинах, Нестерович прибыл в Берлин, где предложил французскому консулу в обмен на секретную информацию предоставить ему французский паспорт и беспрепятственный проезд во Францию. Он стал первым сотрудником РУ РККА, оставшимся за границей «из-за политических разногласий с властью», что крайне обеспокоило советское руководство. 6 августа 1925 г. по заданию начальника ИНО ОГПУ М. Трилиссера Нестерович был отравлен боевиками из состава военного аппарата КПГ в пивной немецкого г. Майнц (в пиво ему подмешали яд).

С 1925 г. в ИККИ началась планомерная работа по подготовке кадров для национальных компартий в собственных учебных заведениях. К тому времени у Коминтерна имелись: Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ; существовал с апреля 1921 г. по 1938 г., имел филиалы в Баку, Иркутске и Ташкенте); Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ им. Ю. Ю. Мархлевского; существовал с ноября 1921 г. по 1937 г., имел филиал в Ленинграде). В 1925 г. дополнительно были созданы Международная Ленинская школа (МЛШ; существовала с мая 1925 г. по 1938 г.) и Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК; существовал с ноября 1925 г. по 1930 г.). Все эти

учебные заведения (кроме указанных филиалов) располагались в Москве. Наряду с гуманитарными и политическими дисциплинами в них изучались и военные и военно-специальные предметы.

14 августа 1925 г. состоялось совещание представителей ОГПУ, РУ РККА, ИККИ и НКИД по вопросу о разведывательной работе в иностранных государствах и о работе с местными компартиями. Член коллегии НКИД С. И. Аралов в записке на имя Чичерина докладывал о результатах совещания:

«Из обмена мнениями выяснилось, что заинтересованные ведомства в настоящее время заинтересованы в максимальном вытеснении работы из пределов наших миссий. Полпредство пока должно являться лишь пунктом связи для передачи сведений о местной стране и Москвой. Вся работа должна делаться вне наших официальных учреждений. <…>

Также признано вредным и опасным работать с местной компартией или через нее и пользоваться ее аппаратом. В настоящее время (как это было в Праге) работа производилась и производится все же и местной партией, но работа каждого отдельного работника, который ведет ее с нашими органами, и особенно по линии Разведупра, производится с согласия ЦК местной партии, и ни один сотрудник не был взят без согласия чешской партии. Но при обмене мнений выяснилась желательность, и эту форму связи нужно наивозможно сократить. Признано желательным там, где невозможно обойтись без помощи местной партии, это делать организованным порядком через ЦК и с согласия Коминтерна, т. е. что каждый работник должен быть тщательно проверен не только местной партией, но и Коминтерном (т. Пятницким). Признано желательным, что работники, которых будет давать местная партия, должны выходить из партии и в своей работе поступать в полное подчинение соответствующему органу, с которым они работают. Но чтобы товарищи, которые будут работать с нами и поэтому выйдут из партии, не теряли в будущем возможность вновь войти в партию – под конспиративным именем список таких товарищей должен вестись в Москве у т. Пятницкого. Тов. Берзин указал, что невозможно обойтись без квартир и адресов местных партийных товарищей.

Наше совещание указало, что только в крайних случаях можно пользоваться квартирами и адресами или неответственных работников, или людей, которые симпатизируют, но не состоят членами партии»[955].

Ф. Э. Дзержинский, 1925 г. (из фондов РГАСПИ)

В конце 1925 г. вопрос о возможности мировой революции в Европе не поднимался, а 1926 г. стал годом серьезных преобразований, связанных с острейшей политической борьбой за власть в партии и государстве внутри ВКП (б)[956].

Как мы упоминали ранее, в этой борьбе высшие советские руководители опирались на лично преданных им сторонников в партийно-государственном аппарате и ОГПУ. Однако Сталин, также имевший своих людей в этих структурах, пошел дальше. После избрания в 1922 г. Генеральным секретарем ЦК РКП (б) он приступил к созданию собственной секретной службы, тщательно скрытой внутри Секретариата ЦК. С начала 1920-х гг. его наиболее закрытой структурой явилось Бюро ЦК (с 1926 г. – Секретный отдел ЦК, с 1934 г. – Особый сектор ЦК). Именно там работали доверенные сотрудники Сталина: И. П. Товстуха[957], А.

Н. Поскребышев[958], Б. А. Двинский[959].

С. С. С. Р.

Об'единенное Государственное Политическое Управление.

Ордер № 7323

Ноября дня 1924 г.

Выдан сотруднику Оперативного Отдела О.Г.П.У.

тов. .....

на производство Ареста и обыска

Всех подозрительных

по адресу: г. Москва и окрестности

ПРИМЕЧАНИЕ. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на имя которого выписан ордер, полное содействие для успешного выполнения.

М. с. п. печать.

Зам. Председателя О. Г. П. У.

Начальник Оперативного Отдела

Справка

Ордер ОГПУ, 1924 г. (из частного архива)

В 1924 г. руководителем личной охраны Сталина становится начальник Оперативного отдела ОГПУ К. В. Паукер[960]. Он отвечал за охрану высших руководителей партии и государства и был в курсе многих тайн. А противоречия (в том числе и личные) в высшем эшелоне военно-политического руководства РКП (б) – ВКП (б) во многом определяли работу не только государственных органов СССР, но и спецслужб СССР и Коминтерна. Сын И. Пятницкого так писал о Сталине, его личной секретной службе и о ее роли в борьбе за влияние Сталина в Коммунистическом Интернационале:

«До 1925 года Сталин серьезно делами Коминтерна не занимался. Но он прекрасно понимал, что для того, чтобы стать

наследником Ленина, недостаточно стать руководителем своей партии и страны. Для этого необходимо стать признанным вождем мирового коммунистического движения. Вот почему с весны 1925 года Сталин начал активно участвовать в его работе.

Имеются данные, что после 1925 года он создал в своем Секретариате специальный сектор для контроля над работой Коминтерна и, в частности, за деятельностью его Исполкома. Кто входил в его состав, до сих пор остается тайной. Но совершенно ясно, что в Особом секторе Секретариата Сталина хранились копии всех документов ИККИ и досье на всех руководителей Коминтерна»[961].

В. М. Жухрай, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС изложил свою версию о секретной службе Сталина:

«В конце 1925 года, в условиях враждебного капиталистического окружения, в условиях ожесточенной классовой борьбы в стране и партии, когда иностранными разведками плелись бесконечные заговоры против советской власти, Сталин, в целях защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, был вынужден создать личную стратегическую разведку и контрразведку.

В задачу этой личной специальной службы Сталина входило изучение и регулярное освещение деятельности за рубежом наиболее важных и известных в мире политических деятелей (особенно закулисных сил, стоящих за их спиной и в действительности правящих капиталистическим миром), а также руководителей разведок ведущих капиталистических стран. Благодаря отличной конспирации о работе этой сталинской службы как внутри страны, так и за ее пределами ничего не было известно. Службу возглавляли два помощника Сталина, руководившие вместе с ним ее работой. Встречи и работу с ними он тщательно скрывал от своего официального окружения: Сталин много раз говорил, что „разведка лишь тогда работает успешно, если о ней никто ничего не знает“»[962].

Жухрай пишет, что в своих выводах он опирался на личные беседы с руководителями сталинской спецслужбы. Его последователь В. В. Вахания приводит следующие данные о сталинской службе безопасности:

«Сталин понимал, что в данных условиях он не может полагаться на лояльность и объективность официальных органов государственной безопасности. Так возникла личная секретная служба Сталина.

Первоначально, после создания, секретную службу возглавлял Сергей Варламович Николаев, начальник особого

отдела Первой Конной армии. В последующем ее руководителями были генералы Александр Михайлович Лавров, Александр Михайлович Джуга и Юрий Михайлович Марков (псевдонимы). Сообщения поступали Сталину под псевдонимом „товарищу Иванову“. Особенностью личной секретной службы Сталина являлось то, что на территории собственной страны она действовала с соблюдением правил жесточайшей конспирации, что практически гарантировало отсутствие противодействия со стороны противников»[963].

Активность коминтерновских структур и специальных служб СССР в западных странах в 1923–1924 гг. не осталась без внимания со стороны их военно-политического руководства. Особую озабоченность в этом отношении проявляло руководство граничивших с СССР стран. После подавления вооруженного восстания в Эстонии в декабре 1924 г. их взаимодействие усилилось. 16–17 января 1925 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) состоялась конференция представителей Латвии, Польши, Финляндии и Эстонии. На конференции было принято секретное соглашение о создании «единого фронта против большевизма». С 31 марта по 2 апреля в Риге собрались военные представители Латвии, Польши, Финляндии, Эстонии и Румынии. Ведущую роль в организации последнего совещания играло военно-политическое руководство Польши, стремившееся придать своей стране роль восточноевропейского лидера. За кулисами военного совещания в Риге незримо присутствовали Великобритания и Франция, имевшие в этом регионе свои геополитические интересы.

В сложившихся условиях в совместной военно-конспиративной деятельности Коминтерна и советских спецслужб все большее значение приобретает задача защиты СССР от иностранной интервенции. Для этого во второй половине 1920-х гг. было осуществлено несколько специальных проектов. Наиболее интересными разработками, осуществленными ИККИ совместно с РККА и ОГПУ в области повышения обороноспособности СССР, стало создание специальных подразделений. Костяком этих подразделений были коминтерновские кадры, способные воевать в особых условиях как на приграничных территориях СССР, так и за рубежом.

Одной из таких частей явился Карельский отдельный егерский батальон, сформированный в октябре 1925 г. в Петрозаводске. В составе батальона были три стрелковые и одна пулеметная роты, а также отдельные взводы: конной разведки, связи, артиллерийский, саперно-маскировочный. Под термином «саперно-маскировочный взвод» в конце 1920-х – начале 1930-х

гг. в РККА значились специальные диверсионные подразделения. Мы предполагаем, что подобный взвод, созданный в составе Карельского егерского батальона, мог быть экспериментальным. Личный состав батальона (в первую очередь комсостав) комплектовался в основном из «красных финнов», имевших боевой опыт и закончивших Петроградскую интернациональную военную школу.

С учетом специфики географических и климатических условий боевая подготовка батальона осуществлялась по образцу финской армии и на основе ее воинских уставов. Библиотека батальона, как и библиотека интернациональной военной школы, состояла преимущественно из финских изданий. Название «егерский» несло в себе политический и военный смысл. Идеологически батальон противопоставлялся «белым» финским егерям. С военной стороны егеря – легкая пехота с отменной стрелковой подготовкой – предназначены для действий в условиях сильно пересеченной местности. Первым командиром батальона стал опытный военспец Э. Матсон[964].

С 1925 г. одним из основных центров по подготовке разведчиков, в том числе по обучению их навыкам диверсионных операций, стало ОГПУ. В числе первоочередных задач боевиков советской разведки было физическое устранение политических противников рабоче-крестьянской власти за рубежом. Не менее важным направлением явилось создание сети разведчиков-нелегалов, подготовленных для проведения диверсий во враждебных СССР государствах в случае войны. В составе органов госбезопасности подготовкой и проведением специальных операций за рубежом занимались два подразделения: Иностранный отдел и Особая группа при председателе ОГПУ.

В задачи Иностранного отдела входило не только добывание сведений о намерениях противников СССР, но и ликвидация лидеров контрреволюции, а также расправа с предателями из своей среды. Особая группа, созданная председателем ОГПУ В. Р. Менжинским во второй половине 1926 г., первоначально задумывалась как параллельный (независимый от ИНО) разведывательный центр, предназначенный для выполнения специальных операций стратегического характера. Создание параллельных структур с аналогичными задачами позволяло иметь каналы перепроверки информации, а в случае провала одной из линий компенсировать неудачу активизацией другой.

На этом фоне позиции сталинской группировки постепенно упрочнялись. После смерти М. В. Фрунзе осенью 1925 г. его посты председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора занял близкий Сталину К. Е. Ворошилов. А когда летом 1926 г. скончался

председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский, на его место назначили В. Р. Менжинского, не имевшего должного собственного политического веса. Июльский (1926 г.) пленум ЦК ВКП (б) вывел из состава Политбюро Зиновьева. На октябрьском (1926 г.) пленуме ЦК из Политбюро были исключены Троцкий и Каменев, а Зиновьев смещен с поста председателя Исполкома Коминтерна. Временное исполнение обязанностей председателя ИККИ поручили Н. И. Бухарину.

В конце мая 1927 г. правительство Великобритании выпустило «Белую книгу», содержащую ряд документов, свидетельствующих о подрывной деятельности СССР против Соединенного Королевства, в том числе документы, захваченные при налете на полпредство СССР в Пекине 6 апреля 1927 г. 27 мая британское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений с СССР. В отличие от фальсифицированного «письма Зиновьева» от 15 сентября 1924 г., якобы адресованного ЦК КП Великобритании[965], документы из «Белой книги» представляли реальную угрозу для руководства ВКП (б) и Коминтерна. 28 мая Политбюро ЦК ВКП (б) приняло специальное постановление «О мерах конспирации». В постановлении указывалось:

«а) Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНОГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа.

б) Шифры менять каждый день, проверить состав шифровальщиков, послать специальное лицо с неограниченными правами по осуществлению строжайшей конспирации шифровальной работы. <…>

в) Проверить состав представительств ИНОГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа.

г) Строжайше проверить состав сотрудников полпредств, торгпредств и прочих представительств за границей.

д) Безусловно отказаться от метода шифропереписки телеграфом или по радио по особо конспиративным вопросам. Завести систему конспиративных командировок и рассылки писем, каковые обязательно шифровать.

е) Отправителей конспиративных шифровок и писем обязать иметь специальные клички, воспретив им подписываться собственным именем.

ж) Отменить систему широкой информации полпредств через рассылку особых докладов.

з) Еще раз проверить архивы представительств с точки зрения строжайшей конспирации и абсолютного обеспечения от провалов.

и) Наблюдение за соблюдением вышеуказанных пунктов

поручить специальной комиссии в составе тт. Косиора, Пятницкого и Ягоды.

к) Создать специальную комиссию в составе тт. Рыкова, Шейнмана и Рудзутака для приведения в порядок финансовых операций Госбанка по обслуживанию революционного движения в других странах с точки зрения максимальной конспирации»[966].

Ф. Э. Дзержинский, В. А. Балицкий, С. Ф. Реденс и О. М. Блат в автомобиле. Харьков, 28 мая 1926 г. (из фондов РГАСПИ)

А. И. Рыков, К. Е. Ворошилов, Г. Г. Ягода, М. И. Калинин, М. П. Томский, И. В. Сталин выносят гроб с телом Ф. Э. Дзержинского из Колонного зала Дома Союзов 22 июля 1926 г. (из фондов РГАСПИ)

Гроб с телом Ф. Э. Дзержинского несут на Красную площадь через площадь Свердлова (ныне Театральная). В группе (слева направо): И. С. Уншлихт, Мусабеков, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев, Толоконцев, С. В. Косиор, Л. Д. Троцкий, Г. Г. Ягода, Ем. Ярославский, В. М. Молотов, Н. И. Бухарин, И. В. Сталин, А. С. Енукидзе, Г. Е. Зиновьев, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, А. Я. Беленький (из фондов РГАСПИ, фото Г. Петрова)

Сотрудник ИНО ОГПУ Г. Агабеков, служивший в указанный период в советском посольстве в Персии (Иране), в своих мемуарах писал, каким образом выполнялись решения Политбюро о повышении конспиративности в работе:

«В середине 1927 года, после обысков, произведенных китайской полицией в советских консульствах в Шанхае и Кантоне, пришла циркулярная телеграмма для полпредства, торгпредства, Разведупра и ОГПУ с предписанием просмотреть архивы этих учреждений и уничтожить документы, которые могли бы компрометировать работу советской власти за границей. Полпредство и торгпредство немедленно приступили к разбору архивов. Отобрали колоссальные кипы бумаг, подлежащих сожжению. Целую неделю эти бумаги жгли во дворе полпредства. Пламя поднималось так высоко, что городское управление, думая, уж не пожар ли в советском полпредстве, хотело прислать пожарных.

Мы получили более строгое распоряжение. Москва предписывала уничтожить вообще весь архив и впредь сохранять переписку только за последний месяц, но и ее предлагалось хранить в таком виде и в таких условиях, чтобы, в случае налета на посольство, можно было немедленно уничтожить весь компрометирующий материал»[967].

Правительство Великобритании, напуганное успехами китайской революции в конце 1926 – начале 1927 гг., стремилось сохранить там свои позиции. 23 февраля 1927 г. министр иностранных дел О. Чемберлен направил правительству СССР ноту с требованием прекратить военную поддержку Гоминьдану и «антианглийскую пропаганду» в Китае под угрозой разрыва дипломатических отношений. Несколько позже антисоветски настроенные силы в Великобритании и Германии начали обсуждение плана англо-германского военного вторжения в СССР. В марте 1927 г. заместитель председателя «Русского общевоинского союза» (РОВС) генерал А. П. Кутепов провел совещание в Финляндии с членами боевого крыла РОВС, где заявил о необходимости немедленно начать террористические акции в СССР.

3 июня в жилом доме сотрудников ОГПУ на ул. Малая Лубянка в Москве боевики РОВС М. Захарченко-Шульц, А. Опперпут-Стауниц и Н. Вознесенский заложили взрывное устройство весом 4 килограмма и зажигательные бомбы. 6 июня Г. Радкевич бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ в Москве. 7 июня В. Ларионов, С. Соловьев и Д. Мономахов бросили 2 бомбы в здании Центрального партийного клуба на ул. Мойка в Ленинграде. В этот же день в Варшаве Б. Ковердой убит полпред СССР в Польше П. Войков. В Минске в результате диверсии погиб начальник ОГПУ Белоруссии И. Опанский. В конце июня при переходе турецко-советской границы задержан эмиссар Парижского бюро ЦК СДПГ (м) И. Карцивадзе с директивами Н. Жордания о подготовке антисоветского восстания в Грузии.

Мы не будем подробно останавливаться на всех событиях 1927 г., но отметим, что в тот год состоялись многочисленные бои (более 100) оперативников и пограничников ОГПУ с диверсантами и бандами, как засылаемыми из-за рубежа, так и действовавшими на территории нашей страны.

Одновременно усилились разногласия в рядах ВКП (б). Член Президиума Центральной контрольной комиссии А. А. Сольц в 1927 г. заявил, что ОГПУ, возможно, придется арестовать оппозиционеров во главе с Троцким. Один из троцкистов – бывший командующий Московским военным округом Н. И. Муралов – в частном разговоре сказал, что при таком накале

внутрипартийной борьбы дело может дойти до перестрелки. Военно-политическое руководство СССР использовало сложившуюся ситуацию для ужесточения карательной политики (6 июня была введена в действие знаменитая 58-я статью УК) и для разгрома в ноябре – декабре троцкистско-зиновьевской оппозиции.

В 1927 г. эмигрант М. А. Алданов написал о Сталине: «Это человек выдающийся, бесспорно, самый выдающийся во всей ленинской гвардии. Сталин залит кровью так густо, как никто другой из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева. Но свойств редкой силы воли, бесстрашия, по совести, отрицать в нем не могу. Для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная, – этим он резко отличается от многих других большевиков»[968].

В итоге Сталин оказался победителем во внутрипартийной борьбе за власть. В директиве ЦК ВКП (б) «О мерах борьбы с оппозицией» (1928 г.) указывалось, что оппозиция использует аппарат ВКП (б) и Всесоюзного Ленинского союза молодежи и пытается разрушить их изнутри. Перед органами госбезопасности ставилась задача информировать местные партийные организации об участниках подпольных групп троцкистской и сапроновской[969] оппозиции и сократить до минимума аресты и ссылки.

В самом ОГПУ происходил непростой процесс устранения нелояльных по отношению к Сталину руководителей. Летом 1928 г. заместители председателя ОГПУ Г. Г. Ягода и М. А. Трилиссер не поддержали предложение Сталина и его сторонников о применении чрезвычайных мер в отношении лидеров оппозиции. Начиная с 1929 г. против ряда польских коммунистов, проживавших в СССР, стали выдвигаться обвинения в принадлежности к Польской организации войсковой (ПОВ). Вначале устранение кадров из ОГПУ происходило путем перемещения на хозяйственную и советскую работу. Так, в августе 1931 г. по делу «Весна» сняты с постов Л. Н. Бельский (полпред ОГПУ по Московской области), И. А. Воронцов (начальник Административно-организационного управления), Е. Г. Евдокимов (начальник Секретно-оперативного управления), С. А. Мессинг (начальник Иностранного отдела), Я. К. Ольский (начальник Особого отдела).

В декабре 1929 г. Спецотделение при Коллегии ОГПУ было расформировано. Охранять высшее руководство страны стали сотрудники 5-го отделения Оперативного отдела СОУ ОГПУ; работники 2-го отделения Оперотдела осуществляли негласное наружное наблюдение.

В 1930 г. Восточный, Контрразведывательный и Особый отделы объединены в единый (Особый) отдел. В 1931 г. 1-е отделение Оперотдела отвечало за наружное наблюдение, негласные аресты и негласную охрану, 4-е – за охрану руководителей и обслуживание правительственных объектов. В том же году Секретный и Информационный отделы объединили в Секретно-политический отдел (начальники – Я. С. Агранов, Г. А. Молчанов). Со стороны ЦК отдел курировали сотрудники секретариата Генерального секретаря Л. З. Мехлис и А. Н. Поскребышев. За всеми лидерами оппозиции велось агентурное и наружное наблюдение силами Оперативного, Секретно-политического и Специального отделов.

Целостной единой системы обеспечения комплексной безопасности высшего политического руководства в СССР во второй половине 1920-х гг. не существовало. Большинство первых лиц государства гласно или негласно охраняли небольшие группы вооруженных охранников, которые сопровождали своих подопечных далеко не всегда. Советский дипломат-невозвращенец Г. Беседовский, которого в октябре 1927 г. перед отъездом в Париж принял Сталин, писал о сотруднике охраны на входе в здание ЦК: «Я чувствовал, что ему очень хотелось попросить меня открыть мой портфель, но он не решился, очевидно, предъявить такое требование, так как на предложенные мне несколько вопросов я ответил в сухом тоне и попросил не задерживать меня по пустякам»[970].

В конце 1931 – начале 1932 г. была усилена личная охрана Сталина. В то время большинство высших руководителей СССР еще позволяли себе ходить по улицам Москвы пешком, без многочисленной охраны или в сопровождении лишь одного бойца. Как следует из воспоминаний Н. С. Власика[971], в то время основным охранником Сталина был литовец И. Юсис. Во время прогулки по центру столицы 16 ноября 1931 г. между 15 и 16 часами на улице Ильинка Сталин случайно повстречался с нелегально прибывшим в СССР эмиссаром эмигрантских организаций, членом «Русского общевоинского союза» и Торгово-промышленного комитета Огаревым. Узнавший Сталина Огарев выхватил из кармана револьвер и хотел произвести выстрел. Сотрудник ОГПУ П. А. Коркин, сопровождавший Огарева под видом «хозяина конспиративной квартиры», сумел перехватить руку эмиссара; другие сотрудники негласного наружного наблюдения оперативно отреагировали и обезоружили нападавшего. Попытка террористического акта в отношении высшего руководителя страны была предотвращена.

По данному факту заместитель председателя ОГПУ И. А.

Акулов 18 ноября направил в Политбюро сообщение за № 40919. Резолюция В. М. Молотова на сообщении гласила: «Членам ПБ. Пешее хождение т. Сталина по Москве надо прекратить» (ниже стоят подписи Л. М. Кагановича, М. И. Калинина, В. В. Куйбышева и А. И. Рыкова)[972]. В биографии Коркина в дальнейшем указывалось, что он «отвел руку врага, покушавшегося на жизнь вождя народов».

В 1932 г. начальником группы личных охранников Генерального секретаря стал Н. С. Власик.

В начале 1930-х гг. функцию личной охраны Сталина выполняли три сотрудника, на постах у сталинской дачи в Кунцеве с винтовками (затем с автоматами) также стояли три человека. На территории дачи дежурили 2–3 сотрудника охраны. С внешней стороны забора находились 3–4 оперативника, еще один нес службу у ворот.

В 1932 г. нелегально вышла анонимная работа «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». В ней, в частности, говорилось:

«Самый злейший враг партии и пролетарской диктатуры, самый злейший контрреволюционер и провокатор не мог бы лучше выполнить работу разрушения партии и соц. строительства, чем это делает Сталин. <…> Сталин объективно выполняет роль предателя социалистической революции. <…> Было бы непростительным ребячеством тешить себя иллюзиями, что эта клика, обманом и клеветой узурпировавшая права партии и рабочего класса, может их отдать добровольно обратно. Это тем более невозможно, что Сталин прекрасно понимает, что партия и рабочий класс не могут простить ему ужасающих преступлений перед пролетарской революцией и социализмом. При таком положении вещей у партии остается два выбора: или – или. Или дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или силою устранить эту клику и спасти дело коммунизма. <…> Само собою разумеется, что в этой работе нужна величайшая конспирация, ибо Сталин, несмотря на то что мы последовательные ленинцы, обрушит на нас все свои репрессии»[973].

Автором статьи был М. Н. Рютин, возглавлявший подпольный «Союз марксистов-ленинцев». (Примечательно, что в 1927 г. Рютин был одним из организаторов рабочих дружин, которые разгоняли в Москве демонстрации троцкистов, приуроченные к 10-й годовщине Октябрьской революции.)

В 1932 г. аналогичные рютинским предложения об устранении Сталина высказал Троцкий: «Сталин завел нас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав

сталинщину. Надо довериться рабочему классу, надо дать пролетарскому авангарду пересмотреть всю советскую систему, беспощадно очистить ее от накопившегося мусора. Надо, наконец, выполнить последний настойчивый совет Ленина: убрать Сталина»[974]. Еще через год Троцкий писал, что, если Сталин и его сторонники не отдадут власть добровольно, оппозиция сможет их устранить с помощью «полицейской операции».

И. В. Сталин с охранником на московской улице

Мы не утверждаем, что слова «убрать» и «устранить» в устах лидеров оппозиции идентичны слову «убить», но… Заместитель начальника 9-го Управления КГБ СССР М. С. Докучаев, описывая 1930-е гг., отмечал: «В сентябре 1932 года председатель Совета народных комиссаров В. М. Молотов предпринял поездку по горнорудным и промышленным районам Сибири. После посещения одной из шахт Кузбасса (в г. Прокопьевске. – *Примеч. авт.*) машина, на которой он ехал, внезапно свернула с дороги и покатилась с насыпи. Она опрокинулась и остановилась на самом краю оврага. Молотов и сопровождавшие его лица отделались легкими ушибами и чудом избежали смерти. Машиной управлял Валентин Арнольд, член местной троцкистской организации, которой руководил известный сподручный Троцкого Шестов. По

его заданию Арнольд должен был совершить террористический акт. Он не удался лишь только потому, что водитель в последний момент потерял самообладание и затормозил»[975].

В марте – апреле 1933 г. по обвинению в примиренческом отношении к оппозиционерам из состава республиканских, краевых и областных коллегий исключены 23 члена, уволены 58 руководящих работников краевых и областных управлений ОГПУ. К 1934 г. в штате Секретно-политического отдела (с учетом территориальных органов) состояли 2400 человек. В структуре отдела имелись четыре отделения: 1-е надзирало за оппозиционными элементами из числа членов ВКП (б); 2-е – за бывшими меньшевиками, эсерами, анархистами, кадетами и членами других партий; 3-е занималось церковнослужителями всех конфессий и сект и представителями бывших правящих классов; 4-е отвечало за работу в среде городской и сельской интеллигенции и учащейся молодежи. В 1930–1934 гг. при активном участии сотрудников Секретно-политического отдела раскрыты и ликвидированы нелегальные организации, состоявшие из приверженцев Троцкого и других противников Сталина: «контрреволюционная троцкистская группа Смирнова и др.», «антипартийная контрреволюционная организация правых Слепкова и др.», «антипартийная контрреволюционная группировка Эйсмонта и др.», «Всесоюзный троцкистский центр» и прочие.

В опубликованных материалах разных авторов отмечается, что в августе – сентябре 1933 г. пребывание Сталина на юге было омрачено тремя происшествиями. 25 августа в Сочи машину с ним и Ворошиловым задел грузовой автомобиль, которым управлял пьяный водитель. В середине сентября, во время поездки на озеро Рица, один из автомобилей кортежа Сталина упал вместе с мостом в реку. 23 сентября катер со Сталиным и его спутниками обстреляли с берега из винтовок бойцы пограничного поста. Одни историки считают, что два последних происшествия инспирировал секретарь Закавказского крайкома партии Л. П. Берия, другие – что имели место несчастные случаи, третьи говорят о неудавшихся террористических актах. В любом случае бесспорно, что данные факты указывают на слабую организацию безопасности лидера ВКП (б) во время его поездок. Впрочем, в тот период охрана большинства высших должностных лиц разных стран была не на высоте: в 1932–1934 гг. террористами убиты несколько лидеров иностранных государств; 6 мая 1932 г. русский эмигрант смертельно ранил президента Франции П. Думера; 14 мая во время военного путча убит премьер-министр Японии Д. Инукаи; 29 декабря 1933 г. убит

премьер-министр Румынии И. Дука; 25 июля 1934 г. убит федеральный канцлер Австрии Э. Дольфус; 9 октября того же года убиты король Югославии Александр Карагеоргиевич и министр иностранных дел Франции Л. Барту. Указанные покушения реализованы вследствие грубейших нарушений правил безопасности, допущенных как погибшими, так и службами их охраны.

Вполне возможно, что после указанных событий у Сталина и его ближайшего окружения (Ворошилов, Каганович, Молотов и др.) усилились подозрения в отношении бывших и настоящих товарищей по Политбюро и ЦК ВКП (б). Как следует из различных источников, неприязнь к Сталину действительно имела место и была отражением не только политических противоречий, но и личных амбиций в среде высшего и среднего руководящего состава партии, Вооруженных сил и органов безопасности. Мы считаем, что в конце 1933 – начале 1934 г. у Сталина могла появиться мания преследования. После того как на «съезде победителей» (XVII съезд ВКП (б), 1934 г.) против него было подано 292 голоса из 1218, подсознательный страх перед утратой власти или перед физическим устранением мог стать доминирующим фактором, определившим многие его поступки. Несомненно, Сталин знал, что за день до выборов в ЦК на квартире Г. К. Орджоникидзе собрались оппозиционные делегаты съезда и пытались убедить С. М. Кирова в необходимости отставки Сталина.

М. С. Докучаев: «Террористу Богдану было поручено убить Сталина на одной из партийных конференций. Он сумел в мае 1934 года проникнуть в зал заседания, но не смог приблизиться к месту, где находился Сталин. К тому же в последний момент Богдан заколебался. На следующий день он был убит у себя на квартире. Его устранил Бакаев, один из бывших помощников Зиновьева по Ленинграду. Этот отъявленный убийца предполагался Зиновьевым и Каменевым, после совершения государственного переворота, на должность председателя ОГПУ с тем, чтобы замести все следы преступлений оппозиции. Об этом Бакаев поведал на следствии и судебном процессе. Однажды бакаевские боевики стреляли по катеру, полагая, что на нем совершал прогулку Сталин вдоль побережья Черного моря»[976].

10 июля 1934 г. постановлением ЦИК СССР образован НКВД СССР с включением в него аппаратов ОГПУ и НКВД РСФСР. Наркомом стал Г. Г. Ягода, его заместителями – Я. С. Агранов (1-й заместитель – Я. Ш. Соренсон) и Г. Е. Прокофьев, секретарем НКВД и секретарем Особого совещания – П. П. Буланов. Уполномоченным НКВД (куратором НКВД по РСФСР) назначен В.

Д. Фельдман, особоуполномоченным при наркоме (собственная безопасность) – А. Я. Беленький. Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) возглавил Л. Н. Бельский, Главное управление пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) – М. П. Фриновский, Главное управление пожарной охраны (ГУПО) – М. П. Хряпенков, Главное управление лагерей (ГУЛАГ) – М. Д. Берман, Сектор кадров НКВД СССР (с 16 октября 1934 г. – Отдел кадров) – Я. М. Вейншток, финансовый отдел – Л. И. Берензон, Административно-хозяйственное управление – И. М. Островский; должность главного инспектора занял Н. М. Быстрых.

На базе ОГПУ было образовано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Его работой руководил Ягода, куратором был Агранов. В составе ГУГБ имелись следующие отделы: Секретно-политический (начальник – Г. А. Молчанов) – борьба с враждебными партиями и антисоветскими элементами; Особый (М. И. Гай) – контрразведка и политический сыск в Вооруженных силах; Оперативный (Оперод; К. В. Паукер) – охрана руководителей, наружное наблюдение, обыски и аресты; Иностранный (А. Х. Артузов) – внешняя разведка; Экономический (Л. Г. Миронов) – борьба с диверсиями и вредительством в народном хозяйстве; Транспортный (В. А. Кишкин) – борьба с диверсиями и вредительством на транспорте; Учетно-статистический (Я. М. Генкин) – оперативный учет, статистика, архив; Специальный (Спецотдел; Г. И. Бокий) – обеспечение режима секретности, шифровка, особые задачи.

С. М. Киров и Ф. Э. Дзержинский на заседании 23-й (чрезвычайной) Ленинградской губернской конференции ВКП (б) 10–11 февраля 1926 г. (из фондов РГАСПИ)

Дальнейшая реорганизация органов государственной безопасности и личной службы безопасности Сталина напрямую связана с убийством С. М. Кирова (1 декабря 1934 г.). По поводу убийства есть три основные версии: официальная – Киров убит по приказу лидеров оппозиции как один из самых близких Сталину соратников; версия Троцкого – в смерти Кирова заинтересован Сталин, решивший устранить наиболее опасного соперника, а затем уничтожить оппозицию; бытовая версия – убийство Кирова совершено Л. Николаевым по личным мотивам (из ревности). Сторонники каждой приводят свои аргументы. Мы предлагаем читателям обратить внимание на следующие факты, связанные с организацией личной безопасности Кирова.

За охрану руководителей партийно-государственного аппарата в Ленинграде и области отвечал заместитель начальника управления НКВД И. В. Запорожец (Гарькавый), имевший большой опыт оперативной работы, в том числе за границей. До лета 1933 г. Кирова охраняли «оперативные комиссары» М. В. Борисов и М. Буковский, негласную охрану осуществлял швейцар в доме Кирова. Начальник Оперативного отдела Ленинградского управления А. А. Губин до назначения на эту должность 15 лет занимался в органах ВЧК – ГПУ – ОГПУ административно-хозяйственной работой.

Начальник 4-го отделения Оперода, непосредственно осуществлявшего охрану Кирова, занял свой пост после работы заведующим автомастерской Отдела связи. «Прикрепленному» оперкомиссару Борисову перевалило за 50 лет. В 1920 г. он попал в польский плен и выбыл из партии. Затем вернулся в Петроград, работал агентом по снабжению и одновременно был секретным сотрудником ВЧК. Восстановился в партии в 1931 г., затем стал штатным сотрудником ОГПУ. Ни по возрасту, ни по уровню служебной и боевой подготовки должности он не соответствовал, но Киров мирился с этим.

В 1934 г. штат гласной и негласной охраны С. М. Кирова увеличили до 15 человек, ему полагалась дополнительная машина с двухсменной группой сопровождения.

По воспоминаниям современников, Сергей Миронович охраной тяготился, к ее рекомендациям вести себя более осторожно не прислушивался. Будущего убийцу Л. Николаева дважды задерживали с оружием, но в обоих случаях отпустили. В день убийства Киров должен был выступать с докладом в Таврическом дворце в 18 часов. Не предупредив охрану, в 16 часов он направился в Смольный в сопровождении одного Борисова, вошел в здание не через служебный вход, а через парадный подъезд. Во время движения по коридорам Борисов отстал, в это время Николаев выстрелил сначала в Кирова, а затем в себя. Через день Борисов погиб или был убит во время автокатастрофы при перевозке его на допрос к Сталину. 29 декабря 1934 г. Николаева и еще 13 его «сообщников» расстреляли, Зиновьева и Каменева отправили в ссылку. Началась реорганизация личной охраны лидеров ВКП (б). С этого момента следует говорить о системном подходе к организации государственной охраны высшего руководства страны.

Вскоре после убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г. Сталин и его ближайшее окружение принимают решение о применении мер физического воздействия к врагам партии и государства. В первую очередь это касалось применения пыток к арестованным и отказывающимся давать показания контрреволюционерам, большинство из которых вождь воспринимал в качестве своих личных врагов. Убийство Кирова стало поводом к началу «большой чистки» в партии, органах безопасности, армии, советских и хозяйственных органах. Одним из первых ее этапов стало так называемое Кремлевское дело.

По одной из версий, в январе 1935 г. в Сталина стреляла сотрудница кремлевской библиотеки. Он не пострадал. Стрелявшую из «бывших» (графского рода Орловых-Павловых) задержали. Началось расследование. В июне 1935 г. на пленуме

ЦК ВКП (б) с докладом «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе» выступил секретарь ЦК ВКП (б) Н. И. Ежов[977]. В докладе было сказано, что при попустительстве Енукидзе на территории Кремля создана террористическая сеть с целью убийства Сталина. По этому делу осуждено 110 человек: 30 – Военной коллегией Верховного суда и 80 – Особым совещанием при НКВД. В числе осужденных были: дежурные помощники коменданта Кремля В. Г. Дорошин и И. Е. Павлов, секретарь коменданта Кремля А. И. Синелобов, бывший комендант Большого Кремлевского дворца И. П. Лукьянов, бывший начальник административно-хозяйственного отдела комендатуры Кремля П. Ф. Поляков. Енукидзе исключили из ЦК и из партии «за политическое и бытовое разложение» и назначили директором Харьковского областного автомобильного треста.

Согласно официальной версии, в заговоре участвовали четыре контрреволюционные террористические группы: группа служащих правительственной библиотеки во главе с Н. А. Розенфельдом (племянником Л. Б. Каменева); троцкистская группа комендатуры Кремля (Дорошенко, Синелобов); троцкистская группа военных работников во главе с начальником отделения Разведывательного управления М. К. Чернявским; белогвардейская группа Г. Б. Синани-Скалова. Идеологом покушения назван находившийся в ссылке Л. Б. Каменев (Розенфельд).

Согласно другой версии, «Кремлевское дело» инспирировано Ягодой с целью взять под контроль НКВД охрану Кремля, которая находилась в ведении Наркомата обороны. Для этого народный комиссар внутренних дел на июньском пленуме ЦК обвинил секретаря ЦИК в противодействии органам госбезопасности. Ягода заявил: «Енукидзе не только игнорировал наши сигналы, но завел в Кремле свое параллельное „ГПУ“ и, как только выявлял нашего агента, немедленно выгонял его. Конечно, все это не снимает с меня ответственности в том, что я в свое время не взял Енукидзе за горло и не заставил его выгнать всю эту сволочь»[978].

В октябре 1935 г. 1-я Советская объединенная военная школа РККА им. ВЦИК выведена с территории Кремля. Задачи по охране возложены на вновь созданный Батальон особого назначения Управления коменданта Московского Кремля. В этом сводном подразделении числились командиры охраны, несшие службу в здании СНК. Командиром батальона назначен капитан госбезопасности (соответствовало армейскому званию подполковник) П. Е. Косынкин. В ноябре военный комендант Москвы комдив П. П. Ткалун назначен комендантом Кремля вместо Р. А. Петерсона. 28 января 1936 г. Управление коменданта

Московского Кремля переведено из состава Народного комиссариата обороны в состав НКВД. 8 апреля 1936 г. Батальон особого назначения развернули в Полк специального назначения под командованием П. И. Азаркина. Полк имел в своем составе 5 дивизионов, броневзвод и полковую школу.

Действия Сталина показывают, что он не доверял руководству НКВД. Есть мнение, что благодаря каналам собственной службы безопасности уже в 1934 г. он располагал информацией о подготовке заговора с участием руководящего состава НКВД и РККА. Мы не отдаем предпочтения ни одной из версий. Наша задача – рассмотреть, как действовал лидер ВКП (б) в экстремальных ситуациях. Были заговоры или их не было, целью Сталина было установление полного личного контроля над всеми силовыми структурами государства.

Генеральный секретарь хорошо владел технологией государственного управления, описанной в книге Н. Макиавелли «Государь», к тому времени изъятой из библиотек. Мы полагаем, что Сталин решил действовать по старой схеме: путем перестановок изолировать противников друг от друга и, опираясь на одни группировки, уничтожать членов других. Он создавал такие условия, при которых для одних его противников открывались перспективы карьерного роста за счет других, сходивших с политической арены.

В пользу версии о заговорах против Сталина говорят не только показания, данные на следствии «врагами народа», но и свидетельства других лиц. В мемуарах одного из охранников Сталина (впоследствии – коменданта Большого театра) А. Т. Рыбина сказано, что в начале 1936 г. Ягода, Соренсон (Агранов), Паукер и его заместитель Волович сформировали из курсантов школы ОГПУ особую роту боевиков. В письме к Рыбину бывший курсант школы ОГПУ И. М. Орлов, ставший помощником коменданта и затем комендантом дачи «Кунцево» (до 1953 г.), вспоминал, что рота насчитывала 200 штыков. Ежедневно проводились занятия по боевой самообороне, ближнему штыковому бою, преодолению препятствий. Как впоследствии узнал Орлов, роте предстояло при содействии коменданта Кремля комиссара Ткалуна войти в Кремль и арестовать Сталина. Но заговор был раскрыт, рота расформирована.

В середине 1936 г. начались аресты политэмигрантов, в первую очередь из КП Польши. Около 35 процентов (1275 из 3669) лиц, арестованных в СССР за шпионаж, обвинялись в принадлежности к польским спецслужбам. Негативное отношение к выходцам из иностранных партий нашло отражение в чистке аппаратов ИККИ и НКВД. Сталин заявил, что Наркомат

внутренних дел задержался с разоблачением «врагов народа» на четыре года. 26 сентября 1936 г. Ягоду отстранили от руководства НКВД и назначили наркомом связи, на его место пришел секретарь ЦК, председатель Комиссии партийного контроля Н. И. Ежов. Изменения в структуре НКВД после его назначения сопровождались кадровыми перестановками и чистками в центре и на местах. Заместителями народного комиссара внутренних дел стали Я. С. Агранов (1-й заместитель), М. Д. Берман (29 сентября 1936 г.), М. П. Фриновский (16 октября 1936 г.), Л. Н. Бельский (3 ноября 1936 г.). Секретариат НКВД возглавил Я. А. Дейч. Особоуполномоченным при наркоме (должность упразднена 27 декабря 1936 г.) стал В. Е. Цесарский. Отдел кадров возглавил М. И. Литвин, Главное управление государственной безопасности – Я. С. Агранов.

Обеспечение безопасности руководства СССР во время парада на Красной площади в Москве, 1935 г. 1–6 – сотрудники охраны, 7 – контрснайперская группа (из фондов РГАСПИ)

После окончания периода «военной тревоги» (1927–1928 гг.) в нашей стране сложились объективные условия, позволявшие обобщить накопленный опыт нелегальной работы и начать более планомерную и профессиональную подготовку специалистов для «малой (тайной) войны». Появились новые и были значительно преобразованы не только международные военно-политические организации (Коминтерн, Профинтерн, МОПР и др.), но и специальные службы СССР (ИНО ОГПУ и РУ РККА). Все эти структуры были объединены общей целью активного

противодействия на всех возможных рубежах и уровнях как внутренней оппозиции, так и иностранным, в том числе и эмигрантским, организациям специальными (включая силовые и экстраконституционные) методами.

Кадры практически всех военно-политических и специальных организаций обладали огромным опытом подпольной, разведывательной, диверсионной и контрразведывательной работы. Имелись лояльные новой власти специалисты, овладевшие методикой подготовки кадров еще в военных институтах и на оперативной службе в Российской империи. Колоссальное количество опубликованных в открытой печати материалов по различным аспектам нелегальной работы составляло солидную первичную основу научной базы для подготовки молодых сотрудников. На рубеже 1929–1930 гг. планомерная работа по обучению нелегальных партизанских и диверсионных (линия «Д») кадров РККА, ОГПУ и Коминтерна вышла на новый качественный уровень.

В РККА первый этап этой работы начался в рамках концепции М. В. Фрунзе, которая предусматривала подготовку страны и ее Вооруженных сил к будущей неизбежной войне. Согласно концепции М. В. Фрунзе, обязательным условием успешности «малой войны» является заблаговременная разработка ее реального и по возможности усложненного плана, а также создание условий, обеспечивающих успех его выполнения. Первый этап плана включал в себя несколько направлений. Одно из них состояло в подготовке специальных заградительных команд («загражденцы»), способных разрушать транспортные коммуникации в западных областях СССР. Именно на этой работе началось профессиональное становление одного из наиболее заслуженных теоретиков и практиков диверсионной работы И. Г. Старинова[979]. Впоследствии он писал о работе по подготовке «загражденцев»:

«Работа связана с укреплением приграничной полосы. Нам предстоит обследовать железнодорожные участки на границе с Польшей и Румынией, подготовить их к разрушению и минированию в случае внезапного вражеского вторжения. <…> Комиссия объезжает приграничные участки на глубину до 250 километров. Мы осматриваем железнодорожные мосты, большие трубы, депо, водокачки, водонапорные башни, высокие насыпи и глубокие выемки. <…>

В конце 1929 года подготовка к устройству заграждений на границе была завершена. В округе (Украинский ВО. – *Примеч. авт.)* подготовили более 60 специальных подрывных команд общей численностью 1400 человек. Заложили десятки складов с

минно-взрывными средствами. На всех значительных мостах приграничной полосы отремонтировали минные трубы, колодцы, ниши и камеры. Припасли 1640 готовых сложных зарядов и десятки тысяч зажигательных трубок, которые можно было ввести в действие буквально мгновенно.

Помимо взрывных заграждений создавались и иные. Вся система увязывалась с системой укрепленных районов. <…>

Бойцы, охранявшие мосты (они же и подрывники), действовали слаженно и уверенно.

Шестидесятиметровый мост через реку Уборть под Олевском был, например, полностью подготовлен к разрушению при дублированной системе взрывания за две с половиной минуты.

Не знаю, как это конкретно делалось, но мне известно, что заблаговременная подготовка к устройству заграждений (разрушений) на железных дорогах в приграничной полосе проводилась и в других приграничных военных округах. Для этой цели были изданы специальное наставление („Красная книга“) и положение („Зеленая книга“). В наставлении впервые подробно описывалось, как производить порчу железнодорожного пути, мостов и других объектов на железных дорогах. Оно сыграло большую роль в совершенствовании минно-подрывных работ.

„Зеленая книга“ – положение – четко определяла варианты разрушения и порчи железнодорожных объектов в зависимости от того, на какой срок желательно вывести их из строя. Все расчеты сил и средств производились для полного и частичного разрушения. Необходимые запасы минно-подрывных средств создавались для полного разрушения дорог в полосе 60–100 километров от границы, и располагались они вблизи охраняемых объектов»[980].

Подготовка снайперов – после Первой мировой войны она стала крайне актуальной – была невозможной без оптических прицелов, но в СССР налаженного производства оптических прицелов не существовало. Отдельные малые партии кустарным образом изготавливали умельцы, но такие приборы далеко не всегда могли удовлетворить потребности постоянно наращивавшей обороты «военной машины». Эту брешь частично позволило закрыть советско-германское военное сотрудничество, которое в середине 1920-х гг. было взаимовыгодным. Оно способствовало получению передовых немецких технологий, оказавших существенное влияние на развитие производства специальной техники и вооружений в СССР.

Первые предприятия по производству качественной оптики появились в нашей стране после подписания в апреле 1926 г. Договора о дружбе и нейтралитете между Германией и СССР. В

1927 г. начались испытания 3-линейной винтовки Мосина, оснащенной оптическим прицелом Д-III, который являлся копией немецкого прицела фирмы «Цейс». С 1928 г. началось оснащение снайперским оружием спецподразделений ОГПУ и РККА.

Военно-техническое сотрудничество Германии и СССР осуществлялось по нескольким направлениям: «а) взаимного ознакомления с состоянием и методами подготовки обеих армий путем командировки лиц ком[андного] состава на маневры, полевые поездки и на академические курсы; б) в совместных хим[ических] опытах (предприятие „Томка“); в) в совместной организации танковой школы в Казани („Кама“); г) в авиационной школе в Липецке („Липецк“); д) в командировании в Германию для изучения отдельных вопросов и ознакомления с организацией работ ряда представителей отдельных управлений (УВВС, НТК, Артуправления, Главсанупра и др.)»[981].

Сотрудничество с официальными властями Веймарской республики не мешало руководству ВКП (б) по линии ИККИ и РУ РККА осуществлять военную подготовку функционеров германской компартии и других коммунистических партий и союзов. В числе важнейших направлений работы специальных военно-конспиративных комиссий Коминтерна стала подготовка коммунистических партий Запада к оказанию помощи СССР в случае нападения на него. Особые кадры Коминтерна вступали в действие по специальному плану только после объявления войны СССР или ее фактического начала. Эта работа осуществлялась параллельно с Разведывательным управлением РККА. Разведуправление РККА занималось подготовкой глубоко законспирированных диверсионных групп, члены которых не имели связи с компартиями.

В инструкции Орготдела ИККИ по работе среди войск от 31 августа 1928 г. подчеркивалось, что работа в вооруженных силах буржуазных государств необходима, так как разложение буржуазных армий является важным условием завоевания власти пролетариатом. Обязанностью каждой коммунистической (рабочей) партии является просвещение солдат и матросов, защита их интересов, организация их борьбы за свои права и руководство этой борьбой. Работа в армии и на флоте, говорилось далее, – неотъемлемая предпосылка для превращения империалистической войны в войну гражданскую, в войну пролетариата и крестьянства против буржуазии и помещиков. В этом случае основная работа компартии заключалась в привлечении на свою сторону возможно более широких масс солдат и матросов.

Но организовать диверсионные операции на территории

иностранных государств, постепенно переходящие в партизанскую войну, можно было только при условии заблаговременной подготовки соответствующих кадров. Это кадры готовились и по линии РУ РККА (диверсанты на случай войны), и по линии Коминтерна (члены военных организаций компартий). Для практической подготовки специальных кадров литеры «А» (активные действия) в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было подготовлено несколько уникальных учебных пособий по вооруженным восстаниям.

К наиболее интересным из них, являвшимися теоретической базой для подготовки «бойцов мировой революции», следует отнести следующие: «Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г.» (С. И. Черномордик, 1926 г.), «Вооруженное восстание в декабре 1905 г.» (Е. Ярославский, 1926 г.), «Идея вооруженного восстания и большевистская работа в армии» (Н. Чужак, 1929 г.), «Вооруженное восстание» (Ф. Анулов, 1930 г.), «Вооруженное восстание» (А. Ю. Нейберг, 1931 г.), «Малая война. Партизанство и диверсии» (М. А. Дробов, 1931 г.).

Исходя из глобальной ленинской теории партизанской войны, Дробов рассматривал партизанство как одну из форм вооруженной борьбы классов.

Соответственно, задачами партизанства являлись: развитие в народных массах правильного понимания вооруженного восстания и разъяснение тех условий, при которых восстание может возникнуть, протекать и успешно завершиться; организация кадров сознательных рабочих и крестьян, группирующихся вокруг революционной партии с целью активных выступлений и руководства массами для всеобщего вооруженного восстания; ускорение процесса классовой дифференциации общества и втягивание широких масс на путь революционных действий при облегчении условий организации и повышении уровня общеполитической подготовки; истощение сил противника разрушением и порчей правительственных, полицейских и военных аппаратов, телеграфа и железнодорожных линий, складов, арсеналов, транспортных средств и т. п., террором, экспроприациями оружия, боеприпасов, нападением на войска (гарнизоны) и их разложением.

В качестве одной из главных форм ведения «малой войны» Дробов рассматривал диверсии, применение которых, по его мнению, было наиболее эффективно в период проведения мобилизации. Дробов полагал, что общая задача для диверсий периода мобилизации может быть сформулирована как расстройство основных процессов мобилизации, удлинения мобилизационных сроков и нанесения материального ущерба.

Для этого следовало: помешать эвакуации промышленных предприятий, складов с запасами сырья и материалов и т. п. из приграничного района; затруднить вызов по мобилизации людей, лошадей и обоза, погрузку и выгрузку всяких предметов снаряжения армии и эвакуируемых предприятий, чтобы застопорить движение по железным дорогам; замедлить движение эшелонов и смять плановые графики, чтобы сорвать сроки мобилизации; дезорганизовать транспортные средства порчей или уничтожением паровозов, вагонов, цистерн, пароходов, автомобилей, аэропланов и проч.; уничтожать объекты железнодорожного и водного сообщения – мосты, трубы, шлюзы, водокачки, стрелочные переводы, переводные круги, электростанции и т. п.; прекратить, хотя бы на время, телеграфную, телефонную и радиосвязь; уничтожить базы, арсеналы, казармы, водопроводы, подачу света, хлебозаводы, предприятия военной промышленности и другие объекты; применить террор против военных и правительственных деятелей; дезорганизовать работу штабов и учреждений, проводящих мобилизацию.

Начиная с 1929 г. на территории Белорусского, Украинского, Ленинградского и Московского военных округов работали специальные школы по подготовке партизанских кадров. Отбор в них осуществлялся тщательно: предпочтение отдавалось имеющим опыт лицам либо лицам, владевшим нужной для диверсионной работы специальностью. Наряду с базовой военно-политической подготовкой слушатели получали подготовку и по конкретной военной профессии: сапер, разведчик, снайпер, радист.

В приграничных областях параллельно с IV (Разведывательным) Управлением Штаба РККА ОГПУ также создавало свою боевую и агентурную сеть на случай вторжения иностранных войск. Вместе с этим подготовку своих активистов к переходу на нелегальное положение в случае неизбежной войны вели и партийные органы. И. Г. Старинов, занимавшийся в 1929 г. подготовкой диверсантов в киевской спецшколе, впоследствии вспоминал об этом периоде и о людях, с которыми он тогда работал:

«Якир[982] сказал также, что минно-взрывные заграждения не могут на длительный срок вывести дороги из строя. Противник, обладая хорошей техникой, в состоянии восстановить их быстро. Поэтому будем готовить партизан для минирования восстанавливаемых противником дорог и других коммуникаций. Наша задача состоит в том, чтобы подготовить диверсантов, незаметных для противника, глубоко законспирированных. Когда

противник окажется на нашей территории, партизаны должны превратить восстанавливаемые участки в ловушки. <…>

Товарищ Баар[983], видимо, предупредил вас, что предстоит обучать людей опытных и заслуженных. Очень опытных! Стало быть, нужно преподавать им так, чтобы они не разочаровались. Азы им твердить не надо. Давайте побольше нового. Как можно больше нового! И учтите – в тактике самой партизанской борьбы они пока разбираются лучше вас. <…>

В партизанские отряды подбирались по указанию И. Э. Якира различные специалисты. Помимо совершенствования в основной специальности они глубоко изучали и смежные военные профессии. Каждый минер был и мастером маскировки. <… >

Должен заметить, что изучению оружия иностранных образцов наше командование уделяло самое серьезное внимание: ведь будущим партизанам обязательно пришлось бы пользоваться трофейным оружием. <…>

Я включился в подготовку партизанских кадров в 1929-м, но в 1932-м только понял, что подготовка к партизанской войне началась не в 1929-м. На самом деле она не прекращалась с Гражданской войны. При этом подготовка велась как по линии ОГПУ, так и по линии ГРУ.

ОГПУ готовило в основном диверсантов-подпольщиков, сильно законспирированных. По линии Народного комиссариата обороны готовили командиров, которые, попав с подразделением в тыл противника, могли перейти к сопротивлению. С этой целью в Западной Украине и Молдавии создавались скрытые партизанские базы с большими запасами минно-подрывных средств. Склады на побережье Дуная создавались даже в подводных резервуарах в непортящейся упаковке.

В 1932 году наша оборона на западных границах зиждилась на использовании формирований партизан. Войска противника, перейдя государственную границу и углубившись на нашу территорию на сотню километров, должны были напороться на укрепрайоны и увязнуть в позиционной войне. В это время на оккупированной территории партизаны начинают организованное сопротивление и перерезают противнику коммуникации. Через некоторое время, лишившись свежего пополнения, подвоза боеприпасов и продовольствия, войска неприятеля вынуждены будут отступать. Партизаны начинают отходить вместе с противником, все время оставаясь в его тылу и продолжая диверсии. Могут даже перейти государственную границу.

Это была очень хорошо продуманная система не только на случай оккупации части нашей территории. Базы закладывались

и вне СССР. Очень важно было то, что готовились маневренные партизанские формирования, способные действовать как на своей, так и на чужой территории (имеется в виду совместная работа РККА и ИККИ. – *Примеч. авт.*).

О размахе подготовки этих приготовлений можно судить по следующему факту – работали три партизанские школы. Две в ГРУ и одна – в ОГПУ. Большая школа на Холодной горе в Харькове находилась в ведении ОГПУ. Школа в Куперске готовила людей, перешедших на нашу сторону из районов Западной Украины и Белоруссии (спецшкола РККА и ИККИ по подготовке кадров КПЗБ и КПЗУ. – *Примеч. авт.*). В каждой школе одновременно обучалось 10–12 человек, хорошо законспирированных. Они готовились около шести месяцев. Большая школа была в Киеве. Она готовила офицеров, которые уже имели опыт партизанской войны. Школа подчинялась непосредственно командующему Киевским военным округом и находилась в местечки Грушки. Курсантов там даже обучали летать на самолетах!»[984].

Работу школ держали под постоянным контролем секретарь ЦК КП (б) Украины С. В. Косиор и командующий Украинским военным округом И. Э. Якир. Как следует из воспоминаний ветеранов, начальниками спецшкол в Харькове, Купянске и Киеве были М. К. Кочегаров, И. Я. Лисицын и М. П. Мельников. Кадры для партизанских отрядов готовились по следующей программе: политическая, общевойсковая, техническая и специальная подготовка. Также шло формирование командных и специальных кадров. В подготовке диверсантов основными предметами были: политическая, физическая и стрелковая подготовка; боевая тактика; конспирация; минно-подрывное дело; разведка и контрразведка. Одновременно готовились до 30–35 человек. Теоретические занятия проводились в школах по 6 часов, а практические на местности – по 8–10 часов. Мероприятия на местности маскировались под курсы и семинары лесников, пчеловодов, рыбаков, собаководов и т. п. В зависимости от предстоящих задач и состава группы подготовка занимала от 3 до 6 месяцев.

К середине 1930-х гг. Штабом РККА разработана и в ходе маневров опробована теория «глубокой операции», в которую органично вписывались разведывательно-диверсионные действия в тылу противника. Одним из авторов этой теории был заместитель начальника Штаба РККА В. К. Триандафиллов[985]. Практическое подтверждение высокой эффективности специальных подразделений получено не только в ходе учений: после окончания Гражданской войны сотрудники ОГПУ и военные

специалисты РККА имели не одну возможность проверить теоретические разработки на практике. Достаточно назвать операции по ликвидации басмачества (1922–1931 гг.), участие в боевых действиях в Китае (1924–1927 гг.), афганские события 1928–1929 гг.

Во время операции в Афганистане (руководители операции В. М. Примаков (Региббей) и А. И. Черепанов (Али-Азваль-хан)), направленной против Б. Сакао, объявившего себя эмиром, в апреле – мае 1929 г. приобретен практический опыт взаимодействия специальных подразделений с авиацией. В частности, был создан «воздушный мост» для материально-технического обеспечения наших групп, организована штурмовая авиационная поддержка в их интересах. Как показала практика второй половины XX в., авиационная (материально-техническая, тактическая, огневая и спасательная) поддержка настолько важна, что многие современные подразделения из состава сил специального назначения имеют собственную боевую, транспортную и вспомогательную авиацию.

В 1928 г. командующий Ленинградским военным округом М. Н. Тухачевский высказал идею создания воздушно-десантных войск (ВДВ). В 1930 г. в составе 11-й стрелковой дивизии Ленинградского ВО был сформирован внештатный опытный авиамотодесантнъй отряд, личный состав которого был подготовлен для выполнения прыжков с парашютом. Общее руководство созданием воздушной пехоты осуществлялось начальником военно-воздушных сил РККА П. И. Барановым[986]. Основными организаторами парашютной подготовки принципиально новых военных формирований Красной армии стали Л. Г. Минов[987] и Я. Д. Мошковский[988].

Вначале развитие воздушно-десантных войск шло в направлении небольших частей специального назначения – опытный авиамотодесантнъй отряд по численности приближался к батальону. Отдельные авиадесантные отряды создали еще в четырех военных округах европейской части СССР: Приволжском, Белорусском, Украинском и Московском. Затем отряды переименовали в авиационные (стрелковые) батальоны особого назначения (БОН). Проблемами технического оснащения Военно-десантных войск (ВДВ) занималось Особое конструкторско-производственное бюро военно-воздушных сил РККА под руководством П. И. Гроховского[989].

На уровне военных округов подготовкой к партизанской войне занимались специально созданные IV отделы штабов военных округов. Они взаимодействовали с соответствующими подразделениями и отделами республиканских и

территориальных органов ОГПУ. Например, в Белоруссии действовало Специальное бюро ГПУ БССР, с 1930 по 1936 г. осуществлявшее подготовку кадров к партизанской борьбе по своей линии. Уполномоченный этого Спецбюро А. К. Спрогис[990], служивший в тот период начальником спецшколы ГПУ, впоследствии вспоминал:

«В 1928 г. меня направили на учебу в Высшую пограничную школу. Там проходили переподготовку командирские кадры. После окончания школы я стал совершенствовать свою квалификацию на специальных курсах, где мы, группа выпускников Высшей пограничной школы, изучали разведывательно-диверсионное дело, чтобы более эффективно бороться с нарушителями границы, распознавать все их приемы и уловки. Полученные знания мы продолжали совершенствовать на практике – в Белорусском пограничном округе, куда меня направили после курсов.

В этот период (начало 30-х годов) по указанию ЦК проводились мероприятия по укреплению обороноспособности западных районов страны на случай нападения империалистического агрессора.

Мы осваивали методы партизанской борьбы, работали над созданием партизанской техники, обучали будущих партизан минно-подрывному делу. Заранее подбирались кадры организаторов военных действий в тылу врага (среди них были тогда такие товарищи, как Ваупшасов, Орловский и другие, ставшие в годы Отечественной войны героями партизанского движения). От партизан требовалась всесторонняя подготовленность, и я в числе других освоил парашютное дело, получил значок инструктора парашютизма. Все, чему мы научились в мирное время, оказало потом неоценимую помощь нам в борьбе с немецкими оккупантами. <…>

В начале 1930 г. небольшая группа слушателей Высшей пограничной школы (ВПШ) ОГПУ (в том числе и я) была вызвана в Особый отдел Центра, где имела соответствующий разговор с руководящими лицами. В частности, я хорошо помню товарища Гендина[991].

Его я знал и раньше. Из нашей группы были отобраны 30 человек, в том числе и я. После прохождения месячных специальных курсов нас направили в три пограничных округа – Ленинградский, Украинский и Белорусский – для организации и подготовки диверсионно-партизанской работы.

Установка была такова, что к весне ожидается война. Война не началась, но все группы по округам, соответствующие отделения в составе округов продолжали начатую

подготовительную работу»[992].

В 1931 г. руководством РККА и ИККИ принимается решение о реорганизации Карельского егерского батальона в бригаду. Руководитель советской Карелии Э. Гюллинг на одной из сессий ЦИК имел беседу с М. Н. Тухачевским и Б. М. Фельдманом о специфике карельских условий и просил их назначить командиром бригады Э. Матсона. К концу декабря Отдельная Карельская егерская бригада, подчиненная непосредственно командующему Ленинградским ВО, была сформирована. Командный состав бригады собирали из всех частей РККА, где имелись финны и карелы, некомплект покрывался русскими. Бригада была территориальной; состояла из штаба, политотдела, Петрозаводского и Олонецкого батальонов, артдивизиона горных 76-миллиметровых орудий, роты связи, саперной роты, подразделений боевого обеспечения и обслуживания. До осени 1935 г. бригада являлась практически единственным армейским соединением в Автономной Карельской ССР. В соответствии с оперативными планами штаба округа она должна была прикрывать Петрозаводское направление от «возможной финской агрессии» В период войны из приписного состава дополнительно формировались Заонежский и Вепсский батальоны. Предусматривалась и переброска бригады в Мурманск «для отражения возможных английских десантов». К 1935 г. бригада была готова воевать не только на своей, но и на чужой территории.

Не менее важным направлением было создание сети разведчиков-нелегалов, подготовленных для проведения диверсий во враждебных СССР государствах. Эту задачу выполняла Особая группа, которую с 1929 г. возглавил Я. И. Серебрянский[993]. С 1934 г. Специальная группа особого назначения (СГОН) Серебрянского находилась в прямом подчинении народного комиссара внутренних дел. Группа была особо засекречена и опиралась только на собственную (в основном коминтерновскую) агентуру, внедренную на военные и промышленные объекты вероятного противника для подготовки диверсий в случае войны. Группа выполняла и другие особые задания.

Летом 1929 г. советское руководство санкционировало операцию по «изъятию» руководителя РОВС генерала А. Кутепова и его переправке в СССР. 1 января 1930 г. Я. Серебрянский вместе с двумя оперативниками своей группы выехал в Париж. 26 января Кутепов вышел из дома и отправился в церковь, но до нее так и не дошел. Случайный свидетель спустя несколько дней показал, что видел, как на улице Удино человека с приметами Кутепова

схватили двое рослых мужчин и втолкнули в машину, которая тут же уехала. Одновременно уехала и другая машина, в которую сел дежуривший на перекрестке полицейский. Пленника вывезли из Парижа, но доставить его в СССР не удалось, вечером того же дня Кутепов скончался от сердечного приступа и был тайно похоронен в предместье французской столицы.

Французской полиции и контрразведке РОВС так и не удалось выйти на след похитителей генерала – оперативников и боевиков Особой группы Серебрянского. Операция по похищению Кутепова нанесла тяжелый психологический удар по Белому движению. Депрессия, панические настроения, недоверие к руководителям, взаимные подозрения в сотрудничестве с органами госбезопасности СССР были характерны не только для членов РОВС, но и для поддерживавшей его части белой эмиграции на протяжении ряда лет после исчезновения Кутепова.

В соответствии с секретным планом Штаба РККА, утвержденным наркомом по военным и морским делам К. Е. Ворошиловым, вдоль западных границ СССР были оборудованы десятки тайников с оружием (в том числе автоматами), боеприпасами, взрывчаткой. В приграничных округах на коммуникациях проведена работа по подготовке к взрывам мостов, водокачек и других стратегически важных объектов на всю глубину полосы обеспечения укрепленных районов. В 1932–1933 гг. формировались специальные подразделения ТОС («Техника особой секретности»), на вооружении которых состояли мины, оснащенные радиоуправляемыми взрывателями «БЕМИ», а впоследствии «Ф-10». Они были созданы в Особом техническом бюро по военным изобретениям специального назначения (Остехбюро) под руководством В. И. Бекаури. По словам Старинова, именно Бекаури впервые познакомил его с конструкцией радиоуправляемых мин.

Подразделение Карельской егерской бригады

В 1932 г. руководителем Центральной военно-политической школы ИККИ назначается поляк К. Сверчевский (псевдоним Вальтер)[994]. В 1924–1936 гг. только в этой школе прошли обучение свыше 500 человек. Школа имела самые тесные контакты с РУ РККА, в рамках которого существовал засекреченный даже от аппарата РУ спецотдел под руководством М. Ф. Сахновской[995]. И. Г. Старинов вспоминал: «В этот период [1933 г.] я работал в Москве в отделе Мирры Сахновской. Это была опытная, энергичная, мужественная женщина, награжденная в числе первых орденом Красного Знамени. За тот сравнительно небольшой промежуток времени мне удалось подготовить две группы китайцев и ознакомить партийное руководство некоторых зарубежных стран – Пальмиро Тольятти, Вильгельма Пика, Александра Завадского и других – с применением минной техники»[996].

Наряду с подготовкой кадров проходили полномасштабные учения: осенью 1932 г. под Ленинградом на общевойсковых учениях работали около 500 выпускников партизанских спецшкол из Белорусского, Ленинградского и Украинского военных округов. Партизаны (диверсанты) были в гражданской одежде, вооружены японскими карабинами, учебными гранатами и минами. В ходе учений они проникали через «линию фронта» пешим порядком и по воздуху. Было проведено несколько успешных нападений из засад. Налеты на штабы «противника» оказались неудачными – охрана бдительности не теряла.

Диверсионные группы действовали на коммуникациях «противника» эффективно. О своем участии в этих учениях Старинов писал:

«На маневрах в ЛВО осенью 1932 года перед нами, партизанами, ставились в качестве главной задачи захват штабов и разрушение транспортных средств „врага“. Я, конечно, не упустил случая и добился разрешения устроить „крушение“ поездов с применением замыкателей и взрывателей.

Участок, отведенный для наших операций, тщательно охранялся. Охрана „противника“ успешно срывала нападения на железнодорожные станции и крупные мосты, но обеспечить безопасность движения поездов она все же не смогла. На десятикилометровом отрезке железнодорожного пути партизаны-минеры установили десять мин. Девять из них сработали очень эффектно под учебными составами. А вот с десятой получился конфуз. Мы не успели снять ее до начала нормального пассажирского движения, и она грохнула под пригородным поездом»[997].

В том же году под Москвой, в Бронницах, прошли секретные маневры войск НКВД с участием комсостава партизанских соединений и партизан-парашютистов под командованием С. А. Ваупшасова. Роль условного противника выполняли бойцы Дивизии особого назначения ОГПУ, курсанты Высшей пограничной школы, а также ряда академий и училищ Московского военного округа. В 1933 г. в ходе командно-штабных учений под Киевом оценивались возможности скоординированных действий диверсионных отрядов и авиации. По итогам учений сделан вывод, что заранее подготовленные подразделения при надлежащем управлении из единого центра в состоянии парализовать все коммуникации «противника» на территории Белоруссии и Украины.

В январе 1934 г. начальник Штаба РККА А. И. Егоров[998] издал директиву, предписывавшую создание штатных диверсионных подразделений в Красной армии. В целях секретности такие подразделения создавались при дивизионных саперных батальонах и именовались саперно-маскировочными взводами. Формирование и обучение было настолько секретным, что о их существовании даже в IV (Разведывательном) Управлении РККА было известно очень ограниченному кругу лиц. Так, после Великой Отечественной войны полковнику Н. К. Патрахальцеву[999] с огромными сложностями пришлось доказывать, что он формировал диверсионное подразделение и командовал им.

«В моем личном деле указано, что в 1935 и 1936 годах я был

по приказу НКО командиром взвода и командиром роты отдельного саперного батальона 51-й стрелковой дивизии.

В действительности я не был на этих должностях, а командовал так называемым саперно-маскировочным взводом, созданным IV Управлением РКК (Разведуправление). Мое назначение командиром взвода, роты и само название „сапмасквзвод“ являлось прикрытием для выполнения спецзадач IV Управления РКК и 4-го отдела штаба Киевского особого военного округа. <…> В подтверждение изложенного можно проверить в архиве 2-го Главного управления.

Так, в архивном деле № 2648 „Общие директивы и переписка с Генштабом“, листы 38–48, 73 и 81, подробно говорится о создании в IV Управлении РККА разведподразделений, с целью прикрытия названных „сапмасквзвод“, в которых готовились люди для выполнения особых диверсионных задач.

В архивном деле № 5956 дело № 2 Киевского особого военного округа на стр. 105 и 109 имеется приказ о моей работе в „сапмасквзводе“»[1000].

Личный состав армейского спецназа отбирался из бойцов, прослуживших не менее двух лет и имевших соответствующие данные, после тщательной проверки органами госбезопасности. Обучение диверсантов велось по самым высоким стандартам физической и специальной подготовки того времени. После прохождения службы в составе взвода диверсанты увольнялись и компактно расселялись вдоль границы. Эти подразделения имели двойное назначение: могли действовать в наступлении и в обороне, в составе взвода и малыми группами. В 1935 г. такие взводы созданы практически во всех дивизиях на границе с Прибалтикой, Польшей и Румынией, а также на Дальнем Востоке. Оружие и снаряжение для них хранились в ближайших воинских частях, на территории сопредельных государств агенты РУ РККА (коминтерновцы) приступили к созданию опорных баз для диверсантов.

Н. Патрахальцев вспоминал: «В 1935 году меня пригласил к себе начальник штаба дивизии и приказал срочно передать взвод другому командиру. Мне была поставлена задача из лучших старослужащих солдат дивизии сформировать команду в составе 44 человек.

Начштаб объяснил, что я выхожу из подчинения не только полкового, но и дивизионного командования и буду действовать по распоряжениям из Москвы. Мне предстоит готовить свою команду самостоятельно, по специальной программе, присланной из ГРУ.

Через несколько дней в Одессу, в наш полк, приехал офицер

по фамилии Досик и объявил мне, что моя команда будет легендироваться под названием „саперно-маскировочный взвод“. На самом же деле я обязан готовить разведывательно-диверсионное подразделение для действий в тылу противника.

Вскоре из Москвы на мое имя пришла программа подготовки подразделения. На ней стоял гриф „секретно“»[1001].

Саперно-маскировочные (диверсионные) взводы готовились в нашей стране в период с 1934 по 1936 г. и по времени создания опережали аналогичные подразделения в вооруженных силах наиболее вероятных противников Красной армии.

Теоретическая и практическая подготовка диверсантов РККА вполне соответствовала насущным требованиям времени.

Однако в целом в 1934–1936 гг. работа по подготовке спецкадров начала постепенно консервироваться, сворачиваться, реорганизовываться. С позиций начала XXI в. уже совершенно очевидно, что это было связано с очередным этапом «партийно-фракционных войн» в борьбе за абсолютную власть. Убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. группировка И. В. Сталина использовала как повод для расправы со своими политическими противниками.

Предоставим слово очевидцам, которые в тот период даже не догадывались, какие нравственные испытания их ждут впереди.

«Именно в столице, – вспоминал И. Г. Старинов, – я вдруг обнаружил, что подготовка к будущей партизанской борьбе не расширяется, а постепенно консервируется.

Попытки говорить на эту тему с Сахновской ни к чему не приводили. Она осаживала меня, заявляя, что суть дела теперь не в подготовке партизанских кадров, что их уже достаточно, а в организационном закреплении проделанной работы (позже я узнал, что она острее меня переживала недостатки в нашей работе. Все ее предложения отвергались где-то наверху).

Нерешенных организационных вопросов действительно накопилось множество. Но решали их не в нашем управлении.

Будущий легендарный герой республиканской Испании Кароль Сверчевский успокаивал: сверху, мол, виднее.

Я тоже верил в это. Но все труднее становилось примирять с этой верой растущий внутренний протест. Состояние было подавленное»[1002].

Коллега И. Старинова, А. Спрогис, так писал об этом периоде:

«В БССР всякими правдами и неправдами [в 1934–1935 гг.] ушли такие работники, как Гринвальд (Муха), Орлов (Аршинов), Ваупшасов (Смольский), люди, которые имели богатый партизанский опыт в прошлом. Именно они руководили такой идеально проведенной операцией, как налет на город и станцию

Столбцы (Западная Белоруссия). Тогда 60 человек за ночь разгромили полицию, жандармерию, казармы пехотного полка, тюрьму, освободили арестованных, на рассвете за городом приняли бой с кавалерийским полком и прорвались через границу к своим.

Эти люди ушли не потому, что они выдохлись или переродились. О противном говорит тот факт, что как только в 1936 г. стало известно, что для работы „Д“ есть возможность уехать в страну „Х“, они стали рваться туда добровольцами. О том, как они себя там проявили, можно судить по тем наградам, которыми их награждали партия и правительство.

Я на этой работе остался до последнего момента, ибо верил в ее целесообразность, но в конце концов ушел, обещая себе вернуться к ней тогда, когда начнутся активные действия. Так и получилось. Через три месяца я опять вернулся на эту работу и уехал в страну „Х“, а по возвращении пишу эту докладную записку. Ответить на вопрос, почему так происходит, в высшей степени трудно. Причина кроется в существующей обстановке, а также в отношении высшего руководящего состава к работникам этой отрасли. Отношение, которое трудно поддается критике, но в то же время имеет огромное значение. Пояснить свою мысль я постараюсь на личном примере.

Мы привыкли, что наш труд ценим. Я не ошибусь, если скажу, что этого не было не только в БССР, но и на Украине и в Ленинграде. Наша работа стала считаться второстепенной. Наши работники использовались не по прямому назначению: производство обысков, арест, конвоирование арестованных, нагрузка дежурствами и т. д. и т. п. Это была система, продолжавшаяся из года в год. Нетрудно понять, что это отражалось в аттестации по присвоению званий.

В 1936 г. во время моего разговора с бывшим начальником Особого отдела Карелиным последний заявил, что моя работа с 1930 по 1936 г. в качестве помощника, а потом уполномоченного Особого отдела по работе „Д“ – это не оперативная работа. И вот результат. Хотя я в рядах РККА и ВЧК – ОГПУ – НКВД беспрерывно с начала 1919 г. и имею соответствующую подготовку: военную школу ВЦИК и ВПШ ОГПУ, я был аттестован с присвоением звания младший лейтенант госбезопасности.

Мои рапорты о пересмотре остались без каких-либо последствий. Кроме того, имелся и другой момент, который отразился на нашей работе. До 1937 г. систематически из года в год уменьшались средства, отпускаемые на работу „Д“. Она свертывалась…»[1003].

Всего к 1936 г. было подготовлено около 10 000 специалистов

по ведению «малой войны». Проверку боем они проходили в огне Гражданской войны в Испании. Первые дни вооруженного столкновения сторонников и противников республики не принесли решающего успеха ни одной из сторон. Как оказалось впоследствии, и мятежники, и их противники недооценили потенциальные возможности противоположной стороны. В самом начале силовые структуры Испании оказались расколоты на два лагеря в пропорции 60 на 40 в пользу республиканцев. Не имея реального материального и численного преимущества, обе противоборствующие стороны стали предпринимать попытки для привлечения на свою сторону иностранной помощи. Началась интернационализация практически равновесного внутреннего конфликта.

Руководство СССР с момента начала мятежа не имело достоверной информации о положении в Испании. Вероятно, именно этот фактор явился причиной того, что 20 июля 1936 г. Политбюро ЦК ВКП (б) принимает решение направить руководителем аппарата НКВД в Испании А. М. Орлова[1004]. В конце августа в Испанию прибыли сотрудники советского посольства во главе с послом М. Розенбергом, генеральным консулом в Барселоне В. Антоновым-Овсеенко и торгпредом А. Сташевским. Двое последних ранее имели самое непосредственное отношение к деятельности Коминтерна по организации мировых революций. Вместе с ними приехали и первые военные советники. Главным военным советником являлся начальник РУ РККА Я. Берзин, военным советником КПИ по линии Коминтерна стал М. Штерн[1005], работавший в Испании под псевдонимом Клебер.

А. М. Орлов, прикрытием которого была должность атташе посольства, отвечал за контрразведку и внутреннюю безопасность. Его первый доклад в Москву о положении дел в этой области от 15 октября 1936 г. был неутешителен. Орлов писал: «Общая оценка: единой службы безопасности нет. Каждая партия создала свою службу безопасности. В том учреждении, что есть у правительства, много бывших полицейских, настроенных профашистски. Нашу помощь принимают любезно, но саботируют работу, столь необходимую потребителям страны»[1006].

14 октября 1936 г. в Испанию по линии Профинтерна и Коминтерна прибыли первые иностранные добровольцы. В г. Альбасете, ставшем базой для формирования интернациональных бригад, началось боевое слаживание трех интернациональных батальонов, соединенных в 11-ю интербригаду. Значительную часть ее командного состава – от командира взвода до комбрига – составляли коминтерновцы, подготовленные в специальных

школах ИККИ в СССР и за границей. Начальником базы в Альбасете был член ЦК КП Франции В. Гайман (псевдоним Видаль), инспектором интербригад – член ЦК КП Италии Л. Лонго (псевдоним Галло). Руководителем Военного комитета интернациональных бригад стал член Президиума и Секретариата ИККИ А. Марти[1007]. В ответ на вопрос об условиях участия в борьбе против мятежников он ответил: «Мы не ставим никаких условий. Не желаем ничего, кроме одного: интербригады должны рассматриваться как соединения, подчиненные правительству и его военным властям»[1008]. Однако многие современные авторы считают, что интербригады являлись тайными силами СССР в Испании, поскольку организаторами и командирами интербригад и военными советниками республиканской армии были коминтерновцы.

Мы не разделяем эту точку зрения, наша позиция заключается в следующем. Для Франко и его сторонников война с республиканцами являлась средством восстановления традиционных для испанцев консервативно-католических ценностей. Для большинства испанских республиканцев победа над франкистами означала необратимость процессов политической и экономической модернизации общества. Для Германии, Италии и СССР Пиренеи являлись прекрасным полигоном для испытания политических, оперативных, технических и тактических наработок в реальных военных условиях. Но для большинства коминтерновцев Гражданская война в Испании была ареной идеологической и военной борьбы с итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом.

«Правительство Испании, – докладывал Орлов в Центр в феврале 1937 г., – обладает всеми возможностями для победоносной войны. Оно имеет хорошее вооружение, прекрасную авиацию, танки, громадный резерв людей, флот и значительную территорию с базой военной промышленности, достаточной для такой „малой“ войны (заводы Испано-Суиза и др.), продовольственную базу и прочее. Численность правительственных войск значительно превосходит войска неприятеля.

Вся эта машина, все эти ресурсы разъедаются:

1. Межпартийной борьбой, при которой главная энергия людей употребляется на завоевание большего авторитета и власти в стране для своей партии и дискредитирования других, а не на борьбу с фашизмом.

2. Гнилым составом правительства, часть которого ничего общего с революцией не имеющая, пассивно относящаяся к событиям и думающая лишь о своевременном бегстве в случае

крушения.

3. Притуплением у правительства чувства подлинной опасности положения, как результат пережитых не раз тревог и чрезмерных паник. Настоящая угроза судьбе республиканской Испании, нависшая сейчас, воспринимается ими как привычная тревога.

4. Безответственностью и саботажем правительственных аппаратов и штабов по обеспечению армии и ее операций.

5. Неиспользованием сотен тысяч здоровых мужчин, проживающих в городах (Мадриде, Барселоне, Валенсии и ряде других), для тыловых работ и возведения укреплений.

6. Отсутствием подлинного штаба с авторитетным и крупным, действительно крупным советником с нашей стороны. Горев (В. Е. Горев. – военный атташе в Испании. – *Примеч. авт.*) военного опыта не имеет. Для такой войны он младенец. Гришин (очевидно, имеется в виду М. Штерн, работавший в Испании под псевдонимом Генерал Гришин. – *Примеч. авт.*) – хороший партиец, но не специалист. А это головка нашего командования. При таком руководстве сводятся на нет способности ряда подчиненных им наших специалистов. (Хороши только авиация и танки и их героический личный состав, но они не могут заменить армии.)

7. Внутренней контрреволюцией и шпионажем»[1009].

Полномочия Орлова как представителя НКВД в Испании были широкими. Распространялись они на разведку, контрразведку и партизанские операции. Но одной из главных его задач было создание тайной полиции по советскому образцу для борьбы с политическими противниками республиканского правительства. Именно эта деятельность Орлова вызывала недовольство и ненависть в рядах тех, кто при более умелой и тонкой игре мог стать союзником в борьбе с франкистами.

«В своих мемуарах министр образования коммунист Хосе Эрнандес задним числом резко и со знанием дела критиковал представителя НКВД за его зловещую роль в создании и руководстве СИМ (сокращение от Servicio de Investigacion Militar) – внушающей страх Службы военных расследований. По его мнению, она предназначалась для того, чтобы стать механизмом для насильственного создания в Испании тоталитарного государства. Согласно утверждениям Вальтера Кривицкого, в марте 1937 года генерал Берзин направил конфиденциальный доклад военному комиссару Ворошилову, в котором сообщал о возмущении и протестах по поводу репрессивных операций НКВД, высказываемых высокопоставленными республиканскими официальными

лицами. В нем утверждалось, что агенты НКВД компрометируют советскую власть непомерным вмешательством в дела и шпионажем в правительственных кругах и что они относятся к Испании как к колонии. Занимающий высокую должность генерал Красной армии заключил свой доклад требованием немедленного отзыва Орлова из Испании»[1010].

Возможно, что именно этот доклад Берзина стал впоследствии одним из факторов для его репрессирования органами НКВД. Но наше дальнейшее повествование направлено не на расследование взаимоотношений между НКВД, РККА и ИККИ, а на рассмотрение различных направлений военно-конспиративной работы, осуществленной во время войны в Испании. Значительная часть советских военных советников в Испании являлась специалистами по «малой войне». Заместителем резидента по линии советской внешней разведки, отвечавшим за партизанские операции, включая диверсии на железных дорогах и аэродромах, являлся Н. Эйтингон (Л. Котов). Значительный вклад в организацию работы по линии «Д» внесли в 1936–1939 гг. сотрудник резидентуры 7-го отдела ГУГБ Л. П. Василевский, старший военный советник Г. С. Сыроежкин, С. А. Ваупшасов, В. З. Корж, К. П. Орловский, Н. А. Прокопюк, А. М. Рабцевич, Х. И. Салнынь, А. К. Спрогис и И. Г. Старинов.

На территории Испании партизанские действия на коммуникациях противника организовывались с помощью советских специалистов. Примечательно, что после распада Советского Союза историки и сотрудники военной и внешней разведки России часто спорят, чей вклад в организацию работы по линии «Д» в Испании был более весомым. Мы же перейдем к фактическим материалам, чтобы отдать должное специалистам всех действовавших в Испании ведомств.

Под руководством Вольвебера в Германии, Дании и Франции действовала коминтерновская диверсионная группа, срывавшая поставки немецкого вооружения и военной техники для армии Франко. Она состояла из хорошо подготовленных специалистов, изготовлявших и устанавливающих мины на транспортных судах. Только во Франции было заминировано семь кораблей, впоследствии затонувших в открытом море.

Каждое пятое судно, следовавшее из Германии в Испанию, было потоплено. Группа активно действовала в течение двух лет! После обнаружения минной лаборатории немецкими спецслужбами Вольвеберу с большинством членов группы удалось уйти в Норвегию.

«Уже в конце 1936 года при республиканских органах безопасности была организована школа по подготовке

командного состава разведывательно-диверсионных групп и отрядов для действий в тылу противника. Позднее были созданы еще три таких закрытых учебных заведения. Отбор испанцев и добровольцев других национальностей для обучения проводился довольно тщательно. Наибольший вклад в организацию работы по линии „Д“ внесли сотрудник резидентуры [НКВД] Лев Петрович Василевский и военный инженер Илья Григорьевич Старинов. <…>

Помимо НКВД работу по линии „Д“ проводили также представители Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Они приступили к диверсионной деятельности несколько позже, и ее масштабы были меньшими»[1011].

И. Г. Старинов впоследствии писал: «У испанцев, в последний раз партизанивших во время наполеоновских войн, не было ни навыков, ни специалистов-диверсантов, способных решать специфические задачи партизанской борьбы в тылу современной регулярной армии. Увидев это, старший военный советник Яков Берзин добился направления в Испанию хорошо подготовленных, опытных командиров и специалистов – выпускников спецшкол в СССР. Они начали свою деятельность в роли советников и инструкторов небольших разведгрупп, которые затем превратились в диверсионные группы. <…>

Мне довелось быть советником в одном из таких формирований, которым командовал капитан Доминго Унгрия»[1012].

Резидент НКВД А. Орлов, в свою очередь, отмечал: «Партизанские операции в Испании начались весьма скромно с организации двух школ диверсантов, в каждой из которых обучалось примерно 200 человек; одна была расположена в Мадриде, а другая – в Бенимамете, неподалеку от Валенсии. Впоследствии к ним добавились еще четыре школы, в одной из которых, в Барселоне, обучалось 500 человек. <…>

…Республиканские партизанские силы быстро росли, и к лету 1937 года их операции стали более сложными. Партизанские „коммандос“ получали задание не только выводить из строя линии связи, но и изматывать противника в глубине его территории, нападая на оружейные склады и устраивая засады на движущиеся колонны войск и автоконвои с военным снаряжением»[1013].

А в Советском Союзе 25 декабря 1936 г. отделы ГУГБ «в целях конспирации» стали номерными, изменилась и внутренняя структура управления. На 1 января 1937 г. оно состояло из следующих отделов: 1-й – отдел охраны (выделен 28 ноября

1936 г. из Оперативного отдела; начальник – К. В. Паукер); 2-й – оперативный (начальник – Н. Г. Николаев-Журид); 3-й – контрразведывательный (образован из Экономического и части Особого отделов; начальник – Л. Г. Миронов); 4-й – секретно-политический (начальник – В. М. Курский); 5-й – особый (начальник – И. М. Леплевский); 6-й – транспорта и связи (начальник – А. М. Шанин); 7-й – иностранный (начальник – А. А. Слуцкий); 8-й – учетно-регистрационный (начальник – В. Е. Цесарский); 9-й – специальный (начальник – Г. И. Бокий); 10-й – тюремный (начальник – Я. М. Вейншток). Экономический отдел был расформирован. А затем наступил небезызвестный 1937 г., в котором ключевым стало словосочетание «враг народа».

Однако кроме фальшивых существовали и настоящие враги. В их числе был осевший во Франции нелегальный резидент Иностранного отдела ОГПУ в Турции Г. С. Агабеков, бежавший в 1930 г. из Стамбула в Марсель. Агабеков стал первым резидентом-невозвращенцем, который не только предал свою страну и партию, но и в 1931 г. опубликовал в Нью-Йорке книгу под названием «ОГПУ: русский секретный террор». В ней он подробно описал известные ему сведения о деятельности советской разведки в ряде стран Ближнего и Среднего Востока. Эта книга стала смертным приговором для многих друзей Советского Союза. Только в Персии (Иране) в июле – августе 1932 г. были арестованы более 400 человек, а четверо из них – казнены. Власти полностью разгромили коммунистическое и национально-освободительное движения в Иране. А ведь не следует забывать, что Агабеков сдал всю известную ему агентурную сеть внешней разведки не только в Иране, но и на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Балканах.

После бегства Агабекова руководству ИНО ОГПУ пришлось незамедлительно принимать все возможные меры, чтобы минимизировать ущерб от предательства. Во все резидентуры были направлены шифровки с перечнем оперативников и секретных сотрудников, которым следовало отбыть в Москву или перейти на нелегальное положение. И тогда же было принято политическое решение о ликвидации предателя. Для этого в Париж выехали сотрудники СГОН во главе с Серебрянским, но Агабеков, имевший большой опыт нелегальной работы и прекрасно знавший методы работы своих бывших коллег, сумел от них ускользнуть. Возмездие настигло предателя в конце августа 1937 г. По версии, распространенной среди западных историков, Агабеков был убит и сброшен в пропасть при переходе испано-французской границы. По легенде, его заманили участием в выгодной сделке по перепродаже вывозимых из Испании

произведений искусства. Но П. А. Судоплатов считал иначе.

«Сообщалось, Агабеков исчез в Пиренеях на границе с Испанией. Но это не так. На самом деле его ликвидировали в Париже, заманив на явочную квартиру, где он должен был договориться о тайной сделке по вывозу бриллиантов, жемчуга и драгоценных металлов, принадлежащих богатой армянской семье. Армянин, которого он встретил в Антверпене, был подставкой. Он-то и заманил Агабекова на явочную квартиру, сыграв на национальных чувствах. Там, на квартире, его уже ждал бывший офицер турецкой армии. Это был боевик, вместе с которым находился молодой нелегал Александр Коротков, позднее (уже в 50-е годы) ставший начальником нелегальной разведки КГБ СССР. Турок убил его ножом, после чего тело Агабекова запихнули в чемодан, который вывезли и выкинули в море. Труп так никогда и не был обнаружен»[1014].

В июле 1937 г. во Франции остается нелегал И. Г. Порецкий (Рейсс), который направляет в Москву письмо с критикой Сталина и проводимой им в Испании политики. Порецкий был крайне опасен в силу его информированности о нелегальных сетях Иностранного отдела в странах Западной Европы. Во Францию с заданием ликвидировать его прибывает заместитель начальника 7-го (разведка) отдела ГУГБ С. Шпигельглаз, а также сотрудники СГОН Б. М. Афанасьев (Атанасов) и В. С. Правдин. 4 сентября они привели в исполнение приговор, вынесенный предателю.

«Рейсс вел довольно беспорядочный образ жизни, и агентурная сеть Шпигельглаза в Париже весьма скоро его засекла. Ликвидация была выполнена двумя агентами: болгарином (нашим нелегалом) Борисом Афанасьевым и его зятем Виктором Правдиным. Они обнаружили его в Швейцарии и подсели к нему за столик в маленьком ресторанчике в пригороде Лозанны. Рейсс с удовольствием выпивал с двумя болгарами, прикинувшимися бизнесменами. Афанасьев (Шарль Мартиньи. – *Примеч. авт.)* и Правдин (Франсуа Росси. – *Примеч. авт.*), имитировав ссору с Рейссом, вытолкнули его из ресторана и, запихнув в машину, увезли. В трех милях от этого места они расстреляли Рейсса, оставив труп лежать на обочине дороги»[1015].

Одной из наиболее известных операций 7-го отдела ГУГБ является похищение в 1937 г. руководителя «Русского общевоинского союза» (РОВС) Е. К. Миллера, сменившего на этом посту Кутепова. Чтобы на месте разобраться с практической деятельностью РОВС и оживить разведывательную работу, Миллер совершил инспекционные поездки в Болгарию, Чехословакию и Югославию. По итогам поездки он назвал

бессистемные покушения, нападения на советские учреждения, поджоги складов и т. п. «мелкими булавочными уколами». Не отрицая важности проведения террористических актов, Миллер приступил к реализации стратегической задачи – подготовке кадров для развертывания партизанских действий в тылу Красной армии в случае войны с СССР. Для этого он создал под руководством генерала Н. Н. Головина в Париже и Белграде курсы по переподготовке офицеров РОВС и обучению военно-диверсионному делу новых членов союза из числа эмигрантской молодежи.

Однако планы РОВС и практические шаги по их реализации своевременно становились достоянием советской разведки, которой в начале 1930-х гг. удалось установить технику слухового контроля (микрофоны) в штаб-квартире РОВС в Париже. Благодаря полученным через агентуру данным в 1931–1934 гг. удалось захватить и обезвредить 17 заброшенных в СССР террористов РОВС и Народно-трудового союза (НТС), а также вскрыть 11 явок. В частности, советской разведке удалось предотвратить готовившиеся РОВС террористические акты против наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова в Европе и его заместителя Л. М. Карахана в Иране.

После того как во второй половине 1930-х гг. Миллер через своего представителя в Берлине генерала Лампе установил тесные контакты со спецслужбами гитлеровской Германии, в Москве было принято решение о проведении операции по его похищению и вывозу в СССР.

Ключевым звеном операции являлся бывший начальник Корниловской дивизии, помощник Миллера по разведке генерал Н. В. Скоблин, который с 1930 г. вместе со своей женой, известной певицей Н. В. Плевицкой, сотрудничал с советской разведкой. С помощью Скоблина была ликвидирована значительная часть боевых кутеповских дружин. 22 сентября 1937 г. по приглашению Скоблина Миллер направился с ним на виллу под Парижем, где должна была состояться встреча с представителями немецких спецслужб. Однако на вилле Миллера ожидала оперативная группа внешней разведки, которая захватила его и через Гавр переправила на теплоходе в СССР. После проведенного в Москве следствия Миллер был предан суду и в 1939 г. расстрелян. В операции по захвату Миллера участвовали советские разведчики В. С. Гражуль, М. Григорьев и Г. Н. Косенко. Руководил операцией С. М. Шпигельглаз.

Устранение Миллера позволило дезорганизовать работу РОВС и подорвать его авторитет в среде белой эмиграции. Советская разведка лишила гитлеровскую Германию и ее

союзников возможности активно использовать в разведывательно-диверсионных целях против нашей страны около 20 тысяч членов (почти две дивизии боевиков!) этой организации. Но операция не прошла чисто. Уходя на встречу со Скоблиным, Миллер оставил конверт с запиской, в которой подробно описал, куда и по чьей инициативе он идет. Скоблину пришлось бежать. Он был нелегально переправлен на самолете в Испанию и, по имеющимся сведениям, погиб в Барселоне под бомбами франкистской авиации.

О некоторых итогах диверсионной работы в Испании говорится в докладе Орлова в Центр от 9 декабря 1937 г.:

«Проводимая в тылу „Д“-работа привела к серьезному расстройству отдельных участков тыла франкистов, значительным материальным убыткам и людским потерям. Беспрерывные и последовательные действия наших „Д“-групп, применение ими самых разнообразных, быстро меняющихся и постоянно совершенствующихся методов, охват нами почти всех решающих участков фронта, продвижение „Д“-действий в глубокий тыл вызвали большую панику в фашистских рядах. Об этом говорят все донесения разведки и нашей агентуры, это подтверждается также и рядом известных нам официальных материалов (газетные статьи, приказы фашистов, радиопередачи).

Н. В. Плевицкая

Это состояние фашистского тыла, пребывание франкистов в постоянном напряжении, беспрерывно преследующий их страх перед „проделками красных динамитчиков“, подчас преувеличенный и раздуваемый всевозможными слухами, мы считаем основным достижением в „Д“-работе.

Нам точно известно, что для борьбы с диверсиями фашисты вынуждены держать в тылу значительные воинские силы и вооруженные группы фалангистов. Все, даже незначительные, объекты усиленно охраняются. В августе 1937 года командующий Южным фронтом фашистов генерал Кьяппо де Льяно издал приказ, объявляющий на военном положении провинции Севилья, Уэльва и Бадахос. Мероприятия фашистского командования, связанные с реализацией этого приказа, предусматривают отвлечение с фронта значительных воинских сил»[1016].

И. Старинов так оценил итоги деятельности группы Д. Унгрия:

«За десять месяцев эта диверсионная группа, численностью 12 бойцов, превратилась в XIV партизанский корпус, в котором сражались около трех тысяч человек. Мы совершили около 200 диверсий и засад, и ориентировочные потери противника составили более двух тысяч человек. Безвозвратные потери XIV корпуса за все время боевых действий составили всего 14 человек – причем одного убили в Валенсии анархисты, одного нечаянно подстрелили свои при возвращении из тыла противника, один погиб при установке мины, один погиб при переходе линии фронта (шальная пуля попала в рюкзак с динамитом), а 10 сложили головы в боях.

В начале ноября 1937 года я сдал свои обязанности герою Гражданской войны Христофору Салныню и выехал на Родину»[1017].

В штабе Франко, несомненно, оценили угрозу, исходящую от диверсионных подразделений республиканцев. Действуя через свою агентуру влияния в правительстве и вооруженных силах республики, франкисты сумели «притормозить партизанщину». Вместо эффективных действий на коммуникациях республиканские «силы специальных операций» были направлены на действия в прифронтовой зоне. Это снижало эффективность диверсионных операций и увеличивало потери среди диверсантов. А крупные отряды, постоянно базирующиеся в тылу франкистов, вообще не были созданы.

«Надо отметить, что и „пятиколонники“, действовавшие в тылу республиканцев, были неплохо организованы, их операции отличались дерзостью и беспощадностью. Например, летом 1937 года в Картахене был подорван и затонул линейный корабль „Хайме I“ республиканских ВМС. 10 января 1938 г. уничтожен склад артиллерийских боеприпасов, размещавшийся в подземном тоннеле Мадридского метрополитена. Взрыв огромной силы полностью разрушил объект, погибли 173 человека, в том числе все служащие и рабочие склада. <…>

Обыденным явлением стали снайперская стрельба „пятиколонников“ с крыш домов по военнослужащим, сигнализация ракетами в ночное время при бомбежке франкистской авиацией советских судов, стоящих под разгрузкой в Картахене и Аликанте»[1018].

В 1937 г. Орлов начал подготовку коминтерновцев по плану «Новый набор». Этот план предусматривал отбор и обучение диверсантов (50–100 человек – немцы, итальянцы и др.) из числа интербригадовцев. Предполагалось, что после обучения они будут

нелегально переброшены в Германию, Италию и другие европейские страны, где станут частью глубоко законспирированного агентурного резерва. Их активное использование предусматривалось в случае войны СССР со странами, являвшимися членами «Антикоминтерновского пакта» (Германия, Япония, Италия). Однако этот план был свернут в ноябре 1938 г., поскольку большинство его организаторов и исполнителей к тому времени числились «врагами народа».

Но другой секретный проект Орлова по использованию членов интернациональных бригад в советской разведывательной деятельности был успешно реализован. Для этого тщательно отобранные кандидаты проходили обучение в нелегальной разведывательной школе под условным названием «Строительство». Существование этой заграничной разведшколы 7-го отдела ГУГБ тщательно скрывалось от испанских властей (в отличие от лагерей, где велось обучение партизан и диверсантов).

Правила конспирации в испанской разведшколе были настолько строгими, что ее слушатели, дабы исключить установление их личности, были зарегистрированы в ней только под номерами. Их настоящие имена были известны лишь крайне ограниченному кругу лиц. Все курсанты обеспечивались новыми документами прикрытия, получаемыми из Москвы. После обучения правилам конспирации, методам тайной связи и разведывательному мастерству лучшие выпускники «Строительства» были признаны слишком ценными кадрами, чтобы продолжать воевать в Испании. Вместо этого их выводили через Францию в Западную Европу, а затем они, получив разведывательные задания, разъезжались по всему миру.

Учебный план «Строительства» контролировался лично Орловым, который стал «крестным отцом» для многих ценных агентов. Существование нелегальной разведывательной школы, которую он организовал в Испании, как и имена завербованных им ранее в Европе и Америке агентов, были секретом, который Орлов после своего ухода на Запад тщательно скрывал от американцев. Среди курсантов числились Вильгельм Феллендорф и Альберт Хесслер, которые впоследствии стали радистами в берлинском отделении «Красной капеллы». Один из выпускников школы Морис Коэн был американским гражданином и впоследствии стал членом агентурной сети, которая помогла советской разведке получить в США секреты производства ядерного оружия.

Н. И. Эйтингон также уделял большое внимание агентурной разведке в интересах республиканской армии. В частности, его

людьми была проведена глубокая разведка тылов фашистских войск на Арагонском фронте. Однако полученные данные не были использованы должным образом. Неожиданный контрудар республиканцев в сражении на реке Эбро в 1938 г. задержал наступление войск Франко, но военное командование не сумело перевести тактический успех в оперативный.

Война в Испании явилась убедительным доказательством реальных возможностей спецслужб и спецподразделений, в том числе и специальных структур Коминтерна. Однако этот позитивный опыт не был оценен руководством ВКП (б). Испанская кампания послужила одним из поводов для разгрома специальных структур в СССР в конце 1930-х гг. Политические решения высшего руководства Советского Союза были направлены не на изучение объективных причин поражения Испанской республики, а на поиск виновных в этом поражении.

(Утверждено ПБ ЦК 25.II.25)
Совершенно секретно

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ПО ВОПРОСУ ОБ АКТИВНОЙ РАЗВЕДКЕ

1. Активная разведка (диверсионные, военно-подрывные группы и проч.) в первый период ее существования была необходимым дополнением наших военных мероприятий и выполняла возложенные на нее из центра боевые задачи.

С установлением более или менее нормальных дипломатических отношений с прилегающими к СССР странами от Разведупра неоднократно давались директивы о прекращении активных действий, однако приобретенные за предшествующий период традиции у организованных за рубежом групп, а также слабость руководства со стороны коммунистических партий стихийно нарастающим движением зарубежного крестьянства, из которого комплектовались кадры диверсионных групп активной разведки, не давали возможности организованно руководить этими группами, часто не соблюдавшими даваемые директивы. Отсюда целый ряд выступлений, причинявших вред нашей дипломатической работе и затруднявших работу соответствующих коммунистических партий.

2. Ввиду совершенно ясно определившейся невозможности путем циркуляров ввести в нужное русло работу зарубежных партизанских групп и принимая во внимание, что коммунистические партии поставили уже реально вопрос о захвате под свое влияние стихийно растущего движения на окраинах, признать необходимым:

а) активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжения и руководства диверсионными отрядами на территории Польской Республики) ликвидировать;

б) ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас ***непосредственно*** средства, указания и руководство.

3. Вся боевая и повстанческая работа, отряды и

группы, поскольку они политически целесообразны (что определяется в чисто партийном порядке), должны быть переданы в полное подчинение коммунистических партий данной страны и руководиться исключительно интересами революционной работы данной страны, решительно отказавшись от разведывательной и иной работы в пользу Военведа СССР.

Остальные группы активной разведки, а также военно-подрывные и диверсионные группы по существующему раньше типу, поскольку они не войдут в круг партийной организации, – ликвидируются.

4. Вместо активной разведки в настоящем виде для чисто военных целей СССР должны быть организованы в соседних государствах самым конспиративным образом особые пункты для обследования и изучения военных объектов, установления связи с нужными людьми, заготовки материалов и проч., т. е. для подготовки к деструктивной работе во время войны в тылу у противника. Таким образом, пункты имеют характер информационный и подготовительный, с тем чтобы в соответствующие моменты могли развернуться в боевые. Пункты эти никоим образом не связываются с партией, и отдельные работники не состоят в партии.

Руководители центральных аппаратов разведки у нас и за рубежом держат связь исключительно с уполномоченными ЦК соответствующих компартий.

5. Расконспирированные на границе начальники и руководители бывшей активной разведки сменяются немедленно, не дожидаясь общей ликвидации, которая требует более продолжительного времени и крайне осторожного подхода.

6. На нашей зоне организуются строго законспирированные небольшие группы с необходимым вооружением. В случае занятия нашей территории противником их задача – дезорганизация вражеского тыла и партизанская война.

7. Пограничная зона на нашей стороне должна быть очищена от активных партизан, которые самостоятельно переходят границы для боевой работы. Не озлобляя их и оставляя на учете в случае войны, их следует эвакуировать во внутренние округа.

8. Для безболезненного проведения всех указанных мероприятий и для избежания недовольства, отрыва или вырождения отдельных групп или лиц необходимо

ассигнование соответствующих сумм. Также необходимо установление и удовлетворение твердой сметы для работы на будущее в размерах, гарантирующих организованную и выдержанную работу всех сотрудников.

9. Проведение всего вышеизложенного возложить на РВСР, с докладом в ПБ.

10. Ответственность за состояние границ и переход через них партизан возложить целиком на органы ГПУ.

11. Изменение указанных методов работы, вызываемое особенностями обстановки (например – Бессарабия), может иметь место только по особому постановлению Политбюро.

12. Проведение указанной линии должно быть обусловлено и дипломатическим ее использованием. Все намеченные меры могут оказаться лишь вредными, если не будет проведена твердая и ясная политика по отношению к Польше, уже намеченная ПБ. Следует подчеркнуть, что польское правительство в данном вопросе не имеет против нас прямых улик, а базируется лишь на догадках. Поэтому всяким выпадам с польской стороны должен быть дан решительный отпор.

13. Еще раз обратить внимание компартий восточных окраин Польши на необходимость охвата и руководства крестьянским движением на окраинах, оказания помощи крестьянству в его борьбе, придавая движению организованный характер и используя все возможные формы его, как то: беспартийные крестьянские комитеты, комитеты обороны и прочее[1019].

Глава 17
Друг-враг

Там, где есть мы, нет места никому другому.

А. Гитлер

Абсолютное большинство историков и специалистов в области безопасности справедливо полагают, что со второй половины 1930-х гг. и до смерти А. Гитлера работа спецслужб Германии была одной из наиболее совершенных в мире. Организацию этих служб полезно изучать и современным специалистам, поскольку заложенные в ней принципы не утратили актуальности.

Становление и развитие специальных служб Пруссии и со второй половины XIX в. объединенной Германии неразрывно связаны с именами Вильгельма Штибера и Отто фон Бисмарка. Штибер, в 1850 г. назначенный королем Пруссии Фридрихом IV на должность комиссара полиции, заложил основы деятельности германских спецслужб в области политического и криминального сыска, цензуры и военной контрразведки. «Железный канцлер», утверждавший, что великие вопросы времени решаются не парламентскими резолюциями, а железом и кровью, поручил Штиберу организацию разведки против «всегда дружественной» Австрии. Блестяще выполнив задание монарха, тот получил в награду пост министра полиции Пруссии и в этом качестве проявил выдающиеся аналитические и организаторские способности.

О признании Штибера в Японии выдающимся специалистом тайной войны мы упомянули в 10-й главе, однако он оставил свой след и в Российской империи. Штибер, в правление Александра II приглашенный в Петербург, по некоторым данным, способствовал реорганизации российских спецслужб (в основном службы криминального сыска). Разумеется, он не забывал и об интересах Пруссии, и эта сторона его деятельности не осталась незамеченной соответствующей службой российской контрразведки. Несмотря на идеологические разногласия, профессиональные качества Штибера признавались даже в СССР, где в 1925 г. вышла его книга «Практическое пособие для сотрудников уголовного розыска».

Полиция Пруссии тех лет была службой многопрофильной: ее

сотрудники занимались цензурой, охраной высших должностных лиц, разведкой и контрразведкой, политическим и уголовным сыском. Уже во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. германская агентурная сеть насчитывала свыше 10 000 агентов. Конечно, не все они были отменными работниками, но этого от них и не требовалось, поскольку принципом работы прусской, а затем германской разведки стала тотальность. Кадровая работа в разведке Германии со времен Штибера опиралась на два постулата, авторство которых приписывалось ему и которые уже стали классикой: «Каждый может быть шпионом – каждый должен стать шпионом»; «В разведке нет отбросов – в разведке есть только кадры».

Достойным преемником Штибера стал известный специалист в области секретных служб В. Николаи, возглавивший военную разведку Германии (подотдел «3В» Большого Генерального штаба) в 1912 г.

Еще до начала Первой мировой войны специалисты германского Генштаба полагали, что в арсенал будущих сражений войдут и средства тайной войны: тотальный шпионаж; деморализация войск и населения противника; восстановление против него общественного мнения, в том числе и в нейтральных странах; диверсии в тылу вражеских войск. Для реализации этих планов была создана специальная служба «S» (саботаж)[1020], которая планировала работу таким образом, чтобы осуществить диверсии сразу после начала войны, до принятия противником ответных мер.

Признав саботаж и диверсии как составную часть в качестве инструмента тайной войны, немецкие специалисты подошли к их реализации с типично германским педантизмом и с научной точки зрения. Поскольку под саботажем понимались различные мероприятия по дезорганизации тыла вероятного противника, агенты, предназначенные для работы по линии «S», должны были иметь более разностороннюю подготовку, чем классические разведчики. Для осуществления диверсий им требовались специальные военные и технические знания, для проведения психологических операций они должны были в совершенстве владеть методами агитации и пропаганды. В дальнейшем одним из постулатов концепции тотальной тайной войны стало изречение: «Плох тот разведчик, который не может быть хорошим диверсантом». На практике подобное утверждение применялось к «полевым агентам» – сотрудникам тактической, а не стратегической разведки. Наряду с подготовкой кадров серьезное внимание уделялось технологии и техническим средствам диверсий; для работы в этом направлении были привлечены

специалисты машиностроительных, химических и иных промышленных концернов Германии.

Прусские офицеры имели позитивный опыт организации партизанских действий. Согласно учению теоретика и организатора партизанской борьбы против наполеоновских войск в 1811–1812 гг. А. фон Гнейзенау, основными задачами прусских партизан (милиции) являлись: прорыв коммуникаций французов; захват и уничтожение продовольствия; регулярное «беспокойство» неприятельских войск. Категорически запрещалось действовать методами регулярной армии, предписывалось «избегать правильных атак»; при приближении регулярных войск противника милиционеры скрывались или, спрятав оружие, форменные кепи и пояса, превращались в обычных граждан. По замыслу фон Гнейзенау, действия партизанских отрядов на коммуникациях французских войск должны были подготовить базу для всеобщего восстания на немецких землях, оккупированных наполеоновской армией.

В 1867 г., после поражения в войне с Пруссией и образования Австро-Венгрии, Австрия утратила доминирующее положение в Центральной Европе и стала «младшим партнером» Германии. Основные усилия австрийских секретных служб в конце XIX – начале XX в. были направлены против Балканских стран, в первую очередь Сербии, и поддерживавшей борьбу славянских народов России. Однако территориальные противоречия между Австро-Венгрией и Италией, особенно обострившиеся после войны 1866 г., привели к тому, что обе эти страны, входившие в Тройственный союз, вели друг против друга активную тайную войну.

В 1872 г. в Австрии было издано «Руководство разведывательной службы», в соответствии с которым ведение военной разведки в мирное время (в целях экономии) было приостановлено. Это привело к ослаблению «оперативного корпуса» и без того разрывавшейся на несколько фронтов Австрии. После 1882 г. активизировалась разведывательная работа против Российской империи.

В. Николаи в своем кабинете

Начальник австрийской военной разведки в 1913–1918 гг. М. Ронге полагал, что наибольших успехов в работе против России австрийскому Разведывательному бюро удалось достичь к 1903 г. В дальнейшем (вероятно, благодаря созданию в этом году российской военной контрразведки) работа австрийской агентуры была парализована.

Несомненной заслугой российских спецслужб является вербовка начальника агентурного отделения Разведывательного бюро австрийского Генерального штаба полковника А. Редля.

Одна из особенностей деятельности специальных служб Австро-Венгрии – тесная координация с соответствующими службами Германской империи. Это сотрудничество включало не только обмен информацией, но и совместное использование секретной агентуры. Например, выявленный и арестованный российской контрразведкой подполковник штаба Варшавского военного округа Гримм работал и на Австрию, и на Германию.

К 1912 г. в составе Разведывательного бюро создана подгруппа «специальных операций». Первой ее задачей явилась организация в Албании и Македонии агентурно-диверсионной сети, предназначенной для действий против Италии, Сербии и Черногории в случае войны. Подготовка специальных подразделений, которые должны были начать свою работу «в особый период», – один из примеров прозорливости и системности секретной работы германских специалистов. Предварительная подготовка принесла свои плоды в августе –

сентябре 1914 г.

Германия перед Первой мировой войной имела недостаточное число подразделений, предназначенных для проведения специальных операций, однако ее разведка, возглавляемая В. Николаи, действовала талантливо и агрессивно. Основные усилия в диверсионной работе Германии были направлены на Францию, Великобританию и Северную Америку, где одно из важнейших направлений возглавлял капитан Ф. фон Ринтелен. Задачей германских диверсантов являлся срыв военных перевозок союзников (например, в Марселе). Выпускники берлинской школы военно-морской разведки осуществили несколько успешных диверсий против кораблей британского флота, потопив суда «Авангард», «Орион», «Ястреб» и др. Наиболее известной диверсионной операцией, осуществленной агентурой Германии против России, стал взрыв флагмана Черноморского флота линкора «Императрица Мария» в октябре 1916 г. Действия немецких рейдеров осенью 1914 г. также были эффективными: движение британских торговых судов в Индийском и Атлантическом океанах оказалось парализовано.

Преимущества «малой войны» против стран Антанты наиболее успешно использовал генерал П. фон Леттов-Форбек в Танганьике (часть Танзании) и Кении. Его подчиненные из немцев и местного населения, действуя небольшими мобильными отрядами, сковали 300-тысячную (!) группировку союзников.

В мемуарах Леттов-Форбек писал:

«Ничего не осталось другого, как достигнуть цели мелкими отрядами – патрулями. <…> Маленькие смешанные отряды, от восьми до двадцати человек, огибали лагеря противника и действовали на его сообщениях с тылом. <…> С тридцати метров противник обстреливался из засады, брались пленные и добыча, и патруль исчезал снова в бесконечной степи»; патрули «…действовали скрытно, избегали столкновений и взрывали железные дороги»[1021].

Общая численность немецких отрядов в Африке составляла менее 15 000 человек, из которых собственно немцев было всего 3000. Организация шла исключительно за счет регулярных войск и под руководством армейских штабов. Немецкие партизаны сложили оружие только после сообщения об окончании войны, они потеряли менее 1000 человек, а союзники – свыше 80 000.

Большое значение германское командование придавало организации специальных операций военного, экономического и политического характера против союзников в Китае и Азии в 1915–1916 гг. Здесь Германия преследовала следующие цели: действия на коммуникациях противника, разрушение

железнодорожного и водного транспорта, складов и баз, портов и предприятий, работавших на оборону Антанты; организация беспорядков и волнений среди соответствующих слоев населения с целью ослабления производства и снабжения Антанты; привлечение на свою сторону нейтральных государств Азии; разложение войск противника, предназначенных к переброске на европейские фронты; обесценивание валюты противника. Упор делался на организацию партизанской войны силами местного населения при умелой устной и письменной пропаганде. В XX в. впервые можно говорить о наличии в действиях германской агентуры элементов психологической войны применительно к специальным операциям. Одновременно с привлечением сторонников на идеологической основе Германия осуществляла вербовку наемников для участия в диверсионных акциях.

Стратегической ошибкой германского командования в 1918 г. явился перевод наиболее опытных кадров из небольших штурмовых подразделений в специально созданные объединенные штурмовые дивизии.

После окончания Первой мировой войны большинство политических и военных деятелей ведущих держав мира не оценили по достоинству боевой опыт небольших разведывательно-диверсионных воинских формирований. Правительства этих государств до конца 1930-х гг. не уделяли достаточного внимания вопросам подготовки специальных подразделений, более того, ставили под сомнение саму их необходимость. Кроме СССР, только в Германии адекватно оценили потенциальные возможности спецназа и с середины 1920-х гг. вели целенаправленную подготовку специалистов по «малой войне».

Социально-политическую обстановку в Германии к началу 1920-х гг. лучше всего характеризует популярный афоризм: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Нестабильная ситуация в политике и экономике противоречила немецкому менталитету, устремленности к порядку в соответствии со старой германской поговоркой: «Орднунг махт шпасс» – «Порядок делает счастливым». На этом фоне происходили становление и организационное оформление основных идеологических группировок, которые определяли политическую ситуацию в стране вплоть до 1933 г.

Из четырех главных политических сил того времени традиционными для Германии являлись монархисты и социал-демократы. Монархисты стремились к реставрации кайзеровской империи и выступали против республиканской формы правления. Социал-демократы были сторонниками Веймарской республики,

выступали за сохранение многопартийности и формирование власти на основе демократических процедур. Две другие партии созданы после поражения Германии в войне – Коммунистическая партия Германии (КПГ; 1918 г.) и Немецкая рабочая партия (НРП; 1919 г.). Их идеология была привлекательной, в особенности для представителей малоимущих слоев населения, находила поддержку в среде рабочих, у многочисленных разорившихся мелких землевладельцев и буржуа. Рост популярности коммунистов и национал-социалистов был обусловлен тем, что попытки правительства Веймарской республики по созданию и укреплению прослойки мелких собственников в качестве своей политической опоры успехом не увенчались. Темпы роста инфляции достигли таких размеров, что в обращение выпустили банкноту достоинством в 5 биллионов (!) марок, что не имеет аналога в истории человечества.

Особенностью политического противоборства в послевоенной Германии является то, что ее ведущие политические организации имели свои военизированные структуры. Этому способствовали следующие факторы: рост патриотических настроений в обществе, обусловленный поражением в войне и ограничениями Версальского мира; наличие большого числа ветеранов Первой мировой войны, имевших опыт нетрадиционных боевых действий; образование множества полувоенных объединений, члены которых стремились к возрождению могущества Германии. Поскольку иметь оружие в Веймарской республике официально могли только армия и полиция, создание силовых партийных подразделений осуществлялось под прикрытием землячеств, союзов ветеранов, спортивных, охотничьих и стрелковых обществ и т. п.

В начале 1920-х гг. внушительные военные силы были сконцентрированы в рядах проимперских военизированных организаций, возглавляемых офицерами и генералами кайзеровской армии. Монархистов поддерживали такие организации, как «Добровольческий корпус», «Стальной шлем», «Викинги», «Шарнхорст», «Молодая Германия» и др.

Компартия Германии обладала не менее организованной военной силой: ее поддерживали «Союз Спартака», «Союз борцов Красного фронта», «Пролетарские сотни». Кроме того, она опиралась на организационную, материальную, финансовую и военную помощь из СССР по линии специальных структур Коминтерна, Разведывательного управления РККА и ВЧК – ГПУ – ОГПУ.

Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) располагала собственными боевыми подразделениями,

объединенными под названием «Имперский флаг». Создавались они в 1924 г. для поддержки правительства Веймарской республики и силового противодействия военным выступлениям монархистов, а позднее национал-социалистов и коммунистов.

В конце Первой мировой войны в столице Баварии Мюнхене создано «Общество Туле», провозгласившее своей целью изучение и популяризацию древнегерманской культуры. Мифическая земля Туле считалась прародиной германцев. В это общество входили представители интеллигенции и офицерства правой и крайне правой ориентации, в том числе Д. Эккарт, Р. Гесс, А. Розенберг. По одной из версий, членам этого общества, слесарю-инструментальщику А. Дрекслеру и журналисту К. Харреру, было поручено создать структуру, которая позволила бы расширить влияние среди рабочих. На базе Комитета независимых рабочих (Дрекслер) и Политического рабочего союза (Харрер) в январе 1919 г. появилась НРП. В сентябре того же года ее членом стал А. Гитлер.

Вступив добровольцем в 16-й Баварский пехотный полк в самом начале Первой мировой войны, он участвовал в 47 сражениях, правда, в основном в качестве связного при штабе полка. Хотя известно, что боевые офицеры назначают связными самых расторопных и сообразительных унтер-офицеров и солдат. Гитлер, раненный дважды, был награжден за храбрость баварским крестом «За заслуги» и Железным крестом I класса. Последнюю награду он получил, лично взяв в плен офицера и 15 солдат противника.

Зиму 1918 г. Гитлер провел в лагере для военнопленных в Траунштейне, после падения Баварской Советской Республики содействовал следствию по работе коммунистов во 2-м пехотном полку, по его окончании был назначен на службу в пресс-бюро политического отдела окружного командования, где прошел подготовку на «курсах гражданственности» – прообразе подразделений психологической войны. По заданию командования он часто посещал митинги и собрания различных политических партий, в основном правой ориентации.

После вступления в ряды Рабочей партии Гитлер быстро продвигался по партийной лестнице, в конце 1919 г. стал членом Исполнительного комитета. В феврале 1920 г. партия была переименована в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). В этом же году ее руководство приступило к формированию первых партийных боевых подразделений, которые именовались «спортивными объединениями» и «пролетарскими сотнями» (как у КП Германии).

Р. Гесс и М. Борман

Отношения в руководстве переименованной партии складывались далеко не безоблачные. Дрекслер в письме к одному из друзей так характеризовал будущего фюрера: «Нелепый маленький человек стал членом „номер семь“ нашей партии»[1022]. Гитлер, в свою очередь, вспоминал, что Дрекслеру недоставало быстроты и твердости, чтобы сломить сопротивление новой идее внутри партии. Конфликт закончился победой Гитлера, который в июле 1921 г. получил пост председателя

партии. Новый ее устав официально утвердил принцип фюрерства, т. е. безоговорочного подчинения вождю.

В ноябре 1921 г., после одной из первых побед над сторонниками Компартии Германии, Гитлер переименовал силовые подразделения НСДАП. Поскольку в рядах боевиков «спортивных объединений» было много бывших военнослужащих, новое название – штурмовые отряды (*Sturmabteilung, SA*) – имело глубокий смысл. Так именовались элитные пехотные подразделения кайзеровской армии во время Первой мировой войны. Одним из основных организаторов штурмовых отрядов стал Эрнст Рем, который реорганизовал боевые партийные группы на военный лад и быстро приобрел популярность среди штурмовиков.

Одной из задач штурмовых отрядов являлась охрана лидеров партии, для чего привлекались самые преданные и проверенные бойцы. Весной 1923 г. для обеспечения безопасности главы партии (фюрера) и ее штаб-квартиры в Мюнхене было создано специальное подразделение – Охрана ставки (*Stabswache*). Командир этого подразделения корветтен-капитан Г. Эрхардт был яркой личностью. После окончания Первой мировой войны он организовал ветеранское подразделение «Викинги», выполнявшее в Баварии роль вспомогательной полиции, и одновременно командовал 2-й бригадой морской пехоты. По свидетельству современников, Эрхардт – один из самых фанатичных представителей правого крыла – в 1920-е гг. был не менее популярен, чем Гитлер. На посту начальника Охраны ставки он находился недолго и летом 1923 г. решил покинуть фюрера, поскольку последний отказался поддержать его призыв к немедленной войне с Францией. Эрхардт не только порвал со своим шефом, но и отозвал своих сторонников из СА.

Таким образом, летом 1923 г. в НСДАП сложилась парадоксальная ситуация: командир элитного подразделения СА, призванного охранять лидера партии, демонстративно оставил место службы. Созданное им подразделение личной охраны было распущено, а взамен создана так называемая Ударная группа А. Гитлера (*Stostruppe AH*). Командование новым подразделением было поручено сразу двум лично преданным вождю соратникам – Ю. Шреку и Й. Берхтольду. В составе Ударной группы проходили службу У. Граф, Р. Гесс, Й. Дитрих, Ю. Шауб, К. Филер. Примерно в это же время руководство штурмовыми отрядами было возложено на Германа Геринга, отчасти в противовес Рему, отчасти, чтобы повысить рейтинг СА в глазах ветеранов. Личная охрана фюрера приняла самое активное участие в попытке захвата власти в Баварии в ноябре 1923 г., когда У. Граф закрыл

собой Гитлера от пуль полицейских. После провала «пивного путча» боевые подразделения НСДАП были официально запрещены и некоторое время существовали как объединение «Подпольный фронт».

Начиная с 1918 г. боевые подразделения как левых, так и правых политических партий регулярно проверяли на прочность государственную власть Веймарской республики. Наиболее масштабные попытки силового захвата власти принимали форму открытых вооруженных выступлений: 1919 г. – выступление КПГ в Берлине, Баварская Советская Республика; 1920 г. – Капповский путч; 1921 г. – вооруженные выступления КПГ в районе Гелле-Мерзебург в Средней Германии; 1923 г. – коммунистические восстания в Гамбурге, Руре, Саксонии, Тюрингии; 1923 г. – мюнхенский («пивной») путч НСДАП.

Наряду с осложнением внутриполитической обстановки, безусловно, имел место и международный аспект. Некоторые добровольческие части, состоявшие из офицеров и солдат штурмовых подразделений, сражались вне Германии. В Восточной Пруссии, Литве и Латвии против местного населения и Советской России до 1920 г. действовала «Железная дивизия». В западных областях Польши в противоповстанческих операциях вплоть до 1920 г. активно участвовало подразделение «Восточная пограничная охрана». Военное формирование «Союз Оберланд», созданное в Баварии из офицеров-добровольцев, в 1921 г. принимало участие в военном решении затянувшегося спора Германии и Польши о территориальной принадлежности Верхней Силезии.

Для подавления вооруженных выступлений правительство использовало не только полицейские и армейские подразделения, но и негосударственные военизированные формирования. Еще в 1918 г. для борьбы с коммунистическим движением были задействованы Добровольческий корпус стрелков и Кильская морская бригада. В дальнейшем политическая ситуация менялась настолько стремительно, что вчерашние противники становились союзниками, нередко выступавшие в одном мятеже против правительства при попытке следующего оказывались в числе защитников законной власти.

В таких условиях наиболее надежным общегерманским силовым институтом, на который опиралось федеральное правительство, являлись Вооруженные силы (*Reichswer*, рейхсвер). Руководство небольшого по численности рейхсвера могло позволить себе тщательный отбор офицерского и унтер-офицерского состава, оно представляло собой достаточно самостоятельную политическую силу. В 1923 г. на вопрос

президента Ф. Эберта: «Кому подчиняется армия – правительству или мятежникам?» – командующий рейхсвером генерал Г. фон Сект ответил по-военному лаконично: «Армия подчиняется мне». Поэтому нет ничего удивительного в том, что восстановление государственных спецслужб в послевоенной Германии первоначально происходило именно по линии армии.

Согласно условиям Версальского договора, Вооруженные силы Германии ограничивались 100-тысячной сухопутной армией без танков и тяжелой артиллерии, ей запрещалось иметь военно-воздушные силы, подводный флот, Генеральный штаб и вести разведывательную работу. Однако уже в 1919 г. в составе Министерства обороны Веймарской республики был образован орган военной разведки и контрразведки – абвер (*Abwehr* – оборона). Чтобы обойти ограничения Версальского мира, в качестве официальной сферы деятельности на абвер возлагались задачи только по контрразведывательному обеспечению в германских Вооруженных силах. Однако на практике разведка против стран-победительниц, в первую очередь против Франции и Великобритании, началась сразу после воссоздания военной разведки в новом качестве.

Начальник военной разведки кайзеровской Германии В. Николаи пророчески полагал в развитие своей концепции, что прекращение военных действий в Европе в 1918 г. не привело к окончанию тайной войны, которая продолжается и в мирное время. Он писал:

«К разведке идея разоружения определенно не относится, так как положительная часть ее, то есть пропаганда, стала бы вместо орудия военной борьбы оружием борьбы политической еще в большей степени, нежели в настоящее время. Разведка стоит, таким образом, во всяком случае, на пороге новых заданий»[1023]. Николаи сохранил архивы кайзеровской разведки и способствовал созданию новой германской секретной службы, тщательно скрываемой от глаз победителей.

Еще одним неофициальным направлением деятельности абвера было поддержание контактов с полувоенными организациями проимперской направленности и анализ информации о политической ситуации в стране.

Участники Капповского путча на Парижской площади Берлина

В составе абвера было учреждено Розыскное бюро для сбора материалов о политических силах, оппозиционных руководству Веймарской республики. К работе по сбору информации привлекались наиболее надежные офицеры и солдаты, в основном из ветеранов Первой мировой войны. Вполне вероятно, что Гитлер мог быть одним из тех сотрудников, которые проводили разведывательную работу среди политических партий. По одной из версий, его курирующим офицером был капитан К. Майер, по другой – капитан Э. Рем.

С момента основания Веймарской республики развитие специальных служб и специальных силовых подразделений происходило параллельно по двум направлениям – по традиционной государственной линии и в рамках военизированных структур политических партий. Для обеспечения внутренней безопасности правительство широко использовало возможности вооруженных сил, в том числе органов военной разведки и контрразведки.

Первым руководителем абвера (в 1919–1927 гг.) был

назначен заместитель В. Николаи во время Первой мировой войны, майор (впоследствии генерал-майор) Ф. Гемп. В дальнейшем во главе военной разведки находились: майор (полковник) Г. Швантес (Шванц, 1928–1929 гг.), подполковник (полковник) Ф. фон Бредов (1929–1932 гг.), капитан 2-го ранга (вице-адмирал) К. Патциг (1933–1934 гг.), адмирал В. Канарис (1935–1943 гг.), полковник Г. Ганзен (февраль – июль 1944 гг.). Однако тень «молчаливого полковника», как называли Николаи в военной среде, незримо витала в коридорах Цоссена до конца Второй мировой войны. В целях дезинформации любого вероятного противника и общественного мнения в собственной стране официальных постов в разведке Николаи не занимал.

Разведывательная работа по военной линии велась через абверштелле (*Abwershtelle*) – подразделения разведки при штабах пограничных военных округов, а также – конспиративно – через официальные учреждения Германии за границей. В качестве прикрытия широко использовались немецкие торговые представительства, различные (в том числе и подставные) фирмы за рубежом («Немецкая заморская служба», «Нунция» и др.).

Сотрудничеству военной разведки с представителями деловых кругов Германии способствовало и то, что многие концерны имели собственные корпоративные разведывательные службы, занимавшиеся промышленным шпионажем за границей, а в случае необходимости подключали к своим операциям представителей государственной разведывательной службы для решения задач высшего политического уровня. Для ведения разведки активно использовалась авиакомпания «Люфтганза», осуществляющая обширные международные перевозки. Один из ее руководителей – Э. Мильх, во время Первой мировой войны служивший в разведке, в дальнейшем стал генерал-фельдмаршалом и главным инспектором германских ВВС.

Э. Рем

Э. Мильх

Помимо разведывательных задач на абвер возлагалось осуществление специальных операций военного-политического, экономического, диверсионного и иного характера. По итогам Первой мировой войны немецкие военные стратеги сделали вывод, что пропаганда – это первостепенный военный инструмент, предназначенный для психологической обработки населения вероятного противника. Следующей фазой тайной войны является работа агентуры, которая своими действиями создает благоприятные для оккупации политические, экономические и военные условия. После успешной реализации двух первых этапов скрытой агрессии наступает время для операций специальных диверсионных подразделений с целью парализовать вражескую военно-промышленную инфраструктуру. Заключительная стадия – открытое вторжение основных сил оккупационной армии для довершения разгрома неприятеля. По мнению немецких аналитиков, открытые военные действия следует начинать тогда, когда тайная война проиграна противником.

С целью усиления сухопутных войск, вновь в обход

Версальского договора, в начале 1921 г. началось формирование воинских частей, официально не входивших в состав Вооруженных сил. Личный состав этих полулегальных военных подразделений, которые неофициально назывались «черный рейхсвер», рекрутировался из ветеранов Первой мировой войны. Одновременно под руководством Военного министерства были созданы отряды самообороны (*Heimwehr*). К середине 1920-х гг. в Германии насчитывалось около 200 военизированных организаций имперской направленности, входивших в состав Добровольческого корпуса.

Об этих организациях следует сказать особо, поскольку в них входили многие сотрудники армии, полиции и специальных подразделений, имевшие сильную мотивацию на возрождение германского воинского духа. Военизированные организации являлись не только источником кадрового резерва армии и спецслужб, но и закрытыми клубами, где сотрудники различных ведомств делились боевым опытом и обсуждали военные и политические проблемы. Такое неформальное общение создавало атмосферу товарищества и позволяло вести подготовку, незашоренную ведомственными рамками. Для академического обучения резервистов и действующих офицеров рейхсвера в 1920 г. по линии замаскированного Генерального штаба были созданы секретные курсы «R».

В составе полиции также формировались специальные подразделения, возглавлявшиеся опытными специалистами военного дела, одним из которых был В. Штеннес. В 1919–1922 гг. он командовал ротой специального назначения в составе прусской полиции. На вооружении этой роты состояли броневики, личный состав имел «парабеллумы» и пистолеты-пулеметы «Бергман». После получения приказа рота могла выступить на марш в течение десяти минут. После 1923 г. Штеннес стал одним из организаторов «черного рейхсвера» и разведывательно-диверсионных операций на территориях, оккупированных победителями, командовал Ударным егерским батальоном из ветеранов, где только в пулеметной роте было 38 кавалеров Железного креста. С 1927 г. Штеннес являлся командующим крупнейшим территориальным формированием СА – «Ost», не будучи при этом членом НСДАП. В 1933 г. он реорганизовал личную охрану Чан Кайши и возглавил разведку генералиссимуса в Европе. В 1939 г. вступил в контакт с советской разведкой и предупредил о подготовке Германии к войне против СССР.

После ареста Гитлера и вынужденной эмиграции Геринга к руководству штурмовиками вновь пришел Э. Рем, который увеличил численность СА с 2000 человек накануне «пивного

путча» (8–9 ноября 1923 г.) до 30 000 человек к моменту выхода Гитлера из тюрьмы. В марте 1925 г. разразился очередной внутрипартийный кризис. Суть конфликта заключалась в нежелании штурмовиков подчиняться решениям политических структур НСДАП; точку зрения подчиненных разделял и Рем. В партии вторично создалась ситуация, когда подразделения, созданные для охраны лидеров, отказались повиноваться приказам и стали угрозой для тех, кого были призваны охранять. В апреле Гитлер вынудил Рема подать в отставку с поста командующего СА, и тот уехал военным советником в Боливию. На его место был назначен капитан Ф. П. фон Заломон, возглавлявший штурмовиков до 1930 г.

Партийный кризис послужил толчком к созданию в НСДАП качественно новых специальных подразделений, призванных обеспечивать безопасность лидеров.

В апреле, после устранения Рема с поста руководителя СА, Гитлер поручил своему личному шоферу и одному из наиболее доверенных и преданных соратников Ю. Шреку создать новое охранное подразделение. Первоначально группа личной охраны (*Leibwache*) состояла всего из восьми человек, все они ранее являлись бойцами Ударной группы Гитлера. 21 сентября 1925 г. Ю. Шрек издал циркуляр, предписывавший местным организациям НСДАП формировать из лучших штурмовиков специальные охранные подразделения. Вначале они назывались *Schutzkommando*, затем *Sturmstaffel*, а 9 ноября получили окончательное наименование – *Schutzstaffel (SS)*. По воспоминаниям современников, последнее название предложено Г. Герингом, по аналогии с военным термином «эскадрилья прикрытия». Численность СС устанавливалась в 10 человек на каждый региональный (военный) округ, в Берлине их было вдвое больше.

Первоначально СС входили в состав СА. В 1926 г. для руководства новой силовой структурой НСДАП был введен пост рейхсфюрера СС, который занял поправившийся после ранения Й. Берхтольд. В том же году на партийном съезде в Веймаре Гитлер торжественно передал СС «знамя крови», под которым штурмовики шли во время «пивного путча». Весной 1927 г. рейхсфюрером СС стал Э. Хайден. Последний говорил, что гвардия была всегда – у персов, греков, Цезаря, Наполеона, а гвардией новой Германии станет СС. В январе 1929 г., когда численность СС составляла всего 280 человек, пост рейхсфюрера занял заместитель Хайдена Г. Гиммлер, ранее активный член специального подразделения «Имперский военный флаг» (*Reichskriegsflagge*).

Отбор кандидатов в СС в тот период был крайне строгим. Возрастной ценз устанавливался в 25–35 лет. Состояние здоровья и физические данные кандидатов оценивались по самому высокому для тогдашних условий отбора стандарту. У кандидата не должно было быть судимостей за общеуголовные преступления и вредных привычек. До 1934 г. охранные подразделения организационно входили в состав СА, но фактически подчинялись непосредственно фюреру. Более того, каждый из вступивших в СС приносил присягу на верность не просто нацистской партии, а лично А. Гитлеру.

В состав личной охраны фюрера в 1926–1933 гг. входила группа из пятнадцати человек, разделенная на три смены по пять человек. Одна из смен постоянно находилась при Гитлере, руководил охраной Й. Дитрих. Дополнительная охрана осуществлялась и сотрудниками баварской полиции. О месте и роли выходцев из баварской полиции в системе обеспечения безопасности фюрера следует сказать особо, поскольку в начале 1920-х гг. близкими друзьями Гитлера стали В. Фрик и Э. Пёнер. Пёнер руководил полицией Мюнхена, Фрик возглавлял службу уголовного розыска. Гитлер позднее писал, что каждый из них имел мужество быть сначала немцем, а потом должностным лицом. Эти полицейские принимали активное участие в «пивном путче», находясь рядом с Гитлером. Возможно, что на определенном этапе и тот, и другой выполняли задания, исходившие от руководства МВД Веймарской республики.

Г. Геринг

Г. Гиммлер

Следует иметь в виду, что в те годы наблюдалось скрытое противостояние двух крупнейших образований Веймарской республики – Пруссии и Баварии. Политическое противоборство федеральных земель имело давние исторические корни, укрепленные стремлением получить максимум самостоятельности. Ситуация усугублялась тем, что в каждой из федеральных земель были собственные министерства полиции, независимые от федерального МВД. Кроме того, языковые барьеры, значительные различия в традициях и многовековое соперничество создавали столь серьезные разногласия, что последние даже не требовали специальной инициализации извне. В дальнейшем Фрик, ставший рейхсляйтером и рейхсминистром внутренних дел, курировал вопросы денежного и вещевого довольствия личной охраны Гитлера. По нашему мнению,

официально не занимавший крупных постов в нацистской иерархии, Пёнер мог быть советником по кадровым вопросам службы охраны. Официально штаты охраны фюрера, присвоение званий и продвижение по службе сотрудников охраны курировал после 1933 г. начальник рейхсканцелярии Г. Г. Ламмерс.

После отъезда Рема в Южную Америку противоборство в высших эшелонах НСДАП не прекращалось. В августе 1925-го – феврале 1926 г. гауляйтеры Северной Германии под руководством Г. Штрассера и Й. Геббельса отстаивали более левую позицию, чем А. Гитлер. Результатом противостояния стало создание Следственно-арбитражного комитета для урегулирования разногласий внутри партии (*Untersuchungs und Schlichtungs Ausschuss, USCHLA*). После переговоров Гитлера с гауляйтерами Й. Геббельс стал одним из наиболее преданных его сторонников.

Противоборство между политическим руководством партии и ее охранными структурами было более серьезным. В августе 1930 г. берлинские штурмовики (руководитель В. Штеннес), недовольные своим положением (по сравнению с армией) и денежным содержанием, отказались повиноваться приказам партийных функционеров. В этих условиях Гитлер был вынужден принять пост командующего штурмовыми отрядами, а в качестве уступки штурмовикам на пост начальника штаба СА был назначен вернувшийся из Боливии Рем.

В феврале 1931 г. недовольство политической линией А. Гитлера со стороны штурмовиков переросло в Восточной Германии в открытый мятеж. Выступивших штурмовиков вновь возглавил начальник берлинских СА В. Штеннес. Для подавления мятежа, который на начальной стадии не удалось локализовать с помощью СС, руководство НСДАП прибегло к помощи государственных полицейских подразделений. Требования мятежников заключались в следующем: исключительное право охраны партийных съездов должно принадлежать СА; за охрану партийных мероприятий штурмовики должны получать дополнительную плату. Мятеж повторился в апреле того же года. После этих событий начался быстрый рост численности СС. В конце 1920 – начале 1930-х гг. угроза интересам лидеров НСДАП исходила не только со стороны политических противников, но и со стороны товарищей по партии. Противоречия между группировками партийной элиты, носившие социально-политический характер, отражали и личные амбиции лидеров.

Й. Геббельс

После назначения А. Гитлера 30 января 1933 г. на пост рейхсканцлера охрана была реорганизована. 17 марта Гитлер издал распоряжение «О создании вооруженной охраны штаба» численностью не менее 120 человек. Командиром новой группы, набранной из отборных эсэсовцев, был назначен один из наиболее преданных охранников Гитлера Й. Дитрих. Подразделение, размещенное в пригороде Берлина Лихтерфельде, охраняло рейхсканцелярию. В апреле 1933 г. на должность начальника личной охраны Гитлера был назначен Г. И. Раттенхубер.

В сентябре 1933 г. на базе Охраны ставки и особых команд «Цоссен» и «Ютебог» в составе СС создан полк охраны фюрера (*Leibstandart-SS Adolf Hitler*). Лейбштандарт стал личной гвардией рейхсканцлера. Солдаты и офицеры этого элитного

подразделения принимали присягу на верность фюреру и подчинялись только ему. Командовал полком Й. Дитрих. Полк сыграл решающую роль при подавлении оппозиции в рядах НСДАП (группировка Рема) 30 июня 1934 г. – в «ночь длинных ножей». Это позволило Гитлеру получить безраздельную власть не только над партией, но и над ее военными структурами. После расстрела Рема и наиболее активных его сторонников начальником штаба СА назначен обергруппенфюрер В. Лутце.

Лейбштандарт был не только охранным, но и боевым подразделением и до самого конца Второй мировой войны оставался наиболее боеспособной структурой в составе СС. Его моторизованные батальоны участвовали во всех военных кампаниях начиная с 1939 г. Три человека из первого состава стали командирами дивизий, восемь – командирами полков. Некоторым особо отличившимся бойцам этого подразделения доверялось выполнение деликатных партийных и личных поручений. Можно с уверенностью сказать, что военно-партийная гвардия НСДАП выполняла функции, аналогичные функциям придворной охраны фараонов, Преображенского и Семеновского полков Петровской гвардии.

К концу 1920-х гг. общая численность военизированных партийных отрядов достигала в Германии нескольких миллионов человек, их ядро составляли ветераны Первой мировой войны. В начале 1930-х гг. наметилось перераспределение баланса партийных военных сил, личный состав которых переходил из одной структуры в другую в зависимости от изменения социально-политической обстановки.

К 1932 г. в рядах партийных подразделений находилось: у социал-демократов – 3,5 миллиона человек, у коммунистов – 3 миллиона, у монархистов – 3 миллиона, у национал-социалистов – 0,5 миллиона человек. Только вдумайтесь в масштабы этих цифр: какие армии были под ружьем у партийных структур и какое количество подготовленных и вооруженных людей наводняло страну!

Несмотря на меньшую, чем у оппонентов, численность, отряды НСДАП были более идеологизированны, лучше организованны, более агрессивны.

Для привлечения в ряды СА новых сторонников широко использовались привлекательные для обездоленных пропагандистские приемы: горячая бесплатная пища, чувство локтя, товарищества. В 1933–1934 гг. в ряды штурмовиков вступили многие бывшие бойцы Компартии Германии и СДПГ, что привело к созданию «красных полков» СА и появлению афоризма «штурмовики похожи на бифштексы: коричневые

снаружи и красные внутри». Возможно, одной из причин их перехода на сторону национал-социалистов было разочарование в деятельности коммунистических и социал-демократических лидеров. Другой причиной могло быть то, что в названии НСДАП присутствовало слово «рабочая», и многие боевики предпочли национальный социализм интернациональному. После ликвидации в 1934 г. лидеров СА влияние штурмовиков на внутриполитическую жизнь уменьшилось, однако к началу Второй мировой войны их было свыше 1 миллиона человек, они являлись источником кадрового резерва для вермахта.

В. Лутце

30 января 1933 г. президент Веймарской республики П. Гинденбург назначил А. Гитлера рейхсканцлером, и с этого момента в Германии начался рост численности НСДАП и ее

штурмовых отрядов. После прихода к власти НСДАП приступила к установлению связей с партиями, близкими по взглядам к национал-социализму. Это был первый шаг к созданию Нацинтерна. Практическая работа велась службами Третьего рейха по нескольким направлениям.

Одной из приоритетных задач вождей НСДАП после получения в середине 1934 г. реальной власти являлось обеспечение внутренней безопасности нового режима от угроз со стороны военных. Руководители партии с недоверием относились к представителям старой военной и государственной элиты, связанной многолетними традициями и семейными узами. Партийная элита национал-социалистов страховала себя от притязаний представителей ранее господствовавших классов, которые путем внешней лояльности надеялись вернуть себе власть.

Военными с 1933 по 1941 г. готовилось несколько заговоров с целью устранения Гитлера: потсдамский – январь 1933 г., берлинский – сентябрь 1938 г., цоссенский – ноябрь 1939 г. Недовольство военных вызывалось излишне радикальной, на их взгляд, позицией нового руководства Германии и не всегда компетентным вмешательством в дела вооруженных сил. Однако военная оппозиция была разнородной по возрасту, занимаемым должностям и политическим взглядам. Разногласия оппозиционеров, низкий уровень организации привели к тому, что до стадии реализации был доведен только заговор 20 июля 1944 г., да и то покушение оказалось неудачным.

В этих условиях совершенствование системы специальных служб, созданных при непосредственном участии фюрера и высшего военно-политического руководства НСДАП, имело под собой веские основания. Разветвленная оперативная сеть и хорошие источники информации позволяли дезавуировать заговорщиков на ранних стадиях. Кроме того, Гитлер проводил кадровую политику в вооруженных силах таким образом, что, возвышая одних и отправляя в отставку других, не позволял заговорщикам консолидировать силы. Наряду с этим успешные внешнеполитические и военные действия нового режима, позволившие Германии к 1941 г. занять доминирующее положение в Европе, привели к росту популярности Гитлера в армии. Отрезвление в военной среде реально созрело только ко второй половине 1943 г.

Попытки отстранения Гитлера от власти, в том числе и с его ликвидацией, предпринимались не только в Германии, но и за ее пределами. В качестве примера рассмотрим заговор 1933 г. в США. В апреле к государственному секретарю К. Холлу и

министру юстиции Г. Каммингсу поступила информация о подготовке убийства Гитлера американскими евреями. По поручению политического руководства США директор ФБР Э. Гувер начал тщательное расследование. В ходе реализации секретного дела № 65–531615 его сотрудникам удалось установить, что заговор действительно существует и организуют его представители еврейского лобби. Как удалось установить оперативным путем, идеологами и организаторами покушения выступали «крестные отцы» еврейской мафии – М. Лански и Б. Зигель. Поскольку ФБР проводило расследование «достаточно интенсивно», заказчики и организаторы заговора отказались от его реализации. Садиться на электрический стул по обвинению в преступном умысле по отношению к руководителю другого государства, пусть даже и виновного в массовых погромах и депортациях евреев, они не захотели.

Ситуации, в которых специальные службы одной страны предотвращают покушение на руководителя другой, пусть даже и враждебной, в истории не так уж редки. Позиция высшего политического руководства определяется, исходя из национальных интересов или политической конъюнктуры. Так, правительство Ф. Рузвельта, принимая решение о поиске заговорщиков, могло исходить из следующих соображений. Во-первых, оно мало интересовалось политическими проблемами Европы; во-вторых, экономика США все еще находилась в состоянии кризиса, а контракты с германскими концернами сулили прибыли. В этих условиях предотвращение заговора против Гитлера правительству США было выгодно и экономически, и политически.

В процессе обретения США экономической и военной мощи администрация Рузвельта стратегически и тактически грамотно использовала эту мощь во внешней политике. Вначале США выступили в роли спасителя европейцев от нацизма и коммунизма, а реализация «плана Маршалла» позволила им занять ведущие экономические позиции в Западной Европе. Позицию США в отношении войны Германии с СССР откровенно сформулировал сенатор Г. Трумэн, ставший позднее президентом: помогать тому, кто побеждает, и пусть они убивают друг друга как можно больше. (Одним из парадоксальных на первый взгляд примеров сотрудничества «непримиримых» врагов явилась также координация действий службы безопасности палестинского лидера Я. Арафата и специальных служб Израиля.)

Возвращаясь к теме личной безопасности руководителей НСДАП, рассмотрим систему управления, созданную в Третьем рейхе. Высшие партийные и государственные руководители

Германии усовершенствовали принцип существования параллельных силовых структур, который в современной политике именуется системой сдержек и противовесов. К концу 1930-х гг. Гитлер сосредоточил в своих руках все нити государственного управления, воплотив в жизнь идею фюрерства (вождизма). Через рейхсканцелярию (руководитель Г. Г. Ламмерс) фюрер возглавлял гражданскую администрацию, где министры осуществляли управление по вертикали, а гауляйтеры – по горизонтали. Параллельно выстраивалась система управления по линии НСДАП, председателем которой он являлся. Влияние на вооруженные силы было обеспечено занятием постов военного министра и верховного главнокомандующего.

В НСДАП А. Гитлер старался разделить своих сторонников из ближайшего окружения и противопоставить их друг другу. Различные сферы партийной деятельности были распределены между рейхсляйтерами (в 1940 г. – 20 человек) и канцелярией (Р. Гесс, Ф. Бюлер, М. Борман), ведавшей организационными вопросами и партийными структурами на местах. Силовые структуры партии (СА – В. Лутце; СС – Г. Гиммлер; РСХА – Р. Гейдрих) также замыкались непосредственно на фюрере.

Руководитель центральной структуры личной охраны Гитлера Г. И. Раттенхубер подчинялся только ему.

После создания в 1935 г. новых Вооруженных сил Германии – вермахта вместо Военного министерства было учреждено Верховное главнокомандование Вооруженными силами (В. Кейтель). Однако руководство сухопутных войск (В. фон Фрич, В. фон Браухич), авиации (Г. Геринг), военно-морского флота (Э. Редер, К. Дёниц) зачастую действовало сепаратно от Верховного главнокомандования Вооруженными силами (В. Кейтель) и имело право личного доклада фюреру. Управление военной разведки и контрразведки (*Auslandsnachrichten und Abwehramt*) входило в состав Верховного главнокомандования. В Генеральном штабе сухопутных войск (Ф. Гальдер) существовало собственное разведывательное подразделение – Отдел иностранных армий (*Abteilung Fremde Heere*; Р. Гелен). Количество управленческих линий, замыкавшихся непосредственно на А. Гитлера, не имеет аналогов в новейшей истории.

Подобное деление было характерно для всего высшего эшелона руководителей Третьего рейха, которые создавали в своих вотчинах параллельные структуры. В 1933–1934 гг. между соперничавшими за второе место в партии Герингом и Гиммлером шла ожесточенная борьба за руководство Тайной государственной полицией. В итоге руководителем центрального аппарата гестапо стал выдвиженец Гиммлера Р. Гейдрих. В июле

1936 г. во главе гестапо становится сотрудник криминальной полиции Мюнхена Г. Мюллер. Опытный сыщик, он придерживался в работе с кадрами правила «меньше по количеству – лучше по качеству». Под его руководством немецкая политическая полиция работала очень результативно.

Г. Геринг, возглавивший в 1935 г. ВВС Германии, создал в составе Верховного командования ВВС собственную военную и политическую разведку, замаскированную под Организационный отдел (*Organisationsabt*). Подчинявшийся лично ему Научно-исследовательский институт Г. Геринга, созданный в 1933 г. как Исследовательское бюро (*Forshungsamt*), занимался прослушиванием и записью телефонных, телеграфных и радиосообщений как внутри страны, так и за ее пределами, что позволяло вести свою игру в высших эшелонах власти. Тактическая информация была предметом сиюминутной «торговли» на верхних этажах власти, а глобальная стратегическая информация незамедлительно доводилась «владельцами» соответствующих служб до сведения фюрера. Дивиденды доставались тому, кто оказывался более расторопным и предусмотрительным, чья агентура была более удачлива при решении поставленных задач.

В марте 1934 г. для обеспечения безопасности нацистского руководства создается СД (*Sicherheitsdienst, SD*) – служба безопасности рейхсфюрера СС, подчинявшаяся руководству Третьего рейха не по административной, а исключительно по партийной линии. После прихода НСДАП к власти одной из основных задач СД стало противодействие армии с целью ослабления ее влияния на политическое руководство Германии. Для получения независимой от абвера информации в 1937 г. в составе службы безопасности создана служба внешней разведки (*Ausland-SD*; Х. Йост). После начала Второй мировой войны в 1939 г. СД была включена в состав Имперского главного управления безопасности (РСХА), внешняя разведка реорганизована в VI Управление РСХА, руководителем которого в июне 1942 г. назначен В. Шелленберг.

Создание РСХА было настолько засекречено, что даже его название оставалось неизвестно большинству немцев до конца Второй мировой войны. Гестапо вошло в состав РСХА в качестве IV Управления, его руководителем, повторим, стал сотрудник криминальной полиции Мюнхена Г. Мюллер.

Одним из тактических приемов работы гестапо по контролю за умонастроениями нацистской элиты стало создание специального заведения – «Салона Китти». Главной проблемой гестапо являлась конкуренция с органами военной разведки, не

желавшими уступать позиции в сфере государственной безопасности «выскочкам» из СС.

Для ведения подрывной работы против государств, признанных руководством Третьего рейха враждебными, на территории нейтральных и союзных государств в 1934 г. создаются военные организации абвера (*Kriegsorganisation*). Координацией действий военных атташе, изучением иностранной прессы, радиопередач и литературы в центральном аппарате абвера занимался Заграничный отдел (*Ausland*), работавший во взаимодействии с Министерством иностранных дел.

Активная работа военной разведки с открытыми иностранными источниками началась после того, как эмигрировавший в Англию военный эксперт Б. Якоб выпустил книгу, посвященную организации немецких вооруженных сил. Похищенный в Швейцарии, Якоб подробно изложил В. Николаи технологию сбора и систематизации информации по военным вопросам, которую абвер тут же взял на вооружение.

В 1934 г. в Гросс-Лихтерфельде образована лаборатория по изучению научных методов диверсий на военных и промышленных объектах потенциального противника. Ее задачей являлось снижение риска и стоимости диверсий, а также изобретение оборудования и технологий, неизвестных противнику.

Не исключено, что при создании лаборатории учитывалась информация о деятельности в СССР Особого технического бюро. В середине 1930-х гг. для внедрения новых методов подбора и подготовки разведывательных кадров создана Психологическая лаборатория имперского Военного министерства. Там впервые в мире была разработана система тестов для определения профессиональной пригодности кандидатов в разведчики. По одной из версий, инициатором создания и лоббистом обеих лабораторий являлся все тот же В. Николаи.

Г. Мюллер

1 января 1935 г. руководителем абвера назначен кадровый разведчик, капитан 1-го ранга В. Канарис. Одним из его первых шагов стало назначение на пост советника по партизанским операциям хауптмана (гауптмана)[1024] Т. фон Хиппеля. Под руководством генерала О. Леттов-Форбека Хиппель воевал в Африке во время Первой мировой войны. Хиппель полагал, что тактика ведения боевых действий малыми группами, опробованная немцами в Африке, может найти применение в Европе и позволит наносить неожиданные удары по стратегическим объектам противника. Еще в начале 1930-х гг. он делал вывод: в рамках концепции тайной войны существует необходимость в создании элитных частей со специальной подготовкой, которые будут в состоянии проникать через вражеские границы задолго до начала наступления своих войск

или даже до объявления войны. В. Канарис с пониманием воспринял идеи подчиненного, поскольку операции немецких подразделений в Кении и Танганьике были высокоэффективны при малых потерях собственных войск.

В ноябре 1936 г. военно-политическим руководством Германии принято решение о направлении в Испанию легиона «Кондор» для непосредственного участия в боевых действиях на стороне противников республиканского правительства. Направление ограниченного военного контингента преследовало следующие политические, военные и специальные задачи: приобретение стратегического союзника в случае победы над республиканцами; «обкатка» новых направлений в тактике и стратегии боевых действий; проверка авиационной и танковой техники в реальных боевых условиях; приобретение боевого опыта личным составом, в том числе по организации взаимодействия с союзниками; отработка механизма планирования и организации материально-технического обеспечения боевых подразделений; организация и проведение специальных операций в тылу противника в период ведения боевых действий.

Вполне вероятно, что аналогичные задачи решало и военно-политическое руководство СССР, когда принимало решение поддержать законное правительство Испании. (На рубеже XX – XXI вв. похожие задачи решало военно-политическое руководство США на Балканах: в Боснии и Герцеговине, а затем в Косово.)

Во время Гражданской войны в Испании и республиканцы, и сторонники Франко широко применяли тактику партизанских действий на коммуникациях противника. С этого времени слова генерала Э. Мола о «пятой колонне» в тылу республиканских войск стали обозначать скрытую до поры агентуру. Сотрудники военной разведки, действовавшие в составе легиона «Кондор», получили наглядное представление о тактике партизанских действий и о реальных возможностях партизанской войны. События в Испании стали катализатором нового этапа в развитии немецких специальных подразделений.

Для ведения психологической войны, а также для непосредственного осуществления операций разведывательно-диверсионного характера в конце 1937 г. в составе военной разведки создается отдел абвер-II (A-II), который возглавил Г. Гросскурт, а с 1939 г. – Э. фон Лахузен. Объединение взаимно дополняющих аспектов специальных операций под единым управлением можно объяснить лозунгом, которому следовал Канарис: «Внедряйся. Разлагай. Деморализуй». Комплексный подход включал разведывательные операции, психологическое

воздействие, силовые мероприятия – весь комплекс действий, позволяющих ослабить противника.

К формированию подразделений «профессиональных партизан» в абвере приступили в начале 1938 г., в условиях строжайшей секретности. В распоряжении абвер-II находились несколько учебных центров: в Химзее, Тегеле и Квинцзее. Отбор кандидатов проходил по высоким требованиям: хорошая физическая и военная подготовка, интеллектуальный уровень выше среднего, знание иностранных языков, наличие актерских способностей и т. п. Преимущество отдавалось этническим немцам, ранее проживавшим на территории других государств, в первую очередь в Африке и Латинской Америке. В дальнейшем система подготовки боевиков была усовершенствована настолько, что адмирал Канарис приказал каждому офицеру военной разведки пройти обязательный курс обучения на «Опытном поле» в Квинцзее.

В 1938–1939 гг. фон Хиппель организовал боевые группы «Эббингхауз» (Ebbinghaus) для действия в Силезии, Судетах и Поморье. 15 октября 1939 г. личный состав групп, прошедший боевое крещение в Чехословакии и Польше, был сведен в Учебно-строительную роту для специальных заданий «Бранденбург-800». В январе 1940 г. на базе роты сформировали батальон, а в октябре – Строительный учебный полк для специальных заданий «Бранденбург-800», который впоследствии стал одним из наиболее известных разведывательно-диверсионных подразделений Третьего рейха.

В абвере это подразделение неофициально именовали «домашним войском Канариса», на его счету были удачно проведенные операции в Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Греции, Югославии, где тактика диверсионных действий малых групп в тылу противника в условиях внезапного нападения оправдала себя полностью.

20 ноября 1942 г. полк развернули в специальное соединение «Бранденбург-800». В маскировочных целях оно считалось дивизией в составе пяти полков, батальона связи и морского диверсионного батальона. (Практика камуфлирования специальных подразделений под учебные центры, строительные части и т. п. организации имела широкое распространение в Германии, СССР и ряде других стран с высокоразвитой системой специальных служб и подразделений. В нашей стране такими примерами могут служить курсы усовершенствования офицерского состава, Отдельный учебный центр КГБ СССР и ряд других «известных» организаций.)

Киевские маневры 1935 г., на которых присутствовали

представители немецкой армии (К. Штудент), продемонстрировали потенциальные возможности нового рода войск, удачно вписывавшиеся в концепцию молниеносной войны. Идея Blitzkrieg (блицкрига), к середине 1930-х гг. обретшая популярность в среде военных теоретиков Германии, рассматривалась как выход из позиционного тупика, как способ расправиться с противниками поодиночке.

Одним из инициаторов создания воздушно-десантных войск (*Fallschirmjager*) стал Г. Геринг – в прошлом боевой летчик, ветеран Первой мировой войны, входивший в высшее военно-политическое руководство Третьего рейха. В 1936 г. был сформирован первый парашютный батальон из добровольцев полка «Генерал Геринг» и легиона «Кондор». Условия отбора оказались настолько строгими, что две трети кандидатов отсеяли уже на первой стадии. После 1941 г. критерии отбора в германские ВДВ были несколько снижены.

Уже на стадии формирования ВДВ возникли разногласия между руководством ВВС и сухопутных войск, касавшиеся вопросов боевого использования десантников. Концепция ВВС предусматривала формирование небольших элитных подразделений, предназначенных для проведения специальных операций во взаимодействии с авиацией, а руководство сухопутных войск настаивало на использовании десантников в качестве штурмовых подразделений для достижения тактического и оперативного успеха при прорыве обороны противника. Возникшие противоречия не позволили сформировать ВДВ под единым командованием: 7-я дивизия ВДВ входила в состав люфтваффе и оставалась личной гвардией Геринга, а 22-я дивизия числилась в составе сухопутных войск.

Одними из наиболее элитных формирований сухопутных войск считались подразделения альпийских стрелков (*Gebirgsjager*, горные егеря), созданные еще во время Первой мировой войны. Их эмблема – цветок эдельвейса – стала общей для обозначения горнострелковых войск. По уровню боевой подготовки, духу товарищества, присущего альпинистам, немецкие горные егеря по праву считались лучшими в мире. Одной из приоритетных задач альпийских стрелков во Второй мировой войне являлась борьба с партизанами на оккупированных территориях. Горнострелковые войска, комплектовавшиеся немцами и австрийцами из Южной Баварии, пользовались особой любовью Гитлера, поскольку его детство и юность прошли в предгорьях Альп.

В 1936 г., отчасти в противовес усиливавшейся мощи армии, руководство НСДАП приняло решение о формировании войск СС (*Waffen-SS*). В приказе Гитлера говорилось, что войска СС не

входят ни в армию, ни в полицию, а являются военной структурой партии. Организационно они делились на подразделение «Мертвая голова» (*SS-Totenkopfverbande, SSTV*) и Войска особого назначения (*SS-Verfugungstruppe, SSVT*). Для подготовки офицерских кадров были созданы юнкерские школы, а их инспектором назначен кадровый военный, генерал-майор в отставке, затем обергруппенфюрер П. Гауссер.

Отбор в них был необычайно строгим: кандидаты проходили через сито идеологического и физического контроля. Чтобы получить направление в офицерскую школу СС, требовалось прослужить рядовым или унтер-офицером до двух лет. Товарищеские отношения в СС приветствовались: рядовые при обращении к офицерам опускали обязательную в вермахте форму «господин». Обучение велось по четырем основным направлениям: общегуманитарная, идеологическая, спортивная и военная подготовка. С началом Второй мировой войны произошло массовое увеличение численного состава войск СС, критерии отбора в офицерские школы были заметно снижены.

Одним из важнейших направлений деятельности НСДАП являлась подготовка высококлассных специалистов в области политики, экономики и военного дела по партийной линии. Под эгидой партии были созданы структуры, занимавшиеся воспитанием и образованием молодежи, начиная с десяти лет. Первоначальная подготовка проходила в рамках молодежных организаций: гитлерюгенда (Б. фон Ширах, А. Аксман) и школах А. Гитлера (*AH-Schule*). В 1933 г. по образцу прусских военных корпусов созданы школы NAPOLAS (*Nationalpolitishe Erziehungsangstalten*), в которых обучались подростки из семей рабочих и военнослужащих. Техническая и специальная подготовка осуществлялись на базе Национал-социалистического мотомеханизированного корпуса (А. Хюнляйн, В. Краус) и Национал-социалистического авиационного корпуса (Б. Лерцер, Ф. Кристиансен, А. Келлер).

В начале 1935 г. для подготовки нацистской элиты, в том числе специалистов по линии разведки, была создана сеть учебных заведений под общим названием «Рыцарские замки». Их особенностью являлась подготовка к нелегальной работе не только в других государствах, но и на территории Германии. Слушателями школ после тщательной проверки на лояльность режиму становились кандидаты, имевшие соответствующие данные и прошедшие предварительное обучение по линии молодежных, в том числе и военизированных организаций. Идея создания «Рыцарских замков» была заимствована из средневековой традиции, когда члены различных орденов или

иных рыцарских сообществ проходили закрытую подготовку в замках, изолированных от внешнего мира и укрывающих «воинов меча» от излишнего мирского внимания. В 1930-е гг. в старых замках размещались специализированные школы, где под бдительной охраной готовились нелегалы, обязанные впоследствии выполнять особые поручения.

Не меньшее значение руководство Третьего рейха уделяло работе с этническими немцами – фольксдойче, проживавшими за границей (около 8 млн человек). Координировал эту работу созданный в 1933 г. Иностранный отдел НСДАП под руководством рейхсляйтера А. Розенберга. Организация заграничных немцев (*Auslandsorganisation*) была приравнена по статусу к административно-территориальной единице – ГАУ, ее возглавил гауляйтер Э. В. Боле. Функционерами ГАУ являлись около 3500 членов НСДАП, проживающих за границей. В числе задач этой организации, наряду с политической работой среди фольксдойче, находилось ведение разведки в странах пребывания и сбор информации о деятельности немецких политэмигрантов. Аналогичные задачи решались и в рамках Имперского управления колониальной политики под руководством рейхсляйтера Ф. фон Эппа.

«Возможно, что рост национал-социалистских групп, состоящих только из немцев, прошел бы почти незамеченным, если бы одновременно не развертывали свою деятельность национал-социалистские и фашистские группы из коренного населения. Многие из таких групп были организованы еще в 20-х годах, но в то время их появление не привлекло почти никакого внимания. Положение изменилось после победы, одержанной немецкой национал-социалистской партией на выборах 1930 года, когда стены германского рейхстага услышали гулкий шаг более чем сотни вновь избранных депутатов-нацистов»[1025].

Ассоциация для немцев за границей (*Verein für das Deutschtum in Ausland*) имела связи более чем с 8000 немецких школ за пределами Германии и насчитывала в своем составе более 24 000 местных отделений. Параллельно с идеологической подготовкой осуществлялась и специальная подготовка этнических немцев. В европейских странах партийные боевые подразделения местных ячеек НСДАП маскировались под «спортивные объединения», «пролетарские сотни», «отряды самообороны». Первой страной, испытавшей на себе агрессивное действие военизированных структур Нацинтерна, стала Австрия.

25 июля 1934 г. в Вене произошла попытка нацистского путча. Нацистами из 89-го штандарта (полка) СС под командованием О. Планетты, переодетыми в форму австрийской

армии и полиции, были захвачены радиостанция и резиденция канцлера. Среди путчистов был и О. Скорцени, будущий руководитель ряда специальных операций во время Второй мировой войны. Во время захвата канцлер Австрии Э. Дольфус был тяжело ранен. Ему пообещали лечение – в обмен на подпись под указом о воссоединении Австрии с Германией, но канцлер отказался и к концу дня скончался. К вечеру мятеж был подавлен правительственными войсками.

«…Причастность германского рейха к мятежу была совершенно очевидной. Иностранные корреспонденты, находившиеся в немецкой столице накануне венского мятежа, слышали о том, что в Австрии что-то готовится. Через несколько дней после путча они показывали друг другу экземпляры немецкого пресс-бюллетеня (*Deutsche Presseklischeedienst),* выпущенного 22 июля 1934 г., то есть за три дня до событий в Вене. В нем уже имелись снимки, изображавшие „народное восстание в Австрии“. Там же сообщалось: „В ходе боев за дворец правительства канцлер Дольфус получил серьезные ранения, приведшие к смертельному исходу“.

Скрупулезная немецкая организованность! Еще не успели зарядить револьверы, а текст к портрету жертвы был уже отпечатан»[1026].

По линии СС в феврале 1937 г. создано Главное управление по работе с этническими немцами в соседних с Германией странах (*Volksdeutsche Mittelstelle*), которое возглавил обергруппенфюрер В. Лоренц. Управление занималось проникновением в зарубежную прессу с целью формирования позитивного мнения о национал-социализме и идеологической работы с населением. В сопредельных государствах создавалась агентурная сеть, осуществлялась нелегальная боевая подготовка партийных функционеров, проводились активная подрывная деятельность против правительств тех стран, территории которых подлежали включению в состав Третьего рейха.

Благодаря активной работе фольксдойче, объединенных в «Австрийский легион» под руководством людей из СС (А. Роденбюхер, Ф. Гласс, Э. Кальтенбруннер), произошел молниеносный аншлюс Австрии (план «Отто») в марте 1938 г., практически без использования вооруженных сил.

Оккупация Судетской области в октябре 1938 г., Богемии и Моравии в марте 1939 г. решалась комплексно: велась активная политическая работа по линии МИД; по линии НСДАП и СС использовались возможности чешских немцев; по линии абвера проводились боевые операции с использованием диверсантов.

Э. Кальтенбруннер

Вторжение германского вермахта в Чехословакию практически не встретило сопротивления. Стратегия тайной войны, разработанная немецкими военными экспертами, получила практическое подтверждение.

Организация заграничных немцев служила не только тактическим сиюминутным задачам: в 1936 г. высшее руководство Германии приступило к созданию резервных баз НСДАП в Латинской Америке. В результате операции «Пять ключей», проведенной по личному указанию Гитлера, были созданы резервные базы, а также тайные каналы эвакуации. Это позволило многим сотрудникам партийного аппарата и спецслужб перейти на нелегальное положение после поражения Третьего рейха.

Мы специально уделили в этой главе столько внимания

обзору политических, военных и специальных структур, созданных в Германии после 1933 г., будучи убеждены, что все они являлись частями единой системы обеспечения безопасности государства, правящей партии и ее тогдашних лидеров. Как известно из истории, идея расового превосходства появилась задолго до рождения Гитлера, который в итоге на ней и погорел. Удивительно, но на рубеже XX–XXI вв. идея мирового господства овладела умами политической элиты «самого демократического государства». В этой связи подчеркнем: при внешней несхожести политического устройства США и Третьего рейха в их системах безопасности, равно как и в реальных действиях, имеется много общего.

В апреле 1933 г. на должность начальника личной охраны Гитлера был назначен Г. И. Раттенхубер.

Г. И. Раттенхубер родился в 1897 г. в деревне Оберхахинг близ Мюнхена, получил среднее образование. Участвовал в Первой мировой войне как унтер-офицер, затем стал лейтенантом. В 1918 г. познакомился с Гиммлером в школе унтер-офицеров. В 1920–1933 гг. работал в органах полиции Баварии. Во время заключения Гитлера в крепости Ландсберг (1924 г.) служил в тюремной охране. С 1929 г. – председатель Союза полицейских чиновников, с марта 1933 г. – член НСДАП и один из адъютантов Гиммлера, одновременно сотрудник полиции безопасности (ЗИПО). По рекомендации Гиммлера назначен начальником охраны Гитлера. Прослужил в этой должности до падения нацистской Германии. В 1945 г. имел звания группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции. 2 мая 1945 г. взят в плен советскими войсками.

Наше дальнейшее повествование об обеспечении безопасности высшего руководства Германии основано на показаниях Раттенхубера и некоторых других лиц из ближнего окружения Гитлера, которые были даны ими после ареста в 1945 г., а также на воспоминаниях очевидцев (с комментариями авторов).

Раттенхубер: «За время моей службы в полиции г. Мюнхена я приобрел солидный опыт во всех отраслях полицейской службы. Гиммлер высоко ценил подготовку и практическую деятельность баварской, и особенно мюнхенской, полиции. Все это дало основание Гиммлеру, занявшему пост полицей-президента Мюнхена, приблизить меня к себе и назначить своим адъютантом, так как он нуждался в человеке, знакомом с полицейскими кругами в Мюнхене. Так что с 1933 года, одновременно со службой в мюнхенской полиции, я являлся уже одним из приближенных Гиммлера. <…>В связи с тем что Гитлер

продолжительное время бывал в Баварии, Гиммлер приказал Гейдриху для сопровождения Гитлера в его поездках организовать команду из чиновников криминальной полиции. Вначале эту команду возглавлял капитан полиции Бельвиль, однако в апреле 1933 года его перевели на другую работу, и на его место Гиммлер назначил меня.

Таким образом, с 1933 года и до смерти Гитлера, последовавшей 30 апреля 1945 года, я являлся начальником его личной охраны. Охрана Гитлера до 1933 года осуществлялась „сопровождающей командой СС“, укомплектованной отборными эсэсовцами из числа наиболее преданных членов национал-социалистской партии, служивших (впоследствии. – *Примеч. авт.*) в специальной эсэсовской части „Лейбштандарт Адольф Гитлер“. Это были телохранители Гитлера в буквальном смысле слова. В „сопровождающей команде СС“ были созданы три небольшие группы, численностью по 5 человек каждая, из которых по крайней мере одна всегда сопровождала Гитлера.

Вскоре после назначения меня начальником личной охраны Гитлер поставил передо мной задачу организовать также личную охрану Геринга, Гесса, Гиммлера, Риббентропа, Геббельса, Фрик, Дарре и обеспечить безопасность его резиденций в Мюнхене и Берхтесгадене. Осенью 1935 года я реорганизовал существовавшую охрану Гитлера, которая получила наименование „Имперская служба безопасности“ (*Reichssicherheitsdienst, RSD*. – *Примеч. авт.*)»[1027].

Мы полагаем, что одной из причин, обусловивших реорганизацию охраны высшего руководства Третьего рейха, стало убийство в США сенатора Х. Лонга в начале сентября 1935 г. Это преступление произошло в здании сенате штата Луизиана на глазах телохранителей, которые среагировали на покушавшегося только после того, как террорист в упор выстрелил Лонгу в живот. Задержание было проведено крайне неумело, охранников спасло от смерти только то, что пистолет нападавшего заклинило. В итоге телохранители буквально изрешетили террориста, выпустив несколько десятков пуль. Это дерзкое покушение тут же было взято в Германии на заметку. Наряду с другими оно изучалось как образец непрофессиональных действий сотрудников охраны, которая позволила злоумышленнику вплотную приблизиться к охраняемому лицу, произвести прицельный выстрел и при задержании оказать вооруженное сопротивление. С его смертью оказались оборваны все связи, могущие пролить хоть какой-то свет на организаторов и заказчиков преступления. Данный пример использовался специалистами для анализа чужих ошибок

и совершенствования собственной службы.

Раттенхубер: «Имперская служба безопасности (РСД) была организована в качестве личной охраны Гитлера и была подчинена только ему. Все изменения в личном составе РСД производились только с ведома и санкции Гитлера. РСД состояла на денежном и вещевом довольствии Министерства внутренних дел. Вопросы штата и повышений в званиях я докладывал начальнику канцелярии Гитлера – Ламмерс, а последний после своего решения докладывал для утверждения Гитлеру. Правда, в последние годы штатами РСД занимался также и Гиммлер, которому я докладывал по этому вопросу свои соображения. Однако окончательное решение выносил по-прежнему все же сам Гитлер.

Подразделения «Лейбштандарта Адольф Гитлер» маршируют в день рождения фюрера 20 апреля 1938 г.

В оперативном отношении Гиммлер имел лишь инспекторские права и приказывать ни мне, ни возглавляемой мной охране он не имел права. Последнее обстоятельство неоднократно подчеркивалось Гитлером в самой категорической форме. Вспоминаю, что в 1942 году во время обеда в ставке „Вольфсшанце“ Гитлер заявил в присутствии меня, Гиммлера и ряда других генералов: „Я повторяю еще раз, что вы, Гиммлер, не имеете никакого права приказывать Раттенхуберу. Я запрещаю вам это. А если вы, Раттенхубер, что-либо доложите обо мне Гиммлеру, то будете немедленно заключены в тюрьму“. В результате такого указания Гитлера Гиммлер побледнел, но ничего не сказал…»[1028].

Второй причиной реорганизации охраны фюрера в его личную службу безопасности было недоверие к приближенным.

Гитлер слишком хорошо знал нравы, царившие среди высших должностных лиц Третьего рейха. Наряду с охраной РСД обеспечивала его независимой от других источников информацией, в том числе о действиях и намерениях товарищей по партии. Гитлер всегда имел при себе пистолеты «вальтер» калибра 7,65 и 6,35 миллиметров.

Об охране фюрера во время поездок по железной дороге Раттенхубер писал: «Специальный поезд Гитлера состоял из 15 вагонов: вагон Гитлера, вагон имперского руководителя прессы, вагон с узлом связи, два салон-вагона, вагон-баня, два вагона для свиты и частей, два спальных вагона, два багажных вагона, вагон для охраны, две бронеплощадки с зенитными скорострельными артиллерийскими установками калибра 20 мм, связанные между собою телефоном. Вагон Гитлера был довольно просторным. Начиная с 1942 года Гитлер в нем обедал во время поездок, в то время как раньше он обычно ходил на обед в салон-вагон. В вагоне, кроме купе Гитлера, имелись также отдельные купе для личного его адъютанта, для адъютанта вооруженных сил и для личного слуги – штурмбаннфюрера Линге. Было учтено также особое пристрастие Гитлера часто принимать теплую ванну, для чего в его вагоне было оборудовано специальное помещение. Одно купе <…> было оборудовано для него в виде небольшого служебного кабинета.

Вагон не был бронирован. В 1944 году нами было запланировано устройство в вагоне бронированного купе для Гитлера, однако это мероприятие мы не успели провести.

Весь обслуживающий персонал начиная с 1938 года был постоянным и контролировался тайной полицией. Все пассажиры, включая офицеров, были занесены на специальный учет Имперской службы безопасности. Так как состав сопровождающих лиц был почти всегда одним и тем же, эти задачи были значительно облегчены.

Подъездные пути и перрон строжайше охранялись службой безопасности и железнодорожной полицией. Пассажиры сопровождались железнодорожной полицией к представителю РСД и последним – к личному адъютанту Гитлера. Багаж гостей из их домов в поезд доставлялся чинами батальона СС в присутствии пассажиров. Каждое место багажа было снабжено точным адресом владельца. Багаж, доставленный каким-либо иным путем, в вагон не допускался. Нахождение на перроне постороннего багажа и посторонних лиц строго запрещалось.

Продукты для спецпоезда поставлялись железнодорожной компанией „Митропа“ в присутствии начальника салон-вагона СА гауптштурмфюрера Крюкена. Также под тщательным

наблюдением происходила заправка водой.

Ремонт вагона производился только постоянным обслуживающим персоналом. В случае направления вагона для ремонта в депо все время при этом присутствовал комендант вагона. Для ремонта привлекались особо проверенные рабочие и инженеры.

Пустой поезд охранялся двумя сотрудниками РСД, 11 чиновниками железнодорожной полиции и 39 зенитчиками.

Маршрут держался в строжайшем секрете, причем составлялся таким образом, что нельзя было понять, когда Гитлер будет пользоваться поездом. Гостям приход Гитлера объявлялся примерно за час до этого. Зачастую Гитлер вместе с охраной входил или выходил из поезда с другого вокзала, нежели гости. В ночное время все вагоны были заперты, за исключением вагона охраны. Железнодорожные станции были закрыты, чтобы посторонние лица туда не могли пройти.

Впереди спецпоезда на определенной дистанции двигался добавочный поезд.

Если поездки совершались официально и ожидались встречи публики, то железнодорожное начальство заранее заботилось о правильном размещении встречающих. Если Гитлер находился в Ставке, то поезд через неопределенные промежутки времени перемещался со станции на станцию. Поезд все время был в состоянии готовности, что налагало зимой особые трудности на обслуживающий персонал»[1029].

Тот же автор о поездках Гитлера на автомашинах: «Гитлер пользовался автомашинами только следующих типов: „Мерседес-Бенц“, открытая и лимузин с мотором мощностью в 150 лошадиных сил, а также вездеход марки „Штейер“. Все машины Гитлера были бронированы и снабжены специальными непробиваемыми стеклами. Испытания, которые проводились периодически, показали, что броня выдерживала обстрел автоматического оружия, пулемета и не оставляла вмятин от взрыва гранат. Стекло выдерживало воздействие 7 винтовочных выстрелов в одну точку. Эти технические показатели вполне отвечали требованиям безопасности, так как трудно было рассчитывать на длительный обстрел во время поездки. В отношении бронирования следует заметить, что броня прикрывала все стенки машины, включая днище. При закрытом варианте крыша также имела броневую защиту»[1030].

К показаниям Раттенхубера мы считаем необходимым добавить следующее. Первый «мерседес» (модель 24/100/140 PS с открытым кузовом, кабриолет красного цвета фирмы «Даймлер – Бенц») был приобретен для Гитлера в 1926 г. на деньги партии.

Впоследствии представитель фирмы «Даймлер – Бенц» в Мюнхене Я. Верлин стал официальным поставщиком автомашин для гаража рейхсканцелярии. После прихода к власти Гитлер стал пользоваться кабриолетом марки «мерседес-бенц»-630. В 1934 г. для вермахта создан трехосный вездеход «мерседес-бенц» Г-4 с открытым шестиместным кузовом. Для Гитлера изготовили эксклюзивный экземпляр с подставкой под ноги и поднятым на 13 сантиметров передним пассажирским сиденьем. После аншлюса Австрии фюрер въехал в Вену на этой машине. В 1936 г. для него был заказан кабриолет «мерседес-бенц» 770-К, получивший полуофициальное название «фюрерваген». Этот автомобиль был частью семейства «больших „мерседесов“» («*Grosser Mercedes*») серии W-07, выпускавшейся в 1930–1938 гг. Компрессорный 8-цилиндровый двигатель объемом 7,7 литра развивал мощность до 230 л/сек при 3200 оборотах в минуту. В дверцах, полу и на задней стенке кузова установили бронезащиту. Гитлер пользовался автомобилем недолго: внешне он отличался от машины без бронирования, а это охрана считала недопустимым.

Следующий открытый автомобиль Гитлера имел обозначение W-150-II «Staatskarosse» («государственная карета»). С 1938 г. он использовался для поездок в теплое время года и при проведении парадов, войсковых смотров и официальных мероприятий. В 1940 г. гараж рейхсканцелярии пополнился семиместным закрытым «мерседесом» класса «пульман-лимузин». Трехосный вездеход «мерседес-бенц» 770 G4W31 предназначался для поездок по труднопроходимой местности, в том числе в прифронтовой зоне. «Фюрервагены», заказанные концерну «Даймлер – Бенц», с 1938 г. были ручной сборки, со специальными изменениями в конструкции. Они имели двигатели мощностью 150–400 л/сек с турбонаддувом. Толщина бронирования кузова составляла 18 миллиметров. Пуленепробиваемый бензобак емкостью до 300 литров был отделен от салона бронеплитой. Толщина бронестекол достигала 40 миллиметров. Для покрышек разработали специальный рисунок протектора, обеспечивавший максимальное сцепление с дорожным покрытием. Колесные камеры состояли из двадцати изолированных секций, что позволяло продолжать движение даже при повреждении нескольких отсеков колеса. Запасные колеса, установленные по бокам, выполняли функцию дополнительной защиты. Дверцы запирались электромагнитными замками. Минимальный вес автомобилей при длине 6 метров и ширине 2,2 метра превышал 4,5 тонны.

Для Гитлера, Геринга, Геббельса и Гиммлера были изготовлены четыре специальных автомобиля марки «хорьх». Они

имели 12-цилиндровые однорядные двигатели объемом около шести литров. Во всех автомобилях место Гитлера располагалось справа от шофера. В разное время водителями были ветераны охраны Ю. Шрекк, Э. Морис, Й. Дитрих, в 1933–1945 гг. – Э. Кемпка. Последний родился в 1910 г., являлся членом НСДАП, штурмбаннфюрером СС. Официально числился в составе полка «Лейбштандарт Адольф Гитлер». В мае 1945 г. попал в плен к союзникам.

В кортеже Гитлера постоянно находились две-три машины с телохранителями. Автомобили охраны по внешнему виду не отличались от «фюрервагена».

Личные телохранители Гитлера (*Begleitkommando*) носили форму и знаки различия СС и входили в подразделение, официально числившееся в составе штаба Г. Гиммлера и курировавшееся Р. Гейдрихом. В оперативном отношении телохранители подчинялись 1-му отделу Имперской службы безопасности, который осуществлял сопровождение Гитлера, охрану Берхтесгадена и квартиры Гитлера в рейхсканцелярии. Фактически командир группы сопровождения штурмбаннфюрер Б. Гевше (Геше, Гешке) подчинялся только Гитлеру и Раттенхуберу. Телохранители Гитлера обладали мгновенной реакцией, в совершенстве владели приемами боя без оружия и всеми видами стрелкового оружия, включая пулеметы и фаустпатроны. Основной их обязанностью в случае нападения было прикрыть фюрера от пуль или осколков собственным телом. До начала Второй мировой войны телохранителей в команде сопровождения было не больше 18 человек, после ее начала штат увеличили до 30 человек.

Раттенхубер: «Фары-прожектора были исключительно сильные, так что ослепляли все встречные машины, исключая, таким образом, возможность обстрела со стороны последних. Кроме того, в машине имелось несколько небольших, управляемых вручную, сверхсильных фонарей, позволявших освещать все пространство вокруг машины. Сзади машины был также установлен сильный прожектор, при помощи которого можно было ослеплять все машины, пытавшиеся нагнать машину Гитлера.

Машины сопровождения (их обычно было две) имели сзади светящуюся надпись „Полиция. Обгон запрещен“. Таким образом, лица, пытавшиеся обогнать конвой, подлежали привлечению к уголовной ответственности. Однако в моей практике таких случаев не было. Подножки в машинах закрывались вплотную к дверям и исключали, таким образом, возможность впрыгивания на ходу посторонних лиц. Эта мера предосторожности была

проведена нами после покушения на югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту. Это покушение было заснято на пленку французской кинохроникой, и фильм был специально закуплен германским правительством для детального изучения. Я лично просматривал эту кинохронику несколько раз»[1031].

Помощник А. Гитлера Шмундт на заднем сиденье автомобиля рядом с В. Кейтелем. За рулем – личный шофер фюрера Э. Кемпка

Р. Гейдрих

К изучению чужих ошибок для совершенствования системы охраны уважающий себя руководитель службы безопасности относится с большим вниманием. Раттенхубер был профессионалом и чужой опыт (как положительный, так и отрицательный) изучал. В начале 1930-х гг. было совершено несколько удачных покушений на глав государств и правительств. 6 мая 1932 г. русский эмигрант смертельно ранил президента Франции П. Думера. 14 мая во время военного путча убит премьер-министр Японии Д. Инукаи, 29 декабря 1933 г. – премьер-министр Румынии И. Дука, 25 июля 1934 г. – федеральный канцлер Австрии Э. Дольфус, 9 октября того же года – король Югославии Александр Карагеоргиевич и министр иностранных дел Франции Л. Барту. Указанные покушения реализованы вследствие грубейших нарушений правил

безопасности, допущенных и погибшими лицами, и службами их охраны.

Раттенхубер: «Внутри автомашин Гитлера имелись хорошо замаскированные и быстро открывающиеся кобуры для автоматов и пистолетов. Автомобили охраны до 1941 года были вооружены каждый двумя пулеметами с 1200 патронами к каждому из них. С момента войны против Советского Союза автомобильная охрана во время поездок получала на вооружение также автоматы и „панцерфаусты“ (ручные гранатометы. – *Примеч. авт.*). Характерно, что Гитлер редко ездил со скоростью свыше 90 километров в час, автомобильные поездки он любил, так как при этом отдыхал»[1032].

Есть сведения, что в марте 1920 г. Гитлер просил водителя ехать быстрее. Шофер ответил, что дорога очень скользкая и, если машину занесет, они оба погибнут. Он посоветовал Гитлеру не садиться за руль и никогда не торопить водителя – мол, только это позволит ему прожить еще хотя бы четверть века.

Езда в открытой машине в хорошую погоду действительно использовалась Гитлером в качестве своеобразной лечебной процедуры. В конце Первой мировой войны он пострадал во время газовой атаки и мучился приступами удушья. Чистый воздух благоприятно влиял на его самочувствие. Однако во время поездок он надевал фуражку, которая представляла собой замаскированную каску весом около полутора килограммов. В козырек, околыш и тулью были вставлены стальные пластины.

Раттенхубер: «Следует различать поездки Гитлера секретные, когда это тщательно скрывалось от посторонних, и официальные, когда о поездке Гитлера население знало. При секретных поездках Гитлера сопровождающим его лицам сообщалось лишь время отъезда, цель поездки была известна лишь Гитлеру. Нередко в таких случаях, уже после выезда, Гитлер сам лично намечал маршрут на карте.

Во время секретных поездок Гитлера светящаяся надпись на машине сопровождения „Полиция. Обгон запрещен“ закрывалась специальным щитом. Во время езды обгон колонны посторонними машинами не допускался. Автомашинам, пытавшимся обогнать колонну, загораживали путь автомобили сопровождения. Все скопившиеся сзади посторонние автомашины на перекрестках пропускались вперед, чтобы сохранить в тайне маршрут Гитлера.

После 1935 года к автомашине приобрели прицеп, в который по воскресеньям нагружали продукты для поездок за город. Во время привалов в стороне от дороги обычно выставляли два караульных поста. Остановки совершались только в определенных гостиницах. Если в виде исключения необходимо

было остановиться в другом пункте, то вперед высылалась „квартирная команда“ в составе двух чиновников РСД и адъютанта для заблаговременной подготовки квартиры. Женщин в автомобильные поездки Гитлер не брал.

Особые охранные мероприятия надлежало производить при официальных поездках, так как маршрут был известен за несколько дней и население собиралось для встречи Гитлера. В таких случаях за несколько дней чиновниками криминальной полиции бралась под наблюдение вся трасса. Владельцам домов давалось указание ни в коем случае не допускать в дома неизвестных лиц. Все гаражи и автомастерские просматривались с целью обнаружения там посторонних машин. Киоски и полые колонки для афиш брались под особое наблюдение.

Устройство громкоговорителей было разрешено лишь специальной команде штурмовиков. Вывешивание лозунгов, украшений и сооружение трибуны осуществлялись под наблюдением сотрудников областного руководства НСДАП.

Для фоторепортеров и кинооператоров были отведены специальные места, за которыми велось тщательное наблюдение. Если по пути нужно было проезжать парк, то в таком случае в нем всегда находились чиновники полиции с собаками. В день митинга улицы охранялись военизированными соединениями НСДАП и полицией. Чтобы предотвратить бросание цветов, их брали у публики и затем приносили к Гитлеру. Лиц с багажом с улиц немедленно удаляли. Оцепление располагалось таким образом, что каждый второй охранник стоял лицом к публике, а чиновники полиции размещались среди публики и в задних рядах.

Особая осторожность была необходима на поворотах в связи с замедлением езды. Все эти мероприятия были совершенно необходимы, так как Гитлер стоял в машине, которая ехала почти шагом. Письма передавались только охране, которая ехала на двух машинах вплотную к автомобилю Гитлера. Следует также отметить, что Гитлер во всех случаях пользовался только своими личными автомашинами. Если ему приходилось ехать в поезде или лететь на самолете в другой город, то вся его автоколонна подтягивалась своим ходом к соответствующим пунктам»[1033].

Раттенхубер о полетах Гитлера на самолете: «„Эскадрилья фюрера“, также входившая в мое подчинение (как шефа РСД), состояла из самолетов Гитлера, Гиммлера и Риббентропа. Командиром эскадрильи являлся генерал-лейтенант Баур (ошибка в тексте, правильно – Бауэр. – *Примеч. авт.*) – личный пилот Гитлера»[1034].

Х. Бауэр родился в 1897 г. в г. Ампфинг (Бавария). С 1915 г. –

военный летчик, капитан, после войны – летчик в «Люфтганзе», работал на линии Берлин – Мюнхен. С 1926 г. – член НСДАП. В 1932 г., будучи старшим пилотом «Люфтганзы», перевозил Гитлера во время избирательной кампании. С 1933 г. – личный пилот рейхсканцлера, по рекомендации которого принят в СС. В 1934 г. назначен шеф-пилотом фюрера и командиром правительственной эскадрильи. К 1945 г. – группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. В мае 1945 г. взят в плен советскими войсками.

Раттенхубер: «Самолет Гитлера – четырехмоторный, типа „Кондор“, фирмы „Фокке-Вульф“. Его корабль и другие („Ю-52“ и „ХЕ-111“) стояли в ангарах, вход в которые разрешался только членам экипажей, имеющим специальные пропуска за подписью „Баур“. Ремонт или осмотр производился лишь в присутствии одного из членов экипажа. Охрану несли СС и полк „Великая Германия“. Вначале все корабли находились на одном аэродроме, но в связи с бомбардировками после 1941 года они были рассредоточены на разных аэродромах.

Пилотами являлись высококвалифицированные летчики, ранее служившие в „Люфтганзе“. Каждый из них налетал не менее миллиона километров. Такими пилотами были: Баур, Дольди, Шнебеле, Бец, Гейн, Фридрих, Хюбнер и Гейзельбрехт. Гейн потерпел аварию в декабре 1941 года на аэродроме гор[ода] Орел, Шнебеле убили партизаны в 1942 году в окрестностях Житомира, Дольди был сбит русским истребителем в районе Лодзи в 1944 году.

Порядок с проверкой пассажиров и багажа был такой же, как в специальном поезде. В самолет Гитлера поступал только его личный багаж.

А. Гитлер, его личный пилот Х. Бауэр и пианист Э. Ганфштенгель (крайний справа) вылетают из Мюнхена в Берлин

<…> Мне лично о самолете Гитлера „Кондор“ фирмы „Фокке-Вульф“ известно следующее:

Крейсерская скорость корабля была равна 340 км в час при продолжительности полета 4 часа.

Потолок самолета мне неизвестен, во всяком случае, мы никогда не летали выше 4,5 тысячи метров, так как Гитлер плохо себя чувствовал на высоте. Для высотных полетов в самолете для каждого пассажира имелся кислородный прибор.

„Кондор“ Гитлера имел специальное устройство, позволявшее последнему в случае опасности путем нажима кнопки открывать под собою в кабине люк, в результате вместе с сиденьем, на котором Гитлер был заранее укреплен ремнями, он мог вывалиться из самолета, после чего автоматически раскрывался парашют. Это устройство и особенно парашют непрерывно подвергались специальным проверкам.

Самолет имел на вооружении два сверхтяжелых пулемета калибра 150 мм (ошибка в тексте, максимальный калибр

пулемета – 15 миллиметров. – *Примеч. авт.)*, установленные один в хвосте, а другой под фюзеляжем. Во время полетов на фронт самолет Гитлера сопровождался эскортом истребителей в количестве от 6 до 10 машин, пилотируемых надежными асами.

Должен также сказать, что для Гитлера был подготовлен новый корабль, каковым являлся последний образец „Юнкерса“ – „Ю-250“, имевший на вооружении 9 скорострельных пушек калибра 20 мм. Сиденье в самолете „Ю-250“ было защищено броневыми плитами снизу, сверху и с боков, а также снабжено непробиваемым стеклом. Там имелось такое же, как и в самолете „Кондор“, устройство для выпрыгивания с парашютом. Самолет „Ю-250“ практически не был использован, так как он вскоре после своего изготовления, в марте 1945 года был уничтожен во время бомбардировки американской авиацией на аэродроме в гор[оде] Мюнхен»[1035].

Бауэр показывал, что Гитлер много перемещался по Германии. Независимо от способа передвижения, личный пилот всегда следовал за ним на самолете. Он также по несколько раз привозил к Гитлеру всех государственных деятелей стран германского блока – П. Лаваля, К. Маннергейма, И. Антонеску, Б. Муссолини, болгарского царя Бориса III, М. Хорти и др. Некоторые полеты Гитлера в другие страны и визиты его высоких гостей происходили в условиях строжайшей секретности. Бауэр, как и некоторые другие сотрудники РСД, выполнял личные указания рейхсканцлера.

Раттенхубер о прогулках Гитлера пешком: «До 1938 года Гитлер часто совершал прогулки пешком в гражданском платье. Особенно часто это имело место во время его пребывания в Берхтесгадене. Эти прогулки, как правило, совершались в сопровождении двух сотрудников охраны, которые шли на некотором расстоянии от Гитлера, в зависимости от характера прогулки и местных условий. Естественно, что подобные прогулки совершались в особой тайне и по разным маршрутам, что помогало предотвратить возможность покушения. После 1939 года пешком он больше уже не ходил и гулял только в своем специально огороженном и обеспеченном надежной охраной парке в Берхтесгадене»[1036].

Визит А. Гитлера к К. Маннергейму (слева) по случаю 75-летия последнего, 1942 г.

Раттенхубер о строительстве жилых и служебных зданий: «На строительство допускались рабочие, прошедшие тщательную проверку по полицейским учетам, имеющие положительную характеристику от бургомистра и руководителя местной национал-социалистской организации. При использовании иностранной рабочей силы допускалось минимальное соотношение: на 4-х иностранцев – один немец. Во время работ происходила проверка рабочих через агентуру, завербованную из числа занятых на строительстве лиц. Существовала строгая система пропусков, которые через неопределенные периоды времени подлежали замене. Были высокая оплата и хорошее обеспечение рабочих, чтобы предотвратить проявление с их стороны какого-либо недовольства.

Все материалы, поступавшие на строительство, подлежали проверке, прежде чем быть использованными. Канализационные, вентиляционные и другие трубы перед окончанием работ исследовались на предмет отыскания в них посторонних предметов. Такому же осмотру подлежали половые настилы, подвалы. Тщательно проверялись подведенные к зданию провода и кабели с целью обнаружения возможно имеющихся среди них ложных проводов. Стены подвергались прослушиванию специальными приборами, определяющими местонахождение посторонних тел. Приемка здания осуществлялась государственной комиссией, в которую входили наряду с инженерами чиновники криминальной полиции»[1037].

Раттенхубер об обслуживании и охране служебных и жилых помещений: «Нами была тщательно разработана инструкция, согласно которой весь обслуживающий персонал служебных и жилых помещений Гитлера в Берлине и его имения в Берхтесгадене, а также и их родственники подлежали непрерывной проверке со стороны полиции. Пропуска в здания менялись ежемесячно. У каждого входа было установлено круглосуточное дежурство привратников и сопровождающих. Чердачные помещения и крыши находились под постоянным наблюдением охраны. Проходы от служебных помещений имперской канцелярии к личным апартаментам Гитлера охранялись эсэсовцами из „Лейбштандарта Адольф Гитлер“. Все помещения имперской канцелярии находились под контролем сотрудников возглавляемой мною охраны РСД.

Лица, приходившие на прием без заблаговременного оповещения, пропускались только после телефонного запроса. Все посетители получали специальный листок, на котором отмечалось время прихода, ухода и количество вещей, принесенных и унесенных ими из здания. Лица, не имевшие специального пропуска, пропускались в здания лишь в сопровождении сотрудника охраны. Багаж сдавался для просмотра в помещение охраны, причем считалось недопустимым, чтобы это помещение было расположено в непосредственной близости к жилой части. Прием пакетов от неизвестных лиц был строжайше запрещен. Запрещалось также хранение невскрытых пакетов. После окончания строительства новой имперской канцелярии в 1938 году мне было разрешено контролировать также и содержимое пакетов, поступавших в адрес Гитлера.

Внутренний ремонт помещений доверялся лишь особо проверенному прикрепленному персоналу, уже годами занятому на этой работе. Посторонняя рабочая сила ни в коем случае не допускалась.

Продукты питания поставлялись от строго определенных фирм, служащие которых находились под постоянным тщательным полицейским контролем. Заказ продуктов по телефону был запрещен, и продукты закупались только лицами из числа охраны, которые их лично сами доставляли на кухню. Все продукты подвергались химическому анализу. Овощи для Гитлера разводились в его имении в Берхтесгадене, выкапывались из земли в присутствии курьера, который их отвозил после этого для приготовления пищи.

В 1939 году, после начала войны, полицейская охрана района имперской канцелярии была значительно усилена, и я строго

следил за тем, чтобы личный состав полицейских команд этого важного района оставался неизменным. Примерно с шести часов вечера и до шести часов утра хождение посторонних лиц в непосредственной близости от имперской канцелярии было строжайше запрещено. Лица, направлявшиеся по специальным пропускам в квартиру Гитлера, включая высших партийных чиновников, обязательно сопровождались дежурным охранником.

Помимо этого, вокруг дома Гитлера в Берхтесгадене было установлено большое количество прожекторов, которые включались все одновременно нажатием кнопки и освещали кругом большую территорию. Кроме того, во всех помещениях, где находился Гитлер, включая даже спальню, имелся сигнал тревоги, соединенный с помещениями охраны. Нажатием соответствующих кнопок Гитлер и его адъютанты могли вызвать охрану или объявить общую тревогу во всем районе.

В Берхтесгадене вся почта, поступавшая в адрес Гитлера, просвечивалась рентгеновским аппаратом. <…> Поступавшее из стирки белье Гитлера тоже подвергалось просвечиванию рентгеновским аппаратом. Обслуживающий персонал был при этом одет в свинцовую одежду для защиты от воздействия лучей.

Гитлером мне была поручена также организация охраны его квартиры в Мюнхене, находившейся на втором этаже частного дома на площади Принца-регента, 16. В этих целях я произвел проверку жителей этого дома и установил за ними тщательное полицейское наблюдение. На первом этаже я разместил охрану из четырех человек, хорошо знавших всех жильцов дома, на чердаке был выставлен круглосуточный пост охраны. На дымоходных трубах были установлены защитные решетки для того, чтобы предотвратить забросу в них посторонних предметов. Чердачные окна тоже были огорожены решетками и снабжены изнутри запорами. По одному ключу от всех имевшихся в доме дверных замков было передано в распоряжение охраны.

Весь участок перед домом был огорожен проволочным забором. Перед домом и во всем его районе была учреждена круглосуточная патрульная служба. Прилегающие дома также находились под непрестанным контролем. Въезд в эти дома новых квартирантов разрешался только Имперской службой безопасности.

Все посетители дома заносились в учетную книгу и допускались в дом лишь после телефонного запроса у того или иного хозяина квартиры. За приносимый в дом багаж, который регистрировался, владельцы квартир несли строгую ответственность.

Однако, несмотря на мои настойчивые требования, Гитлер не

позволил проводить обыск лиц, посещавших этот дом. Тогда я написал специальную докладную записку, адресованную личному адъютанту Гитлера, в которой указал на недостаточность мероприятий по охране, но никакого ответа я так и не получил»[1038].

Раттенхубер об охране Гитлера в гостиницах: «Гостиницы, в которых останавливался Гитлер, находились под непрерывным контролем гестапо. Сотрудники и постоянные гости также тщательно проверялись. Этим облегчался контроль за случайными посетителями. Прибытие Гитлера в гостиницы было неожиданным, что исключало возможность скопления большого количества людей.

В приемной гостиницы дежурили чиновники местной криминальной полиции. Они же патрулировали по всей гостинице. Особое внимание обращалось на подвальные помещения. Старший охраны контролировал заселение комнат, прилегавших к апартаментам Гитлера. Комнаты рядом с ним обычно предоставлялись его адъютантам и свите. Во время отсутствия Гитлера его комнаты подвергались тщательному наблюдению внутри.

Если Гитлер спускался в ресторан, то шесть охранников занимали соседние столы с расчетом видеть все, что происходит в зале. Некоторое время спустя после прибытия Гитлера в ресторан входил ряд опытных чиновников криминальной полиции с женами – также для наблюдения за публикой. В ночное время личная охрана несла охрану гостиницы, а городская полиция следила за всем прилегающим районом.

Исключение составляла гостиница „Дойчер Хоф“ в Мюнхене во время партийных съездов. В эти дни гостиница была занята партийными чиновниками, получавшими от партийной канцелярии специальные пропуска для входа в дом. Охраной и членами СС все же осуществлялся тройной контроль пропусков»[1039].

Раттенхубер об охране Гитлера в театрах: «Почти во всех немецких театрах имелась „ложа фюрера“. Одновременно имелись постоянные места для полиции в целях максимально четкого контроля и наблюдения за публикой. Эти места выбирались с обеих сторон ложи и сверху над ней. Личная охрана охраняла подходы к ложе Гитлера и контролировала соседние ложи. Обычно Гитлер незаметно для публики входил в ложу вскоре после начала спектакля. Когда Гитлер отъезжал из театра, требовалась дополнительная охрана из состава местной полиции.

Более широкие охранные мероприятия предпринимались при официальных выступлениях. Места вокруг Гитлера и в известном

охранном секторе выдавались только лицам по специальным спискам. Патрули наблюдали за всеми помещениями театра, вплоть до артистических уборных.

Восьмидневные празднества в Байрёйте (родина Вагнера) [1040] требовали усиленной охраны. Контролю подвергались все гостиницы, рестораны и особенно сам зал, где происходил фестиваль. Все приглашенные зрители тщательно проверялись тайной полицией еще за несколько месяцев до празднеств. Определенные места оставлялись за сотрудниками тайной полиции. Сектор перед ложей Гитлера был под контролем личной охраны, которая без разрешения Гитлера к ложе никого не допускала. Гитлер во время этих празднеств обычно проживал в Байрёйте у вдовы Вагнера – г[оспо]жи Винифрид Вагнер, в доме которой бывали концерты с участием лучших артистов. В прилегающих к Байрёйту местностях и на дорогах периодически проводился контроль всех жителей и приезжающих»[1041].

Раттенхубер об охране Гитлера на собраниях и митингах: «Места собраний еще за 8 дней до начала их открытия уже были объектом охраны. Все помещения проверялись, огнетушители подлежали удалению. Тщательно обследовались потолочные перекрытия. Специальные полицейские собаки охраняли все подступы к зданию. Патрульная служба действовала круглые сутки. За 2–3 дня до собрания я лично проверял состояние проведенных охранных мероприятий. Гестапо и областное руководство НСДАП информировали меня о принятых ими мерах. За 24 часа до начала собрания все здание еще раз основательно просматривалось и заполнялось охраной. С этого времени доступ в него разрешался лишь по специальным пропускам.

Устройство громкоговорителей производилось специальной командой штурмовиков под начальством группенфюрера Шефер. Специально подобранный состав устанавливал также и прожектора. Пригласительные билеты выдавались областным руководством НСДАП. Личная охрана РСД обеспечивала безопасность ложи Гитлера и трибуны для оратора. Вместе с Гитлером в зал входили лишь небольшое количество сопровождающих лиц.

Определенные места оставлялись для фоторепортеров. Только некоторым из них разрешалось фотографировать Гитлера крупным планом. Снимки при вспышках магния допускались только с санкции самого Гитлера. Максимально сокращалось освещение прожекторами, так как у Гитлера были больные глаза после Первой мировой войны. Во время выступлений Гитлер всегда был потным и разгоряченным, так что после собрания он немедленно принимал теплую ванну, чтобы не простудиться.

Должен также отметить, что после покушения на Гитлера в Мюнхене 9 ноября 1939 года охрана начала широко применять для подслушивания микрофоны, которые за несколько дней до прибытия Гитлера устанавливались между креслами в залах, где были намечены его выступления. Микрофоны изготавливались фирмой „Цейсс“»[1042].

Покушение, о котором вспоминал Раттенхубер, произошло в пивной «Бюргербраукеллер», где традиционно собирались ветераны НСДАП, чтобы отметить годовщину неудачного «пивного путча». В результате взрыва бомбы, заложенной в одну из колонн внутри помещения, 7 человек были убиты и 63 ранены. Гитлер покинул пивную за 10–15 минут до взрыва. На следующий день в районе г. Констанца на границе со Швейцарией был арестован столяр-краснодеревщик Г. Эльзер, сознавшийся в закладке бомбы. До настоящего времени фигурируют четыре основные версии об организаторах покушения: «Черный фронт» О. Штрассера, английская разведка, провокация германских спецслужб, заговор одиночки.

Среди объектов, подлежавших охране в Третьем рейхе, командные пункты стратегического назначения, именуемые в прессе ставками Гитлера, были окружены наибольшей завесой секретности. Известно несколько таких объектов: одни из них изначально создавались как ставки фюрера, другие становились таковыми лишь на момент пребывания в них Гитлера. Подземные сооружения использовались и для других целей, тайна которых когда-нибудь, возможно, будет раскрыта.

Наиболее известные из ставок:

1) «Адлерсхорст» (*Adlerhorst*, «Орлиное гнездо») – в районе г. Наугейм. Размещалась в замке, окруженном группой бункеров, приспособленных к горно-скалистой местности. В двух километрах от замка в лесу построили несколько деревянных домов; имелся один бункер для Гитлера.

Все строения были хорошо замаскированы деревьями и кустарником. Гитлер находился в ставке с 22 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г. В это время в замке размещался штаб фельдмаршала Г. фон Рунштедта.

2) «Беренхоле» (*Berenhohle*, «Медвежья берлога») – в трех километрах западнее Смоленска, на автостраде Минск – Смоленск. Там Гитлер находился не более двух часов, остальное время провел в штабе армейской группировки фельдмаршала Г. фон Клюге.

3) «Вест-2» (*West-2,* «Запад-2») – между городами Суассон и Лион (Франция). Гитлер посещал ставку в 1941 г. По характеру строений (бункеров) она напоминала ставку в районе г.

Растенбург. Производились работы по сооружению ставок «Вест-1» и «Вест-3» в районе г. Вандом. Обе захвачены союзниками в недостроенном состоянии.

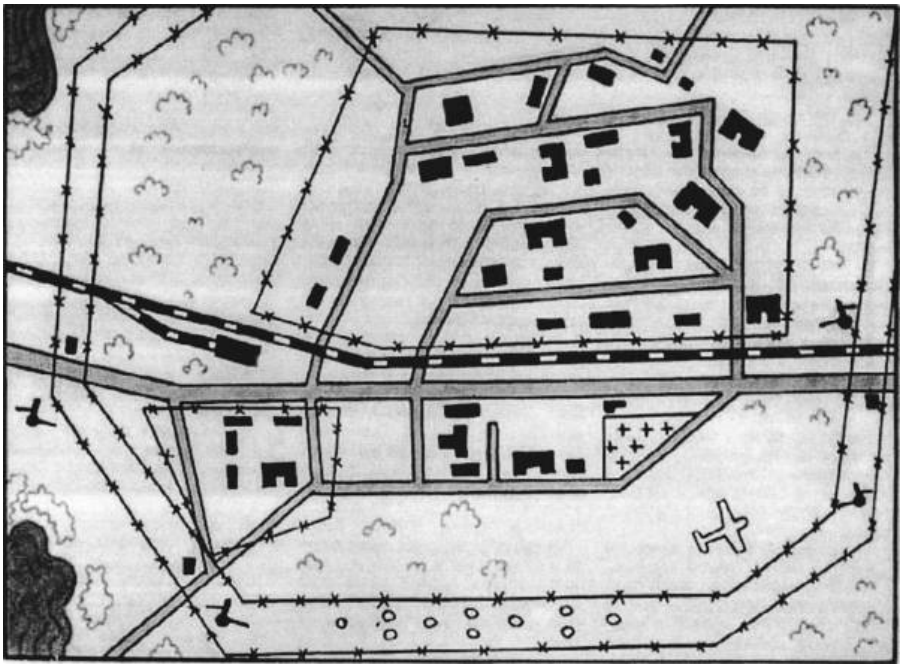


Схема расположения основных объектов «Вольфсшанце»

4) «Вервольф» (*Wehrfwolf*, «Оборотень») – в районе г. Винница. Гитлер работал в ставке с 16 июля по 29 сентября 1942 г. и с 19 февраля по 8 марта 1943 г.

5) «Вольфсшанце» (*Wolfsschanze*, «Волчье логово») – в восьми километрах от г. Растенбург (Восточная Пруссия, ныне польский г. Кентшин). С июля 1941 г. – основная ставка фюрера. О ставках под Винницей и Растенбургом будет рассказано далее.

6) «Вольфсшлюхт» (*Wolfsschlücht*, «Волчье ущелье») – на франко-бельгийской границе под г. Брюи-де-Пеш. Расположена в нескольких домах. На случай воздушного нападения имелись два бункера: для Гитлера и один общий. Стоявшая рядом церковь была снесена, чтобы не служила ориентиром с воздуха. Гитлер находился в этой ставке с 6 по 25 июня 1940 г.

7) «Роре» (*Rohre*, «Труба») – в районе Веснева (Галиция). Расположена в специально построенном тоннеле с железобетонными стенами и перекрытиями толщиною 1,5–2 метра. Тоннель устроен у подножия лесистого холма и тщательно замаскирован от обнаружения авиаразведкой противника. К нему была подведена железнодорожная ветка для специального поезда

Гитлера. Эту ставку Гитлер и Муссолини посетили в 1941 г., а затем вместе вылетели в Умань.

8) «Танненберг» (*Tannenberg*, «Еловая гора») – в горных лесах Шварцвальда западнее Фрейденштадта. Гитлер находился в ставке с 28 июня по 6 июля 1940 г.

9) «Фельзеннест» (*Felsennest*, «Гнездо в скалах») – район Эйскирхен в 35 километрах восточнее Рейна. Представляет собой группу бункеров в районе Западного вала; бункер Гитлера устроен в естественной скале.

Осенью 1943 г. фиктивной фирмой «Силезское строительное акционерное общество» начато строительство новой ставки Гитлера «Франкенштейн» в районе г. Швейдниц (Силезия); не закончено.

Раттенхубер: «Выбор места дислокации ставок производился всегда адъютантом [Гитлера от] вооруженных сил генералом Шмундт и комендантом ставки полковником Томас. Затем требовалось согласие возглавляемой мною „службы имперской безопасности“. Наименования [ставок] „Вольфсшлюхт“, „Вольфсшанце“ и „Вервольф“ были выбраны потому, что имя „Адольф“ на древнегерманском языке означает „волк“»[1043].

Как мы уже упоминали, с лета 1941 г. основной ставкой Гитлера стала ставка «Вольфсшанце». Ее строительство началось осенью 1940 г. на «прилежащих к фронту границах» – в лесисто-болотистой местности в восьми километрах на северо-восток от г. Растенбург, вблизи Мазурских озер. Для отвода глаз в г. Растенбурге была открыта специальная контора, в которой набирались рабочие для строительной фирмы «Аскания-Нова», направлявшиеся затем по разным местам в Германию. Основные строительные работы осуществляла созданная в 1933 г. полувоенная «Организация Тодта», занимавшаяся возведением стратегических коммуникаций, военных объектов и различных укреплений. Естественно, соблюдалась строжайшая секретность. На строительстве работали исключительно немцы, тщательно проверенные полицией, гестапо и ведомством Раттенхубера. О режиме секретности после введения ставки в действие говорит тот факт, что большинство высших военных и гражданских чиновников Третьего рейха, посещавших ее, не знали района ее расположения.

Секретный объект занимал территорию площадью около пяти квадратных километров, длина периметра составляла примерно 10 километров. Территория ставки была защищена минными полями и инженерными заграждениями. К 1955 г. снято около 55 000 мин и демонтировано около 200 000 заграждений. В пяти километрах южнее «Вольфсшанце» был построен основной

аэродром, запасной аэродром располагался прямо на территории ставки. Всего в ставке было около восьмидесяти строений: семь тяжелых бункеров, несколько средних и десятки легких построек («бараков»). Ставка имела собственную электростанцию, водопровод и систему канализации. Через ее территорию проходила одноколейная железная дорога со станцией Гёрлиц. Внутренняя территория разбивалась на несколько секторов, изолированных друг от друга. Бункеры Гитлера, Геринга, Бормана, Кейтеля и Йодля располагались в особо охраняемой зоне внутри ставки. Проехать в «зону фюрера» можно было, только миновав три контрольно-пропускных пункта: один во внешнем периметре и два внутренних.

Железобетонные бункеры П-образной формы размером 50 × 30 метров служили для защиты от воздушных налетов. Толщина стен составляла 4–6 метров, толщина перекрытий доходила до 8 метров, в бункере Гитлера – до 10–12 метров. Потолки укреплялись броневыми листами, крыши имели пологие скаты, чтобы авиабомбы рикошетировали. В целях маскировки бункеры были построены между деревьями, на их крышах посажена трава.

Раттенхубер: «Постоянные испарения железобетона требовали дополнительного ввода кислорода в помещения. Баллоны кислорода располагались вне бункера, чтобы избежать последствий возможного их взрыва. Наполнение баллонов кислородом производилось под наблюдением сотрудников тайной полиции (гестапо). В помещения кислород подводился посредством свинцовых труб. Систематически проводились испытания этих баллонов по всем видам их технических показателей»[1044].

«Бараки» представляли собой одноэтажные здания из бетона с плоской крышей и окнами, закрывавшимися стальными ставнями. Спальня и ванная Гитлера размещались в бараке вблизи бункера; после покушения 1944 г. они были переведены в бункер.

С воздуха территория ставки представлялась сплошным лесным массивом. В связи с участившимися налетами советской авиации на Восточную Пруссию в 1944 г. севернее «Вольфсшанце» построили ложную ставку. Однако за всю войну ни одного авиационного налета на главную ставку фюрера произведено не было! В конце ноября 1944 г. началась плановая эвакуация ставки, в конце января 1945 г. ее бункеры взорвали немецкие саперы.

Приказ о строительстве ставки «Вервольф» под Винницей был отдан в августе 1941 г. Ставка располагалась неподалеку от Южного Буга в сосновом бору. Ее строительство производилось с

сентября 1941 г. до середины лета 1942 г. и было замаскировано под организацию дома отдыха для раненых немецких офицеров, о чем информировал указатель, выставленный при въезде на объект. Маскировке способствовала живописная лесистая местность. Для изготовления бетона завозили морскую гальку с побережья Черного моря, что также укладывалось в легенду о возведении санатория. Работы выполнялись организацией «ТОДТа», руководил ими правительственный советник архитектор Д. фон Классен. Ставка «Вервольф» обустраивалась с учетом опыта, полученного при строительстве и эксплуатации главной ставки Гитлера в Восточной Пруссии. «Для Гитлера был выстроен отдельный бункер, в то время как для остальных сотрудников ставки имелся общий бункер. Все сотрудники ставки жили в обычных деревенских избах и частично в бараках»[1045]. Территория ставки была разбита на несколько секторов, каждый из которых окружали минные поля и проволочные заграждения. К последним были подведены кабели высокого напряжения.

Как и в «Вольфсшанце», в ставке под Винницей были жилые и служебные помещения для постоянного персонала и охраны. Узел связи ставки соединялся с Берлином и прочими стратегическими командными пунктами с помощью специальных подземных телефонных кабелей. Маскировка от обнаружения с воздуха обеспечивалась расположением ставки в естественном лесном массиве. Она улучшалась с помощью дополнительного насаждения деревьев, кустарников, травы и применения специальных покрытий. Для противовоздушной обороны вокруг ставки было установлено восемь батарей зенитной артиллерии, а на ближайшем аэродроме в постоянной боевой готовности находилась эскадрилья истребителей. Без специального разрешения пролетать над объектом запрещалось даже немецким самолетам. (Подобно винницкой ставке была оборудована и ставка «Беренхоле».)

Ставка тщательно охранялась специальными подразделениями вермахта и СС из дивизий «Великая Германия» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Координация охраны осуществлялась сотрудниками РСД. В кронах деревьев через каждые 200 метров были размещены круглосуточные наблюдательные посты. Территорию ставки патрулировали передвижные группы охраны. Для обороны были построены доты и дзоты, вооруженные пулеметами, огнеметами и гранатометами и прикрытые минными полями и проволочными заграждениями. Жителей близлежащих сел, не являвшихся фольксдойче, выселили в другие места. Контроль над местным населением и территорией осуществляли сотрудники абвера, СД, гестапо и

криминальной полиции. На прилегающих к ставке полях местному населению было запрещено выращивать растения с высокими стеблями. Как и на главную ставку Гитлера, на ставку «Вервольф» не упало ни одной авиабомбы. Ее бункеры и наземные строения уничтожены инженерно-саперными подразделениями отступающей немецкой армии в марте 1944 г.

Кроме этих ставок Верховного главнокомандования (Гитлера) для обеспечения безопасности высшего руководства Третьего рейха использовался ряд других секретных сооружений. Один из таких объектов известен под названием «Лагерь дождевого червя» (*Regenwurmlager*). Он находился на территории современной Польши неподалеку от г. Мендзижеч (по-немецки Мезериц). Объект входил в состав Мезерицкого укрепленного района, являвшегося частью Поморского (Восточного) вала. До 1945 г. эта территория входила в состав Германии. По воспоминаниям местных жителей, данный стратегический объект начали возводить еще в 1927 г., а с 1933 г. (после прихода Гитлера к власти) строительные работы были форсированы. В 1937 г. «Лагерь дождевого червя» приняли в эксплуатацию и передали в ведение вермахта и СС. В конце Второй мировой войны его обороняли два полка и школа дивизии СС «Мертвая голова». Укрепрайон был окружен, но оборонявшие его части ушли из-под удара по подземным коммуникациям.

В 1958 г. инженерная разведка Советской армии обнаружила на территории укрепрайона неподалеку от поселка Кеньшиц входы в подземные сооружения. На поверхность земли были вынесены боевые казематы, изготовленные из железобетона, с бронированными куполами, оборудованные огневыми точками. Подступы к дотам прикрывали рвы, минные поля, бетонные надолбы и несколько рядов колючей проволоки. При входе в каждый дот имелись инженерные ловушки (колодцы), куда неизбежно попадал любой непосвященный, пытавшийся проникнуть внутрь без разрешения. Все входы находились под перекрестным прицелом фронтальных и фланговых огневых точек. Глубоко под землей располагались жилые помещения для личного состава, склады продовольствия и боеприпасов, цистерны с запасами воды и жидкого топлива, электростанции и т. п. На нижних уровнях доты соединялись между собой с помощью системы подземных ходов. Подобное расположение наружных (боевых) и скрытых (обеспечивающих) сооружений вообще характерно для укрепленных районов тех лет.

Однако подземные лабиринты «Лагеря дождевого червя» имели одну особенность. В тоннелях, проложенных на глубине свыше 50 метров, была обнаружена узкоколейная железная

дорога, ведущая на запад в сторону реки Одер. Возможно, она шла не только до Одера (около 60 километров), но и до Берлина (примерно 60 километров от Одера). Установить это с точностью невозможно, так как тоннель затоплен. Местные жители, исследовавшие подземелья после войны, утверждают, что в тоннелях насчитывалось свыше двадцати подземных вокзалов.

«Лагерь дождевого червя» неоднократно посещал Гитлер, впервые это произошло в 1937 г. Нашлись свидетели, утверждавшие, что фюрер прибывал в окрестности Мезерица по подземному тоннелю, после чего отправлялся далее на автомобиле, скорее всего, в ставку под Растенбургом. Если это так, то тоннель протяженностью около 120 километров являлся одним из важнейших стратегических объектов в системе обеспечения безопасности Гитлера и других лидеров Третьего рейха. Этот подземный ход (единственный ли?) позволял руководству Германии скрытно покидать Берлин, вводя в заблуждение специальные службы противника и собственных граждан.

Раттенхубер: «Охрану главной ставки Гитлера нес Батальон сопровождения фюрера из дивизии „Великая Германия“. Комендантами [ставки] являлись: в 1939 году – генерал [Эрвин] Роммель, в 1940–1942 годах – полковник Томас, в 1943–1945 годах – полковник Штребе»[1046].

Центральным координирующим органом, отвечавшим за безопасность высшего военно-политического руководства Германии, было ведомство Раттенхубера. 1-й отдел РСД осуществлял сопровождение Гитлера, охрану Берхтесгадена и квартиры Гитлера в рейхсканцелярии. 8-й отдел нес охрану квартиры Гитлера в Мюнхене. 9-й отдел занимался внешней охраной Берхтесгадена. 15-й отдел нес охрану служебных помещений Гитлера в имперской канцелярии. Для обеспечения охраны Гитлера привлекались силы и средства всех военных и гражданских учреждений Германии. В партийной канцелярии (*Partaikanzlei*) за связь с Главным имперским управлением безопасности (РСХА) отвечал отдел Abt. III V[1047]. По линии РСХА привлекались структуры Тайной государственной полиции (АМТ IV[1048]), Службы безопасности (АМТ III и АМТ VI[1049]) и Криминальной полиции (АМТ V[1050]).

Кроме полка «Лейбштандарт Адольф Гитлер», который в 1942 г. развернули в 1-ю танковую дивизию СС, в охране Гитлера были задействованы еще несколько подразделений. Из них наиболее известным являлся элитный полк вермахта «Великая Германия». Он состоял из четырех моторизованных батальонов, артиллерийского дивизиона и вспомогательных служб. Полк нес

охрану ставок Верховного главнокомандования и правительственного квартала в Берлине, участвовал в боевых действиях, преимущественно на Восточном фронте. По численности и оснащенности полк более напоминал моторизованную бригаду. В марте 1942 г. его развернули в моторизованную (панцергренадерскую) дивизию «Великая Германия».

Батальон сопровождения фюрера, входивший в состав полка «Великая Германия», был сформирован 1 октября 1939 г. Личный состав батальона привлекался как к охране ставок Гитлера, так и к его сопровождению во время поездок на фронт. Батальон был двойного состава – один служил на фронте, а второй охранял Гитлера и его штаб.

16 сентября 1943 г. сформирован Гренадерский батальон Гитлера, который в июле 1944 г. был также развернут в бригаду, а в январе 1945 г. – в панцергренадерскую дивизию.

В октябре 1944 г. у Гитлера и его окружения возникли опасения, что советские войска одновременно с наступлением на Восточную Пруссию попытаются высадить десант с целью захвата «Вольфсшанце». В связи с этим Батальон сопровождения фюрера был преобразован в моторизованную Бригаду сопровождения фюрера под командованием полковника О. Э. Ремера.

Ремер родился в 1912 г. в г. Нойбранденбург; воевал на советско-германском фронте, отмечен золотым знаком за восемь ранений на передовой, серебряным знаком – за проведение 48 сражений, награжден болгарским орденом за взятие г. Скопье, имел и другие знаки отличия. 12 ноября 1943 г. был удостоен высшей награды рейха – Рыцарского креста с дубовыми листьями. В июле 1944 г. в чине майора назначен командиром берлинского охранного батальона «Великая Германия». Во время заговора 20 июля 1944 г. произведен в полковники (Гитлер сообщил ему об этом в момент телефонного разговора); отличился при подавлении заговорщиков в Берлине. С января 1945 г. – генерал-майор.

Раттенхубер: «Охранные мероприятия проводились по двум секторам:

а) Внутренний сектор под командованием оберштурмбаннфюрера СС Хегель, которому я придавал свой 1-й отдел (в него входила и команда личных телохранителей. – *Примеч. авт.*). Задачи внутреннего сектора были те же, что в Берлине и Мюнхене, – контроль гостей и багажа. К этому прибавилась проверка по полицейским учетам всех офицеров резерва, находившихся в штабах на территории ставки. Согласно приказу Гитлера, штатные офицеры не подлежали полицейскому

контролю.

б) Внешний сектор под командованием штурмбаннфюрера СС Шмидт, которому было придано мною „Отделение особого назначения“ в количестве 22 полицейских чиновников. Эта заградительная зона распространялась на 4 км вокруг ставки. Задачей внешнего сектора являлось круглосуточное наблюдение за подступами к ставке и путями, связывающими ставку с выдвинутыми постами и зенитными точками.

Военнослужащим разрешалось посещение ставки только после предварительной регистрации в Главном командовании Вооруженными силами. Машины, приближавшиеся к ставке, должны были выключать фары и включать свет в кабине для проверки пассажиров. Пропуска сотрудников ставки подвергались ежемесячной перерегистрации. После покушения на Гитлера в июле 1944 года был введен обыск всех лиц, приезжавших в ставку, на предмет обнаружения оружия. Исключение составлял особый список приближенных к Гитлеру лиц. Багаж всех без исключения лиц подвергался просмотру. Почта, поступавшая в ставку Гитлера, подвергалась самому тщательному контролю.

Продукты питания и медикаменты для Гитлера также тщательно контролировались. <…> Медикаменты для Гитлера заказывались только профессором Морелль. Эти лекарства изготовлялись под наблюдением доктора Мулли сначала в Гамбурге, а затем в одном небольшом городке, названия которого я сейчас не помню, и доставлялись в ставку специальным курьером. Минеральная вода, которую очень любил Гитлер, наливалась в бутылки только в присутствии сотрудников охраны и привозилась в ставку тоже специальным курьером.

Аналогичная картина была с доставкой продуктов питания, которые поставлялись одними и теми же фирмами, находившимися под постоянным контролем государственной тайной полиции. В Виннице при содействии немецкой садоводческой фирмы „Зайденшпинер“ и с привлечением организации „ТОДТ“ было устроено большое огородное хозяйство, так как Гитлер, как известно, был вегетарианцем и овощи составляли основную часть его пищи. Начальник кухни гауптштурмфюрер СА Фатер сам выезжал в это огородное хозяйство и брал там необходимые овощи. Таким образом, овощи поступали в кухню, минуя посторонних лиц. Другие продукты, как то: рис, яйца и т. д. – доставлялись с армейских складов. В этом случае тот же начальник кухни или его заместитель без предварительного уведомления выезжали на склад и лично отбирали там продукты, неся за это полную ответственность. Иногда некоторые виды продуктов доставлялись Гитлеру

специальным курьером из Берхтесгадена»[1051].

Раттенхубер об охране Гитлера во время выездов на фронт:

«1. Во время войны с Польшей Гитлер выезжал в район Кульмана на Висле, в г. Кельцы, на реку Сан, в район Лодзи и совершил две поездки под Варшаву, в район боевых действий.

2. Во время войны с Францией Гитлер посещал фельдмаршала Клюге в Бостони, был также в г. Лилль, на реке Ипр, в г. Дюнкерк и совершил полет в Париж, где знакомился с достопримечательностями города.

3. Во время войны с Советским Союзом, в 1941–1942 годах, Гитлер вылетал в г. Брест и Умань, в районы городов Риги и Минска, в Мариуполь к фельдмаршалу Клейсту, в Полтаву к фельдмаршалу Рейхенау и в Смоленск к фельдмаршалу Клюге. В 1943 году Гитлер вылетал в Запорожье к фельдмаршалу фон Манштейну и вторично посетил фельдмаршала Клюге в Смоленске. В последующее время на Восточном фронте Гитлер больше уже не бывал, за исключением одного выезда к своим войскам на реку Одер в марте 1945 года.

Должен дополнить, что Гитлер выезжал специальным поездом еще в 1940 году для осмотра французских пограничных укреплений, а в 1941 году – в г. Хендей, на франко-испанской границе, для встречи с Франко. Во время одной из таких поездок (когда, точно не помню) он встречался с маршалом Петеном в г. Монтуар.

За исключением совместного вылета на фронт с Муссолини, все остальные поездки Гитлера были проведены неожиданно, и поэтому никакие подготовительные охранные мероприятия проведены не были, тем более что Гитлер приезжал на фронт не больше чем на несколько часов. По прибытии Гитлера местные органы СД немедленно принимали все необходимые меры по его охране.

Некоторое исключение составляют полеты в Мариуполь и Запорожье. В Мариуполе Гитлер ночевал в отведенном для него доме, кажется, в бывшей гостинице на берегу моря. В Запорожье он жил два дня в помещении авиационной казармы. В обоих случаях, при содействии органов тайной полевой полиции, мною были проведены необходимые охранные мероприятия в непосредственной близости к квартире Гитлера, как то: усиленная патрульная служба, внутренние и внешние караулы, закрытие всего прилегающего района для постороннего движения. Более широкие мероприятия по охране мною не проводились, так как это могло вызвать ненужную шумиху. Вследствие этих минимальных мер по охране пребывание Гитлера в Мариуполе осталось неизвестным для местных жителей, а в

Запорожье об этом знали лишь небольшое количество лиц.

Гитлер и Муссолини посетили в Брест-Литовске только крепость. На время посещения крепость была окружена Батальоном сопровождения фюрера и закрыта для проникновения туда военнослужащих и гражданских лиц (посещение Брестской крепости состоялось 26 августа 1941 г. – *Примеч. авт.*).

По прибытии в Умань (после 26 августа 1941 г. – *Примеч. авт.*) рядом с аэродромом была разбита палатка, где фельдмаршал Клюге доложил Гитлеру и Муссолини обстановку на фронте, после чего все мы выехали на автомобилях в окрестности города. Поездка совершалась по совершенно пустой местности, и мы встретили по пути лишь несколько грузовиков с итальянскими солдатами, которые были очень удивлены, увидев Муссолини. Во время этой поездки Гитлер два раза питался на аэродроме из солдатской кухни»[1052].

Раттенхубер об охране Гитлера во время его выездов за границу: «В мае 1938 года Гитлер выезжал в Италию. Для организации охранных мероприятий был создан „охранный штаб“ под председательством итальянского министра внутренних дел Бокини. Его заместителем являлся начальник 4-го управления СД группенфюрер СС Мюллер.

Подготовка началась за несколько недель до поездки. Был проведен усиленный контроль на итало-германской границе, в морских портах, особо тщательно наблюдали за иностранцами. На дорогах к Риму, Неаполю, Флоренции (куда был намечен приезд Гитлера) была учреждена непрерывная проверка всех проезжающих лиц.

Я командировал трех своих сотрудников в Рим, Неаполь и Флоренцию для организации контакта с итальянскими органами безопасности.

Поездка совершалась по железной дороге в двух спецпоездах. Начиная с итало-германской границы до Рима по обеим сторонам пути были выставлены воинские части. Каждому железнодорожному чиновнику был придан сотрудник криминальной или политической полиции для контроля за работой. На паровозах находились немецкие инженеры, отвечавшие за техническое проведение поездки. На заранее обусловленных станциях находилось тщательно отобранное „население“ – главным образом фашистские союзы в полной форме. Гитлер показывался у окна и отвечал на приветствия. Из вагона не выходил. На остановках личная охрана окружала его вагон и следила за поведением посторонних лиц.

В Риме Гитлера встретили: король, наследный принц и Муссолини. Поездка во дворец Квириналу, где были отведены

апартаменты для Гитлера, совершалась в парадных каретах. Охрана осуществлялась батальоном кирасир.

Задолго до поездки автострада была закрыта для посторонних лиц и посыпана песком на всем протяжении пути, чтобы контролировать любое постороннее появление на дороге. Тротуары были ограждены деревянными барьерами, перед которыми были выставлены гвардейские части, за барьером находились фашистские союзы. Окна домов были заняты полицией и зрителями по особому списку. На узких участках пути окна были закрыты и декорированы коврами и флагами.

Б. Муссолини и А. Гитлер

Канализационные устройства, каналы, мосты находились под тщательным наблюдением криминальной полиции. Гражданские лица, пользовавшиеся правом прохода к автостраде, должны были иметь серию пропусков. Утеря одного из них делала остальные недействительными.

Меры по безопасности дворца Квириналу, где останавливался Гитлер, мне неизвестны, так как неудобно было об этом расспрашивать, ибо речь шла о дворце самого короля.

В верхнем этаже над апартаментами Гитлера проживали придворные чины, а внизу была размещена немецкая охрана во главе со мной. На одном этаже с Гитлером размещались его адъютанты Брюкнер и Шауб.

Поездки Гитлера по Италии (во Флоренцию и Неаполь) проводились на итальянской автомашине „альфа-ромео“,

водителем которой Муссолини поставил своего личного шофера. Скорость автомашины достигала до 90 миль в час. Машина, предоставленная в пользование Гитлера, была обычной, она не имела брони и непробиваемого стекла. Никакого иного специального устройства на ней тоже не было, по крайней мере, я и личный шофер Гитлера Кемпка не обнаружили этого при самом тщательном ее осмотре. Охрана также ехала на автомашинах марки „альфа-ромео“ и мотоциклах „мото-куцци“. До поездки шоферы несколько раз тренировались на трассе. Весь путь был закрыт для постороннего движения и усиленно охранялся итальянской полицией.

В отличие от итальянской поездки поездка Гитлера в Финляндию зимой 1942 года была секретной и не требовала особых охранных мероприятий, кроме тщательного сохранения тайны. Я вылетел в Финляндию за несколько дней до прилета Гитлера, проверил на месте состояние охраны и установил связь с финской полицией. Гитлер вылетел из своей ставки (около гор[ода] Растенбург) и приземлился недалеко от гор[ода] Хельсинки.

О его приезде не знало даже немецкое командование. До Хельсинки он ехал на финской машине обычного типа, так как свою не брал. Дорога шла лесом, поэтому окружающий лесной массив был заполнен войсками и криминальной полицией с собаками. По самой трассе через каждые 200–300 метров стояли посты, сообщавшие по телефону о продвижении Гитлера. Кроме того, трасса усиленно патрулировалась полицией, посаженной на мотоциклы. Посторонние лица, естественно, не допускались на трассу»[1053].

Раттенхубер об охране Муссолини во время пребывания в Германии и поездки с Гитлером на фронт: «Во время приезда Муссолини в 1937 году в Германию весь железнодорожный путь от итало-германской границы до Берлина охранялся полицейскими, стоявшими на расстоянии видимости друг от друга. Поскольку полиции не хватало, были мобилизованы отряды СС, СА, НСКК (национал-социалистский моторизованный корпус) и „трудовой повинности“. За безопасность на каждом участке пути в той или иной области отвечал соответствующий высший начальник СС и полиции.

Перед личным поездом Муссолини двигался специальный „форпоезд“ (передовой поезд. – *Примеч. авт.*). Для усиления итальянской охраны, насчитывавшей 20 человек и возглавляемой Ронкуччи, в спецпоезде находилась выделенная мною немецкая охрана (РСД) под командованием гауптштурмфюрера Виттман в количестве восьми человек. Обслуживающий персонал поезда был

итальянский. Были добавлены лишь немецкие инженеры, находившиеся на локомотивах обоих поездов, и машинисты, отобранные из числа особо проверенных членов национал-социалистской партии.

На остановках были выстроены отряды СС, СА, НСКК и члены национал-социалистской партии. Посторонние лица не допускались. Ответственность нес соответствующий начальник вокзальной полиции и руководитель местной группы НСДАП. Долгих остановок не было, что облегчало проведение мероприятий по охране. Виадуки и мосты еще за несколько дней были проверены и находились с того времени под строжайшей охраной. В Мюнхене поезд останавливался на главном вокзале, а в Берлине на запасном вокзале „Хесрштрассе“. Этим избегалось соприкосновение поезда с центром города.

Почти все продукты питания итальянцы везли с собой. Свежие продукты доставлялись под присмотром чиновников гестапо из кухни фюрера.

Из числа автомобилей для переезда Муссолини использовались лишь бронированные машины Гитлера, которые я описал выше. Все домовладельцы в Мюнхене и Берлине, дома которых находились в районе трассы, по которой должен был следовать Муссолини, были обязаны специальной подпиской нести полную ответственность за благонадежность своих жильцов. Неизвестные лица на это время в эти дома не допускались, снятие квартир и домов внаем в этом районе было запрещено. Жильцы указанных домов часто контролировались гестапо.

Крыши были проверены и заняты полицией. Полицейские располагались на крышах таким образом, чтобы не быть видными с улицы. В магазинах и на предприятиях, расположенных по трассе, владельцы тоже были обязаны подпиской отвечать за благонадежность служащих и рабочих. В гостиницах были тщательно проверены все проживавшие там лица.

На подъездных путях германских автострад в районе Мюнхена и Берлина были устроены шлагбаумы, где происходила тщательная проверка пассажиров, автомашин и их багажа. Все гаражи подлежали усиленному контролю. Неизвестные машины направлялись в полицейский участок для проверки.

Проверялись все канализационные трубы. Входные отверстия в канализационные трубы были покрашены различными, не бросающимися в глаза, специальными красками. Если кто-либо попытался бы снять канализационную решетку, то на ней оставил бы отпечаток руки. За несколько дней до приезда Муссолини все канализационные трубы, по которым можно было ходить, были

заняты патрулями. Кроме того, полицейские патрули охраняли все прилегающие к трассе улицы.

В Мюнхене и Берлине улицы, где ехали Гитлер и Муссолини, были за много часов до этого оцеплены полицией и отрядами СС, СА и НСКК. Улицы на трассе были поделены на участки, за каждый из которых нес ответственность сотрудник криминальной полиции с подчиненной ему командой. Каждый начальник участка за несколько дней подробно знакомился со своим участком, домовладельцами, хозяевами предприятий, проверял выполнение ими полицейских инструкций. Все начальники участков были связаны телефоном с охранным штабом, возглавляемым группенфюрером СС Мюллером. После проезда Гитлера и Муссолини их участка они сообщали об этом в штаб условным паролем. В Берлине охранный штаб размещался в помещении главного управления имперской безопасности (ул. Принца Альбрехта).

Если тот или иной участок пути включал сад или парк, то там обязательно находились полицейские чиновники с собаками. Особо обращалось внимание при этом на возможность укрытия „кукушек“ на деревьях. Населению, встречавшему Муссолини и Гитлера, было запрещено держать в руках какие-либо пакеты или свертки. Также было запрещено фотографирование и бросание цветов. Население было об этом уведомлено в газетах и по радио, а также полицейскими на мотоциклах, возившими с собой щиты с соответствующим текстом. В Мюнхене и Берлине за 30 минут до прибытия поезда движение транспорта и пешеходов в районе маршрутов Гитлера и Муссолини было закрыто. Пассажиры, прибывшие с другими поездами, выводились запасными путями на боковые улицы.

Гитлер и Муссолини, как правило, ехали в машине стоя. На расстоянии двух метров справа и слева ехали обе машины охраны СС и РСД, образуя треугольник с машиной Гитлера. На подножках машин охраны стояло по два охранника, готовых в любой момент спрыгнуть с машин.

Дворец принца Карла в Мюнхене, где остановился Муссолини, был под тщательным наблюдением гестапо. Продукты питания во дворец доставлялись из запасов Гитлера. В Мюнхене Муссолини и Гитлер были один день, принимали парад частей СС и вечером выехали в Берлин. Особых мероприятий по охране их во время парада не потребовалось, так как гражданской публики там не было. Путь от дворца до площади (100 метров), где проводился парад, был очищен от посторонних лиц.

В Берлине Муссолини проживал во дворце Бельвю. Этот дворец, служивший для приема иностранных гостей, был круглый

год под наблюдением гестапо. Примерно за восемь дней до приезда Муссолини дворец был еще раз тщательно проверен сверху донизу. Работы во дворце – расстановка цветов и украшений – производились под наблюдением чиновников гестапо. Всем занятым во дворце лицам были выданы новые специальные пропуска. После прибытия Муссолини и сопровождающих его лиц были вновь выданы новые пропуска, а старые утратили свою силу. Во время большой манифестации на стадионе „Олимпия“ подъездной путь к стадиону был организован таким образом, что по нему проезжали только лишь машины Гитлера и Муссолини со свитой.

Кроме того, Муссолини и Гитлер выезжали в район маневров частей германской армии. Охрана района маневров, которые происходили севернее Берлина (около Мекленбурга), поставила полицию перед новой сложной задачей, так как не было ясно, в какое именно место поедут Гитлер и Муссолини. Поэтому весь район был поделен на сектора, разделенные естественными рубежами и железными дорогами. Соответственно характеру местности и количеству населенных пунктов в сектора направлялось нужное количество полиции. Одежда полиции подбиралась соответственно обычной одежде местных жителей.

Оперативные команды, руководившие охраной в секторах, за 10–14 дней выезжали на места и знакомились с обстановкой. Немедленно была учреждена патрульная служба во всех секторах. Связь по телефону с центром в Берлине разрешалась только при чрезвычайных происшествиях. Таким образом, избегалось излишнее взбудораживание населения чрезмерными охранными мерами. Формально оперативные команды входили в подчинение начальников сельской жандармерии, хорошо знавшей местных жителей. Таким образом, весь охранный механизм был отработан. Посещение маневров прошло без малейших происшествий.

В ставку Гитлера (район г. Растенбург) в 1941 году Муссолини приезжал в специальном поезде, причем охрана его была организована аналогично тому, как я уже описал выше в разделе поездок Гитлера по железной дороге. Муссолини все время находился в ставке, за исключением выездов в Брест-Литовск и Умань. Вылет в Брест-Литовск был совершен с аэродрома г. Растенбург, где находились только самолеты „эскадрильи фюрера“. Другие самолеты ставки дислоцировались на аэродроме около гор[ода] Летцен. Нужно было охранять только путь от ставки к аэродрому. Для этого было выставлено большое количество постов из состава Батальона сопровождения фюрера. Местность, прилегающая к дороге, и мосты охранялись сотрудниками РСД. Большое внимание уделялось также зарослям

и кустарникам. Трава на площади, примыкавшей к дороге, была скошена.

В ставку ОКХ (командование сухопутными силами) поездка совершалась по железнодорожной ветке, соединяющей эту ставку со ставкой Гитлера. В этом случае также были приняты усиленные меры охраны Муссолини в пути – назначение ответственных лиц за участки, патрулирование полицейских на расстоянии видимости; тщательно просмотрены все подступы к пути и установлены дополнительные посты в наиболее опасных местах. Железная дорога днем и ночью проверялась сотрудниками РСД пешком и на дрезине.

Поездка Гитлера и Муссолини в Умань совершалась спецпоездами до ставки „Рере“ („Тоннель“). Охрана по пути осуществлялась силами местных областных начальников СС и полиции. Железнодорожный путь на всем протяжении охранялся полицией. Так как к ставке „Рере“ вела одна колея, то Гитлер, не доезжая ставки, поехал на автомашине и встретил затем спецпоезд Муссолини, подошедший непосредственно к ставке. Вслед за этим был подведен спецпоезд Гитлера.

При этом имел место следующий случай: за несколько дней до приезда Гитлера я отдал приказ, чтобы к местному населению не применялось бросающихся в глаза охранных мер и чтобы таким образом внимание населения не было привлечено к происходящим событиям. Вопреки моему приказу, начальник полиции и СС по Краковской области распорядился, чтобы все население было загнано в дома и перед ними выставлена охрана. Об этом узнал Гитлер и вызвал меня для объяснения. Он был буквально взбешен и закричал на меня: „Какой идиот отдал подобное дурацкое распоряжение? Немедленно разыщите этих полицейских болванов и сделайте им строгое внушение. Они не понимают, что я такими мерами не завоюю популярность местного населения“. Я выполнил приказание Гитлера, вызвал местное полицейское начальство и после довольно резкого разговора отменил их мероприятия.

Я уже указывал, что Гитлер в Муссолини ездили каждый в своем отдельном спецпоезде. Полеты в Брест и Умань также совершались в различных самолетах, ибо по этому поводу имелось специальное указание Гитлера. Пилотом для Муссолини Гитлер назначил своего шеф-пилота генерал-лейтенанта Баур, а самолет Гитлера вел полковник Дольди. Во время автомобильных поездок Гитлер и Муссолини сидели в кузове вместе. Рядом с шофером Кемпка обычно сидел в той же машине адъютант Шауб или Шмидт. При беседах Гитлера и Муссолини я не присутствовал, поэтому их содержание мне неизвестно»[1054].

Как следует из показаний Раттенхубера, система обеспечения безопасности Гитлера была одной из лучших в свое время. Всего за период нахождения Гитлера у власти на него готовилось свыше сорока покушений, но ни одно из них не привело к смерти фюрера. Наибольшие шансы на успех имело покушение полковника К. фон Штауфенберга 20 июля 1944 г. в ставке под Растенбургом. Проносу бомбы в ставку, ее закладке и бегству исполнителей способствовал ряд закономерных «случайностей». Взрывчатка и химический взрыватель были доставлены в портфеле Штауфенберга на заседание Военного совета потому, что вещи высших офицеров в ставке не досматривались. До покушения в июле 1944 г. на этом настаивал сам Гитлер, несмотря на неоднократные предостережения руководства охраны.

Раттенхубер: «В 1943 году из Главного управления Имперской безопасности я получил два сообщения, одно из которых поступило из Испании, а другое – из Швеции. В этих сообщениях указывалось, что офицеры германской армии подготавливают убийство Гитлера, но конкретных фамилий этих военных заговорщиков не упоминалось. Оба эти сообщения я доложил генералу Шмидт и рейхсляйтеру Борман, которые имели по этому поводу беседу с Гитлером. Как мне сообщил Шмидт, Гитлер считал эти сообщения выдумкой, не имеющей под собой никакого основания. Поэтому Гитлер мне так и не разрешил обыскивать офицеров ставки. После этого я неоднократно обращал внимание генерала Шмидт на серьезную угрозу покушения, так как была полная возможность пронести в ставку взрывчатое вещество, но он тоже оставлял эти мои заявления без реагирования»[1055].

Оберфельдфебель Фогель, разыскавший Штауфенберга по поручению начальства, видел, как полковник и его адъютант В. фон Хефтен что-то прятали в портфель в спальне адъютанта Кейтеля, но доложил об этом только во время проведения расследования. Появление Фогеля привело к тому, что вместо двух бомб заговорщики уложили в портфель только одну, а вторую выбросили по дороге на аэродром. Она была впоследствии найдена и стала важной уликой. Штауфенберг до взрыва покинул помещение, в котором проходило совещание, под предлогом срочного звонка из Берлина. Немедленно после взрыва начальник 1-го отдела охраны штурмбаннфюрер П. Хегель приказал закрыть входы и выходы из ставки. Внутренний офицерский караул отказался пропустить машину заговорщиков, но Штауфенберг заявил, что имеет разрешение на выезд. У наружного поста автомобиль снова остановили. Штауфенберг

позвонил адъютанту коменданта ставки фон Меллендорфу (участнику заговора), который подтвердил начальнику караула наличие разрешения.

Раттенхубер: «По приказу Гиммлера в ставку была направлена „особая комиссия гестапо“ для проведения тщательного расследования на месте. Из членов комиссии припоминаю специалиста по взрывчатым веществам штурмбаннфюрера СС Видемана. Часть членов комиссии направилась на место покушения, а остальные – в мой рабочий кабинет для проверки проведенных мною мероприятий по охране Гитлера. При этом были изъяты все разработанные мною инструкции по охране. Следует заметить, что какой-либо халатности или небрежности в исполнении моего служебного долга комиссия не установила.

В самом бараке, где произошел взрыв, комиссия обнаружила остатки портфеля, плоскогубцев, капсюли, и к концу дня вся картина покушения была уже ясна. Шофер, отвозивший трех офицеров на аэродром, показал на допросе, что во время поездки почувствовал толчок, как будто кто-то из пассажиров выбросил что-то из машины.

При осмотре местности была найдена вторая адская машина, выброшенная из автомобиля. Анализ взрывчатки, как мне говорил Видеман, показал, что взрывчатое вещество было английского происхождения, однако оно могло быть воспроизведено и в химической лаборатории имперского управления криминальной полиции. <…>

В соучастии покушения на Гитлера подозревался также начальник Имперской криминальной полиции группенфюрер СС Нёбе, которому удалось бежать и некоторое время скрываться, пока он не был арестован в окрестностях Берлина. <…>

Следует отметить, что покушение на Гитлера планировалось вначале в Берхтесгадене, однако не было осуществлено, так как заговорщики в силу особо тщательной охраны этого района не смогли бы оттуда выбраться (показания генерала Штиф). Затем было намечено осуществить покушение в начале июля 1944 года около замка Клесхейм, где Гитлер должен был осматривать новые типы танков и военного обмундирования. Заговорщики хотели положить в ранцы трех солдат, демонстрировавших обмундирование, мины, которые должны были взорваться при малейшем натягивании одного из ремней на ранце. В этих целях взрывчатка была принесена в ставку командования сухопутных войск (лес Мауэрвальд), где ее хотели было зарыть, однако этому помешали сотрудники тайной полевой полиции, обнаружившие эту взрывчатку. По приказу заговорщика генерал-

квартирмейстера Вагнер расследование по этому делу было прекращено.

Далее было установлено, что Штауфенберг приезжал с адской машиной также и в ставку Гиммлера, но имел ли он намерение совершить там покушение на Гиммлера, осталось невыясненным. <…> Следствие по делу заговорщиков показало, что покушение на Гитлера планировалось начиная с 1939 года (показания генерала Штиф). Этот факт нашел свое подтверждение в записях дневника, принадлежащего начальнику абвера адмиралу Канарису, которые были обнаружены в апреле 1945 года в сейфе в помещении разведоргана „Цеппелин“ после ареста Канариса и доставлены мне. Не читая, я их передал группенфюреру СС Мюллеру, ибо я тогда был занят переводом ставки в Берхтесгаден»[1056].

Летом 1938 г. генерал Л. Бек и его офицеры разработали план, согласно которому предполагалось объявить Гитлера душевнобольным и передать власть армии. Осенью 1938 г. начальник Генштаба Ф. Гальдер, президент Рейхсбанка Я. Шахт и другие готовили переворот с целью отстранить от власти Гитлера и НСДАП и восстановить парламентскую республику. После Мюнхенского соглашения заговор распался. Осенью 1939 г. генералы во главе с главнокомандующим сухопутными войсками В. фон Браухичем сговорились отстранить фюрера от власти и заключить мир с Лондоном и Парижем. Заговор также провалился.

В декабре 1942 г. обер-бургомистр Лейпцига К. Герделер, начальник общевойскового управления Генштаба генерал Ф. Ольбрихт и начальник оперативного управления группы армий «Центр» Х. фон Тресков договорились начать подготовку покушения на Гитлера. Тресков готовил его убийство при помощи пластиковых бомб, а Ольбрихт и заместитель Канариса Г. Остер составили план захвата власти в Берлине, Кельне, Мюнхене и Вене. В конце февраля 1943 г. Ольбрихт сообщил Трескову, что приготовления к плану «Вспышка» закончены. 13 марта 1943 г., после совещания в штабе группы армий «Центр» в Смоленске, Гитлер вылетел в «Вольфсшанце». Тресков передал одному из офицеров, сопровождавших фюрера, пакет с «парой бутылок коньяка» для своего знакомого в ставке. В пакете находилась бомба с часовым механизмом, которая должна была взорваться во время полета. Взрыватель не сработал, и самолет с Гитлером благополучно приземлился под Растенбургом. Через неделю сорвалась попытка покушения в берлинском цейхгаузе. В октябре – ноябре 1943 г. начальник Организационного отдела Генштаба генерал Х. Штиф пытался пронести взрывчатку в ставку, но не

сумел это сделать из-за мер безопасности. В ноябре – декабре 1943 г. и в феврале 1944 г. предполагалось взорвать Гитлера во время осмотра новой военной формы, но осмотр три раза отменялся по различным причинам. Попытка ротмистра фон Брайтенбурга застрелить Гитлера во время совещания в Берхтесгадене сорвалась из-за того, что его не пропустила охрана.

Раттенхубер: «В дополнение ко всему изложенному хочу отметить, что в 1943 году в американском журнале „Лайф“ была помещена статья под названием „Три наиболее хорошо охраняемых человека на земле“. Речь шла о маршале Сталине, президенте Рузвельте и премьер-министре Черчилле. Эта статья вызвала большую панику в окружении Гитлера, так как создалось впечатление, что охрана Гитлера поставлена слабо. Особенное беспокойство по этому поводу проявляли начальник партийной канцелярии Борман и адъютант Гитлера генерал Шмундт. Мне, однако, удалось убедить их в том, что не следует полагаться на болтовню американских корреспондентов, ибо мною проведены все необходимые мероприятия по обеспечению личной безопасности Гитлера. Мною также изучалась статья одного английского журналиста под названием „Четыре варианта убийства Гитлера“. Следует сказать, что эта статья была фантастической и рассчитана на сенсацию писателя, поэтому для меня она не представляла практического интереса»[1057].

Несмотря на то что события 20 июля 1944 г. достаточно хорошо изложены в воспоминаниях очевидцев, хотим обратить внимание читателей на несколько важных моментов, связанных с неудавшимся заговором. Сигнал «Валькирия», в соответствии с которым сухопутные войска начинали действовать в интересах заговорщиков, командирам частей был известен в другом качестве. По планам обеспечения безопасности Третьего рейха он был кодовым обозначением ситуации внутренних беспорядков. При получении этого сигнала власть в Германии передавалась в руки военных. Таким образом, заговорщики пытались использовать для взятия власти уже разработанный план борьбы с беспорядками. В соответствии с их замыслом основным внутренним врагом должны были выступить СС, представители которых, по версии заговорщиков, «осуществили убийство Гитлера», поэтому в качестве пароля использовалась фраза «только по приказу фюрера». Подавляющее большинство солдат и офицеров из частей вермахта, выступивших по приказу руководителей заговора, были убеждены в том, что они действуют против врагов фюрера и рейха.

Большинство историков считают основными причинами провала военного переворота то, что Гитлер остался в живых, а

заговорщики либо бездействовали, либо действовали крайне нерешительно. Наиболее решительным соратником Гитлера в Берлине стал рейхсминистр пропаганды доктор Й. Геббельс, который привлек на свою сторону майора Ремера, посланного заговорщиками для его ареста. После телефонного разговора Гитлера с Ремером последний поступил в подчинение к Геббельсу. Силами его батальона и поднятых по тревоге подразделений из дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер», дислоцированных в Лихтерфельде, попытка военного переворота в Берлине была подавлена. 21 июля создана Особая следственная комиссия во главе с Г. Мюллером, в которой работали около 400 сотрудников гестапо и СД.

В воспоминаниях О. Скорцени отмечается, что английское радио с 25 июля 1944 г. начало передавать сообщения об участниках заговора. Сотрудник МИД Германии княжна М. Васильчикова, связанная с заговорщиками, в августе 1944 г. записала в дневнике: «Радио союзников делает невесть что: они называют имена людей, которые, как они утверждают, участвовали в заговоре. А между тем многие из них пока официально к заговорщикам не причислены»[1058]. Руководитель британской пропаганды на Германию С. Делмер признал, что английские радиостанции по его указанию передавали в эфир списки участников заговора: «Одна из наших целей заключалась в том, чтобы упомянуть в связи с заговором тех немецких офицеров, на которых мы хотели навлечь подозрения гестапо и СД. <…> Мы сумели представить в качестве участников „путча за мир“ столько чинов из вермахта, МИД и вообще администрации, что количество названных имен почти сравнялось с общим фактическим числом заговорщиков…»[1059].

Уже с начала 1945 г. пресса стала сообщать об исчезновении Гитлера из осажденного Берлина.

В последнее время опубликованы «воспоминания Мюллера», в которых говорится: «Начнем с того, что из бункера было два выхода – один через канцелярию и второй в сад. Персональный бункер Гитлера находился на более глубоком уровне, и только в нем имелся запасной выход. Окружающие привыкли к тому, что фюрер по вечерам поднимается по лестницам с собакой, чтобы погулять с ней в саду. Конечно, сад усиленно охранялся, по ночам туда выпускали сторожевых псов, но, когда Гитлер выходил на прогулку, там гасили все огни и убирали собак. Так делалось на короткое время, и отвечал за это и вообще за охрану Раттенхубер. Таким образом, как я уже сказал, ночные прогулки Гитлера были делом обычным. В тот, последний, раз он вышел из бункера в сад со своей собакой через запасной выход, а вернулся обратно уже

его двойник, тоже с овчаркой, но с другой, которую взяли с псарни. Все это происходило в моем присутствии, так что, можете быть уверены, я ничего не выдумываю. Нашего двойника после этого мы ограждали почти от всех контактов. Геббельс и Линге были в этом надежными помощниками. Помню, Борман сказал мне с озабоченным видом: „Фюрер странно выглядит, Мюллер. Не похож на себя. Уж не было ли у него удара?“ Я ответил, что мне так не кажется…»[1060].

Расследование обстоятельств смерти Гитлера проводилось специальными службами СССР и союзников по антигитлеровской коалиции. В мае 1945 г. сотрудники контрразведки СМЕРШ задержали сотрудников охраны Э. Хабермана и Г. Менгерсхаузена, медсестер Э. Линдхорст и Э. Флегель, начальников 1-го и 3-го отделов абвера Г. Пиккенброка и Ф. Бентивеньи, полицай-президента Берлина К. Герума, командира дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» В. Монке, начальника РСД Г. Раттенхубера, камердинера фюрера Г. Линге, адъютанта фюрера О. Гюнше и его личного пилота Г. Бауэра. 4 мая был обнаружен труп двойника фюрера Г. Велера. В руки союзников попали личный шофер фюрера Э. Кемпка и его личный стоматолог Х. Блашке, сотрудники охраны от СД Г. Кернау, Э. Мансфельд и Х. Поппен. Все они дали показания о событиях, связанных с самоубийством Гитлера 30 апреля 1945 г. в рейхсканцелярии.

13 марта 1970 г. председатель КГБ при Совете Министров СССР Ю. В. Андропов направил в ЦК КПСС следующую записку: «В феврале 1946 года в г. Магдебург на территории военного городка, занимаемого Особым отделом КГБ при 3-й ударной армии ГСОВГ, были захоронены трупы Гитлера, Евы Браун, Геббельса, его жены и детей (всего 10 трупов).

В настоящее время указанный военный городок, исходя из служебной целесообразности, отвечающей интересам наших войск, командованием армии передается немецким властям.

Учитывая возможность строительных или иных земляных работ на этой территории, которые могут повлечь обнаружение захоронения, полагал бы целесообразным произвести извлечение останков и их уничтожение путем сожжения.

Указанное мероприятие будет проведено строго конспиративно силами оперативной группы Особого отдела КГБ и должным образом задокументировано»[1061].

На записке стоят грифы «совершенно секретно», «особой важности», серия «К». Под резолюцией («согласиться») имеются подписи Л. И. Брежнева, А. Н. Косыгина и Н. В. Подгорного.

Для обеспечения конспирации операции «Архив» на

территории военного городка была придумана легенда о поиске ценных архивных материалов по показаниям арестованного преступника. Далее приводится отрывок из утвержденного Андроповым плана:

«1. За два-три дня до начала работ над местом захоронения силами взвода охраны ОО КГБ армии установить палатку, размеры которой позволяли бы под ее прикрытием производить предусмотренные планом работы.

2. Охрану подходов к палатке после ее установления осуществлять силами солдат, а в момент производства работ – оперсоставом, выделенным для проведения мероприятия „Архив“.

3. Организовать скрытый пост для контрнаблюдения за близлежащим от места работ домом, в котором проживают местные граждане, с целью обнаружения визуальной разведки. В случае обнаружения такого наблюдения принять меры к его пресечению, исходя из конкретно сложившейся обстановки.

4. Раскопки произвести ночью, обнаруженные останки сложить в специально подготовленные ящики, которые на автомашине вывезти в район учебных полей саперного и танковых полков ГСВГ (в районе Гнилого озера, Магдебургский округ ГДР. – *Примеч. авт.*), где сжечь»[1062].

4 апреля 1970 г. захоронение было вскрыто. На следующий день останки трупов сожжены, пепел развеян.

Мы не ставим перед собой задачу рассмотреть любую из бытующих версий – оставим это другим специалистам. Важен другой факт – до окончания Второй мировой войны система личной безопасности Гитлера и других лидеров Третьего рейха, так же как и вся система военной, государственной и партийной безопасности, находилась на достаточно высоком уровне и соответствовала большинству необходимых требований, хотя, конечно, не была лишена организационных и технических недостатков.

Глава 18
Горечь потерь

В жестоком противоборстве СССР и западного мира заложена главная причина взаимной нетерпимости во всех событиях внутренней и внешней политики нашей страны.

П. А. Судоплатов

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. Сталин сказал: «Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, диверсанты, шпионы и убийцы…»[1063]. В течение 1937–1938 гг. практически все руководители оперативных подразделений в РККА, НКВД и в Коминтерне, как в центре, так и на местах, были арестованы. Подавляющее большинство среди них – те, кто по долгу службы отвечал за подготовку к диверсионной работе за рубежом и к возможной партизанской войне на своей территории. Подавляющее большинство из них были объявлены «врагами народа», расстреляны, подвергнуты жесточайшим пыткам и издевательствам, сосланы в концентрационные лагеря, которые к середине 1930-х годов «более гуманно» стали именовать «лагеря трудового перевоспитания». Некоторые известные специалисты нелегальной, оперативной и диверсионной направленности в преддверии неминуемого ареста покончили с собой, спасая свое честное имя, профессиональную репутацию и, что для большинства было особенно важно, спасая своих близких от неминуемого ареста как ЧСВН – членов семей врагов народа.

Сотрудники Коминтерна, НКВД и РККА, объявленные в августе 1937 г. членами Польской организации войсковой (ПОВ), обвинялись в следующем:

1. В подготовке в 1918 г. совместно с левыми эсерами и бухаринцами свержения правительства РСФСР, срыва Брестского мира и провоцировании войны РСФСР с Германией.

2. В подрывной работе на Западном и Юго-Западном фронтах во время советско-польской войны 1920 г. с целью поражения РККА и отторжения Белоруссии и Украины.

3. В массовой фашистско-националистической работе среди

польского населения СССР в целях подготовки базы и местных кадров для диверсионно-шпионских и повстанческих действий.

4. В шпионской работе в военной, экономической и политической областях.

5. В диверсионно-вредительской работе в оборонной промышленности, в текущем и мобилизационном планировании, на транспорте, в сельском хозяйстве; в создании диверсионной сети на случай войны.

6. В контактах и совместных диверсионно-шпионских и иных антисоветских действиях с троцкистским центром, с белорусскими и украинскими националистами для совместной подготовки свержения советской власти и расчленения СССР.

7. В соглашении с руководителем военно-фашистского заговора Тухачевским в целях срыва подготовки РККА к войне и для открытия фронта полякам во время войны.

8. Во внедрении участников организации в КП Польши, захвате руководящих органов польской компартии и польской секции ИККИ, в работе по разложению КП Польши, в использовании партийных каналов для внедрения шпионов и диверсантов в СССР.

9. В захвате и парализации всей разведывательной работы СССР против Польши путем проникновения членов ПОВ в ВЧК – ОГПУ – НКВД и РУ РККА.

В письме ГУГБ НКВД, подписанном Ежовым, говорилось, что главной причиной «безнаказанной антисоветской деятельности» ПОВ является то, что в течение почти двадцати лет в ВЧК – ОГПУ – НКВД и РУ РККА находились польские шпионы: Уншлихт, Мессинг, Пиляр, Медведь, Ольский, Сосновский, Маковский, Логановский, Баранский и другие.

«В двадцатых числах июня [1937], – вспоминал И. Г. Старинов, – я возвратился из Хаена и зашел к нашему военному советнику Кольману.

Поговорили о том о сем. Я заметил, что Кольман мнется, словно хочет и не решается сказать о чем-то потаенном.

– Что случилось? – напрямик спросил я.

– Ты давно не читал газет?

– Где же я мог их читать?

– А радио тоже не слушал?.. И ничего не знаешь?..

Кольман огляделся, будто опасаясь, что нас подслушивают.

– Одиннадцатого числа состоялся суд над Тухачевским, Уборевичем, Корком, Якиром… Они вели вредительскую работу, пытались подготовить наше поражение в будущей войне. Хотели восстановить власть помещиков и капиталистов.

– Что?!

Кольман подал еще одну газету за 13 июня:

– Вот здесь…

Строчки прыгали у меня перед глазами: „…Двенадцатого июня сего года суд приговорил подлых предателей и изменников к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение“.

Как наяву, я увидел перед собой лицо Якира:

– Вам поручается важнейшее партийное дело, товарищ Старинов. Надеюсь, вы оправдаете наши надежды…

Увидел лес под Олевском. Аэродром под Харьковом. Ночные учения, где Якир с гордостью говорил о советской военной технике.

Этот человек – предатель и изменник?!

А маршал Тухачевский – бонапартист?!

Эйдеман, Уборевич, Примаков, Путна – прославленные герои Гражданской войны – и все они тоже враги народа?!

Кольман осторожно взял у меня газету.

– Как же это? – только и мог выговорить я.

– Чудовищно, – согласился советник. – Невозможно поверить. Но ты же видел…

– А какая им была корысть предавать советскую власть? Власть, которую они сами устанавливали?! За которую кровь проливали?!

– Тише… Конечно, дикость какая-то… Сам не понимаю, на что они рассчитывали… Что им могли дать капиталисты?

– Ничего! Их бы первыми расстреляли, попадись Примаков или Якир в лапы фашистам.

– Видишь, пишут о попытке захвата власти…

– Так они же и были властью!

– Тем не менее – факт налицо…

Да чудовищный факт был налицо. И Кольман и я не могли не верить Сталину, не верить суду.

Не могли не верить, а в сознании не умещалось случившееся…

Читая в газетах, что Вышинский награжден орденом Ленина „за укрепление социалистической законности“, натыкаясь на имя Ежова и на карикатуры, изображающие ежовые рукавицы, в которых корчатся враги народа, я испытывал острые приступы тоски.

Ни на минуту не забывалось, что работал с Якиром, что неоднократно сопровождал Примакова и Тухачевского.

„А что ответишь ты, когда спросят, знал ли Якира и Примакова? Что ждет тебя по возвращении на Родину? – не раз спрашивал я самого себя. – Что ответишь?“ < … >

В 1937 году многие высшие военачальники были арестованы и преданы суду по делу о „военно-фашистском заговоре“. Среди них оказались и авторы плана возможной партизанской войны – Уборевич, Якир, Примаков. Прошедшие по этому плану подготовку отряды бойцов ежовский карательный аппарат именовал не иначе как „бандами“. В немыслимом виде предстала и цель нашей будущей работы. Она велась будто бы для того, чтобы осуществить покушение на членов правительства, изменить в стране государственный строй, уступить в пользу иностранных держав целые республики. Такого никому из нас не могло привидеться и в самом кошмарном сне. <… >

Тайники с оружием, боеприпасами в приграничных районах были ликвидированы. Органы НКВД организовали настоящую облаву на тех, кто проходил подготовку по плану Уборевича – Якира – Примакова. В течение года изловили и расстреляли почти всех. <…> Не избежали гибели и сотрудники ОГПУ, также занимавшиеся подготовкой партизан…»[1064].

Политическая установка на разоблачение «вредителей, диверсантов, террористов и шпионов» позволяла тогдашним конвейерным следователям НКВД трактовать деятельность обвиняемых по своему усмотрению. На фоне борьбы с «врагами народа» термин «диверсант» стали применять исключительно в отрицательном смысле и только применительно к врагам партии, единственным «вождем и учителем» которой являлся Сталин. В этой связи работу по обучению партизан и диверсантов можно было трактовать как подготовку антисоветского заговора и террористических актов против руководства страны с целью изменения государственного строя в интересах контрреволюционных организаций и (или) иностранных государств.

Были репрессированы виднейшие специалисты разведки, контрразведки, выдающиеся военные специалисты и специалисты по секретной деятельности политических и международных организаций: А. Х. Артузов, Я. К. Берзин, С. Г. Гендин, С. А. Мессинг, З. И. Пассов, В. М. Примаков, И. А. Пятницкий, М. А. Трилиссер, И. П. Уборевич, И. С. Уншлихт, С. П. Урицкий, С. М. Шпигельглаз, И. Э. Якир и многие другие. Большинство кадровых сотрудников Коминтерна, ИНО НКВД и РУ РККА в силу специфики их работы можно было легко обвинить в принадлежности к той или иной иностранной разведке и/или в подготовке покушения на Сталина. Тупых ревнителей такой политики и людей оголтелых, беспринципных, желавших выслужиться на разоблачении мнимых заговоров, хватало. Самым трагикомичным во всем этом было то, что многие «табуреточные»

следователи и псевдооперативники, которые налево и направо «шили» дела на врагов народа, через недолгий промежуток времени сами попадали в ту же самую категорию и на своей шкуре в полной мере могли испытать те ужасы унижения и тот политический беспредел, который они творили.

За физическим уничтожением теоретиков и практиков диверсионного дела последовало уничтожение их трудов, учебных пособий и наставлений. Титаническими усилиями и огромной отвагой ряда специалистов, рисковавших жизнью всех членов своих семей, были спрятаны и сохранены ценнейшие экземпляры ряда изданий, которые позднее позволили использовать накопленный бесценный опыт в подготовке новых поколений специалистов, так необходимых стране в обеспечении государственной безопасности. Полные тексты некоторых книг, таких как, например, «Партизанство» Каратыгина, не найдены до сих пор. Подверглись репрессиям ученые Остехбюро, занимавшиеся разработкой секретной техники для специальных подразделений. Из многих специальных хранилищ и спецбиблиотек были выпотрошены многие фонды и уничтожены, наподобие того как фашисты уничтожали книги мировых классиков или труды «недочеловеков». Фанатичное ослепление и тупой массовый психоз столь схожи в своих проявлениях, и неважно, в каких странах и при каких режимах они культивируются…

Репрессии сопровождались массированной обработкой общественного мнения. Так, в октябре 1937 г. тиражом 1 миллион экземпляров вышла брошюра заместителя наркома внутренних дел Л. В. Заковского (Г. Э. Штубиса) «Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожим до конца!». Автор – чекист с декабря 1917 г., начальник Управления НКВД по Ленинградской области после убийства С. М. Кирова. О разгроме Остехбюро Заковский писал:

«…В одной технической лаборатории, изготовляющей сложные приборы оборонного значения, работал сын расстрелянного Каменева – Александр Каменев. По прямым заданиям отца, заклятого врага советского народа, в этой лаборатории Александром Каменевым была создана диверсионно-вредительская группа. Она всячески тормозила производство нужных для Красной армии приборов, кое-что выпускала из производства, а потом снова переделывала, нанося, таким образом, вред обороноспособности Советской страны.

По заданию А. Каменева участники группы разработали план взрыва лаборатории в случае начала войны. Так троцкистско-зиновьевские бандиты пытались нанести удар во время войны на

одном из важнейших участков оборонного значения, но они были разоблачены и обезврежены»[1065].

О разгроме Карельской егерской бригады: «Финская разведка и „оппозиция“, которая вела борьбу против финской секции Коминтерна, были теснейшим образом друг с другом связаны. Эта так называемая оппозиция финской секции Коминтерна имела большие возможности. Финские коммунисты, находившиеся в Карелии на советской работе, создали Карельскую егерскую бригаду. Вследствие отсутствия бдительности в эту бригаду на командные должности попадали так называемые политэмигранты из Финляндии. Финская охранка искусственно создала такое положение, как будто бы этих „коммунистов“ преследуют, и переправляла их через границу. Некоторые из них попали в пехотную школу им. Склянского, обучались, а потом направлялись в Карельскую бригаду. Карельская егерская бригада, с точки зрения финской разведки, должна была стать первой вооруженной силой во время войны и преградить путь Красной армии на Север с той целью, чтобы отрезать Кольский полуостров и Карелию и, создав территорию для оккупационной армии, парализовать Кировскую железную дорогу и выступить против советской власти. Кроме того, из контрреволюционно настроенных элементов было создано несколько националистических групп, которые были бы резервом во время объявления войны. <…> Но наша советская разведка разоблачила и разгромила это осиное шпионское гнездо в Карельской егерской бригаде»[1066].

Но умопомрачительная, чудовищная ложь, переворачивающая с ног на голову реальные факты, не спасала таких «специалистов» – 29 августа 1938 г. сам Заковский был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день, буквально через час после вынесения приговора, расстрелян. Подобная участь постигла многих оперативных работников и следователей, при Ежове разоблачавших «контру» в собственной среде.

Маховик репрессий набрал столь чудовищные обороты, что это стало опасным уже для тех, кто его запустил. 25 ноября 1938 г. наркомом внутренних дел был назначен Л. П. Берия. После назначения Берия Ежов и его заместители (кроме В. В. Чернышева) тоже были расстреляны как «враги народа» и «лица, допустившие перегибы в вопросах чистки». Репрессии не утихли, они продолжались, как продолжается цепная реакция: как Ежов и его команда устраняли «людей Ягоды», так и Берия устранял «людей Ежова». Некоторые работники специальных служб СССР бежали в другие страны из страха смерти от рук «своих». Среди бежавших был и А. М. Орлов.

Сын И. Пятницкого – В. Пятницкий, лично знавший многих работавших по военно-специальным линиям функционеров ИККИ, полагает, что разгром Коминтерна произошел вследствие следующих причин:

«Во-первых, когда стало ясно, что идея „всемирной пролетарской революции“, причем революции немедленной <…> всего лишь бредовая фантазия – и, похоже, одним из первых это понял Сталин, – он в своей международной политике сделал другую ставку – ставку на союз с Гитлером. <…> В этой ситуации Коминтерн только мешал. <…> Во-вторых, развернувшийся в тридцатых годах в Советском Союзе террор против ленинских партийных кадров не мог не затронуть Коминтерн: в его руководящих органах работало немало коммунистов из других стран, которых тоже по праву следует причислить к ленинской гвардии»[1067].

Имел место еще один важный момент – смена политических ориентиров. В марте 1936 г. Сталин дал интервью американскому журналисту Р. Говарду. Отвечая на вопрос, отказалось ли руководство СССР от планов мировой революции, Сталин ответил: «Таких планов и намерений у нас никогда не было. <…> Экспорт революции – это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а если не захочет, то революции не будет…»[1068]. Прагматичный политик, Сталин решил сменить или спрятать идею «мировой революции» за традиционную для России идею великодержавности. На обеде у К. Е. Ворошилова 7 июля 1937 г. он заявил, что русские цари грабили и порабощали народ, вели войны и захватывали территории в интересах помещиков, но они сделали одно хорошее дело – сколотили огромное государство до Камчатки.

Сталинский курс на возрождение великой державы, названный Троцким «национал-социализмом», автоматически отодвигал Коминтерн на второй план, подчиняя интересы зарубежных компартий интересам СССР. Готовить кадры для работы в новых условиях должны были люди, поддерживающие новый курс. Уже летом 1936 г. началась ликвидация специальных школ ИККИ, к 1938 г. в СССР были официально закрыты все учебные заведения Коминтерна, в том числе и готовившие специалистов для нелегальной военной работы.

В этот период в РККА, НКВД, Коминтерне и большинстве иностранных компартий уничтожили едва ли не каждого первого из тех, кто имел отношение к подготовке партизан и специальных кадров (литера «А»)[1069], и тех, кто составлял агентурную основу большинства нелегальных резидентур РУ РККА и ИНО НКВД. Эффективно опережать и встречать возможные действия

серьезного и сильного противника на дальних и ближних подступах стало практически некому. Тем не менее подготовка национальных и международных кадров по различным направлениям политической и военной разведывательной деятельности продолжалась, будучи скрытой, под вывесками различных государственных и общественных организаций.

«Партийная война» 1936–1939 гг. смела все, что «старая гвардия» десятилетиями собирала и накапливала по крупицам. Многократная смена партийной верхушки, репрессии и чистки ветеранов партии и военспецов, сотрудничавших с нелегальными партийными структурами задолго до событий октября – ноября 1917 г., ликвидировали профессиональную основу для широкомасштабной целенаправленной конспиративной деятельности на большинстве направлений.

Революция в очередной раз «пожрала» собственных «детей». Уцелели немногие: часть перешедших в состав Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД, воздушно-десантные войска или находившиеся за границей по большей части на нелегальном положении. Часть подготовленных кадров удалось «спрятать» в некоторых партийных структурах. Специальные структуры, создававшиеся под флагом Коминтерна и (или) родственных ему организаций, были ликвидированы либо перешли на нелегальное положение в условиях собственной страны. Подверглись репрессиям коммунисты из 31 страны. Наибольшие потери понесли компартии Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Югославии.

Борьба с «вредителями, диверсантами, террористами и шпионами», проводимая в силовых структурах с одобрения высшего политического руководства СССР, не усилила, а ослабила потенциал государства в военной и военно-специальной областях. Анафеме была предана сама мысль о возможности ведения войны на своей территории в случае внезапной агрессии противника – создававшаяся свыше десяти лет соответствующая инфраструктура была разрушена. В 1937–1938 гг. расформировали саперно-маскировочные взводы, закрыли учебные центры по подготовке диверсантов и специалистов партизанской войны, ликвидировали базы на территории сопредельных государств. Демонтажу подверглись минно-взрывные заграждения в полосе обеспечения всех укрепленных районов, расположенных на западной границе. «Что имеем – не храним, потерявши – плачем!»

Негативным результатом «партийной войны» стало резкое ухудшение деятельности нелегальных резидентур ИККИ, НКВД и

РУ РККА. Многие агентурные сети так и не были восстановлены, а в 1938 г. из ИНО НКВД в адрес руководства страны в течение 127 дней (вопиюще уникальный случай в истории разведки!!!) вообще не поступало никакой информации. Иностранные спецслужбы, в первую очередь германские, японские, английские, используя благоприятную ситуацию, наносили нелегальным структурам за рубежом удар за ударом.

28 марта 1938 г. решением Политбюро ЦК ВКП (б) утверждена новая структура НКВД СССР с упразднением Главного управления государственной безопасности. В новой структуре было три основных оперативных управления и три самостоятельных оперативных отдела. Самостоятельными отделами, которые с июня 1938 г. назывались специальными, являлись: Отдел оперативного учета, регистрации и статистики – 1-й специальный отдел (начальник – И. И. Шапиро; 28 марта – 29 сентября 1938 г.); Отдел оперативной техники – 2-й специальный отдел (М. С. Алехин; 9 июня – 13 сентября 1938 г.; Е. П. Лапшин; 15–29 сентября 1938 г.); Секретно-шифровальный отдел – 3-й специальный отдел (А. Д. Баламутов; 28 марта – 29 сентября 1938 г.).

Оперативными управлениями являлись: I – Управление государственной безопасности (начальники – М. П. Фриновский, 28 марта – 8 сентября 1938 г.; и Л. П. Берия; 8–29 сентября 1938 г.; заместитель начальника – Н. Г. Николаев-Журид, 28 марта – 29 сентября 1938 г.); II – Управление особых отделов (начальники – Л. М. Заковский, 28 марта – 20 апреля 1938 г.; и Н. Н. Федоров, 28 мая – 29 сентября 1938 г.; заместители начальника – Н. Н. Федоров, 28 марта – 28 мая 1938 г.; Н. Е. Шапиро; 28 марта – 14 апреля 1938 г.; Н. Г. Николаев-Журид, 20 апреля – 9 июня 1938 г.; и М. К. Шляхтенко, 10 июля – 29 сентября 1938 г.); III – Управление транспорта и связи (начальники – Л. Н. Бельский, 28 марта – 8 апреля 1938 г.; И. М. Леплевский, 8–26 апреля 1938 г.; и Б. Д. Берман, 22 мая – 24 сентября 1938 г.; заместитель начальника – И. М. Леплевский, 28 марта – 8 апреля 1938 г.).

Структура I Управления: 1-й отдел – Отдел охраны (начальник – И. Я. Дагин, 28 марта – 29 сентября 1938 г.); 2-й – Оперативный отдел (начальник – И. П. Попашенко, 28 марта – 29 сентября 1938 г.); 3-й – Контрразведывательный отдел (начальник – Н. Г. Николаев-Журид, 28 марта – 29 сентября 1938 г.); 4-й – Секретно-политический отдел (начальники – В. Е. Цесарский, 28 марта – 28 мая 1938 г.; А. С. Журбенко, 28 мая – 15 сентября 1938 г.; Б. З. Кобулов, 15–29 сентября 1938 г.); 5-й – Иностранный отдел (начальник – З. И. Пассов, 28 марта – 29 сентября 1938 г.);

6-й – Отдел наблюдения за милицией, Осоавиахимом, пожарной охраной, райвоенкоматами, спортивными обществами и т. п. (начальник – И. Д. Морозов, 28 марта – 29 сентября 1938 г.); 7-й – Отдел наблюдения за оборонной промышленностью (начальник – Л. И. Рейхман, 28 марта – 29 сентября 1938 г.); 8-й – Отдел наблюдения за всей промышленностью (начальники – А. М. Минаев-Цикановский, 28 марта – 10 июля 1938 г.; В. Ф. Григорьев, 10 июля – 29 сентября 1938 г.); 9-й – Отдел наблюдения за торговлей, заготовками и сельским хозяйством (начальник – Л. Б. Залин, 28 марта – 7 июня 1938 г.).

Структура II Управления: 1-й отдел – Отдел наблюдения за авиацией, с 20 сентября 1938 г. – за штабной службой, противовоздушной обороной, связью, Разведывательным управлением РККА, снабжением и финансами РККА (начальники – Б. В. Рогачев, 28 марта – 20 августа 1938 г.; В. С. Агас, 20 августа – 29 сентября 1938 г.); 2-й – Отдел наблюдения за автобронетанковыми и техническими войсками, с 20 сентября 1938 г. – за авиацией (начальники – И. Я. Бабич, 28 марта – 20 августа 1938 г.; Б. В. Рогачев, 20 августа – 29 сентября 1938 г.); 3-й – Отдел наблюдения за пехотой, кавалерией, артиллерией, с 20 сентября 1938 г. – за автобронетанковыми и техническими войсками (начальники – М. С. Ямницкий, 28 марта – 13 июня 1938 г.; И. Я. Бабич, 20 августа – 29 сентября 1938 г.); 4-й – Отдел наблюдения за Военно-морским флотом, с 20 сентября 1938 г. – за пехотой, кавалерией, артиллерией (начальники – Н. Н. Федоров, 28 марта – 28 мая 1938 г.; Ратнер, 28 мая – 10 июля 1938 г.; М. К. Шляхтенко, 10 июля – 20 августа 1938 г.; М. К. Шляхтенко, 20 августа – 29 сентября 1938 г.); 5-й – Отдел наблюдения за штабной службой, противовоздушной обороной, связью, Разведывательным управлением РККА, снабжением и финансами РККА, с 20 сентября 1938 г. – наблюдение за Военно-морским флотом (начальники – Н. Е. Шапиро, 28 марта – 14 апреля 1938 г.; В. С. Агас, 14 апреля – 20 августа 1938 г.; М. К. Шляхтенко, 20 августа – 29 сентября 1938 г.); 6-й – Оперативный отдел – аресты, обыски, наружное наблюдение и установка, с 20 сентября 1938 – наблюдение за пограничными, внутренними и железнодорожными войсками (начальники – В. С. Агас, 28 марта – апрель 1938 г.; М. Б. Спектор, июль – 20 августа 1938 г.; Казакевич, 20 августа – 29 сентября 1938 г.); 7-й – Оперативный отдел (начальник – М. Б. Спектор, 20 августа – 29 сентября 1938 г.).

Структура III Управления: 1-й отдел – железнодорожный транспорт (начальники – И. М. Леплевский, 28 марта – 26 апреля 1938 г.; Б. Д. Берман, 22 мая – 24 сентября 1938 г.); 2-й – водный

транспорт (начальник – М. Л. Андреев, 28 марта – 29 сентября 1938 г.); 3-й – гражданский воздушный флот, связь и шоссейно-дорожное строительство (начальник – А. П. Радзивилловский, 28 марта – 13 сентября 1938 г.); 4-й – оперативный (начальник – Н. Т. Приходько, 28 марта – 30 апреля 1938 г.).

В канун празднования 21-й годовщины Октябрьской революции в Москве по указанию 1-го заместителя наркома внутренних дел Л. П. Берия была арестована группа руководящих работников Отдела правительственной охраны: И. Я. Дагин, И. Р. Баркан, Б. А. Комаров, В. А. Павлов, Д. В. Усов, В. М. Тихомиров и др. 19 ноября на заседании Политбюро Н. И. Ежов заявил, что наиболее серьезным упущением с его стороны являлась обстановка в Отделе охраны членов ЦК и Политбюро, где находились не разоблаченные ставленники Паукера, Курского и Дагина. А поскольку Курский и Дагин были учениками соратника Дзержинского Е. Г. Евдокимова, арестовали и последнего. 25 ноября Ежов был снят с поста наркома НКВД. При Берия по «делу Евдокимова» были арестованы и расстреляны три десятка руководителей областных, краевых и республиканских управлений НКВД. Большинству из них инкриминировалось, в числе других дел, участие в заговорах с целью убийства представителей высшего руководства страны.

В ноябре 1938 г., после ареста З. И. Пассова (22 октября) и С. М. Шпигельглаза (2 ноября), к временному исполнению обязанностей начальника Иностранного отдела приступил П. А. Судоплатов.

«За три недели своего пребывания в качестве исполняющего обязанности начальника отдела, – вспоминает он, – я смог узнать структуру и организацию проведения разведывательных операций за рубежом. В рамках НКВД существовали два подразделения, занимавшиеся разведкой за рубежом. Это Иностранный отдел, которым руководили сначала Трилиссер, потом Артузов, Слуцкий и Пассов. Задача отдела – собирать для Центра разведданные, добытые как по легальным (через наших сотрудников, имевших дипломатическое прикрытие или работавших в торговых представительствах за рубежом), так и по нелегальным каналам. Особо важными были сведения о деятельности правительств и частных корпораций, тайно финансирующих подрывную деятельность русских эмигрантов и белогвардейских офицеров в странах Европы и в Китае, направленную против Советского Союза. Иностранный отдел был разбит на отделения по географическому принципу и включал подразделения, занимавшиеся сбором научно-технических и экономических разведданных. Эти отделения обобщали материалы, поступавшие

от наших резидентур за границей – как легальных, так и нелегальных. Приоритет нелегальных каналов был вполне естествен, поскольку за рубежом тогда было не так много советских дипломатических и торговых миссий. Вот почему нелегальные каналы для получения интересовавших нас разведданных были столь важны.

В то же время существовала и другая разведывательная служба – Особая группа при наркоме внутренних дел, непосредственно находящаяся в его подчинении и глубоко законспирированная. В ее задачу входило создание резервной сети нелегалов для проведения диверсионных операций в тылах противника в Западной Европе, на Ближнем Востоке, Китае и США в случае войны. Учитывая характер работы, Особая группа не имела своих сотрудников в дипломатических и торговых миссиях за рубежом. Ее аппарат состоял из двадцати оперработников, отвечавших за координирование деятельности закордонной агентуры. Все остальные сотрудники работали за рубежом в качестве нелегалов. В то время, о котором я веду речь, число таких нелегалов составляло около шестидесяти человек. Вскоре мне стало ясно, что руководство НКВД могло по своему выбору использовать силы и средства Иностранного отдела и Особой группы для проведения особо важных операций, в том числе диверсий и ликвидации противников СССР за рубежом.

Особая группа иногда именовалась „группа Яши“, потому что более десяти с лишним лет возглавлялась Яковом Серебрянским. Именно его люди организовали в 1930 г. похищение главы белогвардейского РОВС в Париже генерала Кутепова. До революции Серебрянский был членом партии эсеров. Он принимал личное участие в ликвидации чинов охранки, организовавших еврейские погромы в Могилеве (Белоруссия). „Группа Яши“ создала мощную агентурную сеть в 20–30-х гг. во Франции, Германии, Палестине, США и Скандинавии. Агентов они вербовали из коминтерновского подполья – тех, кто не участвовал в пропагандистских мероприятиях и чье членство в национальных компартиях держалось в секрете»[1070].

На 1 января 1939 г. в структуре НКВД произошли очередные изменения. Следственную часть НКВД возглавил Б. З. Кобулов (22 декабря 1938 г. – 4 сентября 1939 г.), ГУГБ (восстановлено 23 сентября 1938 г. решением Политбюро ЦК ВКП (б) за номером П64/82) – В. Н. Меркулов. Его заместителем стал В. Г. Деканозов. ГУГБ включало отделы: 1-й – Отдел охраны (начальник – Н. С. Власик); 2-й – Секретно-политический отдел (начальник – Б. З. Кобулов); 3-й – Контрразведывательный отдел (начальник – В. Г. Деканозов); 4-й – Особый отдел (начальник – В. М. Бочков); 5-й –

Иностранный отдел (начальник – В. Г. Деканозов); 6-й – Отдел наблюдения за милицией, пожарной охраной, Осоавиахимом, райвоенкоматами и спортивными обществами (расформирован 28 декабря 1938 г. с передачей задач во 2-й и 4-й отделы); 7-й – Специальный отдел (начальник – А. Д. Баламутов).

Главное экономическое управление НКВД СССР образовано из 7, 8 и 9-го отделов I Управления НКВД 29 сентября 1938 г. Его куратором, а с 4 сентября 1939 г. – начальником стал Б. З. Кобулов, заместителями Кобулова были Г. П. Андреев и В. Г. Наседкин. В структуре Управления имелись следующие отделы: 1-й – оборонная промышленность (начальник – Г. П. Андреев); 2-й – тяжелая промышленность и машиностроение (начальник – В. Ф. Григорьев); 3-й – легкая, пищевая, лесная и местная промышленность (начальник – С. Г. Решетников); 4-й – сельское хозяйство и заготовки (начальник – М. Л. Гатов); 5-й – торговля, кооперация и финансы (начальник – А. В. Шахов).

Самостоятельные (специальные) оперативные отделы НКВД возглавили: 1-й (Оперативный учет, регистрация и статистика) – Г. А. Петров; 2-й (Применение оперативной техники) – Е. П. Лапшин; 3-й (Оперативный – обыски, аресты, наружное наблюдение) – А. С. Панюшкин; 4-й (Особое конструкторское бюро – использование труда заключенных специалистов и ученых) – М. А. Давыдов. Комендантом Московского Кремля стал Н. К. Спиридонов, ранее возглавлявший 3-й Специальный отдел НКВД. 20 января 1939 г. приказом наркома внутренних дел № 0066 утверждено совершенно секретное «Положение о Комендатуре Московского Кремля» (вы ознакомитесь с ним в конце главы).

Как видно из «Положения», в 1939 г. для обеспечения безопасности высшего политического руководства СССР привлекались значительные силы и средства НКВД. При этом между руководителями различных специальных структур существовали непростые отношения. А. Т. Рыбин в мемуарах писал, что в охране Сталина противоборствовали две группировки: просталинская и пробериевская. О противостоянии руководителей охранных подразделений и Берии вспоминал и Н. С. Власик: «Для ясности я должен сказать, что Берия был настроен против меня еще с 1940 года, когда по указанию т. Сталина были сняты с работы два моих зама, ставленники Берия ([А. П.] Каранадзе и [В. Н.] Гульст). Они оба претендовали на мою должность и, собирая сплетни о моей личной жизни, докладывали об этом Берия, который, в свою очередь, докладывал Сталину. Сталин сам проверил эти сведения и, убедившись в их лживости, дал распоряжение о снятии их с работы»[1071].

М. С. Докучаев: «…Нужно сказать, что в первые годы работы в Москве Берия проявлял рьяную активность в обеспечении его охраны. Он окружил Сталина подобранными им и верными ему грузинами, которые щедро награждались орденами и медалями и наделялись генеральскими званиями. Как правило, они составляли обслугу Сталина (повара, снабженцы, комендантs, горничные и т. п.), претендовали на приоритет в его обслуживании и тем самым были не в ладах со службой охраны. В конце концов Сталин увидел в этом опеку и контроль над собой, опасность даже со стороны Берии и приказал выпроводить всех грузин с дачи и из Кремля»[1072].

Для проверки компрометирующих сведений на тех или иных руководителей, обеспечивавших личную безопасность Сталина, последний использовал возможности личной службы безопасности, надежно замаскированной в структуре аппарата ЦК ВКП (б). В большинстве мемуаров лиц, тесно общавшихся со Сталиным, отмечается поразительная информированность «вождя народов». Он руководствовался принципом «Разделяй и властвуй!», не давая чрезмерно усилиться ни одному из конкурирующих ведомств. Структура НКВД, утверждавшаяся решением Политбюро, также контролировалась Сталиным и помимо народного комиссара внутренних дел. Комендатура НКВД СССР находилась в подчинении 1-го отдела ГУГБ, а комендант (начальник Комендантского отдела НКВД) В. М. Блохин (10 июля 1934 г. – 13 августа 1941 г.), вероятно, был одним из доверенных лиц Сталина.

27 января 1939 г. было опубликовано сообщение ТАСС: «25 января погранвойска Грузинской ССР уничтожили трех человек, пытавшихся перейти границу со стороны Турции. Эти трое – троцкисты, пользовавшиеся поддержкой фашистов. У убитых найдены пистолеты, ручные гранаты и подробные карты местности. Целью преступной группы было убийство Иосифа Виссарионовича Сталина, находящегося в Сочи. Однако пограничники заблаговременно узнали о преступном плане и истребили злоумышленников»[1073]. Сообщение не несло никакой информации об истинных организаторах и исполнителях террористического акта, возможно, потому, что использовалось как дезинформация о группе «троцкистов» для введения в заблуждение истинных организаторов покушения. Противником в таком случае выступали специальные службы Японии, спланировавшие эту спецоперацию с помощью бывшего высокопоставленного сотрудника госбезопасности Люшкова, бежавшего из СССР и предложившего свои услуги спецслужбам Страны восходящего солнца, оккупировавшей к тому времени

Маньчжурию.

Начальник управления НКВД по Дальнему Востоку Г. С. Люшков, ушедший в Маньчжурию 13 июня 1938 г., был одним из доверенных лиц Ежова. Он участвовал в следствии по делу об убийстве Кирова, а также в расследовании нескольких «заговоров» против Сталина. Его побег нанес серьезнейший урон органам государственной безопасности СССР. Люшков сообщил японской разведке совершенно секретные сведения об обороноспособности нашей страны на Дальнем Востоке, в Крыму и на Кавказе, раскрыл известные ему данные о советской агентуре, перевербованных агентах противника и многое другое. Кроме того, служивший в августе 1936 г. – июле 1937 г. начальником Управления НКВД Азово-Черноморского края, Люшков обладал секретными сведениями об организации охраны Сталина во время его пребывания на отдыхе в Сочи и прилегающих районах.

После поражения у озера Хасан (29 июля – 11 августа 1938 г.) японские спецслужбы начали готовить операцию по ликвидации Сталина, получившую кодовое наименование «Медведь». Осуществить покушение силами небольшой (до 10 человек) диверсионной группы путем открытого нападения было практически невозможно. Во внутренней охране состояло около 200 сотрудников, в том числе с пистолетами-пулеметами ППД образца 1934 г. Внешнюю охрану в лесной местности осуществлял отряд пограничников. Хвостовая группа сопровождения также была вооружена автоматами. За три часа до приезда Сталина проверке подвергались все объекты, вплоть до коммуникаций. Территория Мацесты и прилегающий к ней лес прочесывались. Все подозрительные лица проверялись и при необходимости задерживались.

Повторим, расчеты японских спецслужб строились на показаниях Люшкова, который хорошо знал систему охраны Сталина в Мацесте, поскольку принимал участие в ее разработке. В результате рассмотрения различных вариантов покушения приняли следующий план. Ночью боевики должны были проникнуть в подвальное помещение водолечебницы по трубе большого диаметра, снабжавшей лечебницу минеральной водой. В ночное время напор воды уменьшался, и труба заполнялась водой наполовину. По трубе можно было добраться до водосборника и ожидать там приезда Сталина, после чего через люк выйти в помещение операторов, регулировавших подачу и температуру воды. Ликвидировав операторов, боевики могли проникнуть в смежную комнату – склад инвентаря для уборки помещений. Дверь ее выходила в коридор, где находилось

несколько охранников. Они были последним препятствием перед ванной комнатой Сталина.

Операция готовилась скрупулезно. Были составлены подробные планы Мацесты и здания водолечебницы. На секретной базе в Чанчуне по этим планам в натуральную величину построили здание водолечебницы. Боевиков из числа белоэмигрантов тщательно отбирали и проверяли по каналам японских и эмигрантских спецслужб.

В их арсенал вошло самое современное автоматическое оружие того времени, снабженное разрывными пулями. По некоторым данным, на вооружении группы находился гранатомет особой конструкции в достаточно компактном исполнении (оружие такого типа гитлеровцы разработали и пытались использовать в покушении на Сталина лишь в 1944 г.). Тренировки продолжались несколько месяцев: из 10 контрольных попыток 9 оказались успешными. Отход боевиков планом операции не предусматривался: отойти против тока воды, находившейся в трубе под давлением, или прорваться через несколько колец внешней охраны было невозможно. Боевики сознательно обрекали себя на смерть.

На пароходе «Азия-мару» они прибыли в Неаполь. Во время плавания режим секретности обеспечивали сотрудники японской разведки. Пищу боевикам подавали в каюты, на стоянках окна кают были зашторены. В Неаполе вся группа тайно перешла на пароход «Талес», следовавший в Стамбул, а там сразу же на катере направилась в граничащий с СССР район Турции.

24 января 1939 г. боевики под видом научной экспедиции сошли на берег. Известны следующие (возможно, оперативные) имена боевиков: Люшков, Борис Безыменский, Исаак Зеленин, Николай Лебеденко, Леонид Малхак, Виталий Смирнов, Михаил Сурков. После перехода границы группа двигалась по ущелью вглубь СССР и неожиданно попала в засаду. Несмотря на подготовленность, на месте были убиты Лебеденко, Малхак и Сурков, остальным удалось уйти.

Как оказалось впоследствии, органы государственной безопасности СССР были проинформированы о возможном покушении на Сталина советским агентом, работавшим под псевдонимом Лео. Японский историк Х. Есиаки в книге «Японские планы покушения на Сталина» предполагает, что им являлся переводчик МИД Маньчжоу-Го Борис Бжеманский.

Советской разведкой была получена информация и о подготовке другой диверсионной группы – для взрыва бомбы на Красной площади во время демонстрации 1 мая 1939 г. Мы не вправе раскрывать истинные имена сотрудников, внедренных в

секретные службы Японии. Можем констатировать только то, что источники советских спецслужб имелись в различных структурах военных и политических организаций этой страны, что позволяло быть в курсе сверхсекретных даже для большинства высокопоставленных японских чиновников событий и планов… Особенность нелегальной работы такова, что даже через много десятилетий (а порой и веков) истинные имена специалистов тайной войны остаются засекреченными.

К концу 1939 г. в составе 1-го отдела ГУГБ имелись 24 отделения, свои политотдел и специальная школа боевой подготовки; отделу подчинялись комендатуры ЦК ВКП (б) и НКВД СССР. Подготовка сотрудников 1-го отдела осуществлялась по программе, включавшей элементы, характерные для подготовки бойцов современного спецназа. В декабре 1939 г. Полк специального назначения переформировали: он стал состоять из трех стрелковых батальонов.

7 сентября 1939 г., через неделю после начала Второй мировой войны, состоялась встреча Г. Димитрова с И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и А. А. Ждановым. В отношении Польши, которая пала первой, Сталин заявил, что уничтожение этого государства означает только: одним буржуазным государством стало меньше. В результате разгрома Польши СССР может распространить социалистическую систему на новые территории и население. Что же касается войны вообще, он сказал: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, подрывает капиталистическую систему»[1074]. По мнению Сталина, во время войны существовавшее ранее деление империалистических стран на фашистские и демократические теряет прежний смысл. В новых политических условиях Советский Союз получает возможность маневрировать и подталкивать воюющих противников. В свою очередь, коммунисты капиталистических стран должны выступить как против войны, так и против своих правительств. Официальный отказ Сталина от идеи мировой революции на деле оборачивался стремлением к распространению своего влияния на иностранные государства при условии безоговорочного принятия только его, Сталина, линии и концепции развития мирового порядка…

Раздел Польши в сентябре 1939 г. между Германией и СССР, в результате которого к Советскому Союзу были присоединены Западная Белоруссия и Западная Украина, произошел практически без участия военных специалистов Коминтерна.

Вероятно, именно в этот период у Сталина и его ближайшего окружения начало складываться убеждение, что для экспансии мировой революции вполне достаточно Красной армии. Особенный интерес руководства ВКП (б) в этой области вызывали Прибалтийские страны. В секретном дополнительном протоколе о разграничении сфер интересов Третьего рейха и Советского Союза в Восточной Европе было зафиксировано: «1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы относительно Виленской области признаются обеими сторонами»[1075]. В период с 28 сентября по 10 октября 1939 г. с правительствами Латвии, Литвы и Эстонии были заключены договоры о взаимопомощи. В договорах предусматривалось размещение на территории этих стран советских военных баз.

Во второй половине октября 1939 г. финские войска были частично отмобилизованы. Впоследствии выяснилось, что деятельность КПФ была парализована финской полицией и контрразведкой, поэтому реальной поддержки Красной армии коммунисты не оказали.

В то же время активную помощь Финляндии по части организации секретных операций оказывали абверовцы из КО «Финляндия» («Бюро А. Целлариуса»).

С разведкой Германии многие финские офицеры сотрудничали еще с 1914 г., когда в составе кайзеровской армии воевали против Российской империи. Именно КО «Финляндия» первой получила сведения о боевых возможностях советских разведывательных, диверсионных и по граничных подразделений в условиях советско-финской «незнаменитой» зимней войны 1939–1940 гг.

Поскольку правительство Финляндии отказалось от подписания договора с СССР по типу договоров с Прибалтийскими странами, подготовка к «освободительной» войне с Финляндией в Советском Союзе вступила в завершающую стадию. Не последнюю роль в окончательном решении руководства ВКП (б) начать очередной «освободительный поход» сыграли победа советских войск на реке Халхин-Гол в сентябре 1939 г. и быстрый разгром польской армии. Тем более что войска Красной армии имели многократное численное превосходство над противником в районе возможного театра военных действий: в людях – в 1,7 раза, в артиллерии – в 3 раза, в авиации – в 10 раз, в танках – в 80 раз.

В свою очередь финское командование готовилось компенсировать подавляющее численное превосходство Красной армии высокой боевой выучкой своих военнослужащих, их стойкостью и умением вести бои на сильно пересеченной местности в условиях зимы. На Карельском перешейке планировалась жесткая оборона на «линии Маннергейма», которая считалась непроходимой. Предполье между государственной границей и главной оборонительной линией составляло от 12 километров в восточной части Карельского перешейка до 65 километров в его западной части. По плану обороны в предполье должны были действовать небольшие финские разведывательно-диверсионные группы (РДГ).

Севернее Ладожского озера финны планировали вести маневренную оборону. Здесь их расчеты строились не только на нанесении местных контрударов по прорвавшимся советским частям, но и на действиях на флангах и в тылу частей Красной армии. Силы прикрытия на этом направлении состояли из частей пограничной охраны, нескольких батальонов егерей, отдельных кавалерийских отрядов и частей местной самообороны.

Хорошее знание местности, прекрасная лыжная и стрелковая подготовка, а также правильно выбранная тактика позволили финским войскам на этом направлении перехватить инициативу у советских войск и на некоторых участках удерживать ее вплоть до конца войны.

Начавшаяся 30 ноября 1939 г. советско-финляндская война потребовала активной работы в тылу противника военной разведки Красной армии. На практике эта заранее спланированная работа обернулась почти полным провалом. На совещании начальствующего состава РККА, прошедшем 14–17 апреля 1940 г. в ЦК ВКП (б), начальник Разведупра И. И. Проскуров, в частности, говорил:

«Разведотдел допустил большую ошибку. Рассчитывали, что движение войск будет похоже на то, которое было во время западной кампании, и посылали туда агентов, давали явку не на нашу территорию, а на пункты, находящиеся на территории противника. Через 10 дней, мол, придем в такой-то пункт, и доложишь материал. А выхода наших частей в эти пункты не состоялось»[1076].

Помощь со стороны Коминтерна военной разведке была совсем не той, какой могла бы быть. В первую очередь это объясняется разгромом сетей Военной организации КП Финляндии. А кадры, способные эти сети восстановить, были к тому времени практически полностью уничтожены в результате «партийных войн». За несколькими исключениями разведгруппы

создавали в экстренном порядке и забрасывали на территорию противника без соответствующей подготовки и обеспечения, поэтому большинство из них выполнить задания не смогли, а многие погибли. После окончания войны во время опросов работниками НКВД военнопленных красноармейцев выяснилось, что они встречали в плену от 20 до 25 советских разведчиков, одетых в финскую военную форму.

Ранее подготовленные кадры в Разведупре были, но они, так же как и их коллеги из Коминтерна и ИНО НКВД, «сгорели» в пламени «партийных войн». К началу советско-финляндской войны были расстреляны четыре начальника РУ РККА: Я. К. Берзин, С. П. Урицкий, С. Г. Гендин и А. Г. Орлов. Счет репрессированных достаточно высокого уровня шел на сотни. Кроме того, с началом войны разведотдел Ленинградского военного округа со всем личным составом был передан в 7-ю армию. Остальные армии не получили из округа никого и, по свидетельству И. И. Проскурова, стали набирать в свои разведотделы «кого попало». При этом подготовленных командиров разведки в штабах армий было всего по 1–2 человека. По этой причине некоторые армии налаживали работу своей разведки в течение двух месяцев. Эти справедливые признания о допущенных недостатках стоили Проскурову вначале поста, а в последующем и жизни.

Полностью провалились и военно-политические мероприятию по созданию «народного правительства» и «народной армии» Финляндии. Как следовало из заявления ТАСС, вечером 1 декабря 1939 г. в городе Териоки (ныне г. Зеленогорск Ленинградской обл.) восставшие солдаты финской армии и члены левых партий Финляндии провозгласили создание Финляндской Демократической Республики (ФДР). Они же сформировали Народное правительство (НП), главой которого стал член Президиума и Секретариата ИККИ Отто Куусинен, министром обороны – Аксел Анттила, а министром внутренних дел – Тууре Лехен. 2 декабря правительства СССР и ФДР заключили Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой.

С этого момента политические установки Коминтерна были направлены на организацию поддержки НП ФДР со стороны европейских компартий и недопущение оказания помощи Финляндии со стороны Англии и Франции. Но реализовать эти установки европейским компартиям на практике не удалось, и Советский Союз как страна-агрессор был исключен из Лиги Наций.

Не была доведена до конца и попытка создания Финляндской

народной армии (ФНА). 23 ноября 1939 г. в Петрозаводске началось формирование особого горнострелкового корпуса, позже переименованного в 1-й горнострелковый корпус ФНА. Набор личного состава (призывников и резервистов до 40 лет) осуществлялся в Карельской АССР и Ленинградской области. Командиром корпуса, затем командующим ФНА стал комдив А. Анттила, бывший помощник начальника штаба Карельской егерской бригады. Финнов, карелов и ингерманландцев для укомплектования частей не хватало, поэтому в корпусе служили и люди других национальностей, которым для маскировки давали финские фамилии. Некоторые части ФНА участвовали в локальных боях, но ни военной, ни политической (парад в Хельсинки) задач Народная армия не выполнила и весной 1940 г. была расформирована.

К началу войны с Советским Союзом финская разведка располагала подготовленным кадровым аппаратом, способным решать сложные задачи. Кроме того, в течение нескольких лет активно готовились резервисты для работы с карелами и ингерманландцами. На специальных курсах военной разведки обучались активисты Карельского академического общества. Летом 1939 г. для разведки были определены три уровня задач: в мирное время, в кризисный период и в условиях войны. Основными направлениями разведдеятельности были: на Карельском перешейке в глубину до Ленинграда, в Карелии и на Кольском полуострове – до Мурманской железной дороги. В период с 10 июня по 17 ноября 1939 г. рованиемским разведотделением было направлено в Мурманскую область и Карельскую АССР 18 разведгрупп, которые провели там в общей сложности 126 дней. А последняя разведгруппа из состава сортавальского разведотделения с боем прорвалась в Финляндию 28 ноября.

14 октября 1939 г. в Генштабе на базе Иностранного отдела создается Управление военной разведки и призываются резервисты. В этом же месяце финская радиоразведка получила первые данные о подготовке СССР к нападению на Финляндию. 9 ноября оперативный отдел Генштаба поставил перед агентурной разведкой специальную задачу: в случае начала военных действий развернуть диверсионную деятельность в Восточной Карелии. В качестве первоочередных объектов диверсий были определены электростанции, крупные предприятия промышленности и связи, продовольственные склады, южная часть Мурманской железной дороги. Также было принято решение о создании партизанского (разведывательно-диверсионного) батальона, состоящего из жителей Восточной

Карелии и Ингерманландии, эмигрировавших в Финляндию после Гражданской войны.

Стратегия и тактика действий финских войск при отходе к «линии Маннергейма» была очень похожа на ту, которую планировали применить в случае агрессии репрессированные советские военачальники. Во-первых, финны первыми во Второй мировой войне использовали тактику «выжженной земли»: все гражданское население с оставляемой территории эвакуировалось, а дома и постройки сжигались, чтобы в них не могли разместиться советские войска. Во-вторых, противник с первых дней боев широко применял мины и мины-ловушки. Лишение красноармейцев мест для ночлега в тепле и минная война были первыми этапами финской маневренной оборонительной стратегии. Затем в дело вступили финские разведывательно-диверсионные группы.

Эти группы действовали в тылу советских войск эффективно: сказалась специальная военная подготовка. «В первой половине декабря 1939 г. на участке Карельского пограничного округа, – отмечается в современном труде по истории пограничных войск России, – развернулись ожесточенные бои. <…> Здесь диверсионные группы и отряды финнов не только нападали на тыловые учреждения действующей армии, но и нарушали государственную границу, совершали налеты на пограничные подразделения, пытались вести разведку нашей территории и т. п.»[1077].

Основной тактический прием финских диверсионных групп («пластичный контакт») был отработан до совершенства.

Большие потери в личном составе советские войска понесли и от огня снайперов, прозванных нашими солдатами «кукушками». Всего в финской армии насчитывалось около двухсот стрелков, имевших винтовки с оптическим прицелом. Интересным фактом явилось то, что из них мало кто погиб и никто (!) не был взят в плен. Финские снайперы тактически грамотно и инициативно действовали в одиночку на заранее подготовленных позициях либо в составе небольших мобильных диверсионных групп. По уровню индивидуальной подготовки и они, и финские егеря являлись едва ли не лучшими специалистами своего времени.

Случалось, что в засаду попадал и старший командный состав Красной армии. Так, на Карельском перешейке 6 декабря 1939 г. в засаду попала 6-я рота 168-го полка 24-й стрелковой дивизии. В бою с финскими диверсантами был убит командир этой дивизии комбриг П. Е. Вещев. В Заполярье 28 декабря 1939 г. финскими диверсантами была уничтожена ехавшая без охраны штабная автомашина, погибли начальник автобронетанкового управления

14-й армии полковник А. В. Ворсин и воентехник 2-го ранга З. Д. Левинзон. А по воспоминаниям ветеранов 163-й стрелковой дивизии, воевавших на ухтинском направлении, в одну из финских засад попал даже Л. З. Мехлис! И только благодаря умелым действиям охраны нападение было отбито, а начальник Главного политического управления РККА остался жив.

После «незнаменитой войны» возникла долгоживущая легенда, что финские снайперы обычно занимали позиции на деревьях – потому и назывались «кукушками». Эта легенда не соответствует действительности. В воспоминаниях участников боевых действий, с которыми нам удалось ознакомиться в ходе работы над книгой, имеется множество упоминаний о стрелках, ведущих прицельный огонь с деревьев, но не из снайперских винтовок, а из ручных пулеметов или пистолетов-пулеметов. В действительности финские снайперы часто использовали прием маскировки, названный впоследствии «финским сугробом».

Участник боев в Финляндии Герой Советского Союза лейтенант Н. Толмачев так писал об этой тактике:

«Любопытно, что и после того, как фланги наших соединений и частей сошлись вплотную, все же наблюдалось, хотя и не в такой степени, просачивание мелких снайперских групп белофиннов в наши тылы. Где они могли проходить, оставалось неизвестным до тех пор, пока мы не обнаружили под снегом норы, в которые при подходе наших частей зарывались белофинские снайперы. Они сидели там, пока наши части не продвигались вперед, а потом открывали огонь с тыла»[1078].

На вооружении финнов находились модернизированные под русский патрон 7,62 × 54R в 1927 г. и позднее винтовки Мосина («М-27» – «М-39»). Оптические прицелы типа CIGEE (Берлин) устанавливались над стволом слева, что позволяло заряжать винтовку из обоймы. Рукоятка затвора у всех снайперских винтовок была отогнутой, на прикладе имелась деревянная двусторонняя «щека».

Эффективным оказалось и противотанковое ружье VKT, сконструированное на основе авиационной пушки. Оно имело массу 42 килограмма, калибр 20 миллиметров, магазин на 10 патронов, прицельную дальность 1400 метров, начальную скорость пули 825 м/сек, на дистанции 175 метров пробивало 30-миллиметровую броню. Его можно считать прообразом современных крупнокалиберных винтовок (калибра 12,7 миллиметров и более), предназначенных для точной стрельбы на дистанциях свыше 1 километра.

Советско-финляндская война наглядно продемонстрировала возможности компактного автоматического оружия, которого

бойцам РККА и НКВД, особенно разведчикам и диверсантам, не хватало. В условиях дефицита автоматического оружия (пистолетов-пулеметов ППД) были извлечены со складов и поставлены на вооружение автоматы Федорова. Советские разведчики и диверсанты использовали трофейные пистолеты-пулеметы «суоми» и пистолеты «маузер». Соответствующие зимнее обмундирование и снаряжение (особенно маскхалаты и лыжи) появились у наших войск также с большим опозданием.

Эффективность обычных пехотных подразделений в борьбе с финскими РДГ была низкой: иногда при уничтожении одного снайпера погибало до взвода пехоты. Только понеся значительные потери (от 1: 3 до 1: 10) и осознав порочность подобной тактики, командование Красной армии стало создавать мобильные оперативные (лыжные) отряды из добровольцев. В них набирали пограничников, спортсменов и избежавших репрессий специалистов по ведению «малой войны».

Одним из таких специалистов был С. А. Ваупшасов, который впоследствии писал: «Умный и коварный противник оставлял на занятой нами земле многочисленные подразделения стрелков и автоматчиков, целые лыжные батальоны с задачей дезорганизовать функционирование войсковых тылов, рвать коммуникации, нападать на госпитали, штабы, склады. Легкие, подвижные группы шюцкоровцев[1079] были мастерами такой вот „малой войны“ и доставляли нашему командованию много хлопот»[1080].

На указанном совещании начсостава РККА в ЦК ВКП (б) Х.-У. Д. Мамсуров докладывал о своем диверсионном отряде: «Я имел человек 10 лейтенантов из Тамбовского училища. Должен сказать, что эти люди не были командирами. Они даже бойцами не могли быть. <…> Хотя они были хорошо вымуштрованы, добровольцам – ленинградским физкультурникам – далеко было до них, но в боевой обстановке они даже не знали хорошо компаса, не знали карты. В бою они боялись, а в тылу были хорошими командирами…

Послали группу в 50 человек восточнее Кухмониеми на помощь 54-й дивизии. Эта группа в 50 человек погибла, причем должен сказать, что эта группа была целиком из красноармейцев»[1081]. Весь отряд Мамсурова (300 человек) был обмундирован в форму финской армии, что являлось нарушением Конвенции о правилах ведения сухопутной войны. Одетых таким образом диверсантов финны в плен обычно не брали.

После понесенных потерь в тактическом и оперативном звене РККА началось тщательное изучение тактики противника. Изобретенные финскими снайперами тактические приемы

(«финский сугроб», «тюлевый эффект», заглушающий выстрел пиропатрон) вошли в арсенал советских снайперов. К сожалению, опыт войны адекватно оценил только тот командный состав, который испытал все «прелести» егерской тактики на себе. Однако специальные подразделения егерского типа, способные действовать в особых климатическо-географических условиях, в составе РККА созданы не были.

Летом 1940 г. в результате политических маневров и силового давления, предпринятого высшим руководством ВКП (б), в состав СССР вошли Бессарабия, Буковина, Латвия, Литва и Эстония.

Присоединение территорий бывшей Российской империи вновь осуществлено без использования специальных структур Коминтерна. Красная армия десантировала 201-ю и 204-ю воздушно-десантные бригады в районе Болграда и Измаила. С этого момента именно воздушно-десантным войскам отводилась роль подразделений, в случае войны обеспечивающих блокирование коммуникаций противника. Как оказалось впоследствии, это было ошибкой.

После присоединения к СССР новых территорий с враждебно настроенным населением наибольшая нагрузка легла на плечи пограничников и сотрудников органов контрразведки. Членов антисоветских националистических организаций, ушедших в подполье, использовали спецслужбы Германии для проведения разведывательной, агитационно-политической и диверсионной работы против нашей страны. Советским органам безопасности в предвоенный период не удалось полностью парализовать деятельность подпольных организаций. В начальный период Великой Отечественной войны боевики национальных нелегальных организаций оказали существенную поддержку немецкой армии.

К середине 1940 г. руководству ВКП (б), и в первую очередь Сталину, стало понятно, что надежды на затяжную войну Германии с западными странами не оправдались. После быстрого разгрома Германией войск союзников, оккупации Франции и появившейся возможности перемирия Германии с Англией наиболее неблагоприятным вариантом для СССР представлялась война с Третьим рейхом один на один. В этих условиях приобретение военно-политических союзников стало для руководства СССР приоритетной задачей.

20 августа 1940 г. на своей вилле в Мексике был убит самый сильный и непримиримый противник И. Сталина – Л. Троцкий (Бронштейн). За операцию по ликвидации лидера IV Интернационала отвечал лично П. А. Судоплатов. Согласно

воспоминаниям Судоплатова, его участие в операции началось в 1939 г. на встрече со Сталиным. Тот сказал: «В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена. <…> Без устранения Троцкого мы не можем быть уверены, в случае нападения на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну»[1082].

Как известно, Троцкого убил Рамон дель Рио Меркадер. Однако первоначально ликвидация некогда, по словам В. И. Ленина, «самого выдающегося и способного человека в составе ЦК» поручалась группе боевиков под руководством ветерана испанских интербригад Д. А. Сикейроса. Нападение группы Сикейроса на виллу Троцкого оказалось неудачным. Не имея достаточной подготовки в организации терактов, никто из боевиков лично не удостоверился в смерти Троцкого после массированного обстрела его комнаты из автоматического оружия. После провала операции Сталин заявил Судоплатову: «Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана…»[1083]. План был осуществлен.

3 февраля 1941 г. указом Президиума Верховного Совета НКВД был разделен на два комиссариата: внутренних дел и государственной безопасности. Последний (НКГБ) возглавил В. Н. Меркулов, его заместителями стали И. А. Серов (1-й заместитель), Б. З. Кобулов и М. В. Грибов. Следственную часть возглавил Л. Е. Влодзимирский. В составе НКГБ было три оперативных управления, пять отделов и Комендатура Кремля: I Управление – внешняя разведка (руководитель – П. М. Фитин); II Управление – контрразведка (руководитель – П. В. Федотов); III Управление – секретно-политическое (руководитель – С. Р. Мильштейн); 1-й отдел НКГБ – охрана правительства (начальник – Н. С. Власик); 2-й – учетно-статистический (начальник – Л. Ф. Баштаков); 3-й – обыски, аресты, наружное наблюдение (начальник – Д. Н. Шадрин); 4-й – оперативной техники (начальник – Е. П. Лапшин); 5-й отдел – шифровальный (начальник – А. И. Копытцев); Управление коменданта Московского Кремля (руководитель – Н. К. Спиридонов). Особый отдел Главного управления госбезопасности НКВД расформировали. Вместо него для

оперативной работы в войсках созданы: III Управление Народного комиссариата обороны (руководитель – А. И. Михеев); III Управление Народного комиссариата Военно-морского флота (руководитель – А. И. Петров); 3-й отдел НКВД (руководитель – А. М. Белянов).

Мы уже упоминали, что в 1939–1940 гг. у высшего военно-политического руководства СССР окрепла уверенность в возможности войны исключительно на чужой территории. В этих условиях альтернативные предложения не рассматривались, их авторы подвергались репрессиям. Тем не менее находились люди, которые высказывали точку зрения, отличную от мнения большинства. Одним из них был комдив Г. С. Иссерсон, с 1939 г. – начальник кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба.

В опубликованной в 1940 г. книге «Новые формы борьбы. (Опыт исследования современных войн)» он дал анализ боевых действий в Испании и Польше.

Иссерсон считал, что «мобилизация и сосредоточение войск вероятного противника будут осуществляться постепенно и скрытно: нужно, чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону… Иными словами, вступление в войну должно приобрести характер оглушительного подавляющего удара. <…> В тех или иных размерах о сосредоточении становится известно. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготовляется ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока, наконец, на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал – и война сразу разражается в своем полном масштабе»[1084].

На совещании высшего командного состава РККА в Москве 23–31 декабря 1940 г. книга Иссерсона была подвергнута критике, сам он понижен в звании до полковника и уволен из армии, 10 июня 1941 г. арестован, получил 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах.

После окончания Второй мировой войны маршал Г. К. Жуков написал: «Внезапный переход в наступление <…> сразу всеми имеющимися и притом заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами… нами не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники – Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков – и руководящий состав

Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов…»[1085].

В составе НКГБ специальное разведывательно-диверсионное подразделение, вновь названное Особой группой, начало воссоздаваться только 17 июня 1941 г. по личному распоряжению Л. П. Берии. Этому предшествовала встреча Меркулова и Фитина со Сталиным. Нынешнему поколению, живущему в условиях постоянного оболванивания средствами массовой информации, трудно понять позицию высшего военно-политического руководства Советского Союза в предвоенный период. Об этом времени с высоты прожитых лет беспристрастно и со знанием дела нам рассказывают руководители внешней разведки СССР.

«16 июня 1941 года, – вспоминает П. М. Фитин, – из нашей берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончательное решение напасть на СССР 22 июня 1941 г. Эти данные тотчас были доложены в соответствующие инстанции.

Поздно ночью с 16 на 17 июня меня вызвал нарком и сказал, что в час дня его и меня приглашает к себе И. В. Сталин. Многое пришлось в ту ночь и утром 17 июня передумать. Однако была уверенность, что этот вызов связан с информацией нашей берлинской резидентуры, которую он получил. Я не сомневался в правдивости поступившего донесения, так как хорошо знал человека, сообщившего нам об этом. <…>

Несмотря на нашу осведомленность и твердое намерение отстаивать свою точку зрения на материалы, полученные Управлением, мы еще пребывали в состоянии определенной возбужденности. Это был вождь партии и страны с непререкаемым авторитетом. А ведь могло случиться и так, что Сталину что-то не понравится или в чем-то он усмотрит промах с нашей стороны, и тогда любой из нас может оказаться в весьма незавидном положении. <…>

С такими мыслями мы вместе с наркомом в час дня прибыли в приемную Сталина в Кремле. После доклада помощника о нашем приходе нас пригласили в кабинет. Сталин поздоровался кивком головы, но сесть не предложил, да и сам за все время разговора не садился. <…>

Подойдя к большому столу, который находился слева от входа и на котором стопками лежали многочисленные сообщения и докладные записки, а на одной из них сверху был наш документ, И. В. Сталин не поднимая головы сказал:

– Прочитал ваше донесение… Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?

Мы молчим. Ведь всего три дня назад – 14 июня – газеты опубликовали заявление ТАСС, в котором говорилось, что Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского Пакта о ненападении, как и Советский Союз. И. В. Сталин продолжал расхаживать по кабинету, изредка попыхивал трубкой. Наконец, остановившись перед нами, он спросил:

– Что за человек, сообщивший эти сведения? Мы были готовы к ответу на этот вопрос, и я дал подробную характеристику нашему источнику. В частности, сказал, что он немец, близок нам идеологически, вместе с другими патриотами готов всячески содействовать борьбе с фашизмом. Работает в Министерстве воздушного флота и очень осведомлен. Как только ему стал известен срок нападения Германии на Советский Союз, он вызвал на внеочередную встречу нашего разведчика, у которого состоял на связи, и передал настоящее сообщение. У нас нет оснований сомневаться в правдоподобности его информации.

После окончания моего доклада вновь наступила длительная пауза. Сталин, подойдя к своему рабочему столу и повернувшись к нам, произнес:

– Дезинформация! Можете быть свободны. Мы ушли встревоженные. Многое пришлось передумать, напряженное состояние не покидало ни на минуту. А вдруг наш агент ошибся? А ведь я от имени Управления внешней разведки заверил И. В. Сталина в том, что информация не вызывает сомнений»[1086].

«В тот день, когда Фитин вернулся из Кремля, – продолжает рассказ П. А. Судоплатов, – Берия, вызвав меня к себе, отдал приказ об организации особой группы из числа сотрудников разведки в его непосредственном подчинении. Она должна была осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны. В данный момент нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоять любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны. Берия подчеркнул, что наша задача – не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши в 1939 г., когда они захватили радиостанцию в Гляйвице на территории Германии. <…>

Я немедленно предложил, чтобы Эйтингон был назначен моим заместителем. Берия согласился, и в канун войны мы стали искать людей, способных составить костяк специальной группы, которую можно было бы перебрасывать по воздуху в районы конфликта на наших европейских и дальневосточных границах.

Военный опыт Эйтингона был значительно больше моего, и поэтому в этом вопросе я в значительной степени полагался на его оценки – именно он выступал связующим звеном между нашей группой и военным командованием. Вместе с ним мы составляли планы уничтожения складов с горючим, снабжавших немецкие моторизованные танковые части, которые уже начали сосредоточиваться у наших границ.

20 июня 1941 г. Эйтингон сказал мне, что на него произвел неприятное впечатление разговор с генералом Павловым, командующим Белорусским военным округом. Поскольку они с Эйтингоном знали друг друга по Испании, он попросил дружеского совета у Павлова, на какие пограничные районы, по его мнению, следовало бы обратить особое внимание, где возможны провокации со стороны немцев. В ответ Павлов заявил нечто, по мнению Эйтингона, невразумительное, он, казалось, совсем ничего не понимал в вопросах координации действий различных служб в современной войне. Павлов считал, что никаких особых проблем не возникнет даже в случае, если врагу удастся в самом начале перехватить инициативу на границе, поскольку у него достаточно сил в резерве, чтобы противостоять любому крупному прорыву. Одним словом, Павлов не видел ни малейшей нужды в подрывных операциях для дезорганизации тыла войск противника»[1087]. До войны с Германией оставался один день.

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. заставило руководство СССР и Коминтерна действовать в условиях, навязанных противником. В день нападения в 7 часов утра Г. Димитров был вызван в Кремль к Сталину. Сталин заявил Димитрову, что «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы»[1088]. Таким образом, официальной задачей становилось не организация «мировой революции», а содействие СССР в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

23 июня Димитров провел совещание с группой болгарских революционеров-эмигрантов. На этом совещании генеральный секретарь ИККИ сообщил, что он предложил советскому правительству сформировать специальную бригаду из политэмигрантов (испанцев, немцев, поляков, итальянцев, французов и др.) численностью около тысячи человек.

«Часть товарищей, – говорил Димитров, – я думаю, надо

включить в состав интернациональной бригады для непосредственного участия в военных операциях на фронте, другую – использовать в глубоком тылу немецко-фашистских войск в качестве бойцов так называемого „тихого“ фронта»[1089].

Разведывательно-боевая деятельность Особой группы при наркоме внутренних дел СССР, в последующем IV Управления НКВД – НКГБ СССР в 1941–1945 гг., лишь в последние десять лет стала находить достойное освещение в отечественной и зарубежной историко-публицистической литературе. В первую очередь это обусловлено тем, что до недавнего времени большинство материалов по данной теме имело грифы «особой важности» или «совершенно секретно». Даже сейчас, спустя более шести десятилетий после окончания войны, часть этих материалов засекречена[1090].

К сожалению, работа специальных структур Коминтерна по организации партизанского движения в странах Европы после 22 июня 1941 г. во многом строилась на импровизации. Создававшаяся с 1926 г. и существовавшая на случай войны западных стран с СССР партизанская и диверсионная сеть в сопредельных государствах после 1936 г. была разрушена практически до основания. Перебросить разведывательно-диверсионные группы (а также оружие, снаряжение, продовольствие, питание для рации и т. п.) в тыл противника гораздо сложнее, чем активизировать заранее подготовленные группы, имеющие на секретных базах необходимые запасы.

Такая же ситуация с организацией партизанского движения складывалась в западных областях СССР.

При организации партизанского движения на оккупированных территориях СССР и в странах Восточной Европы руководители Советского Союза и Коминтерна были вынуждены пользоваться методом проб и ошибок, расплачиваясь за «разрушенное до основания» сотнями тысяч человеческих жизней.

Партизанская война в Югославии – убедительный пример тому, что даже после оккупации страны захватчикам не удалось установить полный контроль над территорией. Наличие подготовленных кадров, владевших тактикой партизанских действий, позволило руководству югославской компартии в течение 1941–1942 гг. сковать на территории страны 32 итальянские, болгарские и немецкие дивизии, не считая войск правительства А. Павелича.

Говоря о работе советской разведки во время Великой Отечественной войны, нельзя не упомянуть о «Красной капелле». Этим термином немецкие спецслужбы именовали несколько разведывательных сетей в Бельгии, Германии, Голландии,

Франции, Швейцарии и других странах Европы, работавших на СССР. Ведущими руководителями большинства этих сетей были высококлассные коминтерновские нелегалы. А. Шнеэ[1091](Гарри, Робинсон) погиб в 1944 г. Однако его коллеги по Коминтерну Ш. Радо[1092] (Альберт, Дора) и Л. Треппер[1093] (Лео, Отто) сумели не только организовать эффективную работу разведсетей, но и победили в борьбе с немецкими спецслужбами. После войны Радо и Треппер были арестованы как предатели уже советскими спецслужбами. В 1956 г. после почти десятилетнего пребывания в советских лагерях их реабилитировали. Мы полагаем, что именно коминтерновский опыт позволил этим людям не только отменно выполнить свою работу, но и выжить в борьбе с контрразведками Германии и СССР.

В ходе войны одной из задач спецслужб Третьего рейха являлось уничтожение военно-политического руководства СССР, в первую очередь Сталина. С началом войны Полк специального назначения был развернут по штатам военного времени и включен в состав действующих внутренних войск НКВД СССР. В 1941 г. в составе гарнизона Московского Кремля находились: Полк специального назначения, Отдельный офицерский батальон, Отдельная рота специального назначения, Отдельный автотранспортный батальон и Военно-строительный батальон.

20 июля 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД и НКГБ были объединены в единый Народный комиссариат внутренних дел. Народным комиссаром внутренних дел СССР остался Л. П. Берия, нарком госбезопасности В. Н. Меркулов стал его 1-м заместителем; заместителями назначены С. Н. Круглов, В. С. Абакумов, И. А. Серов, Б. З. Кобулов, В. В. Чернышев, И. И. Масленников, А. П. Завенягин, Л. Б. Сафразьян и Б. П. Обручников. Начальником 1-го отдела НКВД (охрана руководителей партии и правительства) вновь стал Власик, его заместителем назначен Д. Н. Шадрин, в 1939–1941 гг. бывший начальником 3-го спецотдела НКВД СССР. К 1942 г. в состав 1-го отдела входили: секретариат; группа дежурных по отделу; группа дежурных следователей; контрольно-оперативная группа; 24 отделения; комендатуры ЦК ВКП (б), Народного комиссариата обороны, Народного комиссариата иностранных дел, а также комендатура по охране спецобъекта № 1 (Мавзолея Ленина); лаборатория; школа подготовки кадров. Всего по штату – 354 человека.

Летом – осенью 1941 г. противник забросил в окрестности Москвы несколько диверсионных групп и агентов с целью организации покушений на членов Государственного комитета обороны. У боевиков существовало два основных варианта

нападения: на путях следования в Кремль – из Кремля и на дачу Сталина, где по вечерам собирались члены Политбюро и ГКО. Боевики знали основные маршруты движения руководства СССР: Спасские ворота – ул. Куйбышева (Ильинка); Кутафья башня – ул. Калинина (Воздвиженка) – Арбат; Боровицкие ворота – ул. Фрунзе (Знаменка) – Арбат. Они располагали описаниями автомашин членов ГКО, а также местонахождением дачи Сталина в Кунцеве.

Однако литерные трассы находились под постоянным контролем сотрудников милиции и оперативников службы наружного наблюдения, особенно Арбат, Кутузовский проспект и далее до дачи Сталина. На крышах некоторых домов дежурили снайперы, улицы контролировались группами сотрудников, имевших постоянную связь с наблюдателями. Работа охранных подразделений правительственных трасс координировалась специальным штабом. Мероприятия по обеспечению безопасности высших руководителей государства при их передвижении по правительственным трассам тщательно маскировались. Военнослужащие Полка специального назначения в 1942–1943 гг. проходили боевую практику в действующей армии. В этот период на Волховский и Западный фронты были отправлены четыре группы снайперов «кремлевского полка», которые уничтожили свыше 1200 вражеских солдат и офицеров.

Со второй половины 1930-х гг. Сталин и члены Политбюро пользовались американскими автомобилями марки «паккард» с бронированным корпусом и пуленепробиваемыми стеклами. В сентябре 1942 г. Гараж особого назначения пополнился и отечественными бронированными автомобилями «ЗиС-110». Есть сведения, что автомобиль Сталина имел систему распыления отравляющего газа. Спецавтомобили при массе до 7 тонн не имели внешних отличительных признаков. Правительственные машины обычно ездили группой, при движении часто меняли место в колонне, поэтому определить, в какой из них – «объект охраны», а где только охранники, было трудно. Район дачи охраняли не только сотрудники 1-го отдела, бойцы Полка специального назначения и войска НКВД, но и подразделения Красной армии, в том числе танковые. Для отражения атак с воздуха вокруг дачи размещались несколько батарей зенитной артиллерии, при необходимости они могли вести огонь и по наземным целям. Истребительная авиация прикрытия базировалась на Внуковском и Кубинском аэродромах. М. С. Докучаев писал, что в годы войны «…личная охрана Сталина насчитывала 26 человек, которые работали через сутки, то есть по двенадцать человек ежедневно, плюс один-два на подмену»[1094].

Несмотря на столь серьезные меры безопасности, 6 ноября

1942 г. покушение на автомобиль, в котором находился А. И. Микоян, совершил военнослужащий С. Дмитриев. Вот как об этом рассказывает М. С. Докучаев: «В 1942 году террорист несколько дней осуществлял наблюдение на Красной площади за работой сотрудников службы безопасности при проезде из Кремля и по улице Куйбышева автомашин с руководителями партии и правительства. Он примелькался службе охраны, и его стали принимать за своего сотрудника. 6 ноября его привезли на Красную площадь на автомашине с оружием, и он представился сотрудником безопасности как назначенный на этот участок для усиления охраны в предпраздничные дни. Когда из Кремля вышла машина с А. И. Микояном, этот террорист вскочил внутрь Лобного места и открыл оттуда огонь по автомашине. Он стрелял метко и расчетливо, но пули его отскакивали от брони автомобиля. Водитель, почувствовав удары по стеклам, быстро свернул к Васильевскому спуску и ушел от обстрела. В борьбу с террористом вступили чекисты: майор госбезопасности Л. А. Степин, капитан Цыба и сержант [Е. А.] Вагин. В перестрелке был тяжело ранен в ногу майор Степин… Однако капитан Цыба успел метнуть гранату вовнутрь Лобного места и тяжело ранил бандита. Цыба и Вагин бросились туда и схватили его»[1095].

Вероятно, это покушение стало причиной кадровых перестановок в руководстве правительственной охраны. 19 ноября 1942 г. начальником 1-го отдела (по совместительству) назначен заместитель народного комиссара внутренних дел В. Н. Меркулов. Власик был понижен в должности до 1-го заместителя начальника 1-го отдела.

14 апреля 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР образован Народный комиссариат государственной безопасности СССР. НКГБ вновь возглавил В. Н. Меркулов, его 1-м заместителем являлся Б. З. Кобулов. В составе НКГБ создано шесть оперативных управлений, три отдела и Комендатура Кремля: I Управление – разведка (руководитель – П. М. Фитин); II Управление – контрразведка (сформировано на базе 2-го, 3-го, экономического управлений и 3-го спецотдела; руководитель – П. В. Федотов); III Управление – транспортное (руководитель – С. Р. Мильштейн); IV Управление – зафронтовое, террор и диверсии в тылу противника (руководитель – П. А. Судоплатов); V Управление – шифровальное (руководитель – И. Г. Шевелев); VI Управление – охрана правительства (руководитель – Н. С. Власик); отдел «А» – учетно-статистический (начальник – А. Я. Герцовский); отдел «Б» – оперативной техники (начальник – Е. П. Лапшин); отдел «В» – цензура (начальник – В. Т. Смородинский); Управление коменданта Московского Кремля (руководитель – Н.

К. Спиридонов).

19 апреля 1943 г. Управление особых отделов НКВД СССР было передано в военные ведомства. Военная контрразведка стала именоваться СМЕРШ («Смерть шпионам!»). По одной из версий, автором названия был сам Сталин. Главное управление контрразведки СМЕРШ Народного комиссариата обороны возглавил В. С. Абакумов. В составе Народного комиссариата Военно-морского флота аналогичные функции выполняло Управление контрразведки СМЕРШ (начальник – П. А. Гладков), в составе НКВД – Отдел контрразведки СМЕРШ (начальник – С. П. Юхимович).

С точки зрения обеспечения личной безопасности высших должностных лиц, и в первую очередь Сталина, создание НКГБ и Главного управления контрразведки СМЕРШ преследовало две цели. Во-первых, оно ослабляло ведомство Берия, ставшее к весне 1943 г. «государством в государстве», и уменьшало степень влияния народного комиссара внутренних дел на членов Политбюро. Обе вновь созданные структуры становились для Берия не только конкурентами в снабжении руководства страны оперативной и разведывательной информацией, но и силовым противовесом. Во-вторых, Главное управление контрразведки СМЕРШ и НКГБ контролировали деятельность командного состава Красной армии, в первую очередь высшего, в действующей армии и в тылу. Руководство СМЕРШ докладывало лично «самому», минуя руководителей соответствующих ведомств, что усиливало внутреннюю конкуренцию и создавало атмосферу скрытого недоверия и перекрестных проверок руководителей специальных ведомств. Все специальные службы, включая НКВД, находились под неусыпным наблюдением сотрудников политотделов и Особого сектора ЦК.

VI Управление (охрана правительства), формально находившееся в составе НКГБ, фактически подчинялось лично Сталину. Первоначально возглавивший его Власик 9 августа 1943 г. был переведен на должность заместителя начальника VI Управления и начальника 1-го отдела (охрана и обслуживание Сталина). Еще одним заместителем начальника управления и начальником 2-го отдела назначен Н. Д. Шадрин.

Осенью 1943 г. на специальные службы и подразделения СССР возложена задача обеспечения безопасности встречи лидеров антигитлеровской коалиции Ф. Рузвельта, И. Сталина и У. Черчилля в Тегеране. До этого Сталин за границу не выезжал, опыта работы в иностранных государствах сотрудники правительственной охраны не имели, поэтому кроме подразделений VI Управления в обеспечении безопасности

«Большой тройки» были задействованы силы и средства I и IV управлений НКГБ, Главного управления контрразведки СМЕРШ и Пограничные войска НКВД.

Подготовка к проведению Тегеранской конференции велась задолго до ее начала. В ноябре 1942 г. в Бабушкине под Москвой приступили к формированию 131-го мотострелкового полка пограничных войск НКВД (командир – Герой Советского Союза, подполковник, затем полковник Н. Ф. Кайманов, заместители командира – Герои Советского Союза подполковник Н. М. Руденко и капитан И. Д. Чернопятко). Полк формировался под личным контролем Л. П. Берия. Сюда направлялись лучшие военнослужащие НКВД. Бойцов, не имевших боевого опыта, направляли для его получения в действующую армию. С февраля по октябрь 1943 г. в боевых действиях приняли участие 153 снайпера и лучших стрелка. По штату в 131-м полку к моменту отправки в Иран насчитывалось 1750 человек. В штат полка введен Отдельный батальон из состава Комендатуры Московского Кремля (320 человек).

15 октября 1943 г. 131-й мотострелковый полк прибыл в Тегеран. Полковник Кайманов был назначен начальником гарнизона советских войск в Тегеране (кроме 131-го полка в обеспечении безопасности конференции принимали участие другие воинские формирования). В число подлежавших охране объектов входили советские посольство, консульство, торгпредство и комендатура, дворец шаха, почта, телеграф, военные склады, аэродром. В Тегеране установлено 100 постов по 2–3 бойца на каждом, в боевой готовности находились три резервных взвода.

Охрану советского посольства осуществляли 120 бойцов. Полку был придан танковый батальон. Для сопровождения членов советской делегации сформированы мобильные группы, оснащенные автомобилями и мотоциклами.

В. Васильев – один из офицеров, непосредственно участвовавших в охране «Большой тройки», – вспоминал: «В 1943 году, после двух лет фронта, меня послали на офицерские курсы, где готовили разведчиков. Там обучали основам топографии, радиоделу, умению ориентироваться на местности, маскироваться. И конечно же, обращению с динамитом, минами, приемам самбо. К окончанию курсов мы должны были в совершенстве владеть самыми различными видами оружия: ножом, пистолетом, револьвером, автоматом. Проучились мы всего несколько месяцев, как вдруг пришел приказ направить сто курсантов для охраны участников Тегеранской конференции. Контрразведка располагала данными, что там действует

фашистская диверсионная группа, которая готовит покушения на лидеров стран-союзниц. Инструктаж был коротким. Нас переодели в гражданское платье, выдали оружие – и на самолеты»[1096].

Черчилль в мемуарах отмечал: «Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти трех миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента. Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия, которая охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всего периода конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что советская разведка раскрыла заговор, имевший целью убийство одного или более членов „большой тройки“, как нас называли, и поэтому мысль о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызывала у него глубокую тревогу. <…> Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на

следующий день он со всем своим штатом <…> переехал в русское владение, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех, обсуждать проблемы мировой войны»[1097].

Во время проведения Тегеранской конференции специальные службы и подразделения СССР, Великобритании и США надежно обеспечили безопасность своих лидеров. Операция «Дальний прыжок», разрабатывавшаяся по линии военной разведки Третьего рейха – абвера (руководитель – В. Канарис) и Главного имперского управления безопасности (РСХА; Э. Кальтенбруннер) была сорвана.

Следующая попытка покушения на Сталина была предпринята германскими спецслужбами в 1944 г. 5 сентября были задержаны немецкие агенты Таврин и Шилова. Таврин являлся специально подготовленным боевиком, который должен был осуществить террористические акты против руководства СССР. На его вооружении находились самые современные на тот момент диверсионные средства. Из показаний Таврина: «Совершение террористического акта было поручено мне лично. Для этой цели <…> я был снабжен <…> пистолетами с комплектом отравленных и разрывных пуль, специальным аппаратом под названием „Панцеркнакке“[1098] и бронебойно-зажигательными снарядами к нему. <…> Перед переброской <…> я тренировался в стрельбе. <…> При этом снаряды пробивали бронированные плиты толщиной 45 мм. <…> „Панцеркнакке“ я должен был применить в том случае, если бы мне представилась возможность совершить террористический акт на улице во время прохождения правительственной машины. <…> Я должен был выяснить места пребывания руководителей советского правительства, маршруты движения правительственных машин, а также установить, когда и где должны происходить торжественные заседания с участием руководителей советского правительства. <…> Проникнув на торжественное заседание, я должен был, в зависимости от обстановки, приблизиться к И. В. Сталину и стрелять в него отравленными и разрывными пуля ми. <…> Мне было также указано, что, если представится возможность, я должен совершить террористический акт и против других членов советского правительства <…> В. М. Молотова, Л. П. Берии и Л. М. Кагановича»[1099].

Во время проведения Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.; операция «Пальма») ответственными за обеспечение безопасности «Большой тройки» Сталин назначил

заместителя наркома внутренних дел С. Н. Круглова и заместителя начальника VI Управления НКГБ Н. С. Власика. Следовало восстановить железнодорожное сообщение с Берлином и найти подходящие помещения для участников конференции. В качестве рабочего здания решили использовать дворец германского кронпринца Цецилиенхоф в Потсдаме, для размещения членов делегаций избран район Бабельсберг. 6 июня Берия подписал приказ «Об обеспечении специальных мероприятий по объектам „Пальма“». На расчистку дорог и восстановление мостов в районе проведения конференции направили саперные части Красной армии и местное население. 2 июля были отремонтированы и пущены электростанции в Бабельсберге и Потсдаме, восстановлены гаражи и аэродромы Дальгов и Кладов.

В. Васильев: «В мае 1945-го вместе с несколькими моими товарищами меня направили в Потсдам. Мы должны были подготовить город к приему участников конференции стран-победительниц. Я отвечал за виллу Трумэна. Приводили в порядок дома, парки, а главное – следили, чтобы не случилось диверсий или провокаций. Работа была несложная, тем не менее все мы вздохнули с облегчением, когда передали объект американцам. Однако из Потсдама меня не отпустили. Последовал новый приказ: меня переводили в личную охрану Сталина. И с этого момента я находился рядом с ним до последнего дня его жизни»[1100].

Помещения, предназначенные для размещения делегаций союзников, были отремонтированы и обеспечены всем необходимым, включая скрытые микрофоны. Обслуживающий персонал (официанты, истопники, швейцары, горничные) был привезен из Москвы. Их отбирали из сотрудников «Интуриста» оперативники II Управления НКГБ, курировал отбор начальник управления П. Федотов.

15 июня к Потсдаму и Бабельсбергу были переброшены 7 полков НКВД и 1500 опытных оперативных работников. Район, где проходила конференция, охраняли свыше 2000 солдат и офицеров войск НКВД. Во дворце кронпринца Цецилиенхоф находились 1000 солдат и 150 оперативников НКВД и НКГБ. Мероприятиями руководил заместитель наркома внутренних дел Серов. Всех бойцов войск НКВД тщательно проверила контрразведка. IV Управление НКГБ под руководством П. Судоплатова обеспечило «очистку от враждебного элемента» района проведения конференции и 40-километровой зоны вдоль железной дороги. Кроме советской охраны, безопасность конференции обеспечивали американские и британские

специальные службы, их войсковые и специальные подразделения.

Железнодорожная колея от границы СССР до Потсдама была «перешита» по советскому стандарту, в рамках подготовки провели пробную поездку спецпоезда в Потсдам. Для поездки Сталина сформировали три специальных (литерных) состава. Первым двигался контрольный состав с 40 оперативниками из VI Управления. Поезд Сталина охраняли 90 офицеров, машинисты также были офицерами госбезопасности. В поезде ехал нарком путей сообщения генерал-лейтенант И. В. Ковалев. Замыкающим шел поезд с 70 сотрудниками охраны. На каждой станции находились усиленные милицейские наряды и сотрудники НКГБ. Для охраны железной дороги привлечены 17 140 бойцов войск НКВД: от Москвы до Бреста – по 4–6 солдат на каждый километр, на территории Польши и Германии – до 10 человек на километр пути. Оперативные работники НКВД и НКГБ обеспечивали агентурно-оперативные мероприятия в полосе отчуждения. На самых опасных, с точки зрения охраны, участках железной дороги курсировали бронепоезда.

10 января 1946 г. Л. П. Берия был освобожден от должности наркома внутренних дел, на его место назначен С. Н. Круглов. 15 марта постановлением Верховного Совета СССР наркоматы преобразованы в министерства. Приказом министра госбезопасности № 00134 от 15 апреля 1946 г. на базе 1-го отдела VI Управления Министерства госбезопасности СССР создано Управление охраны № 1 (охрана Сталина, руководитель – Н. С. Власик), на базе 2-го отдела – Управление охраны № 2 (охрана членов Политбюро и правительства, Д. Н. Шадрин). 4 мая министром госбезопасности вместо В. Н. Меркулова назначен В. С. Абакумов, а Главное управление контрразведки СМЕРШ реорганизовано в III Главное управление контрразведки Министерства госбезопасности. Приказом министра госбезопасности № 00558 от 25 декабря 1946 г. на базе управлений охраны № 1 и № 2 и Управления коменданта Московского Кремля создано Главное управление охраны МГБ СССР под руководством Власика.

В. Васильев: «Девять человек <…> постоянно находились около Сталина: семь телохранителей, начальник группы и шофер – тоже первоклассный разведчик. Естественно, оберегавших вождя людей было намного больше. Только телохранителей человек 35. А еще наружная охрана, тоже многочисленная. В общей сложности набиралось человек 200. В нашу обязанность входило сопровождать Сталина, куда бы он ни направлялся. Даже когда он гулял у себя по саду, за ним постоянно следовали 3–4

телохранителя. <…>

Наверное, по сложности и изощренности охраны ее (дачи в Кунцеве. – *Примеч. авт.*) можно было сравнить с резиденцией Гитлера. Единственную дорогу, которая вела на дачу, днем и ночью патрулировали милицейские наряды: публика солидная, плечистая, все в звании капитанов и майоров, хотя погоны носили старшинские. Лес, окружавший дачу, был густо заплетен спиралями Бруно. Если человеку даже удалось бы через них пробраться, то я бы ему не позавидовал. На него набросились бы немецкие овчарки, бегавшие вдоль проволоки, натянутой между столбами. Следующая линия охраны состояла из фотоблоков, вывезенных из Германии. Идущие параллельно два луча надежно перекрывали „границу“. Стоило, скажем, зайцу проскочить через них, как на пульте у дежурного загоралась лампочка, указывавшая, в каком секторе находится „нарушитель“. Дальше стоял пятиметровый забор из толстенных досок с окошками-амбразурами, у которых находились посты вооруженной охраны. Затем – второй забор, немного пониже. Между заборами размещались морские сигнальные прожекторы. А около самого дома дежурила личная охрана – „девятка“. <…>

Маршрут у него не менялся – до Кремля и обратно. Вдоль всей трассы постоянно дежурили милиционеры и агенты наружного наблюдения. Прогуливаться посторонним рядом с „правительственной дорогой“ было небезопасно. Немало рассказывали случаев, когда людей, назначавших неподалеку от нее свидание, препровождали в отделение милиции для выяснения личности, а затем еще некоторое время следили за ними. Что касается нас, то мы сопровождали Сталина на двух машинах прикрытия. Лимузины были американского производства, бронированные. Стекла мы держали постоянно опущенными, чтобы в любой момент можно было открыть огонь. Как только Сталин заходил в кабинет, мы занимали пост у его двери. <…>

Во время таких переездов (на юг. – *Примеч. авт.*) мобилизовывались все силы. Станции по маршруту прохождения поезда закрывались, народ разгоняли. Вдоль железной дороги через каждый километр стоял чекист. Впереди правительственного поезда шел контрольный состав с охраной. На нем же перевозили и автомобили. Сзади – поезд прикрытия. Вагоны на вид выглядели как обычные, хотя были сделаны по специальному заказу и укреплены бронированными щитами. Незащищенной оставалась только крыша. Это доставляло нам немало хлопот: при прохождении под каждым мостом мы должны были быть особо внимательными – считалось, что с моста может

быть сброшена бомба. В таких поездках участвовало почти две трети личного состава охраны, не считая телохранителей членов правительства. Правда, в отличие от нас, носивших форму, остальные охранники ходили в гражданском, а автоматы носили в скрипичных футлярах. <…>

Тогда чрезвычайные меры предосторожности казались естественными. Нас все время знакомили с ориентировками по тем или иным „диверсионным группам“, которые якобы охотились за Сталиным. Созданию этой атмосферы подозрительности и шпиономании немало способствовал Берия: он то и дело появлялся на даче, устраивал проверки, проводил инструктаж. В результате вполне, быть может, разумные меры предосторожности доводились до полного абсурда. Например, во время торжественных заседаний, которые проходили в Большом театре, помимо охраны вокруг здания, у входов и выходов, за кулисами, зал буквально наводняли сотрудниками органов безопасности. Порядок был такой: три приглашенных – один агент. Не доверяли никому. Подобная же картина была и во время правительственных приемов. Мы изображали либо гостей, либо официантов. <…>

У нас были хорошие спортивные инструкторы, они нас ежедневно тренировали. Помимо различных физических упражнений, много времени отдавали борьбе, искусству обращения с холодным оружием и, конечно, огневой подготовке. Били и навскидку, и с двух рук, и в темноте на голос. Кстати, вооружены мы были до зубов и оружие носили, не скрывая: автомат, „наган“, „кольт“ и длинный норвежский нож. <…> Надо сказать, что ребята у нас в „девятке“ работали хорошие. Хотя все мы были в разных званиях – от лейтенанта до полковника, – на чины внимания не обращали, относились друг к другу по-дружески. Народ был, в общем, молодой, образование – школа, фронт и офицерские курсы. Даже наш начальник – генерал-лейтенант Власик, который находился рядом со Сталиным чуть ли не со времен Гражданской войны, – сумел обойтись без высшего образования. По всей видимости, считалось, что диплом может снизить нашу боеспособность, уменьшить нашу преданность „вождю“»[1101].

12 июля 1951 г. был арестован министр государственной безопасности В. С. Абакумов, 9 августа министром назначен С. Д. Игнатьев. 23 мая 1952 г. Главное управление охраны реорганизовано в Управление, его штаты сокращены с 14 000 до 3000 человек, упразднены все хозяйственные структуры и отделы, ведавшие обеспечением безопасности зданий ЦК, Совета министров, Генштаба, МИД, правительственных залов на

железнодорожных вокзалах, правительственных трасс. 29 мая Власик был снят с работы и переведен заместителем начальника Баженовского исправительно-трудового лагеря в г. Асбест (Свердловская область). Управление охраны МГБ поручили возглавить министру госбезопасности Игнатьеву.

Инициатором удаления Власика – одного из самых преданных Сталину людей – был Берия. В ноябре 1952 г., также по инициативе Берия, снят с должности Поскребышев (мотивировка – возможно, связан с «делом врачей»). 16 декабря Власика арестовали, он был обвинен в «потакательстве врачам-вредителям», злоупотреблении служебным положением и т. п. В числе серьезных служебных упущений следует отметить ненадлежащее хранение Власиком совершенно секретных документов, в том числе топографических карт Подмосковья и Потсдама. Существует версия, согласно которой Поскребышев и Власик были удалены Берия с целью последующей организации убийства Сталина (путем заговора или неоказания помощи) в марте 1953 г. Полной реабилитации Власика его дочери удалось добиться только уже в XXI в.

М. С. Докучаев: «После обнаружения Сталина 2 марта утром, лежащим на полу, начальник личной охраны полковник Старостин немедленно сообщил об этом своему руководству. В ответ последовал звонок от Берия, который предупредил, чтобы о состоянии Сталина никуда больше не звонить и никому не сообщать. Маленков и Берия не замедлили прибыть на дачу. Они вошли в кабинет, где лежал Сталин на диване. В это время Сталин сильно захрапел, из чего Берия сделал вывод, что Сталин спит, и они уехали. Врачи были вызваны к Сталину с большим запозданием, лишь к полудню 2 марта, т. е. спустя примерно тринадцать часов после наступления болезни»[1102]. Сталин скончался вечером 5 марта 1953 г.

Начиналась эпоха ядерного противостояния, в которой спецслужбам отводилось играть значимую и, как всегда, конспиративную роль.

Мы рассказали вам о работе российских – и не только – спецслужб, история которых растянута во времени. Однако многое осталось за кадром – и по сей день некоторые структуры остаются закрытыми даже для специалистов. Остается набраться терпения и подождать. Несомненно одно – вас, дорогие читатели, еще ждут захватывающие сюжеты о бойцах незримого фронта…

ПОЛОЖЕНИЕ О КОМЕНДАТУРЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

I. Общие положения

Назначение

1. Комендатура Московского Кремля имеет своим назначением: организацию и осуществление охраны членов ЦК ВКП (б), членов правительства, членов Президиума Верховных Советов СССР и РСФСР при их нахождении на территории Кремля, а также при нахождении их на Красной площади во время парадов, демонстраций и т. п.; организацию и осуществление охраны правительственных учреждений, помещающихся в Кремле; организацию и поддержание порядка на территории Кремля.

2. Комендатура возглавляется комендантом Московского Кремля и военным комиссаром Московского Кремля, назначаемыми народным комиссаром внутренних дел Союза ССР.

Комендант является начальником гарнизона Кремля.

Организация

3. Комендатура Московского Кремля состоит из:

а) Управления коменданта Московского Кремля.

б) Политического отдела.

в) Полка специального назначения.

г) Отдельного батальона ГУГБ НКВД.

д) Военной пожарной команды.

е) Комендатуры Мавзолея В. И. Ленина.

ж) Комендатуры здания рабоче-крестьянского правительства.

з) Комендатуры Большого Кремлевского дворца. и) Комендатуры Оружейной палаты.

4. Полк специального назначения, отдельный батальон ГУГБ и военная пожарная команда составляют гарнизон Кремля.

II. Комендант

5. Комендант Московского Кремля подчиняется непосредственно народному комиссару внутренних дел Союза ССР.

6. Комендант Кремля персонально отвечает за безопасность членов ЦК ВКП (б) и правительства при их нахождении на территории Кремля.

7. На коменданта возлагается:

а) организация, руководство и повседневный контроль всех видов охраны Кремля и правительственных учреждений, помещающихся в нем

(войсковая, противопожарная, противохимическая охрана);

б) организация и осуществление режима пропусков;

в) организация, руководство и наблюдение за работой всех средств связи в Кремле;

г) организация и руководство войсковой охраной приемов, съездов и совещаний, проводимых в Кремле, и осуществление связанных с ними хозяйственных мероприятий;

д) организация и руководство хозяйственными мероприятиями, осуществляемыми хозяйственным управлением Кремля.

8. Коменданту предоставляется право по управлению Комендатурой Кремля:

а) принимать и увольнять лиц технического и обслуживающего состава, не имеющих военных званий;

б) представлять к назначению, перемещению и увольнению лиц командного и начальствующего состава.

Эти назначения, перемещения и увольнения производятся через Отдел кадров НКВД приказом народного комиссара внутренних дел Союза ССР;

в) применять взыскания и поощрения к подчиненным в объеме прав, предоставленных командиру корпуса.

9. Комендант имеет трех заместителей. Один из них, первый заместитель, освобожденный.

III. Управление коменданта

10. Управление коменданта состоит из отделов службы, пропусков, подготовки, связи, кадров, финансового, материально-технического обеспечения, санитарного, экспедиции, аппарата дежурных помощников и секретариата.

11. Руководство работой отделов службы, пропусков, подготовки, связи и руководство работой экспедиции и архива комендант осуществляет через своего второго заместителя.

Отдел службы

12. На начальника Отдела службы возлагается:

а) разработка вопросов организации, несения службы и взаимодействия войсковой, противопожарной и противохимической охраны, разработка планов и инструкций по ПВО и ПВХО Кремля;

б) разработка инструкций, табелей постов и

положений по войсковой охране;

в) разработка планов охраны приемов, съездов и совещаний;

г) изучение опыта несения службы и составление специальных инструкций о действиях охраны в различных случаях;

д) проверка, с санкции коменданта или его заместителя, состояния охраны и исправности несения службы;

е) практическая помощь командованию полка, батальона и военной пожарной команды в организации и несении службы;

ж) составление ежедневного приказа по гарнизону, по охране.

13. Отдел службы состоит из двух отделений: первое отделение ведает вопросами организации общей войсковой охраны и второе отделение – вопросами противопожарной и противохимической охраны и ПВО.

Отдел пропусков

4. На начальника Отдела пропусков возлагается:

а) прописка паспортов лиц, постоянно или временно проживающих на территории Кремля;

б) проверка лиц, для которых испрашиваются постоянные или временные пропуска, и выдача этих пропусков;

в) изготовление и выдача пропусков личному составу Управления коменданта, Политического отдела, частей гарнизона Кремля и Хозяйственного управления;

г) выдача разовых пропусков;

д) изготовление и выдача пропусков на съезды, конференции и т. п., происходящие в Кремле;

е) учет выданных пропусков.

15. Отдел пропусков состоит из двух отделений.

Первое отделение ведает: изготовлением, выдачей и учетом постоянных пропусков; предварительной проверкой лиц, которым эти пропуска выдаются; изготовлением, выдачей и учетом пропусков на съезды, сессии Верховного Совета СССР и РСФСР, конференции и т. п.; пропиской паспортов лиц, постоянно или временно проживающих в Кремле.

Второе отделение ведает: изготовлением, выдачей и учетом разовых пропусков; учетом лиц, посещающих Кремль по разовым пропускам; изготовлением и выдачей пропусков на ввоз и вывоз грузов; оформлением допуска

на территорию Кремля строительных рабочих.

В состав отделения входят бюро пропусков Спасских, Никольских и Троицких ворот.

Отдел подготовки

16. На начальника Отдела подготовки возлагается:

а) разработка программ, расписаний и указаний по всем видам подготовки в соответствии с программами и указаниями, установленными для внутренних войск НКВД;

б) разработка, на основе опыта несения службы, программ по специальной подготовке;

в) организация и проведение подготовки командного и начальствующего состава гарнизона;

г) руководство и контроль боевой подготовки в частях гарнизона.

17. Отдел боевой подготовки состоит из двух отделений.

Первое отделение ведает подготовкой командного и начальствующего состава. Второе отделение – подготовкой рядового и младшего командного состава частей гарнизона Кремля.

Экспедиция

18. На начальника Экспедиции возлагается:

а) прием и доставка всей корреспонденции, поступающей в адрес аппарата ЦК ВКП (б), правительственных учреждений и лиц, проживающих в Кремле;

б) отправление почты учреждений и лиц, указанных в пункте «а»;

в) прием подписки и доставка газет и периодической литературы.

Отдел связи

19. На начальника Отдела технической связи возлагается:

а) организация и руководство эксплуатацией всех видов связи и сигнализации Кремля;

б) обслуживание радиосетью Красной площади во время парадов и демонстраций;

в) руководство электрочасовым хозяйством;

г) обеспечение технической связью съездов, приемов и т. п., происходящих в Кремле.

20. Начальник Отдела связи несет личную ответственность за надежность, бесперебойность и постоянное совершенствование всех видов связи и

сигнализации в Кремле.

21. Начальник Отдела связи обеспечивает подачу междугородней связи для правительственных переговоров и переговоров лиц, проживающих в Кремле.

22. В состав Отдела связи входят автоматические правительственная и кремлевские телефонные станции; бюро повреждений – кросс; аккумуляторная и генераторная установки; междугородняя станция; военный коммутатор; справочный стол, линейное хозяйство, радиослужба, служба охранной связи и сигнализация, часовое хозяйство, мастерская и склады.

Отдел кадров

23. На начальника Отдела кадров возлагается:

а) комплектование рядовым, командным и начальствующим составом: Управления коменданта, Политического отдела, Полка специального назначения, отдельного батальона ГУГБ, военной пожарной команды, комендатур правительственных зданий и Мавзолея В. И. Ленина; комплектование этих частей и учреждений вольнонаемными работниками;

б) производство проверки, учет, перемещение и увольнение личного состава;

в) проведение аттестования командного и начальствующего состава.

24. Отдел кадров состоит из двух отделений.

Первое отделение ведает подбором, проверкой, комплектованием, учетом и прохождением личного состава Управления коменданта, политотдела, отдельного батальона ГУГБ, комендатур правительственных зданий и мавзолея.

Второе отделение ведает подбором, проверкой, комплектованием, учетом и прохождением службы рядового, командного и начальствующего состава Полка специального назначения и военной пожарной команды.

Отдел материально-технического обеспечения

25. На начальника Материально-технического отдела возлагается обеспечение вооружением, боевой техникой, продовольствием, вещевым и хозяйственным имуществом, топливом, горюче-смазочными материалами и инвентарем: Управления коменданта, Политического отдела, Полка специального назначения, отдельного батальона ГУГБ, военной пожарной команды, комендатур правительственных зданий и Мавзолея В. И. Ленина.

26. Отдел материально-технического обеспечения состоит из отделений: боевой техники и вооружения, продовольственного, вещевого и хозобихода, квартирно-эксплуатационного, учетно-расчетного и планового. Начальнику отдела подчиняется объединенный военный склад.

Финансовый отдел

27. На начальника Финансового отдела возлагается:

а) составление смет, истребование денежных средств и их распределение на расходы: по Управлению коменданта, частям гарнизона и хозяйству Кремля;

б) учет и контроль за правильным расходованием средств и материальных ценностей;

в) ведение финансовой отчетности.

28. Финансовый отдел состоит из отделений: сметно-планового, финансирования Управления коменданта, частей гарнизона, Политического отдела и комендатур правительственных зданий и мавзолея; финансирования Хозяйственного управления Кремля, материального.

Санитарный отдел

29. На начальника Санитарного отдела возлагается:

а) организация и проведение, совместно с Санитарным управлением Кремля, санитарных мероприятий на территории Кремля;

б) обеспечение лечебно-профилактическими мероприятиями личного состава Управления коменданта, частей гарнизона, Политического отдела, комендатур правительственных зданий и мавзолея.

30. В ведении начальника Санитарного отдела состоят: войсковой лазарет, аптека, дезинфекционный отряд, дом отдыха, физиотерапевтический кабинет, рентгеновский кабинет, стоматологическое отделение и детский комбинат.

IV. Политический отдел

31. Политический отдел Комендатуры Кремля действует на основании положения о Политическом отделе войск НКВД округа и в области партийно-политической работы руководствуется положением о партполитработе в войсках НКВД СССР.

32. При Политическом отделе организуется парткомиссия на правах партийной комиссии войск НКВД округа.

33. В ведении Политического отдела состоит гарнизонный клуб.

V. Гарнизон Кремля

34. Полк специального назначения и военная пожарная команда входят в состав войск НКВД СССР и имеют своим назначением службу охраны Кремля.

Их организация, штаты и численность определяются народным комиссаром внутренних дел СССР и утверждаются правительством.

35. Боевая и политическая подготовка, состояние дисциплины, состояние вооружения и боевой техники и материально-технического обеспечения, по указанию народного комиссара внутренних дел СССР, проверяются Главным управлением пограничных и внутренних войск НКВД СССР.

Полк специального назначения

36. Полк специального назначения комплектуется:

а) командным и начальствующим составом – путем особого отбора из пограничных и внутренних войск НКВД;

б) рядовым составом – из очередных призывных контингентов при обязательном условии проверки и изучения приписанного состава в течение года.

Покрытие некомплекта в период между призывами производится путем особого отбора из частей пограничных и внутренних войск.

37. Срок службы в Полку специального назначения устанавливается в 3 года.

38. При исчислении выслуги лет на пенсию командному и начальствующему составу частей гарнизона Кремля год службы в составе гарнизона принимается за 1,5 года.

Военная пожарная команда

39. Военная пожарная команда комплектуется:

а) рядовым составом – по особому отбору из числа красноармейского и младшего командного состава и сверхсрочно служащих пограничных и внутренних войск НКВД, прошедших специальную подготовку;

б) командным и начальствующим составом – по особому отбору из числа командного и начальствующего состава пограничных и внутренних войск НКВД, прошедших специальную подготовку;

в) специалистами – по особому отбору из числа

окончивших школу военизированной пожарной охраны НКВД.

VI. Отдельный батальон ГУГБ

40. Отдельный батальон Главного управления государственной безопасности НКВД СССР имеет своим назначением несение службы на особо ответственных постах.

41. Батальон комплектуется:

а) из числа красноармейцев и младшего командного и начальствующего состава Полка специального назначения, подлежащих увольнению в долгосрочный отпуск;

б) из числа младшего и среднего командного и начальствующего состава пограничных и внутренних войск НКВД;

в) из числа начальствующего состава ГУГБ.

Комплектование производится по особому отбору в добровольном порядке.

42. Весь отобранный красноармейский и младший командный состав предварительно проходит подготовку в школах ГУГБ.

Личному составу батальона присваиваются специальные звания начальствующего состава ГУГБ.

43. Личный состав батальона проходит службу на общих со всем начальствующим составом ГУГБ основаниях.

44. Подразделения обслуживания батальона комплектуются и проходят службу на общих основаниях с личным составом Полка специального назначения.

VII. Комендатуры правительственных зданий и Мавзолея В. И. Ленина

45. Комендатуры правительственных зданий возглавляются комендантом этих зданий.

На комендантов возлагается:

а) внешняя и внутренняя охрана зданий и лиц, в них работающих;

б) наблюдение за содержанием зданий, внутренних их помещений, инвентаря и оборудования в исправном состоянии.

46. На коменданта Мавзолея В. И. Ленина кроме того возлагается:

а) поддерживание необходимой температуры в

мавзолее и другие мероприятия по сохранению тела Ленина;

б) организация допуска посетителей в мавзолей и обеспечение порядка при допуске;

в) поддерживание в исправном состоянии братских могил и территории зеленых насаждений, прилегающей к мавзолею.

VIII. Хозяйственное управление

47. Хозяйственное обслуживание лиц, проживающих и работающих на территории Кремля, производство строительных, ремонтных и иных работ, поддерживание в чистоте территории Кремля, проведение работ по благоустройству и т. п. возлагается на Хозяйственное управление Московского Кремля.

48. Хозяйственное управление Кремля возглавляется начальником управления, являющимся заместителем коменданта.

49. На начальника Хозяйственного управления возлагается:

а) обеспечение Кремля освещением, отоплением, водоснабжением, канализацией и лифтовым хозяйством;

б) благоустройство территории Кремля;

в) производство ремонтных и строительных работ;

г) хозяйственное оборудование зданий;

д) хозяйственное обслуживание лиц, проживающих в Кремле;

е) хозяйственная подготовка помещений для приемов, съездов, совещаний и т. п.

50. Хозяйственное управление состоит из: отделов снабжения, хозяйственного, строительного, эксплуатационно-технического, кадров; специального отделения, комендатуры Большого Кремлевского дворца и секретариата.

IX. Охрана государственной безопасности

51. Охрана государственной безопасности на территории Кремля организуется по указаниям народного комиссара внутренних дел СССР и осуществляется Отделом охраны Главного управления государственной безопасности[1103].

Хронологическая таблица [1104]

Россия

Годы – События

862–879 – Княжение Рюрика

864 – Рюрик подавил восстание новгородцев во главе с Вадимом

862–864 (?) – Захват Киева варягами Аскольдом и Диром

866* – Поход Аскольда и Дира на Константинополь (Царьград)

879–912 – Княжение Олега, прозванного Вещим

882 – Захват Олегом Киева и объединение Северной и Южной Руси (от Новгорода до бассейна Припяти и до Днепра)

907 – Поход Олега на Константинополь; неудачная попытка его отравления византийцами

909–910* – Войско руссов как союзник Византии принимает участие в походе против багдадского халифа в южном и юго-западном Прикаспии. На обратном пути через территорию Хазарии (союзника Византии) войско уничтожено хазарами

912–945 – Княжение Игоря

915* – Первый поход печенегов на Русь

941* – Неудачный поход Игоря на Константинополь

945 – Убийство Игоря древлянами; начало княжения его вдовы – княгини Ольги

946 – Карательный поход Ольги в Древлянскую землю

ок. 957–972 – Княжение Святослава Игоревича

977* – Начало междоусобной войны сыновей Святослава за престол

988 – Введение Владимиром христианства в качестве государственной религии

1015* – Убийство дружинниками князя Святополка его братьев Бориса и Глеба

1030* – Вдоль реки Рось созданы пограничные укрепления для защиты Киева от набегов кочевников

1223 – Разгром ордынцами русско-половецкого войска на реке Калке

1227* – Смерть Чингисхана. Раздел Орды

1243* – Установление монголо-татарского ига на Руси

1359–1389 – Княжение Дмитрия Ивановича Донского

1375 – Поход князя Дмитрия против Твери. Михаил, князь Тверской, признал старшинство князя Московского

1378 – Победа князя Дмитрия над ордынским войском Бегича

на реке Вожа

1380 – Поражение ордынского хана Мамая на Куликовом поле. Князь Дмитрий получает прозвище Донской

1382 – Первое упоминание о применении на Руси огнестрельного оружия

1425–1462 – Княжение Василия II Темного

1445* – Поход «казанских царевичей» на Москву, пленение Василия II под Суздалем

1446 – Дмитрий Шемяка захватил Москву и ослепил Василия II

1448–1451* – Борьба Василия II и Дмитрия Шемяки за московский стол

1452* – В награду за оказанные в борьбе с Шемякой услуги Василий II отдал Касим-хану город, получивший название Касимов. Впервые один из ордынских ханов стал вассалом князя Московского

1453 – Дмитрий Шемяка отравлен в Новгороде

1455, 1461* – Безрезультатные походы отрядов Золотой Орды на Москву

1462–1505 – Княжение Ивана III

1466–1472* – Путешествие («хождение») тверского купца А. Никитина в Персию и Индию

1472 – Вступление Ивана III в брак с Софьей Палеолог, племянницей византийского императора Константина XI

1480* – «Стояние на Угре» и освобождение Русского государства от ордынской зависимости

1497 – Иван III принял титул государя всея Руси

1497 – Создан свод законов – Судебник Ивана III

1505–1533 – Княжение Василия III

1510 – Филофей, инок псковского Елеазарова монастыря, в послании к Василию III формулирует тезис «Москва – Третий Рим»

1526* – С позволения митрополита Даниила Василий III расторг брак с бездетной Соломонией Сабуровой и вступил в брак с Еленой Глинской. Сабурова пострижена в монахини и отправлена в ссылку

1530 – Рождение наследника престола – будущего царя Ивана Грозного

1533–1584 – Правление Ивана IV Грозного

1533–1538 – Регентство его матери Е. И. Глинской

1534 – Начало строительства Китай-города

1538–1547* – Боярское правление и борьба за власть между Шуйскими и Бельскими после смерти Е. И. Глинской

7 января 1547 – Иван IV венчается на царство, официально

принимая титул царя

1547 – Вступление Ивана IV в брак с первой женой – Анастасией Захарьиной-Юрьевой. Создание Оружейного приказа. Пожар и восстание в Москве; образование Избранной рады во главе с А. Ф. Адашевым. Попытка вербовки в Европе ученых и ремесленников

1549 – Созыв первого Земского собора. Образование Челобитного (А. Ф. Адашев) и Посольского (И. М. Висковатов) приказов. Создание царского архива

1550 – Земский собор принял решение о создании нового единого государственного свода законов – Судебника 1550 г.

1550–1560 – Строительство Большой засечной черты под руководством М. И. Воротынского

1553* – Политический кризис, вызванный болезнью царя. Иван IV требует от бояр присяги его малолетнему сыну. Князь Владимир Старицкий отказывается присягать, часть бояр встает на его сторону

1553 – Английский капитан Р. Ченслер потерпел крушение в Белом море и отправился в Москву

1555 – Р. Ченслер снова прибыл в Москву; английская торговая «Московская компания» добилась монополии на русскую внешнюю торговлю

1555–1556 – Образование Разрядного приказа

1558–1583 – Ливонская война

1560 – Смерть царицы Анастасии. Суд над Адашевым и Сильвестром. Начало строительства Александровской слободы

1564 – Иван IV с семьей удалился в Александровскую слободу, обвинив бояр и духовенство в измене и объявив, что намерен отречься от престола

1565 – Введение опричнины. В одной части России сохранялась прежняя система управления во главе с Боярской думой (земщина), другая перешла под управление царя и лично преданных ему опричников

1566 – Образован Поместный приказ. Расширена «опричная» территория. Начато строительство Вологодского кремля

1567 – Секретные переговоры Ивана Грозного с английской королевой Елизаветой о предоставлении политического убежища

1569–1570 – Разгром Клина, Твери и Новгорода с целью обеспечения беспрепятственной эвакуации в Вологду. Казнь И. М. Висковатова

1571 – Издание Боярского приговора о станичной и сторожевой службе. Образование Стрелецкого, Холопьего и Разбойного приказов. Девлет-Гирей разграбил и сжег Москву

1571–1580 – Строительство флота в Вологде. Создание

стрелковой команды, вооруженной нарезным оружием

1573 – Образование Бронного приказа

1577 – Образование Пушкарского приказа

1578* – Первый поход Ермака в Сибирь

1579 – Образование Земского приказа. Постройка крепости на Соловецких островах. Второй поход Ермака

1582 – Победа Ермака над Кучумом, достижение господства русских за Уралом

1584 – Последний поход Ермака вверх по Иртышу

1584–1598 – Правление царя Федора Ивановича

1584 – Федора Ивановича окружает своего рода опекунский совет (бояре Н. Юрьев-Романов и Б. Годунов, князья Мстиславские, И. Шуйский, Б. Бельский), затем Б. Бельского отправляют в ссылку. Вдову Ивана IV Марию Нагую с малолетним сыном Дмитрием удаляют из Москвы в Углич. По решению Земского собора Федора венчают на царство

1587 – Заговор В. Шуйского и Мстиславского против Б. Годунова

1589 – Учреждено патриаршество. Судебник царя Федора

1591 – Таинственная смерть царевича Дмитрия в Угличе. Б. Годунова обвиняют в его гибели. Созыв Собора для расследования угличского дела. Следственной комиссией руководит В. И. Шуйский

1592–1593 – Произведена опись земель Московского государства

1594 – Официальное назначение Б. Годунова правителем государства

1597 «Указ о кабальном холопстве»; установление 5-летнего срока розыска беглых крестьян

1598 – После кончины Федора Ивановича царица Ирина отказалась от престола и приняла постриг. Земский собор избрал на царство Бориса Годунова

1598–1605 – Правление Бориса Годунова

1600 – План заключения унии Польши и России. Прибытие в Москву польского посольства во главе с Львом Сапегой и подписание перемирия на 20 лет

1601 – Бояре Романовы и их родственники отправлены в ссылку. Федор Романов с женой насильно пострижены

1602–1603 – Голод в России

1603 – В Польше появился Лжедмитрий I. Борис Годунов издал грамоту о войне с самозванцем

1604 – Лжедмитрий I во главе польских отрядов перешел границу Русского государства. К нему присоединились отряды повстанцев

1605 – Лжедмитрий I объявлен сыном боярским Г. Отрепьевым. Его войска потерпели поражение под Добрыничами

1605 – Вступление на престол сына Бориса Годунова – Федора

1605 – Восстания в юго-западных областях. Низложение и убийство Федора. Въезд Лжедмитрия в Москву. Его обручение с М. Мнишек – дочерью сандомирского воеводы и магната Ю. Мнишека

1606 – Преобразование Боярской думы в Сенат. Учреждение по польскому образцу новых должностей (великий маршал короны и др.). Торжественное венчание М. Мнишек и Лжедмитрия I

1606 – Убийство Лжедмитрия I. На Красной площади царем «выкрикнули» Василия Шуйского, он обещал править вместе с Боярской думой и Земским собором. Канонизация царевича Дмитрия с целью поставить Лжедмитрия вне закона

1606 – Восстания в Диком поле, в Рязанской области и Поволжье. Волнения в Твери, Пскове и Новгороде. Бунт терских казаков во главе с самозваным царевичем Петром. Восстание И. Болотникова

1607 – Реабилитация боярского рода Романовых. Указ о 15-летнем сроке розыска беглых холопов

1607 – Появление в Стародубе Лжедмитрия II, поддержанного поляками и казаками. Сдача в плен и убийство И. Болотникова

1608 – Тушинский лагерь Лжедмитрия II на подступах к Москве, сюда приходит 20-тысячный отряд поляков под командованием Сапеги

1608–1610 – Осада Троице-Сергиевой лавры и Смоленска

1610 – Бояре из числа тушинцев заключили договор с Сигизмундом III о призвании на русский престол польского королевича Владислава. Свержение Василия Шуйского. Семибоярщина

1610 – Патриарх Гермоген призвал к борьбе с интервентами

1611–1612 – Восстание в Москве против поляков. Ополчение П. Ляпунова. Ополчение К. Минина. Создание в Ярославле Совета всей земли. Капитуляция поляков в Москве

1613 – Михаил Романов избран на царство Земским собором. Образование Казачьего приказа

1613–1645 – Правление Михаила Романова

1614 – Подавление мятежа И. Заруцкого. Основание Панского приказа

1619 – Возвращение из польского плена митрополита Филарета (отца царя И. Ф. Романова), избрание его патриархом Московским. Образование Сыскного приказа. Указ о возвращении

на прежние места беглых посадских людей

1618 – Первые переговоры России с Китаем (миссия И. Петлина). Деулинское перемирие между Россией и Речью Посполитой

1620 – Составление воеводой О. Михайловым первого в России «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»

1624 – Реорганизация Панского приказа в Иноземный

1626 – Начало активного привлечения на русскую службу иноземных военных специалистов (пехотинцев, кавалеристов, оружейников и т. п.)

1627 «Книга Большому чертежу». Принятие решения об изготовлении карт Российского государства Разрядным приказом

1633 – Смерть Филарета и возвращение Михаилом Федоровичем Земскому собору его полномочий

1630–1635 – Военная реформа: формирование пехотных и кавалерийских полков иноземного строя, учреждение приказа Ратных дел

1635–1638 – Строительство новых засечных черт на южных границах России

1645–1676 – Царствование Алексея Михайловича

1646 – Боярская дума заменена Ближней думой – узким кругом ближайших к царю советников. Упразднены торговые привилегии английских купцов

1647–1648 – Перевод на русский язык военного трактата И. Я. фон Вальхузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»

1649 – Принятие Соборного уложения. Создание Рейтарского приказа. Е. Хабаров составил карту-чертеж Приамурских земель

1650* – Имеретинский царь Александр принес присягу на верность русскому царю. Восстание в Пскове и Новгороде

1651 – Сформирован Ахтырский казачий полк. Издан указ, расширявший круг лиц, подлежавших призыву на военную службу

1652* – Избрание Никона Патриархом Московским и всея Руси, начало раскола

1654 – Воссоединение Украины с Россией по решению Переяславской Рады

1654 – Преобразование личной канцелярии Алексея Михайловича в приказ Тайных дел

1656–1657 – Формирование 1-го и 2-го Московских «выборных» солдатских полков

1657 – В Аптекарском приказе обучается первая группа будущих военных медиков

1662* – Медный бунт в Москве

1664 – Из Москвы в Швецию сбежал Г. Котошихин, составивший для шведской разведки описание государственного устройства России

1665 – Симеон Полоцкий открыл специальную школу в Спасском монастыре

1666* – Банды под предводительством Василия Уса опустошили окрестности Воронежа и Тулы

1667* – Лишение церковным собором Никона сана патриарха

1668–1676 – Восстание в Соловецком монастыре (Соловецкое сидение)

1670–1771 – Восстание (бунт) С. Разина

1676–1682 – Царствование Федора Алексеевича

1676 – Ликвидация приказа Тайных дел

1680 – Объединение Иноземного и Рейтарского приказов в единый Иноземный приказ

1681 – Созыв Земского собора для реорганизации армии

1682 – Ликвидация местничества

1682–1698 – Двоецарствие – правление Ивана V и Петра I

1682–1689 – Правление царевны Софьи

1682 – Стрелецкий бунт. Гибель А. С. Матвеева. Арест и казнь Хованских

1683 – Начало формирования Петром I «потешных» войск

1686 «Вечный мир» с Польшей. Создание Петром I личного органа управления – Преображенской канцелярии

1687 1-й Крымский поход русских войск под руководством В. В. Голицына

1688–1689 – Создание Семеновского приказа

1689 2-й Крымский поход русских войск под руководством В. В. Голицына

1689 – Поражение царевны Софьи и ее сторонников. Учреждение Приказа розыскных дел

1691 – Полковая организация «потешных»

1694–1695 – Азовские походы Петра I. Взятие Азова

1696 – Заговор Цыклера. Создание Преображенского приказа

1697–1698 – Великое посольство Петра I в Европу (Курляндия, Пруссия, Голландия, Англия, Священная Римская империя)

1698–1725 – Единоличное правление Петра I

1698 – Подавление стрелецкого бунта. Роспуск или реорганизация стрелецких полков. Преображенский и Семеновский полки получают статус лейб-гвардейских

1699* – Указ о переходе с 1 января 1700 г. на летоисчисление от Рождества Христова (по юлианскому календарю)

1699 – Начало создания стратегической драгунской

кавалерии. Андреевский флаг принят в качестве официального флага Российского военного флота

1701* – В Москве открыта Навигацкая школа

1703* – Начинает выходить газета «Ведомости». Выпущен учебник «Арифметика» Л. Ф. Магницкого. Основан Санкт-Петербург

1705* – Введение ежегодной рекрутской повинности

1707–1709 – Восстание К. Булавина

1711 – Прутский поход Петра I. Учреждение генерал-квартирмейстерской части и Сената

1712* – Указы о создании Оружейного двора в Туле и Литейного двора в Петербурге

1716 – Принятие Устава воинского. Бегство царевича Алексея

1717 – Создание ряда розыскных канцелярий. Учреждение коллегий

1718 – Учреждение Тайной канцелярии. Введение должностей генерал-полицмейстера (Петербург) и обер-полицмейстера (Москва). Создание секретной службы перлюстрации корреспонденции

1719 – Административная реформа. Указ Сената о регистрации иностранцев

1721* – Принятие Петром I императорского титула. Учреждение Синода

1722 – Принятие «Табели о рангах». Введение должности генерал-прокурора Сената

1724 – Учреждение Академии наук. Формирование роты кавалергардов

1725–1727 – Правление Екатерины I

1726 – Учреждение Верховного тайного совета. Ликвидация Тайной канцелярии

1727–1730 – Правление Петра II

1729 – Ликвидация Преображенского приказа. Передача функций политической полиции Сенату

1730 – Заговор «верховников»

1730 – Избрание императрицей Анны Ивановны. Упразднение Верховного тайного совета и восстановление Сената. Формирование лейб-гвардии Измайловского полка. Переименование Кроншлотского драгунского полка в лейб-гвардии Конный полк

1731 – Восстановление Канцелярии тайных розыскных дел. Создание Кабинета министров. Учреждено первое специальное учебное военное заведение – Офицерское училище (Шляхетский кадетский корпус)

1733 – Указ «Об учреждении полиции в городах»

1740 – Смерть Анны Ивановны и возведение на престол Ивана VI (Антоновича). Свержение Бирона и провозглашение регентшей Анны Леопольдовны

1741–1761 – Правление Елизаветы Петровны

1741 – Гренадерская рота Преображенского полка получила титул «лейб-компании». Упразднение Кабинета министров. Восстановление полномочий Сената

1742 – Бунт гвардии в Финляндии. Начало создания «черных кабинетов» в интересах Коллегии иностранных дел

1745 – Женитьба наследника престола Петра Федоровича на Софье Анхальт-Цербстской

1761–1762 – Правление Петра III

1762 – Учреждение Императорского совета. Манифесты «О вольности дворянской» и о ликвидации Тайной канцелярии

1762–1796 – Правление Екатерины II

1762 – Убийство Петра III. Расформирование Гольштинской гвардии. Повторный указ о ликвидации Тайной канцелярии. Учреждение Тайной экспедиции при Сенате

1764 – Попытка государственного переворота в интересах Ивана Антоновича. Иван VI убит офицерами охраны. Поручик Мирович казнен. П. И. Паниным сформирован опытный егерский батальон

1765 – Формирование специального егерского корпуса

1772* – Петербургская конвенция о первом разделе Речи Посполитой

1774 – Успешная специальная операция по захвату княжны Таракановой

1775 – Издание «Учреждения для управления губерний». Формирование Донской и Чугуевской казачьих команд и лейб-гусарского эскадрона, образовавших Собственный Ее Величества конвой

1777 – Егерские команды пехотных полков сведены в 6 отдельных батальонов

1782 – Принят «Устав благочиния»

1785 – Егерские батальоны развернуты в корпуса 4-батальонного состава

1773–1775 – Восстание под руководством Е. И. Пугачева

1783* – Указ о присоединении Крыма к России. Георгиевский трактат о принятии Восточной Грузии под покровительство России

1790 – Указ о возвращении всех русских подданных из революционной Франции. Изготовление тирольским оружейником Жирандони магазинного пневматического ружья

1793* – Установление 25-летнего срока военной службы для

солдат. Второй раздел Речи Посполитой

1795* – Третий раздел Речи Посполитой

1796–1801 – Правление Павла I

1796 – Формирование лейб-гвардии Егерского и лейб-гвардии Артиллерийского батальонов. Создание службы фельдъегерской связи. Учреждение военной чертежной мастерской

1797 – Принятие нового Военного устава по прусскому образцу

1798 – Формирование лейб-гвардии Казачьего и лейб-гвардии Гусарского полков

1799 – К гвардии причислены Лейб-Уральская сотня и Кавалергардский корпус. Учреждена Собственная Его Императорского Величества канцелярия

1801–1825 – Правление Александра I

1801 – Манифест об упразднении Тайной экспедиции. Политический сыск сосредоточен в 1-м и 5-м департаментах Сената

1802 – Манифест «Об учреждении министерств»

1803 – Указ «О средствах к исправлению полиции в городах». Учреждение в Петербурге Тайной полицейской экспедиции, а в Москве – Особой секретной полиции

1804 – В Петербургской полиции образована общегородская наружная служба

1806 – Экспедиция спокойствия и благочиния реорганизована в Экспедицию государственного благоустройства

1807 – Учреждение Особого комитета для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия

1809 – В полиции Москвы и Петербурга организованы конторы адресов. Присоединение Финляндии к России

1810 – Создание Экспедиции секретных дел (военная разведка) при Министерстве военно-сухопутных сил

1811 – Образование Министерства полиции и в его составе – Особенной канцелярии. Создание внутренней стражи с особыми военно-полицейскими функциями

1812 – Принято «Учреждение для управления Большой действующей армии». Установлена новая структура Военного министерства. Экспедиция секретных дел переименована в Особенную канцелярию при военном министре. Создана Высшая воинская полиция (военная контрразведка). Отечественная война

1814 – Создание «Ордена русских рыцарей» и «Священной артели». Начало образования масонских лож

1815 – Создание Отдельного Кавказского корпуса. Дарование Конституции Царству Польскому. Формирование лейб-гвардии Жандармского полуэскадрона. Переименование Борисоглебского

драгунского полка в жандармский

1816 – Принятие Пехотного устава. Создание «Союза спасения»

1816–1819 – Отмена крепостного права в прибалтийских губерниях

1817 – Введение военных поселений. Начало Кавказской войны. Учреждение жандармов внутренней стражи

1818 – Принятие Кавалерийского устава. Секретное поручение Александра I Аракчееву о разработке проекта отмены крепостного права в России. Преобразование «Союза Спасения» в «Союз благоденствия». Создание «Общества первого согласия»

1819 – Ликвидация Министерства полиции. Передача Особенной канцелярии и Цензурного комитета в ведение МВД

1820 – Бунт Семеновского полка, его расформирование и формирование заново

1821 – Гвардейский корпус отправлен из Петербурга в «карантин» под Вильно. В Гвардейском корпусе и 2-й армии создана тайная военной полиция. «Союз благоденствия» объявил о самороспуске. Образованы Северное и Южное тайные общества

1822 – Указ о запрещении масонских лож и тайных обществ. Издание книги Д. Давыдова «Опыт теории партизанского действия»

1823 «Общество первого согласия» реорганизовано в «Общество соединенных славян». Александр I подписал секретный манифест о передаче прав на престол Николаю Павловичу

1825–1855 – Правление Николая I

1825 – Мятеж и разгром декабристов. Создание следственного комитета

1826 – Следствие и суд над декабристами. Создание на базе Особенной канцелярии МВД III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Назначение А. Х. Бенкендорфа шефом жандармов и командующим Императорской главной квартирой. Формирование Образцового учебного батальона в составе Гвардейского корпуса

1827 – Формирование Роты дворцовых гренадер. Указ «Об учреждении пяти округов Корпуса жандармов». Начало составления обзоров общественного мнения («Секретная газета»)

1828 – Формирование для конвойной службы при дворе лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона. Развертывание Образцового учебного батальона в Образцовый полк

1829 – Формирование Финского стрелкового батальона

1828–1829 – Создание первых штатных команд пластунов в составе Черноморского и Кавказского казачьих войск

1830* – Начало деятельности в Москве кружков А. И. Герцена

– Н. П. Огарёва и Н. В. Станкевича

1830–1831 – Польская война (восстание)

1831 – Издан Пехотный устав. Восстание в военных поселениях Новгородской губернии

1832 – Включение в состав конвоя Команды кавказских линейных казаков. Начало создания Заграничной агентуры III Отделения

1833 – Манифест о введении в действие «Свода законов Российской империи». Расформирование почти всех егерских полков

1835 – Принятие первого «фабричного закона»

1836 – Жандармы внутренней стражи выведены из Отдельного корпуса внутренней стражи и введены в состав Корпуса жандармов. Сформирована Команда лезгин в составе лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона

1839 – Сформирована Команда мусульман в составе лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона

1841 – В Пруссии на вооружение поступила винтовка Дрейзе

1842 – В составе Кавказской армии сформированы пластунские батальоны

1843* – Завершение денежной реформы Е. Ф. Канкрина. Введение серебряного рубля

1845–1847* – Деятельность в Киеве тайного Общества Кирилла и Мефодия

1845–1849 – Деятельность в Петербурге тайного общества М. В. Петрашевского

1848* – Приказ о возвращении всех русских подданных из революционной Франции

1849* – Участие Русского экспедиционного корпуса И. Ф. Паскевича в подавлении революции в Венгрии по просьбе императора Франца-Иосифа

1850 – Полковник И. В. Вуич написал книгу «Малая война»

1853 – А. И. Герцен организовал в Лондоне «Вольную русскую типографию»

1853–1856 – Крымская (Восточная) война

1854 – Оборона Петропавловска-Камчатского от англо-французского десанта. Оборона Севастополя

1855–1881 – Правление Александра II

1855 – Падение Севастополя. Учреждение Комиссии для улучшения воинской части. Создание в гвардии вместо штуцерных команд стрелковых рот

1856 – Формирование двух отдельных лейб-гвардии Стрелковых батальонов. Утверждение «Проекта общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу». Амнистия для

декабристов и участников Польского восстания 1830–1831 гг. Закрытие Высшего цензурного комитета

1857 – Создание Офицерской стрелковой школы. Принятие решения о внедрении секретных сотрудников в среду политической эмиграции

1858–1862 – Реформа исполнительной полиции

1861 – Манифест об отмене крепостного права. Начало деятельности тайных обществ, получивших название «Земля и воля». Создание нелегальной военной организации «Комитет русских офицеров в Польше»

1862 – Прокламация «Молодая Россия» (автор – П. Г. Заичневский). Следствие по делу Н. Г. Чернышевского и др. Организация «Русского центрального народного комитета»

1863 – Посылка двух крейсерских эскадр в Америку. Университетская реформа. Начало деятельности кружка Н. А. Ишутина. Попытка вооруженного мятежа в Поволжье. Реорганизация Крымско-Татарского эскадрона Собственного Е. И. В. конвоя в Команду лейб-гвардии крымских татар конвоя

1864 – Утверждение «Наставлений для стрелкового образования пехоты». Земская и судебная реформы

1863–1864 – Польская война (восстание)

1866 – Покушение Д. В. Каракозова на Александра II

1866 – Смена руководства специальных служб. Создание в Петербурге при канцелярии градоначальника Отделения по охранению порядка и спокойствия

1867 – Покушение А. И. Березовского на Александра II в Париже

1867 – На маневрах Варшавского военного округа проведен рейд кавалерии по тылам условного противника. Принятие нового «Положения о Корпусе жандармов». Изобретение А. Нобелем динамита

1868 – По инициативе России принята декларация «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль»

1868–1869 – С. Г. Нечаевым написан «Катехизис революционера» и основана подпольная организация «Народная расправа»

1870 – Формирование лейб-гвардии Стрелковой бригады из четырех батальонов. Поступление на вооружение русских войск 6-ствольных картечниц конструкции Р. Гатлинга

1871 – Прицельный ружейный огонь стал элементом проверки на смотрах

1875 – Генерал-майор Н. Н. Сухотин представил труд «Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1865 гг.». В Одессе основан «Южнороссийский союз рабочих».

Корпусу жандармов присвоено наименование Отдельный

1876 – Создана народническая организация, с 1878 г. вновь называвшаяся «Земля и воля»

1877–1878 – Участие Собственного Его Императорского Величества конвоя в русско-турецкой войне

1878 – Покушение В. И. Засулич на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Убийство С. М. Кравчинским генерал-адъютанта Н. В. Мезенцева. Появление брошюры С. М. Кравчинского «Смерть за смерть». Принятие «Землей и волей» программы террористической направленности. Образование «Северного союза русских рабочих»

1879 – Покушение А. К. Соловьева на Александра II в Петербурге

1879 – Раскол «Земли и воли» на «Черный передел» и «Народную волю»

1879 – Подготовка трех взрывов царского поезда. Крушение литерного свитского поезда. Реорганизация охраны на железных дорогах

1880 – Взрыв в Зимнем дворце, организованный С. Н. Халтуриным. Подписание указа о создании Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия

1880 – Подготовка террористических актов против Александра II в Одессе и Петербурге. Создание Военной организации «Народной воли». Появление брошюры Н. А. Морозова «Террористическая борьба». Создание в Москве Секретно-розыскного отделения при канцелярии московского обер-полицмейстера

1881–1894 – Правление Александра III

1881 – Докладная записка К. П. Победоносцева «О принципах организации охраны государя императора, его семьи, высших должностных лиц и объектов государственной охраны». Обнародование манифеста «О незыблемости самодержавия». Утверждение «Положения о мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия и приведению определенных местностей в состояние усиленной охраны». Появление брошюры П. Н. Ткачева «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России»

1881 – Реформа охранных структур. Создание «Добровольной охраны» (впоследствии «Священная дружина»). Формирование в составе Собственного Его Императорского Величества конвоя второго Терского казачьего эскадрона. Расформирование лейб-гвардии Кавказского эскадрона конвоя. Организация в составе

Императорской главной квартиры Сводно-гвардейской роты, к концу года развернутой в Сводно-гвардейский батальон. Передача политического сыска в ведение 3-го делопроизводства Департамента государственной полиции

1882 – Утверждение «Положения о негласном полицейском надзоре» и «Положения об устройстве секретной полиции в империи». Деятельность Г. П. Судейкина

1883 – Реорганизация Императорской главной квартиры. Ликвидация «Священной дружины». Передача Заграничной агентуры в ведение Департамента полиции. Убийство Судейкина. Основание в Женеве марксистской группы «Освобождение труда»

1885 – Полковник Ф. К. Гершельман опубликовал книгу «Партизанская война». Начало «драгунской» реформы

1886 – В кавалерийских и пехотных полках заведены команды «охотников» (разведчиков)

1885–1886 – Идейный и организационный кризис «Народной воли»

1887 – Ликвидация террористической фракции «Народной воли» под руководством А.И.Ульянова. Издание книги полковника Чистякова «Обучение эскадронных и сотенных разведчиков»

1888 – Крушение императорского поезда возле станции Борки Лозово-Севастопольской железной дороги

1891 – На вооружение русской армии принята трехлинейная винтовка системы С. И. Мосина. Покушение на наследника российского престола в Японии

1894–1917 – Правление Николая II

1894 – Создание Летучего отряда филеров при Московском охранном отделении

1894–1895 – Японо-китайская война

1895 – П. Маузер запатентовал пистолет с постоянным магазином, расположенным перед рукояткой (будущий К-96). В России на вооружение принят револьвер Л. Нагана. Учреждена Тайная дворцовая полиция. Амнистия осужденным революционерам

1896 – Назначение начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатова

1898 – Договор об аренде Россией юга Ляодунского полуострова сроком на 25 лет. Нападения на КВЖД

1898 – Выделение из состава 3-го делопроизводства Департамента полиции Особого отдела. Создание Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП)

1899 – Принятие в Гааге «Декларации о неупотреблении легко разворачивающихся и сплющивающихся пуль». Издание в

России «Правил стрельбы на большие расстояния»

1899–1901 – Боксерское восстание в Китае

1900–1901 – Участие России в военно-полицейской операции по подавлению восстания в Китае. Начало производства пистолетов Д. Браунинга «№ 1» и Г. Люгера «парабеллум»

1901 – Смертельное ранение министра народного просвещения Н. П. Боголепова П. В. Карповичем

1899–1902 – Англо-бурская война

1902 – Два неудачных покушения террористов-одиночек на московского обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова. Образование партии социалистов-революционеров (ПСР). Начало деятельности Боевой организации ПСР. Реорганизация Особого отдела. Подписание «Положения о начальниках розыскных отделений». Назначение заведующим Заграничной агентурой Л. А. Ратаева, заведующим Особым отделом С. В. Зубатова. Создание Летучего отряда филеров при Особом отделе

1903 – Воссоздание военной контрразведки (Разведочное отделение Главного штаба). Переименование розыскных отделений в охранные. Создание Г. А. Гапоном Собрания русских фабрично-заводских рабочих. Убийство губернатора Н. М. Богдановича. Арест Г. Гершуни. Отставка и ссылка Зубатова

1904–1905 – Русско-японская война

1904 – Создание контрразведывательного подразделения – Отделения дипломатической агентуры в Особом отделе Департамента полиции. Убийство эсерами министра внутренних дел В. К. Плеве

1905 «Кровавое воскресенье» (9 января). Начало первой русской революции. Назначение А. В. Герасимова заведующим Петербургским охранным отделением и П. И. Рачковского вице-директором Департамента полиции. Мятежи в воинских частях и на кораблях. Создание боевых групп РСДРП и советов рабочих депутатов. Организационное оформление «Союза русского народа». Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка»

1906 – Начало работы I Государственной думы. Назначение министром внутренних дел П. А. Столыпина. Мятежи в воинских частях Балтийского флота. Террористический акт (взрыв) на даче П. А. Столыпина. Указ о введении на территории России военно-полевых судов. Реформа Особого отдела. Утверждение «Положения о районных охранных отделениях». Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП

1907 – Создание Регистрационного отдела в структуре Департамента полиции. Утверждение «Положения об охранных отделениях», «Инструкции начальникам охранных отделений по

организации наружного наблюдения», «Инструкции по организации наружного (филерского) наблюдения»; «Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения». Принятие в Гааге Конвенции и Положения «О законах и обычаях сухопутной войны»

1908 – Учреждение в структуре Департамента полиции 8-го делопроизводства для руководства сыскной полицией на местах. Принятие закона «Об организации сыскной части» и создание 89 сыскных отделений. Основание В. Л. Бурцевым в Париже «Революционного сыскного бюро»

1909 – Создание Особого регистрационного бюро при Полтавском охранном отделении

1910 – Принятие решения о создании постоянных регистрационных бюро в Петербурге и Москве

1911 – Убийство П. А. Столыпина. Утверждение «Положения о контрразведывательных органах» и «Инструкции начальникам контрразведывательных отделений»

1912 – Утверждение «Инструкции военным агентам и лицам их замещающим», «Основных положений для организации и ведения военной разведки штабами пограничных округов», Полевого устава

1913 – Разработка В. Г. Федоровым автоматической винтовки оригинальной конструкции. Назначение В. Ф. Джунковского командиром Отдельного корпуса жандармов и товарищем министра внутренних дел. Начало работы Особого совещания по вопросам реорганизации политического розыска. Ликвидация секретного агентурного наблюдения в вооруженных силах. Утверждение «Инструкции по осмотру владений, выходящих на пути высочайших поездов»

1914 – Преобразование Петербургского городского контрразведывательного отделения в Контрразведывательное отделение Главного управления Генерального штаба. Создание в г. Локштадт под Гамбургом учебного центра для финских эмигрантов. Реорганизация Особого отдела в 9-е делопроизводство. Ликвидация охранных отделений. Утверждение «Обязанностей чинов жандармской полиции по охране императорских поездов».

1916 – Формирование Особой роты, вооруженной автоматическим оружием

1917 – Февральская революция. Принятие Декларации о составе и программе Временного правительства

Март 1917 – Приказ № 1 – Петроградского совета. Образование Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших

министров и прочих должностных лиц и Комиссии по разбору дел бывшего Департамента полиции. Упразднение Департамента полиции и учреждение Временного управления по делам общественной полиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан. Расформирование военной контрразведки

Апрель 1917 – Прибытие в Россию первых политэмигрантов. «Апрельские тезисы» Ленина. Нота Милюкова о войне «до победного конца»

Май 1917 – Формирование нового состава Временного правительства. Назначение Верховным главнокомандующим генерала А. А. Брусилова

Июнь 1917 I Всероссийский съезд Советов. Наступление русских войск на Восточном фронте. Конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП (б)

Июль 1917 – Начало австро-германского контрнаступления. Утверждение А. Ф. Керенского председателем Временного правительства. Открытие следствия против большевиков. Назначение Верховным главнокомандующим генерала Л. Г. Корнилова. Избрание местом пребывания Романовых г. Тобольск. Принятие VI съездом РСДРП (б) решения о захвате власти путем вооруженного восстания

Август 1917 – Разработка плана создания Особой (Петроградской) армии. Государственное совещание в Москве. Корниловский мятеж

Сентябрь 1917 – Образование Директории во главе с А. Ф. Керенским. Роспуск Государственной думы. В Гельсингфорсе состоялось собрание организаций, сочувствующих большевикам. Созданный ими Исполком армии, флота и рабочих Финляндии провозгласил себя высшим органом политической власти в Финляндии. Формирование нового исполкома Петроградского совета во главе с Л. Д. Троцким. Освобождение арестованных в июле большевиков. Открытие Всероссийского демократического совещания. Избрание Всероссийского демократического совета (предпарламента). Работы В. И. Ленина «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание» и «Кризис назрел»

Октябрь 1917 – Начало работы Всероссийского демократического совета. Создание Комитета революционной обороны. Резолюция ЦК РСДРП (б) о неизбежности вооруженного восстания. Созыв Съезда Советов Северной области. Принятие Положения о Военно-революционном комитете (ВРК).

Организация Военно-революционного центра РСДРП (б) по руководству восстанием. Совещание представителей полковых и ротных комитетов частей Петроградского гарнизона. 1-я

Петроградская общегородская конференция Красной гвардии. Воззвание ВРК «К населению Петрограда!». Отказ в доверии Временному правительству со стороны предпарламента. Отъезд А. Ф. Керенского из столицы. Октябрьский переворот. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Начало работы Разведочного отделения германского Генерального штаба. Постановление НКВД «О рабочей милиции». Поход генерала П. Н. Краснова на Петроград

Ноябрь 1917 – Избрание председателем ВЦИК Я. М. Свердлова. Выборы в Учредительное собрание. Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Соглашение большевиков и левых эсеров о коалиционном правительстве и тактике политической борьбы. Назначение Верховным главнокомандующим Н. В. Крыленко. Захват Ставки в Могилеве

Декабрь 1917 – Решение СНК о признании независимости Украины. Образование Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Создание коалиционного правительства большевиков и левых эсеров. Подписание договора о перемирии между Россией и странами Тройственного союза. Решение СНК о признании независимости Финляндии. Создание в Новочеркасске Добровольческой армии

Январь 1918 – Первое покушение на В. И. Ленина. Открытие и роспуск Учредительного собрания. 3-й Всероссийский съезд Советов. Провозглашение РСФСР. Декрет Совета народных комиссаров об образовании Красной армии. Подготовка «Союзом георгиевских кавалеров» несостоявшегося покушения на Ленина. Аннулирование внешних и внутренних долгов страны. Выдвижение В. В. Оболенским теории «полевой революции». Организация Контрразведывательного бюро ВЧК

Февраль 1918 – Введение григорианского календаря. Наступление немецких войск. Декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности!». Постановление о формировании 1-го Автобоевого отряда при ВЦИК. Начало гражданской войны в Финляндии

Март 1918 – Брестский мир. Образование Высшего военного совета во главе с Л. Д. Троцким. VII Чрезвычайный съезд РСДРП (б). Переименование партии в РКП (б). Переезд СНК и ВЦИК в Москву. Формирование Боевого отряда ВЧК. 4-й Всероссийский съезд Советов. Ратификация Брестского мирного договора. Высадка английского десанта в Мурманске. Создание комендатуры Кремля. Директива ЦК РКП (б) «О вооружении коммунистов и обучении их военному делу». Начало создания военно-партийных отрядов особого назначения (в дальнейшем

ЧОН)

Апрель 1918 – Высадка американского десанта в Мурманске и японского во Владивостоке. Введение института военных комиссаров. Ликвидация Федерации анархистов Москвы. Штурм частями Добровольческой армии Екатеринодара и гибель Л. Г. Корнилова

Май 1918 – Затопление части кораблей Черноморского флота. Мятеж Чехословацкого корпуса. Объявление войны РСФСР Финляндией. Декрет ВЦИК о призыве в Красную армию. Демонстрация нелояльности Латышской дивизии по отношению к Л. Д. Троцкому. Раскрыт «Союз защиты родины и свободы». Образована Федерация иностранных групп РКП (б)

Июнь 1918 – Убийство В. Володарского в Петрограде

Июль 1918 – Убийство германского посла графа В. Мирбаха. Мятеж левых эсеров в Москве и выступление организации Савинкова в Поволжье. Расстрел Николая II и его семьи. Создание Отдельной роты ВЧК

Август 1918 – Образование Военно-исторической комиссии. Сведение специальных отрядов ЧК в Корпус войск ВЧК. Ранение в Москве В. И. Ленина. Формирование личной охраны Ленина

Сентябрь 1918 – Взрыв здания Московского комитета РКП (б). Создание Революционного военного совета Республики. Образование Регистрационного управления. Постановление СНК «О красном терроре»

Ноябрь 1918 – Революции в Австро-Венгрии и Германии. Денонсация Брестского мира

Декабрь 1918 – Отправка латышских стрелков на фронт; на охрану Кремля заступили курсанты 1-х Московских пулеметных курсов Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) (впоследствии 1-я Советская объединенная военная школа РККА им. ВЦИК). Создание Военного (в январе 1919 г. преобразованного в Особый) и Оперативного отделов ВЧК

Январь 1919 – Нападение на Ленина банды Я. Кошелькова; личную охрану вождя возглавил А. Я. Беленький. Принятие решения о созыве в Москве конференции коммунистических партий

Февраль 1919 – Создание Секретного отдела ВЧК

Март 1919 – I (Учредительный) конгресс Коммунистического интернационала. Первая попытка экспорта революции в Европу (Австрия, Болгария, Венгрия, Германия, Чехословакия и Югославия)

Июль 1919 – Создание секретной Особой комиссии по связи ИККИ

Сентябрь 1919 – Создание Экономического отдела ВЧК.

Переименование Секретного отдела в Секретно-оперативный

Октябрь 1919 – Утверждение штатов Охранной роты при Управлении коменданта Реввоенсовета Республики. Создание Западноевропейского секретариата в Берлине и Западного бюро в Амстердаме

Ноябрь 1919 – Создание Коммунистического интернационала молодежи (КИМ)

Январь 1920 – Создание Нелегальной военной организации на Западном фронте, а затем в Западной Белоруссии

Апрель 1920 – Создание Иностранного отделения в составе Особого отдела ВЧК

Май – сентябрь 1920 – Попытка создания Персидской Советской Республики

Июль – август 1920 – Вторая попытка экспорта революции в Европу (Польша). II конгресс Коминтерна

Август 1920 – Принятие решения о создании вместо Особой комиссии по связи ИККИ Секретного отдела. Создание нелегальной Военной школы при ИККИ

Октябрь 1920 – Договор о мире между Финляндией и РСФСР. В Коврове восстановлено производство ружья-пулемета конструкции В. Г. Федорова

Ноябрь 1920 – Создание Спецотделения при Президиуме ВЧК. Переименование Секретного отдела ИККИ в Конспиративный

Декабрь 1920 – Реорганизация Иностранного подотдела Особого отдела в самостоятельный Иностранный отдел (ИНО)

Январь 1921 – Создание Транспортного отдела (впоследствии Гараж особого назначения). Создание Секретно-оперативного управления и Специального (шифровального) отдела в структуре ВЧК

Февраль 1921 – Создание единого органа управления Вооруженными силами РСФСР – Штаба РККА

Март 1921 – Операции «активной разведки» в Западной Белоруссии

Апрель 1921 – Формирование Отряда особого назначения (ОСНАЗ) при Президиуме ВЧК. Создание Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ)

Май 1921 – Переименование Спецотдела ВЧК в Спецотдел при ВЧК

Июнь – июль 1921 – III конгресс Коминтерна. Переименование Конспиративного отдела ИККИ в Отдел международной связи

Июль 1921 – Постановление Реввоенсовета о выделении ЧОН из состава Всевобуча. Организация Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна) и Красного спортивного

интернационала (Спортинтерна)

Август 1921 – Подписание В. И. Лениным документов о создании Особого технического бюро по военным изобретениям специального назначения (Остехбюро)

Сентябрь 1921 – Утверждение нового положения о ЧОН. Создание Международной организации рабочей помощи (Межрабпом)

Октябрь 1921 – Усиление ОСНАЗа бронеотрядом ВЦИК им. Я. М. Свердлова. Начало формирования на территории Карелии финских партизанских отрядов

Ноябрь 1921 – Начало второй советско-финляндской войны. Создание Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ)

Январь 1922 – Создание при председателе СНК токсикологической лаборатории («Специального кабинета»)

Март 1922 – Подписание Соглашения по обеспечению неприкосновенности советско-финляндской границы

1922 – Реорганизация ВЧК в Государственное политическое управление (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР. Начало операций по ликвидации басмачества в Средней Азии. Создание Контрразведывательного (КРО) и Восточного отделов Секретно-оперативного управления ГПУ. Создание в структуре Бюро Секретариата ЦК секретной службы, подчиненной Сталину. Закрытие Военной школы при ИККИ

Декабрь 1922 – Создание Организационного отдела ИККИ и при нем Постоянной комиссии по работе в армии (ПКРА) и Постоянной нелегальной комиссии (ПНК). Создание Международной организации помощи борцам революции (МОПР)

1923 – Преобразование ГПУ в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. Создание Международного крестьянского совета (Крестинтерна). Подготовка революций в Болгарии и Германии и их поражение

Январь 1924 – Смерть В. И. Ленина и начало борьбы его соратников за власть в партии и государстве. Триумвират Сталин – Зиновьев – Каменев

Июль 1924 – Формирование на базе ОСНАЗа Дивизии особого назначения при коллегии ОГПУ

1924 – Создание при ИККИ специальных курсов для военной подготовки нелегалов из числа иностранных граждан. Реорганизация специальных нелегальных комиссий ИККИ. Участие военных советников и добровольцев из СССР в боевых действиях в Китае

Февраль 1925 – Прекращение «активной разведки» в Западной Белоруссии. Передача вопросов организации

нелегальной военной работы на территории иностранных государств в ведение ЦК РКП (б) и Коминтерна

Май 1925 – Создание Международной Ленинской школы

Октябрь 1925 – Формирование в Петрозаводске Карельского отдельного егерского батальона

Ноябрь 1925 – Создание Коммунистического университета трудящихся Китая

1926 – Создание Особой группы при председателе ОГПУ. Подписание договора «О дружбе и нейтралитете» между Германией и СССР. Начало военно-технического сотрудничества Германии и СССР. Реорганизация Бюро Секретариата в Секретный отдел ЦК

1929 – Приобретение в Афганистане практического опыта взаимодействия специальных подразделений и авиации. Высылка Л. Д. Троцкого из СССР. Расформирование Спецотделения при Коллегии ОГПУ. Охрана руководства страны возложена на 5-е и 2-е отделения Оперативного отдела Секретно-оперативного управления ОГПУ

1930 – Начало планомерной работы IV Управления штаба РККА по линии «Д». Начало создания Воздушно-десантных войск – отдельных стрелковых батальонов специального назначения. Создание Особого конструкторско-производственного бюро ВВС РККА. Объединение Восточного, Контрразведывательного и Особого отделов Секретно-оперативного управления ОГПУ в единый Особый от дел

1931 – Публикация монографии М. А. Дробова «Малая война. Партизанство и диверсии». Карельский егерский батальона развернут в Отдельную Карельскую егерскую бригаду. Дело «Весна». Секретный и Информационный отделы объединены в Секретно-политический отдел. Охрану руководителей и обслуживание правительственных объектов осуществляют 4-е и 1-е отделения Оперативного отдела. Покушение на Сталина

1932 – Началось формирование специальных подразделений «ТОС» (техника особой секретности). Под Ленинградом и под Москвой прошли секретные маневры с участием партизанских соединений и парашютного десанта. Усиление охраны Сталина. Работа М. Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры»

1933 – В ходе командно-штабных учений под Киевом проверена возможность скоординированных действий диверсионных отрядов и авиации. Три покушения на Сталина

1934 XVII съезд ВКП (б) («съезд победителей»). Директива штаба РККА о создании штатных диверсионных подразделений в Красной армии. Реорганизация Секретного отдела ЦК в Особый сектор ЦК. Образование Народного комиссариата внутренних дел

СССР. Образование на базе ОГПУ Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Убийство С. М. Кирова

1935 – Создание при Особой группе Я. И. Серебрянского токсикологической лаборатории. Проведение аналогичных работ во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ). Доклад Н. И. Ежова о террористической группе в Кремле («Кремлевское дело»). Выведение 1-й Советской объединенной военной школы РККА им. ВЦИК с территории Кремля; охрана возложена на Батальон особого назначения Комендатуры Кремля

1936 – Перевод Управления коменданта Московского Кремля из Народного комиссариата обороны в состав НКВД. Попытка устранения Сталина руководством НКВД. Батальон особого назначения Комендатуры Кремля развернут в Полк специально о назначения. Процесс по делу «террористического троцкистско-зиновьевского центра». Назначение наркомом внутренних дел Н. И. Ежова. Участие военных советов и добровольцев из СССР в Гражданской войне в Испании

1937 – Начало «большого террора». Процесс по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Изменение внутренней структуры Главного управления государственной безопасности. Ликвидация агентурных сетей разведки; роспуск специальных учебных, научных и технических центров по подготовке подпольщиков, партизан и диверсантов; разгром специальных подразделений НКВД, РККА и ИККИ

1938 – Ликвидация Главного управления государственной безопасности. Утверждение новой структуры НКВД СССР. Назначение наркомом внутренних дел Л. П. Берия. Ведение партизанской войны на своей собственной территории признано невозможным, в связи с чем разрушена соответствующая инфраструктура. Вооруженный конфликт с Японией в районе озера Хасан

1939 – Восстановление Главного управления государственной безопасности. Принятие Положения о Комендатуре Московского Кремля. Попытка убийства Сталина в Сочи (операция «Медведь»). Вооруженный конфликт с Японией в районе реки Халхин-Гол. Заключение Пакта о ненападении с Германией. Начало Второй мировой войны. Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. Начало «зимней» (третьей) войны с Финляндией

1940 – Окончание войны с Финляндией. Передача Карельского перешейка и Выборга СССР. Введение советских войск в Латвию, Литву, Эстонию, Бессарабию и Северную Буковину и включение их в состав СССР

1941 – Разделение НКВД на Наркомат внутренних дел и

Наркомат государственной безопасности (НКГБ). Вновь создана Особая группа при наркоме внутренних дел. Нападение Германии на СССР и начало Великой Отечественной войны. НКВД и НКГБ объединены в единый Наркомат внутренних дел. Попытка организации покушений на членов Государственного Комитета Обороны

1942 – Попытка покушения на А. И. Микояна. Реорганизация специальных структур Коминтерна

1943 – Образование Наркомата государственной безопасности СССР. Передача Управления особых отделов НКВД СССР в Наркомат обороны. Образование военной контрразведки СМЕРШ. Роспуск Коминтерна. Создание Отдела международной информации ЦК ВКП (б), при нем НИИ-100 (Институт № 100). Тегеранская конференция

1944 – Попытка организации покушения на Сталина

1945 – Ялтинская конференция. Поражение Германии. Потсдамская конференция. Создание вместо Отдела международной информации Отдела внешней политики ЦК ВКП (б)

1946 – Освобождение Л. П. Берия с поста наркома внутренних дел и назначение С. Н. Круглова. Преобразование наркоматов в министерства. Создание управлений охраны № 1 и № 2. Назначение В. С. Абакумова министром госбезопасности вместо В. Н. Меркулова. Реорганизация СМЕРШ в 3-е Главное управление контрразведки Министерства госбезопасности. Создание на базе Управлений охраны № 1 и № 2 и Управления коменданта Московского Кремля Главного управления охраны Министерства госбезопасности СССР. Расформирование спецшколы по подготовке нелегальных радиооператоров

1948 – Ликвидация НИИ-100 – Управления делами ЦК ВКП (б)

1951 – Арест министра госбезопасности В. С. Абакумова и назначение министром С. Д. Игнатьева

1952 – Реорганизация Главного управления охраны в Управление охраны. Н. С. Власик и А. Н. Поскребышев сняты с работы

1953 – Смерть И. В. Сталина. Начало ядерного противостояния

Германия

Годы – События

1811–1812 – Партизанская борьба в Пруссии против наполеоновских войск

1850 – Назначение комиссаром полиции Пруссии В. Штибера

1866 – Австро-прусская война

1872 – Издание в Австрии «Руководства разведывательной службы»

1882 – Активизация разведывательной работы Австрии и Германии против Российской империи

1912 – Военную разведку Германии возглавил В. Николаи

1912–1913 – Балканские войны. Американец Б. Холл впервые выполнил воздушную разведку и аэрофотосъемку

1914–1918 – Эффективные действия немецких рейдеров. «Малая война» в Танганьике и Кении. Первая попытка доставки и эвакуации диверсантов посадочным способом в германской армии. Создание на Западном фронте специальных штурмовых подразделений. Налаживание массового выпуска оптических прицелов

1918 – Ноябрьская революция. Создание военных формирований и добровольческих подразделений политических партий

1918–1921 – Участие добровольческих частей из офицеров и солдат штурмовых подразделений в боях вне территории Германии

1919 – Версальский договор. Создание Немецкой рабочей партии. Вступление в нее А. Гитлера, его вхождение в состав исполкома. Берлинское выступление КПГ, создание Баварской Советской Республики. Образование абвера

1920 – Переименование Немецкой рабочей партии в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП), формирование боевых подразделений партии – спортивных объединений и «пролетарских сотен». Капповский путч

1921 – Избрание А. Гитлера на пост председателя партии. Утверждение принципа фюрерства. Вооруженные выступления КПГ в Средней Германии. Силовые подразделения НСДАП стали называться штурмовыми отрядами. Начало формирования Черного рейхсвера

1923 – Создание специальных подразделений – Охраны ставки, Ударной группы А. Гитлера (Stoβtruppe АН). Коммунистические восстания в Гамбурге, Руре, Саксонии.

«Пивной путч» Гитлера

1925 – Кризис в НСДАП, противостояние штурмовиков и партийных функционеров. Создание группы личной охраны Гитлера (Leibwache) и Охранных подразделений (Schutzstaffel)

1926 – Бунт гауляйтеров Северной Германии. Создание следственно-арбитражного комитета для урегулирования разногласий внутри партии (USCHLA)

1930 – Бунт берлинских штурмовиков. Гитлер принимает пост командующего штурмовыми отрядами

1931 – Мятеж штурмовиков в Восточной Германии

1933 – Назначение А. Гитлера рейхсканцлером. Назначение на должность начальника охраны Гитлера

Г. Раттенхубера и реорганизация охраны. Создание полка охраны фюрера. Потсдамский заговор против Гитлера и заговор в США. Создание иностранного отдела НСДАП

1934 – Усиление Тайной государственной полиции и Службы безопасности. Подавление внутрипартийной оппозиции («ночь длинных ножей»). Создание военных организаций абвера и лаборатории по изучению научных методов диверсий в Гросс-Лихтерфельде

1935 – Создание вермахта. Назначение руководителем абвера В. Канариса и советником по партизанским операциям абвера капитана Т. фон Хиппеля

1936 – Отправка в Испанию легиона «Кондор». Формирование первого в Германии парашютного батальона. Принятие решения о формировании войск СС. Начало создания резервных баз НСДАП в Латинской Америке

1937 – Создание в структуре Службы безопасности внешней разведки, а в структуре военной разведки – отдела абвер-II (диверсии и психологическая война). Создание по линии СС Главного управления по работе с этническими немцами

1938 – Берлинский заговор против Гитлера. Начало формирования в абвере разведывательно-диверсионных групп. Оккупация Судетской области

1939 – Начало Второй мировой войны. Цоссенский заговор против Гитлера. Создание Имперского главного управления безопасности (РСХА). Оккупация Богемии и Моравии. Создание в структуре абвера учебной строительной роты «Бранденбург-800». Покушение на Гитлера в пивной «Бюргербраукеллер»

1941 – Нападение Германии на СССР

1943 – Сталинградский заговор против Гитлера

1944 – Июльский заговор против Гитлера

1945 – Крах «тысячелетнего» Третьего рейха

Литература

Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991.

Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990; ***он же***. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; ***он же***. Столыпин и Третья дума. М., 1968; ***он же***. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Авторханов А. Технология власти. М., 1991.

Агабеков Г. С. Секретный террор: Записки разведчика. М., 1996.

Агафонов В. К. Заграничная охранка. (Составлено по секретным документам Заграничной агентуры и Департамента полиции). Пг., 1918.

Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Ширина К. К. Организационная структура Коминтерна, 1919–1943. М., 1997.

Айнзафт С. С. Зубатовщина и гапоновщина. М., 1922.

Акты московских монастырей и соборов 1509–1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря: В 2 вып. М., 1984.

Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.; Л., 1952–1964. Т. 1–3.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951–1961. Ч. 1–3.

Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

Александр Первый: [Сборник статей]. М., 1998.

Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Кн. 1–2; ***он же***. Военная разведка России: Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3. Ч. 1–2.

Алексеева Г. Д. Народничество в России в XX в.: Идейная эволюция. М., 1990.

Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х гг. XVIII в. М., 1958.

Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг.: На Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969.

Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989; ***он же***. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997; ***он же***. Женщины на российском престоле. СПб., 1997; ***он же***. Россия без Петра, 1725–1740. СПб., 1994.

Анисимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия. 1903–1917 гг. Свердловск, 1989.

Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872.

Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. 2-е изд. Пг., 1924.

Аралов С. И. Ленин вел нас к победе: Воспоминания. 2-е изд. М., 1989.

Арефа Н. И. Инструкция полицейским урядникам. 5-е изд. СПб., 1905.

Арнольд Р. А., Кайсаров В. Д. Соображения о реформе полиции в Российском государстве. Харбин, 1919.

Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. М., 1990. Т. –4.

Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг.: В 2 кн. М., 1997–1998.

Астон Дж. Британская контрразведка в мировой войне. М., 1939.

Ахтамзян А. А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. (по новым документам) // Новая и новейшая история. 1990. № 5.

Бакай М. Е. Краткая автобиография // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Вып. 5.

Балашова Н. А. Российский либерализм начала XX в.: Банкротство идей «Московского еженедельника». М., 1981.

Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. М., 1995.

Бармин А. Г. Соколы Троцкого. М., 1997.

Бах А. Н. Записки народовольца. 2-е изд. М., 1931.

Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России. 3-е изд. СПб., 1998.

Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.) / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л., 1991.

Безыменский Л. А. Германские генералы – с Гитлером и без него. 2-е изд. М., 1964; ***он же***. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.

Белявский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965.

Белявский Н. Н. Полицейское право. Конспект лекций. Юрьев, 1904.

Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956.

Беседовский Г. З. На путях к термидору: [Воспоминания]. М.,

1997.

Бестужев И. В. Крымская война 1853–1856 гг. М., 1956.

Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872–1885. Т. 1–2 (вып. 1).

Бехтерев В. М. Автобиография (посмертная). М., 1928.

Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник (1879–1912). М., 1990.

Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946.

Богуцкая Л. В. Очерки по истории вооруженных восстаний в революции 1905–1907 гг. М., 1956.

Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.

Болховитинов Н. Н. Россия и Война США за независимость. 1775–1783. М., 1976.

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского охранного отделения. 3-е изд. М., 1990.

Бонч-Бруевич В. Д. Нелегальная поездка в Россию. М.; Л., 1930.

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1958.

Борисов А. Н. Особый отдел империи. История Заграничной агентуры российских спецслужб. СПб.; М., 2001.

Боханов А. Н. Император Александр III. М., 1998; ***он же***. Император Николай II. М., 1998; ***он же***. Сумерки монархии. М., 1993.

Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976; ***он же***. Московские восстания конца XVII в. М., 1969.

Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. (Вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.

Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928; ***он же***. Протоколы Сионских мудрецов. Доказанный подлог. Париж, 1938; ***он же***. Франко-русское шпионство и франко-русский союз // Былое. 1908. № 8.

Бух Н. К. Воспоминания. М., 1928.

Бушуев С. В. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. М., 1994. Кн. 2: XVII–XVIII вв.

Важнейшие законодательные акты (1908–1912 гг.) / Сост. М. С. Иоффе. СПб., 1913.

Валк С. Г. В. Плеханов и «шпионские забавы» // Красный архив. 1924. № 5.

Варшавский В. С. Родословная большевизма. Париж, 1982.

Васильев Н. Г. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939.

Ватлин А. Ю. Коминтерн: первые десять лет: Исторические очерки. М., 1993.

Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках: Записки чекиста. 3-е изд. М., 1988.

Ведерников В. В., Китаев В. А., Луночкин А. В. Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX в. М., 1997.

Велидов А. С. Похождения террориста: Одиссея Я. Блюмкина. М., 1998.

Вержбицкий В. Г. Революционное движение в русской армии. (С 1826 по 1859 г.). М., 1964.

Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь; М., 1996; ***он же***. Киевская Русь. Тверь; М., 1996; ***он же***. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.

Вертикальный охват. М., 1981.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; ***он же***. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Весла А. Тайный агент Японии. М., 1939.

Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х гг. XIX в. М., 1979; ***она же***. Революционное подполье в России (60-е гг. XIX в.). М., 1965.

Винекен А. Г. О японской стратегии и тактике. СПб., 1913.

Виноградов В. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991.

Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994.

Власов В. И., Гончаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX вв. (Историко-правовое исследование): в 2 ч. Домодедово, 1997.

Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904). Львов, 1964.

Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II.

Гельсингфорс, 1936.

Военная история Отечества с древних времен до наших дней: в 3 т. М., 1995.

Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1.

Волк С. С. Народная воля. 1879–1882. М.; Л., 1966.

Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917.

Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. М., 1990.

Воробейкова Т. У., Дубровина А. Б. Преобразование административного полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в. Киев, 1973.

Воссоединение Украины с Россией: Сборник статей. М., 1954.

Восстание декабристов. Материалы и документы. М.; Л., 1925–2001. Т. 1–20.

Вотинов А. П. Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939.

Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний от 25 декабря 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1865. Т. 37. № 39087.

Вуич И. В. Малая война. СПб., 1850.

ВЧК – ГПУ: Документы и материалы. М., 1995.

Галвазин С. Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001.

Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991.

Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997.

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991.

Гершельман Ф. К. Партизанская война. СПб., 1885.

Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908; ***он же***. Судебная реформа. СПб., 1905.

Гибель царской семьи. М., 1996. Т. 1–2.

Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы, 1917–1920 гг. М., 1998; ***он же***. Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг. М., 1995.

Гинев В. Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, 1902–1914 гг. Л., 1983.

Глинский Б. Б. Эпоха мира и успокоения. Гл. IV: «Священная дружина» в переговорах с «Народной волей» // Исторический вестник. 1911. № 8.

Гоголевский А. В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX в. СПб., 1996.

Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы: В 2 т. М., 1990.

Гончарок М. Век воли: Русский анархизм и евреи (XIX–XX вв.). Иерусалим, 1996.

Гордин Я. А. Меж рабством и свободой: 19 января – 25 февраля 1730 г. СПб., 1994; ***он же***. Мятеж реформаторов, 14 декабря 1825 г. 2-е изд. Л., 1989.

Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955.

Горелов И. Е. Большевики и легальные организации рабочего класса. М., 1980.

Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.

Городские восстания в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1936.

Горсей Дж. Записки о России, XVI – начало XVII в. М., l990.

Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI в. М., 1974.

Государственность России: Словарь-справочник. М., 1996–2001. Кн. 1–4.

Государственные преступления в России в XIX в. / Сост. под ред. В. Базилевского (Богучарского). СПб., 1906.

Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сборник законодательных актов. М., 1995.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.; Л., 1913–1941. Т. 1–2.

Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994.

Гражданская война в СССР: В 2 т. М., 1980–1986.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987.

Гревс А. Тайны германского военного министерства. Пг., 1914.

Гредескул Н. А. Террор и охрана. СПб., 1912.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.

Группа «Освобождение труда». (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). М.; Л., 1923–1928. Т. 1–6.

Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992; ***он же***. От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1992; ***он же***.

Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд. Л., 1989.

Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий. СПб., 1812; ***он же***. Опыт теории партизанского действия. 2-е изд. М., 1822.

Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. Берлин, 1924.

Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сборник статей. М., 1975.

Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

Декабристы и их время. М.; Л., 1951.

Декабристы и русская культура. Л., 1975.

Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1998.

Делевский Ю. Протоколы Сионских мудрецов. Берлин, 1923.

Дело А. А. Лопухина в Особом присутствии Правительствующего Сената. Стенографический отчет. СПб., 1910.

Дело петрашевцев. М.; Л., 1937–1951. Т. 1–3.

Дело провокатора Малиновского / Сост. Б. И. Каптелов и др. М., 1992.

Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

Демочкин Н. Н. Советы 1905 г. – органы революционной власти. М., 1963.

Департамент полиции в 1892–1908 гг. (Из воспоминаний чиновника) // Былое. 1917. № 5–6.

Дерюжинский В. Ф. Полицейское право. 4-е изд. Пг., 1917.

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: 1861–1876 гг.: В 2 т. М., 1961.

Документы Ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. М., 1975.

Докучаев М. С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995.

Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958.

Дресвянин С. П. Секретная война. Ростов н/Д., 1998.

Дробов М. А. Малая война: партизанство и диверсии. М., 1998.

Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в.: Избр. труды. М., 1985.

Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955.

Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. Т. 1–3. СПб., 1884.

Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1956.

Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; ***она же***. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.

Дух Рапалло: Советско-германские отношения, 1925–1933. М., 1997.

Дьяков В. А., Миллер И. С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964.

Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество, 1922–1933: Неизвестные документы. М., 1992.

Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья. М., 1968.

Егоров Б. Ф. Петрашевцы. Л., 1988.

Емец В. А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. М., 1977.

Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 4-е изд. М., 1997; ***он же***. Самодержавие накануне краха. М., 1975.

Ерусалимский А. С. Бисмарк: Дипломатия и милитаризм. М., 1968.

Жандармерия и охранка конца XIX – начала XX в.: Сборник документов государственных архивов Украины. Днепропетровск, 1996.

Желудкова Т. И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. М., 1977.

Женщины-террористки в России / Сост., вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкого. Ростов н/Д., 1996.

Жилинский В. Б. Организация и жизнь Охранного отделения во времена царской власти. М., 1918.

Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа «Освобождение труда». Л., 1975.

Жухрай В. М. Роковой просчет Гитлера: Крах блицкрига (1939–1941). М., 2000; ***он же***. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М., 1991.

За кулисами охранного отделения. Берлин, 1910.

Заброшенные в небытие: Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997.

Заварзин П. П. Жандармы и революционеры. Париж, 1930; ***он же***. Работа тайной полиции. Париж, 1924.

Заговоры и покушения / Подгот. текста Н. В. Глобус. Минск, 1996.

Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952; ***он же***. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. М., 1964; ***он же***. Отмена крепостного права в России. 3-е изд. М., 1968; ***он же***. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; ***он же***. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.). М., 1970; ***он же***. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973.

Законы Российской империи. (Спутник тяжущегося). Полный гражданский и уголовный судебник: В 2 т. 4-е изд. М., 1907.

Залесский К. А. Вожди и военачальники Третьего рейха: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

Записки императрицы Екатерины II. М., 1990.

Захаров В. В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии, 1921 г. – июнь 1941 г. М., 1992.

Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984.

Зенькович Н. А. Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина. М., 1998.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986; ***он же***. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991; ***он же***. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977; ***он же***. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; ***он же***. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

Злоказов Г. И. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 г. М., 1997.

Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания. М., 1996.

Игнатович И. И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963.

Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962.

Из записок М. Е. Бакая // Былое. 1909. № 9–10.

Из записок Н. В. Клеточникова // Былое. 1908. № 7–10.

Из истории русской контрразведки. М., 1945.

Извольский А. П. Воспоминания. Пг.; М., 1924.

Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России: Циклы модернизации процесса. М., 1996.

Индивидуальный политический террор в России, XIX – начало XX в. М., 1996.

Инструкция для стражников уездной полицейской стражи. Владимир, 1906.

Инструкция чинам полиции округа Санкт-Петербургской судебной палаты по обнаружению и исследованию преступлений. СПб., 1884.

Инструкция чинам полиции округа Харьковской судебной палаты по обнаружению и исследованию преступлений. Харьков, 1898.

Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М., 1967.

Искусство войны: Антология военной мысли: В 2 кн. СПб., 2000. Кн. 1: Древний мир. Кн. 2: Новое время.

Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы. М., 1940; ***он же***. Эволюция оперативного искусства. 2-е изд. М., 1937.

Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913.

История внешней политики России. Первая половина XIX в.: (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995.

История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997.

История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в.: (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.

История государства Российского: Жизнеописания IX – XVI вв. М., 1996.

История государства Российского: Жизнеописания: XIX в., первая половина. М., 1997.

История государства Российского: Жизнеописания: XIX в., вторая половина. М., 1998.

История политических партий России. М., 1994.

История полиции России: Краткий исторический очерк и основные документы. М., 1998.

История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977.

История сыска в России / Авт. – сост. П. А. Кошель: В 2 кн. Минск, 1996.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / Авт. – сост. О. В. Будницкий. 2-е изд. Рос тов н/ Д., 1996.

Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965; ***он же***. П. Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988; ***он же***. Первый Интернационал и

революционная Россия. М., 1964; ***он же***. Южнороссийский союз рабочих. М., 1974.

Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988.

Казакевич Р. А. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х – начала 90-х гг. (Кружки П. В. Точисского и М. И. Брус не ва). Л., 1960.

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955.

Какурий Н. Е. Как сражалась революция. 2-е изд. М., 1990. Т. 1–2.

Калинычев Ф. И. Государственная дума в России: Сборник документов и материалов. М., 1957.

Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997; ***он же***. «Под сению Екатерины…»: Вторая половина XVIII в. СПб., 1992.

Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

Кантор Р. К истории «черных кабинетов» // Каторга и ссылка. 1927. № 8.

Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988–1989. Т. 1–12.

Каратыгин П. П. Бенкендорф и Дубельт // Исторический вестник. 1887. № 10.

Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1980.

Каргалов В. В., Сахаров А. Н. Полководцы Древней Руси. 2-е изд. М., 1986.

Карьера П. И. Рачковского. Документы // Былое. 1918. № 2.

Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997.

Керсновский А. А. История русской армии. М., 1999.

Кирьянов Ю. И. Были ли антивоенные стачки в России в 1914 г.? // Вопросы истории. 1994. № 2.

Киселев Н. Е. Профсоюзы и советское государство: Дискуссии 1917–1920 гг. М., 1991.

Китаев В. А. От Фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX в. М., 1972.

Киянская О. И. Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 г. – 3 января 1826 г.). М., 1997.

Клавинг В. В. Кто был кто в Белой гвардии и военной контрреволюции (1917–1923 гг.). СПб., 1998.

Клембовский В. Н. Партизанские действия. 2-е изд. Пг., 1919; ***он же***. Тайные разведки. 2-е изд. СПб., 1911.

Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1987–1990.

Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и

материалы. СПб., 1995.

Кознов А. П. Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции (1907–1910 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1986. № 12; ***он же***. Борьба большевиков с подрывными акциями царской охранки в 1910–1914 гг. // Там же. 1988. № 9.

Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928; ***он же***. Из истории революционной мысли в России: Избранные труды. М., 1961; ***он же***. Русская секция Первого интернационала. М., 1957.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1911–1919 гг. М., 1991.

Колесниченко Д. А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985.

Колпакиди А. И. К вопросу о взаимодействии российских спецслужб в дооктябрьской России // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997.

Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Внешняя разведка России. СПб.; М. 2001; ***они же.*** Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. М., 2000. Кн. 1–2; ***они же.*** КГБ: Спецоперации советской разведки. М., 2000.

Колпакиди А. И., Прудникова. Е. А. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000.

Колычева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971.

Коминтерн и Вторая мировая война / Сост. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский. М., 1994. Ч. 1: До 22 июня 1941 г.; М., 1998. Ч. 2: После 22 июня 1941 г.

Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Сост. и авторы коммент. Я. С. Драбкин, Л. Г. Бабиченко, К. К. Ширинья. М., 1998.

Коминтерн против фашизма: Документы / Сост. В. В. Дамье, Н. П. Комолова, М. Б. Корчагина, К. К. Ширинья. М., 1999.

Кон Н. Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах Сионских мудрецов». М., 1990.

Конец крепостничества в России: Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994.

Кораблев Ю. И. Революционные восстания на Балтике в 1905–1906 гг. Л., 1956.

Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; ***он же***. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.,

1975.

Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). М., 1909.

Корольчук Э. А. «Северный союз русских рабочих» и рабочее движение 70-х гг. XIX в. в Петербурге. М., 1971.

Коротков И. А. Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 4 т. М., 1998.

Кошель П. А. История наказаний в России. История российского терроризма. М., 1995.

Краскова В. С. Тайны кремлевской охраны. Минск, 1998.

Красная книга ВЧК: В 2 т. 2-е изд. М., 1990.

Красный А. Тайны охранки. М., 1917.

Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева: В 3 т. Л., 1961–1970.

Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966.

Крестьянские восстания в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. Антоновщина. Документы и материалы. Тамбов, 1994.

Крестьянское движение в России в XIX – начале XX в.: Сборник документов. М., 1959–1968. [Т. 1–10].

Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. М.; Л., 1949. Ч. 1–2.

Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967.

Кронштадт. 1921. М., 1997.

Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966; ***он же***. «Священная дружина». (Письмо в редакцию) // Русские ведомости. 1912. 31 октября (№ 251).

Ксенофонтов И. Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996; ***он же***. Мир, которого хотели и который ненавидели. М., 1991.

Куликово поле: Материалы и исследования. М., 1990.

Куликово поле: Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы. Тула, 1982.

Куликовская битва. М., 1980.

Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

Курлов П. Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923; ***он же***. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. М.; Пг., 1923.

Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972.

Лакер У. Черная сотня: Истоки русского фашизма. Вашингтон, 1994.

Ланда С. С. Дух революционных преобразований…: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825. М., 1975.

Лапин В. В. Семеновская история: [о восстании лейб-гвардии Семеновского полка, 16–18 октября 1820 г.]. Л., 1991.

Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996.

Лебедев В. И. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1967; ***он же***. Крестьянская война под руководством Степана Разина. 2-е изд. М., 1964.

Лейкина-Свирская В. Р. Петрашевцы. М., 1965.

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения С. Е. И. Величества канцелярии. 2-е изд. СПб., 1909; ***он же***. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». 2-е изд. СПб., 1908.

Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997.

Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. М., 1997.

Леонтович В. В. История либерализма в России, 1762–1914. М., 1995.

Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961.

Леттов-Форбек П. Мои воспоминания о Восточной Африке. М., 1927.

Лещинский Л. М. Военные победы и полководцы русского народа второй половины XVIII в. М., 1959.

Либерализм в России. М., 1996.

Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Пугачев и пугачевцы. Л., 1974.

Линков Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825–1861 гг. М., 1952; ***он же***. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х гг. М., 1964.

Липатов С. Русская и германская разведка в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и участие в ней России (1914–1918). М., 1994. Ч. 1.

Лисов И. И. Десантники (воздушные десанты). М., 1968.

Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

Литвин А. Л. Красный и белый террор в России, 1918–1922 гг. Казань, 1995.

Литвинов Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ). Воронеж; М., 1999.

Литвинов Н. Д., Нурадинов Ш. М. Противодействие антигосударственному террору на железных дорогах Российской империи. М., 1999.

Логинов В. М. Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М., 2000.

Ломачевский А. И. Из воспоминаний жандарма 30–40 гг. СПб., 1880. Ч. 1–2.

Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991.

Лопухин А. А. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907; ***он же***. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг., 1923.

Лоуренс Т. Восстание в пустыне. М.; Л., 1929.

Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917–1960: Справочник / Сост., введение и прим. А. И. Кокурина, Н. В. Петрова; Науч. ред. Р. Г. Пихоя. М., 1997.

Лубянка, 2: Из истории отечественной контрразведки. М., 1999.

Лунин Б. В. Степан Разин. Краткий исторический очерк. Ростов н/Д., 1971.

Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России, 1649–1917. 2-е изд. М., 1998.

Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939.

Лященко Л. М. Царь-освободитель: Жизнь и деяния Александра II. М., 1994.

Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов н/Д., 1999.

Майский С. Черный кабинет. Из воспоминаний бывшего цензора. Пг., 1922.

Маковский Д. П. Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967.

Мальков П. Д. Записки коменданта Московского Кремля. М., 1959.

Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998; ***он же***. Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Л., 1980.

Маринов В. А. Россия и Япония перед Первой мировой войной (1905–1914 гг.). М., 1974.

Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие: История развития со времен возникновения до введения бездымных порохов. СПб., 1994.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. [5-е изд.]. М., 1990.

Меньшевики и меньшевизм. Сборник статей. М., 1998.

Меньщиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. М., 1925–1932. Ч. 1–3; ***он же***. Русский политический сыск за границей. Париж, 1914.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993–1995.

Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902.

Мироненко С. В. Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов // Восстание декабристов. Документы. М., 1986. Т. 16; ***он же***. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; ***он же***. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.

Миронов Г. Е. История государства Российского. Историко-биографические очерки. М., 1995.

Михайлов О. (Радишевский). Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777–1781. Ч. 1–2.

Михутина И. В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994.

Модзалевский Б. Л. Л. Н. Толстой // Русская старина. 1899. № 9–10.

Молодцыгин М. А. Красная армия: рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997.

Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992.

Мулукаев Р. С. История полиции дореволюционной России. М., 1981; ***он же***. Общеуголовная полиция дореволюционной России. М., 1979; ***он же***. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России. М., 1964; ***он же***. Системы государственных учреждений дореволюционной России. М., 1974.

[Н. Г.] Л. В. Дубельт // Русская старина. 1880. № 11.

На страже границ Отечества. М., 2000. Т. 3: Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в.

Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.

Налет П. И. Рачковского на народовольческую типографию // Былое. 1917. № 1.

Нарбутов Р. В. Проект развития полицейских органов России 1907 г. // Советское государство и право. 1990. № 11.

Нарочницкая Л. И. Россия и войны Пруссии в 60-х гг. XIX в.

за объединение Германии «сверху». М., 1960; ***она же***. Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 гг. М., 1979; ***она же***. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг.: К истории Восточного вопроса. М., 1989.

Насонкина Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.

Невежин В. А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997.

Немецкий шпионаж в царской России. Сборник документов. М., 1942.

Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 г. 3-е изд. М., 1985.

Николаевский Б. И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991.

Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / Под ред. К. К. Звонарева. М., 1925.

Новиков М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг.: В 2 ч. Ярославль, 1995.

Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

[О-й.] Нераскрытое дело. (Из воспоминаний о Судейкине) // Наша страна: Исторический сборник. СПб., 1907.

Об учреждении полиции // Свод законов Российской империи: В 15 т. СПб., 1912. Т. 2.

Обнинский В. П. Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.

Общественное движение в пореформенной России. М., 1965.

Овсянникова С. А. Группа Благоева. М., 1959.

Оглашению подлежит: СССР – Германия, 1939–1941. М., 1991.

Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991.

Октябрьский переворот. М., 1991.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.

Орехов А. М. Первые марксисты в России: Петербургский «Рабочий союз», 1887–1893 гг. М., 1979.

Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х гг. XIX в. Горький, 1974; ***он же***.

Самодержавие и печать между двумя революционными ситуациями. Горький, 1973; ***он же***. Самодержавие против революционной России: (1826–1880 гг.). М., 1982.

Орлов В. Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. М., 1998.

Осоргин М. А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917.

Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 1994–2000. Т. 1–3.

Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. М., 1996. Т. 1: От древнейших времен до 1917 г.; 1996. Т. 2: 1917–1933 гг.; 1997. Т. 3: 1933–1941 гг.; 1999. Т. 4: 1941–1945 гг.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1998; ***он же***. Птенцы гнезда Петрова. 3-е изд. М., 1989; ***он же***. Страсти у трона. М., 1996.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.

Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х гг. М., 1999; ***он же***. Российская контрразведка в годы русско-японской войны. Отечественная история. М., 1996; ***он же***. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989.

Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. По документам. Пг., 1922.

Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; ***он же***. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Редакция П. Е. Щеголева. Л.; М., 1924–1927. Т. 1–7.

Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997; ***он же***. Русская революция. М., 1994. Ч. 1–2.

Папчинский А. А., Тумшис М. А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001.

Пашуто В. Т. Александр Невский. 2-е изд. М., 1975.

Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда», 1883–1903. М., 1984.

Первая мировая война. Пролог XX в. М., 1998.

Первая мировая война. 1914–1918: (Сборник статей). М., 1968.

Первая российская: Справочник о революции 1905–1907 гг. М., 1985.

Перевороты и войны. М., 1997.

Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900–1903 гг. М., 1969–1970. Т. 1–3.

Петин С. И. Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811–1911 гг. Исторический очерк. 2-е изд. СПб., 1911.

Петров В. А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.; Л., 1964.

Пирумова Н. М. А. Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989; ***она же***. Социальная доктрина М. А. Бакунина. М., 1990.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.; М., 1887–1992. Т. 1–13.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. М., 1998.

Платонов О. А. Терновый венец России: Тайная история масонства, 1731–2000. 3-е изд. М., 2000.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории: В 2 ч. М., 1994; ***он же***. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. 5-е изд. М., 1995; ***он же***. Полный курс лекций по русской истории. 3-е изд. Ростов н/Д., 2002.

Плеханов А. М. Отдельный корпус пограничной стражи России: Краткий исторический очерк. М., 1993.

Победоносцев К. П. Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925–1926. Т. 1–2. Повести о Куликовской битве. М., 1959.

Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. 1707–1709. М., 1962.

Покровский М. Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. М., 1924.

Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. М., 1996.

Политические деятели России, 1917: Биографический словарь. М., 1993.

Полиция и милиция России: Очерки истории. М., 1993.

Полиция и милиция России: Страницы истории. М., 1995.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1885. Т. 1.

Полное собрание русских летописей. СПб.; М.; Л., 1841–1995. Т. 1–41.

Положение о Корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1871. Т. 42. № 44956.

Полтава. К 250-летию Полтавского сражения: Сборник статей.

М., 1959.

Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. Польско-советская война, 1919–1920. (Ранее не опубликованные документы и материалы): В 2 ч. М., 1994.

Полянский Н. Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1958.

Пономарев В. Н. Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993.

Последние дни императорской власти / Сост. А. Блок. Пг., 1921.

Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.

Приказ о воспитании и обучении в японской армии. Хабаровск, 1913.

Приключения И. Ф. Мануйлова // Былое. 1917. № 5–6.

Провокатор. Воспоминания и документы о разоблачении Азефа / Редакция П. Е. Щеголева. Л., 1929.

Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д., 1983.

Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997.

Пятницкий В. И. Заговор против Сталина. М., 1998.

Рабочее движение в России в XIX в.: Сборник документов и материалов. М., 1955–1963. Т. 1–4.

Радзивилловская летопись: В 2 т. СПб.; М., 1994.

Радо Ш. Под псевдонимом Дора: Воспоминания советского разведчика. М., 1976.

Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи: Документы. Воспоминания / Сост. А. В. Литвинов, Н. Д. Литвинов, А. Я. Мазуренко; авт. вступ. статьи Н. Д. Литвинов. Воронеж, 2000.

Раззаков Ф. И. Век террора. М., 1997.

Райкс Г. Большое ухо Парижа: Французская полиция: История и современность. М., 1981.

Райле О. Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и на Востоке. М., 2002.

Ратаев Л. Евно Азеф. История его предательства // Былое. 1917. № 2.

Рачковский П. И. Небесная империя и ее обитатели. СПб., 1880.

Революционеры и либералы России. М., 1990.

Революционное народничество 70-х гг. XIX в.: Сборник

документов и материалов: В 2 т. М., 1964–1965.

Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: Документальная публикация / Ред. Е. Л. Рудницкая. М., 1997.

Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. М., 1955–1965. [Т. 1–18].

Ривьер Л. Центр германской секретной службы в Мадриде в 1914–1918 гг. 2-е изд. М., 1938.

Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.

Роговин В. З. Власть и оппозиция. М., 1993; ***он же***. Мировая революция и мировая война. М., 1998; ***он же***. Партия расстрелянных. М., 1997; ***он же***. Сталинский неонэп. [М., 1995]; ***он же***. 1937. М., 1996.

Ронге М. Разведка и контрразведка. 2-е изд. М., 1939.

Российские консерваторы. М., 1997.

Российские самодержцы, 1801–1917. 2-е изд. М., 1994.

Российский военный сборник. М., 1999. Вып. 15: Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина.

Российский военный сборник. М., 1999. Вып. 16: Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции.

Россия в Кавказской войне. СПб., 1997–2000. Вып. 1–10.

Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1983. Россия XIX – XX вв.: Взгляд зарубежных историков. М., 1996.

Рудницкая Е. Л. Н. П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969; ***она же***. Русская революционная мысль: Демократическая печать, 1864–1873. М., 1984; ***она же***. Русский бланкизм: П. Ткачев. М., 1992.

Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. М., 1986. Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV – XVIII вв. М., 1980.

Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.

Рябиков П. Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время. Томск, 1919. Ч. 2.

С. Ч. Охранные отделения в последние годы царствования Николая II. М., 1917.

Савва В. И. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. М., 1983. Ч. 1–2.

Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Сахаров А. Н. Степан Разин: (Хроника XVII в.). 2-е изд. М., 1987; ***он же***. Алек сандр I. М., 1998.

Сборник инструкций, законоположений и распоряжений для

нижних чинов полиции и полицейских урядников. СПб., 1908.

Сватиков С. Г. Заграничная агентура Департамента полиции. М., 1941; ***он же***. Русский политический сыск за границею (По документам Парижского архива Заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов н/Д., 1918.

Свод законов Российской империи: В 2 ч. и 16 т. СПб., 1899.

Седов М. Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.

Сейдаметов Д. Германо-австрийская разведка в царской России. М., 1939.

Секретная инструкция А. Х. Бенкендорфа штаб-офицерам в жандармских округах и отделениях // Русский архив. 1910. № 8.

Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа. 1921 г. М., 1973.

Семенов Е. П. Контрреволюция 1905 г. и внешняя политика. П. И. Рачковский // Свобода в борьбе. 1917. № 1.

Семин Г. И. Оборона Севастополя. 1854–1855 гг. М., 1962.

Сенчакова Л. Т. «Священная дружина» и ее состав // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1967. № 2; ***она же***. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989.

Сергеев Е. Ю. Новые материалы о деятельности германской агентуры в Китае против России в 1914–1915 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 4.

Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718–1917). М., 1992. Вып. 2: Полиция Российской империи XIX – начала XX в. М., 1992.

Сикорский В. Будущая война. М., 1936.

Скорцени О. Секретные задания. Ростов н/Д, 1999.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983; ***он же***. Лихолетье. Москва в XVI–XVII вв. М., 1988; ***он же***. Начало опричнины. Л., 1966; ***он же***. Опричный террор. Л., 1969; ***он же***. Россия накануне «смутного времени». 2-е изд. М., 1985; ***он же***. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосиб., 1990; ***он же***. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988; ***он же***. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985; ***он же***. Царство террора. СПб., 1992.

Сметанин А. И. Оборона Порт-Артура. М., 1991.

Смирнов И. И. Восстание Болотникова, 1606–1607. 2-е изд. М., 1951.

Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947–1948. Т. 1–2.

Смута в Московском государстве. М., 1989.

Соборное уложение 1649 г. Л., 1987.

Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пг.,

1916.

Советская историческая энциклопедия. М., 1961–1976. Т. 1–16.

Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000.

Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988–1998. Кн. 1–22.

Сопряков В. Н. Восток – дело тонкое: Исповедь разведчика. 2-е изд. М., 2001.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960–1962. Т. 1–3; ***он же***. Записки жандарма. 2-е изд. Харьков, 1928; ***он же***. История большевизма в России: От возникновения до захвата власти. 1883–1903–1917 гг. Париж, 1922; ***он же***. При царском режиме. Записки начальника охранного отделения. М., 1926; ***он же***. Революционное движение в России. СПб., 1914. Вып. 1: Российская социал-демократическая рабочая партия. Пг., 1916; Вып. 2: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники.

Спирин Л. М. Крах одной авантюры. (Мятеж левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 г.). М., 1971.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

Становление разведки, контрразведки и политического розыска в России в период IX – начала XX в. М., 1994.

Старинов И. Г. Записки диверсанта. М., 1997; ***он же***. Мины замедленного действия. М., 1999.

Старков Б. А. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995.

Степанов Е. Из заграничных воспоминаний старого народовольца // Каторга и ссылка. 1926. № 3.

Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. Восстание Степана Разина. Л., 1966–1972. Т. 1–2.

Степанов С. А. Загадки убийства Столыпина. М, 1995; ***он же***. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1902–1914. [Кн. 1–13].

Строев В. Н. Столетие Собственной Его Императорского Величества канцелярии. [1812–1912]. СПб., 1912.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., 1996; ***он же***. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950-е гг. М., 1997.

Сухотин Н. Н. Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1865 гг. 2-е изд. СПб., 1887.

Тайная война против России. Из документов русской контрразведки 1904–1905 гг. / Публ. Д. Б. Павлова // Исторический архив. 1994. № 3.

Тайны политического сыска: Инструкция о работе с

секретными сотрудниками. СПб., 1992.

Тайны Русско-японской войны: [Сборник]. М., 1993.

Такер Р. Сталин. Путь к власти, 1879–1929: История и личность. М., 1991; ***он же***. Сталин у власти, 1928–1941: История и личность. М., 1997.

Тактические поучения, извлеченные японцами из последней войны. СПб., 1912.

Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897.

Таратута Ж. В., Зданович А. А. Таинственный шеф Маты Хари: Секретное досье КГБ № 21152. М., 2000.

Тарле Е. В. Крымская война. 2-е изд. М.; Л., 1950. Т. 1–2.

Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. М.; Л., 1962–1968.

Татищев С. С. Император Александр Второй, его жизнь и царствование: [В 2 кн.]. М., 1996.

Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М., 1978; ***она же***. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1969.

Тимофеев Л. А. Обязанности жандармской железнодорожной полиции. 2-е изд. СПб., 1912.

Тихомиров Л. А. Воспоминания. М.; Л., 1927; ***он же***. Заговорщики и полиция. М., 1930.

Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.

Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. М., 1961.

Тишкин Г. А. Женский вопрос в России, 50–60-е гг. XIX в. Л., 1984.

Ткаченко П. С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). М., 1961.

Толмачев Е. П. Александр II и его время: В 2 кн. М., 1998.

Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. СПб., 1875.

Томсинов В. А. Временщик: (А. А. Аракчеев). М., 1996; ***он же***. Светило русской бюрократии: (М. М. Сперанский). 2-е изд. М., 1997.

Трактаты о военном искусстве. Сунь-Цзы, У-Цзы / Пер. с кит. и коммен. Н. И. Конрада. М.; СПб., 2001.

Треппер Л. Большая игра: Воспоминания советского разведчика. М., 1990.

Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. 4-е изд. М., 1937.

Троицкий Н. А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2-е изд. Саратов, 1983; ***он же***. Первые из блестящей

плеяды: Большое общество пропаганды – [чайковцы], 1871–1874 гг. Саратов, 1991; ***он же***. Царские суды против революционной России: Политические процессы, 1871–1880 гг. Саратов, 1976.

Трофимов А. С. Пролетариат России и его борьба против царизма. 1861–1904 гг. М., 1979.

Троцкий И. М. III Отделение при Николае I. Л., 1990.

Троцкий Л. Д. История русской революции: [В 2 т.]. М., 1997.

Трукан Г. А. Путь к тоталитаризму, 1917–1929 гг. М., 1994.

Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1–2.

Тютюкин С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России // Первая мировая война: Пролог XX в. М., 1998.

Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М., 1996.

Уильямсон Г. СС – инструмент террора. Смоленск, 1999.

Уорвол Н. Войска СС. Кровавый след. Ростов н/Д., 2000.

Уральский Ю. С. Пароль: «от Петрова»: Из истории постановки конспирации в деятельности «Искры». М., 1988.

Устинов А. Японский шпионаж в русско-японскую войну. М., 1939.

Фатуева Н. В. Противостояние: кризис власти – трагедия народа: Из истории крестьянских волнений и восстаний в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг. Рязань, 1996.

Февральская революция 1917 г.: Сборник документов и материалов. М., 1996.

Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы…»: Следствие и суд над декабристами. М., 1988; ***он же***. Солдатское движение в годы декабристов. 1816–1825 гг. М., 1963; ***он же***. М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М., 1997.

Федоров К. Г., Ярмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-н/Д., 1976.

Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М., 1958.

Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России, 1917–1918. М., 1996.

Феоктистов Е. М. Воспоминания: За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929.

Фигнер В. Н. Запечатленный труд: Воспоминания: В 2 т. М., 1964.

Флетчер Д. О государстве русском, или Образ правления русского царя. СПб., 1911.

Фосдик Р. Организация полиции в Европе. Пг., 1917.

Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996; ***он же***. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

Хохлов А. В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1975 (Автореф. дис.). Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. М., 1906.

Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии: Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. М., 1995.

Чепраков Г. П. Основы тактики японской армии. М., 1940.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700–1775. М., 1995; ***он же***. Людовик XV и Емельян Пугачев: французская дипломатия и восстание Пугачева (по документам дипломатических архивов Франции и России) // Россия и Франция XVIII—XX в. М., 1998. Вып. 2.

Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

Чер нов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.

Черняк Е. Б. Жандармы истории: (Контрреволюционные интервенции и заговоры). М., 1969.

Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е гг.). Воронеж, 1975.

Членов С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. По данным Комиссии по обеспечению нового строя. М., 1919.

Чукарев А. Г. Карательный аппарат самодержавной России во второй четверти XIX в., 1825–1855 гг. Ярославль, 1996. Ч. 1–2.

Шапошников Б. М. Мозг армии. М.; Л., 1927–1929. Кн. 1–3.

Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М., 1985.

Швин Э. Войсковая разведка. М., 1941.

Шелленберг В. В паутине СД. Минск, 1999.

Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; ***он же***. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983; ***он же***. Либеральная модель

переустройства России. М., 1996; ***он же***. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987.

Шелухин А. Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX в. (1906–1914 гг.) // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1996. № 3.

Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957.

Шильдер Н. К. Два доноса в 1831 г. // Русская старина. 1899. № 9; ***он же***. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1.

Шинджикашвили Д. И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма (структура, функции, реакционная сущность, связь с другими министерствами). Омск, 1974; ***он же***. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.

Шишкин О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999.

Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., [1995].

Шпионство при Наполеоне I / Пер. с франц. В. Клембовского. СПб., 1897.

Шрейдер М. П. НКВД изнутри: Записки чекиста. М., 1995.

Штибер В. Практическое руководство для работников уголовного розыска. М., 1925.

Штранге М. М. Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М., 1965.

Щеголев П. Е. «Жандармские откровения» [зав. Особым отделом о провокации] // Каторга и ссылка. 1929. № 5; ***он же***. К истории полицейской агентуры в России // Былое. 1906. № 3; ***он же***. Охранники и авантюристы. М., 1930.

Щетинина Г. И. Идейная жизнь русской интеллигенции, конец XIX – начало XX в. М., 1995.

Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. 2-е изд. М., 1984; ***он же***. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966.

Эйхенбаум Б. М. Тайное общество Сунгурова // Заветы. 1913. № 2.

Элиес. Дело Ситникова. (Проект вечевого правления.) По архивным данным // Голос минувшего. 1917. № 7–8. Энциклопедия Третьего рейха / Сост. С. Воропаев. 4-е изд. М., 1999.

Эренфельд Б. К. Из истории борьбы большевистской партии с

подрывной деятельностью царской тайной полиции // Вопросы истории КПСС. 1979. № 12; ***он же***. Тяжелый фронт: Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983.

Юшков С. В. История государства и права СССР. М., 1950. Ч. 1.

Яковлев Н. Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. М., 1957.

Янжул И. И. Полицейское право. М., 1888.

notes

Примечания

1

Согласно условиям Версальского договора от 28 июня 1919 г. и Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Германии запрещалось иметь танки, тяжелую артиллерию, военно-воздушные силы, подводный флот, Генеральный штаб и вести разведывательную работу.

2

Гелен Рейнхард (1902–1979) – в период Второй мировой войны начальник отдела иностранных армий Генерального штаба Сухопутных войск, после войны – один из создателей и первый руководитель разведки ФРГ.

3

Rote Armee Fraction – Фракция Красной армии, террористическая организация левой ориентации, наиболее активно действовавшая в ФРГ в 1972–1977 гг. В 1998 г. объявила о самороспуске.

4

Общеупотребительное сокращение от Ministerium für Staatssicherheit – Министерство государственной безопасности ГДР (создано в 1950 г.).

5

См.: *Каратеев М. Д.* Мир Льва Гумилева: Арабески истории. – М., 1994.

6

Ключевский В. О. Курс Русской истории. – Т. I. – Ч. I. – М., 1987. – С. 153.

7

Карамзин Н. М. История Государства Российского. – М. 1988. – Кн. 1. – Т. I. – С. 70.

8

Соловьев С. М. Сочинения. – В 18 кн. – М., 1988–1998. – Кн. I. – Т. 1–2. – С. 219.

Там же. – С. 130.

10

Полное собрание русских летописей. – Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской, летописью. – М., 2000. – С. 15.

Эта версия не признается большинством профессиональных историков и рассматривается ими как порождение массовой культуры.

12

Тимур, Тамерлан, Тимурленг (1336–1405) – среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир. К концу правления его государство включало в себя Мавераннахр (область между Амударьей и Сырдарьей), Хорезм, Хорасан, Закавказье, Иран и Пенджаб.

13

Примечательно, что спустя пятьсот лет метод подвижной засады с успехом использовал советский мастер специальных операций Николай Кузнецов.

Цит. по: Вологда. Историко-краеведческий альманах. – Вып. I. – Вологда, 1994. – С. 9.

Там же. – С. 10.

Ключевский В. О. Указ. соч. – Т. II. – Ч. II. – М., 1988. – С. 125.

17

Цит. по: Лубянка, 2: Из истории отечественной контрразведки. – М., 1999. – С. 88.

18

Там же.

Вологда. Историко-краеведческий альманах. – Вып. I. – С. 10.

20

См.: *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. – Киев, 1910.

21

Кукушкин И. П., Никитинский И. Ф. Из истории Вологодского Кремля // Тезисы докладов всероссийского симпозиума «Кремли России» (Москва, 23–26 ноября 1999 года). – М., 1999. – С. 59.

22

Там же.

23

Соловьев С. М. Указ. соч. – Кн. III. – Т. 5–6. – С. 414.

24

Адашев Алексей Федорович (?–1561) – думный дворянин, окольничий (с 1553 г.), постельничий. С конца 40-х гг. XVI в. руководил Избранной радой. Хранитель личной казны царя и его печати «для скорых и тайных дел». Возглавлял Челобитный приказ (личную канцелярию Ивана IV). В 1560 г. служил воеводой в Ливонии, выступал против продолжения Ливонской войны. Сослан, умер в опале.

25

Курлятев Дмитрий Иванович (?–1562) – военный деятель. Князь, боярин (с 1549 г.) и воевода в правление Василия III и Ивана IV. Единомышленник Сильвестра и Адашева. Пострижен в монахи, а затем казнен со всей семьей.

26

Шереметьев Иван Васильевич (?–1577) – царский воевода, начинал свою карьеру в Муроме. Участвовал в Казанских походах 1545–1552 гг. В 1548 г. был пожалован в окольничие, в 1550 г. – в бояре. С 1552 г. «дворовый воевода» отборного царского полка. Успешно воевал с крымскими татарами, участвовал в Ливонской войне. В 1564 г. был заподозрен в измене и арестован, но через год с небольшим отпущен. После освобождения вошел в число земских бояр. В 1570 г. принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Иона; оставался в монастыре до конца своих дней.

27

Курбский Андрей Михайлович (1528–1583) – русский политический и военный деятель, писатель-публицист. Занимал высшие административные и военные должности, участвовал в Казанских походах 1545–1552 гг. В 1561 г. был поставлен во главе русских войск в Прибалтике, затем – воевода в Юрьеве (Дерпте). В 1564 г. бежал из Юрьева в Литву, где получил от польского короля несколько имений; был включен в число членов Королевской рады. В 1564 г. возглавил одну из польских армий в войне против России. В 1564–1579 гг. направил Ивану IV три послания, в которых обвинил царя в жестокости и неоправданных казнях. В 1573 г. написал «Историю о великом князе Московском» – политический памфлет, направленный против усиления самодержавной власти.

28

Висковатый Иван Михайлович (?–1570) – первый руководитель Посольского приказа, в том числе внешней (политической) разведки. Подьячий (с 1542 г.), думный дьяк (с 1553 г.), хранитель печати (с 1561 г.). Ложно обвинен в тайных сношениях с турецким султаном, крымским ханом, с бежавшим князем А. М. Курбским и польским королем, в намерениях сдать Новгород и Псков полякам. Казнен по приказу Ивана IV.

29

Щелкаловы Андрей Яковлевич (?–1597) и Василий Яковлевич (?–1610/1611) – государственные и политические деятели России эпохи Ивана IV. А. Щелкалов возвысился в связи с казнями руководителей приказов в период опричнины. Возглавлял приказы: Разрядный, Поместный, Казанского дворца, один из четвертных приказов. В 1594 г. отошел от дел. Его брат руководил Разрядным приказом в 1576–1594 гг. С середины 1594 г. стоял во главе Посольского приказа. С 1601 г. в опале. Позже от Лжедмитрия получил чин окольничего.

30

Воротынский Михаил Иванович (ок. 1510–1573) – князь, боярин, воевода, руководитель пограничной охраны и разведки на южных рубежах России в 1550–1573 гг. В 1562–1566 гг. – в опале. В 1571 г. отразил атаки крымских татар и заставил их отойти от столицы. В 1572 г. разбил войско крымского хана Девлет-Гирея. В 1573 г. арестован по ложному доносу, подвергнут пыткам, умер по дороге в ссылку.

31

Акты Московского государства. – СПб., 1890. – Т. I. – С. 1.

Там же. – С. 2.

Там же. – С. 4.

Там же. – С. 3.

Снайперы. – Минск, 1997. – С. 75.

36

Опись Московской оружейной палаты. Часть пятая: Огнестрельное оружие. – М., 1885.

37

Цит. по: Снайперы. – С. 74.

38

Опись Московской оружейной палаты. Часть пятая: Огнестрельное оружие. – С. 71.

39

Басманов (Басманов-Плещеев) Алексей Данилович (?–1570) – государственный и военный деятель. Отличился в Казанских походах 1545–1552 гг., при отражении крымского набега 1555 г. и в Ливонской войне. Окольничий (с 1552 г.), воевода, боярин (с 1555 г.). Один из руководителей опричнины. Организовал разгром боярской и земской оппозиции (в 1567–1569 гг.) и смещение митрополита Филиппа Колычева (в 1568 г.). Убит по приказу Ивана IV.

40

Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта) (?–1573) – из рода мелкопоместных польских шляхтичей. Руководитель опричнины в 1570–1572 гг. Думный дворянин с 1570 г. В 1569 г. лично убил князя В. А. Старицкого, двоюродного брата Ивана Грозного, и митрополита Ф. Колычева. Организатор репрессий в Новгороде (1570 г.). Дворовый воевода (с 1572 г.). Тесть Б. Ф. Годунова и Д. И. Шуйского. Погиб в ходе Ливонской войны при штурме крепости Пайда.

41

Басманов Федор Алексеевич (? – после 1570) – сын А. Д. Басманова, приближенный опричник. Воевода в Рязани (с 1564 г.), кравчий (в 1566 г.), первый воевода Большого полка в Калуге и Туле (с 1569 г.). По приказу Ивана IV убил своего отца. С 1570 г. в опале. Умер в ссылке.

42

Кравчий – руководитель царских стольников, подразделения царской службы безопасности.

43

Грязной Василий Григорьевич (до 1551 – после 1577) – один из руководителей опричнины (с 1570 г.). Начал службу при двоюродном брате Ивана IV князе В. А. Старицком. Участник Ливонского похода 1567 г. в государевом полку. В 1569 г. участвовал в следствии о «заговоре» своего бывшего господина. С 1570 г. думный дворянин. После смерти Малюты Скуратова изгнан из опричной думы. В 1573 г., выехав на разведку, попал в плен к крымским татарам. В Россию не вернулся.

44

См.: *Штаден Генрих*. О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. – М., 2003.

Кукушкин И. П., Никитинский И. Ф. Указ. соч. – С. 59–60.

Цит. по: *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. – СПб., 1875. – С. 40.

Там же. – С. 47–48.

Там же. – С. 99–101.

49

Горсей Дж. Записки о России: XVI – начало XVII в. – М., 1990. – С. 72–73.

Там же. – С. 63.

51

Симеон Бекбулатович (до крещения – Саин-Булат) (?–1616) – потомок ханов Золотой Орды. Появился в России в середине XVI в., когда его отец перешел на службу к Ивану Грозному. В конце 1560-х гг. стал ханом Касимовского царства, удельного княжества, созданного для татарских ханов, перешедших на службу к московским князьям. Участвовал в Ливонских походах 1570-х гг. Осенью 1575 г. Иван Грозный посадил его «великим князем всея Руси», а себе выделил особый «удел». В действительности царь продолжал сохранять власть в своих руках. Меньше чем через год он отстранил Симеона Бекбулатовича от «великого княжения» и пожаловал ему земельные владения в Твери и Торжке. В 1606 г., при Лжедмитрии I, принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Стефана; похоронен в московском Симоновом монастыре.

52

Бельский Богдан Яковлевич (?–1611) – племянник Г. Л. Скуратова-Бельского. В 1572 г. в чине рынды состоял при царе. Оружничий с 1578 г. После смерти Ивана Грозного пытался возвести на престол царевича Дмитрия и восстановить опричные порядки. В 1584–1591 гг. – воевода в Нижнем Новгороде. С 1598 г. окольничий. При Борисе Годунове – один из руководителей политического сыска. Вновь сослан в начале 1602 г. Вернулся в Москву после смерти Годунова в мае 1605 г. Получил боярство от Лжедмитрия I. С 1606 г. воевода в Казани. Убит горожанами.

53

Нагой Афанасий Федорович (? – после 1590) – думный дворянин, дипломат, посол в Крыму в 1563–1572 гг., один из самых деятельных участников политической борьбы конца XVI в. Предупредил Ивана IV о готовившемся походе крымского хана Давлет-Гирея на Астрахань. Плененный в 1569 г., обменян на крымского вельможу. Окольничий с 1571 г. При Борисе Годунове был сослан в Ярославль.

Там же. – С. 70–71.

Там же. – С. 70.

56

Мстиславский Иван Федорович (?–1586) – князь, боярин, воевода. Влиятельный член Земской боярской думы в 1565–1572 гг. Участник Казанских походов 1545–1552 гг., Ливонской войны 1558–1583 гг. Член Регентского совета при царе Федоре Ивановиче в 1584 г. Противник Бориса Годунова. В опале с 1585 г.

57

Шуйский Иван Петрович (?–1588) – князь, боярин, воевода. Руководитель обороны Пскова в 1581–1582 гг. Член Регентского совета при царе Федоре Ивановиче. Противник Бориса Годунова. С 1586 г. в ссылке, затем убит.

58

Захарьин-Юрьев Никита Романович (ок. 1522–1586) – боярин, брат царицы Анастасии Романовны, жены царя Ивана IV Грозного. Участвовал в Шведском походе 1551 г.; воевода во время Литовских походов (1559, 1564–1577 гг.). С 1563 г. дворецкий, одновременно получил чин боярина. В 1584–1585 гг. принимал участие в управлении государством. Перед смертью принял монашество с именем Нифонт. Его внук, Михаил Федорович, стал первым царем династии Романовых.

Там же. – С. 87.

Там же.

61

Артхашастра (*санскр.* – наука о пользе, о практической жизни) – собрание наставлений по вопросам управления государством. Авторство приписывают Каутилье, древнеиндийскому государственному деятелю IV в. до н. э., но, скорее всего, ему принадлежит лишь основа трактата, которую неоднократно перерабатывали и дополняли.

Цит. по: Артхашастра, или Наука политики. – М., 1993. – С. 46–51.

63

Цит. по: *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. – СПб., 1999. – С. 254.

Там же. – С. 262.

Ключевский В. О. Курс русской истории. – Т. III. – Ч. III. – М., 1988. – С. 29.

Флетчер Дж. О государстве Русском. – М., 2002. – С. 86–87.

Буссов Конрад. Московская хроника: 1584–1613. – М.; Л., 1961. – С. 84.

Там же.

Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. – М., 1937. – С. 98.

Флегтер Дж. Указ. соч. – С. 34–3 5.

Платонов С. Ф. Указ соч. – С. 264–265.

В частности, можно назвать М. Ю. Кошкина-Захарьина (?–16.10.1539). В царствование Василия III он выполнял важные дипломатические поручения. В 1511 г. наладил тайную переписку великого князя с его сестрой – вдовствующей княгиней Литовской Еленой. С 1514 г. окольничий, затем боярин. В 1519–1520 гг. обеспечивал правление в Казани московского ставленника. После смерти Василия III в 1533 г. был назван в числе трех ближайших советников Елены Глинской. Руководил расследованием ряда политических дел.

73

Филарет, в миру – Федор Никитич Романов (ок. 1554–1633), – один из главных претендентов на русский престол, патриарх с 1619 г. Отец первого царя из династии Романовых – Михаила. В конце 1600-го или начале 1601 г. по приказу Бориса Годунова был арестован и сослан в Антониев-Сийский монастырь, где был пострижен в монахи под именем Филарета. В 1605 г., при Лжедмитрии I, был возвращен из ссылки и получил сан митрополита Ростовского. В мае 1606 г. участвовал в свержении самозванца. В октябре 1608 г. при взятии Ростова захвачен отрядами «тушинского вора». Находясь в лагере Лжедмитрия II, будучи нареченным патриархом, занимал выжидательную позицию. В июле 1610 г. принял участие в свержении Шуйского. Придерживался прозападной позиции. Участвовал в заключении 17 (27) августа 1610 г. договора с польским гетманом Жолкевским о признании русским царем сына польского короля Сигизмунда III – Владислава. В сентябре 1610 г. возглавил «великое посольство» под осажденный Смоленск, которое должно было окончательно закрепить статьи августовского договора. Однако в ходе переговоров он отказался санкционировать обговоренные условия, в результате чего был арестован и отправлен в апреле 1611 г. в Польшу, где пробыл в плену до середины 1619 г. В июле 1619 г. вернулся в Москву и сразу же был поставлен патриархом. Со времени возвращения из плена и до конца жизни был фактическим правителем страны.

74

Уния (от *лат.* unio – единство, объединение) – форма соединения монархических государств под короной одного суверена.

Цит. по: *Платонов С. Ф.* Указ. соч. – С. 268.

Там же.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – Т. II. – М., 1998. – С. 230.

Платонов С. Ф. Указ. соч. – С. 266–267.

Буссов Конрад. Указ. соч. – С. 101.

80

Иов (?–1607) – первый русский патриарх (с 1589 г.), ставленник Бориса Годунова (до этого патриаршества в России не было). В июне 1605 г. сведен с патриаршего престола и сослан в старицкий Успенский монастырь боярами, признавшими царем Лжедмитрия I.

Платонов С. Ф. Указ. соч. – С. 270.

Буссов Конрад. Указ. соч. – С. 113.

Там же. – С. 113–114.

Там же. – С. 112.

85

Безобразов Иван Романович (?–1629) – русский дворянин; в 1605–1606 гг. ездил в Польшу, где вел переговоры с Сигизмундом III о браке Лжедмитрия I с Мариной Мнишек и одновременно – о возведении на русский престол королевича Владислава. Позднее служил Лжемитрию II. В 1615–1628 гг. был воеводой в Галиче, Ярославле, Сургуте и Шацке, с 1626 г. состоял при царском дворе.

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – Кн. IV. – Т. 7–8. – С. 437–438.

Там же. – С. 438.

88

Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1586–1610) – русский государственный и военный деятель, родственник Василия Шуйского. С 1604 г. – стольник при Борисе Годунове. С 1606 г., в правление Шуйского, – воевода. Разбил войско И. Болотникова под Москвой, у деревни Котлы, но позже потерпел поражение под Калугой. В 1608 г. вступил в переговоры со шведами о союзе против Лжедмитрия II, осадившего Москву. В мае 1609 г. при помощи шведов разбил войска сторонников Лжедмитрия II под Торжком, Тверью и Дмитровом. В марте 1610 г. торжественно вступил в столицу. Был настолько популярен в России, что вполне мог претендовать на царскую власть. По слухам, был отравлен. Похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

Там же. – С. 457.

Там же.

91

Там же. – С. 462.

Масса Исаак. Указ. соч. – С. 168.

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – С. 465–466.

Там же. – С. 466.

95

Веновая запись – запись о приданом. Происходит от *др. – рус.* вено – продажа, выкупная плата, которую жених вносил родственникам невесты. В польском феодальном праве вено (wiano) имело два значения: приданое (dotalicium) и обязательство, налагаемое на имущество мужа в случае его кончины.

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – С. 482–485.

Там же. – С. 485–486.

98

Котошихин Григорий Карпович (?–1667) – подьячий Посольского приказа. Завербован шведским послом в Москве в 1662 г. В 1664 г. бежал в Польшу, затем в Пруссию и Нарву. В 1665 г. получил политическое убежище в Швеции. Казнен в Стокгольме за убийство.

99

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. – Т. 1. – М., 1996. – С. 37–38.

100

Ртищев Федор Михайлович (1626–1673) – государственный и военный деятель, дипломат; с 1645 г. занимал дворцовые должности стряпчего, постельничего, дворецкого. Окольничий с 1656 г. Участник царских походов против Речи Посполитой и Швеции в 1654–1655 гг., во время которых выполнял дипломатические поручения. Глава приказов: Большого дворца (1656–1664 гг.), Тайных дел (1657–1658 гг.), Лифляндского (1659 г.) и др. Воспитатель царевича Алексея Алексеевича, после смерти которого в 1670 г. удалился от дел.

101

Морозов Борис Иванович (1590–1661) – воспитатель («дядька») Алексея Михайловича. В 1645–1648 гг. руководил приказами Большой казны, Стрелецким, Иноземным, Аптекарским. Для увеличения доходов сократил жалованье служилым людям и ввел высокий косвенный налог на соль. Эти меры явились одной из причин Московского восстания 1648 г. Участвовал в подготовке Соборного уложения 1649 г. С 1654 г. – дворовый воевода и начальник над «полком государевым». До конца 1650-х гг. продолжал негласно руководить правительством.

102

Милославский Илья Данилович (?—?) – боярин, отец первой жены царя Алексея Михайловича – Марии Ильиничны Милославской. Выполнял дипломатические поручения. В середине 1640-х гг. был послан в Константинополь с заявлением о желании царя «быть в крепкой братской дружбе и любви» с турецким султаном; в 1646 г. ездил в Голландию для набора мастеров-оружейников, а также для вербовки на государеву службу иноземных офицеров и солдат. Во время польских походов 1654–1655 гг. был придворным воеводой; с 1656 по 1662 г. заведовал приказами Стрелецким, Большой казны, Иноземским и Рейтарским. Видную роль при дворе стал играть в качестве царского тестя, хотя по отзывам современников был человеком недалеким.

103

Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ок. 1605–1680) – государственный и военный деятель. С 1622 г. на военной службе в Пскове, с начала 1640-х гг. привлечен к дипломатической службе. За успешные переговоры со шведами, завершившиеся подписанием Валиесарского договора, в 1658 г. был произведен в думные дворяне. Спустя девять лет за содействие в заключении Андрусовского перемирия 1667 г. государевой милостью пожалован в бояре и назначен главой Посольского приказа. Возглавлял также приказы: Малороссийский, Смоленский; Новгородскую, Галицкую и Владимирскую чети (внешнюю разведку). Сторонник реформирования армии. Инициатор устройства почты между Москвой, Ригой и Вильнюсом В 1671 г. вследствие возвышения боярина А. С. Матвеева был отставлен от службы. В 1672 г. принял постриг в Крыпецком монастыре близ Пскова под именем Антония. Однако от дипломатической деятельности полностью не отошел, в частности в 1679 г. принимал участие в переговорах с поляками.

104

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. – Т. 1. – С. 37.

105

Там же.

Покровский М. Н. Избранные произведения. – М, 1967. – Кн. 3. – С. 76.

107

Цит. по: История спецслужб России / Сост. С. Шумов и А. Андреев. – М, 2004. – С. 47.

108

РГАДА. Ф.27.

109

Матвеев Артамон Сергеевич (1625–1682) – русский государственный деятель, дипломат. Сын дьяка, воспитывался вместе с царевичем Алексеем. Стряпчий с 1642 г., стрелецкий голова с 1643 г., голова московских стрельцов с 1653 г., участник войн с Польшей. В 1654 г. входил в состав русской делегации на Переяславской раде, глава Стрелецкого (с 1662 г.), Малороссийского и Польского (с 1669 г.), Посольского (с 1671 г.), Новгородского и Аптекарского приказов; Владимирской и Галицкой четей. Участник подавления Московского бунта 1662 г. Стольник с 1669 г., окольничий с 1672 г., ближний боярин с 1674 г. После смерти царя Алексея Михайловича в опале. С избранием на царство Петра I возвращен в Москву; убит в ходе Стрелецкого бунта 1682 г.

110

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. – Т. 1. – С. 62.

111

Никон, светское имя – Никита Минов (1605–1681), – церковно-политический деятель России XVII в., патриарх в 1652–1667 гг. Сын крестьянина, сельский священник, в 1635 г. принял постриг в Соловецком монастыре. С 1643 г. игумен Кожеозерского монастыря. В 1646 г. поставлен архимандритом Новоспасского монастыря в Москве. С 1648 г. митрополит в Новгороде, участвовал в подавлении Новгородского восстания 1650 г. В 1652 г. возведен в сан патриарха. Весной 1653 г. начал проведение церковных реформ, направленных на укрепление связей России с южнославянскими православными странами, находившимися под турецким игом; не менее важной была и предложенная им унификация культа. Реформы Никона привели к расколу Церкви на «староверов» и сторонников нововведений. Первоначально царь поддерживал Никона, но впоследствии, после выдвижения тезиса «священство выше царства», между ними возникли разногласия. Окончательный разрыв произошел в 1658 г., когда Никон, оставив патриаршество, уехал в основанный им в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь. Расчеты Никона строились на том, что царь вернет его, но этого не произошло. Более того, когда он 1664 г. самовольно приехал в Москву и попытался вернуть патриаршее место, его выслали обратно. Церковный собор 1666–1667 гг., хотя и признал реформы целесообразными, снял с Никона сан патриарха. Опальный был сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь. В 1681 г. царь Федор Алексеевич позволил Никону вернуться в Новоиерусалимский монастырь, но по дороге 76-летний старец скончался.

Там же. – С. 59.

113

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000. – С. 45.

Там же. – С. 50.

115

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. – Т. 1. – С. 59.

Котошихин Г. К. Указ. соч. – С. 113.

117

Там же. – С. 46–47.

Там же. – С. 53.

119

Там же. – С. 154.

Там же. – С. 155.

121

Там же. – С. 46.

122

Там же.

123

Цит. по: Лубянка, 2. – С. 97.

124

Там же.

125

Цит. по: *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 года. – М., 1961. – С. 68.

Там же. – С. 72–77.

127

Волынский Василий Семенович (?—?) – до 1666 г. окольничий, с 1676 г. боярин. Посол в Швеции (1663 г.); в 1666 г. вел переговоры со шведами, завершившиеся Плюсским миром. В 1671–1672 гг. вел мирные переговоры с Речью Посполитой. В 1668–1681 гг. глава Сыскного приказа. После Стрелецкого бунта 1682 г. удалился в деревню, где и умер. По мнению современников, отличался неразборчивостью в средствах.

128

Башмаков Дементий Минич (?—?) – с 1665 г. думный дьяк, с 1676 г. хранитель государственной печати, с 1688 г. думный дворянин. С 1655 по 1700 г. служил в 16 приказах: Большого дворца, Посольском, Разрядном, Сыскном и др. При Алексее Михайловиче возглавлял с перерывами (в 1658–1664 и 1676 гг.) приказ Тайных дел.

129

Симеон Полоцкий, в миру – Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович (1629–1680), – церковный и общественный деятель, писатель. Учился в Киево-Могилянской академии и, вероятно, в Виленской иезуитской академии. Преподавал в Полоцкой братской школе. В 1656 г. принял монашество в Полоцком Богоявленском монастыре. В 1664 г. переселился в Москву; с 1667-го учитель царевича Алексея, затем – царевича Федора и царевны Софьи. В 1665–1668 гг. руководил школой подьячих Тайного приказа при Заиконоспасском монастыре. Противник патриарха Никона и идеологов раскола. В 1678 г. организовал дворцовую (светскую) типографию. В 1680 г. составил проект указа о создании Славяно-греко-латинской академии («Академический привилей»). Один из лидеров «латинской» (прозападной) партии при дворе. Писал талантливые стихи на польском, белорусском, украинском и русском языках. После смерти многие его книги были запрещены, рукописи изъяты и скрыты в патриаршей ризнице.

130

Языков Иван Максимович (?–1682) – приближенный царя Федора Алексеевича. Стольник в 1670 г., постельничий в 1676 г., окольничий в 1678 г., оружничий в 1680 г., боярин с 1681 г. В 1679–1682 гг. фактически был главой правительства. Заведовал Оружейной, Золотой и Серебряной палатами. Сторонник отмены местничества. После смерти Федора Алексеевича поддержал партию Петра I. Был убит в Москве во время Стрелецкого бунта 1682 г.

131

Лихачев Алексей Тимофеевич (?—?) – при царе Алексее Михайловиче «дядька» царевича Алексея Алексеевича и член кружка Ф. М. Ртищева. Сделал обычную для того времени карьеру: стольник, окольничий, постельничий. Как и Языков И. М., сторонник отмены местничества. После смерти Федора Алексеевича поддержал партию Петра I. После Стрелецкого бунта 1682 г. был сослан в Калязинский монастырь. При Петре I заведовал приказом Рудокопных дел.

132

Иванов Ларион Иванович (?–1682) – доверенное лицо царя Алексея Михайловича, думный дьяк с 1669 г. Был одним из наиболее близких к Федору Алексеевичу лиц. Возглавлял Посольский приказ (в 1676–1682 гг.) и Новгородскую четь. Фактический руководитель внешней разведки. 15 мая 1682 г. был убит в Москве стрельцами.

133

Голицын Василий Васильевич (1643–1714) – российский государственный и военный деятель, боярин с 1676 г., князь. Возглавлял Пушкарский (в 1676–1677 и 1682–1686 гг.), Владимирский судный (в 1677–1680 гг.), Иноземский, Рейтарский, Посольский, Малороссийский, Смоленский и Новгородский приказы, а также Устюжскую и Галицкую чети. Участник обороны южных рубежей России в 1676–1678 и 1680–1681 гг., осуществлял связь царя с украинскими воеводами. В 1680 г., будучи главнокомандующим русско-украинскими войсками в Малороссии, сумел добиться прекращения военных действий и способствовал началу мирных переговоров, которые завершились заключением 13 (23) января 1681 г. двадцатилетнего Бахчисарайского мира, по которому Турция признала присоединение к России Левобережной Украины и Киева. В 1682 г. руководил комиссией, отменившей местничество. Руководил неудачными Крымскими походами 1687 и 1689 гг. После заточения царевны Софьи Алексеевны, фаворитом которой он был, в монастырь (1689 г.) лишен боярства, всего имущества и сослан с семьей в Каргополь. Умер в опале.

134

Расправная палата – высший совещательный орган при Федоре Алексеевиче.

135

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – Кн. VII. – Т. 13. – С. 239.

Там же. – С. 241.

137

Там же.

138

Голицын Борис Алексеевич (1654–1714) – российский государственный деятель. В 1683–1700 гг. возглавлял приказы Казанского дворца и Иноземный, с 1690 г. боярин, князь. «Дядька» царевича Петра Алексеевича, активный член партии Нарышкиных. Способствовал приходу к власти Петра I в 1689 г. Участник Кожуховского (1694 г.) и Азовского (1695 г.) походов. Один из руководителей «розыска над мятежными стрельцами» (1698 г.). Во время Астраханского бунта 1705 г. попал в опалу. В 1714 г. принял постриг.

139

Долгорукий Юрий (Софроний) Алексеевич (?–1682) – российский государственный деятель, приближенный царя Алексея Михайловича, боярин с 1648 г., князь. Глава Сыскного (в 1648–1651 гг.), Пушкарского (с 1651 г.), Стрелецкого (с 1676 г.) приказов. Участвовал в составлении Соборного уложения 1649 г. Одержал ряд побед в русско-польской войне 1654–1667 гг. В 1670 г. разбил отряды С. Разина в районе Арзамаса и Н. Новгорода С 1676 г. – опекун царя Федора Алексеевича, отказался от опекунства в пользу своего сына Михаила. Был убит во время Стрелецкого бунта 1682 г.

140

Долгорукий Михаил Юрьевич (?–1682) – российский государственный деятель, стольник с 1638 г., комнатный стольник с 1661 г., ближний боярин и дворецкий с 1671 г., князь. В 1672–1679 гг. глава приказа Казанского дворца. В 1680–1681 гг. глава Иноземного и Разрядного приказов. В звании наместника Суздальского в 1674 г. вел переговоры с послами Швеции. В 1682 г. принимал активное участие в уничтожении местничества. В том же году из-за болезни отца управлял Хлебным, Смоленским и Стрелецким приказами. Пользовался особым доверием царя Федора Алексеевича. Был убит во время Стрелецкого бунта 1682 г.

141

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – С. 260.

142

Хованский Иван Андреевич (?–1682) – российский политический и военный деятель, князь. Начал службу в царствование Михаила Федоровича, в 1636 г. стольник, с 1659 г. боярин. Участвовал в войнах с Речью Посполитой, Османской империей, Швецией. В 1663 г. после разгрома Московского восстания 1662 г. возглавлял сыскную комиссию в с. Коломенском. С 1664 г. глава Ямского приказа, в мае – сентябре 1682 г. глава Стрелецкого и Сыскного приказов. Имел связи с раскольниками. Был обвинен в заговоре против царской семьи и патриарха. По негласному указу Софьи осужден Боярской думой и казнен в октябре 1682 г.

Костомаров Н. И. Указ соч. – М., 1991. – Кн. II. – С. 489.

Там же. – С. 495.

145

Хованский Андрей Иванович (?–1682) – сын И. А. Хованского, с 1682 г. возглавил Судный приказ. Был обвинен в соучастии в заговоре отца, а также в намерении жениться на царевнах Екатерине или Софье Алексеевне; казнен.

146

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – Кн. VII. – Т. 14. – С. 356–357.

147

Священная лига христианских государств – созданная в 1684 г. австро-польско-венецианская коалиция. После заключения «Вечного мира» 1686 г. к Священной лиге примкнула Россия.

148

Порта – употреблявшееся в европейских дипломатических документах и литературе название Османской империи (Турции) и ее правительства.

Керсновский А. А. История русской армии. – М., 1999. – С. 13.

150

Шакловитый Федор Леонтьевич (?–1689) – российский государственный деятель, дипломат. Из мелкопоместных дворян; в 1673–1676 гг. подьячий приказа Тайных дел, с 1681 г. дьяк, с 1682 г. окольничий и думный дворянин. В 1682–1689 гг. глава Стрелецкого приказа. Доверенное лицо царевны Софьи, советник в международных сношениях. Глава посольства к гетману Мазепе (1688 г.). Один из руководителей заговора 1689 г. против Петра Алексеевича. Арестован, после пыток казнен вместе с близкими ему стрельцами.

151

Сильвестр Медведев, в миру Симеон Агафонович (1641–1691), – в 1658–1672 гг. подьячий приказа Тайных дел. Окончил спецшколу при Заиконоспасском монастыре, ученик С. Полоцкого. После опалы Ордина-Нащекина в 1672 г. скрылся со службы, в 1675 г. принял монашество. При Федоре Алексеевиче, получив прощение, вернулся в Москву. После смерти С. Полоцкого – лидер «латинской» партии. Один из руководителей заговора 1689 г. против Петра Алексеевича. Арестован, расстрижен, после «отречения от ереси» казнен.

Соловьев С. М. Указ. соч. – С. 439.

153

Дирин П. Потешные полки Петра Великого // Русский архив. – 1882. – Кн. 3. – Вып. 5. – С. 11.

154

Потешные деревни – созданные для потехи, т. е. для удовольствий и развлечений, в том числе для охоты.

155

Протазан – копье с плоским и длинным наконечником, насаженным на древко.

Там же. – С. 12–13.

157

Стрешнев Тихон Никитич (1644–1719) – «дядька» царевича Петра Алексеевича. С 1666 г. стряпчий, с 1668 г. стольник, с 1682 г. окольничий, с 1686 г. боярин. С 1690 г. глава Разрядного приказа, с 1698 г. – приказа Большого дворца. Во время Азовских походов 1695–1696 гг. и Великого посольства 1697 г. вместе с Ф. Ю. Ромодановским управлял страной. Выполнял личные поручения Петра I. Московский губернатор в 1709–1711 гг., сенатор с 1711 г.

Соловьев С. М. Указ. соч. – С. 441.

159

Там же. – С. 453.

160

Украинцев Емельян Игнатьевич (1641–1708) – российский государственный деятель, дипломат, один из руководителей внешней разведки. Из мелкопоместных дворян. С 1660 г. подьячий Посольского приказа, с 1675 г. дьяк, с 1681 г. думный дьяк. В 1662–1673 гг. участник посольств в Речь Посполитую, Швецию, Данию, Голландию. В 1689–1699 гг. глава Посольского приказа. В 1699–1700 гг. посол в Турции. В 1702–1706 гг. управлял Провиантским приказом, был уличен в злоупотреблениях, подвергнут телесному наказанию и денежному штрафу. В 1707–1708 гг. посол в Польше. Умер во время посольской миссии в Венгрию.

161

Нарышкин Лев Кириллович (1668–1705) – боярин, брат царицы Натальи Кирилловны, дядя Петра I. Лидер партии Нарышкиных. Глава боярского правительства в 1690–1696 гг. В 1690–1702 гг. руководил Посольским приказом, замещал Петра I по международным делам в его отсутствие. В 1697–1698 гг., во время пребывания Петра I за границей, был одним из трех лиц, управлявших государством. К концу жизни за допущенные беспорядки в делах лишился расположения царя.

162

Зотов Никита Моисеевич (1644–1718) – ближайший сподвижник Петра I. С 1664 г. подьячий, затем дьяк Челобитного, Сыскного, Владимирского судного, Московского судного приказов; с 1690 г. думный дьяк. С 1705 г. думный дворянин, с 1710 г. граф. С 1701 г. глава Ближней канцелярии, с 1705 г. начальник Печатного приказа, с 1711 г. государственный фискал. С 1677 г. учитель Петра Алексеевича. В 1695 г. начальник походной канцелярии Петра I под Азовом.

163

Ромодановский Федор Юрьевич (ок. 1640–1717) – российский государственный деятель, один из ближних дворян Алексея Михайловича, сподвижник Петра I. С 1672 г. комнатный стольник, с 1675 г. боярин, с 1697 г. князь-кесарь. В 1686–1696 гг. глава Преображенской потешной избы/канцелярии, в 1696–1717 гг. – Преображенского приказа. Во время Азовских походов 1695–1696 гг. управлял Москвой. В период Великого посольства 1697–1698 гг. фактически являлся правителем государства. В 1697 г. получил исключительное право розыска по делам о государственных и политических преступлениях.

164

Великое посольство – дипломатическая миссия в Западную Европу, предпринятая Петром I в 1697–1698 гг. Основная цель миссии – укрепление и расширение союза России с рядом европейских государств для борьбы с Турцией за северное побережье Черного моря, а также вербовка специалистов на русскую службу, заказ и закупка вооружения и прочих материалов. В качестве легенды прикрытия использовалась версия о поездке государя в Воронеж для строительства кораблей.

165

Трубецкой Иван Юрьевич (1667–1750) – крупнейший военачальник Петровской эпохи. С 1784 г. стольник, с 1693 г. капитан преображенцев, с 1694 г. подполковник Преображенского полка, с 1698 г. генерал-майор, с 1719 г. генерал-лейтенант, с 1722 г. генерал-аншеф, член Военной коллегии, с 1728 г. генерал-фельдмаршал. Под Нарвой командовал дивизией и попал в плен, обменян в 1718 г. Командующий кавалерией на Украине (с 1719 г.). В 1722–1723 гг. киевский генерал-губернатор. С 1730 г. сенатор.

166

Шеин Алексей Семенович (1662–1700) – российский государственный деятель, полководец. Боярин с 1682 г., ближний боярин с 1695 г. В 1683–1684 гг. воевода в Курске. Участвовал в Крымских (1987 и 1689 гг.) и в Азовских (1695–1696 гг.) походах. Во втором Азовском походе был главнокомандующим сухопутными силами, получил звание генералиссимуса. В период Великого посольства – главнокомандующий русской армией и начальник трех военных приказов.

167

Гордон Патрик (Петр Иванович) (1635–1699) – российский военный деятель, генерал и контр-адмирал; по происхождению шотландец. На русской службе с 1661 г. Участник Чигиринских (1676–1678 гг.), Крымских (1687 и 1689 гг.) и Азовских (1695–1696 гг.) походов. Один из первых иностранных учителей Петра I.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 46–47.

169

Там же. – С. 46.

170

Цит. по: *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. – М., 1998. – Кн. I. – С. 30.

171

Толстой Петр Андреевич (1645–1729) – российский государственный деятель дипломат, граф (с 1724 г.). В 1682 г. стольник, с 1715 г. тайный советник. Сторонник Милославских, от которых отошел в 1685 г. С 1693 г. воевода в Великом Устюге. В 1697–1698 гг. учился мореходному делу в Венеции. В 1702–1714 гг. посланник в Константинополе. С 1714 г. сенатор. В 1715–1717 гг. на дипломатической службе. С 1717 г. президент Коммерц-коллегии. В 1718–1826 гг. глава Тайной канцелярии. Разыскал и вернул царевича Алексея в Россию, в 1718 г. возглавил следствие по его делу. В 1725 г. содействовал возведению на престол Екатерины I. С 1726 г. член Верховного тайного совета. В 1727 г. сослан А. Д. Меншиковым в Соловецкий монастырь из-за несовпадений по вопросу о престолонаследии.

172

Цит. по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. – М., 1984. – С. 216.

173

Головкин Гавриил Иванович (1660–1734) – один из сподвижников Петра I, родственник царицы Натальи Кирилловны, с 1707 г. граф. Начинал свою карьеру при дворе с должностей постельничего и стольника. Постоянно сопровождал Петра I в разъездах. С 1706 г. начальник Посольской канцелярии, а затем и Посольского приказа. С 1709 г. канцлер. В 1718–1734 гг. глава Коллегии иностранных дел. В 1726–1730 гг. член Верховного тайного совета. После смерти Петра II (1730 г.) поддержал Анну Ивановну против верховников. В 1731–1734 гг. первый кабинет-министр.

Цит. по: *Гражуль В. С.* Тайны галантного века: Шпионаж при Петре I и Екатерине II. – М., 1997. – С. 23.

175

Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728) – российский государственный деятель, дипломат, с 1715 г. граф. В 1691–1693 гг. воевода в Двинском крае. В 1699–1712 гг. посол в Голландии, в 1712–1715 гг. – в Австрии. С 1715 г. – президент Морской академии и Навигационной школы; с 1719 г. сенатор и президент Юстиц-коллегии, с 1724 г. президент Московской сенатской конторы. С 1727 г. в отставке.

Там же. – С. 117–119.

177

Головин Федор Алексеевич (1650–1706) – российский государственный деятель, дипломат, с 1700 г. генерал-адмирал, с 1702 г. граф. Составил и заключил важный для России Нерчинский договор с Китаем (1689 г.), открывший возможности к развитию мирных политических и торговых отношений с Цинской империей. Был вторым послом Великого посольства. В 1699 г. совместно с Петром I вел секретные переговоры о заключении договоров с Саксонией и Данией. Готовил почву для заключения мира с Турцией, в августе 1704 г. подписал русско-польский договор. В 1703–1705 гг. под руководством Головина была определена русско-турецкая граница на Кубани и в Поднепровье. Принимал активное участие в создании русского флота и регулярной армии. В 1699 г. назначен начальником Военно-морского приказа. С 1700 г. начальник Посольского приказа, одновременно ведал Ямским приказом, Оружейной, Золотой и Серебряной палатами.

178

Там же. – С. 119.

179

Мазепа Иван Степанович (1644–1709) – с 1687 г. гетман Левобережной Украины. Воодушевленный идеей о «самостийности» Украины, вел тайные переговоры с польским королем Станиславом Лещинским, а затем – со шведским королем Карлом XII. Во время Северной войны в октябре 1708 г. открыто перешел на сторону Карла XII. После поражения шведов в Полтавском сражении 1709 г. вместе с Карлом XII бежал в турецкую крепость Бендеры, где вскоре умер.

Артикул Воинский 1715 г. – СПб., 1715. – С. 96.

181

Там же. – С. 7.

182

Цит. по: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. – М.; Л., 1945. – Т. I. – С. 363.

183

Цит. по: Лубянка, 2. – С. 101.

184

Ромодановский Иван Федорович (?–1730) – российский государственный деятель, сподвижник Петра I. В 1698 г. вместе с отцом вел следствие по делу о восстании стрельцов. В 1717–1729 гг. начальник Преображенского приказа. В 1719–1724 гг. первое лицо в Москве, с 1724 г. московский генерал-губернатор. С 1725 г. действительный тайный советник. В 1729 г. вышел в отставку. С 1730 г. сенатор.

185

Бутурлин Иван Иванович (1661–1738) – российский государственный и военный деятель. С 1687 г. премьер-майор преображенцев, с 1700 г. генерал-майор. Участвовал в Азовских походах и в сражении под Нарвой. В 1701–1710 гг. находился в шведском плену. Участник военных кампаний 1710–1715 гг. В 1718–1720 гг. занимал один из ключевых постов в Тайной канцелярии. В 1720 г. командующий кампанией в Финляндии. 1722–1725 гг. начальник гвардейской дивизии. По убеждению А. Д. Меншикова, способствовал возведению Екатерины I на престол. Позже выступил в заговоре против Меншикова, который после воцарения Петра II отомстил Бутурлину: в 1727 г. тот был лишен чинов, орденов и всех поместий, кроме родового села Крутцы во Владимирской губернии, где и скончался в ссылке.

186

Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич (?–1745) – особо доверенное лицо Петра I. С 1696 г. бомбардир Преображенского полка, с 1700 г. прапорщик. С 1709 г. командир бомбардирной роты, в 1712–1713 гг. начальник гвардейской артиллерии. В 1718–1723 гг. занимал один из ключевых постов в Тайной канцелярии. В 1727 г. сослан А. Д. Меншиковым в Якутск. При Анне Ивановне, будучи ссыльным, – начальник в Охотске (1731–1742 гг.). По возвращении из ссылки – генерал-майор (с 1742 г.).

187

Ушаков Андрей Иванович (1670–1747) – российский государственный деятель, с 1744 г. граф. В 1700 г. поступил в Преображенский полк, к 1714 г. дослужился до звания майора, с 1721 г. генерал-майор, с 1727 г. генерал-лейтенант. С 1726 г. сенатор. В 1708–1709 гг. участник расследования по делу о восстании К. А. Булавина. В 1712 г. с секретной миссией в Польше. В 1713–1714 гг. руководитель следственной комиссии в Москве. В 1718–1726 гг. «министр» Тайной канцелярии, создатель ее филиала в Москве. В 1727–1730 гг. в опале в Ревеле. В 1731–1747 гг. глава Канцелярии тайных розыскных дел.

Там же. – С. 159.

189

Там же. – С. 246.

190

Ягужинский Павел Иванович (1683–1736) – российский государственный деятель, дипломат, с 1728 г. генерал от кавалерии, с 1731 г. граф. С 1701 г. в гвардии, состоял при Петре I. Участник Аландского конгресса 1719 г., в 1720–1721 гг. посланник в Вене, в 1726–1727 гг. полномочный министра при польском сейме в Гродно. В 1722–1726 и 1730–1731 гг. генерал-прокурор Сената. Участник заговора «верховников» (1730 г.). В 1731 г. удален от двора. В 1731–1734 гг. посол в Берлине, в 1735–1736 гг. кабинет-министр.

191

Самойлович Иван Самойлович (?–1690) – украинский государственный и военный деятель. В 1672–1687 гг. – гетман Левобережной, а с 1674 г. и Правобережной Украины. Во внешней политике изначально стремился к воссоединению Левобережной Украины с Правобережной под властью России. Возглавлял украинские войска в Чигиринских походах 1677–1678 гг., ознаменовавших кульминационный период русско-турецкой войны 1676–1681 гг., и в Крымском походе князя В. В. Голицына 1687 г. Был обвинен генералом есаулом (в то время) И. С. Мазепой в измене, арестован и сослан в Тобольск, где вскоре умер.

192

Журавский мир 1677 г. – договор между османской Турцией и Польшей, оставляющий за последней «только Белую Церковь и Паволочь с уездами их, по реку Днепр и по черте к рубежам Польским».

193

Хмельниченко Юрий (Юрась) (1641–1685) – сын Богдана Хмельницкого и его первой жены Анны Сомкиви.

194

Ромодановский Григорий Григорьевич (?–1682) – российский государственный и военный деятель, с 1665 г. боярин, князь. В 1653 г. в составе посольства В. В. Бутурлина участвовал в Переяславской раде, принявшей решение о воссоединении Украины с Россией. В дальнейшем активно вмешивался в избрание гетманов, проводя угодных России кандидатов. В 1654–1656 гг. участвовал в войне против Польши. Возглавлял Белогородский, Севский и Новгородский столы Разрядного приказа. Командовал войсками во время Чигиринских походов 1677–1678 гг. Убит во время Московского восстания 1682 г.

195

Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. – С. 355–356.

196

Письма и бумаги императора Петра Великого. Том второй: 1702–1703. – СПб., 1889. – С. 30–36.

197

Ключевский В. О. Курс русской истории. – Т. IV. – Ч. IV. – М., 1989. – С. 238.

198

Макаров Алексей Васильевич (1674 или 1675–1750) – личный секретарь (кабинет-секретарь) Петра I. Вел всю переписку государя, включая секретную. В 1725 г. поддержал воцарение Екатерины I; при Петре II в связи с ликвидацией личной канцелярии царя стал президентом Камер-коллегии.

199

Репнин Аникита Иванович (1668–1726) – российский военачальник, князь, с 1699 г. генерал-майор, с 1725 г. генерал-фельдмаршал. В 1685 г. поручик «потешной» роты. Участвовал в Азовских походах 1695–1696 гг. В начале Северной войны 1700–1721 гг. командовал дивизией. В 1708 г. за поражение при Головчине разжалован, но после успешных действий при Лесной восстановлен в чине генерала. В Полтавском сражении 1709 г. руководил центром русской армии. В 1709–1710 гг. руководил осадой и взятием Риги, в 1712–1713 и 1715–1716 гг. командовал войсками в Померании. С 1719 г. генерал-губернатор Лифляндии. Одновременно в 1724–1725 гг. президент Военной коллегии. После смерти Петра I поддержал провозглашение Екатерины I.

Там же. – С. 240.

201

Остерман Андрей Иванович (наст. Генрих Иоганн Фридрих) (1686–1747) – российский государственный деятель, дипломат, с 1721 г. барон, с 1730 г. граф. Вестфалец, на русской службе с 1704 г. Владел латинским, немецким, французским, голландским, итальянским и русским языками. С 1708 г. переводчик Посольского приказа, с 1711 г. тайный секретарь, с 1716 г. советник Посольского приказа. Участник Аландского конгресса 1718–1719 гг. Один из организаторов Ништадтского договора 1721 г. С 1723 г. сенатор, с 1724 г. тайный советник. В 1723–1734 гг. вице-президент Коллегии иностранных дел. В 1726–1730 гг. член Верховного тайного совета. В 1725–1741 гг. вице-канцлер. В 1727–1730 гг. воспитатель Петра II. С 1731 г. был фактическим руководителем внешней и внутренней политики России. В 1734–1740 гг. президент Коллегии иностранных дел. После дворцового переворота 1741 г., благодаря которому на престол взошла Елизавета Петровна, был предан суду и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой в Берёзов, где умер.

202

Голицын Дмитрий Михайлович (1665–1737) – российский государственный деятель, князь. Член Верховного тайного совета, составитель «Кондиций» 1730 г., определивших условия вступления на престол императрицы Анны Ивановны. В 1736 г. осужден по обвинению в заговоре.

203

Степанов Василий Петрович (?—?) – в 1726–1730 гг. управляющий делами Верховного тайного совета.

204

Маслов Анисим Александрович (?–1734) – протеже П. И. Ягужинского, в 1722–1725 гг. обер-секретарь Сената. В 1725–1727 гг. состоял при Екатерине I. В 1726–1730 гг. помощник управляющего делами Верховного тайного совета. В 1730–1734 гг. обер-прокурор Сената. Предположительно, отравлен недоброжелателями.

205

Название «полиция» происходит от слов polis и politia: в античной Греции – город-государство, в Древнем Риме – форма государственного устройства. В Россию слово «полиция» пришло в XVIII в. из Западной Европы, где оно обозначало органы по охране внутреннего порядка. По замыслу Петра I, полиции надлежало помогать населению поддерживать добропорядочные отношения в обществе и обеспечивать сохранение устоев, позволяющих нормально и безбоязненно вести обычный образ жизни. С другой стороны, полиция организовывала поступление первых сведений из народных низов о возможных недовольствах и неурядицах, что вместе с другими службами укрепляло безопасность в государстве. Дополнительные полицейские функции, возложенные в нестоличных городах на воинских начальников, позволяли занять часть гарнизона общественно полезными делами, повышали авторитет и престиж армии у населения в мирный период. Полицмейстерские канцелярии, созданные в 1718 г. в Петербурге и в Москве, имели небольшой штат: по 10 офицеров и нижних чинов (они носили специальную форму).

206

Девьер Антон Мануилович (1682–1745) – российский государственный деятель, по происхождению португалец. С 1726 г. граф, сенатор. В юношеские годы служил юнгой в голландском флоте, с 1699 г. приближенный Петра I. С 1718 г. генерал-лейтенант, с 1744 г. генерал-аншеф. В 1718–1727 гг. петербургский генерал-полицеймейстер. В 1727 г. был сослан в Сибирь. С 1739 г. командир Охотского порта. В 1742 г. возвращен из ссылки Елизаветой Петровной. В 1743–1745 гг. генерал-полицеймейстер.

207

Шафиров Петр Павлович (1669–1739) – российский государственный деятель, дипломат, с 1710 г. барон. С 1691 г. служил переводчиком Посольского приказа. В 1697–1698 гг. в составе Великого посольства выезжал в Западную Европу. С 1703 г. тайный секретарь при канцлере Ф. А. Головине. С 1709 г. вице-канцлер и управляющий почтами. С 1717 г. вице-президент Коллегии иностранных дел, участвовал в подготовке Ништадтского мирного договора со Швецией. В 1723 г. обвинен в казнокрадстве и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой, которую отбывал в Нижнем Новгороде. В 1725 г. возвращен Екатериной I и назначен президентом Коммерц-коллегии. В 1727–1730 гг. в отставке. В 1730–1732 гг. посол в Тегеране. С 1733 г. президент Коммерц-коллегии.

Цит. по: *Валишевский К.* Преемники Петра. – М., 1990. – С. 129.

209

Левенвольде Рейнгольд-Густав (1693–1758) – приближенный Екатерины I, с 1725 г. камергер, с 1726 г. граф. После смерти Екатерины I жил в своем лифляндском имении. Продолжил карьеру в царствование Анны Ивановны, с 1730 г. обер-гофмаршал. После прихода к власти Елизаветы Петровны был арестован. В 1742 г. сослан с лишением чинов, орденов и дворянства.

210

Левенвольде Карл-Густав (?–1735) – российский государственный деятель, по происхождению лифляндец, генерал-адъютант Петра I, с 1726 г. граф. С 1727 г. камергер Петра II, с 1730 г. генерал-адъютант. С 1730 г. генерал-майор, командир лейб-гвардии Измайловского полка. В 1731–1732 гг. посланник в Австрии и Пруссии. С 1732 г. обер-шталмейстер при дворе Анны Ивановны. С 1733 г. чрезвычайный посланник в Варшаве. С 1734 г. посланник в Вене. Затем в отставке по болезни.

211

Прокопович Феофан (Элеазар) (1681–1736) – российский церковный и общественный деятель, епископ с 1718 г., архиепископ с 1724 г., человек из ближнего окружения Петра I. С 1711 г. ректор Киево-Могилянской академии; преподавал пиитику и риторику. В 1715 г. был вызван в Петербург, где занимался делами по управлению Церковью. Под непосредственным руководством Прокоповича было упразднено патриаршество и учрежден Синод, вице-президентом которого он стал в 1721 г. Вошел в историю литературы как автор многочисленных стихотворений на русском и латинском языках, но в первую очередь блестящих проповедей. Также ему принадлежат публицистические («Слове о власти и чести царской», 1718 г.; «Слове похвальном о флоте российском, 1720 г.; и др.) и исторические («История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии», ок. 1713 г.; «Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора Российского», 1726 г.; «История об избрании и восшествии на престол <…> государыни Анны Иоанновны», 1730 г.; и др.) труды. Принимал участие в создании Академии наук, объединив вокруг себя крупнейших ученых того времени.

Цит. по: *Анисимов Е. В.* Анна Иоанновна. – М., 2002. – С. 46.

213

Салтыков Семен Андреевич (1672–1742) – российский государственный деятель. В 1697 г. начал службу в Преображенском полку, с 1719 г. бригадир, с 1722 г. генерал-майор, с 1727 г. генерал-лейтенант, с 1733 г. граф. С 1719 г. член Военной коллегии. В 1727 г. руководил арестом А. Д. Меншикова. Сторонник Анны Ивановны. С 1730 г. сенатор, с 1732 г. московский генерал-губернатор и главнокомандующий, глава Московской конторы тайных розыскных дел.

214

Казаринов Василий (?—?) – подчиненный А. И. Ушакова по работе в Рекрутской канцелярии. В 1718–1726 гг. служащий Московского отделения Тайной канцелярии. В 1731–1732 гг. первый секретарь Канцелярии тайных розыскных дел (г. Москва). В 1732 г. арестован С. А. Салтыковым и отправлен в Санкт-Петербург. Возвращен Ушаковым на должность секретаря Московской конторы тайных дел (в 1743-м – после 1748 г.).

215

Волынский Артемий Петрович (1689–1740) – российский государственный деятель, дипломат. В 1719–1724 гг. астраханский губернатор. В 1725–1730 гг. (с перерывами) казанский губернатор. С 1738 г. кабинет-министр, получивший эксклюзивное право докладывать императрице Анне Ивановне о делах кабинета. Между тем стремился ограничить влияние иностранцев, в кругу близких ему по духу людей неодобрительно отзывался об императрице и ее фаворите Бироне. Был сторонником усиления политического значения дворянства, повсеместного привлечения его к государственному управлению. Написал труды «О гражданстве», «Каким образом суд и милость государям иметь надобно», «Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел» и др. В 1740 г. был арестован, обвинен в измене и казнен.

216

Миних Христофор Антонович (наст. Бурхард Кристоф) (1683–1767) – российский государственный и военный деятель, граф, генерал-фельдмаршал (с 1732 г.). До 1721 г. служил инженером в разных армиях Западной Европы. В 1721 г. перешел на русскую службу в должности инженер-генерала. С 1728 г. генерал-губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии. С 1732 г. президент Военной коллегии. Пользовался безграничным доверием императрицы Анны Ивановны. После ее смерти 17 октября 1740 г. помог стать регентом Э. И. Бирону, однако спустя месяц арестовал герцога и сослал его в Пелым. В 1742 г. был отправлен в ссылку Елизаветой Петровной, где пробыл 20 лет. По возвращении из ссылки в 1762 г. политического влияния не имел.

217

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. по 1825 г. Собрание первое: Т. 1–45. – СПб., 1830. – Т. VIII. – № 6379.

218

Цит. по: Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. – СПб., 2002. – С. 180–181.

219

Шувалов Александр Иванович (1710–1771) – один из приближенных Елизаветы Петровны. С 1731 г. ее камер-юнкер. Участник переворота 1741 г., в результате которого Елизавета Петровна стала императрицей. С 1741 г. камергер, затем, до 1744 г., – подпоручик Лейб-кампании, генерал-майор, поручик лейб-кампании, генерал-лейтенант. С 1746 г. граф. С 1748 г. генерал-адъютант, с 1751 г. генерал-аншеф, с 1761 г. генерал-фельдмаршал. В 1745–1747 гг. на равных правах в Тайной канцелярии с А. И. Ушаковым. В 1747–1762 гг. глава Тайной канцелярии. С 1763 г. в отставке.

220

Шешковский Степан Иванович (1719–1794) – российский государственный деятель. В 11 лет определен отцом для обучения в Сибирский приказ. В 1744–1748 гг. копиист, подканцелярист в Московской конторе тайных розыскных дел, позднее переведен А. И. Шуваловым в Санкт-Петербург. В 1752–1757 гг. архивариус, протоколист, в 1757–1762 гг. секретарь Тайной канцелярии. С 1762 г. (официально с 1767 г.) обер-секретарь Тайной экспедиции при Сенате, в 1762 г. заменившей Тайную канцелярию. Вел все крупные политические и уголовные дела. За участие в пытках был прозван Кнутобоем.

221

Воронцов Михаил Илларионович (1714–1767) – российский государственный деятель, дипломат. С 1728 г. паж, с 1730 г. камер-паж, с 1735 г. камер-юнкер, с 1744 г. граф. Секретарь цесаревны Елизаветы Петровны, участник переворота 1741 г. С 1741 г. камергер и поручик лейб-кампании, с 1744 г. в Коллегии иностранных дел. В 1744–1758 гг. вице-канцлер. В 1756–1762 гг. член Конференции при Высочайшем дворе, в 1758–1762 гг. канцлер, руководил Коллегией иностранных дел, с 1759 г. сенатор. Как сторонник свергнутого Петра III, в 1763 г. был вынужден уйти в отставку.

222

Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693–1766) – российский государственный деятель, дипломат, граф (с 1742 г.), генерал-фельдмаршал (с 1762 г.). В 1708–1712 гг. обучался в Копенгагене и Берлине. В 1712–1714 гг. на службе при посольстве в Голландии. С разрешения Петра I в 1714–1717 гг. состоял на службе у курфюрста Ганновера. В 1721–1732 гг. посланник в Копенгагене, Вене, Гамбурге, Дрездене. В 1740 г. кабинет-министр. После смерти Анны Ивановны за участие в подготовке захвата власти Бироном приговорен к смертной казни, замененной ссылкой. В 1741 г. поддержал Елизавету Петровну, с 1742 г. сенатор и вице-канцлер, в 1742–1758 гг. руководил Коллегией иностранных дел. В 1744–1758 гг. канцлер. В 1758 г. снова попал в опалу, был арестован и приговорен следственной комиссией к смерти, которую Елизавета заменила ссылкой. После переворота 1762 г. был восстановлен Екатериной II во всех правах и званиях и произведен в генерал-фельдмаршалы, был советником Екатерины II, но активной роли в политике уже не играл. С 1764 г. в отставке.

223

Семилетняя война 1756–1763 гг. возникла в результате борьбы Великобритании с Францией за колонии в Северной Америке и Ост-Индии, а также столкновения агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии и России.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 69.

225

Волков Дмитрий Васильевич (1718–1785) – российский государственный деятель, ближайший помощник канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Личный секретарь Петра III. При Екатерине II – президент Мануфактур-коллегии, оренбургский генерал-губернатор; занимал также ряд других ответственных должностей.

226

Глебов Александр Иванович (1722–1790) – российский государственный деятель, генерал-аншеф с 1773 г. Из семьи священнослужителя. Службу начал в 1737 г. сержантом Бутырского пехотного полка. Участвовал в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. В 1749 г. перешел на службу в гражданское ведомство. В 1755–1761 гг. обер-прокурор Сената, в 1761–1764 гг. генерал-прокурор Сената. В царствование Петра III был ежедневным докладчиком императора. После объявления Манифеста о вольности дворянству (январь 1762 г.) выступил с предложением поставить императору Петру III золотой памятник. Активно поддержал переворот императрицы Екатерины II. В 1762–1764 гг. сопредседатель Тайной экспедиции. В феврале 1764 г. снят с поста генерал-прокурора за получение взяток, однако к следствию не привлекался. С 1775 г. генерал-губернатор в Белгороде и Смоленске, с декабря того же года – наместник. В 1776 г. отстранен от должности за хищения. Указом Екатерины II от 19 сентября 1784 г. исключен со службы, получил запрещение на жительство в столицах. После смерти Глебова фактически все состояние пошло на оплату долгов и начетов. Однако по указу императора Павла I от 29 сентября 1796 г. деньги были возвращены наследнице (Е. И. Бенкендорф).

227

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. по 1825 г. Собрание первое. – Т. XV. – № 11445.

228

Там же.

229

Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725–1796) – российский государственный и военный деятель, с 1744 г. граф, с 1770 г. генерал-фельдмаршал. Сын сподвижника Петра I А. И. Румянцева. Во время Семилетней войны 1756–1763 гг. командовал бригадой, дивизией и корпусом. В 1764–1796 гг. президент Малороссийской коллегии и генерал-губернатор Малороссии. Успешно руководил боевыми операциями в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1775 г. получил почетное добавление к фамилии – Задунайский и был назначен командующим тяжелой кавалерией. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. из-за конфликта с главнокомандующим Г. А. Потемкиным фактически устранился от командования. В 1794 г. номинально считался главнокомандующим армией, действовавшей против Польши, но, сраженный болезнью, не выезжал из имения.

230

Понятовский Станислав Август (1732–1798) – последний польский король, избранный при поддержке Екатерины II и прусского короля Фридриха II в 1764 г. До этого, в 1757–1762 гг., польско-саксонский посол в России. В конце 1795 г. отрекся от престола; последние годы жил в Санкт-Петербурге.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 103.

232

Панин Никита Иванович (1718–1783) – российский государственный деятель, граф. С 1747 г. посланник в Дании и Швеции. Участник переворота Екатерины II. В 1762–1781 гг. сопредседатель Тайной экспедиции. Вел дела о покушениях на Екатерину II (1769, 1772 гг.). В 1763–1781 гг. глава Коллегии иностранных дел и внешней разведки. Воспитатель цесаревича Павла Петровича. Автор ряда конституционных проектов.

233

Вяземский Александр Алексеевич (1727–1793) – российский государственный деятель, один из ближайших сановников Екатерины II, князь. В 1747 г. окончил Кадетский корпус. Выполнял секретные поручения во время Семилетней войны 1756–1763 гг., в 1763 г. генерал-квартирмейстер. В 1764–1793 гг. генерал-прокурор. С 1774 г. действительный тайный советник. Вел дела о покушениях на Екатерину II (1769 и 1772 гг.), а также дело Е. Пугачева В 1780-е гг. фактический руководитель юстиции, внутренних дел и финансов. С 1769 г. член Совета при Высочайшем Дворе. В 1790 г. отошел от дел по болезни.

Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. – М., 1984. – С. 104.

235

Цит. по: *Рахматуллин М.* Императрица Екатерина Вторая: «Действовать нужно не спеша, с осторожностью и с рассудком» // Наука и жизнь. – 2003. – № 4. – С. 89–90.

236

Следственное дело полковника Ф. Анжели // РГАДА. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 2383.

237

Черкасов П. П. Людовик XVI и Емельян Пугачев: французская дипломатия и восстание Пугачева. – М., 1998. – С. 34.

238

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. – М., 1975. – С. 24.

239

Бибиков Александр Ильич (1729–1774) – российский государственный и военный деятель, генерал-аншеф. Впервые заявил о себе в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. Возглавлял комиссии по составлению Уложения 1767 г. В 1773-м – начале 1774 г. был наделен неограниченными полномочиями при подавлении восстания Е. И. Пугачева. Умер в разгар экспедиции.

Цит. по: Жандармы России. – С. 181.

241

Серба А. Пластуны // Русский стиль. – 1993. – № 1. – С. 46.

Цит. по: Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. – М., 2000. – С. 69.

243

К сожалению, последнее поколение руководителей СССР предпочитало отдавать приказы специальным подразделениям и силовым структурам в устной форме, а затем сваливать ответственность на исполнителей. Одна из причин распада Советского Союза – трусость и некомпетентность ряда представителей высшего руководства страны.

244

Цит. по: *Эйдельман Н. Я.* Лже… // Наука и жизнь. – 1980. – № 7. – С. 116.

245

Там же. – С. 115.

Пушкин А. С. История Пугачева. Замечания о бунте // Полное собрание сочинений: в 10 т. – М., 1958. – Т. 8. – С. 359–360.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 121.

Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел I. – М., 1990. – С. 264.

249

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – российский военный деятель. С 1807 г. генерал от артиллерии. В 1783–1787 гг. учился в Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусах. В 1792–1796 гг. инспектор гатчинской артиллерии и пехоты, гатчинский губернатор. В 1796–1798 гг. военный комендант Санкт-Петербурга. Дважды был в отставке (в 1798 и 1799–1801 гг.). В 1803–1808 гг. инспектор артиллерии. В 1808–1810 гг. военный министр. С 1810 г. председатель департамента военных дел Госсовета. В 1820–1825 гг. контролировал руководство Госсоветом, Комитетом министров и Собственной Его Императорского Величества канцелярией. В 1817–1831 гг. главный начальник военных поселений.

Там же. – С. 126–127.

251

Там же. – С. 125.

252

Макаров Александр Семенович (1750–1809/10) – российский государственный деятель. С 1786 г. надворный советник, с 1791 г. коллежский советник, с 1800 г. тайный советник. С 1786 г. секретарь при рижском генерал-губернаторе. Предположительно, с 1790 по 1794 г. секретарь при генерал-прокуроре Сената. С 1800 г. сенатор. В 1794–1801 гг. обер-секретарь Тайной экспедиции. В 1807–1809 гг. член Комитета общей безопасности.

253

Пален Петр (наст. Петр Людвиг) Алексеевич, фон дер (1745–1826) – российский военный деятель, конногвардеец с 1760 г., генерал от кавалерии с 1798 г., граф с 1799 г. участник русско-турецких войн. Рижский наместник в 1792–1795 гг. В 1795–1797 гг. генерал-губернатор Курляндии. В декабре 1796 г. был назначен шефом Рижского кирасирского полка, но вскоре подвергся немилости за контакты с опальным князем П. А. Зубовым, одним из фаворитов Екатерины II. В январе 1797 г. был отстранен от должности губернатора, а в феврале – от должности шефа Рижского кирасирского полка. Однако вскоре вновь был принят на службу и назначен Инспектором кавалерии и командиром лейб-гвардии Конного полка. В 1798–1801 гг. петербургский военный губернатор, главный директор почт, член Коллегии иностранных дел. В 1798–1801 гг. глава Коллегии иностранных дел. Один из главных организаторов заговора против Павла I. В июне 1801 г. уволен в отставку и отправлен в курляндское имение.

254

Санглен Яков (Жак) Иванович, де (1776–1864) – российский государственный деятель, издатель и писатель. Поручик, служил переводчиком при штабе вице-адмирала Свиридова, затем в Адмиралтейств-коллегии, был сотрудником тайной полиции (1797/1798–1801 гг.). После выхода в отставку в 1801–1803 гг. обучался в Лейпциге и Берлине. Читал курс лекций по немецкой литературе и военным наукам в Московском университете, адъюнкт-профессор. С 1806 г. на службе при штабе князя П. М. Волконского. В 1808–1811 гг. сотрудник Тайной полицейской экспедиции. В 1811–1812 гг. глава Особенной канцелярии Министерства полиции. В 1812–1815 гг. глава Высшей воинской полиции. С 1816 г. в отставке.

255

Обольянинов Петр Хрисанфович (1752–1841) – российский государственный деятель, доверенное лицо Павла Петровича, после воцарения которого стал быстро подвигаться вперед. С 1800 г. генерал-прокурор. В ночь переворота был арестован, но тотчас освобожден. Спустя несколько дней уехал в Москву, где ему запрещено было бывать в дворянском собрании. Тем не менее Обольянинов сумел переломить общественное мнение, впоследствии его неоднократно избирали губернским предводителем дворянства.

Там же. – С. 585.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 125.

Валишевский К. Указ. соч. – С. 622.

259

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. по 1825 г. Собрание первое: Т. 1–45. – Т. XXVI. – № 19813.

260

Панин Никита Петрович (1770–1837) – российский государственный деятель, дипломат, сын П. И. Панина. С 1791 г. на военно-придворной службе, камергер и генерал-майор. С 1795 г. литовский губернатор. С декабря 1796 г. член Коллегии иностранных дел; с июля 1797 г. чрезвычайный и полномочный министр в Берлине. С 1799 г. вице-канцлер. С 1800 г. в опале; был одним из организаторов заговора против императора. При Александре I непродолжительное время был членом Коллегии иностранных дел, однако из-за расхождений с императором получил отставку (ноябрь 1801 г.). В 1804 г. лишен права въезда в столицы. Более двадцати лет прожил в своем имении, где занимался сочинением музыки.

261

Кочубей Виктор Павлович (1768–1834) – российский государственный деятель, дипломат, с 1799 г. граф, с 1831 г. князь. В 1792–1797 гг. посланник в Турции. С 1798 г. вице-канцлер. В 1801–1802 гг. управляющий Коллегией иностранных дел. В 1801–1803 гг. участвовал в работе Негласного комитета, в который входили «молодые друзья» Александра I. В 1802–1807 и 1819–1823 гг. министр внутренних дел. В декабре 1825 г. поставлен во главе секретных комитетов, созданных для подготовки проектов государственных преобразований. Председатель Госсовета и Комитета министров в 1827–1834 гг., в 1834 г. государственный канцлер внутренних дел.

262

Новосильцев Николай Николаевич (1761–1838) – российский государственный деятель, с 1833 г. граф. С 1783 по 1796 г. на военной службе, участник русско-шведской войны 1788–1790 гг. В 1801–1803 гг. член Негласного комитета при Александре I. В 1803–1804 гг. президент Академии наук. С конца 1804-го по 1809 г. выполнял дипломатические поручения в Западной Европе. С 1813 г. вице-президент временного Совета, учрежденного для управления Варшавским герцогством; с переименованием герцогства в Царство Польское стал главным делегатом при польском правительственном Совете. В 1832–1834 гг. член Госсовета, в 1834–1836 гг. председатель Госсовета и Комитета министров.

263

Строганов Павел Александрович (1772–1817) – российский государственный и военный деятель, граф, генерал-лейтенант с 1814 г. Воспитывался во Франции. Во время Великой французской революции сблизился с якобинцами, за что в 1793 г. был отозван императрицей Екатериной II в Россию и сослан в одну из своих деревень. С 1797 г. сблизился с цесаревичем Александром. В 1801–1803 гг. член Негласного комитета, с 1802 г. сенатор. В 1802–1805 гг. товарищ министра внутренних дел. В 1805–1807 гг. на дипломатической службе. В 1808–1809 гг. командир лейб-гвардии Гренадерского полка. В 1812 г. командир сводной гренадерской дивизии, отличившейся в Бородинском сражении. С 1814 г. в отставке.

264

Чарторыйский Адам Ежи (1770–1861) – один из представителей литовско-белорусско-польского княжеского рода. С 1795 г. на русской службе, адъютант цесаревича Александра. Член Негласного комитета. В 1802–1804 гг. товарищ министра, в 1804–1806 гг. – министр иностранных дел. Выдвигал программу объединения всех польских земель под властью Александра I. С 1806 г. в отставке. С 1815 г. сенатор Королевства Польского. Во время Польского восстания 1830–1831 гг. возглавлял Национальное правительство. После поражения восстания эмигрировал во Францию. В 1834 г. был объявлен «польским королем де-факто». Стремился к восстановлению независимости Польши при поддержке западных держав.

265

Воронцов Александр Романович (ок. 1741–1805) – российский государственный деятель и дипломат, граф с 1760 г. В 1761 г. поверенный в делах России в Вене. В 1762–1764 гг. полномочный министр в Лондоне, в 1764–1768 гг. – в Гааге. С 1773 г. президент Коммерц-коллегии, член Комиссии о коммерции; с 1779 г. сенатор. В 1802–1804 гг. государственный канцлер.

266

Вязмитинов Сергей Кузьмич (1744–1819) – российский государственный и военный деятель, граф. С 1786 г. генерал-майор, с 1793 г. генерал-поручик, с 1798 г. генерал от инфантерии. В 1787–1791 гг., во время русско-турецкой войны, командир Екатеринославского егерского корпуса. В 1790–1797 гг. Могилевский, Симбирский, Уфимский и Оренбургский военный губернатор. В 1799–1802 гг. в отставке. В 1802–1808 гг. военный министр. В 1805 и 1812 гг. главнокомандующий войсками в Петербурге. В 1811 г. член Государственного совета. В 1808–1812 гг. снова в отставке. С марта 1812 г. министр полиции, с сентября того же года одновременно председатель Комитета министров.

267

Мордвинов Николай Семенович (1754–1845) – российский государственный, военный и общественный деятель, экономист, граф (с 1834 г.). В молодые годы служил на флоте. С 1799 г. адмирал, в 1799–1801 гг. член и вице-президент Адмиралтейств-коллегии, в 1802 г. морской министр. В 1823–1840 гг. президент Вольного экономического общества, учрежденного в Санкт-Петербурге в 1765 г. В 1826 г. отказался подписать смертный приговор декабристам, осуждая, однако, их метод действий.

268

Куракин Александр Борисович (1752–1818) – российский государственный деятель, дипломат, князь. С 1796 г. вице-канцлер, до сентября 1802 г. возглавлял Коллегию иностранных дел. В 1808–1812 гг. посол во Франции.

269

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – российский государственный деятель, граф с 1839 г. В 1790 г. окончил Владимирскую семинарию, затем курс Александро-Невской семинарии; с 1795 г. префект семинарии; профессор математики, физики и красноречия. С 1797 г. – на госслужбе. В 1803–1807 гг. директор Департамента МВД. В 1807–1810 гг. статс-секретарь Александра I, с 1808 г. член Комиссии составления законов, товарищ министра юстиции. В 1810–1812 гг. госсекретарь. В 1812–1816 гг. в опале, отбывал ссылку в Нижнем Новгороде, затем в Перми. В 1816–1819 гг. пензенский губернатор; в 1819–1821 гг. генерал-губернатор Сибири. В 1821 г. возвращен в Петербург. В 1820–1830-х гг. входил в состав ряда высших государственных комитетов. Подготовил манифест от 13 декабря 1825 г. о вступлении на престол императора Николая I, был членом Верховного уголовного суда над декабристами. С 1826 г. возглавлял 2-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, осуществлявшее кодификацию законов. В 1835–1837 гг. преподавал юридические науки цесаревичу Александру (будущему императору Александру II), с 1838 г. – председатель Департамента законов Государственного совета. С 1838 г. – председатель Департамента законов Госсовета.

Цит. по: Жандармы России. – С. 206.

В разных документах и у разных авторов наименования этой должности отличаются: военный губернатор, генерал-губернатор, военный генерал-губернатор.

272

Толстой Петр Александрович (1761–1844) – российский военный деятель, дипломат, граф. С 1785 г. подпоручик Преображенского полка, с 1797 г. генерал-майор, с 1799 г. генерал-лейтенант, с 1814 г. генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны 1787–1791 гг., Польской кампании 1794–1795 гг., войны против Франции 1799–1800 гг. С 1799 г. в свите Его Императорского Величества, с 1800 г. член Государственной военной коллегии, сенатор. В 1801–1802 гг. выборгский, затем, в 1803–1805 гг., петербургский военный губернатор; в 1803–1805 гг. командир лейб-гвардии Преображенского полка. В 1805–1807 гг. личный представитель Александра I в штабе командующего русской армией Л. Л. Беннигсена. В 1807–1808 гг. посол в Париже. В 1827–1844 гг. председатель Департамента военных дел Госсовета.

273

Эртель Федор Федорович (1768–1825) – российский военный деятель, генерал от инфантерии. Участвовал волонтером в русско-шведской войне 1787–1791 гг. В 1789 г. вышел в отставку в чине премьер-майора. В годы правления Павла I занимал должность московского обер-полицмейстера. В 1812 г. командовал корпусом в 3-й армии генерала Тормасова. В декабре 1812 г. назначен генерал-полицмейстером всех действующих армий с правами командира отдельного корпуса.

274

Балашов (Балашёв) Александр Дмитриевич (1770–1837) – российский государственный и военный деятель. С 1791 г. поручик Измайловского полка, с 1799 г. генерал-майор, с 1809 г. генерал-адъютант, с 1823 г. генерал от инфантерии. В 1804–1807 гг. московский, в 1808–1809 гг. петербургский обер-полицмейстер. В 1809–1810 гг. военный губернатор Петербурга. В 1810–1819 гг. министр полиции, в 1811–1812 гг. член Госсовета. В 1812–1819 гг. в свите Его Императорского Величества. В 1812 г. был направлен Александром I для переговоров с Наполеоном I о прекращении военных действий. В 1819–1828 гг. генерал-губернатор пяти центральных губерний. Был членом Верховного суда по делу декабристов. С 1834 г. в отставке.

275

Комаровский Евграф Федорович (1769–1843) – российский государственный и военный деятель. Граф, генерал-майор (с 1799 г.), генерал-лейтенант (с 1819 г.). Участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова 1799 г. Генерал-адъютант Александра I (с 1801 г.). В 1801–1803 (?) гг. обер-полицмейстер Петербурга. В 1803–1811 гг. в свите Его Императорского Величества. В 1811–1815 гг. инспектор Внутренней стражи. В 1815–1828 гг. командир Отдельного корпуса внутренней стражи. Сенатор (с 1828 г.). Отошел от дел в 1830 г.

Там же. – С. 212.

Там же. – С. 220.

278

Термином «особенная канцелярия» в начале XIX в. было принято называть структуры, аналогичные современным спецслужбам.

279

Армфельт Густав Мориц (1757–1814) – государственный и военный деятель на шведской и русской службе, барон, граф (с 1812 г.). Участник русско-шведской войны 1788–1790 гг. на стороне шведов. В 1794 г. был обвинен в государственной измене и бежал в Россию. В 1801 г. вернулся в Швецию, где занимал ряд командных должностей в армии. В 1809 г. президент военной коллегии Швеции. В 1811 г. перешел на русскую службу и был назначен председателем комитета по финляндским делам. С 1812 г. генерал от инфантерии; член Государственного совета.

280

Фок Максим (наст. Магнус Готфрид) Яковлевич, фон (ок. 1774–1831) – российский государственный деятель. Конногвардеец (1793–1799 гг.). С 1802 г. на гражданской службе. В 1804–1806 гг. чиновник по особым поручениям министра коммерции. В 1806–1810 гг. в милиции (ополчении) Московской губернии. Помощник управляющего (1811–1812 гг.), затем управляющий (1812–1819 гг.) Особенной канцелярией Министерства полиции. В 1817–1826 гг. управляющий Особенной канцелярией МВД. Действительный статский советник с 1826 г. В 1826–1831 гг. управляющий III Отделением.

281

Марченко Василий Романович (1782–1841) – российский государственный деятель. Служил в военно-походной канцелярии А. А. Аракчеева. Томский гражданский губернатор, затем помощник статс-секретаря Государственного совета. В 1812–1818 гг. управляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1813–1815 гг. служил при Главной квартире императора. В 1815–1830 гг. управляющий делами Комитета министров. С 1827 г. тайный советник. С 1830 г. государственный секретарь, член Госсовета.

282

Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761–1818) – российский военный и государственный деятель, с 1814 г. генерал-фельдмаршал, с 1815 г. князь. Представитель старинного шотландского рода, переселившегося в Ригу в XVII в. На военной службе с 1776 г. Участник русско-турецкой войны 1787–1791 гг., русско-шведской войны 1788–1790 гг., войны с Францией 1806–1807 гг. В 1807 г. в его подчинении находилась дивизия, с 1808 г., в период русско-шведской войны 1808–1809 гг., – корпус. В 1809–1810 гг. генерал-губернатор Финляндии. С января 1810 г. по сентябрь 1812 г. военный министр. Герой Отечественной войны 1812 г. Командовал 1-й Западной армией, в его подчинении также находилась 2-я Западная армия. Недооцененный генералитетом маневр по временному отступлению привел к тому, что в середине августа 1812 г. Барклай-де-Толли вынужден был сдать командование армиями М. И. Кутузову. В Бородинском сражении командовал правым крылом русской армии. В сентябре 1812 г. по болезни временно вышел в отставку. Вернулся на службу в феврале 1813 г. В период Заграничных походов 1813–1814 гг. успешно командовал 3-й, а затем русско-прусской армией.

283

Румянцев Николай Петрович (1754–1826) – российский государственный деятель, дипломат, граф. Сын П. П. Румянцева-Задунайского. В 1773–1774 гг. камер-паж Екатерины II. В 1781–1795 гг. на дипломатической службе. В 1796–1801 гг. в опале. С 1801 г. член Госсовета, сенатор. В 1802–1807 гг. министр коммерции. В 1807–1814 гг. министр иностранных дел. В 1810–1812 гг. председатель Госсовета. С 1814 г. в отставке. Снаряжал кругосветную экспедицию Ю. Ф. Лисянского и И. Ф. Крузенштерна. Собрал большую библиотеку, а также коллекции рукописей, которые послужили базой для создания Российской Государственной библиотеки.

284

Нессельроде Карл-Роберт Васильевич (1780–1862) – российский государственный деятель, граф. На дипломатической службе с 1801 г. В 1812–1814 гг. находился при армии. В 1816–1856 гг. министр иностранных дел. Участник Венского конгресса 1814–1815 гг., конгрессов в Ахене, Троппау и Вероне 1818–1822 гг. С 1821 г. член Госсовета, с 1828 г. вице-канцлер, с 1845 г. канцлер. Уволен в отставку в 1856 г.

285

Чернышёв Александр Иванович (1785–1857) – российский государственный и военный деятель, генерал-адъютант с 1812 г., генерал от кавалерии с 1826 г., граф с 1826 г., светлейший князь с 1849 г. В 1809–1812 гг. на дипломатической и разведывательной службе во Франции и Швеции. В период Отечественной войны 1812 г. состоял при императоре Александре I в действующей армии, командовал кавалерийским отрядом. Участвовал в Заграничных походах 1813–1814 гг. В 1815–1818 гг. в свите царя. В 1819–1821 гг. член комитета об устройстве войска Донского. В 1821–1826 гг. начальник легкой гвардейской кавалерийской дивизии. В 1826–1827 гг. член следственной комиссии по делу декабристов, с 1827 г. сенатор. С 1828 г. товарищ начальника Главного штаба и управляющий военным министерством; в 1832–1852 гг. военный министр. В 1848–1856 гг. председатель Госсовета.

286

Витт Иван Осипович, де (1781–1840) – российский военный деятель, граф. Кавалергард, штаб-ротмистр (с 1800 г.), полковник (с 1801 г.), генерал-майор (с 1812 г.), генерал-лейтенант (с 1818 г.), генерал от кавалерии (с 1828 г.). В 1807–1812 гг. личный агент Александра I. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг. Командир кавалерийской дивизии (с 1815 г.), затем корпуса (с 1823 г.) на Украине. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1831 гг. подавлял восстание в Польше. С 1832 г. инспектор резервной кавалерии.

Отечественная война 1812 года: Материалы военно-ученого архива. – СПб., 1900. – Т. I. – Ч. I. – С. 49.

Там же. – С. 247.

289

Воейков Алексей Васильевич (1778–1825) – российский военный деятель. Полковник, флигель-адъютант (с 1810 г.), генерал-майор (с 1812 г.). Участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова 1799 г., русско-турецкой (1806–1812 гг.), русско-прусско-французской (1806–1807 гг.) и русско-шведской (1808–1809 гг.) войн. В 1810–1811 гг. директор Экспедиции секретных дел. С марта 1812 г. командир 3-й бригады 27-й пехотной дивизии. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг. С 1815 г. в отставке.

290

Турский Леонтий Александрович (?—?) – с июня 1815 г. по январь 1816 г. командир Гродненского гусарского полка.

Отечественная война 1812 года. – СПб., 1907. – Т. VII. – С. 65.

Там же. – С. 32.

293

Закревский Арсений Андреевич (1783–1865) – российский государственный и военный деятель, граф. Генерал-майор (с 1813 г.), генерал-адъютант (в 1813 и 1848 гг.), генерал от инфантерии (с 1829 г.). Участник французских (1805 г., 1806–1807 гг.), шведской (1808–1809 гг.), турецкой (1806–1812 гг.) кампаний. В 1811–1812 гг. адъютант Барклая-де-Толли. В 1812 г. директор Особенной канцелярии. В 1815–1823 гг. генерал Главного штаба. В 1823–1828 гг. генерал-губернатор Великого княжества Финляндского. С 1828 г. сенатор. В 1828–1831 гг. министр внутренних дел. С 1831 г. в отставке. В 1848–1859 гг. московский генерал-губернатор.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. по 1825 г. Собрание первое: Т. 1–45. – Т. XXXII. – № 24975.

295

Там же.

Эти документы вы найдете в конце главы.

См. там же. – № 27699.

О нем известно только то, что он был агентом князя Потемкина на переговорах с великим визирем Турции в декабре 1789 г.

Забегая вперед, поясним: термин «агент», употребляемый в присяге, более всего соответствует современному термину «кадровый сотрудник спецслужбы». К агентам относились действующие и отставные армейские офицеры, полицейские и гражданские чиновники.

300

Рожнецкий Александр Александрович (ок. 1774–1849) – дивизионный генерал, участник наполеоновских войн на стороне Франции. В 1810–1812 гг. руководитель одного из разведывательных бюро в Варшаве. В 1812 г. командир кавалерийской дивизии. В 1813 г. начальник штаба корпуса Ю. Понятовского. Под Лейпцигом попал в русский плен. С 1815 г. командовал кавалерией Царства Польского. В 1831 г. зачислен на русскую службу с назначением состоять при Особе Его Императорского Величества. С 1832 г. член Госсовета и член Совета управления Царства Польского.

301

Записки Якова Ивановича де Санглена. 1776–1831 гг. // Русская старина. – 1883. – Т. XXXVII. – № 3. – С. 541–543.

302

Вышедшие после Отечественной войны 1812 г. труды российских теоретиков и практиков партизанского движения тщательно изучаются в специальных учебных центрах до настоящего времени.

Алексеев М. Указ. соч. – Кн. I. – С. 37.

304

Волконский Петр Михайлович (1776–1852) – российский государственный и военный деятель, с 1843 г. генерал-фельдмаршал, князь. Участник Отечественной войны 1812 г. В 1810–1812 гг. занимал пост генерал-квартирмейстера русской армии. В 1813–1814 гг. начальник Главного штаба Александра I. Участвовал в работе Венского конгресса 1814–1815 гг. В 1815–1823 гг. руководил военным управлением. Основал Санкт-Петербургское военное училище (Училище колонновожатых). С 1821 г. член Государственного совета. В 1826–1852 гг. министр императорского двора и уделов.

305

Дибич-Забалканский Иван Иванович (наст. Иоганн Карл Фридрих Антон) (1785–1831) – российский военный деятель, с 1827 г. граф, с 1829 г. генерал-фельдмаршал. Сын прусского офицера, перешедшего в 1798 г. на русскую службу. Принимал участие в войне с Францией в 1805–1807 гг. В 1812-м – начале 1813 г. обер-квартирмейстер корпуса и генерал-квартирмейстер армии П. Х. Витгенштейна, затем генерал-квартирмейстер русско-прусских войск. С 1815 г. начальник штаба 1-й армии. С 1823 г. начальник Главного штаба, с 1824 г. управляющий квартирмейстерской частью. В период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. фактически руководил военными действиями на Балканах, находясь при 60-летнем главнокомандующем Витгенштейне, обуреваемом болезнями; с февраля 1829 г., после отставки Витгенштейна, – главнокомандующий. С декабря 1830 г. руководил войсками, направленными на подавление Польского восстания. Умер от холеры.

Керсновский А. А. – Указ. соч. – С. 225.

307

Курута Дмитрий Дмитриевич (1769–1833) – российский военный деятель, представитель старинного греческого рода, с 1826 г. граф. В 1787 г. обучал великого князя Константина Павловича греческому языку. В том же году произведен в подпоручики Санкт-Петербургского гренадерского полка. С 1788 г. мичман. В начале 1803 г. назначен в свиту по квартирмейстерской части. За отличие в Аустерлицком сражении награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом; участвовал в кампании 1807 г. в Пруссии. С 1808 г. полковник. С 1810 г. адъютант великого князя Константина Павловича. В 1810–1811 гг. полковой командир Дворянского полка. В 1812 г. занимал должность обер-квартирмейстера 5-го резервного (гвардейского) корпуса, входившего в состав 1-й Западной армии. В декабре 1812 г. произведен в чин генерал-майора. Участвовал в Заграничных походах 1813–1814 гг. В 1815 г. назначен начальником Главного штаба великого князя Константина Павловича в Варшаве. С ноября 1815 г. директор 2-го кадетского корпуса и шеф Дворянского полка с оставлением при прежних должностях. С 1816 г. генерал-лейтенант. С 1828 г. генерал от инфантерии. В 1831 принимал участие в подавлении польского восстания. С июня 1832 г. член Военного совета.

308

Слово «жандарм» происходит от *фр.* gens d'armes. В начале XIX в. под жандармерией стали понимать подразделения государственной полиции, имеющие военную организацию.

309

Троцкий И. М. III Отделение при Николае I: Жизнь Шервуда-Верного. – Л., 1990. – С. 149.

310

Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) – российский военный деятель, с 1813 г. граф. В армии с 1780 г. В 1787 г. прапорщик Измайловского полка, с 1797 г. полковник, с 1798 г. генерал-майор, с 1805 г. генерал-лейтенант, с 1809 г. генерал от инфантерии. Участник русско-шведской войны (1788–1790 гг.), Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова 1799 г. и русско-австро-французской войны 1805 г. Командир корпуса в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Участник Отечественной войны 1812 г. и последовавших за ней Заграничных походов. С 1814 г. командир гвардейского корпуса. В 1818–1825 гг. петербургский военный губернатор. Во время восстания декабристов 14 декабря 1825 г. был смертельно ранен на Сенатской площади.

311

Там же. – С. 150.

312

Там же. – С. 151.

313

Кантонисты – сыновья нижних чинов, в 1805–1856 гг. с рождения числившиеся за военным ведомством.

314

Цит. по: *Лапин В. В.* Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. – Л., 1991. – С. 96.

315

Васильчиков Илларион Васильевич (1775 или 1776–1847) – российский государственный и военный деятель, с 1823 г. генерал от кавалерии, с 1839 г. князь. За участие в подавлении восстания декабристов в 1825 г. возведен в графское достоинство. С 1831 г. командующий войсками в Петербурге и окрестностях, член Комитета по делам Царства Польского. С 1838 г. председатель Государственного совета и Комитета министров.

316

Бенкендорф Александр Христофорович (1781 или 1783–1844) – российский государственный деятель с 1832 г. На службе с 1798 г. С 1812 г. генерал-майор, с 1821 г. генерал-лейтенант, с 1829 г. генерал от кавалерии. Участник войн с Францией (в 1805–1807 гг.) и Турцией (в 1806–1812 гг.). В 1816–1819 гг. начальник Уланской дивизии. В 1819–1821 гг. начальник штаба Гвардейского корпуса. В 1821–1824 гг. начальник Кирасирской дивизии. В 1821 г. представил Александру I записку-доклад о Союзе благоденствия. В 1824–1825 гг. губернатор Васильевского о-ва. В декабре 1825 г. командовал кавалерией при подавлении восстания декабристов. Был членом Следственной комиссии по делу декабристов. В январе 1826 г. составил проект организации центрального органа политического сыска (Министерства полиции), принятый Николаем I при учреждении III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1826–1844 гг. начальник III Отделения, шеф корпуса жандармов, командующий Императорской Главной квартирой. С 1831 г. член Кабинета министров.

Судьбы декабристов, пусть даже изложенные в короткой и сухой автобиографической справке, – это огромная тема, требующая отдельного изложения. Заинтересованный читатель наверняка найдет нужные ему материалы в дополнительной литературе.

Там же. – С. 174.

319

ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 3. Д. 54–57.

320

Рассказы Е. И. Якушкина, записанные в Ярославле 22 ноября 1897 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 859. К. 38. Д. 15. Л. 15.

321

Российское законодательство X–XX веков. – М., 1991. – Т. 8. – С. 82.

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – М.; Л., 1926. – С. 15.

Там же. – С. 15–16.

Цит. по: *Керсновский А. А.* Указ. соч. – С. 231.

325

Грибовский Михаил Кириллович (?—?) – государственный служащий, с 1826 г. статский советник. С 1814 г. исполняющий должность управителя канцелярии Инвалидного комитета. С 1816 г. доктор права Харьковского университета. В 1819–1920 гг. библиотекарь гвардии Генерального штаба. В 1821–1823 гг. управитель канцелярии Комитета о раненых; начальник тайной военной полиции в гвардии. В 1823–1826 гг. вице-губернатор Симбирска. Член «Союза благоденствия», в ходе судебного следствия над декабристами по высочайшему повелению был «оставлен без внимания». В 1827–1828 гг. харьковский губернатор. В 1833 г. числился при герольдии.

Цит. по: *Лапин В. В.* Указ. соч. – С. 218–219.

327

Орлов Алексей Федорович (1786–1861) – российский военный и государственный деятель, дипломат, с 1825 г. граф, с 1856 г. князь, с 1817 г. генерал-майор, с 1829 г. генерал-лейтенант, с 1833 г. генерал от кавалерии. Участник войн и походов против Наполеона (1805–1814 гг.). В 1819–1826 гг. командир лейб-гвардии Конного полка. Участвовал в подавлении восстания декабристов 14 декабря 1825 г., за что получил титул графа. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Руководил делегациями при заключении Адрианопольского (1829 г.), Ункяр-Искелесийского (1833 г.) и Парижского (1856 г.) мирных договоров. С 1836 г. член Госсовета. В 1844–1856 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения. В 1856–1861 гг. председатель Госсовета и Комитета министров.

Пушкин А. С. Дневники. Записки. – СПб., 1995. – С. 35.

329

Цит. по: Жандармы России. – С. 245.

330

Шервуд Иван (Джон) Васильевич (1798–1867) – англичанин, поступил на русскую службу в 1819 г., унтер-офицер. В 1825 г., будучи личным агентом Александра I, узнал о существовании тайного общества. В 1826 г. переведен в гвардию, получил звание поручика, поименован Шервуд-Верный. Прикомандированный к штабу Гвардейского корпуса, исполнял поручения А. Х. Бенкендорфа. С 1830 г. штабс-капитан, с 1831 г. капитан, с 1833 г. полковник. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления восстания в Польше (1831 г.). За ложный донос содержался в Шлиссельбургской крепости; с 1851 г. состоял под секретным надзором. Освобожден от надзора в 1856 г.

331

Эйлер Александр Христофорович (1773–1849) – с 1796 г. подпоручик гвардейского артиллерийского батальона, с 1806 г. подполковник, с 1812 г. генерал-майор, с 1826 г. генерал-лейтенант, с 1834 г. генерал от артиллерии. В 1819–1831 гг. командовал артиллерийскими ротами и военно-рабочими батальонами Новгородских военных поселений, правая рука А. А. Аракчеева. После убийства Минкиной тот поручил Эйлеру командование Отдельным корпусом военных поселений. В 1831 г. назначен присутствующим в Совете главного штаба военных поселений. В 1833–1840 гг. директор Артиллерийского департамента Военного министерства, с 1840 г. член Военного совета.

332

Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – российский государственный деятель. В 1803–1817 гг. обер-прокурор Святейшего Синода, статс-секретарь. С 1810 г. член Государственного совета, с 1812 г. сенатор. В 1813–1824 гг. президент Библейского общества, в 1816–1824 гг. министр народного просвещения, в 1819–1842 гг. главноначальствующий над Почтовым департаментом. С 1830 г. канцлер российских императорских и царских орденов. В 1839–1841 гг. председательствующий на общих заседаниях Государственного совета. С 1841 г. действительный тайный советник 1-го класса. С 1842 г. в отставке.

333

Цит. по: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. – СПб., 1857. – С. 31.

Там же. – С. 31.

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – С. 14.

336

ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 517. Л. 25–34 об.

337

ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 517. Л. 35–56 об.

338

ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 517. Л. 16–24.

339

ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 517. Л. 14–14 об.

340

ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 517. Л. 15.

341

Восстание декабристов: Материалы и документы: т. 1–18. – М.; Л., 1925–1986. – Т. 7: «Русская правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие. – М., 1958. – С. 229–234.

342

Майборода Аркадий Иванович (1798–1845) – с 1812 г. юнкер, с 1817 г. прапорщик, с 1820 г. подпоручик, затем штабс-капитан, с 1823 г. капитан, с 1829 г. подполковник, с 1841 г. полковник. В 1825 г. доложил о «Южном обществе». В 1826 г. переведен в гвардию. Участник русско-персидской войны 1826–1828 гг. и подавления восстания в Польше (1831 г.). В 1833–1835 гг. в отставке, затем был вновь призван. Погиб при невыясненных обстоятельствах в Темир-Хан-Шуре 12 декабря 1845 г.

343

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки: Ф. 859. К. 41. Д. 6. Л. 7.

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – С. 18.

Там же. – С. 16–17.

Там же. – С. 18–19.

Восстание декабристов: Материалы. – Т. 7. – С. 245.

Записки Николая I // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. – С. 19.

349

Там же. – С. 19–20.

Там же. – С. 20.

351

Там же.

Там же.

353

Там же. – С. 20–21.

354

Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868) – доверенное лицо Николая I с 14 декабря 1825 г., в 1838–1841 гг. состоял при наследнике – будущем императоре Александре II, с 1845 г. генерал-адъютант. Участник подавления восстания в Польше 1830–1831 гг. В 1841–1848 гг. начальник штаба инспектора резервной кавалерии. В 1848–1853 гг. товарищ военного министра. С 1853 г. член Государственного совета. В 1853–1856 гг. военный министр. В 1856–1866 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

355

Башуцкий Павел Яковлевич (1771–1836) – российский военный деятель. На службе с 1786 г. К 1803 г. генерал-майор, с 1816 г. генерал-лейтенант, с 1828 г. генерал от инфантерии. Участник русско-шведской (1788–1790 гг.) и русско-прусско-французской (1806–1807 гг.) войн. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1808–1812 гг. и до 1833 г. комендант Санкт-Петербурга.

356

Шульгин Александр Сергеевич (ок. 1775–1841) – российский военный деятель. В 1795 г. корнет, к 1814 г. генерал-майор. Участник Швейцарской кампании 1799 г. и русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг. В 1812 г. в распоряжении генерал-полицмейстера армии. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг. московский (в 1818–1825 гг.), затем петербургский обер-полицмейстер. В январе 1826 г. снят с должности и определен состоять по кавалерии. С 1834 г. в отставке.

357

Из записок Николая I о вступлении его на престол // Декабристы в воспоминаниях современников. – М., 1988. – С. 226–227.

Там же. – С. 227–228.

359

Из воспоминаний великого князя Михаила Павловича в записи М. А. Корфа // 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. – СПб., 1999. – С. 59–60.

Там же. – С. 57.

361

Там же. – С. 60.

362

Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1773–1843) – российский военный деятель, граф. С 1796 г. флигель-адъютант Павла I. С 1802 г. генерал-майор, с 1813 г. генерал-лейтенант, с 1826 г. генерал от кавалерии. Участник русско-турецкой войны 1806–1807 гг. В 1810–1811 гг. обер-полицмейстер Петербурга. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1825–1830 гг. военный губернатор Санкт-Петербурга. С 1832 г. член Госсовета. С 1842 г. – в отставке.

363

Левашов (Левашёв) Василий Васильевич (1783–1848) – российский государственный и военный деятель, с 1833 г. граф. В 1820 г. расследовал беспорядки в Семеновском полку. В 1826 г. член Верховного уголовного суда над декабристами. С 1847 г. председатель Государственного совета и Комитета министров.

364

Из записок Николая I о вступлении его на престол // Декабристы в воспоминаниях современников. – С. 235.

Журналы Следственного комитета // Восстание декабристов: Документы. М., 1986. – Т. XVI. – С. 54.

366

Княжнин Борис Яковлевич (1777–1854) – российский военный деятель. На службе с 1793 г. Генерал-майор с 1813 г., генерал-лейтенант с 1826 г., генерал от инфантерии с 1843 г. Участник русско-прусско-французской (1806–1807 гг.), Отечественной (1812 г.) войн и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1815–1825 гг. на службе в военных поселениях. В 1826–1829 гг. обер-полицмейстер Петербурга. В 1829–1832 гг. киевский военный губернатор. С 1832 г. генерал-аудитор. Сенатор.

367

Русская старина, 1900. – Т. 104. – С. 615–616.

368

Полное собрание законов Российской империи, с 1825 г. по 1881 г. Собрание второе: Т. 1–55. – СПб., 1830. – Т. I. – Отд. 2. – № 449.

369

Качмарев Егор Григорьевич (?–1856) – российский офицер, на службе с 1806 г. С 1810 г. фельдфебель, с 1816 г. прапорщик, с 1820 г. подпоручик, с 1823 г. поручик, с 1826 г. штабс-капитан, с 1827 г. капитан, с 1829 г. полковник, с 1855 г. генерал-майор. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1816–1826 гг. служил в артиллерии, затем в польских войсках. В 1827–1856 гг. командир Роты дворцовых гренадер.

370

Мордвинов Александр Николаевич (1792–1869) – российский государственный деятель. В 1810–1812 гг. и до 1815 г. служил в Министерстве полиции, затем в Главной квартире М. Б. Барклая-де-Толли. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. С 1825 г. чиновник Собственной Его Императорского Величества канцелярии. С 1829 г. помощник статс-секретаря Государственного совета. В 1831–1839 гг. управляющий III Отделением. В 1840–1844 гг. вятский гражданский губернатор.

371

Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862) – российский военный и государственный деятель, с 1835 г. генерал-майор, с 1844 г. генерал-лейтенант, с 1856 г. генерал от кавалерии. Участник русско-прусско-французской войны 1806–1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1822–1828 гг. командир полка. В 1828–1830 гг. в отставке. В 1830 г. поступил в Корпус жандармов. В 1835–1839 гг. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. В 1839–1856 гг. управляющий III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии; член управления цензуры.

Троцкий И. М. Указ. соч. – С. 13.

373

Висковатов Степан Иванович (1786–1831) – один из сотрудников Министерства полиции. В 1800 г. поступил на службу. В 1807 г. сотенный начальник в псковском ополчении. В 1808–1811 гг. дежурный офицер и библиотекарь в Горном корпусе. В 1811–1825 гг. чиновник Особенной канцелярии Министерства полиции и Министерства внутренних дел. С 1826 г. секретный сотрудник III Отделения. В 1828–1829 гг. переводчик при Дирекции с. – петербургских театров, талантливый драматург. Летом 1831 г. пропал без вести.

ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Д. 67. Л. 3–3 об.

375

Русская старина. – 1881. – № 9. – С. 174.

Там же. – С. 193.

Там же. – С. 310.

Там же. – С. 320–321.

379

Липранди Иван Петрович (1790–1880) – российский военный деятель. С 1832 г. генерал-майор. В 1807 г. колонновожатый в свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Участник русско-шведской войны 1808–1809 гг., подпоручик. В 1812 г. обер-квартирмейстер корпуса генерала Д. С. Дохтурова. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг., подполковник. В 1815–1818 гг. управляющий воинской полицией Отдельного корпуса во Франции. В 1819 г. военный статистик в Виленской губернии. В 1823–1827 гг. начальник военной разведки, действовавшей против Турции Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1840–1854 гг. чиновник особых поручений МВД. В 1856–1861 гг. чиновник Министерства двора и уделов.

380

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) – русский писатель, драматург и дипломат. В 1810 г. окончил Московский университет. В 1812 г. поступил добровольцем в армию, но в военных действиях не участвовал. В 1817 г. зачислен в Коллегию иностранных дел. С 1818 г. – секретарь русской миссии в Тегеране. С 1822 г. секретарь по дипломатической части при командующем русскими войсками на Кавказе А. П. Ермолове (г. Тбилиси). В 1826 г. арестован и доставлен в Петербург для расследования связей с декабристами, был отпущен за неимением доказательств. С сентября 1826 г. продолжил дипломатическую деятельность. С 1827 г. ведал сношениями с Турцией и Персией. По окончании русско-персидской войны 1826–1828 гг. участвовал в выработке Туркманчайского мирного договора с Персией, текст которого доставил в марте 1828 г. в Петербург. В том же году направлен полномочным министром-резидентом (послом) в Персию. Погиб со шпагой в руке во время нападения на русскую миссию в Тегеране.

381

Толстой Яков Николаевич (1791–1867) – секретный служащий. В армии – прапорщик (с 1808 г.), штабс-капитан лейб-гвардии (с 1821 г.). Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1821–1823 гг. старший адъютант Главного штаба. В 1823–1826 гг. находился в заграничном отпуске. В 1826 г. уволен со службы с сохранением чина, пробовал себя в литературе. В 1837–1848 гг. чиновник по особым поручениям III Отделения (официально числился служащим Министерства народного просвещения). С 1848-го причислен к посольству в Париже. С этого же года статский советник, с 1858 г. действительный статский советник, с 1866 г. тайный советник.

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. – С. 138–139.

383

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. – Кн. 2. – М., 1997. – С. 582.

384

Перовский Лев Алексеевич (1792–1856) – российский государственный деятель, граф, генерал от инфантерии (с 1855 г.). На военной службе с 1811 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Выйдя в отставку, в 1823–1826 гг. служил в Коллегии иностранных дел, затем, в 1826–1840 гг., в Департаменте и Министерстве уделов (с 1840 г. товарищ министра). В 1841–1852 гг. министр внутренних дел, в 1852–1856 гг. министр уделов.

385

Цит. по: Русский архив. – 1889. – № 7. – С. 396–398.

386

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 631. Л. 51–51 об.

387

Ридигер Федор Васильевич (1783–1856) – российский военный деятель, генерал-адъютант, с 1847 г. граф. Принимал участие в русско-прусско-французской войне 1806–1807 гг., а также в последовавшей за ней русско-шведской войне. В Отечественную войну 1812 г. состоял в армии П. Х. Витгенштейна, командовал гродненским гусарским полком. Участвовал в Заграничных походах 1813–1814 гг., затем в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. С 1829 г. начальник войск в Молдавии. Во время польской войны 1831 г. успешно действовал на Волыни, в Люблинском воеводстве и на левом берегу Вислы. Вместе с прусскими и австрийскими войсками занял Краков во время беспорядков 1847 г. Участвовал в Венгерской кампании 1849 г. С 1850 г. член Государственного совета, с 1855 г. главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами, позже – председатель комиссии для улучшений по военной части.

388

Альбединский Петр Павлович (1826–1883) – российский военный и государственный деятель. С 1854 г. полковник, с 1860 г. генерал-майор, с 1878 г. генерал от кавалерии. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1855–1857 гг. на дипломатической работе во Франции. В 1858–1865 гг. командир лейб-гвардии Конно-гренадерского и Гусарского полков. В 1865–1866 гг. начальник штаба гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. В 1866–1874 гг. лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор и командующий войсками Рижского военного округа. В 1874–1880 гг. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа. С 1880 г. варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа. С 1881 г. член Госсовета.

389

Цит. по: *Алексеев М.* Указ. соч. – Кн. I. – С. 56–57.

390

Цит. по: *Кудрявцев Н. А.* Государево око: Тайная дипломатия и разведка на службе России. – СПб.; М., 2002. – С. 570.

391

Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) – российский государственный деятель, дипломат. С 1877 г. граф, с 1878 г. генерал от инфантерии, с 1860 г. генерал-адъютант. В 1849 г. окончил Пажеский корпус, в 1851 г. – Академию Генерального штаба. В 1853–1856 гг. обер-квартирмейстер Балтийского корпуса. В 1856–1857 гг. военный агент в Лондоне. В 1857 г. на разведработе в Вене, Белграде, Афинах, Константинополе и Иерусалиме, с 1858 г. – в Хиве и Бухаре. В 1859 г. направлен чрезвычайным посланником в Китай. В 1861–1864 гг. директор Азиатского департамента МИД. В 1864–1877 гг. посол в Турции. В 1881 г. министр государственных имуществ и внутренних дел (с мая 1881-го по май 1882 г.). Член Госсовета.

Цит. по: *Кудрявцев Н. А.* Указ. соч. – С. 571.

393

Термин ввел писатель П. Д. Боборыкин для обозначения людей, получивших хорошее образование. Многие историки определяют русскую интеллигенцию второй половины XIX в. как людей, «которые много знают, но мало могут».

Кропоткин П. А. Записки революционера. – М., 1988. – С. 164.

395

В 1849 г. политэмигрантами в Лондоне был основан «Центральный демократический европейский комитет единения партий без различия национальностей». Основная цель комитета – освобождение угнетенных национальностей европейских стран. Руководители комитета: А. О. Ледрю-Роллен (Франция), Дж. Маццини (Италия), С. Ворцель (Польша), А. Руге (Германия), Братанио (Румыния). От России в его состав был приглашен А. И. Герцен, но тот от участия в работе комитета отказался. Деятельность комитета выразилась в устной и письменной агитации среди различных народов: например, имело место обращение к полякам с призывом к революционному выступлению (20 июля 1850 г.).

Цит. по: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. – М., 1997. – С. 144, 146, 149.

397

Унтер-офицер из дворян Буланцов; в 1863 г. он поступил добровольцем в Плоцкий военный отдел. Отлично ориентируясь на местности и зная польский язык, Буланцов стал оперативником, действующим под видом повстанца. Он выявлял места укрытий банд, содействовал поимке жандармов-вешателей, отыскивал «схроны» с оружием и продовольствием.

398

Буланцов. Записки лазутчика, во время усмирения мятежа в Польше, в 1863 году. – СПб., 1868. – С. 1–3.

399

Цит. по: *Назаревский В. В.* Царствование императора Александра II. 1855–1881. – М., 1910. – С. 78.

400

Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) – российский государственный и военный деятель, с 1832 г. генерал-майор, с 1849 г. генерал-лейтенант, с 1853 г. генерал от инфантерии, с 1865 г. граф, с 1811 г. колонновожатый, в 1812 г. прапорщик свиты по квартирмейстерской части. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1815–1820 гг. командирован на Кавказскую линию. С 1820 г. подполковник квартирмейстерской части в отставке. Член «Союза спасения» и «Союза благоденствия». В 1821 г. отошел от движения декабристов, однако в 1825 г. был арестован; затем, в 1826 г., оправдан и вновь определен на службу. В 1826–1828 гг. витебский вице-губернатор. В 1828–1830 гг. могилевский губернатор. В 1830–1831 гг., при подавлении Польского восстания, состоял при главнокомандующем Резервной армией. В 1832–1834 гг. гродненский губернатор. В 1835–1839 гг. курский военный губернатор. В 1839–1842 гг. директор Департамента податей и сборов. В 1842–1850 гг. управляющий Межевым корпусом. С 1850 г. член Госсовета. С 1856 г. председатель Департамента уделов. В 1857–1862 гг. министр государственных имуществ. Во время Польского восстания 1863–1864 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями, командующий войсками Виленского военного округа, главный начальник Витебской и Могилевской губерний.

401

Кульчицкий Л. (*Мазовецкий*) История русского революционного движения (1801–1870 годы). – СПб., 1908. – Т. 1 – С. 365.

402

Террористические и карательные акции у повстанцев осуществляли специальные группы, называвшиеся «кинжальщиками» и «жандармами-вешателями». См.: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. – СПб., 1903. – Т. 1. – С. 476.

403

Берг Федор Федорович (наст. Фридрих Вильгельм Ремберт) (1793–1874) – российский военный деятель, геодезист. С 1856 г. граф, с 1831 г. генерал-лейтенант, с 1865 г. фельдмаршал. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. В 1820-х гг. составил военно-статистическое описание Турции. В 1815–1820 гг. наблюдал за движением карбонариев в Неаполе. В 1820–1822 гг. состоял при миссиях в Мюнхене и Риме. В 1823 и 1825 гг. возглавлял военные экспедиции в Закаспийский край. В 1826 г. советник посольства в Турции. В 1828–1829 гг. генерал-квартирмейстер 2-й армии, в те же годы производил картографическую съемку северо-восточной части Болгарии. Участник подавления Польского восстания 1830–1831 гг. В 1831–1843 гг. генерал-квартирмейстер действующей армии. В 1843–1853 гг. генерал-квартирмейстер Главного штаба. Находясь в этой должности, оказывал поддержку в составлении трехверстной карты России. В 1853–1854 гг. командующий войсками в Эстляндии. В 1854–1856 гг. генерал-губернатор и командующий войсками в Финляндии. В 1863–1866 гг. наместник в Польше. С 1870 г. почетный член Русского географического общества. Член Госсовета.

404

Милютин Николай Алексеевич (1818–1872) – российский государственный деятель. С 1835 г. служил в Министерстве внутренних дел. С 1859 г. товарищ министра внутренних дел. Фактически руководил работой по подготовке Крестьянской реформы 1861 г., в 1859–1861 гг. председатель Комиссии по разработке проекта Земской реформы 1864 г. Весной 1861 г. уволен в отставку и назначен сенатором. Вместе с Ю. Ф. Самариным и В. А. Черкасским разработал «Положение об устройстве сельских гмин и крестьянского быта в Царстве Польском», принятое 19 февраля 1864 г. С 1864 г. статс-секретарь по делам Польши и управляющий гражданской частью канцелярии генерал-губернатора в Варшаве. С 1865 г. член Государственного совета, главный начальник Канцелярии по делам Царства Польского в Петербурге, член Главного комитета по устройству сельского состояния. С 1867 г. в отставке по болезни.

405

Покушение Каракозова: Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. – М.; Л., 1928. – С. 88, 196.

406

Комиссия учреждена после Польского восстания 1863–1864 гг. для разбора важнейших преступлений против государственной власти.

407

Черевин Петр Александрович (1837–1896) – российский государственный деятель, генерал-лейтенант, товарищ главноуправляющего III Отделением, исправляющий должность шефа жандармов в 1880 г. (после подчинения Отдельного корпуса жандармов указом 4 марта 1880 г. главному начальнику Верховной Распорядительной Комиссии); в 1880–1883 гг. товарищ министра внутренних дел; с 1883 г. начальник дворцовой охраны при Александре III.

408

Покушение Каракозова 4 апреля 1866 // Красный архив. – Т. 4 (17). – С. 119–120, 123.

409

Цит по: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начала XX в.): Сборник документов. – М., 2001. – С. 27–28.

410

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 31. Л. 3–3 об.

411

Шувалов Петр Андреевич (1827–1889) – российский государственный деятель и дипломат, граф, с 1857 г. генерал-майор, с 1864 г. генерал-лейтенант, с 1872 г. генерал от кавалерии. В 1845 г. окончил Пажеский корпус, затем на военной службе. Участник Крымской войны 1853–1856 гг., с 1854 г. адъютант военного министра, участник мирных переговоров в Париже 1856 г. В 1857–1860 гг. обер-полицмейстер Петербурга. В 1860–1861 гг. директор Департамента общих дел МВД. Во второй половине 1861 г. начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III Отделением. Участник подавления Польского восстания 1863–1864 гг. В 1864–1866 гг. лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор. В 1866–1874 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения, был ближайшим советником императора Александра II. С 1866 г. член Госсовета. В 1874–1879 гг. посол в Лондоне.

412

Трепов Федор Федорович (1812–1889) – российский государственный и военный деятель. В 1828–1831 гг. чиновник Департамента госимуществ. На военной службе с 1831 г., участник подавления Польского восстания 1830–1831 гг. С 1863 г. генерал-майор, с 1867 г. генерал-адъютант, с 1878 г. генерал от кавалерии. Командир конного жандармского полка в Киеве. В 1860–1861 гг. варшавский обер-полицмейстер. В 1863–1866 гг. генерал-полицмейстер в Царстве Польском. В 1866–1873 гг. петербургский обер-полицмейстер. В 1873–1878 гг. градоначальник Петербурга. С 1878 г. в отставке.

413

Адлерберг Владимир Федорович (1791–1884) – российский военный деятель, с 1847 г. граф. На военной службе с 1811 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. Ближайший друг цесаревича Николая Павловича, в 1817–1825 гг. его адъютант. В 1825–1826 гг. помощник правителя дел Следственной комиссии по делу декабристов. В 1827–1828 гг. директор канцелярии начальника Главного штаба. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Участник подавления Польского восстания 1830–1831 гг. В 1842–1857 гг. начальник Почтового департамента. В 1852–1870 гг. министр императорского двора и уделов.

Цит. по: Все монархи мира. Россия. (600 кратких жизнеописаний.) – М., 1998. – С. 54–55.

415

Государственные преступления в России в XIX веке: Сборник из официальных изданий правительственных сообщений. – Stuttgart, 1903. – Т. 1 (1825–1876). – С. 279.

В этом отношении известное покушение В. Ильина на Л. И. Брежнева очень похоже на покушение Березовского.

417

Градоначальник – должностное лицо, на правах губернатора управлявшее каким-либо городом и прилегающей к нему территорией; высший административно-полицейский чин. Имея права гражданского губернатора, подчинялся министру внутренних дел. В состав Управления градоначальника входили канцелярия, врачебное управление, техническая часть, контора адресов, полицейский архив, а в Санкт-Петербурге – Отделение по охранению общественного порядка и спокойствия в столице (с 1887 г. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка). В штате состояли помощник, чиновники особых поручений, секретарь.

418

Тимашёв Александр Егорович (1818–1893) – российский государственный деятель, генерал-адъютант, с 1867 г. член Государственного совета. Окончил курс в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В 1856 г. назначен начальником штаба корпуса жандармов и управляющим III Отделением Собственной Его Величества канцелярии. В 1861–1864 гг. временный генерал-губернатор Казанской, Вятской и Пермской губерний. В 1867–1868 гг. министр почт и телеграфов. В 1868–1878 гг. министр внутренних дел.

419

Цит. по: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. – С. 246–247.

Цит. по: Каторга и ссылка. – 1924. – № 3 (10). – С. 116.

421

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 34. Лл. 28 об. – 30, 31 об.

422

Потапов Александр Львович (1818–1886) – российский государственный и военный деятель. С 1860 г. генерал-майор, с 1866 г. генерал-лейтенант, с 1875 г. генерал от кавалерии. На военной службе с 1835 г. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1856–1860 гг. флигель-адъютант. В июне – августе 1860 г. обер-полицмейстер Петербурга, в 1860–1861 гг. обер-полицмейстер Москвы. В 1861–1864 гг. начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III Отделением. В 1864–1865 гг. помощник виленского генерал-губернатора. В 1865–1868 гг. наказной атаман Войска Донского. В 1868–1874 гг. виленский генерал-губернатор. В 1874–1876 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения.

423

Текст документа вы найдете в конце главы.

424

Мезенцов Николай Владимирович (1827–1878) – российский государственный и военный деятель. С 1865 г. генерал-майор, с 1871 г. генерал-адъютант. На военной службе с 1845 г. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1861–1863 гг. флигель-адъютант. С 1863 г. член Следственной комиссии. В 1864–1871 гг. начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III Отделением. В 1873–1876 гг. товарищ шефа жандармов. В 1876–1878 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения. С 1877 г. член Госсовета. Убит террористом С. М. Степняком-Кравчинским.

425

Обручев Николай Николаевич (1830–1904) – российский военный и государственный деятель, с 1856 г. генерал-майор, с 1878 г. генерал-адъютант, с 1887 г. генерал от инфантерии. На военной службе с 1848 г. В 1854 г. окончил Академию Генштаба. В годы Крымской войны квартирмейстер 2-й гвардейской пехотной дивизии. В 1856–1866 гг. профессор и начальник кафедры военной статистики Академии Генерального штаба. В 1867–1881 гг. управляющий делами Военно-учетного комитета Генерального штаба. В 1876 г. разработал стратегический план войны с Турцией. В июле – октябре 1877 г. состоял в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией и участвовал в планировании военных действий при Аладже и Карсе. В 1881–1897 гг. начальник Главного штаба и председатель ВУК, руководил разработкой планов войны с Германией и Австро-Венгрией. С 1888 г. почетный член Петербургской академии наук. С 1893 г. член Госсовета. С 1897 г. в отставке.

426

Паренсов Петр Дмитриевич (1843–1914) – российский военный деятель, генерал от инфантерии. На военной службе с 1860 г. В 1867 г. окончил курс Академии Генерального штаба по первому разряду. Участник усмирения беспорядков в Киргизской степи (1869 г.). В 1876–1877 гг. офицер дня особых поручений при Главнокомандующем действующей армии. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1879–1880 гг. первый военный министр Болгарии. В 1890–1898 гг. начальник штаба 2-го армейского корпуса, комендант г. Варшава, помощник начальника штаба Варшавского военного округа, начальник 6-й кавалерийской дивизии. В 1902–1906 гг. комендант варшавской крепости. В 1906–1914 гг. комендант Петергофа. С 1914 г. в отставке.

427

Архив «Земли и воли» и «Народной воли». – М., 1932. – С. 401.

428

Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.): Исторические очерки. – СПб., 1913. – Ч. 2. – С. 215, 222.

429

Цит. по: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. – С. 395.

Там же. – С. 396.

Там же. – С. 396–397.

432

Дрентельн Александр Романович (1820–1888) – российский военный деятель, с 1859 г. генерал-майор, с 1865 г. генерал-лейтенант, с 1878 г. генерал от инфантерии. На военной службе с 1838 г. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1856–1862 гг. командир лейб-гвардии Измайловского полка. В 1863–1864 гг. начальник дивизии. В 1872–1878 гг. командующий Киевским военным округом. В 1870–1880 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения. В 1880 г. одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа. В 1881–1888 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, командующий войсками Киевского военного округа.

Архив «Земли и воли» и «Народной воли». – С. 91–92.

Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. – М., 1991. – С. 83.

Похожая ситуация сложилась и на рубеже XX–XXI вв., когда объектами покушений стали представители российского бизнеса, не желавшие уделять должного внимания вопросам безопасности.

Процесс 193-х / Предисл. В. Каллаша; изд. В. М. Саблина. – Б. м., 1906. – С. 82.

437

Знаменитый военный инженер Э. И. Тотлебен отмечал, что Кибальчича следует засадить за решетку до конца дней, но при этом предоставить ему возможность работать над техническими изобретениями.

Название «динамит» происходит от *греч.* dina – сила.

439

Противодействие антигосударственному террору на железных дорогах Российской империи: Сборник документов и материалов / Сост. Н. Д. Литвинов, Ш. М. Нурадинов. – М., 1999. – С. 52.

Новицкий. В. Д. Указ. соч. – С. 120.

441

ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 31. Лл. 2–4 об.

442

Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825–1888) – российский государственный и военный деятель, с 1854 г. генерал-майор, с 1862 г. генерал-лейтенант, с 1875 г. генерал от кавалерии, с 1878 г. граф. На военной службе с 1843 г. С конца 1840-х гг. участвовал в военных действиях против Шамиля, главы мусульманского военно-бюкратического государства в Дагестане, в 1853–1856 гг. – на Закавказском театре Крымской войны. В 1861–1863 гг. военный начальник Южного Дагестана, градоначальник Дербента. В 1863–1875 гг. начальник Терской области. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командовал корпусом на Кавказе. В 1879–1880 гг. временный генерал-губернатор ряда областей. С февраля 1880 г. главный начальник Верховной распорядительной комиссии, затем министр внутренних дел и шеф жандармов. С 1881 г. в отставке.

443

Черевин Петр Александрович (1837–1896) – российский государственный и военный деятель, с 1878 г. генерал-майор, с 1886 г. генерал-лейтенант, с 1894 г. генерал-адъютант. На военной службе с 1855 г. Участник Кавказских кампаний 1860–1862 гг. и подавления Польского восстания 1863–1864 гг. Член Следственной комиссии 1866–1867 гг. В 1868–1869 гг. флигель-адъютант Александра II. В 1867–1878 гг. командир Собственного Его Императорского Величества конвоя. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III Отделением (ноябрь – декабрь 1878 г.), затем шеф жандармов и главный начальник III Отделения (февраль – август 1880 г.). В 1881–1894 гг. главнозаведующий охраной Его Императорского Величества.

444

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 674. Л. 1.

445

Велио Иван Осипович (1830–1899) – российский государственный деятель. В 1847–1861 гг. чиновник МИД. В 1861–1866 гг. херсонский вице-губернатор, бессарабский губернатор, одесский градоначальник, симбирский губернатор. В 1866–1867 гг. директор Департамента исполнительной полиции МВД. В 1868–1880 гг. директор Департамента почт и телеграфов. В 1880–1881 гг. директор Департамента государственной полиции. С 1881 г. сенатор. С 1896 г. член Госсовета.

446

ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1880. Д. 98. Л. 30.

447

Особое приложение к «Киевским губернским ведомостям». – Б. м., б. г. – С. 7.

448

ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 85. Л. 5.

449

Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи: Документы. Воспоминания. – Воронеж, 2002. – С. 10–13.

450

Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи. – С. 18–19.

451

Там же. – С. 19–20.

Там же. – С. 20.

453

Там же. – С. 21.

Там же. – С. 21–22.

Там же. – С. 23.

456

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – российский государственный деятель. В 1846–1859 гг. чиновник в московских департаментах Сената. В 1859–1865 гг. профессор Московского университета, участник разработки судебной реформы, автор курса «Гражданского права». С 1865 г. воспитатель и преподаватель истории права цесаревичей Александра и Николая. В 1865–1868 гг. член коллегии Минюста. С 1868 г. сенатор. С 1872 г. член Госсовета. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Священного Синода. После убийства Александра II ведущий критик либеральных реформ. Один из создателей и руководителей «Священной дружины» (1881–1883 гг.). С 1906 г. в отставке.

457

Баранов Николай Михайлович (1837–1901) – российский государственный деятель. Выпускник Морского корпуса. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1865–1862 гг. служил на флоте, в 1863–1864 гг. командир батареи в Кронштадте, 1876–1876 гг. начальник порта. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командир корабля. В 1879–1880 гг. адъютант генерал-губернатора Санкт-Петербурга И. В. Гурко. В 1880–1881 гг. ковенский губернатор. В марте – августе 1881 гг. градоначальник Санкт-Петербурга. В 1881–1882 гг. архангельский, в 1882–1897 гг. нижегородский губернатор.

458

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916) – российский государственный деятель, с 1866 г. генерал-майор, с 1875 г. генерал-лейтенант, граф. На военной службе с 1855 г. Участник Кавказских кампаний 1858–1859 гг. и Туркестанских походов 1865–1866 гг. В 1866–1867 гг. помощник губернатора Туркестана. В 1868–1876 гг. командир лейб-гвардии Гусарского полка, начальник штаба Гвардейского корпуса. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1881–1882 гг. начальник охраны Александра III. В 1881–1897 гг. министр двора и уделов. В 1897–1904 гг. в отставке. В 1905–1915 гг. наместник на Кавказе В 1915 г. вышел в отставку.

Новицкий В. Д. Указ. соч. – С. 151.

460

ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 92. Лл. 2 об. – 3 об.

461

Кропоткин П. А. Записки революционера. – С. 418–419.

462

Ванновский Петр Семенович (1822–1904) – российский государственный и военный деятель, с 1883 г. генерал от инфантерии. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. С 1857 г. начальник Офицерской стрелковой школы, с 1861 г. – Павловского кадетского корпуса. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. начальник штаба Рущукского отряда под командованием цесаревича Александра. В мае – декабре 1881 г. управляющий военным министерством, в 1882–1897 гг. военный министр. С 1898 г. член Государственного совета. С марта 1901 г. министр народного просвещения. С апреля 1902 г. в отставке.

463

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – российский государственный деятель. В 1867 г. окончил Московский университет, кандидат юридических наук. В том же году поступил на службу в Московский окружной суд. В 1870–1878 гг. товарищ окружного прокурора во Владимире и Туле, прокурор в Вологде. В 1879–1881 гг. прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты. В 1881–1884 гг. директор Департамента государственной полиции. С 1884 г. сенатор и товарищ министра внутренних дел. В 1894–1899 гг. государственный секретарь и главноуправляющий кодификационной частью при Государственном совете. В 1899–1902 гг. министр, статс-секретарь княжества Финляндского. В 1902–1904 гг. министр внутренних дел и шеф жандармов. Убит террористом.

Должность обер-полицеймейстера, учрежденная Петром I (см. гл. 4), в 1873 г. была упразднена, в 1881–188 гг. временно восстановлена. Обер-полицмейстер, подчиненный генерал-губернатору, отвечал за спокойствие и порядок в городе, возглавлял Управу благочиния (с 1782 г.), затем Отделение по охранению общественного порядка и спокойствия в столице (С.-Петербург, с 1866 г.) и пожарную охрану.

465

Козлов Александр Александрович (1837–1924) – полицейский чиновник высшего ранга. С 1872 г. генерал-майор, с 1883 г. генерал-лейтенант, с 1896 г. генерал от кавалерии. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1861–1865 гг. адъютант санкт-петербургского генерал-губернатора. В 1865–1869 гг. полицмейстер г. Риги. В 1869–1873 гг. помощник санкт-петербургского обер-полицмейстера, в 1873–1878 гг. помощник градоначальника. В 1878–1881 и 1882–1887 гг. обер-полицмейстер Москвы. В 1881–1882 гг. обер-полицмейстер Санкт-Петербурга. В 1882 г. исполняющий должность начальника штаба Отдельного корпуса жандармов. В 1888–1900 гг. в отставке. В апреле – июле 1905 г. московский генерал-губернатор.

466

Судейкин Георгий Порфирьевич (1850–1883) – один из руководителей политического сыска в России, жандармский подполковник (с 1882 г.). Окончил кадетский корпус. С начала 1870-х гг. на службе в киевском губернском жандармском управлении. В 1881–1882 гг. начальник секретного отделения санкт-петербургского градоначальника, инспектор (заведующий агентурой) столичного охранного отделения. В 1882–1883 гг. инспектор секретной полиции, доверенное лицо В. К. Плеве. Убит террористами.

467

Цит. по: *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьба и гибель. – М., 1912. – С. 311.

468

Шувалов Павел Петрович (1847–1902) – российский политический деятель, полковник гвардии, граф. На военной службе с 1868 г. В 1872–1881 гг. адъютант великого князя Владимира Александровича, флигель-адъютант Александра III. Один из создателей и руководителей «Священной дружины», тайной организации придворной аристократии, основанной после покушения народовольцев на Александра II для охраны императора и борьбы с революционерами.

469

В карфагенском войске так называли подразделение, в котором служила знать, у древних греков – элитный отряд, действовавший на самых опасных направлениях.

470

Семякин Георгий Константинович (?–1902) – государственный служащий, статский советник, действительный статский советник. В 1881–1895 гг. заведующий 3-м делопроизводством Департамента полиции. Вице-директор Департамента полиции, член Совета министра внутренних дел.

471

Цит. по: История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы: Учебное пособие. – М., 1999. – С. 136–137, 139–140.

472

Цит. по: Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи: Документы, воспоминания / Сост. А. В. Литвинов, Н. Д. Литвинов, А. Я. Мазуренко. – Воронеж, 2000. – С. 25.

473

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – российский государственный деятель, граф. В 1843 г. окончил Царскосельский лицей. В 1848–1853 гг. чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД. В 1853–1865 гг. директор канцелярии Морского министерства. С 1865 г. сенатор, с 1866 г. член Госсовета. В 1865–1880 гг. обер-прокурор Синода, с 1866 г. одновременно министр народного просвещения. В 1882–1889 гг. министр внутренних дел и шеф жандармов, президент Академии наук.

При И. Д. Делянове (1818–1897), занимавшем пост министра народного просвещения в 1882–1897 гг., был введен новый университетский устав, лишивший эти учебные заведения прежней автономии (1884 г.); закрыты высшие женские курсы (1886 г.); ограничивался прием в гимназии детей недворянского происхождения, в средние учебные заведения не допускались «дети кучеров, прачек, мелких лавочников» (1887 г.).

475

Грессер Петр Аполлонович (1832–1892) – российский государственный деятель, с 1883 г. генерал-лейтенант. Участник Крымской войны 1853–1856 гг. В 1870–1871 гг. чиновник особых поручений при киевском губернаторе. В 1871–1877 гг. волынский губернатор. С 1878 г. член Совета по управлению Болгарией. В 1880–1882 гг. харьковский губернатор. В 1882–1883 гг. санкт-петербургский обер-полицмейстер. В 1883–1892 гг. градоначальник Санкт-Петербурга.

476

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1001. Лл. 14–15 об.

Розыскные (в дальнейшем – охранные) отделения имели обиходное название «охранка».

478

18 февраля 1883 г. Департамент государственной полиции был переименован в Департамент полиции.

479

Оржевский Петр Васильевич (1839–1897) – российский государственный деятель, с 1888 г. сенатор, с 1896 г. генерал от кавалерии. В 1873–1880 гг. начальник Варшавского жандармского округа. В 1882–1887 гг. товарищ министра внутренних дел, командир ОКЖ. Член Центрального комитета «Священной дружины». В 1893–1897 гг. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор.

480

Корвин-Круковский Петр Васильевич (1844–1899) – секретный сотрудник III Отделения (1877–1880 гг.), резидент Заграничной агентуры (1883–1884 гг.). Участник Польского восстания 1863–1864 гг. Эмигрировав, проживал в Италии, Франции и Швейцарии. В 1876–1877 гг. воевал в Сербии против турок. Член «Священной дружины». С 1884 г. в отставке.

481

ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1883. Д. 1131. Л. 9–9 об.

Цит. по: *Агафонов В. К.* Парижские тайны царской охранки. – М., 2004. – С. 33.

483

Рачковский Петр Иванович (1851–1910) – государственный служащий. В 1879–1880 гг. секретный сотрудник III Отделения. В 1869–1873 гг. чиновник градоначальника Одессы, в 1869–1871 гг. в распоряжении полицмейстера. В 1873–1874 гг. чиновник в Варшаве, в 1874–1876 гг. – в Кашине. В 1876–1877 гг. судебный следователь в Ковно. В 1877 г. причислен к Минюсту. Член «Священной дружины». В мае – декабре 1883 г. помощник Г. П. Судейкина. В 1884–1902 гг. заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции. В 1902–1905 гг. в отставке. В 1905–1906 гг. вице-директор Департамента полиции.

Европейскому сотрудничеству в борьбе с террористами способствовало убийство анархистами в Германии в декабре 1884 г. агента тайной полиции Румпфа.

485

Дурново Петр Николаевич (1843–1915) – российский государственный деятель. Выпускник Морского кадетского корпуса и Военно-юридической академии. В 1872–1881 гг. товарищ прокурора владимирского и московского окружных судов, киевской судебной палаты. В 1881–1884 гг. управляющий судебным отделом Департамента полиции. В 1884–1893 гг. директор Департамента полиции. С 1893 г. сенатор. С 1900 г. товарищ министра, с октября 1905 г. по апрель 1906 г. министр внутренних дел. С 1906 г. член Госсовета.

Цит. по: История полиции России. – С. 142–144.

487

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 345. Лл. 196–196 об.

488

Вейсман Карл Карлович (1837–1912) – государственный служащий, тайный советник. В 1855 г. окончил Перновское (ныне г. Пярну) высшее уездное училище. В 1857–1876 гг. цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов, в 1876–1891 гг. старший цензор. С 1891 г. в отставке.

489

Фельдман Федор Александрович (1835–?) – российский военный деятель, с 1901 г. генерал от инфантерии. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1863–1865 гг. старший помощник начальника Военно-ученого отделения Главного управления Генерального штаба. В 1865–1867 гг. начальник ВУО ГУГШ. В 1867–1876 гг. делопроизводитель канцелярии Военно-учетного комитета ГШ. В 1876–1881 гг. военный агент в Вене. В 1881–1896 гг. управляющий делами ВУК ГШ и член комитета по мобилизации войск. В 1896–1900 гг. директор Императорского Александровского лицея. В 1900–1901 гг. член ВУК ГШ.

490

Гирс Николай Карлович (1820–1895) – российский государственный деятель, дипломат. С 1838 г. на службе в Азиатском департаменте МИД. С 1841 г. переводчик консульства в Яссах. С 1848 г. чиновник при генерале Лидерсе в Трансильвании. С 1850 г. первый секретарь миссии в Константинополе. С 1851 г. управляющий консульством в Молдавии. С 1853 г. директор канцелярии полномочного комиссара в Молдавии и Валахии. Генеральный консул в Египте (1856–1857 гг.), Молдавии и Валахии (1858–1862 гг.). Посол в Персии (1863–1866 гг.), Швейцарии (1867–1871 гг.), Швеции (1872–1874 гг.). С 1875 г. сенатор. В том же году назначен управляющим Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и товарищем министра иностранных дел. В 1882–1895 гг. министр иностранных дел.

491

Ламздорф Владимир Николаевич (1844–1907) – российский государственный деятель, дипломат, граф. Окончил Пажеский корпус. На дипломатической службе с 1866 г. В 1879–1881 гг. управляющий литографией МИД. В 1881–1882 гг. советник министра. В 1882–1896 гг. директор канцелярии МИД. В 1897–1900 гг. товарищ министра иностранных дел, член Цифирного комитета. В 1900–1906 гг. министр иностранных дел. С 1906 г. член Госсовета.

Ламздорф В. Н. Дневник: 1894–1896. – М., 1990. – С. 134.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 392.

494

Медников Евстратий Павлович (1853–1914) – работник полиции. В 1878–1881 гг. на срочной военной службе, после окончания которой – сверхштатный околоточный надзиратель полицейского резерва московской городской полиции, в 1881 г. откомандирован в Охранное отделение. С 1883 г. коллежский регистратор. До 1887 г. наблюдательный агент Московского охранного отделения. В 1888–1894 гг. заведующий наблюдательным составом Московского охранного отделения. В 1894–1902 гг. начальник Летучего отряда филеров Московского охранного отделения. С 1901 г. надворный советник. В 1902–1906 гг. чиновник особых поручений Особого отдела Департамента полиции, начальник Летучего отряда филеров ДП. С 1906 г. в отставке.

Спиридович А. И. Записки жандарма. – М., 1991. – С. 52.

496

ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1892. Д. 888. Л. 32–35.

Гершельман Ф. К. Партизанская война. (Исследование). – СПб., 1885. – С. 189.

Там же. – С. 191–195, 199.

499

Сухотин Н. Н. Рейды, набеги, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1865 гг. – СПб., 1887. – С. IX–X, XIII–XIV.

500

Там же. – С. XIV.

501

Чистяков С. Д. Обучение эскадронных и сотенных разведчиков. Часть теоретическая: Сборник сведений, обязательных для разведчиков. – СПб., 1914. – С. III–IV.

502

Свиньин Александр Дмитриевич (1831–1913) – российский военный деятель, с 1893 г. генерал от артиллерии. Окончил Константиновское артиллерийское училище. В 1851–1893 гг. на командных должностях в армии. Участник русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), инспектор пограничной стражи (с 02.1893 г.). В 1893–1908 гг. командир Отдельного корпуса пограничной стражи. С 1908 г. член Госсовета.

503

Цит. по: *Плеханов А. М.* Отдельный корпус пограничной стражи. – М., 1993. – С. 15.

504

ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1882. Д. 977. Л. 9–10.

505

ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1882. Д. 977. Л. 11–12.

506

Фомин Александр Дмитриевич (1845–1917) – царский чиновник, с 1914 г. действительный тайный советник. В 1864 г. окончил Училище правоведения. В 1864–1884 гг. служил при Сенате, Святейшем Синоде. В 1884–1891 гг. цензор иностранных газет и журналов Санкт-Петербургского почтамта. В 1891–1914 гг. старший цензор столичной цензуры иностранных газет и журналов.

507

Майский С. «Черный кабинет»: Из воспоминаний бывшего цензора. – Пг., 1922. – С. 14–15.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 417.

509

Потапов А. А. Забытое оружие спецназа // Спецназ. – 1998. – № 2. – С. 19–20.

Цит. по: *Алексеев М.* Указ. соч. – Кн. I. – С. 104.

Там же. – С. 104–105.

512

Лавров Владимир Николаевич (1869–?) – один из руководителей военной контрразведки, с 1908 г. полковник Отдельного корпуса жандармов. Окончил 2-е военное Константиновское училище. В 1896–1898 гг. адъютант Тифлисского губернского жандармского управления. В 1899–1900 гг. помощник начальника Кутаисского губернского жандармского управления. В 1900–1902 гг. помощник начальника Тифлисского ГЖУ. В 1902–1903 гг. начальник Тифлисского охранного отделения. В 1903–1910 гг. начальник Разведочного отделения Главного управления Генерального штаба. С 1911 г. в отставке, проживал во Франции. Резидент агентурной сети в Западной Европе («Организация № 30»), действовавшей против Германии.

513

Цит. по: *Галвазин С. Н.* Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М., 2001. – С. 16–17.

Там же. – С. 18–19.

515

Во избежание дальнейшей путаницы считаем нужным пояснить разницу между Главным и Генеральным штабом. В России служба Генерального штаба возникла в начале XVIII в., когда была учреждена должность генерал-квартирмейстера. Генерал-квартирмейстер и его подчиненные занимались планированием и разработкой военных операций. В 1763 г. квартирмейстерская часть была переименована в Генеральный штаб; подчинялся он вице-президенту Военной коллегии. В 1796 г. вместо Генерального штаба учреждается свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, подчинявшаяся лично царю. В 1815 г. создается Главный штаб Его Императорского Величества; до 1832 г. он существовал как самостоятельное центральное ведомство. Кроме заведования личным составом армии, устройства войск, разработки планов войны, строевой и боевой подготовки и проч., Главный штаб занимался сбором сведений об армиях иностранных государств. Квартирмейстерская часть вошла в состав Главного штаба под названием Управление генерал-квартирмейстерства. В 1832 г. Главный штаб сочли нужным упразднить, а Управление генерал-квартирмейстерства под названием Департамент Генерального штаба вошло в состав Военного министерства. В 1863 г. создается Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) – как часть восстановленного в 1865 г. в составе Военного министерства Главного штаба. С 1905 г. ГУГШ стало самостоятельным органом, руководитель которого подчинялся непосредственно императору; компетенция Главного штаба значительно сократилась. В январе 1918 г. Главный штаб был упразднен. Генеральный штаб как высший орган военного управления существует и ныне.

516

Цит. по: Военное дело за границей. – 1911. – № 27. – С. 44.

517

Цит. по: *Алексеев М.* Указ. соч. – Кн. I. – С. 195–196.

518

РГВИА. Ф. ВУА. Д.29090.Ч.1, л. 6.

519

Комиссаров Михаил Степанович (1870–1933) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. Окончил 3-е военное Александровское училище. В 1890–1904 гг. офицер-артиллерист. В 1904 г. прикомандирован к Департаменту полиции. В 1904–1906 гг. начальник Отделения дипломатической агентуры. В 1906–1909 гг. помощник начальника Петербургского охранного отделения. Начальник Енисейского (1909–1910 гг.), Пермского (1910–1912 гг.), Саратовского (1912–1915 гг.) и Вятского (1915 гг.) губернских жандармских управлений. Начальник охраны Распутина (декабрь 1915 г. – март 1916 г.). Градоначальник Ростова-на-Дону (март – июль 1916 г.), далее в отставке. Умер в США.

520

Лопухин Алексей Александрович (1864–1928) – государственный чиновник. Окончил Московский университет, кандидат правоведения. В 1886–1899 гг. товарищ прокурора, прокурор ряда окружных судов (Тула, Ярославль, Рязань, Москва). В 1900–1902 гг. прокурор Санкт-Петербургского окружного суда. В 1902–1905 гг. директор Департамента полиции. В 1905 г. эстляндский губернатор. В 1909 г. осужден за предательство, помилован в 1912 г. В 1923 г. эмигрировал, умер в Париже.

521

Гартинг Аркадий Михайлович (наст. Геккельман Аарон Мордухович) (1861–?) – сотрудник российских спецслужб. С 1910 г. действительный статский советник. Участник революционного движения. В 1882–1883 гг. секретный сотрудник Петербургского охранного отделения. В 1884–1899 гг. секретный сотрудник Заграничной агентуры. В 1900–1904 гг. резидент Заграничной агентуры в Берлине. В 1905–1909 гг. заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции. С 1910 г. в отставке. В 1914–1917 гг. сотрудник русской контрразведки в Бельгии и Франции.

522

Отчет об организации охраны пути следования Второй тихоокеанской эскадры в датских и шведско-норвежских водах, а также и на северном побережье Германии в Арконе, Фемерне, Гамбурге и т. д., устроенной по поручению Департамента полиции коллежским советником Гартингом // Исторический архив. – 1994. – № 3. – С. 38.

523

Там же. – С. 40.

524

Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869–1918) – государственный чиновник. С 1905 г. надворный советник. В 1890–1901 гг. секретный сотрудник Петербургского охранного отделения. В 1899–1901 гг. агент Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД в Риме. В 1902–1905 гг. чиновник Департамента полиции. С 1906 г. в распоряжении С. Ю. Витте, затем в отставке. Осужден за мошенничество при Временном правительстве (1917 г.). Расстрелян ВЧК.

525

Цит. по: *Алексеев М.* Указ. соч. – Кн. I. – С. 214.

526

Правильно: Муцухито – японский император с 1867 г.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 457.

Горбылев А. М. Путь невидимых. Подлинная история ниндзюцу. – Минск, 1999. – С. 14–15.

529

Цит. по: Китайская наука стратегии. – С. 68.

Цит. по: *Алексеев М.* Указ. соч. – Кн. I. – С. 200.

531

Цит. по: Международное право. Ведение боевых действий: Сборник гаагских конвенций и иных соглашений. – М., 1995. – С. 17.

Там же. – С. 22.

Там же. – С. 23–24.

Там же. – С. 24.

Цит. по: *Алексеев М.* Указ. соч. – Кн. II. – С. 35.

536

Адабаш Михаил Алексеевич (1864–?) – российский военный деятель, с 1912 г. генерал-майор. Окончил Михайловское артиллерийское училище, затем Академию Генерального штаба. В 1900–1901 гг. помощник делопроизводителя отделения генерал-квартирмейстерской части Главного штаба. В 1901–1903 гг. делопроизводитель отделения генерал-квартирмейстерской части Главного штаба. В 1903–1904 гг. столоначальник 7-го отделения (военной статистики иностранных государств) Главного штаба. В 1904–1905 гг. помощник начальника 7-го отделения Главного штаба. В 1905–1906 гг. помощник начальника отделения Главного управления Генерального штаба. В 1906–1907 гг. делопроизводитель 5-го разведывательного делопроизводства ГУГШ. В 1907–1909 гг. военный агент в Брюсселе и Гааге. В 1909–1912 гг. командир полка, с 1912 г. в отставке. Состоял в корпусе Генерального штаба РККА (1920 г.).

537

Монкевиц Николай Августович (1869–1926) – российский военный деятель, с 1916 г. генерал-лейтенант. Окончил Павловское училище, затем Академию Генерального штаба. В 1897–1899 гг. помощник старшего адъютанта Варшавского военного округа. В 1901–1904 гг. старший адъютант штаба Варшавского ВО. С июля 1904 г. начальник штаба 1-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи, правитель канцелярии Управления начальника ВОСО 3-й Маньчжурской армии. С мая 1906 г. делопроизводитель управления генерал-квартирмейстера Генштаба в части 2-го обер-квартирмейстера ГУГШ. В марте 1908 г. принял дела у генерал-майора М. А. Адабаша и вступил в должность делопроизводителя 5-го делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ. В 1910–1914 гг. помощник 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ. В 1914 г. 1-й обер-квартирмейстер Генерального штаба. В 1915–1916 гг. начальник штаба армейского корпуса, начальник дивизии, начальник штаба 4-й армии (с мая 1917 г.). В 1918 г. эмигрировал. В 1919 г. начальник отдела при Управлении о военнопленных в Берлине, фактически русский военный представитель в Германии. В 1926 г. покончил с собой.

Игнатьев А. А. 50 лет в строю. – М., 1955. – Т. 1. – С. 210.

Цит. по: *Алексеев М.* Указ. соч. – Кн. II. – С. 29.

Там же. – С. 539–540.

541

Там же. – С. 78.

Там же. – С. 77.

543

Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. – М., 1925. – С. 28–29.

Цит. по: *Галвазин С. Н.* Указ. соч. – С. 28.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 482–484.

546

Клембовский Владислав Наполеонович (1860–1921) – российский военный деятель, с 1915 г. генерал от инфантерии. Окончил Александровское военное училище, затем Академию Генерального штаба. С 1901 г. командир полка. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1905–1912 гг. начальник штаба армейского корпуса. В 1912–1914 гг. начальник дивизии. В 1914–1915 гг. командир армейского корпуса. В 1915–1916 гг. начальник штаба Юго-Западного фронта. В 1917 г. командующий Северным фронтом. В августе – ноябре 1918 г. член Военно-исторической комиссии по изучению опыта Первой мировой войны. Расстрелян новыми властями.

547

Цит. по: *Болотин Д. Н.* История советского стрелкового оружия и патронов. – СПб., 1995. – С. 64.

Цит. по: *Галвазин С. Н.* Указ. соч. – С. 52–53.

549

Там же. – С. 53.

550

Батюшин Николай Степанович (1874–1957) – российский военный деятель, с 1915 г. генерал-майор Генерального штаба. Окончил Михайловское артиллерийское училище, затем Академию Генерального штаба. В 1903–1904 гг. помощник старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1905–1914 гг. старший адъютант штаба Варшавского ВО. В 1914–1915 г. начальник разведотделения (контрразведки) штаба Северо-Западного фронта. В 1915–1917 гг. генерал для поручений, председатель комиссии по расследованию злоупотреблений тыла. Состоял при штабе Крымско-Азовской армии генерала Пархомова и в штабе армий Вооруженных сил Юга России (1918–1920 гг.). Эмигрировал, сотрудничал с «Русским общевоинским союзом» (РОВС). Умер в Бельгии.

551

Цит. по: Лубянка, 2. – С. 159–160.

Цит. по: *Галвазин С. Н.* Указ. соч. – С. 40–51.

Цит. по: *Раззаков Ф. И.* Век террора. Хроника покушений. – М., 1997. – С. 8.

554

Гессе Петр Павлович (1846–1905) – один из приближенных ко двору лиц. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Флигель-адъютант Александра III, подполковник лейб-гвардии Преображенского полка. Начальник Главной квартиры (до 1888 г.). В 1888–1905 гг. дворцовый комендант. С 1896 г. генерал-адъютант Николая II.

555

Дворцовая полиция создана в 1884 г. на основе Секретной части и Дворцовой полицейской команды Министерства двора.

556

Ширинкин Евгений Никифорович (1843–?) – один из приближенных ко двору лиц. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Флигель-адъютант Александра III. В 1884–1905 гг. начальник Дворцовой полиции. С 1902 г. генерал-майор.

557

Ратаев Леонид Александрович (1857–1917) – один из полицейских чинов Российской империи, с 1905 г. действительный статский советник. В 1878 г. окончил Николаевское кавалерийское училище. С 1882 г. в отставке. В 1882–1887 гг. на службе в Департаменте полиции. В 1887–1997 гг. младший и старший помощник делопроизводителя 3-го делопроизводства Департамента полиции. В 1897–1898 гг. чиновник особых поручений. В 1898–1902 гг. заведующий Особым отделом ДП. В 1902–1905 гг. заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции. С августа 1905 г. в отставке. В 1911–1916 гг. проживал во Франции, выполнял отдельные поручения полицейского департамента. В 1914–1917 гг. сотрудник резидентуры военной разведки во Франции.

558

Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917) – жандармский полковник, надворный советник. В 1883 г. был арестован за революционную деятельность. В 1884–1886 гг. канцелярский служитель в Московской дворянской опеке. С 1885 г. секретный сотрудник Московского охранного отделения. В 1886–1888 гг. телеграфист Московского телеграфа. В 1889–1896 гг. помощник начальника Московского охранного отделения. В 1896–1902 гг. начальник указанного отделения. В 1902–1903 гг. заведующий Особым отделом Департамента полиции. В ноябре 1903 г. уволен со службы. Застрелился, узнав об отречении Николая II.

559

Спиридович Александр Иванович (1873–1952) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. В 1892–1899 гг. на военной службе, затем – в Московском губернском жандармском управлении, в 1899–1902 гг. прикомандирован к Московскому охранному отделению. В 1902 г. работал в Киевском ГЖУ. В 1903–1905 гг. начальник Киевского охранного отделения. В июне – декабре 1905 г. служил в Отдельном корпусе жандармов. В 1906–1915 гг. начальник дворцовой Охранной команды. В 1916–1917 гг. градоначальник Ялты. Эмигрировал.

Спиридович А. И. Указ. соч. – С. 54–55.

561

Там же. – С. 50.

562

Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) – российский государственный деятель. С 1900 г. генерал-майор. На военной службе с 1874 г. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Обер-полицмейстер Москвы (1896 – январь 1905 г.). Генерал свиты (с 1903 г.). Генерал-губернатор Санкт-Петербурга (январь – октябрь 1905 г.). Товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий Корпусом жандармов (апрель – октябрь 1905 г.). Дворцовый комендант Петергофского (с октября 1905 г.) и Зимнего (с ноября 1905 г.) дворцов. Умер от инфаркта.

563

Лубэ Э. Ф. – Президент Франции в 1899–1906 гг.

С. Ю. Витте. Избранные воспоминания. – М., 1991. – С. 379.

565

Зволянский Сергей Эрастович (1855–1912) – государственный служащий, с 1902 г. тайный советник, сенатор. Выпускник Училища правоведения (1897 г.). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1879–1881 гг. судебный следователь. В 1881–1882 гг. помощник делопроизводителя Департамента полиции. В 1882–1885 гг. секретарь при директоре ДП. Проверял работу Заграничной агентуры во Франции и Швейцарии (1885 г.). В 1887–1895 гг. делопроизводитель 4-го делопроизводства ДП. В 1895–1897 гг. вице-директор ДП. В 1897–1902 гг. директор Департамента полиции.

566

Дурново Иван Николаевич (1834–1903) – российский государственный деятель. Выпускник Михайловского артиллерийского училища. В 1863–1870 гг. – губернатор Черниговской губернии, в 1870–1882 гг. Екатеринославской губернии. С 1882 г. товарищ министра внутренних дел, в 1889–1895 гг. министр. В 1895–1903 гг. председатель Комитета министров.

567

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – российский государственный деятель. В 1895–1899 гг. министр внутренних дел. С 1899 г. член Государственного совета. С апреля по июль 1906 г. (заменен П. А. Столыпиным) и с 30 января 1914 г. по 20 января 1916 г. председатель Совета Министров.

568

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – российский государственный деятель. Выпускник Санкт-Петербургского университета (1876 г.). В 1888 г. курляндский, в 1891–1893 гг. московский губернатор. В 1893 г. товарищ министра государственных имуществ, с 1894 г. товарищ министра внутренних дел. С октября 1899 г. управляющий, с 1900 г. министр внутренних дел. В апреле 1902 г. смертельно ранен в Мариинском дворце эсером С. В. Балмашевым.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 468.

Там же. – Т. 7. – С. 17; Т. 6. – С. 109–110.

571

Гершуни Григорий Андреевич (1870–1908) – один из основателей партии эсеров, руководитель ее Боевой организации. По профессии провизор. Кроме убийства Д. С. Сипягина в 1902 г., организовал покушение на губернатора И. М. Оболенского в Харькове и убийство губернатора Н. М. Богдановича в Уфе. В мае 1903 г. арестован, в начале 1904 г. приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. В октябре 1906 г. бежал из Акатуйской тюрьмы в Восточной Сибири в Китай. Оттуда перебрался в США, а затем в Западную Европу.

Цит. по: *Борисов А. Н.* Особый отдел империи. История заграничной агентуры российских спецслужб. – СПб.; М., 2001. – С. 228.

573

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – российский политический деятель, один из организаторов партии эсеров, главный ее теоретик. В революционном движении с конца 1880-х гг. В 1892–1894 гг. студент Московского университета. В 1894 г. арестован и сослан в Тамбовскую губернию. В 1899 г. эмигрировал, вместе с М. Р. Гоцем возглавлял заграничную организацию эсеров и газету «Революционная Россия». После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию; в мае – августе 1917 г. министр земледелия Временного правительства. После Октябрьского переворота председатель Учредительного собрания (5(18) января 1918 г.), до осени 1918 г. участвовал в работе самарского Комитета членов Учредительного собрания. В 1920 г. эмигрировал.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов н/Д, 1996. – С. 211.

575

Гоц Михаил Рафаилович (псевдоним – М. Рафаилов) (1866–1906) – один из лидеров партии эсеров. С 1885 г. студент Московского университета, за участие в народническом движении в октябре 1886 г. арестован и спустя полтора года выслан в Восточную Сибирь. За организацию вооруженного сопротивления властям в Якутске в марте 1889 г. приговорен к бессрочной каторге. В 1895 г. амнистирован. В 1901 г. эмигрировал в Париж, где входил в редакцию эсеровского журнала «Вестник русской революции». С 1902 г. в Женеве; член редколлегии газеты «Революционная Россия».

576

Клейгельс Николай Васильевич (1850–1916) – российский государственный деятель, с 1910 г. генерал от кавалерии. Выпускник Николаевского кавалерийского училища. На военной службе с 1868 г. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1888–1895 гг. обер-полицмейстер Варшавы. В 1895–1904 гг. петербургский градоначальник. В 1904–1905 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. С 1905 г. в Военном министерстве.

577

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник документов / Сост. В. И. Кочанов, Н. Н. Парфенова, М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. – М., 2001. – С. 176.

Цит. по: *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М., 2000. – С. 66.

579

Цит. по: Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи: Документы, воспоминания / Сост. А. В. Литвинов, Н. Д. Литвинов, А. Я. Мазуренко. – Воронеж, 2000. – С. 40–42.

Новицкий В. Д. Указ. соч. – С. 172.

Спиридович А. И. Указ. соч. – С. 111.

582

Заварзин Павел Павлович (1868–1932) – жандармский полковник. На военной службе с 1888 г., в 1889 г. перешел в Отдельный корпус жандармов. В 1889–1903 гг. на различных должностях в губернских жандармских управлениях. С 1903 г. начальник Кишиневского охранного отделения. В 1904–1905 гг. помощник начальника Могилевского ГЖУ, в резерве Одесского ЖУ. Начальник Ростовского (1905 г.), Варшавского (1906–1909 гг.) и Московского (1910–1912 гг.) охранных отделений. В 1912–1916 гг. начальник Одесского ЖУ. В 1916–1917 гг. начальник Варшавского ГЖУ, в распоряжении Департамента полиции. После революции эмигрировал.

583

Меньшиков Леонид Петрович (1869–1932) – государственный служащий. В 1885–1887 гг. член народовольческого кружка. Будучи арестован, дал откровенные показания, поступил на службу в Московское охранное отделение. В 1902–1903 гг. помощник начальника Московского охранного отделения. В 1903–1907 гг. старший помощник делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции. В 1905 г. сообщил эсерам о секретных сотрудниках Азефе и Татарове. С 1907 г. в отставке, поселился в Финляндии, куда вывез свой архив. В 1909 г. эмигрировал во Францию.

584

Цит по: «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. статья, подг. текста и коммент. З. И. Перегудовой. – М., 2004 – Т. 1. – С. 413–416.

585

Цит. по: *Костромина Е.* Подготовка жандармов в царской России // Независимое военное обозрение. – 25 июля 1996. – С. 4.

Новицкий В. Д. Указ. соч. – С. 173.

587

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918) – один из лидеров партии эсеров, одновременно секретный сотрудник Департамента полиции (с 1892 г.). В 1903 г. фактически возглавил Боевую организацию партии; руководил подготовкой ряда террористических актов (убийство В. К. Плеве, великого князя Сергея Александровича). Однако это не помешало ему в 1905 г. выдать полиции почти весь состав организации. Разоблаченный в 1908 г., был приговорен эсерами к смерти, но сумел скрыться. В 1915 г. арестован в Германии как русский шпион. Умер в Берлине.

588

Сазонов Яков Григорьевич (1865–?) – жандармский подполковник. На военной службе с 1884 г., в 1889 г. перешел в Отдельный корпус жандармов. В 1893–1901 гг. служил в Московском охранном отделении. В 1901–1903 гг. в распоряжении санкт-петербургского градоначальника, исполняющий должность начальника Петербургского охранного отделения. В августе – октябре 1903 г. заведующий Особым отделом Департамента полиции.

589

Макаров Николай Александрович (1863–1906) – государственный служащий, статский советник. В 1888–1903 гг. служил по судебному ведомству, товарищ прокурора областного суда. В октябре 1903 – августе 1905 г. и январе – феврале 1906 г. заведующий Особым отделом Департамента полиции, затем в отставке.

Цит. по: *Борисов А. Н.* Указ. соч. – С. 228.

591

Цит. по: *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. – М., 2001. – С. 70.

592

Мосолов Александр Александрович (1854 – после 1933) – царский чиновник, генерал-лейтенант, конногвардеец. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1900–1915 гг. начальник канцелярии Министерства императорского двора и уделов. Посланник в Румынии (с 1916 г.).

593

Лауниц Владимир Федорович, фон дер (1855–1906) – российский государственный деятель. Генерал-майор (с 1905 г.). На военной службе с 1873 г. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1879–1880 гг. служил в русской администрации в Болгарии. С 1882 г. в отставке. В 1882–1892 гг. уездный предводитель дворянства, мировой судья, председатель харьковского губернского земского собрания. В 1901–1902 гг. архангельский вице-губернатор, в 1902–1905 гг. тамбовский губернатор. С декабря 1905 г. градоначальник Санкт-Петербурга. Убит террористом.

594

Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии Министерства двора. – СПб., 1992. – С. 179.

595

Цит. по: История сыска в России / Авт. – сост. П. А. Кошель. – Минск, 1996. – Т. 1. – С. 288.

Цит. по: Лубянка, 2. – С. 133.

Там же. – С. 134.

598

Там же.

599

Герасимов Александр Васильевич (1861–1944) – генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов (с 1914 г.). На военной службе с 1883 г., в 1889 г. переведен в Отдельный корпус жандармов. Адъютант Самарского (1890–1891 гг.) и Харьковского (1891–1894 гг.) губернских жандармских управлений. В 1894–1902 гг. помощник начальника Харьковского ГЖУ. В феврале 1905 – октябре 1909 г. начальник Петербургского охранного отделения. В 1909–1914 гг. генерал для поручений при министре внутренних дел. С 1914 г. в отставке. В 1918 г. выехал из России.

600

Герасимов А. В. На лезвии с террористами. – М., 1991. – С. 25–26.

601

Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) – российский государственный деятель. С 1886 г. тамбовский вице-губернатор, с 1888 г. калужский, с 1893 г. московский губернатор. В 1902–1905 гг. помощник московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В январе – октябре 1905 г. министр внутренних дел. В 1905–1917 гг. член Государственного совета, главноуправляющий канцелярией по учреждениям императрицы Марии Федоровны. С 1913 г. статс-секретарь. Расстрелян по постановлению ЧК.

602

Цит. по: Лубянка, 2. – С. 136.

603

Цит. по: *Перегудова З. И.* Политический сыск России. – С. 41.

604

Красная Пресня в 1905–17 году. (Сборник воспоминаний дружинников Красной Пресни 1905 г. и красногвардейцев 1917 г.). – М., 1930. – С. 76–77.

605

Цит. по: Политическая полиция и политический сыск в России. – С. 212–215.

606

Цит. по: *Троцкий Л.* Сочинения. – Т. 2. – Ч. 1. – Приложение 8. – М.; Л., 1925. – С. 493.

607

Герарди Борис Андреевич (1870–?) – жандармский полковник (с 1907 г.). На военной службе с 1888 г., в 1898 г. переведен в Отдельный корпус жандармов. В 1898–1902 гг. – в Московском губернском жандармском управлении. В 1902 г. причислен к штабу Отдельного корпуса жандармов. В 1902–1903 гг. в распоряжении санкт-петербургского градоначальника. В декабре 1903 – мае 1905 г. помощник начальника Петербургского охранного отделения. В 1905–1917 гг. начальник Дворцовой полиции.

Цит. по: История сыска в России. – Т. 1. – С. 287.

609

Там же.

Красная Пресня в 1905–17 году. – С. 104–106.

611

Цит. по: *Троцкий Л.* Указ. соч. – Приложение 9. – С. 494.

Герасимов А. В. Указ. соч. – С. 39–40.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 11. – С. 339–341.

1905. Боевая группа при ЦК РСДРП (б). (1905–1907 гг.): Статьи и воспоминания. – М.; Л., 1927. – С. 101–102.

615

Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг.: Статьи, воспоминания и документы. – М., 1934. – С. 145–147.

Герасимов А. В. Указ. соч. – С. 43–45.

617

Дедюлин Владимир Александрович (1858–1913) – российский военный деятель, жандармский чиновник высшего ранга. Генерал от кавалерии (с 1912 г.). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1880–1883 гг. слушатель Академии Генерального штаба. В 1898–1900 гг. помощник начальника отдела Генштаба. В 1900–1903 гг. начальник Управления военных сообщений. В 1903-м – январе 1905 г. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. В январе – декабре 1905 г. градоначальник Санкт-Петербурга. В декабре 1905 – сентябре 1906 г. командующий ОКЖ. В 1906–1913 гг. дворцовый комендант.

Там же. – С. 50.

619

Там же. – С. 51.

620

Черномордик С. (*Ларионов П.*) Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. – М.; Л., 1926. – С. 221–222.

621

Цит. по: *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники: 1886–1916. – 2-е изд. – Пг., 1918. – С. 216–217.

622

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России. – С. 221.

623

Цит. по: История полиции дореволюционной России. Сборник документов и материалов по истории государства и права: Учебное пособие. – М., 1981. – С. 58.

624

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – российский государственный деятель, действительный статский советник (с 1904 г.). Выпускник Петербургского университета. В 1884 г. причислен к МВД. Камер-юнкер Двора (с 1888 г.), камергер Двора (с 1896 г.). Ковенский губернский предводитель дворянства (с 1899 г.). В 1902 г. губернатор Гродненской, в 1903–1906 гг. – Саратовской губерний. В 1906–1911 гг. министр внутренних дел, председатель Совета министров. В 1906 г. гофмейстер Двора. С 1907 г. член Государственного совета. С 1908 г. статс-секретарь Его Императорского величества. Убит в Киеве.

625

Трусевич Максимилиан Иванович (1863–?) – государственный служащий. В 1885 г. окончил Училище правоведения. В 1889–1906 гг. товарищ прокурора, прокурор окружных судов Риги, Санкт-Петербурга, Новгорода. В 1906–1909 гг. директор Департамента полиции. С 1909 г. сенатор. Руководил расследованием действий должностных лиц после убийства П. А. Столыпина. Член Госсовета (с 1914 г.).

626

Васильев Алексей Тихонович (1869–1930) – государственный служащий, действительный статский советник (с 1916 г.). Выпускник Киевского университета. В 1891–1905 гг. товарищ прокурора Луцкого, Киевского, Петербургского окружных судов. Чиновник особых поручений при Департаменте полиции (1906 г.). В 1906–1909 гг. заведующий Особым отделом ДП. В 1909–1913 гг. товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда. В 1913–1916 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, вице-директор Департамента полиции. В октябре 1916 – феврале 1917 г. директор ДП. В 1918 г. выехал из России.

627

Инструкция полицейским надзирателям при Отделении по охранению общественной безопасности и порядка в Москве. – М., 1897. – С. 3–14.

628

Цит. по: Развитие оперативно-розыскной деятельности в борьбе с терроризмом в Российской империи. – С. 42–45.

629

Там же. – С. 45–49.

Цит. по: *Перегудова З. И.* Указ. соч. – С. 381–382.

631

Цит. по: Современник: «Николай II». Разоблачения. С тайными документами и речами царя. – Berlin, 1910. – С. 139–141.

Там же. – С. 143–144.

633

Там же. – С. 144.

Там же. – С. 145–147.

635

Цит. по: Тайна убийства Столыпина: Сб. документов. – М., 2003. – С. 640–643.

Бок М. П. П. А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. – М., 1992. – С. 207–208.

Герасимов А. В. Указ. соч. – С. 98–99.

638

Беклемишев Василий Андреевич (1868–1911) – жандармский полковник. На военной службе с 1890 г., в 1895 г. переведен в Отдельный корпус жандармов. В 1895–1898 гг. служил в Киевском и Виленском губернских жандармских управлениях. В 1898–1905 гг. помощник начальника Киевского ГЖУ. В 1905–1906 гг. начальник четырех районных жандармских управлений в Польше, состоял при Петербургском ГЖУ, помощник начальника Воронежского ГЖУ. В 1907–1909 гг. в распоряжении Департамента полиции, состоял по Особому отделу. В 1910–1911 гг. начальник петроковского Жандармского управления в Польше.

639

Еремин Александр Михайлович (1872–?) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (с 1915 г.). На военной службе с 1891 г., в 1903 г. переведен в распоряжение Отдельного корпуса жандармов, прикомандирован к Киевскому губернскому жандармскому управлению, исполняющий должность начальника Киевского охранного отделения (1905 г.). В 1906–1908 гг. состоял при штабе Отдельного корпуса жандармов. В 1908–1909 гг. начальник Тифлисского ГЖУ. В 1910–1913 гг. заведующий Особым отделом Департамента полиции. В 1913–1917 гг. начальник финляндского Жандармского управления. В 1918 г. командующий войсками Уральской области. По окончании Гражданской войны в эмиграции.

640

Листковый архив – алфавитный указатель лиц (или домов и т. п.), сведения о которых имелись в Особом отделе.

641

О взглядах Ленина на вооруженное восстание в период первой русской революции см.: *Мильштейн А. А.* Проблема вооруженного восстания у Ленина в 1905 году // Каторга и ссылка. – № 11 (72). – С. 7–21; *Ярославский Е. М.* Опыт политической массовой стачки и вооруженного восстания первой русской революции в свете учения Маркса – Ленина. – Там же. – № 12 (73). – С. 7–68; *Чужак Н.* Ленин и «техника» восстания. – Там же. – С. 69–115. (Журнал «Каторга и ссылка» выходил в период с 1921 по 1935 г.; всего вышло 116 номеров, многие из них сразу же попали в Спецхран, так как содержали невыгодные для власти оценки.)

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 14. – С. 7.

643

На Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, прошедшей в ноябре 1906 г. в Таммерфорсе (Финляндия), в качестве делегата присутствовал секретный сотрудник Саратовского охранного отделения С. С. Зверев (Степницкий). Он дал полную информацию о нелегальной боевой и военной деятельности РСДРП.

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России. – С. 255–257.

Цит. по: Тайна убийства Столыпина. – М., 2003. – С. 644–645.

Политическая полиция и политический терроризм в России. – С. 266–268.

Там же. – С. 271–272.

Там же. – С. 295.

649

Полное собрание законов Российской империи, с 1 марта 1881 г. до конца 1913 г. Собрание 3: т. 1–33. – СПб., 1908. – Т. XXVIII. – Отд. I. – № 30672. – С. 448–449.

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России. – С. 270.

651

Там же.

652

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – политический деятель, публицист, историк. В 1880-х гг. был близок к народовольческому движению. Долгое время жил за границей. В 1888–1889 гг. издавал журнал «Свободная Россия», затем журнал «Народоволец». За статьи, призывающие к цареубийству, приговорен английским судом к 18 месяцам каторжной тюрьмы; отбыв заключение, поселился в Швейцарии, откуда в 1903 г. был выслан за пропаганду террора; жил в Париже, с 1900 г. издавал журнал «Былое». С 1906 г. занимался разоблачением агентов политической полиции. На его счету Е. Ф. Азеф и др. После октября 1917 г. в Россию не приезжал.

653

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 20. Л. 183 об.

После отставки Е. П. Медникова Центральный филерский отряд при Санкт-Петербургском охранном отделении возглавил ротмистр Отдельного корпуса жандармов Александр Александрович Гинсбург.

Мосолов А. А. Указ соч. – С. 228–229.

656

Коттен Михаил Фридрихович, фон (1870–1917) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. На службе в ОКЖ с 1903 г. В 1905–1907 гг. служил в Петербургском губернском жандармском управлении. В 1907–1909 гг. начальник Московского, в 1910–1914 гг. – Петербургского охранных отделений. Резидент военной разведки («Организация 31») в Швейцарии (1914 г.). В 1915–1917 гг. начальник штаба Кронштадтской крепости. Убит близ Гельсингфорса.

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России. – С. 374.

Там же. – С. 396–398.

659

Там же. – С. 335.

660

Мардарьев Михаил Георгиевич (1858–1918) – государственный служащий, тайный советник. Из личных дворян, в 1876 г. окончил шесть классов реального училища. Служил в МВД, с 1880 г. прикомандирован к санкт-петербургскому почтамту. С 1884 г. служил по перлюстрации. В 1914–1917 гг. старший цензор санкт-петербургской цензуры иностранных газет и журналов.

Майский С. Указ. соч. – С. 10–11.

Там же. – С. 4–5.

663

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8331. Л. 5 об.

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России. – С. 308–310.

665

Климович Евгений Константинович (1871–1930) – российский государственный деятель, генерал-лейтенант. На военной службе с 1890 г., в 1898 г. переведен в Отдельный корпус жандармов. В 1899–1904 гг. адъютант Волынского губернского жандармского управления, помощник начальника, начальник уездных жандармских управлений в Польше. В 1905–1906 гг. начальник Виленского охранного отделения, исполняющий должность виленского полицмейстера, затем начальника Московского охранного отделения, помощник московского градоначальника. В 1906–1908 гг. московский градоначальник. В 1908 г. заведующий Особым отделом Департамента полиции. В 1909–1915 гг. градоначальник в гг. Керчь – Еникале, Ростов-на-Дону, Москва. В феврале – сентябре 1916 г. директор Департамента полиции. С 1916 г. сенатор. В 1919–1920 гг. в Добровольческой армии. После 1920 г. выехал из страны.

Цит. по: Политическая полиция и политический терроризм в России. – С. 412–414.

667

Воейков Владимир Николаевич (1868–1942) – генерал-майор свиты Его Императорского Величества. Выпускник Пажеского корпуса, кавалергард. В 1907–1913 гг. командир лейб-гвардии Гусарского полка. В 1913–1917 гг. дворцовый комендант. В ходе революционных событий арестован, бежал из-под стражи, покинул страну.

Цит. по: *Раззаков Ф. И.* Указ. соч. – С. 24–25.

669

Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) – российский государственный деятель. Выпускник Военно-юридической академии, служил в прокурорском надзоре. В 1903–1905 гг. курский вице-губернатор. В 1905–1906 гг. губернатор Минска. В 1906–1907 гг. член Совета МВД. В апреле – августе 1907 г. исполняющий должность вице-директора Департамента полиции. В 1907–1909 гг. начальник Главного тюремного управления. В 1909–1911 гг. товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, командир Отдельного корпуса жандармов. В 1911 г. уволен с должности. С 1916 г. товарищ министра внутренних дел. В 1917 г. арестован, освобожден. В 1918 г. покинул страну.

670

Красильников Александр Александрович (1861–1931) – служащий Департамента полиции. На военной службе с 1884 г. С 1901 г. в отставке (штаб-ротмистр гвардии). В 1909 г. поступил в МВД. Заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции, в 1909–1917 гг. проживал в Париже.

671

Глобачев Константин Иванович (1870–1941) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (с 1915 г.). На военной службе с 1888 г., переведен в ОКЖ в 1903 г. В 1903–1904 гг. адъютант Петроковского губернского жандармского управления, в резерве при Бакинском и Гродненском ГЖУ. В 1905–1909 гг. начальник жандармских управлений в Лодзинском и Ласском уездах. В 1910–1911 гг. начальник Варшавского охранного отделения. В 1912–1913 гг. начальник Нижегородского ГЖУ. В 1914–1915 гг. начальник севастопольского Жандармского управления, в 1915–1917 гг. начальник Петроградского охранного отделения. В 1918–1920 гг. служил у А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, в дальнейшем покинул страну.

672

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) – российский государственный и военный деятель, генерал-майор (с 1908 г.). В 1891–1905 гг. адъютант великого князя Сергея Александровича. В 1905–1912 гг. московский губернатор. В 1913–1915 гг. товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов. В 1915–1917 гг. командир бригады, начальник дивизии, командир армейского корпуса. Расстрелян НКВД.

1 *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. – М., 1997. – Т. 2. – С. 217–218.

674

Брюн де Сент-Ипполит Валентин Анатольевич (1871–1918) – юрист, выпускник Санкт-Петербургского университета; в 1893–1915 гг. товарищ прокурора нижегородского и санкт-петербургского окружных судов, прокурор екатеринодарского и московского окружных судов, прокурор омской Судебной палаты. С 3 февраля 1914 г. по 4 октября 1915 г. директор Департамента полиции, после этого – сенатор Судебного департамента.

675

Цит. по: Департамент полиции считает необходимым… // Независимое военное обозрение. – 12 сентября 1996.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 469.

677

Там же.

Там же. – Т. 46. – С. 230.

679

Там же. – Т. 7. – С. 17.

Цит. по: *Перегудова З. И.* Политический сыск России. – С. 387–392.

681

Там же. – С. 393–403.

Там же. – С. 404–408.

Там же. – С. 109–123.

684

Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения / Публ. Ф. М. Лурье, З. И. Перегудовой // Из глубины времен. – 1992. – № 1. – С. 71–83.

685

Тайны политического сыска: Инструкция по работе с секретными сотрудниками / Публ. З. И. Перегудовой. – СПб., 1992. – С. 2–15.

Цит. по: Тайна убийства Столыпина. – С. 648–652.

687

Цит. по: История полиции России: Краткий исторический очерк и основные документы. – М., 1998. – С. 183–187.

688

Цит. по: Тайна убийства Столыпина. – С. 653–655.

689

Там же. – С. 656–658.

Там же. – С. 659–660.

691

Там же. – С. 660–661.

692

Там же. – С. 660.

693

Там же. – С. 663–666.

Там же. – С. 666–667.

Там же. – С. 711–712.

696

Цит. по: *Литвинов Н. Д., Нурадинов Ш. М.* Противодействие антигосударственному террору на железных дорогах Российской империи: Сборник документов и материалов. – М., 1999. – С. 59–63.

Там же. – С. 63–64.

Там же. – С. 54–59.

699

Герасимов А. В. Указ. соч. – С. 146.

700

Блок А. (составитель). Последние дни императорской власти. – Пг., 1921. – С. 8.

Мосолов А. А. Указ соч. – С. 114–115.

702

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) – российский государственный деятель. Член партии октябристов, депутат 3-й и 4-й Государственных дум; с 1914 г. товарищ председателя Думы. С сентября 1916 г. министр внутренних дел; занял этот пост с помощью Г. Распутина. После Октябрьского переворота 1917 г. расстрелян по приговору ВЧК.

703

Там же. – С. 34.

Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). – Париж, 1931. – С. 102.

705

Там же. – С. 6.

Блок А. Указ. соч. – С. 23–24.

Там же. – С. 24.

Там же. – С. 25–26.

Там же. – С. 26–28.

Там же. – С. 31.

Меньшевики в 1917 г. – М., 1994. – Т. 1. – С. 120–122.

Блок А. Указ. соч. – С. 35.

713

Там же. – С. 37.

Там же. – С. 38.

715

Катков Г. М. Февральская революция. – М., 1997. – С. 245–246.

Блок А. Указ. соч. – С. 56–57.

Там же. – С. 56.

Там же. – С. 57.

719

Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // Бежин луг. – 1992. – № 1. – С. 157–158.

Цит. по: *Кобылий В. С.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. – СПб., 1998. – С. 186.

Солоневич И. Л. Указ. соч. – С. 159.

Блок А. Указ. соч. – С. 64.

723

История отечества в документах. 1917–1993 гг.: Хрестоматия для учащихся старших классов средней школы. – Ч. 1: 1917–1920 гг. – М., 1994. – С. 12.

Блок А. Указ. соч. – С. 66–67.

Солоневич И. Л. Указ. соч. – С. 155.

Архив русской революции. – М., 1991. – Т. 3. – С. 249.

Блок А. Указ. соч. – С. 86–87.

Там же. – С. 88.

729

Цит. по: *Мстиславский. С.* Пять дней. Февральский переворот. – 3-е марта. – Арест Николая II. – 25-е октября. – День Учредительного собрания. – М., 1922. – С. 18.

730

Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917: Пособие для учителей / Сост. С. С. Дмитриев, Р. Г. Эймонтова. – М., 1970. – С. 528–529.

731

Сборник документов и материалов по курсу «Политическая история XX века» / Сост. Л. В. Люцарева и др. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 187.

732

Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. / Под ред А. Г. Манькова. – Т. 9: Законодательство эпохи империализма и буржуазно-демократических революций. – М., 1994. – С. 122–123.

Блок А. Указ. соч. – С. 110.

Там же. – С. 111.

735

Российское законодательство X – XX веков. – Т. 9. – С. 124–125.

Перегудова З. И. Указ. соч. – С. 218.

Там же. – С. 223.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. – М., 1924. – Т. 2. – С. 89.

739

Цит. по: *Арутюнов А. А.* Ленин: Личностная и политическая биография. – М., 2002. – Т. 1. – С. 293.

Раскольников (наст. – Ильин) Федор Федорович (1892–1939) – член РСДРП (б) с 1910 г. В 1918–1922 гг. заместитель наркома по морским делам, член РВСР, командующий Балтфлотом. В 1922–1923 гг. посол в Афганистане, в 1924–1928 гг. заведующий Восточным отделом ИККИ. В 1930–1938 гг. посол в Эстонии, Дании, Болгарии. С 1938 г. в эмиграции.

741

Цит. по: Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.): Учебное пособие для студентов вузов. – М., 1996. – С. 77–79.

Цит. по: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. – М., 1991. – С. 470.

Керсновский А. А. Указ. соч. – С. 762.

744

Потапов Николай Михайлович (1871–1946) – генерал-майор (с 1912 г.), генерал-лейтенант (с 1917 г.). На военной службе с 1891 г. В военной разведке с 1901 г. В 1901–1903 гг. помощник военного агента в Вене. В 1903–1916 гг. военный агент в Черногории. В 1916–1917 гг. служил в Главном управлении Генерального штаба, генерал-квартирмейстер ГУГШ (с апреля 1917 г.). После Октябрьской революции начал сотрудничать с СНК. В конце ноября 1917 г. назначен начальником Генштаба и управляющим Военным министерством, с декабря 1917 г. управляющий делами Наркомвоена. Один из главных фигурантов операции «Трест» (1921–1927 гг.). Затем на научной и преподавательской работе.

745

Кедров Михаил Сергеевич (1878–1941) – член РСДРП с 1901 г. В 1904–1907 гг. на военной и боевой работе в РСДРП (б). В 1906 г. по заданию большевистской партии организовал в Петербурге книжное издательство «Зерно», агент ЦК РСДРП (б) по распространению литературы. В 1909 г. арестован, в 1912 г. эмигрировал в Швейцарию, где окончил медицинский факультет Лозаннского университета. С 1916 г., после возвращения в Россию, военный врач на Кавказском фронте. После Февральской революции 1917 г. председатель Совета в Шерефхане (Персия). С мая 1917 г. член петроградской Военной организации при ЦК РСДРП (б) и Всероссийского бюро большевистских военных организаций, редактор газеты «Солдатская правда», организатор газеты «Рабочий и солдат». С ноября 1917 г. член коллегии Наркомата по военным делам, комиссар по демобилизации прежней армии. В первый год Гражданской войны командующий войсками Северо-Восточного участка Западной завесы, член РВС 6-й армии Северного фронта. С 1919 г. председатель Особого отдела ВЧК, член коллегии НКВД, уполномоченный ЦК РКП (б) по Южному и Западному фронтам. С 1921 г. на хозяйственной и советской работе. Репрессирован.

Цит. по: Лубянка, 2. – С. 163.

7 47

Подвойский Николай Ильич (1880–1948) – в социал-демократическом движении с 1898 г., в 1905 г. организатор боевых дружин в Ярославле. В 1906–1907 гг. в эмиграции, затем один из руководителей легального партийного издательства «Зерно» в Петербурге. Неоднократно подвергался арестам. Участник Февральской революции 1917 г., депутат Петроградского совета, возглавлял Военную организацию при Петербургском комитете партии; редактор газеты «Солдатская правда», «Рабочий и солдат», «Солдат»; председатель Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП (б). Член Петроградского ВРК, его Бюро и оперативной «тройки» по руководству Октябрьским восстанием; председатель ВРК. В период ликвидации мятежа Керенского – Краснова командующий Петроградским военным округом. В ноябре 1917 – марте 1918 г. нарком по военным делам РСФСР, с января 1918 г. председатель Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной армии. С марта 1918 г. член Высшего военного совета; председатель Высшей военной инспекции; с сентября 1918 г. член РВСР, с января 1919 г. наркомвоенмор Украины. В 1920–1923 гг. начальник Всевобуча и частей особого назначения (ЧОН); член РВС 7-й и 10-й армий. В 1921–1927 гг. – председатель Спортинтерна, затем на партийной и советской работе. С 1935 г. персональный пенсионер.

748

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) – кадровый военный, генерал-майор царской армии. В 1891 г. окончил Московский межевой институт, в 1892 г. – Московское пехотное училище, в 1898 г. Академию Генерального штаба. С 1898 г. на штабных должностях. С марта 1914 г. командовал полком. В 1914–1917 гг. генерал-квартирмейстер 3-й армии, в штабе Северо-Западного фронта, в распоряжении Верховного главнокомандующего, начальник штаба Северного фронта; в августе – сентябре 1917 г. главком Северного фронта. В октябре 1917 г. – начальник гарнизона Могилева; перешел на сторону большевиков. 7(20) ноября 1917 г. назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. С марта 1918 г. военный руководитель Высшего военного совета, затем в распоряжении Всероглавштаба. В июне – июле 1919 г. начальник Полевого штаба РВСР. После окончания Гражданской войны член Военно-исторической комиссии по обобщению опыта войны. В 1919–1923 гг. начальник Высшего геодезического управления ВСНХ, с 1925 г. – создатель и руководитель Государственное технического бюро «Аэрофотосъемка». С 1928 г. в распоряжении РВС СССР. С 1944 г. генерал-лейтенант.

749

Сборник. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / Сост. Н. Д. Болдырева, Т. С. Дмитренко, А. А. Муравьев. – М.; Л., 1957. – С. 208.

Цит. по: *Арутюнов А. А.* Указ. соч. – С. 177.

751

Ганецкий (наст. – Фюрстенберг) Яков Станиславович (1879–1937) – член СДПКПиЛ с 1896 г., с 1907 г. – член ЦК РСДРП. В 1908–1910 гг. входил в Русское Бюро ЦК РСДРП. В 1917 г. член Заграничного Бюро ЦК партии. С конца 1917 г. член коллегии Наркомфина, комиссар и управляющий Народного банка. В 1920–1922 гг. член коллегии Наркомвнешторга, член коллегии НКИД, полпред и торгпред РСФСР в Латвии. В 1923–1929 гг. член коллегии Наркомвнешторга. В 1930–1932 гг. член Президиума ВСНХ РСФСР. В 1932–1935 гг. директор Государственного объединения музыки, эстрады и цирка. С 1935 г. директор Музея Революции СССР. Репрессирован.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 239–241.

753

Ломов Г. В дни бури и натиска // Пролетарская революция. – 1927. – № 10. – С. 166.

754

Из речи т. Бухарина на вечере воспоминаний в 1921 году // Пролетарская революция. – 1922. – № 10. – С. 319.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 264–267.

Там же. – С. 275, 278, 281–283.

Там же. – С. 283.

758

Рахья Эйно Абрамович (1885–1936) – член РСДРП с 1903 г., активный участник трех революций. В 1917 г. личный телохранитель В. И. Ленина. В 1918–1920 гг. комиссар Финских пехотных курсов, в 1920–1925 гг. член ЦК Коммунистической партии Финляндии, руководитель Службы связи (аналог ОМС) КПФ. Репрессирован.

759

Цит. по: *Арутюнов А. А.* Указ соч. – С. 191–192.

760

Троцкий Л. Д. История русской революции: в 2 т., 3 кн. – М., 1997. – Т. 2: Октябрьская революция. – Кн. 2. – С. 87–88.

761

Цит. по: *Арутюнов А. А.* Указ. соч. – С. 194.

762

Троцкий Л. Д. История русской революции. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 88–89.

763

Гуль Р. Б. Ледяной поход: Сборник произведений. – М., 1992. – С. 26–27.

Цит. по: *Арутюнов А. А.* Указ. соч. – С. 200.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 397.

Цит. по: *Троцкий Л. Д.* Из истории русской революции. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 94.

767

О военной деятельности В. И. Ленина. (Из воспоминаний Н. И. Подвойского) // Коммунист. – 1957. – № 1. – С. 34.

Подвойский Н. И. Военная организация ЦК РСДРП (б) и Военно-революционный комитет 1917 г. // Красная летопись. – 1923. – № 8. – С. 16.

769

«Рабочий путь». № 41 от 20 октября 1917 г. // «Правда». № 1–227. 1917 г. Полный текст. Вып. 7: «Рабочий путь». № 24–46. – М., 1933. – С. 314–315.

770

Троцкий Л. Д. История русской революции. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 102–103.

Там же. – С. 103–104.

«Новая жизнь». – 20 октября 1917 г.

«Рабочая газета». – 20 октября 1917 г.

Троцкий Л. Д. История русской революции. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 109–110.

775

Цит. по: *Арутюнов А. А.* Указ. соч. – С. 214.

Там же. – С. 215.

777

Там же.

Мы намеренно не уделяем детального внимания деятельности советских органов государственной безопасности. В контексте более чем тысячелетней истории российских органов безопасности она описана наиболее подробно, особенно период с 1917 по 1945 г. Однако совместная деятельность РУ РККА, ИНО ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД, спецслужб Коминтерна по организации «мировой революции» и спецопераций, а также обеспечение безопасности вождей партии изучены недостаточно. Именно этим темам мы и уделяем наибольшее внимание в данной и следующих главах.

779

Цит. по: *Старцев В. И.* Еще раз о «тайне смерти Ленина» // Россия и современный мир. – Вып. 4 (21). – М., 1998. – С. 226.

Цит. по: *Краскова В. С.* Тайны кремлевской охраны. – М., 1998. – С. 4.

781

Гиль С. К. Шесть лет с Лениным: Воспоминания личного шофера Владимира Ильича Ленина. – Минск, 1957. – С. 15.

782

Мальков Павел Дмитриевич (1887–1965) – член РСДРП с 1904 г. Участник революции 1905–1907 гг. В 1910–1917 гг. служил на Балтийском флоте, член подпольной организации РСДРП (б). Член Гельсингфорсского комитета РСДРП, член Центробалта (1917 г.). Участник Октябрьского переворота. С 29 октября (11 ноября) 1917 г. комендант Смольного; с марта 1918 г. комендант Московского Кремля. В 1920–1922 гг. в Красной армии. С 1923 г. на хозяйственной работе.

783

Малъков П. Д. Записки коменданта Кремля. – М., 1987. – С. 53–54.

Цит. по: *Арутюнов А. А.* Указ. соч. – С. 284–285.

785

Там же. – С. 285.

786

Мехоношин Константин Александрович (1889–1938) – член РСДРП с 1913 г. студент Московского университета, дважды высылался за революционную деятельность. В 1915–1917 гг. на военной службе. С марта 1917 г. член полкового комитета, Петроградского совета и Петроградского комитета большевиков; с апреля 1917 г. член Военной организации; с июня 1917 г. член Всероссийского бюро фронтовых и тыловых военных организаций при ЦК РСДРП (б). Во время Октябрьского переворота член Петроградского ВРК, член ВЦИК 2-го созыва. С 20 ноября (3 декабря) 1917 г. товарищ (заместитель) наркома по военным делам. В 1918–1919 гг. член Коллегии Наркомвоена, член Коллегии по формированию и организации РККА, член Высшего военного совета, член РВС Восточного, затем Южного фронтов, член РВСР. В 1919 г. председатель РВС Каспийско-Кавказского фронта, 11-й отдельной армии, 11-й армии Юго-Восточного фронта. В 1920 г. председатель РВС 3-й армии Западного фронта. В 1921–1934 гг. заместитель начальника и начальник Всевобуча, военный атташе в Польше, член Коллегии Наркомата связи, затем директор Всесоюзного научно-исследовательского института океанографии и морского хозяйства. Репрессирован.

Там же. – С. 287.

Там же. – С. 292.

789

Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954) – генерал-майор (с 1916 г.), генерал-лейтенант (с 1943 г.). На военной службе с 1894 г. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1908–1912 гг. военный атташе в Дании, Швеции и Норвегии, в 1912–1917 гг. – во Франции. Перешел на сторону советской власти, сохранил денежные средства России во французских банках, работал в советском торгпредстве в Париже. С 1937 г. – в Красной армии. С 1947 г. в отставке.

790

Самойло Александр Александрович (1869–1963) – генерал-майор (с 1916 г.), генерал-лейтенант (с 1940 г.). Окончил Алексеевское военное училище (1892 г.) и Академию Генерального штаба (1898 г.). Обер-офицер для поручений Киевского военного округа (разведка), командирован в Австро-Венгрию (1903 г.), Германию и Англию (1906 г.). В 1908–1914 гг. делопроизводитель Главного управления Генерального штаба. Участник Первой мировой войны 1914–1917 гг. Член военной комиссии на мирных переговорах в Бресте (1917–1918 гг.). С 1918 г. в Красной армии. В 1918–1919 гг. заместитель командующего Западной завесой, начальник штаба Беломорского военного округа, командующий 6-й отдельной армией, затем Восточным фронтом. В 1920–1921 гг. помощник начальника Штаба РККА и одновременно начальник Всероглавштаба и член Высшего военного совещания. С 1922 г. начальник управления военно-учебных заведений, с 1926 г. на педагогической работе в Военно-воздушной академии, профессор с 1943 г. С 1948 г. в отставке.

791

Свечин Александр Андреевич (1878–1938) – генерал-майор (с 1916 г.). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1897 г.) и Академию Генерального штаба (1903 г.). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1908–1913 гг. помощник делопроизводителя и делопроизводитель Главного управления Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, офицер для поручений при начальнике штаба верховного главнокомандующего (1914–1915 гг.), командир полка (1915–1917 гг.), командующий дивизией (1917 г.), начальник штаба 5-й армии и Северного фронта. В Красной армии с 1918 г., начальник Всероглавштаба (август – ноябрь 1918 г.). В 1918–1938 гг. профессор Академии Генерального штаба РККА. В 1918–1921 гг. председатель Военно-исторической комиссии по исследованию опыта войны 1914–1918 гг. Репрессирован.

792

Шапошников Борис Михайлович (1882–1945) – Маршал Советского Союза (с 1940 г.), в царской армии полковник (с 1917 г.). На военной службе с 1901 г. Окончил Московское военное училище (1903 г.) и Академию Генерального штаба (1910 г.). Участник Первой мировой войны, командир полка, начальник дивизии. В Красной армии с 1918 г. В 1918 г. помощник начальника Высшего военного совета по разведке. С августа 1919 г. начальник Разведывательного отдела, с октября 1919 г. начальник Оперативного управления Полевого штаба РВСР. В 1921–1925 гг. 1-й помощник начальника Штаба РККА, командующий войсками Ленинградского (1925–1927 и 1935–1937 гг.), Московского (1927–1928 гг.), Приволжского (1931–1923 гг.) военных округов. Начальник Штаба РККА (1928–1931 гг.). В 1932–1935 гг. начальник и военный комиссар Военной академии им. М. В. Фрунзе, профессор (с 1935 г.). Начальник Генштаба армии (1937–1940 гг., июль 1941 – май 1942 г.). С августа 1940 г. по июль 1941 г. заместитель наркома обороны. В 1943–1945 гг. начальник Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова.

793

Цит. по: Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк. – М., 1996. – С. 216.

794

Петровский Григорий Иванович (1878–1958) – в социал-демократическом движении с 1895 г., на партийной работе в Харькове, Николаеве, Мариуполе, Донбассе. Подвергался арестам в 1900 и 1903 гг. Летом 1906 г. эмигрировал в Германию. С 1907 г. вел работу в Мариуполе. С 1912 г. депутат 4-й Государственной думы. В 1914 г. арестован и сослан в Туруханский край. В период Февральской революции 1917 г. комиссар Якутской области. Вернулся в Петроград в июне 1917 г. Участник Октябрьского переворота. Делегат II Всероссийского съезда Советов. С ноября 1917 по март 1919 г. нарком внутренних дел РСФСР. В 1919 г. председатель Всеукраинского ревкома. В 1919–1938 гг. председатель ВУЦИК, одновременно в 1922–1937 гг. один из председателей ЦИК СССР. В 1937–1938 гг. заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1940 г. заместитель директора Музея революции.

795

Дзержинский Феликс Эдмундович (1887–1926) – член Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) с 1895 г. По его инициативе в 1906 г. СДКПиЛ объединилась с РСДРП. В 1906–1917 гг. на подпольной работе, состоял в Варшавской военно-революционной организации РСДРП, отвечал за борьбу с «провокацией». Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В октябре 1917 г. на расширенном заседании ЦК РСДРП (б) избран в Военно-революционный партийный центр по руководству вооруженным восстанием, а Петроградским советом – в состав ВРК. На II Всероссийском съезде Советов избран в состав ВЦИК и в члены его Президиума. 7(20) декабря 1917 г. назначен председателем ВЧК. С 1919 г. нарком внутренних дел. С апреля 1921 г. – нарком путей сообщения (с сохранением постов председателя ВЧК и наркома внутренних дел). С февраля 1924 г. председатель ВСНХ СССР с оставлением в должности председателя Объединенного государственного политического управления при СНК СССР.

796

Лацис Мартын Янович (наст. – Судрабс Ян Фридрихович) (1888–1938) – член РСДРП с 1905 г. В 1905–1907 гг. активный участник революции в Латвии. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. После Февральской революции 1917 г. один из организаторов Красной гвардии Выборгской стороны в Петрограде. Делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б). Член Петроградского ВРК. После Октябрьского переворота – член Коллегии Наркомвнудела, с мая 1918 г. – член Коллегии ВЧК, в июле – ноябре 1918 г. председатель ЧК и Военного трибунала 5-й армии Восточного фронта. В 1919–1921 гг. председатель Всеукраинской ЧК. С 1921 г. на хозяйственной работе. С 1932 г. директор Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Репрессирован.

Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918) – в социал-демократическом движении с 1898 г. В 1899 г. сослан в Якутскую губернию. В 1903 г. примкнул к меньшевикам. В 1906 г. за участие в революционных событиях сослан в Вологду, затем в Архангельскую губернию. С 1914 г. за границей. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Петроград, на VI съезде РСДРП (б) вместе с группой «межрайонцев» принят в большевистскую партию и избран членом ее ЦК. Член Военно-революционного партийного центра по руководству вооруженным восстанием, член Петроградского ВРК. В первом большевистском правительстве – комиссар Министерства иностранных дел, затем комиссар Всероссийской комиссии по делам созыва Учредительного собрания. В феврале 1918 г. член Комитета революционной обороны Петрограда. С марта 1918 г. председатель Петроградского ЧК. Убит эсером.

798

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938) – с 1900 г. член СДКПиЛ, в 1906 г. вошедшей в РСДРП. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. С апреля 1917 г. член Петроградского совета. В дни Октябрьского переворота член Петроградского ВРК, затем член Коллегии НКВД. В 1919 г. нарком по военным делам Литовско-Белорусской ССР и член ЦК КП Литвы и Белоруссии. В апреле – декабре 1919 г. член РВС 16-й армии, в декабре 1919 – апреле 1921 г. – Западного фронта; одновременно в 1920 г. член Временного польского ревкома. В 1921–1923 гг. заместитель председателя ВЧК (ГПУ). В 1923–1925 гг. член РВС СССР и начальник снабжения РККА. В 1925–1930 гг. заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркомвоенмора; одновременно с 1927 г. заместитель председателя Осоавиахима СССР. Куратор военной разведки СССР и специальных служб ИККИ. В 1930–1933 гг. заместитель председателя ВСНХ. В 1933–1935 гг. начальник Главного управления Гражданского воздушного флота. С 1935 г. секретарь Союзного Совета ЦИК СССР. Репрессирован.

799

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – в социал-демократическом движении с 1895 г. В 1896 г. эмигрировал в Цюрих. Содействовал транспортировке в Россию революционной литературы и печатных станков, сотрудничал в «Искре». В 1903–1905 гг. заведующий экспедицией ЦК РСДРП в Женеве. Участник революционных событий 1905–1907 гг. в Петербурге. После Февральской революции 1917 г. член Исполкома Петроградского совета, член редакции газеты «Известия», редактор большевистской газеты «Рабочий и солдат». После октября 1917 г. комендант района Смольный – Таврический дворец, член Комитета революционной обороны Петрограда, председатель Комитета по борьбе с саботажем и контрреволюцией. В 1917–1920 гг. управляющий делами СНК РСФСР, затем на хозяйственной и научной работе. С 1933 г. директор Государственного литературного музея. В 1945–1955 гг. директор Музея истории религии и атеизма АН СССР.

800

Горбунов Николай Петрович (1892–1937) – с июля 1917 г. заведующий Информационным бюро ВЦИК, с ноября 1917 г. секретарь Совнаркома и личный секретарь В. И. Ленина. В 1918–1919 гг. заведующий Научно-техническим отделом ВСНХ. В 1919–1920 гг. на политработе в Красной армии, член РВС 14-й и 13-й армий. В декабре 1920 г. назначен управляющим делами СНК РСФСР, с 1922 г. управляющий делами СНК СССР и СТО. В 1923–1929 гг. ректор МВТУ, в 1928–1932 гг. председатель научной комиссии Комитета по химизации, один из организаторов Сельскохозяйственной академии им. В. И. Ленина, в 1931–1933 гг. заместитель директора Химического института им. Л. Я. Карпова, в 1931–1934 гг. член Коллегии Госплана СССР. С 1935 г. секретарь АН СССР. Репрессирован.

801

Цит. по: *Арутюнов А. А.* Указ соч. – С. 301–302.

802

Евсеев Дмитрий Гаврилович (1892–1942) – член РСДРП с 1910 г., с 1913 г. на профсоюзной работе. В мае 1915 г. арестован, сослан в Сибирь. В 1917 г. направлен в Иваново-Вознесенск, возглавил Военную организацию большевиков, один из руководителей Красной гвардии. Участник Октябрьского переворота, член Петроградского ВРК. Участник боев против войск Керенского – Краснова и юнкеров в Петрограде. В 1917–1918 гг. член Коллегии ВЧК, заведующий инструкторским отделом. Инициатор формирования войск ВЧК, начальник штаба (1918 г.). С 1920 г. на командных должностях в РККА. С 1925 г. на советской и хозяйственной работе. Умер в Ташкенте.

803

Жиделев Николай Андреевич (1980–1953) – член РСДРП с 1903 г. Депутат 2-й Государственной думы. После ее разгона был арестован с чужим паспортом и посажен на пять лет в «Кресты», затем сослан в Сибирь. В 1917 г. освобожден. В 1917–1918 гг. член Коллегии ВЧК. В 1918 г. на подпольной работе против белочехов, подвергся аресту, приговоренный к смертной казни, бежал. В 1920–1930-е гг. занимался хозяйственной работой. В 1941 г. переброшен за линию фронта (группа Ивана).

804

Ксенофонтов Иван Ксенофонтович (1884–1926) – член РСДРП с 1903 г. Участник революции 1905–1907 гг. С 1909 г. вел революционную работу в Москве и Риге, неоднократно подвергался арестам. В 1914 г. мобилизован в армию, телеграфист штаба 2-й армии Западного фронта, один из организаторов и членов большевистского комитета 2-й армии (февраль 1917 г.), делегат I Всероссийского съезда Советов. На II съезде Советов избран в состав ВЦИК. С декабря 1917 г. по апрель 1921 г. член Коллегии ВЧК, в 1919–1920 гг. заместитель председателя ВЧК, одновременно председатель Особого трибунала ВЧК и Верховного трибунала при ВЦИК. В 1922–1925 гг. управляющий делами ЦК РКП (б), затем заместитель наркома социального обеспечения.

805

Петерс Яков Христофорович (1886–1938) – с 1904 г. член ЛСДРП. С 1909 г. в эмиграции, член Лондонской группы Социал-демократии Латышского края (СДЛК), член Британской социалистической партии. После февраля 1917 г. работал в Риге, член ЦК СДЛК и представитель СДЛК в ЦК РСДРП (б), один из редакторов газеты «Циня». В дни Октябрьского переворота – член Петроградского ВРК, делегат II Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. В 1917–1918 гг. член Коллегии и заместитель председателя ВЧК, председатель Революционного трибунала. В 1919 г. комендант Петроградского, затем Киевского укрепрайонов, член Военного совета Тульского укрепрайона. В 1920–1922 гг. член Туркестанского бюро ЦК РКП (б), полномочный представитель ВЧК в Туркестане. С 1923 г. член Коллегии ОГПУ. В 1930–1934 гг. председатель МКК ВКП (б). Репрессирован.

806

Александрович В. А. (наст. – Дмитриевский Петр Алексеевич) (1884–1918) – эсер. В январе 1918 г. назначен заместителем председателя ВЧК, возглавлял Отдел по борьбе с преступлениями по должности. Один из организаторов левоэсеровского мятежа в июле 1918 г. После подавления мятежа расстрелян.

807

Там же. – С. 304.

Там же. – С. 303.

809

Оболенский Валериан Валерианович (псевд. Николай Осинский) (1887–1938) – член РСДРП с 1907 г. В 1907–1917 гг. занимался революционной деятельностью. Неоднократно подвергался арестам. После Февральской революции 1917 г. член Московского областного бюро РСДРП (б). В октябре 1917 г. член харьковского ВРК. После Октября 1917 г. управляющий Государственным банком РСФСР, председатель ВСНХ (до марта 1918 г.). В 1918–1919 гг. работал в редакции газеты «Правда», в отделе пропаганды ВЦИК и редакции журнала «Коммунистический Интернационал». В 1920 г. председатель Тульского губисполкома, член Коллегии Наркомпрода. В 1921–1923 гг. заместитель наркома земледелия, заместитель председателя ВСНХ. В 1923–1924 гг. полномочный представитель СССР в Швеции. В 1925–1928 гг. член Президиума Госплана СССР; управляющий ЦСУ. С 1929 г. заместитель председателя ВСНХ СССР. Делегат I конгресса Коминтерна (март 1919 г.). Репрессирован.

Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 18. – С. 305.

811

Полукаров Иван Николаевич (1895–1920) – в 1917–1918 гг. член Коллегии ВЧК, начальник Отдела по борьбе с контрреволюцией. Начальник Корпуса войск ВЧК (1918 г.). В 1919 г. направлен на Юго-Восточный фронт, начальник штаба стрелковой бригады. Умер от тифа.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 358.

813

Аралов Семен Иванович (1880–1969) – в социал-демократическом движении с 1903 г. Участвовал в революции 1905–1907 гг., заочно приговорен к расстрелу. За Первую мировую войну награжден пятью боевыми орденами, штабс-капитан. Член РСДРП (б) с 1918 г. Делегат II съезда Советов и член ЦИК 2-го созыва от 3-й армии. С января 1918 г. в Красной армии. В октябре 1918 – июне 1919 г. военком Полевого штаба РВСР и одновременно начальник Регистрационного управления (военной разведки). В 1920 г. заместитель командующего Украинским военным округом. С 1921 г. по рекомендации В. И. Ленина на дипломатической работе. С 1925 г. член Коллегии НКИД СССР. С 1927 г. член Президиума ВСНХ СССР, член Коллегии Наркомфина. С 1938 г. заместитель директора Государственного литературного музея. В годы Великой Отечественной войны на фронте. С 1946 г. на партийной работе в Москве, с 1957 г. на пенсии.

814

Известия ВЦИК. – 19 марта 1918 г.

815

Цит. по: *Зданович А. А.* Первый контрразведчик ВЧК // Независимое военное обозрение. – 1999. – № 14. – С. 7.

816

Кремль открыли для посещений только в 1955 г.

817

Малъков П. Д. Указ. соч. – С. 142.

Имеется в виду Управление комендатуры Кремля.

819

Свердлов не желал подчинять охрану Кремля Троцкому.

820

Там же. – С. 144.

821

Цит. по: *Краскова В. С.* Указ. соч. – С. 321.

822

Там же. – С. 320–321.

823

Там же. – С. 322.

824

Аралов С. И. Ленин вел нас к победе: Воспоминания. – М., 1989. – С. 44.

825

Цит. по: Красная книга ВЧК. – М., 1990. – Т. 1. – С. 91.

826

Кун Бела (1886–1938) – один из организаторов и руководителей Коммунистической партии Венгрии (КПВ). В социал-демократическом движении с 1902 г. Участник Первой мировой войны. В 1916 г. попал в Россию в качестве военнопленного. В 1917 г. вступил в РСДРП (б). С января 1918 г. в Петрограде, затем в Москве. В марте 1918 г. основал венгерскую группу РКП (б). С мая того же года – председатель Центральной федерации иностранных групп РКП (б), один из руководителей интернациональных отрядов Красной армии. В ноябре 1918 г. нелегально вернулся в Венгрию, где был избран председателем основанной 24 ноября 1918 г. Компартии Венгрии. После поражения Венгерской Советской Республики в 1919 г. эмигрировал в Австрию, был интернирован. В 1920 г. выехал в Россию. В последний период Гражданской войны был членом РВС Южного фронта, председателем Крымского ревкома. В 1920–1936 гг. – руководящий работник ИККИ, член Президиума ИК-КИ, выполнял специальные задания Коминтерна. Репрессирован.

827

Берзин (наст. – Берзиньш-Зиемелис) Ян Антонович (1881–1938) – член РСДРП с 1902 г. В 1906–1907 гг. член Петербургского комитета РСДРП и его секретарь. С 1908 г. в эмиграции. Член Заграничного бюро ЦК РСДРП (б), член бюро заграничных групп СДЛК, редактором газеты «Билетенс» («Бюллетень»), секретарь Заграничного комитета СДЛК, член редколлегии центрального органа СДЛК «Циня» («Борьба»). В 1917–1918 гг. кандидат в члены и член ЦК РСДРП (б). В 1918 г. полпред в Швейцарии, в 1921 г. полпред в Финляндии, в 1921–1925 гг. заместитель полпреда в Англии, с 1925 г. полпред СССР в Австрии. В 1919 г. комиссар просвещения Советской Латвии. В 1919–1920 гг. секретарь Исполкома Коминтерна. С 1927 г. уполномоченный Наркоминдела СССР при СНК УССР, член ЦК КП (б) У. С 1932 г. управляющий Центральным архивным управлением СССР и РСФСР. Репрессирован.

828

Блюмкин Яков Григорьевич (наст. – Янкель Гершевич) (1898–1929) – член партии эсеров с 1914 г. С 1918 г. сотрудник ВЧК, начальник Отдела по борьбе с международным шпионажем. Убил германского посла В. фон Мирбаха. После поражения левоэсеровского мятежа находился в подполье на Украине. В 1919 г. амнистирован. С 1921 г. состоял при Л. Д. Троцком. В 1923–1929 гг. сотрудник ИНО ВЧК – ОГПУ, резидент в Палестине, Внутренней Монголии, Тибете, Китае. В 1929 г. арестован как агент Троцкого, расстрелян «за измену революционной чекистской армии».

829

Там же. – С. 256.

Там же. – С. 264.

831

Цит. по: Лубянка, 2. – С. 165.

832

Володарский Всеволод (наст. – Гольдштейн Моисей Маркович) (1891–1918) – профессиональный революционер, член Бунда с 1905 г., затем примкнул к меньшевикам. Неоднократно подвергался арестам, в 1911 г. сослан в Архангельскую губернию. В 1913 г. эмигрировал в Северную Америку, где вступил в Американскую социалистическую партию и в Интернациональный профсоюз портных. В мае 1917 г. вернулся в Петроград, вступив в большевистскую партию, был избран членом Петербургского комитета РСДРП (б). С сентября 1917 г. член Президиума Петроградского совета. После Октябрьского переворота – комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, редактор «Красной газеты», член Президиума ВЦИК. 20 июня 1918 г. убит эсерами.

833

Цит. по: *Хабаров А.* Россия ментовская. – М., 1998. – С. 176–177.

834

В настоящей книге о работе специальных служб Коминтерна повествуется фрагментарно. Подробно см.: *Линдер И. Б. Чуркин С. А.* Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. – М.: РИПОЛ классик, 2005.

835

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 69. Лл. 63–63 об.

836

Лябурб (Labourbe) Жанна Мари (1877–1919) – представительница интернационального коммунистического движения. 1896 г. в поисках работы приехала в Россию, учительница. В 1918 г. работала в Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП (б), секретарь Французской коммунистической группы; участвовала в создании клуба «3-й Интернационал», члены которого вели революционную агитацию среди иностранных солдат и матросов. С февраля 1919 г. одна из руководителей «Иностранной коллегии» при Одесском подпольном комитете КП(б)У. Расстреляна французской контрразведкой вместе с другими членами коллегии.

837

Берзин Эдуард Петрович (1893–1938) – член РКП (б) с 1918 г., латышский стрелок. В 1918–1920 гг. начальник артдивизиона, начальник снабжения Латышской стрелковой дивизии. В 1920–1921 гг. сотрудник Региструпра Полевого штаба РККА. В 1921–1931 гг. сотрудник Спецотдела при ВЧК – ГПУ – ОГПУ. В 1931–1937 гг. директор треста «Дальстрой». Репрессирован.

838

ЦА ФСБ РФ. Ф. КПИ. Д. 1441. Л. 80.

839

Красный террор. – 1918. – №. 1. – С. 2.

840

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2164. Лл. 58–59.

841

Малъков П. Д. Указ. соч. – С. 204–205.

Цит. по: *Краскова В. С.* Указ. соч. – С. 324.

843

Там же. – С. 326.

Малъков П. Д. Указ. соч. – С. 205–206.

845

Цит. по: *Краскова В. С.* Указ. соч. – С. 327.

Там же. – С. 326.

847

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2164. Л. 107.

848

Руднянский Андре (1885–1943) – деятель венгерского рабочего движения, журналист. С конца 1918 г. – председатель ЦФИГ при ЦК РКП (б). Делегат I конгресса Коминтерна. С 1919 г. – представитель КПВ в ИККИ, член Бюро ИККИ. С 1920 г. – член Южного бюро и Малого бюро ИККИ. В дальнейшем отошел от рабочего движения.

849

Вацетис Иоаким Иоакимович (1873–1938) – кадровый военный. В армии 1891 г., выпускник Виленского пехотного юнкерского училища (1897 г.) и Академии Генерального штаба (1909 г.). Участник Первой мировой войны, полковник. В 1917 г. перешел на сторону большевиков; с декабря 1917 г. начальник Оперативного отдела Революционного полевого штаба при Ставке; в январе 1918 г. руководил подавлением мятежа польского корпуса Довбор-Мусницкого. С апреля 1918 г. командир Латышской стрелковой дивизии. С июля по сентябрь 1918 г. командующий Восточным фронтом. С сентября 1918 г. по июль 1919 г. главнокомандующий Вооруженными силами Советской Республики. С августа 1919 г. – в РВСР; с 1921 г. преподаватель Военной академии РККА, профессор, старший руководитель по истории войн. Репрессирован.

Гиль С. К. Указ. соч. – С. 30–31.

851

Мартынов Федор Яковлевич (1893–1944) – член РКП (б) с 1918 г., с июля того же года – разведчик боевого отряда при ВЧК. В первой половине 1919 г. возглавлял Особую группу МЧК и уголовного розыска по борьбе с бандитизмом, руководил спецгруппой чекистов по ликвидации анархистско-террористического подполья в Самаре. В 1920–1924 гг. руководитель Особой группы ЧК по борьбе с бандитизмом на Украине и в Белоруссии. С 1924 г. начальник Киевского губрозыска и Центророзыска УССР, затем заместитель начальника бандотделения Оперода ОГПУ. С января 1925 г. начальник отделения ЭКУ ОГПУ. В феврале 1925 г. уволился из органов по собственному желанию; работал в МК РКП (б).

852

Трепалов Александр Максимович (1887–1937) – член РСДРП с 1908 г. Участник Первой мировой войны (матрос Балтийского флота). В 1918–1920 гг. начальник Московского УГРО. В 1920 г. представитель ВЧК на Украине. Возглавлял александровскую и екатеринославскую Губчека, работал в Экономическом управлении ГПУ, был ответственным работником ВСНХ и Наркомтяжпрома. Репрессирован.

853

Беленький (наст. – Хацкелевич) Абрам Яковлевич (1883–1941) – член РСДРП с 1902 г. Неоднократно подвергался арестам и высылкам, в 1904 г. эмигрировал во Францию. В 1918–1919 гг. сотрудник Отдела по борьбе с преступлениями по должности. В 1919–1924 гг. начальник охраны В. И. Ленина. В 1921–1922 гг. член Коллегии ВЧК и начальник спецотделения при ее президиуме. В 1922–1928 гг. начальник спецотделения по охране руководителей партии и правительства при Коллегии ГПУ – ОГПУ. В 1930–1936 гг. особоуполноченный при председателе ОГПУ/наркоме внутренних дел СССР. В 1936–1938 гг. помощник особоуполноченного НКВД СССР. Репрессирован.

854

Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Сост. Я. С. Драбкин, Л. Г. Бабиченко, К. К. Ширинья. – М., 1998. – С. 84–85.

855

Там же. – С. 128.

856

Лазоверт Самуэль (1885–1937) – член СДКПиЛ с 1904 г. В 1919 г. член ЦИК Литовско-Белорусской республики. В 1919–1920 гг. член Польского бюро РКП (б). С 1920 г. на партийной работа на Украине. Репрессирован.

857

Славинский (наст. – Кочоровский) Адам (1890–1937) – член РСДРП (б) с 1914 г. Член Минского комитета РСДРП (б), начальник минской милиции. В 1924–1928 гг. – представитель компартии Западной Белоруссии при ИККИ. Репрессирован.

858

Бродовский-Братман Стефан (1880–1937?) – член СДКПиЛ с 1903 г., с 1906 г. – член руководства СДКПиЛ. В 1917–1918 гг. секретарь комитета эмигрантов в Швейцарии. В 1918 г. – сотрудник миссии Я. Берзина в Швейцарии, затем сотрудник НКИД. В 1919–1920 гг. член Польского бюро РКП (б). Затем на дипломатической работе. Репрессирован.

859

Жбиковский Стефан Владиславович (1891–1937) – член РКП (б) с 1918 г. В 1918–1919 гг. на нелегальной работе в Польше, организатор Военного отдела компартии Польши, был арестован. В 1921–1923 гг. работник Военной комиссии ИККИ. В 1923 г. руководитель Военного аппарата КП Германии. В 1923–1927 гг. на разведработе в Германии, Англии и Китае. В 1928–1929 гг. начальник военной школы Коминтерна. Репрессирован.

860

Стомоняков Борис Спиридонов (1882–1941) – участник болгарского и российского рабочего движения. Член РСДРП с 1902 г. В 1920–1925 гг. торговый уполномоченный в Германии. С 1926 г. член Коллегии НКИД СССР. В 1934–1938 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР. Репрессирован.

861

Боев Христо Петашев (1895–1968) – участник болгарского и российского рабочего движения. Активно проявил себя в дни Владайского солдатского восстания в Болгарии (сентябрь 1918 г.). В 1919–1921 гг. секретарь ЦБ Болгарской коммунистической группы, один из организаторов канала связи Одесса – Варна. В 1921–1923 гг. на нелегальной работе в Болгарии. Затем на разведывательной работе по линии РУ РККА и ИККИ. После 1945 г. на руководящей и дипломатической работе в НРБ.

862

Там же. – С. 134, 135.

863

Там же. – С. 105.

864

Кингисепп Виктор Эдуардович (1888–1922) – в революционном движении с 1905 г., член РСДРП (б) с 1906 г. В 1907–1914 гг. занимался революционной деятельностью в Петербурге и Таллине. В 1913–1914 гг. поддерживал связь с Русским бюро ЦК РСДРП, с большевистской фракцией 4-й Государственной думы и с газетой «Правдой». Один из руководителей большевистской организации Эстонии. С октября 1917 г. заместитель председателя ВРК Эстляндского края, организатор Красной гвардии. С 26 октября (8 ноября) 1917 г. член Исполкома Советов Эстляндского края. С марта 1918 г. – в Верховном ревтрибунале и в ВЧК; член Особой следственной комиссии по делу о мятеже левых эсеров, следователь по делу о шпионской организации Р. Локкарта. В ноябре 1918 г. возглавил КП Эстонии. С 1919 г. – в Коминтерне. В мае 1922 г. арестован полицией Эстонского буржуазного правительства, расстрелян по приговору военно-полевого суда.

865

Цит. по: *Зенькович Н. А.* Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина. – М., 1998. – С. 9–10.

866

Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) – член РСДРП (б) с 1917 г. В 1919–1927 гг. член ЦК РКП (б) – ВКП (б). В 1919–1923 гг. председатель СНК Украины. С 1922 г. член ИККИ от КП(б)У. С 1923 г. заместитель наркома иностранных дел, посол в Англии (1923–1925 гг.) и во Франции (1925–1927 гг.). В 1927 г. исключен из ВКП (б). Репрессирован.

867

Цит. по: *Кочик В. Я.* Разведчики и резиденты ГРУ за пределами отчизны. – М., 2004. – С. 375.

868

Карахан (наст. – Караханян) Лев Михайлович (1889–1937) – член РСДРП с 1904 г. С июня 1917 г. член ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов 1-го созыва, с августа – член президиума и секретарь Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. На VI съезде РСДРП (б) вместе с группой «межрайонцев» принят в большевистскую партию. В дни Октябрьского переворота 1917 г. – член Петроградского ВРК. В марте 1918–1920 г. заместитель народного комиссара по иностранным делам. В 1921 г. полпред в Польше, в 1923–1926 гг. полпред в Китае. В 1927–1934 гг. заместитель наркома иностранных дел, затем посол в Турции. Репрессирован.

869

Коминтерн и идея мировой революции. – С. 146, 147.

870

Виленский (Сибиряков) Владимир Дмитриевич (1888–1943) – член РСДРП с 1903 г. В 1908 г. арестован и осужден на 4 года каторжных работ, позже сослан на поселение в Якутию. После Февральской революции – комиссар Временного правительства в Вилюйском округе, председатель Якутского Совета рабочих и солдатских депутатов. На Всесибирском съезде Советов избран в ЦИК Советов Сибири. Весной 1919 г. назначен в Комиссию по сибирским делам Совнаркома, затем – первым полномочным представителем РСФСР на Дальний Восток. В 1927 г. исключен из партии за связь с троцкистами, в 1931 г. – восстановлен. В 1936 г. на VIII съезде Советов избран во ВЦИК от Сибири, с этого же года – политический комиссар Академии Генерального штаба; первый председатель Военно-научного общества. В 1936 г. репрессирован.

871

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 70. Л. 21.

872

Рейх Яков Самуэлович (1886–1956) – в 1905–1906 гг. участник боевой организации анархистов в Варшаве, в 1918 г. сотрудник миссии Я. Берзина в Швейцарии. В 1919–1921 гг. первый руководитель Западноевропейского секретариата ИККИ, представитель ОМС в Берлине, секретарь Контрольной комиссии ИККИ, уполномоченный Малого бюро в Западной Европе. В 1923–1925 гг. издатель немецкой версии журнала «Коммунистический Интернационал». В конце 1920-х гг. отошел от коммунистического движения.

873

Цит. по: *Пятницкий В. И.* Заговор против Сталина. – М., 1998. – С. 252.

Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. – СПб.; М., 2003. – С. 26.

875

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) – кадровый военный, выпускник Александровского военного училища (1914 г.), участник Первой мировой войны. С 1918 г. в Красной армии, с 1918 г. член РКП (б). В 1918–1920 гг. военный комиссар обороны Московского района, командующий 1-й армией Восточного фронта, 8-й армией Южного фронта, 5-й армией Восточного фронта, командующий войсками Кавказского и Западного фронтов. В составе Западного фронта командовал войсками в советско-польской войне 1920 г. Участвовал в ликвидации Кронштадтского мятежа (март 1921 г.) и мятежа в Тамбовском районе (апрель – май 1921 г.). С 1921 г. – начальник Военной академии РККА, затем командующий войсками Западного военного округа. С 1924 г. помощник начальника, в 1925–1928 гг. начальник Штаба РККА. С мая 1928 г. по июнь 1931 г. командующий войсками Ленинградского военного округа. С 1931 г. заместитель председателя РВС СССР, начальник вооружений РККА, с 1934 г. заместитель наркома обороны, с 1936 г. первый заместитель наркома обороны и начальник управления боевой подготовки. С 1935 г. – Маршал Советского Союза. Репрессирован.

876

Эта организация была создана в 1914 г. на польских территориях Российской империи. Поддерживала легионы Ю. Пилсудского, участвовавшие в войне на стороне Австро-Венгрии; действовала против России, а в 1917–1918 гг. – и против Германии. В конце 1918 г. вошла в Войско Польское. На территории Украины существовала до 1921 г.

877

Сташевский (наст. – Гиршфельд) Артур Карлович (1890–1937) – член СДКПиЛ с 1906 г., с 1908 г. – в эмиграции. В 1918 г. вернулся в Россию, окончил Лефортовскую школу краскомов, вступил в РКП (б). С апреля 1920 г. начальник Разведотдела штаба Западного фронта (псевд. – Верховский). В 1921–1925 гг. резидент объединенной резидентуры ИНО ВЧК – ГПУ – ОГПУ и РУ РККА в Берлине (псевд. – Степанов). В 1936–1937 гг. торгпред в Испании. Репрессирован.

878

Бортновский Бронислав Брониславович (1894–1937) – член СДКПиЛ с 1912 г., в 1914 г. арестован и сослан. С начала 1918 г. – член РКП (б), сотрудник ВЧК, секретарь Ф. Дзержинского. Был тяжело ранен при штурме английского посольства. С 1920 г. в РККА, заместитель начальника, начальник Разведотдела штаба Западного фронта. В 1921–1925 гг. в объединенной резидентуре ИНО ВЧК – ГПУ – ОГПУ и РУ РККА в Берлине. Затем в РУ штаба РККА. С 1929 г. в Коминтерне (псевд. – Бронковский). С 1934 г. – руководитель Польско-Прибалтийского секретариата ИККИ. Репрессирован.

879

Фирин Семен Григорьевич (1898–1937) – участник Февральской революции и Октябрьского переворота 1917 г. Член РКП(б) с 1918 г. В 1920 г. руководил партизанско-диверсионной работой в польском тылу. На разведработе в Германии (1921 г.), Болгарии (1922 г.), Франции (1923 г.). С августа 1924 г. – в Германии, возглавлял военный аппарат КПГ. В 1925 г. – в Китае. Работал в РУ РККА (1926–1929 гг.) и ОГПУ – НКВД (1930–1937 гг.). Репрессирован.

880

Коминтерн и идея мировой революции. – С. 174.

881

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / Сост. Г. М. Адибеков, Ж. Г. Адибекова, Л. А. Роговая, К. К. Ширинья. – М., 2004. – С. 53.

882

Там же. – С. 54.

883

Бейко (Бейка) Давид Самуэлович (1885–1946) – член РСДРП с 1903 г. Во время революции 1905–1907 гг. один из руководителей латышских «лесных братьев». В 1907 г. эмигрировал. С августа 1917 г. председатель Центрального бюро профсоюзов в Риге. В 1919–1923 гг. – член Президиума ЦИК Латвии, член ЦК КП Латвии, заместитель председателя Заграничного бюро ЦК КПЛ (с марта 1920 г.). В 1920–1921 гг. – управляющий делами ИККИ, заведующий Секретным (Конспиративным) отделом ИККИ. Затем на партийной и хозяйственной работе. Участник Гражданской войны в Испании. Репрессирован.

884

Гурко (Хурка) Рудольф Игнатьевич (?—?) – немецкий интернационалист. С 1918 г. секретарь Комитета военнопленных социал-демократов интернационалистов в Симбирске. С 1920 г. секретарь ЦБ немецких секций при ЦК РКП (б).

885

Инно Александр Александрович (1887–1938) – кадровый военный, участник Первой мировой войны, штабс-капитан. С 1918 г. – в РККА, с ноября – заведующий Петроградскими финскими пехотными курсами, начальник Интернациональной военной школы, Ленинградской Краснознаменной пехотной школы им. Склянского. С 1928 г. – командир 21-й стрелковой дивизии. С 1936 г. начальник курсов «Выстрел», с ноября 1935 г. комдив. Репрессирован.

886

Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. – Т. 2: 1917–1933 годы. – М., 1997. – С. 10.

887

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934) – в революционном движении с 1895 г., член РСДРП с 1902 г. В 1905 г. член Военной организации при Петербургском комитете РСДРП (б). Подвергся аресту, бежал, эмигрировал. Работал в заграничных организациях РСДРП (б), летом 1917 г. вернулся в Россию. В февральские дни член Бюро военной организации при ЦК РСДРП (б), член редколлегии газет «Солдат» и «Правда», комиссар ВРК в Госбанке. После Октябрьского переворота первый нарком финансов. В 1918–1919 гг. генеральный консул РСФСР в Берлине. В 1919 г. нарком Рабоче-крестьянской инспекции Украины. С конца 1919 г. член Президиума ВЧК, с 1923-го заместитель председателя ОГПУ, в 1926–1934 гг. председатель ОГПУ.

888

Давыдов (наст. – Давтян) Яков Христофорович (1888–1938) – член РСДРП (б) с 1905 г., с 1908 г. в эмиграции, работал вместе с М. М. Литвиновым. В 1918 г. выпущен из немецкой тюрьмы и вернулся в Россию. В 1919–1920 гг. – на Украине. С марта 1920 г. сотрудник НКИД, с декабря 1920 г. первый начальник ИНО. С августа 1921 г. – в НКИД. Посол в Литве (1922 г.), Персии (1927–1929 гг.), Греции (1932–1934 гг.), Польше (1934–1937 гг.). Репрессирован.

889

Там же. – С. 160

Цит. по: *Краскова В. С.* Указ. соч. С. 353–354.

891

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) – член РСДРП (б) с 1904 г. В начале 1905 г. один из руководителей первого Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов. В 1907 г. арестован, в 1909–1910 гг. дважды приговаривался к смертной казни, замененной сначала 10 годами каторги, а затем пожизненной ссылкой. В 1915 г. бежал, под чужой фамилией работал в Читинском переселенческом управлении. В 1916 г. направлен для революционной работы в действующую армию. После Февральской революции 1917 г. начальник народной милиции Минска, член солдатского комитета Западного фронта, член исполкома Минского совета и председатель Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. Участник Октябрьских событий 1917 г. в Петрограде. С августа 1918 г. военный комиссар Ярославского военного округа, с декабря 1918 г. командующий 4-й армией Восточного фронта, с марта 1919 г. – Южной группой (1-я, 4-я, 5-я армии, Туркестанская армия). С июля 1919 г. командующий войсками Восточного фронта. В августе – сентябре 1920 г. командующий Туркестанским фронтом. С сентября 1920 г. командующий Южным фронтом. С декабря 1920 г. по март 1924 г. уполномоченный РВСР на Украине, командующий войсками Украины и Крыма, одновременно член Политбюро ЦК КП(б)У, заместитель председателя СНК УССР (с февраля 1922 г.), заместитель председатель Украинского экономического совета. С марта 1924 г. заместитель председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам, с апреля 1924 г. одновременно начальник Штаба РККА и начальник Военной академии. С конца января 1925 г. председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам, с февраля 1925 г. член СТО. Умер во время операции.

892

Бокий Глеб Иванович (1879–1937) – с 1897 г. член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с 1900 г. член РСДРП. С 1904 г. член Петербургского комитета партии. С марта 1917 г. член Русского бюро ЦК РСДРП (б). С апреля 1917 г. по март 1918 г. секретарь Петроградского комитета РСДРП (б). В дни Октябрьского переворота член Петроградского ВРК. В феврале – марте 1918 г. член Комитета революционной обороны Петрограда, затем председатель Петроградской ЧК. С 1919 г. начальник Особого отдела Восточного, затем Туркестанского фронтов, член Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В 1921–1937 гг. начальник Спецотдела при ВЧК – ГПУ – ОГПУ, спецотдела ГУГБ НКВД, 9-го отдела ГУГБ НКВД; в 1921–1934 гг. член Коллегии ВЧК – ГПУ – ОГПУ. Репрессирован.

893

Фрунзе М. В. Единая военная доктрина и Красная армия // Красная Новь. – 1921. – № 1. – С. 104–105.

894

Мамонтов (наст. – Мамантов) Константин Константинович (1869–1920) – кадровый военный, казак, генерал-лейтенант (с 1919 г.). Выпускник Николаевского кавалерийского училища (1890 г.). Участник Первой мировой войны (командир 6-го Донского казачьего полка). В 1918–1920 гг. командующий 4-м Донским конным корпусом в составе армий П. Н. Краснова и А. И. Деникина. В августе – сентябре 1919 г. возглавлял рейд 4-го Донского конного корпуса по тылам красных войск Южного фронта, о котором идет речь. В ноябре 1919 г. потерпел поражение от С. М. Буденного. За поражение 2 декабря 1919 г. отстранен от командования корпусом. Умер от тифа.

895

Пятницкий (наст. – Таршис) Иосиф Аронович (1882–1938) – член РСДРП с 1898 г. Занимался изданием и распространением партийной литературы, агент «Искры». С 1908–1913 гг. за границей. В 1914 г. арестован и выслан в Енисейскую губернию. С апреля 1917 г. член Московского комитета РСДРП (б). В 1917 г. член Боевого партийного центра, руководившего работой московского ВРК. В 1918–1922 гг. член Исполкома Моссовета и член ВЦИК, одновременно в 1919–1920 гг. председатель профсоюза железнодорожников. В 1920 г. секретарь МК РКП (б). В 1921–1922 гг. заведующий Отделом международной связи ИККИ, в 1922–1935 гг. секретарь Коминтерна, член Оргбюро и Президиума ИККИ. В 1935–1937 гг. заведующий Политико-административным отделом ЦК ВКП (б). Репрессирован.

896

Цит. по: *Пятницкий В. И.* Заговор против Сталина. – М., 1998. – С. 200–201.

897

Бекаури Владимир Иванович (1882–1938) – окончил с отличием Закавказское ж.-д. училище. В 1905 г. сконструировал пушку для защиты демонстрантов. С 1921 г. по распоряжению В. И. Ленина – руководитель Остехбюро. В 1932 г. «за исключительную самоотверженность, энергию и энтузиазм в деле укрепления обороноспособности страны» награжден орденом Красной Звезды. Репрессирован.

898

Цит. по: *Болотин Д. Н.* История советского стрелкового оружия и патронов. – СПб., 1995. – С. 159.

899

Зейбот Арвид Янович (1894–1934) – член СДЛК с 1912 г., с 1916 г. на нелегальном положении, в 1917 г. член Исполкома латышских стрелков. С 1920 г. в военной разведке, временно исполняющий должность начальника Региструпра (1921 г.), начальник и военком РУ РККА (1921–1924 гг.). В 1924–1926 гг. консул в Харбине (псевдоним – Грант). Затем на хозяйственной работе.

900

Цит. по: *Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* Империя ГРУ: Очерки истории военной разведки. – М., 2000. – Кн. 1. – С. 115–116.

901

Ровио Густав Семенович (1887–1938) – участник революции и гражданской войны в Финляндии 1918 г. В 1920–1926 гг. комиссар Интернациональной военной школы. В 1927–1929 гг. ректор Ленинградского филиала КУНМЗ. В 1929–1936 гг. первый секретарь Карельского обкома партии. Репрессирован.

902

Антикайнен Тойво Иванович (1898–1941) – член левого крыла Социал-демократической рабочей партии Финляндии с 1915 г. В 1918 г. секретарь Исполкома рабочего сейма, один из организаторов Красной гвардии. Участник революции и гражданской войны в Финляндии 1918 г., затем курсант Финских пехотных курсов. В 1919–1924 гг. начальник пулеметной команды, комиссар батальона, командир пулеметной роты; преподаватель тактики в Интершколе Коминтерна. С 1923 г. член ЦК, а с 1925 г. член Политбюро ЦК КП Финляндии, работал в условиях подполья. В 1934 г. арестован, приговорен финским судом к пожизненной каторге. При содействии советского правительства в 1940 г. выехал в СССР. Участник Великой Отечественной войны. Погиб в авиакатастрофе.

903

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 263. Лл. 13–15.

904

Настоящее положение отменяет «Положение об Отрядах особого назначения РСФСР», утвержденное ЦК РКП 2 марта 1921 г.

905

Цит. по: *Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* Империя ГРУ: Очерки истории военной разведки. – М., 2000. – Кн. 1. – С. 115–116.

906

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 263. Лл. 61–61 об.

907

Цит. по: *Зенькович Н. А.* Указ. соч. – С. 10.

Там же. – С. 11.

909

На рубеже 1921–1922 гг. была создана токсикологическая лаборатория («Специальный кабинет»), которую курировал лично В. И. Ленин. Ее заведующим был профессор И. Н. Казаков, впоследствии осужденный по делу Бухарина. До 1937 г. лаборатория находилась в составе Всесоюзного института биохимии, затем была передана в ведение НКВД. В 1935 г. токсикологическая лаборатория создана и при Особой группе Я. И. Серебрянского. Исследования проводились также специалистами Всесоюзного института экспериментальной медицины под руководством Г. М. Майрановского, который в 1937 г. перешел с группой сотрудников на работу в НКВД. Продукция возглавляемой им «Лаборатории Х» (химической) применялась в специальных операциях внутри страны и за рубежом, но не в описываемый период, а позднее.

910

Большевистское руководство. Переписка. 1922–1927: Сборник документов / Сост. А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М., 1996. – С. 311.

911

Радек (наст. – Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) – член партии эсеров с 1902 г., РСДРП – с 1903 г., СДКПиЛ – с 1904 г. В 1920–1924 гг. член ИККИ; с 1921 г. входил в Президиум ИККИ, 1923 г. – заведующий Восточным отделом ИККИ. В 1925–1927 гг. ректор КУТК. В 1926 г. исключен из партии как оппозиционер, затем восстановлен, в 1936 г. вновь исключен. Репрессирован.

912

Самсонов-Бабий Тимофей Петрович (1888–1956) – член РКП (б) с 1919 г. С 1918 г. в Красной армии, следователь, затем инструктор военного контроля 3-й армии. С 1919 г. начальник Особого отдела, член Коллегии московской ЧК; начальник Регистрационного управления РВСР. С 1920 г. – начальник Секретно-оперативного отдела, член Коллегии ВЧК, с 1922 г. начальник Секретного отдела ГПУ. В 1927–1941 гг. управляющий делами ЦК ВКП (б), в 1945–1955 гг. заместитель директора Госполитиздата.

913

Ягода Генрих Григорьевич (наст. – Енох Гершонович) (1891–1938) – в 1905–1906 гг. член боевой дружины, с 1907 г. в РСДРП. В органах ВЧК с 1919 г. В 1919–1920 гг. сотрудник Особого отдела ВЧК, в 1921–1922 гг. заместитель начальника указанного отдела, в 1922–1929 гг. начальник Особого отдела ГПУ – ОГПУ, в 1927–1929 гг., начальник СОУ ОГПУ. В 1929–1934 гг. заместитель председателя ОГПУ, в 1934–1936 гг. нарком НКВД. В 1936–1937 гг. нарком связи. Репрессирован.

914

Могилевский Соломон Григорьевич (1885–1925) – член РСДРП с 1902 г. В 1904 г. арестован за революционную деятельность. После выхода из тюрьмы эмигрировал в Швейцарию. С 1916 г. участник Первой мировой войны. После Февральской революции – член Минского комитета РСДРП (б). С октября 1917 г. года работал в органах правопорядка в Иваново-Вознесенске, Москве, Киеве. В 1918 г. член ревтрибунала 12-й армии. В 1919 г. направлен в распоряжение ВЧК. С 1920 г. особоуполномоченный Особого отдела ВЧК. До мая 1922 г. – начальник Иностранного отдела ГПУ (внешняя разведка), затем полномочный представитель ГПУ в Закавказье, председатель Закавказского ГПУ. Руководил разведывательной работой в Турции и Иране. Погиб в авиационной катастрофе, очевидно, подстроенной Л. П. Берией.

915

Трилиссер Меер Абрамович (1883–1940) – член РСДРП с 1901 г., в 1907 г. – руководитель Финляндской военной организации. В том же году осужден к 5 годам каторги, затем сослан на поселение в Сибирь. После Февральской революции 1917 г. на партийной работе в Сибири и на Дальнем Востоке. С августа 1921 г. – начальник закордонной части ИНО ВЧК, одновременно заведующий Дальневосточным отделом ИККИ; член Президиума и кандидат в члены Секретариата ИККИ (псевд. – Москвин), являлся куратором спецслужб Коминтерна. В 1922–1929 гг. начальник ИНО ГПУ – ОГПУ. В 1926–1930 гг. заместитель председателя ОГПУ. В 1930–1934 гг. заместитель наркома РКИ РСФСР, позже – в Комиссии советского контроля. Репрессирован.

916

Сурта Иван Захарович (1893–1937) – в 1920–1926 гг. работал в органах ВЧК – ГПУ. В 1933–1936 гг. нарком здравоохранения БССР, в 1936–1937 гг. президент АН БССР. В 1935–1937 гг. член ЦИК БССР, в 1936–1937 гг. кандидат в члены, член Президиума ЦИК БССР. Репрессирован.

917

Артузов Артур Христофорович (наст. – Фраучи Артур-Евгений-Леонард) (1891–1937) – член РСДРП (б) с 1917 г. В 1918 г. инспектор снабжения на Северо-Восточном участке Восточного фронта, комиссар и начальник отделения органов контрразведки РВСР. В 1919–1922 гг. сотрудник Особого отдела ВЧК, в 1922–1927 гг. начальник КРО ГПУ – ОГПУ, в 1927–1931 гг. помощник начальника СОУ ОГПУ, в 1931–1935 гг. начальник ИНО ОГПУ – НКВД. В 1934–1937 гг. заместитель начальника РУ РККА. Репрессирован.

918

Бартини Роберт Людвигович (наст. – Роберто Орос ди Бартини) (1897–1974) – советский авиаконструктор. Выпускник офицерской школы, в 1917 г. попал в русский плен. В 1920 г. вернулся в Италию, где окончил летную школу и политехнический институт. С 1921 г. член КПИ. В 1923 г. по решению ЦК КПИ нелегально переправлен в СССР. С 1923 г. занимал различные инженерно-командные должности в ВВС РККА, с 1930 г. начальник конструкторского отдела НИИ ГВФ, главный конструктор.

919

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4: 1941–1945 годы. – М., 1999. – С. 316–317.

920

Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов) / Под ред. д-ра ист. наук Р. П. Гришиной. – М., 1996. – Ч. 1. – С. 17–18.

921

Патаки Ференц Владиславович (1891–1944) – участник Первой мировой войны, в 1915–1918 гг. в русском плену, в 1918 г. – председатель исполкома иностранных рабочих в Красноярске. В 1920–1922 гг. – в органах ВЧК – ГПУ, в 1922–1923 гг. начальник войск ГПУ. В 1924–1927 гг. председатель ревизионной комиссии ВСНХ. В 1927–1929 гг. и с 1937 г. – заместитель ректора КУТВ. В 1943 г. направлен в тыл противника. Казнен 4 ноября 1944 г.

922

Апетер Иван Андреевич (1890–1938) – член РСДРП (б) с 1917 г., в 1918 г. – комиссар ВРК при Ставке Верховного главнокомандующего. В органах ВЧК с 1918 г., в декабре 1921 – марте 1922 г. – заместитель начальника ИНО ВЧК. В 1922–1924 гг. начальник Особого отдела Западного фронта, полномочный представитель ГПУ по Западному краю. С 1931 г. – в Минюсте, прокуратуре и ГУЛАГе. Репрессирован.

923

Муклевич Ромуальд Адамович (1890–1938) – член РСДРП (б) с 1906 г. Участник февральских и октябрьских событий 1917 г. С 1918 г. в Красной армии. В 1918–1920 гг. комиссар штаба 16-й армии, штаба Западного фронта; с апреля 1921 г. член РВС Западного фронта. В 1922–1925 гг. комиссар Военной академии РККА. С 1925 г. помощник начальника ВВС РККА. С середины 1926 г. начальник Военно-морских сил СССР, член РВС СССР. С 1931 г. инспектор ВМС РККА. С 1934 г. начальник Главного управления судостроительной промышленности, с конца 1936 г. заместитель наркома оборонной промышленности. Репрессирован.

924

Корк Август Иванович (1887–1937) – кадровый офицер, подполковник царской армии, выпускник Чугуевского пехотного училища (1908 г.) и Академии Генерального штаба (1914 г.). Участник Первой мировой войны. С лета 1918 г. – в Красной армии, служил во Всероглавштабе, затем в штабе 9-й армии. С декабря 1918 г. консультант при наркомвоене Эстляндской трудовой коммуны, с начала 1919 г. начальник штаба Эстляндской армии, затем помощник командующего 7-й армией. В 1921–1935 гг. помощник командующего Вооруженными силами Украины и Крыма, командующий войсками Туркестанского фронта, Кавказской Краснознаменной армии, Белорусского, Ленинградского и Московского военных округов. В 1935–1937 гг. начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе. Член ВКП(б) с 1927 г. Репрессирован.

925

Трушин Георгий Андреевич (1889–1932) – член РСДРП (б) с 1917 г., в органах ВЧК с 1919 г. С 1920 г. – в Особом отделе Южного фронта, с марта 1921 г. – начальник Особого отдела 1-й Конной армии и Северо-Кавказского военного округа. С 1923 г. – на советской работе в Средней Азии.

926

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 25. Д. 1335. Л. 2.

927

Мицкевич-Капсукас (наст. – Мицкявичус) Винцас Семанович (1880–1935) – член СДЛК с 1903 г., с 1917 г. член РСДРП (б). С 1907 г. в тюрьме и ссылке, с 1914 г. в эмиграции. С июня 1917 г. в Петрограде. После Октябрьского переворота 1917 г. комиссар СНК по литовским делам, член Центрального бюро литовских секций при ЦК РСДРП (б) – РКП (б); член ЦК КП Литвы. В 1918–1919 гг. председатель первого Советского правительства Литвы, затем СНК Литовско-Белорусской ССР. В 1920–1921 гг. на подпольной работе в Вильнюсе. В 1923–1935 гг. в Исполкоме Коминтерна; с 1924 г. кандидат, с 1928 г. член ИККИ и нелегальных комиссий. С 1928 г. руководитель Польско-Прибалтийского лендерсекретариата.

928

Гешке Оттомар (1882–1957) – член КПГ с 1919 г., член ЦК КПГ с 1923 г. В 1924–1928 гг. – член Президиума и секретарь ИККИ. С 1933 г. – в гитлеровских концлагерях.

929

Эберлейн Гуго (1882–1941) – член СДПГ с 1906 г., один из основателей «Союза Спартака» и КПГ. В 1923–1925 гг. на нелегальной работе в Германии, затем сотрудник ОМС. В 1934 г. арестован во Франции. С 1935 г. член ИККИ и ИКК. Репрессирован.

930

Прухняк Эдвард (1888–1937) – член СДКПиЛ с 1903 г., член КП Польши с декабря 1918 г. В 1917–1918 гг. – один из организаторов Московской группы СДКПиЛ. Участник октябрьских событий 1917 г. В 1918–1919 гг. – секретарь Военного отдела ЦК КП Польши. В 1920 г. член Временного революционного комитета Польши и Польского бюро ЦК РКП (б). С 1921 г. представитель КП Польши в ИККИ, с 1922 г. член ИККИ, в 1922–1935 гг. референт ИККИ по Польше, Латвии, Литве и Эстонии, с 1928 г. член Президиума ИККИ. Репрессирован.

931

П. Вомпе возглавлял Отдел международной связи с декабря 1922 г. по август 1925 г.

932

Ярославский Емельян Михайлович (наст. – Губельман Миней Израилевич) (1878–1943) – член РСДРП с 1898 г. Участник революций 1905–1907 и 1917 гг. С июля 1917 г. – в Военной организации при МК РСДРП (б), член Московского партийного центра по руководству восстанием, член ВРК, затем комиссар Кремля, а позже – Московского военного округа. В 1919–1922 гг. председатель Пермского губкома, член Сибирского областного бюро ЦК РКП (б), в 1921–1922 и 1939–1943 гг. секретарь ЦК РКП (б) – ВКП (б); член конспиративных комиссий ИККИ. С 1931 г. председатель Всесоюзного общества старых большевиков; член редколлегии основных партийных изданий. С 1939 г. заведующий кафедрой истории ВКП (б) в ВПШ при ЦК ВКП (б) и лекторской группой ЦК.

933

Ваупшасов (наст. – Вайпшас) Станислав Алексеевич (1899–1976) – в РККА с 1918 г.; член ВКП (б) с 1940 г. В 1920–1924 гг. на подпольной работе в Западной Белоруссии и Польше («активная разведка»). По возвращении в СССР работал в органах ОПГУ и НКВД. Организатор партизанской и диверсионной работы в Испании (1937–1939 гг.) и Финляндии (1939–1940 гг.), в период Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза с 1940 г. С 1945 г. на руководящий работе в НКГБ – МГБ. С 1954 г. – на пенсии.

934

Орловский Кирилл Прокофьевич (1895–1968) – участник Первой мировой войны 1914–1918 гг., унтер-офицер. В 1918–1919 гг. командир партизанского отряда, в 1921–1925 гг. на подпольной работе в Западной Белоруссии («активная разведка»). В 1930 г. окончил КУНМЗ им. Мархлевского, затем работал в органах ОГПУ и НКВД по линии «Д». Организатор партизанской и диверсионной работы в Испании (1937–1938 гг.), Китае (1941–1942 гг.) и в период Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.). После ранения, с августа 1943 г. по декабрь 1944 г., в НКГБ Белоруссии. Герой Советского Союза с 1943 г. С января 1945 г. – на хозяйственной работе (председатель колхоза «Рассвет»). Герой Социалистического Труда с 1958 г.

935

Логановский Мечислав Антонович (1895–1938) – член партии эсеров с 1914 г., участник октябрьских событий в Москве, член РКП (б) с 1918 г., выпускник Первых Московских курсов красных командиров. С 1921 г. на разведработе, в 1921–1923 гг. – в Варшаве, в 1923–1925 гг. – в Австрии. В 1925–1927 гг. – руководитель Политотдела и член Коллегии НКИД, в 1927–1931 гг. – советник посольства в Иране, в 1931–1937 гг. – в аппарате НКИД. Репрессирован.

936

Кобецкий (наст. – Баранский) Казимир Станиславович (1894–1937) – член РКП (б) с 1918 г., выпускник Первых Московских курсов красных командиров. В 1919–1921 гг. – в РККА, сотрудник разведотдела Западного фронта (1920 г.). С 1921 г. сотрудник ИНО ВЧК, в 1921–1923 гг. заместитель легального резидента ИНО в Польше, в 1923–1924 гг. – резидент, в 1925–1937 гг. – в центральном аппарате ИНО ОГПУ и ГУГБ НКВД. Репрессирован.

937

Карский (наст. – Краковский) Мечислав Брониславович (1900–1937) – член РСДРП (б) с 1917 г., в РУ РККА с 1918 г. В 1918–1919 гг. разведчик в тылу деникинских войск, в 1920–1921 гг. резидент в Тифлисе, в 1922–1923 гг. разведчик в Литве, в 1923–1925 гг. помощник резидента в Польше. С 1925 г. – на работе в центральном аппарате НКИД, в 1930–1936 гг. полпред в Литве. Репрессирован.

938

Еленский (наст. – Узданский) Стефан Лазаревич (1898–1937) – В Красной гвардии с 1917 г., член РКП (б) с 1918 г., выпускник Военной академии РККА (1923 г.). В РУ РККА с 1922 г., помощник резидента в Польше (1922–1924 гг.) и Австрии (1924–1925 гг.), нелегальный резидент во Франции (1926–1927 гг.), был арестован и осужден. В 1925–1926 гг. и 1935–1937 гг. – работник центрального аппарата РУ. Репрессирован.

939

Беседовский Г. З. На путях к термидору. [Воспоминания]. – М., 1997. – С. 63–66.

940

Агабеков Г. С. Секретный террор. Записки разведчика. – М., 1996. – С. 21–22.

941

Скобелевский Петр Александрович (1897–1939) – прапорщик царской армии, с 1918 г. в Красной армии. С декабря 1922 г. на нелегальной работе в Германии по линии РУ РККА. В 1923–1924 гг. один из руководителей Военной комиссии КПГ. В 1924 г. арестован немецкой полицией, в 1927 г. обменян. Репрессирован.

942

Петерсон Рудольф Августович (1897–1937) – участник Первой мировой войны. С 1918 г. в Красной армии, с 1919 г. член РКП (б). В августе – сентябре 1918 г. начальник связи 5-й армии, в октябре 1918 г. начальник связи Особого отряда, проводившего карательные операции в Тамбовском и Козловском уездах. В августе – октябре 1920 г. член РВС 9-й армии, затем член РВС 6-й армии. С апреля 1920 г. комендант Московского Кремля. С 1936 г. заместитель командующего войсками Харьковского военного округа по тылу. Репрессирован.

943

Кобелев Павел Георгиевич (1894–1940) – член РКП (б) с 1917 г., с 1918 г. командир отряда самокатчиков ВЧК, в 1924–1928 гг. командир Дивизии особого назначения ОГПУ, в 1937 г. начальник войск НКВД Московского округа, с 1938 г. начальник войск НКВД Северо-Кавказского округа. Репрессирован.

944

Джевалтовский Игнатий Людвигович (1888–1925) – штабс-капитан царской армии, член парии эсеров с 1907 г., член РСДРП (б) с 1917 г., комендант Зимнего дворца. В 1919 г. – наркомвоен Украины, затем наркоминдел ДВР. С декабря 1923 г. на работе в ИККИ, представитель Коминтерна в Болгарии. Один из первых «невозвращенцев». Ликвидирован.

945

Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. – Ч. 2. – С. 116.

946

Жигур Ян Матисович (1895–1937) – член РСДРП (б) с 1912 г., участник Первой мировой войны, поручик. В 1918 г. вступил в Красную армию, комдив, в 1923 г. окончил Военную академию РККА, с 1924 г. сотрудник РУ РККА. В декабре 1924 г. – один из руководителей восстания в Эстонии, в 1925–1928 гг. – военный советник в Китае, затем преподаватель в Академии им. М. В. Фрунзе и Академии Генерального штаба. Репрессирован.

947

Салнынь Христофор (Кристап) Интович (1885–1939) – участник революции 1905–1907 гг., боевик, в 1908–1920 гг. – в эмиграции. В 1923 г. – руководитель боевой организации КПГ в Тюрингии, в 1924–1925 гг. – участник партизанской борьбы в Болгарии, в 1926–1929 гг. – резидент и военный советник по диверсионной работе в Китае, в 1936–1937 гг. – военный советник партизанского корпуса в Испании. Репрессирован.

948

Анвельт Ян Янович (1884–1937) – член РСДРП (б) с 1907 г. В 1912–1914 гг. один из организаторов и редакторов большевистской газеты «Кийр» («Луч») в Нарве. В период Февральской революции 1917 г. – председатель Временного ревкома Нарвы и Нарвского совета, член Ревельского и Всеэстляндского комитетов РСДРП (б). С октября 1917 г. член ВРК и председатель исполкома Эстляндского краевого Совета. С февраля 1918 г. военный комиссар Северо-Западной области, с ноября 1918 г. – председатель СНК и нарком по военным делам Эстляндской трудовой коммуны. В 1919–1920 гг. – в Красной армии. В 1921–1925 гг. – на нелегальной работе в Эстонии. В 1926–1929 гг. – комиссар Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. В 1929–1935 гг. заместитель начальника и начальник Главного управления гражданского воздушного флота. В 1935–1937 гг. член и ответственный секретарь ИКК Коминтерна. Репрессирован.

949

Туммельтау Харальд Тынисович (1899–1938) – член РСДРП (б) с 1917 г., организатор Красной гвардии в Эстонии. В 1918–1922 гг. сотрудник РУ РККА. В 1923 г. окончил Военную академию РККА, участвовал в подготовке восстания в Эстонии. В 1925–1932 гг. и 1935–1937 гг. – сотрудник Разведупра, в 1932–1934 гг. военный атташе в Италии. Комбриг. Репрессирован.

950

Аронштам Лазарь Наумович (1896–1938) – член РСДРП (б) с 1915 г. В 1924–1926 гг. на нелегальной работе в Польше; был арестован, в 1928 г. обменян, продолжил службу в Красной армии. В 1934–1937 гг. – заместитель командующего Московским военным округом по политчасти, с мая 1937 г. – член военного совета Приволжского военного округа. Репрессирован.

951

Кравченко Петр Иванович (1896–1937) – участник Первой мировой войны и установления советской власти на Украине. В 1920 г. на подпольной работе в Польше, в 1921 г. арестован. После освобождения в 1924 г. направлен в СССР, где окончил спецкурсы, затем возглавил Волынскую окружную организацию. В 1925 г. эмигрировал в СССР. Репрессирован.

952

Крайц Виктор Иванович (1897–1939) – участник борьбы за советскую власть на Украине. С 1922 г. – на нелегальной работе в Польше, с 1923 г. – секретарь Владимир-Волынского районного комитета КПЗУ, руководил партизанскими отрядами в районе. В 1925 г. арестован и приговорен к пожизненному заключению, умер в тюрьме.

953

Ступ Энцель Соломонович (1897–?) – в 1917 г. вступил в Украинскую галицийскую армию, затем служил в Красной украинской галицийской армии. В 1923–1925 гг. – секретарь Львовской окружной парторганизации. Подвергался арестам в 1925 и 1928 гг. С 1929 г. на подпольной работе в Польше.

954

Нестерович Владимир Степанович (1895–1925) – участник Первой мировой войны, штабс-капитан. Член РСДРП (б) с 1917 г., в Красной армии с 1918 г., начдив 42-й с/д и 9-й к/д. Окончил Военную академию РККА, Высшие академические курсы. С 1924 г. – сотрудник РУ РККА, резидент в Австрии.

Там же. – С. 509–510.

956

Напомним читателям, что после XIV съезда партии, состоявшегося 18–31 декабря 1925 г. в Москве, РКП (б) стала называться ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

957

Товстуха Иван Павлович (1889–1935) – участник революционного движения, в 1909 г. сослан в Сибирь, в 1912 г. бежал (жил в Австро-Венгрии и Франции); член РСДРП (б) с 1913 г. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию. После октябрьских событий работал в центральном штабе Красной гвардии в Москве. В 1918–1920 гг. личный секретарь Сталина, член Коллегии Наркомнаца. В 1921–1924 гг. в аппарате ЦК партии. В 1926–1930 гг. заведующий Секретным отделом ЦК.

958

Поскребышев Александр Николаевич (1891–1965) – член РСДРП (б) с 1917 г. С 1922 г. – в аппарате ЦК РКП (б), в 1923–1924 гг. заведующий Управления делами ЦК РКП (б). С 1924 г. – помощник Сталина, с 1931 г. – его личный секретарь. В 1930–1934 гг. заведующий Секретным отделом ЦК ВКП (б), в 1934–1952 гг. заведующий Особым сектором ЦК ВКП (б), заведующий канцелярией Генсека.

959

Двинский Борис Александрович (1894–1973) – член РКП (б) с 1920 г., с 1921 г. на партийной работе. В 1925 г. переведен в аппарат ЦК ВКП (б), в 1928–1930 гг. – помощник секретаря ЦК ВКП (б), в 1930–1934 гг. – заместитель заведующего Секретным отделом ЦК ВКП (б), в 1934–1937 гг. – заместитель заведующего Особым сектором ЦК ВКП (б).

960

Паукер Карл Викторович (1893–1937) – участник Первой мировой войны, в 1915 г. в чине фельдфебеля попал в русский плен. Член РСДРП (б) с 1917 г. В 1918–1920 гг. сотрудник Самаркандской ЧК, помощник председателя Самаркандского ВРК. В 1920–1923 гг. уполномоченный Особого отдела ВЧК, помощник начальника Спецотделения ВЧК – ГПУ. В 1923–1934 гг. начальник Оперативного отдела СОУ ОГПУ. В 1934–1937 гг. начальник Оперативного отдела ГУГБ НКВД. Репрессирован.

961

Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. – М., 2004. – С. 571.

962

Жухрай В. М. Роковой просчет Гитлера: Крах блицкрига (1939–1941). – М., 2000. – С. 61–62.

963

Вахания В. В. Личная секретная служба И. В. Сталина (стратегическая разведка и контрразведка): Сборник документов. – М., 2004. – С. 5.

Матсон Эйолф (?–1937). В 1925–1928 гг. командир Карельского егерского батальона. В 1931–1935 гг. командир Карельской егерской бригады. Репрессирован.

Это письмо содержало подробные инструкции английским коммунистам о том, как готовить революцию, как „поддерживать Советы“ и переманивать на свою сторону лейбористов – членов правящей партии.

Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. – С. 462.

Агабеков Г. С. Указ. соч. – С. 225.

968

Цит. по: *Рыбас Е.* Алгоритм покушений на Сталина // Российский «Кто есть кто». – 2002. – № 5 (32). – С. 58.

969

Имеется в виду группа «демократического централизма», возникшая в начале 1919 г. и оформившаяся в 1920 г. из остатков фракции «левых коммунистов». Во главе группы стояли В. В. Осинский, Т. В. Сапронов, В. М. Смирнов.

Беседовский Г. Указ. соч. – С. 261.

971

Власик Николай Сидорович (1896–1967) – член РКП (б) и боец Красной армии с 1918 г. В органах ВЧК с 1919 г. В 1926–1929 гг. уполномоченный, старший уполномоченный активного отделения Оперотдела ОГПУ, в 1930–1931 гг. старший оперуполномоченный 2-го отделения Оперотдела. В 1932–1952 гг. начальник охраны Сталина. В 1952 г. арестован и осужден на 10 лет. В 1956 г. помилован со снятием судимости.

Цит. по: *Зенькович Н. А.* Покушения и инсценировки. – С. 219.

Цит. по: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. – М., 1991. – С. 434, 439.

Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. – М., 1994. – С. 194.

Докучаев М. С. Москва. Кремль. Охрана. – М., 1994. – С. 47.

Там же. – С. 47–48.

977

Ежов Николай Иванович (1895–1940) – член РСДРП (б) с 1917 г., с 1917 г. военный комиссар ряда частей РККА, с 1922 г. на партийной работе. В 1934–1939 гг. член Оргбюро ЦК. В 1935–1939 гг. секретарь ЦК ВКП (б), в 1936–1938 гг. нарком внутренних дел СССР (с 1937 г. генеральный комиссар госбезопасности). В 1938–1939 гг. нарком водного транспорта СССР. Репрессирован.

978

Цит. по: *Жирнов Е.* Усердное ничтожество // Коммерсант – Власть. – 2001. – № 26. – С. 62.

979

Старинов Илья Григорьевич (1900–2000) – в Красной армии с июня 1919 г., участник Гражданской войны; член РКП (б) с 1924 г. В 1925–1932 гг. готовил подрывников в Украинском военном округе. В 1932–1933 гг. начальник разведпункта (литера «А») в Тирасполе, готовил партизан-диверсантов. В 1933–1934 гг. на службе в РУ РККА. В 1935 г. окончил Военно-транспортную академию. В 1936–1937 гг. советник при специальном партизанском соединении в Испании. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 гг. В 1941–1945 гг. на боевой работе по линии «Д», полковник. После войны на преподавательской работе.

980

Старинов И. Г. Записки диверсанта. – М., 1997. – С. 20, 23, 26–27.

981

Цит. по: *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. – М., 2000. – С. 63.

982

Якир Иона Эммануилович (1896–1937) – член РСДРП (б) с 1917 г., в РККА с 1918 г. С сентября 1918 г. начальник политуправления Южной завесы, с октября 1918 г. член РВС 8-й армии. С июля 1919 г. начальник 45-й стрелковой дивизии, в августе – сентябре командующий Южной группой войск 12-й армии, с ноября 1919 г. по февраль 1920 г. начальник 45-й стрелковой дивизии. На заключительном этапе Гражданской войны командующий отдельными группами войск Юго-Западного фронта. В 1921–1924 гг. командующий войсками Крымского и Киевского военных районов и Киевского военного округа. В 1924–1925 гг. начальник Главного управления военно-учебных заведений РККА. В 1925–1937 гг. командующий войсками Украинского (Киевского) военного округа. В 1927–1928 гг. слушатель Высшей военной академии германского Генерального штаба. В 1930–1934 гг. член РВС СССР, с 1936-го член Военного совета НКО СССР. Репрессирован.

983

Баар Густав (Август) Иванович (1892–1938) – член РСДРП (б) с 1917 г., в РККА с 1918 г. Участник Гражданской войны. С 1920 г. в органах военной разведки на Украине, в 1923–1933 гг. начальник Разведотдела штаба Украинского ВО. Курировал подготовку диверсантов и партизан. В 1935 г. окончил Особый факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе, в 1935–1938 гг. состоял в распоряжении РУ Штаба РККА. Репрессирован.

Старинов И. Г. Указ. соч. – С. 28–29, 31, 36–38.

985

Триандафиллов Владимир Кириакович (1894–1931) – участник Первой мировой войны, штабс-капитан; с 1918 г. в РККА, член РКП (б) с 1919 г. В 1918–1920 гг. командовал батальоном, полком, стрелковой бригадой на Восточном, Юго-Западном и Южном фронтах. Выпускник Военной академии РККА (1923 г.). В 1923–1931 гг. начальник отдела и начальник Оперативного управления Штаба РККА, командир и комиссар стрелкового корпуса, заместитель начальника Штаба РККА. Погиб в авиакатастрофе.

986

Баранов Петр Ионович (1892–1933) – член РСДРП (б) с 1912 г. С 1915 г. в армии, в 1916 г. за революционную деятельность осужден на 8 лет каторги, освобожден Февральской революцией 1917 г. В 1917 г. член ревкома Румынского фронта, с 1918 г. в РККА. В 1919–1920 гг. член РВС 8-й армии, Южной группы Восточного фронта, Туркестанского фронта, 1-й и 14-й армий. В 1921 г. начальник политотдела Вооруженных сил Украины и Крыма, участник подавления Кронштадтского мятежа. В 1921–1922 гг. член РВС Туркестанского фронта, член Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б). В 1923 г. начальник и комиссар бронесил РККА. С августа 1923 г. заместитель, с декабря 1924 г. начальник ВВС РККА, одновременно в 1925–1931 гг. член РВС СССР. С 1932 г. заместитель наркома тяжелой промышленности и начальник Главного управления авиационной промышленности. Погиб в авиакатастрофе.

987

Минов Леонид Григорьевич (1898–1978) – комбриг, один из организаторов воздушно-десантной службы. В 1926 г. военный атташе в Париже. В 1929 г. по заданию начальника ВВС РККА П. И. Баранова занимался, в частности, закупкой парашютов для нужд военной авиации в Америке, где совершил свои первые прыжки с парашютом.

988

Мошковский Яков Давидович (1905–1939) – один из организаторов парашютного дела, майор. С 1931 г. в Осоавиахиме, в 1933–1938 гг. начальник Высшей парашютной школы. С 1938 г. начальник Спортотдела ЦК Осоавиахима. Участник высадки экспедиции И. Д. Папанина на Северный полюс (1937 г.). Погиб, выполняя показательный прыжок.

989

Гроховский Павел Игнатьевич (1899–1946) – участник Октябрьского переворота и Гражданской войны. В 1925 г. окончил Качинскую авиашколу, в 1929–1931 гг. начальник Конструкторского отдела Управления ВВС РККА, испытатель в НИИ ВВС, в 1932–1934 гг. начальник ОКБ ВВС, в 1934–1937 гг. начальник и главный конструктор Экспериментального института вооружения РККА. В 1942 г. арестован, умер в заключении.

990

Спрогис Артур Карлович (1904–1980) – участник войны в Испании. В 1940 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1941–1942 гг. – один из организаторов партизанской борьбы в Подмосковье и Белоруссии, начальник Школы по подготовке партизан и диверсантов, командиров. В 1943–1944 гг. начальник Латвийского штаба партизанского движения.

991

Гендин Семен Григорьевич (1902–1939) – в РККА с 1918 г., участник Гражданской войны 1918–1920 гг., с 1921 г. в органах ВЧК. С 1925 г. сотрудник КРО ОГПУ, участник операции «Синдикат-2». Начальник 7-го, 9-го и 10-го отделений КРО (1929–1930 гг.), помощник начальника 1-го и 2-го отделений (1931–1933 гг.), начальник 2-го отделения ОО ОГПУ (1933–1934 гг.), начальник 4-го отделения ОО ГУГБ НКВД (1935–1936 гг.). В 1937–1938 гг. и. о. начальника РУ Штаба РККА. Репрессирован.

992

Цит. по: *Боярский В. И.* Партизаны и армия: История утерянных возможностей. – Минск, 2003. – С. 54, 61–62.

993

Серебрянский Яков Исаакович (1892–1956) – в 1907–1922 гг. – член партии эсеров, с 1923 г. член РКП (б). В 1923–1925 гг. на нелегальной работе в Палестине по линии ИНО, в 1925–1928 гг. резидент ИНО в Бельгии и Франции, с 1929 г. – начальник Особой группы, в 1934–1938 гг. – руководитель СГОН. В ноябре 1938 г. арестован, в 1941 г. приговорен к расстрелу, но был амнистирован. В 1941–1945 гг. – руководитель ряда разведдиверсионных операций по линии НКВД и НКГБ. В ноябре 1953 г. вновь арестован, умер на допросе.

994

Сверчевский Кароль (1897–1947) – участник октябрьских событий в Москве, член РКП (б) с 1918 г. Участник Гражданской войны. Выпускник Военной академии им. М. В. Фрунзе (1927 г.). С 1936 г. – в Испании, под именем генерала Вальтера командовал 14-й интернациональной бригадой, затем 35-й интернациональной дивизией. В годы Второй мировой войны способствовал организации Польской армии в СССР. С августа 1944 г. член ЦК Польской рабочей партии, депутат временного парламента – Крайовой Рады Народовой, заместитель и командир Первой и Второй армий Войска Польского. С февраля 1946 г. заместитель министра национальной обороны Польши, с января 1947 г. депутат Законодательного сейма. Убит националистами.

995

Сахновская Мирра Филипповна (1897–1937) – член РКП (б) с 1918 г., участник Гражданской войны, в 1924 г. окончила Военную академию РККА. В 1924–1926 гг. военный советник в Китае, в 1926–1928 гг. – в распоряжении РУ РККА. В 1928 г. обвинена в троцкизме, в 1929 г. восстановлена в ВКП (б). В 1932–1934 гг. начальник спецотдела РУ РККА по подготовке партизан и военных кадров ИККИ. Репрессирована.

996

Старинов И. Г. Указ. соч. – С. 40.

997

Там же. – С. 36

998

Егоров Александр Ильич (1883–1939) – кадровый военный, Маршал Советского Союза (1935 г.). Член РКП (б) с 1918 г. С 1901 г. в армии. В 1905 г. окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Участник Первой мировой войны, в ноябре 1917 г. произведен в полковники. В 1917 г. примыкал к левым эсерам, что впоследствии послужило одним из обвинительных пунктов при аресте в 1938 г. В 1918 г. председатель Центропленбежа, комиссар Всероглавштаба и председатель Высшей аттестационной комиссии по отбору офицеров в Красную армию. Активный участник Гражданской войны. Командующий войсками ряда важнейших направлений и фронтов. С декабря 1920 г. командующий войсками Киевского, с апреля 1921 г. – Петроградского военных округов; с февраля 1922 г. командующий Кавказской Краснознаменной армией, с мая 1924 г. – войсками Украины и Крыма. В 1925–1926 гг. военный атташе в Китае. С 1927 г. командующий войсками Белорусского военного округа. С 1931 г. начальник Штаба РККА, с 1935 г. начальник Генштаба, в 1937–1938 гг. первый заместитель наркома обороны СССР. После ареста весной 1938 г. признал себя участником антисоветского троцкистского военно-фашистского заговора; ему были инкриминированы: шпионаж в пользу Польши и Германии; попытка сорвать сталинский план разгрома деникинских войск (в октябре 1919 г. Егоров командовал войсками Южного фронта, против которого действовали деникинцы); подготовка террористического акта против Сталина в 1920 г.; создание террористической организации правых в РККА в 1928 г. Расстрелян в День Красной армии 23 февраля 1939 г. Реабилитирован посмертно.

999

Патрахальцев Николай Кириллович (1908–1998) – член ВКП (б) с 1931 г. В РККА с 1931 г., в 1932 г. окончил куры комсостава. В 1933–1934 гг. командир взвода и роты, в 1935–1936 гг. командир «сапмасквзвода», в 1937–1938 гг. старший военный советник в Испании, в 1939–1940 гг. заместитель начальника отделения «А» отделов «А» и 5 РУ Генштаба РККА. В 1941–1944 гг. готовил разведдиверсионные группы, в 1944–1945 гг. работал в Югославии.

1000

Цит. по: *Болтунов М. Е.* Диверсанты ГРУ. – М., 2004. – С. 113–114.

1001

Там же. – С. 116–117.

1002

Старинов И. Г. – Указ. соч. – С. 40.

1003

Цит. по: *Боярский В. И.* Указ. соч. – С. 54, 62–63.

1004

Орлов Александр Михайлович (наст. – Фельдбин Лейба Лазаревич) (1895–1973) – в РККА и ВЧК с 1919 г. С 1926 г. сотрудник ИНО ОГПУ, в 1926–1927 гг. резидент в Париже, в 1928–1930 гг. в резидентуре в Берлине. В 1932 г. начальник 7-го отделения ИНО. В 1932–1935 гг. на нелегальной работе в США, Франции, Англии, Италии, Эстонии и Швеции. В 1936–1938 гг. резидент НКВД в Испании. Опасаясь ликвидации, бежал на Запад, умер в США.

1005

Штерн Манфред (1896–1954) – офицер австрийской армии, с 1916 г. в русском плену. С 1918 г. в РККА, член РКП (б) с 1920 г. В 1921–1923 гг. военный советник ЦК КПГ, в 1926 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1927 г. в Китае, в 1930–1931 гг. нелегальный резидент в США, в 1932 г. резидент в Маньчжурии, в 1931–1934 гг. главный военный советник в Китае, в 1935–1936 гг. сотрудник Восточного секретариата ИККИ. В 1936–1937 гг. в руководстве интербригад в Испании, в 1938 г. в ИККИ. Репрессирован, умер в лагере.

1006

Цит. по: *Царев О., Костелло Дж.* Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. – М., 1995. – С. 289.

1007

Марти Андре (1886–1956) – в апреле 1919 г. поднял восстание на французской эскадре в Одессе, до 1923 г. в тюрьме. С 1924 г. – член палаты депутатов от ФКП, с 1931 г. член Политбюро ФКП. С 1932 г. член Президиума ИККИ, в 1936–1938 гг. генеральный секретарь интербригад, 1939–1943 гг. – в ИККИ, в 1944 г. вернулся во Францию (Алжир).

1008

Пожарская С. П., Саплин А. И. Коминтерн и Гражданская война в Испании // История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки. – М., 2002. – С. 130.

1009

Цит. по: *Царев О., Костелло Дж.* Указ. соч. – С. 300–301.

1010

Там же. – С. 302.

1011

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3: 1933–1941 годы. – М., 1997. – С. 136, 137.

1012

Старинов И. Г. Указ. соч. – С. 122.

1013

Цит. по: *Царев О., Костелло Дж.* Указ. соч. – С. 305, 307.

1014

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль: 1930–1950. – М., 1998. – С. 80.

1015

Там же. – С. 81.

1016

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3: 1933–1941 годы – С. 136–137.

1017

Старинов И. Г. Указ. соч. – С. 122–123.

1018

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3: 1933–1941 годы. – С. 134–135.

1019

Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. – С. 302–304.

1020

Слово «саботаж» (от *фр.* sabot – деревянные башмаки) стало нарицательным в XIX в., когда лионские рабочие с помощью сабо портили ткацкие станки.

1021

Леттов-Форбек [П]. Мои воспоминания о Восточной Африке. – М., 1927. – С. 61, 63.

1022

Цит. по: Энциклопедия Третьего рейха / Сост. С. Воропаев. – М., 1996. – С. 219.

Николаи В. Указ. соч. – С. 140.

1024

Соответствует званию капитан.

1025

Йонг Л. де Пятая колонна в Западной Европе. – М., 2004. – С. 23.

1026

Там же. – С. 20.

1027

Военные архивы России. – 1993. – Вып. 1. – С. 340–341. В цитируемых здесь и ниже показаниях Раттенхубера фамилии второстепенных немецких чиновников даются в именительном падеже (например, Фрик, Ламмерс) в соответствии с тогдашней практикой ведения протокола допросов в органах безопасности СССР.

1028

Там же. – С. 341–342.

1029

Там же. – С. 348–349.

1030

Там же. – С. 350.

1031

Там же.

1032

Там же. – С. 350–351.

1033

Там же. – С. 351–352.

1034

Там же. – С. 352.

1035

Там же. – С. 352–353.

1036

Там же. – С. 353.

1037

Там же. – С. 343–344.

1038

Там же. – С. 344–346.

1039

Там же. – С. 346–347.

1040

На самом деле Р. Вагнер родился в Вене, а в Байрёйте был построен оперный театр («Festspielhaus» – букв. «Дом торжественных представлений»), предназначенный для исполнения произведений композитора.

1041

Там же. – С. 347.

1042

Там же. – С. 347–348.

1043

Там же. – С. 356.

1044

Там же.

1045

Там же. – С. 355.

1046

Там же. – С. 354.

1047

Так обозначались отделы: Abt. и далее номер, в данном случае III V.

1048

IV управление РСХА – гестапо.

1049

III и VI управления РСХА – контрразведка и разведка СД.

1050

V управление РСХА – уголовная полиция.

1051

Там же. – С. 356–357.

1052

Там же. – С. 357–358.

1053

Там же. – С. 359–360.

1054

Там же. – С. 360–365.

1055

Там же. – С. 366–367.

1056

Там же. – С. 369–371.

1057

Там же. – С. 371.

1058

Васильчикова М. Берлинский дневник: 1940–1945. – М., 1994. – С. 230.

1059

Там же. – С. 231.

1060

Дуглас Г. Шеф гестапо Генрих Мюллер: Вербовочные беседы. Из секретных досье ЦРУ. – М., 2000. – С. 217–218.

1061

Цит. по: *Безыменский Л. А.* Операция «Миф», или Сколько раз хоронили Гитлера. – М., 1995. – С. 182.

1062

Там же. – С. 183–184.

1063

Цит. по: *Заковский Л.* Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожим до конца! – М., 1937. – С. 4.

Старинов И. Г. Указ. соч. – С. 116–117.

1065

Заковский Л. Указ. соч. – С. 14.

1066

Там же. – С. 17–18.

1067

Пятницкий В. И. Заговор против Сталина. – С. 339.

1068

Сталин И. В. Соч. – Т. 14. – С. 126.

1069

Ветераны в конце XX в. вспоминали, что таких специалистов осталось в живых не более пятидесяти человек.

Судоплатов П. А. Указ. соч. – С. 92–94.

1071

Цит. по: *Логинов В. М.* Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. – М., 2000. – С. 137.

Докучаев М. С. Указ. соч. – С. 119.

1073

Цит. по: Почему Сталин не верил широко известным теперь агентам // Слово. – 2003. – № 3. – С. 111.

1074

Цит. по: Коминтерн и Вторая мировая война / Сост. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский. – М., 1994. – Ч. I. – С. 10–11.

1075

Там же. – С. 72.

1076

Цит. по: *Болтунов М. Е.* Диверсанты ГРУ. – С. 142.

1077

На страже границ Отечества: Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. – М., 2000. – Т. 3. – С. 201, 202.

1078

Бои в Финляндии: Воспоминания участников. – 2-е изд. – М., 1941. – С. 156.

1079

Шюцкор (от *швед*. skyddsker – охранный корпус) – создан в 1921 г. на основе добровольческих отрядов. В 1927 г. объявлен вспомогательной частью национальной обороны. В 1939 г. насчитывал свыше 100 тысяч человек. Распущен в 1944 г.

1080

Цит. по: *Рязанов О. Е.* История снайперского искусства. – М., 2004. – С. 33.

1081

Цит. по: *Соколов Б. В.* Тайны финской войны. – М., 2000. – С. 173, 175.

Судоплатов П. А. Указ. соч. – С. 105.

1083

Там же. – С. 119.

1084

Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы. – М., 1940. – С. 29–30.

1085

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. – М., 1969. – С. 263.

1086

Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. – Т. 4. – С. 18–21.

1087

Судоплатов П. А. Указ. соч. – С. 184–185.

1088

Коминтерн и Вторая мировая война; Ч. II: после 22 июня 1941 г. / Отв. ред. К. М. Андерсон, А. О. Чубарьян. – М., 1998. – С. 4.

1089

Очерки истории российской внешней разведки. – Т. 4. – С. 310.

1090

Боевая работа Коминтерна и Особой группы и IV Управления НКВД – НКГБ во время Великой Отечественной войны описана нами в отдельных книгах.

1091

Арнольд Шнеэ (1897–1944) – член КП Франции (с 1920 г.) и КПГ (с 1923 г.). С 1921 г. – в аппарате КИМ, в 1923–1925 гг. сотрудник Военной организации КПГ, в 1925–1928 гг. референт (инструктор) Орготдела ИККИ. С 1933 г. сотрудник РУ РККА, с 1937 г. резидент РУ РККА во Франции. Во время Второй мировой войны руководитель одной из разведсетей «Красной капеллы». Казнен гитлеровцами.

1092

Радо Шандор (1899–1981) – член КП Венгрии с 1918 г., делегат III конгресса Коминтерна (1921 г.). В 1925–1935 гг. на нелегальной работе по линии ИККИ в Германии и Франции, в 1939–1945 гг. резидент «Красной капеллы» в Швейцарии. В 1945–1954 гг. в заключении в СССР, после освобождения вернулся в Венгрию.

1093

Треппер Леопольд (1904–1982) – член КП Палестины с 1929 г., в 1932–1935 гг. студент КУНМЗ. С 1936 г. на нелегальной работе по линии ИККИ во Франции в Испании, в 1938–1944 гг. резидент «Красной капеллы» в Бельгии и Франции. В 1945–1954 гг. в заключении в СССР, после освобождения эмигрировал в Польшу, затем во Францию и Израиль.

1094

Докучаев М. С. Указ. соч. – С. 61.

1095

Там же. – С. 59.

1096

Как Сталин чуть не уплыл в Турцию: Воспоминания личного телохранителя вождя – Владимира Васильева в записях его сына // Русская Германия. – 23 апреля 2001 (№ 16).

1097

Черчилль У. Вторая мировая война: в 6 т. Т. 5: Кольцо смыкается. – М., 1998. – С. 209–210.

1098

Панцеркнакке – портативный гранатомет; крепился к предплечью и маскировался в рукаве кожаного пальто; выстрел производился с помощью электрозапала и был практически бесшумным.

1099

Цит. по: *Воздвиженский В.* Убить Сталина // Служба безопасности. – 1998. – № 5–6. – С. 14–15.

1100

Как Сталин чуть не уплыл в Турцию: Воспоминания личного телохранителя вождя – Владимира Васильева в записях его сына // Русская Германия. – 23 апреля 2001 (№ 16).

1101

Там же.

1102

Докучаев М. С. Указ. соч. – С. 134.

1103

Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960: Справочник / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – М., 1997. – С. 221–227.

1104

Звездочкой (*) помечены даты, не указанные в тексте, но имеющие значение для понимания отдельных аспектов истории специальных служб.